БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
8

Российская академия наук
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Санкт-Петербург
"НАУКА"
2003

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

ТОМ
8

XIV — первая половина XVI века

Санкт-Петербург
"НАУКА"
2003

УДК 821.161.1
ББК 84Р1
Б 59

Под редакцией

Д. С. ЛИХАЧЕВА, Л. А. ДМИТРИЕВА,
А. А. АЛЕКСЕЕВА, Н. В. ПОНЫРКО

ТП-99-I-202
ISBN 5-02-028362-2 (Т. 8)
ISBN 5-02-028307-X

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIV—XVI ВЕКОВ

Этот том тематически продолжает второй и третий тома настоящего издания, посвященные переводной литературе Киевской Руси, и поэтому имеет смысл еще раз охарактеризовать эту значительную по объему и важности часть репертуара древнерусской книжности.

Приняв христианство, Древняя Русь оказалась перед необходимостью интенсивно освоить обширную христианскую литературу, уже существовавшую у ее единоверцев — в Византии, а также у болгар и сербов, обращенных в христианство столетием ранее. Д. С. Лихачев называл эту общую для южных и восточных славян литературу на едином для них старославянском языке литературой-посредницей.[1] В первые века истории славянской книжности в каждой из национальных литератур к этой литературе-посреднице принадлежало около 90 % репертуара. Она же в свою очередь состояла из переводов с греческого, ибо пришла к славянам из единоверной им православной Византии. В эту литературу входили переводы книг Священного Писания, богослужебных книг, творений отцов Церкви и других византийских богословов и проповедников, житий святых, патериков, хроник и других памятников, без которых не могло ни осуществляться богослужение, ни воспитываться нравственность и формироваться мировоззрение новообращенных христиан. Однако уже в XII—XIII веках к этому обязательному и необходимому репертуару были сделаны дополнения: интерес к истории побудил перевести обширный роман о деяниях Александра Македонского — «Александрию», вошедшую в славянские хронографические своды и поэтому называемую Хронографической, в отличие от Александрии Сербской, о которой речь пойдет ниже. Была переведена книга Иосифа Флавия, в которой повествовалось о взятии Иерусалима римлянами в первом веке нашей эры. Были переведены Повесть об Акире Премудром и

[1] Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 23—41.

Девгениево деяние. Все эти произведения читатели воспринимали в одном ряду, как историческое повествование (хотя таковым являлась лишь «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), ибо возможность вымысла в литературе тогда казалась недопустимой. С такой же верой в достоверность воспринималась и апокрифическая литература, считавшаяся в ряде случаев естественным дополнением к библейскому повествованию. К началу XIII века Древняя Русь обладала обширной переводной литературой, основные памятники которой были изданы во втором, третьем и пятом томах настоящей серии.

Но в XIII веке на Русь обрушилась катастрофа монголо-татарского нашествия. Был нанесен огромный урон и русской культуре — ведь почти все крупные города Руси, за исключением Новгорода и Пскова, были захвачены, разграблены и сожжены. В XIV веке, оправившись от военных потрясений, Русь начинает интенсивно возрождать свои интеллектуальные богатства. Собираются и размножаются в новых списках уцелевшие остатки книжности Киевского периода, увеличивается поток книг, переписанных по заказам из Руси в монастырях Константинополя и Афона.[1] Вновь активизируется освоение богатств византийской христианской литературы через новые переводы с греческого. В конце XIV века все в большей степени растет поток книг с Балкан, что стимулируется и турецкой экспансией: в 1389 году на Косовом поле терпит поражение сербское войско, и Сербия становится турецким вассалом. В конце XIV века турки полностью оккупировали Болгарию. В Московскую Русь устремляются не только рукописи, но перебираются и сами «книжные люди», среди которых были и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет. За счет новых переводов и «трансплантации» рукописей существенно расширяется репертуар древнерусской книжности. Обратимся к переводным памятникам, включенным в настоящий том.

Он открывается так называемой Сербской Александрией. Ее появление на Руси, уже знакомой с Александрией Хронографической, отражает повышенный интерес древнерусских книжников к всемирной истории. Уже на рубеже XIV—XV веков составляется хронографический свод — Троицкий хронограф, в первой половине века создаются редакции Летописца Еллинского и Римского; вторая редакция Летописца представляет собой монументальный хронографический свод, в котором особенно обстоятельно с привлечением новых источников излагалась история Рима и Византии. Входила в Летописец и новая, дополненная, редакция Хронографической Александрии. Но русским книжникам этого показалось недостаточно: была переведена с сербского (откуда и ее

---

[1] См.: Вздорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ*. Л., 1968. Т. XXIII. С. 171—198.

название) еще одна версия Александрии, в которой содержались новые сюжетные мотивы, находившие аналоги в литературных памятниках европейского Предвозрождения: здесь чаще, чем в прежних редакциях Александрии, мы встретим обращение к античной мифологии, вводится рассказ о посещении Александром Трои и его восхищении героями Троянской войны; упоминается царевна Поликсена: обрученная с Ахиллесом, она не хочет и не может его пережить и умирает на могиле героя. Мы найдем здесь и похвалы женской верности, что отражает уже новые представления о чувственной любви, которая в прошлом решительно осуждалась как нечто противопоставляемое благочестию христианина. Характерно, что только в Сербской Александрии подобным же образом поступает и жена Александра — Роксана: после смерти мужа она бросается на его меч и погибает.

Другой новой чертой Сербской Александрии по сравнению с Хронографической является присутствие в ней библейского мотива: Александр не только посещает Иерусалим и почтительно беседует с архиереем, как об этом рассказывается во второй редакции Хронографической Александрии, — теперь Александру покровительствует библейский пророк Иеремия. Он является ему во сне перед битвой с Дарием и призывает молиться Богу, а в другом сне тот же Иеремия поведал Александру о грядущем Страшном Суде и воскресении мертвых. Вообще, размышления о скоротечности и бренности жизни пронизывают все произведение. Исследователь отмечал неслучайность этого мотива: «Трагическая тема Сербской Александрии весьма характерна для литературы позднего средневековья. ⟨...⟩ Ощущение „горького вкуса жизни", предчувствие смерти ⟨...⟩ все это общие черты позднесредневековой культуры».[1] Заметим при этом, что сам интерес к личности и деяниям Александра Македонского характерен и для западноевропейской литературы того времени.

Другой сюжет, также получивший широкое распространение во всех европейских литературах, — история Троянской войны. Впервые с подробным изложением легенд Троянского цикла (правда, не в соответствии с гомеровским эпосом, а в версиях мнимых участников Троянской войны — Диктиса и Дарета) древнерусский читатель мог познакомиться по пятой книге Хроники Иоанна Малалы,[2] но она не получила широкого распространения на Руси. Поэтому по существу Троянский цикл стал известен русскому читателю лишь в XV веке. Во-первых, была переведена византийская хроника Константина Манассии, одна из глав которой содержала подробный рассказ о Троянской войне

---

[1] Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 155.

[2] Древнерусский перевод книги опубликован: Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подг. издания, вступ. статья и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 117—152.

(см.: наст. изд. Т. 9. С. 120—131). Тогда же на Руси стала известна южнославянская повесть на тему Троянского цикла — «Притча о кралех». Древнерусский книжник, составитель Русского хронографа, в начале XVI века составил свою версию рассказа, объединив фрагменты из упомянутой выше главы Хроники Манассии и из «Притчи о кралех». Это новое произведение — «Повесть о создании и попленении Тройском» — публикуется в настоящем томе.

На рубеже XV—XVI веков переводится латинский роман XIII века «Historia destructionis Troiae» («История разрушения Трои») сицилийца Гвидо де Колумна, по предположению И. Н. Голенищева-Кутузова, придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена — императора Священной Римской империи и короля Сицилии. Это типично рыцарский роман, восходящий через французское посредство к сочинениям многих участников Троянской войны — Дареса Фригийца и Диктиса Критянина, в действительности, неизвестных нам по имени авторов III—IV веков н. э. Хотя основное содержание романа — история захвата и разрушения Трои и описание подвигов греческих и троянских героев, здесь большое место занимает и описание любовных коллизий — любви Язона и Медеи, Париса и Елены, Троила и Брисеиды (эти герои становятся популярными по существу лишь в средние века, у Гомера они лишь упомянуты) и наконец — Ахиллеса и Поликсены. Как и Сербская Александрия, Троянская история вводила в круг интересов древнерусского читателя тему земной, чувственной любви. Но значение романа Гвидо прежде всего в том, что он полнее других произведений отражал все легенды Троянского цикла — от похода аргонавтов за золотым руном до описания странствий Одиссея. В настоящий том включен лишь небольшой фрагмент из Троянской истории — первая, вторая и части третьей книги из 35 книг, составляющих «Историю».

Необычным для традиционной древнерусской системы жанров было и появление в конце XV века повести «Стефанит и Ихнилат» — басенного цикла, восходящего через греческое посредство к индийской «Панчатантре». Впрочем, как указывает исследователь и издатель памятника О. П. Лихачева, древнерусский читатель не придавал особого значения беллетристичности произведения, восприняв его как своего рода сборник нравоучительных притч, подобных тем, которые он встречал в святоотеческих сочинениях или сборниках афоризмов (см. подробнее ниже, с. 552—554).

Итак, повествовательные переводные памятники XIV—XVI веков отличает прежде всего напряженная сюжетность — читатель с интересом следит за рискованными поступками Александра, отправляющегося под видом посла к своему врагу Дарию или спускающегося в пещеру мертвых, откуда он может не вернуться. Вероятно, не оставляли равнодушным читателя и рассказы Троянской истории, например, о том, как хитроумные греки сумели обмануть троянцев, и те сами втащили за неприступные стены своего города рокового

коня со спрятанными в его чреве воинами. Благочестивый читатель знакомился с античными языческими мифами, и языческие божества, правда с охранительными эпитетами, встречались ему на страницах псевдоисторических повестей и романов. Необычайно широк был мир, в котором развертывалось действие: Греция и Рим, Египет и Персия, Индия и острова блаженных и вообще неведомые земли на краю ойкумены, где не светит солнце, где обитают диковинные звери, где произрастают говорящие деревья...

Но было бы ошибкой полагать, что в жанровой системе, в самом характере древнерусской литературы произошли кардинальные перемены и что литературу высокую и учительную сменила развлекательная беллетристика. Вспомним, что произведения об Александре Македонском и Троянской войне воспринимались как исторические повествования, и даже при этом Сербская Александрия, например, в XVI веке исчезла из читательского обихода. Если в XV веке, как убедительно доказала исследовательница памятника Е. И. Ванеева, существовало несколько ее списков, то от XVI века не сохранилось ни одного, и только XVII век с его светскими устремлениями поражает нас обилием списков и редакций этого памятника. Троянскому циклу повезло больше: «Повесть о создании и попленении Тройском» вошла в Русский хронограф — памятник чрезвычайно авторитетный и широко распространенный, а полный текст перевода романа Гвидо де Колумна хотя и встречается в списках редко, но зато удостоился быть включенным в Лицевой летописный свод, гигантскую хронографическую компиляцию, созданную в 60—70-х годах XVI века по инициативе Ивана Грозного.

Однако самое главное в другом: исторические (точнее — псевдоисторические) повествования — лишь сравнительно небольшая часть репертуара переводной литературы XIV—XVI веков. Книжники этого времени, как и их предшественники, стремились к расширению своих богословских и философских познаний. Появлялись новые переводы книг Священного Писания, и именно в конце XV века был собран первый полный кодекс библейских книг — Геннадиевская библия, в которую, помимо переводов с греческого, осуществленных у южных славян и на Руси в X—XIV веках, вошли и переводы нескольких книг с латыни. В новых переводах появляются творения Василия Великого, Нила Синайского, Исаака Сирина и других отцов Церкви. Важное место в этом ряду занимает перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, атрибутируемый первому афинскому епископу, ученику апостола Павла, но созданный, однако, как полагают современные исследователи, неизвестным автором в V—VI веках, поэтому говорят обычно о Псевдо-Дионисии Ареопагите. Корпус Ареопагита состоит из четырех книг и десяти посланий. Эти сочинения с комментариями Максима Исповедника (XII век) были переведены с греческого сербом Исайей в 1371 году. Они знакомили читателя с достижениями античной учености, являя собой «органическое соединение христиан-

ской веры с платоническим искусством отвлеченного умозрения».[1] Творения Псевдо-Дионисия были переведены также на армянский, грузинский, сирийский, эфиопский, коптский и латинский языки. На Руси в XV веке уже были известны как южнославянские, так и русские списки. Влияние Ареопагита на развитие русской богословской и философской мысли вплоть до XVII века (к этому последнему периоду относится наибольшее число дошедших до нас списков) было исключительно велико. В настоящий том вошли Предисловие переводчика (Исайи) и книга «О небесной иерархии».

Живо интересовались на Руси тайнами мироздания, географическими сведениями, описаниями животного и растительного мира, видя в многообразии и разнообразии мира свидетельство безграничных возможностей Творца. Восторженно повествует о искусном и премудром Создателе Хроника Константина Манассии (см. там рассказ о сотворении мира — на с. 114—121 девятого тома настоящего издания). Все чаще появляются так называемые «энциклопедические» сборники, содержащие статьи по различным проблемам астрономии, географии, медицины, хронологии. Как нельзя более отвечала этим интересам переведенная в XIV веке «Диоптра» Филиппа Пустынника, фрагменты из которой публикуются ниже. Любопытно, что в содержащемся в «Диоптре» диалоге Души и Плоти именно Плоть объясняет Душе, своей госпоже и властительнице, что она бессильна без Плоти, ибо лишь с ее помощью постигает окружающий мир и только посредством Плоти Душа «материализует» свои помыслы и желания. Тело отвечало Душе и на вопросы, чрезвычайно волновавшие людей средневековья: как могло произойти, что созданные Богом праотцы Адам и Ева все же поддались на ухищрения дьявола и тем самым утратили дарованное им бессмертие, как именно свершится величайшее таинственное событие — воскресение мертвых, как вновь сочетаются бессмертные души с тленными (и уже давно истлевшими!) телами и какой облик примут воскресшие. «Диоптра» содержит наиболее полный для своего времени свод сведений о человеке в его христианской интерпретации.

Судьба души после смерти — вопрос, постоянно задававшийся мыслящими христианами, ибо Библия не давала на него прямого ответа. Не случайно эта тема разрабатывалась в апокрифических легендах. Таковой является и рассказ о посмертных мытарствах Феодоры из византийского Жития Василия Нового, также публикуемый в настоящем томе.

Мы видим, что переводная литература XIV—XVI веков существенно пополнила репертуар древнерусской книжности, открыла новые возможности для богословского и философского осмысления бытия. Она пополнила знания о событиях и героях древности, расширила круг знаний о земле и природе. В

[1] Прохоров Г. М. Корпус сочинений Дионисия Ареопагита // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 491.

это время бурно развивалась и оригинальная отечественная литература: в XIV—XVI веках составляются десятки летописных сводов, слагаются исторические повести, создаются сотни житий и гомилий. Эти века украшают собой имена Епифания Премудрого, Пахомия Серба, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, царя Ивана Васильевича Грозного. Но несмотря на развитие национальной литературы, удельный вес литературы переводной все еще остается весьма значительным. Наглядным свидетельством станут «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, призванные собрать «все книги Четьи», читающиеся и чтимые на Руси. Минеи все же содержат в бóльшей своей части переводные памятники. И это совершенно естественно, так как перед нами средневековая литература, основной задачей которой в то время оставалось утверждение христианского православного мировоззрения и христианской нравственности. А переводная, в значительной своей части святоотеческая, литература в наибольшей степени отвечала этой потребности.

О. В. Творогов

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

XIV—первая половина XVI века

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВѢСТНО САМОДЕРЖЦА, ЦАРЯ ВЕЛИКИЯ МАКЕДОНИЯ, И НАКАЗАНИЕ КО ХРАБРЫМЪ НЫНЕШНЯГО ВРЕМЕНИ. ЧЮДНО ПОСЛУШАТИ, АЩЕ КТО ХОЩЕТЪ

К воинъством устремляющеся полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуду бысть и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася. Подобает же сего чтущимъ разумѣти, и разумевающимъ сего воинъствомъ и добродѣтелемъ уподобитися и смысла да разумѣти елицы.

Бысть же великое Божие промышление создавши собѣ храмъ и сего седмъ утвердивша столпъ.* И в пять тысящ сего стояния, царствующу великаго Рима Таркинию царю,* начальствующу же израильтескими людьми и еврейскому господству от архиерей Иеремѣю пророку,* господствующу восточным странамъ Криксу сыну, Дарию,* обдержащу Индию, Египтом же великимъ обладающу Нектанаву* волхву, царю сущу, тогда Ридийскимъ странамъ* и Македонъской земли и Еладцкими отоки обладающу Филипу, греку сущу и еллину. Родися ему сынъ тогда, и нарече имя ему Александръ, по греческому языку «избранне муж».* Избранъ сей и младъ и красенъ, смиренъ же и благообразенъ ко всѣмъ зрящимъ его. Сеи же ни есть от телеснаго утворения, но о всем виновнаго благимъ великаго Божия промысла. Помагающе же симъ имяше естественое добродѣтелей суть си: непотворно и во языце же непоколебимо имать, имания же вся яко тлѣнная и мимотекущая вменяше, долготерпелив же к согрешающимъ безмѣрно. Сими же четырми добродѣтелми четыремъ вселеньскимъ концемъ царь и самодержецъ назвася. Елико невозможно есть в книзе сей написати, ни на сердце человѣку не взыде, ни во умъ человѣку неподатливу не внидеть. Александровы добродѣтели, душевныя и телесныя, преди рекоша.

Повесть начнемъ о рожении его и о храбрости его. Глаголюще бо быти его сына царя Филипа. Но нѣсть тако, занеже лжа, но египецкаго царя Нектава, великаго волхва, сынъ и Олимпияды, жены Филиповы. Случи же ся сице. Нектанавъ, царь египетцкий, волшебною хитростию и звездочетию египет-

АЛЕКСАНДРИЯ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О САМОДЕРЖЦЕ, ЦАРЕ ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ, И НАСТАВЛЕНИЕ ХРАБРЫМ НЫНЕШНЕГО ВРЕМЕНИ. ЧУДНО ПОСЛУШАТЬ ТЕМ, КТО ХОЧЕТ

К воинству устремляющимся полезно и честно услышать о добродетельном и многоумном муже Александре, великом царе македонском, кто он есть, и как и откуда пришел, и благодаря каким добродетелям стал царем и самодержцем всей вселенной. Подобает же читающим понимать, а понимающим — уподобиться воинству и добродетелям его, смыслу сего внимая.

Создал же великий Божий промысл себе дом и утвердил его на семи столпах. И когда простоял он пять тысяч лет и в великом Риме царствовал Тарквиний-царь, а над израильскими людьми и над еврейской державой начальствовал от первосвященников пророк Иеремия, в восточных же странах господствовал сын Крикса, Дарий, державший во власти Индию, и Египтом великим владел волхв Нектанав, бывший там царем, — в те времена Придийскими странами, и Македонской землей, и Элладскими островами владел грек Филипп, язычник. Родился у него тогда сын, и дал он ему имя Александр, что по-гречески значит «избранный муж». И действительно, он был молод, красив, для всех видящих его был смирен и благообразен. И было это не от телесной природы, но от великого Божия промысла, источника всякой благости. Имел он к этому и естественные добродетели: справедлив, непоколебим был в слове своем, богатства все считал тленными и преходящими, к согрешающим был терпелив безмерно. Благодаря этим четырем добродетелям стал царем и самодержцем над четырьмя концами вселенной. Обо всем этом ни в книге этой невозможно написать, ни в сердце или уме неподатливого человека это не вместится. Итак, о добродетелях Александра, душевных и телесных, мы сказали вначале.

Повесть же начнем о рождении его и о храбрости его. Говорят, что он сын царя Филиппа. Однако это не так, ложь это, ибо сын он египетского царя Нектанава, великого волхва, и Олимпиады, жены Филипповой. Случилось же это так. Нектанав, египетский царь, был силен в чародействе и в египетском

скимъ украшенъ зело. Не бранми, ни ратьми, ни вои, ни оружиемъ противляхуся, но помощницу собѣ имѣя волшебную хитрость, с сею всѣмъ противляяся градомъ. Его бо о сем вси околнии царие недооумѣющеся и стужившеся, совѣтъ сотвориша, глаголюще: «Что сотворимъ лукавому и волшебному сему египецкому князю? Вся бо благая земли нашея богатства волшебнымъ ухищрениемъ веземъ и к своей земли приложи. Мы же сихъ стражуще недоумеваемъ. Но к тому не терпимъ лукаваго сего Аркуса, но вкупе вси собравшеся, на землю египецкую вси устремимся, и Нектанава из царства изгонимъ, и благая своя опять собѣ приимемъ, бесплодну бо ему и без наслѣдия, лукаву бо ему и страшливу, и сама та супротивитца ему египецкая земля». Бяху бо совещавшеся языцы на Нектанава: перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги* и инии восточнии цари и языцы мнози.

Сихъ египецкии краишницы видевъ Верверехъ* многое множество неисчетно, восплакався рече: «О горе тобѣ во градехъ великий Египте! До небесъ вознесеся и до ада снидеши! Руки бо твои быша на всѣхъ и ныне же руки всѣхъ на тобѣ! Сладости бо насытився медовныя, горкаго достиглъ еси яда вкусити!» И тако к Нектанаву устремися. И притекъ, о нашествии ему возвестивъ неисчетное восточнымъ войскомъ. Приступив же к нему рече: «Вѣдомо да ти есть, о царю, яко смертию изменяеши живот свой днесь. Дарий же, перский царь, иже мнитца богомъ, на межу земля твоея прииде со всѣми восточными цари, и ранами ранити имает тебе ради Египетъ. Да совокупи и ты вся воя на брань и прямо имъ устремимся. Ничтоже бо имать успѣти силнеи воисце и храбрымъ витяземъ волшебная чародѣйства; царь на царя, мужъ на мужа, конь на коня обои честь с помощника имуще. Царьство множествомъ людей состоится, якоже море со своими волнами, и тако страшно плавающимъ является». Сие же Верверему к Нектанаву рекшу, посмеявся царь, рече ему: «Ты оубо вѣрную ти службу совершилъ еси. Рать бо множествомъ людей не бывает. но добрыми и храбрыми сердцы. Многажды бо левъ единъ множество стадъ еленей разганяетъ, адинаго волка напрасное скочение многа стада овецъ разгонитъ. Ты оубо на отреченную ти работу отъиди и тѣхъ часто исходи и ко мнѣ вѣсти подавай». И сие рекъ, Верверега посла.

Сам же книги расписа по всѣмъ градомъ и странахъ египецкихъ, готовитися повелѣ и всѣмъ на брань быти и за землю, и за отчину и за царство битися. Но идѣже Богъ не хощетъ, человѣкъ ничтоже можетъ. Царь же в полату вниде волшебную, леканомандию* терти начат волшебную и златую лохань воды наливъ, от *воска* две рати в водѣ сотворивъ, и видевъ свою рать побиваему от перские рати, боги же египецкие виде в корабли варваръскимъ вводящи воиску ... во Египетъ, в недооумѣние впаде и восплакався рече: «О горе тебѣ Египте! На многия лѣта прославися вкупе со царемъ своимъ и во едино лѣто погибе! Нѣсть бо радости, иже не преложится на жалость, ни слава на земле, иже вмале являетъ, а вскоре погибаетъ». Добре рече: «Надѣющеся

искусстве читать по звездам. Не бранями и ратями, не воинами и оружием удерживал он врагов, но имел себе в помощь чародейство и им противостоял всем городам. Поэтому все соседние цари в растерянности пребывая и страхе, собрались на совет, говоря: «Что сделаем с этим коварным волхвом, египетским князем? Все богатства земли нашей с помощью волхвования взял и к своей земле присоединил. А мы страдаем и не знаем, что делать. Но не потерпим больше этого коварного Аргуса, и, собравшись все вместе, на землю Египетскую устремимся, и Нектанава из царства изгоним, и все свое опять себе вернем, ведь бесплоден он, нет у него наследников; ведь коварен он и пуглив, сама Египетская земля будет против него». Совещались же против Нектанава народы: персы, иверы, арапы, кияне, ефиопы, еглаги, и иные восточные цари, и народы многие.

Увидел это неисчислимое множество народов Верверех, египетский краишник, и со слезами сказал: «О горе тебе, великий среди городов Египет! До небес вознесся и до ада снизойдешь! Руки твои были на всех, а ныне руки всех — на тебе! Сладости насытился медовой, горького пришло время вкусить тебе яда!» И устремился к Нектанаву. Прийдя, возвестил ему о нашествии с востока несчетного войска. Приступил к Нектанаву и сказал: «Да будет известно тебе, царь, что на смерть меняешь сегодня жизнь свою. Дарий, персидский царь, что считает себя богом, на границу земли твоей пришел со всеми восточными царями и ранами будет ранить Египет из-за тебя. Собери и ты все войско на битву, и устремимся против них. Ибо не может противостоять сильному войску и храбрым витязям волшебное чародейство; пусть идут царь на царя, муж на мужа, конь на коня — оба имеют помощником свою честь. Царство ведь из множества людей состоит, как и море из волн, и этим страшит плавающих». Когда Верверех сказал это Нектанаву, посмеялся царь и сказал ему: «Ты выполнил порученную тебе службу. Войско же сильно бывает не множеством людей, но крепкими и храбрыми сердцами. Ведь один лев стада оленей разгоняет, и неожиданное нападение одного волка разгонит многие стада овец. Ты же иди к порученной тебе работе и часто о врагах мне вести подавай». И сказав это, Верввереха отослал.

Сам же грамоты во все города и части Египта разослал, веля готовиться к войне и биться за землю, за отечество, за царство. Но где Бог не хочет, человек ничего сделать не может. Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет, — и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибаешь! Ибо нет радости, которая бы не сменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла». Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опи-

волшебной хитрости, подобни суть насланяющимся на воду — егда же опрется, тогда и погрузится и безчестие имяй в себѣ». Царь же Нектанавъ, быти ему во Египте, не могий с тыми братися, жалостию и срамотою объятъ бывъ. Браду же и главу остригъ, в полунощи же изъ царьскихъ домовъ изыде, в далний в Филипус, в Македонъский градъ,* доиде. Никомуже его не знающи, сѣде же ту нѣ в коем мѣсте скровнемъ, врач* же сказовашеся быти и мастер хитрый от египетцких звездочетецъ суще.

Египтяне же о нашедшей на нихъ рати пострадаша много, ко дворомъ царя своего Нектанава притекоша, и сего не обрѣтше, и восплакашася горко. Писание же обретоша на одрѣ его, глаголюще сице: «Любимый мой Египте, зла вашего не могу терпѣти и во ину страну отъидох и по тридесятехъ лѣтехъ паки прииду к вамъ». Сие же написание обрѣтше, египтяне же Нектанава измолевавше во злате, на столпѣ высоце средѣ града Египта поставиша, вручивше ему писание оно, на главу же ему венецъ златъ наложиша. Сами же к Пасидону* потекоша, богу своему, моляхуся о Нектанаве вопрошаху его. Он же во снѣ явлься имъ и рече: «По тридесятехъ лѣтехъ имать приити и меч неуломленъ десницы перской имать приити и заступити и враги ваша перси покорити под ноги ваша».

В Македонии же бывъ великъ Нектанавъ и от македонянъ мняшеся быти великъ врач нарицашеся и волхвъ от нихъ.

Царь же македонъский Филип имяше жену именемъ Алимпияду. И многою скорбию смущаше царьскую славу и богатство, понеже безплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело. И зряше Филипъ, мужъ ея, неплодну, раскидашеся союзъ любве, еже к ней имѣяше. Отходящу же ему на путь, в сердости призва ю и рече ей: «О милыи свѣте очию моею и душе моя, Алимпиядо, яко аще до возвращения моего не будет ти отрочате, нектому очи мои узриши, ни на перси мои любезно возлежеши». И сие рекъ ей, отъиде на войну.

Алимпияда же в скорби и в тузѣ оставши, недоумѣющи, что сотворити. Едина же от отроковицъ ея, видящи ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде нашемъ человѣкъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ, егоже возможно мню быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши». Она же се слышавши, вскоре повелѣ ей призвати его. И пришедшу ему, рече царица к Нектанаву: «О человѣче египтянине, истинна ли есть слышания о тебѣ, яко можеши хитростию своею разрешити сооузъ утробы моея неплодство и силному царю Филипу сердце утвердити и любвѣ своей и безмѣрную жалость на радость претворити. И возмездия от мене благая приимеши и от македонянъ великъ назовешися». Нектанав же сие видевъ и неизреченному сиянию доброте лица ея дивися и очима на ню взирая и главою покивая стоящи. Она же, помышляющи, един ако хотяше вещати, к нему рече: «Что ми труды даеши, человѣче? Аще сия умѣеши,

рающимся на воду, — как только обопрется, сразу и погрузится с бесчестием». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали. Остриг бороду и голову, в полночь ушел из царского дворца и в дальний Филипуст, македонский город, пришел. Никто его там не знал, он поселился тайно в некотором месте, назвавшись врачом и искусным египетским мастером в чтении по звездам.

Египтяне же от напавшего на них войска много пострадали, ко дворцу царя своего Нектанава прибежали и, не найдя его, заплакали горько. На постели его нашли такое писание: «Любимые мои египтяне, бед ваших вынести не в силах, и в иную страну ушел, через тридцать лет вновь приду к вам». Египтяне, найдя это писание, сделали изображение Нектанава из золота и на высоком столпе среди города Египта его поставили, в руку дав ему писание его, а на голову возложили золотой венец. А сами поспешили к Пасидону, богу своему, и о Нектанаве его вопрошали. Он же во сне явился им и сказал: «Через тридцать лет придет, и от меча персидской десницы защитит вас, и врагов ваших — персов — положит под ноги ваши».

Нектанав же в Македонии был знаменит и почитался македонянами как великий врач и волхв.

Македонский царь Филипп имел жену по имени Олимпиада. Многою скорбию смущала она царя, так что царская слава и богатство не радовали его: не было у нее детей, хотя красива она была весьма. Видя ее бесплодие, царь Филипп, муж ее, терял любовь, которую имел к ней. И когда отъезжал он на войну, призвал ее и в сердцах сказал: «О милый свет очей моих и души моей, Олимпиада, если до моего возвращения не будет у тебя ребенка — очей моих больше не увидишь и на грудь мою любезно не ляжешь». И, сказав это, ушел на войну.

Олимпиада, оставшись в печали и скорби, не знала, что делать. Одна из ее отроковиц, видя, что скорбит она из-за бесплодия, сказала Олимпиаде: «Царица, есть в нашем городе человек — египтянин, муж искусный делом и словом, который может, я думаю, все желания сердца твоего исполнить, если только повелишь ему увидеть тебя». Она же, услышав это, велела скорее призвать его. И когда он пришел, говорит царица Нектанаву: «О египтянин, истинно ли то, что я слышала о тебе, — будто искусством своим можешь разрушить бесплодие утробы моей и сердце царя Филиппа утвердить в любви его, безмерную печаль в радость обратив. Вознаграждение богатое от меня получишь и македонянами будешь прославлен». Нектанав же, видя ее, неизреченному сиянию красоты лица ее дивился, стоял, и глядел на нее, и головою кивал. Она же, думая, что хочет он говорить наедине, сказала ему: «Что затрудняешь меня, человек? Если умеешь — действуй, не медли». Он

дѣйствуй, не ликуй». Он же приразився добротою лица ея, устрелен бысть любовию сердца ея. Волховный же чародѣй бысть и ко царицы рече: «Вижь боги с тобою хотят быти, царице, Амона, и Пинеса, и Неркулия* великаго. Да аще сему вход сотвориши, мати великаго царя наречеши себе». Се же слышавши царица возрадовася зело прелестнымъ и волховнымъ его рѣчемъ, яко да чадомъ мати назовешися чающи. Рече ей близъ полаты царевы клѣть сотворити ей малу повелѣ — яко да к ней бога Амона призовет.

Сей же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены. И самъ вниде к ней Нектанавъ во образе Амона. Таков же образъ Амоновъ: глава орля и на ней роги василисковы и опашия аспидова* и ноги аспидовы и лвовы, крила же грипсовы злати и черни. Сицевъ образъ Амонов. Вниде же к ней с мечтаниемъ и пребывъ с нею и паки изыде с мечтаниемъ.

Сею прелестию прелстившися Олимпияда и страхъ сущи в сердцы вземши, въ царскихъ домехъ живетъ. Нектанавъ же приступивъ къ царицы рече ей: «Блажена еси ты в женахъ, Олимпиядо, вселенней царя во чреве приняла еси. Внегда же время рожения твоего придетъ, тогда призови мене к собѣ — елика ти реку, то и сотвори».

Часу же рожения приспѣвшу, приступивъ Нектанавъ къ царицы рече: «Подержи в собѣ, царице, не роди, дондеже благорастворенъ час приидетъ, аще бо в сий час родиши, то раба родиши непотребна человѣкомъ. Но мало пождавши родиши, дондеже небесныя планиты станутъ на ставу, и стихия уставятся, и тогда царя царемъ породиши и велеумна человѣка, великаго Александра».

Месяца марта въ 12 день в час девятый рождьшуся отрочати и излѣзшу паки на свѣтъ, и проплакавъ и рече: «В четыредесятое лѣто паки возвращуся к тобѣ, мати!» Олимпияда же, вземши отроча, ко Дафенеону Аполону* отнесе в церковь, и от того отрочищу благословитися моляшеся. И от книгочиная Аполоновых и волхвовъ искаше увѣдати, каково убо отроча сие хощетъ быти. Волшебною хитростию сии к мудрымъ являшеся Нектанавъ и рече сице, яко отроча сие всей подсолнечной будетъ царь и благостию, и разумомъ, и мудростию великъ явлься. Отца же своего убивъ, по четыредесятому лѣту возвратится к матери своей, к земли.

Филипу же на войсце ему сущу, брани ему тамо много сотворшу и паки к макидоняномъ возвращающуся, явися ему богъ его Амон во сне во образе льва рогомъ златымъ, на немъ руку Александрову нося, глаголя: «Радуйся и веселися, царю Филипе, яко супостата своего победил, а сына Александра повилъ еси, великого нарочита царя суща». Филипъ же от сна возбудився, о видѣнии размышляше, сего к Менадру и Аристотелю исповѣдуетъ, двема македонскома философома. И в той часъ орелъ великъ летѣлъ чересъ шатер царя Филипа, яйце напрасно испусти на крыло Филипово. Филип же ужасесе,

же, пораженный красотою ее, пронзен был любовью в сердце. Будучи же чародеем, говорит царице: «Смотри, царица, боги Амон, Пинес и Неркулий с тобою хотят быть. Если позволишь им войти, матерью великого царя станешь». Услышав его обманные и лукавые слова, царица очень обрадовалась, желая стать матерью. Нектанав же велел ей близ царской палаты сделать клеть малую — чтобы он призвал к ней бога Амона.

И совершил этот обман Нектанав, видя таковую жену, ибо хитер был обращать жен ко всякому падению. И сам вошел к ней Нектанав в образе Амона. А образ Амона таков: голова орла, на ней рога василиска, хвост аспида, ноги аспидовые и львиные, крылья грифона черно-золотые. Таков вид Амона. Вошел к ней Нектанав наваждением и, побыв с нею, наваждением же и вышел.

Обманутая этим Олимпиада, приняв в сердце страх, живет в царских дворцах. Приступил Нектанав к царице и сказал ей: «Блаженна ты в женах, Олимпиада, царя вселенной приняла в чреве своем. Когда же время придет тебе родить, призови меня к себе — что тебе скажу, то и сделай».

И когда наступил час рождения, пришел Нектанав к царице и сказал: «Придержи в себе, царица, не роди, пока не придет благоприятный час, если сейчас родишь, то родишь раба, ненужного людям. Подожди немного — пока небесные планеты расположатся в подобающем порядке и стихии установятся, тогда царя над царями родишь и многоумного человека — великого Александра».

Месяца марта в двенадцатый день, в час девятый родился ребенок, и лишь только появился он на свет, плача сказал: «Через сорок лет возвращусь к тебе, мать!» Олимпиада, взяв дитя, отнесла его в храм к Дафенеону Аполлону, прося благословить дитя. И желали узнать от книжников Аполлоновых и волхвов — каким будет этот ребенок. Волшебным образом явился к мудрым Нектанав и сказал, что дитя это всей вселенной будет царем, велик будет благостию, разумом и мудростью. Отца же своего убьет и в сороковой год возвратится к матери своей, земле.

Когда же Филипп, на войне быв, многие битвы совершил и снова к македонянам возвращался, явился ему бог его Амон во сне в образе льва с золотым рогом и, на руках неся Александра, сказал: «Радуйся и веселись, царь Филипп, так как врага своего победил и сына Александра родил — великого избранного царя». Проснувшись, Филипп об увиденном размышлял и рассказал об этом Менандру и Аристотелю — двум македонским философам. И в это время большой орел пролетел через шатер царя Филиппа и яйцо нечаянно выронил на край его одежды. Филипп испугался и с постели своей вскочил, а

с постели своея скочивъ, и яйце на землю спадше и разбившуся яйцу, змея из него изыде, на вратех же умре. Ту же прилучися премудрый Аристотель и рече: «Поистине, царю Филипе, истинно видил еси в нощь сию».

И в той часъ вѣстницы от Македония приидоша ко царю Филипу и дары ему красны от Алимпияды принесоша, о отрочати возвестиша рождениемъ. Филип же вскоре в Македонию прииде и радости велии исполнився о рождении отрочати. Пришедшу же Филипу во свой градъ, отрочати же его срѣтшу, о семъ царь любезно возрадовася и вселюбезно его приим и целоваше его радуяся, глаголя: «Радуйся, вторый прекрасный Иосифе, вторый храбрый Целюшу,* днесь бо ми даръ свершенъ от Бога исходитъ. Аще ми в сий часъ умрети, обаче смерти не вменю, родив чадо». И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от Бога, вземъ, научи Омировым* писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростем».

Александръ же упражняшеся на учения, «Илияду» и «Очисяю» всю за год изучи и «Органъ великий»* за другии годъ изучивъ. О семъ возненавидѣша его подобнии ему отроцы. Всякая зависть и ненависть почитати добродѣтель и всякому добру нарочиту послѣдует ненависть велика. Рекоша ему отроцы и яко: «Аще бы к Нектанаву волъхву пошелъ бы ты, и онъ бы тебе научил небеснаго круга хожению и часовныхъ хожений хитрости преступления». Сия же слышавъ Александръ, к матери своей рече: «Аще хощеши мене научити, мати, египетцкому мудрецу Нектанаву предай мене на учение. Слышах искусна сущи мастера небесныхъ звѣздъ подвигомъ». Скоро по мастера посла Алимпияда, Александра же предасть ему на учение, рече к нему: «Научи его, мастере, своей хотрости». Тайно рече к нему: «Предай, Нектанаве, своему от своих си. Богатство всяко славно есть, такожде и мудрость похвална есть, аще к требующимъ подѣлуетца». Сие же слышавъ отецъ его Филипъ рече: «Поистине отрокъ сей есть от небеснаго промысла, понеже небесная вещает учения». Нектанав же научи его всей египетцкой хитрости.

Во единъ же от дни в мудрыхъ Аристотель, четыреста дѣтей собравъ, сверстницы Александру, и хотяше нарокъ испытати Александровъ. И перед двема стома Александра постави и Птоломѣя,* нѣкоего уношу, сына суща великаго воеводы Филипова. Филипъ повелѣ во грить* нарядитися, и сразившимся двемя стома дѣтей и бѣ видети зело украшено и, вземше мѣста, предержаху, имже рать творяху; егда же кого окровавляху, и яко побеженъ из боя исхожаше. Александръ же паче всѣхъ преспеваше, супротивных добывъ; от всѣхъ детей прославлен бысть яко царь. И видѣвъ сие, даскалъ его чюдный Аристотелъ дивляшеся, глаголя: «Благочестиву мужю Богъ помогает и врази ему не злобствуютъ. Злочестиву мужу ни ближнии его друзи не могутъ». К нему же рече Аристотелъ: «Господине Александре, аще царь наречешися земный, что мнѣ добро сотвориши, дидаскалу своему?» Он же рече к нему:

яйцо упало на землю, и, когда разбилось яйцо, змея из него выползла, и, когда хотела вползти обратно, умерла. Тут случился премудрый Аристотель и сказал: «Истинно то, что видел ты этой ночью».

И в тот же час пришли вестники из Македонии и прекрасные дары ему от Олимпиады принесли, возвестив о рождении сына. Филипп вскоре в Македонию вернулся, весьма радуясь рождению сына. Когда же пришел Филипп в свой город, дитя его встретило; царь обрадовался, и с любовью его принял, и целовал его, и говорил: «Радуйся, второй прекрасный Иосиф и второй храбрый Ацелеш, сегодня мне дар совершенный от Бога исходит. Если я в сей час умру — то и смерть не страшна, ибо родил дитя». После этого царь Филипп призвал великого Аристотеля, мужа искусного и отличавшегося философской мудростью и в речах и в делах, и сказал ему: «Возьми этого отрока, дарованного мне Богом, и научи его Омировым писаниям и прочим словесным искусствам».

Александр же, успешно занимаясь, «Илиаду» и «Одиссею» всю за год изучил, а «Орган великий» за второй год выучил. Поэтому возненавидели его занимавшиеся вместе с ним отроки. Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая. Сказали ему отроки: «Если бы к Нектанаву-волхву пошел ты, он бы тебя научил движению небесного свода и значению перемены времени». Услышав это, Александр матери своей сказал: «Если хочешь меня научить, мать, — египетскому мудрецу Нектанаву отдай меня для обучения. Слышал я, что он искусен в знаниях о движении небесных звезд». Олимпиада быстро послала за учителем и отдала ему для обучения Александра, сказав: «Научи его, учитель, своему искусству». И тайно сказала ему: «Передай, Нектанав, своему от своих. Всякое богатство славно и мудрость похвальна, если взыскующим уделяют от себя». Услышав обо всем этом, отец его Филипп сказал: «Поистине отрок этот — от небесного промысла, ибо о небесном говорит учении». Нектанав же научил его всей египетской мудрости.

В один же из дней мудрый Аристотель собрал четыреста юношей — сверстников Александра, желая испытать судьбу Александра. И над двумястами поставил во главе Александра, а во главе других двухсот Птоломея, некоего юношу, сына великого воеводы Филиппова. Филипп повелел им снарядиться, и весьма красивое было зрелище, когда они стали сражаться: заняв места, удерживали их, на которых сражались; если кого-то ранили до крови, тот выходил из боя как побежденный. Александр же всех превзошел, противников захватив; всеми юношами был прославлен как царь. Видя это, учитель его, чудный Аристотель, удивлялся, говоря: «Благочестивому мужу Бог помогает, и враги ему не вредят, а злочестивому мужу ни ближние его, ни друзья не могут помочь». И сказал Аристотель: «Господин Александр, если станешь царем земным, что мне доброго сделаешь, учителю своему?» Он же сказал ему:

«Велеумну мужу не подобает прежде дания обѣщаватися. Да аще вознесуся, ты со мною великъ будеши зѣло: лоза бо не прилепляется далних древъ, аще высока суть, но ближнихъ прилепляетца, аще и мала суть. Такожеде и царь, великия власти по достоянию, присных же вѣрует и любитъ во вѣки».

Обычай же бѣ Александру до обѣда ко Аристотелю ходити на учение, по обѣде же к вечеру к Нектанаву ходити на учение волшебной хитрости. От него же изучи хожения 12 небесных живинъ и седмих планит, Солнца, Луну, Завес Акинтос,* Кроносъ,* Фровити,* Ерьраси,* яже на згедосе писана бяху по своему подобию. Видѣв же вся Александръ к дидаскалу своему рече: «Возвести ми, о учителю, како великаго Божия промысла тваремъ знахоря сотвори тя?» Онъ же к нему рече: «Богъ же великий недовѣдомый и неизслѣдимый и непостижимый, промыслив сый недомыслено никако, имиже судбами онъ вѣсть, человѣческому объяви роду, яко да содѣтель о твари своей и познаваетца». Александр же гнѣвомъ рече: «Вся сый виде, о Нектанаве! Смерть свою знаеши ли какова хощет быти?» Нектанавъ же рече к нему якоже: «Вѣдаю, научяютъ насъ звѣздная течения, яко от чада моего хощу убиенъ быти». Сего же Александръ невѣрнымъ быти мнѣвъ и рину его с великия горы Геотцкаго камени близъ царьскаго судища. Александръ рече: «Вѣмъ глаголи, мастере, погрешилъ еси». Нектанаву же долу летящу нудно, но некако глас свой испусти и рече: «Не утаился еси, сыну мой, Александре, сего ни единому свѣдущу, токмо матери твоей, царицы Алемпияде и тобѣ днесь увѣдавшу. Аз же, сыну мой Александре, к темному отхожу аду, в долнийшая земли сущи доле, идѣже предани суть вси еллиньстии бози от великаго Бога Саваофа». И сие рекъ издше египетцкий царь Нектанавъ. Сия же слышавъ Александръ раскаявся немало, на рамо свое въземъ, ко Алимпияде матери своей отнесе. Олимпияда же о сем видѣвши, ужасеся и ко Александру рече: «Что се сия бысть?» Онъ же рече к ней: «Возвести ми, мати моя, о семъ, аще воистинну отецъ мнѣ сей бысть». Она же вся си сказоваше ему истинну. Александръ же велми прослезився о немъ и с честию повелѣ его вкопати.

В той же часъ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадех твоих конь чюден явилъся есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волуя же глава* на десной его бедрѣ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот* единъ». Филип же повелѣ его привести. И сего красотѣ подивися царь и повелѣ сотворити ему клѣть желѣзну и повинныхъ вметати повелѣ к нему. Сему же бывшу, никто х коню тому приступити смѣяше. Александръ же приходя к нему часто; конь же всяку отметая ярость, тихо ко Александру трепеташе повиновением ко царю своему и всаднику. Единою же прозоромъ за ухо емъ, с тихостию послѣдоваше ему яко юнецъ яремник повиновениемъ. Видѣвъ Александръ его тихость замокъ отломивъ и вниде к нему и сего оседлав, всѣде на него, на конское урыскание поѣхавъ. Витяземъ же тогда македонъскимъ на конское урыскание текущим, царь же Филипъ с

«Многоумному мужу не подобает прежде, чем дать, обещать. Если же вознесусь, и ты со мною велик будешь: лоза ведь не прилепляется к дальним деревьям, хотя они и высоки, но к ближним, хотя и малы они. Так же и царь, великих чтит по достоинству их, присным же верит и любит вовеки».

Обычай был у Александра — до обеда к Аристотелю ходить на учение, а после обеда, к вечеру, к Нектанаву — учиться волшебной мудрости. У него изучил он движение двенадцати небесных животных и семи планет — Солнца, Луны, Завеса Акинтоса, Кроноса, Фровити, Ерьрасия, — они были изображены на таблице в должном порядке. Видя все это, Александр учителю своему сказал: «Скажи мне, учитель, как ты достиг знания великого Божия промысла о существах сотворенных?» Он же ему ответил: «Бог великий, непознаваемый, непонимаемый, непостижимый, промысливший все, немыслим никак, ему ведомыми путями явил себя человеческому роду, так что как создатель созданием своим и познается». Александр же с гневом сказал: «Все ты знаешь, о Нектанав! Смерть твоя, знаешь ли, какова будет?» Нектанав же сказал ему: «Знаю из движения звезд, что сыном своим убит буду». Александр же счел это неверным и сбросил его с большой горы — с Геотской скалы, недалеко от царского судилища, говоря: «Видишь, мастер, ошибся ты». Нектанав же, падая вниз, едва успел вымолвить: «Не осталось для тебя тайной, сын мой Александр, об этом никто не знает, кроме матери твоей Олимпиады, и тебя, сегодня узнавшего. А я, сын мой Александр, к темному отхожу аду, в нижайшие места земли, где помещены все эллинские боги великим Богом Саваофом». И, сказав это, умер египетский царь Нектанав. Услышав это, Александр весьма раскаялся, на плечо свое его взял и к Олимпиаде, матери своей, отнес. Олимпиада, увидев, ужаснулась и Александру сказала: «Что это?» Он же ей сказал: «Скажи мне, мать моя, правда ли, что он отец мне?» Она же сказала ему всю правду. Александр много плакал о Нектанаве и с честию повелел его похоронить.

В то время вестник пришел к царю Филиппу и сказал: «Да будет тебе, царь, известно, что в стадах твоих появился удивительный конь, который красотою среди других коней выделяется. На правом бедре его — воловья голова с рогами, и рог меж ушами вырос с локоть». Филипп же повелел его привести. И его красоте удивился царь, и повелел сделать ему клетку железную, и преступников к нему бросать. И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник. Видя его кротость, Александр замок сломал, и вошел к нему, и, оседлав, сел на него, и отправился на конное состязание. Витязи македонские на то же состязание ехали, и царь Филипп

высокие полаты глядаше и сматряше коегождо храбра течения и лѣпо на конѣ седѣние. И сему сице бывшу, и се Александръ на вологлавомъ кони внезапу въѣхавъ, македоньстии же конницы с коней ссѣдоша, яко царю поклонишася, дивляхуся, зряще мастерское сѣдѣние на вологлавомъ кони. К потечищу же поѣхавъ, изрядно паче всѣхъ витязевъ потече и твердосилну коню устави с нужею. И на 4 изворѣчь градъ созда и нарече имя ему Драмъ, сии рѣчъ потечище. И сему царь Филипъ подивися, иже ненаукомъ коний отрока того потечение, и видѣвъ рече: «О горе приближающимся македонским предѣломъ, иже поостримъ мечя Александру и попрани будутъ и падутъ от македонянъ». И по сем яве рече, яко: «Подобие Раклия витязя* видех днесь на вологлавомъ кони текуща».

От того же дни собра царь Филипъ тысящю юнощъ Александру сверсныхъ, предавъ, глаголя: «С нимъ ловите и к воиству искушайтеся, вкупе же и стреляити».

Во Алимпиятцких странахъ* двѣ колѣсѣ сотворена бѣста близъ сущи Дафенеона и Аполона,* и на тѣхъ колесех витязи восходяще от елинскаго ухищрения, который собѣ нарокъ пытаху себѣ. Сие же Александръ слышавъ, вожделѣвъ тамо поити, Филипу сие возвестивъ. И не пущаше его, глаголя: «Не подобает ти, сыну Александре, на олимбиядстемъ колесѣ венчатися, юну сущу. Но обаче волю не творю, но с радостию, сыну мой, поиди велми укрепляемъ». И тогда Александр потребная собѣ от царя Филипа, отца своего, — витязей искусных и добротеченныя коня и всякую честь царские потребы — во Алимпиядьтцкие отоки вниде. Ту бо 4 игры елиномъ бяху.

Ту же Александръ пришедъ с неглиторъскими витезми* поручи братися, с Лаоламбадаушемъ и с Калестенаушемъ, онъ же с воеводою своимъ Птоломѣемъ. И тогда двема завертѣвшимася колома, 4 стекошася витязи и ударившимся им, Александр же Калестенауша убивъ, Птоломѣй же Лаолабауша сорва. Людие града того зряще, елико бо болѣи не помнѣшася быти двое оружнии красно являшеся. И ту стоя филосовъ нѣкии именемъ Фруние* рече: «Мудрость и храбрость не многолѣтиемъ, но твердыми и добрыми сердцы». И вопроси филосов, кто и откуду есть Александръ. Симъ же рекшим: «Македонскаго царя сынъ». Филосов же рече, яко: «Слышахъ от учитель глаголющи, яко востати царь имает от Македонии, изыти мечю от Филипова града и той поразит все земли западныя и сокрушит вся царя восточныя». И рече: «Егда ты еси хотяй приити, милостивъ буди нашему граду, сын Филиповъ». О сих же Александръ посмеявся рече: «Не мое се хотѣние, философе, но вышнему промыслу содѣвающу».

И сие рек, в Македонию отиде и пришедъ обрѣте Филипа царя, отца своего, Олимъпияду пустившу, матерь его, иную же вмѣсто ея вземъшу и на браку яко жениху веселящуся. К Филипу же Александръ приспѣ, яко победоносец в полату вшедъ. Отецъ же с радостию и любовию срѣте его и

с высоких палат на них глядел, любуясь храбрым видом и красивой посадкой на коне каждого из них. И когда это происходило, вдруг на вологлавом коне выехал Александр. Македонские же конники с коней сошли и, как царю, ему поклонились, дивясь тому, как ловко сидит он на вологлавом коне. На ипподроме он лучше всех витязей проехал и крепкого, сильного коня с трудом остановил. И на четырех источниках город создал, и дал ему имя Драм, что значит «место для бега». Царь же Филипп удивился езде отрока на необъезженном коне и, видя это, сказал: «О горе приближающимся к македонским границам, ибо острым мечом Александра побеждены будут и падут от македонян». И потом громко сказал: «Сегодня увидел я подобие Ираклия-витязя, едущего на вологлавом коне».

После того дня собрал царь Филипп тысячу юношей, сверстников Александра, и, передав их Александру, сказал: «С ним охотьтесь и к воинскому делу привыкайте, вместе и стреляйте».

В Олимпиадских странах были сделаны две колесницы, недалеко от Дафенеона и Аполлона, восходя на те колесницы, витязи в эллинском искусстве судьбу свою испытывали. Услышав об этом, Александр пожелал туда пойти. И сказал он об этом Филиппу. Но тот не отпускал его, говоря: «Не подобает тебе, сын Александр, на олимпиадской колеснице венок получать, ибо юн ты. Однако не настаиваю, но с радостию, сын мой, иди, ободряемый». И тогда Александр, нужное себе у царя Филиппа, отца своего, взяв — витязей искусных, и быстрых коней, и все потребное для царской чести, — в Олимпиадские острова отправился. Тут были у эллинов четыре игры.

Когда Александр пришел туда, с неглиторскими витязями выпало ему состязаться — с Лаомбадаушем и с Калестенаушем, — вместе с воеводою своим Птоломеем. И когда помчались обе колесницы, и четыре витязя сблизились, и ударили друг по другу, Александр Калестенауша убил, а Птоломей сбросил Лаомбадауша. Люди города того, смотревшие на это, не помнили, чтобы перед ними когда-либо явились два столь прекрасных воина. И стоявший тут некий философ по имени Фруние сказал: «Мудрость и храбрость приобретаются не многолетием, но твердым и благородным сердцем». И спросил философ, кто и откуда Александр. Ему же ответили: «Македонского царя сын». Философ же сказал: «Слышал я от учителей, что восстанет царь из Македонии, поднимется меч от Филиппова города и он поразит все земли западные и сокрушит всех царей восточных». И добавил: «Когда ты придешь, милостив будь к нашему городу, сын Филиппов». Посмеялся над этим Александр и ответил: «Не мое это желание, философ, но действие высшего промысла».

И, сказав это, пошел в Македонию, и, придя, узнал, что отец его царь Филипп его мать Олимпиаду прогнал, а иную вместо нее взял и на браке как жених веселится. Александр вошел во дворец к Филиппу, прославляемый как победитель. Отец с радостью и любовью встретил его и посадил с собою

с собою на трапезе посади. В раскаянии же бывъ, о семъ поникъ седяше. Наставивый же его Олимпияду пустити, а иную поняти за себе, приступль же к Филипу, рече: «Веселися, царю, болшую первыя взял еси — первая бо блудница бяше, сия же целомудренна есть». Сие же слышавъ, Александръ ярости исполнився, рече: «Не быти тому, отче Филипе, мнѣ живу сущу». Сам же яко левъ рыкнувъ, с престола скочивъ, столъ же мало приимъ, 3 убивъ, инии же не хотяще ис полаты скакаху. Сие же Филипъ видѣвъ, во ужасе быв и страсе велице. Олимпияду на царьство возвративъ, прочюю же во своя си отпусти.

Сему же тако бывшу, в немощъ велику впадъ царь Филипъ. Слышав же сиверная страна кумане,* пятсотъ тысящъ собравшеся на Македонию приидоша. И сие Филипу царю возвестиша. Филипъ же в скорбъ велику впадъ, Александра повелѣ призвати к себѣ и рече: «О любимый мой сыну Александре, се время пришло есть битися за отеческую землю». Веземъ воиско на бой устремися, македонские воиски яко 4 тысящи с нимъ. Сам же войску куманску исходивъ и сихъ неурадно видѣвъ стоящих; в нощи же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложити повелѣ и трубамъ многогласным ударити повелѣ и пушками бити около их повелѣ. Сие же кумане видѣвше, ненадѣемо убояшася и начаша бежати, с полунощи бежавшим имъ и до солнечнаго течения и замесившеся вкупе македоняне и кумане. Убиено бысть от куман 8 тысящъ, от македонян же 2 тясящи убиено бысть. Александръ же во слѣдъ ихъ три дни и три нощи за ними гнаше и уби от нихъ 108 тысящъ. Коней же множество и оружия от них приятъ, яко победоносецъ ко отцу возвратися и с собою десят тысячъ куманъ приведе живых и сих предъ царемъ Филипом поставити повелѣ и предъ всѣми людми македоняны речѣ: «Видите ли, друзи, яко Божий промыслъ предаде вы в руки македоньскии и мечь вашъ наострися на македонянъ и ныне притупися, царя же вашего убивъ, Атламеша, и вас живых ухватих. Да аще хощете живот свой купити и землю вашу к моей примесити и воедино с македоняны быти?» Они же рекоша: «Кралю Александре, отколе Богъ помогаетъ тебѣ, поготову мы вѣдаемъ тебѣ помогати. Коли царя нашего убилъ еси, Атламыша, мы, господине, твои есмы, постави намъ царя и насъ в землю нашу отпусти». Сих Александръ увѣривъ и постави имъ царя братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию. И сих куман с честию отпусти.

Сему же бывшу сице, Анаксархоносъ никто, пелапоньский царь,* слышав нашествие куманско на Македонию, сотвори ухищрение сицево. Никогда ему минувшу мимо Македонию, и честь ему царь Филип воздавъ, и дары многи, и с честию его полюби и отпусти. Царь же Анаксархоносъ устреленъ бывъ лѣпотою жены Филиповы въ сердце, отай к ней любовъ имѣяше въ сердцы своем. И се вѣдущи Соломонъ рече: «Человѣче, не буди уязвен лѣпотою чюжие жены, яко твою жену не видиши уязвену». Нашествие же Македонию ставшеся,

на пиру; сам же, раскаиваясь, сидел, склонив голову. А тот, что посоветовал ему Олимпиаду отпустить, а иную взять за себя, приступив к Филиппу, сказал: «Веселись, царь, лучшую, чем первая, взял ты, — ибо первая блудница была, эта же целомудренна». Услышав это, Александр ярости исполнился и сказал: «Не быть этому, отец Филипп, пока я жив». Рыкнул, как лев, с престола вскочил и, стол малый схватив, троих убил, а другим пришлось бежать. Видя это, Филипп в ужасе был и в страхе великом, возвратил Олимпиаду на царство, а другую отправил восвояси.

После того как это случилось, в немощь великую впал царь Филипп. Узнав об этом, северный народ, кумане, пятьсот тысяч собрались и пришли к Македонии. Царю Филиппу об этом сообщили. Филипп, опечалившись, Александра велел призвать к себе и сказал: «О любимый мой сын Александр, пришло время постоять за отеческую землю». Взяв войско, Александр устремился на бой, македонского же войска с ним было четыре тысячи. Сам он куманское войско разведал и увидел, что враги стоят в беспорядке; ночью с воинами пришел, и повелел огня много вокруг зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять. Увидев это, кумане от неожиданности испугались и побежали, и с полуночи бежали они до солнечного восхода, смешались вместе македонцы и кумане. Убито было куман восемь тысяч, македонян же — две тысячи. Александр преследовал их три дня и три ночи и убил их сто восемь тысяч. Взяв коней множество и оружия, победителем к отцу возвратился, приведя с собою десять тысяч пленных, и их пред царем Филиппом поставить повелел, и перед всеми людьми македонскими сказал: «Видите, друзья, Божий промысл предал вас в руки македонские, меч ваш наострился против македонян, а ныне притупился, царя же вашего, Атламеша, я убил, а вас в плен взял. Хотите ли жизнь свою сохранить и, землю вашу с моей соединив, заодно с македонянами быть?» Они же сказали: «Король Александр, если Бог помогает тебе, то и мы готовы тебе помогать. Поскольку царя нашего убил Атламеша, мы, господин, твои, поставь нам царя и нас в землю нашу отпусти». Заключив с ними мир, Александр поставил им царем любимого брата своего именем Ванцатура, малого телом, но великого храбростью. И куман с честию отпустил.

И когда это случилось, некто Анаксархонос, пелапонский царь, узнав про куманское нашествие на Македонию, предпринял такое злое дело. Некогда, когда он проходил мимо Македонии, честь ему царь Филипп воздал, и дары дал многие, и с почетом его отпустил. Царь же Анаксархонос, пораженный красотою жены Филипповой, с тех пор к ней любовь имел в сердце своем. Всеведущий Соломон сказал: «Человек, не уязвляйся красотою чужой жены, чтобы свою жену не увидеть уязвленной». Когда же произошло нашествие на Македонию,

12 тысящъ войска собравъ, к Филипу царю прииде, лукавствие свое скрывает, Олимбияду искаше восхитити. И видѣвъ же его пришествие царь Филип, радостенъ бывъ. Слышав же Филипъ во стрѣтение его изыде со Алимбиядою. Видѣвъ же Анаксархоносъ, восхитивъ ю, побѣже, Филипъ же за ним вмале гоняше. Бяше же ту Александръ приспѣлъ, Анаксархоносову постиже войску, Филипа же урвана обрѣте и по главѣ сѣчена и по десной нозѣ. Се бо мало поминув, Олимпияду, матерь свою, отнял, с осмию тысящами вои Анаксархоноса постиже на мѣсте нарицаемем Змиски; разбивъ войско и самого жива ухвати, приведе ко отцу своему Филипу. Филипа же обрѣте одва дышуща. «Востани, — рече, — о царю Филипе, врагу своему стани на горле и отомстися рукою своею». Филип же едва воставъ и взем мечъ рукама своима и заклавъ его. «Жалость дому моего снѣсть мя. Иди, душе моя, с нечестивыми во адъ». И се рекъ, Александра благослови, глаголя: «Сыну Александре, руки всѣхъ на тобѣ и твои на всѣхъ». И се рекъ, умре царь македонский Филипъ; и ту стоящии рекоша: «Да когда будет противитися Александру?» Алимпияда же ту стояще плакашеся. Филипа на злате столѣ положиша, во градъ отнесоша, с плачемъ велицем сего погребоша в церькви с честию.

Александръ же, сын его, самовластен назвася, грамоты по всѣмъ градомъ земли своея посла, всякому к Филипу* собратися повелѣ. Собравшим же ся всѣмъ македоняномъ и всѣмъ малым же и великимъ, к сим же Александръ рече: «О друзи мои и братия моя и милии мои паче всѣхъ македоняне, царь вашъ Филипъ, а мой отецъ, умре, и в животѣ своемъ царьствие держаше по достоянию, и мнѣ же господьствовати како повелеваете?» Тогда выступивъ мудрый Филонъ* рече: «О кралю Александре, всякъ возрастъ человѣческий чину потребенъ есть». Александръ же рече: «Старость есть честна, а немноголѣтна». И ту стоя Селевкушъ* рече: «О кралю Александре, Соломонъ же великий въ мудрости царь в книгахъ пишет: „Царьство множествомъ людей состоитца, царь же несовѣтникъ и невѣренъ сам собѣ ратникъ же, совѣтенъ полезная сотворитъ своей земли"». И ту стоя Антиохъ* рече: «Кралю Александре, старымъ убо царемъ подобает течение домовное, старии бо покоя требуютъ, младым же царемъ подобает царьствовати яко да потрудившеся во младости своей, а на старость покой обрящут». И ту стоя Андигонъ* рече: «Кралю Александре, подобает и нам еще спящих и ближних нас царей устремимся на них и сихъ побивше, всее избавимся забавы». И сим же 4-мъ совѣтомъ приятым бывшимъ от Александра, и присный его любимый воевода Птоломей рече: «О царю Александре, подобает намъ войску пременити во свѣтлая оружия и белегъ твой на щитехъ написати, яко да знаютъ, которому царю воюемъ; да не рекутъ сусѣди наши, яко и мы царемъ Филипомъ умерли есми». Се же слышавъ Александръ, угодно явися и по земли царьства своего посла и по вся кузнецы и по щитари,* в Филипус собратися повелѣ. На всякий же день мастеры его оружие коваху в цело оружие по 4 ста витязь. На шоломех же василисков

то, собрав двенадцать тысяч войска, он пришел к царю Филиппу, скрывая свое коварное намерение похитить Олимпиаду. Узнав о его приходе, царь Филипп обрадовался и вышел ему навстречу вместе с Олимпиадой. Увидев Олимпиаду, Анаксархонос похитил ее и бежал, Филипп же с немногими его преследовал. Тут Александр приспел, настиг войско Анаксархоноса, Филиппа же нашел поверженным на землю, раненного в голову и в правую ногу. И, недалеко пройдя, Олимпиаду, свою мать, отнял, и с восемью тысячами воинов Анаксархоноса настиг на месте, называемом Змиски; разбив войско и самого его захватив живым, привел к отцу своему Филиппу. Филиппа же застал едва дышащим. «Встань, — сказал, — царь Филипп, врагу своему наступи на горло и отомсти за себя своею рукою». Филипп же с трудом встал и, взяв меч в руки, убил его. «Печаль о доме моем снедает меня. Иди, душа моя, с нечестивыми во ад». И, сказав это, Александра благословил, говоря: «Сын Александр, руки всех на тебе и твои — на всех». И, сказав это, умер царь македонский Филипп; и стоящие тут сказали: «Кто будет противиться Александру?» Олимпиада же, тут стоя, плакала. Положив на золотой стол, Филиппа в город отнесли и с плачем великим погребли его в храме с честью.

Александр же, сын его, самодержцем стал, послал грамоты во все города земли своей, всем к Филиппусту собраться повелев. Когда же собрались все македоняне, и все малые, и все великие, им Александр сказал: «О друзья мои и братья мои, милые мне более всех македоняне, Филипп, царь ваш, а мой отец, умер. При жизни своей царствовал он достойно, мне же как накажете править?» Тогда выступил мудрый Филон и сказал: «О король Александр, каждый возраст человеческий своего чина требует». Александр сказал: «Старость честна, но немноголетна». И тут стоящий Селевкуш сказал: «О король Александр, Соломон, великий в мудрости царь, в книгах пишет: „Царство из множества людей состоит, царь же, не советующийся и не доверяющий, сам себе враг, советующийся полезное сотворит своей земле"». И стоящий тут Антиох сказал: «Король Александр, старым царям подобает жизнь домашняя, ибо старые в покое нуждаются, молодым же царям следует царствовать так, чтобы, потрудившись в молодости своей, на старость покой обрели». И стоящий тут Андигон сказал: «Король Александр, следует нам пойти войной против соседних нам царей прежде, чем они сами это сделают, и, покорив их, избавиться от такой опасности». И когда эти четыре совета приняты были Александром, близкий к нему любимый воевода Птоломей сказал: «О царь Александр, подобает нам войско переодеть в светлые доспехи и знак твой на щитах написать, чтобы знали, какого царя мы воины; да не скажут соседи наши, что мы вместе с царем Филиппом умерли». Это, выслушав, Александр одобрил и по землям царства своего послал за кузнецами и щитарями, в Филиппусте им собраться повелев. За день мастера его изготовляли вооружение для четырехсот витязей. На шлемах воинов были

рогъ со аспидовыми крылы, и копи же бяху на лвовых кожахъ предъставлени, хакизма же фарижемъ во коркодиловыхъ кожахъ чинина. Сия же сотвори Александръ и к ошествию на брань готовляшеся.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЕВЕ

Дарий же, царь перский, слышавъ, яко умре царъ македонъский Филипъ, посла з грамотою в Македонию имеюще сицево писание: «Дарий, царь над цари, токмо земный богъ вкупе съ солнцемъ по всей вселенней сияетъ и всѣмъ земным царемъ царь и господьствующим господинъ, ко обретающимся в Македонию пишу. Слышание царьству моему пришло есть, яко царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставил есть, сего не укреплена лѣты и млада умомъ суща. О смерти же Филипове аз оскоръбѣхъ, отрока же его млада суща пожалѣхъ еще не научена, яко да вскормивъ его, паки по царьским обычаемъ почетъ и украсивъ, паки на отчину его и на царьство возвратимъ. Грамоту же мою прочетше, скоро ко мнѣ приведите. Кандаркуса же к вамъ послах, вѣрна суща, землею вашею благолѣпно обладати. Войско ваше во время потребы къ царьству моему присылайте и дани сугубы по достоянию принесите. Филипово же детя приведите к царьству моему со всѣми царьства его белези... боле бо есть 40 царьских сыновъ во дворѣ моемъ водворяютца. Да аще сего недостойна царьствию вижю, иного в него мѣсто царьствовати пошлю к вамъ». Сию же грамоту Кандаркусъ в Македонию принесъ. Македоняне приемше его, к воеводе Птоломѣю приведоша. Птоломѣй же поемъ ихъ въ Филипусъ приведе ко Александру. Антиох же сих срѣте, гельмъ Александровъ против ихъ изнесе и поклонитися имъ повелѣ. Кандаркусъ рече к нему: «Аще копью Александрову поклонюся, то нѣсте подручни царю Дарию и азъ не смѣю очию Дариевых видети». Антиохъ же рече к нему: «Аще сего не сотвориши, живота своего лишишися». И тако приступив копию поклонися Александрову; и вземъ Антиох ко Александру приведе. Пришедшу же ему въ царьский домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ высоце сѣдяща. Престолъ его украшенъ зело искусным златомъ и зеленымъ камениемъ и слоновыми костьми. Посолъ же приступивъ поклонися и грамоту дасть ему; сам же стоя дивляшеся дивному образу Александрову: венецъ же на главѣ его бяше от самъфира каменя и великаго бисера с мерсиновымъ листвием сплетенъ, о десную его и о лѣвую стояше множество витязей венчанныхъ. Селевкуш вземъ грамоту Дариеву прочте. Александръ же слышавъ писание, ярости исполнився и гнѣва и грамоту приимъ раздра и к нимъ со яростию рече: «Не подобает царю Дарию главы зряще к ногам бесѣдовати. Не тако бо Македония безглавна есть, яко же Дарию мнитца быти». И сия рекъ въскоре отпусти ихъ и листъ отписа к Дарию, писан сице: «Александръ витязь, македонский царь,

рога василиска с аспидовыми крыльями, и щиты были львиной кожей укреплены, попоны же для коней из крокодиловых кож были сделаны. Так Александр готовился к походу на войну.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЯ

Дарий, царь персидский, услышав, что умер царь македонский Филипп, послал в Македонию грамоту, в которой было написано: «Дарий, царь над царями, земной бог, вместе с солнцем во всей вселенной сияющий и всем земным царям царь и господствующим господин, — к находящимся в Македонии пишу. Моего царственного слуха достигла весть о том, что царь ваш Филипп умер и отрока малого на царстве своем оставил, не укрепленного годами и молодого умом. О смерти Филиппа я опечалился, отрока же его, малого, еще не наученного, пожалел и хочу воспитать его, после чего, по царским обычаям почтив и украсив, снова в отечество его на царство возвратить. Грамоту мою прочтя, немедля его ко мне приведите. Кандаркуса же, верного мне, к вам послал землею вашею должным образом управлять. Войско ваше в случае необходимости к царству моему присылайте и дани удвоенные приносите. Дитя же Филиппа приведите к царству моему со всеми знаками царства его, ибо более сорока царских сынов в доме моем живут. Если же найду его недостойным царства, иного вместо него царствовать пошлю к вам». Эту грамоту Кандаркус в Македонию принес. Македоняне, приняв его, к воеводе Птоломею привели. Птоломей же, взяв их, в Филиппуст привел к Александру. Антиох их встретил, шлем Александров навстречу им вынес на копье и поклониться повелел. Кандаркус же ему сказал: «Если копью Александрову поклонюсь, то вы — не подданные Дария, и я не посмею очей Дариевых увидеть». Антиох же отвечал ему: «Если этого не сделаешь, жизни своей лишишься». И, подойдя, поклонился тот копью Александрову; взяв его, Антиох к Александру привел. Войдя в царские палаты, Кандаркус увидел Александра, сидящего на высоком престоле, украшенном чистым золотом, зеленым камнем и слоновой костью. Подойдя, посол поклонился царю и грамоту дал; сам же, стоя, удивлялся дивному виду Александра: венец на голове его был в виде сплетенных миртовых листьев с сапфиром и жемчугом, справа и слева от него стояло множество витязей в венцах. Селевкуш, взяв грамоту Дария, прочел ее. Александр, услышав написанное, пришел в ярость и гнев, и, взяв грамоту, разорвал ее, и в ярости сказал им: «Не следовало царю Дарию, когда есть голова, к ногам обращаться. Ибо Македония не безглавна, как это Дарию кажется». И, сказав это, вскоре отпустил их, и такую грамоту послал Дарию: «Александр-витязь, македонский царь, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, Дарию, персидскому царю!

сынъ Филипа царя, матери царицы Алимъпияды, Дарию, царю перскому! Благодарю тя о отцы моемъ желающа. Листъ же твой к людемъ моимъ прочтох, се благодарихъ о земли нашей пекущу ти ся. Мене же суща млада пожалих, в полате твоей воспитати требуеши. Млеко ссущимъ отрокомъ не подобает в царьскихъ домех напитатися, не изволих и толъстых мясъ ясти. Пожди убо мене вмалѣ, дондеже от сесцу матере моея отторгнуся и тако в персидьское чести царьства твоего водворитися имамъ, пришедъ со всѣми македоняны. Кандаркуса же послалъ еси к нам македоняномъ быти царя, нектому пошли его сѣмо, не можеши бо видети его ктому. Не тако бо македоняне безглавны суть, якоже тебѣ мнитца быти». Оружие же македонское Кандаркусу Александръ далъ, рекъ: «От царьствия моего бежи, егда же брань сотворятъ македоняны с персы, носи сие оружие, да тебе познавше, персы не убиют». Посол же к Дарию возвратися и листъ Александров дастъ ему. Прочетъ же Дарий листъ посмеявся. Кандаркусъ же к нему рече: «Не подобает ти, царю, таковыи *лист* приимъ смѣятися, в мало бо лѣтнои юности обретохомъ многолѣтную старость; да болящаго зуба ... подобает скоро изврещи, да не здравый вредит; не исторгъ кипариса млада, а старемъ не трудися».

О семъ Дарий не брегъ, еще Клитовоша, нѣкоего от вѣрных своихъ, в Македонию ко Александру посла, повелѣ пересмотрѣти Александрово все. Александру же посла струглу, и коло древяно, и две скрынии порожжихъ, и два узлы великих маку, и листъ давъ ему, глаголя такъ: «Дарий, царь надъ цари, богъ перский, дѣтяти моему Александру радоватися! Не тако бо помышляю тебѣ быти и преобидих тя в первом моемъ листе. Вѣдомо да есть ти, яко младых мудрование нагла суть. Се же послах к тебѣ тую струглу, яко да ею играеши и вертиши, колесом же младенцы играютъ, и двѣ скрынии порожнихъ и два узла маку, яко да двѣ скрынии наполниши трилѣтными данми, макъ же перечти — число увѣдаеши войску моему. Дани ко мнѣ пришлеши, связанъ ко образу моего царьства приведенъ будеши и милости тебѣ не будет». Сий листъ Клитоушъ вземъ, в Македонию ко Александру вниде. Александру же в немощи предъста и поклонися и листъ ему дастъ и ковчеги, и струглу, и макъ предъ Александромъ постави.

Александру же листъ приимшу и прочетъ, главою покивавъ и рече: «Неизочтения гордыни твоего высокоумия, Дарий, Богу небесному подобляшеся, а ни человѣкъ подобяшеся быти, до небесъ вознесеся и до ада снидеши». Макъ же вземъ, начя его жвати, ковчеги же разбити повелѣ и листъ к Дарию отписа сице: «Александръ, царь македоньский, Дарию, перскому царю, всяку честь творящему. Ты еси самъ детиному безумию подобенъ, игралища вдалъ еси, самодержцу земли сими образы образуеши мя ты. Круг бо кола сего всю землю преликует». И посла отпусти к Дарию.

В то же время Архидонъ, селуньский царь, прислалъ сына своего Александру на служение и листъ имѣюще сице. Александръ же листъ приимъ

Благодарю тебя за печаль об отце моем. Грамоту твою к людям моим прочел и благодарен тебе за то, что о земле нашей заботишься. Меня же, малого, ты пожалел и в доме твоем воспитать хочешь. Сосущим молоко младенцам не подобает в царских домах питаться, не хочу и толстого мяса есть. Подожди меня немного, пока от сосца матери моей оторвусь, и тогда персидскую часть царства твоего займу, прийдя со всеми македонянами. Кандаркуса ты послал к нам быть царем у македонян; больше не посылай его сюда, ибо тогда вновь не увидишь его. Не так македоняне безглавны, как это тебе кажется». Доспехи же македонские Кандаркусу Александр дал, сказав: «От царства моего беги, когда же война будет у македонян с персами, надень эти доспехи, чтобы тебя, узнав, с персами не убили бы». Посол же к Дарию возвратился и грамоту Александра дал ему. Прочтя ее, Дарий посмеялся. Кандаркус же ему сказал: «Не следует тебе, царь, такую грамоту получив, смеяться, ибо в малолетней юности нашли мы многолетнюю старость; больной зуб следует быстро удалить, чтобы здоровые не повредились; не вытащив кипариса молодого, старый и не пытайся».

Этим советом Дарий пренебрег, Клитовуша, некоего из верных своих, в Македонию к Александру послал, повелел узнать все об Александре. Александру же послал юлу, деревянный шар, и два сундука пустых, и два больших узла мака, и такую грамоту дал ему: «Дарий, царь над царями, бог персидский, дитятю моего Александра приветствует! Не так думал о тебе и обидел тебя в первой моей грамоте. Будет тебе известно, что младенческие умствования наглы. Вот послал к тебе юлу, играй ею и верти шар, которым младенцы играют, и два сундука пустых, и два узла мака, чтобы ты два сундука наполнил трехлетними данями, мак же сосчитай и узнаешь число моего войска. Дани ко мне пришли, иначе будешь приведен ко мне связанным и милости тебе не будет». Взяв эту грамоту, Клитовуш в Македонию к Александру пришел и пред Александром предстал, и поклонился, и грамоту ему дал, и сундуки, и юлу, и мак перед Александром положил.

Александр, грамоту приняв, прочел, головою покачал и сказал: «Неизмерима гордыня твоего высокоумия, Дарий, — Богу небесному уподобляешься, а не человеку, до небес вознесся и до ада низойдешь». И, взяв мак, начал его жевать, сундуки разбить велел и грамоту к Дарию написал: «Александр, македонский царь, Дарию, персидскому царю, всякую честь творящему. Ты сам младенческому безумию уподобился: игрушками, что ты дал мне, самодержцу земли уподобил меня — шар ведь этот всю землю изображает». И посла отпустил к Дарию.

В то же время Архидон, селунский царь, прислал сына своего Александру для служения и грамоту. Александр же, грамоту приняв, прочел

и прочте и радостенъ бывъ; Поликратуша к собѣ со усердиемъ призва, о писанных ему умилися и листъ к нему писати повелѣ: «Любимому моему брату Архидону, селунскому царю, Александръ, царь македонъский, радоватися повелѣ. Листъ бо твой прочет, не толико даромъ твоимъ радостенъ быхъ, но и преклоннымъ и любимым рѣчемъ. Глаголет бо притча, яко преклоненыя главы ни мечъ не сечетъ. Сынъ твой со мною да будет, а ты въ царьствии своемъ, а мнѣ на помощъ 12 тысящъ посылай на годище и 300 талантъ злата давай». Селунское же царьство приимъ, поиде во Антину.

О АНТИНЕ ГРАДЕ

Антина же градъ великъ, всяким же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщениемъ. 12 же рытарей держаху его и вселенскою землею и господьствомъ окоръмляху судомъ неправеднымъ. Слышавше же Александрово пришествие к собѣ, совѣтъ сотвориша, Александру ли предатися или ко граду его не припущати.

Софликий же философ ихъ ту стоя, рече: «Не подобает намъ со Александромъ битися, Александръ бо куманы убивъ и приимъ ихъ и Синаксарха, пелагонитскаго царя, убивъ и землю ихъ прииме, Архидона, селуньскаго царя, мирно к нему пришедша, на царьствии и на законе его остави». Другий же философ рече: «Отнелѣ же Антина стала, ни единъ царь не приялъ еси. Никогда же великъ царь на Антину прииде, рвавъ много ничтоже успѣ, но разбиетъ от насъ отшедъ и побѣже, единъ во атоцех Македонскихъ утону. Не подобает намъ таковымъ сущимъ силным Филипову сыну повинутися». Диоген* же никто, вышщи сихъ паче всѣхъ философ, рече: «Ходих во Олимбиядцкий отокъ третьего лѣта, сего Александра видѣхъ, пришелъ бѣ на олимпиядцкое коло урыстовати и витяжьства пытати. Урани же нѣ*кто* от Алимпиядцкихъ отокъ. Азъ же рекохъ тогда: „Сий юноша славою земскою великъ будетъ". Да сие вся есть видети мнѣ подобаетъ. Мужие антиньстии, Александру не противитися, целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и войском крѣпокъ есть зело. Да подобно есть намъ с честию и з дарми срѣсти, благочестив же Александръ добро намъ сотворитъ и намъ не приразився в Рим поидетъ». Сего же антиняне не возлюбивше, философа же Диогена укориша: «Во всемъ, — ркуще, — мудрецы доволни мудрости». Он же зжалився отиде от града и ко Александру прииде и все ему повѣда.

Александръ же ярости и гнѣва наполнися, воя своя по достоянию наряди и во Антиньское царьство прииде и под градом ставъ, во град же посла Арфакса, мужа куманянина. Сему же языка антиняне не разумѣша, по всемъ граде своемъ искаша, едва единого наидоша, сего толмачемъ вопрошаху повелѣние ему Александрово повѣдати. Он же рече: «Великий царь Александрь рече: „Дадите ми

и радостен был; Поликратуша к себе с усердием призвал, к написанному был милостив и грамоту в ответ написать велел: «Любимому брату Архидону, селунскому царю, Александр, царь македонский, радоваться повелел. Грамоту твою прочел — не только дарам твоим рад, но и покорным и любезным речам. Говорит ведь пословица, что покорную голову и меч не сечет. Сын твой со мною будет, а ты в царстве своем, мне же в помощь двенадцать тысяч воинов посылай в год и триста талантов золота». Селунское же царство приняв, пошел в Афины.

ОБ АФИНАХ

Афины же город большой и всяким земным украшением украшен. Двенадцать риторов владели им и всею вселенскою землей управляли, судя неправедно. Услышав о приходе Александра к ним, совещались — предаться ли Александру или же к городу его не подпускать.

Софликий, философ их, тут стоявший, сказал: «Не следует нам с Александром воевать, ибо Александр куман победил и взял их под свою власть, и Анаксарха, пелапонского царя, убил и землю захватил, Архидона же, селунского царя, мирно к нему пришедшего, на царстве и на законе его оставил». Другой же философ сказал: «С тех пор как Афины возникли, ни один царь не брал их. Некогда великий царь на Афины пришел, и воевав много, ни в чем не успел, но, разбитый, от нас отступил и бежал, один меж островов македонских утонул. Не следует нам, столь сильным, Филиппову сыну повиноваться». Диоген же некто, наибольший из всех философов, сказал: «Ходил я в Олимпиадский остров третьего лета и этого Александра видел. Пришел он на олимпиадской колеснице состязаться и воинскую доблесть испытать. Ураний же, некто с Олимпиадских островов, там был. Я же сказал тогда: „Этот юноша славою земною возвеличен будет". И вот теперь я это вижу. Мужи афинские, не противьтесь Александру, совершенному в разуме и мужестве, он, хотя и молод, земною славой велик и войском крепок. Следует нам с честью и с дарами встретить его, благочестивый же Александр добр к нам будет и, не причинив вреда, в Рим пойдет». Это мнение афинянам не полюбилось, и философа Диогена укоряли, говоря: «Во всех мудрецах довольно мудрости». Он же, сожалея о них, ушел из города к Александру и все ему рассказал.

Наполнился Александр яростью и гневом, воинов своих нужным образом приготовил, и в Афинское царство пришел, и, под городом став, послал в город Арфакса, куманянина. Его языка афиняне не поняли, искали толмача по всему городу своему — едва одного нашли и через толмача спрашивали Арфакса, чтобы он повеление Александра сообщил. Он же сказал: «Великий

дань и войско и царству моему приклонитеся; аще сего не сотворите, мечь македоньский вашу землю поразити имать, аще повелѣнию моему не хощете поклонитися"». Сия же слышавше антиняне, Александрову посланию поругашася. Куманом же обоим рѣчемъ их посмѣяшася и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице: «Не подобает тебѣ, Александре, Антине назватися царемъ, мнози подобни тебѣ цари Антине подручни суть, мнози витязи и философи во Антине болши твоих водворяются. Доволен буди в Македонии царствовати; якоже хотя вшелъ еси здѣ и не хоте отидеши отсюду». И се рекше посла отпустиша и своему толмачю голову отсекоша пред ним, рекоша, яко: «Толмача не требуем Александровымъ рѣчамъ». Александръ же то слышавъ разгнѣвався, рече: «О горе земли, еюже мнози обладають». И се рекъ, войску своему на брань направитися повелѣ и с четырех странъ рвати повелѣ, убийству же тогда велику сотворившуся. Кумане же Александровы со единые страны крѣпко налегоша, бяше еже видети стрѣлы летяща во градъ, яко облакъ. Гражане же о семъ стуживше, напрасно граду врата отворивше и из града выскочивше, Александровых куман десять тысяч убиша и от Александровых македонян четыреста конных убиша. Бенестрами из града хитростию огнь извергоша, Александрово войско мало огнемъ не опалиша. Сему же сотворившуся, вечер прииде, Александръ во станы отиде, стражи около войска постави, властели старые призвав и рече: «Что сотворимъ лукавымъ симъ гражаном? Земли не разрушивше, на град приидохомъ и себѣ осрамотѣхомъ. Да что подобает намъ сотворити?» Диоген же антинский философ рече ко Александру: «Царю Александре, града Антины не можеши не потомився взяти, есть бо множество людей и рвецъ в немъ, боле двухъ сотъ тысяч. Сотвори хитрость, да изманимъ их на дворъ с собою битися и сихъ яко невѣжи побиемъ, а градъ возмемъ». И сотвори хитрость Александръ, яко нѣколи потому грецы сотворили. Повелѣ от града двигнутися войску и самъ с ними отиде. На станех же остави 10 000 воловъ, 40 000 овець и листь написан тако: «Мужие антинстии, не вѣдах силы боговъ вашихъ великие и к вамъ приидох, поразити васъ хотя, богомъ вашимъ приразихся. Во снѣ бо в нощь сию явльшася, много мнѣ страшна рекоша и сихъ азъ убояхся и в землю свою возвратихся; овецъ и волов оставив много, сихъ далъ есмъ богомъ вашимъ пожрите, ихже о мнѣ помолитеся». И се рекъ Александръ, с войском своимъ отиде 12 поприщъ от града и в лузи скрывся. Гражане же вси на станы приидоша и листъ написан наидоша и рекоша: «От страха побѣже сынъ Филиповъ». И тако вси из града изыдоша, бѣ бо боле 200 тысяч пѣших и 100 тысяч конных.

В ту же нощъ философ антинский именем Примах видѣ сонъ: великий храмъ бога Аполона падеся и пиргове вси Антинскаго града обронишася и врата великие Ариева леду падошася; и Александра видѣ, на лву во градъ Антину въѣхавша, и по ширинамъ града класие пшенично рустуче, и македоняне зелено и незрѣло серпы пожинаху. Сия же исповѣдавъ и по Александре не веляше гнати. Они же сего яко не чювше во слѣдъ Александра идяху.

царь Александр повелел: „Дайте мне дань и войско и к царству моему присоединяйтесь, если же этого не сделаете и повелению моему не повинуетесь, — меч македонский вашу землю поразит"». Это услышав, афиняне Александрово послание бранили, над словами же обоих куман посмеялись и, посла отпустив к Александру, передали так: «Не подобает тебе, Александр, стать царем в Афинах, много подобных тебе царей Афинам подвластны, много витязей и философов в Афинах, больших, чем твои. Довольствуйся Македонским царством; по своей воле пришел сюда и уйдешь отсюда не по своей воле». И, это сказав, посла отпустили, а своему толмачу голову отсекли перед ним, сказав: «Не нуждаемся в переводчике Александровых речей». Александр, услышав об этом, разгневался и сказал: «Горе земле, которою правят многие». И, сказав это, войску своему к бою приготовиться повелел и с четырех сторон напасть на город, и битва тогда великая была. Кумане же, которые были с Александром, с одной стороны крепко налегли, и стрелы их летели в город, как облако. Горожане, этим досаждаемые, неожиданно городские ворота отворили и, выйдя из города, у Александра куман десять тысяч убили и македонян четыреста конных. С помощью баллист из города огонь извергли и Александрово войско чуть не спалили огнем. Когда это случилось, вечер пришел, Александр в лагерь вернулся, охрану около войска выставив, вельмож старых призвал и сказал: «Что сделаем с коварными горожанами? Землю не воевав, к городу пришли и себя осрамили. Что следует нам делать?» Диоген же, афинский философ, сказал Александру: «Царь Александр, город Афины не сможешь без труда взять, ибо множество людей и воинов в нем — более двухсот тысяч. Сделай хитрость — давай выманим их из города с нами биться и побьем их, так как они неискусны в битве; и так возьмем город». И сделал хитрость Александр, как некогда греки. Повелел от города отступить своему войску и сам с ним ушел. В лагере же оставил десять тысяч волов, сорок тысяч овец и такую грамоту: «Мужи афинские, не ведал великой силы богов ваших и к вам пришел, поразить вас желая, но сам богами вашими поражен. Ибо этой ночью они во сне мне явились, много страшного мне сказали, и я, их убоявшись, в землю свою возвратился; оставив овец и волов много в жертву богам вашим, чтобы обо мне помолили их». И, сказав это, Александр с войском отошел на двенадцать поприщ от города и скрылся в лесу. Горожане же все пришли в лагерь и, грамоту написанную найдя, сказали: «От страха побежал сын Филиппов». И так все из города вышли — более двухсот тысяч пеших и ста тысяч конных.

В ту же ночь философ афинский, по имени Примах, видел сон: великий храм бога Аполлона упал, и все башни Афинского города обрушились, и врата великого Ареопага упали; и Александра видел, на льве в город Афинский въезжавшего, а на площадях города колосья пшеничные росли, и македоняне их, зеленые и незрелые, пожинали. И, об этом сне рассказав, не велел гнаться за Александром. Они же, не обратив внимания на это, шли вслед за Александром.

Александръ же сихъ ждаше со всѣми вои, нарядився при Касталистем лузѣ, постиже их на Виталском поле. Трубоглашения же и войску увѣдѣвше и из луга исходящее и убояшася и сами к собѣ рекоша: «О коликимъ прелщениемъ прелсти нас сынъ Филипов!» Видѣша, яко не мощи убежати, и не хотяще на бой идоша. Александръ же сих преодолѣ и побѣгоша. И мнозех убиваху и чрез все Витальское поле гнаху и до Антинского града, и замесившеся обои и вкупе во врата града приидоша македоняне и антиняне. Бяше же видети жалостно, дѣти же и жены ко всѣмъ своим на срѣтение идяху, обои убивахуся; воплю же до небесъ досяжющу и кровем же по странам града текущим, обои замесишася, македоняне и антиняне посредѣ града сечахуся.

Александръ же посредѣ ихъ на вологлавом конѣ ѣздяше, сѣчи престати молящеся, и сихъ не могий уставити, ярости наполнишася. Жены же антинстии одираху лица своя, ко Александру вопияху: «Милостивъ буди намъ, царю Александре!» Александръ же, не могий уставити сѣчи, повелѣ градъ запалити. Людие же и жены на станы отошли и спасшеся. Тогда великий и дивны богъ их Аполон антинский со всѣми своими боги згорѣ.

Слышав же Александръ рече: «Аще бы се бози были, спаслися бы сами от огня». Жалость и радость смесивъ, рече: «Ныне македоньская оружия антиньскою кровию окровавишася произволениемъ моим, а ихъ недоумѣниемъ». Дигеон же философ рече: «Мудра накажи — премудрие будет, безумнаго же — возненавидит тя. Дай премудру вину — премудрие будет». Восплакася градъ Антина вся, смятошася вси отоцы вселеньстии. Александръ же се слышав рече: «Главы не разбивъ, мозгу не выняти».

Оттоле Александръ воставъ поиде, отрядив с собою 400 тысяч войска. Тогда сретоша его вси царие тракиньстии, и мореистии, и далматийстии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии;* дары ему многи принесоша безчисленныя и стяги златы царские и многоцѣнныя; *дани* на 12 *лeть*; царских именъ лишишася, сартапом же повелѣша ся звати.

О ПРИХОЖЕНИИ К РИМУ

Александръ же к Риму уклонися. Слышавше же римляне Александра идуша к нимъ и смятошася и совѣтъ сотвориша. «Да что сотворимъ, — рекоша, — добро ли есть намъ Александра в Римъ пустити с честми и з дарми многими, и на отеческих уставех и градех милостию непобедимою на законех быти». К богу же своему Амону в церковъ притекоша, моляхуся возвестити им о Александре. Во снѣ явися имъ богъ Амон, рече: «Мужие римляне, не бойтеся Александра — сынъ мой есть; нѣкогда, дошедшу ми в Македонию, матери его Алимпияде примесихся и родися Александръ; но с честию его срѣтше, поклонитеся яко царю и самодержавнаго прославите».

А Александр ждал их со всеми воинами, приготовившись у Касталийского леса, и напал на них на Витальском поле. Афиняне испугались голосов труб и войска, выходящего из леса, и сами себе сказали: «О, как хитро обманул нас сын Филиппов!» Видя, что невозможно убежать, поневоле шли на бой. Александр же их одолел, и побежали они. Многих из них убивали и преследовали через все Витальское поле до Афинского города, и, смешавшись вместе, к воротам города пришли македоняне и афиняне. И печально было смотреть, как дети и жены к своим навстречу шли и побиваемы были; вопль же до небес доходил, и кровь по всему городу текла, и, смешавшись вместе, македоняне и афиняне посреди города сражались.

Александр среди них на вологлавом коне ездил, уговаривая прекратить битву, но не мог их остановить, ибо исполнились ярости. Жены же афинские, раздирая лица свои, Александру кричали: «Смилуйся, царь Александр!» Александр же, не могущий прекратить битвы, повелел зажечь город. Люди и жены в лагерь отошли и спаслись. Тогда великий и дивный бог их Аполлон афинский со всеми своими богами сгорел.

Услышав об этом, Александр сказал: «Если бы это боги были, спасли бы себя от огня». Печаль и радость объединяя в себе, сказал: «Ныне македонское оружие в афинской крови не только по моей воле, но и по их неразумию». Диоген же философ сказал: «Мудрого накажи — мудрее будет; безумного же — возненавидит тебя. Дай премудрому наставление — премудрее будет». Восплакался город Афины весь, в тревоге были все земли вселенские. Александр, услышав об этом, сказал: «Головы не разбив, мозг не вынуть».

Оттуда Александр пошел, взяв с собою четыреста тысяч войска. Тогда встретили его все цари тракийские, и морейские, и далматинские, и полуцы, и гостиницы, и триволийские; дары ему принесли бесчисленные и стяги золотые царские многоценные, и дани за двенадцать лет; царских титулов они лишились — сатрапами должны были называться.

О ПРИХОЖДЕНИИ К РИМУ

Александр же к Риму направился. Когда услышали римляне, что Александр идет к ним, обеспокоились и совет созвали. «Что сделаем, — сказали они, — следует ли принять нам Александра в Риме с почетом и дарами многими, чтобы по милости непобедимой нам сохранить отеческие порядки и законы». К богу же своему Амону в храм пришли, моля возвестить им об Александре. Во сне явился им бог Амон и сказал: «Мужи-римляне, не бойтесь Александра — он сын мой: некогда, придя в Македонию, я с матерью его Олимпиадою соединился и родился Александр; с честью его встретив, поклонитесь как царю и его, самодержавного, прославьте».

Римляне же с честию и со славою великою срѣтоша, бяше же дивно срѣтение их: 4 тысящи сретоша его венчанных витязь на парѣжах и 2 тысящи девицъ срѣтоша его, одѣяния червлена злато вязена бяше на них. И прочихъ людей 1000 и 40; вси изношаху дафиново вѣтвие со златом. Иереи же римьстии срѣтоша его, носяще великие свеща в руках. Изыдоша к нему, носяще одѣяние велико и многоценно Соломона, царя еврейскаго, иже у них положил Навходоносоръ, царъ перский, нѣкогда приял Иеросалим. Принесоша ему блюдъ самотворных 1000 и 200 с камением многоценным, иже поставил бяше Соломон царь в церкви, Святая Святых, и венецъ Соломоновъ, в нем же три камени бяху, 12 пригод с него исцелений, и иных каменей 1000 — по числу сыновъ иизраилевых. Изнесоша ему стему злату царску многоцѣнну Сивилии царицы* волховную. Изведоша ему парижь под хакизмомъ коркодиловымъ, оседлана седлом от камени андрамана.* Изнесоша ему оружие Елгаменеуша* короля; изнесоша ему копие ланпандилово* з бисером и с камениемъ многоцѣнным Якша Теломоника* и прочих копий 17; изнесоша ему щитъ Таркнена,* римъскаго царя, кожею аспидовою попят. Сие же славное стрѣтение царь Александръ видѣвъ, радостен бывъ велми и много вои своих почестно нарядив, македонян же с собою на конех поимаше, на чюднаго коня Дучипала всѣде и коруну положи на главу свою Клеопатре египецкой царицы, 12 камений многоцѣнных в немъ; кони же подвоны и трубы по подобию нарядив, на стрѣтение римляном идоша.

Близу же им бывшимъ, витязи и девицы поклонишася Александру, с коней не ссѣдоша и рекоша: «Многа лѣта, царю Александре, всего свѣта царю»; и се рекоша, на страну отъѣхаша, друзии же приидоша и тии прославиша его; инии же вси с коней ссѣдоша и прославиша царя Александра. По сем же приидоша иереи со свѣщами и с кадилницами и покадиша его вонями различными. И тако веселящеся во град римъский приидоша и приведоша его в храм бога своего Аполона* поклонитися. Срѣте иерей Аполоновъ, и покади его, и поклонися ему, и принесе ему злато, и ливанъ, и измирну, сия убо царская дарования суть. Изнесоша ему писание, имуще сицево: «В лѣто *5000* востати имат козелъ единорог и поженет пардусы западныя и превозносящихся и паки к востоку поиде, идѣже двоерогий овенъ, емуже рози до небесъ, и сего единемъ рогомъ в сердце. И потрясутся миди и финицы, восточнии велицыи и страшнии языцы, и острия меча перьскаго притупит и, в Римъ пришедъ, царь совершенъ прославитца, и сему время прия весь Иеросалим безо всякия пакости и рати».

И сие писание Александръ слышав и прочее, вопросив дати хотя толкование писанию. Философ же рече ему: «Александре, во дни иеврейского пророка Данила,* слышахом, яко в писании наших западный царь пардус наречетца, овна же двоерогаго перьское нарицается царство, козла же единорогаго македонское нарицает царство, якоже мнится быти, остру сущу и храбру, понеже яве сие творит чюдное твое в Римъ пришествие». И сие слышав

Римляне с честью и со славою великою встретили его, была же дивной встреча их: встретили его четыре тысячи витязей увенчанных на конях и две тысячи девиц в красных с золотом одеяниях. И прочих людей тысяча четыреста; все несли лавровые ветви с золотом. Иереи же римские встретили его, неся большие свечи в руках. Вышли к нему, неся одеяние великое, многоценное Соломона, царя еврейского, которое у них положил Навуходоносор, царь персов, некогда взявший Иерусалим. Принесли ему золотых блюд тысячу двести с камнями многоценными, которые поставил Соломон-царь в храме, во Святая Святых, и венец Соломонов, в котором три камня были и иных камней тысяча, от двенадцати несчастий он исцелял — по числу сынов Израилевых. Вынесли ему золотой венец царский многоценный Сивилии-царицы, волшебный. Вывели ему коня под попоной крокодиловой, оседланного седлом из камня андрамана. Вынесли ему оружие Елгаменеуша-короля; вынесли ему копье ланпандиловое Якша Теламоника с жемчугом и с камнями многоценными, и прочих копий семнадцать; вынесли ему щит Таркнена, римского царя, кожею аспидовой обтянутый. Видя же эту славную встречу, царь Александр радостен был и много воинов своих почетно приготовил, а македонян с собою на конях взял, на чудного коня Дучипала сел и возложил на голову свою корону египетской царицы Клеопатры — двенадцать камней многоценных в ней; коней запасных и трубы как подобало приготовив, навстречу римлянам пошли.

Когда же они приблизились, витязи и девицы поклонились Александру, с коней не сходя, и воскликнули: «Многая лета, царь Александр, всего света царь», и, сказав это, в сторону отъехали, другие же пришли, и они прославили его, остальные же все с коней сошли и прославили царя Александра. После этого пришли иереи со свечами и кадильницами и покадили его ароматами разными. И так, веселясь, в город римский вошли и привели его в храм бога своего Аполлона для поклонения. Встретил его иерей Аполлонов, и покадил его, и поклонился, и принес ему золото, и ливан, и мирру — ибо таковы дары царям. Вынесли ему писание: «В пятитысячный год восстанет козел единорогий, и погонит пардусов западных, превозносящихся, и вновь на восток пойдет, где двурогий овен, у которого рога до небес, и поразит его своим рогом в сердце. И потрясутся мидийцы и финикийцы восточные, великие и страшные народы; и острие меча персидского притупит он, и, в Рим прийдя, как царь совершенный прославлен будет, и тогда овладеет Иерусалимом без разорения и войны».

И это писание услышав и прочее, Александр просил объяснить его. Философ же сказал ему: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется, овном же двурогим — персидское царство, козлом же единорогим македонское называется царство, быстрое и храброе, что и являет чудное твое в Рим пришествие». И, слыша это, Александр обрадовался и сказал: «Промысл Божий изволил,

Александръ, радостен быв велми и рече: «Якоже промыслу Божию воля есть, да будет тако, силнии падоша, а немощнии препоясашася силою». И ту ему веселящу в Риме с римляны и македоняны, и приидоша ему вся царствия западныя, дары многоцѣнныи принесоша ему, молящеся не ратовати их. Александръ умилися, повелѣ дани дати 12 лѣтома и войско ему. Лаомендуша же, своего приснаго любимаго друга, в Риме царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ повелѣ его слушати.

И тако шествие творяше къ югу. Злата же много и войско веземъ, на ужескии страны, и тамо царства многа крѣпка порази, и вселенную всю прошед, до Окияна реки дошедъ великие, иже всю вселенную обтече. И во узкихъ странах земли той обрѣте звѣри человѣкообразны и многии двоеглавнии змиевы, ноги имѣяху, и с ними рать сотвори велику и сих победилъ, звѣри же суще оружия не имѣяху, вскоре падошася. И в гвоздинную гору нѣкую дошедше, жены многи дивии на Александра восташа и рать велику сотвори с ними. И во един часъ от войска его сто поразиша, вси бо жены тѣ крылаты и ногты велики, аки серпы, тѣло же все во власех, и прилетаю очи издираху воемъ. Се же слышавъ Александръ, повелѣ тростие запалити. Жены же тѣ, въ пламени изгараху крилы же, и на земли падаху. Сих же македоняне прискачюще побиваху и сихъ множество паче дватцати тысяч убиша.

Акияна реки дошедше, во вселенную паки возвратишася. Войску почити повелѣ и повелѣ околним государьством корабли многи сотворити, триста тысяч кораблей, величеством тысяча в него людей всядетъ со всѣми потребами. К востоку отправи их, по великой Осистей странѣ и по варварехъ. Пред ними воеводу Птоломѣя и Филона посла, во Египте и с ними срочися снятися; повелѣ имъ земли и грады приимати и от сихъ войско и дани брати. Сам же в корабли вшедъ и, дунувшю югу бурну, к востоку поиде над *треми* тысячами кораблей, и Антиоха воеводу над иными треми тысячами сотвори, Селевкия надь иными треми тысячами кораблей, Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.* И оттоле отшедшимъ, остави на околе 1000 волов, 40 000 овецъ. Множество кораблей поиде и людемъ, на 4 части разделившимся по морю и пловяху 30 дний и 30 нощи.

Александръ же идяше ко Египту и ту приста, идѣже идет Нилъ река в море, ту град созда во имя свое Александрию. Селевкий же с своими корабли в Ликеи* приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Селевкию. Антиох же пристав с своими корабли, ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Великая Антиохия. Византь же с своими корабли в тесноту Триньскаго моря* приставъ и ту град во имя свое созда и нарече имя ему Византия. О семъ Александръ много оскорбися, не вѣдаетъ, кто гдѣ присталъ, по 30 дний увѣда о Селевкии, и Антиоху, и Византу и о градех ихъ. И потом сьѣхашася вси и на том мѣсте создаша градъ вси и нарекоша имя ему по серпьскому языку «Единосердый станъ». И в томъ граде 6 месяць сотвориша, конское воинство составиша. Пто-

чтобы сильные пали, а немощные препоясались силою». И когда тут он веселился в Риме с римлянами и македонянами, пришли к нему все царства западные, дары многоценные принесли ему, прося не воевать их. Александр смилостивился, повелел дани ему давать двенадцать лет и войско. Лаомендуша же, близкого к себе, любимого друга, в Риме царем поставил и всем западным царям повелел его слушать.

И потом пошел на юг. Золота много и войска взяв, к южным странам отправился, и там царства многие сильные победил, и, вселенную всю пройдя, дошел до Океана-реки великой, что всю вселенную обтекает. И в южных странах земли той нашел зверей человекообразных и много двуглавых змей, ноги имеющих, и с ними в бой вступил великий, и их победил: звери, оружия не имея, вскоре погибли. И до железной горы дошел, где множество огромных жен на Александра восстало, и бой великий он имел с ними. И в один час из его войска сто человек поражено было, ибо все жены те крылаты и ногти у них огромные, как серпы, тело же все в волосах, и, прилетая, они глаза раздирали воинам. Услышав об этом, Александр повелел тростник поджечь, и жены те, так как их крылья в пламени сгорали, на землю падали. Македоняне же, подбегая к ним, побивали их, и множество, больше двадцати тысяч, убили.

Дойдя до Океана-реки, возвратились во вселенную. Александр велел войску отдохнуть, соседним же государствам велел построить много кораблей — триста тысяч, тысяча людей в каждый входит со всем необходимым — и на восток отправил их, в Азию и к варварам. Перед ними послал воеводу Птоломея и Филона, в Египте договорившись встретиться с ними; повелел им земли и города принимать и от них войско и дань брать. Сам же в корабли вошел и, когда подул южный ветер, отправился к востоку во главе трех тысяч кораблей, а Антиоха воеводой над другими тремя тысячами сделал, Селевка же над другими тремя тысячами кораблей, Византа же и иных витязей оставил далеко от города Ликия. И от того места отошли, оставив в лагере тысячу волов и сорок тысяч овец. Множество кораблей пошло и людей, и на четыре части они разделились, и плавали тридцать дней и тридцать ночей.

Александр же приплыл к Египту и, пристав при впадении Нила в море, город создал во имя свое — Александрию. Селевк же со своими кораблями в Ликии пристал и тут город во имя свое создал — Селевкию. Антиох же, пристав к берегу со своими кораблями, создал город во имя свое — Великую Антиохию. Визант же со своими кораблями в проливе Триньского моря пристал и тут город во имя свое создал — Византию. О том Александр много скорбел, что не знает, кто где пристал: но через тридцать дней узнал о Селевке, и об Антиохе, и о Византе, и о городах их. И после этого съехались все, и на том месте создали город, и дали ему имя, по-сербски означающее «Единосердный стан». И, в том городе пробыв шесть месяцев, составили конное войско. Птоломей же и Филон

ломѣй же и Филон ко Александру рекоша, елико прилучися имъ боевъ на пути, мнози чюднии царие варварстии и онтиописких* и сих всѣхъ победивше и ко Александру приведоша связанных. И сихъ Александръ увѣривъ и во свою землю отпустивъ, заповѣдавъ, яко 12 лѣтомъ 100 тысяч войска давати ему.

И оттоле Александръ со всѣми вои во Асию прииде, ту градъ созда именем Трипол. О семъ Александръ здумавъ рече*: «О велемошнии македоняне, не подобает намъ воинство оставити, нѣсть бо во граде твердости, но мы храброю силою многие грады приимахомъ и разбихомъ».

И всю Асию приимы и ко стране Апридийской* возвратишася, преди же иже в лѣта нѣкая еллины приимше и разбиша нѣкия ради жены именем Еленуши короля Акедоньскаго* сына Мелеушева.* Краля придискаго Приялъмужа* сынъ именемъ Александръ и Вариж* на вѣре announcedземъ и в Трою принесе, благодарения явльси ко своему благодателю и Мелеушу кралю. Мелаушъ Селевкия, и Киликия, и Пелагония, и с Пелопоникия цари и витязи на помошь себѣ призва, жены ради своея на Трою прииде. И всю Придийскую землю пленивъ и вся живущая в земли тои мечю предали; и десят лѣтъ градъ Тройскии великии рвали и прияша, весь мужескии полъ огню и мечю предаша, якоже Омиръ во своихъ книгах пишетъ. Ту бо тогда мнози витязи падоша от еллинъ. Искони бо намъ взаконися от женъ великим лукавымъ зломъ повинным быти — первое бо Адамъ женою прельстися, великий храбрый Самсонъ женою погибе, мудрый Соломонъ женою ада наслѣди — такоже и в Трои мнози неизреченнии храбрии витязи и цари за едину жену погибоша.

И ту Александръ прииде, живущии же в Трои срѣтоша его с честию великою и дары ему многи принесоша: оружие Целеша краля, сына короля Прелеша,* на лвовѣ кожи приставлено, и положивше на щиту Якша Теламоника. И ко Александру принесоша перстень и даша ему египетцкой кралицы от камени андракса,* имѣя силу такову: иже в великую немош впадет, на него посмотрит и исцелѣетъ. Изнесоша ему образ госпожи Менеры* вписана на иконе, вся елико совершишася. Изнесоша ему одеяние Поликсении госпожи, дщери короля Приемуша; иже ею прелщал Ацелеш, егда от грекъ отвержеся, ко Трои приступи егоже убиша братия ея лукавьствомъ на вечери в храмь, уби же его Апелонъ трогоделский,* Алекидушъ.* Одеяние же дѣйствомъ: коли облачашеся в него госпожа Поликсения, тогда 4 различнии показоваше на собѣ позирающимъ от различнаго камени: егда на зелено камение позираше, приразяшеся зеленое бѣлому лицу, подобяшеся дузе небесней вскоре сияющи и падиному позлащенному перию; егда же на черленое позираше камение, прелшевашеся черленъ к бѣлости образу дивному и розному виду ея; егда же в немъ поступаше различна блистания от каменнаго вида, от одеяния того блисташе. Сие одѣяние Александръ видѣвъ и подиви же ся женѣ той паче всѣхъ женъ и сию похвали не токмо за еи дивное одеяние, но и за вѣру и любовь, иже ко Ацелешу по смерти его показа. Ацелешу бо умершу, иному мужеви не

Александру рассказали, какие случились им бои на пути, со многими царями варварскими и онтиопийскими, и всех их победив, к Александру привели связанными. И Александр дал им заверения, и в свои земли отпустил, велев им двенадцать лет сто тысяч войска давать ему.

И оттуда Александр со всем войском в Азию пришел, и тут город создал Триполь. И, подумав, Александр сказал: «О многомощные македоняне, не подобает нам забывать воинские дела — ибо не в укрепленном городе сила, но мы своей храбростью многие города взяли и разбили».

И всю Азию покорив, к стране Придийской возвратились, которую раньше в некие времена эллины захватили и разрушили, некоей ради жены по имени Еленуши — жены Мелеуша, сына короля акедоньского. Короля придийского Приемуша сын по имени Александр Вариж, воспользовавшись доверием, взял ее и в Трою привез, так отблагодарив своего благодетеля — Мелеуша-короля. Мелеуш, на помощь себе призвав царей и витязей Селевкии, и Киликии, и Пелагонии, и Пелопоникии, жены ради своей к Трое пришел. И, пленив Придийскую землю, они всех живущих в земле той мечу предали; и десять лет великий город Троянский осаждали, и, взяв, весь мужской пол огню и мечу предали, как Омир в своих книгах пишет. Здесь тогда многие витязи погибли от эллинов. От начала суждено нам из-за жен в великом лукавом зле повинными быть — первым Адам из-за жены вошел в соблазн, великий храбрый Самсон из-за жены погиб, мудрый Соломон из-за жены в ад последовал, — также и в Трое многие несказанно храбрые витязи и цари из-за одной жены погибли.

И когда Александр пришел туда, все живущие в Трое встретили его с честию великою и дары ему многие принесли: оружие короля Ацелеша, сына короля Прелеша, на львиной коже, и положили на щит Якша Теламоника. И принесли Александру перстень египетской царицы, из камня андракса, имеющий такое свойство: если кто, тяжело заболев, на него посмотрит, то исцелится. Вынесли ему образ госпожи Менеры, по которому узнано было, что постигнет Трою. Вынесли ему одеяние Поликсении-госпожи, дочери короля Приемуша; с нею обручился Ацелеш, когда, от греков отступив, в Трою пришел, которого убили братья ее обманом, на вечери в храме, убил же его Аполлон трогодельский, Алекидуш. Одеяние то имело такое действие: когда облачалась в него госпожа Поликсения, тогда четыре разных вида являла смотрящим на нее от влияния разных камней: когда на зеленый камень она глядела, то присоединялось зеленое к белому лицу, уподобляясь сияющей дуге небесной и золотому оперению павлина; когда же на красный смотрела камень, то присоединялось красное к белости дивного вида ее; от воздействия же всех камней она блистала в одеянии этом. Это одеяние увидев, Александр подивился жене той, выше всех жен, и похвалил ее не только за дивное одеяние, но и за верность и любовь, которую она к Ацелешу после смерти его проявила. Ибо когда Ацелеш умер, другому мужу не

восхотѣ назватися жена, глаголаше в собѣ: «Емуже весь мирь недостои бѣ витяжству и красотѣ и добротѣ; како его забыти, а иному нарекуся жена». Ни в порабление себѣ восхотѣ дати, Трою бо разбившим греческим царем, но изволи паче смерть Ацелешевъ гроб, нежели жива поработитися в Лагонискую землю.* Симъ бо умнымъ женамъ, иже к мужемъ своимъ честь и любовъ соблюдають, двоя хвала имъ есть — и от Бога мьзда, а от людей честь, иже изволиша с мужи своими умрети, нежели срамотно живымъ быти. Йзнесоша ему венецъ тое же госпожи, егда на главу полагаше его, тогда невидимъ бываше во дни, в нощи же яко огнь светяшеся. Изнесоша ему бележецъ оружныи превелеможнѣйшаго Еликтора,* бисеромъ и камениемъ украшен, со скоропийными зубы и аспидовыми зубы, ногты; и одеяние его, иже от рыбьи кожи бѣ. И принесоша ему книгу нѣкоего философа от Рима,* кою бяше о Трои разорение от искони и до скончания. И то Александръ прочеть, иже подвиги великих витязъ, жалости и радости наполнився и рече: «О колики силнии падошася за лукавьствие мерские и лукавые жены таковыя».

Александръ же во град Тройский вниде и вопрошаше, гдѣ витяземъ гроби суть; они же ведоша его к нимъ.簡емъ ливанъ и измирну, гробы их покади, проплакав к нимъ рече: «О дивии в человѣцех храбрии витязи, лвове, Алелешу, ⟨Е⟩кторе, Якъшу, Несторе,* аще живых бы вас виделъ, честь по достоянию дал бых вамъ, да отколе отнюду же изыдосте, вамъ мертвымъ жерьтву и ливан воздаю. Но блажени есте и по смерти своей, понеже велицыи и дивии исписасте же в повѣстех и прилучистеся Омиру». Се же слышавше философи ко Александру рекоша: «Великий царю Александре, Ацелешъ, Ферлеша короля сынь, по отцы же брать есть тебѣ, а от Амона бога и Федите жены* родился есть, а ты, царю Александре, от Амона бога и от Алимпияды царицы родилъся есть, по прилучаю яко от единаго отца еста. Да аще смерть прилучит ти ся, царю, болшими похвалами подвиги царьствия твоего мы исписати имамы, нежели Омир о придииских и еллиньских царей». Александръ же рече к нимъ: «Болши бы ми от Омирьских исписаниих царевъ *конюх* назватися, нежели от ваших списаниих единой земли назватися царемъ».

Сему же бывшу Александр паки в Македонию возвратися со всими силами македоньскими и прочими цари и войсками их, иже в западнѣй странѣ мечемъ прияли бяху. И с сими яко победоносецъ в Македонию прииде, шесть на десят лѣтъ имѣлъ в далнихъ странах отшед от Македония. Мати же Алимпияда царица и мудрый еи казател Аристотелъ со всѣми македоняны и з женами и з девицеми на рецы Скамудруши* и с честными великими дары царя Александра срѣтоша и оттуду вси в Филипустъ градъ приидоша. И ту Александръ повелѣ македоняномъ 3 месяцы в домех своих почити и кони кормити и оружия направити. И еще на востокъ поити хотя и паки в Македонии Аристотеля и матерь свою остави.簡емъ с собою 100 тысяч войска, сущих единаких македонян оружием и бележцы и вси вооружены единаки гелмове, и

захотела стать женой, говоря: «Весь мир недостоин его доблести и красоты; как его забуду и другому стану женой». И в рабство себя не захотела дать, когда Трою разгромили греческие цари, но предпочла умереть на могиле Ацелеша, чем идти в рабство в Лагонийскую землю. Этим умным женам, что мужьям своим честь и любовь сохраняют, двойная хвала — и от Бога награда, и от людей честь, так как решили с мужьями своими умереть, а не жить в позоре. Вынесли ему венец этой же госпожи — кто на голову его наденет, то днем невидимым станет, ночью же как огонь светится. Вынесли ему воинскую эмблему могущественнейшего Еликтора, жемчугом и камнями украшенную, с зубами скорпиона и зубами и когтями аспида; и одеяние из рыбьей кожи. И принесли ему книгу некоего философа из Рима — о разорении Трои от начала и до конца. Александр прочел о подвигах великих витязей, печали и радости исполнился и сказал: «О, сколь сильные погибли из-за коварства мерзкой и коварной жены».

Александр в город Трою вошел и спросил, где могилы тех витязей; жители отвели его к ним. Взяв ливан и мирру, могилы их покадил и со слезами к ним обратился: «О дивные среди людей, храбрые витязи и львы Ацелеш, Ектор, Якш, Нестор, если бы живых вас увидел, честь достойную воздал бы вам, поскольку же ушли от нас, то вам, мертвым, жертву и ливан воздаю. Но блаженны вы и по смерти своей, потому что о вас, великих и дивных, написал в повестях Омир». Услышав это, философы Александру сказали: «Великий царь Александр, Ацелеш, сын короля Прелеша, по отцу брат тебе, потому что от Амона-бога и Фетиды-жены родился, а ты, царь Александр, родился от Амона-бога и от Олимпиады-царицы, поэтому вы от одного отца. И если смерть случится тебе, царь, то большими похвалами подвиги твоего царствования мы опишем, нежели Омир придийских и эллинских царей». Александр же сказал им: «Лучше бы мне в Омировых писаниях царевым конюхом быть, нежели в ваших писаниях всей земли царем».

После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруше встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход — на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них, на щитах же

роги на нихъ, на щитех же лвовы главы, и на всѣх единаки кахизма коркодилова на фарижех. И тако взятъ всѣмъ шатры около царева шатра поставити, никому же иному не вмешатися в македоньский полкъ. Повелѣ же избрати 2 тысяшши благообразных женъ и симъ колесницы и шатры отрядити повелѣ, терьяха* же нѣкоего над ними постави вся от них разумно управляти. Коли который воинъ жены требоваше, к терьяху пришедъ, златницу подаваше и, колки нощей держаше, толко златницъ даваше. Вся убо войска воюющих со Александром по уставу и подобию нарядившеся; 100 тысячь македонян тако с собою нарядив: егда царь Александръ на конь вседаше, тогда вси на конех обретахуся, и вси с нимъ во единомъ бяху, вси единацы коньми и оружие и свитами. Воевода всѣмъ Птоломѣй бяше, мужь любимъ и праведен, всякие добродѣтели исполнен, любим же Александромъ бяше велми. Егда кого македонян убиваху на бои, и от иных войскъ избираху изручна мужа и сими на мѣсто поставляше, никогда 100 тысяч македонян не умаляшесе.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

Александръ шествие творя к востоку. Которые волею к нему приидоша, сии честь и прощение от него прияша, которые ему противляхуся, тѣмъ грады разбиваше, иных мечю предаваше.

О семь же страх и трепет вси Асийскии страны обдержаше — и цари Палестиньстии, и Еврейское царьство, и Египетцкое царство. Вси бо тии Дарию подручни бяху, и мнози от нихъ к Дарию притекоша о напрасномъ нашествии македонянъ. Дарий же, царь перьский, с вѣстми посла ко Александру с листомъ: «Дарий, царь надъ цари, великий, силный гордѣниемъ и земскою славою, равен богомъ небесным, единако с солнцемъ от востока и до запада. Вѣсть во уши мои прииде, сыну Филиповъ, яко всю Елладию объятъ, и до великаго Рима дошедъ, и вси западныя цари подмял еси, и сихъ до конца затеръ еси, и до Окияна реки дошелъ еси, не точию о семъ доволенъ еси, но и нижнюю Варварию и Ефиопию и вся западныя страны, подручная царьствию моему, поколебалъ еси, и много богатества взялъ еси, и симъ еще не доволенъ еси, на Асию и Фругию, моея земли, наступилъ еси с подобными тебѣ гусари, с македоняны и отроки. В забитии положилъ еси подручную работу; к перьскому царству вси земьстии прилагаются царие. Да доволенъ буди тебѣ во отечествии обрестися, Еладиею обладати. Оставляем ти законную дань, юже отецъ твой ко царству моему приношаше. И сие помилование над тобою чиню за неизочтеную твою худость и за безмѣрную твою наглость, иже с подобными тебѣ гусарми учинилъ еси. Аще ли сему не повинешися, и силою перьскою поиду на тя и не может тебѣ вся вселенная предо мною укрыти, пред мечемъ моимъ казнити тя имам».

львиные головы, и у всех одинаковые крокодиловые попоны на конях. И всем им свои шатры около царского шатра велел ставить, никому же другому не смешиваться с македонским полком. И повелел выбрать две тысячи красивых жен и им колесницы и шатры приготовить, терьяха некоего же над ними поставил всем у них разумно управлять. Когда какому-то воину жена нужна будет, к терьяху прийдя, златницу ему даст и, сколько ночей держит ее, столько златниц и дает. И все войска Александра по уставу, как подобало, устроились; сто тысяч македонян было при царе Александре: когда он на коня садился, тогда все на конях и все с ним вместе были, все одинаковы — конями, оружием, одеждой. Воеводой над всеми Птоломей был, муж, любимый Александром и справедливый, всякой добродетели исполненный. Когда кого-то из македонян убивали в бою, то из других войск добирали достойных мужей и их на место македонян ставили, так что никогда число македонян — сто тысяч — не уменьшалось.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХ СТРАНАХ

Александр совершал поход к востоку. Кто добровольно к нему приходил, те честь и прощение от него приняли, а кто ему сопротивлялся, города тех разрушал, иных мечу предавал.

Поэтому страх и трепет охватили все страны Азии — Палестинских царей, и Еврейское царство, и Египетское царство. Все они Дарию подвластны были, и многие из них прибежали к нему из-за внезапного нашествия македонян. Дарий же, персидский царь, отправил к Александру послов с грамотой: «Дарий, царь над царями, великий, сильный гордостью и земною славою, равный богам небесным, вместе с солнцем от востока и до запада сияющий. Весть ушей моих достигла, сын Филиппов, что всю Элладу захватил ты и до великого Рима дошел, всех западных царей покорил и подчинил их себе до конца, и до Океана-реки дошел, и не только этим не удовлетворился, но и нижнюю Варварию, и Ефиопию, и все западные страны, подвластные моему царству, поколебал, и много богатств взял, и этим еще не доволен, на мои земли Азию и Фригию пришел с подобными тебе разбойниками-македонянами и отроками. Забыл служение подвластное; от персидского царства все земные цари зависимы. Доволен будь в отечестве своем находиться, Элладою обладать. Оставляем за тобою положенную дань, которую отец твой царству моему приносил. И этим милость тебе оказываю — за неизочтенное твое ничтожество и за безмерную твою наглость, которую с подобными тебе разбойниками проявил. Если же этому не покоришься, то с силою персидскою пойду на тебя, и мечом моим казню тебя, и не сможет тебя вся вселенная от меня укрыть».

Приим же Александръ листъ и прочетъ его и в той часъ раздра, посла же повелѣ со гнѣвомъ на древѣ распяти, а инымъ главы отсещи повелѣ. Македоняне же приступльше к нему и рекоша: «Царю Александре, не подобаеть ти посла убити». Он же к нимъ рече: «Не ко царю послани суть, но к разбойнику и гусарю». И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: «Не зазирайте мене о семъ, но царю вашему ругайтеся, азъ бо царя его имам, а он мене разбойника нарече; да егда вас к разбоинику послалъ есть, тогда вамъ главы отсѣклъ есть; царь бо посла никогда не убивает, да вы к разбойнику пришедше, погинули есте. Азъ же не яко разбойникъ, но яко царь живот вамъ дарую». Они же к нему рекоша: «Аще нас убиеши, царю Александре, самъ себѣ дѣлом разбойника наречеши. Дарию же малу тшету нанесеши, закон же царьский нами разориши, но умилися о нас, доволни бо есми имя твое в Персиде прославити». О семъ слове Александръ умилися и к Дарию их с листом посла: «Александръ царь Дарию, перьскому царю. Листъ твой приимъ и писания твоя в нем прочтох и благодарих, понеже не бѣ в немъ царского устава, ни подобия. Ты претиши нам, како западныя царства приемше, разорили есми. Вѣдомо да есть ти, яко всякъ человѣкъ ищетъ от нижних на вышняя преити и взыти, и се мы разумѣвше, на западе прияли есми и на востокъ идемъ. Ты претиши намъ, глаголя: „Вся вселенная полна есть имени моего и не может тебѣ укрыти и всѣхъ македонянъ", ихже гусари наречеши. Ты велиши нас бити и ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ. Да аще нас младых и крѣпких мниши быти, но паче камени адаманта твердѣйши явимся тебѣ, паче перцовых зернъ лютѣйши, государие всему твоему наречешся. На великий промыслъ надѣемся, емуже ты противишися равен быти. Но не утаися в персехъ, противу насъ изыди. Сут бо жены украшены с тобою, македоняне же суть лвове неутолимии, волею своею смерть за живот купуют». Дарий же листь Александровъ прочет, ярости и гнѣва напонився, рече к послу, иже бяше ходилъ ко Александру: «Коего возраста есть Александр, каков умомъ есть, явите ми, и коего лѣта рождение его, колика войска у него есть». Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтенъ в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судитъ право, мудрость же его по листомъ познай, царю, войска же с нимъ видѣхомъ пятсоть тысяч. Премудрый же Соломан в книгах своихъ пишет: „Посмеяния устъ и поглядание очию, поступанию ногамъ возвещаетъ еже о мужи"». Дарий же все во умъ приимъ и рече: «Воистину сии суть великихъ царей белези, но сему не мню истинну быти». Повелѣние же по земляхъ своих и странах расписати повелѣ — на поле Сенар войску собирати повелѣ, идѣже языцы столпъ создали бяху, боящеся втораго потопа нашествия. Ту языкомъ размешение бысть, ту войску собиратися повелѣ.

Во Иерусалим же и во Египет писа листъ, глаголя: «Не передавайтеся Александру, татеви и гусарю, аз бо силою перскою изручю васъ».

Принял Александр грамоту, прочел ее и тотчас разорвал, и с гневом повелел посла на дереве распять, а иным головы отсечь. Македоняне же приступили к нему и сказали: «Царь Александр, не подобает тебе посла убивать». Он же им ответил: «Не к царю посланы они, но к разбойнику и бандиту». И половину из них отпустил к Дарию, сказав им: «Не меня осуждайте за это, но царя вашего вините, ибо я царем его считаю, а он меня разбойником назвал; когда вас к разбойнику он послал, тогда вам и головы отсек; ибо царь посла никогда не убивает, а вы, к разбойнику придя, уже погибли. Я же не как разбойник, но как царь жизнь вам дарю». Они же ему сказали: «Если нас убьешь, царь Александр, сам себя на деле разбойником явишь. Дарию малый убыток нанесешь, закон же царский нами нарушишь, смилуйся над нами, мы же имя твое в Персиде прославим». И Александр смиловался, и к Дарию их с грамотою послал: «Александр-царь Дарию, персидскому царю. Грамоту твою получил, и писания твои в ней прочел, и благодарен, хотя не было в ней ни царского устава, ни подобия. Ты обвиняешь нас в том, что западные царства, покорив, мы разорили. Да будет тебе известно, что всякий человек хочет от нижних к высшим перейти и возвыситься, и мы, понимая это, западные земли покорили, и на восток идем. Ты же угрожаешь, говоря: „Вся вселенная полна имени моего и не может тебя укрыть и всех македонян", которых ты разбойниками называешь. Ты велишь нас разбить и схватить, а мы к царству твоему сами идем. Ты считаешь нас молодыми и крепкими, а мы тверже камня адаманта окажемся для тебя, лютее зерен перца, и государями над всем твоим станем. На великий промысл надеемся, которому ты противишься, желая равным ему быть. Но не скрывайся среди персов, против нас выходи. Твои персы — жены украшенные, а македоняне — львы неутолимые, добровольно своею жизнью жертвуют». Дарий же грамоту Александра прочел, яростью и гневом наполнился и сказал послу, что ходил к Александру: «Каков возрастом Александр, каков умом, скажите мне, и когда родился, и сколько войска у него». Они же сказали ему: «Лет ему сейчас тридцать, ум же его многолетен, красив он и храбр весьма и судит справедливо, мудрость его по грамоте познай, царь, войска с ним видели пятьсот тысяч. Премудрый же Соломон в книгах своих пишет: „Смех уст, и взгляд, и поступь ног сообщают о муже"». Дарий обдумал все это и сказал: «Поистине это приметы великих царей, но не верю, чтобы это было истинно». Повеление же по землям своим и странам отправить приказал: на поле Сенар войско собрать, где народы столп создали, боясь второго потопа. И тут, где разделение народов было, войску своему собраться повелел.

В Иерусалим же и в Египет написал грамоту: «Не предавайтесь Александру, вору и разбойнику, ибо я силою персидской выручу вас».

ШЕСТВИЕ ТВОРЯ КО ИЕРОСОЛИМУ

Александръ же веземъ воя своя, во Июдейскую землю и на Еврейское царство во Иеросалимъ отъиде. В то же время обладаше еврейскими сонмищи и Иеросалимскимъ царством пророкъ Бога Саваофа именемъ Еремея. И к симъ царь Александръ посла пусти с листом: «Александръ, царь над цари, сынь Филиппа царя и царицы Алимпияды, ко обретающимся началником Еврейского царства. Да есть вамъ, яко сотворилъ мя Богъ вышний царя паче всѣхъ царь в роде моемъ и вся западную страну и Рим приимъ, да вас доидох. Аще угодно есть вамъ мнѣ поклонитися и самѣмъ на отеческих законех быти и отчину и землю без боязни держати, и вѣстника ко мнѣ с словомъ пошлите и дани войску моему пошлите». Се же слышавше евреиский сонмъ молвою великою одержими бываху; листъ же Александровъ *прочетше*, вѣстника ко Александру послаша с листомъ: «Евреиский сонмъ Бога Саваофа людие, живущеи во Иеросалиме, Александру царю радоватися. Елико повѣдалъ еси намъ, с радостию увидѣхомъ. Вѣдомо да есть царствию твоему, яко отнелѣже преидохом Чермное море, ни единому повинухомся царю, но водимы есми рукою высокою и мышцею непобедимою Саваофа Бога. Се же напослѣдокъ времен разгнѣвавшуся на ны великому Богу, поработи нас Навходоносору, царю перьскому. Много же лѣтъ в порабощении быхомъ и паки возвратившеся во свою землю и нынѣ есми подручни перской десницы, ейже вся вселенная подручна есть. Аще ли тебѣ предадимся, нынѣ или утро Дарий пришед вся красная земли нашей разрушит. Аще ли Дария победиши и острию мечю перскому притупиши, во Иеросалимъ с миром приидеши и царь всей вселенней от еврей наречешися. Аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити». Евреи же единого с листомъ послаша ко Александру. Александрь же листь прочетъ и другий отписа к ним, рече: «Александръ, царь над цари, всѣмъ живущим во Иеросалиме пишу. Елика писасте ко мнѣ, ту познахъ. Не подобает вамъ, людемъ Бога живаго, подручным быти человѣку идолослужителю. Да не задержав, ко мнѣ дани принесите. Азъ бо, не поклонився Богу во Иеросалиме, на бой к Дарию не поиду. Вѣдомо да есть вамъ, яко Дариевы десницы напрасно избавити вас хощу». Вѣстника же еврейска *отправи*, а самъ ко Иеросалиму поиде. Пророкъ же Иеремѣя пришествие его слышав, совѣтъ сотвориша со иеросалимляны: «Добро есть, — рече, — намъ Александра пустити во град. Видѣхъ бо в нощь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: „Се грядет к вамъ, о немже азъ древле пророкох, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие нам платити имаетъ"». Се же людемъ угодно явися. Александрь же в ту нощь видѣ сонъ: явися ему пророкъ Иеремѣя во одеянии архиерея Аарона и рече ему: «Александре, поиди во Иеросалимъ и ту поклонися Богу Саваофу, и поклонився ему, на Дария иди; и сего победивъ, персомъ государь наречешися». Александрь же, от сна воставъ, властелем своим сонъ исповѣда и ко Ерусалиму поиде. И приближившуся ему ко граду, слышав же сего пророкъ Иеремѣя, всякому дыханию на срѣтение царю

ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ

Александр же, взяв войско свое, в Иудейскую землю, в Еврейское царство к Иерусалиму пошел. В то время владел еврейским народом и Иерусалимским царством пророк Бога Саваофа по имени Иеремия. И к ним отравил царь Александр посла с грамотой: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, к нынешним начальникам Еврейского царства. Знайте, что Бог вышний сделал меня выше всех царей в роде моем, и, всю западную страну и Рим покорив, я до вас дошел. И если хотите вы мне подчиняться, и отеческие законы сохранить, и отечество и землю без боязни держать, то вестника ко мне с ответом пришлите, а войску моему — дани». Услышав это, еврейский народ был в сомнении великом; послание Александра прочтя, вестника к Александру послали с грамотой: «Еврейский народ, Бога Саваофа люди, живущие в Иерусалиме, Александра-царя приветствуют. Что нам сообщил ты, с радостью мы узнали. Да будет известно царствию твоему, что с тех пор как перешли мы Красное море, ни одному не повиновались царю, но водимы рукою высокой и мышцею непобедимой Саваофа-Бога. Но в последние времена, когда разгневался на нас великий Бог, поработил нас Навуходоносор, царь персидский. Много лет мы в порабощении были и снова вернулись в свою землю и ныне подвластны персидской деснице, которой вся вселенная подвластна. И если тебе предадимся, то сегодня или завтра Дарий, прийдя, все блага земли нашей разрушит. Если же Дария победишь и острие меча персидского притупишь, то в Иерусалим с миром придешь и царем всей вселенной евреями назван будешь. Если же Дария не победишь, то в Иерусалим не войдешь». Евреи одного из своих с грамотой послали к Александру. Александр грамоту прочел и другую написал к ним: «Александр, царь над царями, всем живущим в Иерусалиме пишу. Что написали вы мне, я узнал. Не подобает вам, людям Бога живого, подвластными быть человеку-идолопоклоннику. Не медля, дани ко мне принесите. Ибо я, не поклонившись Богу в Иерусалиме, на бой с Дарием не пойду. Знайте, что от Дариевой десницы избавлю вас». Вестника еврейского отправив, к Иерусалиму пошел. Пророк же Иеремия, о приходе его услышав, совещался с иерусалимлянами: «Нужно нам Александра пустить в город. Видел я ночью этой во сне пророка Даниила, сказавшего мне: „Вот идет к вам тот, о ком я давно пророчествовал, ибо от персов мы пострадали, Александр же возмездием за нас воздаст"». И это народ одобрил. Александр же в ту ночь видел сон: явился ему пророк Иеремия в одеянии первосвященника Аарона и сказал ему: «Александр, иди в Иерусалим, и там поклонись Богу Саваофу, и, поклонившись ему, на Дария иди; победив его, государем персов станешь». Восстав ото сна, Александр вельможам своим сон рассказал и пошел к Иерусалиму. Когда же он приблизился к городу, услышавший об этом пророк Иеремия всему живому навстречу царю пойти повелел. Сам же, в одеждах

поити повелѣ. Сам же во одежи архиерейской со свещами и с кадилницами стрѣтоша и покадиша. Александръ же, видѣвъ пророка Иеремѣю, и ко властелемъ своимъ рече: «Сего пророка видех в сию нощъ». И тако Александръ ссѣдъ с коня и поклонися ему до земли и целова ризы его. Пророкъ же Иеремѣя покадивъ его и благослови и за руку имъ его, въ церковъ введе, Святая Святых, поклонитися, юже созда Соломан царь. Александръ же вопрошаше пророка: «Возвести ми, в коего Бога вѣруете?» Пророкъ же рече ему: «Во единаго Бога вѣруемъ, иже небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, иже око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце человѣку не взыде». О семъ Александръ удивися и рече: «Поистинне велику Богу раби есте вы; да вѣрую аз в него, исповѣдую, дѣла бо его яве творитъ; дарую ему дани, иже от вас взял бых яко от прочих языкъ; Богъ вашъ во мнѣ да будет и мирь его со мною да будет». Взем же пророкъ злата много с людми града того и сии ко Александру принесоша. Он же не восхотѣ взяти ничтоже, но вмѣсто дара дасть Богу Саваофу. И се рекъ, отъиде от земли еврейские, восхотѣ поити ко Египту. Проводи же его пророкъ Иеремѣя до полудни и сказа ему пророчество Данила пророка, иже преже бѣ, ко Александру рече: «На помощъ призывай Бога Саваофа и силу перьскую победити имаеши и всему от востока и до запада царь наречешися, егда вся си совершиши, тогда и близу рая доидеши и ту человѣки наидеши, иже *не* есть от женъ Адамовых, согрешениемъ не живут, дебелостию плотьскою обременении же, якоже и мы, но мирно *нѣкако* живут, близу аггельскаго жития; сии блажени от Бога наричутся. Сих же увидиши, Александре, вся, иже о возвращении твоемъ, прорекуть ти». И паки рече ко Александру: «Не остави нас в жалости, возми нѣчто от нас любве ради». Александрь же к нему рече: «Якоже велиши, святый отче, да сотворю». И повелѣ пророкъ принести камень лихнитарий,* на немже бѣ вписано имя Бога Саваофа, егоже на гельме ношаше Исусь Навгинь, егда на бои хождаше на иноплеменники. Повелѣ ему принести меч Голияда иноплеменника, егоже на рати уби пророкъ Давидъ, царь еврейскии; повелѣ ему принести гелмъ Самсона силнаго со змиевыми ногты и копие Самсоново и оружие его, емуже ни едино настояще оружие, ни желѣзо; принесоша ему щитъ от анта гвоздия,* егоже разбити ни едино желѣзо можетъ, иже бяше был Атана,* сына Саулова. Гражане же дароваша его и даша сто тысяч купль микдал и коней 200. И тако благослови его пророкъ и самъ Александру рече: «Нектому, Александре, землю свою видиши». И отпусти его с миромъ. Александръ же во Египет отъиде.

О ПРИХОЖЕНИИ КО ЕГИПТУ

Египтяне же прямо ему на бой готовляхуся, не хотяще повинутися Александру. Он же с своими вои оступи около града Египта, крѣпко рвати повелѣ. В то же время зноеве бяху велицы. Езеро же близъ Египта быстро и студено бяше

первосвященника, со свечами и кадильницами встретил его и покадил. Увидев пророка Иеремию, вельможам своим Александр сказал: «Этого пророка видел я этой ночью». И Александр сошел с коня, поклонился ему до земли и целовал ризы его. Пророк Иеремия покадил его, и благословил, и, за руку взяв, в храм ввел, поклониться в Святая Святых, что создал царь Соломон. Александр спросил пророка: «Скажи мне, в какого Бога веруете?» Пророк же сказал ему: «В единого Бога веруем, который небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, что око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит». Александр удивился и сказал: «Поистине великого Бога вы рабы; да верую и я в него и исповедую его, ибо явны дела его; даю ему в дар дани, которые от вас взял, как и от прочих народов; Бог ваш во мне да будет и мир его со мною да будет». Взял пророк Иеремия с людьми города того много золота и принесли его к Александру. Он же не захотел ничего взять, но в дар принес Богу Саваофу. И, сделав это, пошел из земли еврейской, собираясь отправиться к Египту. Пророк Иеремия провожал его до полудня и передал ему пророчество пророка Даниила, что было прежде, и еще сказал Александру: «На помощь призывай Бога Саваофа — и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю, и там людей найдешь, которые не от жен Адамовых, живут без согрешения, хотя и плотью обремененные, как мы, но спокойно, близко к ангельскому житию; они блаженными от Бога называются. И когда их увидишь, Александр, они все о возвращении твоем скажут тебе». И еще сказал Александру: «Не оставь нас в печали, возьми что-либо в знак любви». Александр же ему сказал: «Как ты велишь, святой отец, так и сделаю». И повелел пророк принести камень лихнитарий, на котором написано имя Бога Саваофа, который на шлеме носил Иисус Навин, когда на бой ходил с иноплеменниками. Повелел ему принести меч Голиафа, иноплеменника, которого в бою убил пророк Давид, царь еврейский; повелел ему принести шлем Самсона сильного со змиевыми когтями, и копье Самсоново, и оружие его, которому никакое оружие не противостоит, ни железо; принесли ему щит из металла анта, который разбить не может никакое железо, прежде он был у Атана, сына Саулова. Горожане подарили Александру сто тысяч мер миндаля и двести коней. Благословил его пророк и сказал Александру: «Не увидишь больше, Александр, своей земли». И отпустил его с миром. Александр же в Египет пошел.

О ПРИХОДЕ В ЕГИПЕТ

Египтяне же против Александра к бою готовились, не желая ему покориться. Осадив город Египет со своим войском, он во всю силу воевать с ними повелел. В то время зной был сильный; озеро же близ Египта было быстрое

велми. Царь же Александръ от безмѣрнаго зноя прохладитися восхотѣ, окупася, и превзя его водная студенъ естественую доброту, и в немошъ в велику впаде. Египтяне же немошъ Александрову слышавше, лукавьствие сотвориша. Листь скоро сокровенно ко Александрову врачю писаше Филиппу: «Великий врачю Филиппе, Александра аще врачебнымъ былием умориши, ты всему Египту царь будеши». Филип же сий листь приимъ, много смѣяся и раздра и к нимъ листь отписа: «О безумнии и несмысленнии послове египетьстии, аще бы царствию вашему хотѣлъ бых, скоро бы Александръ мой дал бы мнѣ многая силна и болша царствия вашего, иже мечемъ своимъ приял — царствия вся си аз ни во что же вмених, преобидѣхъ и презрѣхъ, Александра же единаго изволих имѣти паче всѣхъ царствий земских и богатьств, вес бо миръ не достоинъ ни единому власу, отпадающу от главы его. Вѣдомо да есть вамъ, яко Александръ здравъ есть, но хитрость вамъ творимъ, яко невѣрьствие ваше искусити. Заутра же его увидите на великомъ конѣ здрава ѣздяща и весела». Сей листь египтяне видѣвше и убояшася и ко Александру листь тайно писаша: «Вѣдомо буди царствию твоему, великий Александре, яко Филип, врач твой, ядовитым зелием уморити тя хощет, за невѣрие живота своего, невѣрен бо ти есть». И листъ ко Антиоху принесоша, Антиох ж ко Александру принесе. Александръ же листъ прочетъ и в руцѣ своей держаше, и в той час Филипъ врачь прииде, кубокъ полон нося зелия растворена, и ко Александру глаголя в тайнѣ: «Александре царю, сие зелие пивъ, исцелѣеши от немощи». Восстав же Александръ, в руце кубокъ приемъ, прослезися и рече к Филипу: «Любимый мои Филипе, велико мнѣ сие пиво пити?» Филип же к нему рече: «Пий, царю, не сумнися, полезно ти будетъ, от немощи исцелѣеши». Александръ же еще к нему рече: «Не на ползу ми даеши сие пиво, Филиппе». Филип же цареву сумнинию проразумѣвъ,埋 вземъ кубок, половину испивъ. Царь же видѣвъ, к Филипу рече: «От руки твоея мнѣ смерть сладка есть». И се веземъ царь, испии, Филипу же листъ египетъский дасть. Филип же прочетъ листь, главою покивавъ и много проплакавъ, рече Александру: «О великий царю Александре, на главѣ твоей всѣхъ царей земских главы висятъ; да аще сие хотѣлъ быхъ сотворити, твоея главы падением вся вселенная поколебати. Вес бо миръ не достоинъ единому власу падающу от главы твоея; тебе убивъ, которому царю назвался бых рабъ! На лутче бы мнѣ живу в землю внити, нежели твоею смертию весь миръ поколебати». Александрь же рече: «Врачь царя не убиваетъ, вѣра бо велика в немъ». И се рекъ, ляже спати весь день до вечера. Возбодився, сяде с македоняны и много веселився.

И всю нощъ покойно спав. Заутра же повелѣ войску вооружатися, и со всѣх странъ ко граду напрасно повелѣ итти, и пушек сто поставити повелѣ около града и бити во градъ. И много людей во граде избиша. Бяше же видети стрѣлы летяща во град яко облакъ, египтяне же чрез день не можаху глядити, из града великими гласы начаша вопити: «Помилуй нас, царю Александре, старъ убо от нас отшел еси и паки пришел еси к намъ младъ».

и холодное. И царь Александр от чрезмерного зноя прохладиться захотел, искупался, и превозмог холод воды его природное здоровье, и он заболел. Египтяне же, услышав о болезни Александра, коварство учинили. Быстро написали тайное письмо к врачу Александра Филиппу: «Великий врач Филипп, если Александра врачебным зелием уморишь, царем всего Египта будешь». Филипп же, получив письмо, много смеялся и, разорвав его, так отписал им: «О безумные и несмысленные послы египетские, если бы царства вашего захотел, то Александр дал бы мне лучшее и большее царство, чем ваше, из тех, что он мечом своим взял, — царства все эти я счел за ничто, пренебрег ими и презрел их, Александра предпочтя всем царствам земным и богатствам, ибо весь мир не достоин одного волоса с головы его. Знайте, что Александр здоров, а это — хитрость, чтобы коварство ваше испытать. Завтра же увидите его на великом коне ездящим, здоровым и веселым». Получив это письмо, египтяне испугались и написали к Александру тайное письмо: «Да будет известно царствию твоему, великий Александр, что Филипп, врач твой, не уверенный в своей жизни, ядовитым зелием уморить тебя хочет, — неверен он тебе». И это письмо к Антиоху принесли, Антиох же Александру принес. Александр письмо прочел и в руке своей его держал, и в это время Филипп-врач вошел, неся кубок, полный растворенного зелия, и Александру тайно говорит: «Царь Александр, это зелие выпив, избавишься от болезни». Встав, Александр в руку кубок взял, прослезился и сказал Филиппу: «Любимый мой Филипп, хорошо ли мне это пить?» Филипп же ему ответил: «Пей, царь, не сомневайся, полезно тебе будет, избавишься от болезни». Александр ему говорит: «Не на пользу даешь мне это питье, Филипп». Филипп, сомнение царя поняв, взял кубок и выпил половину. Царь, увидев это, сказал Филиппу: «От руки твоей мне смерть сладка». И, взяв кубок, выпил, а Филиппу письмо египетское дал. Прочел Филипп, головою покачал и, много плакав, сказал Александру: «О великий царь Александр, от головы твоей всех царей земных главы зависят; да если бы я сделал это, твоей головы падением вся вселенная поколебалась бы. Но весь мир недостоин волоса, падающего с головы твоей; тебя убив, какому царю стал бы я рабом! Лучше мне живым в землю сойти, чем твоею смертью поколебать весь мир». Александр же ответил: «Врач царя не убивает, велика вера ему». И, сказав это, лег спать и проспал весь день до вечера. Проснувшись, сел с македонянами и много веселился.

И всю ночь спокойно спал. Утром же повелел войску вооружиться и со всех сторон быстро подойти к городу, и сто пушек повелел поставить вокруг и из них бить по городу. И много людей в городе убили. Стрелы летели в город как туча, так что египтяне днем не могли видеть и начали громко кричать: «Помилуй нас, Александр, старым ты ушел от нас и снова пришел к нам молодым».

Александрь же египтян вопрошаше: «Како от вас старъ отидохъ и младъ к вамъ приидох, скажите ми?» Они же отвещавше: «Нектанава царя имѣхомъ, емуже еси сынь ты, отходя от насъ писмо свое остави у нас. Написано так: „Отхожу от васъ старъ и прииду к вам младъ; се будет пришествия моего бѣлѣгъ — егда ко образу своему прииду и поклонюся, иже на столпѣ средѣ Египта стоит, тогда венецъ от руки его спадет"». Александръ же слышав, поиде во Египетъ и къ столпу прииде, и приступль ко образу его, и урвася венецъ з главы образа на Александра. И ту Александръ повелѣ сотворити 4 столпы великии, на единомъ столпѣ повелѣ себе во злате сотворити, на второмъ столпѣ повелѣ Птоломия воеводу создати, на третем же Антиоха, на четвертом Филона храбраго повелѣ сотворити, всѣх же к востоку зрѣти сотвори. На Нектанавов же столпъ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелѣ разбити всего. Врача Филиппа царя граду Египту сотвори. Сам же во Египте сокровище многих царей первых обрѣте.

Сему же бывшу, вѣстники приидоша ко Александру царю, глаголяще: «Вѣдомо да есть ти, царю Александре, Дарий, великий царь перский, со всѣми восточными силами на Ефратъ реку прииде». Александръ же слышав и воя своя вся собра, къ Ефрату рецы идяше. Ефрата же реки не дошел, войско преписати повелѣ и обрѣте 6-сотъ тысячь конных, а пѣших 1000 и 400. Дарий же войско свое преписати повелѣ и обрѣте 1000 тысяч конникъ и тысячю тысяч пѣших. В той день лазуку Дариева ухватиша и ко Александру приведоша; и сихъ обѣсити повелѣ, яко да возвесят войску перьскому число. Они же к нему рекоша, истинну исповѣдаша; Александръ же держити их повелѣ до вечера. И войску же своему всему повелѣ — всякому человѣку огнь сотворити; лазуку же Дариева на высоку гору возведе и показа имъ войско, они же видѣвше безчисленное множество огней. И тако отпусти их Александръ, рече им: «Законъ есть македоняном, егоже на бою хватят, тому главу отсекают и никогоже бо оживляют; да аще з Дариемъ вы на бои не ходите, боле бо человѣку свой живот, нежели всего свѣта имѣние. Царю же вашему рцыте: „Царю ... подобает со царем битися; егда битися начнем, ищи мене на златой колесницы ездяща межу лвовы знамены, гдѣ видиши позлащены гелмы и типаны парижи, ту есть македоньскии полкъ"». И се рекъ, отпусти их. Лазуки же к Дарию царю пришедше, вся сказаша ему, яже видѣша, Александра хваляху много и войско его повѣдаху много. Дарий же повелѣ имъ языки урѣзати, да бы персомъ не исповѣдали. Сам же на бой войску повелѣ направити, совѣт же сотвори с вои своими, глаголя: «Не подобно тебѣ самому, царю, на бой поити, Александръ бо гусарь есть, от малых царей есть царь, Дарий великъ на земли паче всѣхъ царей». И се угодно цареви явися Дарию. Дарий же царь великаго воеводу своего Миманда на свое мѣсто устави и рече к нему: «6-сотъ тысячь избранных персъ вземъ, 200 тысячъ ефиопъ, 200 тысяч мидий, 4-ста тысяч пѣших со стрелами и сихъ всѣх возми, Тигръ реку прешед, Александра, сына Филипова,

Александр же египтян спросил: «Как это я от вас старым ушел и молодым к вам пришел, скажите мне?» Они ответили: «Был у нас царь Нектанав, которому ты сын; уходя от нас, он писание нам оставил. Написано в нем так: „Ухожу от вас стар и приду к вам молод; вот будет знак моего прихода, — когда к статуе своей приду и поклонюсь, той, что на столпе в Египте стоит, тогда венец с руки ее спадет"». Александр, услышав это, вошел в Египет и к столпу пришел; когда подошел он к статуе, упал венец с головы ее на Александра. И тут Александр повелел сделать четыре больших столпа, на одном столпе повелел себя в золоте изобразить, на втором столпе — воеводу Птоломея, на третьем — Антиоха, на четвертом — храброго Филона, и чтобы все на восток смотрели. Александр взошел на столп Нектанава, Египет осмотрел, так как очень высок был этот столп, и повелел его разбить. Врача Филиппа царем Египта сделал. Сам же в Египте сокровища многих прежних царей нашел.

И когда это было, вестники пришли к царю Александру, говоря: «Знай, царь Александр, что Дарий, великий царь персидский, со всеми силами восточных земель на реку Евфрат пришел». Услышав это, Александр собрал все свое войско и отправился к реке Евфрат. Не доходя до реки Евфрат, он повелел войско свое переписать, и было шестьсот тысяч конных, а пеших тысяча четыреста. И Дарий свое войско переписать повелел, и было в нем тысяча тысяч конных и тысяча тысяч пеших. В тот день разведку Дариеву схватили и привели к Александру; он велел их повесить, так как хотел, чтобы они сообщили о численности персидского войска. Они же ему сказали, истину сообщив; Александр велел задержать их до вечера. И войску своему приказал, чтобы каждый воин костер разложил; разведку же Дариеву на высокую гору возвел и показал им войско, и они увидели бесчисленное множество огней. И, отпуская их, Александр сказал: «Закон есть у македонян — кого в бою схватят, тому голову отсекают и никому не оставляют жизнь; поэтому вместе с Дарием вы на бой не ходите, ибо дороже человеку своя жизнь, нежели богатства всего мира. Царю же вашему скажите: „Царю подобает с царем биться; когда начнем битву, ищи меня на золотой колеснице среди знамен со львами, — где увидишь золоченые шлемы и отборных коней, тут и македонский полк"». И, сказав это, отпустил их. Разведчики к царю Дарию пришли и все сказали ему, что видели, Александра хвалили много и сообщили, что войско у него огромное. Дарий же велел им языки отрезать, чтобы они этого персам не сказали. А сам велел войску к бою приготовиться и советовался со своими воинами, и сказали ему: «Не подобает тебе, царю, на бой идти, так как Александр — разбойник, из малых царей царь, а ты, Дарий — велик за земле, больше всех царей». И это одобрил царь Дарий, великого воеводу своего Миманда вместо себя поставил и сказал ему: «Шестьсот тысяч избранных персов возьми, двести тысяч эфиопов, двести

ко царству моему приведи. Аще ли пред тобою побегнет, а ты гони, не остави его, боги перъскими укрепляемъ». Миманда же войско веземъ, Тигръ реку прешед, войску Александрову возрѣвъ, на бой направитися повелѣ. Александръ же перьское воиско видѣвъ, войску своему повелѣ готовымъ быти, и вседоша на кони вси. Тогда Александрь, собрав войско свое, рече к нимъ: «О всесилнии и любимии и велемощнии македоняне, елики македоньстии витязи, покровъ и промыслъ великаго Бога, егоже видѣста, како великий Римъ прияли есми, и западу всему государи назвахомся, и отоки моръстии прияхомъ, Иерусалимъ прияли есми, ту Богу небесному поклонихомся и, его помощъ вземше, Египет прияли есми и великаго царя Дария перьскаго дошли есми. Аще сего убием, государи всему его будем, аще ли нас побиет, то вся вселенная пред образом его укрыти не может; лутче бо намъ ныне всѣмъ на бою умрети, нежели пред персы бѣгати; всякому велеумну мужу смерть почтена болши есть, нежели срамный животъ. Вѣдомо да есть вамъ, яко разбити их имамы, понеже царя их с ними нѣтъ, всяко бо войско безглавни суть без царя. И зрите ихъ неурядно на бой идущих, сии вскоре бѣгати начнутъ, безглавни суть. Знаите и вы, яко перси овцы наричются, македоняне же волцы суть, пред единем бо волком много бѣгает овецъ. Перси бо погнани суть, а вы своею волею с царем своимъ идете на бой. Молюся вамъ, милая братия, храбро на бой сей поидѣте, паче иных, колико бо войско на войско идетъ, тогда остроту войска их отнимает». И се рекъ Александръ, на великого коня всѣдъ и гелмъ на главу свою постави и войско все на двое раздели, самъ в македоньскомъ полку по уставу ѣде, Антиоха и Птоломѣя со двема полки на бой посла. И тако напрасно мечи ударишася, персы же, не могуще македоньскимъ противитися мечем, начаша бѣгати. Александръ же взамѣсь с ними идяше и тако до Дариева окола приспѣша. Дарий же, видѣвъ войско разбито, на борзого коня всѣдъ, побѣже. Александръ же сихъ разбивъ, мертвых повелѣ вкопати в землю, живых же с честию отпустити, тако рекъ имъ: «Рцыте царю вашему Дарию: „Доволен буди оброки своими, Дарии"». Миманда же, воеводу Дариева, уби. И тако двигъся со околомъ своимъ, Ефрат реку преиде и мосты разметати повелѣ.

Дарий же, перьский царь, по всей земли своей посла, войску в Вавилоне собиратися повелѣ, и две тысящи тысящей войска собрав, на Сенарьское поле* иде, на Александра. Александръ же много множества видив войска Дариева и страх на сердцы своемъ имѣяше, сего македоняном не являше. На высокомъ мѣсте ставъ, рече: «О велемошнии мои вои и милии македоняне мои, вѣдомо да есть вамъ, яко всякий бѣгая борзи его гонящаго; единому рыкнувшю лву, мнози умирают звѣри. А намъ узаконися всегда гнати и убивати, персом же узаконися бѣгати и умирати пред нами. Дарей бо велико войско навелъ есть на нас, не хотѣлъ намъ чести сотворити, убивая многих, *многие* чести достоин есть. А мы Миманда воеводу убихомъ, да аще Дария убием, то безпечални

тысяч мидийцев, четыреста тысяч пеших лучников — и, с ними реку Тигр перейдя, Александра, сына Филиппова, к царству моему приведи. И если пред тобою побежит, то ты преследуй, не оставляй его, богами персидскими укрепляемый». Миманд же, взяв войско, реку Тигр перешел, войско Александрово осмотрел и велел к бою готовиться. Александр, увидев персидское войско, войску своему велел приготовиться, и сели все на коней. Тогда Александр, собрав свое войско, сказал: «О всесильные, любимые, могучие македоняне, вы видели, каков промысл великого Бога о македонских витязях и какова помощь его, как великий Рим мы взяли и западу всему государями стали, и острова морские подчинили, Иерусалим покорили, и тут Богу небесному поклонились, и, с его помощью Египет завоевав, до великого царя Дария дошли. Если его убьем, государями над всем его будем, если же он нас победит, то вся вселенная нас от него укрыть не сможет; поэтому лучше нам ныне в бою умереть, нежели от персов бежать; всякому многоумному мужу смерть почетнее, нежели позорная жизнь. Знайте, что мы разобьем их, потому что царя их с ними нет, а всякое войско безглавно без царя. Смотрите, как они неустроенно на бой идут, вскоре они побегут, ибо безглавны они. Знайте вы, что персы — овцы, а македоняне — волки, а от одного волка много овец бежит. Персы ведь идут по принуждению, а вы своею волею с царем своим идете на бой. Прошу вас, милые братья, храбро идите на этот бой, храбрее, чем те, ибо когда войско на войско наступает, то воинский пыл противника уменьшается». И, сказав это, Александр на великого коня сел, шлем на голову надел и войско разделил надвое, сам в македонском полку по уставу ехал, а Птоломея и Антиоха с двумя полками на бой послал. И когда внезапно мечами ударили, персы, не в силах македонским противиться мечам, побежали. Александр же, смешавшись с ними, шел, и так достигли лагеря Дария. Дарий, видя, что войско разбито, сев на быстрого коня, бежал. Александр, разбив их, мертвых повелел похоронить, а живых с честию отпустить, сказав им: «Скажите царю вашему Дарию: „Довольствуйся оброками своими, Дарий"». Миманда же, воеводу Дариева, убил. После этого, подняв свой лагерь, Евфрат-реку перешел и мосты разрушить повелел.

Дарий же, персидский царь, во все земли свои послал повеление войску в Вавилоне собраться и, две тысячи тысячей войска собрав, пошел на Сенарское поле, на Александра. Александр, увидев многое множество войска Дариева и страх в сердце своем имея, не показал его македонянам. На высокое место став, сказал он: «О могучие мои воины и милые македоняне мои, знайте, что всякий бежит быстро от преследующего; когда рыкнет один лев, многие умирают звери. Нам стало законом всегда преследовать и убивать, персам законом стало — бегать от нас и умирать. Дарий-царь, приведя против нас большое войско, сам того не желая, нам честь оказал, ибо, победивший многих, многой же чести достоин. Миманда-воеводу мы убили, и если Дария убьем, то не будет у нас

будем. Вси бо с перваго иже боя утекоша, на сий бои не приидутъ». И се рекъ Александръ на бой поиде, имѣя с собою тысячю тысяч вооруженных. И войску своему смотрѣти повелѣ, иже хто преже боя побѣгнет и сий яко ратникъ без рассуждения умирает.

В ту же ношъ явися Александру пророкъ Иеремѣя во снѣ, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнѣния на Дария, с собою имѣя помошника Бога Саваофа; *носи же на главѣ своей камень, имѣяще имя Бога Саваофа*, егоже дах ти во Иеросалиме. Усты же своими глаголи на бой идя: „Единь святъ, единъ Господь, небо и землю созда, на херувимех почиваяй, Аданай, Саваофъ Богъ". И сие рекъ, победиши и весь свѣтъ противитися не можетъ». Александръ же видевъ сонъ, радостен бысть велми, смѣло на бой идяше. И со обою страну трубамъ ратнымъ ударившимъ, и войсками двема сразившамся, бѣ видети вопль человѣческий и конский, звукъ оружный. Сѣчъ от утра до полудни бывши, и персы побегоша, а македоняне за ними три дни и три нощи гнаша, четыреста тысячь их убиша, двѣсте тысяч живых ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же к нимъ рече: «К тому на бой не ходите», сихъ живых повелѣ пустити. Дарий же в Персипол, градъ столный свой, утече.

Александръ же поиде к Вавилону. Гражане же вавилонскии за сто верьстъ не даваху Александру ко граду приступити. Таковъ быв Вавилонъ величествомъ, яко рецы Ефрату притекающи в онъ, непреходней суще велицей, идѣже изрядно течаше, ту на конех бродяху. Александръ же выше града с войском своимъ ставъ, воду же посредѣ войска своего копати повелѣ, ископавше сице прямо рецы широко. Во едину ношъ вавилоняне жертву велику богом своимъ творяху, вси в храмъ Аполоновъ собрашеся, Александръ же с вои своими в нощи пришед, Ефратъ реку от града в поле отведе и воднымъ путемъ рѣчнымъ с войскомъ своимъ во градъ прииде и, не могии принятися, запалити его повелѣ. Вавилоняне же сие видѣвше, ко Александру вопияху, молящеся: «Помилуй насъ, македоньский Александре, всего свѣта царю, перьский государю». Тогда Александръ угасити огнь повелѣ. И тогда поклонишася ему вси вавилоняне и прославиша Александра царя и дары ему дивныя и многоцѣнныя принесоша. Изнесоша злато Дариево, иже бѣ ту 2000 талантъ, и 1000 коней зобных Дариевых, изведоша ему 100 лвовъ во златых чепех, 1000 пардусов ловныих, 100 париж аравитцких, иже паче бяху изрочни всѣх коней земскихъ; изнесоша ему 2000 блюдъ златых настолных Дариевых; изнесоша ему 10 000 тысяч оружия цѣла со златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ; изнесоша ему кубков златых приправленых с различным камениемъ многоцѣннымъ; изнесоша ему збруи коньские от рыбьи кожи, иже желѣзо похватити не можетъ; изнесоша ему одеяние Сескерсена,* царя перьскаго, иже бяше сотворено от змиевых очеи* со многоцѣнным камениемъ, иже бяше былъ всему свѣту царь; изнесоша ему венецъ Сонхоса* царя; изнесоша ему скатерть настолную, иже от самфира камени, Дария, царя перьскаго, егда бо на ней ядяше, николи злосердъ не бываше. Ту Александръ сотвори в Вавилоне 30 дней.

забот. Все, что с первого боя бежали, на этот бой не придут». И, сказав это, Александр на бой пошел, имея с собою тысячу тысяч воинов. И войску своему объявить повелел — если кто перед боем побежит, тот, как враг, без милости убит будет.

В ту же ночь явился Александру пророк Иеремия во сне и сказал: «Иди, чадо Александр, не сомневаясь, на Дария, с тобою помощь Бога Саваофа; носи на голове шлем с камнем, на котором имя Бога Саваофа, что я дал тебе в Иерусалиме. Устами повторяй, идя на бой: „Един свят, един Господь, небо и землю создавший, на херувимах почивающий, Адонай, Саваоф-Бог". И, так сказав, победишь, и весь свет противостоять тебе не может». Александр же, увидев сон, обрадовался и смело пошел на бой. Затрубили трубы ратные с обеих сторон, и два войска сразились, и были крики людей, и ржание коней, и звон оружия. Сечь была с утра до полудня, и побежали персы, а македоняне преследовали их три дня и три ночи, четыреста тысяч их убили, двести тысяч живыми схватили и к Александру привели. Александр сказал им: «Больше на бой не ходите», и повелел отпустить их. Дарий же в Персипол, столицу свою, убежал.

Александр пошел к Вавилону. Горожане же вавилонские за сто верст не подпускали Александра к городу. Так был велик Вавилон, что река Евфрат в него втекала, непроходимая и большая, и где она протекала, там на конях ее переходили. Александр же выше города по течению ее с войском своим расположился и повелел войску своему копать, и выкопали рядом с рекой широкий ров. В одну из ночей вавилоняне, жертву великую богам своим совершая, все в храм Аполлона собрались, Александр же с воинами своими реку Евфрат от города в поле отвел, и по руслу реки вошел с войском своим в город и, не в состоянии взять его, зажечь велел. Вавилоняне же, увидев это, Александра просили: «Помилуй нас, Александр, царь македонский, всего света царь, персидский государь». Тогда велел Александр погасить огонь. И поклонились ему все вавилоняне, и прославили Александра-царя, и дары ему дивные и многоценные принесли. Вынесли золото Дария — было его две тысячи талантов, — и тысячу коней тучных Дария вывели ему и сто львов в золотых цепях, тысячу охотничьих пардусов, сто коней аравийских, что были лучше всех коней на земле; вынесли ему две тысячи блюд настольных Дария; вынесли ему десять тысяч тысячей доспехов с золотом и многоценным жемчугом; вынесли ему кубки золотые с разными многоценными камнями; вынесли ему сбруи конские из рыбьей кожи, которую железо не берет; вынесли ему одеяние Сескерсена, персидского царя, украшенное змеиными глазами, с многоценными камнями, — он был всему свету царь; вынесли ему венец Сонхоса-царя; вынесли ему скатерть настольную Дария, персидского царя, украшенную сапфиром, — тот, кто на ней ел, никогда в унынии не бывал. И пробыл Александр в Вавилоне тридцать дней.

Дарий же слышавъ, перский царь, яко взял Александръ Вавилонъ, жалости великия наполнився, рече: «Окаянный аз, како всего своего лишихся в животѣ моемъ, како боговъ небесных силние явихся, ни человѣкъ земных достоинъ бых, единъ от малых царь силу мою разруши и разори. Окаянный азъ, Дарей, честь бо моя первая тихо ко мнѣ посмѣяся, на конецъ горко мнѣ озрѣся. Но поистинне добре есть рекъ: „Сеюще с радостию неправедное, сий с плачем и жалостию пожнут". Великий бо в мудрости еврейскии царь Соломонъ в писаниих рече: „Иже с радостию чюжая взимаютъ, то з жалостию своя отдают". Аз убо чюжая веземъ с радостию и своих ныне лишихся з жалостию. Но лутче бы мнѣ на бою от македонян убиену быти, нежели злѣ живу сущу персы царствовати. Персы бо на многа лѣта данъ взимаху от македонянъ, ныне же главами своими македоняномъ платяху». Сие же персы слышавше, царя своего Дария тѣшаху, глаголюще: «О великий царю Дарии, великим кораблемъ велика падения суть, велицы вѣтри колебают великие древа... Тако и царства множествомъ людей состоитца, якоже и море великими волнами страшно является плавающимъ. Да не скорби, царю, о семъ, вчера бо Александръ разбилъ есть, а утро мы побиемъ его, немало бо подвизати имают велемошнии витязи перьстии о своей отеческой земли».

Яви же ся нѣкий любимый и милостивый присный властелин Дариевъ, ту стоя, рече: «Великий царю Дареи, мене миловал еси много лѣтъ и велико добро сотворил еси мнѣ, да я, видав тя печална, ныне животъ свой жалость твою отдамъ, Александра же животом своимъ убию». Дарий же к нему рече: «О любимий мой, здѣлайте ми се. Аще сие сотвориши, Александра убиеши, Персиду всю от напасти свободиши, смерть твоя вмѣсто живота вменитца и мнѣ царство от руки твоея дасться; и ты от персъ великъ наречешися». И се рекъ, Авис македонское знамение на оружие свое веземъ и во Александрово воиско вниде. Александру оружену ѣздящу и свое воиско переписоваше. Авису же близ его приѣхавшю в македоньской збруи и ко Александру приближися, Александръ же во оружии стоя. Авис же веземъ меч свой, Александра же по очима хотя ударити и не улучи его и по верху шолома удари и верхъ шолома ссече и космъ верха его яко бритвою устригъ. Александръ же мнѣвъ, яко от своих ему невѣра бысть, и рече: «Не удари мене рука перьская, но удари мя рука македоньская». Авись же повторити хотя, и ухватиша его, и меч у него исторгоша, и шеломъ с него сняша, и ко Александру его приведоша. Александръ же к нему рече: «Кто и откуду еси, человѣче, и какъ тебѣ имя есть?» Он же к нему рече: «Имя ми есть Авис, персянинъ есмь, Дариевъ присныи властелинъ; любовию государя моего обдержимъ есмь, тебѣ убити хотѣхъ животом моим, государя же моего смертию твоею обвеселити хотѣхъ. Но елико могох, тако сотворих, Богъ же елико хощет, да творит». Александръ же к нему рече: «О безумный Ависе, се ты волю государя своего сотворил еси и по твоему изволению ныне умерлъ еси, мене же Богу соблюдшу. Ты ныне умерлъ еси, но

Дарий же, персидский царь, услышав, что взял Александр Вавилон, печали великой исполнился и сказал: «О несчастный я, всего своего лишился при жизни своей, считал себя богов небесных сильнее, а оказался ничтожнее людей земных, один из малых царей силу мою разрушил и разорил. О несчастный я, Дарий, ибо судьба моя прежде благосклонно мне улыбалась, теперь же смотрит на меня сурово. Но поистине хорошо сказано: „Сеющие с радостью неправедное, с плачем и печалью пожнут". Великий в мудрости еврейский царь Соломон в писаниях сказал: „Кто с радостью чужое взимает, тот в печали свое отдаст". И я чужое взял с радостью и своего ныне лишился с печалью. Лучше бы мне в бою македонянами убитым быть, нежели, бесславно живя, над персами царствовать. Персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими македонянам платят». Персы, слыша это, царя своего Дария утешали, говоря: «О великий царь Дарий, великим кораблям и великие падения, великие ветры колеблют великие деревья. Царство из множества людей состоит, как море из больших волн, которыми устрашает плавающих. Не скорби, царь, об этом, — вчера Александр разбил нас, а завтра мы разобьем его, немало потрудятся многомощные витязи персидские для своего отечества».

И пришел некто, любимец его, близкий к нему вельможа, и сказал: «Великий царь Дарий, ты благоволил ко мне много лет и много добра сделал мне, и я, видя тебя печальным, ныне жизнь свою за печаль твою отдам и Александра ценою своей жизни убью». Дарий же ему сказал: «О любимый мой, сделай это для меня. Если Александра убьешь, всю Персию освободишь от беды, то смерть твоя жизнью станет, и мне царство рукою твоею дастся; ты же персами прославлен будешь». После этих слов Авис взял македонское вооружение и присоединился к войску Александра. Александр тогда вооруженный ездил, производя смотр войску. Авис в македонских доспехах подъехал близко к Александру, Александр же был в доспехах. Авис вытащил меч свой, собираясь ударить Александра по глазам, но не попал, по верху шлема ударил, и отсек его, и волосы сверху, как бритвой, отрезал. Александр, думая, что это измена от своих, сказал: «Не ударила меня рука персидская, но ударила меня рука македонская». Авис же во второй раз ударить хотел, но схватили его, и меч у него вырвали, и, шлем с него сняв, к Александру привели. Александр спросил его: «Кто ты, и откуда, и как твое имя?» Он же ему ответил: «Имя мое Авис, перс я, близкий к Дарию вельможа; любовью к государю моему объятый, хотел тебя убить и, отдав жизнь мою, государя моего смертью твоею развеселить. Я сделал то, что смог только Бог, что хочет, то свершает». Александр же ему сказал: «О безумный Авис, вот ты волю государя своего исполнил и по своей воле ныне умер, меня же Бог сохранил. Ты ныне мертв, но поскольку о государе своем заботился, голову свою за него отдал, поступил как македонянин, — рукою своею жизнь тебе

понеже за государя своего поболѣл еси и главу свою за него положил еси, яко единь от македонян се сотворил еси — от руки моея живот тебѣ дарую, понеже сотворил еси дѣло, иже никтоже сотвори нигдѣ. Здравъ ко царству своему поиди и тако ему рцы: „Дарий, перский царю, егоже Богъ хранит, того человѣкъ не убивает, егоже ли Богъ не хранит, того вси руки человѣчи не могут укрыти. И да преломи неуломное свое сердце и царству моему поклонися, дани мнѣ дай, с подручными цари почивай"». Авис же к Дарию пришед, возвести ему, иже сотвори и како Александръ живот ему дарова от руки своея. Дарий же покивав головою и рече: «Елика может, да сотворит, Богъ елика хощет, да будет». Ависъ же рече к нему: «Тобѣ ныне всю работу мою меч платих, живот мой от рук Александровы взях. Вся бо, елико сотворил ми еси, нынѣ животом моимъ оплатих тебѣ; яко тобою мертвъ есмь, Александром же живъ есми. Елико могох, то и сотворих, Богъ же егоже любит того и сохранит. Да кланяюся тобѣ, царю Дарий, работати хощу тому, иже животъ ми дал есть». Дарию поклонився, ко Александру отъиде.

Жалостен быв Дарий и рече: «Емуже бози противляются, емуже честь на безчестие преминуетца, того ближнии и любимии его друзи оставляют. Добре бо рече: „Возношение годишнаго кола имаеть *и низношение низко*, да всякий бо возносяйся смирится"». И се рекъ, Ависа дарова и наказа ко Александру: «Александре царю, не превозносися до конца, всяк бо возносяйся смирится вскоре. Сонхосъ бо царь зѣло превознесеся, от дивиих людей смирень бысть, и аз бо вознесся, от моих смирен бых. Тобѣ аще возможно есть, буди доволенъ оброки своими, аще ли неугодно явится, то лутче есть намъ царством нашим и богатьствомъ смерть получити, яко же неудобно есть мнѣ поклонитися тобѣ, тако и тобѣ неудобно есть поклонитися мнѣ, царь бо царю не кланяется николиже, но единому умершу, другий мирует. Но готов буди на бран... десятый день иду на тя с останочными персы и с непобедимы индѣяны; бившися с тобою или тебѣ и твоих побиемъ, или с моими на отческой земли нашей с честию умремъ; и Богу о семъ мѣрила права в руку содержащу». И се рекъ Дарий, Ависа отпусти. Авис же ко Александру пришед, вся реченная Дариемъ ко Александру рече. Александръ же покивав главою рече: «О царствии мира ни с ким нѣсть, царство бо велика гора есть и высока зело, иже к вѣрным красна и сладка есть являетца, понеже водами и овошми различными украшено зело, к невѣрным же непрестýпна, но пристрашна есть. И на красоты ея позирая, неудобь изсѣсти ему мнится, точию аще разумно оправляти сию вѣсть».

Александру же в ту нощъ пророкъ Иеремѣя явися с Филинѣсом,* иереом Ерусалимскимъ, и рекоша к нему: «Дерзай, чадо Александре, самъ себѣ посла сотвори, и Дария царя исходи, и виждь войско велико индѣйское, иже ведет Дарий на тя; и сими, юже от сих македоняне имают, исходою своею от сердца избавиши. Аще Дарием увѣданъ будеши, и мы помощию Бога Саваофа избавим тя». Встав же Александръ от сна, Птоломѣю и Филону, и Антиоху

дарю, потому что ты совершил подвиг, которого никто и нигде не совершал. Невредимым к царю своему возвращайся и так скажи: „Дарий, персидский царь, кого Бог хранит, того человеку не убить, а кого Бог не хранит, того все руки человеческие не могут укрыть. Преклони непреклонное свое сердце и царству моему подчинись, дани мне дай и вместе с подвластными царями пребывай в мире"». Авис пришел к Дарию и сообщил ему о том, что он сделал и как Александр жизнь ему своею рукою подарил. Дарий, покачав головою, сказал: «Что можем, то делаем, Бог же, что хочет, то будет». Авис же сказал ему: «Тебе ныне мечом отслужил всю свою службу, жизнь мою из рук Александровых заново получил. Все, что ты сделал мне, жизнью своей оплатил тебе, и для тебя мертв, а благодаря Александру жив. Что я мог, то и сделал, Бог же, кого любит, того и сохранит. Кланяюсь тебе, царь Дарий, а служить хочу тому, кто жизнь мне дал». И, Дарию поклонившись, к Александру ушел.

Опечалился Дарий и сказал: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют. Хорошо сказано: „За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унизится"». И, сказав это, Ависа одарил и так велел передать Александру: «Царь Александр, не превозносись безмерно, ибо всякий возносящийся унизится вскоре. Сонхос-царь весьма превознесся и от диких людей унижен был, и я вознесся и от своих унижен. Удовлетворись своими оброками, если же это тебе не угодно, то лучше нам смерть принять за царство наше и богатство, так как невозможно мне поклониться тебе, так же и тебе невозможно поклониться мне, ибо царь царю не кланяется никогда, но когда один умирает, другой царствует. Но готовься к войне, через десять дней иду на тебя с оставшимися персами и непобедимыми индийцами; в сражении или мы тебя и твоих воинов победим, или с моими на отеческой земле нашей с честью умрем; справедливая мера — в Божиих руках». И, сказав это, Дарий Ависа отпустил. Авис же, к Александру прийдя, все это Александру передал. Александр же, покачав головою, сказал: «О царстве нет мира ни с кем, ибо царство — это гора большая и высокая, для верных красивой и сладкой является, потому что водами и плодами различными украшена, для неверных же неприступна и страшна. И тому, кто красоту ее имеет перед собой, трудно сойти с нее, если только знает, как разумно управлять ею».

Александру же той ночью явился пророк Иеремия с Филинесом, священником иерусалимским, и сказали они ему: «Дерзай, чадо Александр, стань сам своим послом, о Дарии-царе разузнай и рассмотри великое войско индийское, что ведет Дарий на тебя; и этим своим осмотром освободишь свое сердце от того, что беспокоит македонян. Если Дарием узнан будешь, мы с помощью Бога Саваофа избавим тебя». Восстав ото сна, Александр Птоломею, Филону

сонъ свой сказа. И на походе к нимъ рече: «Аще смерть мнѣ тамо случитца, вся земъская царства раздѣлите». Они же с плачемъ держаху его, глаголюще: «Аще сие сотворити мыслиши, то первое всѣмъ намъ главы отсѣцы». Он же к нимъ рече: «Аще Божию промыслу годе будет мене убити, а вы не можете мене оборонити. Аще ему годе будет блюсти мя, вси перскии руки не могут мене убити».

И се рекъ, в Персиду поиде яко посол к Дарию и листь понесе к Дарию. Одежу на собе персидьскую нося, сверху же его плаш финический и со аспидовыми роги и со златыми печатми ношаше. Дарий же порастас, сирѣч встрѣчю велику, сотвори, яко бы чюден послу Александрову явился. И тако Александръ вниде и, листь въземъ, Дарию дал и рече к нему: «Государь мой Александръ, царь царемъ, тобѣ, царю перьскому Дарию, мною поручи радоватися. И листь прочетъ, скоро ко мнѣ другий отпиши». Дарий же седяше на нѣкоемъ мѣсте высоком, около его лица ангельская сотворена бяху, емуже яко богу со свещами предстояху. Вся же полата от злата искусна сотворена бяше, столпи же златии и с камениемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре камени у четырех углех тое полати бяше. Листь же Дарий приимъ, дивляшеся Александрову одѣянию и клобуку, листь же велегласно повелѣ чести. Персянинъ же нѣкто нача чести, еже умѣяше македонскии слова. И листь же написа сице: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, всему свѣту царь вышняго Бога изволением. Помниши ли, Дарий, перский царю, егда дань отца моего от Македонии взимавшу и се умершу, мнѣ же на престолѣ его младу сущу оставшу, понудим бысть ты своимъ нерадным злым обычаемъ мене от царства моего согнати, иного македоняном государя вмѣсто мене сотворити и мене от очинные земли отгонити. Се же видив, Божие всевидное око, иже вся бываемая видитъ, всих сердец помышления знаетъ и мѣрами праведными мѣритъ, ныне тобѣ, а заутра мнѣ, имиже судбами государь отечеству моему сотвори мя и царя всему свѣту. Ты млада мя суща повелѣ привести, азъ же в мужество приспѣвъ, самъ к тебѣ пришелъ есмь. Якоже ты всему моему государь хотѣ назватися, тако и аз *днесь господинъ всему твоему назвася. Не тако азъ* немилостивъ, якоже тебѣ мнѣтца быти; но поклони непреклонную свою гордыню и пад, поклонися мнѣ, и дани мнѣ дай, и буди государьствуя персидьцкою землею. Аще ли тебѣ неугодно явитца, ты персомъ государь еси* и сим радъ еси заклатися от македоньских мечей. Буди готовъ со всѣми силами своими на бой въ 15 день на Синарьстей рецы,* со всѣми моими стати имамъ». И сий листь Дарий прочетъ, ко властелемъ своимъ озрѣвся и рече: «Надѣеши ли кто таковое подвиже и таковъ ярости от Македония изыти». Александръ пред нимъ стоя рече: «Не чюдно, аще македоняне всимъ свѣтомъ обладают». Дарий же к нему рече: «За что?» И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любимии, и храбрии без конца суть, войско бо сии имѣюще непоколебимо». Велможа же Дариев, ту стоя, рече ко Александру: «Почто тако к великому

и Антиоху сон свой рассказал и, уходя, сказал им: «Если смерть мне там случится, все земные царства разделите». Они с плачем удерживали его, говоря: «Если ты это намереваешься сделать, то сначала всем нам головы отсеки». Он же им ответил: «Если промыслу Божьему угодно будет, чтобы меня убили, то вы не можете меня защитить. Если же ему угодно будет уберечь меня, то руки всех персов убить меня не могут».

И, сказав это, в Персиду пошел послом, и грамоту понес к Дарию. Одежда на нем была персидская, а сверху плащ финикийский с аспидовыми рогами и золотыми печатями. Дарий же парастас, то есть встречу великую, устроил, чтобы удивить посла Александрова. Вошел Александр и, взяв грамоту, подал Дарию, говоря ему: «Государь мой Александр, царь над царями, тебе, царю персидскому Дарию, через меня передает приветствие. И, грамоту прочитав, быстро мне другую отпиши». Дарий же сидел на высоком месте, около него ангелы изображены были и перед ним, как перед богом, предстояли. Палата же вся из золота сделана была, столпы золотые были украшены многоценными камнями, и четыре камня в четырех углах палаты были. Грамоту взяв, Дарий удивлялся одеянию Александра и клобуку, грамоту же громко читать велел. И некий перс, знающий македонский язык, начал читать. В грамоте было написано так: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, всего света царь изволением вышнего Бога. Помнишь ли, Дарий, персидский царь, как ты дань от отца моего, из Македонии, взимал, и когда он умер, оставив меня на престоле своем совсем юным, велел ты, по своему злому обычаю, меня с царства моего согнать, иного македонянам государем вместо меня сделать, а меня от отеческой земли отогнать. Но видя это, Божие всевидящее око, которое видит все, что есть, всех сердец помыслы знает и справедливыми мерами отмеряет — сегодня тебе, а завтра мне, — меня государем отечества моего сделало и царем всего света. Ты, когда я был юн, велел привести меня к себе, я же, возмужав, сам к тебе пришел. И как ты над всем моим государем хотел стать, так я теперь господином над всем твоим стал. Не так я немилостив, как тебе кажется; преклони непреклонную свою гордыню и низко поклонись мне, дани мне дай и будь государем в персидской земле. Если же тебе это кажется невозможным, то ты персам враг и радуешься их убиению от македонских мечей. Приготовься со всеми силами своими на бой в пятнадцатый день на Арсинорской реке, и я со всем своим войском там буду». Эту грамоту Дарий прочел, к вельможам своим обернулся и сказал: «Ожидал ли кто-нибудь такого рвения и такой ярости от македонян». Александр, стоя перед ним, сказал: «Неудивительно, если македоняне всем светом владеют». Дарий же его спросил: «Почему?» И он сказал: «Ибо все они едины сердцами, и мудры, и храбры беспредельно, и войско их непоколебимо». Стоящий тут вельможа Дария сказал Александру: «Как можешь так великому государю отвечать?» Он же ему ответил: «У сильного государя вольный посол и верный слуга». И сказав это,

государю отвещеваеши?» Он же к нему рече: «Силнаго государя воленъ посолъ и вѣренъ слуга». И се рекъ, отступи. Дарий же к нему рече: «Буди у нас на вечери, дондеже листъ ко Александру отпишу».

Тако Дарий на вечере сѣде с своими велможи, Александра же на поклисарьскомъ мѣсте посади прямо ему, и ясти поставиша; егда служити начаша, тогда Александръ чашу испивъ в недра скры. Тогда слуга Дарию возвести сие. Дарий же повелѣ другую налити. Александръ же и тую, выпив, в недра и скры. Един же от велможъ Дариевых ко Александру рече: «Не подобаетъ на царскомъ столѣ седящу тако творити». Он же к нему рече: «У государя моего, Александра царя, первую чашу и другую испивъ, всякий собѣ беретъ». Се же персы слышавше удивишася. Кандаркусь же нѣкто, егоже Дарей в Македонию посылал бяше господствовати, с вечеря воставъ, к Дарию рече в таи: «Вѣдомо да есть тебѣ, царю Дарей, яко днесь бози всю волю твою свершиша». Он же рече: «Како?» Кандаркус же рече: «Сий посолъ македоньскии самъ Александръ есть, сынь Филипов». Дарий же, радости наполнився, к нему рече: «Аще сие истинна есть, то аз всему свѣту самодержецъ есми». И тако нача часто обращатися ко Александру тихимъ лицемъ, мнѣ собѣ невѣрну быти, рече: «Всих глава глав не обещаетца на концы». «Аще есть сеи истина не будетъ, чести всее лишюсь у тебе и главу мою мечем отсеци». О сем же Кандаркусу глаголющю, Александръ же тако домыслися, яко преже ухвачения перстеня искаше в тоболе своемъ вольховалного, иже бѣ взялъ в Трои граде в Клеопатре, египецкой царицы, коли бо той перстен на руку полагаше, тогда невидимъ от всѣхъ бываше. В руку же его вземъ, на перстъ его не положи, хотя Дарие искусити малодушие. Дарий же безмѣрною радостию возвеселися и рече: «Прилична ми тя ко Александру, человѣче, глаголютъ быти». Александръ же к нему рече: «Поистинне, великий царю, истинну реклъ еси. Александръ же, — рече, — царь приличности ради любит мя велми. Приличен бо есми к нему, мнози бо мнѣ Александра мняше». Тако Дарей в размышление впаде и не повелѣ его ухватити. Трапезу же ногою ринувъ, в ложницу отъиде со свѣщами, мысля, како его ухватити. Свѣщи же з Дариемъ отнесоша, Александръ же со властели в великом храме оста и ту стоящу ему во тмѣ и совлече с себе многоцѣнное одѣяние и македоньскую коруну, перстен же волховный на перстъ возложи. И тако ко вратомъ града притек, и чашу златую из надръ веземъ, и дастъ сторожу, и рек: «Возми чашу сию и держи, Дарий бо царь посла мя стражу нарядити добро». И отвори ему врата. На другая же врата пришед, и другую чашу вземъ, сторожу дастъ, и рекъ: «Возми чашу сию и держи ю, Дарий бо царь послалъ мя еси воеводу призвати к себѣ, да стражу крѣпку утвердити». И тако отвориша ему. Скоро из града же изшед и на великаго коня всѣд, на Арсинорскую реку пред свѣтом приспѣ, и сию реку измершу обрете, и на ону страну преѣде цѣлъ. Ту бо его ждаху воеводы Птоломѣй и с Антиохомъ и Филономъ и любимый Андигон. Александръ же исповѣда имъ, яже ему в Персиде случися.

отступил. Дарий же ему велел: «Будь у нас на пиру, пока я грамоту Александру не напишу».

На пиру Дарий сел со своими вельможами, а Александра на посольском месте посадил, напротив себя, и поставили еду; и когда начали прислуживать, Александр, выпив из чаши, спрятал ее за пазуху. Слуга Дарию сообщил об этом. Дарий велел вторую налить. Александр же и ту, выпив, за пазуху спрятал. Один из вельмож Дария сказал Александру: «Не подобает, за царским столом сидя, так делать». Он же отвечал ему: «У государя моего, царя Александра, каждый, выпив первую и вторую чашу, себе их берет». Услышав это, персы удивились. Некто Кандаркус, которого Дарий в Македонию посылал господствовать, встав из-за стола, Дарию тайно сказал: «Знай, царь Дарий, что сегодня боги сделали то, что ты хотел». Он же спросил: «Как?» А Кандаркус сказал: «Этот посол македонский — сам Александр, сын Филиппов». Дарий обрадовался и сказал: «Если это правда, то я — всего света самодержец». И стал часто приветливо обращаться к Александру, и, сомневаясь, сказал: «Не станет всех глав глава рисковать своей головой». — «Если это окажется неверным, пусть чести всей лишусь у тебя и голову мне мечом отсеки». Когда Кандаркус это говорил, Александр, опасаясь, что его схватят, стал искать в тоболе своем перстень волшебный, который взял в Трое, — Клеопатры, египетской царицы, ибо тот, кто перстень этот на руку надевал, становился невидимым. И, в руку его взяв, на палец не надел, так как хотел испытать малодушие Дария. А Дарий обрадовался безмерно и сказал: «Говорят мне, что ты похож на Александра». Александр же ему ответил: «Поистине, великий царь, правду сказал ты. И царь Александр ради этого сходства очень любит меня. Похож я на него, и многие меня за Александра принимают». Задумался Дарий и не приказал его схватить. И, оттолкнув стол ногою, в спальню ушел со свечами, обдумывая, как его схватить. Свечи же вслед за Дарием вынесли, а Александр с вельможами в большом зале остался и, стоя в темноте, совлек с себя многоценное одеяние и македонскую корону, а перстень волшебный на палец надел. И, подойдя к воротам городским, чашу золотую из-за пазухи вынул и дал стражу, сказав: «Возьми эту чашу и держи, ибо царь Дарий послал меня стражу привести в порядок». И открыли ему ворота. Ко вторым воротам пришел и, взяв вторую чашу, дал ее стражу, говоря: «Возьми эту чашу и держи ее, ибо царь Дарий послал меня воеводу призвать к нему, чтобы он стражу усилил». И отворили ему. Он же, быстро из города выйдя и на великого коня сев, Арсинорской реки перед рассветом достиг и, найдя эту реку замерзшей, на другую сторону ее благополучно переехал. А тут его ждали воеводы Птоломей, Антиох, Филон и любимый Андигон. Александр рассказал им все, что с ним в Персиде случилось.

Дарий же, в ложницу вшед, 12 велмож своих призвав, к нимъ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко сий македоньский посолъ Александръ есть». Они же к нему рекоша: «Аще се истинна есть, бози перстии умилосердишася на нас». Дарии же рече Кандаркусу и Клису, лидоньскому царю: «Александра ухватите». Они же, свѣщи велики веземше, в великом храме его искавше много и о немъ вопрошаху и не обретоша, ко вратом же града текоша и у вратарей вопрошаху о немъ. Вратари к нимъ рекоша: «Два сосуда злата в сий часъ человѣкъ принесль к намъ и здѣ остави, в войску отъиде, глаголя, яко: „Царь послал мя в войску стражи нарядити и воеводу призвати"». Кандаркусь же лукавьство Александрово позна, 300 добрых конникъ взем с собою, сами на борзы кони всѣдше, на реку Арсинарскую в солнычной восход приспѣша и обретоша реку растаявшуся. Александра на оной странѣ узрѣша, в недоумѣнии быша, и сумнѣшася, и посрамишася. Александръ же к нимъ рече: «Почто вѣтра гоните, егоже не можете сустичи? Не вѣсте ли, македонских коней и Арсинорская река удержати не может. Но возвратившеся, цареви вашему рцыте: „На чаши твоей хвалим тя, во дни же сии ищи мене со всѣмъ войскомъ у Арсинарские реки на брезѣ"». И се рекъ Александръ, в войско свое поиде. Дариевы же возвратишася и вся ему о Александре возвестиша. Река же Арсинорская всяку нощъ померзаше, на всякий же день розмерзашеся и течаше водою. Дарий же царь Александрово лукавство видѣвъ, жалостно проплакав, рече: «Видите ли, коликим лукавъством прелсти нас сынъ Филиповъ, землю нашу приимъ и царство мое взя. О невѣрная и неуставная чести, тако к человѣком управну сладка являшеся и напослѣдокъ горчаиша яда змиева являшеся».

И к Пору,* индийскому царю, листь писа, силен бо бысть велми и любим Дарию, бяше 36 языкомъ царь. Листь же Дариевь сицѣ: «Иже в богох богу, всѣмъ царемъ царю, великому индѣискому Пору Дарий перьский, окаянный и неволный, унылый, радоватися тебѣ пишу. Мню да пришло есть в слух царства твоего от многих, да и малое, елико намъ македонский отрокъ нанесе. Подручество, еже к намъ имаше, сего некако избѣгъ и нас государьскии наѣха, и вси страны земли моея, до Вавилона града, к своей земли западной приложи. И сего перси, не вѣде како, убояшася и противитися не могут ему. Двожды бо с нимъ бихомся и двожды бо нас разби. Да о семъ молюся великому величеству, на нас призри и руку помощи дай, да третицею на бой изыду к нему или убию их, или от них побежен буду. Вѣдомо да есть вамъ, яко непобедима сила индийска есть ты же равен богомъ еси. Милостив буди унылым моим молбам, войско мнѣ пошли, избави мя от лютых и немилостивых македонян. Подобает бо мнѣ поклонитися силному тобѣ царю». Пор же листъ Дариев приим и сий прочет, главою покивав, рече: «Нѣсть на земли радости, иже не приложитца на жалость. Дарий бо нѣколи точен богу бысть, ныне же от македонян гоним бысть». Призва велмож своих и рече им: «4 тысячи тысяч веземше вой и к Дарию на бой на помош идѣте. Александра живаго ко мнѣ приведѣте, жаден бо еси

Дарий же, войдя в спальню, призвал двенадцать вельмож своих и сказал им: «Знайте, что македонский посол — сам Александр». Они ему ответили: «Если это правда, то боги персидские смилостивились над нами». И Дарий приказал Кандаркусу и Клису, лидонскому царю, схватить Александра. Они же, взяв большие свечи, искали его в большом зале, и спрашивали о нем, и, не найдя его, поспешили к городским воротам, и у привратных стражей спрашивали о нем. Те же им ответили: «Два золотых сосуда сейчас человек нам принес и, здесь оставив, к войску пошел, говоря: „Царь послал меня к войску устроить стражу и призвать воеводу"». Кандаркус, обман Александров поняв, триста всадников добрых взял с собою, и на быстрых конях к солнечному восходу достигли реки Арсинорской, но лед на реке уже растаял. Александра же на другой стороне увидели и, посрамленные, остались в растерянности и смущении. Александр же им сказал: «Зачем ветер преследуете, которого не можете догнать? Не знаете разве, что македонских коней и Арсинорская река сдержать не может. Возвратитесь к царю вашему, скажите: „За чаши твои благодарю тебя, в эти дни ищи меня со всем войском на берегу Арсинорской реки"». И, сказав это, Александр к войску своему отправился. Посланные же Дарием возвратились и все ему об Александре рассказали. Река Арсинорская каждую ночь замерзала, днем же лед таял, и река текла водою. Дарий, Александров обман узнав, печально плача, сказал: «Видите, как коварно обманул нас сын Филиппов, землю нашу и царство мое взяв. О изменчивая и неведомая судьба, людям сперва сладкой являешься, а напоследок горче яда змеиного».

И к Пору, индийскому царю, написал грамоту, ибо был это сильный, любимый Дарием царь над тридцатью шестью народами. Грамота же Дария была такова: «Богу среди богов, всем царям царю, великому индийскому Пору — Дарий, несчастный, притесняемый, печальный, — приветствую тебя. Думаю, что достигло слуха царского твоего от многих хоть немногое о том, что нам македонский отрок причинил. Подвластен был нам, но вышел из-под нашей власти, и на нас как государь напал, и все страны земли моей, до Вавилона-города, к своей земле западной присоединил. И персы, не понимая, как это произошло, испугались и противостоять не могут ему. Дважды с ним бились, и дважды он нас разбил. И прошу великое величество — окажи нам милость и руку помощи дай, в третий раз выйду на бой против него и либо разобью их, либо ими побежден буду. Известно вам, что сила индийская непобедима; ты же равен богам. Милостив будь к печальным моим мольбам, войско мне пошли и избавь меня от лютых и немилостивых македонян. Мне же подобает поклониться тебе, сильному царю». Пор, грамоту Дария взяв, прочел ее и, покачав головою, сказал: «Нет на земле радости, что не заменится печалью. Дарий некогда равен богу был, ныне же македонянами преследуем». Призвал вельмож своих и сказал им: «Четыре тысячи тысяч возьмите войска и к Дарию на помощь

видети отрока того, млада бо и смыслена глаголют его быти». И собравшеся, к Дарию поидоша. Слышав же Дарий пришестие их и мало нѣкако от великие скорби в радость прииде. Персом же братися повелѣ, и всѣхъ бысть 10 000 тысячей, и на Александра со всѣмъ поиде. Воеводы же индѣйские войски на Олександра исходу послаша, и сих Александровы стражи ухватиша... и ко Александру приведоша. Александръ же их на высоко *мѣсто возвести* повелѣ, и войску же своему вооружатися повелѣ, и на бой их урядив, и на Дария поиде, исходником глядати повелѣ. Егда же близ войска Дариева быша, и тогда Александръ исходники пусти. Исходницы же воеводам Дариевым повѣдаша: «Войско силно и остро видели есми велми, сердито и борзо идут на бой, не сумнящеся ничтоже, вси же оружены быша добрѣ конми, до 4000 тысячеи бяху». Индияне же страхом великим содержими бяху, на бой яко силою водими бяху. И соступившемася двема войскома, солнце от *праха* помрачися страх же индиян и македонян объятъ. Вкупе и замесившеся вси, единии з другими не знахуся. Вѣтръ же бурный дохнувъ, и начаша сечися, весь день измесишася. Александръ же не могий терпѣти, со заставою своею тысяща тысяч избранных витяз посредѣ ихъ вниде самъ на златой колесницы ѣздя. Индияне же и персы, сего узрѣвше, страхом великим одержими бяху, побегоша.

Дарий же, то видѣвъ, отчаявся, в недоумѣние впаде и, вся остави, побѣже напрасно, сия словеса глаголя: «Окаянный аз, како небесным подобляхся и земных сподобихся, како всему свѣту царь бых, в моем отечествии не сподобихся умрети». Се ему глаголющу к Персиполю, граду своему, бежаше, сустигоша же его два велможи, Кандаркус и Аризванъ,* присныи и любимыи его властели, единъ от страны, а другий от другой мечи его прободоша и с коня его сорваша, свергше его с коня, едва жива оставиша.

Александръ же единаго воеводу призва, рече: «Ко индийской и перской войсце поиди и к нимъ рцы: „Царь вашъ Дарий убиен есть, не мозите бѣгати, но стоите. Аще ли начнете бѣгати, в сий день умрете". И ко индианом глаголетѣ: «Стойте, не бойтеся, ко царю вашему съ честию вас отпущу. Аще ли побѣгнете, в сий день умрете от меча». И Селевка посла индияном всимъ конное оружие взяти и иных живых ко царю их отпусти. Филон же к нимъ рече повелѣние Александрово, они же на землю падоша, поклонишася, знамена же все Поровы, и великии трубы, и кони вся оружия к Филону приведоша; от него прошения приимше, во свою землю отъидоша. На походе же рече к нимъ Филонъ: «Царю своему Пору рцыте: „Буди доволен индийским царствомъ во своей храброй земли, руки помощи чюжим на македонянъ не посылай. Вѣдомо да есть тобѣ, Поре, индийский царю, яко Филон по милости Александрове персомъ государь назвася и сусѣд тобѣ буду"». Перси же се слышавше, от инъдиян отдѣлишася и Филону приступиша и сему во Александра мѣсто поклонишася, елико македоняне радовахуся, яко Александру работати сподобишася.

идите. Александра приведите ко мне живым, ибо жажду видеть этого отрока, молод и разумен он, говорят». И, собравшись, к Дарию пошли. Услышав об их приходе, Дарий от большой скорби к радости перешел. Персам же повелел собраться, и было их десять тысяч тысячей, и пошел со всеми на Александра. Воеводы же индийского войска к Александру разведку послали, но Александровы стражи ее схватили и привели к Александру. Александр велел их на высокое место возвести, а войску своему приказал вооружиться и, к бою их приготовив, на Дария пошел, лазутчикам же смотреть велел. И когда подошли близко к Дариеву войску, то Александр лазутчиков отпустил. Они же воеводам Дария поведали: «Войско сильное и быстрое видели мы, решительно и быстро идут на бой, не страшась ничего, все вооружены, на хороших конях, до четырех тысяч тысячей их». И охватил индийцев страх, на бой почти принуждением повели их. И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло, и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали. Ветер бурный подул, и начали сражаться, — весь день, смешавшись, бились. Александр не стерпел, с отрядом своим — тысячей тысяч лучших витязей — в середину сражающихся сам въехал на золотой колеснице. Индийцы и персы, увидев его, охваченные страхом великим, побежали.

Дарий, видя это, отчаявшись, не знал, что делать, и, оставив все, пустился в бегство, такие слова говоря: «Несчастный я, небесному подражал и земному уподобился, всего света был царем и в своем отечестве не удостоился умереть». И когда он говорил это и к Персиполю, своему городу, бежал, настигли его два вельможи, Кандаркус и Аризван, близкие к нему и любимые им начальники, пронзили его мечами, один с одной стороны, а второй — с другой, и, сбросив его с коня, едва живым оставили.

Александр же, некоего воеводу призвав, сказал: «К индийскому и персидскому войску пойди и скажи им: „Царь ваш Дарий убит, не бегите, остановитесь. Если же побежите, в сей день умрете". И индийцам скажите: „Остановитесь, не бойтесь, к царю вашему с честью вас отпущу. Если же побежите, в сей день умрете от меча"». И Селевка послал к индийцам все вооружение всадников и самих живыми к царю их отпустить. Филон передал им повеление Александра, они же, на землю пав, поклонились и знамена Пора, трубы, вооружение конное Филону передали; и, мир от него получив, в свою землю пошли. Прощаясь с ними, сказал им Филон: «Царю своему Пору скажите: „Доволен будь индийским царством в своей храброй земле и помощи другим против македонян не оказывай. Да будет известно тебе, Пор, индийский царь, что я, Филон, милостию Александра государем персов стал и соседом тебе буду"». Персы, услышав это, от индийцев отделились, к Филону подошли и ему поклонились, как самому Александру. И как македоняне радовались тому, что Александру служить удостоились.

Александръ же гнаше своим полком до великаго Персиполя приспѣ. И не дошедшу ему до града, види Дария на пути лежаща, мало жива суща, едва дышуща, ко Александру вопияше: «Александре царю, ссѣди скоро, глас мой услыши». Александръ же озрѣвся, рече: «Кто еси ты?» Дарий же рече: «Азъ есми Дарий царь, егоже коло годишное до небеса возвыси, се ныне неуставная честь до ада сниде. Аз есми Дарей, иже некогда всему свѣту царь бых, ныне во отечествии моем не сподобихся умрети. Аз есми Дарей, иже от многих тысячь людей почитаемъ бых, а се здѣ самъ на земли повержен лежу. Да ты, Александре, самовидець был еси мнѣ, от коликие славы отпадох и каковою смертию умираю. Да таковой смерти и ты убойся, не остави мене в праху сем под коньскими ногами умрети; не тако бо ты немилостивъ, яко персы немилостиви суть, но вѣмъ тя благоутробна быти и благодателя ко своимъ злотворнымъ; тако бо всим велеумным подобает быти, добро бо рече: „Не воздай зло за зло, яко да Богъ от зла избавит тя"». Сие же Александръ слышавъ, Дариевым речем умилися и скоро с коня ссѣдъ и плашъ с себѣ снемъ, Дария покры, македоняномъ же повелѣ на златую колесницу положити его и во град его понести повелѣ. И самъ Александръ насилное древо travemъ на рамо и понесе его, и к Дарию рече: «Се тебѣ по достоянию царску честь воздаю; да аще живъ будеши, болши сих узриши, аще ли умреши, тѣло твое по достоянию имам честити царски». И тако двигшеся внутрь града во царский в него двор внесоша и на златом одрѣ положиша.

Александръ во многоцѣнное одѣяние облечеся и венецъ царя Соломана на главу положи и жезлъ златъ в руку свою земъ, на престолѣ великом царя Дария сѣде. И тако персы вкупе с македоняны ко Александру приступиша и поклонишася, рекуще: «Многа лѣта Александру, великому, всего свѣта царю, перскому государю». И приведоша пред него перскую царицу со дшерью Роксаною.

И сих видевъ Дарий, и пренеможе душею, и поболѣ сердцем, и много умилися и прослезися, Роксану за руку приимъ, жалостно пригорнувъ к своему сердъцу: «О душе, и сердце, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дши моя Роксана, се тебѣ мужа ненадежнаго от Македонии приведох, не моим хотѣнием, но Божиимъ произволением; сего Богъ персом господина сотвори и всему нашему государьству и имѣнию. Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твой сотворити, якоже ныне прилучися быти, но вси посолнычнии цари и князи на веселость брака твоего привести хотѣх и радость твою со многимъ сотворити веселиемъ. Вмѣсто же браков красных многи ныне пролишася крови македоньскии и перскии. И мы, елико могохом, толико и подвизахомся, *Богъ же* имиже судбами вѣсть нашей сопротивитися ярости и свою сотвори волю, неутолимии звѣри персы превозносимыми соедна македоняны и от обоих сих вкупе сотворити. И тобѣ повелеваю, дши моя, Александра по достоянию держати и сего яко государя и царя... Приими, Александре, прекрасный и милый очию моею свѣте, приими, Александре, единородную дшер мою Роксану, яже в радости

Александр же со своим полком достиг великого Персиполя. И когда дошел он до города, увидел Дария, лежащего на пути, едва живого; с трудом дышащего, который к Александру взывал: «Царь Александр, сойди с коня скорее ко мне». Александр, оглянувшись, спросил: «Кто ты?» Дарий же сказал: «Я царь Дарий, которого круг времен вознес до небес, а ныне изменчивая судьба до ада низвела. Я Дарий, что некогда всего света царем был, ныне же в отечестве своем не удостоился умереть. Я Дарий, что многими тысячами людей почитаем был, и вот здесь на земле поверженный лежу. Ты сам, Александр, видел, какой славы я лишился и какой смертью умираю. Такой смерти ты побойся, не оставь меня во прахе под ногами коней умирать; ведь не так ты немилостив, как персы, но знаю, что ты благороден и благодетелем являешься для делающих тебе зло; такими и следует быть всем многоумным, ибо хорошо сказано: „Не воздай злом за зло, и Бог от зла избавит тебя"». Услышав это, Александр сжалился и, быстро сойдя с коня и плащ с себя сняв, покрыл им Дария, а македонянам велел на золотую колесницу положить его и в город его нести. И сам носилки взял на плечо, и понес его, говоря Дарию: «Вот тебе по достоинству царскую честь воздаю; если жив будешь, больше этого увидишь, если же умрешь, телу твоему по достоинству окажу царский почет». И, войдя в город, в царский дом его внесли, и положили на золотом одре.

Александр облекся в многоценные одеяния, венец царя Соломона на голову надел и, взяв в руку золотой жезл, сел на престоле великом царя Дария. Персы вместе с македонянами к Александру подошли и поклонились ему, говоря: «Многая лета Александру, великому всего света царю, персидскому государю». И привели к нему персидскую царицу с дочерью Роксаной.

Увидел их Дарий, изнемог душою и, болея сердцем, много сожалея и плача, Роксану за руку взял, печально прижав ее к своему сердцу: «О душа, сердце и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана, вот тебе мужа нежданного из Македонии привел, не по своей воле, но Божиим произволением; его Бог господином персов сделал и всего нашего государства и богатств. Не таким стремительным, думал я, будет брак твой, как это ныне случилось, но всей вселенной царей и князей на веселый твой брак привести хотел и радость твою отпраздновать с большим веселием. Вместо же брака красного много ныне пролилось крови македонской и персидской. Мы, что смогли, то и сделали, Бог же, известными ему путями, нашей воспротивился ярости и свою сотворил волю, неутолимых зверей-персов соединил с превознесенными македонянами, их обоих вместе свел. Тебе повелеваю, дочь моя, к Александру достойно относиться, как к государю и царю. Прими, Александр, прекрасный и милый свет очей моих, прими, Александр, единородную дочь мою Роксану, которую в радости великой и благоденствии родил, ныне же с печалью великой оставляю,

велицей, благодѣствѣ родих, ныне же сию з жалостию великою оставивь, бо во ад отхожю и тамо всегда имам быти, идѣже вси рожении человѣцы на земли. Не будет бо на земли моей и мнѣ в крове моей ползы, егда во адово истлѣние отхожу, не имамъ опят возвратитися. И сию яко рабу собѣ приими; аще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дши». И сию 3-жды целовал, ко Александру приведе. Александръ же со престола воставъ и Роксану за руку приим с радостию ея полюби, и любезно целова, и на престоле с собою посади, и венец, з главы своея снемъ, на главу ея постави, и перстень, с руки ея снем, и на руку свою положи. К Дарию рече: «Виждь, господине Дарии, увѣри сердце, Роксана бо до живота царствовати имать». Дари же радостен бывъ велми, Роксане, дшери своей, рече: «Буди царьствующи в вѣки со Александром, емуже весь *свѣт* недостоин единому власу отпадающа от главы его». И се рекъ, царицу свою за руку приимъ, Александру рече: «Се мати твоея в мѣсто Алимпияды есть». К персом же озрѣвся, рече: «Люби, Александре, персы, вѣрны бо государю своему суть. И жалость моя, — рече, — на радость преложися. Кандарвуша же и Оризвана, убийцы мои, по достоянию их почти». И се рекъ и умре царь силный Дарий. Александръ же со всѣми силами проводи до гроба с великою честию.

Кандарвуша же и Оризвана призвати повелѣ и к ним рече: «Почто государя своего убили есте?» Они же к нему рекоша: «Смерть его тебе государя сотвори». Александръ же к ним рече: «Аще благодателя своего убили есте, мене ли, чюжаго, не убиете?» И се рекъ, обѣсити их повелѣ, глаголя: «Проклят есть, иже государьского убийцу хранит». Пришедъ во градъ, с Роксаною венчася. Роксана же паче всѣхъ женъ земьских краснѣйшии не токмо лѣпотою образною, но и душевными добродѣтелми украшена бысть.

Александръ же писал листь к матери своей Алимпияде в Македонию и наказателю своему Аристотелю: «Александръ, царь над цари промыслом Бога вышняго, госпожи и матери моей, царицы Алимпияде и Аристотелю, моему учителю, пишу радоватися. И се есть седмое лѣто, яко отоидох оттуду, за всих седми лѣтъ не писах вамъ, ни поручихомся, иже в нас. Се же согрешение нѣсть от нас ни от любве сие есть, но, сопротиву великому царю Дарию стоящим нам, и его разбивающе, от него разбиваеми, и о семъ ум свой упразнивше, писати к вам не поспѣхом. Ныне же вѣдомо да есть, яко з Дариемъ 3-жды бившеся и его победихом. Се же персы видѣвше, царству моему поработившеся вси. Дарий же живота изменися, а дшерь свою Роксану в мѣсто дара мнѣ дал есть. Аз же безмѣрную ея красоту видев, жену себѣ понял. Вѣдомо да есть вамъ, отнелѣже женьская любов сердца моего не обняла ест, ни ко мнѣ мысль не нахожаше о вас и о домашних; да отнелѣ же женьскою любовию в сердце устрелен бых, оттоле о мирских мислити начах; ни убо вменях дотоле, гдѣ убити мя хотяху, гдѣ ли убити хотѣхъ, яко есми здѣ в Персиполи граде великом с Роксаною царицею от персъ славимъ, всей Персиде царь. И вы о соби пишите к нам и сами в Македонии здрави будите».

ибо в ад отхожу и буду всегда там, где и все рожденные на земле люди. И не будет в кровных моих на земле мне пользы, так как в адово истление отхожу и не смогу возвратиться. Ее же как рабу прими; если угодно тебе, возьми в жены, ибо прекрасна она, и мудра, и благородных родителей дочь». И, трижды поцеловав ее, к Александру подвел. Александр же с престола встал и Роксану за руку взяв с радостью любезно ее целовал, и на престоле с собою посадил, и венец, со своей головы сняв, на ее голову возложил, и перстень, с руки ее сняв, на руку свою надел. Дарию сказал: «Смотри, господин Дарий, и успокой сердце свое, ибо Роксана до конца жизни своей царствовать будет». Дарий же радостен был и сказал Роксане, дочери своей: «Царствуй вовеки с Александром, весь свет не стоит одного волоса с его головы». После этого царицу свою за руку взял и Александру сказал: «Вот мать тебе, как и Олимпиада». К персам обернувшись, добавил: «Люби, Александр, персов, ибо верны они государю своему. Печаль моя радостью заменяется. Кандаркусу и Аризвану, убийцам моим, достойным образом воздай». И, сказав это, умер сильный царь Дарий. Александр со всем своим войском проводил его до могилы с большими почестями.

Кандаркуса же и Аризвана призвать велел и спросил: «Зачем государя своего убили?» Они же ему сказали: «Смерть его тебя государем сделала». Александр им сказал: «Если вы благодетеля своего убили, неужели меня, чужого вам, не убьете?» И велел их повесить, говоря: «Проклят тот, кто убийцу государя пощадит». И, придя в город, с Роксаною венчался. Роксана же, из всех жен земных наипрекраснейшая, не только красотою телесною, но и душевными добродетелями отличалась.

Александр же написал письмо матери своей Олимпиаде и наставнику своему Аристотелю в Македонию: «Александр, царь над царями, промыслом вышнего Бога, госпоже и матери моей, царице Олимпиаде и Аристотелю, моему учителю — приветствую вас. Уже семь лет, как я ушел от вас, и за все семь лет не писал вам, не передавал, что с нами. Это согрешение наше не от нелюбви к вам, но потому, что, когда мы воевали с великим царем Дарием, побеждая его или им побеждаемые, ни о чем другом думать не могли и писать вам не успевали. Теперь же узнайте, что с Дарием трижды сражались мы и его победили. Персы, видя это, царству моему покорились. Дарий же умер, а дочь свою Роксану как дар мне дал. Я, безмерную красоту ее видя, взял ее себе в жены. Знайте, что до тех пор, пока любовь к женщине сердца моего не охватила, никогда не приходила мысль о вас и о домашних, а с тех пор, как любовью к женщине в сердце ранен, начал о земном думать; до этого безразлично было мне, меня ли убьют или я убью, сейчас я в городе Персиполе великом с Роксаною-царицей, персами прославляемый, всей Персиде царь. И вы о себе пишите нам и сами в Македонии здравствуйте».

Александръ же всих македонянъ в свиты перские перемени, персы же в македоньские свиты облече; достояния бо злата многа Дариева изнаиде и всему войску розда и кони кормити повелѣ имъ. Столпъ же великъ посреди Персиды создати повелѣ; на столпъ же взошедъ велегласно слышати всѣмъ рече: «Вѣдомо буди всемъ, перси и македоняне, яко аз вся многобожия идольская проклинаю, на серафимех почиваемому поклоняюся Богу, небо и землю сотворшему, от херувим славимому, и неизреченному, и неисписанному, тресвятыми гласы славимому». И се рекъ: «Боже богом, всѣмъ видимым и невидимым, помошник ми буди, и вся идолы, иже от земля, иже и от моря, ты потреби и искорени». И тако с столпа сниде, имения Дариева осмотри и изнаиде в Персиде злата Дариева: 12 пирга, полна искусна злата, 12 скринии полныих, 20 кубль полныих каменья и бисера, и сему же числа не бѣ; и тысячу тысячей коней тучных, лвов, пардусов ловных и соколов взводных* 6 сот. И тым всем войско свое направи и свое войско преписа и на Перскомъ поли и обрѣте конных оруженных 4000 тысячей. И в Персиде с Роксаною пребысть, и Селевка в Персиде остави, на Клиса, лидоньскаго царя* поиде.

Сий же не хотя ему поклонитися, и людие же его свезавше ко Александру приведоша. Толика богатства в него Александръ изнаиде, елико око не види, ни ухо слыша; и се Александръ всему войску своему отдаде. И тако вси языцы приим, на десную страну войска поиде до *края* земли.

СКАЗАНИЕ О СКОТѢХЪ ДИВНЫХ, О ЗВѢРООБРАЗНЫХ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ, И О ЖЕНАХ ДИВИИХ, И О МУРАВЯХЪ, И О ПТИЦАХЪ, И О ЛЮДЕХЪ ДИВИИХ

Александръ же к востоку поиде и тамо обрѣте многи языки безсловесных, скоти бо суть дивии и звѣри человѣкообразни. И по той земли 10 дней хожаше и жены обрѣтоша дивии, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сияху яко звѣзды. И на войско Александрово наидоша и много от войска убиша, дондеже другое войско прииде; и много женъ тѣхъ убиша безчисленно.

И оттуда 8 дний хожаше и на землю нѣкую песчану дошедше, мравии же в той земли быша таковыи, яко одна от них коня ухвативши и во утлину утекаху. И ту Александръ соломы носити повелѣ и запалити, и мравии згорѣша. И оттуда воставъ, реки доиде, ейже ширина бяше день ходу, и мость на той рецы сотворити повелѣ, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому прейде.

И ту в земли той люди обрѣте толико локтя величеством, ко Александру приидоша и поклонишася, много меду принесоша ему и финикъ, тии бо люди птицы* нарекаютца. Александръ же градъ созда в земли той и царя имъ постави

Всех македонян Александр переодел в одежды персидские, а персов — в македонские одежды; золота много у Дария нашел и всему войску раздал, и коней кормить велел. И столп высокий посреди Персиды соорудить велел; на столп взошел и сказал во всеуслышание: «Знайте все, персы и македоняне, что я многобожие идольское проклинаю, поклоняюсь на серафимах почивающему Богу, небо и землю создавшему, херувимами славимому, неизреченному и неописуемому, тресвятыми гласами славимому». И сказал: «Бог богов, всего видимого и невидимого, помощник мне будь и всех идолов и от земли и от моря ты истреби и искорени». И со столпа сошел, богатства Дария осмотрел и нашел в Персиде золота Дариева: двенадцать башен, полных чистого золота, двенадцать ковчегов полных, двадцать мер, полных камней и жемчуга, которому не было числа; и тысячу тысяч коней тучных, львов, охотничьих пардусов и соколов подъемных шестьсот. И этим всем войско свое снабдил, и сделал ему смотр на Персидском поле, и оказалось вооруженных всадников четыре тысячи тысячей. И, в Персиде с Роксаной побыв, против Клиса, лидонского царя, пошел, оставив Селевка в Персиде.

Тот не хотел ему покориться, но народ его, связав, к Александру привел. Столько богатства у него Александр нашел, сколько ни око не видело, ни ухо не слышало; его Александр войску своему отдал. И, приняв под свою власть все народы, с войском отправился на восток к краю земли.

СКАЗАНИЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ И ЗВЕРОПОДОБНЫХ ЛЮДЯХ, И О ЖЕНАХ ДИКИХ, И О МУРАВЬЯХ, И О ПТИЦАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ

Александр на восток пошел и там нашел много бессловесных скотов диких и зверей человекообразных. И десять дней шел по той земле, и жен нашел диких, высотой в три сажени каждая, косматы, как свиньи, и глаза их сияли, как звезды. И напали они на войско Александрово, многих из войска убив, пока не подошло второе войско; много тогда жен тех убили — бесчисленно.

И оттуда восемь дней шли, и дошли до некой земли песчаной, муравьи в той земле таковы были, что один из них, схватив коня, в нору уносил. И тут Александр велел носить солому и зажечь ее, и муравьи сгорели. И, оттуда отправившись, до реки дошел, ширина ее была — день хода, и мост через ту реку сделать велел, и сделали его за шестьдесят дней, и все войско по нему перешло.

И тут, в земле той, людей нашел величиною в локоть; они к Александру пришли и поклонились ему, много меда принесли и фиников, и те люди птицами называются. Александр же город создал в земле той, и царя над ними поставил,

от них, и научи их человѣчески жити; землю их за 100 дний едва преиде; толико бо множество меду принесоша, воиску бо за год доволяше. И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро бяше на полѣ томъ, вода бо сладка велми и быстра; на краи же ѣзера того образъ человѣчь во златѣ здѣла стояще, поле же то полно человѣческих костей. Александръ же на конѣ борзо поѣде ко образу тому и слова греческая на столпѣ томъ написаны изнаиде, имѣюще тако: «Человѣцы, аще кто хощет на востокъ поити, здѣ дошедъ, паки возвратися, ниже бо имаеши дале поити. Аз бо есми Сонхось, иже всему свѣту бых царь и край земли видети хотѣхъ и с войском на се поле приидох, и восташа на мя дивни языцы и войско мое великое разбиша, и мене на семъ поле убиша». И сия словеса Александръ прочет, убояся, яко македоняне сих не прочтутъ, поставецъ златъ вземъ, и тѣло Сонхосово огнувъ. И ту станом стали с войскомъ. Македоняне же у него прошаху: «Что писмо у златого образа пишет?» Он же к нимъ рече: «Сладку пищу напред намъ возвещает землю». И сими гласы их тѣшаху.

Видѣша люди дивии в горѣ, и гордии, и видѣнием страшнии, двѣ сажени *долги*, главы космати же вси, войско же видевше, не бѣгают, и ко Александру возвестиша. Александръ же, вшед на конь, на видѣние их изыде, и видѣвъ их от мѣста на мѣсто приходящих, лукаво на войско его поглядаху, убояся зело и рече: «Сии суть людие, иже Сонхоса нѣкогда разбиша». И се рекъ, войску повелѣ вооружитися и стобор высок поставити повелѣ. Едину жену вземъ, к людем дивиим поиде, ко единому их жену посла. Жена же, пришедши близу его, приближися и сяде; он же, сия притиснув, нача ясти. Жена же гласом великим возопи; войску же Александрову потекше отняти ю, человѣка дивия копием udariша. Он же гласом великим рыкнув, жену пустив. Глась же его услышавше дивии людие, множество их наиде на войско Александрово, числа не бѣ, древиемъ и камением войско убиваху. Александров полкъ около обогнаша, дондеже Антиох с своим полком приспѣ и паки впреки их по широку полю погна. Александръ же на кони в межу их впаде, единаго их ухвати за верхъ, во околъ вомча. Бысть же 10 лѣтом дѣтишъ и выше всѣхъ бысть людей питомых. И ту их уби Александръ тысячю тысячь, Александровых 2000 тысяч пало. Таковь же их законъ: егда кого их окровавляше, похватившe дружина его изъѣдаху его.

Во утрии же день велможи и воеводы Александровы рекоша: «Александре царю, довольно есть намъ, всю землю приимше, мало починути, нежели в чюжихъ землях от дивиих людей погинути». Александрь же умилился, рече имъ: «О любимии мои вельможи, не к тому вы маломошни будете, вес бо свѣтъ приимше, на конец приспили есми и тако за все почивати имамъ». Оттуду воставше дивиих людеи землю преидоша.

и научил их человеческой жизни; землю их за сто дней только прошел; меда же принесли так много они, что войску на год хватило. И Питисовое царство пройдя, на поле длинное и широкое пришел Александр, и озеро было на поле том, и вода в нем сладкая и быстрая; на берегу же озера того стояла статуя человека, из чистого золота сделанная, а поле полно было человеческих костей. Александр на коне быстро подъехал к статуе и такие слова греческие на столпе том обнаружил: «Люди, если кто-либо из вас хочет на восток пойти, пусть, до этого места дойдя, обратно возвратится, ибо нельзя дальше идти. Я, Сонхос, всего света был царь и края земли увидеть хотел, с войском моим на это поле пришел, и напали на меня дикие народы, войско мое большое разбили и меня на этом поле убили». Эти слова Александр прочел и, испугавшись, как бы македоняне их не прочли, взяв золотую ткань, обернул ею статую Сонхоса. И тут войско лагерем стало. Македоняне у него спрашивали: «О чем сообщают письмена у золотой статуи?» Он же им сказал: «О прекрасных землях впереди они сообщают». И такими словами их успокоил.

Увидели людей диких в горах, гордых, страшных на вид, две сажени ростом, с косматыми головами, увидев войско, они не убегали. О них Александру сообщили. Александр же, сев на коня, отправился их посмотреть и, видя, что они с места на место переходят, коварно на войско его поглядывая, сильно испугался и сказал: «Это те люди, что некогда Сонхоса разбили». И сказав это, велел войску вооружиться и забор высокий поставить. Одну жену взяв, к диким людям пошел и к одному из них жену послал. Жена, подойдя, рядом с ним села; он же, схватив ее, начал есть. Жена же громким голосом закричала; и воины Александра поспешили, чтобы отнять ее, и человека дикого копьем ударили. Он, громко зарычав, жену отпустил. Услышав его голос, бесчисленное множество диких людей с дубинами и камнями напало на войско Александра. Александров полк в лагерь отогнали, пока не подоспел Антиох со своим полком, и тогда снова погнал их по широкому полю. И на коне в середину их въехал и, одного из них схватив за волосы, в лагерь привез. Было же десять лет детищу, и был он выше всех обычных людей. Здесь Александр убил их тысячу тысяч, Александровых же воинов две тысячи тысяч пало. Такой у них был обычай: если кого-то ранят, хватают его товарищи и съедают.

На другой день вельможи и воеводы Александровы сказали: «Царь Александр, хотим мы, всю землю покорив, отдохнуть немного, а не погибать в чужих землях от диких людей». Александр опечалился и сказал им: «О любимые мои вельможи, воспряньте духом, ибо, весь свет покорив, мы достигли конца и тогда уже отдохнем». И, поднявшись оттуда, землю диких людей прошли.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ РАКЛИИ И СЕРАМИДЕ ЦАРИЦЫ, И О СТОЛПѢХ, И О ЛЮДЕХ ДИВИИХ, И О ЛЮДЕХ ПСОГЛАВНЫХ, И О *РАЦЕХЪ*, И О ЛЮДЕХ НАГИХЪ, БЛАЖЕНИИ

Въ землю нѣкую дивную красную приидоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златом искусным сотворена, Ираклия царя образ и Серамиды царицы* бѣ на них. И к симъ столпом Александръ пришедъ, плакася много и рече: «Дивии во человѣцех Раклию царю и царицы Серамиды, како добре в мѣстех сихъ царствовасти, добре и умросте, память ваша и по смерти стоитъ». И во царство ихъ пришед, с войском своимъ ста и 6 дни ту стоявъ; и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены. И внутреннюю пустыню идоша 6 дний, люди чюдны нашли, 6 рукъ у единаго и 6 ногъ; ко Александру направишася на бой, битися с ним не могоша. Александръ же сихъ много убивъ и много живых ухвати, и хотѣ их во вселенную извести их; зане обычая их не знаху, что ядят, и сии вси помроша. И землю их за 6 дний преѣде, во псоглавыи люди воиде. Тии бо человѣцы, все тѣло их человѣческо, глава же песья; глас же их единова человѣческии глаголюще, а другое, яко пси лаяху. И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде, на море нѣкое приидоша и ту войску повелѣ почити. Коне же умершю ту в войсцѣ, государь же его отвлек, поверже при мори. Ракь же морский вышед коня вовлече в море. И тако рацы исходяще кони ухапаху и в море утекаху. Се же Александръ слышавъ, тростие повелѣ запалити, и ту их множество згорѣ.

Оттоле воставъ, на иное мѣсто преиде при мори том, овощи различнии многи бяху, и войску почити повелѣ. Отокъ же внутрь моря узрѣ и тамо внити хотяще. И древо сотворити повелѣ и ко отоку поити хотя. *Филон* же к *нему* рече: «Александре царю, не ходи ты преж во оток той, не вѣси бо, что обрете, погинеши тамо; но аз прежде тобе доиду и ты тамо по мнѣ идеши». Александръ к нему рече: «Да аще ты тамо погинеши, любимый мой присный и вѣрный друже, Филоне, кто о тобѣ мене утѣшити имает, *цѣне* бо мнѣ глава твоя есть паче всѣхъ земских глав». Филон же к нему рече: «Царю Александре, Филон же умретъ, другаго Филона на мѣсте обрящеши, аще ли ты умреши, другаго Александра не обрящет Филонъ». И се рекъ Филонъ, вшедъ в голию, плавати нача ко отоку. Ото утра до нощи доплыв, и люди тамо изнаиде грѣческими глаголющих языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси. И сих видев Филонъ и ко Александру возвратися и все ему повѣда, иже видѣ тамо.

И тако Александръ вшед и друзих в голию с собою вземъ 30, и отока оного доиде. Людие же отока того срѣтоша и поклонишася ему и рекоша: «Александре, почто пришел еси к намъ, что взяти хощеши от нас? Нази бо есми вси, якоже ты зриши, овощем же отока сего питаемся». Александръ же

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ИРАКЛИИ И СЕМИРАМИДЕ-ЦАРИЦЕ, И О СТОЛПАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ, И О ЛЮДЯХ ПСОГЛАВЫХ, И О РАКАХ, И О ЛЮДЯХ НАГИХ, БЛАЖЕННЫХ

И пришли они в некую землю, удивительную и прекрасную, что полна была различных плодов. И тут нашли два высоких столпа, сделанных из чистого золота, статуи царя Ираклия и царицы Семирамиды были на них. Придя к этим столпам, Александр сказал со слезами: «Дивные среди людей, Ираклий-царь и царица Семирамида, прекрасно в этих местах вы царствовали, прекрасно и умерли, память о вас и по смерти осталась». И, в царство их придя, с войском своим там шесть дней пробыл; пустые дворцы Ираклиевы нашли, золотом, жемчугом и камнями украшенные. И, в глубь пустыни пойдя, через шесть дней людей чудных встретили, шесть рук у каждого и шесть ног, и против Александра они выступили на бой, но сражаться с ним не могли. Александр многих из них убил, многих живыми схватил и хотел их во вселенную вывести; но не знали, что едят они, и они все умерли. И, землю их за шесть дней пройдя, к псоглавым людям пришли. У них все тело человеческое, а голова песья; говорят же они так: то как люди, то лают как псы. Александр много их убил и землю их за десять дней прошел. И вышли они к некоему морю, и тут Александр войску велел отдохнуть. И издох конь в войске, хозяин же его отволок и бросил на берегу. И вылезший рак морской коня утащил в море. И другие раки, выходя, коней хватали и в море убегали. Услышав об этом, Александр тростник велел зажечь, и тут множество раков сгорело.

Оттуда в другое место пришли на берегу того моря, различных плодов там много было, и тут войску велел отдохнуть Александр. В море он увидел остров и туда попасть захотел. Корабль велел сделать и к острову собирался отправиться. Филон же сказал ему: «Царь Александр, не ходи первым на остров, не знаешь ведь, что там, погибнешь; лучше я прежде тебя пойду, и ты туда после меня пойдешь». Александр ему сказал: «А если ты там погибнешь, любимый мой, близкий и верный друг Филон, — кто меня утешит в печали по тебе, для меня голова твоя всех на земле ценнее». Филон же ему сказал: «Царь Александр, если Филон умрет, другого Филона вместо него найдешь, если же ты умрешь, другого Александра не найдет Филон». И, сказав это, Филон взошел на корабль и поплыл к острову. С утра до ночи плыл и, достигнув острова, людей там нашел, на греческом говорящих языке, мудры все и прекрасны были весьма и наги. И увидев их, Филон к Александру возвратился и все ему рассказал, что видел там.

И Александр, взойдя сам и тридцать человек с собою на корабль взяв, к острову приплыл. Люди же этого острова встретили его, поклонились ему и сказали: «Александр, зачем пришел к нам, что взять хочешь у нас? Ведь мы ничего не имеем, сам видишь, и плодами острова этого питаемся».

рече к нимъ: «Ничто от вас требую, за чюдо же пришел есми видети. Возвестите мнѣ, како, имени моего не вѣдуще, се ми рекоста?» Они же к нему рекоша: «Имя бо твое преж многих лѣтъ возвести намъ Раклий царь. Наше же пришествие здѣ речем ти. Раклий царь с Серамидою царицею елиномъ царь бысть, Тракинскою землею* царствоваше, иже от вас наречетца Македония. Неправдѣ мнози землю ту постигши, лжество, клятвопреступление, кровомѣшьство, се Раклий царь видѣвъ языкъ нашествие на землю, то видѣвъ рече: „Мужу велеумну царские домы ни во что же есть, но лутче в пустыне жити, мудрыи бо в человѣцехъ глаголетъ Соломан: «Лутче есть муже от великия немощи страдати, нежели человѣческих беззаконий терпѣти»". И се рекъ Раклий 1000 голии сотвори и, правыи и истинныя люди от земли своея собравъ и з женами и з детми своими, в голиях сих постави и сам со царицею своею неправды ради и беззаконья от всего побѣже, целый год по морю плавалъ, до земли доиде, идѣже ты столпове изнашел еси и образ златъ изваян виделъ еси. И ту на многа лѣта царствоваше Раклий царь сладко и добро с Серамидою царицею, оба легоша и умроша. Нась же в земли той безглавных остави, голии вси спаливъ, яко да аще в беззаконную землю не поидемъ. Мы же злому первому обычаю послѣдовавше и тако Богъ разгнѣвався на нас за беззаконие наше, дивиих людей и тых на нас попусти; и царство наше разориша и многих наших убиша. Мы же недоумѣюше, гдѣ во вселенную поити, во царствии своем не могуще жити от тых людей, здѣ вселихомся и питаемся овощемъ симъ и разумъ философским и книгами тѣшимся. И ничего ти у нас взяти, толко от мудрых наших». Сему же Александръ подивися житию их и рече: «Поистиннѣ, ни едино от земских чести болши словеснаго разума почтена есть, человѣкъ бо на земли почтен есть паче тысяч многих бисера и камения безцѣннаго. Соломань бо мудрый в книгах пишет: „Муж мудръ сокровище неисчерпаемое есть, мужу мудру нѣсть измѣны от сущих ничтоже, муж мудръ множествомъ людей обладаетъ"». И се рекъ Александръ, 6 философ с собою announcement въземъ и изо отока поиде.

Исходящу же ему, рече к нимъ: «Что напреди отсюду есть?» Они же к нему рекоша: «Ничему же напреди быти, токмо макаринскии отоки во Акияне море... есть, идѣже людие блажени живутъ, иже наги мудрецы наричются, они убо всякие страсти нази суть». Александръ же к философомъ рече: «Откуду сии во отоцех сихъ вселишася?» Они же к нему рекоша: «Адаму бо, праотцу нашему, преступившу заповѣди Божию, изгнану бывшу и в той отокъ всельшуся, и бысть 100 лѣтъ в том отоце, на рай же позирая всегда плакашеся, красныя доброты райския поминая. И ту два сына роди, Каина и Авеля. И сих любвѣ дияволъ позавѣдев, братъ на брата сотвори, Каин уби Авеля. Скорбию же великою оскорбися праотецъ нашъ Адамъ и прабаба наша Евва, и райское изгнание поминающе и на рай позираше, сына своего Авеля мертва пред собою зряще, плачюще всегда. Содѣтель всѣхъ, небу и земли творецъ и господь, неизреченную жалость и безмѣрную скорбъ праотца нашего Адама видѣвъ, глас

Александр же сказал им: «Ничего от вас не требую, как на чудо пришел посмотреть на вас. Скажите мне, как имя мое узнали?» Они же ему сказали: «Имя твое много лет назад сообщил нам царь Ираклий. А о приходе нашем сюда расскажем тебе. Ираклий-царь с царицей Семирамидою у эллинов царем был, в Тракинской земле царствовал, которая у вас называется Македонией. И когда нечестие многое ту землю постигло, ложь, клятвопреступление и кровосмешение, царь Ираклий, видя это нашествие народов на землю, сказал: „Для многоумного мужа царские дворцы ничто, лучше в пустыне жить, ибо мудрый среди людей Соломон говорит: «Лучше мужу от тяжелых напастей страдать, чем человеческие беззакония терпеть»". И, сказав это, Ираклий тысячу кораблей построил, и, праведных и честных людей земли своей собрав, с женами и детьми их, в корабли их поместил, и сам с царицею своею от нечестия и беззаконий бежал, и, целый год по морю проплавав, земли достиг, где ты столпы нашел и статую золотую видел. И тут много лет царствовал Ираклий-царь сладко и добро с царицей Семирамидой. Но оба легли и умерли. Нас же в земле той без главы оставили, все корабли спалив, чтобы мы в землю беззакония не вернулись. Мы же к прежним злым нравам вернулись, и разгневался Бог на нас за беззаконие наше, и предал нас нападению диких людей; царство наше они разорили и многих из нас убили. Мы же, не зная, как во вселенную вернуться, и в царстве своем не имея возможности жить из-за тех людей, здесь поселились и питаемся плодами этого острова, философией и книгами утешаемся. И нечего тебе у нас взять, разве что мудрецов наших». Александр удивился их жизни и сказал: «Поистине нет на земле ничего почтеннее, чем разум слова, ибо человек на земле достойнее многих тысяч бесценных камней и жемчуга. Мудрый Соломон пишет: „Муж мудрый — сокровище неисчерпаемое, мудрому мужу ничто не изменит, муж мудрый над множеством людей властвует"». И, сказав это, Александр шесть философов с собой взял и с острова ушел.

Уходя он спросил их: «Что находится впереди?» Они ему сказали: «Ничего нет впереди, кроме Макаринских островов в Океане-море, где люди блаженные живут, что нагомудрецами называются, так как они от всех страстей свободны». Александр спросил философов: «Откуда они на острова эти пришли?» Они сказали: «Когда Адам, праотец наш, преступил заповедь Божию и из рая изгнан был, на острове том поселился, и пробыл сто лет на острове том, и, на рай глядя, всегда плакал, прекрасные красоты райские вспоминая. Здесь двух сыновей родил, Каина и Авеля. И, любви их дьявол позавидовав, брата против брата восстановил, и Каин убил Авеля. Печалью великою опечалились праотец наш Адам и праматерь наша Ева, и, изгнание из рая вспоминая, на рай глядя и сына своего Авеля мертвым перед собою видя, плакали непрестанно. Создатель всего, творец неба и земли, неизреченную печаль и безмерную скорбь праотца нашего Адама видя, глас ему послал: „О порожденные землею, из праха

к нему посла, глаголя: „О земнороднии, о перьстнии создани первии человѣцы, Адаме и Евво, почто смерть Авелеву скорбите? Во второе пришествие мое паки востати имают". Авеля в землю вкопати повелѣ. На его же мѣсто другаго сына роди, мужа праведна и благочестива умомъ, всегда благая мысляща, именемъ Сифа. Адам же изо отока того позираше, о изгнании поминаше всегда. Ангел же к ним рече: „Адаме, здѣ всегда во злосердии пребывати имаеши, но отсюду изыди и во вселенную поиди; 7000 лѣтъ преидет, тогды опять узриши рай". Адаме со Еввою изо отока того изведе и Сифа, сына их, и с чады своими во отоце семъ остави. И тии суть наги мудрецы, от Сифа родишася, Адаму внуцы суть, якоже и мы, намъ братия суть 6 дней ходу до нихъ есть».

Александръ же с вои своими поиде, *отока же некоего малаго* достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свой во злате на столпѣ высокомъ постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 дней прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бяше ту, за ту же гору человѣкъ привязанъ бяше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажен в вышину, 200 сажен ширина. И сего Александръ видевъ, ... подивися, и к сему не смѣюще приступити. Плачющу бо человѣку тому, за 4 дни глас его слышати. И тако же к горѣ велицей пришедше, жену велику обретохом веригами привязана, 1000 сажен в долготу и 200 сажен толстоту; змѣй же великъ от ногу свился, за уста держаше ю, глаголати не дастъ. Тако 8 дний прешедше, ѣзеро много и змѣй много бысть, яко муки, в нихже грѣшнии человѣцы мучитися имут.

И ту Александръ с вои своимираномъ ставъ, плоты повелѣ сотворити, во оток Макаринский хотя поити, Филона же с собою поим, тамо преѣха. Видѣв же во отоце томъ древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зрѣяху, друзии же цветяху, инии презреваху, плода же ихъ множество на земли лежаху. Птицы же краснии на древехъ различными сладкими пѣсни пояху. Под листвием же древъ тѣх людие лежаху и источницы сладкими ис корении тѣхъ древъ течаху. Внутрь же вшедъ Александръ, единаго их срете и рече: «Миръ тебѣ, брате». Он же ко Александру рече: «Всѣмъ радость буди, Александру, суетнаго света царю». Александръ же к ним глаголати хотѣ, они же не хотѣша, ко Александру рекоша: «Ко старѣйшим нашим внутрь поиди, они тя вземше, ко старѣйшинам приведут, Иованту. Он тебѣ вся о души твоей и о смерти скажетъ, и о животѣ нашем, и животѣ вашемъ, и о всѣх, яже увѣдати хощетъ». Александру внутрь шествующу, множество людей тых сретаху его и в лице его целовахом, и вси ему хождение, иже о немъ, прорицаху. Се видѣвъ Александръ подивися, боги же мнѣвъ быти, а не человѣки. И тако ему вещающе, ко Иованту царю своему ведяху его.

Иовант же бѣ под нѣким древом лежа; вода же красна близу течаше; простер же его и покровъ от листвия древ тых. Иовантъ же Александра видевъ, главою покивав и рече: «Что к намъ пришел еси, неуставнаго суетнаго свѣта

созданные, первые люди, Адам и Ева, зачем о смерти Авеля скорбите? Во второе пришествие мое воскреснуть должны". И повелел Авеля в земле похоронить. А вместо него другого сына родил Адам, мужа праведного и благочестивого умом, всегда доброе мыслящего, по имени Сиф. Адам же, с острова этого глядя, об изгнании всегда воспоминал. И сказал ему ангел: „Адам, ты здесь всегда в унынии пребывать будешь; уйди отсюда, пойди во вселенную; когда семь тысяч лет пройдет, тогда опять увидишь рай". И Адама и Еву с острова этого вывел, а Сифа, сына их, с чадами его оставил на острове этом. Они и есть нагомудрецы, от Сифа родившиеся, внуки Адама, как и мы, и нам братья. Шесть дней хода до них».

Александр со своим войском некоего малого острова достиг, высокого весьма. И, взойдя на него, статую свою из золота на столпе высоком поставил, держащую меч в правой руке, которым указывала она на Македонские острова. Оттуда пошел с войском своим и, пройдя шесть дней, некоего места достиг. Гора высокая была тут, и к той горе человек привязан был железными цепями: очень высокий, тысяча саженей в высоту и двести саженей в ширину. Видя его, Александр удивился, и не смели они к нему подойти. И плакал тот человек — четыре дня голос его еще слышали. И, к другой огромной горе придя, жену огромную нашли, цепями привязанную, тысячу саженей в длину и двести саженей в ширину; и змей большой о ноги ее обвился, за уста держал ее, говорить не давая. Пройдя восемь дней, озеро увидели, и много змей в нем было, — это место мучений, где грешные люди мучиться должны.

Здесь Александр, с войском своим лагерем став, плоты велел делать, к Макаринскому острову собираясь плыть, и, Филона с собой взяв, на остров приехал. Увидел на острове том деревья весьма высокие и красивые, плодами украшенные, — одни из них зрели, другие цвели, иные же перезрели, и множество плодов на земле лежало. Птицы красивые на деревьях разные сладкие песни пели. Под листвой же тех деревьев люди лежали, и сладкие источники из-под корней тех деревьев текли. Войдя в глубь острова, Александр встретил одного из этих людей и сказал: «Мир тебе, брат». Он же Александру сказал: «Всем радость да будет, Александр, суетного света царь». Александр с ними говорить хотел, они же не хотели, сказав Александру: «К старейшим нашим пойди, они приведут тебя к Иованту. Он тебе все о душе твоей и о смерти скажет, и о нашей жизни, и о вашей жизни, и обо всем, что ты хочешь узнать». Когда же Александр шел внутрь, множество людей тех встречали его и целовали, и все прорицали о походе его. Видя это, Александр удивлялся, думая, что это боги, а не люди. И, говоря ему все это, они к Иованту, царю своему, его вели.

Иовант же лежал под неким деревом; прекрасная вода недалеко текла; постель его и покров из листьев деревьев тех были. Иовант, увидев Александра, головою покачал и сказал: «Что к нам пришел ты, царь изменчивого и суетного

царю?» И сего приимъ за руку, близ себѣ посади. Александръ же близ сяде. Ивантъ же главу его приимъ руками обьят и сию сладко облобызавъ, рече: «Радуйся, всѣхъ главъ главо, егда бо весь миръ и свѣтъ приимеши, и к тому господарьства своего и отечества не узриши; но егда вся земъская приобрящеши, тогда ада наслѣдиши». И се слышав Александръ оскорбися душею, ко Иванту рече: «Почто сие слово рече ми?» Ивантъ рече к нему: «Велеумну мужю не подобает толковати». Александръ же рече к нему: «Аще велиши, да принесем ти, что потребно, иже в нашей земли». Они же вси рекоша: «Дай же намъ бесмертие». Александръ же рече к нимъ: «Смертен есми самъ, како вамъ безсмертие дамъ?» Александръ Филону повелѣ хлѣбъ чистъ принести и вино. Ивантъ же видев, ничтоже не приятъ, но рече: «Не нам есть сия пища, но вамъ; намъ пища от дрѣва сего, питие от воды». И много ему дивных речей исповѣда. Александръ подивися, проплакавъ рече: «Воистинну, сии человѣцы божественное житие живут». Ко Иванту же рече: «Откуду сии здѣ вселишася?» Он же к нему рече: «Адамовы внуцы есми, якоже и вы. Адамъ бо отсюду отшедъ, мы здѣ остахомъ, сынове Сифовы есмо мы, сына Адамова, иже ему вмѣсто Авеля дастъ ему». Ивантъ же ко Александру рече: «Почто перские ризы носите и различная брашна ясте?» И много с ним глаголюще о всемъ бяху. Александръ же рече: «Скажите ми, како вы рожаетеся, занеже женьскаго пола не вижю у вас». Ивантъ же рече к нему: «Есть у нас жены, но не здѣ, во иномъ отоку есть, но егда единова к нимъ приходим, и с ними бывше 30 дний и опять возвращаемся; егда же кому родится отроча, по томъ не сочетается уже к жене. Младенцу же 3 лѣта минет..., мы к себѣ возмемъ мужеский полъ, а женский з женами есть». Александръ же к нему рече: «Хотѣлъ бых отока того видети, аще вамъ годно есть». «Отока доидеши, но ничтоже тамо узриши, здѣ бо дошел, внутрь не глядай, не будет бо человѣкъ живъ, толко внутрь поглядает». Александръ же, воставъ, во отокъ он поиде и обрѣте в немъ изъдъ мѣден, яко градъ, и около обшедъ, внутрь позрѣти не смѣя, Богу единому возможно, человѣку же ни единому.

Столпъ во отоце том поставити повелѣ и себѣ на немъ в злате написати повелѣ, словеса же греческая на нем написа: « Александръ, царь македоньский, иже весь свѣтъ прешедъ и до отока того доиде, и Макариньский отокъ видѣхъ, и ту елинских боговъ не видѣхъ и не обретохъ, яко елиньстии бози в далнеиших ада, а тартаре, в геоне мучими суть со дияволом повелѣниемъ Бога Саваофа. Да аще другий хто приидет во отокъ сий, на вся глядай, *внутр же не поглядай*, Богу бо единому возможно, чаловѣку же ни единому приступно». И тако в Макариньский отокъ вниидe. Макарии бо по сербьскому языку наричютца блажении. Ко Иванту приступивъ, Александръ рече: «Возвести ми, многомудрый блаженый Иванте, что напреди есть?» Он же к нему рече: «Река сия, в нейже отоцы наши есть, Акиянъ наричется, всю вселенную та обтечетъ и вси реки в ню текутъ. По оной же странѣ гору, яже зриши, овошми различными

мира?» И, взяв его за руку, рядом с собою посадил. Александр сел рядом. Иовант же, голову его руками обняв и ее сладко поцеловав, сказал: «Приветствую тебя, всех глав глава, ведь когда всем миром и светом овладеешь, государства своего и отечества больше не увидишь; и когда все земное приобретешь, тогда ад унаследуешь». Услышав это, Александр опечалился душою и спросил Иованта: «Зачем это сказал мне?» Иовант сказал ему: «Многоумному мужу не следует разъяснять». Александр сказал ему: «Если велишь, принесем тебе, что нужно, из того, что есть в нашей земле». Они же все сказали: «Дай нам бессмертие». Александр ответил: «Я сам смертен, как вам бессмертие могу дать?» И велел Филону чистый хлеб принести и вино. Иовант же, увидя это, ничего не взял, но сказал: «Не для нас эта пища, а для вас; наша пища — от дерева этого и питье — вода». И много ему удивительного рассказал. Александр удивился и со слезами сказал: «Поистине эти люди божественной жизнью живут». Иованта же спросил: «Как вы здесь поселились?» Он же ему ответил: «Адамовы внуки мы, как и вы. Когда Адам отсюда ушел, мы здесь остались, сыновья Сифа мы, сына Адамова, который вместо Авеля дан был ему». Иовант спросил Александра: «Зачем вы персидскую одежду носите и разнообразные яства едите?» И много с ним говорил обо всем. Александр спросил: «Скажите мне, как вы рождаетесь, ибо женского пола не вижу у вас». Иовант сказал ему: «Есть у нас жены, но не здесь, а на другом острове, однажды к ним приходим и, с ними пробыв тридцать дней, возвращаемся; когда же у кого-то родится дитя, больше не сочетается с женою. И когда младенцу три года будет, мужского пола мы себе берем, а женский с женами остается». Александр сказал ему: «Хотел бы я остров тот увидеть, если вы позволите». — «Острова этого достигнешь, но ничего там не увидишь, ибо, до него дойдя, внутрь не смотри, потому что не останется человек живым, если внутрь посмотрит». Александр встал, и к острову тому отправился, и нашел там сооружение из меди, подобное стене, и, вокруг нее обойдя, внутрь посмотреть не смел, Богу это только можно, а людям — никому.

Александр столп на острове том поставить велел, и себя на нем в золоте изобразить, и надпись по-гречески на нем сделал: «Александр, царь македонский, который весь свет прошел, и острова этого достиг, и Макаринский остров видел, и тут эллинских богов не нашел, потому что эллинские боги повелением Бога Саваофа в глубинах ада, в тартаре, в геенне мучатся с дьяволом. И если кто другой на остров этот придет, на все пусть смотрит, внутрь же не заглядывает, это только Богу возможно, для людей же недоступно». И на Макаринский остров вернулся. «Макарии» же по-сербски значит «блаженные». К Иованту придя, Александр спросил: «Скажи мне, многомудрый блаженный Иовант, что впереди?» Тот ему ответил: «Река, в которой острова наши находятся, Океаном называется, всю вселенную обтекает, и все реки в нее впадают. На этой стороне ее — гора, которую ты видишь, плодами разными

украшену, то есть мѣсто вами зовомо Едемъ, иже Господь Богъ Саваоф искони лѣтомъ насади рай на востоце. И ту Адама, праотца нашего, вселил бяше. Он же завистию дияволею испаде, заповедь Божию преступити, из рая изгнанъ есть». Александръ же к нему рече: «Могу ли, дошед, рая видети?» Ивантъ же к нему рече: «Не имат душа во плоти рая видети, горою бо великою мѣдяною огражденъ есть, во вратѣхъ же его шестокрилатии херувими с пламенными оружии стоятъ. Но поиде, Александре, откуду пришел еси, послѣдуй же четыремъ рекамъ, иже от рая идут; во вселенную поиди, иного паче сихъ видети не можешъ. Рекам же симъ имена суть: Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ*». Александръ же из отока поиде, вси его любезно целоваху. Александръ же к нимъ рече: «Аще не бы ми скорбъ за македонян, яко в чюжих землях погинуть, здѣ с вами остал быx, и во второе пришествие Божие близу рая обрелся быx». Ивантъ к нему рече: «Поиди с миромъ, Александре, все приимъ землю, самъ в нее приидеши».

И на десную страну устремися со востока. И тако оттоле поиде Александръ с войском своимъ, 10 дней прешедъ, поля нѣкоего доиде, ровъ глубок на поли томъ обрѣте. И сего преити не могъ и комару на немъ *гвоздѣну* сотвори, и ту войско свое преведе вся, на комаре слова написа греческии, египетски и перска: «Александръ царь на краи земли дошед и по сей комаре войско свое преведе». И оттуду четыре днии прешед, темную землю наиде.

И ту со избранными македоняны на кобылах, имѣющих *жеребцы*, жеребцы же на станохъ остави, они же в темность внидоша. И нощъ ходиша едину. Антиоху же лечити войско повелѣ. Сам же рече к нимъ, пошедшимъ, чтобы всякий человѣкъ взял, хто что возмет, камен или древо ли, или персть. И хто повелѣние сотворилъ, много злата изнесоша, а хто повелѣния не сотворилъ, и тые много и каялися, изнесоша бо каменья драгаго и бисер великий и протчая.

И оттоле четыре дни идоша и сретоша Александра двѣ птицы человѣкообразни и к нему рекоша: «Александре царю, почто гнѣвъ *наносиши на* себѣ в земляхъ сих? Но поиди немедля, ждет тебѣ Индѣя вся и Пор великий; господарство же его пришед разрушити имаши. И на десную страну походи и дивнейшее первых узриши».

СКАЗАНИЕ О ЕЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМУ СУХИЕ РЫБЫ, И О СПОЛИНАХЪ, И О СОЛНЕЧНОМЪ ГРАДЕ, И О ОДИНОГИХ ЛЮДЕХ

Александру же идущу от темные земли 6 дней, езера нѣкоего дошед, и ту станомъ своимъ сташа и ясти искати начаша. Кухор же Александров, повар, рыбы сухие омыти во езере томъ хотя, егда же ихъ в воду измочи, и рыбы сухие

украшенная, — это есть место, называемое вами Эдемом, где Господь Бог Саваоф в начале времен создал рай на востоке. И тут Адама, праотца нашего, поселил. Он же по зависти дьявола пал, заповедь Божию преступив, и из рая изгнан был». Александр же спросил: «Могу ли я рай увидеть?» Иовант сказал ему: «Не может душа во плоти рай увидеть, ибо великой горой медной огражден он, в воротах же его шестикрылые херувимы с пламенным оружием стоят. Иди, Александр, туда, откуда ты пришел, следуй течению четырех рек, которые из рая текут; во вселенную пойди, ничего больше этого увидеть не можешь. Имена рекам этим — Гион, Фисон, Тигр, Евфрат». Александр с острова пошел, и все его любезно целовали. Александр же сказал им: «Если бы не забота моя о македонянах, чтобы они в чужих землях не пропали, здесь с вами остался бы я и во второе пришествие Божие рядом с раем находился». Иовант ему сказал: «Иди с миром, Александр, всей землею овладев, сам в нее придешь».

И направился Александр направо от востока. И, пройдя оттуда с войском своим десять дней, Александр поля некоего достиг, на котором был глубокий ров. И чтобы через него перейти, мост железный сделал и по нему войско свое провел все, на мосту же надпись сделал по-гречески, по-египетски и по-персидски: «Царь Александр до края земли дошел и по этому мосту войско свое перевел». И оттуда четыре дня пройдя, до темной земли дошел.

И тут избранные македоняне на кобылах, имеющих жеребят, в темноту вошли, а жеребят в лагере оставили. И ночь одну ходили там. Антиоху же Александр лечить войско велел. А сам сказал тем, кто туда пошел, чтобы всякий человек взял бы что-нибудь — камень, или дерево, или землю. И те, кто повеление исполнил, много золота вынесли, а кто повеления не исполнил, те сильно раскаивались, потому что исполнившие повеление вынесли драгоценные камни и жемчуг крупный и прочее.

И оттуда четыре дня шли они, и тогда встретились Александру две птицы человекообразные, и они ему сказали: «Царь Александр, зачем гнев на себя навлекаешь, пребывая в этих землях? Иди не медля, ждет тебя Индия вся и Пор великий; придя, господство его разрушишь. Вправо иди и более удивительное, чем прежде, увидишь».

СКАЗАНИЕ ОБ ОЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМ РЫБ, И ОБ ИСПОЛИНАХ, И О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ, И ОБ ОДНОНОГИХ ЛЮДЯХ

И когда Александр шел от темной земли шесть дней, до озера некоего дошел, и тут они лагерем стали, и начали искать, что поесть. Повар же Александра хотел вымыть в озере сушеных рыб, — когда же их в воду опустил,

ожиша и во езеро втекоша. Александръ же се слышавъ и подивися и войску всему купатися повелѣ, и с конми их искупавшися, вси здрави и крѣпцы быша.

И оттоле дванадесятъ дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахарь. При краи же его ходи Александръ, купатися хотя. И се рыба из езера того исхожаше; Александръ же видев побеже, рыба же гонящи его и сунуся на брегъ на сухо... Александръ же рыбу тое ухватив и распластал, наиде во чреве ея камень яко гусиное яйце, свѣтлостию же яко солнце сияше; Александръ же за фонаря мѣсто на копьи посреди войска ставляше. В ту же нощъ жены от езера того исходяху, и около войска хожаху, и дивными нѣкими чюдными гласы красно и жалостно пояху. Сих македоняне слышавше, дивляхуся шесть дний. И оттоле пришедше, на мѣсто нѣкое лужно доидоша. И ту человѣцы на них восташа, от пояса къ горѣ человѣкъ, и от пупа долу конь, исполини сии наричются. И сих множество бысть, и Александра наѣхаша, *стрелы ношаше и луки*. Стрѣлы же ихъ гвоздия не имѣяху, но увѣрчено в стрелахъ от камении адаманта. Сих видевъ Александръ повелѣ ровъ великъ копати, и тростием и травою повелѣ покрыти, и на бой ихъ повелѣ поманити. Они же на бой приидоша, хитрости на собя не вѣдуще. Александръ же на нихъ поиде с войском и многих от них уби, инии мнози в ровъ впадоша, десят тысячь живых ухватиша и во вселенную изведе; толико они борзи бяху, яко ничему у нихъ утечи, и такови они стрелцы бяху, яко ничтоже грешаху. И симъ Александръ оружия направи, стрѣлы и мечи научи ихъ носити, и много ему на бранех помогаху. Егда же ихъ во вселенную приведе и вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша. Александръ же оттоле сто дний пришед, ко предѣлом вселеньским приближися.

И ту в Солнечный град прииде и в солнычный храмъ уклонися. Писмена же ту наиде, иже о смерти его написано. И оттуду десят дний пришед, и люди изнаиде о единой ноги, одеяния же в них овчии бяху. И много их ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же вопроси их: «Что есте вы?» И рекоша они: «Александре царю, умилися о нас, отпусти нас, немощи ради нашей вселихомся в пустыняхъ сих». Александръ же пустити повелѣ. Они же, отшедше, на высоты гор взыдоша, по каменью скачюще, начаша смѣятися, глаголюще: «О безумный Александре, како всѣхъ премудрил еси, мы же тебе премудрихом. Како бо нас пустилъ еси, мяса бо наша слаждьши всѣхъ мяс, кожа наша тако тверда есть, яко желѣзо не имет; богатьства же у нас много есть, бисера великаго и камения многоцѣннаго нѣсть числа». Александръ же посмеявся и рече: «Поистиннѣ, всяка соица отъ языка своего погибает». И се рекъ, войску своему без оружия направитися повелѣ, и на гору ону с войском взошедъ, и около горы обшедъ, двѣ тысящи живых ухватиша, и в станы их приведоша; и съ ихъ кожи веляше одирати, и кожи сушити повелѣ. Мяса же персомъ и египтом ѣсти дасть. В ложищах ихъ множество камения многоцѣннаго изнаиде, без числа. И тако

рыбы ожили и в озеро уплыли. Александр, услышав об этом, удивился и всему войску купаться велел, и, вместе с конями своими искупавшись, все здоровы и крепки были.

И пройдя от того места двенадцать дней, на другое озеро пришел Александр, в котором вода была сладкой, как сахар. По берегу его он ходил, собираясь искупаться. И вдруг рыба из озера того выскочила; Александр, увидев ее, побежал, рыба же преследовала его и бросилась на берег. Александр схватил рыбу, разрезал и нашел в чреве ее камень с гусиное яйцо, который светился как солнце; Александр его вместо фонаря на копье посреди войска ставил. В ту же ночь жены из того озера вышли и около войска ходили, дивными, чудесными голосами красиво и печально пели. Македоняне, услышав, дивились этому шесть дней. И оттуда пришли в некое лесистое место, и там люди на них напали — выше пояса люди, а от пупа вниз — кони, исполинами они называются. И много их было, на Александра напали, стрелы имея при себе и луки. На стрелах же их не было железных наконечников, но прикреплены к стрелам наконечники из камня адаманта. Увидев их, Александр велел большой ров выкопать, и тростником и травою его прикрыть, и на бой их велел выманить. И они на бой пришли, о ловушке, сделанной для них, не зная. Александр с войском на них напал и многих убил, а много других в ров упало, десять тысяч их живыми схватил и во вселенную привел; настолько они быстры были, что никто не мог от них убежать, и такие они были стрелки, что никогда не промахивались. Их Александр оружием снабдил, стрелы и мечи научил их носить, и много они ему в битвах помогали. Когда же во вселенную их привел и холодный ветер подул на них, все они умерли. Александр же, пройдя от того места сто дней, к пределам вселенной приблизился.

И тут в Солнечный город пришел, и в храм Солнца вошел, и нашел тут письмена, в которых о смерти его было написано. И оттуда десять дней пройдя, встретил одноногих людей, одеяния же у них были овечьи. И много их схватили, и к Александру привели. Александр же спросил их: «Кто вы такие?» И сказали они: «Царь Александр, смилуйся над нами, отпусти нас, из-за немощи своей поселились мы в этих пустынях». Александр велел их отпустить. Они же, отойдя, на вершины гор взошли и, по камням прыгая, начали над Александром смеяться, говоря: «О глупый Александр, всех перехитрил ты, а мы тебя перехитрили. Как же ты отпустил нас, когда мясо наше лучше всех мяс, а кожа наша настолько тверда, что ее железо не берет; и богатств у нас много — крупному жемчугу и камням многоценным нет числа». Александр посмеялся и сказал: «Поистине всякая сойка от языка своего погибает». И, сказав это, войску своему велел приготовиться к бою без оружия, и, на гору с войском взойдя и окружив ее, две тысячи живыми схватили и в лагерь их привели; и велел с них кожи сдирать и эти кожи сушить. Мясо же их персам и египтянам дал есть. В логовищах их много камней драгоценных нашел — без числа.

шесть дний прешед, на индѣйские предѣлы прииде. И ту Александръ смеяся, многа месяцъ бо имѣяще не смѣявся, отнелѣже смерть проповѣдана, оттоле всегда жалостенъ бяше. Всякий бо человѣкъ, смерть свою проповѣдав, жалостию радость пременяет.

На предѣлы же индѣйские прииде, Поръ же, великий царь, слышав, вѣстника посла ко Александру и листь, имѣющъ сице: «Поръ, великий индѣский царь, точен индѣйским богом, Александру, македоньскому царю, пишу. Яко перскаго царя Дария смерть превознесена тя много сотвори, от безумия своего сие претерпѣти имаеши. Не вѣси бо, пред силою моею не может тя укрыти вся вселенная? Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ. Да буди доволен блудостию своею, прощения от мене прияти молися, и дани, еже от земля взялъ еси, принеси ми, сам же в Македонию втецы, животомъ своим промышляй. Аще ли сему не увѣришися, нектому в Македонии укрытися не можеши, но и во вселенней не укрыешися». Скоро листь Александръ прочетъ к Пору другий писа: «Александръ, царь над цари, не своимъ храброванием, но Божиим промышлениемъ, великому Пору индийскому пишу. Ты ко мнѣ пишеши, яко Дариево убиение мене превознесе. Ведомо да есть тобѣ, Дарий богом подобляшеся, якоже и ты, азъ же боги ваша победихъ. Ты же не велиши себѣ противитися, ащъ богъ силнѣишии, почто Дарию не поможе, аще ли можаще или не смѣя? Аз с помощию Бога Саваофа не яко на бога, но яко на наимника человѣка иду, и человѣкъ бо недостоин Богом нарещися быти, Бога никтоже николиже видѣ. Ты же свою силою на бой иди, яко да болшия чести македонян сподобиши, толикою храбростию разбити тя имам. Аще ли живаго ухватим тя, не у Макариньский отокъ послати имамъ, иже боги твои тамо мниши быти, но во адъ, долнейшая земли и с ними мучитися имаеши, они бо суть тамо в геоне, якоже мнѣ Иовантъ, макаринский царь, сказа. Буди доволен оброки своими».

И тот листь послу Порову Александръ дал, а сам же листь к матери своей Алимпияде и учителю своему Аристотелю писа в Македонию: «Александръ царь Алимпияде царицы и матери моей, радоватися пишу и Аристотелю и казателю моему. Четыре бо лѣта преминуша, мати моя, отнелѣже к вам не писах, сердоболству о семъ вамъ много же лѣта мню, и мысльми многими обуреваеми есми, якоже корабль нѣкиими многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за вас. Много бо вас во снѣ видех, к вамъ сердечным обычаем влекомъ бѣ и жалостных вас, и радостных видех. Ум бо во снѣ многожды течетъ и зритъ далняя мѣста. Тако от сна воставь, ложное его мечтание и видѣние упустив, и жалостен обема бывах, от сна же воставъ прелестна, немало скорбенъ буду. Тако бо вси стражут, иже сердечную любов имѣютъ. Вѣм бо тя единородну сыну неизреченную любовъ имѣти; твою бо любовъ, иже ко мнѣ, мое известует сердце, сердцу жалость и *радость* указует. Да о семъ всѣмъ согрѣшении милостива буди и согрѣшения наша прости; *не убо от нелюбве*, писах вамъ, пропуща-

И, пройдя шесть дней, к индийским границам пришел. Тут Александр сделался весел, хотя много месяцев до этого не смеялся, — с тех пор как о смерти своей узнал, всегда печален был. Ведь и всякий человек, о смерти своей узнав, от радости к печали переходит.

И когда он на границы индийские пришел, Пор, великий царь, услышав об этом, вестника к Александру послал с грамотой: «Пор, великий индийский царь, равный индийским богам, Александру, македонскому царю, пишу. Смерть персидского царя Дария много тебя превознесла, и из-за глупости своей ты пострадаешь. Не знаешь ли, что от войска моего не может укрыть тебя вся вселенная? Ибо, когда я разгневаюсь, вся поднебесная противостоять мне не может. Оставь глупость свою, моли прощение от меня принять, и дани, что от земель взял, принеси мне, сам же в Македонию беги, о жизни своей заботясь. Если же этому не подчинишься, не только в Македонии не сможешь укрыться, но и во вселенной не укроешься». Александр быстро грамоту прочел и к Пору свою написал: «Александр, царь над царями, не своею доблестию, но Божиим промыслом, великому Пору индийскому пишу. Ты мне пишешь, что победа над Дарием меня превознесла. Знай, что Дарий уподоблял себя богам, так же как и ты, я же богов ваших победил. Ты не велишь тебе сопротивляться, но если ты сильнее богов, почему Дарию не помог, или же мог, но не посмел? Я же с помощью Бога Саваофа на тебя не как на бога, но как на подвластного человека иду, ибо человек недостоин называться Богом, Бога никто никогда не видел. Ты же со всею силою своею на бой иди, чтобы тем большей чести македонян удостоить — с тем большею храбростью разобью тебя. Если живым тебя схватим, то не на Макаринский остров пошлем, где, ты думаешь, боги твои пребывают, но в ад в глубинах земли, и с ними вместе терпеть муки будешь, ибо они там, в геенне, как мне Иовант, макаринский царь, сказал. Будь доволен оброками своими».

И эту грамоту Александр дал послу Пора, сам же письмо матери своей Олимпиаде и учителю своему Аристотелю написал в Македонию: «Царь Александр царице Олимпиаде, матери моей, и Аристотелю, наставнику моему, приветствие пишу. Четыре года минули, мать, как я вам не писал, сердцем болеете об этом вы много лет, думаю, и мы мыслями многими обуреваемы, и как корабль, многими обуреваемый волнами, так сердце наше потоплено печалью о вас. И часто вас во сне, сердечной привязанностью к вам влекомый, видел и печальных, и радостных. Ибо ум во сне далеко простирается и видит далекое. И, ото сна восстав, обманчивое видение упустив, печалью объят был, и, от сна восстав обманного, в немалой скорби буду. И так страдают все, кто сердечную любовь имеет. Ибо знаю твою неизреченную любовь к единородному сыну, и о твоей любви ко мне мое сердце свидетельствует, любовь сердцу печаль и радость указывает. И по этому всему к согрешению нашему милостива будь и согрешения наши прости нам; ибо не от нелюбви, как я уже писал вам,

ти к вамъ книг не могох. С востока бо идохом, во Индѣйскиих странах стахом; да еликая дивная прилучишася, се сь вамъ листь скажет. Вѣсте бо, яко преж вамъ писах, яко перьское царство пріяхомъ и царя их убихомъ, дшер его поях жену себѣ и вкупе македоняне с персы соединих. И тако всихъ сих поимъ, во Иерусалимъ приидох. Люди же града того в великаго Бога вѣрующе изнаидох и сего силнейша Бога паче всѣх богов вашихъ видех. И поклонихся ему и вѣровах в него. Имя же есть ему Богъ Саваоф, невидим же есть человѣческима очима, но умом единым едва довѣдомъ есть. И оттуду востах, во Египетъ приидох и ту египетскаго *царя* обретох на столпѣ, иже царство свое остави и в чюжю отбѣгъ землю. Имѣя разумъ, да разумѣетъ. И ту еллиньские боги похулих, и от серафимъ славимаго Бога Саваофа помощию вооружився, и с Персиды на край земли ходих. Отнелѣже к вамъ писах, страны и мѣста прешед нужно и силно, горы непроходны и поля непрезрѣма, и дивии же человѣкъ доидох, иже нѣкогда великаго и силнаго Сонхоса царя *разбише... И ту образь Сьнхоса цара* обретох на столпѣ высоце златомъ искуснымъ написан. И на томъ столпѣ высоце разбои его выписан бысть, како его дивии человѣцы разбиша. Азъ же помощию Бога Саваофа их разбих. И оттуда востав с войском своимъ, луги многи преидох, ширина их день ходу, и тако до царства Раклиева и Семирамиды доидох. И образы их на столпѣхъ высоких на злате написаны быша. И оттуда воставъ, к востоку доидох и человѣки различни наидох, 6 рукъ и 6 ногъ имяху, и звѣри, ихже не возмогох исписати к вамъ. И тако к Макаринскимъ отокам идох, и ту боги ваша исках видети, и ниединаго же не обретох, но паче и макариньский царь с клятвою возвести ми, яко еллиньстии бози в долнейших ада мучими суть вси. И отоки ихъ прешед и мѣста глядах, идѣже праотецъ нашъ Адамъ жилъ бяше, иже Едемъ наричется, в немже Богъ рай насади на востоце. Азъ же восхотѣхъ итти тамо, мнѣ же макаринский царь не даваше итти тамо и глаголя: „Не может человѣкъ во плоти рая видети, пламенным же оружиемъ стрегомъ есть, и опалити тя имать". И се слышав, азъ во вселенную возвратихся и, не вѣдущимъ намъ, рекамъ послѣдовахом четыремъ, иже от рая во вселенную текутъ, и на десную страну шествии творяще, за год во вселенную изыдохомъ, и на землю Индѣскую, на индѣйскаго царя Пора идохом и вои сотворити с нимъ мыслим, яко да скорѣе сотворится повелѣние. И здравствующи буди, госпоже мати моя, с моимъ казателем Аристотелемъ и нам о собѣ писуйте».

СКАЗАНИЕ, ЕГДА ПРИИДЕ АЛЕКСАНДРЪ НА ИНДѢЙСКАГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИ ЕГО

Пор же индѣйский царь, по вселенней войско свое собравъ и преписати повелѣ и обрѣте их 1000 тысяч и десят тысяч лвов, иже бяше на брань учинены ходити. И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы,

посылать письма я не мог. С востока идем и в Индийской стране остановились; все удивительное, что случилось, это письмо вам расскажет. Вы уже знаете, так как я писал вам прежде, что персидское царство мы покорили и царя их убили, дочь же его я взял в жены себе и вместе македонян и персов соединил. И с ними в Иерусалим пришел. И узнал, что люди этого города в великого Бога веруют, и увидел, что это самый сильный Бог, сильнее всех богов ваших. И я поклонился ему, и уверовал в него. Имя ему — Бог Саваоф, невидим человеческими глазами, но умом только постигаем. И оттуда в Египет пришел, и тут египетского царя увидел на столпе, того, что царство свое оставил и в чужую бежал землю. Имеющий разум да разумеет. И тут эллинских богов отверг, и, помощью Бога Саваофа, славимого серафимами, вооружась, из Персиды к краю земли ходил. С тех пор, как писал вам, страны и места пройдя трудные, горы непроходимые и поля необозримые, до диких людей дошел, которые некогда великого и сильного Сонхоса-царя убили. И статую царя Сонхоса нашел на высоком столпе, из чистого золота сделанную, и на том столпе высоком о поражении его написано, как его дикие люди разбили. Я же, помощью Бога Саваофа, их разбил, и, оттуда пойдя с войском своим, леса многие прошел, ширина которых — день хода, и до царства Ираклия и Семирамиды дошел. И статуи их на столпах высоких из золота сделаны были. И оттуда к востоку отправился и нашел разных людей, шесть рук и шесть ног у них было, и зверей, которых описать вам не могу. И Макаринских островов достиг, и здесь богов ваших хотел увидеть, и ни одного не нашел, напротив того, макаринский царь, поклявшись, сообщил мне, что эллинские боги в глубинах ада терпят муки. И, острова эти пройдя, видел место, что Эдемом называется, где праотец наш Адам жил, в котором Бог рай посадил на востоке. И когда я хотел пойти туда, мне макаринский царь не велел, говоря: „Не может человек во плоти рай видеть, ибо пламенным оружием охраняется он, и оно опалит тебя". Услышав это, я во вселенную возвратился, и, не зная пути, мы следовали по течению четырех рек, что из рая во вселенную текут, и, в правую сторону идя, через год во вселенную вышли, и на землю индийскую на индийского царя Пора идем, и в битву с ним вступить думаем, чтобы скорее исполнилось повеленное. И в здравии пребывайте, госпожа моя мать, с моим наставником Аристотелем, и нам о себе пишите».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ АЛЕКСАНДР НА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИЛ ЕГО

Пор же, индийский царь, со всей вселенной войско свое собрал и смотр ему сделать велел, и было у него войска тысяча тысяч и десять тысяч львов, обученных для войны. И когда эту несказанную силу Порову увидели македо-

убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору, индѣйскому царю. И рекоша: «Сами живот свой испросимъ у него», в Македонию бежати помышляху. Птоломѣй же, воевода Александровъ, сие слышав, Александру исповѣда. Александръ же, сие слышав, войску свою къ собѣ призвав и к ним рече: «О любимии македоняне и велемошнии, всѣхъ языкъ силнейшии и лутчии витязи, таковы свѣтъ приимше и всесилнии победивше десница, а ныне от нехрабрых и непотребныхъ убоястеся индѣянъ. Не токмо они насъ изести имуть, яко вамъ мнитца. Да аще вас омерзил есми, вы сами убийте мя. Аще ли вамъ Поръ что сотворити может, самъ аз к нему добра вашего для иду. Но вѣдомо вамъ есть, македоняне, аще Александра изгубите, нектому Македонию узрите, но порабощение языком всѣмъ будете и злѣ в чужих землях умрете. Не такую бо честь вы у отца моего Филипа и от всѣхъ языкъ имѣете, якоже вы со мною нынѣ царствуете. Вѣдомо да есть вамъ, яко мнѣ 3 лакти доволе есть земли, вы же во вселенней укрытися не можете. Вѣдомо да есть вамъ, яко отколе невѣру сию ко мнѣ приказасте нынѣ, на конец лѣтомъ поработитися имате государьство ваше перьскому языку и вас всѣхъ до конца погубивше и отчинную вашу и землю и Македонию приимутъ. Азъ же нынѣ к Пору самъ иду на бой, аще сего убию, то аз есми побѣжая землю, а не вы; аще ли мене убиет онъ, вы вси злѣ имате умрети». Македоняне же, сие слышавше и много плакавше, ко Александру приступиша и рекоша: «Великий царю Александре, буди намъ вкупе с тобою умрети, нежели жити без тебѣ много. Невѣрьство же сие не мы приказали есми, но невѣрнии, нехрабрии перси, суседи бо тии индѣяномъ и устрашают нас. Нас бо индѣяне добре знают». И сие Александръ слышавъ и на персы разгнѣвався и в женьские свиты облече ихъ и убрусы женьские на главы постави всѣ.

И тако на бой направитися повелѣ всѣмъ. И войско свое переписав и обрѣте 6000 тысячей. И тако листь в Персиду писа к Филону, послал бо бѣ его к Роксаны царицы и персы господьствовати: «Александръ, царь над цари, моему любимому Филону. Вѣдомо есть тобѣ, яко всю приимше землю, здрави до Индѣи доидохом и сугуб с Пором, индѣйскимъ царемъ, стоимъ. Да в кий час листь мой приимешъ, в той час со всѣмъ войскомъ западнымъ на Индѣю гряди, ко мнѣ же вѣстника пошли, яко да азъ отсюду на него поиду». Александръ на бой к Пору поиде. И сставшимася двема войскома, Поръ напередь 10 000 лвовъ пусти; Александръ же противу их буиныхъ воловъ неускихъ пусти. Лвове же с ними сразившеся и паки на свое войско возвратишася. Александръ же своему на три части разделитися повелѣ. На бой идоша, трубамъ ратнымъ великим ударившимъ, сьѣхавшеся. Поръ во окол свой отъиде, Александръ такоже. И в том бои Поровых убиша двѣсте тысяч людей, Александровых тридцат пять тысяч, македонянъ 500. Се же Поръ видѣвъ, войско свое прииде и всѣмъ рече: «О велемошнии велможи, саратаи индѣйстии, се с македоняны бившеся, приразихомся, да что сотворимъ к тому?» Они же к нему рекоша: «Великий царю Поре, нектому людей посылай на брань, но великии лепанди и дивныи

няне и другие народы, то сильно испугались, думали Александра выдать Пору, индийскому царю. И сказали: «Сами жизнь свою выпросим у него», в Македонию думая бежать. Птоломей же, воевода Александра, узнав об этом, Александру сообщил. Александр, услышав об этом, войско свое к себе призвал и сказал: «О любимые и могучие македоняне, всех народов сильнейшие и лучшие витязи, вы весь свет завоевали и сильнейших врагов победили, а теперь испугались трусливых и немощных индийцев. Не могут они нас победить, как вам это кажется. И если я опостылел вам, то сами меня убейте. Если же вы ждете от Пора добра, то сам я к нему ради вашего блага пойду. Но знайте, македоняне, если Александра погубите, Македонию больше не увидите, будете в порабощении у всех народов и бесславно в чужих землях умрете. Не было такой чести вам при отце моем Филиппе от всех народов, как теперь, когда вы со мною царствуете. Знайте, что мне трех локтей земли хватит, а вас вся вселенная не укроет. Знайте, что, раз вы измену эту явили ныне, в конце времен станет подвластным государство ваше персам, и, вас всех погубив, отеческую землю вашу, Македонию, они захватят. Я же теперь к Пору иду на бой, если его убью, то я победитель всей земли, а не вы; если же он меня убьет, то вы все бесславно умрете». Македоняне, слыша это, плакали и, обступив Александра, сказали: «Великий царь Александр, лучше нам вместе с тобой умереть, чем без тебя жить долго. Измену же эту не мы проявили, но изменчивые, трусливые персы, соседи они индийцам, и пугают нас. А нас индийцы уже знают». Услышав это, Александр на персов разгневался, в женские одежды одел их и платки женские на головы им повязал.

И велел он к бою всем готовиться. Войско свое осмотрел, и было у него шесть тысяч тысячей. И грамоту в Персиду написал к Филону, которого послал прежде к царице Роксане, чтобы персами правил: «Александр, царь над царями, моему любимому Филону. Знай, что, всю покорив землю, мы до Индии дошли и против Пора, индийского царя, стоим. И как только грамоту мою получишь, тотчас со всем западным войском в Индию иди, а ко мне пошли вестника, чтобы я против Пора вышел». И Александр на бой с Пором пошел. И когда сблизились два войска, Пор выпустил вперед десять тысяч львов; Александр же против них много буйволов неприрученных пустил. Львы с ними сразились и возвратились к своему войску. Александр войску своему на три части разделиться велел. Пошли они на бой, и, когда в трубы военные затрубили, съехались оба войска. Потом Пор в лагерь свой отступил, Александр тоже. В этом бою у Пора убили двести тысяч людей, а у Александра тридцать пять тысяч и македонян пятьсот. Узнав об этом, Пор к войску своему пришел и сказал: «О могучие вельможи, сатрапы индийские, вот с македонянами бились мы и побиты ими, что сделаем теперь?» Они же ему ответили: «Великий царь Пор, не людей посылай на бой, а больших елефантов и диких львов». И Пор привел сто тысяч елефантов, что

лвове». Поръ же 100 тысяч лепандъ приведъ, рекше слоны, и ковчеги на них древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадесят человѣкъ вооруженных, и на бой на Александра пошли. Александръ же повелѣ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бой к нимъ борзо поиде, людей же пѣших оруженных двѣсте тысяч поведе, ноги слоном подсекати повелѣ. Слонове же прапорный звукъ слышавше, уполошишася и побегоша. И ту Поровых людей Александръ убии 400 тысячь, Александровых же убиша 1000 и 500. И Поръ все свое войско developed?

И в той час Филон от Персиды с великою силою приспѣ ко Александру, с тысячью тысяч людей вооруженных, и 100 тысяч коней зобных Александру приведе, 1000 тысячь камелий, иже на потребу, и принесе ему диядиму многоцѣнну и стему безцѣнну от Роксаны царицы, и 1000 литръ злата. И ту стоя Филонь, рече: «Милый мой государю и всѣмъ царемъ царю, великий хинкире, и наасаре,* Александре царю, не подобает намъ противу индѣйскому царю Пору много корисмати, но скоро на них наѣхавше, яко не на храбрых и не искусных быти». Александръ же о пришествии Филонове радостень бысть велми. Филоново же пришествие увѣдѣвше, македоняне охрабрившеся велми, индѣяне же слышавше, страх великъ объятъ их. Филон же ко Александру рече: «Великий царю Александре, елико Поръ противъ насъ стоитъ, толико войско его храбрейши бываетъ; да пусти на них мене с покойнымъ войском моимъ». Александръ же к нему рече: «Порово войско силно есть велми, река же сия непроходна есть *конскими* ногами». Филон же к нему рече: «Македонскии десницы непоколебими суть, македоньским же конем ниедина река не стоит. Нароком же твоимъ облецы мене и молитвою твоею облецы мене, и на Пора пусти мене, много бо может нарокъ силнаго господина и честна; нарокомъ твоимъ, Александре, и горы не стоят и реки, ни луги. Ниподобно тебѣ с Пором битися, много бо царей подручных тобѣ есть, якоже Поръ; мнѣ подобает с ним битися, а не тебѣ, он бо есть индѣйскии царь, аз же по твоей милости перский господинь есми, перское бо господство индѣйскому равно есть». Александръ же к нему рече: «Како реку прейдеши?» Он же к нему рече: «Якоже ты узриши». И Александръ дасть ему 1000 тысячь людей оруженных и пѣших другую 1000 тысяч. Филон же повелѣ всякому воиннику пѣшего за собою на конь взяти с мечем. И стоящим; и егда войско Порово нача обѣдати, тогда Филон со всѣмъ войском удари в реку и сию из мѣста изгнаша на поле пред ними, сквасишася мнози, заднии же посуху преидоша. Прешедшим же реку, пѣшии с коней сседоша, и на околъ наѣхавше, сѣчю велику сотвориша конницы и пѣшии. Александръ же Филонове храбросте подивися и тако сотвори, якоже Филон, реку преиде. Индѣяне же много бившеся и побегоша. Александръ же сихъ постизая, многих убивая и иных живых ухватиша. Порово войско 1000 и 500 людей убиено бысть. Пору же из боя бежащу и тако, плача, глаголаше: «Увы

значит «слонов», и башни на них деревянные сделал, и в каждой башне было по двадцать человек вооруженных, — и они на бой с Александром пошли. Александр же велел своим воинам на коней колокольчики повесить, и на бой быстро пошел, и пеших воинов двести тысяч повел с собою, которым ноги слонам подрезать велел. Слоны, услышав звон колокольчиков, испугались и побежали. Здесь у Пора Александр убил четыреста тысяч, у Александра же убили тысячу пятьсот. Пор, все свое войско взяв, переправился через реку, называемую Алфион, — на кораблях через эту реку переправлялись. И Пор на берегу реки со всем своим войском стоял, со всеми силами.

И в это время Филон из Персиды с огромной силою пришел к Александру с тысячью тысяч воинов, и сто тысяч коней откормленных Александру привел, тысячу тысяч верблюдов для разных нужд, и привез ему диадему многоценную и венец бесценный от царицы Роксаны и тысячу мер золота. И, стоя перед Александром, Филон сказал: «Милый мой государь и всем царям царь, великий хонкиарь и наасарь, царь Александр. Не следует нам, стоя против индийского царя Пора, долго медлить, но сразу на них нападем, как на трусливых и плохих воинов». Александр приходу Филона рад был весьма. Македоняне, узнав о приходе Филона, стали храбрее, а индийцы, услышав о нем, страхом были объяты. Филон же Александру сказал: «Великий царь Александр, пока Пор против нас стоит, то и войско его храбро; но пусти на них меня с отдохнувшим войском моим». Александр сказал ему: «Войско Пора сильно, а река эта непроходима для конских ног». Филон же ему сказал: «Македонские воины непоколебимы, а македонским коням ни одна река не страшна. Славою же твоею одень меня и молитвою твоею покрой меня, и пошли меня против Пора, ибо многое может слава сильного и достойного государя; славе твоей, Александр, ни горы не противостоят, ни реки, ни леса. Не подобает тебе с Пором сражаться, ибо много царей подвластных у тебя таких, как Пор; мне подобает с ним сразиться, а не тебе, ибо он индийский царь, я же, благодаря твоей милости, персидский государь, а персидское владение индийскому равно». Александр ему сказал: «Как через реку перейдешь?» А он ему ответил: «Увидишь как». Александр дал ему тысячу тысяч всадников и еще тысячу тысяч пеших воинов. И Филон велел каждому всаднику пешего за собой на коня посадить с мечом. И так они стояли; когда же войско Пора начало обедать, Филон со всем войском бросился в реку и ее из русла вытеснили в поле перед ними, многие вымокли, а задние посуху перешли реку. Когда же переправились, пешие воины с коней сошли, и напав на лагерь, в битву вступили и конные, и пешие. Александр храбрости Филона подивился и, сделав то же, что и Филон, реку перешел. Индийцы после долгой битвы побежали. Александр, преследуя их, многих убил, а других в плен захватил. Из войска Пора тысяча пятьсот людей убито было. Пор же с боя бежал и, плача, говорил: «Увы мне, несчастному, сильные пали, а немощные перепоясались силою; македонский царь силу

мнѣ, окаянному, како силнии падоша, а немошнии препоясашася силою; како македоньский царь Дариеву силу победивъ и у космы мои, яко чинакъ, увязе и силу мою разруши. Сих ни Афилонская река воздержати возможе». Александръ на околъ Поровъ наиде, пленити землю индѣйскую посла. Поръ же в *столной* во град свой вниде и ко околнимъ языком посла и глаголя им: «Вѣдомо да есть вамъ, друзи мои и братия моя, яко вселенную приимъ и Дария царя убивь, Александръ, македонский царь, и до нас доиде; трижды мя разби и силу мою разруши, на Афилон реку пришед, и землю мою пленить. Да молюся вамъ на помош мнѣ приити, аще бо меня разорит, вы постояти пред нимъ на можете». Се же слышавше языцы, иже на сѣверной странѣ, в той час Пору на помош приидоша, бысть же их 6000 тысячей, Поровых 4000 тысячей, Александровых же 1000 тысячей. Обои же направишася, на бой приидоша.

Ставшимъ супротивъ двема войска, Александръ же Филону повелѣ в посолство поити к Пору с листомъ, имѣющь сице: «Александръ, наакарь, великий хонкиаръ, Пору индѣйскому царю, пишу радоватися. Вѣдомо да есть тебѣ, яко преклонные главы ни меч не сечет; аще Дарий мнѣ поклонитися... хотѣ, всему своему государь был бы и животъ имѣлъ бы. Да и ты сего гордыни подобяся превозносишися много, не вѣси бо, яко всякъ превозносяися смирится. Пизматор бо великъ индѣяном указался еси, и сих безумно на заколение приводиши. Да аще индияне тебѣ милы суть, мнѣ же македоняне милы суть, отнынѣ же довлѣетъ войском битися. Я и ты да ся биемъ, неподобно бо есть за Александра и за Пора всему свѣту погибнити и опустѣти; да аще ты мене убиешъ, государь всемъ моимъ будеши, аще аз убию тебѣ, по правде всей Индѣи буду государь. Аще ли животу своему радъ еси, буди государьствуя землею своею, мнѣ же дани давай, войску... давай. Едино, кое годно ти есть, мнѣ отпиши». Сей же листъ Филонъ вземъ и к Пору отиде. Поръ же сий листъ перед индѣяны прочетъ и радостен быв о семъ и рече: «Аз с тобою битися имам, а войски наши на сторонѣ стоят». И к Филону рече: «Ты ли перский государь, Дариевъ намѣстник перский?» Филон же рече: «Азъ есми Филон, Дариевъ намѣстникъ, Александром любимый, персомъ государь и скорымъ Финикомъ и Линьской земли». Пор же к нему рече: «Отнынѣ государьствовати не может Александръ, от руки моея умрет, ты же животом своимъ промышляй и мои буди, и персомъ государь и от Индѣи дам ти 4 часть». Филонъ же к нему рече: «Я нынѣ государь персомъ, ты же ми 4-ю часть Индѣи даеши, Александръ всю Индию мнѣ далъ есть; егда сию прииметъ, тогда мнѣ в ней царствовати». Индѣяне же ту стоящии к Филону рекоша: «Почто тако силному царю говориши?» Филон же к ним рече: «Силнаго государя волен посол и вѣрен слуга и страха не имаетъ». Пор же к Филону рече: «Буди мой и дшер мою дам ти и по смерти моей всей Индѣи государя сотворю тя». Филон же к нему рече: «Вѣру ими ми, Поре, яко от любве Александровы *не может менѣ* разлучити весь поднебесный свѣтъ, *вес бо миръ* недостоин есть единаго власа от главы его

Дария победил и к волосам моим как репейник прилип, и силу мою разрушил. Их и Алфионская река удержать не может». Александр, заняв лагерь Пора, послал покорять землю Индийскую. Пор же, в столицу свою вернувшись, к соседним народам послал, сообщая им: «Знайте, друзья и братья мои, что, вселенную захватив и убив царя Дария, македонский царь Александр до нас дошел; трижды меня разбил и силу мою разрушил, к реке Алфион пришел и землю мою завоевывает. И прошу вас на помощь ко мне прийти, — ведь если меня победит, вы противостоять ему не сможете». Услышав это, северные народы тотчас пришли к Пору на помощь; было же их шесть тысяч тысячей, у Пора четыре тысячи тысячей, у Александра же одна тысяча тысяч. И, приготовившись, на бой вышли.

И когда встали друг против друга два войска, Александр велел пойти Филону послом к Пору с такой грамотой: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, Пора, индийского царя, приветствует. Знай, что склоненную голову и меч не сечет; если бы Дарий мне покорился, государем над всем своим был и жизнь сохранил бы. И ты, ему в гордыне уподобляясь, очень превозносишься, — не знаешь ли, что всякий возносящийся унижен будет. И большим врагом индийцев ты оказался, которых из-за безумия своего на смерть ведешь. И если индийцы тебе милы, — а мне македоняне милы, — отныне довольно войскам нашим сражаться. Мы с тобой будем сражаться, ибо не должен из-за Александра и Пора весь свет погибнуть и опустеть; и если ты меня убьешь, государем над всем моим будешь, если же я убью тебя, то по справедливости всей Индии государем стану. Если жизнью своей дорожишь, правь землею своею, а мне дани давай и войско. Что тебе из этого угодно, мне напиши». Эту грамоту Филон взял и к Пору пошел. Пор же ее перед индийцами прочел и, обрадовавшись, сказал: «Я с тобою сражаться буду, а войска наши пусть в стороне стоят». И к Филону обратился: «Это ты государь персов, преемник Дария?» Филон сказал: «Я — Филон, преемник Дария, любимец Александра, государь персов и сосед финикийцев и Лидонской земли». Пор же ему сказал: «Отныне Александр не будет править, так как от руки моей умрет; ты же, о жизни своей заботясь, на мою сторону стань и, оставаясь государем у персов, Индии получишь четвертую часть». Филон ему сказал: «Я ныне государь персов. Ты мне четвертую часть Индии даешь, Александр всю Индию мне дал; когда ее покорит, тогда мне в ней царствовать». Стоящие тут индийцы сказали Филону: «Как можешь так с сильным царем говорить?» Филон им ответил: «У сильного государя посол свободен, он верный слуга и страха не имеет». Пор же Филону сказал: «Стань моим, и дочь мою отдам тебе, и по смерти моей государем всей Индии будешь». Филон ему ответил: «Поверь мне, Пор, что весь поднебесный мир не может заставить меня отказаться от любви к Александру, потому что весь мир недостоин одного волоса с его головы». И, сказав это, Филон к

отпадающа». И се рек, Филон ко Александру отъиде, к Пору рекъ: «Поѣдь на бой борзѣе, ждетъ тебѣ Александръ во всем оружии, на великомъ кони сѣдя». И Александръ во оружии заѣха, Филона вопрошаше: «Каковъ есть Поръ?» Филон же рече к нему: «Тѣла великаго есть, толстъ, но велми гнѣлъ; и поиди, убити его имаши, *нароку бо твоему Всевѣдый* помогаетъ». Александръ же, имя Бога Саваофа призвавъ, рече: «Боже великий, иже на святых почиваяй, помошник ми буди нынѣ на индѣйскаго Пора. Єдинъ святъ Господь Саваоф». И се рекъ, в руку копие приимъ, прямо к Пору поѣха. Пор же прямо ему поѣха с войски своими. И стѣкошася оба, копьи ударишася и копьи обломишася, рогатины исторгоша и с ними... сто крат ударишася, мечи исторгоша и сихъ притупиша. И тако приступивъ Александръ к Пору, рече: «Такова ли вѣра твоя, Поре, войско твое помощи тебѣ дает». Поръ же к войску озрѣвся, хотя их уставити. Александръ же к нему приспѣ, Дучипала коня острогами гараздо удари и к Пору скоро прискочи, и бурдуномъ его под десную пазуху удари и прободе его. Дучипал же коня его зубами за шею похвати и к земле его притище; Поръ же ис коня урвася и злѣ душу свою отдадѣ. Индѣяне же, сие видѣвше, начаша бѣгати. Александръ же поиде за ними, терая их, 3 тысячи убии и многих живых похватиша. Тѣло же Порово вземъ, на златом одрѣ постави и в столный град его, во Илиюполь,* принесе. Царица же его Темищра,* власы главы своея до земля распростерши и одеяние многоцѣнное на себѣ раздравши, со двемасты тысяшми владыкъ с плачемъ великимъ и рыданиемъ тѣло Порово сретоша, жалостно его плакаша. Александръ же его повелѣ поставити на златом одрѣ и стему великую на главу его постави, и тако со всим войском оплака его и с честию великою вкопати повелѣ.

И ту Александръ 12 дний стоя, во Илиюполь вниде. И введоша его царство Порово, толико дивна внутрь его видѣ, *иже око не видѣ и ухо не слыше*. Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгом и камением украшени бяху; *и всех же великих царей боеве писаны в той полате и 12 месяцов в человѣческих образехъ изваяни, бяху же 12 добродетелей человѣческих изваяни в злате* женскими образы, всяко по своему подобию, и часовникъ мѣсячный и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху. И приведоша к нему 1000 тысяч коней зобных Поровых и 100 тысячь фарижи индѣйскихъ под хакизмы серменеми, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и коруну Порову от камения самфира, и перстен Поров многоцѣнный от аметиста камени, и блюд настолных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настолных многоцѣнных, с камениемъ и з жемчюгомъ и златомъ украшенных 30 тысяч, и прочих вещей украшенных, иже нѣсть возможно исповѣдати. И ту Александръ годъ сотвори со всѣми вои своими и любимаго Антиоха сотвори индѣяномъ гоподьствовати.

Александру отправился, сказав Пору: «Поезжай скорее на бой, ждет тебя Александр уже при оружии на своем великом коне». И Александр в своем вооружении выехал, и Филона спросил: «Каков Пор?» Филон же сказал ему: «Телом велик и толст, но гнил; иди, убить его должен, ибо судьбе твоей Всеведающий помогает». Александр же, имя Бога Саваофа призывая, сказал: «Великий Боже, почивающий на святых, помощником мне будь ныне против индийского царя Пора. Един свят Господь Саваоф». И, сказав это, в руку копье взял, и поехал навстречу Пору. Пор же против него выехал с войском своим. И, сблизившись, копьями ударили друг друга, и копья обломились, рогатины извлекли и ими сто раз сразились, мечи вынули и их притупили. Тогда приблизился Александр к Пору и сказал: «Так-то ты верен слову своему, Пор, — войско твое помощь тебе посылает». Пор на войско оглянулся, чтобы их остановить. Александр Дучипала сильно пришпорил, и, к Пору быстро подскочив, мечом его под правый бок ударил, и пронзил его. А Дучипал коня его зубами за шею схватил и к земле пригнул; Пор упал с коня и бесславно душу свою отдал. Индийцы же, увидя это, пустились в бегство. Александр пошел за ними, преследуя, три тысячи их убили и многих в плен захватили. И, взяв тело Пора, на золотом одре его положил, и в столицу его Илиюполь принес. Царица же его Клитемищра, волосы свои до земли распустив и одеяние многоценное на себе разодрав, с двумястами тысячами вельмож с плачем великим и рыданием тело Пора встретила. Александр велел положить его на золотом одре, и венец ему на голову возложил, и вместе со всем войском оплакал его, и велел с большой честью похоронить.

Пробыв тут двенадцать дней, Александр в Илиюполь вошел. И когда ввели его в царство Пора, столь много дивного внутри он увидел, что ни око никогда не видело, ни ухо не слышало. Дворец Поров был в четыре полета стрелы длиною и очень широк, стены золотые, и кровля вся золотая, и столпы золотые, жемчугом и камнями украшены; и битвы со всеми великими царями изображены были во дворце, и двенадцать месяцев в образе людей изваяны были, и двенадцать добродетелей человеческих сделаны из золота в виде женщин, каждая так, как ей должно, и часовник месячный, и смена фаз луны вверху палаты той изображены были. И привели к нему тысячу тысяч коней тучных Поровых и сто тысяч коней индийских под сетчатыми попонами, привели ему сто тысяч охотничьих львов Пора, двадцать тысяч пардусов, принесли тысячу тысяч доспехов, и корону Пора из камня сапфира, и многоценный перстень Пора из камня аметиста, и блюд настольных сто тысяч, бивней слоновых восемь тысяч, и многоценных кубков настольных, камнями, жемчугом и золотом украшенных, тридцать тысяч, и множество других прекрасных вещей, так что невозможно рассказать. И тут Александр год пробыл со всем войском своим и любимца своего, Антиоха, сделал государем над индийцами.

СКАЗАНИЕ О ЦАРѢХЪ, И О КНЯЗЕХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ О МАЗАНЬСКИХ, И О ЕВРИМИТУ, МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРИ, ИМѢЯ МНОГИ ЯЗЫКИ ПОД СОБОЮ ПОГАНЫХ, ИХЖЕ АЛЕКСАНДРЪ ЗАЗИДА, И О КАНДАКИИ ЦАРИЦЫ УСЛЫШИТЕ

Услышавше околнии цари разрушение Порово, сии приидоша мнози цари и князи, поклонишася Александру, и дары ему принесоша мнози. Александръ же на Мизаньскую землю* поиде, и повелѣ Александръ град мизанский жен оступити и рвати крѣпко. И толики они жены рваху искусно из града, яко никомуже ихъ побороти могущу. Александръ же се слышав и подивися. Жены же оны посла послаша ко Александру с листомъ: «Вѣсть некако во уши наши прииде, о миродержече Александре царю, яко весь свѣт приимъ, з женьскиимъ поломъ битися хощеши. Да сие намъ невѣрно мнитца, иже тобѣ с нами битися, не вѣси бо, что прилучится тобѣ. Аще бо нас разбиеши, малу честь обрящеши, аще ли мы тебе разбиемъ, велика ти срамота будет. Да молимся тебѣ, молбы наша не презри, но образ свой написав дай намъ вмѣсто тебѣ да над нами царствует. И к царству твоему дали есми дары многоцѣнныи, честнѣе злата и камени многоцѣннаго и бисера, и 100 жен и венец царицы нашея Клитевре. И сии бо жены прекрасныи на потребу тебѣ и властелем твоимъ. Умилосердися о нас, малая наша приношения, яко вѣрных своих раб, *прими* и надежду намъ отпиши».

Листы же Александръ приимъ, красоту женъ тѣхъ видѣвъ и подивися. Листь же к нимъ писа: «Александръ, царь над цари, сестрѣ моей Клитиврѣ, амизаньской царицы, пишу радоватися. Листъ вашъ приимъ и писания ваша узнах и на дарех ваших хвалю вас. Да не подобаще вамъ благообразных к нам посылати, мы бо вси мужи победители есми земьскии, како от женъ победитися хотѣхомъ. И копие мое к вамъ послах, да межи вами царствует в мѣсто мое. И 30 воиски тысяч людей ко мнѣ посылайте на помощь, имам бо поити на мерсилоньскаго* царя Евримиврата, моей не хотяща повинутися власти». Птоломѣй же, воевода его, ту стоя рече, яко глумно: «Царю Александре, дай же ми оными женами владѣти и царствовати; аще ми царства их не даси, и ты ми сих 100 дай, да их въ царство приведу». Александръ же о семъ насмеявся и рече: «Ты воевода силе моей еси, едина бо их довлѣетъ тобѣ». Птоломѣй же рече к нему: «Александре царю, ты великъ, убоялся еси их».

И оттуду Александръ двигъся на Евримитра, миръсилоньскаго царя.* Евримиврат же, сие слышав, всю войску собра, 8 тысяч оруженных, на Александра прииде, и посылку посла, да стража Александрова ухватят. Александръ же Селевка посла воеводу съ 1000 тысячъ войски и в нѣкое мѣсто скрытися повелѣ ему. Емиврат же с войскомъ своимъ на войско Александрово прииде. Селевкъ же его напрасно срѣте и разби ихъ и живаго его ко Александру приведе, Александръ же главу ему отсечи повелѣ.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЯХ И КНЯЗЬЯХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ МАЗАНЬСКИХ, И О МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРЕ ЕВРЕМИТЕ, ИМЕВШЕМ ПОД СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ НЕЧИСТЫЕ НАРОДЫ, КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР ЗАКЛЮЧИЛ, И О ЦАРИЦЕ КАНДАКИИ УСЛЫШИТЕ

Когда услышали соседние цари о поражении Пора, пришли к Александру многие цари и князья, и поклонились ему, и дары принесли многочисленные. Александр же на Мазаньскую землю пошел, и велел город мазаньских жен осадить, и воевать с ними упорно. Но столь эти жены искусно оборонялись, что никто победить их не мог. Александр, услышав это, удивлялся. А жены эти послали к Александру посла с грамотой: «Весть наших ушей достигла, о миродержец царь Александр, что ты, весь мир покорив, с женским полом сражаться хочешь. Но думаем, что тебе не следует с нами воевать, ибо не знаешь, что тебя ожидает. Если нас победишь, немного тебе от этого чести будет, а если мы тебя победим, то большой позор тебе будет. И просим тебя, не откажи нам в мольбе нашей и образ свой пришли нам, чтобы он вместо тебя над нами царствовал. А тебе мы даем дары многоценные честные — золото, драгоценные камни и жемчуг, сто жен и венец царицы нашей Клитевры. Жены эти прекрасные для тебя и твоих вельмож. Смилуйся над нами, малое наше приношение как от верных рабов своих прими и обнадежь нас своим ответом».

Александр принял грамоту, а красотой тех жен удивлен был. И грамоту в ответ написал: «Александр, царь над царями, сестру мою Клитевру, мазаньскую царицу, приветствую. Грамоту вашу получил, и написанное вами знаю, и за дары ваши благодарю вас. Но не следовало вам красивых жен к нам присылать, ибо мы победители всех мужей на земле и не хотим, чтобы жены нас победили. Копье мое к вам послал, пусть среди вас царствует вместо меня, и войско тридцать тысяч ко мне присылайте на помощь, так так хочу пойти на мерсилонского царя Евремита, не желающего мне подчиниться». Воевода Птоломей, стоя тут, сказал в шутку: «Царь Александр, сделай меня царем и владетелем над этими женами; а если же царства их не дашь, так хоть этих сто дай, чтобы я их проводил». Александр посмеялся и сказал: «Ты воевода всего войска моего, а одной из них достаточно, чтобы победить тебя». Птоломей же ответил ему: «Царь Александр, велик ты, а испугался их».

И оттуда Александр пошел на мерсилонского царя Евремита. Евремит, узнав об этом, все войско свое собрал, восемь тысяч воинов, и навстречу Александру пошел, и послал людей, чтобы передовой отряд Александра захватили. Александр отправил воеводу Селевка с тысячью тысяч войска и в некоем месте укрыться велел ему. Евремит с войском своим выступил против Александра, но Селевк неожиданно напал на него, разбил и, взяв его в плен, к Александру привел, и велел Александр голову ему отсечь.

Языцы же сии невѣрнии от странъ слышавше и убояшася и к сѣверной странѣ побегоша; Александръ же побиваше их до высокихъ великих горъ, иже холми Сѣвернии зовутся, и ту мѣсто видѣвъ подобно, зазидати их повелѣ, яко да ктому во вселенную не изыдутъ. И ту ставъ, Богу помолися и невидимымъ тваремъ,* рекъ: «Боже вышьнии, услыши мя в час сий, нѣсть бо тебѣ, иже невозможно, той бо рече, и быша, и ты повелѣ, и создашася; ты бо еси единъ, предвѣчный, безначалный, невидимый Богъ, и твоимъ повелѣниемъ и твоим именем сотворих вся си и предал еси в руце мои весь мирь; да молю всехвалное имя твое, сие прошение мое сотвори и сими двема горамо повелѣ соступитися». И в той час оный двѣ горы сступишася, на 12 локотъ близу не сстася. Александръ же видѣвъ прослави Бога, врата же мѣдная великая сотвори, ту *замаза* сунклитом.* Сунклит же есть таковаго естества, ни огнь его похватити можетъ, *ни желѣзо*. Внутрь же вратъ за три поприща купину насади; и ту поганыя языки заклепи. Врата же та Аспидьска нарицаются. Сут же языцы ти, иже заклепи Александръ: готти, магогти,* анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглави, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Сии же языцы погании бяху, и сихъ Александръ заклепи за великаго ради поганьства ихъ. И оттуду паки во вселенную возвратися, многи грады и островы приимъ.

Слышавше же пришествие его Клеопила Кандакия, царица амастридонская* ... изуграва хитра послав Александровъ образ исписати. Сей же, исписавъ, Кондакии принесе. Царица же красоту образа видивши, подивися, и в ложни его храняше; Александрову хитрость разумѣла бяше, како самъ во всякии грады исходникъ творяшеся и како Дариево царство приялъ бяше, посол себѣ творя. Сие слышавши, Клеопила Кандакия царица ухватити его надѣяшеся. Сему же бывшу, Александръ до царствия Кандакии царицы приспѣ. Каньдакия же царица Пору, индѣйскому царю, сватья бѣ, сынъ бо ея Карторъ Порову дочь понялъ. Александръ же к Амастридоньской земли приближися. Сие слышав, агримъский царь Кандавлус, сынъ Кандакии царицы, от царствия своего побеже со женою и со имѣниемъ своимъ и к матери своей Клеопиле Кандакии, царицы амастридонской. Евагридъ же, силурьский царь,* видевъ его от Александрова страха бежаща, воста на нь и разби, и жену его и дшерь и все имѣние его взятъ. Кандавлусь же со стом конникъ въ Мастридонъ к матери своеи *побеже*. Стражи же Александровы ухватиша его и вопрошашу его: «Кто, откуда еси?» Он же имъ всю истинну сказа. Они же, поимше его, ко Александру приведоша его. Александръ же сие слышавъ, яко Кандавлус, Кандакии царицы сынъ, ухвачен бысть, и скрыся, и вмѣсто себѣ Антиоха воеводу на престоле царском посади, сам же, яко единъ от властелеи, Антиоху предстояше, хотяше бо Амастридоньское царство исходити. Антиоху же рече: «Прикажи его мнѣ, да аз пред тобою поставлю его и о всемъ его роспрошай, и мнѣ его предай блюсти». И тако Антиох повелѣ Кандавлуса привести. Александръ же шед, приведе пред Антиоха. Кандавлуса

Нечистые же народы, услышав это, испугались и к северу побежали; Александр преследовал их до высоких гор, которые Северными холмами называются, и видя, что место подходящее, велел их там запереть, чтобы они больше во вселенную не вышли. И тут став, помолился Богу и невидимым силам, сказав: «Всевышний Боже, услышь меня, ибо нет для тебя невозможного, что ты сказал, то и стало, ты велел — и создалось; ибо ты единый, предвечный, безначальный, невидимый Бог, и твоим повелением, и твоим именем сделал я все это, ты дал в руки мои весь мир; молю всехвальное имя твое, просьбу мою исполни и этим двум горам вели сойтись». И тотчас две горы сошлись, на двенадцать локтей друг до друга не дойдя. Увидев это, Александр прославил Бога, и ворота медные сделал тут, и замазал их сунклитом. Сунклит же имеет такое свойство — ни огонь его не берет, ни железо. За воротами же в три поприща терновник посадил; и так заключил нечистые народы. И те ворота Аспидскими называются. Вот какие народы заключил Александр: готти, магогти, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглавые, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Это были нечистые народы, и их Александр заключил по причине их нечистоты. И оттуда опять во вселенную возвратился, многие города и острова покорив.

Услышав о его приходе, Клеопила Кандакия, амастридонская царица, искусного художника послала, чтобы он написал портрет Александра. Тот написал и принес Кандакии. Царица же, красоту его видя, удивлялась и в спальне своей этот портрет хранила; знала она о хитрости Александра, что он сам на разведку в разные города ходит и что получил царство Дария, побывав там под видом посла. Зная об этом, царица Клеопила Кандакия надеялась захватить его. В то время Александр царствия царицы Кандакии достиг. А царица Кандакия Пору, индийскому царю, сватьей была, так как сын ее Картор дочь Пора взял в жены. Александр подошел к Амастридонской земле. Узнав об этом, агримский царь Кандавлус, сын царицы Кандакии, из царства своего бежал вместе с женой и богатством к матери своей, Клеопиле Кандакии, амастридонской царице. Евагрид, силурский царь, видя его бежащим из-за страха перед Александром, вышел против него и разбил, и жену его, и дочь, и все богатства его взял. А Кандавлус с сотней всадников в Амастридон, к матери своей, бежал. Воины же Александра захватили его и спрашивали: «Кто ты и откуда?» Он же сам им все о себе рассказал. Они привели его к Александру. Александр же, услышав, что Кандавлус, сын царицы Кандакии, схвачен, вместо себя воеводу Антиоха на царском престоле посадил, а сам как один из вельмож перед Антиохом стоял, ибо хотел в Амастридонское царство сходить и его разведать. И Антиоху сказал: «Прикажи, чтобы я его перед тобою поставил, и о всем его расспроси, и мне его передай». Антиох велел привести Кандавлуса. Александр пошел и привел его к Антиоху. Кандавлуса же Антиох спрашивал:

же Антиохъ вопрошаше и глаголя: «Откуда бежа мнѣ в руце впаде?» Он же рече: «От страха твоего бежахъ к матери моей, амастридонской царицы Кандакии. Евагрид же, сумежникъ мой силурьский царь, воста на мя и разби мя и все имение мое взя, и жену, и дшерь мою. Азъ же яко единъ от боя оттекохъ и на твои наидох стражи; и они мя ухвативше и к тебѣ приведоша. На мнѣ ... *свершися днес* нѣкоего злочестиваго человѣка притча, иже ото лва бѣгая и на древо высоко збѣже, на краи езера стоящее, и на россоху вместився, отъ страха лвова обезпечалився, и на верхъ древа выше себѣ погляда и змия увидѣ, хотяща его поглотити, и в недоумѣнии быв и рече, восплакався: „Злочестивым всемъ вся неволная прилучаются". И се рекъ, во езеро скочи, глаголя: „Лутче мнѣ есть от коркодила во единъ часъ изьедену быти, нежели ото лва или от змеи горкую смерть приимати". Такоже и мнѣ прилучися, Александре царю: от страха твоего бежалъ и на стражи твои ударихся». Антиох же, на царскомъ престолѣ седя, Кандавлусу рече: «Злочестивым же вся многа зла наносятся и от нихъ на поконь умираюіь. Ты же, злочестне, отколе се еси на мене намѣрилъ, азъ бо тобѣ жену твою возвратити имамъ и дшерь твою и имѣние твое все, и все свое возми и мене гостя имѣй и приятеля». И рекъ, глаголя ко Александру: «Антиоше воевода, войско мое взем, на Евагрида, силурскаго царя, поиди; да аще Кандавлусову жену и дщерь з добромъ вратитъ, имѣние их все, привед его ко мнѣ на вѣру, аще ли не возвратит всего, его и всю землю его плени и грады его разбий и связанна приведъ его ко мнѣ. И егда сие свершиши, тогда к матери его, Клеопиле, царицы Кандакии мастридоньской, в посольство послати тя имамъ». Кандавлусь же сие слышав и клабукъ снемъ, Антиоху на ногу падъ поклонися, Александра его мня быти, речи: «О великий царю Александре, всѣх ли неволных ты милуеши, и тако за толику добродѣтелъ всему свѣту царя Богъ тебѣ сотвори; да отколе образ твой сподобихся видети, всю прилучившую ми ся скорбъ радостию изменихъ». И се рекъ Кандавлус, Антиоху поклонися. Александръ же за руку его приимъ, во околъ свой отъиде.

И на Евагрида поиде, силурьского царя, и взя с собою избранных воинник 400 тысяч. Идущим же имъ путем, Александръ Кандавлусу глаголаше: «Аще жену твою возму и тобѣ в руку дамъ, что ми от тебѣ добро будет?» Кандавлусъ же к нему рече: «Нѣсть возможно языкомъ изглаголати толика добра учинившу, все бо имѣние тобѣ дамъ и мою главу в руце твои дамъ. Елика возможна ти есть, потшися за мя, да что егда отсюду возвратимся, тогда Александра молити имамъ, яко пуститъ тебѣ в посолство к матери моей Клеопиле. И возмездие великое и дары что сотворит ти и третиего сына сотворити тя имать тобя собѣ». Приспѣвши же во Евагридову землю, на три полки войско разделивъ: 100 тысяч войска на плѣнъ в землю пусти, и 100 тысячь на Евагрида посла, и 100 тысячь в лугу близ града скры. Человѣка же в земли той ухвати и листь ему даде и рѣчми ко Евагриду научи: «Вѣдомо да есть тобѣ, Евагриде царю, яко Александръ, царь царемъ, всей земли государь

«Откуда бежал и как в руки мои попал?» Тот сказал: «Страшась тебя, бежал к матери моей, амастридонской царице Кандакии. Евагрид же, сосед мой, силурский царь, напал на меня и разбил, и все богатства мои взял, и жену, и дочь мою. Я один с боя убежал и твоих воинов встретил; они меня схватили и к тебе привели. На мне исполнилась ныне притча о некоем злосчастном человеке, который, убегая ото льва, влез на высокое дерево, стоящее на берегу озера, и, на ветвях его поместившись, от страха перед львом избавился, но, на верх дерева, выше себя, посмотрев, змея увидел, собирающегося его проглотить, и, не зная, что ему делать, воскликнул: „Со злосчастными все беды случаются". И, сказав это, в озеро прыгнул, говоря: „Лучше мне крокодилом в один миг съеденным быть, чем от льва или от змея принять горькую смерть". Так и со мною случилось, царь Александр: испугавшись тебя, я бежал и на воинов твоих натолкнулся». Антиох, на царском престоле сидя, сказал Кандавлусу: «Злосчастным все беды выпадают, и от них они наконец умирают. Ты же, злосчастный, поскольку ко мне попал, от несчастья избавился, я тебе жену твою возвращу, и дочь твою, и все богатства твои, все свое получишь, а я буду твоим гостем и другом». И сказал Александру: «Воевода Антиох, войско мое возьми и на Евагрида, силурского царя, пойди; и если жену Кандавлуса, и дочь, и богатства его добром вернет, приведи его ко мне для примирения, если же не возвратит, то всю землю его покори и города его разори, а его связанным ко мне приведи. И когда это выполнишь, к матери его Клеопиле Кандакии, амастридонской царице, послом тебя пошлю». Услышав это, Кандавлус клобук снял и Антиоху в ноги поклонился, думая, что это Александр, и сказал: «О великий царь Александр, всем несчастным ты помогаешь, и за столь великую добродетель всего света царем Бог тебя сделал; поскольку же я тебя удостоился видеть, то все мое горе в радость для меня обратилось». И сказав это, Кандавлус Антиоху поклонился. Александр же, за руку его взяв, в лагерь свой отвел.

И пошел на Евагрида, силурского царя, взяв с собою четыреста тысяч отборных воинов. И когда они шли, Александр Кандавлуса спросил: «Если жену твою возьму и в руки тебе передам, чем отблагодаришь меня?» Кандавлус же ему сказал: «Невозможно словом выразить то, чем обязан буду тебе, столько добра сделавшему, все богатство мое тебе отдам и голову свою в руки твои отдам. Сколько можешь, постарайся ради меня, и когда отсюда возвратимся, то Александра просить буду, чтобы отправил тебя послом к матери моей Клеопиле. И она вознаграждение великое и дары даст тебе, и третьим сыном у нее будешь». И когда дошли до земли Евагрида, Александр разделил войско на три полка: сто тысяч войска пленить землю послал, сто тысяч на Евагрида и сто тысяч в дубраве около города спрятал. И жителя той земли захватил, и, грамоту ему дав, научил его, что нужно сказать Евагриду: «Знай, царь Евагрид, что Александр, царь царей, государь всей земли и всего света, до этих мест

и всему свѣту, до здѣ прииде. Непреломъство твое видя и худое поношение твое, Антиоха воеводу прислал есть здѣ, и тако тебѣ глаголетъ: „Дани к намъ принеси и жену Кандавлусову, и дшерь, и все имѣние его возврати. Аще ли сего не сотвориши, смертию злою умрети имаеши"». Евагрид же, се слышав, исходники посла на Александра. Исходницы, к нему пришедше, рекоша: «Мало войско Антиохово есть». Евагрид же, сие слышав, на бой ко Александру поиде. Александръ же войско сокровено из лугу изведе, Евагрида разби; Евагрид же, страха Александрова убояся, самъ на мечь налегъ, прободеся. Александръ же на град пришедъ, до конца его разбии, и имѣние его взял, и жену Кандавлусову и дшерь возврати; пленове же вся вземъ, в воиско свое отъиде. Кандавлусь же ко Антиоху пришед, поклонися ему, яко Александру. Антиох к нему рече: «Вся своя вземъ, к матери своей поиди». Кандавлусь же к нему рече: «Великий царю Александре, вся моя погодья свершил еси и сие прошение мое соверши — сего воеводу своего Антиоха пошли к матери моей и вся хотѣния *твоя* совершити имает, велми бо его на сем войску видѣх мудра и хитра и вѣрна тебѣ». Антиохъ к нему рече: «Вся, елика требуеши, совершити *имам*». Александра призвав, к нему рече: «Поиде, воевода Антиоше, ко Клеопиле, мастридонской царицы, с сыномъ ея Кандавлусомъ и рцы ей: „Александрь царь на межу земли твоея прииде и дани от тебе ждет. Аще сего не сотвориши, со всѣми силами на царство твое иду"». Александръ же ко Антиоху рече: «Вели листь писати к ней». Кандавлусь же стоя рече: «Не подобает книги писати такову мудру послу, якоже еси ты». И тако оба поклонишася Антиоху, отъидоша. Антиохь же повелѣ Кандавлуса даровати одеянием многоцѣнным македоньским и кучмом* перскимь многоцѣннымъ и парижемъ индѣйскимъ под хакизмом коркодиловым. Александръ же на свой стань... поведъ и честиль его и честными дары даровалъ его и в посольство к матери его поиде.

На пути же Александра облобызаше много, к нему глаголаше: «Воистинну, на всей поднебесной земли подобна тебѣ человѣка не видѣхъ; аще другаго подобнаго тобѣ имает Александръ, по правде, всему свѣту царь есть, такии два человѣка имѣя». О семъ Александръ Кандавлусу рече: «Вѣру ими ми, Кандавлусе брате, много у Александра болшихъ мене и старшихъ людей есть: Филонъ, Птоломѣй воевода, и по томъ Селевкъ, и по немъ Андигон, и по сихъ менший есми я, Антиохъ». Кандавлус же к нему рече: «И всихъ сихъ видѣхъ, но тебе паче всѣхъ болши мню, достоинь бо еси ты над всѣми царствовати». Александръ же искушаше его, увѣдати хотя, како любит его. Он же к нему отвеща, глаголя, яко: «И смерть вмѣсто живота приял быхъ, аще ми ся случает с тобою умрети, не разлучюся с тобою». И тако глаголаше, до пещеры великия нѣкия дошедше. Кандавлусь же ко Александру рече: «Любимый мои Антиоше брате, яко в сей великои пещере, глаголютъ, бози еллинстии вси суть, по смерти своей в пещеру сию вхожаху. Да аще хощеши увѣдати, яко о смерти своеи, и мала ступивъ, уклонися и в пещеру сию внидеши». Александръ же к

дошел. И видя твое упорство и глупость твою, воеводу Антиоха прислал сюда, и он тебе говорит так: „Дани нам принеси, и жену Кандавлуса, и дочь его, и богатства его возврати. Если же этого не сделаешь, смертью злою умрешь"». Евагрид же, услышав это, разведку послал к Александру. Они же, к нему вернувшись, сказали: «Мало войска у Антиоха». Евагрид, услышав это, на бой с Александром пошел. Александр же спрятанное войско из леса вывел и Евагрида разбил; Евагрид, боясь Александра, сам, бросившись на меч, пронзил себя. Александр пришел к городу и полностью разрушил его, и богатства его взял, и Кандавлусу жену и дочь возвратил; и, взяв добычу, к своему войску пошел. Кандавлус же, придя к Антиоху, поклонился ему как Александру. Антиох ему сказал: «Все свое возьми и к матери своей иди». А Кандавлус отвечал ему: «Великий царь Александр, все мои желания ты исполнил и это мое прошение исполни — воеводу своего Антиоха пошли к матери моей; все, что ты желаешь, он совершит, ибо в этой войне я увидел, что он весьма мудр и искусен и верен тебе». Антиох же ему сказал: «Все, что желаешь ты, исполню». И Александра призвав, приказал ему: «Пойди, воевода Антиох, к Клеопиле, амастридонской царице, вместе с сыном ее Кандавлусом, и передай ей: „Царь Александр к границам земли твоей пришел и даней от тебя ждет. Если этого не сделаешь, со всеми силами своими на царство твое пойду"». Александр Антиоху сказал: «Вели грамоту написать к ней». Стоявший тут Кандавлус сказал: «Не нужно писать грамоты для такого мудрого посла, как ты». И оба поклонились Антиоху и ушли. Антиох велел подарить Кандавлусу многоценное одеяние македонское, кучму персидскую и коня индийского под крокодиловой попоной. Александр повел его в свой лагерь, с почетом принял его и, дорогими дарами одарив, послом к его матери пошел.

На пути Кандавлус много целовал Александра, говоря ему: «Поистине на всей поднебесной земле подобного тебе человека не видел; если второй подобный тебе есть у Александра, вот уж поистине всего света он царь». На это Александр Кандавлусу ответил: «Поверь мне, брат Кандавлус, много у Александра людей, которые больше и старше меня — Филон, воевода Птоломей, после него Селевк, а после него Андигон, и потом меньший из них я, Антиох». Кандавлус же ему сказал: «Всех их я видел, но тебя среди них наибольшим считаю, достоин ты над всеми царствовать». Александр же испытывал его, желая узнать, насколько он любит его. Тот же ему сказал: «Даже смерть вместо жизни приму, и если случится мне с тобою умереть, не разлучусь с тобою». И так беседуя, они до некой большой пещеры дошли. Кандавлус сказал Александру: «Любимый мой брат Антиох, говорят, что в этой большой пещере все эллинские боги находятся, после смерти своей в пещеру эту попадают. И если хочешь узнать о смерти своей, то, немного пройдя, сверни в сторону и в пещеру эту войдешь». Александр же ему сказал: «Так вот какова

нему рече: «Такова ли любовъ твоя ко мнѣ, Кандавлусе брате, како велиши мнѣ внити здѣ?» Кандавлусь же пригнувъ его к собѣ, проплакавъ рече: «О любимый брате мои Антиоше, не рекох ти *внидеши* здѣ. Но сказах ти, яже живутъ в пещере той». Александръ же мало ступивъ, уклонися, в пещеру вниде. Вышедшу ему внутрь, и ту мечтания нѣкая звѣрообразная сретоша его. Он же имя Саваофа Бога призвав, и все прах бысть. Чюдна же нѣкая и дивная в пещере той видѣвъ: человѣки же многи связанны опаки руками: и ту Ираклия видѣвъ, и Аполона, и Крона, и Ермона, иже еллинстии боги мняху. И сихъ Александръ виде связаны веригами, и к единому приступивъ от чюднех онѣхъ, вопрошаша. Он же к нему рече: «Поиди, Александре, болши сих узриши. Вси бо сии быша елиньстии цари, якоже и ты нынѣ, и за гордыню велику, Богу небесному подобящеся, ... и на сих Богъ разгнѣвався и в пещеру сию повелѣ сихъ вcovреци; и душа их здѣ мучитися имут до скончания вѣка. И скончавшим же ся седмимъ вѣкомъ, в тартар огнену поити мучитися имут в бесконечные вѣки всегда». Александръ же к нему рече: «Звѣрообразнии сии человѣцы, что суть?» Он же к нему рече: «Сии суть, иже злѣ и немилостивно на сем царствовавше». Александръ же к нему рече: «Мню, яко нѣгде видѣх тя». Он же к нему рече: «Да аще на дивии человѣки ходилъ еси». Александръ же к нему рече: «Како имя есть?» Он же к нему рече: «Аз есми Сонхос, царь индѣйский, иже нѣкогда весь свѣтъ приимъ и гордынею вознесохся, и на востокъ края земли доити хотѣхъ, и дивии человѣцы восташа на мя и разбиша мя и ту мене убиша. Ангели же *дошедше* мя связавше и в сию в пещеру всадиша мя. И здѣ мучюся за безумнею мое превозношение. Стрежися и ты, Александре, да не вознесешися и здѣ приведенъ будеши».

И тако Александръ посредѣ ихъ ходя и Дария, царя перскаго, посредъ ихъ узрѣ. Дарий же его увидев, жалостно проплакавъ, рече: «О мудрый во человѣцех Александре, а и ты ли здѣ осужден еси с нами быти?» Александръ же рече: «Нѣсмь осужен, вас видети приидохъ». Дарий же к нему рече: «Пожди мало, да скажу ти дивная нѣкая чюдная, иже прилучит ти ся на пути. Вѣдомо да есть тобѣ, како сия Клеопила, мастридоньская Кандакия царица, образ твой преписала есть и познати тя имает; но поиди, не сумнися, Богъ бо, в негоже вѣруеши, от руки ея избавит тя. Коснути же здѣ не мози». И паки Дарий, прослезився, к нему рече: «Милый мой сыну Александре, како персидьское царство стоитъ и какова любовъ дшери моея Роксаны предлежитъ к тебѣ?» Александръ же к нему рече: «Персида бо со мною мируетъ, якоже и с тобою была, Роксана же, дши твоя, со мною над всѣмъ свѣтомъ царствует». Дарий же к нему рече: «Внутрь пещеры вшедъ, ту и Пора царя узрѣши». Александръ же Пора увидѣвъ и рече ему: «О великий индѣиский царю Поре, яко нѣкогда богом подобяся, здѣ же яко единь худый человѣкъ мучишися». Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящеся. Блюдися и ты, Александре, да не превозносися, да не сведешися здѣ мучитися». И сие

любовь твоя ко мне, брат Кандавлус, если велишь мне войти сюда?» Кандавлус прижал его к себе и, плача, сказал: «О любимый брат мой Антиох, не сказал я тебе: „Войди сюда". Но сказал тебе, кто живет в этой пещере». Александр, немного пройдя, свернул в сторону и вошел в пещеру. Когда же вошел он внутрь, встретились ему некие зверообразные призраки. Он же имя Бога Саваофа призвал, и все в прах превратилось. Нечто чудесное и дивное в пещере той он увидел: много людей сo связанными сзади руками: Геракла увидел здесь, и Аполлона, и Кроноса, и Гермеса, которых эллинскими богами считают. Александр видел, что связаны они цепями, и, подойдя к одному из них, о чудесных явлениях этих спросил. Тот же ему сказал: «Иди дальше, Александр, больше, чем это, увидишь. Все они были эллинскими царями, как и ты теперь, и за чрезмерную гордыню, так как они Богу небесному себя уподобляли, Бог на них разгневался и в пещеру эту велел их бросить; и души их здесь мучиться будут до конца времен. Когда же кончится седьмой век, в тартар огненный пойдут мучиться на бесконечные времена, навсегда». Александр же его спросил: «Кто такие эти зверообразные люди?» Тот ему ответил: «Это те, которые жестоко, без милосердия, царствовали». И Александр ему сказал: «Кажется мне, что где-то видел тебя». Он же ответил: «Тогда, когда ты на диких людей ходил». Александр спросил: «Как имя твое?» И тот ему ответил: «Я Сонхос, царь индийский, что некогда весь свет покорил, и гордынею вознесся, и на восток до края земли дойти хотел, — но дикие люди напали на меня, разбили и убили меня. И пришли ангелы, связали меня и в эту пещеру заключили. И здесь терплю муки за безумное мое превозношение. Берегись и ты, Александр, чтобы не вознесся и сюда не был приведен».

Когда Александр среди них ходил, он увидел и Дария, царя персидского. Дарий же, увидев его, печально заплакал и сказал: «О мудрый среди людей Александр, неужели и ты осужден здесь с нами быть?» Александр ответил: «Не осужден, но пришел вас видеть». Дарий же ему сказал: «Задержись немного, расскажу тебе нечто удивительное, что случится с тобою в пути. Знай, что у Клеопилы Кандакии, амастридонской царицы, есть портрет твой и узнает она тебя; но иди, не сомневайся, Бог, в которого ты веруешь, от руки ее избавит тебя. Здесь же не задерживайся». И опять Дарий со слезами к нему обратился: «Милый мой сын Александр, как персидское царство пребывает и какова любовь дочери моей Роксаны к тебе?» Александр же ответил ему: «Персия при мне благоденствует, как и при тебе, а Роксана, дочь твоя, со мною над всем светом царствует». И Дарий ему сказал: «Внутрь пещеры войди, там царя Пора увидишь». Александр, увидев Пора, сказал ему: «Великий индийский царь Пор, некогда ты богам уподоблялся, здесь же как один из ничтожных людей терпишь муки». Пор же ему ответил: «Так мучаются здесь все, что земною славою превозносились. Берегись и ты, Александр, и не превозносись, чтобы не был осужден здесь мучиться». И еще добавил: «Честь жены моей, Клитемищры,

глагола: «Честь женѣ моей Клитемищре соблюди». Александръ же к нему рече: «Буди печалуя мертвыми, а живыми не пецыся». И се рекъ, Александръ от пещеры тоя изыде, и до Кандавлуса прииде и, обрѣте его плачюща много, мнѣша бо, яко Александръ в пещере погибе. Егда же его видѣ, радостию скоро притек к нему, целовав его и рекъ: «Почто, Антиоше брате, мешкал еси и много мене устраши; но поистиннѣ, видѣхъ ныне, яко государя твоего Александра царя нарокъ великъ есть, увидѣх бо тя цѣла. Но скажи ми, иже в пещере той видѣ». И тако оба дивящеся до Кандакии царицы приидоша.

Клеопила же царица, пришествие сына ея видѣвше, радостна бысть велми, и с престола своего воставши, далече его вьстрѣти; слышала бо есть, яко Александръ убилъ есть. Радостию великою возрадовася и вопрошаше сына своего, вся увидати хотящи случившаяся ему. Кандавлус начатъ повѣдати ей, Александра же матери своея привед и рече: ей: «Се Антиох, Александровъ воевода есть, и сей живот мнѣ далъ есть и жену мою и дшер от Евагрида он изручи, и вся, елика мнѣ случишася добро, он сотвори мнѣ все. Да приими его в сына мѣсто себѣ, мати моя, много бо он у Александра милостивен есть». Царица же, сие слышавши, за горло Александра приимши, облобыза его много и рече: «Добре пришел еси, сыну мой, силнаго государя посол, воевода Антиоше». Доброту же лица его зрящи дивляшеся, к нему глаголюще: «Третий сынъ ми еси ныне, Антиоше». Александръ же воставъ и посолство ей нача правити. Она же рѣчи и бесѣде его дивися, образа его сматрящи, и по образу помысли, егда се ... есть Александръ. Любезно его целоваше и рече: «Хотѣла бых, Антиоше, от насъ не отъѣдеши, но с моими сыны и со мною царствовати будеши и ко Александру *не вратишися опять; и отколе сие невозможно есть*, и воставь, со мною въ царскии дворы вниди и царская моя имѣния вижъ, иже что хощеши, возми сие. И да ти сотворю листъ ко Александру и дани ему дамъ; посла моего пошлю к нему с тобою и честию великою отправлю ему тебѣ». И се рекши, Александра поимши за руку, в царскии полаты его введе, и ту ему сказа чюдная нѣкая и много царска бисера и камения множество и злата без числа. И введе его в ложницу свою и преписанный образ его глядя и рече ему: «Что от всѣхъ одержало ти есть, Александре, иже в дому моемъ видел?» Он же ужаснувся, к ней рече: «Антиох имя мое есть, Александру рабъ аз есми». Царица же к нему рече: «Аз Александра имамъ тебѣ быти, тобѣ же Антиохомъ называтися не подобаетъ. Аще увидѣнию моему *не вѣруеши*, на образ сей поглядай и белег образа своего вижды». Он же рече: «Поистинне, приличен есми ко Александру, за то мене любит велми». Она же рече: «Ты самъ еси, воистинну; азъ ныне всему свѣту назвахся царица, царя бо всему свѣту в руку держу. Но да вѣдомо да есть тобѣ, царю Александре, якоже хотя вшел еси здѣ, и якоже хощеши не изыдеши отсюду». Се слышав Александръ образ свой изменяти начат, зубы же своими скрежеташе, очима своима сѣмо и овамо позирая, промышляше. Царицу же в ложницы убити мысляше, сам же бы до коня втекъ и на среку себе вергъ, или умрети, или ожити, глаголя: «Лутче

сохрани». Александр сказал: «Заботься о мертвых, а не о живых». И, сказав это, Александр из этой пещеры вышел, и, к Кандавлусу прийдя, нашел его плачущим, потому что тот думал, что Александр в пещере погиб. Когда же увидел его, то с радостью быстро подбежал к нему и, целуя его, сказал: «Зачем, брат Антиох, ты долго был там и этим напугал меня; но поистине убедился я ныне, что велико счастье государя твоего, царя Александра, ибо вижу тебя невредимым. Но скажи мне, что в пещере этой видел». И так, удивляясь оба, к царице Кандакии пришли.

Царица Клеопила, узнав о приходе сына, обрадовалась весьма и, встав со своего престола, его встретила; слышала она, что Александр убил его. Радостью великою возрадовалась и расспрашивала сына своего, желая узнать все, что случилось с ним. Кандавлус начал ей рассказывать, Александра же к матери своей подвел и сказал ей: «Вот Антиох, воевода Александра, он мне дал жизнь и жену мою и дочь от Евагрида освободил, и все, что случилось со мною хорошего, — все он мне сделал. Прими его вместо сына, мать моя, ибо он у Александра в большой милости». Царица же, услышав это, обняла Александра, целовала его много и сказала: «Добро пожаловать, сын мой, сильного государя посол, воевода Антиох». И красоту лица его видя, удивлялась и сказала ему: «Третьим сыном мне будешь отныне, Антиох». Александр встал и посольство начал править. Она же речам его и манерам удивлялась и, глядя на него, подумала, что это и есть Александр. Любезно его целовала и сказала: «Хотела бы, Антиох, чтобы ты от нас не отъезжал, но вместе с моими сыновьями и со мною бы царствовал, а к Александру не возвращался; но поскольку это невозможно, то встань, и в царский дворец войди, и царские мои богатства посмотри, и что захочешь, то возьми. И дам тебе грамоту к Александру, и дани ему дам; посла моего пошлю к нему с тобою и с великою честью отправлю тебя к нему». И, сказав это, Александра взяла за руку, и в царские палаты его ввела, и тут показала ему нечто чудесное — много царского жемчуга, множество камней и неисчислимое количество золота. И ввела его в свою спальню и, на портрет его глядя, сказала: «Что тебя из всего, что в доме моем видел, Александр, привлекло?» Он ужаснулся и сказал ей: «Антиох мое имя, я слуга Александру». Царица же сказала: «Я знаю, что ты Александр, не подобает тебе называться Антиохом. Если в знание мое не веришь, на портрет этот посмотри и черты облика своего узнай». Он ответил: «Поистине похож я на Александра, за это он любит меня весьма». А она сказала: «Ты — сам Александр; воистину я ныне царицей всего света стала, ибо царя всего света в руках своих держу. И знай, царь Александр, что по своей воле ты вошел сюда, но по своей воле отсюда не выйдешь». Услышав это, Александр изменился в лице, заскрежетал зубами и, озираясь вокруг, обдумывал, что ему делать. Царицу в спальне решил убить, а самому, до коня добежав, броситься навстречу либо смерти, либо спасению, думая: «Лучше великому господину честно умереть, чем позорно

есть гοподину велику почестне умрети, нежели срамотно жити». Кандакия же царица, видѣ образ его применяюшься, к дверемъ поступи. Александръ же сию похвативъ рече: «Не имаеши на двор изыти, но здѣ злѣ умрети. Аз же здѣ тебе убивъ и на двор изыду и оба сыны твоих убию и самъ с ними почтенно умру». Кандакия же царица радостно ко Александру приступи и к нему приплетшися, за горло похвати его и любезно целовавши и рече ему: «О великий Александре, мой сыну и господине, и не оскорби мое сердце, ни злаго о себѣ помысли, ни от мене смерти убойся, аз бо убити тя не мышлю. Ныне же тебе накажю сына своего и многими дарами почтивши тя, в войско твое отпущу тя с честию, понеже нѣсть достойно такова человѣка от земли погубити, мудростию и храбростию украшена велми, но паче соблюсти и почтити. Кто ли бы хотѣлъ тобѣ убити, то всему свѣту кровникъ бы былъ. Главою твоею и животом весь свѣтъ содержитца и миръ страхомъ твоимъ стоитъ. Да не подобаетъ мнѣ всих главъ отсещи главу. Но хотѣла бых сына имѣти тя, Александре, и с тобою всему свѣту назватися царица. О сем бо, Александре, безпечален буди, не тако бо аз безумна есмь, якоже тебѣ мнится быти, да животом твоим весь свѣтъ поколебати, вес бо миръ недостоинъ есть ни единому власу, отпадающа от главы твоея. Но яко первая мати твоя корати тя имамъ: нектому, Александре, посолство твори, не вѣси бо *не*уставные чести наношения. Да не подобна есть тобѣ, всих главъ на концы обѣшатися, смертию бо своею весь мир снѣсти хощеши». Александръ же ѣй поклонився, рече: «Отнынѣ мати мнѣ буди в мѣсто Алимпияда».

Кандакия же, целовавши его и за руку емьши, на дворъ ведши. В той часъ прииде сынъ ея Дориф, от Александровых стражей розбитъ, едва самъ утекъ, войско же свое изгуби. И слышал бяше, яко Антиохъ, Александровъ воевода, в посолствѣ к матери его пришел есть, борзо прииде, Антиоха убити хотя. Кандакия же се слышавши, к Дорифу, сыну своему, рече: «Не подобаетъ тебѣ сие сотворити, Александръ бо брата твоего от иного зла избавилъ есть и жену и дшер и все имѣние отврати и жива его к намъ с честию отпусти, от погубления избави от Евагрида, силурскаго короля, и посла к намъ послалъ есть, милостивнаго своего Антиоха, любовъ и миръ свой к нам держати. Да в мѣсто добра и чести, иже подобаше намъ ему сотворити, главу ему отсещи хощеши. Нынѣ, мой сыну, лутче есть тобѣ умрети нынѣ, нежели Александрова посла в дому моемъ убити». Дорифъ же матери своей не послушаше, глаголя: «Единаго Александрова человѣка не даси ми убити, понеже от моих людей много тысячь убилъ есть. Да вѣру ими ми, мати моя, яко Антиохъ днес живота не имаетъ». Сие же Кандавлусова жена слышавши, скоро къ Кандавлусу прибѣже, глаголющи: «Вѣдомо да есть тобѣ, братъ твои Дорифъ убити хощетъ любимаго твоего Антиоха мечем». Кандавлусь же сие слышавъ, скоро прииде к нимъ в полату, Дорифа же обрѣте нагъ меч держаща, и мати его средѣ меча держаше и с ним рвучися, да Александра не убиетъ. Сей же припадъ, мечь из руки его взя и хотяше его имъ ударити, и карати его нача, глаголя: «Неподобниче, страшливче,

жить». Царица Кандакия, видя, как он изменился в лице, к дверям отступила. Александр, схватив ее, сказал: «Не выйдешь отсюда, но здесь бесславно умрешь. Я же, убив тебя, во двор выйду и обоих сыновей твоих убью и сам с ними умру честно». Тогда царица Кандакия радостно подошла к Александру, и, прижавшись к нему и за шею его обняв, любезно поцеловала, и сказала ему: «О великий Александр, сын мой и господин, не печаль мое сердце и беды для себя не предполагай, ни смерти от меня не бойся, ибо я убить тебя не думала. Ныне же поучу тебя, сына своего, многими дарами почтив тебя, к войску твоему отпущу тебя с честью, ибо недостойно такого человека на земле погубить, мудростью и храбростью отличающегося, но следует охранять и почитать. Тот, кто захотел бы тебя убить, для всего света стал бы кровным врагом. Головою твоею и жизнью весь свет держится, и мир страхом перед тобою существует. И не подобает мне всех глав отсечь голову. Хотела бы сыном тебя иметь, Александр, и с тобою стать всего света царицей. Поэтому успокойся, не так я безумна, как это тебе кажется, чтобы, лишив тебя жизни, весь свет поколебать, ибо весь мир недостоин одного волоса с твоей головы. Но как настоящая мать твоя хочу укорить тебя: больше не ходи, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы. Не следует тебе, всех глав главе, рисковать своею головою, ибо смертью своею весь мир погубишь». Александр поклонился ей и сказал: «Отныне матерью мне будешь, как Олимпиада».

Кандакия поцеловала его и, за руку взяв, повела во двор. В то время прибыл сын ее Дориф, сторожевыми отрядами Александра разбитый; едва сам убежал, а войска своего лишился. И услышав, что Антиох, воевода Александра, послом к его матери пришел, поспешил к ним, намереваясь убить Антиоха. Кандакия, узнав об этом, сказала Дорифу, сыну своему: «Не следует тебе этого делать, ибо Александр брата твоего от беды избавил, жену, дочь и все богатства вернул ему и живого к нам отпустил с почетом, от гибели избавив его, от Евагрида, силурского короля, и посла к нам прислал, любимца своего Антиоха, с любовью к нам и миром. А ты, вместо добра и чести, которые следует нам ему воздать, голову ему отсечь хочешь. Ныне, сын мой, лучше тебе умереть, нежели посла Александра в доме моем убить». Дориф же матери своей не хотел повиноваться, говоря: «Ты одного из людей Александра не даешь мне убить, а он моих людей много тысяч убил. Верь мне, мать моя, что Антиох жив не будет». И это услышала жена Кандавлуса, и, поспешно прибежав к Кандавлусу, сказала: «Знай, что брат твой, Дориф, хочет убить мечом любимого тобою Антиоха». Кандавлус, услышав это, быстро пришел к ним во дворец и увидел там Дорифа, держащего обнаженный меч, и мать, которая держала его за меч, не давая ему убить Александра. Тогда, подбежав, он меч из руки брата выхватил и хотел его им ударить. И начал корить его, говоря: «Недостойный трус, если храбрым себя считаешь,

аще храбръ мнишися быти, самъ ты на немъ коби поищи; истинну бо ти глаголю, аще похватит мечь, 100 таковых убиет, яков же ты еси, постояти не могутъ; аще ли храбръ мнишися быти, иди убий его во Александрове стражи; аще ли убиеши его здѣ, то всѣхъ насъ убилъ еси. Тебѣ же вся вселенная пред Александромъ укрыти не можетъ, Александръ бо, государь его, во единомъ мечномъ ударении великаго Пора индийскаго, тестя твоего, убилъ есть». Кандакия внутрь завѣса вшедши со Александромъ и на дворъ его изведе. Видѣв же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убити. Александръ же кордъ свой приимъ, к Дорифу рече: «Вижу, убити мя хощеши, но знай, яко смертью и самъ умрети имаеши; не тако бо македоняномъ смерть пристрашна есть, якоже тобѣ мнитца быти. Да аще мене, посла Александрова, убиеши, государь же мой Александръ на взыскание мое приидет, гдѣ укрытися хощеши? Вѣру ими ми, аще и во утробу матерню влезше, отнюдуже еси изшел, и ту укрытися не можеши. Аще бы се Александр, государь мой, зналъ, яко Кандакия царица послы убивает, не послал бы мене к вамъ, но самъ со всѣми силами без посла пришелъ бы здѣ». Дориф же сие слышав, убояся. Кандакия же царица рече Александру: «Мудрый премудре всякий ... страх сердечны язычьная мудрость покрываетъ». И тако с Кандавлусомъ, сыномъ своимъ, Александра за горло похвати и з Дорифом его смириша. И ту ему гостившу много, и дарми его дариша. И дарова ему царица Кандакия венецъ свой с камениемъ и бисеромъ многоцѣннымъ. И сокровенно рекши ему: «Возми сие, Александре, отнеси дшери моей, жене своей Роксанѣ». И дарова ему перстень от четырех камений хитростию магнитъскою составлен, и дарова ему оружие от анкита гвоздия, приставлена на аспидове кожи, фарижа бѣлая анфарскаго,* бисернымъ седлом оседлана, и дарова ему гелмъ орелъ, орлу на персехъ словеса пишет тако: «Александръ наасарь, великий хонкиярь бысть, за всего свѣта государьствует». И ту ему много гостившу, Кандакия царица проплакавъ рече: «Нектому, Александре, посломъ себѣ сотвори, не вѣси бо невѣрныя чести неуставнаго случения». И рекши, отпусти его с честию великою, и дани ему на десят лѣтъ дарова. Он же не восхотѣ, глаголя: «Отмолити ю имамъ у Александра». Она же к нему рече: «Аще дань оставиши, познаютъ тебе сынове мои. К нам же предложение любовъ твою дай и приятелство к намъ неповторну соблюди». И се рекши, за горло его похвати и к нему с плачемъ рече: «Рада быхъ сына имѣти тебе, Александре». И се рекши, отпусти его. Проводиста же оба сына ея, Кандавлус и Дориф да Александрова окола. Стражи Александровы сретоша его, и с коней ссѣдоша, и поклонишася ему. Кандавлусу же и Дорифу Александръ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко самъ есми аз Александръ царь». Се же они слышавше и рекоша: «Аще ты еси Александръ, мы ныне измерли есми». Александръ же за горло похвативъ ихъ, рече: «Не имаете вы от мене умрети, азъ бо соблюду васъ любовию и честию, матери бо вашей Кандакии Клеопиле сынъ есми, вам же братьскии обдержим есми». И ту даровалъ ихъ Александръ и с честию отпусти.

сам с ним попытай своего счастья; ибо истинно говорю тебе, когда он возьмет меч, то сто таких, как ты, убьет, и противостоять ему не смогут; если храбрым считаешь себя, иди и убей его посреди войска Александра, ибо, убив его здесь, всех нас этим погубишь. Тебя же вся вселенная от Александра не сможет укрыть, ибо Александр, государь его, одним ударом меча убил великого Пора индийского, тестя твоего». Кандакия же внутрь вошла и вывела Александра во двор. Увидев его, Дориф подошел к нему, намереваясь его убить. Александр взялся за свой меч и сказал Дорифу: «Вижу, убить меня хочешь, но знай, что и сам смертью умрешь; не так македонянам смерть страшна, как ты думаешь. А если меня, посла Александра, убьешь и государь мой Александр искать меня придет, где укроешься? Поверь мне, что и в утробе матери, откуда ты вышел, — и там укрыться не сможешь. И если бы Александр, государь мой, знал, что царица Кандакия послов убивает, не послал бы меня к вам, но со всеми силами своими, без посла, пришел бы сюда». Дориф, услышав это, испугался. Кандакия же царица сказала Александру: «Мудрый разумным образом всякий страх сердца мудростью языка покрывает». И вместе с Кандавлусом, сыном своим, Александра за шею обняла и с Дорифом его примирила. И после того как он долго гостил тут, дарами его одарила; и подарила ему царица Кандакия венец свой с камнями и многоценным жемчугом. И тайно сказала ему: «Возьми это, Александр, отнеси дочери моей, своей жене Роксане». И подарила ему перстень с четырьмя камнями, искусно соединенными магнитной силой, и подарила ему оружие из анкитового железа, на аспидовой коже, белого анфарского коня с расшитым жемчугом седлом, подарила ему шлем с орлом, а на груди орла надпись: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, всего света государь». И тут, после того как он долго гостил, царица Кандакия, плача, сказала: «Не ходи больше, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы». И, сказав, отпустила его с великой честью, и дань ему за десять лет дала. Он же не захотел взять ее, говоря: «Упрошу Александра не брать ее». Сказала она ему: «Если дань оставишь, поймут мои сыновья, кто ты. К нам же любовь имей и искреннюю дружбу сохрани». И, сказав это, за шею его обняла, и с плачем ему сказала: «Рада была бы сыном тебя иметь, Александр». И, сказав это, отпустила его. Оба сына ее, Кандавлус и Дориф, проводили его до лагеря. Воины Александра встретили его и, сойдя с коней, поклонились ему. Кандавлусу и Дорифу Александр сказал: «Знайте, что я царь Александр». Они, услышав это, сказали: «Если ты Александр, мы теперь погибли». Александр же, обняв их, сказал: «Вы от меня не умрете, но сохраню вас с любовью и почетом, ибо матери вашей, Клеопиле, я сын, к вам же братские чувства имею». И тут, одарив их, Александр с честью отпустил.

Александра же ту сретоша Птоломѣй воевода и Антиохъ и много к нему с плачем рекоша: «Что, Александре, животомъ своимъ вселенную всю смести хощеши; что главу свою назад мещеши; сам на посолствѣ ходя, безо чти умрети имаеши, нас же, в чюжих земляхъ оставив, всихъ погубити имаши. Да не тако, Александре, пизматар намъ буди, якоже не дѣломъ твориши; но вес приимши свѣтъ, и тако поидемъ в Персиду, и ту, дому дошедше, господства земская разделиши намъ по подобию и по достоянию». Ту Александръ пришед войску свою, гостьбу многу и веселие сотвори с людми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОВЕ В ПЕРСИДУ К РОКСАНЕ ЦАРИЦЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ СВОИМЪ ВЛАСТЕЛЕМ, И О ПРОРОКУ ИЕРЕМѢЮ, ИЖЕ СКАЗА ЕМУ СМЕРТЬ

Александръ же собрав свои вои и двигнуся в Персиду, ко царицы своей поиде к Роксане. И в Персиду пришед, многи радости ту сотвори и ту земьская царства раздели.

Антиоху же даде Индѣское царство и всю Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую;* Филону же даде Персидцкое царство и всю Асию и Килекею; Птоломѣю же даде сладкую и красную землю Египетъ и Ерусалимъ, и Палестину всю, и Межюрѣчие Сѣверьское* и сладкии Предекиския* отоки; Селевкушу же Римское царство; Леомедушу же даде Немецкую землю и Парижское царьство. Вся же сия по достоянию раздели, с Роксаною, царицею своею, год сотвори с великою радостию и с веселием.

Оттуду Александръ двигъся з дворомъ своимъ в Вавилонь поиде. И в ту нощъ явися ему пророкъ Иеремѣя, глаголя: «Гряди, чадо Александре, на уреченное тебѣ мѣсто, сего числа четыредесятого лѣта *свѣршилося есть, и четвероставное тѣла* твоего естества днес, Александре, *разьступитися* имает; от земля бо заимодано есть и паки возвратитися ему. Вѣдомо да есть тебѣ, яко, всю обшед землю, отечества своего узрѣти не имаешъ; руки же служащих тобѣ, от нихже благая укушаеши, отравнаго яда имаши вкусити от них. И в Вавилоне походи, и войско свое раздели и царская земли раздели и укрепи. И в землю, от неяже изшелъ еси, и паки в ню внидеши, и в небытие будеши. Душа бо нетлѣнна поиметца, в невѣдомо мѣсто Божиим промысль отведется, тѣло же тлѣнно в земли тлѣнной останет, и ту разсыпався, в небытие будет; и паки на скончании вѣкомъ от земли востати имает, тлѣнное существо в нетлѣние облечетца и ту со душею паки сстався, вкупе соединитца. И ту познавшемася има, яко нѣкима любимыма другома, во мнозе видѣвшимася има, истинно радостенъ имъ будет и весело и любезно имъ зело. Тако душамъ с телесы сстанокъ будетъ, Александрѣ, о всѣмъ нынѣ вѣруй, стати бо имут вси на Страшнем судищи и на великом торжищи, идѣже престоли поставятца, и Ветхий денми сядетъ, судии страшный

Встретили его воевода Птоломей и Антиох и с плачем сказали: «Зачем, Александр, рискуя жизнью своею, всю вселенную поколебать хочешь; зачем головою своею рискуешь: сам послом ходишь, — бесславно умрешь, а нас, оставив в чужих землях, погубишь. Не будь, Александр, врагом нашим, каким на деле и не являешься; и, покорив весь свет, пойдем теперь в Персиду, и, вернувшись домой, земные владения разделишь между нами, по заслугам и достоинству каждого». И вернувшись к войску, Александр пировал много и веселился с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДУ К ЦАРИЦЕ РОКСАНЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ИМ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛЬМОЖАМИ, И О ПРОРОКЕ ИЕРЕМИИ, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ ЕМУ СМЕРТЬ

Александр собрал свое войско и направился в Персиду к царице своей Роксане. И, придя в Персиду, устроил тут много празднеств, и земные царства разделил.

Антиоху дал Индийское царство и всю Мерсилонскую и Северскую землю; Филону дал Персидское царство и всю Азию и Киликию; Птоломею дал сладкую прекрасную землю Египет, и Иерусалим, и всю Палестину, и Междуречье Северское, и сладкие Придийские острова; Селевкушу дал Римское царство; Лаомендушу дал Немецкую землю и Парижское царство. И, все это по достоинству разделив, с Роксаною, царицей своею, год провел в радости и веселии.

И оттуда Александр со всем двором своим в Вавилон пошел. И в ту же ночь явился ему пророк Иеремия, говоря: «Иди, чадо Александр, на назначенное тебе место, ныне исполняется сорок лет, Александр, и четырехсоставное тело твое должно распасться; от земли взятое в нее же возвращается. Знай, что, обойдя всю землю, отечества своего не увидишь; из рук служащих тебе, от которых ты блага вкушаешь, от них же и яд вкусишь. В Вавилон иди, и раздели войско свое, и земли царства своего раздели и укрепи. И в землю, из которой вышел, вновь в нее войдешь, и в небытии будешь. Ибо нетленная душа будет взята и в неведомое место Божиим промыслом отведется, тело же тленное в тленной земле останется и, рассыпавшись, в небытии будет; в конце же времен от земли вновь восстанет, и тленное существо в нетление облечется, и тут вновь соединится с душою. И когда узнают они друг друга, как некие любящие друзья, часто встречавшиеся, поистине радостно им будет, и весело, и любезно. Так соединятся души с телами. Александр, этому верь, ибо встанут все на Страшном Суде, на великом торжище, где престолы поставят, и сядет Ветхий деньми, судия грозный и нелицеприятный; тысяча тысяч ангелов вокруг него и многоочитые

и нелицемѣрный; тысяща тысяш аггелъ окресть его и многоочитии серафими и шестокрилатии херувими. Тогда всяка душа, облекшися во свое тѣло, судом возмездие приимут, с тѣлом вкупе согрешиша, с тѣлом же и мзду приимут. Тогда благая сотворше убо приимут жизнь вѣчную, злая же сотворше муку вѣчную приимут, и тогда конца лѣтомъ не будетъ. Тогда бо мужеский полъ и женьский родитися не может, и ни на комъ лѣпости не будет и грубости, ни возраста умалена, ни различия лицемъ, черности и белости, ни русости, ни смуглости, но тѣло во единомъ естествѣ будет, точию причастное с собою имуще, иже есть лѣтное и крѣстное и помысленное, прочая же дѣла тогда оскудѣют, душа же всегда безьсмертна будетъ. Тогда убо, Александре, всякий человѣкъ познати имает своего любимаго, не точию же любимых, сих же видано, ихже слышано, увидит и познает на ономъ грозном судищи и торжищи ономъ великомъ. Ту бо, Александре, познати тя имуть вси, ихже обидилъ еси здѣ, и с тобою обидимии познати тя имуть тамо. Да вѣдомо есть тобѣ, нектому живъ узриши мене, но тамо узрити мя имаешъ, идѣже вси предстанутъ, иже вси от вѣка умершии на Страшнемъ Судищи своемъ великаго Бога Саваофа». И се рекъ Иеремѣя пророкъ невидимымъ бысть.

Александръ же от сна воставъ, в недоумѣние впаде и се изступлении ума бывъ, на постели своей седяше и плакашеся горко и ужасно видѣние помышляя. Сердце бо его обуряваемо бяше, якоже корабль нѣкий в пучине морстей вѣтры и волнами обуреваемъ. В мысли впаде, ужасно видѣние помышляя, на перинницы сяде, плакашеся. Филонь же и Птоломѣй заутра приидоша и плачющася его обретоша и стемы златы из главъ своих свергоша, перстию главы своя посыпаша и приступиша ко Александру, плачющеся и глаголюще: «Почто, Александре, жалостию радость пременяеши, почто сеи скорби предалъ еси себѣ?» Александръ же к нимъ рече и видѣние имъ сказа, седя. Они же дивную рѣчь слышавше и ужасошася много, утѣшити же его хотяше сладкими бесѣдами и глаголаху: «Не тако, Александре, подобно есть ношнымъ мечтаниемъ умные отступити совести, сон бо такъ намъ мнитца быти: от *многого* спанья и *от лиха пития* главные омокрываемъ мозгъ, в немже живетъ царь совестемъ — ум; человѣку велми спящу, от сонной влаги велми омокреваему мозгу, умерзитъ себѣ и многая невещественным своим окомъ позирает и видитъ оная, яже видел или слышалъ когда, тѣхъ всѣхъ зритъ и тѣми дѣйствует. Сония видѣния, Александре, душевное бо зрѣние мнимо быти. Тѣло бо тлѣнно яве зрит тлѣнная сия видимая, душа же, нетлѣнна сущи и невещественa и умна сущи, вся, елика восхощет и мыслитъ, сихъ зритъ, аще и далняя мѣста есть и ближняя, свое бо есть бытие, идѣже хощет; тако бо по подобию Божия образа создася. И приплетет бо сию к мертвенному тѣлу, яко да имъ дѣйствует, оживляющи то, якоже огнь вѣтром распалаетца, или яко кузнецъ нѣкий златый хитростию желѣзными растворяя рукодѣлии, или якоже корабль нѣкий волны морскии прескоча, не собою носимъ есть, но вѣтреннимъ дыханием. Тако бо

серафимы и шестикрылые херувимы. Тогда всякая душа, облекшаяся в свое тело, на суде возмездие примет, с телом вместе согрешила, с телом же и наказание примет. Тогда сотворившие добрые дела примут жизнь вечную, сотворившие же злые дела муку вечную примут, и тогда конца времен не будет. Тогда ни мужской пол, ни женский родиться не будет, не будет ни красоты, ни уродства, ни возрастов, ни различия в лицах, ни черных, ни белых, ни русых, ни смуглых, но тело в едином естестве будет, сохраняя только то, что причастно ему от времени, креста и разума, прочее же все исчезнет, а душа пребудет вечно бессмертна. Тогда, Александр, всякий человек узнает своих любимых, — не только тех любимых, которых видел, но и тех, о которых слышал, увидит и встретит на этом грозном суде и на этом великом торжище. Там, Александр, узнаешь всех, кого обидел здесь, и тобою обиженные узнают тебя там. Знай, что больше при жизни не увидишь меня, но увидишь меня там, где предстанут все, от века умершие, на Страшном Суде великого Бога Саваофа». И, сказав это, пророк Иеремия невидим стал.

Александр, пробудившись, в растерянности был и в смятении ума, на постели сидел и плакал горько, об ужасном видении думая. И сердце его было в потрясении, как некий корабль в пучине морской, обуреваемый ветрами и волнами. И, в размышления впав, об ужасном видении думая, на ложе своем сидел и плакал. Филон и Птоломей утром пришли и, застав его плачущим, золотые венцы с голов своих сбросили, землею головы посыпали и подошли к Александру, плача и говоря: «Зачем, Александр, радость на печаль заменяешь, зачем скорби предаешься?» Александр же о видении своем рассказал. Они, услышав удивительный рассказ, ужаснулись и, желая утешить его приятными речами, говорили: «Не следует, Александр, из-за ночных мнимых образов удаляться от разума, ибо сновидения, как нам думается, происходят так: от долгого сна и от излишнего пития увлажняется головной мозг, в котором живет царь сознания — ум; и когда человек долго спит, мозг весьма увлажняется сонной влагой, и ум духовным оком своим смотрит и видит многое, что видел уже и что слышал когда-то, и все это видит в действии. Сновидение, Александр, это зрение души. Тело тленно и наяву видит тленное, видимое, душа же, будучи нетленной, невещественной и мыслимой, все, что хочет и что мыслит, то и видит, и далекое и близкое, ибо ее бытие, где захочет; такой по подобию Божиего образа создана. Ибо Бог присоединил ее к мертвенному телу, чтобы, оживляя его, им управляла, подобно тому, как огонь от ветра разгорается, или как кузнец обрабатывает золото с помощью железа, или как корабль по морским волнам плывет, не сам собою носим, но дующим ветром. Так и тело душою управляется, ею существует и водится и носится, — они как два быка, тянущие вместе плуг

тело душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носится, якоже нѣкая два юнца окормляюще рало, дондеже, иже составивый ся Богъ всихъ и промысленикъ *распряжет*. Душа бо пoиметца, а тѣло оставится, душа бо к нему, яко невещественa, тѣло же к земли, яко вещественно и тлѣнно. Аристотел же и учитель твой мудрый, Александре, в книгах своих пишет, глаголя, яко статися имут душа с нимиже согрешиша телѣсы тогда, егда порожение второе будет, егда мертвии от гроб востанутъ. И Соломон мудрый рече, праведных душа в руце Божии, глаголетъ, быти, грѣшных же душа в тартаре, в геоне мучитися имутъ, в долнейшихъ земли, глаголетъ, быти. Аристотел же мудрый и Платон великий, мира сего кончина, глаголютъ, быти тогда, егда довершится число от падшаго древа ангельскаго чина праведных человѣкъ душами. Сие же, Александре, и евреиский пророкъ Иеремѣя согласуетъ, глаголя, тако бо есть». И се слышав Александръ и подивися и в недоумѣнии быв, глаголаше: «Слава тобѣ, чюдный, дивный, непостижимый, и неиспысанный, и недовѣдомый, и неизслѣдимый Боже, иже от небытия вся в бытие приведъ, и благорастворяя вся великимъ своимъ промысломъ. Како небеса сотвори единемъ словом, сии же видиния своего не премениша, ни обетшаша; како землю колику и ту ничимже утвердилъ есть, сия же плодовъ своихъ не измени, ни обычая; како морьския волны и воды многия, на единомъ стояще мѣсте и всегда умножаемы бывающе, не изсякнутъ, ни от предѣлъ преидоша, ни волю измениша естествъ, но содержими силою и различными колеблемо вѣтры, устава своего не измениша, ни благорастворённаго дыхания; како солнычное сияние, толицыми сущими лѣты, теплости и свѣтлости не измени; како лунный кругъ, овогда умножающеся, овогда оскудевающъ, на новину и ветшину устава своего не измени; или како телеса человѣческая четырми сплетена стухиями, душу божествену в них всади, якоже нѣкоего всадника на четырехъ равно текущих утверди точилех, дондеже равно 4 стоятся стухия, дотоле и тѣло человѣческое непоколебимо стоит; егда ли от 4 тѣхъ составъ едино или умножится или оскудѣетъ, тогда растлится и от души распряжется тлѣнное человѣческое тѣло. Аще ли промыслом твоимъ, Боже, или врачевною хитростию паки 4 тыи соимутся колеса, иже суть составы, тогда паки душею здравьствует».

И от того дне убо всегда в недоумѣнии пребываше царь Александръ и мысляше, в себѣ глаголя: «Когда се постигнет мене смертъ, и кто будетъ память мою творити по моей смерти? Будет ли се тамъ видѣние и познание, егда душа с телесы сстатися имуть на великомъ торжищи?» И тако мысльми многими помышлении: «Будет ли тѣломъ востание паки или не будет, в тое же тѣло души паки приити имут или ни?» Дивляше бо ся и глаголаше: «Како раставшеся и распадошася кости, в тое же паки бытие приидут?» И тако помышляя глаголаше, яко: «Вся могий Божий великий промысль, ихже созда от небытия в бытие, той же можетъ в тую же привести совесть в первое бытие». И многая таковая помышляя и рече: «Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси».

до тех пор, пока соединивший их, все промысливший Бог разъединит их. Душа возьмется, а тело останется, душа к нему отойдет, потому что невещественна, а тело к земле, ибо вещественно и тленно. Аристотель же, мудрый учитель твой, Александр, в книгах своих пишет, что соединятся души с теми телами, вместе с которыми согрешили, когда второе рождение будет, когда мертвые восстанут из гробов. И мудрый Соломон сказал, что души праведных в руке Божьей, грешных же души в тартаре, в геенне мучиться будут, в глубинах земли. Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников. Это, Александр, и еврейский пророк Иеремия подтверждает, говоря, что это так». И, слыша это, Александр дивился, и, недоумевая, говорил: «Слава тебе, чудный, дивный, непостижимый, невыразимый, непознаваемый и непонимаемый Боже, из небытия в бытие все приведший и благоприятствующий всему своим великим промыслом. Ты небеса создал единым словом, они же вида своего не изменили, не разрушились, и землю создал, столь огромную, и ее ничем не укрепил, она же ни плодов своих не изменила, ни обычаев; тобою морские волны и многие воды на одном месте стоят и постоянно умножаются, не иссякают, и из пределов своих не выходят, и естества своего не изменяют, но удерживаются силою и колеблются многими ветрами, которые ни образа своего не изменяют, ни благоприятного веяния; и солнечное сияние, когда столько лет прошло, в силе тепла и света не изменилось; и луна, то увеличивающаяся, то убывающая, ни новая, ни старая, порядка своего не изменяет; и тело человеческое ты составил из четырех стихий, и душу божественную к нему присоединил, как некоего наездника, скачущего на четырех, вместе соединенных колесницах; до тех пор пока в равенстве четыре стихии находятся, тело человеческое непоколебимо, когда же из этих четырех составов что-то одно или увеличится, или уменьшится, тогда распадается и от души отделяется тленное человеческое тело. Если же промыслом твоим, Боже, или врачебным искусством снова колесницы те, суть составы, соединятся, тогда тело снова с душою вместе в здравии будет».

И с того дня всегда в недоумении был царь Александр, и, размышляя, говорил себе: «Когда постигнет меня смерть, где будет моя память о себе после моей смерти? Будем ли мы видеть и узнавать, когда души с телами соединятся на великом торжище?» И много о том думал: «Будет ли воскресение тел или не будет, в то же ли самое тело душа придет или нет?» И с удивлением говорил: «Как могут разделившиеся и распавшиеся кости к прежнему виду вернуться?» И, думая об этом, говорил: «Всемогущий великий Божий промысл все, что создал из небытия в бытие, может восстановить в прежнем бытии». И, о многом подобном думая, говорил: «Сколь велики дела твои, Господи, все премудростию сотворил ты».

И се рекъ в Вавилонь поиде, якоже нѣкий человѣкъ на уреченное мѣсто на умертвие свое идяше. Тогда убо Александръ царь, всего свѣта государь, смерть свою помышляя и неутѣшимъ бываше. Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенарь, в земли, зовемой Авсидийстей, идѣже праведный и богатый Иевъ жилъ бяше, и ту Александръ станомъ своимъ стал, силныи же воиски по тому полю падоша. Велможи же Александровы скорбна его зряще и жалость его изменити хотяще, на гору высоку его возведоша и всему воиску вооружатися повелѣ, на поли на ономъ на единомъ мѣсте собратися повелѣ. И сих позрѣвше, ко Александру рекоша: «Александре царю, силный господине, почто скорбию великою потопляеши сердце свое, зриши, се толицемъ людемъ сотвори тя Богъ ныне царя, да подобаетъ тебѣ веселитися и радоватися велми». Александръ же главою покивав и прослезився рече: «Зрите ли всихъ сихъ, в пятидесятныхъ лѣтех вси под землю заидутъ». Бѣ бо ту видети болши *паче миръяд* тысячь людей, коней же безчисленное множество; бяху ту собрани вси языцы: индѣяне, и сирии, и мидии, и евреи, и финицы, еглефи, еламити, и халдѣи, и лидии, и нѣмцы, и греки, и инии восточнии и западнии языцы вси. И ту Александръ великий пиръ войску своему сотвори. И ту от востока и до запада и сѣвера и юга и от моря всего вси власти и князи со многолѣтными данми и с поклоном ко Александру приидоша.

В той же день прииде от Македонии от матери Александровы Алимпияды царицы казател его и учител Аристотел. Видевъ его Александръ и возрадовася велми и за выю его приимъ и облобызаше его сладко, глаголя: «Добро пришел еси, многочестная и безцѣнная глава, добре пришел еси, неугасимый светилниче и казателю всему миру, философе великий и казателю дивный Аристотелю; добре пришел еси ми, егоже мудрости подивишася *еллини*, емуже почюдишася халдѣи, его подивишася хитрости египтяне и волховнии мудрецы. Но возвести ми убо, чюдный во человѣцѣхъ, любимый мнѣ дидаскале,* учителю мой, како западная страна мируетъ, жива ли есть вселюбимая мати моя и сладкая Алимпияда царица, и како, яже о нас, по всей вселенней чюется. Вѣрно ли человѣкомъ есть, яко, всю приимше землю, рая доидохомъ и многъ, егоже ты в книгах своихъ указуеши и краи земли во Едеме на востоце; и того бо рая близу доидохомъ, и до Макаринскихъ отокъ во Акияньстеи рецы, идѣже еллинстии мудрецы и душамъ человѣческимъ, глаголютъ, быти. Но то аз души ни единоя не вѣдих, но якоже со истинною макаринский князь нам сказа, не ту имъ, глаголетъ, быти, но в долнейших земли, во адовых реках, и ту имъ ждати, рече, ослабу и откупление от вышняго промысла и великаго Бога Саваофа». И се Аристотел слышавъ подивися, ко Александру тако отвеща: «Благодарю Бога, сподобльшаго мя видѣти свѣтлое и красное лице твое, и силный, и славный, и дивный в человѣцѣхъ, всего свѣта государю, великий Александре царю. Вселенная бо вся, иже о тобѣ чюдишася велми, возрадовася зѣло о великой славе твоей, елика Богъ даровал ти есть, якоже ни единому другому человѣку. Македонская

И, сказав это, в Вавилон пошел, как человек идет на назначенное ему место смерти. И был тогда царь Александр, государь всего света, о смерти своей думая, безутешен. Когда же достиг Александр поля, называемого Сенар, в земле Авсидийской, где праведный богатый Иов жил, лагерем стал, войско же его на поле расположилось. Вельможи Александра, видя его скорбным и желая печаль его прогнать, на высокую гору его возвели, всему войску велели вооружиться и на поле этом всем вместе собраться. И, глядя на них, сказали Александру: «Царь Александр, сильный господин, зачем скорбью великой заполняешь сердце свое, — видишь, над сколькими людьми тебя Бог царем сделал, и следует тебе веселиться и радоваться». Александр же покачал головой и со слезами сказал: «Видите их, в пятьдесят лет все в землю пойдут». И было тут больше десяти миллионов человек, коней же бесчисленное множество; были тут собраны все народы: индийцы, сирийцы, мидийцы, евреи, финикийцы, еглефи, еламиты, халдеи, лидийцы, немцы, греки и иные восточные и западные народы. И тут Александр большой пир для своего войска устроил, и пришли поклониться Александру все правители и князья — от востока до запада и от севера до юга и от моря — с данями за много лет.

В тот же день пришел из Македонии, от матери Александра царицы Олимпиады, наставник его и учитель, Аристотель. Увидев его, Александр весьма обрадовался, за шею его обнял и поцеловал его сердечно, говоря: «Добро пожаловать, многочтимая и бесценная глава; добро пожаловать, неугасимый светильник и наставник всего мира, великий философ и учитель дивный Аристотель; добро пожаловать тот, чья мудрость удивила эллинов, которому дивились халдеи, искусству которого удивлялись египтяне и мудрые чародеи. Но скажи, удивительный среди людей, любимый мною дидаскал, учитель мой, — как запад живет, жива ли вселюбимая мать моя и любезная царица Олимпиада и что о нас во вселенной слышно. Знают ли люди, что мы, покорив всю землю, до рая дошли, о котором ты в книгах своих пишешь, что он на краю земли, в Эдеме, на востоке; и до рая дошли, и до Макаринских островов в реке Океане, где, как говорят эллинские мудрецы, души людей пребывают. Но там я души ни одной не видел, и, как истинно макаринский князь нам сказал, не там они, а в глубинах земли, в адовых реках, где они ожидают свободы или осуждения от вышнего промысла и великого Бога Саваофа». Слыша это, Аристотель удивлялся и так сказал Александру: «Благодарю Бога, удостоившего меня видеть светлое и прекрасное лицо твое, сильный, славный, дивный среди людей, государь всего света, великий царь Александр. Ибо вселенная всему, что ты совершил, дивилась и обрадовалась весьма великой славе твоей, которою Бог одарил тебя, как ни одного другого человека. Македонская земля радуется, веселится и цветет, как цветок среди

земля и радуется и веселится, цветет, яко кринъ межу земъскими царствии и Бога непрестанно молятъ за тя всегда, другаго не имаютъ таковаго добыти ни царя, ни господина, якоже тебе, Александре. Вѣдомо да есть тобѣ, яко вселенная вся недостойна есть ни единому власу от главы твоея падающу. Госпожа твоя мати благо днесь здравствуетъ и жалостно тебѣ позирающи видети или слышати, мирно в Македонии царствуетъ, и жалостию и радостию умъ применяющи, во страсе всегда сущи, в недоумѣнии бывши, хощет бо сподобитися видети лице твое свѣтлое. *Молит* бо тя много, глаголющи: „Не преслушай мене о семъ, всѣлюбезныи мой сыну и милый свѣте очию моею, но услыши мене, насытитися твоея свѣтлости и со всечестною твоею свѣтлостию царицею Роксаною. Аще ли тобѣ в Македонию невозможно приити к намъ, к царству твоему приидомъ, идѣже ты повелѣши, и твоего насытитися мнѣ сладкаго вида, живот бо свой вскорѣ смерти изменити имамъ"».

О сихъ словесех Александръ умилися и рече: «Блажю всякого сына, отеческому повинующеся повелѣнию». И се рекъ, Аристотеля за руку приимъ, на обѣдъ сяде. Вси же велможи его, велицыи князи и господьства земъская по достоянию и по подобию *сѣдоша*. Филона же и Птоломѣя и Селевка на особномъ столѣ посади близу царския трапезы конец подножия. Аристотеля же и учителя своего и Лаомендуша, Поликратушева сына, егоже любяше зело, конец престола своего на шестом степени посади близу царские трапезы конец подножия. Преполовившуся обѣду, воставъ Аристотел, дары Александру и царицы принесе, иже бяше послала ему Алимпияда царица, мати его. И принесе ему стемы двѣ, едину Александру, а другую Роксане, великии с великимъ жемчюгомъ и с камением многоцѣнным; и два фарижа бела, оседлана слоновыми седлы с камениемъ и со златомъ и серебромъ; и 100 коней зобных, и кучму царскую з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным; и 1000 оклопий, приставленых на лвовых кожах, и 4 роги слоновых, и два перстни драгии, и хакизмо парижское от коркодиловы кожи и з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным, и 100 блюд златых настолных, и листь, имеющъ сице: «Всесладкий и вселюбезный и милый свѣте очию моею, Александре сыну, всего свѣта царю, вселюбезная и вожделѣнная мати твоя Алимпияда пишу. Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа рат межи собою сотвориста велику и умирити их не могох, да всегда со слѣзами ихъ внимаю, твое помышляюще от мене разлучение, сыну мой; и вся царская богатества и злата и ни во что же вменяю, твоего помышляющи улишения. Не *тако аз* немилостива есмъ, якоже мнится тобѣ быти. Да аще возможно тобѣ к намъ в Македонию приити, аще ли тобѣ невозможно есть, мы к царству твоему приидемъ, да твоего насыщюся всесладкаго вида, живот бо свой, сыну мой, вскоре смертию заменю».

И тако скончавшуся обѣду, нѣкий от велмож его рече ко Александру: «Александре царю, достоит тебѣ от земль болшие дани взимати». Александръ

земных царств, и Бога непрестанно македоняне молят о тебе, — другого такого не будет у них ни царя, ни господина, как ты, Александр. Знай, что вся вселенная не стоит одного волоса с головы твоей. Госпожа мать твоя ныне в добром здравии и хочет видеть тебя или слышать, мирно в Македонии царствует, то печалясь, то радуясь, в страхе всегда и в недоумении пребывает, хочет сподобиться видеть лицо твое светлое. И много просит тебя: „Не оставь меня без внимания в этом, возлюбленный сын мой и милый свет очей моих, но услышь меня, дай насытиться твоею красотою и достойнейшею красою царицы Роксаны. Если тебе в Македонию невозможно прийти к нам, то мы к тебе придем, куда ты велишь, и насыщусь сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью"».

Этим словам Александр умилился и сказал: «Заслуживает похвалы сын, повинующийся родительскому повелению». И, сказав так, взял Аристотеля за руку и сел пировать. Все же вельможи его, великие князья и земные государи сели по своему достоинству каждый. А Филона, Птоломея и Селевка за особый стол посадил у подножия царского стола. Аристотеля же, своего учителя, и Лаомендуша, сына Поликратуша, которого он очень любил, около престола своего на шестой ступени посадил рядом с царским столом. В середине пира Аристотель встал и принес Александру и царице дары, которые послала царица Олимпиада, его мать. Принес два венца, один Александру, другой Роксане, с жемчугом и многоценными камнями; двух коней белых, оседланных слоновыми седлами с камнями, золотом и серебром; и сто тысяч коней тучных, и царскую кучму с жемчугом и многоценными камнями; и тысячу щитов, обтянутых львиной кожей; и четыре слоновых бивня, и два драгоценных перстня, и попону для коня из крокодиловой кожи с жемчугом и многоценными камнями, и сто золотых блюд настольных, и письмо: «Всесладкий, вселюбезный, милый свет очей моих, сын Александр, царь всего света, вселюбезная и желающая видеть тебя мать твоя Олимпиада пишу тебе. Знай, что с тех пор, как не вижу тебя больше в Македонии, — с того времени сердце мое и душа воюют во мне и примирить их не могу, но всегда со слезами им внимаю, думая о нашей разлуке, сын мой; все царские богатства и золото — ничто для меня, когда думаю о твоем отсутствии. Не так я немилостива, как ты думаешь. И если можешь, к нам в Македонию приди, если же невозможно, мы к тебе придем, и насыщусь всесладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

И когда кончился пир, некто из вельмож Александра сказал ему: «Царь Александр, следует тебе с земель большие дани брать». Александр

же к нему рече: «Ни градаря таковаго ненавижу, иже и с корениемъ зелие исторгающе».

И ту Александръ на гостьбѣ той узрѣ персенина нѣкоего от велмож своих и стара велми, иже браду свою *вапсалъ* бяше, яко млад человѣком указуется. И рече ему: «Любимый мнѣ и милый Каньсире, иже кая полза от вопсания сего хощет быти, колѣна ногамъ своимъ *вопсай*, има же да укрепится; аще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ — не вопсайся, — яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семъ властели его много смеялися.

Другий же нѣкто велможа у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бяше велми, и всякого боящеся и из бою утекаше. Александръ же к нему рече: «Человѣче, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно есть».

И в той же день ко Александру приведоша 3000 гусарей и рекоша ему властели обѣсити сихъ всѣхъ. Он же к ним рече: «Да коли лице мое видели суть, то не имает ни единь их умрети; судьям бо дано убивати, царю же дано есть миловати». И сотвори ихъ Александръ ловцы собѣ.

И въ тыи дни приведоша ко Александру человѣка индѣянина, славно такова стрелца глаголаху быти, яко сквозѣ перстень стрелу простреляше. Александръ же стреляти ему повелѣ. Он же не хотѣ. И паки ему в другий повелѣ и он не восхотѣ же. Александръ же повелѣ ему главу отсещи. Ведуще же его и рекоша ему: «Почто, человѣче, животъ свой отдаде за едино стреление?» Он же к нимъ рече: «Десять дний имамъ отнелѣже за лук не приимах, и убояхся, яко пред нимъ погрешу и славу мою изгублю». Сии же Александръ слышав и похвали его много и с честию отпусти его, зане изволи смерти, нежели славу изгубити.

И ту Александру нѣкий от воинник приступивъ и рече: «Великий царю Александре, дши едина у мене есть и ныне омужити ю хощу, да помози». Александръ же 1000 талантъ злата ему дати. Он же рече: «Много ми есть, Александре царю». Александръ же рече ему: «Царский даръ велику честь требует».

И ту Александръ Аристотеля, учителя своего, дарова, стему велику дасть ему, и одеяние многоцѣнное Пора, индѣйскаго царя, 10 тысяч талантъ злата, 10 кулобъ великого бисера, и в Македонию его посла, повелѣ ему привести матер свою к себѣ, Алимпияду царицу, на стан великий к нему во Египетъ в Палестинской земли. Сам же ту с Роксаною царицею оста.

И ту Александру человѣкъ нѣкто прииде и рече ему: «Царю Александре, преж сихъ малых дней, ловящу ми при краи реки на Тигре, сокровище велико изнаидоша злата; да аще хощеши, поиди и возми сие, много множество есть». Александръ же рече к нему: «Всяко злато въ Божиих руцех есть, да аще хотѣл бы Богъ, мнѣ бы явилъ, но понеже тобѣ есть объявилъ, да поиди, возми сие».

же ему ответил: «Не люблю садовника, который с корнем растение вырывает».

И тут на пиру Александр увидел некоего перса из своих вельмож, уже очень старого, который бороду свою красил, чтобы казаться молодым. И сказал ему: «Любимый и милый Кансир, если может быть польза тебе от краски, крась колени ног своих, чтобы они укрепились; если ты краской старость укрепляешь, то не говорю тебе, чтобы ты не красился, но краска тебя не изменит и ты, считая себя молодым, от старости неожиданно умрешь». И вельможи его этому много смеялись.

И другой был вельможа у Александра, звали его Александром, но был он очень труслив, всего боялся и с битв убегал. И Александр сказал ему: «Послушай, либо имя измени, либо нрав; мое имя тобою позорится».

В тот же день к Александру привели три тысячи разбойников, и сказали ему вельможи, чтобы он повесил их всех. Он же им сказал: «Поскольку они меня увидели, то ни один из них не умрет; ибо судьям дано убивать, царю же дано миловать». И сделал их Александр своими охотниками.

И в тот день привели к Александру человека, индийца, столь славного стрелка, что, как говорили, он сквозь перстень стрелою попадал. И Александр велел ему стрелять. А он не захотел. И тот вновь ему приказал, он же опять не стал. Александр велел ему отсечь голову. Когда же повели его, то спросили: «Зачем ты жизнь свою отдаешь за один выстрел?» Он же сказал им: «Десять дней, как за лук я не брался и боюсь, что перед ним промахнусь и славу мою погублю». Услышав это, Александр похвалил его и с честью отпустил, потому что он предпочел умереть, чем славу свою погубить.

И тут к Александру некий воин подошел и сказал: «Великий царь Александр, дочь у меня есть и сейчас выдать замуж ее хочу, помоги мне». Александр велел дать ему тысячу талантов золота, а он сказал: «Это много, царь Александр». Александр же ответил: «Царский дар великой чести требует».

И тут Александр учителя своего Аристотеля одарил, венец дал ему и многоценное одеяние великого индийского царя Пора, десять тысяч талантов золота, десять мер крупного жемчуга, и в Македонию его послал, велев ему привести свою мать, царицу Олимпиаду, к себе, в свой лагерь, в Египте, в Палестинской земле. Сам же там вместе с царицей Роксаной остался.

И тут к Александру некий человек пришел и сказал ему: «Царь Александр, несколько дней тому назад, когда я ловил рыбу в реке Тигр, огромные сокровища нашел, золото; если хочешь, пойди и возьми, потому что много его». Александр же сказал ему: «Все золото в руках Божиих, если бы хотел Бог, то мне бы его открыл, но поскольку тебе показал, то иди и возьми

Он же ко Александру рече: «Елико требовах, от него взях, останок же возми ты, царю. Множество бо есть много, два дни и двѣ нощи елико хотѣхъ и носих, ктомуже не требую». Александръ же подивися сему и, на конь всѣдъ, на мѣсто то поиде, множество же злата виде и рече: «Егда от Дариевых сокровищъ злато сие есть». И тако повелѣ всему войску взяти. И толико его множество бѣ, елико вси до воли взяша, Александру же сто кубловъ от него оста.

Сему же бывшу, и се Алимпияда царица, мати Александра царя, от Македонии прииде. Александръ же и вси цари и велможи нарядивъ и во всей силѣ и войско свое направи, кони поводныи великии под бисерными седлы и златыми учреди, и трубы гласовныи, и органи, и тимпаны псалтырныи, и мусикийскии хитрости по достоянию урядив, и колесницу велику со златом и бисеромъ и с камением украшену на стрѣтение матери своей посла. И преж себе Роксану царицу посла, 1000 владыкъ посла с нею. Видѣвши же сие Алимпияда возрадовася велми и позирающи на ню, дивляшеся добротѣ ея и лѣпости, изрядному ея разуму; и сладко сию облобызающи и к сердцу своему пригорнувши, рече: «Благодарю тя, Боже мой, яко далъ еси Александру подобну ему жену. Добрѣ обрѣла тя есмь, сердце, и душе, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дши моя Роксана». Роксана же к ней рече: «Добре пришла еси, и великая и свѣтлая, всего свѣта царица, государя моего мати, мнѣ же госпоже, Алимпияда царица». И тако на колесницу вседоша и поѣхаша. По том же Александръ срѣте их в чюдной великой и дивной порастаси со всѣми своими вои и велможи, вси же на великих конех и всякий велможа пред своимъ полкомъ в царской стеме и на златой колесницы направе ѣхаша. Александръ же ѣха у великой толши македонскаго стана на великом кони в финическом одеянии, на главѣ же его перская кучма стратокомиловым перьемъ, на кучме венецъ Клитоврии, амазинскои царицы. Егда же близу сташа, тогда царицы обе слезоша, саговѣ свияне по полю тому вергоша, и ту на них ставше, Александра дождаше. Александръ же от далеко с коня на землю ссяде и с велможами своими к матери прииде пѣшъ. Мати же его видѣвше, за горло его похвати и сладко целующи и рече: «Добре обрѣла тя, сыну и всего свѣта господине, Александре царю». И се рекши, к становъ поидоша. Бяше же видети ту дивный чюдный и красный станок. Егда же к стану приѣхаша, тогда полкове по достоянию разрядишася и рядомъ около их оба пол идяху. Вси же трубы псаловныи удариша, органы и прасковицы, различнии мусѣкийскии свѣрили; и не бѣ ту слышати и ни единаго гласа от трубнаго вопля и от коньскаго уристания. И тако в стань свой приидоша. Велможи же по достонию седоша. Александръ же сѣде на великомъ своемъ на златомъ престоле, о правую же страну сѣде его мати Алимпияда, о лѣвую же страну сѣде Роксана, жена его; и ту веселящеся много. Александръ же начатъ ей сказывати боеве вси великии, иже сотвори з Дарием, царем перскимъ, и прочими восточными и западными цари. Сие же слышавши Алимпияда царица дивляшеся. И тако повелеваше

его сам». Тот ответил Александру: «Сколько нужно было, взял из него, остальное возьми ты, царь. Его так много, что два дня и две ночи я носил сколько хотел, и мне больше не нужно». Александр удивился этому, и, сев на коня, к тому месту поехал, и, видя множество золота, сказал: «Наверное, это золото из сокровищ Дария». И велел своему войску брать его; и так много его было, что все брали сколько хотели, и Александру сто мер от него осталось.

И когда это было, царица Олимпиада, мать царя Александра, из Македонии пришла. Александр всех царей и вельмож собрал и все свое войско привел в порядок, коней под жемчужными седлами с золотом приготовил, которых вели на поводу, трубы, органы, тимпаны псалтырные и все музыкальные инструменты, как подобало, приготовил и колесницу, украшенную золотом, жемчугом и камнями, навстречу матери своей послал. Прежде себя царицу Роксану отправил и тысячу вельмож с нею. Увидев все это, Олимпиада возрадовалась и, глядя на Роксану, дивилась ее красоте и необыкновенному уму; и, сладко целовав ее и к сердцу своему прижав, сказала: «Благодарю тебя, Боже, за то, что дал Александру достойную его жену. Рада увидеть тебя, сердце мое, душа и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана». Роксана же ей сказала: «Добро пожаловать, великая и светлая царица всего света, государя моего мать, мне же госпожа, царица Олимпиада». И сели они на колесницу и поехали. Александр встретил их чудесным и дивным образом, со всеми своими воинами и вельможами, — все они были на великих конях и каждый вельможа ехал перед своим полком в царском венце и на золотой колеснице. Александр же ехал в окружении македонских воинов на великом коне в финикийском одеянии, на голове его была персидская кучма со страусовыми перьями, на кучме венец Клитевры, мазаньской царицы. Когда же они сблизились, обе царицы сошли и, встав на ковры, которые по полю тому были расстелены, ждали Александра. Александр далеко от них с коня на землю сошел и с вельможами своими к матери подошел пешим. Мать, увидев его, за шею его обхватила и, сладко целуя, сказала: «Рада видеть тебя, сын и всего света господин, царь Александр». И, после того как она это сказала, они пошли в дивный и прекрасный лагерь. Когда к нему подъехали, то полки разделились и рядом с ними с обеих сторон шли. И все трубы псалмовные затрубили, зазвучали органы, и прасковицы, и различные свирели; и не было слышно ни единого голоса из-за звучания труб и конского топота. Так они в лагерь прибыли. Вельможи согласно их достоинству сели. Александр же сел на великом своем золотом престоле, по правую сторону от него села его мать Олимпиада, по левую сторону села Роксана, жена его; и тут они много веселились. Александр стал рассказывать о всех великих битвах, которые были у него с Дарием, персидским царем, и прочими восточными и западными царями. Слыша это, царица Олимпиада дивилась. И велел он затрубить в трубы, которые называются сирини

трубамъ ударити, иже зовутца сирини намелии.* Такови же органы суть: 3000 писковъ имают, гласове же вси различни суть, дебели, и тонцы, и высоцы, и низцы, и тако жалостно слышати их и сладцы, яко всяки человѣческий разумъ дивляшеся. И ту веселившеся много Александръ царь со Алимпиядою царицею, матерею своею, и с Роксаною царицею, с престола восташа, цари же в шатры разыдошася.

Во единый от дний повелѣ Александръ младымъ витязем торгатися; в другий же день из луковъ стреляти; во иные же дни нѣкую игру играху, иже зоветца каруха,* дивна же есть и чюдна зело.

Тогда ко Александру приступиста два витязи македонина, иже Александръ велми любяше, от млада их бяше сохранилъ; брата же присная бяху, матер же в Македонии имяху, за многая лѣта сию не видели бяху. Она же имъ часто поручеваше и писаше многа, яко приидуть к ней в Македонию видети их. Они же любви Александровы отторгнутися не могуще, во мнозѣхъ лѣтех к матери своей не приидоша. Мати же их, твердую вѣру ко Александру видѣвши, яко отторгнутися от его любви не имають, дивно чюдно и диво достойно сотвори и повести велицеи. Отравный ядъ со ухищрениемъ у глакизме примеси, иже наричется рефне, и то сотворивши, и сыномъ своимъ посла и листь писа к нимъ: «Сладкима сынома моима и милыма красныма двема, Левкудушу и Врионушу, любимая ваша мати Менерва, вамъ пишу радоватися. Вѣсте добре, сынове мои, яко се 20 лѣтъ лица вашего не видѣхъ, ни вы мене узрите; многожды бо к вамъ писах, желающи вас видети, вы же всегда поручаетеся, глаголюще, яко: „От любве Александровы отторгнутися не можемъ". Да вѣдомо вамъ буди, сынове мои, яко всяка слава и богатество во своих почтено есть и сладко, в чюжих же вамъ сущим, ни во что же злато бо ваше... мертво лежитъ. Да клятвою заклинаю васъ, во млеко, еже воскормихъ васъ, яко приидѣте и видите мя. Аще ли Александръ вась не пустит, гликизмо вамъ рефно дахъ, и Александру вкусити дайте, егда бо от него вкусит, в той час вас отпустит». Левкодушь же и Врионушъ листь матери своея прочетше, Левкодушъ же матери своей зазрѣвь и посмѣяся, Врионуша же зелие то веземъ и сохрани. Левкодушъ же к нему рече: «Заверзи сие, не иматъ ни единыя ползы в немъ». Бяше бо Левкодушъ конюшей бояринъ у Александра царя, Врионуш же чашу подаваше Александру царю. Врионуш же лукавое на сердцы своемъ держаше, просил бо бяше у Александра Македонскаго царство многажды, Македонии; Александръ же к нему рече: «Всю вселенную разделити имамъ, Македонии же никому не дамъ, до живота бо имамъ владѣти ею самъ, по смерти же моей да владѣти будет, кому Богъ дастъ Александров нарокъ... и крѣпка десница, и острый мечь». О семъ Врионушъ на Александра злобу имый, зелие оно хотѣ Александру подати. Возрѣ же на красоту лица его, паки не восхотѣ, и держа сие 6 лѣтъ, не могий Александра отравити, не даваше ему брат его Левкодушъ, но караше его, глаголя: «Бойся Бога, о человѣче, не убивай мужа дивна и чюдна, егоже

намелии. А эти инструменты три тысячи звуков имеют, все голоса различны — густые и тонкие, высокие и низкие, и столь печально звучат они и сладко, что дивится им всякий человеческий разум. И тут веселился много царь Александр с царицею Олимпиадой, матерью своею, и с царицей Роксаной, и встали они затем с престола, и в шатры свои разошлись.

В один из дней велел Александр молодым витязям сражаться; в другой день из лука стрелять; в иные же дни в некую игру играли, которая называется каруха, дивна она и чудна.

Тогда к Александру подошли два витязя-македонянина, которых Александр очень любил, смолоду они у него были; братья же родные были они, мать их в Македонии была, и много лет они ее не видели. Она же их часто просила и писала, чтобы пришли к ней в Македонию и она увидела бы их. Они, из-за любви к ним Александра, покинуть его не могли и много лет к матери своей не приходили. Мать же их, видя, что из верности Александру они не оставят его, совершила достойное удивления и великой повести. Отравный яд искусно смешала со сладостью, что называется рефне, и, приготовив его, сыновьям своим послала вместе с письмом: «Сладкие сыны мои, милые, прекрасные Левкодуш и Врионуш, любимая ваша мать Менерва, пишу вам приветствие. Хорошо знаете, сыновья мои, что вот уже двадцать лет лиц ваших не видела и вы меня не видели; много писала вам, желая вас видеть, вы же всегда говорите: „Александра оставить мы не можем". Знайте, сыновья мои, что всякая слава и богатства среди своих почтенны и милы, когда же вы среди чужих находитесь, ваше золото мертвым лежит. И клятвою заклинаю вас, молоком, которым вскормила вас, — придите и увидьтесь со мною. Если же Александр не отпустит вас, посылаю вам сладость рефне и Александру вкусить ее дайте, когда же он ее вкусит, тотчас отпустит вас». Левкодуш и Врионуш письмо своей матери прочли, Левкодуш мать укорил и посмеялся, а Врионуш зелье взял и сохранил. Левкодуш сказал ему: «Не думай об этом, нет в нем никакой пользы». Был Левкодуш конюшим у царя Александра, а Врионуш чашу подавал царю Александру. Врионуш лукавство в сердце своем имел, ибо просил он у Александра Македонское царство много раз; Александр же сказал ему: «Всю вселенную отдам, Македонию же никому не дам, до конца жизни буду владеть ею сам, по смерти же моей пусть владеет ею тот, кому Бог даст счастье Александра, крепкую десницу и острый меч». Поэтому Врионуш, на Александра злобу имея, зелье это хотел Александру дать. Но посмотрел на прекрасное лицо его и не дал, и держал его шесть лет, не в состоянии Александра отравить, и не давал ему это сделать брат его, Левкодуш, укорявший его, говоря: «Бойся Бога, человек, не убивай мужа дивного и чудного, мудрости которого эллины удивлялись, храбрости которого персы и индийцы изумились, от него потряслась вся земля под

мудрости еллини подивишася, егоже храбрости перси и индѣяне почюдишася, от негоже потрясеся вся подсолнычная земля, восточная и западная и южная и сѣверная, егоже убояшася вси морстии отоцы. Аще бо сего погубиши, брате, то вес свѣтъ смертию смести его хощеши и самъ злѣ умрети имаеши». И хотяше Левкодушъ Александру сказати сие, но Александръ бы ему не вѣровалъ, понеже Врионуша любяше зело. Птоломѣю же воеводе сказати хотяше, но размысливъ рече: «Аще брата моего убиютъ, и мене с нимъ убиютъ». И Врионуша часто караше. Он же сего не послушаше, добре бо рече: «В неразумное сердце терние внидет, и вскоре не изыдет».

Исперва бо от лукавых жень убийство сотворися, якоже древле Евга ради от древа райския пища отлучихомся, Соломан бо, мудрый во человѣцех, женою лукавою ада наслѣди, и Самсону великому в крѣпости и женское ухищрение одолѣ, Иосиф прекрасный от лукавые жены много претерпѣ. И ту бо великого Александра, макидоньского царя, лукавьство женьское постиже.

Во един бо день Александрь гостбы велики велможемъ и воемъ своимъ сотвори. В той бо день дары от Востока ему принесоша. И на томъ обѣде велику веселость сотвори. Има же Александръ чашу самотворну от андракса каменя, и дивна бяше и многоцѣнна велми, тою же всегда Александрь пияше. Тогда Александръ женѣ своей Роксанѣ тою чашею напив подаваше. Врионуша же сие чаши не соблюде и, ко Александру сию чашу несоша, и испусти ею из рукъ, и разбися. Александръ же о семъ разсердився, Врионуша побранихъ мало. Врионуша же за злобу ону на умъ веемъ и сие на сердцы храняше на своего си благодателя безумно, и ту его хотя отравити, но не дасть ему братъ его Левкодушъ. Таков бо сий лукавъ бяше и гордивь, зломнивый Врионушъ, помышляше бо в себѣ, глаголя: «Аще Александра отравлю, царь всему свѣту буду».

В той день приидоша ко Александру от Иеросалима иевреи, принесоша ему шатеръ великъ велми и сказаша ему, глаголя, яко пророкъ Иерѣмѣи умре. Александръ же сие слышавъ и оскорбися немало.

И в той день приидоша к нему мужи мнози от града, егоже создал бяше, Александрию, ко Александру рекоша: «Царю Александре, град, егоже еси создал бяше, Александрѣю, не можемъ никако жити в немъ». Александръ же рече: «За что?» Они же к нему рекоша: «Змѣй великий от реки египетцкие изходитъ и людей ухватает, и ядомъ умираютъ». Александръ же к нимъ рече: «Идѣте во Иеросалимъ, и *кости* пророка иеврейска Иеремѣя веемше, на крестъ града сихъ узидайте, того бо молитва ядъ исцѣлетъ змиин». Они же шедше и тако сотвориша, и от того часу и до нынѣ змѣй во Александрѣи человѣка ухватити не можетъ.

И в той день жена нѣкая, ко Александру приступивъ, сии рече: «Александре царю, муж мой злобит мя и бранит мя много». Александръ же рече: «Всякой женѣ глава есть мужь, мнѣ же нѣсть дано судити жены пред мужемъ». Она же Александра понудити хотящи, да мужа еи убиет, и рече:

солнцем, восточная, западная, южная, северная, которого испугались все морские острова. Если его погубишь, брат, то весь свет смертью его низвергнешь и сам бесславно умрешь». И хотел Левкодуш Александру сказать об этом, но Александр бы ему не поверил, потому что Врионуша любил весьма. И воеводе Птоломею сказать хотел, но подумал: «Если брата моего убьют, то и меня с ним убьют». И Врионуша часто корил. А тот его не слушал, ибо хорошо сказано: «Если в неразумное сердце терние войдет, то быстро не выйдет».

Ибо от начала из-за коварных жен совершались злодеяния, — так в древности из-за Евы райской пищи лишились, мудрый среди людей Соломон из-за жены коварной в ад последовал, сильного Самсона великого женское коварство одолело, и Иосиф прекрасный от коварной жены много претерпел. И великого Александра, македонского царя, коварство женское настигло.

В один из дней Александр устроил большой пир для своих вельмож и воинов. В тот же день дары с Востока ему принесли. И на этом пиру он весьма веселился. У Александра была самотворная чаша из камня андракса, дивная и многоценная, из нее всегда пил Александр. В этот раз выпив из той чаши, он передал ее жене своей Роксане. Врионуш неосторожно эту чашу обратно Александру нес и выронил ее из рук, и разбилась чаша. Александр из-за этого рассердился и Врионуша немного побранил. Врионуш за это зло в себе затаил и в сердце хранил, безумный, против своего благодетеля, и хотел его тут же отравить, но не дал брат его, Левкодуш. Столь коварен был, горделив и злопамятен Врионуш, что думал в себе: «Если Александра отравлю, царем всего света буду».

В тот день пришли к Александру из Иерусалима евреи, принесли ему большой шатер и сказали, что пророк Иеремия умер. Александр, услышав это, опечалился немало.

В тот же день пришли к нему мужи многие из города, который он создал, из Александрии, и сказали Александру: «Царь Александр, в городе, который ты создал, в Александрии, никак не можем жить». Александр спросил: «Отчего?» Они же ему ответили: «Огромный змей из египетской реки выходит и кусает людей, и они от яда умирают». Александр сказал им: «Идите в Иерусалим, и возьмите кости еврейского пророка Иеремии, и в городе своем их положите, ибо его молитва от змеиного яда исцеляет». Они пошли и сделали это, и с того времени и доныне змей в Александрии людей не кусает.

И в тот же день некая жена к Александру пришла и сказала ему: «Царь Александр, муж мой сердится на меня и бранит меня много». Александр ответил: «Всякой жене глава муж ее, мне же не дано судить жену перед мужем». Она же хотела вынудить Александра, чтобы он ее мужа убил, и сказала: «Царь

«Царю Александре, мене убиетъ, тебѣ же невѣрен есть». Александръ же к ней рече: «Нѣсть ти дано мужю судити, во царствии бо моемъ жены да не судят мужем. Горе бо человѣку, имже жена обладает, горе бо, — рече, — земли той, в нейже жена царствуетъ; о горе тѣмъ людемъ, имиже жена обладаетъ, жена бо на едину потребу от Бога сотворися, дѣтородства ради; мужу же жена подручна есть». И се рекъ и языкъ ей повелѣ урѣзати.

В той же день двородержьцы приступиша ко Александру и рече Дандушъ, милостный и любим бяше велми у Александра и вѣрень ему есть, кротокъ же сии тѣломъ, но храбръ велми и конникъ добръ воинъ велми, ко Александру рече: «Государю великий, царю Александре, подобно есть, яко властели твои домове свои да видят, много бо лѣтъ, яко отнелѣже от домов своих зашли суть». Ту Александръ повелѣ дары многоцѣнны принести и ту велможи свои повелѣ дарити царскими стемами многоцѣнными, и диядимами, и великимъ царскимъ одеяниемъ, индѣйскими и перскими фарижи, и много множество неизчетно злата и бисера разда. И тако всякому во свое царство отправитися повелѣ. Сам же с матерею своею и з женою своею и свободными витязи в Виталскии горы ловити поиде.

В той же день Врионушъ ко Александру приступивъ, рече: «Александре царю, дай мнѣ Македонское царство». Александръ же к нему рече: «Любимый мои Врионуше, я всему свѣту царь есмь, но людие македоньскимъ царемъ зовут мя; но возми собѣ Ливию, и Киликию всю, и великую Антиохию». И сего же Врионушъ не восхотѣ, но помышляше во умѣ: «Аще Александръ умретъ, всему свѣту царь буду». И тако яд растворивъ, Александру дастъ. Александръ же сие вкушъ, в той час студен бысть яко крошецъ и очюти, яко отравлень бысть и рече: «О любимый мой и милый врачю Филиппе, вѣдомо да есть тобѣ, яко в сладком вине вкусих горкий ядъ». Филип же сие слышав и стему з главы поверже и былия нѣкая теплейша с целым теряком* Александру дасть пити. Сие же слышав Врионушевъ братъ Левкодушъ, Александрове смерти очима не могий видети, на меч налегъ, прободеся. Александръ же ко врачю своему Филиппу рече: «Можеши ли от смерти избавити, Филиппе?» Филипь же рече к нему с плачем: «О всего свѣта царю, идѣже хощетъ Богъ, побежается естества чин, да не возможно ми есть помощи дати, понеже ядовитая студень преодолѣвает сердца твоего теплоту. Но сие помощи ти могу: три дни живъ будеши, дондеже вся царства урядиши земская». Сие же Александръ слышавъ и главою покивав и рече, прослезився: «О суетная слава человѣческая, како вмале являешися, а вскоре погибаеши. Но добре рече рекии: „Нѣсть на земли радости, иже не приложится на жалость, ни есть слава, иже не преидетъ". О земля, и солнце, и твари, плачитеся днес мене, вмале бо на свѣтъ явихся и вскоре под землю отхожу. О земле, мати моя, красныи человѣки упитаеши, напрасно к себѣ приемлеши. О неуставная человѣческая чести, како мнѣ тихо посмеяся и напрасно паки мене к земли отсылаеши. Всесилнии и всемошнии и любимии

Александр, меня он убьет, тебе же неверен». Александр ей отвечал: «Не дано тебе судить мужа, в царстве моем жены пусть не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной цели Богом создана — для рождения детей; и жена мужу подвластна». И, сказав это, язык ей велел урезать.

В тот же день подошли к Александру двороуправители, и Дандуш — весьма любимый Александром, верный ему, невелик был телом, но весьма храбр и хороший воин — сказал Александру: «Великий государь, царь Александр, следует вельможам твоим увидеть свои дома, потому что много лет прошло с тех пор, как из своих домов ушли». Тут Александр велел дары многоценные принести и одарить вельмож царскими венцами многоценными, и диадемами, и царскими одеяниями, индийскими и персидскими конями, и огромное множество золота и жемчуга раздал. И велел всем в свои царства отправляться. Сам же с матерью своею, и с женою своею, и со свободными витязями в Витальские горы охотиться пошел.

В тот же день Врионуш к Александру пришел и сказал: «Царь Александр, дай мне Македонское царство». Александр ответил ему: «Любимый мой Врионуш, я всего света царь, но люди македонским царем меня называют; возьми себе Ливию, и всю Киликию, и великую Антиохию». Этого Врионуш не захотел, но подумал: «Если Александр умрет, всего света царем буду». И, растворив яд, дал его Александру. Александр вкусил его, и тотчас стал холоден, как камень, и понял, что он отравлен, и сказал: «Любимый и милый врач Филипп, знай, что со сладким вином вкусил я горький яд». Филипп, услышав это, венец с головы сбросил и теплой настойки с терьяком дал выпить Александру. Услышал об этом брат Врионуша Левкодуш и, чтобы смерть Александра не видеть, бросился на меч. Александр же врача своего Филиппа спросил: «Можешь ли ты от смерти меня избавить, Филипп?» Филипп сказал, плача: «О всего света царь, там, где хочет Бог, побеждается чин естества, мне же невозможно помочь тебе, потому что холод яда преодолевает тепло твоего сердца. Могу помочь тебе только так: три дня будешь жить, пока не распорядишься всеми царствами своими земными». Услышал это Александр, головою покачал и сказал со слезами: «О суетная слава человеческая, как ненадолго приходишь и как быстро исчезаешь. Хорошо сказано: „Нет на земле радости, которая не заменится печалью, ни славы, которая не пройдет". О земля, и солнце, и твари, оплачьте сегодня меня, ненадолго на свет появился и рано под землю ухожу. О земля, мать моя, прекрасно людей вскармливаешь и неожиданно к себе берешь. О изменчивое человеческое счастье, как мне ласково улыбнулось и неожиданно опять к земле меня отсылаешь. Всесильные, всемогущие, любимые мои македоняне, если возможно вам от смерти меня избавить

мои македоняне, аще возможно вамъ смерти мя избавити днес, да с вами всегда буду, бийтеся с смертию ныне за мя, похитити мя от вас пришла есть». Се же слышавше македоняне и с плачем великим ко Александру глаголаху: «Александре царю, силный государю, аще возможно есть смерти откупити тя, животъ нашъ вси дали быхом за тебѣ, но сие намъ невозможно есть. Но ты добре на земли пожил еси и смерть твоя почтена есть болши, нежели чий животъ. Походи, Александре, походи на уготованное тобѣ мѣсто, на земли бо добре царствовал еси, и тамо рая наслѣдити имаеши».

Филип же, Александровъ врачь, мску живу разсѣкъ и в ню всади Александра. Александръ же вся земьская царства и великия государства и вси князи и властели по достоянию урядив. Алимпияду же матерь и Роксану царицу приимъ, Филона призвав и Птоломѣя и рече: «О любимая моя присная два брата, Филоне и Птоломѣю, жену свою и матер свою предаю вамъ ныне, яко мою поминающе сердечную любов, сихъ почтено до смерти дохраните; Македонское же царство добре соблюдите. Тѣло же мое в Александрѣи положите; мене же паки узрѣте тогда, егда мертвии от гроб востанут. Но вѣдомо да есть вамъ, яко напослѣдокъ лѣтом перси Македониею обладати имутъ, якоже мы днес персы». И се рекъ Александръ, Роксану за руку приимъ и сладко ею облобызаше, глаголя: «О Дариева дши, мой милый свѣте очию моею, всего свѣта царице Роксано, вѣси ли, отнелиже любов моя *приплѣте* к тебѣ, колко извѣщения сердца моего указах тебѣ, якоже ни единъ муж к своей женѣ, такоже и ты указа мнѣ любов и честь вѣрну соблюде, якоже ни едина жена ко своему мужю. Вѣдомо да есть тобѣ, яко ныне любовъ наша расторгнутися имаеть, отхожю убо во адъ, отнюду же возвратитися не имам. Останi з Богомъ, милая моя любви». И се рекъ Александръ, целовав, отпусти. И тако властели на целование призва и со всѣми по ряду целовася и с плачем к нимъ рече: «Любимии мои и милии македоняне витязи и вси прочии языцы, Александра другаго не имаете изнаити». И се рекъ, глаголя: «Приведите ми великаго моего коня Дучипала». Дучипал же, видѣ Александра умирающа, жалостно прожа и ногами землю бия, Александров облобызаше одръ. Александръ же за гриву сего похватив и рече: «О милый мой Дучипале, нектому другий Александръ всядет на тебе». И ту Александръ Врионуша оного зазрѣвъ и к нему рече: «О милый мой любимый Врионуше, ни вѣси ли, колико благая же сотворих тобѣ, почто зло за добро воздал ми еси, почто отравнаго яда напои мя. Но проклят да есть господинь той, иже государьскаго убийцу хранитъ, и проклят да есть, иже ... блудника хранитъ, и проклят да есть господинь той, иже здавцу градцаго хранить, но злаго убивъ, да ся зла укротит». И ту Дучипаль скочивь, Врионуша зубы за горло ухвати и к земли его притиснувь, ногами до смерти уби. Александръ сие видѣвъ и рече: «Пий, брате Врионуше, яже ми еси предал чашу». Птоломѣй же разсѣкъ его, псомъ повелѣ поврещи. Александръ же на властели и на велможи возрѣвъ и рече: «О любимии мои и милии, всего свѣта

сейчас, чтобы с вами всегда был, сражайтесь со смертью ныне за меня, похитить меня от вас пришла она». Услышали это македоняне и с плачем великим Александру говорили: «Царь Александр, сильный государь, если возможно было бы у смерти выкупить тебя нашей жизнью, все бы отдали жизнь за тебя, но это невозможно. Славно ты пожил на земле, и смерть твоя почтеннее, чем чья-либо жизнь. Иди, Александр, иди в назначенное тебе место; на земле славно царствовал ты и там рай унаследуешь».

Филипп же, врач Александра, мула живого рассек и в него посадил Александра. И Александр всеми царствами земными и великими государствами распорядился, и всех князей и правителей по их достоинству распределил. Олимпиаду, свою мать, и царицу Роксану взяв и призвав Филона и Птоломея, сказал: «Любимые мои, родные братья, Филон и Птоломей, жену свою и мать передаю вам, чтобы, помня о моей сердечной любви, вы их в почете до смерти оберегали; и о Македонском царстве позаботьтесь. Тело мое положите в Александрии; меня увидите вновь, когда мертвые из гробов восстанут. Но знайте, что в последние времена персы будут владеть Македонией, как мы сейчас персами». И, сказав это, Александр Роксану за руку взял и сладко ее поцеловал, говоря: «О Дариева дочь, милый свет очей моих, всего света царица Роксана, знаешь ли, что с тех пор, как любовь соединила меня с тобою, явил я тебе столько доказательств сердечной склонности, сколько ни один муж своей жене не являл, и ты явила мне любовь и честь мою верно сохранила, как ни одна жена своему мужу. Знай, что ныне наша любовь расторгнется, ибо ухожу в ад, откуда нет возврата. Оставайся с Богом, милая моя любовь». И, сказав это, Александр поцеловал ее и отпустил. И вельмож для прощания призвал, и всех их целовал, и с плачем сказал им: «Любимые мои, милые македонские витязи и все другие народы, второго Александра вы не найдете». И добавил: «Приведите ко мне великого коня моего, Дучипала». Дучипал, увидев умирающего Александра, печально заржал и, бия ногами землю, облобызал постель Александра. Александр за гриву его схватил и сказал: «Милый мой Дучипал, второй Александр на тебя не сядет». И тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуш, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал, — зачем злом за добро воздал мне, зачем отравным ядом напоил меня. Да будет проклят тот господин, который убийцу государя щадит, проклят тот, кто грешника щадит, проклят тот господин, который сдавшего город щадит, но пусть убьет злого, чтобы зло прекратилось». Тут Дучипал вскочил, и схватил Врионуша зубами за горло, и, к земле его прижав, ногами до смерти забил. Александр увидел это и сказал: «Пей, брат Врионуш, из той чаши, что передал мне». Птоломей же рассек его тело и псам велел бросить. Александр на правителей и на вельмож посмотрел и сказал: «Мои любимые, милые, великие цари всего света, вельможи и все витязи, всю вселенную покорили мы, богатые

царие велицыи и велможи и прочии витязи, како всю вселенную прияли есмо, богатую и пустую землю, и рая доидохомъ оного, идѣже Адамъ, праотецъ нашъ, бяше; и вся красная земли видех, и высину неба разумѣхъ, и глубину моря узнах, но убежати не могох напраснаго смертнаго серпа. Вы, зряще мя умирающа, помощи ми хощете ли и не можете. Но поиду убо, идѣже суть вси от вѣка умершии, вы же останете з Богом, мене до смерти своей поминающе; и видѣтися имамъ с вами тогда, егда мертвии от гробъ востанут на Судищи ономъ страшномъ и на великом торжищи». И се рекъ Александръ, издъше, в земли нарицаемей Гесем,* во странѣ Халдѣйстей, близу Египта, в Межурѣчии Сѣверстемъ, на рецѣ Ниле, на мѣсте, идѣже Иосифъ Прекрасный седмъ житницъ фараону царю сотворилъ бяше.

И толикъ плачь и жалость сотворися ту, елико никто нигдѣ видѣ, ни слыша. И тако велможе, вземши тѣло его, во Александрѣю донесоша. Плакавши же мати его, Олимпияда царица, и Роксана царица, и цари, и велможи, и вси князи земьстии, и жены, и дѣти, и несмысленни скоти. Роксана же царица одеяние многоцѣнное на себѣ до земли раздра и власы главы своея простерши, с плачем жалостно ко Александру яко к живу глаголющи: «О Александре, всего свѣта царю, силный господине и государю, писматар ли мнѣ бяше, понеже в чюжихъ земляхъ мене остави? Сам же яко солнце заиде с солнцемъ под землю. О земля, и солнце, и горы, и холми, плачитеся со мною днес, и точите *очи* мои источник слез, дондеже езеро наполните и горы напоите пелыневу горку, ядовиту мнѣ зело». И се рекши, на двор повелѣ излѣсти, сама же по конецъ Александра сѣдши, яко жива его облобызающи, глаголаше: «Александре, царю, македоньское солнце, аще ми есть с тобою умрети, тебѣ разлучитися не имам». И се рекъ, меч Александровъ вземши и на нь налег, живот свой скончa. Птоломѣй же и Филон столпъ великъ создаста и высокъ среди Александрии града и на немъ ковчег златъ, тѣло же Александра царя и Роксаны царицы поставиша, идѣже до днес ту стоит. Велможи и цари и всякъ отъиде во свою землю. Александрѣя же царство Птоломѣю прилучися. Аминь.

и необитаемые земли, и до рая дошли, где был Адам, праотец наш; я все прекрасное, что есть на земле, видел — и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти. Вы же, видя меня умирающим, помочь мне хотите, но не можете. И пойду я туда, где все от века умершие пребывают, вы же оставайтесь с Богом, меня до смерти своей вспоминая; и увижусь с вами тогда, когда мертвые из гробов восстанут на том Страшном Суде и на великом торжище». И, сказав это, умер Александр, в земле, называемой Гесем, в стране Халдейской, около Египта, в Междуречии Северском на реке Ниле, на том месте, где Иосиф Прекрасный семь житниц сделал фараону-царю.

И такой плач и такая печаль тут были, каких никто нигде не видел и не слышал. И вельможи, взяв тело его, в Александрию принесли. Плакала мать его, царица Олимпиада, и царица Роксана, и цари, и вельможи, и все князья земные, и жены, и дети, и бессловесные животные. Царица Роксана многоценное одеяние на себе разорвала до земли и, распустив волосы, с плачем печально к Александру как к живому обратилась: «Александр, всего света царь, сильный господин и государь, разве враг ты мне, что в чужой земле меня оставил? Сам же как солнце с солнцем зашел под землю. О земля, и солнце, и горы, и холмы, плачьте со мною сегодня, лейте слезы, очи мои, как источник слезный, пока не наполните озера и пока не напоите горькую гору полынную, столь ядовитую для меня». И, сказав это, велела всем выйти, сама же около Александра села, поцеловала его, как живого, и сказала: «Царь Александр, македонское солнце, даже если мне придется с тобою вместе умереть, с тобою не разлучусь». И, сказав это, меч Александра взяла, и, бросившись на него, окончила жизнь свою. Птоломей и Филон большой и высокий столп сделали посреди города Александрии, и на нем поставили золотой ковчег, и в нем положили тела Александра и царицы Роксаны, там он и доныне стоит. Вельможи, цари и все остальные разошлись в земли свои. Александрийское же царство Птоломею досталось. Аминь.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ОТ АЛЕКСАНДРА МАКИД*ОНСКОГО*

Бяше царь Александръ Великый паче всѣх царей. Сынъ Филиппа царя всѣ царьствиа въсприятъ, и вси языци поклонишася ему. Едини нагомудреци не приаша его,* ни женьское царство.* Нагомудреци бо зрять, еже глаголеться, смотрят Господа на небесѣхъ сѣдя на престолѣ, того ради не прѣдашася Александру царю.

Имяше же Александръ едину дщерь и много о ней боляше.

Егда приатъ звѣря, которыяй разбиваху вся вѣйскы,* и пришедъ впа*де* в ливадахъ при водѣ, идеже исхожаху раци и похващаша воя.* И единъ педопулъ приатъ рыбу сушену и иде к водѣ той, да ю измыет, и обрѣте изворъ малъ, и вметну рыбу ону; она же ожиша и удари в воду — и тъй бо бяше породимъ кладязь.* И прииде юноша спѣшно и възвѣсти Александру царю. Александръ же вложеныя рыбы не вѣроваше бо своему слузѣ, яко тако случися. И какъ вложи Александръ сухыа рыбы в воду ту и в томь часѣ ожиша.

И приим Александръ единъ крондирь, и взят от воды, и запечата, и предасть ю единому апроду, и рече ему: «Аще кто отпечатает, то азъ погублю тебе и род твой». Александръ же знаяше, колико лѣт хощеть жив быти, егда будет ему къ смерти, да испиеть воды породимскиа, да родится и не умрет.

Дщи же его Панориа, видѣ юношу, велми стрѣгущи кондирь, и Панориа рече къ юноши: «Повѣж ми кондирь тъй?» И глагола к ней онъ: «Не вѣмь, госпоже моя». Она же рече: «Дай мнѣ, яко да поне виждю его». Юдрѣй рече: «Госпоже, велико запрѣщение имамъ от отца твоего Александра». Она же много имѣние ему даваше и многыми муками прѣщаше ему, и зѣло скорбяше, како узнаеть, что есть в кондари. И пакы рече Юдрею: «Лязи съ мною и повѣж ми». Тогда упадеся на ню и слегся с нею, и повѣсть ей все. И егда усну Юдрѣй, и она закла его, и поверже ѝ в кошници, и взят кондирь, и испить из него воду, и бысть невидима и бесмертна. Тогда Александръ проклять ю, и тако пребывает.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

ИЗ ИСТОРИИ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Был царь Александр Великий выше всех царей. Сын Филиппа-царя, он все царства покорил, и все народы поклонились ему. Только нагомудрецы не признали его, да еще амазонки. Ибо нагомудрецы зрят, как говорится, видят Господа на небесах, сидящего на престоле, того ради не покорились Александру-царю.

Была же у Александра единственная дочь, и много он о ней заботился.

И вот, взяв зверей, с которыми он сокрушал все войска, вступил Александр в низины у вод, откуда выходили раки и хватали воинов. Один же воин, взяв сушеную рыбину, направился к воде, чтобы помыть ее, и нашел небольшой родник, и бросил ту рыбу; она же вдруг ожила и, всплеснув, ушла в воду — ибо то был райский источник живой воды. И поспешил юноша к Александру, и рассказал об этом царю. Александр же не поверил рассказу слуги о рыбе и тому, что так случилось. Но когда и Александр положил сушеных рыб в ту же воду, они тотчас же ожили.

Тогда взял Александр некий сосуд, наполнил водой из источника, запечатал и передал верному слуге, сказав ему: «Если кто распечатает сосуд, то я предам гибели и тебя, и род твой». Ибо Александр, зная, сколько лет ему жить, решил, что, когда наступит час его смерти, выпьет воды живой, возродится и уже не умрет.

Дочь же Александра Панория, увидя, как юноша усердно оберегает сосуд, сказала ему: «Поведай мне, что в том сосуде?» И ответил ей он: «Не ведаю, госпожа моя». Она же сказала: «Дай мне, хоть посмотрю его». Юдрей же сказал: «Госпожа, строгий запрет дан мне от отца твоего Александра». Она же многие дары ему предлагала и многими муками угрожала, и очень домогалась, как бы узнать, что же в сосуде. И вновь говорит Юдрею: «Ляг со мною и поведаешь мне». Соблазненный ею, лег он с нею и поведал ей все. Когда же уснул Юдрей, она заколола его и сбросила в корзину, и взяла сосуд, и выпила из него воду, и стала невидима и бессмертна. Тогда Александр проклял ее, и так она живет до сих пор.

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

НАЧИНАЕТ КНИГА ПЕРВАЯ О ПЕЛЕИ, ЦАРѢ ТЕФСАЛИЙСКОМЪ,* ПРИВОДЯЩАЯ АЗОНА, ДА СЯ ПОШЛЕТ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО

В царствѣ Тефсалоникийскомъ, от предреченныхъ пристоящихъ к Раманникиѣ, егоже жители мирмидоняне нарекошася, еже мы днесь общимъ именованиемъ Салонисию нарицаемъ, царствова тогда царь некий, праведенъ и благороденъ, именем Пелеусъ, съ его супругою, Фетидою нарицаемою. От ихъ же супружества изыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, толико храбръ, именемъ Ахиллесъ. Тѣхъ мирмидонянъ хотящии именовати Великую Гресию, сирѣчь Италию,* на троянское раззорение пришедшихъ, апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границах царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся,* а град Фетисъ, в той странѣ поставленный, от предреченныя Фетиды имя, глаголютъ, восприявше. Но глаголющие сице — блудятъ, зане мирмидоняне обитатели Тефсалинские наричутся, ихъ же господинъ по смерти царя Пелея, отца своего, родимый Ахиллесъ на троянской брани многая с ними чудаса бранная содѣя. Якоже *о* них свидѣтелствуетъ Овидѣй Моненисъ,* начало баснословнѣ списуя. Глаголетъ бо тѣхъ мирмидонянъ въ 14 бывших мравиев, по молению царя тесалийскаго, данному богомъ, в человѣки преобразованных, поне во дни тѣ вси людие царства Тесалийскаго смертною немощию конечнѣ низпадоша, единому оному царю оставшу, иже егда нѣ в коем лѣсе при корени нѣкоего древа прилѣпися, воззрѣв туто, видѣв безчисленно мравиевъ собрание рыщущих, в человѣки *обратити* молебнѣ проси. И во чтении блаженнаго Матвѣя апостола мирмидонесъ обитатели суть тесалинские, в нейже самъ апостолъ нѣколико поживе, явнѣ покажется.

Сего же царя Пелея пишет история нѣкая имѣвше брата, Азона именемъ, ему от обою родителю союзна и его в лѣтѣхъ болшаго, иже егда долгодневнаго вѣка старостию отягчашеся, самъ себе едва пасти можаше. И сего ради царства Тесалинскаго правителству неключимъ и велиею старостию сокрушенъ отдастъ и ступись царскаго правъления Пелею бо, брату своему.

ИЗ ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПЕЛЕЕ, ЦАРЕ ФЕССАЛИЙСКОМ, И ЯЗОНЕ, КАК БУДЕТ ОН ПОСЛАН ДОБЫТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО

В царстве Фессалийском, жителей которого упомянутые выше римляне называют мирмидонянами, а мы ту страну именуем теперь общепринятым названием Салоники, царствовал в те времена некий царь, справедливый и благородный, по имени Пелей, со своей супругой, звавшейся Фетида. От их брака родился муж, бывший, как никто другой, могучим, смелым и храбрым, по имени Ахиллес. Те, кто утверждает, что Великая Греция, то есть Италия, участвовала в разорении Трои, именуют мирмидонян апрузинянами, а это некий народ, обитающий по соседству с царством Сицилийским. Поэтому страна та Апрузией называется, а город Фетис, в той стране основанный, получил имя, как говорят, от упомянутой выше Фетиды. Но говорящие так заблуждаются, ибо мирмидонянами называют жителей Фессалии, и Ахиллес, ставший их властителем после смерти своего отца, царя Пелея, в Троянской войне не раз показал с ними чудеса храбрости. О них повествует Овидий Монесис, рассказывая небылицы об их происхождении. Говорит он о тех мирмидонянах в четырнадцатой книге, будто бы были они муравьями, по мольбе царя фессалийского и по воле богов превращенными в людей, так как в то время весь народ царства Фессалийского поголовно скосила смертельная болезнь, и остался в живых один тот царь, который в некоем лесу приник как-то к корням дерева и, вглядевшись, увидел бесчисленное множество ползающих муравьев и в мольбе попросил, чтобы были они обращены в людей. И в книге блаженного апостола Матфея ясно сказано, что мирмидоняне — это жители Фессалии, в которой сам апостол прожил некоторое время.

Об этом царе Пелее рассказывает некое предание, что имел он брата, по имени Эсон, единокровного ему по обоим родителям и старшего годами, который, отягощенный глубокой старостью, сам собою едва мог управлять. И поэтому, угнетаемый глубокой старостью, отступился от управления царством Фессалийским и передал царскую власть брату своему, Пелею. После царство-

После коего Пелея пасения Азонъ чтется, долго *времена* жив сице, да многою *старостию* ему оскудѣвающу, очи ему померкоша и пребывании его ради зелныя старости разслабися. Его же глаголетъ той же предреченный Овидий в той же книгѣ послѣ въ юношеские цвѣты и отроческие силы преновлена, да яко от старые сѣни сотворися единолѣтен врачебнымъ прилѣжанием, хитростною силою Медеи,* о коей Медеи воисподи близъ имѣется слово.

От сего убо Азона остася сын нѣкий родим, Азонъ именемь, муж силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, цѣломудръ, щедръ, доброрѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаев свѣтелъ. Сего тесалинские велможи и честнородные сего народи велиимъ любви и желаниемъ за высоту сил его объяша, не менши, якоже царя Пелея, чествующе. И бѣ той же Азонъ *не* менши послушлив царю дяди, аки бы был отцу, аще бы царствовал, ниже бѣ докученъ ему, но всякимъ повиновениемъ благоговѣинъ, и аще и Пелей скипетръ тесалиский держа.

Но царь Пелей не тако ему помышляше, егоже аще знамении внѣшнии себе любима быти показаше, но горяще и колебашеся внутрь, да не како силою своею и толикимъ желаниемъ от своихъ, еже к нему имяху, Язонь его царства Тесалийскаго власти лишитъ. Долго убо во умѣ храняше раззжения, еже разумнымъ смысломъ покрываше, да не действомъ нѣкоимъ изъявленъ пронестися возможетъ, внѣшнѣе долготрудебнымъ терпѣниемъ понудись. Сего ради многая поискав въ сердцѣ своемъ пути, имиже бы моглъ Язона погубити без срамоты своего познания.

По сем о вещи чудной во дни тѣ по многимъ мира мѣстомъ многорѣчный слух изыде и во уши многых возгремѣ, да яко в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ,* за границами царства Троянскаго на восточную страну, нѣкий овенъ имяшеся, егоже бѣ руно злато, да яко убо проповѣд слуха даяше. В том убо островѣ царствовати глаголаху царя нѣкоего, Оета имянемъ, муж убо силенъ и богат, но лѣты стар. Сего златоруннаго овна* пишет история стрѣгома бывша чуднымъ попечением и прилѣжаниемъ бога Арриса; кь его же стрежению волы нѣкие приставлены бѣша, горящие пламени изо устъ испущающе. И аще сего златоруннаго овна похощетъ имѣти, с тѣми волы имат братися, и аще их побѣдит, подобаетъ ему волы тѣ побѣжденныя игу повинити и понудити ихъ ралом землю вскопати, на нейже бѣша. И аки побѣдив волы тѣ и орати понудивъ, еще имат на нѣкоего змиа, чешуею грозна и пламени огненныя дышуща, напасти на того, брань с нимъ учинив, убити, и убив его, зубы от челюстей его извлещи, и извлекши, посѣяти на предреченной землѣ, от воловъ изоранной. От сего селняго сѣмени семя чудно возрастетъ, поне от змиевых зубов скоро нѣкие вооруженныя воини родятся, братскую брань промеж себе скору учинятъ, иже ся особными язвами погубят. Сими убо бѣдными пагубами, а не иными стезями можашесь предреченное златое руно имѣти. И *всем* хотящимъ в предъреченных братися царь Оетес свободен даяшеся приходъ. Но

вания этого Пелея Эсон еще долгое время прожил, окруженный почетом, пока очи его не померкли и тело его в долгой глубокой старости не ослабело. О нем же говорит тот же упоминавшийся выше Овидий в той же книге, что впоследствии были ему возвращены цвет юношеский и силы отроческие, так что из старца превратился он в годовалого младенца благодаря целительной силе и волшебному искусству Медеи, о каковой речь пойдет далее.

У этого Эсона был родной сын, по имени Язон, воин могучий и храбрый, юноша красивейший, целомудренный, щедрый, красноречивый, приветливый и сияющий всеми достоинствами. И вельможи фессалийские и знатные люди прониклись к нему большой любовью за величие доблести его и чтили его не меньше, чем царя Пелея. И тот Язон повиновался царю, дяде своему, словно отцу, если бы тот царствовал, не докучал ему, но благоговейно ему подчинялся, дозволяя Пелею держать скипетр царства Фессалийского.

Но царь Пелей иначе о нем думал, и хотя внешне проявлял знаки любви, но в душе горел и терзался, страшась, как бы благодаря доблести своей и опираясь на любовь окружающих, которую те к нему питали, не отнял бы у него Язон Фессалийское царство. Долго таил Пелей в душе это пламя, скрывая его изощренным умом своим, чтобы не обнаружить себя в каких-либо поступках, и долго принуждал себя к мучительному терпению. И поэтому постоянно раздумывал, ища различные пути, как бы погубить Язона, не запятнав самого себя позором.

Некоторое время спустя многоустая молва о дивной вещи разнеслась по всему миру и у всех в ушах загремела, что будто бы на некоем острове по названию Колкос, за пределами царства Троянского, еще далее от него к востоку, есть некий овен, у которого, по слухам, — золотое руно. На острове том царствует, как говорили, некий царь, по имени Оетес, муж сильный и богатый, но старый годами. О златорунном этом овне вещает предание, что хранят его чудные чары и покровительство бога Ареса; для охраны его приставлены некие быки, испускающие из пастей жаркое пламя. И если кто хочет овладеть этим златорунным овном, то должен будет сразиться с теми быками, и если одолеет их, то должен принудить побежденных тех быков стать в упряжку и заставить их вскопать плугом землю, на которой они стоят. И, победив быков тех и принудив их пахать, еще должен он выйти против некоего змея, покрытого устрашающей чешуей и дышащего жарким пламенем, сразившись с ним, убить и, убив его, вырвать зубы из его челюстей, а вырвав, посеять на упомянутой выше земле, вспаханной быками. Из этих семян всходы невиданные взойдут, ибо из змеиных зубов тотчас же родятся некие вооруженные воины, тут же завяжут братоубийственную брань и погибнут от ран, нанесенных друг другу. И только свершив такие опасные подвиги, а никакими иными путями, можно добыть упомянутое золотое руно. И всем желающим испытать

яко убо сице о овнѣ златаго руна сложи история, глаголютъ паки истинну о немъ инако свидѣтелствующе. Рекоша бо царя Оета собрание сокровища велика стяжавша, и, стяжавъ, стрежению предастъ преждереченному, но чародѣйственными дѣлы и хитростьми волшебными учини. Сего бо сокровища собрание мирскимъ поглощением и скупым хотѣниемъ, еже всѣмъ злымъ есть мати, многи храбрии себѣ искати восхотѣша, но, возбраняющимъ чародѣйскимъ злобамъ, не сокровищное угодие, *но* конечное себѣ убийства претыкание взыскаша.

Да яко убо о златом рунѣ ко царю Пелею слух прииде, толика живота погубления искавшу, скоро прилѣжно на то воздвиже сердце, любезнѣ внемля, да яко опаснѣе и без срамоты своего поползновения не можетъ предати Язона на погубление. Восприя убо помыслъ, како Азона понудит, да во храбрости своея силы юношески надѣясь ко златорунному поисканию охотнѣ себе предастъ. Умысли бо в торжественнѣмъ граде Тесалиском праздничный двор собрати, в немже множеству велможъ и воинъ немалу, сошедшусь двору, и по три дни *пребы*. В третий день царь Пелей призва к себѣ Язона пред предреченными честнородными, сице глагола, рекъ: «Добрѣ хвалюсь, драгий сродниче, о владѣнии царства Тесалийскаго толь высока, но множае паче непшую мене славна о толицѣй храбрости и добротѣ сродичнѣ, зане твоея силы высоту ближние страны того дѣла свидѣтелствомъ познавают, и тѣм слухомъ истиннорѣчнымъ сказаниемъ всегдашнимъ проповѣсть в далеких. Еси бо Тесалискаго царства и моего паче честь и слава; егда тя соблюду, царства Тесалискаго боятся всѣ и тебѣ пребывающу, и ни един врагъ явитися смѣеть. Но паки силы твоя славы в вышних мя поставит, аще златое руно, еже Оета царя власть держитъ заключенно, тебѣ могущу в заключение царства моего возможетъ принестися, еже не сумнюсь тобою велми легко можетъ быти, аще труда сердце смѣло восприимеши и вѣщания моего заповѣди не загладиши изслѣдити. Кая иже аще совершити умыслиши, тебѣ вся путьная потребы уготовятся в приготовлении велице, спутники многими, ихъже от лутчих царства возможеши избрати. Повинися убо словесем моимъ и повелѣний сих дѣлателя покажи блага, да предо мною вперед болшие любве явишися и о слухѣ храбрости твоея возвеселишися, на болшия высоты вознестися. Ниже будет безчастенъ от великаго твоего угоднаго пригожества силный трудъ твой, зане истинными обѣщании, а не лицемѣрными тебя извѣстна творю, да яко *мнѣ* оскудѣвшу, тебе наслѣдника будуща в царствѣ Тесалиском поставлю, мнѣ живущу, мене не менши царством обладаеши».

Уразумѣвъ убо Азон вся, кояждо яко толико *пред* предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися многою, не внимая лаятелныхъ царя коварствъ и его льсти, помрачений не разумѣя, утвердись от реченных от сердца

то, о чем рассказано выше, царь Оетес не чинит препятствий. Однако все это о златорунном овне рассказывается лишь в преданиях, но говорят также и правду о нем, иначе все объясняя. Говорят, что царь Оетес собрал великое множество сокровищ и, собрав, передал стражам, о которых шла речь выше, но все это устроил с помощью чародейства и искусного волшебства. Многие храбрецы пытались добыть эти собранные сокровища, обуреваемые мирской ненасытностью и жадностью, что является источником всяческих бед, но воспротивилось им зло, устроенное с помощью волшебства, и добыли они не сокровища себе, а смертельный гибельный конец.

Как только слух о золотом руне дошел до царя Пелея, искавшего какого-либо способа погубить Язона, он тут же радостно заключил в сердце свое все услышанное, ибо более надежным способом, не рискуя обнаружить свой замысел, не смог бы он обречь Язона на смерть. Загорелся он мыслью, как бы побудить Язона, чтобы тот, рассчитывая на храбрость свою и юношескую доблесть, охотно бы отправился за золотым руном. И задумал Пелей устроить торжества в городе Фессалийском и собрать на празднество множество вельмож и воинов немало, и длилось оно три дня. На третий же день царь Пелей призвал к себе Язона и перед упомянутыми выше высокородными сказал ему так: «Очень горжусь я тем, дорогой мой сородич, что владею столь славным царством Фессалийским, но еще более прославляет меня храбрость и доблесть сродника моего, ибо величие силы твоей ближние страны узнали по свидетельствам подвигов твоих, а правдивой молве о них, возвещаемой постоянно, предвещано достигнуть и дальних. Ты ведь честь и слава царства Фессалийского и особенно — моя; если тебя сберегу, все будут бояться царства Фессалийского, и пока ты в нем, ни один враг не посмеет напасть. Но слава о силе твоей еще больше меня возвеличит, если златое руно, скрываемое в державе царя Оетеса, с твоей помощью будет перенесено в сокровищницы царства моего, что — не сомневаюсь — с легкостью будет тобою содеяно, если смело отдашься душою на подвиг и не пренебрежешь словами советов моих. Когда же надумаешь это совершить, для тебя будет приготовлено в изобилии все необходимое в пути, и многих спутников ты сможешь избрать из числа достойнейших в царстве моем. Прислушайся к словам моим и покажи, что ты усердный исполнитель велений этих, и тогда впредь будешь мною еще больше любим, и сам возрадуешься молве о храбрости твоей, и прославишься еще более. И не останется безвозмездным и принесет тебе великие блага великий подвиг твой, ибо обещаю тебе искренне, а не лицемерно, что когда я состарюсь, то оставлю тебя наследником в царстве Фессалийском, а пока я жив, вместе со мной будешь править царством».

Язон же, выслушав все, что только что перед всеми возвестил царь Пелей, обрадовался радостью великой, не заметив хитрости и коварства царя и не догадываясь о тайном его замысле, поверив, что все это сказано царем от

чистые совѣсти царские изшедше, паче возвращения своея чести высока, а неже во свою пагубу уклонися. Надѣясь убо о смѣлствѣ своея храбрости, ниже непщуя немощна себѣ быти, еже царское лестное хотѣние искаше, царскому повелѣнию себѣ бодренна любезнѣ подастъ и себе неизреченно совершити со всякимъ благоговѣинством обеща.

Возвеселись убо Пелей о любезномъ его отвѣтѣ, сродича своего, повелѣнному двору конецъ положи, желая совершити хотѣние его по обѣщании предреченному, коему хотѣнию счасътие помогати предощущание. Разумѣя убо, яже Колкосъ осътровъ моремъ обшелъ, приитись не может, токмо с пригожествы плавательными подняти морския беды, повелѣ к себѣ призвати нѣкоего кузнеца от стран царства Тесалискаго, мужа мудра в хитрости своей, Арха именемъ, в хитрости древодѣлной со многимъ разсуждениемъ бывающа. Кой же по царскому повелѣнию дивнаго величества нѣкий корабль во многом собрании древесъ сооружи, иже от своего творца имени сущаго наречеся «Аргонъ». Се и нѣцыи есть восхотѣша рещи первый корабль быти, иже первое, парусы уставив, даходити мѣста далекая дерзнулъ, и сего ради коиждо корабль великой, коиже преходит море, парусы поды, глаголется аргон, право глаголаше нарекоша.

Уготовленну же кораблю предреченному, и вложенно в него всему обилнѣ, яже вина плавания прошаше, мнози честнороднии многою храбростию красновидны* с тѣмъ Язоном входят в него. В них же бѣ онъ муж истинно силный и крѣпкий, Еркулесъ* именуем, родись, якоже пишутъ мудрецы, от Зевеса и Алмены, Амфитрионовы жены. Се и есть он Еркулес, о егоже невѣроименных дѣйство по многимъ странамъ слово простирается, иже своею силою безчисленных исполинов во свое время изгуби и, на руках своих подывъ, нестерпимаго величества крѣпчайшаго сокруши Антефыума.* Сей, аще вѣрити достойно есть, нетрепетен врат доиде адовых и стража их, пса триглавнаго,* силною рукою от них извлече. Его же толиким биением укроти, да яко во потѣ весь своего яда пѣною изноенною иже изблеванием многие страны страстоносным опорочи. И яко его дѣйствъ долго извещение нѣкиих долгимъ пожданием мысли слышащих отвлече, сия о немъ довлѣет коснувша, зане и вещи истинно в толике от его побѣды бывше и по свѣту чуднѣ изъявляется, да яко до сего дни докудѣ побѣдникъ явися *столпы* Еркулови* свидѣтелствуется в Гадеи. Сим столпомъ великий Александръ Македонский, царя Филиппа сынъ, ниже той от корени царей тесалинских, яже Македония такожде глаголется, изыде, повинуя себѣ мир рукою крѣпкою, дошед. Далеко их мѣсто живущее, зане тамо есть море великое, Окиянъ сирѣчь, яже тѣсное мѣсто туто срединою нѣдръ живущее земли нашея себе вливая в Средиземное. Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частем, от насъ плавателно, якоже видимъ. Яже аще от того мѣсто влияние и приемлят излиянное в брезехъ сирийских заключается, в нихже градъ Аконъ наших велми приемлетъ плавающих. Сие мѣсто тѣсное, от

чистого сердца, и возмечтал о высокой чести своей, не помышляя о гибели. Надеясь на доблесть свою и смелость и не думая, что может оказаться слабым в том, что требовал от него коварный царский замысел, с решимостью и радостью откликнулся он на царское повеление и благоговейно пообещал беспрекословно его исполнить.

Пелей, обрадовавшись, что сродник его ответил согласием, приказал разойтись собравшимся, чтобы, получив обещание, осуществить замысел свой, и уже предвкушал удовольствие способствовать его осуществлению. Зная, что достичь острова Колкоса, омываемого морем, можно только с помощью средств, предназначенных к преодолению морских тягот, велел Пелей прислать к нему некоего мастерового из пределов царства Фессалийского, мужа искусного в ремесле своем, по имени Аргус, весьма опытного в плотничьем деле. Тот же по царскому повелению построил из многих деревьев корабль невиданных размеров, который по имени создателя своего получил название «Арго». Кое-кто решается утверждать, что это был первый корабль, который под парусами решился достичь дальних земель, и поэтому считают, что всякий большой корабль, бороздящий море под поднятыми парусами, следует называть арго.

Когда же был построен вышеназванный корабль и все, потребное для плавания, было погружено на него в изобилии, вошли в корабль Язон и с ним многие из высокородных, прославленных безмерной храбростью. Среди них был и некий муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес, родившийся, как пишут мудрецы, от Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих исполинов и, на руках своих подняв, одолел Антея, непобедимого и могучего великана. Он, если верить, бесстрашно дошел до врат ада и стража их, трехглавого пса, извел оттуда могучей рукою. И так его побоями укротил, что тот, весь взмокший и покрытый ядовитой пеной, осквернил многие страны, обрызгав своей смертоносной слюной. Но так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами. До этих же столпов дошел и великий Александр Македонский, сын Филиппа-царя, принадлежащий к роду тех же царей фессалийских, чья страна также именуется Македонией, повинуя себе мир могучей рукою. Далеко расположено то место, и находится там огромное море, именуемое Океан, которое вливается через пролив в середину земли нашей — Средиземное море. Создано это море для нас во внутренних частях мира и пригодно, как видим, для плаванья. И то, что вливается в этом месте, приемлется и ограждается

негоже первое сие Средиземное море исходитъ, наши плавающие «Стѣсненно свистателно» именуют. И мѣсто то, в немъже предреченныя столпи Ираклиеви вонъзенни, глаголет срацынским языком Савись, от негоже не довлѣетъ дале иттить.

Восприявъ убо от царя Пелея Язонъ отплыти отпущение, новая проходит моря со Еркуломъ и со своими спутники. В кораблѣ новѣмъ, егоже парусы егда поспѣшный вѣтръ напряже и его вѣянием возведе, мѣста тесалинския знаемыя остави зѣло скоро и къ незнаемым морскимъ мѣстомъ скорѣе прибѣже борзѣйшимъ течением своимъ. И тако многи дни и нощи плавающимъ имъ, вождениемъ тесаликѣянина Филота, имъ разсуднѣ сматряющи звѣздъ течения видимыхъ, пребывающих близ звѣзды, Болшаго Медвѣдя сирѣчь и Менъшаго, иже никогда не заходят со звѣздою, Ангвин* именуемою, положению нѣкоему, яко звѣзду туюжде плавающие Трамонтана именуют. Нѣкии рекоша быти звѣзду послѣднюю положенну на хоботѣ Лося Медвѣдя Меншаго, и Болшаго Медвѣдя плавающие они хриесе именуют, а Ангвин, сирѣчь Змию, глаголютъ быти велику. О коих Медвѣдех, Болших сирѣчь и Меншем, Овидий во второй книзѣ* баснословнѣ пиша глаголет Калистона и Аркада, сына его, тѣх премѣненых в Медвѣди. Именуются такожде те звѣзды сѣверныя, зане суть седмь близ черты, Аксисъ именуемом, о нихже Юнонъ тако глаголет:

И не чествованныи на вышнем небеси чревеса мои
Видите — звѣзды, тамо, идѣже круг Аксием
Послѣдний облегаетъ и отстояниемъ кратчайший
обходит.*

Знаше бо Филот звѣздное течение и движание, аще нѣкое есть о нем, аки и он искусный и во плавании бѣ. И сего ради, вѣтру поспѣшну вѣющу, и путь долгъ правымъ путемъ плы, донелѣ ко странѣ Фригийской, царства Троянскаго сирѣчь пристоящей, новый корабль пристав во пристанище, сирѣчь иже тогда именовашеся от жителей Симеоста.*

О ГРЕКѢХ, ПРИСТАВШИХ В ДЕРЖАВУ ТРОИ, И ЛАОМЕДОНТѢ, ОТПУСТИВШЕМ ЯЗОНА И ЕРКУЛА ОТ МѢСТЪ ТѢХЪ

Греки же морскимъ трудомъ отягчении, да яко приидоша до земли, на землю ту снити покоя ради жаждущею душею понудишася. И, сшедше, туто свѣжие воды от источникъ почерпаху и туто, болшаго ради прохлаждения, пребывание дни нѣкия умыслиша, не яко да живущим докуку нанести учинятъ,

берегами сирийскими, на которых стоит город Акка, дающий приют многим нашим мореплавателям. А это узкое место, из которого проистекает Средиземное море, наши мореплаватели называют «Тесным свистанием». И место то, где воздвигнуты упомянутые ранее Геркулесовы столпы, по-арабски именуется Савис, и не следует выходить за его пределы.

Язон же, получив от царя Пелея разрешение отплыть, бороздит незнакомые моря вместе с Геркулесом и своими спутниками. Когда же попутный ветер напряг паруса нового корабля и погнал его своим дуновением, быстро отдалился он от знакомых берегов фессалийских и еще быстрее, в стремительном беге своем, достиг неведомых морских просторов. И так плыли они много ночей и дней, направляемые фессалийцем Филотом, который со знанием дела следил за движением видимых на небе созвездий, находящихся возле полюса, то есть подле Большой Медведицы и Малой, которые никогда не заходят вместе со звездой, именуемой Ангвин; мореплаватели же ту звезду называют Трамонтана. Некие называют так крайнюю звезду, расположенную на хвосте Малой Медведицы, и созвездие Большой Медведицы мореплаватели называют греческим, а звезду Ангвин, то значит Дракон, считают главной. Об этих Медведях, Большом и Малом, Овидий пишет во второй книге баснословия в рассказе о Каллисто и Аркаде, сыне ее, обращенных в медведей. Именуют также те звезды северными, ибо их семь, возле черты, называемой Аксис, о которых Юнона так говорила:

И не почтенных на вышнем небе, а язву мою
Видите — звезды, там, где круг Аксис
Последний окружает и на кратчайшем расстоянии
обходит.

Разбирался Филот в восходе и заходе звезд, во всем, что известно о них, и искусен был в мореплавании. И поэтому они, подгоняемые попутным ветром, в дальнем плавании не сбились с пути, пока не достигли страны Фригийской, принадлежащей царству Троянскому, и новый корабль их пристал к пристани, которую живущие там именуют Симеонта.

О ГРЕКАХ, ПРИСТАВШИХ К БЕРЕГАМ ТРОЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ, И О ЦАРЕ ЛАОМЕДОНТЕ, ПРОГНАВШЕМ ЯЗОНА И ГЕРКУЛЕСА ИЗ ЭТИХ МЕСТ

Когда греки, утомленные тяготами морского пути, достигли суши, то всей душой стремились они сойти на ту землю для отдыха. Высадившись, набрали в источниках свежей воды и, чтобы получше отдохнуть, решили пробыть здесь несколько дней, но не с тем, чтобы докучать местным жителям или тем более

ниже шкотными протравы вредити нѣкако покусятся. Но завидное бо умнымъ двѣровство, яже всегда покою живущих преткновенно; от неумыслимых лаятелствъ без вины враждебной сей соблазна вину привлече. Коея ради толика убивства излияся пагуба, вселенную окропи, да яко толико царей и князей избранныхъ убивством низпадоша, и толикъ и таков град, яко бѣ он Троя, превратись, во Гресию толико овдовѣвшим женам от мужей своих, лишенным родителей толико отроком и отроковицам, и послѣднии игу работѣ покоренных. Аще бо Гресия и в тол тяжкихъ тѣснотах учинена вѣны, ея побѣды проповѣд чрез времена многия заглади неправда, сирѣчь языка ея и убивствомъ и искоренениемъ того от лутших. Воистинну сирѣчь греческимъ толика злая благоприятна бѣша, напервоначалная вина нѣкая толь легка сердца человѣческие без вины не возмущаютъ, да за вину толикие жестости мука сподобила бысть нанести; токмо добролюбезнѣ нѣчто речется, яко исходящаго зла собрание бѣ созидание добра последователнаго, зане о сихъ злых падениемъ Трои толика блага изыдоша, да яко та Троя загладися воста, вина егоже Римский град, иже бысть глава градомъ, троянскими изгнанными бысть поставленъ или воздвиженъ, от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия.* И нѣкие иные того ради страны вѣчное от троян восприяша население. Якова бысть Англия, иже от Брата троянина, откуду Вритания наречена и чтется уселись. Паки якова Францыя по троянском падении от Франка царя, Енеева обещника, яже близ Рима великъ сооружи град,* егоже Франъсею своимъ именемъ, такожде и всю его страну, нарече сказуется населись. А Венецейский град насели онъ троянин Антенор.* Обитания паки и сицеваго Киликию чтохом не безчастну, яже первое от царя Сикаона, пришедшаго в Киликию* от Трои града великаго, населись пишется, откуду Сикания наречется. И посемъ, отшедшу ему от Киликии, оставив в Киликии Сикула, брата своего, того ради после Киликия наречется. Прииде в *Тукию*, южскаго языка обитанием наполни. И в царствѣ Киликиском по морскимъ границам вышереченный Енеа грады многие, чтется, сооруживъ, яковъ есть Неополис, толикь град языка непобѣдимаго земля Гаетская. Диомедесъ* такожде, аще и се грекъ родом на троянской брани многая дивная сотвори, Трои разореннѣ, егда въ царство свое восприняти не можашеся, обита в Калабрии. Его же обещников, *повествует* Овидий, Сириенъ, дщи Солнца, в пътицы преобрази, в Калабрию от Диомида принесенъных. От коихъ птицъ рода глаголетъ Исидор* многих бывша произшедших, кои птицы Деомедевы нарекошася, сие урождение имуще, да яко знают человѣка латынянина от грека разлучити. Сего ради грековъ в Калабрии живущих любятъ, а латынян бѣгаютъ, аще суть нѣкие. Но аще толикия предания вина бѣ послѣдовательнаго блага вина конечная, да яко человѣческий умъ имать в сумнѣнии.

Поне возслѣдователиѣ пишет история, яко ко Язону и Еркулу со своими во пристанище почивающимъ Симеонтѣ, к Лаомедонту, троянскому царю, о

пытаться как-либо навредить им дерзкими злоумышлениями. Но такова уж природа злого рока — всегда вредит он покою всех живущих; из-за вздорных оскорблений, без какой-либо действительной угрозы, возник повод для раздора. Из-за всего этого бедствие неисчислимых жертв, разлившись, залило всю вселенную, ибо пало в битвах столько царей и достойнейших князей, и такой город, каким была Троя, разрушен, в Греции осталось столько овдовевших женщин, лишившихся родителей отроков и отроковиц и, наконец, — попавших под иго рабства. Хотя Греция после этих столь тяжких испытаний добилась победы, славу ее победы со временем затмили бедствия, ибо погибло много людей, и утратила она свое первенство. Но поистине эти беды, выпавшие на долю греков, привели впоследствии к благу, первопричина же их была настолько невесомой, что людские сердца по такому поводу обычно не ожесточаются настолько, чтобы из-за этого пришлось бы претерпевать такие тяжкие бедствия; и верно говорится, что череда миновавших бед бывает источником грядущего блага, ибо какое благо свершилось из-за злосчастного падения Трои: сама Троя, разрушенная, возродилась и явилась причиной того, что Рим, глава всех городов, основан и построен троянскими изгнанниками, Энеем и Асканием, сыном его, именуемым также Юлием. И некие другие страны при тех же обстоятельствах из Трои обрели своих будущих жителей. Такова Англия, заселенная троянцем Брутом, отчего, как пишут, и называется она Британией. Такова также и Франция, заселенная, как говорят, царем Франком, сподвижником Энея, построившим на берегу Рейна большой город и назвавший своим именем и его, и всю страну. А город Венецию заселил троянец Антенор. Из-за подобных же переселенцев и Сицилию считаем ко всему этому причастной, ибо впервые она, как пишут, была заселена царем Сикаоном, пришедшим в Сицилию из великого города Трои, почему она и именовалась Сикания. И после этого, когда он покинул Сицилию, то оставил в ней Сикула, брата своего, и поэтому впоследствии назвали ее Сицилией, а он сам отправился в Тоскану и населил ее народом южным. И по побережью царства Сицилийского вышеназванный Эней построил, как пишут, много городов; таков, например, Неаполь, город народа непобедимого земли Гаетской. Диомед, хотя и был грек по происхождению, также совершил в Троянской войне множество дивных подвигов, а после разрушения Трои, когда не смог вернуть себе свое царство, поселился в Калабрии. А его соратников, по словам Овидия, Цирцея, дочь Солнца, превратила в птиц, которых Диомед привез затем в Калабрию. От рода этих птиц, по словам Исидора, произошло множество других, и называются они Диомедовыми птицами и, имея такое происхождение, умеют они отличать людей итальянцев от греков. Поэтому греков, живущих в Калабрии, любят, а итальянцев избегают. Но если причина этих переселений стала впоследствии причиной благоденствия, то есть от чего смутиться человеческому уму.

Предание, следуя за событиями, сообщает, что когда Язон и Геркулес со своими спутниками отдыхали в гавани Симеонта, дошел до Лаомедонта, троян-

них слух прииде, иже языкъ нѣкий, трояномъ незнаемъ, сирѣчь языкъ греческий, новым плаванием ко фригийским странамъ прииде разсмотрити нѣчто тайная Трои или паче Троянскую страну разорити хотя. Бѣ бо во дни тѣ Троя не толикаго величества, каков бѣ после, изнова утвержденъ, и в немъ царствова тогда царь предреченный, Лаомедонтъ именемъ, иже, восприа совѣт охотенъ — иже онъ дабы не былъ! — посла своего во мнозѣ къ Язону послалъ, емуже ко Азону пришедшу, посолство свое повѣдает сими словесы: «Царь Лаомедонтъ, сего царства государь, о пришествии вашемъ зѣло чудится, почто в землю его внидосте, от него свободы не восприявъ. Его же есть мысль в тихом мирѣ тое защищати, сие настоятелнѣ повелѣвает вамъ, да не задержнѣ имати из земли его изыти, сице да явѣ приходящу дни послѣдующему, да увѣсть васъ от всѣх земли своея границѣ отшедшихъ. Яко аще повелѣние его ощутит васъ прозорливых, извѣстно да увѣсте, повелит своимъ на вреждение ваше напасти и разорение вещей и вас самихъ на конечное невзгодие».

Егда же Азон все посолство слыша, весь гнѣвомъ и болѣзнию сердца разъярися внутрь, прежде *даже* к рѣченному посолству отвѣща, обратись к своимъ, сице глагола имъ: «Лаомедонтъ царь, сего царства государь, дивнаго безлѣпия обиду намъ наносит и без нѣкоея преткновенныя вины намъ изыти от своей земли повелѣ. И аще бы его царское благородствие украшашеся, нас бы повелѣти подобаше чествовати. Зане аще бы случай подобный его в греки привелъ, вѣдал бы себѣ учиненно от греков не безлѣпие, но честь. Но поне ему паче безлѣпие, неже честь восплеска, мы такоже восплещемъ, якоже они, и от его царства границе отидемъ, зане можетъ случитися и легко есть, яко его суетный совѣтъ буди дражайшею цѣною искуплен». И по сем продолживъ словеса, обращъся к посланнику, рече: «Друже! Посолства твоего рѣчи добрѣ слышахом и дары, яже царем твоим намъ обычаем благородных суть посланныи, восприяхомъ, якоже лѣпо. Боги наша и божиею истинною засвидѣтелствуемъ: не нароком в землю царя твоего внидохомъ, да преткновение нанесемъ нѣкому ограблениемъ, насилство творя. Но зане в далныя страны ѣхати мышляхомъ, нужда в сие мѣсто уклонити нас понуди. Рцы убо царю твоему: мы от его земли без всякаго косновения отходимъ, да весть он извѣстно, да аще не нами, возможетъ нѣкако иными, иже настоящую обиду, намъ нанесенную, услышатъ, не прибытки, но уничижение и шкоты неизреченно имѣти».

Еркулесъ же, словесы Язоновыми не удовлишя, цареву посланнику изливает сия словеса: «Друже, кто еси ни буди, опаснѣ донеси царю твоему, да наипаче в день завтрешний от земли его отнюд снидемъ, но будущаго третьяго лѣта день не проидетъ, рцы ему, во нь же насъ узритъ, аще живъ будетъ; в землю его, хощет и не хощетъ, и якори вметавше и в данной намъ тогда отхождения свободе не будетъ ему совершенна воля, яко сицевые брани

ского царя, слух о том, что некие люди, неведомые троянцам, а именно люди греческие, впервые приплыли к Фригийской земле, чтобы высмотреть что-либо тайное в Трое или, более того, разорить Троянскую страну. Была ведь в то время Троя не столь велика, каковой стала впоследствии, заново построенная, и царствовал в ней тогда упомянутый выше царь, по имени Лаомедонт, который, с готовностью вняв совету (лучше бы совета того и не было!), отправил к Язону своего посла со многими спутниками, который, придя к Язону, возвещает о цели своего посольства такими словами: «Царь Лаомедонт, царства этого государь, весьма удивлен прибытием вашим, зачем на землю его вступили, разрешения у него не спросив. А он хочет в тишине и мире ее блюсти, и поэтому настоятельно требует от вас: без промедленья покиньте его землю, и когда наступит следующий день, он должен узнать о вашем отплытии из пределов своей земли. Если же узнает, что вы пренебрегли его повелением, то — да будет ведомо вам — прикажет он своим напасть на вас, вам самим урон причинить, и имущество ваше отобрать, и вас истребить до последнего человека».

Когда же Язон услышал это обращение, то вскипело сердце его от ярости и гнева, и, прежде чем ответить на слова, сказанные послом, обратился он к своим и так им сказал: «Царь Лаомедонт, этого царства государь, наносит нам неслыханное по дерзости оскорбление и велит без какого-либо основательного повода покинуть его землю. И если бы украшало его царское благородство, то подобало бы ему принять нас с честью. Ибо если подобный случай привел бы его к грекам, то увидел бы он оказанную ему греками честь, а не поношение. Но так как, по его мнению, лучше оскорбить, чем встретить приветственными рукоплесканиями, то мы также восплещем, как и они, и от границ его царства отойдем, но легко может случиться, что за свое неумное пожелание он заплатит дорогой ценой». И после этого продолжил речь, обратившись к послу, и сказал ему: «Друг! Посольские речи твои мы выслушали со вниманием и дары, которые по обычаю благородных нам царем твоим посланы, приняли как подобает. Богами нашими и истиной божественной клянемся, что случайно оказались мы на земле царя твоего и не хотим причинить кому-либо зло оскорблением или насилием. Но так как задумали мы плыть в далекие страны, необходимость вынудила нас сюда зайти. Скажи же царю своему: мы покинем его землю без малейшего промедления, и да будет ему известно, что если не от нас, то от других, которые услышат об этом, нанесенном нам оскорблении, приобретет он не блага, а уничижение и неописуемые бедствия».

Геркулес же, не удовлетворившись словами Язона, обратился к царскому послу с такой речью: «Друг, кто бы ты ни был, без колебаний доложи царю своему, что завтра же покинем его землю, но через три года наступит день — скажи ему, — когда он нас увидит, если будет жив; придем в землю его, хочет он того или не хочет, и якори бросим, и тогда уже будет не в его воле приказать нам уйти, и так как этому раздору он сам положил начало, то

ныне нача раздору, да яко прежде даже уготовится о немъ побѣда, бременемъ безчестныя срамоты погнетется».

Тогда царевъ посол, отвѣщевая, сице рече: «Срамно есть велми благородному и наипаче храброму прещателные стрѣлы посылати, ниже мнѣ посланному приказано от царя, да противу вас бранными словесы настою. Рѣх вамъ, яже ми приказана бѣша, и аще разумно учинити годѣ, вам даю совѣтъ добрый, да от сее земли отити не буди тяжко, прежде даже впадете в тяжчайшая, зане нѣсть легко погубитись, егда мощно защититися совѣтом здравым». И по семъ, от греков восприяв отпущение, возвратися ко царю своему.

Язонъ же и Еркулесъ, без закоснѣния Филота призвавъ, поповелѣвает якори из моря влещи и вся собрати привезенная на землю покоя ради. Вѣдяху бо, аще бы восхотѣли на фригиян напасти, не быти имъ на снитие равнымъ или в силах равных, ниже мощию крѣпчайшихъ. Сего ради восходятъ и, воздвигъ парусы, богомъ поспѣшствующим, фригийские оставляют бреги. Проходяше моря, вѣтру вѣющу поспѣшну, не по мнозѣхъ днех в Колкосъ остров здравы приходятъ и желаемое благочестнѣ во пристанище входят.

Во островѣ Колкосѣ тогда нѣкий градъ, именемъ Яконитес, глава царству. За тое величество поставленъ град зѣло красенъ, стѣнами и стрѣлницами огражденъ, сооруженъ многими полаты нарочитыми, полнъ людми многими нарочитыми, многих честнородныхъ населением. В сем убо градѣ живяше царь Оетес во множествѣ своемъ, зане недалеко от града того лѣсы многие растяху, угодны ловитвамъ, ради множества звѣрей, туто питающихся. Около же града бѣ широко поле, прохлажением и цвѣты украшенно, зане источники вод на немъ безчисленни протекаху и кол многие рѣки непрестанными волнами текоша потоки и то поле напояху. Сего ради многих ловимых птицъ изобильство пребываху на немъ и многих птицъ пѣния непрестанно ту сладцѣ гласяху.

К сему же граду Азонъ и Еркулесъ со своими, царски и лѣпотнѣ нарядися, стезею правою себѣ приносят. Иже егда улицами того града посредѣ являющеся цѣломудренны стопы, хвалимым украшением *спешаху, чудятся* людие на них, просвѣщатися толикимъ царскимъ явлением, толь благообразну цвѣтостию юношеству, сице цѣломудренных во своем хождении и во явлении толикими нравъными цвѣты украшатися. Жаждущимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто есть и откуду суть, и что вина пришествия их. Совопрошающимся имъ, нѣсть кто вину их пришествия имъ открыетъ, донелѣ царские полаты врат доходятъ. Царь же Оетес, уроженнаго ему благородия не забы, скоро ему зане пришествие греков возгремѣ, со престола царскаго воста, грекомъ встрѣчю со множеством своих изыде, ихъже веселым лицем и тихимъ образомъ восприяв, утѣшаетъ обниманием, знамении поздравленными веселитъ и в началѣ сладкихъ словесъ благоволные приятелства имъ обѣщевает. Иже по сем по степенемъ мраморнымъ на высокая мѣста входят, в полатные каморы входятъ,

прежде, чем он смог бы извлечь из него пользу, сам будет погребен под бременем позорного бесчестия».

Тогда царский посол так сказал в ответ: «Весьма недостойно, чтобы благородный, и тем более храбрый, метал стрелы поношений, как это приказано мне царем — осыпать вас бранными словами. Сказал вам, что было велено мне, и если хотите поступить разумно, то дам вам добрый совет: от этих берегов будет вам отойти не трудно, пока не обрушились на вас тягчайшие беды, ибо зачем безрассудно погибать, если можно, по здравом размышлении, спасти себя». И после этого, отпущенный греками, возвратился посол к царю своему.

Язон же и Геркулес поспешно призвали Филота и приказали ему поднимать якоря и собирать все, что было снесено на берег для отдыха. Ибо поняли, что если бы решились напасть на фригийцев, то не сравняться им с ними ни в бою, ни в силе, ни в мощи. И поэтому взошли на корабли и, подняв паруса, с помощью богов покинули фригийские берега. Подгоняемые попутным ветром, пересекли море, и вскоре благополучно прибыли на остров Колкос, и с честью вошли в желанную пристань.

На острове Колкосе столицей царства был тогда некий город, именуемый Яконит. Так как занимал тот город столь высокое положение, был застроен он очень красиво, окружен стенами и башнями, было в нем воздвигнуто много роскошных палат, населен он был людьми именитыми и многими достойными жителями. В городе этом жил царь Оетес со множеством приближенных, ибо возле города находились обширные леса, удобные для охоты, так как водилось в них множество зверей. Поблизости от города простиралась широкая прохладная долина, вся в цветах, ибо протекали по ней бесчисленные ручьи и немало текло рек полноводных, орошающих ту долину. И поэтому обитало там множество дичи, и стаи птиц непрестанно оглашали ее звонким пением.

Язон и Геркулес в сопровождении спутников своих, по-царски и красиво одевшись, направились прямиком к этому городу. Когда же они быстро, но с достоинством шествовали по городским улицам, вызывая восхищение своим видом, то дивились люди, глядя на них, сияющих таким царским великолепием, столь прекрасных в расцвете юности, так украшенных всяческими красивыми вещами и так скромно шествующих. Сгорая от нетерпения, расспрашивали люди: кто это и откуда, и какая причина привела их сюда. Но как ни расспрашивали они, никто не мог дознаться о цели приезда греков, пока не достигли те ворот царского дворца. Царь же Оетес, как подсказало ему прирожденное его благородство, встал с престола царского, как только доложили ему о приходе греков, и вышел им навстречу в окружении своих приближенных, встретил с приветливой улыбкой и радушно обнял прибывших, изъявляя тем свою радость, и с первых же слов приветливой речи обещает им свою искреннюю дружбу. Тогда греки, поднявшись по мраморным ступеням,

подписми разными украшенными со златоналожениемъ, чуднымъ блистанием свѣтяще. Егда же имъ повелѣ сѣсти, Язонъ многимъ дерзновением исполнися, кроткимъ дерзновением и извѣщениемъ словесъ пришествия своего вину Оету царю сказуетъ и златаго руна уставленный труд по уставу законному умилнѣ искусити желаетъ. Оетесъ же царь, благодатнѣ желанию повинуяся, совершити хотѣния Язоновы не отрекается.

О МЕДЕИ, КАКО ЛЮБОВИЮ АЗОНОВОЮ ПЛѢНИСЬ

Уготовлену же во мнозѣ вещей гобзования брашну, настилаются столы, и поставленнымъ чарамъ златым и сребряным многимъ, и належащу времени ясти, царь, хотя *всю* благородия своего милость греком показати, по нѣкую дщерь свою посла посылает, да приидет весела праздновати бракъ с новыми гостьми, ихъже онъ царь со многою радостию восприят. Бѣ бо Оету царю дщи, Медея именем, дѣвица зѣло красна, отцу единородна и едина будущая наслѣдница в царствѣ. Яже и в лѣта браку прииде и бысть уже чертогу достойна, но отроческих лѣтъ себе всее *воздастъ* хитростей свободныхъ прилѣжнѣ учению, сице всѣм сердечнымъ прилежаниемъ хитрости научит, да яко никто ея учение можаше в тѣ времена обрѣстись. Но ея бисеръ вѣдения, от негоже паче цвѣтяше, бѣ хитрость астрономская, яже силами и чинми заклинаний чародѣйными *свѣт* обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводяше и дожди, и блистания и гради, и страшная земля трясения, рѣчная же течения, кривыми мѣсты текущие, в верхъ излиятись и наводнятись понуждаше. Зимнею бранею паки от древес *ветвие* отнимаше, в непогодие бурное цвести; младых творя старых, а старых къ юношеской славѣ приводя. Сию вѣрова древне елинство свѣтила болшая, сирѣчь солнце и луну, многажды понудив противу естественнаго чина гибнути. Зане по астрологийской истиннѣ, о нейже и та учиннѣйшая быти пишется, солнце, текущи под гибелнымъ течением, всегда гибнути не имат, токмо егда будет в соединении луны, бывая в хоботѣ или во главѣ — яже суть нѣкая раздѣления нѣкоего круга небеснаго — и нѣ в коемъ иномъ от планит. Зане тогда противу полагаяся луна промеж зрака нашего и солнца, плоть солничную намъ видѣти видѣниемъ обычным не оставляетъ, якоже о семъ сказуетъ великаго разсуждения египтянинъ Птоломей.* Но она по своимъ силамъ волшебнымъ сие прилучишись сотворив сказуется и егда солнце бѣ с луною в соединении — еже мы обще глаголемъ: «егда луна обращается»,* — но егда бѣ в его противустоянии отстоят от него седьмью задей, и тогда егда луну обще полну нарицаемъ. Но онъ баснословъ сулмоненский Овидий сице о Медеи, и Оета царя дщери, лживо написуя, предастъ быти вѣримо, се же да не буди православнымъ! Зане вышний и вѣчный творецъ Богъ, иже мудростию своею, рѣче Сыном, вся созда, небесная плоти планитъ под закономъ устрои,

входят в дворцовые палаты, украшенные разнообразными росписями с позолотой и сияющие дивным блеском. Когда же царь пригласил их сесть, Язон с полной откровенностью и с достоинством поведал царю Оетесу о цели своего прибытия и о том, что хочет он свершить подвиг, без которого, как известно, невозможно овладеть золотым руном. Оетес же, благосклонно уступая его желанию, не отказывается исполнить просьбу Язона.

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Когда же были приготовлены разнообразные яства, застланы столы, расставлены многочисленные золотые и серебряные чары и пришло время для пира, царь, желая показать грекам все радушие свое и гостеприимство, послал за своей дочерью, веля ей прийти и в веселье пировать с новоприбывшими гостями, которых царь в радости принимает. Была же у Оетеса дочь, по имени Медея, очень красивая девушка, единственная дочь у отца и в будущем единственная наследница царства. Она уже достигла возраста невесты и созрела для брачного чертога, но с юных лет она с усердием отдалась обучению свободным искусствам и благодаря душевной склонности к ним настолько освоила все науки, что не было в те времена никого, кто бы мог превзойти ее в познаниях. Но жемчужиной в знаниях ее, принесшей ей славу, было искусство астрологии, как силами и чарами волшебных заклинаний день обращать в ночь, и внезапно вызывать ветер, и дождь, и молнию, и град, и страшное землетрясение, извилистые реки заставлять течь вверх и разливаться. Зимней стужей она ⟨ломала ветви⟩ деревьев, а в бурную непогоду заставляла их цвести; молодых превращала в старцев, а старикам даровала блеск юности. Верили в древности язычники, что она не раз заставляла — вопреки природе их — гаснуть великие светила, то есть солнце и луну. На самом же деле, согласно науке астрономической, в которой заключена наивысшая премудрость, солнце, двигаясь по эклиптике, никогда не исчезает, кроме тех случаев, когда встречается с луной, бывая в хвосте ее или в голове (а это суть разные деления круга небесного), и больше ни с какой иной из планет. Если же луна оказывается между глазом нашим и солнцем, то не можем мы видеть, как обычно, тело солнечное; вещает же об этом великий разумом египтянин Птолемей. Но Медея, случалось, своими чарами волшебными творила это и тогда, когда солнце сходится с луной (как говорят обычно «в новолунье») и когда солнце и луна находятся в противостоянии, на расстоянии семи созвездий (обычно мы называем это полнолунием). Но такие небылицы о Медее, дочери царя Оетеса, сочинил баснословец сульмоненский Овидий и выдал все это за правду (но да не будет такого у православных!). Ибо верховный и вечный творец Бог, который в мудрости своей, каковая в Сыне его, создал все, узаконил и расположение

и та поставляя вѣчную заповѣдь имъ наложи, еже не приидет. Но еже солничная гибель противу естества уставленнаго никогда чтется, токмо егда во плоти Сынъ Божий и себе умилнѣ за ны предастъ страданию, иже егда на крестѣ предастъ духъ, гибну солнце, лунѣ не сущи тогда в *соединении* его. Тогда запона церковная раздрася быша, землѣ трясение грозно, и многая тогда святых тѣлеса от гробовъ восташа. Сего ради егда во дни тѣ Дионисий Ареопагитский,* вышший философъ въ естествѣх, живяше во Афинѣхъ и бѣ во училищѣх прилѣженъ, аще бѣ и опороченъ еллинскимъ заблуждениемъ, но видя во страдании Христовѣ солнце гибнути, ужасенъ, сице рече: «Или Богъ естества страждетъ, или тварь мира разрушится».* Сей убо истинный и предвѣчный Бог, емуже мощно естественная кояждо разрушити и понудити в законѣ естества погрѣшити, иже единою единаго себѣ вѣрнаго молитвою течение солнца противу естественнаго устава его в Гаваонѣ вонзитись и стати повелѣ.* Сие же о Медеи по баснословию того ради полагается, зане сице о ней баснословнѣ бывше настоящая история не оставляет, и тое бывшу во астрологии и в чародѣйствѣ искуснѣйшу не отрекается.

Медея же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ *украшением*, сиречь уряжением. Сего ради урядився доброобразными красотами и царскимъ явлением украшена, к *возлежащим* трапезѣ прииде. Ей же сѣсти близ Азона скоро повелѣваетъ отецъ.

Но о бѣдное и безумное благородие! Что сановством являешися в низвержение своея чести и твоея лѣпоты про честь низпадение? Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтними круги вѣсть приняти крѣпости? Ея же мысль всегда состоится во движании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается. Вѣмы бо жены мысль всегда *мужа хотети, якоже хощет существо всегда* обрасца. О дабы существо, прешед единою во образецъ, могло рещися своимъ доволно образованиемъ! Но якоже во образецъ от обрасца исходити существо вѣмы, тако женское хотѣние слабое исходити от мужа к мужу, но паки быти вѣруется без конца, зане есть нѣкая глубина безо дна, токмо нѣкако срамота нѣкоимъ воздержаниемъ хвалимым заключит за благочинство. Коимъ убо, *о царь* Оетесъ, ведомъ дерзновением напраснѣ страну отроковицы чуждаго мужа страннѣ совокупил? Аще бы немощъ, сиречь женская, мыслю испытателною *возвѣсилъ* еси, наследницу едину царства твоего безчестным плаванием в чуждая царства отвезенну в толице невзгодии, не плакался бы еси, да дщери вкупѣ единою и сокровища твоего неизглаголаннаго множества лишился еси. Что ли ползова Аррисово стрежение противу льсти женские? Воистинну еже бѣ будуще речеши нѣчто устрещися никакоже моглъ еси, повелѣл еси дщери твоей со Азономъ сообщити бракъ и Азона

небесных тел и положил заповедь на века, чтобы не изменяли они своих мест. И никогда не слыхано было о затмении солнца вопреки установленной природе его, кроме того случая, когда воплощенный Сын Божий покорно предал себя за нас на муки и на кресте испустил дух — тогда померкло солнце, хотя и не было луны возле него. Тогда пелена церковная разорвалась, грозно зашаталась земля, и множество святых встало тогда из могил. И поэтому во времена те Дионисий Ареопагит, величайший из философов, живший тогда в Афинах и усердно учившийся, хотя и был он совращен эллинскими заблуждениями, но увидев, как из-за страданий Христа померкло солнце, ужаснулся и воскликнул: «Или Бог всего сущего страдает, или все сотворенное в мире рушится». Этот истинный и вечный Бог, который лишь один может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы, только однажды по молитве одного из веровавших в него задержал движение солнца вопреки его естественной природе и повелел ему, словно пригвожденному, остановиться в Гаваоне. А все эти баснословные россказни о Медее излагаются лишь потому, что от подобного баснословия данное повествование не отрекается и не отказывается утверждать, что она была искуснейшей в астрологии и чародействе.

Медея же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться. Поэтому в красивых одеждах и украшениях, достойных царевны, сошла она к возлежащим на пиру. И отец тотчас же повелел ей сесть рядом с Язоном.

О жалкое и безрассудное благородство! Зачем же учтивость привела к поруганию твоей чести и ниспровержению величия твоего достоинства? Разве мудрый станет вверять себя стойкости девушки или женщины, которые ни в один год не являли собой пример постоянства? Мысли их всегда пребывают в суете, и особенно присуще непостоянство приходящим в брачный возраст — раньше, чем мужу станет женой, такая уже познает мужчину. Известно, что мысль женская всегда устремлена на вожделение к мужчине, подобно тому как вещество всегда стремится принять форму. О, если бы вещество, единожды приняв форму, могло бы удовлетвориться формой своей! Но как веществу свойственно из одной формы переходить в другую, так и женщин их беспутное вожделение влечет менять мужчину на мужчину, и всякий раз она обещается хранить верность, и так будет всегда, ибо это подобно бездонной пучине, и только стыд достойным похвал воздержанием укрепляет женщин в благопристойности. Каким же, о царь Оетес, был движим ты безрассудством, если необдуманно сблизил слабую отроковицу с чужим мужчиной? Если бы, взвесив все, ты бы вспомнил о слабости женской, над тем, что единственная наследница царства твоего будет в бесчестии и в горести увезена в чужое царство, не плакал бы, лишившись и дочери единственной, и бессчетного множества сокровищ своих. Смогла ли помочь тебе стража бога Ареса против женского обмана? Воистину,

учинилъ еси причастна дщери твоей и во праздновании брашна. Поне что ти за то воистинну случися, прилагаетъ история, прилучае во свойственных и *несвойственных* не оставляет.

И пребывающих Медеи промежъ царя, отца, и Азона, аще и многою бѣ срамотою постыжденна, но уняти не возможе зрака своихъ очей, токмо, егда можашеся, видѣнии ихъ на Азона сладкими взирании обращаше, сице лице его и обличие, и власы, тѣло и уды тѣлесные зрителными смыслы разсматряя, да яко абие в похотѣнии его разгорѣся и теплыя любве в мысли себѣ зача разжизание. Нѣсть бо ей попечения питатися брашна сладостию, ниже вкушати пития медоточнаго. Есть бо ей тогда брашно и питие Азонов сладкий зракъ, егоже всего носит в сердцѣ заключенна, и егоже любовию блудною наполнись стомах насыщенъ. Егда же взирашесь от иных, иже глядаху на неѣ брашенънаго вкушения тако преставшу, непщеваху еѣ не любве ради сие в ней быти, но нѣчто токмо срамоты ради. Медея же толикия теплоты разъярись похотию, зачатый порокъ велми нудится покрыти, да не токмо о сих, от нихже зряшеся увѣдати нѣчто возможетъ, но паки от себе самое искуснаго безвинства обличение износит, имиже тое же срамно быти может в дѣвицѣ в безвинную обращает лѣпоту. По семь же *тонкимь* гласомъ во устѣх своих износит сия словеса: «Ох, дабы сей варваръ, толь красенъ, толь честенъ, мнѣ мужни союзомъ приединился», — дабы ему от себѣ дала разумѣти безвинным желанием того хотѣти, еже вины и грѣха не лишашесь. Всѣх женъ всегда есть обычай, да егда безчестным желанием мужа нѣкоего хотятъ, под покровениемъ нѣкоея чести своея оправдания умышляютъ.

Браку же скончавшуся, Медея свобождениемъ отца своего в каморы своя входитъ, а Азонъ и Еркулесъ в коюея полаты камору приемлются повелѣниемъ царевым. Медея же, во своей тайной ложнице пребывая, от зачатаго любве пламени утружденна, тѣснотою многою мучашеся и многимъ утрудися воздыханиемъ, велми попеченнѣ помышлает в себѣ, како своего разжизания пламени *может* противитися удовлѣниемъ своего насыщения. Но дѣвственныя срамоты малодушством побѣжденна, уклонися от дерзновения, зане брася в ней любовь и срамота. Настоитъ любы, да дерзнетъ, но ради безчестия студъ претитъ. Сице сугубымъ мучашеся сражениемъ своего студа *невзгоды* чрез всю недѣлю в молчании плака, аки и в себѣ глаголаше: «Охъ, яко под такимъ небеснымъ созвѣздиемъ родихся, да сего мнѣ нынѣ приятные Азоновы красоты, наипаче мужния чести лѣпотою не насыщаюся в супружествѣ». На сие себѣ чин послѣдователный быти глубокимъ ума умышляя попечениемъ.

Бысть же, да яже по счастию, яже скоряше концу, случися за хотѣние Медеино, яже в нѣкий день, егда царь Оетес в тайных своихъ со Азономъ и Еркуломъ о многих многая глаголаше в полатѣ, по Медею, дщерь свою, посла,

если, как ты говоришь, ведаешь будущее, никак бы не допустил, чтобы дочь твоя встретилась на пиру с Язоном, и не разрешил бы Язону вместе с ней за столом вкушать яства. А о том, что с тобой в действительности случилось по этой причине, поведает история, следуя подобающему и неподобающее не опуская.

Медея, сидя между царем, отцом своим, и Язоном, хотя и очень смущалась, не могла сдержаться и не смотреть, и всякий раз, когда было можно, бросала на Язона нежные взгляды, жадно разглядывая лицо его, и весь облик, и волосы, и фигуру, и вскоре вспыхнуло в ней вожделение, и в сердце ее начала разгораться жаркая страсть. И не думала она о том, чтобы вкушать сладкие яства или пить напитки медовые. Был для нее тогда яством и питьем прекрасный облик Язона, который она целиком заключила в свое сердце, и насытилась она наполнившей ее чувственной страстью. Когда же смотрели на нее другие, то, видя, что она перестала вкушать яства, полагали, что это не от любовного чувства, а от стыдливости. Медея же, распалившись таким горячим желанием, очень хотела бы скрыть возникшее в ней греховное вожделение, и не только от тех, кто, глядя на нее, мог бы о чем-то догадаться, но еще более от себя самой, и ищет она возможное оправдание, чтобы постыдное для девицы обратить в благопристойное. Затем нежным голосом из уст своих изрекает такие слова: «О, если бы этот чужеземец, столь прекрасный, столь высокородный, стал бы моим мужем», — чтобы тем самым дать Язону знать о своем целомудренном желании, лишенном порочности и греха. У всех женщин это в обычае: всегда, когда испытывают постыдное влечение к какому-либо мужчине, исполняют свои желания под покровом благопристойности.

Когда же окончился пир, Медея с разрешения отца своего ушла в свои чертоги, а Язону и Геркулесу по велению царскому были отведены другие покои. Медея же, оставшись в своей уединенной спальне, страдала от вспыхнувшего в ней любовного огня, терзалась в непрестанной тревоге, томилась, часто вздыхая, и напряженно раздумывала над тем, как сможет погасить разгоревшееся в ней пламя, удовлетворив свою страсть. Но победило в ней малодушие девичьей скромности, отступилась она от дерзких желаний, ибо боролись в ней любовь и стыд. Побуждает ее любовь к решительности, а скромность запрещает, страшась бесчестия. Так вдвойне страдала она, борясь с препятствиями, порожденными ее стыдливостью, всю неделю тихо проплакала и в душе своей восклицала: «Ох, почему я под таким небесным созвездием родилась, что не могу насладиться в браке милой красотой Язоновой и всего более красотой его мужской доблести». И постоянно раздумывала она о том, как же ей поступить в дальнейшем.

Но на счастье, торопя развязку, в один из дней осуществилось желание Медеи, ибо царь Оетес, беседуя как-то в сокровенных своих покоях с Язоном и Геркулесом, о многом многое говоря, послал за Медеей, дочерью своей, чтобы

да приидетъ к нему. Ей же во уготовлении царскомъ пришедши, близ отца своего, повелѣвшу ему, сѣде, еже отецъ ея веселым словомъ прощение дастъ, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ дѣвическимъ словеса потѣшнаа глаголетъ. Яже срамляяся нѣкако, от отца своего востав, подле Азона себе избра сѣсти. Азонъ же, видѣвъ Медею при немъ сѣдшу, возвеселись и, малу оставлену промежку, отдвинуся мало от Еркула, паче к Медеи приближися. Царь же Оетесъ и предстоящие многие прочее многою бесѣдование ея свѣтлостию день провождаютъ, и Еркулесъ со предстоящими пред нимъ многими рѣчьми о многих глаголаше. И тако промеж Азона и Медеи не бѣ никоего посредства, имъже может, аще вкупѣ глаголати нѣчто восхотят, мѣшати.

Медея же аки и восприятие единства глаголати со Азоном угоднымъ приключениемъ прият, видя прочих промеж себе иные рѣчи разные глаголати, боязненнаго студа бремя чинно отложив, в первомъ словесном исхождении сице глаголаше Азону: «Друже Азоне! Да непъщуетъ твое благородствие безчинно, ниже *худости* женские слабости, да не пишет нѣчто, аще с тобою, яко *незнаема*, глаголати дерзну. И мнѣ неблагочиннымъ помысломъ тебе к знатию предпозвати. Достойно убо есть да чужу благородну и благодарну спасения совѣт да подастъся от благородныя, поне позывати благородный благороднаго нѣкоимъ совокупным вѣжеством долъженъ. Вѣмъ *тя* благородна и вѣдома смѣлством юношеским в царство сие имѣти златое руно просил еси. Про тое прошение *вѣм* тя пагубѣ явной вдатися и неложные смерти бедѣ поврещи живот свой. Сего ради твоему благородию и юношеской теплотѣ спостражду и тебѣ желаю спасенный совѣт и помощь угодну споcлужити, еюже невреженъ от толиких бѣдъ измешися и в желаемые твоего отечества домы здрав возможеши в блазѣ цѣлости доити. И на сие меня тебѣ будущу познаеши, аще приятнымъ сердцем моя воспоминания обымеши и мощнымъ соблюдением восхощеши *изслѣдити*».

Поклонным лицем и пригнеши мышцы, Азон же к реченным словесемъ сице умилнымъ гласом отвѣща: «О, благороднѣйшаа жено и госпоже! Тебѣ говѣйнишим сердцемъ моим умилныя благодарения воздаю, яже трудомъ моим сострадати честным *изъявлениемъ* показуешися. Ея же ради вещи благоволению твоему всего мя излагаю, зане множае паче суть дары *благодатныя*, яже не просимы, ниже предшедшими благотворении сподоблени подаются». Ему же рече Медея: «Друже Азоне! Вѣси, колика суть в златорунномъ искании учинена пагубы или нѣчто слух истинный не вѣдомь ти, вина тѣх истинная не прииде въяво? Воистинну его же возможение или воздержание едва или никако смертному человѣку мощно, зане божие есть стрежение его и нѣсть в чловѣкѣ паче мощъ, якоже можетъ сила его необоримая въ величествѣ богов. Хто бо невредимъ избудетъ от волов, пламени отрыгающих огненные, кого счасливые прилучаи противу их напасти жаломъ дерзновения наведетъ, зане противу тѣх

та явилась к нему. Когда же пришла она, в облачении, достойном царевны, и по царскому повелению села возле отца своего, приветливо разрешил он ей развлечь Язона и Геркулеса беседой, подобающей для девушки. Она же, смущаясь немало, встала с места возле отца своего и решилась сесть рядом с Язоном. Язон, увидев, что Медея села подле него, обрадовался, и так как было еще расстояние между ними, то несколько отодвинулся от Геркулеса и подсел поближе к Медее. Царь же Оетес и приближенные его тем временем вели долгую оживленную беседу, и Геркулес со спутниками своими многое поведал о многом. И так между Язоном и Медеей не было никого, кто бы мешал им говорить друг с другом, о чем захотят.

Медея же, получив удобную возможность говорить с Язоном наедине и видя, что все остальные ведут между собой свою беседу, с достоинством сложила с себя бремя робкой стыдливости и в первых словах своих так сказала Язону: «Друг мой, Язон! Пусть не покажется твоему благородству нескромным и тем более пусть не будет приписано пороку женской слабости, что я, будучи с тобой незнакома, сама начну беседу. И этим путем, для меня не скромным, сообщу тебе о важном. Подобает, чтобы высокородному чужестранцу, находящемуся в затруднительном положении, был дан спасительный совет столь же высокородной, ибо должны высокородные относиться друг к другу со взаимной предупредительностью. Знаю, что из высокого рода ты и что, побуждаемый юношеской отвагой, хочешь в царстве нашем добыть золотое руно. И предвижу я, что из-за этого желания твоего грозит тебе неминуемая гибель и обрекаешь ты себя на неизбежную смерть. Поэтому я, сострадая доблести твоей и юношеской горячности, хочу дать тебе спасительный совет и оказать необходимую помощь, чтобы смог ты избежать бесчисленных опасностей, благополучно и невредимым смог бы вернуться в желанный дом свой в твоем отечестве. И поэтому ты сможешь узнать, что ждет тебя, если с открытой душой примешь мои советы и захочешь им точно следовать».

Склонившись к ней, Язон на слова ее так ответил ласковым голосом: «О благороднейшая из женщин и госпожа моя! Воздаю тебе от преданного сердца моего нижайшую благодарность за то, что благородно выражаешь желание помочь в моих делах. Поэтому тебе, ко мне благоволящей, я всего себя отдаю, ибо особенно ценны дары, которые приносятся не по просьбе и не в ответ на предшествовавшие им благодеяния». Ему же отвечала Медея: «Друг мой, Язон! Знаешь ли, сколько опасностей таит добывание золотого руна, или же правдивые сведения о том тебе неведомы и истинная причина тех опасностей не предстала перед тобой въяве? Ибо в действительности никак не может смертный человек рассчитывать на возможность победы, ибо стражи руна поставлены богами и нет в человеке такой силы, которая сравнялась бы с необоримой силой и могуществом богов. Кто сможет невредимым устоять перед волами, извергающими пламя, кого счастливая случайность спасет от их

наскакая скоро обратится в *прах*, изгоримъ дымною погибает искрою? Яко аще толь легкою душею поискусити юношески дерзнулъ еси, велиимъ безумиемъ низводишися, зане цѣна толикия вещи смерть едина состоится. Престани убо, Азоне, аще хощеши чинити мудрѣ, от такова несчастия, не приступай к смертному предѣлу, иже живота твоего свѣт конечнѣ отиметъ».

Азонъ же, яко не терпя, к Медеинымъ словесемъ подвижеся, да не множайшая симъ подобная словеса излиет, еѣ рѣчь пресѣче и словеса еѣ расторгнувъ, сице рече: «О благороднѣйшая госпоже, *егда* страхомъ словесъ твоих ужасиши мя, вѣруеши, да жестокими прещении ужасся, престану от начатаго? Еда аще будетъ имѣти мощно нѣкую славу болшую во всей жизни моей, *воздержуся*. Аще ли ни, воистинну жив живою укоризною растаю во языцех и всякия лишенъ честныя хвалы вѣчною нечестию уничижуся. Есть же умышления моего извѣстно смерти мя предати, аще смерти есть цѣна толикия вещи. Зане разумнаго мужа сущее быти имать, егда нѣкоего начатаго умышления изъявит въ дѣйство, предположити убивство живота, прежде даже от начатаго безчестиѣ пристанет».

Ему же рече Медея: «Есть убо, Азоне, умышления твоего тои извѣстие, да смерть желаеши предложити животу твоему в толь явномъ погублении ближние пагубы. Поистиннѣ благочестию твоему болѣзную, и на тебе, дерзнувша зѣло неразсуднѣ, подвижуся утробою милости. Сего ради умышляю, сболѣзнуя тебѣ, благаго твоего спасения и исцѣления предложити, чести отца моего и моей срамоте не щадѣти, ниже спасению. Но сего благотворения послѣди от мене милость наслѣдиши, аще воспоминаниям моимъ повинитися обещаешися и совершити реченная не измениши». И к сему Азонъ рече: «Благороднѣйшая госпоже! Все, елико повелиши творити, не ложная исполнити тебе обѣщаваю и боги засвидѣтельствую».

Ему же Медея рече, пиша перстомъ на шиде червленымъ вином сице:* «Аще мя себѣ присвоиши въ жену и аще мя от сего отча царства, Азоне, отвезеши в твое отчесътво, аще мя вѣренъ не оставиши доколѣ живу, воистинну сотворю и учиню, да яко златаго руна достанеши, конечнѣ обѣт твой исполниши, вся претителная бѣды уничижив. Есмь бо в смертныхъ едина, яже могу силы Аррисовы повредити и его власти уставленным противною хитростию власти совѣтъ *встрѣчати*». Къ ней же Азон рече: «О коль велия и недомыслима воистинну суть то, яже ми, честная дѣвице, обѣщеваеши дати тебѣ мнѣ, сирѣчь, яже промеж прочиих красных *избранные* красоты наилутшая блистаяши, аки рожа красная, яже во время весны цвѣтовъ прочиих, ихъже на полех безстудно естество прозябаетъ, своими шипки нарочитыми превосходит! И мене обещеваеши избавити кромѣ того от толиких лихих злоб, ища златаго руна! Но вѣмъ *себя* праведна быти не мощно цѣну получити толикия вещи. И иже дары толь драги благи приносящу счастие отринетъ, подобнѣ нарещися

нападения в порыве ярости, ибо выходящий против них тотчас же обратится в пепел и, сожжен, дымом станет и искрами? Если же с такой легкой душой дерзаешь по-юношески рисковать, то, значит, овладело тобою великое безрассудство, ибо только жизнью можешь заплатить за свою попытку. Постарайся, Язон, если хочешь поступить мудро, избежать этих бед, не приближайся к роковой черте, за которой померкнет свет жизни твоей».

Язон же нетерпеливо, чтобы не продолжала она подобных речей, прервал ее слова, сказав так: «О благороднейшая госпожа, неужели ты, пугая меня своими устрашающими словами, надеешься, что, убоявшись сурового запрета, я отступлюсь от начатого дела? Если будет иная возможность за всю мою жизнь достичь большей славы, то воздержусь. Если же нет, то поистине, оставшись в живых, живым примером для укоризны стану я для людей и, лишившись всякой чести и славы, покрою себя позором. Видно уж, заключена в намерении моем неизбежная гибель, если только ценой жизни можно свершить этот подвиг. Однако мудрому мужу следует, объявив о задуманном деянии своем, предвидеть расставание с жизнью, но не отказываться с позором от начатого».

Ему же сказала Медея: «О Язон, верю я сказанному тобой о своем замысле, что предпочитаешь ты смерть в явном равнодушии к возможности близкой гибели. Поистине сочувствую благородным помыслам твоим и всей душой тянусь к тебе, дерзающему столь безрассудно. И поэтому, сочувствуя тебе, решаюсь я, ради спасения твоего и здоровья, пожертвовать честью отца своего и своим стыдом пренебречь и благом. Но получишь ты от меня благодатную помощь не ранее, чем пообещаешь последовать моим советам и не откажешься совершить обещанное». На это Язон ей ответил: «Благороднейшая госпожа! Все, что повелишь ты сделать, честно обещаю тебе исполнить и клянусь в этом перед богами».

Медея же написала ему на скатерти, обмакнув палец в красное вино, так: «Если сделаешь меня своей женой, и если меня увезешь, Язон, из отцовского царства в свое отечество, и если останешься мне верен, пока я живу, поистине сделаю и устрою так, что добудешь золотое руно и в конце концов обещание свое исполнишь, преодолев все грозные препоны. Ибо я единственная из смертных, кто может одолеть могущество Ареса и всему, устроенному его силой, противопоставить силу благодаря своему искусству». Отвечал ей Язон: «О, насколько, поистине, велико и не поддается разуму то, что ты мне обещаешь даровать, благородная девица, ибо среди других красавиц блистаешь ты изысканнейшей красотой, подобно розе пунцовой, которая весной своими прекрасными цветами затмевает все прочие цветы, растущие свободно в полях! И обещаешь меня спасти при этом от стольких опасностей в добывании золотого руна! Но думаю, что я полностью сознаю бесценность этой вещи. И тот, кто откажется от столь ценных и благих даров, несущих счастье, уподобиться

может болшим безумия буйством отнюд колебатися. Сего ради, честнѣйшая в женах, и мене в мужа тебе смиреннаго, благоговѣина жениха предаю и творити вся, елика твое разсудит избрание чистое, и чистою вѣрою обѣщеваю».

Медея же таковаго приношения возрадовася словесемъ, сице к приносящему словеса отвѣща паки: «Друже Азоне! От твоих обѣщаниих извѣстну сотворитися и отнюдъ опасну, несуетным сердцемъ желаю и в сих умъ мой твердѣйшаго *опаства* сотвори крѣпчайший, прошу убо, тобою вся елика реклъ еси, клятвою укрѣпити. Но зане нынѣ намъ мѣсто непригодно продолжити сие, непщюю, егда покрыется земля нощнымь помрачением, яже сотворити тайная подастъ желающимъ пригодну и от вѣдания чловѣческаго многих оправдаетъ, и тайну бо намъ себе пригодно подающи, моимъ тайнымъ посланником взысканъ к моей каморе без страха приступити, в ней же опасну мя сотвориши о предреченных клятвою боговъ. Зане и мене извѣстну такожде потомь имѣти возможеши, яко твою, и ту о происхождении действъ твоихъ и тѣхъ свершений конечном мною полнѣе накажешися».

Ей же Азон скоро сего пригодия краткословием сице заключи: «Честнѣйшая госпоже, якоже глаголеши, буди тебѣ и мнѣ». Оба же уклонишася от множества словес. Медея, у Азона приемъ отпущение, царю-отцу тако же поклонився и Еркулу, во множествѣ своемъ восвояси прииде.

О МЕДЕИ, НАКАЗУЮЩЕЙ АЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ И О ВРАЧЕВАНИИ ИХ И НА БРАНЬ ТВОРИМУЮ С ВОЛЫ И СО ЗМИЕМЪ ДѢЛАЕМЫХЪ

Уже половину дни солнце прииде и коней своих бразды направи к частем уже обращашеся западнымъ, егда Медея, едина пребывая в полатѣ, что глаголаше Азону и коя отвѣты от него многия в себѣ помышлениемъ обрати. И егда рѣчи промеж ими прилѣжно разсуждаетъ, разширенну веселию, но смѣшенному желанию превозмогающу, радости ея омрачается, зане завидный часъ нощный для многаго хотѣния горитъ. Сего ради, яко теплоты не терпя, егда желанием колебашеся похотнымъ, внутренними взирании скончавает течение солнце. Толиким хотѣниемъ мучашеся о солнычном захождении, яко той останок дни, еже бѣ средина промеж свѣта и тмы, ея продолжашеся имѣвше аки два дни. Но пришедшу вечеру, и бысть запад, извѣстныи наведе тмы, егда промеж зрака человѣческаго и солничаго вниде сѣнь земная. Воставшу убо тоя нощи смерканию, многим разнствомъ колеблется мысль в Медеи, кояждо степени солнца, донелѣ заиде, и попечением тягчайшимъ примечаше, и желает нападения нощнаго и потом восхода луннаго, зане нощи тоя при часѣ перваго сна восхождаше от восхода. И сице тоя нощи от пребывающих в полатѣ скончанну бдѣнию, всѣ покоя спати восхотятъ, имъже ея хотѣния желаемая свобода совершися.

может безумцу, мечущемуся в буйном приступе. А поэтому, досточтимейшая из женщин, я себя отдаю тебе как мужа и смиренного, благоговейного жениха и искренне обещаю поступать так, как укажет мне твое высокое решение».

Медея же обрадовалась обращенным к ней словам и произнесшему речь эту ответила так: «Друг мой, Язон! Я бестрепетным сердцем желаю стать уверенной и совершенно спокойной после того, что ты обещал, и укрепи в этом ум мой, избавив его от страха, ибо прошу тебя все сказанное мне подтвердить клятвой. Но так как здесь неподходящее место для продолжения нашей беседы, подожду, пока земля не покроется мраком, который даст возможность желающим творить тайное и многих защитит от людского любопытства, и тогда будем спокойны за сохранение нашей тайны, и будешь ты позван моим тайным посланцем без страха прийти в мои покои, и там успокоишь меня, поклявшись обо всем, сказанном ранее, перед богами. И потом от меня, ставшей твоей, сможешь все узнать о том, как поступать тебе и чем все должно завершиться».

Ее же слова Язон тотчас же с уместной краткостью заключил: «Досточтимая госпожа, как сказала ты, так и будет с тобой и со мной». И оба прервали свою долгую беседу. Медея же, попрощавшись в Язоном и поклонившись царю, отцу своему, и Геркулесу, ушла к себе с многочисленными приближенными своими.

О ТОМ, КАК МЕДЕЯ НАСТАВЛЯЛА ЯЗОНА ПЕРЕД БИТВОЙ ЗА ЗОЛОТОЕ РУНО И О ВРАЧЕВАНИИ ПЕРЕД БРАНЬЮ С БЫКАМИ И СО ЗМЕЕМ

Уже прошло солнце половину дневного пути и коней своих направило к западным пределам, когда Медея, одна оставшись в палате, стала перебирать в мыслях все то, что она говорила Язону и что он отвечал ей. И когда припомнила все в подробностях, о чем они беседовали, стало весело ей, но радость ее омрачилась возобладавшим желанием близости, ибо счастливый час ночной сулит исполнение многих желаний. И поэтому не в силах сдержать душевный жар в мыслях она торопит движение солнца. И так ждала она, чтобы скорее зашло солнце, что остаток дня — часы между днем и ночью — тянулись для нее словно бы два дня. Но наступил вечер, и начался закат, предшествующий, как известно, сумеркам, когда тень земная падает между очами людскими и солнцем. Когда же покрыл все мрак ночной, пришли в смятение мысли Медеи, ибо каждое движение солнца, пока оно не зашло, отмечала она в нетерпеливом томлении и жаждала наступления ночи и потом восхода луны, ибо в ту ночь она всходила в первый час сна. И вот уже в ту ночь стали расходиться пребывавшие в палате, все захотели покоя и сна, а вместе с этим близится и долгожданная свобода для ее желаний.

Но о коль жаждущей душе краткое долго видяшеся, еже ничто доволно тщашеся к похотѣнию! Толиками убо стѣсняется мучащимися тѣснотами тогда Медея, егда ощути отцевых слугъ в полатѣ долгим бдѣниемъ нощъ *проводити* и спати никакоже хотящих; многим жданием, яко не терпя, нынѣ сѣмо и овамо ходит по каморѣ без покоя, нынѣ к дверемъ *коморнымъ* приходит слушати, аще нѣчто бдящие покушаются спати, ино отворяетъ вокна, смотря, колко проиде ночи течение. Но дотолѣ сицевыми мучашеся тѣснотами, донелѣ пѣтеловъ пѣние, нощнаго проповѣдника, вездѣ быша глас его, по его же воспомяновению бдящие настоящаго покоя спати желают. Возлегшу убо всему царскому дому и в покое нощнѣм на всѣхъ излиянну тиху молчанию, Медея, возвеселися вельми, нѣкую стару жену домашнюю свою и зѣло коварственну ко Азону брежно посылает. Егоже егда увѣда Азонъ, скоро востает отъ ложа и со женою тихими стопами в темнотѣ идяше, к Медеинѣ полатѣ прииде, въ его же внитии предстоящи Медеи, Азонъ любезными словесы поздравления глаголетъ, Медея же подобнѣ ему отвѣща, весел во двери вниде.

Скоро же отиде баба, Азона и Медею единых остави в каморѣ. И утверженным дверемъ полатнымъ от Медеи, у постели чуднаго приготовления в каморѣ Азонъ сѣде, Медеи устраяющи. Отверзе убо сокровище свое, нѣкий образ злат, освящен во имя Зевеса, якоже языком обычай бѣ, Медея изнесе, показа его Азону; многу свѣту от свѣщъ горящих, имиже вся камора блистанием велиимъ просвѣщашеся, сия словеса рече: «Прошу от тебе, Азоне, на сем образѣ вышшаго Зевеса клятву мнѣ вѣрну подати, да егда мя всею твоея воли издамъ непщеванию и исполнити вся обѣщанная тебе, не напрасныя вѣры чистотою тебя мнѣ вѣчным чистым сердцемъ соблюсти, да кленешися силою божия и чловѣческия правды от сего *часа* мене в супругу восприимеши и да во вся дни живота твоего мене оставити нѣ с кимь умышлениемъ не дерзнеши». К сему же Азонъ говѣинымъ лицемъ *себѣ* принося, коснувся образу рукою, соблюсти исполнити предреченная *вся* Медеи кляся.

Но о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Азоне, что ти Медея послѣди сотворити множае возможе, яже своея лѣпоты всю честь отложи, тебѣ свое тѣло и духъ единодушно преда, единыя ради вѣры обѣщанные падеся, не внимая своего благородия, ни своего царскаго достоинства величествъ разсматряя, зане твоея ради любве себе наслѣдия скипетра лиши и старца отца *безчестна* остави, сокровищнаго его собрания ограбивъ, и отчая мѣста оставль, тебѣ ради избра заточение, предполагая страны чуждия рожденныя земли сладости? Ни ли тя от смертныя пагубы спасе, здрава из вѣчныя срамоты изня, их же нѣчто бы здравъ от случая бѣднаго избыл бы еси, златаго руна не обрѣтъ, возвратитись в Тесалию, студа ради дерзнул бы еси? Отступи бо от своихъ и дастъ тебѣ и твоим. Иже убо срамъ отринув, клятвы твоея завѣщание испоругати дерзнулъ еси, да безблагодарнымъ срамомъ оскверненъ, вѣрующую прелстиши дѣвицу, от дому отца отвезши и страха боговъ не брегши, ихъже избралъ еси кленяся

Насколько жаждущей душе краткое долгим кажется, ибо недостаточно быстро приближается желанное! Какой охвачена была тогда Медея мучительной тревогой, когда услышала, что отцовы слуги проводят ночь, бодрствуя в палате, и вовсе не собираются спать; от долгого ожидания и нетерпения взад и вперед ходит она по комнате, не находя себе покоя, то к дверям чертога подходит, прислушиваясь, не собираются ли бодрствующие спать, то окна отворяет и смотрит, сколь много уже протекло ночного времени. И до той поры терзалась в такой тревоге, пока не раздалось повсюду пение петухов, глашатаев ночи, и по их напоминанию все бодрствующие захотели предаться отдыху и сну. Когда же улеглись все в царском дворце и в спокойствии ночном пролились на всех тишина и безмолвие, Медея, обрадовавшись, некую старую служанку свою, очень искусную в подобных делах, посылает с осторожностью к Язону. Узнав об этом, Язон тотчас же вскочил с ложа и вслед за женщиной, крадучись в темноте, пришел к чертогам Медеи и, когда та встретила его, входящего, Язон нежно приветствовал ее, а Медея ответила ему тем же, и весело вошел он в двери.

Служанка тотчас же ушла, оставив Язона и Медею одних в палате. И когда Медея заперла дверь покоя, Язон по ее приглашению сел возле постели чудного великолепия. Медея же открыла сокровищницу свою и, достав некий золотой талисман, освященный во имя Зевса, как это принято у язычников, поднесла его Язону в сиянии света от свечей горящих, от чего вся палата сверкала ярким блеском, и сказала такие слова: «Прошу тебя, Язон, на этом образе верховного бога Зевса поклянись мне с верой, что, когда я всю себя отдам в твою власть и исполню все обещанное тебе, поклянись, непорочной веры чистотою, себя для меня сохранить навеки в чистом сердце и поклянись силами божественной и человеческой правды, что с этого часа возьмешь меня в супруги и до конца дней своих никогда не помыслишь меня оставить». В ответ на эти слова Язон с благоговением на лице прикоснулся к образку рукою и поклялся соблюсти и исполнить все, о чем было сказано.

О коварный обман мужской! Ответь, Язон, что бы могла больше сделать для тебя Медея, если она забыла о чести и достоинстве своем, от всей души тебе тело свое отдала и сердце, поверив лишь твоим обещаниям, пала, забыв о высоком роде своем, невзирая на величие своего царского сана, ибо из-за любви к тебе лишилась она права наследовать скипетр царский и старца отца покинула в бесчестии, ограбив сокровищницы с его богатствами и отчизну оставив, ради тебя решилась предпочесть одиночество на чужбине сладости жизни на родине? Не ею ли ты был спасен от смертельной опасности и, невредимого, избавила тебя от вечного позора, а иначе разве избежал бы ты невредимым опасностей и, золотого руна не добыв, разве решился бы с позором вернуться в Фессалию? Изменила она своим и все отдала тебе и твоим. Ты же, стыд забыв, дерзнул надругаться над словами клятвы своей, ибо, осквернен позором неблагодарности, прельстил доверившуюся тебе девушку, увезя ее из

презрѣти, и ей вѣру изменити не усрамился еси, от неяже толика блага величие тебѣ восприявшу. Воистинну тебѣ, безсрамному, посреди прелстивши Медею, повѣдает историа. Но сие прииде от твоея прелести безлѣпие, да яко тое же истории чинъ не оставляетъ, яже виною твоего клятвопреступления и ненавидѣниемъ вѣры разрушимые твоее, богов нанесшимъ, живот свой безстуднымъ прилучаемъ глаголешися скончавъ, о немъже здѣ нынѣ многая сказати оставляется сего ради, яже настоящие бесѣды существо не соединят.

Но ты, Медея, яже толикихъ хитростей сказуешися просвѣщением украшенна, рцы, что ти ползова знатие закона звѣзднаго, имъже глаголется будущая мощно преднаписати? Аще предвидѣние будущих бывает в них, почто себѣ толь суетнѣ, толь нечестивѣ предвидѣла еси? Нѣчто, induce речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовию будущаго твоего мужа, злых належащих в законех звѣздных нерадѣниемъ оставлъших? Но извѣстно есть: астрономские суждения безвѣстны суть, о немже явный образецъ мощнѣ и явнѣ на тебѣ показуется, яже тебѣ предвидѣти тѣмъ никако могла еси. Сия бо суть безвѣстная яже легкихъ вѣрити истина, поистиннѣ прелщаютъ ложнымъ блуждением, в нихъже никое постизаетъся будущих действо, токмо нѣчто по случаю приидет, зане единаго Бога есть, въ егоже руцѣ суть положена въдати времена и временем лѣта.

Что паче? Восприявъ Медея от Азона клятву, оба входятъ в чертогъ, в неизреченной лѣпотѣ их, сложивъ ризы и пребывающимъ обоимъ нагимъ, дѣвственныя заклѣпы Азонъ отверзе у Медеи. И сице всю нощь скончавъ веселою потѣхою услаждения. Но Медея, аще своея похоти доволство *исполнив* мужескимъ обниманием и дѣйства блудные, хотимые от Азона, сего ради не отиде искра похоти в ней, но искусными дѣйствы послѣ *тягчайшая* зача зажигания, неже прежде грѣх содѣянный. Сие есть то вкушение толикою прелщая сладостию бѣдных любителей, иже егда от них болѣ приемлется, паче желается, егоже ненавидѣти не может стомах насыщенный, зане сердечная похоть и желание наслаждения беспрестанно в немъ, егда горит сладкое его утѣснение, питает похотѣние.

Уже бо тоя нощи зори приходящи и звѣздамъ просвѣщающимся утренняя, егда *Медее* сими словесы *глагола* Азон: «Час есть, сладкая госпоже, намъ от ложа востати, да не како нас внезапу объимет свѣт дневный. Но не вѣм, любимѣйшая, аще о моем дѣлѣ усътроила еси нѣчто творити. Или аще тобою посем нѣчто есть строимо, молю любезнѣ, да твоего тайнаго совѣта мнѣ двери отверзеши, да, тобою наученъ, сие совершу. Зане во отвожении тебѣ от сего острова, в немъже еси нынѣ, и во привождении тебе в мое отчество, в немъже могу, всяка скорость мнѣ законснѣние». Ему же Медея сице рече: «Друже, любезнѣе мнѣ себе о твоем дѣлѣ, еже мое сущеѣ дѣло есть. Полный убо восприях совѣт избрания в пещи испеченъ и

отцовского дома, презрев гнев богов, избранных тобой в свидетели твоей клятвы, не постыдился обмануть доверие той, от кого принял столько великих благодеяний. Поистине о тебе, бесстыдно обманувшем Медею, возвестит история. Такой позор принес твой обман, что не остается подобное всуе в течении истории, и за свое клятвопреступление и из-за ненависти богов за нарушение твоей клятвы жизнь свою окончил ты, как говорят, в позоре, о чем здесь не станем подробно рассказывать, так как это не имеет отношения к нашему повествованию.

Но ты, о Медея, про которую говорили, что сияешь ты светом такой премудрости, скажи, помогло ли тебе знание законов звездных, дающих возможность предвидеть будущее? Если можно предвидеть будущее по звездам, то почему же так неверно и ошибочно предсказала ты свою судьбу? Или скажешь, что, объятая страстью к будущему своему мужу, неразумно пренебрегла опасностями, предвещанными тебе звездными законами? Но мы знаем, что астрологические предсказания ничего не значат, и яркий пример тому — твоя судьба, ибо ничего не смогла ты предвидеть. Все они лживы и кажутся истинными лишь легковерным, в действительности же прельщают ложным заблуждением, и с их помощью нельзя предсказать никаких будущих событий, если это не случайные совпадения, ибо единому только Богу, в руках которого — все, дано знать будущее на годы и на века.

Что же далее? Когда Язон поклялся Медее, оба вошли в чертог несказанной красоты, и когда, сняв одежды, остались оба нагими, Язон отворил врата девственности Медеи. И так всю ночь провели они в веселых радостях наслаждений. Но Медея, хотя и удовлетворила свою страсть в объятиях мужчины и чувственных деяниях, которых жаждала от Язона, не смогла угасить в себе искру похоти и искусством своим продолжала возбуждать страсть, превосходящую уже бывшие греховные дела. Это и есть то вкушение, влекущее сладостью своей несчастных любовников, когда чем больше получают они, тем больше возрастают их желания, которых не может не жаждать тело, ибо в нем беспрестанно живет чувственность сердца и желание наслаждений, и сладкое томление, распаляясь, питает вожделение.

Уже стало светать и зажглись утренние звезды, когда Язон обратился к Медее с такими словами: «Настал час, милая госпожа моя, подняться нам с ложа, чтобы не застал нас врасплох дневной свет. Но я еще не знаю, любимейшая, что ты придумала, чтобы помочь мне в деяниях моих. Если же тобою что-либо уже устроено, то с нежностью молю тебя открыть врата в сокровищницы твоих советов, чтобы я по твоим наставлениям смог бы свершить задуманное. Ибо когда представлю я, как увезу тебя с этого острова, где мы теперь находимся, в мое отечество, где я всесилен, то и все быстротекущее кажется мне медлительным». Ему же Медея так отвечала: «Друг мой, мне самой себя дороже дело твое, ибо дело это и — мое. И я уже полностью обдумала

зажженъ во мнѣ. Се убо востанем от чертога, да мнѣ и тебѣ изообильство буди пригоднѣе навыкати *на* сия вся, яже тебѣ видится, *отрядити*». Воставше убо от ложа и ризы во мнозѣ торжествѣ восприявъ, Медея, отверзши своих сокровищь ларцы, многая из них изнят, яже Азону симъ чином предастъ блюсти.

СИЯ СУТЬ, ЯЖЕ МЕДЕЯ ДАДЕ АЗОНУ

Первое предастъ ему образъ нѣкий сребрянъ, егоже быти рече волшебнымъ чином и силою многия хитрости содѣлан, иже противу волшебства сотвореннаго есть зѣло силенъ, разрушая сущая сотворимая и ихъ повреждения отриновением отгоняетъ. О семъ убо Азона сице наказана, да его бреженѣ на себеноситъ, зане противу волшебствъ коиждо превозмогати вѣсть, вредимыя силы волшебныя уничижая. Второе дастъ ему нѣкоея масти благовонныя лечбу, имъже мазатись повелѣ, глаголя в немъ силу быти, да яко противу пламене зѣло преодолѣвает, погасает зажигаемая, и все *еже* имать силу сожещи, приединив дымокурение, разрушает.

По семъ нѣкий перстень дастъ ему, в немъже сицевыя силы камень бѣ вложенъ, да яко всякий *ядъ* расторгает, ихъ шъкоты отрѣвает, и егоже яда неистовство уязвитъ нѣчто, аки от воды уязвеннаго невредимо своею силою спасет. И бѣ в том же камени иная сила — да аще кто сей камень заключенъ носитъ в горсти, да яко тот камень носящаго к тѣлу добръ прилѣпится, невидимъ скоро будетъ, да егда носит в горсти, никому видится. Сей камень мудрыя асхате нарицают, во островѣ Киликийском первое обрѣтенъ. И сего Енея носивша Виргилий пишетъ,* егда первое невидимо доиде х концем Картагненскимъ. По семь дастъ ему написано словы и знаемого паки разума, о немъже Медея Азона велми прилѣжнѣ наказа, да егда к руну златому доидетъ, предкновение преждереченные поправ, не скоро на нь напасти, но помоляся молитвою поне трожды, да прочтет по подобию жертвы, *благоволити* богомь сподобится. Конечнѣ нѣкую тыкву, мокротою чудною исполненну, предастъ ему, о нейже наказа, да егда первое приидетъ к волом, мокроту ту во уста их волиет и окроплением частым намочит. В той бо мокротѣ сию силу быти рече, да егда во уста волом волиется, от того аки нѣкоимъ клеемъ склеятся вмѣсто, да яко их отверзение не токмо тяжко, но не мощно будетъ имъ. И сице по ряду Медея Азона прелѣжнѣ наказа, имиже прохождение или чимъ можетъ к желаемые побѣды славѣ доити. Медея же своему наказанию и учению сице послѣ конецъ наложи и давъ Азону отпущение прежде дневнаго свѣта. Азонъ во свою камору тайными стопами прииде.

свое решение, в горне закалено оно и зажжено во мне. Так выйдем же из чертога, чтобы мне и тебе было бы удобнее разобраться в изобилии всего того, что, как видишь, приготовлено». Когда они встали с ложа и быстро облеклись в одежды, Медея, открыв ларцы со своими сокровищами, достала многие из них и в таком порядке вручила их Язону.

О ТОМ, ЧТО ВРУЧИЛА МЕДЕЯ ЯЗОНУ

Прежде всего вручила ему серебряный талисман, сказав о нем, что изготовлен он, как предписано магией, и с большим мастерством, и обладает могучей силой против волшебных чар: разрушает творимое ими и избавляет от приносимого ими зла. О талисмане этом так наказывала она Язону: пусть он бережно носит его на себе, ибо тот способен противостоять любому волшебству и обезвредить злые волшебные чары. Затем дала ему некую благовонную целебную мазь, которой велела намазать тело, пояснив, что у той мази есть свойство отлично защищать от пламени, гасить горящее и все, что имеет силу зажигать, обращать в безвредный дым.

После этого вручила ему некий перстень, в который был вправлен камень, обладающий свойством разрушать силу любого яда, избавлять от приносимого им вреда, а если кто-либо будет все же отравлен, то силой своей сохранит его невредимым так же, как пользуют целебные настои. И было у того камня другое свойство: если кто-либо носит его, зажав в руке, то, когда будет камень к телу крепко прижат, станет носящий его невидимым и невидим будет, пока носит его в руке. Этот камень мудрецы называют ахат, и был он впервые найден на острове Сицилия. Вергилий же пишет, что этот камень носил при себе Эней, когда впервые невидимым прибыл в Карфагенскую землю. Затем дала Медея Язону написанный текст, имеющий сокровенный смысл, и при этом обстоятельно напутствовала Язона, чтобы он, когда, преодолев все описанные выше препятствия, подойдет к золотому руну, то пусть прежде, чем до него дотронуться, помолится и по крайней мере трижды прочтет этот текст, подобно молитве, чтобы сподобиться благоволения богов. И после всего этого вручила ему тыкву, наполненную чудодейственной жидкостью, о которой сказала, что, как только он подойдет к быкам, пусть вольет ту жидкость им в пасти и обильно ею их окропит. У жидкости этой, сказала, есть такое свойство, что едва вольется она в пасти быков, как они, словно от клея, склеятся, так что открыть их будет не только трудно, но и невозможно. И так по порядку Медея подробно обо всем рассказала Язону, с помощью чего он сможет добыть славу в желанной победе. Затем кончила Медея свои советы и наставления и отпустила Язона прежде, чем рассвело. Язон же, крадучись, добрался до своих покоев.

КАКО АЗОН ПРИСТУПИ КО ЗЛАТОМУ РУНУ

Восходящи зори красными лучами и солнцу златому свѣтом малымъ холмы горъ просвѣщающим, Азонъ тайнѣ востаетъ от ложа, вмѣсте со Еркуломъ и иными и Оета царя полатѣ приходит, в нейже сам царь живяше со многими предстоящими, вѣнцемъ украшенъ. Его же узрѣл царь, веселымъ лицемъ восприя, у него вины пришествия его честнѣ пытает. Ему же Азон тако рече: «Молю тя, господине царю, да яко закоснѣние мнѣ отнынѣ есть зѣло досадьно, хощу, аще угодно, вашею волною свободою к златоруннаго бранному покушению приступити». Ему же царь рече: «Друже Азоне! Боюся, да не како твоего юношества смѣлство безрассудное введет тя хотѣти тебѣ смерть скоро нанесут и мнѣ учинят безславие о пагубѣ прилучая твоего. Воспоминаю убо тѣбе благоговѣине, да здравъ возвратишися изволи, прежде даже толиким злым дашся погибнути». Ему же Азон рече: «Благороднѣйший царю! Нѣсть ми смѣлство без рассуждения совѣта. И ты без сумнѣния пред всѣми будеши неповиненъ, аще нѣчто — да не буди! — на мнѣ зло случится, емуже ся охотною». Ему же рече царь: «Друже Азоне, *не* хотя хощу твое хотѣние разрѣшити. Бози на помощь, да от толикия беды здрав избудеши».

И тако Азонъ, желаемую получив свободу, препоясася на путь. Бѣ близ острова Колкоса нѣкий малый остров, малою быстростию водною отстоя, в немъже златое руно предреченно бѣ в страже бѣднѣ, уже реченной; к немуже малыми судны и гребью обычай имяху преходити. К ближнему убо брегу Азон пришед, входитъ в лодию, оружие защищениа взяв, и единъ, за надежду побѣды, яростию в быстротѣ, греблением своимъ в реченный малый островъ прииде. В немъже егда к землѣ приста, абие от лодии изскочив и, от неѣ уготовль оружиа и вещи, от Медеи данные на спасение, вскорѣ оружие облачитъ и опасным итием ко овну златорунному приходит.

Медея же трепетнаго сердца воздыхании боязненно восходит в верхъ своея полаты и к далным мѣстомъ зря от вышние стрѣлницы, от неяже любимаго своего любезнѣ зритъ преход, *но* любезнѣе схождение его на землю. Его же яко узрѣ восприявша оружие и боязненное, якоже мнит, препоясание на путь, рѣчныя испусти слезы, в нихже знамения являются любве. Ниже можаше унятися от воздыханиа и словес, въ сия словеса уста своя, слезами очи наводненна, болѣзненым воплемъ разрѣши: «О друже Азоне! Толикими за тя мучася тѣснотами, *коликими* болѣзньми сътѣсняюся внутрь и внѣ, зане боюсь, да некако ты, страхом *ужасеся*, моя воспоминания забудеши да твоего спасения оставиши данные мною тебѣ потребныя наказаниа! Еже аще сотвориши, не без вины боюся, да *нѣкако* же тебѣ и мнѣ паче *навышшее* ошуюю возможет случитися, сего ради от твоих обниманий буду во вѣки лишенна. Но

КАК ЯЗОН ПРИСТУПИЛ К ЗОЛОТОМУ РУНУ

Когда взошла в розовых лучах заря и солнце золотое едва осветило вершины гор, Язон, незаметно покинув ложе, вместе с Геркулесом и спутниками своими отправился в покои царя Оетеса, где жил венценосный царь со множеством своих приближенных. Увидев Язона, царь встретил его с веселым лицом и учтиво спросил о причине прихода. Ему же Язон отвечал так: «Прошу тебя, господин мой царь: так как промедление мне теперь очень тягостно, хочу, если тебе угодно и по разрешению твоему, попытаться в борьбе овладеть златорунным овном». Ему же ответил царь: «Друг мой, Язон! Боюсь, что твоя безрассудная юношеская смелость приведет тебя к скорой гибели, а мне принесет бесславие из-за пагубного исхода твоей попытки. С благоговением прошу тебя: лучше согласись вернуться невредимым, чем навлекать на себя такую страшную смерть». Язон же ему сказал: «Благороднейший царь! Нет во мне бездумной смелости. И ты, разумеется, перед всеми явишься неповинным, если какая-либо беда (да не будь этого!) со мною случится, ибо я сам себя на нее обрекаю». Царь же ответил ему: «Друг мой, Язон, против своей воли уступаю твоему желанию. Да помогут боги тебе остаться невредимым и избежать стольких опасностей!»

И так, получив желанное разрешение, Язон собрался в путь. Возле острова Колкоса расположен был некий небольшой островок, отделенный нешироким проливом, на котором и находилось упомянутое золотое руно с грозной стражей своей, о которой уже было сказано; на островок тот обычно переправлялись в лодке на веслах. Придя на берег, Язон вошел в лодку, взяв все необходимое для своей защиты, и один, в пылкой надежде на победу, быстро достиг на веслах упомянутого выше островка. Когда же он пристал к берегу, то немедля выскочил из ладьи, достал из нее оружие и все, что было вручено ему Медеей для его защиты, быстро облекся в доспехи и осторожно направился к златорунному овну.

Медея же, вздыхая, с трепещущим сердцем, в страхе, всходит на верх своего дворца и смотрит вдаль с высокой башни, откуда с тревогой следит, как отправился ее возлюбленный и — с еще большей тревогой — как сходит он на берег. Когда же увидела она, что он взял оружие и со страхом — как ей показалось — двинулся в путь, то вся залилась слезами, этими верными приметами любви. И не в силах она сдержать вздохов и жалобных стенаний, с очами, полными слез, печально устами своими произносит такие слова: «О друг мой, Язон! Как тревожусь я за тебя, как сжимается в груди мое сердце, ибо боюсь, что ты от ужаса и страха забудешь мои наставления и не воспользуешься данными тебе мною спасительными советами! А если не сделаешь этого, то не без причины боюсь, что может случиться наихудшее для тебя и для меня, и тогда навеки я лишусь твоих объятий. Но молю покорно богов, чтобы, когда ты

богомъ умилнѣ молюся, да тебѣ возвращшуся, здрава очи мои воистинну узрят и о твоем происхождении *всю* мя возвеселят».

Промежь сими Язонъ, озрѣвся, ко стражбѣ овна путь восприя. И еже егда прииде к мѣсту Арриса и первое на волы воззрѣ, толь горящие пламени на воздухъ испускаемыя дыхати, яко небо належащее и все огненным разжизанием блисташе. И разгарание паки теплоты сице все мѣсто то обнимаше, да яко Азону не бѣ никако мощно приступити ради зѣлныя теплоты страха. Но любимые своея дѣйства не забы и спасеных наказаний, лице свое, и шию, и руки, и всѣ тѣ мѣста, яже возможе, тѣлесные данною от Медеи мастию помаза. Образ бо ему данный от нея, на шею повѣсив, пламени предложи, прочетъ писание *трижды*, да якоже *рекохомъ*, дерзнувъ к волом приступити и с ними смѣло начати брань. И тако на Азона пламенем *дышущии* непрестанно, изгорѣ щит его от пламени и копие его огнем скончася. И воистинну Азонъ живот свой скончал бы от огня, аще не бы данную мокроту во уста волом частыми окроплении влиял. Емуже влиянну, дышущих волов уста, аки желѣзными чепми, сцѣпляются, аки клѣемъ слипателнымъ неразлучнѣ соединяются. Тогда скоро преста пламенное испущение из воловъ смертоносный огнь, изблевание скоро скончась. Наведену же воздуху, преставшим пламенемъ, от его мокротъ естества превосходимых, превозможе Азонъ и, многимъ смѣлством наполнись, х крѣпким ужасныхъ волов рогом руки простирает. И тако, восхитив рога, сѣмо и овамо покушается преводити волы тѣ, да увѣсть, аще противоборютъ или его повелѣнию не повинуются, иже аки бездушни его повинующися непщеванию, сопротиво бранию востати не покушахуся.

Сего ради Язонъ и рало на плещах опаснымъ прилѣжаниемъ налагаетъ и привязаетъ, жалы волы тѣ орати понуждает, но не повинующеся повелѣнию ратая. И сице, обращенну *дерну*, широкое поле воскоповается частыми браздами, горѣ долу приходящими воскопание то. Волы оставив на поле, Язон скоро и *смѣло* приходит ко змию. Его же егда змей к себѣ приходяща воззрѣ, многим свистанием и велиимъ гласомъ и грознымъ поражаа воздухъ, шумъ сотвори и испущая дымные пламени, ближний воздухъ теплым и разжигаемым очервлениемъ красит, и егда *языкъ* легкими обращении влечетъ и отвлекает, дождными окроплении смертоносныя яды изливаетъ.

Азонъ же без страха ко устроенным Медеиным обращъся скоро *наказаниям*, зеленаго камени перстень, егоже восприя у Медеи, к свѣту змиинну преповерже. Егоже блистания ужасеся змий, преста пламени испущати и обращая главу и шию сѣмо и овамо, аки во изступлении, и блистания каменя ради многаго ужаса отринути непщеваше. Сей камень обрѣтается во Индѣи, якоже пишет Исидор, егоже измарагда обще именуем. Сего камени сила без сумнѣния такова есть, да яко предположен на свѣт коегождо ядовитаго животна, змиеваго или ему подобнаго, или того, иже «буфо» в

вернешься, было бы суждено очам моим видеть тебя в добром здравии, и порадовалась бы я твоему успеху».

Тем временем Язон, осмотревшись, направился к стражам овна и когда приблизился к святилищу Ареса, то прежде всего увидел быков, извергающих в воздух столь яркое пламя, что все небо над ними побагровело от огня. И все вокруг того места было так разогрето тем огнем, что Язон никак не мог приблизиться к быкам, опасаясь испепеляющего жара. Но не забыл он советов и наставлений своей любимой: лицо свое, и шею, и руки, и все тело, где только мог, помазал полученной от нее мазью. А талисман, врученный ему Медеей, повесил на шею, обратив его к пламени, и, трижды прочитав то написанное, о котором мы говорили, решился подойти к быкам и смело вступить с ними в бой. И так обжигали они Язона непрерывно огненным дыханием, что сгорели в пламени и щит его, и копье. И, без сомнения, лишился бы Язон жизни в огне, если бы несколько раз не плеснул в пасти быков данной ему жидкостью. Как только плеснул он, тотчас же огнедышащие пасти их стянуло, словно железными цепями, и будто бы от липкого клея сомкнулись они намертво. И тогда мгновенно прекратилось извержение огня, и тотчас же быки перестали изрыгать смертоносное пламя. После того как подавленное силой жидкости угасло пламя и остыл воздух, Язон, набравшись смелости, простирает руки к могучим и страшным рогам быков. И, схватив их за рога, пробует повести туда и сюда, чтобы узнать, сопротивляются ли они ему и повинуются ли его воле, но те, словно бездушные, подчинились его желанию и не пытались оказать сопротивление.

Тогда Язон осторожно надевает на них ярмо и впрягает в плуг и, погоняя острой палкой, заставляет быков тех пахать, покорных воле пахаря. И таким образом, когда был выворочен весь дерн, перекопано было все широкое поле частыми бороздами, и из конца в конец взрыхлено было то поле. Оставив на нем быков, Язон не медля, решительно направился ко змею. Змей же, увидев подходившего к нему Язона, сотряс воздух своим громким шипением и страшным угрожающим воем, и стал изрыгать дымное пламя, и весь воздух вокруг раскалил и окрасил багровым отблеском огня, и, когда, легко вращая языком, змей то высовывал его, то убирал, — словно дождем брызгал смертоносным ядом.

Но Язон без страха, припомнив данные ему Медеей наставления, показал змею перстень с зеленым камнем, полученный от Медеи. Испугался змей блистания того камня, и перестал испускать пламя, и, вертя головой и шеей во все стороны, словно обезумев, в великом ужасе пытался уберечься от блеска камня. Камень этот, как пишет Исидор, добывают в Индии, и обычно мы называем его измарагдом. Сила этого камня без сомнения состоит в том, что если его поднести к глазам какого-либо ядовитого существа, змееобразного или ему подобного, или же такого, каких в Сицилии в народе называют «буфо»,

Киликии обще именуется, аще зраку его с нѣкиим желѣзом или тростию неизмѣнно предложится, не чрез многъ час возможетъ ядовитое животно терпѣти, да яко въ его зрѣнии... не оскудѣетъ угашение. Но камень тот не отимется невредимъ от шкоты, зане, угашенну ядовитому животну, емуже предложится, весь в дробныя разсторгнется разсѣдания, сего лучем зеленым змея оного смертнѣ устраши. Но храбрый Азон скоро желает мечемъ голымъ частымъ поражениемъ губити, ихъже аки невредимых жестокие чешуи змиевы отражаютъ. Но безтрудный Азон того ради не престает от поражения, аки жестокий млат в наковално. И толь долго поражением боряшесь со змием, яко змей терпѣти не могий частых и жестоких браней, на долгомъ поле протягся, смертоносный испусти дух, и выше належащий воздухъ смертоносными яды опорочи.

Его же егда Азон видѣ угашенна Медеиным мастерствомъ, во свою память внутрь приводя, без лѣности желаетъ и главу его от шеи мечемъ отдели, от его же челюстей исторже зубы, скоро по браздамъ сотворенным посѣя на взоранном полѣ от воловъ. От их же сѣмени раждаются абие воини неслыхаемые. Егда от такова сѣмени воини исходятъ, скоро ко оружию востаютъ и, нападше сами на себѣ, смертными язвами бранятся. Жестоко убо творится ополчение промеж братиею земною и *мрачною*, зане раздѣлными полки на брань не наподают, ниже хотят да яко раздѣльшеся, *но* смѣшнѣ единъ другаго убивает, зане иже и после от нихъ остась *никто* побѣдникъ, поне многими ранами промеж себе падоша погублении.

Волшебныя убо хитрости *чародѣйствы противными* хитростьми тайными всѣми протечении, и змею предреченному смерти преданну, такожде от его зубнаго сѣмени рожденнымъ братиям умершимъ, воломъ тѣмъ учиненным едва живым, Азон от пагубныя беды избы, прилѣжным попечением своим испытует в мысли, что творити или еще нѣчто творимо в скончании дѣла того прилѣжнѣ разсмотряет. И егда вся разумѣ уже быти совершенна, смѣл и весел на златоруннаго овна себе направляет. В немъ же егда не обрѣтъ никоего противства, восхитив за рога, удавлением смерти предастъ и сня одежду его златую, благодарив по семъ боги, имиже со славою побѣдною и бес пагубы своего телеси предреченное руно златое наслѣди.

Обогащенъ убо Азонъ златым ограблением, ко брегу острова весел ускоряет, в лодию входитъ и гребию привозится к болшему острову, на егоже брезѣ предреченный Еркулес и его обещники желателнѣ ждаху. Его же убо по сем *сошедша* на землю, со многою радостию приемлют и о его здравии умилнѣ благодаряще боги, зане никако здрава его имѣти чаяху. Азон же с *ними* къ царской полате приходит. И егда прииде к нему, царь Оетесъ лицемѣрнымъ веселием его восприя, поне завидитъ ему о толицѣ побѣде и боляше *о* себѣ, толика богатства лишенна. Ему же яко близ себе сѣсти повелѣ Оетесъ. Что се

и если перед глазами его положат неподвижно на жезле либо на трости, то в скором времени ядовитое животное, не в силах этого перенести, потеряет зрение. Но и камень тот не остается неизменным после такого противоборства, ибо, когда ослепнет ядовитое существо, перед которым был положен этот камень, тот сам раздробится на мелкие кусочки, устрашив змею до смерти своими зелеными лучами. Но храбрый Язон спешит погубить змея, обнаженным мечом нанося удар за ударом, которые, словно не ощущая их, отражает его чешуя. Но неутомимый Язон, видя это, не перестает рубить, словно тяжелый молот бьет по наковальне. И до тех пор, нанося удары, бился он со змеем, пока тот не смог уже переносить бесчисленных могучих ударов, простерся на широком поле и испустил смертоносный дух свой, пропитав весь воздух над собой несущим смерть ядовитым смрадом.

Когда увидел Язон, что благодаря помощи Медеи змей погиб, то, вспомнив, что следует делать далее, в стремительном порыве отделил голову его от шеи, из челюстей же его вырвав зубы, не медля разбросал их в сделанные борозды на вспаханном волами поле. Из этих семян тут же явились воины невиданные. Едва появившись из семян, тут же хватаются они за оружие и, напав друг на друга, наносят смертельные раны. Разгорелась яростная битва между сыновьями земли и мрака, ибо не нападают они один на другого, разделившись на два полка, и не хотят так разделиться, но, смешавшись в толпу, убивают друг друга, так что не осталось среди них ни одного победителя, ибо все погибли от бесчисленных ран, нанесенных в междоусобной схватке.

Когда же волшебные премудрости чародейства были преодолены с помощью противоборствующего им искусства таинств, преждеупомянутый змей смерти был предан, братья, рожденные из семян — зубов его, — также погибли, быки стояли, после всего случившегося с ними, едва живы, Язон избавился от смертельной опасности и настойчиво вопрошает себя, что должен еще сделать, и усердно вспоминает, что же еще должно быть свершено для окончания дела. И когда убедился, что все уже он совершил, смело и весело направляется к златорунному овну. И, не встретив у него никакого сопротивления, Язон, схватив его за рога, удушил и снял с него шкуру золотую, после чего вознес благодарение богам, с чьей помощью в славе победы и без горя для себя добыл золотое руно.

Обогатившись похищенным золотом, Язон весело спешит к берегу острова, входит в лодку и на веслах доплывает до большого острова, на берегу которого его с нетерпением ждали прежденазванный Геркулес и остальные спутники. Когда сходит Язон на землю, с великой радостью встречают они его и в умилении благодарят богов, что остался он невредим, ибо никак не рассчитывали увидеть его в добром здравии. Язон же направляется с ними к царскому дворцу. И когда пришел туда, царь Оетес приветствовал его с притворной радостью, ибо завидовал его победе и печалился, что утратил

чудо златаго руна видѣнием чудится народ, зря его, но паче дивуется о толицѣ побѣде, како возможе устав побѣдити бога Арриса.

Медея же весела, радостными стопами видѣти Азона послѣ приходитъ, ей же, аще бы лѣпо, пред *множеством* многа цѣлования подала бы; и, царю повелѣвшу, подлѣ Азона, аки стыдяся, сѣде. Ему же Медеа тихимъ гласомъ тайными словесы глаголетъ, да к ней, приходящи нощи, опасенъ приидет. Еже Азонъ себѣ желателнѣ исполнити умилнымъ и смиреннымъ гласом отвѣщевает. Сѣни же нощной по всему свѣту излиянънѣ, Азонъ к Медеинѣ приходитъ полатѣ и, ей посредствующи, в ложницу входитъ, и обеим в ложницѣ охотнѣ прѣбывающимъ, по мнозѣ услажденномъ потѣшении послѣ о отхождении своемъ и уготовлении ко отшествию многа промеж себе единодушно изрекоша. И тако по Медиину наущению Азонъ в Колкосѣ един мѣсяць пребысть. По семъ же, временное благоугодие прием, Азон и обещники его с Медеею от того острова татебно отходятъ, у царя Оета отпущения не просивъ.

Но, о Медея, вѣтровъ поспѣшныхъ много сказуешись желавъ, дабы свое оставила отечество и отча скипетра отбѣгла бы, и море прешла бы без страха, горкия своея пагубы не разсмотряя. Поистиннѣ сказуешись дошедше в Тесалию, идѣже тесалонѣяниномъ Азономъ, *от гражданъ* безчестная тесалоникойскых, утаена, ниже по многихъ мерзкихъ пагубахъ животъ чтешись скончав. Но яко отмщениемъ боговъ Азонъ мукѣ многой бѣ преданъ, прежде даже онъ изшелъ, и его исхождение, аки осужденно от боговъ, бѣ, осужденною смертию заключенъ, рцы, что ти ползова на Азоне тяжкое отмщение и месть боговъ после сотворимая? Поистиннѣ во послѣвицѣ глаголется: «Скоту умершу, не угоднѣ ползуетъ врачебныхъ травъ ноздрямъ прилагати лечбы». Токмо нѣчто богомъ благоволитъ не по велицѣ воздания обиды, но да от смертных познается, богомъ не хотѣти тяжкихъ винъ, паки в лицѣ живыхъ без отмщения муки приити.

Что множае? Приста Азон со Еркуломъ и *иными* ихъ спутники *и* с Медеею во пристанище тесалийском здрав и веселъ. Ихъ же всех спроси царь Пелей и о Азоновѣ здравии и, смутися внутренно, своего сердца тая тѣсноты, веселымъ лицемъ восприя, и предпоставити Азона в царствии своемъ по обѣщанию ему *данному* от него, аще и не хотя, щедре не отвержеся.

теперь такое богатство. И велит ему царь Оетес сесть подле себя. Дивится народ, взирая на чудесный вид золотого руна, но еще больше дивится этой победе, — как смог Язон преодолеть препоны, воздвигнутые богом Аресом.

Потом и Медея, весела и радостна, спешит увидеть Язона, и если бы было можно, то перед всем множеством народа расцеловала бы его; но, по повелению царя, словно бы в смущении, садится рядом с Язоном. Шепчет ему Медея украдкой, чтобы он незаметно пробрался к ней, едва наступит ночь. Язон же нежным и тихим голосом радостно обещает исполнить ее желание. Когда ночная тень разлилась по всей земле, Язон пришел в покои Медеи и вместе с ней вошел в ее ложницу, и оба в радостях проводят здесь время, а после всяческих наслаждений в полном согласии стали они обсуждать свой отъезд и приготовления к нему. И так, по совету Медеи, Язон пробыл на Колкосе еще целый месяц. Потом же в подходящий момент Язон, спутники его и Медея тайно покинули тот остров, не испросив разрешения у царя Оетеса.

Но говорят, о Медея, что ты всей душой ждала попутных ветров, чтобы скорее оставить свое отечество, и бежать от скипетра отцовского, и без страха пересечь море, не предвидя горькой своей судьбы. Поистине говорят, что когда ты прибыла в Фессалию, то, поносимая гражданами фессалийскими, была скрыта фессалийцем Язоном и после многих тяжких страданий окончила, как пишут, жизнь свою. Но когда по божественному возмездию Язон был обречен на многие страдания, до самой смерти своей, которая была божественной карой, и был он предан заслуженной им смерти, скажи, разве помогло тебе суровое божественное возмездие и обрушившаяся на Язона в конце концов кара богов? Верно говорится в пословице: «Если околело животное, то не поможешь ему, прикладывая к ноздрям целебные травы». Лишь по счастливому случаю богам не суждено бывает наказывать сурово за причиненные обиды, да будет известно смертным, что боги не терпят тяжких проступков, и таким образом смертные не могут без возмездия совершать преступления.

Что же далее? Язон с Геркулесом и другими своими спутниками и с Медеей весел и невредим прибыл в пристань фессалийскую. Царь Пелей, расспросив всех о том, жив ли Язон, огорчился в душе, но скрыл муки своего сердца, весело встретил Язона и не отказался, хотя и против воли своей, почтить его царской властью, как и было им ему обещано.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПОПЛЕНЕНИИ ТРОЙСКОМ И О КОНЕЧНЕМЪ РАЗОРЕНИИ, ЕЖЕ БЫСТЬ ПРИ ДАВИДѢ ЦАРИ ИЮДЕЙСКОМ *

Бяше в перваа врѣмяна царь нѣкий именемъ Придешь.* И въ нѣкий день бывшю ему на ловѣ в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ,* у негоже от единыя страны течаше великое море, а от другыа страны Скомандра рѣка, а от третиеа страны Пелешино море, а от четвертыя страны стояше лугъ Дудома, а от пятыа страны юдоль, идѣже ростяху дрѣвие и цвѣти многоразлични. Видѣв же царь доброту мѣста, и нача здати градъ во имя свое, и после своего живота повелѣ сыну своему здати, такоже и прочии заповѣдаху кождо своему сыну. И с прежнимъ царемъ, иже нача здати, всѣх шесть до Троила царя, иже вяще всѣх дѣло сотвори и нарече во свое имя Троя град. Троилъ роди Приама царя,* у негоже царица именемъ Якама.*

И в нощи видѣ сонъ и сказа мужю своему, Приаму царю, и рече: «Родих главню, и взыде на небо, и пакы возвратися, и паде в море, и изыдоша из моря искры, яко пламень, и падоша на Трои, и погорѣ весь град». Приамъ же сказа сиа боляромъ и пророкомъ, волъхвующемъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ. И рѣша ему: «Господи царю! Родится от жены твоеа сынъ, егоже ради изгорить и разорится град, и не останеть камень на камени». Царь же рече женѣ своей, егда родится сынъ, да повелить его убити. Она же рече: «Зѣло рада есмь сие сотворити».

Егда же роди царица Екама сына своего и видѣ его красна зѣло, съжаливси, яко мати, и не може его убити, но повитъ его в ризы многоцѣнны и с нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи далече от града. И обрѣте его пастырь овчий старъ, емуже жена роди сына, и повелѣ ей обрѣтенаго отрока кормити; и бывшю ему седми лѣтъ, нарече его Фарижь Пастыревичь.* И хожаху съ отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижь же связываше два вола, и бодяхуся, и кий премогаше, тому соплеташе вѣнець от масличиа, кий же не одолѣваше, тому вьаше от сламы и пологаше има на рогу.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

Был в древние времена некий царь по имени Придеш. И в один из дней охотился он на некоем приморском мысу, у которого с одной стороны расстилалось широкое море, а с другой протекала река Скамандр, а с третьей стороны было Пелешино море, с четвертой простирался луг Дудома, а с пятой стороны была долина, где росли деревья и различные цветы. Увидел царь красоту места ⟨того⟩, и начал строить город в свое имя, и после смерти своей повелел сыну своему строить, так же и все прочие ⟨цари⟩ завещали каждый своему сыну. И с тем первым царем, который начал строить, всего шесть царей было до Троила, он же более других к этому делу прилежал и назвал город по своему имени Троей. У Троила родился Приам царь, у которого была царица по имени Екама.

И ночью увидела она сон и поведала мужу своему Приаму царю и сказала: «Родила я головню, и поднялась она на небо, и снова возвратилась, и упала в море, и вылетели из моря искры огненные, и упали на Трою, и сгорел весь город». Приам же рассказал это боярам и предсказателям, волхвам и мудрецам и всем людям. И сказали ему: «Господин наш царь! Родится у жены твоей сын, из-за которого сгорит и разорен будет город, и не останется камня на камне». Царь же сказал жене своей, что когда родится сын, то пусть прикажет его убить. Она же ответила: «С большой радостью я это сделаю».

Когда же родила царица Екама сына своего и увидела, что он очень красив, то пожалела его как мать и не смогла его убить, но завернула его в дорогие покровы, и ⟨положила⟩ с ним много серебра и золота, и повелела оставить его вдали от города. И нашел его старик — овечий пастух, которому жена родила сына, и повелел ей кормить найденного мальчика; и когда исполнилось ему семь лет, то назвал его Фарижем Пастыревичем. И ходили оба отрока с отцом своим в поле и играли ⟨там⟩. Фариж же связывал двух бычков, и бодались они, и тому, который побеждал, сплетал венок из ветвей маслины, а тому, кто не одолел, вил венок из соломы и надевал ⟨те венки⟩ им на рога.

И егда возрасте Фарижь, хожаше съ добърыми витези, сирѣчь с дѣтми боярьскими, и преодолѣваше их во всякой игрѣ. И прободе за щитомъ единаго витезя. И вь то время бракъ творяше Велешь царь* и призва всѣх боляръ и болярыни и Фарежа Пастыревича. И приидоша на оно веселие три жены, ихже и пророчица нарицаху,* и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно незвание помышляше, како бы сваду сотворити. И сотвори яблоко злато и написа на немъ: «Которая от трех тѣх женъ и пророчиць благообразнейши, да будеть той сие златое яблоко». И повелѣ вврещи яблоко в вертоград. Его же обрѣтоша три оны жены и прочетъше, моляху Фарижа Пастыревича кояжо их, да присудить ей яблоко.* Последи же третиа рече: «Присуди мнѣ сие яблоко и повѣжь мене добрейшю тѣх, да ти дам Елену царицю, Менелая, царя греческаго, иже бысть всѣх насъ и всѣх греческых женъ добрѣйши. И дамъ ти имя ново, и будеть имя твое Александръ Фарижь, и да ти повѣмъ отца и матерь. Нѣси бо ты того старца сынъ, но отець ти есть Приамъ царь, а мати Екама царица». И присуди Венуши госпожи яблоко. И, слышавъ от неа сиа, возвеселилися зѣло, и взя прощение у старца, иже отець ему нарицашеся, и поиде въ Трой. И приать его Приамъ царь, отецъ его, и мати его царица Екама.

И призва царь Приамъ пророкы и волъхвы и рече: «Кто ми поспѣшить, еже еще наздати Тройскый град, и азъ дамъ ему три мѣры злата». И слышаста два диавола земленаа, приидоста и рѣша царю: «Мы хощем *наздати*, да намъ даси и наю знай». И начаша здати. И Тебушь бѣ гуселник и гудуше в гусли, и зидашеся Трой, гдѣ они повелѣваху, а Нептенабушь именемъ идяше въ море и ношаше из моря варъ, и камение, и воду.* И совершиша все дѣло и рѣша цареви, да имъ дасть, еже обѣща. И разумеша, яко преобидѣ ихъ. И разгнѣвашася и рекоша: «Мы есми сътворили Трою град, мы умыслимъ, како и разорити и́ во дни Приамовы». И Питеръ волховъ, егоже пророкомъ нарицаху, прорече, яко хощеть Александръ приити во Грекы и царицу Елену взяти, еяже ради Трой разориться.* Такоже и жены оны, иже разгнѣвашася яблака ради златаго, ихже пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трой разорилъся.*

Испроси же ся Александръ Фарижь у отца своего Приама царя и прииде к Менелаю, царю греческому, еже есть еллиньскому, служити* со многимъ богатьствомъ и со отроки. И слышавъ Менелае царь, изыде противу ему далече и целова его. И рече ему Александръ: «Приидох азъ, царю, служити тебѣ не на злате и сребрѣ, но да разумѣеши, коя будеть честь сего ради на твоемъ дворѣ». Слышав же сиа, Менелае царь возвеселися зѣло и введе его къ Елене царици въ полату. И ядяху и пиаху наединѣ черьвлено вино, и егда умываху руцѣ и убрусом отираху, Александръ писаше на убрусе черьвленымъ виномъ къ Елене* сице: «Царица Елени, люби мя, якоже и азъ тебе». Посла же Менелае

И когда подрос Фариж, то ходил с добрыми витязями — а по-нашему, с детьми боярскими, — и во всех играх одолевал их. И поразил одного витязя, как ни прикрывался тот щитом. И в это время справлял свадьбу царь Велеш и созвал всех бояр и боярынь и Фарижа Пастыревича. И пришли на эту свадьбу три женщины, которых считали пророчицами, а одну не позвали, ибо была она склонна сеять раздор. Она же за то, что ее не позвали, стала думать, как бы вызвать ссору. И сделала яблоко золотое и написала на нем: «Которая из тех трех женщин-пророчиц самая красивая, пусть той и будет это золотое яблоко». И велела подбросить яблоко в сад. И нашли его три эти женщины, прочитали ⟨надпись⟩, и стала просить Фарижа Пастыревича каждая из них, чтобы присудил он ей яблоко. Последней третья ⟨из них⟩ сказала: «Присуди мне это яблоко и объяви меня прекраснее их ⟨двух⟩, тогда дам тебе Елену царицу, ⟨жену⟩ Менелая, царя греческого, которая красивее всех нас и всех греческих женщин. И дам тебе новое имя, и будет имя твое Александр Фариж, и поведаю, кто твои отец и мать. Ты не того старца сын, а отец твой — Приам царь, а мать — Екама царица». И присудил ⟨Фариж⟩ яблоко госпоже Венуши. И, услышав все это от нее, очень обрадовался и, испросив благословения у старца, который назывался ему отцом, отправился в Трою. И приняли его Приам царь, отец его, и мать его — царица Екама.

Созвал царь Приам предсказателей и волхвов и сказал: «Кто мне поможет построить стены троянские, тому дам я три меры золота». Услышали это два дьявола земных, пришли и сказали царю: «Мы хотим построить, а ты нас не забудь и нам воздай». И начали строить. И Тебуш был гусляр, и играл на гуслях, и строились стены Трои, где они велели, а ⟨другой⟩, именем Нептанабуш, ходил в море и носил из моря вар, и камни, и воду. И завершили свое дело и сказали царю, чтобы дал им то, что обещал. И поняли, что обманул он их. И разгневались и сказали: «Мы построили стены Трои, мы же и придумаем, как разрушить их в дни Приамовы». И Питер кудесник, которого пророком считали, предсказал, что отправится Александр в Грецию и похитит царицу Елену, из-за которой Троя будет разорена. Также и женщины те, которых пророчицами считали, разгневавшись из-за того яблока золотого, стали помышлять, ⟨как бы сделать, чтобы⟩ разрушилась Троя.

Отпросился Александр Фариж у отца своего Приама царя и отправился к Менелаю, царю греческому, иначе говоря — эллинскому, служить ему, взяв с собой богатые дары и воинов. И услышав это, Менелай царь вышел далеко навстречу ему и приветствовал его. И сказал ему Александр: «Пришел я, царь, служить тебе не за золото и серебро, но чтобы знал ты, какая честь из-за этого будет твоему двору». Слыша это, очень обрадовался Менелай царь и ввел его в палаты к царице Елене. И ели и пили они наедине красное вино, и когда мыли руки и полотенцем вытирали, Александр писал на нем красным вином Елене так: «Царица Елена, люби меня, как я тебя». Послал же Менелай царь к брату

царь къ брату своему Агамену царю,* глаголя: «Буди о сем веселъ, брате мой, яко хотять мнѣ служити братиа моа цари». Отписа же ему братъ его: «Азъ о семъ веселъ есмь, яко мы самодръжца есмы, а о семъ нѣсмь веселъ, яко наша братиа приидоша служити намъ, но и зѣло озлобихся. Блюдися, да не приидеть чюжаа доброта и возметь нашю честь, а нам будеть велика срамота». Слышав же сиа, Менелае озлобися и рече: «Како нѣсть добра брату моему моя честь!»

Слышав же Менелае царь, яко отвержеся от него русагъ Каакыимьскы,* и собравъ многу войну, поиде на них и повелѣ и Александру. Он же сотворися боленъ и леже въ царьской полатѣ. «И егда, — рече, — здравъ буду, гряду вълѣдъ тебе». И по *отшествии* Менелаа царя изыде царица Елена съ дѣвицами проходитися по граду сь греческыми болярынями, Александръ же восхитивъ Елену царицю под пазуху и вшед в борзый карабль со отрокы своими, и прииде под Трой град. Тройсции же господие не хотяху изыти противу ему, вѣдуще, колико хощеть пролиатися кровъ за Елену. Изыде же противу ему отець его Приамъ и приа за руку его, а мати его, Якама царица, приа Елену царицю за руку и вьведоста.

Слышав же Менелае царь о Елене, възвратися скоро от войны. Увѣде же и братъ его, Агаменъ царь, и, собра *своя* воя, скоро прииде к Менелаю. И печална быста зѣло царя, глаголюще: «Какова срамота учинися над нами!» И собраша силну войску. И прииде к нимъ на помощь Аякшь, Саломониковъ сынъ,* съ 30-ю катарогъ. И потомъ прииде Паламид, Придековъ сынъ* с 30-ю караблей. И по сих нѣкий человѣкъ, Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ,* сотворися бесѣнъ, да ся не причастит тройской крови, нача песокъ орати, а соль сѣяти. Царя же повелѣста поврещи малаго сына его пред ораломъ. «И аще будеть, — рече, — бѣсенъ, то *переорет* его». И егда повергоша, состави волы не орати. И поведоша его къ царемъ. И рече Урекшишь: «Изволилъ бых за три лѣта тецати с бѣснымъ псомъ, нежели причаститися тройской крови, иже хощеть быти Елены ради царици!»

Бяху же и инии мнози приидоша ко царемъ ото островъ, и от суша, и отъ воскрай сущих моря, ото Афинъ и тоземци, и от Феталиа, и *ото* Архиа,* и ото всея Еллады. И ото иных многых бяше Менесефесъ от Афинъ, Несторъ от Пила, *от Ифаке* Дисевесъ, от Саламина Ея, Идоменевесь от Крита, Тлипелемъ же от Родоса.* Вси род имуще от благородных и от царьскых кровей, мужи храбри.

Евъфиянинъ же Ахиллей* сиаше паче вьсѣх человѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егоже и ироа нарицаху. Сего поставиша царие ратиначалника.* Бѣ же рать многочислена, 1170 кораблей исходять убо ото отечества. Посланъ убо бываеть Ахиллей и от храбрых друзии, и на островы наподоша и поплениша сушю. И тщахуся напасти на Трой, яко многым богатствомъ кыпя бяше, и хотяще отмьстити обиду Елены ради.

своему, Агамену царю, говоря: «Радуйся, брат мой, что хотят мне служить братья мои цари». Написал ему в ответ брат его: «Я тому рад, что мы с тобой самодержцы, но то меня не веселит, что наша братия пришла служить нам, и очень я тем опечален. Берегись, как бы не явилась чужая доблесть и не попрала бы нашу честь, и будет нам великий позор». Услышав же это, Менелай рассердился и сказал: «Как не понравилась брату моему моя честь!»

Услышал же Менелай царь, что отпала от него земля Каакимская, и, собрав большое войско, пошел на них сам и Александру повелел. Тот же притворился больным и лежал в царской палате. «Когда, — сказал, — выздоровею, пойду следом за тобой». И после отъезда царя Менелая вышла царица Елена с девушками пройтись по городу с греческими боярынями, Александр же схватил царицу Елену и взошел на быстрый корабль с отроками своими, и приплыл под стены Трои. Троянские же вельможи не захотели выйти ему навстречу, зная, сколько крови суждено будет пролиться из-за Елены. Вышел навстречу ему отец его Приам и взял за руку его, а мать его, Екама царица, взяла за руку Елену, и ввели их в ⟨город⟩.

Царь Менелай, услышав о Елене, тотчас же вернулся с войны. Узнал же и брат его, Агамен царь, и собрал своих воинов, и вскоре пришел к Менелаю. И в печали были оба царя, говоря: «Какое бесчестие нанесено нам!» И собрали сильное войско. И пришел к ним на помощь Аякш, сын Соломоников, с тридцатью кораблями. И потом пришел Паламед, сын Придеков, с тридцатью кораблями. И после этого некий человек, Урекшиш именем, сын Лантеша, притворился безумным, чтобы не быть причастным к кровопролитию троянскому, начал песок вспахивать и солью засеивать. Цари же повелели бросить перед плугом его младенца-сына. «И если, — сказали, — безумен, то перережет его». И как только бросили, — остановил он волов и перестал пахать. И повели его к царям. И сказал Урекшиш: «Лучше бы мне три года пробегать с бешеной собакой, чем причаститься троянской крови, которая прольется из-за Елены царицы!»

И многие другие пришли к царям с островов, и с материка, и с побережий, из Афин и той земли, и из Феталии, и из Архии, и со всей Эллады. И среди многих других был Менесефес из Афин, Нестор от Пила, с Итаки Дисевес, с Саламина Ея, Идоменес с Крита, Тлипелем с Родоса. А все родом были из знатных и от царских кровей, мужи храбрые.

Евфинянин же Ахиллей сиял более всех людей, победитель в битвах, сильный и крепкорукий, его же и героем называли. Сего поставили цари воеводой. Было же войско многочисленное: 1170 кораблей отошли от родной земли. Послан был Ахиллей и другие храбрецы, и на острова напали и попленили побережье. И жаждали напасть на Трою, так как исполнена она была великим богатством, и хотели отомстить за обиду, нанесенную похищением Елены.

Видѣвше же трояне толику рать, собравьше себѣ пособникы: кари и лукаани, миси и меони, и фруги* и придруживше весь асийский языкъ и род, противу изведоша бесчислено множество. Въ Трои же вяще 50 тысящь мужей. И много время проводиша, брань творяще. Исперва добрѣ ополчахуся на брань, да якоже искусиша Ахиллеево стремление и храбрость, сѣдяху, при стенах заключившеся.

Потом же нѣкая жена, именемъ Велеша,* волъхвующи, еяже пророчицю нарицаху, иже обладаше волъшествиемъ морьскими волънами, у неяже убиша кошуту боляре Агамена царя, и сего ради разгнѣвася и пусти волнение на море, да погубить вся корабля греческыа. И озлобистася царя, и вопросиша Колкаша попа. Он же повѣда имъ, яко кошуты ради хощеть васъ потопити пророчица и глаголет, яко, «аще не дастъ Агаменъ царь мнѣ своеа дщери Цвѣтаны,* не имамъ их пустити». Царь же Агамень оскорбися зѣло и, не хотя, дасть свою дщерь Цвѣтану. И устави бурю. И приидоша под Трой.

И изыде противу имъ Екторъ царь,* Приамовъ сынъ, инии мнози боляре. И нача стрѣляти Екторъ царь стрѣлою со огнемъ, и единемъ пущениемъ погружаше три корабля греческыа. И Аякшь Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей от живаго огня Екторъва.* И поиде *Менелае* царь на вѣре, нача Приаму говорить, да отдастъ Елену царицю. Александръ же не хотяше, но восхотѣ поразити Менелаа, аще бы его Приамъ царь не защитилъ. И потом Екторъ царь творяше брань и поражаше множество греческых вой на всякъ день, и бояшеся гласа Ахиллеева.* И поиде Ахиллей под своимъ знаменемъ противу Ектору царю: и *состася*, и ястася за руки, и не хотѣста ся бити в той день. И бяху плѣнили гречестии витези Рижеуша попа дщерь Рижеуду. И видѣвъ ю Агаменъ царь, братъ Менелаевъ, яко добра зѣло, и взятъ ю себѣ в жену, а Рижеушь бѣ попъ сынъ Тебуга бога.* И, увѣдевъ, Тебугхъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ волъшвениемъ великъ недугъ въ греческую войску; и мнози умираху, дондеже обратиша дщерь Рижеуша попа.

Потом же трояны дрьзостны сотвори Поламидова смерть, притупи Ахилеево стремление, любляше бо Ахиллей Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань.* Дисефесь Нисиотенинъ храняше ненависть на Паламида и оболга его к царема, яко трояном хощеть добра. И побиша Поламида камениемъ. О горе! Какова твориши зависти! Он же ничесоже рекъ, точию глагол сей: «О убогаа истинно! Тебе плачю, ты бо первѣе мене погибе!» И тако умре.* Ахиллей же тяжце проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань. И от сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ. И составляють на еллинны брань крѣпкоратьную, и падають, якоже класы, греческая, сиречь еллиньская, телеса, и езера кровемъ пролиашеся. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убиенъ бысть Патроклие, егоже зѣло любляше Ахиллей, от руку крѣпкою Екторовою.* И сие того принуди потещи на трояны. Изыде убо Ахиллей на брань, огнемъ дыхая, и разбиваеть полкы, и побиваеть

Увидев такое войско, троянцы созвали к себе на подмогу карийцев, ликийцев, мисиев, меонов, фригийцев и, заключив союз со всеми азиатскими народами и племенами, выставили против ⟨греков⟩ великое множество. Было же в Трое более пятидесяти тысяч мужей. И многое время прошло в битвах. Сперва смело вступали в сражение, но когда испытали на себе рвение и храбрость Ахиллеса, то засели, запершись, за стенами.

Потом же некая жена, именем Велеша, которую считали пророчицей, ибо с помощью волшебства повелевала она морскими волнами, разгневалась, потому что бояре царя Агамена убили ее лань, подняла на море бурю, чтобы погубить все корабли греческие. И опечалились цари, и спросили совета у жреца Колкаша. Он же поведал им, что из-за лани своей хочет вас потопить пророчица и говорит, что «если не даст мне Агамен царь дочери своей Цветаны, то не пропущу их ⟨через море⟩». Царь же Агамен очень опечалился и против желания отдал свою дочь Цветану. И утихла буря. И приплыли под Трою.

И вышел против них Ектор царь, сын Приама, иные многие бояре. И начал стрелять Ектор царь огненными стрелами и одним выстрелом поражал три корабля греческих. Но Аякш, сын Соломоников, своим щитом загородил семнадцать кораблей от живого огня Екторова. И пошел Менелай царь на переговоры, стал уговаривать Приама, чтобы вернул Елену царицу. Александр же того не хотел и хотел убить Менелая, если бы того Приам царь не защитил. А затем Ектор царь выходил на битву и ежедневно сражал множество греческих воинов, страшась ⟨лишь⟩ голоса Ахиллеева. И вышел Ахиллей под своим знаменем против Ектора царя, и сошлись, и взялись за руки, и решили не сражаться в тот день. А греческие витязи пленили Рижеуду, дочь жреца Рижеуша. И увидел Агамен царь, брат Менелая, как она красива, и взял ее себе в жены, а Рижеуш жрец был сыном бога Тебуша. И, узнав об этом, Тебуш страшно разгневался и наслал колдовством своим жестокую болезнь на греческое войско; и многие умирали, пока не вернули дочь жреца Рижеуша.

А потом придала троянцам храбрость гибель Паламеда, так как угасла дерзость Ахиллея, ибо очень любил Ахиллей Паламеда и разгневался из-за его гибели, и не хотел выходить на битву. Дисевес Нисиотенин, хранивший ненависть к Паламеду, оклеветал его перед царями, будто бы он добра желает троянцам. И был забит Паламед камнями. О горе! Что творишь ты, зависть! Паламед же не сказал ни слова, только изрек: «О бедная истина! Тебя оплакиваю, ибо ты раньше меня погибла!» И так он умер. Ахиллей же горько оплакивал его и не хотел выходить на битву. И это придало дерзость Ектору и его соратникам. И начинают они с эллинами битву жестокую, и падают, как колосья, тела греков, то есть эллинов, и проливаются озера крови. И просили ⟨греки⟩ Ахиллея выйти на битву, и не соглашался он, пока не был убит могучей рукой Ектора Патрокл, которого очень любил Ахиллей. И это побудило его выйти против троянцев. Вышел Ахиллей на брань, ⟨словно⟩ огнем пышущий,

первоборца. И пакы призываеть Приамъ на помощь амозони.* И пакы брань крѣпка. Умирають мнози, и ото всѣх убо пусть бысть Приам. И умоли Тавтантиа, индийскаго царя,* и посылаеть множество бесчислено воиньства. Индиане же вси чернообразни, их же видѣвше гречестии еллини въ странных зрацѣхъ, и убояшеся от зрака их, *и* оружиа и от звѣрей устрашишася, ихже индиа кормить, нощию бѣжати мысляху и оставити Трой. Но обаче ополчишася к черьнообразнымъ, и индѣйскыми кровьми очервишася нивиа, и Скомандрови струя обращахуся кровьми. В сих же наста еллиномъ торжество, паче же и варваром, и всѣмъ покой от ратей и трудовъ. И убо еллиньстии, еже есть гречестии, и тройское множество воедино смѣшахуся и никомуже содѣяти ничесоже никтоже смѣяше праздника ради.

Потомь же видѣ сонъ в нощи царица Евътропиа, жена Ектора царя, сына Приамава. И возъбнувъ от сна, прииде в ложницю свекра своего, Приама царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пущаеть сына своего Ектора во утрие на брань ко Ахиллею, яко убиенъ, рече, будеть. И сказа ему сонъ: «Видѣх, яко изыде ис Троя мечка, а изь греческыа войскы вепрь, и начаста ся бити. И посече вепрь мечку, и вовлече его во греческыа полкы, и ктому не видѣх его. И аще пустиши *Ектора*, не чай его видѣти». И утѣшивъ ея Приамъ и проводи ю в ложьницю. И егда бысть заутро, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею. И изыдоша противу его Тройскыа госпожа, и мати его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и возбраняху ему, да не исходить на брань, он же не послушаше. И мати его, Екама царица, молящи не изыти и спастися, плачющи и ятра отверзающи единою рукою, другию же сосца изношаше и глаголаше: «О чадо! Сих усрамися и мене самую помилуй; аще когда ти сосца сиа придах, забыти творящи дѣтьскых скорбей, помяни убо *воспитание* оно и даруй ми, еже пощадѣти ся самому».* И жена его, вземши, метну сына его перед нимъ и моляше: «Помилуй, — рече, — мене самую и сего любезнаго!» И не послушаше. Она же рече: «О Екторе, пожди мене мало!» И шедши в ложницю, совлече брачинныа ризы, и облечеся въ черныа вдовичныя, и пришед пред него и глагола: «О Екторе, аще ся не обратиши, имамъ сиа азъ носити по тебѣ». И симъ не преложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллею. И съшедшеся, не бишася в той день, но завѣтъ положиша, еже битися заутро. И в той день уби Екьторъ седмь уровъ греческых, еже есть седмь полкъ.* И заутро изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ. И наѣха Ахиллей Ектора и, убивъ, прободе его. И паде мертвъ. И въземъ его, Ахиллей и понесе на свой станъ. Потом же разбиваеть и полкы и побиваеть ратоборца.

Убиену же бывшю Екьтору, дерзосердому столпу тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружиах воспитану, язвы носящю на персех бесчисленыя. Преже, дажь еллини не пришьли и составили брань, соплеташеся сей съ юньци дивиими. Видѣвше же сие тройсции вельможа и господие, начаша

и громит полки, и убивает лучших воинов. И тогда призывает Приам на помощь амазонок. И снова брань была лютая. Погибают многие, и все меньше остается соратников у Приама. И упросил он Тавтантия, индийского царя, и тот прислал бесчисленное множество воинов. Индийцы же все темнолицы, и, видя их необычный облик, греки-эллинцы устрашились их вида, и оружия их и зверей, которых приручили индийцы, испугались, и задумали ночью бежать и оставить Трою. Но все же вышли против темнолицых, и кровью индийской обагрились поля, и струи Скамандра смешались с кровью. И в это время настали дни праздничные у эллинов, а также у варваров, и всем был отдых от битв и трудов. И тогда толпы эллинов, то есть греков, и троянцев смешались, и никто никому не смел никакого зла причинить по случаю праздника.

Потом же увидела ночью сон царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приамова. И, проснувшись, пришла она в спальню свекра своего, Приама царя, и начала со слезами говорить ему, чтобы не пускал утром сына своего Ектора биться с Ахиллеем, ибо, — сказала, — будет он убит. И поведала ему сон: «Видела я, что вышел из Трои медведь, а из греческого войска — вепрь, и начали биться. И распорол вепрь медведя, и утащил его в греческие полки, и более не видела его. И, если отпустишь Ектора, не надейся его больше увидеть». И Приам, утешив ее, проводил до спальни. И, когда настало утро, приготовился Ектор царь к сражению с Ахиллеем. И вышли навстречу Ектору знатные троянки, мать его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и стали уговаривать, чтобы не ходил он на битву, но Ектор их не послушал. Мать его, царица Екама, умоляла его не ходить и спасти свою жизнь, плакала и, обнажив одной рукой грудь и указывая другой на сосцы, говорила Ектору: «О чадо мое! Постыдись груди моей и пожалей меня; когда давала я тебе эту грудь, забывал ты свои младенческие печали, так вспомни же, как кормила тебя, и воздай же мне за это, пощадив себя самого». И жена его, взяв сына его, бросила его перед Ектором и взмолилась: «Пожалей, — сказала, — меня и его, любимого!» И не послушал он. Она же сказала: «О Ектор, подожди меня немного!» И, пойдя в спальню, сняла с себя дорогие одежды, и оделась в черные вдовьи, и, подойдя к Ектору, сказала: «О Ектор, если не повернешь назад, то суждено мне их носить по тебе». Но и этим не вызвала в нем жалости, и не послушал, а пошел навстречу Ахиллею. И, сойдясь, не бились в тот день, но порешили биться наутро. И в тот день перебил Ектор семь уров греческих, то есть семь полков. А наутро вышел Ектор царь и стал сражаться с Ахиллеем. И напал Ахиллей на Ектора и, пронзив его, убил. И пал Ектор мертвым. И взял тело его Ахиллей, и понес в свой стан. И потом громит он полки и убивает ратоборцев.

Так убит был Ектор, дерзкий сердцем, опора троянцев, муж могучий и храбрый, с детства не расстававшийся с оружием, имевший на груди бесчисленные шрамы от ран. Прежде, когда еще не пришли эллины и не начали войну, сражался он с дикими быками. Видя случившееся, троянские вельможи и мужи

жалостно плакати. И взя Приамъ царь на себе нищиа и худыя ризи и гусли и поиде въ греческую войску* и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: «Егоже днесь богъ наставитъ, *да мене накормит и напоить*, грешнаго и страннаго». И, доиде на Ахиллеевъ станъ, и нача густи в гусли жалостно зѣло. И даша ему от вечеря своея ясти и пити. И по вечери легоша спати, упившеся. Уснуша же и стражие. И Приамъ царь нача искати сына своего, Ектора царя, и обрѣте его на постели мертва со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его, Приамъ и воздохнувъ от сердца зѣло. Ахиллей же възбнувъ и устрашися, и рече ему: «Кто еси ты?» Он же рече: «Азъ есмь Приамъ царь, ищу сына своего, Ектора царя». Рече же Ахиллей: «Аще ты еси, азъ от страха твоего мертвъ есмь!» И рече Приамъ: «Не бойся, господине! От младеньства нѣсмь того сотворилъ, да спяща витезя погублю, но прошю сына своего Ектора». И рече Ахиллей: «Аще кленеши ми ся, азъ понесу Ектора на своею плещу въ Трой по вѣре и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду». И веземъ Ахиллей заутро Ектора и понесе его въ Трой и предастъ тройскымъ госпожамъ. И начаша его плакати. И рече Приамъ царь ко Ахиллею: «Поидевѣ въ церковь Аполона *клятися*, еже к тому не воеватися, дабы остало сѣмя Трою, и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣх госпожах тройскых добрѣйши».* И въ церкви кляся первѣе Приамъ и отступи. И преклонься Ахиллей клятися. И ту себе скры Александръ Фарижь, Приамовъ сынъ, и Дифовъ,* и устрѣли Ахиллеа ядовитою стрѣлою в пяту, занеже бѣ весь вооруженъ, точию плеснѣ его без желѣза.* И избѣгоша вонъ. Ахиллей же пад на издыхании послѣднемъ. Ощути же сиа Дисевес, яздяше бо с нимъ, и с ним Диогенъ и Ея Теламоненинъ,* вкупѣ же убо въ церковъ въскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми облиана, и угасъша, и едва дышюща и движюща языкь, и хотящима очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста. И напад на перси его Ея Великий с плачемъ, ко Ахиллею рече: «О, ратемъ разрушителю, исполине крѣпкорукий! Кто погубити тя возможе, лвояростьнаго?» Он же, едва прогласивъ, рече: «Убиста мя лестию Александръ Фарижь и Дифовъ». И сиа рекъ, *изъдше*.

Видѣв же сиа Приамъ царь, озлобися зѣло, и совлече со Ахиллеа оружие все, и пусти ко обѣма царема и сказа имъ, како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и «аще велита, да тѣло его принесу к вама». И плакаша зѣло, видѣвше оружие Ахиллеево, и повелѣста Приаму царю сожещи тѣло его и всыпати в корчагъ. «Да сотворим, — рече, — гробъ его на далечной земли». И сотвори Приамъ тако: сожже плоть его и всыпа въ златый корчагъ и посла царемъ. И видѣвше царие и гречестии полци, дивишася, глаголюще: «О сило и слава Ахиллеева! Како тя не совзимаху вси градове и отоце, и сде единъ корчагъ златъ нѣсть тебе полонъ!»

Видѣвши же Екама царица, яко хощеть скончатися Трой, посла сына своего меньшаго Полидвора и с ним злата много к Полинещеру царю* на онъ

начали горько плакать. И надел Приам царь на себя нищенское рубище, и, взяв гусли, пошел в греческое войско и стал расспрашивать, где стан Ахиллея, говоря: «Да наставит его сегодня бог, чтобы он накормил и напоил меня, грешного странника». И, придя в Ахиллеев стан, начал грустно наигрывать на гуслях. И вынесли ему с ужина еды и питья. И после ужина легли все, захмелев, спать. Уснули и стражи. И Приам царь стал искать сына своего, Ектора царя, и нашел его мертвого, лежащего в постели Ахиллея. И, увидев его, Приам тяжело вздохнул. Ахиллей же, проснувшись, устрашился и спросил: «Кто ты?» Приам же сказал: «Я Приам царь, ищу сына своего Ектора царя». Сказал же Ахиллей: «Если это ты, то я от страха перед тобой словно мертвый!» И сказал Приам: «Не бойся, господин мой! С младенческих лет я того не совершил, чтобы погубить спящего витязя, но прошу ⟨тело⟩ сына своего Ектора». И сказал Ахиллей: «Если клянешься мне, что я целым и невредимым войду и выйду, то, веря тебе и твоей клятве, я сам понесу на своих плечах тело Ектора в Трою». И наутро взял Ахиллей Ектора, и отнес его в Трою, и отдал троянским госпожам. И стали его оплакивать. И сказал Приам царь Ахиллею: «Пойдем с тобой в храм Аполлона, поклянемся, чтобы больше не воевать, чтобы осталось семя троянское, и дам я тебе свою дочь Поликсену, которая прекраснее всех троянок». И в храме первым поклялся Приам и отошел. И склонился Ахиллей для клятвы. Но спрятались там Александр Фариж, Приамов сын, и Дифов, и поразили ядовитой стрелой Ахиллея в пятку, ибо он был весь в доспехах, только ступни его были не защищены железом, и выбежали ⟨стрелявшие⟩ вон. Ахиллей же упал на последнем издыхании. Почувствовав ⟨недоброе⟩, Дисевес, который приехал с Ахиллеем, и Диоген, и Ея Теламонианин — все вместе вбежали в храм и нашли могучего героя, то есть Ахиллея, лежащего и залитого кровью, и угасающего, и едва дышащего, и шевелящего языком, и очи его уже готовы были застлаться тьмой. Когда увидели его ⟨вбежавшие⟩, заплакали. И упал на грудь ему Ея Великий с плачем и спросил Ахиллея: «О, завершающий ⟨победой⟩ рати, исполин крепкорукий! Кто смог погубить тебя, львояростного?» Он же слабым голосом произнес: «Убили меня обманом Александр Фариж и Дифов». И, сказав это, испустил дух.

Видя все это, Приам царь очень опечалился, и снял с Ахиллея доспехи, и отправил к обоим царям, и поведал им, как договоренность его с Ахиллеем нарушили, и ⟨сказал⟩: «Если повелите, то тело его принесу вам». И плакали горько, видя оружие Ахиллеево, и повелели Приаму царю сжечь тело его и ⟨золу⟩ всыпати в урну. «Да создадим, — сказали, — могилу его в дальней земле». И сделал Приам так: сжег тело его и всыпал ⟨золу⟩ в золотую урну и послал царям. И, видя ее, цари и воины греческие удивлялись, говоря: «О сила и слава Ахиллеева! Как тебя не могли вместить все города и острова, а здесь единая золотая урна тобою не наполнена».

Екама царица, увидев, что суждено погибнуть Трое, отправила сына своего младшего Полидвора и с ним золота много на другой берег моря к

полъ моря, иже царствовавше всей Погажи, дабы остало сѣмя Трою. Потом же пакы быша мужеубиениа и закланиа, и пакы кровьми облиася земля Тройская, и пакы окровавлени быша Скомандровы струа, дондеже волъхвы имъ пророчествомъ изрекоша, яко «нѣсть мощно ратию взяти Троа, но токьмо лестию единою». И абие содѣяше коня дрѣвена велика зѣло и затвориша в немъ мужа храбры, и сами отоити творяхуся ко отечеству своему. Коня же оставиша у пристанища и сами скрывшеся во острове.* Видѣвше же трояне пристанища пуста, коня же единаго стояща, и недоумѣюще, дивляхуся. Исперва убо мняху все прелесть, коня же погубити мышляху, во огнь или въ море ввврещи, но занеже прииде время, еже взяту быти Трою, во град увѣщавьше внести коня, яко образъ и корысть от сопротивных. И ови убо внесоша его, и питиемъ и играмъ себе въдавше, и уснуша глубокимъ съномъ. Мужие же крыющиеся изшедше молкомъ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ.* И сие видѣвше еллини, въскоре пловуще, приидоша къ Трою, и вратомъ отверьстомъ бывшимъ от преже вшедших, яко вода влияшася множество войска греческаго. Твердонырному же сице приату *бывшю* Трою.

Инде же пишеть,* стекломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фарижа сера, тѣм же образомъ, аки конь,* и в нем затвориша 300 витез, сирече боляръ вооруженных. И егда его ввезоша во град, врата разоривше, не прошедшу ему во врата, тогда воини разбивше *мечными** главами стекло, изскочивше, многи изьсѣкоша. Достиже же и все мьножество войска въ караблих и по суху, изсѣкоша тройскыя вельможа, а инѣх в море пометаша.

Изведоша же Александра и Елену царицю к Менелаю. И рече ему Елена: «О, господи царю! Ты бысть *вяще** кривъ, чему мя остави со Александром Фарижемъ, да мене прельстить своимъ неверьствомъ». И отвѣща ей царь: «О, госпоже Елено! Яко отселе азъ сотворю, да тебе инъ никтоже не прельстить». И повелѣ еа и со Александром усѣкнути.* И с ними Поликсену, дщерь Приама царя, повелѣ усѣкнути на гробѣ Ахиллееве, яко ея ради погибе.* И Екаму царицю, матерь ея, даша на подѣлъ, с нею же прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакаху зѣло, царица же Екама утѣшаше их: «Азъ имамъ ваша слезы утолити». И прочеа жены восхищаеми бяху от чертогъ *новонасаженных* и младенци ударяеми бываху о стѣну, и земля наводняема бяше кровъми падающих. И, — спроста рещи — плачь вся содержаше и все лютое и горкое содержаше град. И огневи предають и попаляють от основаниа, еже во градѣх прекраснаго и преизряднаго Троя.

И увѣдѣв о сиа царь Полинещеръ и повелѣ заклати Полидвора царя, Приамова сына и вврещи его в море. И ту присташа корабли гречестии. И взятъ Екама царица ведро, еже почерьсти воду, и обрѣте сына своего мертва, и возопи гласомъ велиимъ, плачющися. Тогда слышавъ Полинещеръ царь, изыде на утѣшение Екаме царици. И въсташа с нею тройскыа госпожа и збодоша царя Полинещера ножи. Сиа увѣдѣвше гражене, побиша их камениемъ.*

Полинещеру царю, который царствовал всей Погажией, чтобы осталось семя троянское. Потом же снова была гибель мужей и жертвы, и снова кровью была залита земля Троянская, и снова обагрены были волны Скамандра, пока волхвы им пророчество не возгласили, что нельзя оружием взять Трою, но только одной хитростью. И тогда сделали они коня деревянного огромных размеров и заперли в нем мужей храбрых, а сами сделали вид, что отплыли к своему отечеству. Коня же оставили у пристани, а сами скрылись на острове. Увидели троянцы, что берег пуст и остался на нем только конь, и удивились, недоумевая. Сперва подумали, что все это хитрость, и хотели коня уничтожить — сжечь или в воду сбросить, но так как настало время, когда суждено было быть взятой Трое, то решили в город ввести коня как вражеский трофей и добычу. И те, кто ввез его, предались пиршеству и играм, и заснули глубоким сном. Мужи же спрятанные тихо вышли и зажгли храмы, и пламень поднялся в небо. И, увидев это, эллины, поспешно приплыв, приступили к Трое, и так как ворота были открыты прежде вошедшими ⟨в город⟩, то словно вода хлынуло ⟨туда⟩ многочисленное греческое войско. Так был взят твердобашенный город Троя.

В другом же месте пишется, что из стекла, меди и воска был изготовлен серый конь, видом подобный коню, и в нем заперли триста витязей, то есть бояр вооруженных. И, когда ввозили его в город, то ворота разрушили, ибо не проходил он в ворота, и тогда воины разбили остриями мечей стекло, выскочили и многих посекли. Подоспело и все множество войска в кораблях и посуху, иссекли троянских вельмож, а других побросали в море.

Привели же Александра и Елену царицу к Менелаю. И сказала ему Елена: «О, господин мой царь! Ты был совсем слеп, если оставил меня с Александром Фарижем, чтобы он прельстил меня своим обманом». И отвечал ей царь: «О, госпожа Елена! Я сейчас сделаю так, что никто другой тебя не соблазнит». И приказал отрубить ей и Александру головы. И с ними Поликсену, дочь Приама царя, приказал казнить на могиле Ахиллея, так как из-за нее он погиб. А Екаму царицу, мать ее, и вместе с нею прочих знатных горожанок и боярынь раздали ⟨победителям⟩. Ведомые ⟨в полон⟩ горько плакали, царица же Екама утешала их: «Я смогу ваши слезы осушить». И других женщин выволакивали из чертогов новопостроенных, и младенцев разбивали о стены, и земля пропиталась кровью убитых. И, попросту говоря, плач стоял повсюду, и все лютое и тяжкое выпало на долю города. И огню предали и сожгли до основания прекраснейшую и славнейшую среди городов Трою.

И, уведав об этом, царь Полинещер приказал убить Полидвора царя, Приамова сына, и бросить его в море. И тут пристали корабли греческие. И взяла царица Екама ведро, чтобы зачерпнуть воды, и нашла труп сына своего, и закричала громким голосом, рыдая. Услышав это, вышел Полинещер царь, чтобы утешить Екаму царицу. И поднялись на него троянки вместе с нею, и искололи Полинещера ножами. Увидев это, горожане забросали их камнями.

Возврати же ся Менелае царь со всѣми грекы с побѣдою и съ великою честию, стоя под Троемъ 10 лѣт и 7 мѣсяць. И тако скончася Тройское царство.

Написа же повесть о тройском пленении творець Омиръ.* Ахиллей же бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишеть Фирелеша.*

Возвратился же Менелай царь со всеми греками с победой и с великой славою, простояв под Троей десять лет и семь месяцев. И так пало Троянское царство.

Написал же повесть о пленении Трои песнотворец Омир. Ахиллей же был сыном царя Каеты, а иные пишут — Фирилеша.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА,* — ДРУЗИИ ЖЕ МНѢША, ЯКО ИОАНА ДАМАСКИНА,* ЗѢЛО ПѢСНОТВОРЦА, — ЕЖЕ О ЗВѢРЕХ,* НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИТА, ИХНИЛАТА*

Притча пръваа. Вънрос царевъ. Царь индѣйскый въпрашаше нѣкоего от своих философ, глаголя: «Хощу, яко да притчею покажеши ми, како лукавый муж льстивый, посредѣ себѣ вложивъ, въ вражду предлагаеть, еже посредѣ нѣкых составленную любовъ же и дружбу».

Онъ же, въсприемъ, рече:

Глаголется, яко купець нѣкый, многославенъ сы и житье доброволно по сотворению имы, и дѣти имы умоврѣдны, не хотяше лѣности ради художство нѣкоего рукодѣлиа навыкнути. И наказателными отець к ним бесѣдоваше словесы, глаголя: «О чада, иже в житии сем възращаемы, 3 вещи требуем: доволно богатьство и славу от человѣкъ и получение благым онѣм, еже съ праведными. Си же 3 вещи инако не пребывають никомуже, точию 4-ми вещми: еже събирати богатьство мѣрами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добрѣ разстваряти и сматряти, таже раздаати от стяжаемых требующим, еже ползует в будущем житии ⟨...⟩ и еще же уклонятися от приключающих падений, елико по силѣ. Иже бо в коем от 3-хъ сих мимотечеть, никтоже ползуеть. Аще бо ни богатьство приобрящет, не возможет убо развращатися в житьи, ни же благодѣйствовати кого. Аще убо богат будеть, не добрѣ же житье растваряеть, скорѣе убо нищим сый причастенъ будет; аще бо и малоястие творить, не пребывающу им нѣкоему приложению, по малу все богатьство его изнурится. ⟨...⟩. Аще бо и богатьство притяжится, и в худо будет попечение его (не от сих же подасться, идѣже подобаеть) нищь и имѣя таковае богатьство во истинну вмѣняется и повиненъ есть всякой погибели. Якоже сопусы разсыпаються,* егда же и в них вода умножаема бываше и исхожению путь не обрящеть».

Сих слышавше отроци наказание и покоришяся отеческому совѣту. И пръвый убо их на куплю посланъ бысть, имяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому от телець углебнути. На него

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

СОЧИНЕНИЕ СИФА АНТИОХА (ИНЫЕ ЖЕ ПОЛАГАЛИ, ЧТО ИОАННА ДАМАСКИНА, ВЕЛИКОГО ГИМНОСЛАГАТЕЛЯ), А ОНО О ЗВЕРЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ СТЕФАНИТ, ИХНИЛАТ

Притча первая. Вопрос царя. Спрашивал царь индийский одного из своих философов, говоря: «Хочу я, чтобы ты показал мне в притче, как хитрый и коварный человек, став посредником, превращает во вражду любовь и дружбу, которые между кем-нибудь установились».

И вот что тот сказал в ответ:

Рассказывают, что был один весьма известный купец, который вел положенным образом добросовестную жизнь, но имел злоумных детей, которые по лени не хотели научиться никакому искусству ремесла. И отец обращался к ним с поучительными словами, говоря: «О дети! Когда в эту жизнь мы вступаем, то нуждаемся в трех вещах: достаточном состоянии, почете от людей и справедливом приобретении того, что благо. А эти три вещи никому не даются иначе, чем через четыре другие: чтобы богатство составлять путями справедливыми и благословенными, чтобы приобретенное правильно употреблять и сохранять, чтобы из приобретенного подавать нуждающимся, а это полезно для жизни будущей ⟨...⟩ и еще чтобы, насколько можно, избегать случающихся напастей. И если кто упустит что-нибудь из тех трех вещей, — никто не поможет. Ведь если он не приобретает богатство, то и сам в жизни не сможет развернуться, ни другого кого облагодетельствовать. А если и богат станет, но неправильно жизнь свою устроит, то скоро окажется среди нищих; даже если и скромно питаться будет, а к богатству ничего не прибавит, истощится оно постепенно. ⟨...⟩ Если же и скопится состояние, но употреблено будет худо (не будут подавать от него, когда нужно), то справедливо счесть нищим того, кто богат таким образом, всякой гибели он сам причина. Так и трубы разрываются, когда вода в них прибывает, а пути для выхода не находит».

Услышали юноши это поучение и послушались отеческого наказа. И вот первый из них послан торговать, а с собой имел повозку, которую тянули два быка. По дороге же случилось одному быку увязнуть в болоте. Бросился к

же устремися купець вкупѣ съ своими, възведошя и от кала, и нужи ради, яже подъят влеком, и изнемог и оставленъ бысть, ниякоже ⟨...⟩ могий ходити. И недоумѣниемъ одержим бывъ, и тихо походивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немже *пребысть* питаяся. Немьного *еже посредѣ** и зѣло отолстѣ и отучнѣ Телець и нача ргъма земьля рыти и велми рыкати ⟨...⟩.

Пребываше же близ оного мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвове же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ вознословъ и грьдъ и скуденъ мудростию. Слышав телчее рыкание и убояся зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя ⟨...⟩. Бяху же тамо звѣря два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другий же Ихнилат. Обои различнии мудроумнии обычаи,* Ихнилатъ же лукавенъ бяше нѣкако душею и много разумѣ вещем достизание ⟨...⟩.

Онъ же рече Стефаниту: «Что се, друже, зрим Лва непреходна, яко леду померзьшу, и по обычаю нѣкому же насиляющу?» Стефанит же рече: «Что тебѣ обещно таковым въпросом неподобным? Ничтоже нам прискорбно есть, ни тяготно, но вратом присѣдящие царя нашего, катадневную пищу* приемлюще, но нѣсмы достоини о царех бесѣдовати, ниже о них сматряти. Престани убо от таковых и познай, яко всяк ⟨...⟩ влагаяй себе в неподобнаа словеса и дѣла, постражет пификово.*

Глаголеть бо ся, яко пифик нѣкый, видѣвъ древодѣля древо цѣпяща двѣма клинома, яко потребы ради нѣкыа древодѣлю отшедшю, уподобися пифик древодѣлю и на древо всѣде и цѣпити е начинаше. Мудомъ же его въ древняа цѣпины вшедшим и клинъ невидѣнием извлекшу, *съключися* древо,* и мудом его ятым бывшим. Малодушьствоваше же пифик, и древодѣлю дошедшу, и *мучен* бысть велми». ⟨...⟩

Ихнилат же рече: «Разумѣхъ, яже предложил еси. Но познай, яко всяк, приближайся царю, не за ради житейскыа пища приступает, но славы желает, еже възвеселити други, враги же опечалити. Худых бо мужии нижних любовно есть еже доволном быти, и еже обрящут, и обыкнути; зане и пес, кость обрѣт, гложет ю. ⟨...⟩ Высокоумный же муж не до нижних стоит и худых, но горняа ищет и достойнаа им гонит. Якоже и лев, аще заеца дрьжит и видит вельблюда, оставляет заеца и вльблюда гонит. Или нѣсть си, яко пес опаш виет, дондеже пищу приимет ⟨...⟩ великому же елефанду отвращающуся и не приемлющу пища, едва укрощениемъ ядуща? ⟨...⟩ Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на длъго житие проводить, но длъгоживотенъ вмѣняется, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плъзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ глубоку достигнеть старость». ⟨...⟩

Стефанит же, въсприим, рече: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотряй, яко всякъ жало имать.* И егда есть кто в равночестных честенъ, достоит

нему купец со своими людьми, вытащили его из грязи, да пришлось его оставить: ведь пока его тянули, он выбился из сил, так что и ⟨...⟩ передвигаться не мог. И вот, в полной растерянности, он тихо ходил тут и там, пока не набрел на влажное, богатое травой поле, где и остался, кормясь. Вскоре весьма растолстел и раздобрел Бык, начал рыть землю рогами и громко реветь ⟨...⟩.

А близко от этого места находился царь Лев. Были у него животные разного рода: и львы, и медведи, волки и лисы, и многие другие. Лев же был заносчив, горд, скудоумен. Услышал он рев Быка и очень испугался; показать своим подданным страх он не хотел и потому неподвижно стоял на месте ⟨...⟩. Были там еще два зверя: один по имени Стефанит, а другой Ихнилат. Оба они различались складом ума, и Ихнилат был довольно лукав душою и хорошо знал, как достичь желаемого ⟨...⟩.

И сказал он Стефаниту: «Почему это мы видим, друг, что Лев неподвижен, словно застывший лед, не творя никому насилия, как это обычно бывает?» И сказал Стефанит: «Что тебе до таких неподобающих вопросов? Нет нам ни в чем скорби или тягости: недостойны мы о царях рассуждать или разбирать их, сидя у ворот нашего царя и принимая от него насущную пищу. Оставь это и знай, что со всяким ⟨...⟩ кто занят неподобающими словами и делами, будет то же, что с павианом.

Рассказывают, что один павиан, увидев, как дровосек расщепляет дерево двумя клиньями и что тот за каким-то делом отошел, уподобился дровосеку, уселся на дерево и взялся его расщеплять. Вот срамные части его попали в щель, а он по незнанию вытащил клин, дерево сжалось и защемило его. Павиан обезумел от боли, а когда пришел дровосек, еще и наказан был сильно». ⟨...⟩

И сказал Ихнилат: «Понял я то, что ты изложил. Но знай, что всякий, приблизившийся к царю, приходит не за жизненным пропитанием, а хочет славы, чтобы друзей порадовать и врагов посрамить. Людям бедным и низким любезен достаток: что найдут, то им и ладно: так и собака — найдет кость и гложет ее ⟨...⟩. Но человек одухотворенный не мирится с низким и дурным, он ищет высшего и стремится к достойному. Вот так и лев — если держит зайца, но видит верблюда, оставит зайца, а преследует верблюда. Разве тебе не известно, что собака машет хвостом, прежде чем дадут ей есть ⟨...⟩ а великий слон отказывается и не берет пищи и ест лишь после уговоров? ⟨...⟩ Одухотворенный и щедрый муж хоть и не долго проживет, но к долгожителям причисляется, а тот, кто житейской суетою и убогостью существует, кто не способен ни себе, ни другим пользы принести, тот кратковечен и несчастен будет, даже если и до глубокой доживет старости» ⟨...⟩.

Услышал это Стефанит и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду, но примечай, что у каждого свой предел. И если кто почтен от равных по чести,

ему доволну быти о своем степени. Таци бо есмы и мы ⟨...⟩ и тѣм же лобзаим наше число».*

Ихнилат же рече: «Обще есть житейское достояние. И великоумный муж присно творить достоание своему въсхожению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горѣ въскацати, удобно же от горних сходити, едва же въсходить. ⟨...⟩ Подобает убо и нам горняа искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на другии преходити. Хощу бо Львова сумнѣниа присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣющася вкупѣ съ своими воины и мню, яко получу достоание нѣкое от него».

Стефанит же рече: «Како разумѣлъ еси, яко Лев недоумѣет?» Ихнилат же рече: «Разумѣх моимъ помышлениемъ. ⟨...⟩ Разумный бо мужь может разумѣти и ближняго своего помышлениа, сматряа его по преложению и по образу». Стефанит же рече: «И како благодать възможеши обрѣести от Лва, николиже царемъ поработав, ни художества имы бесѣдованиа их и наказованиа?» Он же отвѣщавъ, рече: «Мудроумный мужь вѣсть ходити, в немже и искушения не имать ⟨...⟩ безумный же, в немже ся есть научилъ, и в том погрѣшаеть». Стефанит же рече: «Царь не обыклъ есть блъша приимати что от себе, но ближняго прочим. Подобит бо ся *лозѣ*,* та бо не бльшим древесем, но ближним приплетается. Како убо възможеши присвоитися Лвови, не сый с ним?» ⟨...⟩

Ихнилат же: «Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху преже таковии, но взидоша от нижних. Хощу убо и азъ таковым начати. ⟨...⟩

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкый,* присѣдя царскымъ вратом, гръдость отложив и ярость умякчив, и досажение трьпя, и всѣм покоряяся, скорѣе убо къ цареви присвоиться. Тако и аз, егда приближуся къ цареви и разумѣю обычаи его и нравы его и угодя ему хитростью о всем, и мнит ми ся, яко таковым образом възлюбит мя Лев и болша от иных покажет мя. Мудрый бо муж и разумный может истинну приложити и лжу составити, якоже изрядный писець презнаменает истинну и влагаеть бесѣды нѣкыа приличны времени». Стефанит же рече: «Аще таковая совѣтуеши, не подобает ти еже у царя присвоение. ⟨...⟩ Писано бо есть, яко никтоже от мудроумных дрьзает на три сиа вещи, аще ли дрьзаеть, едва от них спасеться: сирѣчь еже къ царемъ приближение, и еже яд пити за искушение, и еже ввѣрити женам таины. Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй, едва преходнѣй и всякими овощми и водами умножаему; на ню же въсхожение удобно и пребывание бѣдно».*

Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Но иже на бѣды не дрьзает не получает желание, ниже всякоа вещи бояся, *бесчестен* от всѣх пребывает. ⟨...⟩ Глаголеть бо ся, ⟨...⟩ яко три сиа вещи никтоже от страшливых любит,

тот должен быть доволен своим положением. И поскольку мы таковы ⟨...⟩ то примем с любовью нашу меру».

И сказал Ихнилат: «Всякое жизненное назначение одинаково. Потому одухотворенный муж назначен к тому, чтобы восходить, а ничтожный — всегда опускаться. Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то что восходить. ⟨...⟩ Вот и нам подобает искать, сколько возможно, высшего, не только оставаться в теперешнем состоянии, но и переходить в другие. Поэтому я и хочу через беседу со Львом сделать себе приобретение из его затруднений. Я вижу, что он в страхе и растерянности вместе со своими воинами, и надеюсь, что сделаю себе из этого какое-нибудь приобретение».

И сказал Стефанит: «Как ты догадался, что Лев растерян?» И сказал Ихнилат: «Это я понял путем размышления. ⟨...⟩ Ведь умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом». И сказал Стефанит: «А как же ты получишь от Льва вознаграждение, никогда не служив царям, не обладая искусством беседовать с ними и поучать их?» И тот сказал в ответ: «Мудрый знает, как поступать и там, где не имеет опыта ⟨...⟩ глупый ошибается и в том, чему учился». И сказал Стефанит: «Царь принимает что-нибудь не от того, кто его больше, но от того, кто к нему ближе. Этим он похож на виноград, который оплетает не самые большие, а самые ближние деревья. Не находясь при царе, как сможешь ты приблизиться к нему?» ⟨...⟩

И сказал Ихнилат: «Я понял, это справедливо, что ты говоришь. Но вспомни некоторых из нашего круга, которые не были такими раньше, а поднялись снизу. Вот и я начну, как они. ⟨...⟩

Ведь рассказывают, что один юноша сидел у царских ворот, отбросив гордость, сдерживая гнев, терпя неудобства, всякому повинуясь, только чтобы поскорее приблизиться к царю. Так и я — когда приближусь к царю, узнаю его привычки и нрав, искусно угождая ему во всем, то надеюсь, что полюбит меня вследствие этого Лев и возвысит над другими. Умный и мудрый муж может исказить правду и сочинить неправду, как искусный писатель перетолковывает правду и составляет рассуждения, подходящие ко времени». И сказал Стефанит: «Если ты так думаешь, не подобает тебе приближаться к царю. ⟨...⟩ Ведь написано, что из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи, но если осмелится, то едва ли спасется, а именно: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине. Царь подобен крутой горе, труднодоступной, плодами и источниками покрытой; восходить на нее легко, но пребывать на ней бедственно».

И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Но кто не осмелится на опасное, не получит желаемого, подобно же и тот, кто всего боится, никем не уважаем. ⟨...⟩ Ведь сказано ⟨...⟩ что из трусливых ни один не любит трех вещей, а именно:

сирѣчь царьскаа служениа, и морьское плавание, и скорое къ врагом противление. Двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустынни от пустынник пребывание, якоже и елефанду — пустыни же и царстии двори». ⟨...⟩ Стефанит же рече: «Не престати о сих. Но поиди и твори, яще хощеши».

Ихнилат же шед ко Лву и поклонися ему. Он же въпроси его: «Гдѣ пребыл еси толико врѣмя?» Ихнилат же рече: «Неотступно присѣдя царьским вратом, надѣявся потребенъ быти в нѣкоей работѣ царству ти. Знаю бо, яко многажды в нѣкых вещех потребни бывають и худии мужие, множицею и въ великых потребах ползуют. Якоже древо повержено на земли потребно есть нѣкогда к чесанию уху». Якоже убо услыша Левъ таковаа словеса ⟨...⟩ и рек своим: «Си благоразумный и словесный муж многажды *не познавается* до бесѣдования его, якоже сокровенный огнь в терние, егда въ свет изыдеть, въздушный пламень творит».

Якоже разумѣ Ихнилат, яко угоденъ явися Лвови, и рече: «О царю, подобает рабом царевом бесѣдовати ему вся подобнаа и полезнаа, и потом въсприимати от него достоинаа вся почести. Якоже бо различнаа сѣмена, в земли лежащие, не познаваються, какова суть, аще не от земля въсиают, ⟨...⟩ тако и всяк человѣкъ от своих словес познавается. Подобает убо цареви ниже главныа красоты примѣшати к ногама, ниже ножныа къ главѣ. И иже камение честное и бисеръ со оловом соплетаа, себе паче бесчестит, нежели бисер. Подобает убо князем разсматряти сущих под ним, воеводе же воины, царю же словесныа мужа и мудрыа. Не множьством во владалци исправляють начинанья своа, но изрядным совѣтом. ⟨...⟩ Достоит убо владыкамъ не презирати менших, яже под ним: малии убо и не малии, егда въ великых ползуют. Подобаеть убо властелину не точию доброродныа и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати. Нѣсть бо никомуже ближнейше, точию свое тѣло ⟨...⟩ и егда время призоветь и сие презирати, но егда болѣзнь приключиться ему, далече на врачеваниа ищет. ⟨...⟩ И мышев бо множицею в домовех царских суть, но непотребни пребывают, аще и близ суть; птици же, нарицаемии фалкон,* аще дивии есть, но за потребы своа призываються и приемлются и на царских руках сѣдят».

Сия словеса слышав, Левъ ужасенъ бывъ и глагола ко околником своим: «Не подобает властелину презирати разумныа мужа, аще от долняа части суть, но коемуждо по достоанию даяти, аще и нѣции *негодуют*». ⟨...⟩

Видѣ убо Ихнилат Лвово еже к нему любезное усердие, бесѣдова ему наединѣ, глаголя: ⟨...⟩ «Что се, о царю, иже въ мнозѣ времени пребысть непоколѣбим и не преходя на мѣсто ино?» Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему,* априключися ему, дондеже бесѣдоваху, рыкание Телчее и пристрашенъ был зѣло, рече: «Боюся от сего звѣри: да не противу гласу и тѣло его будеть, а

царскую службу, мореплавание и быстрый отпор врагу. Но два места предназначены великому мужу: царский двор и пребывание в пустыне с пустынниками, точно так и для слона — пустыня и царский двор». ⟨...⟩ И сказал Стефанит: «Об этом не кончить разговор. Иди и делай, что хочешь».

Пошел Ихнилат ко Льву и поклонился ему. А тот спросил его: «Где ты был так долго?» И сказал Ихнилат: «Сидел я неотступно у царских ворот, надеясь пригодиться твоему царству в каком-нибудь деле. Я ведь знаю, что порою и ничтожные для чего-нибудь бывают пригодны, а часто они полезны и в важных делах. Так вот и дерево, сваленное на землю, вдруг пригодится, чтобы почесать ухо». Услышал эти слова Лев, ⟨...⟩ и сказал своим: «Вот благоразумного и красноречивого мужа до беседы с ним не всегда и заметишь; как и огонь, скрытый в терне, лишь когда выйдет наружу, производит на воздухе пламя».

Как только понял Ихнилат, что угодил Льву, так сказал: «О царь, подобает, чтобы царские рабы говорили царю только подходящие и полезные вещи, а потом принимали от него только достойные вознаграждения. Ведь вот как разные лежащие в земле семена не узнать, какие они, пока не взойдут от земли ⟨...⟩ так и каждого человека можно узнать лишь по его словам. Царю не подобает головные украшения привешивать к ногам или ножные украшения к голове. Тот, кто смешивает драгоценные камни и жемчуг с оловом, больше бесчестит себя, чем жемчуг. Князю подобает рассматривать тех, кто ниже его: военачальнику — воинов, царю — красноречивых и мудрых людей. Не количеством, а добротным замыслом воплощает владыка свои предприятия. ⟨...⟩ Нужно, чтобы владыки не презирали малых, которые под ними: ведь малые уже и не малые, когда полезны великим. Почитать подобает властителю не только благородных и славных, но достойных и красноречивых, довольствоваться не только своими людьми, но приглашать издалека. Ничего нет нам ближе собственного тела ⟨...⟩ и заботы о нем, когда приходит пора, но если случается с ним болезнь, далеко за лечением ходим. ⟨...⟩ Хоть и много в царском дому мышей, но нет в них нужды, пусть и близко они; птица же по имени сокол хоть и дика, но за свойства свои призывается, принимается и на царской руке сидит».

Услышал эти слова Лев, изумился и сказал своим приближенным: «Не подобает властелину презирать разумного мужа, если даже он из низов, но каждого награждать по достоинству, пусть и недовольны этим иные». ⟨...⟩

Увидел Ихнилат, что Лев к нему сердечно расположен, и сказал ему наедине, говоря так: ⟨...⟩ «Отчего это, о царь, так долго ты недвижим, не пойдешь на другое какое место?» Лев же хотел скрыть свою растерянность, но пока они разговаривали, снова услышал он Быка и, сильно испугавшись, сказал: «Боюсь я этого зверя: что, как по голосу и тело у него, а по телу и сила, а по

противу тѣлу и сила, а противу силе мудрость? Тѣмъ же аще таковъ будет, бѣжим отсуду». Ихнилат же, восприем, рече: «Не боися, о царю: излихиа гласы праздны бо суть, аще и велми слышятся.

Глаголеть бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый *бубенъ*, на древѣ висящь и вѣтром колѣблем, глас испущати. Си же видѣвши лисица и убоавшися приближитися, тимпанову видѣнию дивящися, ово же и гласнаго величия боащися ⟨...⟩ обаче гладом и желанием побѣжена бывши, всу силу свою подвигши, и растръза его и, празно видѣвши, рече: „Оле, како худѣйшаа телеса величайша и гласна являються!" ⟨...⟩ Тако бо и мы нынѣ, о царю, стражем, таковаго звѣря гласом прельщаеми. Аще хощеши, поиду к нему и вижу, каков есть, скорѣ възращуся к тебѣ?» ⟨...⟩ Посла его Левъ, зане угодно явися ему слово. Оному же отшедшу, много раскаяся Лев о послании его и в себѣ помышляше, глаголя: «Что се створих, еже и къ Хнилату своа словеса въвѣрих? ⟨...⟩ Не подобает властелину въвѣрити своа словеса и своа тайны, емуже есть когда презрѣние створил или емуже богатство отъят и славу, или несыту мужу и лукаву, и прочим таковым. Ибо Ихнилат испръва мудрѣйши сый, пред моими враты поверженъ бысть, и сего ради невѣрно работает ми. Или обрѣт велегласнаго сего звѣря болша онем силою, к нему присвоиться и възвѣстит неможениа моа». Сия и таковая помышляющу Лву, и се явися единъ Ихнилат грядый. Яко видѣ его Левъ и радостенъ бысть, рече к нему: «Что сътворил еси?» ⟨...⟩ Он же рече: «Видѣх велегласного сего звѣря, и Телець есть. И приближихся ему и бѣседовах, и ни едино врежение ми бысть от него». Лев же рече: « Да не мниши, яко немощенъ есть, зане тебе ничимже повредил есть Телец. Великый бо вѣтръ и буря малаа древеса не поврежаеть, высокая же, сломив, искореневаеть». ⟨...⟩

Ихнилат же рече: «Да ти ся не мнит, о царю, яко таковое животное силнейше есть. Аще хощеши представлю его пред тобою и в послушании твоем будет и под областию». Възвесели же ся Левъ, повелѣ сътворити ему обѣщанное. ⟨...⟩

Он же шед к Телцу, дръзостнѣ рече к нему: «Левъ мя посла к тебѣ повести тя к нему. И аще потщишися поити к нему, простыню получиши, зане доселѣ укоснѣл еси стрѣсти его, якоже и вси. Аще ли же не ускориши, скажу ему, яже о тебѣ». Телец же рече: «И кто есть Лев, пославый тя ко мнѣ, и гдѣ пребываеть?» Ихнилат же рече: «Царь есть звѣрем и на сем мѣсте пребывает со всѣми воиньствы своими, идѣже аще ти покажу. Тѣм же послѣдствуй ми». Телець же послѣдова ему до Лва, убоявся. И се видѣ его Левъ, якоже слыша по гласу и тѣло, прият его усердно, и въпрашаа его о всем. Он же възвѣсти ему вся, яже о себѣ. И обѣщася ему Лев о всем и въ все благо, и наложи на него всяку область и паче всѣх почте и. ⟨...⟩

силе и мудрость? Потому, если он таков, уйдем отсюда». Услышал Ихнилат и сказал: «Не бойся, царь: пусты могучие голоса, хоть и громко слышатся.

Рассказывают, что голодной лисице в поисках пищи случилось найти одну вещь — тимпан, называемый бубен; висит он на дереве, качает его ветром, издает он звуки. Видев такое, лисица боялась подойти, удивляясь и виду тимпана, да и громкого звука боясь ⟨...⟩ однако голоду и алчности поддавшись и с силою собравшись, растерзала тимпан, а увидев пустоту, сказала: „Увы! Так самое худое тело выглядит самым большим и звучным!" ⟨...⟩ Теперь это случилось и с нами, царь, что нас обманывает голос такого зверя. Хочешь ли, я подойду к нему и посмотрю, каков он, и быстро вернусь к тебе?» ⟨...⟩ Льву понравилось предложение, и он послал его. Лишь тот отправился, а Лев уже сильно раскаивался, что послал его, и размышлял с собой, так говоря: «Что я наделал! Зачем доверил свои слова Ихнилату! ⟨...⟩ Не подобает, чтобы властелин доверял слова свои и тайны тому, кого когда-нибудь подверг презрению или же у кого отнял имущество и честь, или же жадному и лукавому и подобным таким. Ведь Ихнилат, являясь самым мудрым изначально, был повержен у моих ворот, и потому служит мне неверно. А то еще найдет он, что этот мощноголосый зверь больше и силою, сблизится с ним и сообщит о моем бессилии». Пока так и подобно размышлял Лев, появился Ихнилат, возвращаясь один. Как увидел его Лев, обрадовался, говорит ему: «Что ты делал?» ⟨...⟩ И тот сказал: «Видел я мощноголосого этого зверя, Бык это. Я подходил к нему и разговаривал, и никакого вреда не было мне от него». И Лев сказал: «Не думай, что Бык бессилен, раз ничем не повредил тебе. Ведь большой ветер и буря не повреждают маленькие деревья, а высокие, сломав, вырывают с корнем». ⟨...⟩

И сказал Ихнилат: «Пусть тебе не кажется, о царь, что это самое сильное животное. Если хочешь, я приведу его к тебе, и будет оно тебе послушно и в твоей власти». Лев обрадовался и велел исполнить это предложение. ⟨...⟩

Тот пошел к Быку и дерзко сказал ему: «Послал меня к тебе Лев, чтобы отвести тебя к нему. Если послушаешься и пойдешь к нему, получишь прощение за то, что до сих пор уклонялся и не встречал его, как все. Но если не поспешишь, я все расскажу ему о тебе». И сказал Бык: «А кто этот Лев, приславший тебя ко мне, и где он находится?» И сказал Ихнилат: «Он царь зверей и находится на этом месте со своим войском, — там, где я тебе покажу. Так что следуй за мною». Бык испугался и последовал за ним ко Льву. И вот увидел его Лев, что тело у него по голосу, как он и слышал, сердечно принял его, расспрашивая обо всем. А тот сообщил ему все о себе. Обещал ему Лев всякие и всяческие блага, возложил на него великую власть и вознес его выше всех. ⟨...⟩

Ихнилат же, се видѣвъ, позавидѣ ему. И не могий терпѣти завистью, объяви другу своему Стефаниту и рече: «Не дивиши ли ся, еже сдѣях на себе — полезнаа бо Лвови съвръших, а себе улиших? И приведох ему Телца, и бысть мнѣ изящен почестию». Стефанит же рече: «Что хощеши сътворити?» ⟨...⟩ Он же рече: «Хощу убо на первое достоание доити и настати. Подобает бо мудрому 3 сиа вещи дръжати: пръвое, убо пострада добра же и зла, разсматряти, яже суть повинна — *добрым да гонит*, злая же отбѣгати, таже настоащая *добраа* или злаа разсматряти, что хощет потом быти. Смыслих убо и азъ на пръвое свое достоание доити и настати. Но не обрѣтох подобна пути такова, точию Телца убити: се бо мнѣ полезно есть, обаче же и Лвови». ⟨...⟩

Стефанит же рече: «Се видѣхом никое зло, прибывающе от Телчияго присвоения». Он же рече: «Левъ всь его есть, о прочих не радить. *Шестьми бо* вещми царь небрегом есть и ниизлагаеться: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобает кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтникы; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, — к сим же разсматряти временнаа приложениа».

Стефанит же рече: «И како възможеши повредити Лва, много суща от тебе силнѣйша, многыа другы имуща и послушникы?»

Ихнилат же рече: «Не взирай на мое неможение и смирение: ⟨...⟩ мнози бо от силных немощными побѣдишяся. ⟨...⟩

Глаголеть бо ся, яко вранъ нѣкый въгнѣждашеся в нѣкоем древѣ в горѣ и от нѣкоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше. Яко убо множицею таковаа змию творяща. И шед вранъ к нѣкоему другу своему звѣрю* и рече: „Хощу тебе совѣтника сътворити: вѣси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мнѣ приближитися ему спящу и очи его извертѣти". Звѣр же рече: „Не добрѣ совѣтовал еси. Но промысли хитрость ину, еюже оного погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобна постражеши жеравъв".*

Глаголеть бо ся, яко жерав нѣкый, при блатѣ пребывая исполнену рыб и от них питаяся, състарѣвся и на лов не може подвизатися. ⟨...⟩ И гладом одръжим, достужи си. И поиде в нѣкую гору, и въсходя обрѣте ежа въ своей скръби.* И еж же рече: „Почто печален еси и скорбенъ?" Он же, въсприем, рече: „И како не скорбя?* Пръвое пребывах при блатѣ нѣкоем и от рыб его питаяхся, многим и обильным сущим. Днесь же узрѣх два рыбаря приходяща на мѣсто то ⟨...⟩ и друг другу бесѣдууще, како вся ту сущаа рыбы изловят". И еж же, се слышавъ от жерава, приде къ рыбамъ и повѣда им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, рѣша: „Нынѣ хощем совѣтника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбари нѣции хотяху изловити нас". Жерав же рече: „Ни едино

Увидев это, Ихнилат позавидовал ему. Не в силах побороть зависть, он открылся другу своему Стефаниту и сказал: «Не удивлен ли ты, что я себе устроил — Льву принес добро, а себе лихо? Я привел к нему Быка, а тот превзошел меня по чести». И сказал Стефанит: «Что же ты хочешь сделать?» ⟨...⟩ И сказал тот: «Хочу в прежнее достоинство взойти и остаться в нем. Мудрому подобает держаться таких трех вещей: прежде всего, когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убегать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее. Вот я и решил в прежнее свое достоинство взойти и остаться в нем. Но не нашел я другого подходящего пути, как только Быка убить: это и мне полезно, да и Льву тоже». ⟨...⟩

И сказал Стефанит: «Не вижу я, чтобы какой вред происходил от присутствия Быка». И сказал тот: «Лев весь принадлежит ему и пренебрегает остальными. Из-за шести вещей царь оказывается в опасности и низлагается: когда он не ищет подходящего случая, но действует грозою; когда подобает быть кротким, а он свиреп; когда не имеет разумных и верных себе советников; когда наводит страх и преследует своих людей; когда побежден бывает безрассудными желаниями; когда побежден бывает яростью, — этими обстоятельствами нужно пользоваться применительно ко времени».

И сказал Стефанит: «Но как ты сможешь повредить Льву, который гораздо сильнее тебя, имеет много друзей и приспешников?»

И сказал Ихнилат: «Не гляди, что я немощен и мал: ⟨...⟩ многие сильные побеждены бывают немощными. ⟨...⟩

Рассказывают, что на дереве в горах ворон устроил гнездо, но здесь он постоянно терпел обиды от змеи, она съедала его птенцов. И много раз делала это змея. Тогда отправился ворон к одному зверю, своему другу, и сказал: „Будь моим советчиком: ведь знаешь ты, как я страдаю от змеи. Я думаю, что лучше всего мне будет подобраться к ней, когда она спит, и выклевать ей глаза". И ответил зверь: „Неладно ты задумал. Изобрети другую хитрость, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться. Не то будет с тобою то же, что с журавлем".

Рассказывают, что один журавль, живя при озере, богатом рыбой, ею питался, но состарился и не мог выходить на ловлю. ⟨...⟩ Страдал он, охваченный голодом. В скорби своей пошел он на гору, а восходя, набрел на ежа. И сказал тут еж: „Почему ты в печали и скорби?" Услышал тот и сказал: „И как не быть мне скорбну? Раньше жил я у озера и кормился рыбой из него, многой и обильной. А нынче я увидел, как пришли на это место два рыбака ⟨...⟩ и говорили друг другу, что выловят всю здешнюю рыбу". И вот еж, услышав это от журавля, пришел к рыбам и рассказал им, что слышал. А те, явившись к журавлю, сказали: „Будь теперь нам советчик. Слышали мы, что какие-то рыбаки хотят нас выловить". И сказал журавль: „Иного не имеется способа,

предлежит художство, точию еже преити от сего мѣста во ино мѣсто пресѣнно и водно". Рыбы убо рекоша: „Пренеси убь ты нас на таковое мѣсто, идѣже доволну пищу обрѣтше, избавитися предлежащеа бѣды". ⟨...⟩ Он же рече: „Боюся, да не преже преложения вашего доидут рыбаре. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю". И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в нѣкой горный брегъ и тамо ядяше их, другим рыбам мнящим, яко в порученное мѣсто преносить их. Въ един убо от дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Приим его жерав и отнесе его на гору, идѣже и рыбы снѣдаше, и совѣтоваше и того снѣсти. ⟨...⟩ Видѣвъ же ежъ кости рыбныа, тамо лежащаа, и разумѣ лесть, и в себѣ помышляше, яко: „Нужно смертен буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Нынѣ смыслих, да не бесчестную смерть постражу: но или добрѣ жити ми, или добрѣ умрети, тако благоумному подобаеть". И напрасно обзинув устнами жерававу шиу и нужно его удави.

Сего ради таковаа сказах ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враждууще нѣции нѣкыа своими сѣтми яти бывают. Но подобает ти тако змиеву погыбель помыслити, яко да того погубиши, а сам без вреда пребудеши: и смотри долу женьскыа красоты честнѣйшиа и похоти ю, и, отнесъ в гнездѣ змиевѣ положи ю. Его же ради по ней послѣдствуют нѣции, и обрѣтше змиа, и убьют его. Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змиа».

Рече же Ихнилат Стефаниту: «Сиа ти сказах, да разумѣеши, яко мудрость есть болши крѣпости» ⟨...⟩

Стефанит же рече: «Аще не бы противу мужеству мудръ, оставил убо бых тебѣ таковаа бесѣдовати, но вкупѣ съ храбростью и разумен есть». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дрързаю бо и вѣруу многым вещем еже быша въ многых. Ибо заець лва ниизложил есть.

Глаголеть бо ся, яко левъ нѣкый обиташе травоносно поле и водоносно, в нем же родове звѣремъ различни пребываху и обилно от оного поля насыщахуся и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совѣт съвѣщавше, приидоша ко лву, ркуще ему: „Совѣщахом вси вкупѣ, о царю, яко да тебе трудов избавим и болѣзней, себѣ же самѣм безпечалие сотворим. Ты убо со многым трудом и потом единого ловиши от нас на коиждо день, мы же пакы, боящеся твоего лова, трепетни пребываем. Достоит убо нам, яко на всяк день украшаемъ твоа трапезы кромѣ трудов". Еже угодно явися лвови. И проводишя дни многи, жребиа творяще другъ къ другу: и на кождо их жребий бяше, посылаху его къ лву. И якоже жребий доиде до заица, и рече к ловцем.* „Аще послушаете мене, о ловци, избавлю вас от тяготы сеа, яже стражем". Они же рѣша: „Еже хощеши, сотворим". „Рцѣте к ведущему мя нескоро вести мя к нему. Егда близ будет, да скрыються, аз же да отвѣщевау". Они же тако сотворишя. И шед заець медлено ходом, якоже лву разъяритися гладом, и яко явися заець единъ, и глагола к нему: „Почто доселѣ укоснѣл еси, а не яко и прочии скоро пришел

только чтобы перебраться с этого места на другое, водное и пресное". И сказали рыбы: „Так перенеси нас на такое место, где найдем мы достаточную пищу и избавимся от надвигающейся беды". ⟨...⟩ И тот сказал: „Боюсь, что еще до вашего переселения прибудут рыбаки. Но что смогу, то сделаю". И с этими словами начал понемногу переносить рыб на крутой берег и там их съедал, а другие рыбы думали, что он их переносит в назначенное место. Однажды и еж упросил журавля перенести его, как и рыб. Взял его журавль, отнес на кручу, где съедал рыб, и вознамерился и того съесть. ⟨...⟩ Увидев, что лежат там рыбьи кости, понял еж хитрость и подумал про себя: „Хоть противясь журавлю, хоть покорясь, все насильственной смертью умру. Решил я теперь, что бесчестную смерть не приму: или достойно жить, или достойно умереть, как добродетельному подобает". Схватил он внезапно челюстями шею журавля и насильственно удавил его.

Я сказал для того тебе это, ворон, чтобы ты знал, что затевающие войну сами попадают в свои сети. А нужно тебе так подстроить гибель змее, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться: поищи внизу драгоценное женское украшение, укради его и, отнеся в змеиное гнездо, положи его там. Тогда пойдут по следу украшения, а найдя змею, убьют ее. Так и стало. Сделал это ворон и избавился от змеи».

И сказал Ихнилат Стефаниту: «Я рассказал тебе это, чтобы ты понял, что мудрость больше, чем сила». ⟨...⟩

И сказал Стефанит: «Если бы не был Бык мудр соответственно мужеству, я бы согласился с твоими словами, но вместе с храбростью он и умен». И сказал Ихнилат: «Верно говоришь, он точно таков. Но я низвергну его хитростью. Я осмеливаюсь на это и полагаюсь на многие случаи, которые часто бывали. Ведь и заяц льва низвергнул.

Рассказывают, что один лев жил на поле, богатом водой и травой, где обитали различные роды зверей, и это поле щедро их насыщало и радовало. Они, однако, в страхе трепетали льва и, собрав совет, пришли ко льву, говоря ему: „Мы совещались все вместе, о царь, как бы избавить тебя от усилий и забот, а себе обеспечить безбедную жизнь. Ты ведь каждодневно тратишь много трудов и пота, когда охотишься на одного из нас, а мы, опять же, трепещем, боясь твоей охоты. Нужно, чтобы без затраты трудов мы ежедневно украшали твой стол". Это понравилось льву. Долго жили так звери и метали жребий друг о друге: на кого выпадал жребий, того посылали ко льву. А когда выпал жребий на зайца, он сказал зверям: „Если послушаете меня, звери, я избавлю вас от этой повинности, которую мы терпим". И сказали они: „Сделаем что хочешь". — „Скажите тому, кто поведет меня, чтоб не быстро вел меня к нему. А когда близко к нему будем, пусть все скроются, а я отвечу". Так и сделали. И заяц шел тихим ходом, а когда уже лев разъярился от голода, заяц один появился перед ним, и тот проговорил: „Почему ты тянул до сих пор, а не

еси?" Онъ же рече: „Заеца друга своего влечах к тебѣ, и нѣкый левъ стрѣте мя и похоти его. Много же ему пригласих и засвидѣтельствовах, яко лвовъ есть, и не послушав мя. ⟨...⟩ Аще убо хощеши, веду тя к нему". Лев же разъярився, рече заецу: „Послѣдую ти, гдѣ есть". И поведе его заець в нѣкый кладенець глубок зѣло, и створи его приникнути, яко да лва оного видит. И приниче с ним и заець, и рече: „Видиши ли лва, иже похыти твоего заеца? И сей заець у него есть". И показа ему свою сѣнь въ водѣ и лвову. Иже видѣв левъ и мнѣвъ, яко тако есть, въверже себе въ кладець и удавися» .

Стефанит же рече: «Аще разумѣеши, яко неприятель Лву Телець, и можеши погубити его, дѣло начни». Онъ же рече. «Ибо ты и аз* и инии мнози от нас презрѣни бышя Телчияго ради присвоения. Аще ли се не можеши сотворити, отчасти таковаго начинания, препинание бо се есть и преступление». ⟨...⟩

Таже единою от дни вниде Ихнилат ко Лву скорби исполненъ. И въпроси его Левъ о скръби, и рече: «Егда нѣчто ново приключися?» ⟨...⟩

«Приключися вещь нѣкаа неполезна тебѣ же и мнѣ. Но егда бесѣдуют кто и разумѣет, яко бесѣды его не угодно суть послушающему, к тому же, еже глаголати не смѣет, аще и за ползу будет послушающаго, аще же познает, яко приятна суть словеса его, тогда благоразумнѣ и усрьдно бесѣдует. Увидѣв убо тебе, о царю, разумом и мудростью украшена, и дрьзах, еже бесѣдовати царству ти, о нихже слышати не хощеши. Добрѣ бо знаеши извѣстнаа истинаа работа моа и надѣюся, яко истинна явит ти ся глаголи мои. Наша бо душа по тебѣ суть до смерти, и нужно ми есть полезная и удобная не утаити тебе. Не подабаеть бо ни рабу от своего господина утаити, ни болящему от врача достоит болѣзнь свою скрыти, ни убогому нищету свою пред другы своими прикрыти. Увидѣх бо от нѣкоего достоиновѣрна, яко Телець к боляром твоим бесѣдова им и рече им: „Искусих Лва и разумѣх извѣстно мужество его и разум и обрѣтох его въ всих неполезна". И от таковых словес, о царю, познах безстудье его и препинание: како толико превознеслъ еси его паче всѣх и равночестна ся того себѣ сотворил еси, тѣмже не токмо же се, но и на убьение твое уготовися, и сему непрестанно поучаеться и помыслил есть твою похытити власть. И подобаеть царемъ, егда каковаго когда исправят кого, смертию его преже ниизлагати, дондеже хотѣние свое не свръшить. Сему же бывшу, вси в тишинѣ пребудем. Доволнии бо мудростию человѣци всяким образом тщаться не впаднути въ злаа падения, а меншии разумом и страшливии впадауть убо когда, промышляут же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростиу, аще и впаднут, никогда же избавления обрящут. И се подобно есть трем рыбам.

Глаголеть бо ся, яко в нѣкоем блатѣ близ рѣкы три пребываху рыбы. От них же едина бо бяше мудрѣйши, другая же маломудра, третьая же

пришел, как другие, быстро?" И этот сказал: „Вел я к тебе зайца, друга своего, а какой-то лев встретил меня и схватил его. Сколько ни призывал я его и ни клялся, что этот заяц уже принадлежит льву, он не послушал меня. ⟨...⟩ Если хочешь, я отведу тебя к нему". Разъярившись, лев сказал зайцу: „Иду за тобой туда, где он". И заяц повел его к одному глубокому колодцу и велел ему склониться над ним, чтобы увидеть того льва. Заяц тоже склонился с ним и сказал: „Видишь льва, который похитил твоего зайца? И заяц этот у него". И показал ему в воде отражение льва и свое. Увидев это и решив, что так оно и есть, лев бросился в колодец и захлебнулся».

И сказал Стефанит: «Если ты думаешь, что Бык враг Льву и что ты можешь его погубить, начинай дело». И сказал тот: «Ведь ты и я, и многие другие из нас оказались в презрении из-за возвышения Быка. Если же ты не можешь этого сделать, отступи от такой затеи, ибо она позор и преступление». ⟨...⟩

В один из дней после того пришел ко Льву Ихнилат, исполненный скорби. Спросил его Лев о скорби и сказал: «Разве что случилось?» ⟨...⟩

«Случилось кое-что вредное и тебе, и мне. Впрочем, когда высказывается кто и понимает, что высказывания его неприятны слушателю, больше уже говорить не решится, хотя бы было это на пользу слушателю, но когда он видит, что воспринимают его слова, тогда высказывается с усердием и рассудительностью. О царь, когда я увидел тебя, украшенного разумом и мудростью, то осмелился высказаться твоему царскому величеству о том, о чем ты слышать не хочешь. Ты хорошо знаешь, что служба моя известна и праведна, и я надеюсь, что правда откроется тебе в моих словах. А души наши до смерти принадлежат тебе, так что дóлжно, чтобы полезное и нужное я не скрывал от тебя. Ведь не подобает рабу скрывать от своего господина, как и больному не следует скрывать свою болезнь от врача, а бедняку прикрывать нищету свою перед друзьями. А я узнал от достоверного лица, что Бык обращался к вельможам твоим и сказал им: „Испытал я Льва, и тщательно рассмотрел его мужество и ум, и обнаружил, что в этих вещах он ни на что не годен". По этим словам, о царь, я понял его бесстыдство и коварство: ты так вознес его надо всеми, сравнял его по чести с самим собой, но мало ему этого, он и убить тебя готов, к чему непрерывно себя побуждает, захватить замыслил твою власть. Когда такого разоблачают, нужно, чтобы царь предал его смерти раньше, чем тот исполнит свое намерение. Если так произойдет, мы все пребудем в мире. Ведь люди, достаточно мудрые, всячески стараются избегать несчастных случаев, менее умные и робкие, если оступаются, то изыскивают себе спасение, но совершенно бестолковые, если оступятся, спасения уже никогда не находят. И это похоже на то, что было с тремя рыбами.

Рассказывают, что в одном озере у реки жили три рыбы. Одна из них была мудра, другая — лишь отчасти, третья — ничуть. ⟨...⟩ И случилось

никакоже. ⟨...⟩ И приключи же ся нѣкая вещь в нѣкый день мимоити два рыбаря при таковѣм блатци, совѣщаста другъ къ другу, яко егда възратяться, уловят рыбы оны. Мудрѣйшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избѣже из блата и поиде к рецѣ, а прочии двѣ рыбы, нерадивьше о своем спасении, осташа въ блатѣ. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рѣкы со утврьжениемъ. Еже видѣвши, средоумнаа рыба раскаяся, како преже не избѣже, и рече к себѣ: „Такова есть нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всуе потщася, обаче елико мощно ми есть, да хитрствуу о своем спасении полезнаа". Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по водѣ носима бяше. Ей же вѣровавше, рыбаре, своима рукама явше у, и положиша посредѣ блата и рѣкы. Абие скочивше рыба она в рѣку спасена бысть. Безумнаа же рыба, бѣгавши много сѣмо и овамо, нужно уловлена бысть» ⟨...⟩.

Левъ же рече: «Разумѣх притчю твою, но мнит ми ся, яко нѣсть льсти никоеа въ Телци, зане никое зло пострадал есть от мене». Хнилат же рече: «Зане нѣсть никое зло от тебе, того дѣля на тя толико лукавьствует.* Толико бо его възнеслъ еси, яко ни на един степень взирати, точию на твой. Истовный бо муж смирение показает, дондеже и санъ нѣкый достигнет, емуже нѣсть достоинъ, и егда достигнет, мыслит и на другий санъ с лестию предоити. И за ничто ино работает царю, точию еже получити истинное желание. И твориться кроток, дондеже достигнет упование, и, егда получит, пакы лукавый свой обычай обращаеться. Якоже и песия опашь естьствомъ крива сущи и неисправлена, егда же ужем свяжется и протягнеться, тогда права, и егда развязана, абие крива сущи и развращенна по своему обычау бывает. Сия разумѣй, о царю, яко не приемля от своих приятель словеса приятелна, подобно есть болному мужу, иже врачевнаа былиа полезнаа горчины ради отвращающася и не хотяща пити, но преслушающа врача. Глаголеть бо ся, яко болши есть по огню и по змиям ходити, нежели жити съ злосъвѣтными мужми».

Левъ же рече: «Благоумне глаголеши, аще и сверѣпе. Но убо вмѣним Телца, яко врагъ мой есть, не возможет бо повредити мя, траву бо ясть, а не мяса. Паче аз, кровоядець сый, того бых снѣлъ».

И псира корида и пилое.* Ихнилат же рече: «Да ся не прельстиши таковым помысломъ. Глаголеть бо ся, яко аще кто тя учредит, не ввѣри ему своа таины, дондеже видиши вѣру его и друголюбие, да не подобно постражеши, еже и вошка.*

Вошка нѣкаа у нѣкоего велможи в тѣле в мало время крыяшеся, питающися крови его и тихо ползаущи, невѣдома бяше. Въ едину же от нощи приде гостиа ея блоха, яже напрасно и без разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскорѣ въстав с постеля своея и взискавъ, обрѣте вошку и уби ю. Блоха же, отскочивъ, спасеся. Аще убо ты не убоишися Телца, но егда въстанут на тя, иже суть у тебя, тогда убоишися».

однажды такое дело, что шли мимо озера два рыбака и говорили они друг другу, что, когда вернутся, выловят этих рыб. И когда мудрая рыба услышала эти слова, покинула озеро и вошла в реку, две другие рыбы, не заботясь о своем спасении, остались в озере. И вот рыбаки пришли и накрепко отгородили озеро от реки. Увидев это, средняя по уму рыба пожалела, что не выплыла раньше, и сказала себе: „Таков конец нерадивых! Какой теперь хитростью спасусь? Пусть окажется тщетным старанье, все же измыслю я, сколько могу, полезное что-нибудь на свое спасение". Тут она притворилась мертвой, и, словно мертвую, ее носило по воде. Поверив этому, рыбаки своими руками взяли ее и положили между рекой и озером. Тотчас же прыгнула рыба в реку и спаслась. А глупая рыба, хоть и много плавала туда и сюда, все же была выловлена». ⟨...⟩

И сказал Лев: «Я понял притчу, но мне не кажется, что Бык коварен, он ведь не видел ничего дурного от меня». И сказал Ихнилат: «Потому-то он и строит козни против тебя, что не видел от тебя ничего дурного. Ты так вознес его, что ему и завидовать нечему, как только твоему положению. Такого рода особа держится смирно, пока не достигнет такой ступени, какой недостойна, а когда достигнет, с коварством замышляет перейти на другую ступень. Он служит царю не за что другое, как только чтобы заполучить то, что в действительности хочет. Он притворяется кротким, пока не достигнет желаемого, а когда заполучит это, снова обращается к своим скверным привычкам. Так и собачий хвост, кривой от природы и невыпрямленный, тогда прям, когда привяжешь к нему веревку и натянешь, а когда веревка отвязана, он тут же будет крив и изогнут, как обычно. Пойми, о царь, что тот, кто не принимает дружеские слова своих друзей, похож на больного, который отворачивается от полезных лекарств из-за их горечи, пить их не хочет, не слушает врача. Говорят ведь, что лучше по огню и по змеям ходить, чем жить со злыми советчиками».

И сказал Лев: «Разумно ты говоришь, хотя и жестоко. Но хоть и признаем, что Бык мне враг, повредить он мне не сможет: он ест траву, а не мясо. Скорее уж я, будучи хищником, съел бы его».

И сказал Ихнилат: «Не прельщайся такими мыслями. Ведь говорят: не вверяй свои тайны тому, кто угощает тебя, прежде чем не узнаешь его верность и дружбу, чтобы не было с тобою того, что было с вошкой.

На теле у одного вельможи пряталась некоторое время вошка и оставалась незаметна, тихо ползая и питаясь его кровью. Но однажды ночью пришла к ней в гости блоха, внезапно и бессмысленно она укусила спящего и разбудила его. Тотчас встав с постели, он начал поиски, нашел вошку и убил ее, а блоха прыгнула и спаслась. Пусть ты не боишься Быка, но, когда поднимутся против тебя те, кто под тобой, тогда забоишься».

Левъ же, таковым словесемъ вѣровав, рече: «Что подобает о сих творити?» Хнилат же, въсприим, рече: «Гнилый зуб инако не исцѣлѣет, точию да извлечется, и злаго ястия яд блеванием отгонится». Лев же рече: «Отселе да реку ему, да идет, аможе хощет. И тако избавлюся поношениа и печали, ничтоже зла въздавъ ему против службѣ и любве его, якоже мнѣ показа». Ихнилат же рече, знаяше бо добрѣ, яко, аще побѣседуеть Телець со Лвом, уразумѣеть лесть его, того ради рече ко Лву: «Мнит ми ся, яко неполезно тако быти. Аще бо разумѣет Телець, яко ненавидим есть от тебе, на противление и на брань оплъчится. Мудрии бо царие явѣ мучат *явѣ согрѣшающаго*,* таино мучити таино согрѣшаущаго». Лев же рече: «Егда по навадѣ царь нанесет нѣкоему муку, а не со истинною и судом, себе паче бесчестит зѣло, и срам *велий** от люди сих ради будет ему». Инилат же рече: «Егда придет к тебѣ Телець, готовъ буди и разсматряй: прьвѣе у очиу разумѣеши, яко совѣтник есть. Узриши бо измѣнение лица его и трепет удов его, и на десно и на лѣво колебящася, и рогъма зѣло бости хотяща». ⟨...⟩ Левъ же рече: «Аще таковаа знамениа вижу на нем, вѣрую глаголомъ твоим».

Въсхотѣ Ихнилат ити таи к Телцу и въздвигнути его на Лва. Но смыслив, яко аще бес повелѣния Лвова бесѣдуеть с Телцем, и уразумѣет лесть, Ихнилат же рече: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцю и видя его совѣсть,* и не утаиться съвѣтъ его от бесѣды его». И повелѣ ему Лев поити. Вшед же Ихнилат к Телцу и вниде к нему, дряхлъ и скръби исполненъ. Телець же с радостию приимъ его и о коснѣнии въспроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже не приходиши к нам?» Ихнилат же рече: «И кое добро есть, еже не владѣти собою и ходити после господина неистинна и нетверда въ вѣре!» Телець же рече: «Егда приключися вещь нѣкаа нова?» Ихнилат же рече: «И кто может отрѣчи убѣжати? Или кто царемъ работая или приступая без вреда будет? Подобни бо суть владящии дурным блудным женам, иже многим мужем примѣшаються. Или егда учаться дѣти писменем и приходят и отходят присно, друг друга варяющи. Не веси ли убо дружбу и любовь нашу, яже имѣхом посредѣ нас? И како бых азъ повиненъ тебѣ, зане тя ко Лву приведох, того ради хощу благоразумнѣ бесѣдовати ти. Рече бо нынѣ от вѣрных ми истинных, яко Левъ бесѣдоваше къ своим си, яко: „Хощу Телца снѣсти, одебелѣ бо и отолъстѣ". И сих слышав, придох сказати тебѣ, яко да промыслиши о себѣ».

Яко бы слыша *Телець* таковаа словеса, изоумѣвся и смысли на длъзѣ, и рече: «Что зло сотворих Лву или боляром его, яко да таковаа смыслять о мнѣ? Но иже около его позавидѣшя ми и нѣчто ложно изрекошя на мя. Лукавии убо и завистливии мужие никогда убо добра за добрых бесѣдують». ⟨...⟩

Ихнилат же, въсприим, рече: «Нѣсть ти ни от когоже вина, точию от Лва, присно бо той есть нелюбовенъ и нетвердъ въ вѣре, и неразумливъ: первѣе

Поверил Лев этим словам и сказал: «Что же теперь делать?» И сказал Ихнилат в ответ: «Гнилой зуб иначе не вылечить, только что вырвать, а яд от дурной еды извергают рвотой». И сказал Лев: «Пожалуй, я скажу ему теперь, пусть идет куда хочет. Этим я избавлюсь от позора и горя и не заплачу ему злом за его службу и любовь, как он их проявил». И сказал Ихнилат — ведь он хорошо знал, что если поговорит Лев с Быком, то поймет его коварство, — и потому сказал он Льву: «Кажется мне, что так будет нехорошо. Ведь когда Бык увидит, что ты его не любишь, приготовится он к сопротивлению и борьбе. Мудрый царь открыто казнит открытого преступителя, тайно казнит преступителя тайного». И сказал Лев: «Если по наговору предаст царь кого казни, а не по правде и суду, то более себя обесчестит, из-за этого будет ему великий стыд перед людьми». И сказал Ихнилат: «Когда придет к тебе Бык, будь наготове и смотри: воочию сразу увидишь, что он злоумыслитель. Заметишь ты, что лик его изменился и члены его дрожат, раскачивается он вправо и влево и рогами сильно бодать намерен». ⟨...⟩ И сказал Лев: «Если увижу такие признаки, поверю твоим словам».

Задумал Ихнилат тайно пойти к Быку и поднять его против Льва. Он сообразил, однако, что если вступит в разговоры с Быком без повеления, то Лев разгадает его ложь, и сказал тогда: «Если велишь, царь, я пойду к Быку, чтобы увидеть его расположение, и в беседе с ним не укроется его замысел». И велел ему Лев пойти. Пошел Ихнилат к Быку и вошел к нему, мрачен, полон скорби. А Бык с радостью встретил его, спрашивая об отсутствии, говоря: «Какая же причина, что не ходишь ты к нам?» И сказал Ихнилат: «А что хорошего в том, чтоб не распоряжаться собою, но быть под господином несправедливым и ненадежным!» И спросил Бык: «Разве что случилось?» И сказал Ихнилат: «А кто убежит от судьбы? Кто останется невредим, служа царям и приближаясь к ним? Властители похожи на скверную блудницу, которая сходится со многими мужчинами. Или как вот дети, когда учатся грамоте, и приходят, и уходят, вечно опережая друг друга. Разве не известны тебе наша любовь и дружба, которые между нами? И все же я в долгу перед тобой, поскольку я привел тебя ко Льву, потому и хочу с благими намерениями обратиться к тебе. Один из честных и верных мне сообщил сейчас, что Лев так говорил своим: „Хочу я съесть Быка, он раздобрел и растолстел". Услышав это, я пришел тебе сказать, чтобы ты заботился о себе».

Как услышал Бык такие слова, долго думал в удивлении и сказал: «Какое зло причинил я Льву или его вельможам, что такое задумали против меня? Позавидовали мне те, кто близок к нему, и что-нибудь лживое на меня наговорили. Коварные и завистливые никогда не скажут хорошего о хороших». ⟨...⟩

И сказал Ихнилат в ответ: «Ни в ком другом причина, как во Льве: нет у него любви, всегда он ненадежен и неразумен: сперва сладок, а после горек».

сладокъ, а потом горек». Телецъ же рече: «Добрѣ реклъ еси. Вкусих бо сладости его пръвѣе и доспѣх нынѣ до горкаго яда. Ибо не подобает ми быти со Лвом, симь кровоядцем, травоядець сый яз. Несытый мой обычай таковому мя падению приплете. Подобно пострадах безумным пчелам: им же добро мнится сѣсти на нимфеевъ цвѣт, и не въстаюць, дондеже листвие, собравшеся, удавит их. Иже нѣсть достоинъ о малѣ имании, но простираа очи свои на многаа и далечнаа, и не промышляет о предних и задних, постражет, яко и мухи: тѣм бо не доволно есть лѣтати по цвѣтох и по древесѣх, но множицею во уши елефандовы влетѣвше, удавлены бывают». Хнилат же рече: «Остави многаа и нынѣшняя сматряй. Изообрящи совѣт, да избавишися от смерти».

Телець же рече: «Вѣм, яко Лвово помышление благо есть, но околнии его, лукавни суще, разваждают его. И таковое творяще соборище, аще и немощни суть, творят и неповиннаго погибнути, якоже волкъ и лисица и гавран сотвориша лву.

Глаголеть бо ся, яко лев нѣкый пребываше в нѣкоем мѣсте, идѣже бяше путь нѣкый близ. Бяху же тамо три животнаа, любяще друг друга: волкъ и лисица и гавранъ. Купци же нѣции, мимошедше путем мимо пути оного, оставиша велблуда на пути и отъидоша. Велблюд же пришед ко лву, сказа ему, яже о себе. Лев же рече к нему: „Аще любиши со мною жити, отпущаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего". И пребысть тамо немало днии велблуд. И единою от дни изыде лев на лов, и стрѣтеся съ елефандом. И сразившеся, побѣжен бысть левъ, и едва възратися ранен и острупленъ и окровавлен. И леже болѣзнию отяготен, ниже ловити уже могий, ни на ловъ поити. Оскудѣша бо пища, и не имяху околни его, что ясти. И разумѣ о сем левъ, и рече им, яко: „Мнит ми ся, бѣжати хощете от мене". „Мы о себѣ попещися имамы и сыти быти, но о тебѣ скръбим. И аще быхом могли тебѣ пльзу обрѣсти нѣкую, со усръдием содѣяли быхом". Он же рече: „Не утаи ми ся ваше усръдие. Но разыдѣтеся отсуду, яко да обрящете пищу себѣ же и мнѣ". Они же шедше близ нѣгдѣ, совѣщаста друг къ другу, глаголюще: „Что нам обещно с вельблюдом симъ, травоядцемъ инородным? Но аще годѣ, да сотворим лва снѣсти его". Лисица же рече: „Се не мощно намъ изрещи къ лву о сем явѣ, зане обѣщанье имат любезна к нему лев". Гавран же рече: „Будите здѣ на мѣсте сем и оставите мене единаго поити къ лву". И тако бо поиде. Яко видѣ его левъ и рече к нему: „Что пришел еси? Еда нѣчто приключися?" Он же рече: „Како нам хощет добро быти со иноплеменнымъ сим велблюдом? Но аще хощеши, слушай нас". Лев же прогнѣвався и рече: „Оле, дръзости и сверѣпьства! Не веси ли, яко обѣщаниа любезна и согласиа к нему сотворих? Не подобаше ти ко мнѣ таковыа бесѣды глаголати, не подобаше мнѣ се сотворити". ⟨...⟩ Гавран же рече: „Добрѣ судилъ еси, о царю. Но едина душа за всего дома предаеться, и дом *о градѣ*, и град о всей странѣ, и страна вся о цари. И мы нынѣ о тебѣ стражем и скръбим о лишении брашен, и не обращем

И сказал Бык: «Ты верно сказал. Отведал вначале я сладости его, а теперь вот добрался до горького яда. Ведь не подобало мне быть вместе со Львом, этим хищником, когда я травоядный. Жадность моя впутала меня в это несчастье. И страдаю я, как глупая пчела: хорошо ей кажется сидеть на цветке нимфее, она и не покидает его, пока лепестки не соберутся и ее не удавят. Кто не довольствуется малым, а устремляет свои взоры на многое и дальнее, не задумываясь о причинах и следствиях, добьется того же, что мухи: им ведь недостаточно, чтобы летать на цветы и деревья, вот и оказываются они задавлены, влетев порою в слоновые уши». И сказал Ихнилат: «Оставь постороннее и рассмотрим предстоящее. Поищи способ, чтобы спастись от смерти».

И сказал Бык: «Я знаю, что мысли Льва праведны, но ближние его, будучи коварны, делают его подозрительным. Хоть они и бессильны, но, соединяясь в такие союзы, приведут к гибели и невинного, как это сделали со львом волк, лиса и ворон.

Рассказывают, что в одном месте, поблизости от дороги, обитал лев. И были там трое животных, друживших друг с другом: волк, лиса и ворон. И какие-то купцы, двигаясь по этой дороге, оставили на ней верблюда и ушли. А верблюд, придя ко льву, рассказал ему о себе. И сказал ему лев: „Если хочешь быть со мной, позволяю тебе, и заживешь ты у меня в веселии, довольстве и покое до конца дней твоих". И верблюд провел там немало времени. Но однажды пошел лев на охоту и встретился со слоном. Они вступили в бой, и лев был побежден, так что, раненный, едва вернулся в язвах и крови. И лег он, отягощенный болезнью, не в силах охотиться и даже пойти на охоту. Иссякла пища, и у ближних его не было чем питаться. Подумал про это лев и так сказал им: „Кажется мне, что убежите вы от меня". „Мы в состоянии позаботиться о себе и быть сытыми, мы о тебе скорбим. Если бы мы могли принести тебе какую пользу, мы бы охотно все сделали". И сказал он: „Ваша заботливость не укрылась от меня. Разойдитесь по сторонам, чтобы найти пропитание себе да и мне". И они отошли недалеко и рассуждали друг с другом, говоря: „Что у нас общего с этим верблюдом, травоядным инородцем? И если получится, устроим так, чтобы лев его съел". И сказала лиса: „Мы не можем открыто предложить это льву, поскольку лев связан с ним дружеским обетом". И сказал ворон: „Оставайтесь на этом месте и дайте мне одному пойти ко льву". И с этим он пошел. Как увидел его лев, сказал ему: „Зачем ты пришел? Или что-нибудь случилось?" И сказал тот: „Разве будет нам что-нибудь хорошее с чужеродным этим верблюдом? Ты послушай нас, если хочешь". Разгневался лев и сказал: „Увы, какая дерзость и свирепость! Известно ли тебе, что я положил с ним дружеский договор и обет? Не пристало тебе говорить мне такие слова, не пристало мне такое делать". ⟨...⟩ И сказал ворон: „Правильно судишь, царь. Но одна душа отдается за весь дом, а дом за город, а город за страну, а вся страна за царя. А мы теперь страдаем за тебя и скорбим об отсутствии пищи,

ти плъзы, да избудеши поношения". И сия рек, възратися къ своему и дружинѣ, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему бесѣдова. Они же смыслиша вещъ таковую, яко вси вкупѣ приступят ко лву и коиждо себе дати лвови въ снѣдение. И егда един о себѣ речет, тогда другий да отвѣщает: „Нѣси потребенъ", дондеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще съ собою и велблюда. Прьвѣе убо гавран рече: „Зрю тя, о царю, зѣло немощию отяготена и несытием посрамлена. И много быша благодѣаниа твоа на мнѣ, но не имам что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снѣжь мя". Они же рѣша: „Престани блядити, мал бо еси тѣлом и худ". Лисица же рече: „Да аз убо, о царю, доволнаа пища будеть ти днесь". Волкъ же рече: „Пристани и ты, смрадно бо есть твое тѣло и на пищу непотребно. Паче аз на пищу угоденъ есмь и готовъ и усръденъ". Гавран же и лисица вкупѣ отвѣщеваху: „Иже нѣсть вкусил песья мяса твоа, да вкусит, и в недугъ впасти имать чревный". Мняшеся бо и велблюд, яко и о нем имут отложити, и рече: „Аще и вси непотребни суть, но и азъ плоти многи имам и на пищу сладок есмь". Они же вкупѣ велми рекоша: „Истинну реклъ еси, о велблуде!" И нападше на нь растръгоша и напрасно.

Боюся убо, да не и азъ тако же постражу от слуг Лвовых. Аще бо и Лев моеа погыбели не хощет, но околнии его поучают его на таковое дѣло. Капля бо часто каплущи измывает камень. Тѣм же *уготовлюся* на противление его. Нѣсть бо такова плъза и похвала ни постнику, ни милостиву, ни молящемуся, елика есть тому, еже избавити себе от смерти, аще и на единъ час». ⟨...⟩

Ихнилат рече: «Не подобаеть никому о своемъ спасении не радати, но преже хитрити и потом въ брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряться, дондеже ниизложит их.* Послушай убо мене, полезная ти бесѣдую. Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголеть бо ся, яко в нѣкоем источницѣ пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Нѣкогда же по днех мнозѣх оскудѣ вода от источника. И достуживше си норци, восхотѣша бѣжати от мѣста оного. И рече им желва: „Вам убо нѣсть печали о оскудѣнии воды. Вѣм бо, яко лѣтающе крилы своими обрѣсти имате воду. ⟨...⟩ Но мнѣ, оканнѣй, горѣ! Камо заползѣти или гдѣ? Молю вы ся убо, возмите и мене съ собою и принесите аможе хощете". Норци же рекоша: „Аще не преже обѣщаешися намъ, яко да не проглаголеши, дондеже отнесем тя, не имаши поити с нами". Она же съ клятвою обѣщася им не проглаголати на пути. И вземше норци древо право, повелѣша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу вземше, въздвигоша на въздух съ собою и желву. Случи же ся нѣкоим человѣком путем онѣм мимоити ⟨...⟩ възрѣша горѣ и видѣша желву межу норець висящу, удивишася, глаголюще: „Видѣти чюдо и знаменье, желва бо посредѣ двою норець на въздусѣ летит". Желва же, слышавши се, отврьзе уста своа проглаголати противу бесѣде имъ, и

но не находим ничего пригодного, чтобы избавиться тебе от беды". Сказав это, он возвратился к своим друзьям и рассказал им все, что услышал от льва и что сказал ему. И они придумали так, чтобы всем вместе прийти ко льву и каждый предложил бы себя льву на съедение. И когда один скажет на себя, то другой кто-нибудь ответит: „Ты не подходишь", — пока не дойдет черед верблюда. Придумали они это и пришли ко льву, взяв с собой и верблюда. Вот вначале сказал ворон: „Вижу царь, что ты очень отягощен болезнью и опозорен голодом. Много было мне от тебя благодеяний, но кроме самого себя нет у меня ничего, чтобы принести тебе. Теперь же без колебаний съешь меня". И сказали другие: „Перестань пустословить, ведь мал ты и худ телом". И сказала лиса: „Так уж я, о царь, буду тебе сегодня достойной пищей". И сказал волк: „Перестань и ты, ведь зловонно тело твое и в еду не годится. Лучше я с готовностью и усердием послужу едой". Но ворон с лисой вместе отвечали: „Кто не едал твоего собачьего мяса и съест, тот обязательно заболеет животом". Тут верблюд решил, что и его отвергнут, и сказал: „Раз уж все негодны, так вот я много мяса имею и вкусен в пищу". А они все вместе вскричали: „Правду говоришь верблюд!" И, набросившись на него, немедленно его растерзали.

Вот и я боюсь, что также пострадаю от Львовых слуг. Если даже Лев моей гибели не желает, то его ближние наущают его на такое дело. Ведь и капля, часто капая, источит камень. Поэтому я изготовлюсь к борьбе с ним. Нет такой пользы и похвалы ни постнику, ни милосердному, ни молящемуся, как тому, кто спасет себя от смерти, хотя бы на одно мгновенье». ⟨...⟩

Сказал Ихнилат: «Каждому нужно заботиться о своем спасении, но сперва хитрость, а уж потом готовиться к войне. Мудрый человек не покорится, пока не свергнет их. Вот послушай меня, я скажу полезное тебе. А тот, кто не принимает дружеских слов своего друга, пострадает, как черепаха.

Рассказывают, что в одном водоеме жили два нырка и черепаха, и жили они в дружбе. И вот по прошествии времени иссякла в водоеме вода. Загрустили нырки и захотели покинуть это место. А черепаха сказала им: „Нет вам горя, что иссякла вода. Уж я знаю, что, летая на крыльях своих, вы обязательно найдете воду. ⟨...⟩ Но горе мне, несчастной! Куда мне пристроиться, где? Умоляю вас, возьмите и меня с собой и перенесите куда хотите". И сказали нырки: „Ты не отправишься с нами, если прежде не пообещаешь, что не произнесешь ничего, пока мы не перенесем тебя". И она клятвенно обещала им не говорить в пути. Взяли нырки прямое деревце и велели ей закусить деревце посредине. А когда черепаха закусила деревце, нырки взялись за концы его и подняли с собой на воздух черепаху. Случилось, что проходили какие-то люди ⟨...⟩ взглянули вверх, увидели, что черепаха висит между нырками, и удивились они, говоря: „Глядите на чудо и знаменье: ведь черепаха между двумя нырками по воздуху летит". Услышала это черепаха, открыла рот, чтобы ответить на их слова, и так вот —

тако отвръзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако збудется, иже не съвръшает обѣщание».

Телець же рече: «Не тако безстудно начну о Лвовѣ погыбели». Ихнилат же рече: «Аще видиши на Лвѣ знамение таково, вѣруй моим словесем: сирѣчь очи дивнии кровавыи, устрѣмление неодръженно и колѣбание часто опаши его, тогда разумѣй, яко на тя готовится».

Таже вниде Телец ко Лву, видѣвъ его измѣнена образом и знамениа вся, яже рече ему Ихнилат показающа, и ярости наполнився и рече: «Болши есть въ гнездѣ змиевѣ пребывати, нежели у царя». И сия рек, на противление Лву ста. Видѣв же Левъ таковая, приплетеся с ним на брань.

Бяше же тамо Стефанит; призва своего друга Ихнилата и рече: «Вижь и лесть, юже еси сшил, и кончину сматряй. Лва бо посрамил еси и Телца погубил еси. Не вѣси ли, яко мудрый првосовѣтник царевъ не оставляет его на брань устремитися, аще миром мощно есть уткмение быти, аще и врази немощни будут? Мудрость бо многосилныя побѣжает. Аз же отнелиже видѣх твою гордость и лакомство и разумом познах, яко не имаши добро сотворити. Ничтоже бо ино не погубляет владалца, точию же приимати словеса от таковых, якоже еси ты. 〈...〉 Украшает словеса разумом, а разум правдою, подаяние — тихость, благозрачие образа — душевнаа красота, богатьство же — и милостыни, еже къ требующим, а животу — здравие и веселие. Разумѣй о сих, яко разумом бодръ есть мудрый, и упивается неразумиемь безумный. Тако бо стражут и лиинаковии очи,* зане праздныи не могут видѣти, того ради в нощи лѣтают. Всяк бо царь, иже таковы рабы имат, подобенъ есть водѣ чистѣ и краснѣ, исплъненѣ же внутрь ядовитых звѣрей,* и еже водѣ не смѣет приближитися, аще и зѣло безводием опаляется. Ты бо никогоже въсхотѣл еси присвоитися, паче тебе у Лва. Но царство съ множьством люди *состоится*, якоже море со своими волнами, и тако бо страшно плавающим являеться. Безумно бо есть, еже временно любити кого, и радоватися погибели дружнѣй, а себѣ плзы искати. Совѣта блага ничтоже крѣпчайши, и дѣла прогадлива ничтоже пакостнѣйши. К сим же вѣм, яко зане ти таковая бесѣдую и поучаю тя, тяжек ти являюся. Рече бо от мудрыих: не обличай безумна, да не возненавидит тебе.*

Глаголеть бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша* ту сокровище злата, яко отшед оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣт: „Елико есть требѣ, возмем от злата, а прочее в земли да скрыем. И егда требуем, да вземлем по малу, дондеже все изнурим". И сим образомъ дружба их на длъго врѣмя пребысть, вѣрова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно под древом нѣкоим, велием дубом, и съкрывше възвратишася въ своя. По нѣкыих же днех изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени нѣкоемъ рече препростый лукавому: „Поидем, аще ти есть годѣ, и возмем нѣкую часть от злата, еже

открыв рот, чтобы ответить — упала на землю и разбилась. Так будет с тем, кто не исполняет обещание».

И сказал Бык: «Так бесстыдно я не возьмусь за погубление Льва». И сказал Ихнилат: «Верь слову моему: если увидишь у Льва такие признаки, а именно: взор странный и кровавый, неудержимая страсть и частое биение хвоста, — тогда знай, что на тебя напасть он готовится».

Когда вошел Бык ко Льву и увидел, что тот изменился и проявляет все признаки, о которых говорил Ихнилат, наполнился он ярости и сказал: «Лучше находиться в змеином гнезде, чем у царя». Сказал так и приготовился к битве со Львом. А Лев увидел это и вступил с ним в бой.

Там был и Стефанит; призвал он своего друга Ихнилата и сказал: «Гляди на козни, которые ты устроил, и рассмотри конец. Льва ты опозорил, а Быка погубил. Разве ты не знаешь, что, даже когда враг бессилен, мудрый царский первосоветник не позволяет царю идти на бой, если можно миром уладить? Мудрость и многомощных побеждает. Теперь увидел я твою гордость и алчность и понял, что не можешь ты творить добро. Ничто другое не губит властителя, как принимать советы от таких, каков ты. ⟨...⟩ Слова украшены разумом, а разум — правдою, подаяние — кротостью, привлекательность внешности — душевной красотой, богатство же — милостыней нуждающимся, а жизнь — здоровьем и радостью. Пойми и то, что мудрый от разума бодр, а безумный от неумия пьян. Так же страдают глаза летучих мышей: пустые, они не видят, потому мыши ночью и летают. Всякий царь, у которого такие слуги, похож на чистый прекрасный водоем, полный в глубине ядовитых животных, так что не решишься подойти к воде, даже если тебя сжигает жажда. Ты вот не захотел, чтобы кто-нибудь приблизился ко Льву ближе, чем ты. Но царство состоит из множества людей, как море из волн, поэтому-то оно и кажется страшным тем, кто плывет. Безрассудно, любя кого-нибудь, радоваться гибели ближнего, а себе искать пользы. Нет ничего сильнее хорошего совета и ничего вреднее скверного дела. Впрочем, знаю, что я в тягость тебе, говоря тебе это и поучая тебя. Сказал ведь один мудрец: не обличай безумного, чтобы не возненавидел он тебя.

Рассказывают, что в студеную зимнюю пору оказались на одной горе две обезьяны и нашли там золотой клад и, спустившись оттуда, зарыли его в земле, и думали думу: „Возьмем золота, сколько нужно, а остальное в земле спрячем. И когда потребуется нам, будем брать понемногу, пока все не израсходуем". И таким вот образом их дружба продолжалась много времени, ведь простак верил тому лукавцу. И зарыли они золото под деревом, большим дубом, а спрятав, вернулись восвояси. А лукавец через несколько дней отправился тайно и выкрал все золото. Через какое-то время простак сказал лукавцу: „Пойдем, если хочешь, и возьмем немного из золота, которое у нас в земле".

имамы в земли". И шедше и землю раскопавше, ничтоже обрѣтоша. Начат убо лукавый власы своа трьзати и прьси своа бити и въпити на препростаго, яко: „Съкровище украл еси". Препростый же тмами клятвами того утвержаше, яко: „Ничтоже тако сотворих", конѣчнее же к нѣкоему судьѣ приведе его. Судья же рече: „Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие". Он же рече: „Дуб сам свидетельствует истинну, аще и безгласен есть". И шед ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себѣ, и умоли его, да внидет в дубъ, бяше бо дубъ он дупленъ, и да проглаголеть из дуба, яко препростый взял есть съкровище. Отець же его сие рече: „Азъ убо сие створю, но блюди, да не въ своих сѣтех ятъ будеши". И шед отець его вниде в дубъ. 〈...〉 И судьи пришедшу и въспросившу дуба, и глас изыде из дуба, яко препростый взялъ есть сокровище. 〈...〉 Се убо слыша судья и разумѣ лукавьство, и повелѣ дуб запалити огнем. И яко разгорѣся огнь, и взыде дым на скрытаго оного, и напрасно възпи, и извлеченъ бысть. И лесть исповѣда, и зѣло мучен бысть и съ сыномъ своим. И отъяша им злато, тако бо повелѣ судьа быти, и възратиша все препростому. Таковая бо есть лукаваго человѣка и льстиваго кончина. Аз бо всегда твоего языка бояхся, яко и зубъ змиевъ. И добрѣ бо рече, рекый: „Бѣгайте лукавыа мужа, аще и сродници и ближнии суть". Подобно сотворил еси купеческое.

Глаголеть бо ся, яко купець нѣкый, хотя поити на купиу, положи полог у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться от купия, приде к тому, у него же бяше полог, и рече ему: „Дай же ми желѣзо, еже положих у тебе". Он же рече: „В нѣкоем кутѣ дома моего погребох твое желѣзо и изъѣдоша е мышкы. И не жали си о том, понеже к намъ здравъ пришелъ еси. Но приди к нам днесь, да обѣдуемъ и порадуемся о твоем прибытцѣ и доходе". Он же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣде, изыде поити в дом свой, и стрѣте сына человѣка того, емуже бяше предал желѣзо. И ят его, отведе в домъ свой и скрывъ его в кущи. И възратися, обрѣте человѣка оного въпрашающа всѣх о сынѣ своем, и рече к нему: „Аще сына своего ищеши, видѣх его на въздусѣ носима от орла". Он же възгласив и рече: „Видѣсте ли орла человѣкы носяща по высотѣ?" Он же рече: „Ей! Идѣже мышевѣ желѣзо ядят, ту и орли человѣкы всхыщають на высоту". Он же позна уме не бывшее, възврати желѣзо, елико бяше приялъ, а сына своего взят.

•

Тако и ты посрамишися, о Ихнилате, зане ложнаа словеса плетеши. Но злый ничтоже не обрѣтает, точию да ся зовет зол. Горкый бо плод, аще и множицею помажется медом, не отлагает своея горчины въ сладость. Похвално бо еже с мудрыми мужми любитися и бесѣдовати с ними, от лукавых же и злых отбѣгати. Якоже бе вѣтръ смрад вземлет и носит повсуду и просмражает всѣх, тако иже с лукавыми человѣкы бесѣдовати, просмражается от него. Тѣм же и еще мнит ми ся, яко тяжек ти ся являю, зане тя тако поучаю. Ненавидят бо

Пошли, раскопали землю и ничего не нашли. Стал тут лукавец рвать на себе волосы, бить себя в грудь и кричать на простока, что сокровище, дескать, он украл. С тысячами клятв утверждал простак, что не сделал, дескать, ничего такого, но тот в конце концов привел его к судье. И сказал судья: „Раз ты возводишь на простака обвинение, приведи улики". И сказал тот: „Сам дуб засвидетельствует истину, хотя и безгласен". Отправился лукавец к своему отцу, рассказал ему все и упросил его влезть в дуб — а дуб был с дуплом — и проговорить из дуба, что простак взял сокровище. И сказал его отец так: „Я-то сделаю это, но смотри не попадись в свои сети". Пошел отец и влез в дуб. ⟨...⟩ И когда пришел судья и обратился к дубу с вопросом, то из дуба раздался голос, что простак взял сокровище. ⟨...⟩ Услышал это судья и разгадал коварство, и велел он зажечь дуб огнем. Как разгорелся огонь и подступил дым к укрывшемуся там, сразу же тот завопил, и был вытащен оттуда. Раскрыл он обман и был жестоко наказан вместе со своим сыном. А золото отняли у них, как велел сделать судья, и все вернули простаку. Таков конец коварного и хитрого человека. Я же всегда боялся твоего языка, как змеиных зубов. Верно сказал сказавший: „Удаляйтесь от коварного человека, даже если вы в родстве или близки с ним". Ты сделал похожее на то, что было с купцом.

Рассказывают, что один купец, отправляясь на торг, за сто серебреников положил железо в заклад одному человеку. А когда вернулся с торга, пришел к тому, у кого был заклад, и сказал ему: „Дай-ка мне железо, которое я у тебя положил". И сказал тот: „Зарыл я твое железо дома в одном углу, и изъели его мыши. Да ты не жалей об этом, ведь ты возвратился в здоровье. Приходи же к нам сегодня, мы отобедаем и порадуемся твоей прибыли и доходу". Послушался он и отобедал у того. Вышел он после обеда, чтобы идти к себе домой, и встретил сына того человека, которому заложил железо. Взял он его, отвел к себе домой и спрятал в сенях. Возвратившись, он увидел, что тот человек спрашивает всех о своем сыне, и сказал ему: „Если ищешь сына своего, видел я, как нес его орел по воздуху". А тот вскричал и говорит: „Видано ли, чтобы орел поднимал людей на воздух?" И сказал купец: „Конечно! где мыши едят железо, там и орлы уносят людей вверх". И тот сообразил, что произошло, возвратил все железо, сколько принял, а сына своего забрал.

Так и ты, Ихнилат, опозоришься тем, что сплетаешь лживые слова. Ничего не приобретает дурной, только что назовут его дурным. Хоть сколько мажь медом горький плод, не переменит он своей горечи в сладость. Похвально дружить и общаться с мудрыми людьми, а от коварных и дурных удаляться. Вот как ветер подхватит зловоние, носит его повсюду и заражает зловонием все, так и с коварными людьми водиться, — заразишься зловонием от них. И снова мне кажется, что в тягость я тебе, раз так тебя поучаю. Всегда ведь

безумнии людие мудрыхъ присно, а ненаказаннии наказанных, и злии незлобивых, и развращенныа благых».

И сия бесѣдующим им посредѣ себе, и уби Телца Лев. И по убьении его раскаяся Лев о убьении его. Ихнилат же шед ко Лву и видѣ его дряхла и рече: «Почто раскаялся еси о Телци? Не веси ли, яко укълоснувши непрьтка* перстъ нѣчий, напрасно перъстъ отсѣкаеться, да не все тѣло обоимет и погубит; и не милует своего пръста за ради всего тѣла своего».

Тако убо, рече философ, злый и лукавый муж, аще себе примѣсит посрѣди друговъ, любовь и дружбу имущих, во вражду и въ мятеж претворить любовь их.

Царь же рече к философу: «Извѣсти ми о Ихнилатѣ по убьении Телчи».

Философ же, восприим, рече:

По убьении Телца изыде вонъ Леонтопардос, иже бяше учитель Лвовъ и вѣрный совѣтник, и приступи ко вратом Ихнилатовѣм, и услыша Стефанита крамоляща и поношающа Ихнилата, о нихже сотвори на Телца, яко: «Не убѣжиши, рече, от Лвовых рукъ, и аще таковаа увѣсть». Сия слышав, Леонтопардос уразумѣ все подробну и, вшед к матери Лвовѣ, и сказа ей вся, елика слыша.

И егда бысть утро, приде мати Лвова къ сыну своему. Видѣвши его дряхла и скрьбна, и кающася о смерти Телца, и рече к нему: «О чадо, раскаяние и печаль ничтоже ино творит человѣку, точию тѣлу искушение и уму омрачение, но бодръ буди и не жали си. Вѣм бо и без рѣча твоего, яко и за Телца жалиши и малодушьствуеши, егоже без вины погубил еси. Аще бы ты праведенъ царь, подобаше ти разсудити о нем. Глаголеть бо ся, яко отдавай друг другу сердца. Рци ми убо, яко имѣлъ еси у себе Телца?» Лев же рече: «Присно убо Телець любовен ми бяше, и вѣровах ему о всем, и наказаниа его приемлях, и не бяше ми от поучения его никое зло. Нынѣ же пакы каюся и оскрьбляюся о смерти его, зане познаваю, яко неповинен ми бяше, но прельстихся словесы ложными льстиваго Ихнилата». Лвова же мати рече: «Услышах нѣ от коего достоиновѣрного, яко зависти ради облъга у тебе Ихнилатъ Телца». Лев же рече: «Кто есть сказавый тебѣ?». Она же рече: «Подобает тайны своих любовных соблюдати. Не храняй бо тайны обесчестивает свою съвѣсть и свою вѣру посрамляет». Лев же рече: «Во иныхъ притчах соблюдати таковаа, а инде же явлена суть словеса подобает да ся явить истинна. Яко да обидимым мщение обрящет, тѣм же подобает согрѣшение прикрывати. Праведенъ царь не клеветами мучит, ни облыганиемь томит, но истинною иправдою. Боюся, да не такоже раскаюся о Ихнилате, якоже и о Телци». Мати же Лвова рече: «Не надѣяхся да ся боиши от моих словесъ». Левъ же рече: «Не боюся словес твоих, но хощу истинну на съвѣт извѣсти». Она же рече: «Боюся да створиши, и безчеловѣчна явлюся».

ненавидят безумные мудрых, а неучи ученых, скверные нескверных и испорченные хороших».

Так беседовали они между собой, а Лев убил Быка. Но после этого раскаялся Лев в его убийстве. И пришел ко Льву Ихнилат, увидел, что он печален, и сказал: «Зачем раскаялся ты из-за Быка? Разве не знаешь, что, когда змея укусит в палец, тут же отсекают палец, чтобы все тело не охватило и не сгубило; ради всего тела не жалеют палец».

Вот так, сказал философ, дурной и коварный человек превратит любовь во вражду и смуту, если пристроится к друзьям, поддерживающим дружбу и любовь.

И сказал царь философу: «Сообщи мне про Ихнилата после гибели Быка».

В ответ философ сказал:

После гибели Быка Леопард, а он был учитель и верный советник Льву, вышел и приблизился к Ихнилатовым воротам и услышал, как Стефанит корил и попрекал Ихнилата за то, что тот сделал с Быком, и как раз говорил: «Не спасешься от рук Льва, если он все это узнает». Услышав такое, Леопард понял все до конца, пришел он к матери Льва и сказал ей все, что услышал.

А когда настало утро, мать Льва пришла к своему сыну. Видела она, что он в унынии и скорби, и в раскаянии об убийстве Быка, и сказала ему: «О дитя, раскаяние и печаль ничего другого не дают, лишь тело изнуряют и дух помрачают, а ты будь бодр и не скорби. И без слов твоих знаю, что скорбишь ты и страдаешь за Быка, которого безвинно погубил. Если был ты справедливый царь, должен был ты думать о нем. Ведь говорится, что нужно воздавать друг другу сердцем. Скажи-ка мне, как обходился ты с Быком?» И сказал Лев: «Всегда любезен был мне Бык, во всем я доверял ему, принимал его уроки, и не было мне ничего худого от его поучений. И теперь еще раскаиваюсь я и скорблю о его смерти, потому что вижу, что был он невиновен предо мной, а я поддался на лживые слова хитрого Ихнилата». И сказала мать Льва: «Я слышала от достойного доверия, что Ихнилат по зависти оклеветал перед тобой Быка». И сказал Лев: «Кто это сказал тебе?» И сказала она: «До́лжно хранить тайны своих друзей. Не хранящий тайну бесчестит свою совесть и посрамляет доверие к себе». И сказал Лев: «Этого нужно держаться в других случаях, но там, где объявлены слова, следует, чтобы и истина объявилась. Чтобы исполнилась месть за пострадавших — вот чем следует покрывать проступки. Справедливый царь не по клевете казнит, не по наушничанью теснит, но по правде и истине. Боюсь, что и об Ихнилате будут так же раскаиваться, как о Быке». И сказала мать Льва: «Не думала я, что усомнишься ты в моих словах». И сказал Лев: «В словах твоих не сомневаюсь, но хочу я правду вывести на свет». И сказала она: «Я боюсь, что, если ты сделаешь это, я окажусь бессовестной».

Сия убо слышав Левъ от матери своея, призва вся околныа своя. Призва же Ихнилата. Видѣв же Ихнилат Лва дряхла, рече къ ближним своим: «Что се зрю бо Лва скръбна и жалости исполнена?» Отвещавши же мати Лвова и рече: «Не за ино что жалует, точию зане тя есть оставил доселе с живыми ходити. Претворил бо еси лестью оканного Телца убити».

Ихнилат же рече: «Вижь, яко всякъ, тщаяйся на благое, готовъ есть да зло постражет. Того бо ради оставиша пустынницы, еже съ человѣкы пребывание, и изволиша пустыня. Аз бо, яко приятель Лвовъ, сказах ему, яже о Телци. Огнь бо съкровенный въ кремыцѣ желѣзом изгонится, и согрешениа елико испытаются и исправятся, толико паче исправятся и открываются. Аще бых вѣдалъ, яко согрѣшил есмь, не бых убо здѣ был, но в нѣкоем мѣсте сокровеннѣ пребывал бых. Молюся царскому величествию, яко да испытает извѣстно, еже о мнѣ, или самъ, или иному повелит праведному испытателю, иже не имать истинну в лъжу претворити, ниже на лица судити, ниже имат послушати моя завистникы. Многы бо таковыа клеветникы приобрѣтох нынѣ за любовь, яже имяше ко мнѣ царь. Аще ли се не сотворится о мнѣ, не имам къ кому прибѣгнути, точию къ Божию благоутробию, иже испытает сердца и утробы.* И к сим же не боюся смерти, зане оставлена есть всякому смерть. И аще бых имѣл тмами душь, не бых пощадѣл их царева ради угожения». И отвѣщав нѣкто от боляръ, рече: «Не бесѣдуй таковаа о царевѣ любови или о своей работѣ, но о нихже беззаконновалъ еси, отвѣщай». Ихнилат же рече: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их? И аще азъ о себѣ не отвѣщеваю, кому печаль отвѣщевати о мнѣ? Но проявил еси пред всѣми зависть, яже еси имѣлъ в себѣ, и показалъся еси, яко не друголюбенъ и не твердъ въ вѣре. Остави же предстояти цареви, не достоит бо ти такову завистливу предстояти цареви». Сия слышавъ, он изыде уныл.

Лвова же мати рече ко Ихнилату: «Дивлюся твоему сверѣпству, о Ихнилате: яко таковаа дрързну беззаконна сотворити, безсрамныа глаголы к намъ бесѣдуеши». Ихнилат же, восприем, рече: «Почто мя единѣмъ оком зриши? Не веси ли, яко изначала двѣ оцѣ имаши? Но яко по пророку вси уклонишася вкупѣ и непотребни быша,* нѣсть ни единъ, иже правду любит и истинну. Царь бо за излихиа своа благодати не обличает мя, ни страшит». Она же рече: «Видите лукаваго сего и неистовнаго, како толика беззаконнаа содѣлавъ и въ великаа впад согрѣшениа, превратити начинает истинну и хощет нас словесы своего лукавьства прельстити!» Он же рече: «Нѣсть лѣпо женам в мужская вещи входити, ни мужу в женьскаа. О горе мужу и дому тому, идѣже жена владѣет! Безуменъ есть, иже пред царемъ отвѣщевает без вопрошениа. Иже злая творит, неприятенъ никомуже, ниже отражает приходящаа злаа». Мати же Лвова рече: «Да ти ся не мнит, о невѣрниче, яко убѣжати хощеши от

Услышал это от матери своей Лев и призвал всех своих приближенных. И Ихнилата призвал. Ихнилат увидел, что Лев в унынии, и сказал окружающим: «Что же это я вижу, что Лев в скорби и печалью охвачен?» А мать Льва сказала в ответ: «Печалится он ни о чем другом, лишь о том, что позволил тебе до сих пор быть среди живых. Ты же ведь хитростью добился, чтобы погубить несчастного Быка».

И сказал Ихнилат: «Заметь, что всякий, кто стремится к добру, должен быть готов терпеть зло. Потому-то отказались пустынники от того, чтобы быть с людьми, и предпочли пустыню. Ведь я, как друг Льва, все про Быка ему сказал. Огонь, скрытый в кремне, извлекается железом, а преступления чем больше расследованы, тем больше выявлены, а чем больше выявлены, тем больше открыты. Если бы знал я, что совершил преступление, не был бы здесь, но был бы в тайном каком-нибудь месте. Я прошу у царственного величества, чтобы все, что касается меня, он внимательно расследовал — сам ли или другому поручил справедливому следователю, кто бы мог не превращать правду в ложь, судить нелицеприятно, не слушать моих завистников. Много теперь против меня таких клеветников из-за любви, которую питает ко мне царь. Если не исполнят это в отношении меня, не будет у меня к кому прибегнуть, только к милосердию Бога, который „испытует сердца и утробы". К тому же я не боюсь смерти, ведь смерть назначена каждому. И пусть бы у меня были тысячи душ, не пожалел бы я их, чтобы угодить царю». И один из вельмож сказал в ответ: «Не рассуждай о царской любви или о своей службе, отвечай о том, в чем нарушил закон». И сказал Ихнилат: «О безрассудный, разве ты не знаешь, что нет ничего дороже для живущих, чем душа? И если я за себя не отвечу, кому забота отвечать за меня? А ты перед всеми открыл зависть, которая скрыта в тебе, и оказалось, что ты недружелюбен и ненадежен. Не смей находиться при царе, такой завистник не достоин находиться при царе». И тот в унынии удалился, услышав такое.

И сказала мать Льва Ихнилату: «Удивляюсь я, Ихнилат, твоей необузданности: ты осмелился совершить этакое беззаконие и еще обращаешься к нам с бесстыдными словами». И сказал Ихнилат в ответ: «Почему глядишь ты на меня одним глазом? Разве ты не знаешь, что от рождения у тебя два глаза? Ведь, согласно пророку, все без исключения уклонились и сделались непотребными, нет ни одного, кто любит правду и истину. Царь вот по безграничной своей доброте не обличает меня и не угрожает мне». И сказала она: «Глядите на этого коварного и нечестивого, как он, впав в такое беззаконие и совершив великое преступление, начинает искажать правду и хочет обольстить нас речами своего коварства!» И сказал тот: «Нехорошо, чтобы женщины вмешивались в мужские дела, а мужчины в женские. Горе тому мужу и тому дому, где правит жена! Безрассуден тот, кто отвечает царю, когда его не спрашивают. Кто творит зло, тот ни к кому не дружествен и не защитится от будущего зла».

осудителнаго мучениа, аще и многословия плетеши». Ихнилат же рече: «Таковии суть, иже ложнаа творят, и от правды укланяющеся, и ни въ словесѣх своихъ, ни в дѣлех утвержени». Видѣв же мати Львова Лва ничтоже о сих глаголюща и рече: «Солгаша, елика глаголаша на Ихнилата, яко истинну бесѣдует, иже пред царемъ съ дръзновением глаголеть, и ни от когоже възбраняемь».

Тогда повелѣ царь в темницу въврещи Ихнилата и оковати его, дондеже о нем испытает. И по оковании его исповѣда Лву мати его, яко: «Леонтопардос сказа ми яже о Ихнилатѣ». Лев же рече: «Остани его. Узрит бо, что хощет пострадати».

Нощию же Стефанит ко Ихнилату пришед и оковании его видѣвъ, и проплакася, и рече: «Си суть, яже ти преже глаголах, но гордостию и высокоумиемь побежен бывъ, не приемляше моя словеса. Зри убо съвръшенье». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Непрестанно наказавалъ мя еси полезнаа, но азъ не послушах тебь: несытием бо одръжим бых оканный. Подобно пострадах болных, иже знают, яко неполезна им есть от нѣкоего ястья, но лакомъством своим вкушающе, поврьжают себе. Нынѣ же точию о себѣ боюся, но омышляю о тебѣ — да не за ради дружбу и любовь, яже имѣхом, ят будеши и ты и нужею исповѣси, яже о мнѣ, и смерть исходатаиши себѣ и мнѣ».

Стефанит же рече: «И азъ таковаа смыслих, но поучаю тя, яко да исповѣси съгрѣшение свое. Болши бо есть здѣ мучену быти, нежели во оном вѣце». «Да трьпя, дондеже видя, что хощет быти».* Стефанит же *прискръбенъ* бывъ и пристрашен и шед напои себе яда и издше.

Наутриа же Левъ призва судья и Леонтопардоса, Ихнилата, яко да вкупѣ будет суд. И сшедшимся всѣм, и рече Леонтопардос: «Нашь царь, о воини и дружино, непрестанно печеться о убьении Телца и о Хнилатовѣ злосъвѣтии. Рече убо, аще кто нѣчто знает о нем, да глаголеть. Не хощет бо царь без суда муку нанести». Судья же рече: «Сый да еже вѣсть кто о таковѣй вещи, да исповѣсть. *Зол бо муж*, аще убьенъ будет, погубление зло бывает и на ползу прочии поучятся». Ихнилат же рече: «То молчите? Овый же знает нѣчто мнѣ, да глаголеть, азъ о себѣ да отвѣщеваю. И аще ни кто не вѣсть ничтоже и глаголеть лжу, подобно постражет неумѣтелна врача.

Глаголеть бо ся, яко врач нѣкый приде в нѣкый град. Приключи же ся дщери властелина того в недуг впасти. И повелѣ нѣкый врач премудръ, но слѣпъ, яко да былием уврачует ону. Призванъ бо бысть и странный он врач, яко да разсудит о былии оном, еже рече слѣпый он врач. Он же, невидѣнием *ино былие подобно* разстворив, дасть ей пити. Она же, испивши таковое, въ чревѣболѣзненый недугъ впадши и умрет. И принудиша родители ея у врача оного испити от оного зелиа и была. И пив, смертнаа страждаше. Тако убо стражет, иже бесѣдует и творит, яже не вѣсть».

И сказала мать Льва: «Пусть тебе не кажется, о нечестивец, что избегнешь ты судебной казни, хоть и сплетаешь многословия». И сказал Ихнилат: «Таков тот, кто составляет клеветы, уклоняясь от правды, — изменчив и в словах, и в делах». Увидела мать Льва, что Лев ничего не говорит обо всем этом, и сказала: «Солгали, когда говорили, что Ихнилат высказывает правду, если предерзостно разглагольствует перед царем и никто ему не препятствует».

Тогда велел царь бросить Ихнилата в темницу и заковать его, пока будет расследование. А когда сковали его, призналась Льву его мать, что Леопард, дескать, сказал ей все про Ихнилата. И сказал Лев: «Оставь его. Он увидит, что с ним будет».

А ночью пришел к Ихнилату Стефанит и, видя оковы его, заплакал и сказал: «Случилось то, о чем я тебя предупреждал, но ты не слушал моих слов, и тебя победили гордость и самонадеянность. Гляди же теперь, что получилось». И сказал Ихнилат: «Верно ты сказал. Всегда учил ты меня полезному, а я не слушал тебя: охвачен жадностью был я, несчастный. Со мной произошло, как с больным: он знает, что нельзя ему есть какую-нибудь еду, но, чтобы полакомиться, отведает и причинит себе вред. Теперь я боюсь не только за себя, но тревожусь и о тебе, что из-за дружбы и любви, которые были у нас, схватят и тебя и ты признаешься против воли во всем, что относится ко мне, и навлечешь смерть на нас обоих».

И сказал Стефанит: «И я думаю так, но учу тебя тому, чтобы ты признался в своем преступлении. Лучше здесь перенести наказание, чем в будущей жизни». — «Подожду, пока не увижу, что будет». В печали и страхе пошел Стефанит, выпил яд и умер.

Наутро Лев призвал судью, Леопарда и Ихнилата, чтобы устроить суд. И когда все сошлись, Леопард сказал: «О воины и друзья, наш царь беспрестанно думает об убийстве Быка и о злых советах Ихнилата. И вот он сказал: „Если кто-нибудь знает что-нибудь об этом, пусть скажет". Ведь царь не хочет без суда предавать казни». И сказал судья: «Если есть кто-то, кто знает об этом деле, пусть расскажет. Если убит будет злой человек, с ним погибнет зло, а другие извлекут полезный урок». И сказал Ихнилат: «Что молчите? Кто знает что-нибудь обо мне, пусть скажет, а я отвечу. А если кто-то ничего не знает, но произнесет ложь, пострадает как неискусный врач.

Рассказывают, что в один город пришел врач. А случилось так, что дочь властелина города заболела. И один мудрый, но слепой врач велел, чтобы лечили ее травами. Тогда призвали чужеземного врача, чтобы он разобрался с этой травой, о которой сказал слепой врач. А тот по незнанию приготовил другую похожую траву и дал пить больной. Та выпила ее, заболела брюшной болезнью и умерла. А родители ее заставили того врача пить это лекарство и траву. И, выпив, он принял смерть. Так бывает с тем, кто советует и делает то, чего не понимает».

Въстав же пръвый магеръ и рече: «Послушайте мое слово, о дружино. Являет бо ми ся Ихнилат льстивъ и лукавъ. Глаголеть бо ся, яко иже имат лѣвое око мало и мъгливо и вѣжди возвышенѣ и, егда ходит, долу главу прекланяет, тои клеветник есть и лукав. Зрим же убо оканнаго сего, яко таковъ есть». Ихнилат же рече: «Вси есмы под небесемъ и никтоже взыде превыше небесъ. А сый бѣсѣдуай таковаа, мнит ся, яко мудръ есть, но мниши ся безумне, яко иже во очию твоею берьвно не видиши, а иже во очеси ближняго си сучець видиши,* подобнѣе стражеши безумныа оны жены.

Глаголеть бо ся, яко женѣ двѣ, от плѣна избѣгши с мужем, нази ходяху. Едина же от них нѣкыя рубы обрѣтши и свой студ покрываше, възвративши же ся другаа жена и рече: „Не стыдиши ли ся* нага ходящи?" К ней же муж он рече: „Не блюдеши ли, о безумнаа, свою наготу, но туждая наготы поносиши?" Таков и ты, о протомагере, явился еси. Не видиши ли себе, каковы смрадныа струпы на себѣ имаши, дръзаеши предстояти цареви и того работу рукама осязаеши?»

Сия слышавъ, протомагер раскаявся, о нихже реклъ есть, и проплакася. И исправив от нѣкоего Лев, яко истинна есть, яже о протомагерѣ, и отпуди его от себе. И назнаменася в писании той суд, и пакы затворенъ бысть в темници Ихнилат.

Нѣкто же друг Ихнилатовъ приде к нему в темницу и сказа ему Стефанитову смерть. Горко же плакав: «Не подобает ми, рече, уже живот днесь, зане такова друга вѣрна и любовна лишихся. Добрѣ бо рече рекый, яко во время искушениа стичаются вся лютаа».

Потом предста судищу. И видѣв его, воевода рече: «Разумѣх, о Ихнилате, дѣла твоа и нѣсть утаилося ни едино от них. И аще не бы царево благоутробие велие и неисчетенно, не бы оставил тебе доселѣ в живых». Хнилат же рече: «Аще неизреченно есть оного благоутробие, но и твое сердце проклято есть и жестосердо. Видя бо твоих похотей желание, како преже осужениа моего смерти осужаеши мя. Не порицаю ти о сей вещи, присно бо лукавии и злии добрым противятся и ненавидят их». И судья рече: «*Но* достоит боляром истинну бесѣдовати и обличати и запрѣщати ненаказанныа мужа. Поучаю тя, о Ихнилате, яко изволи здѣ мученъ быти, нежели в будущем вѣце. И исповѣжь истинну пред всѣми нами». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Подобает убо всякому избрати мудрому от временных приснотребущая. Но неповиненъ есмь от сего прегрешениа и не подобает ми причастнику быти с вами о пролитии моеа крови. Аще бо иже нѣкое солжет, мерзок и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобрящет похвалу? Блюдѣте убо, да не потом раскаетеся, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтелие.

Тогда встал главный повар и сказал: «Выслушайте, друзья, мое мнение. Мне кажется, что Ихнилат лжив и коварен. Ведь говорят, что, если у кого левый глаз маленький и мутный, а брови подняты и, когда идет, голову долу держит, тот клеветник и коварен. Смотрите же на этого несчастного, что он таков и есть». И сказал Ихнилат: «Все мы под небом, и никто выше неба не поднимется. Тот, кто говорит такие вещи, представляет себе, что он мудр, но представляется безумным: ведь ты не видишь бревна, которое в твоем глазу, а сучец, который в глазу у ближнего, ты видишь, так что будет с тобою то же, что и с той неразумной женщиной.

Рассказывают, что две женщины и мужчина убежали из плена и шли голые. Одна из женщин нашла какой-то лоскуток и прикрыла им срамное место, а другая, обратившись к ней, сказала: „Не стыдно тебе ходить голой?" А мужчина сказал той: „Не видишь разве, безумная, своей наготы, что поносишь чужую наготу?" Таковым и ты кажешься, главный повар. Разве не видишь, какие на тебе зловонные струпья, а еще смеешь стоять перед царем и руками касаться изделий для него?»

Услышал это главный повар, раскаялся в том, что сказал, и заплакал. А Лев разузнал кое от кого, что о главном поваре сказана была правда, и прогнал его от себя. Суд этот был занесен в документы, а Ихнилат снова заключен в темницу.

Кто-то из друзей Ихнилата пришел к нему в темницу и рассказал о смерти Стефанита. И тот, заплакав горько, сказал: «Не нужна мне теперь жизнь, когда лишился я верного и любимого такого друга. Хорошо, сказал сказавший, что во время испытания стекаются все беды».

Потом предстал он перед судом. И сказал военачальник, увидев его: «Я знаю дела твои, Ихнилат, и ни одно из них не укрылось. И если бы не великая и неисчислимая милость царя, не оставался бы ты до сих пор в живых». И сказал Ихнилат: «Хоть неизреченная его милость, да твое сердце злодейственно и жестоко. Вижу я желание твоих устремлений, как еще до приговора приговариваешь меня к смерти. Я не осуждаю тебя за это, ведь всегда коварные и злые борются с добрыми и их ненавидят». И сказал судья: «Достойно вельможи говорить истину, обличать и наставлять невоспитанного мужа. Я учу тебя, Ихнилат, чтобы ты здесь выбрал казнь, а не в будущей жизни. Расскажи правду всем нам». И сказал Ихнилат: «Верно сказал. Должен ведь всякий мудрый выбирать из временного вечное. Но я не виновен в этом преступлении, так что нельзя мне быть вашим соучастником в пролитии моей крови. Если кто на кого наговорит, тот будет мерзок и неразумен. Каков же тот, кто наговорит на себя? Какую это прибавит мне славу? Смотрите же, как бы потом не раскаяться, когда не сможете ничего достичь. И смотрите, чтобы не пострадать вам, как лжесвидетелям.

Глаголеть бо ся, яко нѣкый крагуарь вжелѣ жену господина на своего, яко лещи с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогнѣвав же ся о семъ красуарь, улови в нѣкый день двѣ сои и научи едину бесѣдовати перьскым языком, яко: „Видѣх госпожу свою со вратарем"; другую учи глаголати, яко: „Не глаголи ничтоже". Въ единъ убо от дни приключися господину с персы обѣдовати, и слышаша соя перьсскым языком глаголюща и бесѣдующа, и полюбиша ихъ. Таже и слов, еже бесѣдоваху соя, исповѣдаша персяне они. Крагуяр же внѣ стоа и рече: „И азъ свѣдѣтелствую, яко таковое дѣло видѣх". Господинъ же его разьярився, хотяше свою жену убити. Она же яже о крагуяри сказа мужу своему, яже: „Лесть на мя сшил есть, зане не послушах его на скверно дѣло. И ину бесѣда не знаят соя перьсскыи, кромѣ слова, иже их научи крагуарь". Въпроша же соа персяне о нѣкых рѣчех, и обрѣтоша их, яко ино ничтоже не вѣдят, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: „Не боиши ли ся Бога, яко таковая на мя свѣдѣтельствуеши? Тако ли есть было дѣло?" Он же рече: „Тако есть было". И сия рекши ему, напрасно въскочи крагуй и извертѣ ему очи. Тако и ты постражеши съ дружиною своею, аще лжесвѣдѣтелствуеши на мя».

Никомуже бо возмогшу Ихнилата осудити, паки затворенъ бысть в темници дни 7. Мати же Лвова Лву рече: «Аще нечьстиваго сего от осужениа отпустиши, познай, яко вси, иже под тобою, еже хотят сотворити, без печали сотворят, извѣстие бо прииметь, аще и зло сотворить, не постражет ничтоже». Видѣ убо Левъ насилие матери своея, повелѣ, да убьют Ихнилата.

Таже рече философ: «Разумѣйте таковаа и познайте, яко всяк мужь, иже сшивает лесть на друга своего, впадет в ровъ, иже содѣла».

Притча третья. По убьении Ихнилатовѣ въпрос царевъ. *Царь же рече: «Разумѣхъ таковую притчю. Но еще скажи ми другую притчю о друзех, иже любятца и в любви присно пребываютъ»*. Философ же восприим, рече:

Друга вѣрна нѣсть измѣнениа сущих ничтоже. Да скажу се явѣ. Глаголеть бо ся, яко нѣ в коем градѣ мѣсто бяше на ловъ угодно. На нем же мѣсте бяше дубъ высокъ и дупенъ, в немже вгнездашеся гавран. Въ един убо от дни видѣ ловца оба люта, на рамѣ убо мрежу носящю, в руку же жезлъ дръжаща. И того видѣвъ устрашися и смысли в себѣ пребыти на том дубѣ, идѣже гнездо его бяше, яко да узрит, что хощет сотворити. Ловець же мрежу простеръ и поврьже в ня зерна пшенична. Голубь же нѣкый болший от иных видѣвъ зерна пшенична, мрежи же не узрѣ, впаде в ня с прочими голубы. Ловець же, видѣв се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Пръвый же над ними голубь рече: «Не боитеся, но вкупѣ друг другу помозѣм,

Рассказывают, что один сокольничий пожелал жену господина своего, чтобы с нею возлечь. А она не склонялась на это. Разозлился из-за этого сокольничий, поймал однажды двух соек и научил одну говорить по-персидски: „Видела я госпожу свою с привратником", а другую: „Ничего не говори". В один из дней случились у господина за обедом персы, они услышали, что сойки говорят и беседуют по-персидски, и полюбили их. Эти персы передали также и слова, которые произносили сойки. А сокольничий был снаружи и сказал: „И я свидетельствую, что видел это". Разъярившись, господин хотел убить свою жену. Тогда она все рассказала мужу своему о сокольничем, а именно: „Строит он козни против меня, потому что я не согласилась на дурное дело. Кроме слов, которым научил их сокольничий, ничего больше говорить не умеют сойки по-персидски". Персы спросили у соек другие слова и обнаружили, что те ничего не знают, кроме коварных и лживых этих речей. И сказала госпожа, придя к сокольничему: „Разве не боишься ты Бога, что свидетельствуешь такое на меня? Разве было такое?" И сказал тот: „Так и было". И стоило сказать ему это, как внезапно сокол налетел на него и выклевал ему глаза. Так и ты пострадаешь со своими друзьями, если будешь лжесвидетельствовать на меня».

И поскольку никто не мог обличить Ихнилата, был он снова заключен в темницу на семь дней. И сказала Льву мать Льва: «Если ты освободишь без осуждения этого нечестивца, то знай, что все, кто под тобой, все, что захотят сделать, сделают без боязни, ибо будут знать, что, хоть и совершат зло, ничуть не поплатятся». Убедился Лев в настойчивости своей матери и велел, чтобы убили Ихнилата.

И сказал в заключение философ: «Размышляйте об этом и усвойте, что всякий, кто строит козни против ближнего своего, упадет в ров, который вырыл».

Третья притча. Вопрос царя после убийства Ихнилата. И сказал царь: «Я понял твою притчу. Но расскажи мне другую притчу о друзьях, которые любят друг друга и всегда пребывают в любви». И сказал философ в ответ:

Из существующего ничто не заменит верного друга. Изложу это яснее. Рассказывают, что в одном городе было место, удобное для охоты. Стоял на этом месте высокий и дуплистый дуб, на котором гнездился ворон. В один из дней увидел он, что очень свирепый охотник несет на плече сеть и палку держит в руке. Увидел он охотника, испугался и подумал про себя, что останется на дубе, где было его гнездо, и увидит, что же сделает охотник. А охотник растянул сеть и посыпал на нее пшеничных зерен. И один голубь — а он был старше других — увидел пшеничные зерна, а сети не заметил, и попал в нее с другими голубями. Очень обрадовался охотник, видя это. Стали голуби биться в сети. И сказал голубь, старший над ними: «Не бойтесь и давайте вместе поможем

яко да возможем крилы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздух мрежу. Се видѣв, ловець удивися убо, но не остави их, послѣдовав же по них, мня, яко не много имуть лѣтати. Гавран же все соблюдаше, яже о них. Болший же голубь, видѣ ловца по них идуща, рече къ прочиим голубем: «Ловец сый послѣдуеть нам. Да аще по полню мѣсту лѣтание сотворим, не оставит же гонити нас. Аще ли же по горних и непроходных мѣстех лѣтание сотворим, скорѣ убо оставит нас. Еще имам на том пути мыша гостя; и аще до него доидем, скорѣе узы наша разстрългнеть и нас свободит». Видѣ убо ловец в недоумѣнии начинание их и возвратися.

Гавран же послѣдоваше по них, яко да узрит дѣло спасения их, вкупѣ же и любимаго им мыша узрѣти. Яко идоша до гнѣзда его и снидоша землю. Мышь же изшед видѣ голубя, с радостию прият его и рече: «Кто тя таковым узамъ, о любимиче, приплете?» Он же рече: «Часть мя таковым лютым приплете, яко ослѣпѣл бѣх и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ят бых. Нѣсть убо дивно о сем, зане впадох аз в таковое падение, болшии бо от мене и в горшаа впадають. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сѣнию *земною* покрывается; и рыба морьскаа из глубины извлачится; и птица небесныа от въздух сводятся, егда будет им повѣлѣно». Сия рекъ, нача мышь глодати узы мрежныа. Голуб же рече: «Начни преже ослобожати сущая под мною, потом же разрѣши и мене». Мышь же не послушаше я разрѣшити всѣх, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубь, и не послушаше его мышь. И рече ему голубь: «Не порочи ми, о мышу, о нихже ти бесѣдую, понеже ми есть дал Богъ область над тѣми голубы всѣми, достоит ми, яко да промышляю о них. Вѣрно бо и приятелно поработаша ми, и за пособьствие их и поспѣшенье Богъ освободи нас от сѣтей сих ловчихъ. Молю же ся, да не мене преже разрѣзав, о сих облѣнишися. Болши бо ми, еже азъ буду во узах, неже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сущаа под тобою, яко люби тебя и прияти тебѣ». Сия же рекъ, разрѣши всѣх от юз, и разрѣшени быша и отъидоша.

Видѣв же гавран бывшее, сниде к мышьему гнѣзду и пригласивъ его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Азъ есми гавран, и видѣв твое усръдие, еже има къ другом си, въсхотѣх дружбу имѣти с тобою, и о сем придох к тебѣ». Мышь же рече: «Коя есть община и тебѣ и мнѣ? Подобает убо мудрому силная искати, а немощных небрещи. Иже бо таковая начинаай, уподобился есть мужу, иже по водѣ возит кола, а по суху корабль. Како буду тебѣ друг, пища тебѣ сый?» Гавран же рече: «Разсуди своим помыслом полезная себѣ. Нѣсть бо никаа полза, аще зъм тебе, паче же полезно ми есть, аще ты в живых будеши и поспѣшьствуеши ми о всем. Не подобает ти тща пустити мя от чаания моего, извѣстие бо имам о любви твоей, еже имаши къ другом си, аще ты сам показал еси мнѣ. Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися

друг другу, чтобы смогли мы на своих крыльях поднять сеть». Сделали они так и подняли сеть на воздух. Удивился охотник, увидев это, но не оставил их и пошел за ними, думая, что не долго они смогут лететь. А ворон все это наблюдал. Увидел старший голубь, что охотник идет за ними, и сказал другим голубям: «Нас преследует охотник. И если над полями мы полетим, он не оставит погоню за нами. Если же мы полетим над горами и непроходимыми местами, он скоро от нас отстанет. На этом пути есть еще у меня приятель мышонок; если мы доберемся до него, он быстро разорвет наши узы и освободит нас». Понял охотник в замешательстве их затею и повернул назад.

А ворон последовал за ними, чтобы увидеть, как совершится их спасение, к тому же и посмотреть на дружественного им мышонка. Вот добрались они до его гнезда и опустились на землю. Вышел мышонок, увидел голубя, радушно принял его и сказал: «Кто тебя, дружок, опутал такими узами?» И сказал тот: «Судьба опутала меня свирепыми этими узами: нашло на меня ослепление, позарился я на пшеничные зерна и в сеть попал. Неудивительно это, что попал я в такое несчастье, и с лучшими, чем я, бывает еще хуже. Солнце и то исчезает, когда затмит его луна, а луна покрывается земной тенью; морских рыб извлекают из глубины, а птиц небесных совлекут с воздуха, когда будет им так суждено». Сказал так голубь, и стал мышонок грызть тенета. И сказал голубь: «Начни вперед освобождать моих подданных, а меня потом развяжешь». Но мышонок не соглашался, чтобы освободить всех, а не своего только друга. Как долго ни убеждал его голубь, не соглашался мышонок. И сказал ему голубь: «Не ругай меня, мышонок, что говорю я за них перед тобой: ведь дал мне Бог власть над всеми этими голубями, необходимо, чтобы я заботился о них. Они верой и дружбой послужили мне, и с их помощью и соучастием освободил нас Бог из охотничьей сети. И прошу я, чтобы не пренебрег ты ими, если бы распутал меня вперед. Лучше мне самому остаться в узах, чем одному из них». И сказал мышонок: «И подданные твои говорят эти слова — из любви и приязни к тебе». Сказав это, он всех освободил от уз, и, свободные, они улетели.

Увидел это ворон, спустился к гнезду мышонка и позвал его. И сказал тот: «Кто ты, дружок?» А он ответил: «Я ворон, я видел твое добросердечие, которое ты питаешь к твоим друзьям, и хочу вступить с тобою в дружбу, и за этим пришел к тебе». И сказал мышонок: «Что общего у нас с тобой? Мудрый должен сближаться с сильными, а слабыми пренебрегать. Кто начинает такое, похож на человека, который возит по воде телегу, а посуху корабль. Как буду я тебе другом, являясь твоей пищей?» И сказал ворон: «Раскинь своим умом о полезном для тебя. Нет никакой мне пользы, чтобы съесть тебя, но зато полезно мне, если будешь ты жить и во всем помогать мне. Не до́лжно, чтобы ты оставил меня без удовлетворения в моей надежде, ведь есть у меня сведения о твоей любви, которую ты питаешь к твоим друзьям, как это ты сам мне показал.

благоуханию, иже наречется греческым языком мосхос,* иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече: «Велиа есть обычнаа вражда. Лев бо со елефандом присно враждуються, якоже и мышь с коткою. И не подобаеть врагу вѣровати. Вода бо аще и огнем согрѣвается, но свои обычаи не отлагает: възливаема на огнь погашает его, аще укропъ есть». Гавран же рече: «Разумѣх, яже глаголеши. Но моа любовь не тако будет; яже имяхом створити с тобою, но тверда и извѣстна. Якоже бо златый съсуд с трудом ковется и съвръшается, и к тому не съкрушается, скуделничи ниже удобнѣ творятся и удобнѣ разсыпаеться. Тако истинная сущая любовь едва съвершается, но нерушима пребываеть, нечистая же и неистовнаа любовь скорѣе и удобнее составляется и скорѣе разсыпается». И мышь, отвѣщав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми ся тща отпустих. Аще бо и вѣру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем вѣрую. Вѣм бо, яко и похвалишься когда и induce, яко: „Обрѣтох мыша безумна и прельстив его снѣдох", — бесчестие ти будет». И сия рек, мышь изыде из гнѣзда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходиши?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающеи двоими вещми любяться: овии бо заповѣди ради любовь творят, друзии же телесныа ради потребы. Подобни суть ловцу, иже помѣтает пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себѣ. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию молениа твоего ради, и ничтоже ино возбраняет ми изыти к тебѣ, точию зане боюся единомысленыя ти гавраны: видѣнием бо подобни суть тебѣ, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сих ради. Истиннаго бо *люблениа* увѣрение си есть, еже и любити любовныа и враждовати враги. И аз зане тя люблю и моя дружина любити тя имят». Сия рекши гаврану, изыде мышь из гнѣзда своего весь. И любовь посреди их съвръшися.

Въ единъ убо от дни рече гавранъ к мышу: «Зрю домъ твой, яко близ пути есть, и боюся, да не мене ради познанъ будеши и погибнеши. Но вѣм мѣсто нѣгде отлученно от человѣкъ, на немже суть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том мѣсте желву гостию и хощу, яко да и ты поидеши тамо питатися и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою! Аз возненавидѣх бо здѣшнее пребывание вины ради, о нейже скажу ти, егда до мѣста оного доидем».

Взем же гавран мыша за опашь и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видѣвше гавранъ мыша носяща, мняше, яко туждь есть, и убоявшися скрыся въ воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуду приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече къ мышу: «Обѣщал ми ся еси, яже о себѣ, яко да егда доидем до сего мѣста, скажеши ми нѣкаа». Он же рече: «Аз пребывание имѣх прьвие у нѣкоего мниха и ядях, яже имяше угоднаа снедения. И егда насыщахся

Добродетели мудрого мужа подобны бычьему благовонию, которое по-гречески называется мускус: оно, хоть и невидимо, выдает себя запахом». И сказал мышонок: «Велика вражда по природе. Всегда враждуют лев со слоном, как и мышь с кошкой. Нельзя верить врагу. Вода, хоть и нагреется огнем, не изменит своей природы: пролитая на огонь, она гасит его, хоть и горяча». И сказал ворон: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Но моя любовь не будет такой; та, что будет между нами, будет крепка и надежна. Ведь так и золотой сосуд трудно выковать и сделать, но он уж и не ломается, а глиняный легко делается, легко и рассыпается. Так и настоящая любовь: с трудом возникает, но остается нерушимой, нечистая и неистинная любовь скоро и легко возникает и скоро распадается». И сказал в ответ мышонок: «Принимаю твою любовь, никого из просивших не оставлял ведь я никогда без удовлетворения. Пусть и не сохранишь ты верность, — я верю словам твоим. Я знаю, что, если ты и похвалишься когда и скажешь, что, дескать, нашел глупого мышонка и, обманув, съел его, не будет тебе в этом чести». Сказав это, мышонок появился из своего гнезда, но не весь. И сказал ворон: «Те, кто живут на этом свете, любят двояко: одни любят по заповеди, другие по телесной нужде. Они подобны ловцу, который разбрасывает пшеницу, чтобы прельстить птиц: не птицам он делает пользу, а себе. Я же вступаю в дружбу с тобою не по другому чему, как по твоей просьбе, и ничто другое не мешает мне выйти к тебе, только что боюсь я сходных с тобою воронов: они ведь похожи на тебя обликом, но не похожи нравом». И сказал ворон: «Из-за них не бойся. Доказательство истинной любви состоит в том, чтобы любить любимых и враждовать с врагами. И, поскольку я люблю тебя, мои друзья должны полюбить тебя». Сказал это ворон, и вышел мышонок из своего гнезда. И установилась между ними дружба.

В один из дней сказал ворон мышонку: «Вижу, что дом твой близко от дороги, и боюсь я, что из-за меня обнаружат тебя, и ты погибнешь. Я знаю место, удаленное от людей, где в изобилии рыбы и разной другой пищи. Есть там у меня приятельница черепаха, и я хочу, чтобы ты пришел туда кормиться и жить с нами». И сказал мышонок: «Я пойду с тобой! Мне не нравится жить здесь по одной причине, о которой я скажу тебе, когда мы прибудем на место».

Взял ворон мышонка за хвост и отнес его к источнику, в котором жила черепаха. Она же, увидев, что ворон несет мышь, подумала, что это чужой какой-нибудь, и из осторожности скрылась в воде. Положил ворон мышонка на землю и позвал по имени черепаху. Узнала она его голос, вышла к нему и спросила, откуда он прибыл. И рассказал он о происшедшем.

И сказал ворон мышонку: «Обещал ты мне, что, когда мы доберемся до места, расскажешь кое-что о себе». И сказал тот: «Жил я вначале у одного монаха и питался всем, что было пригодного для еды. А когда наедался,

и приемлях прочаа останкы моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних кѣлию, яко да обрящет мя, и не возможе обрѣсти мя. Иногда же повѣшаше пищу свою, яко да убѣжит врежениа моего, и не возможе убѣжати. Въ единъ убо от дни странник нѣкый мних приде к нему, и начаша друг съ другом бесѣдовати мниси и рукама плещаху, нас страшаще. Въпроси же и странный он мних вину, о нейже плещаху. Сказа ему, яко: „Мышев ради плещем. Есть бо мышь безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит намъ. Молю тя, поищем входа гнѣзда его и раскопаим пребывание его". Случих же ся аз тогда въ гнѣзде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избѣгох оттуду и во ину дуплину внидох. Имѣх же в моемь гнездѣ златникы тысяща, яже подстилах под собою и великомудрѣх о них. И раскопавше убо мниси землю, и обрѣтоша гнѣздо мое и златникы, и вземше злато с радостью, и рекоша: „Сие злато разпалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смиренъ и сраменъ и некрѣпок будет". От того часа, якоже и мниси рекоша, *сължи* ми ся крѣпость* и низложи ми ся высокоумие, и преобиденъ бых от мышев. И въ утрешний день въсхотѣх въскочити въ хранилницу мнишьскаго ястиа и не възмогох. И се видѣвше, прочии мышеве въсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляются, ибо благаа свѣсть и мудрость злата ради пребывают. Не имый же богатства скорбенъ есть всегда и мерзок всѣм является, и безумен, и непотребенъ. Аще бо нищий и убогий муж храберъ обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смиренъ будет, немощенъ нарицается, аще ли бесѣдует, блудник именуеться, аще ли млъчалив кто, безуменъ нарицаеться. И болше есть преже от сего житиа отъити, нежели солнце имѣти сраму свидѣтеля. ⟨...⟩ Сия убо помышляю видѣх страннаго оного мниха, яко раздѣли злато и свою часть в нѣкое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотѣх таи отвлещи злато, мнях бо, яко сном одръжим есть. Он же пробуденъ сый, взят рукою своею, яже обрѣте рукою своею близ себѣ вѣйку и удари мя по главѣ, и *поболѣвъ* зѣло возвратихся. Таже пакы на влагалище злата дръзнух и видѣв мя, пакы мних он и удари мя сей вѣйкою зѣло по главѣ, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекый себе, доидох до дуплины оноа, и безгласенъ лежах часы доволны. Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа съвѣсть есть и начало. Иже лакомьство имать, не может от злата убѣжати ни на земли, ни на мори. Вѣровах же, яко нѣсть ничтоже болшее, кромѣ доволнаго имания. Сего ради убо премених житье свое и пустынное въсприях житье. И имѣх же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо нѣсть никоя красота в мире, кромѣ бесѣдования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию довольнаго имания. Доволно же ино ничтоже нѣсть, развѣе хлѣб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но

собирал разные остатки и давал другим мышам. Не раз разбирал монах келью, чтобы найти меня, но найти не мог. Иной раз он подвешивал свои припасы, чтобы спасти от меня, и не мог спасти. В один из дней пришел к нему странник-монах, стали монахи беседовать друг с другом и в ладоши хлопали, пугая нас. И спросил пришелец-монах, по какой причине они хлопают. А монах сказал: „Из-за мышей хлопаем. Есть здесь бессовестный и бесстрашный мышонок, который много вреда приносит нам. Прошу тебя, поищем вход в его гнездо и раскопаем место его пребывания". Я находился тогда в своем гнезде, а когда услышал такие слова, выбежал оттуда и забрался в другую нору. А была у меня в гнезде тысяча золотых, которые я подостлал под себя и которыми гордился. И вот монахи раскопали землю, нашли мое гнездо и золотые и, забрав радостно золото, сказали: „Это золото распаляло мышонка, и он приносил нам вред, но теперь-то он будет тихий, робкий и слабый". И с того часа, как и сказали монахи, оставила меня сила и покинула меня отвага, и стали обижать меня другие мыши. На другой день хотел забраться я в кладовую с припасами монаха и не смог. Увидев это, поднялись против меня другие мыши и сделались мне врагами. И удивился я тому, что друзья и родственники собираются ради золота, ведь и доброе знание, и мудрость ради золота пребывают. Не имеющий богатства всегда находится в скорбях и кажется всем мерзким, глупым и негодным. Ведь если нищий и убогий человек окажется храбрым, богачи назовут его безумным и буйным, если кроткий и смирный будет, назовут его немощным, если рассуждает, назовут пустословом, если же он молчалив, скажут, что глуп. Лучше уж раньше оставить эту жизнь, чем видеть солнце свидетелем позора. ⟨...⟩ Так размышляя, увидел я, что тот монах-пришелец разделил золото и свою часть положил в суму, а ее положил и скрыл в головах. И захотел я тайно извлечь золото, ибо решил, что он спит. А он проснулся, взял в руки прут, который нащупал рукой близ себя, и ударил меня по голове, и вернулся я к себе в страшных страданиях. Потом снова покусился я на суму с золотом, и, увидев меня, снова этот монах сильно ударил меня тем прутом по голове, и тут же кровь из носа у меня потекла, и было мне плохо, едва волочась добрался я до той норы и без чувств пролежал долгое время. Так я возненавидел золото, что ни думать о нем, ни слышать не мог, и понял, что алчная душа всем злым делам начало. Тот, кто алчен, не может от золота спастись ни на земле, ни на море. И увидел я, что лучше самого необходимого ничего нет. Вот почему изменил я свою жизнь и повел жизнь отшельника. А был у меня любимый голубь, с которым мы подружились еще до ворона. Ведь нет большего удовольствия в мире, чем дружеская беседа. По опыту я знаю, что не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого. А самое необходимое — это не что иное, как хлеб и вода. Хоть и скажем, что такой-то — властелин всего мира, но не будет он равен ни

не тъи равенъ есть от единому менших, иже беспечално живот свой провожает. И си помысливъ азъ в себѣ, послѣдовах тебѣ, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретох, о желво».

Желва же, въсприемши, рече: «Разумѣх, елика изреклъ еси добрѣ же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себѣ, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видѣти, яко словеса украшают дѣло. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разумъ, зане не может себѣ легчину сътворити. Не пецися убо о богатствѣ, великоумный бо муж и без богатства почитаеться. И лев аще сном спит, но страшенъ есть. Такоже и безумный богат бесчестенъ есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрыхъ страненъ есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бѣх иногда славен и нынѣ же не славенъ. Елика бо суть в житьи сем, въ тлѣнии и в мимохожении суть. Глаголеть бо ся, яко сия суть от иных *не ставная*: облачнаа сѣнь, и безумных людии любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрий мужие ни о обилии богатства радуються, ни о умоленьи скрьбят».

Яко гавран услыша бесѣды желвины, возвеселися о них и рече: «Воистинну нѣсть ино ничтоже в житьи болшее, точию дружнее пособьствие и срадование. Никтоже мудрому пособьствует, точию пакы мудръ, якоже и елефанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию пакы елефантъ».*

Таковаа и сим подобна бесѣдующи гаврану, серна нѣкаа напрасно приде. Якоже видѣ, гавранъ на древо възлетѣ, и *желва* въ воду скрыся, и мышь вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, *семо и овамо* очи обращающи. Гавран же на высоту възлетѣ и сматряше, егда нѣкый звѣрь гонит серну. И всюду смотривъ, и сниде на землю, и призва желва и мыша, и сказа им, яже о сернѣ. Серну же видѣвши желва, яко не смѣет пити воды, и рече: « Пии, любимаа, яко никтоже бо сѣмо не приходит. Скажи ми, откуду идеши?» Серна же рече: «Гонима бѣх от ловець до нынѣ от мѣста въ мѣсто бѣгающи, и здѣ доидох». Желва же рече: «Дрьзай, любимаа, никогда бо ловець сѣмо приходит и вкупѣ с нами живи. Се бо предлежат ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху бесѣды своа у нѣкоего дуба всяк день.

Въ единъ убо от дни събрахуся по обычаю на бесѣду гавран и желва и мышь, и серну ожидавше. И не дождавше ея, уразумѣвше, яко в сѣтех ловчих ята бысть. Възлетѣ гавранъ высоко и видѣв сплетену в сѣтех ловчих; възвратися, сказа дружинѣ своей, еже видѣ. Желва же се мышу рече: «На тебѣ лежит нашея серны спасение, о мышу!» Он же, елико мощно ему бяше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа сущи и, любимаа, таковым лютым себе соплела еси?» Она же рече: «И кто может умудрити, егда реченное хощет исполнитися?» Сия бесѣдующим имъ, доиде гавран вкупѣ и желва. Серна же

одному из малых, кто беспечально проводит жизнь свою. И, решив так про себя, последовал я за тобою, о ворон, и вот неожиданно нашел в тебе друга, о черепаха».

И сказала черепаха в ответ: «Понимаю я: все хорошо и умно ты сказал, и вижу также, что постоянно помнишь ты о том, из-за чего вытерпел страдания. Поэтому нужно тебе знать, что слова украшают дело. Так и больной, если не разыщет лекарственных трав, то без толку ему и знание, ведь облегчение себе сделать не может. Не заботься о богатстве, человек многоумный почтен и без богатства. Так и лев — хоть и спит сном, все равно страшен. Равно и глупый богач не заслужит чести. Не думай также о своей жизни на чужбине: среди мудрых нет чужаков. Не вспоминай о прошлом и не говори, что был, дескать, некогда прославен, а теперь бесславен. Все, что принадлежит этой жизни, тлению и изменчивости принадлежит. Ведь говорится, что ненадежнее всего тень облака, дружба дурных людей, любовь женщины, лживая хвала и богатство. Мудрые люди не радуются прибавлению богатства, не скорбят о его умалении».

Как услышал ворон речи черепахи, порадовался им и сказал: «Поистине нет в жизни ничего лучше, чем помощь друга и взаимная радость. Мудрому никто не поможет, как только мудрый. Так и упавшего слона не поднимет никто другой, как только слон».

Пока ворон говорил это и тому подобное, внезапно появилась серна. Увидев ее, ворон взлетел на дерево, черепаха скрылась в воде, а мышонок влез в нору. А серна, чуть попив воды, встала в испуге, обращая взоры туда и сюда. Взлетел ворон на высоту и посмотрел, не преследует ли серну какой зверь. Осмотревшись, спустился он на землю, позвал черепаху и мышонка и рассказал им о серне. Увидела черепаха, что серна боится пить воду, и сказала: «Пей, милая, никто сюда не идет. Скажи мне, откуда ты?» И сказала серна: «Гнались до сих пор за мной охотники, а я бежала с места на место и сюда добралась». И сказала черепаха: «Не бойся, милая, и живи с нами вместе, никогда охотник сюда не приходит. Вот перед тобою обильная пища, чистая вода». Захотела серна остаться с ними, и собирались на беседы свои у дуба они каждый день.

В один из дней собрались, как обычно, на беседу ворон, черепаха и мышонок и серну поджидали. А не дождавшись ее, поняли, что попала она в охотничью сеть. Поднялся ворон высоко и увидел, что запуталась она в охотничьей сети; возвратился он и рассказал друзьям своим, что увидел. И сказала черепаха мышонку: «От тебя, о мышонок, зависит спасение нашей серны!» И он, как только мог, побежал, добрался до серны и сказал ей: «Как же ты, милая, такая мудрая, а запуталась в ужасных этих сетях?» И сказала та: «У кого хватит мудрости, когда свершается предопределение?» Пока они

к желвѣ рече: «Почто пришла еси сѣмо? Аз бо, егда разрѣшена буду от мыша, побѣгну и убѣжу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышь обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снедение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия бесѣдующим им, и разрѣши мышь серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбѣже, гавран же отлетѣ, мышь же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видѣв едину желву, и взем ю, связа.

Гавран же, и серна, и мышь, видѣвше бывшее, зѣло печалнии бывше. Гавран же рече: «О како въ скорби всегда непрестанно впадау! Не довляше бо ми еже от отчьства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпаднути, но лишихся нынѣ любимыя моеа желвы, якоже добрѣ храняше любовныа уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тѣло, многыми бѣдами составлено!» Серна же, въсприемши, рече: «Наша нынѣ печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желвѣ не ползуют никакоже. Но остави сия бесѣды, изобрящи хитрость о ней спасения. Глаголеть бо ся, яко храбрый во время скрѣби искушаеться, вѣрнии же друзи — в бѣдах».

Мышь же, въсприемши, рече: «Судя убо нынѣ быти полезно,* — яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебѣ гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вмѣнит, яко мертва еси по истиннѣ. И отложит тул свои и лук к тебѣ поидет. И егда узриши приближающася его, въставше побѣгни мудномъ ходом, да надѣется ловець, яко постигнути тя имать. И егда достигнеть тя, и абие отскочи быстростию своих ногъ. Дондеже ты бѣгаеши гонима, а аз разрѣшу от юз желву». Серна же повелѣнное сотвори, и симъ образом разрѣшися от мыша желва. Исцѣлѣвше, вси в домы своя возвратишяся. Тако убо иже право любящеся своим другом пособьствуют.

«Разумѣх притчю сию, еже о истинной любви. Прочее убо скажи ми притчю, како подобает блюстися от врага, иже лицемѣрием приятель являеться».

Иже врагу вѣрует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголеть бо ся, яко в нѣкоей горѣ бяше древо превелие и высоко нѣкое, в немже гавране пребываху тысяща, имже бѣ старѣй гавран единъ. Бяху же близ того мѣста выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старѣйшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же раниша, а инѣм перия истръгоша. Достужив же ся гавраном царь, и зборъ сотвориша, и рече: «Видѣсте ли, елика род выплеве нам содѣяша, и како нашу силу побѣдиша, коликы убиша и коликы уязвишя, и

так говорили, появились ворон и черепаха. И сказала серна черепахе: «Зачем ты пришла сюда? Когда освободит меня мышонок, я ведь побегу и убегу, а ворон в воздух подымется, мышонок найдет норку и влезет в нее, а ты одна останешься на съедение охотнику». И сказала черепаха: «Лучше мне умереть, чем оставаться без друзей». Пока говорили они это, мышонок освободил серну от уз. И вот внезапно появился охотник — серна убежала, ворон улетел, мышонок влез в норку. Охотник был в недоумении о случившемся, видя одну черепаху: взял он ее и связал.

Очень опечалился ворон, серна и мышонок, видя это. И сказал ворон: «И как это всегда оказываюсь я в несчастье! Мало мне было того, что остался я без родины и родни, потерял богатство, — а теперь вот остался и без моей любимой черепахи, — как хорошо хранила она законы дружбы! Пусть бы лучше не было моего бренного тела, которое соткано из множества бед!» И сказала серна в ответ: «Теперь наша печаль и скорбные слова твои хоть и разумны, да бесполезны для черепахи. Прекрати эти речи, придумай что-нибудь, чтобы спасти ее. Ведь говорится, что храбрый испытывается в скорбное время, а верные друзья — в беде».

И сказал мышонок в ответ: «Вот что, я думаю, полезно теперь: ты, серна, пойдешь и ляжешь у охотника на дороге как мертвая, а ворон сядет на тебя и будто бы клевать будет твое тело. И думаю я, что, когда увидит это охотник, он решит, что ты действительно мертва. Тогда отложит он суму свою и лук и пойдет к тебе. А ты, когда увидишь, что он к тебе подходит, встань и нетвердой поступью перебегай, чтобы охотник верил, что сможет нагнать тебя. И только он настигает тебя, ты тут же отскакивай со всей быстротой своих ног. Пока ты будешь убегать от погони, я освобожу черепаху от пут». Исполнила серна наказ, и так вот была освобождена черепаха мышонком. Целые и невредимые вернулись все в свои дома. Вот так помогает своим друзьям тот, кто любит по-настоящему.

«Я понял эту притчу, которая о истинной любви. Теперь же расскажи мне притчу о том, как нужно уберегаться от врага, который лицемерно выдает себя за друга».

С тем, кто верит врагу, будет то же, что было с совами. Рассказывают, что на одной горе было большое и высокое дерево, а на нем жила тысяча воронов, и был у них один ворон старейший. Близко оттуда жила также тысяча сов, и у них была старейшая сова, и всегда они враждовали с воронами. Как-то раз напали они на воронов ночью, многих из них убили, других ранили, а иным перья повыдергали. Удручен был царь воронов, собрались они на совет, и сказал он: «Видели вы, что сделал нам совиный род: как победил нашу мощь, скольких убил и скольких ранил и скольким перья повыдергал? Но самое горькое и

колицѣм перия истръгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дрънути на ны, преобидѣти нас. Разсмотрите убо послѣдняа».

Бяху же у того царя пръвосовѣтници 5, от нихже един рече: «Ничтоже ино спасеть нас от таковаго нахожения, точию еже остави здѣшнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победѣ смиритися и отечество свое оставити и в туждей земли быти и жити. Но в мужство облецѣмся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще побѣдим их, Богу благодать, аще ли же пакы победят нас, без срама пръвый совѣт да съвръшим». Третий же рече: «Не добрѣ, о царю, сии глаголють. Но подобаеть нам добрѣ увѣдати, аще хощут врази наши любитися с нами; и сотворим мирныя почести, и дары послем к нимъ. И сего ради безпечално житье поживем. Присно бо царие о своей земли пекуться и златом съблюдают сущаа под ними». Четвертый же рече: «Недобрѣ совѣт даеши, но болши есть в теснотѣ и в бѣдѣ жити, нежели колико врагом *не* противитися и подложитися, от нихже болши есми мы и честнѣйши. Но аще и дары принесем имъ, недоволнии будут о сих, но и выше силы нашея взыщуть. Глаголеть бо ся, яко преже рати подобает *укрощати* враги дарми, аще ли оплъчатся на тя, не уклонятися. Подобает убо смирение и трьпѣние имѣти, *и на любовь, и на брань*». Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнѣйши бо суть от нас. Иже бо на болшая своа противляеться, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своа немощны наричют; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобает мудрому мужу врага своего не боятися, аще и далече пребываеть. Всякой бо вещи ястье и питье и богатство ищется, а въ брани ни о чем же, точию о души своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобает ти, о царю, от своих совѣтник имѣти разумныа, добрый совѣт лучши есть тмы воинъ, ибо воспоминает смотрения полезнаа, о царю. Познавает бо муж вражию силу и немощь, и мудрымъ совѣтом и начинанием ниизлагаи».

Начало вражды, яже имамы к выплем, сии есть. Яко нѣкогда собрася всь род птицам и избраху себѣ, выпля царя, и поставиша его царствовати над ними. Гавран же тамо приключися нѣкый, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасте смрадныя сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гнѣвлива, и несоставна, и льстива, и еще же горше есть всѣх». Сия слышавше, птичий всь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вѣм, о гавране, аще сотворих тебѣ нѣкогда зло нѣкое, яко да таковое воздание на мя покажеши. Но познай, яко древо, аще посечено будет секырою, пакы срастается, и язва стрѣлнаа исцелѣваеть и заглажается. Но язычнаа стрѣла неисцѣлена есть, яко косаеться посреди самого сердца. Ибо вода погашает огнь, и яд врачевным былиемъ отгониться. Но злобный огнь присно животенъ есть. Иже ся есть всѣял посредѣ вас и нас, о гаврани, дуб

стыдное для нас, что осмелились они выйти на нас и опозорить нас. Подумайте теперь, что будет».

А было у того царя пять главных советников, и сказал один из них: «Ничто другое не избавит нас от таких набегов, как только покинуть это место, ибо не можем мы сопротивляться врагам». И сказал другой: «Не годится, чтобы смириться из-за одного поражения, оставить свое отечество и поселиться в чужой земле. Но вооружимся мужеством и приготовимся к войне, и, если нападут враги на нас, сразимся с ними. Если победим мы, слава Богу, если же снова нас победят, без позора последуем первому совету». И сказал третий: «О царь, нехорошо они говорят. Нужно нам как следует узнать, хотят ли враги наши помириться с нами; тогда окажем им мирные почести и пошлем им дары. Благодаря этому заживем мы безбедной жизнью. Ведь всегда цари заботятся о своей земле и тех, кто под ними, охраняют золотом». И сказал четвертый: «Неладный даешь совет; лучше уже в угнетении и несчастии жить, чем так покоряться и не сопротивляться врагам, которых мы лучше и славнее. Ведь, если даже и принесем им дары, не удовольствуются они ими, но запросят с нас больше наших возможностей. Сказано ведь, что, пока нет войны, усмирять врагов нужно дарами, если же ополчились они на тебя, нельзя уклоняться. Терпенье и смиренье нужно иметь и для мира, и для войны». Пятый сказал: «Сопротивляться невозможно, ведь они сильнее нас. Вредит себе тот, кто сопротивляется более сильному. А бессильными врагов своих всегда называют глупые; я всегда и заранее боюсь врага. Не подобает мудрому не бояться своего врага, хоть и находится тот далеко. В других случаях дело касается еды, питья или богатства, на войне же ничего другого, как души каждого». И сказал царь: «Если ты не допускаешь, чтобы была война, что предлагаешь другое?» И сказал тот: «Нужно тебе, царь, иметь разумных советников, ведь хороший совет лучше, чем тысячи воинов, ибо предлагает, о царь, полезные меры. Если знает кто и силу, и слабость врага, то ниспровергнет его мудрым советом и начинанием».

Таково есть начало вражды, которая у нас с совами. Раз когда-то собрался весь птичий род, избрал себе сову царем и поставил ее царствовать над всеми. Оказался там ворон и сказал он: «Почему забыли вы о славных птицах и ни одну из них не возвели на царство, но избрали эту смрадную птицу, которая погубила доброту души? К тому же она глупа и неразумна, вспыльчива и беспорядочна, лукава и вообще всех хуже». Услышал это птичий род и низложил власть совы. А когда низложена была сова, сказала она ворону: «Не знаю я, о ворон, чтобы сделала я тебе какое зло, что воздаешь мне так. Помни же, что дерево, даже и подрубленное топором, снова срастается и рана от стрелы излечивается и зарастает. Но стрела словесная неисцелима, ведь она попадает в самое сердце. Вода вот гасит огонь, а яд изгоняется лекарственными травами. Но огонь злобы живет всегда. И то, что посеяно между нами и вами, вороны, как большой дуб — никогда не искоренится». Сказала это сова и

велий будет никогда же искореневаемъ». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зѣло. И оттолѣ и до нынѣ вражда пребываеть посредѣ нас.

Царь же рече: «Разумѣх о сих. Прочее убо рци о предлежащих, что подобает нынѣ творити?». Он же рече: «Хощу убо на единѣ бесѣдовати ти». И повѣлѣ ему абие наединѣ глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, ни повелеваю быти. Но инако можем успѣти хитрости нѣкыа, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да прогнѣвается на мя величество твое всѣм зрящим. И повели бити мя пред всѣми немилостивно, яко окровавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да поверженъ буду близ древа сего. И егда сие будет на мнѣ, тогда ты отъиди отсуду со всѣми своими вкупѣ, мене же оставите лежати здѣ». Еже сотворив, царь съ своими отъиде.

Нощию же выплеве къ древу дошедше, не обрѣтоша никогоже, точию бьенаго гаврана лежаща, и сказаша о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуду еси?» Гавран же рече: «Аз есми онсица». «Гдѣ же суть гаврани?» «Не свѣм. Како бо могу в таковых бѣдах разумѣти онѣх тайны?» Царь же рече: «Воистинну сей пръвосовѣтник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злосовѣтие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совѣт составиша, и коиждо, елико их разумѣ, совѣтоваше. Аз же дръзнух о вас и рекох, яко силнѣйши суть от гавранъ выплеве и благородни, и того ради не подобает противитися им, но миръ искати и дани даяти им. И аще приимуть, о таковых миряться с нами, Богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнѣша, яко о вашей ползѣ бесѣдую таковаа, ярости наполнишяся, таковым осужением мене осудишя».

Сия слышав, царь рече к нѣкоему от пръвосовѣтник своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорѣе да убьенъ будеть. Избавимся от лукавьства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Пособие бо нам будет велие убьение его. Глаголеть бо ся, яко иже не радить о своей ползѣ, егда время получить, иногда бо не возможет получити».

Другий же от пръвосъвѣтник царевѣх рече: «Не подобает того убити. Писано бо есть, трость сокрушен да не ниизложиши.* Паче же праведенъ есть миловати и щедрити его, зане таковыа пострада бѣды и заушениа. Подобает убо того хранити, еже бо питати враги велиа есть похвала». Повѣлѣ убо царь с честию и говѣнием пребывати гаврану. Пръвосовѣтникъ он, иже убити его повелѣвый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будет въ сохранении и да пребывает у насъ, яко враг назираем. Аз бо вѣм, яко лютъ есть гавранъ сей и льстивъ, и мнит ми ся, яко прелщениа ради пришел есть здѣ». Начат убо гавранъ бесѣдовати с выпли наединѣ и любитися с ними. Во един убо от дни рече к ним гавранъ: «Услышах от древних муж, глаголющих, яко аще хто себе во огнь

удалилась, полна ярости. Раскаялся ворон и очень опечалился. И с той поры и доныне существует вражда между нами.

И сказал царь: «Я понял это. Но скажи также о предстоящем: что нужно делать теперь?» И сказал тот: «Я хочу наедине поговорить с тобой». И тотчас позволил ему царь говорить наедине, и сказал тот: «Что касается войны, то я не возражаю и не призываю к ней. Мы можем, однако, достичь успеха изобретательностью, ведь изобретательность способна на многое. Я думаю, будет полезно, чтобы все видели, что ты разгневан на меня. Вели бить меня без жалости перед всеми, чтобы был я в крови от множества ран, чтобы перья и хвост мои были вырваны, пусть бросят меня у этого дерева. А когда исполнишь это со мною, уйди отсюда вместе со всеми своими, меня же оставьте лежать здесь». Сделал так царь и удалился со своими.

А ночью пришли к дереву совы и никого не нашли, только избитый лежал ворон. Сказали они о нем своему царю. Приблизился к нему царь и спросил: «Откуда ты?» И сказал ворон: «Я такой-то». — «Где же вороны?» — «Не знаю. Как в таком несчастье знать мне их тайны?» И сказал царь: «Поистине это главный советник воронам. Расспросите-ка его, по какой причине вынес он такие мученья». И сказал ему ворон: «Дурные мои советы привели меня к этой беде. Вороны, когда вы их разбили, собрали совет, и каждый, как понимал, советовал. Я же посмел сказать о вас, что совы сильней воронов и благородны, потому не следует сопротивляться им, а нужно искать мира с ними и дани им давать. И если примут, помирятся на этом с нами, то Богу за то слава. Услышав это, решили вороны, что говорю я это для вашей пользы, наполнились они ярости и осудили меня таким вот судом».

Услышав это, сказал царь одному из главных своих советников: «Что нам с ним делать?» И сказал тот: «Пусть будет он убит поскорее. Мы избавимся от коварства и умыслов его, которые он всегда замышляет на нас. Убийство его будет нам великой помощью. Ведь сказано, что, если кто не заботится о своей пользе, когда представится случай, тому другого случая не будет».

Но другой из главных советников царя сказал: «Не следует его убивать. Ведь написано: трости надломленной не переломишь. Скорее справедливо будет помиловать и вознаградить его за то, что вытерпел он такие несчастья и побои. Следует беречь его, потому что кормить врагов весьма похвально». И велел царь содержать ворона в чести и уважении. Главный советник, который хотел, чтобы убили ворона, сказал: «Раз не убили его, пусть находится под охраной и живет у нас под надзором как враг. Знаю я, что жесток этот ворон и хитер, и кажется мне, что пришел он сюда для обмана». И ворон стал беседовать с совами наедине и подружился с ними. В один из дней сказал им ворон: «Слышал я от стариков, как они говорили, что, если кто бросится в огонь, легко получит

възрьжет, скорѣе, еже просит у Бога, прииметь. Хощу убо и азъ таковое сотворити и умолити Бога, яко да преложит естество мое на выплевьско видѣние, яко да с вами на гавраны брань сотворю и въздам имъ о нихже, они мене содѣлавше». Бяше же ту, иже на убиение его совѣтовавый, и рече: «Подобна суть сия твоа словеса питию, исплънену яду. Аще бо не сожжемъ тобе, не можем естьство твое преложити».

Пребысть убо гавран тамо, сматряа начинаниа выплем вся. И толстѣ и утучнѣ, и возрастоша ему перия, и нѣкогда время обрѣте и отбѣже. И ко гавраном пришед, рече къ царю их: «Радуйся, о царю, се бо желание съвръших. Уже бо вси выплеве въ древѣ нѣкоем скрышяся. Въстанем убо вси, поидем убо вземше коиждо нас сучиа, елико можем понести, и положим на устѣх язвины и огнь вложим, и крилы и раздуим, яко быти пламыку въздушну. И сим образом овии внутрь дымом удавлени будут, овии же исходяще опалени будут». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа побѣдиша, и возвратися гавраном царь въ своа си обители победоносець. И рече ко гаврану оному: «Како трьпѣл еси выплем бесѣдования неподобнаа?» Гавран же рече: «Мудроумен муж, аще и в бѣды нѣкыа впаднет, покоряеться и худым, дондеже съвръшит желание свое». Царь же рече: «Скажи ми, разум выплем каковъ есть?» Гавран же рече: «Не видѣх имъ единого выпля разумна, точию рекша совѣт на мое убьение. Прочии же далече бяху от мудрости. Подобает бо царемъ своа съблюдати тайны и не оставляти тужда нѣкоего *къ* писанием приникнути, или к водѣ, с неюже хощет мытися, или къ постели, или ко одежи, или оружью, или къ ястию и питью. Нѣсть мощно с гордостию своя враги побѣдити. Малу бо побѣду съставляет гордьливый, иже совѣтникы творит безумныа, *не удобнѣ* от погибели спасается. Аз же смирихся и покорихся врагом, яко да *получю* таково исправление, якоже змий, подложивыйся жабѣ.

Глаголеть бо ся, яко змий нѣкый, заматерѣвъ, състарѣвся, и не возможе ловити и о пищи недоумѣашеся. И ползавъ, доиде блата нѣкоего, исплънена жабъ, идѣже пръвие ловяше, уныл и скрьбен себе тамо близь простре. Жаба же нѣкаа рече к нему: „Почто се, о змию, скръбиши?" Он же рече: „И како да не скръбя? Присно бо от сего блата пищу себѣ взимах, нынѣ же прокля мя нѣкто от постник и не могу ловити. Уже бо хощу, да буду яко и конь яздялный царю вашему". Се слышав жабам царь и прият его, яздяше на нем, и даваше ему на всяк день на пищу двѣ жабѣ. Тако и аз таковыя работы ради и съвръшения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрих и видѣх, яко хитрость и разумом болши есть побежати, нежели противлениемъ. Огнь бо горящь есть и сух, но точию, яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и *въ нутрь* под землею входит, искореневаeт, яже на ней. Глаголеть бо ся, яко не подобает не радити о четырех сих вещех, сирѣчь о огнѣ, болѣзни, врага, длъга». Гавран же

то, что просит у Бога. Хочу теперь и я сделать это и вымолить у Бога, чтобы переменил природу мою в совиное обличие, чтобы мог я с вами пойти на воронов войной и отплатить им за то, что сделали они со мною». Был тут и тот, кто советовал его убить, и сказал он: «Эти твои слова, подобны напитку, полному яда. И если не сожжем мы тебя, не сможем изменить твою природу».

А ворон находился там, наблюдая все обычаи сов. Стал он толст и дебел, отросли у него перья, и, найдя однажды случай, он убежал. Вернувшись к воронам, сказал он царю их: «Радуйся, о царь, достиг я желаемого. Все совы укрылись в одном дереве. Поднимемся теперь все и полетим, а каждый возьмет сук, какой сможет поднять, и сложим их у входа в дупло, поднесем огонь и раздуем крыльями, чтобы пламя поднялось на воздух. И таким образом одни задохнутся внутри от дыма, другие же, вылетая, будут опалены». И, сделав так, вороны вконец разбили своих врагов. И царь воронов победоносцем вернулся на место своего обитания. И сказал он этому ворону: «Как переносил ты непотребные беседы с совами?» И сказал ворон: «Если мудрый человек оказывается в несчастье, он бывает покорен даже ничтожным, пока не достигнет желаемого». И сказал царь: «Скажи мне, каковы совы по уму?» И сказал ворон: «Не видел я у них ни одной умной совы, кроме той, что советовала убить меня. Другие же далеко находились от мудрости. Следует царю хранить свои тайны и не позволять никому чужому прикасаться к записям или к воде, которой он будет мыться, или к постели, или к одежде, или к оружию, или к еде и питью. Победить своих врагов невозможно с гордостью. Гордец, который действует с глупыми советниками, одержит лишь небольшую победу, трудно ему спастись от гибели. Я же смирился и покорился врагам, чтобы достичь такого свершения, какого достигла змея, покорившаяся жабе.

Рассказывают, что одна змея пришла в возраст и состарилась и не могла уже охотиться, так что трудно ей было с едой. И вот, ползая, добралась она до болота, полного жаб, где прежде охотилась, и простерлась поблизости от него в унынии и скорби. А одна жаба сказала ей: „О чем ты, змея, скорбишь?" И сказала та: „И как мне не скорбеть? Ведь в этом болоте всегда добывала я себе пищу, а теперь один аскет запретил мне это, так что я не могу охотиться. Хочу теперь, чтобы была я как ездовой конь вашему царю". Услышал это царь жаб и принял змею, ездил на ней и всякий день на пропитание давал ей двух жаб. Так вот и я ради такой службы и итога вытерпел преходящее зло».

И сказал царь: «Рассмотрел я и увидел, что изобретательностью и умом побеждать лучше, чем сопротивлением. Огонь горяч и сух, но губит лишь то, что на земле, а вода холодна и тиха, но проникает под землю и с корнем уничтожает все, что на ней. Сказано ведь, что не следует пренебрегать четырьмя вещами, а именно: огнем, болезнью, врагом, долгом». И сказал

рече: «Велика нынѣ исправлениа быша нароком твоим, царю, Богу благодать о том».

Царь же рече: «Обрѣтох тя словом и дѣлом приятеля своего. Прочии же словесы безумными хваляться. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкый и пища тобою дасться нам. Глаголеть бо ся, яко отраду велику имат, иже от огница избавится, и еже бремя *тяжко* отложивый, иже от враг своих избѣгни. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видѣл еси?» Он же рече: «Скотцко есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развѣе единаго, на мое убьение совѣтовавшаго. Той бо от всѣх, мнит ми ся, мудрѣйши».

Царь же рече к философу: «Разумѣх речению притча. Прочее скажи ми, како кто достигий желание своего и не могий добрѣ съдръжати его, абие погуби пакы».

Притча о пифицѣ. 5.

Философ же рече:

«Глаголеться, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвша лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всякым недоумѣньем одеръжим быв, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣм приде, и пребываше у нея, и ядяше от плода ея. Въ един же от дни, ядущу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемши, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмѣявся, не престаяше желва питающися смоквами. Она же, сладку пищу обрѣтши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушьствоваше велми, искаше притчю, како бы пифика погубил и подруга своего възмет. Единою убо отшедши желва в дом свой, и скръбна видѣвши своего подруга и рече к нему: „Почто вижу тя дряхла и болна?" Он же рече: „В болѣзнь лютую впал есмь и нѣсть ми исцѣлениа обрѣсти, аще не получю сердце пификово". Она же недоумѣвшися о семъ и помышляше в себѣ, яко: „Ино сердце не имам обрѣсти, точию гостя своего, еже преступление быти". Разумѣвше, дивляшеся помышленми и пришедши к пифику, и пригласивъ его; он же въпроси его о коснѣнии. И желва же отвѣща: „Ни о часѣм же укоснѣх, точию зане срамляюся тебе и не имам достойно воздание о благодѣянии воздати тебѣ". Пифик же рече. „Не помышляй таковаа, нѣсмь аз такый, еже от своих любовных искати воздание. Паче же ты мнѣ благодѣтелница была еси, таковыми бѣдами обьдръжима и изгнана, сущи утѣшающи мя". Желва же, отвѣщавъ, рече: „Хощу еже утвердити любовь посредѣ нас сущих. Утверьжают бо ся треми вещми, сирѣчь еже в дом дружний вхожение и сродникъ зрѣние и посѣщение, и еже вкупѣ пребывание". Пифик же рече: „Тако составляют любовь, о дружко, и в слабости житья своего живущеи". Желва же рече: „Истину реклъ еси, достоит бо другомъ совръшенную любовь истиннуу имѣти от своих другов, а иже за нѣкых

ворон: «Великие свершения, о царь, выпали тебе ныне на долю, слава за то Богу».

И сказал царь: «Понял я, что ты и на словах, и на деле мне друг. Другие лишь хвалятся глупыми словами. Так что ради тебя была нам великая эта благодать, сладкий сон и пища тобою даны нам. Сказано ведь, что великую отраду приобретает тот, кто спасется от лихорадки, кто сложит тяжкую ношу, кто избавится от своих врагов. Скажи наконец мне: каков показался тебе образ жизни совиного царя?» И сказал тот: «Скотский он и коварный, горький и беззаконный. И другие совы подобны ему, кроме одной, советовавшей убить меня. Мне кажется, она всех умней».

И сказал царь философу: «Я понял рассказанную притчу. Расскажи мне теперь, как достигший своего желания и не способный хорошо удержать достигнутое тотчас все опять губит».

Притча об обезьяне. Пятая.

И сказал философ:

«Рассказывают, что был у обезьян царь, старый, поживший много лет. Поэтому-то, из-за старости его, отрешили они его от власти. И вот эта обезьяна, удрученная всякими трудностями, нашла на берегу моря смоковницу и зажила на ней, питаясь ее плодами. В один из дней, когда она ела, выпала из ее рук смоква, которую подобрала и съела дикая черепаха. Засмеялась на это обезьяна, а черепаха не переставала есть смоквы. Найдя вкусную еду, она даже дом свой забыла. Поэтому супруг ее очень мучился и искал способ, как бы погубить обезьяну и вернуть свою супругу. Однажды черепаха пришла домой и увидела, что супруг ее в скорби, и сказала ему: „Почему мне кажется, что ты мрачен и болен?" И тот сказал: „Заболел я жестокой болезнью, и не найти мне исцеления, если только не приму обезьянье сердце". А та в колебании размышляла про себя об этом так: „Другого сердца мне не найти, кроме как друга моего, а это будет преступление". Размышляя об этом, смущалась она разными мыслями и вот, придя на берег, позвала обезьяну, а та спросила ее о долгом отсутствии. И ответила черепаха: „Не из-за другого чего я отсутствовала, только что стыжусь тебя, что нет у меня достойного воздаяния, чтобы отблагодарить тебя за твои благодеяния". И сказала обезьяна: „Не думай об этом, я не такая, чтобы требовать воздаяния от близких мне. Скорее ты мне была благодетельница, когда, изгнанную и окруженную бедами, меня утешала". И сказала черепаха в ответ: „Хочу я закрепить дружбу, которая между нами. А закрепляют ведь тремя путями, то есть приходом в дом друга, знакомством и посещением родственников и совместным пребыванием". И сказала обезьяна: „Дружок, так заключают дружбу и те, кто живет распущенной жизнью". И сказала черепаха: „Верно ты сказала: достойно друзьям заключать истинную и совершенную

ради житейскых потреб любо составляет, на нетврьдѣмъ основании зиждеть. Яко не подобаеть от любовных ино ничтоже искати, точью сердца проста и чиста, и вѣры правы, и истинны. Телець же а и без млека матерь свою ссет, прогнѣвается, яко прогнану быти от неа. Аз же хощу, яко да приидеши в дом мой. Живу же азъ въ островѣ травоноснѣм, тмами исплънену плодов. Аз бо на рамѣ отнесу тя".

И вѣровав, пифик взыде на желву и ношашеся по пучинѣ от неа. Егда быша посредѣ пучины, ста помышляущи, како бы погубити пифика. Видѣвъ пифик коснѣние желвино, уразумѣл есть лесть, и в себѣ глаголаше: „Егда на мя нѣчто зло помыслит желва?" И рече тако: „Вижу тя в попечении и размышлении велице и боуся тебя о том, что убо есть попечение твое?" Она же рече: „Печаль ми есть велика, да не дошедше в дом мой и не обрящеши вся достойная, якоже хощу аз. На одрѣ бо лежит подруг мой". Пифик же рече: „Не пецися о сем, ничтоже бо пльзует печаль. Но попецися паче о врачевных былиях". Желва же рече: „Глаголють врачевьстии отроци, яко пификово сердце может исцѣлити болѣзнь ону". И се слышавъ пифик и в себѣ свою погыбель рыдаше, глаголя: „Оле, моего безумия! Како нѣсмь узналъ тамо? Паче и стару ми сущу, в таковых злых мене вложи. Иже в малых пребывают, беспечално житье живут". Такоже се желвѣ рече: „Въскую, любимаа, не сказа мнѣ таковое слово, преже даже не изыдох из дому моего, яко да и сердце свое съ собою возму? Закон бо имам, да егда к любовному идемъ, сердце свое дома оставливаемъ, да нѣчто о друзѣ помыслити лукавое". И сиа слышавши, желва въспять радующися плуяше и пифика на брегъ донесе. Он же на сушу наступив, тощно на смоковницю взыде. Желва же долѣ въпияше: „Сниди скоро, друже, яко да поидем". Пифик же, отвещавъ, рече: „Аще сниду к тебѣ, до конца сердце свое не приобрящу". Тако иже время обрѣтше благо, не исплънивше свое хотѣние, и времени мимотекшу, и не получают».

Царь же рече: «Разумѣх таковыа притча. И прочее убо скажи ми, иже тщиться на нѣкое любо дѣло оно, *а не искусит его преже начинания*».

Философ же рече:

«Глаголеться, яко мужь нѣкый вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: „Благонадеженъ есми, о жено, яко мужскый пол отроч родится нам, иже со усрьдием поработает намъ. Смотри, како имя наречемъ ему". Она же рече: „Престани, мужь, блядити. Подобен еси оному мужу, пролиявшему мед и масло".

Глаголеть бо ся, яко мужь нѣкый от убогых мед и масло в нѣкоем сосудѣ имяше, идѣже бѣ ложище его. И во едину убо нощь в себѣ помышляше, глаголя: „Хощу масло сие и мед продати за пѣнязя и купити коз 10, еде родят толико

любовь со своими друзьями, а тот, кто заключает любовь ради житейских нужд, строит на непрочном основании. Так что не нужно требовать от любимых ничего другого, кроме как доброго и чистого сердца, прямой и истинной веры. Теленок сосет свою мать, хоть она и без молока, и сердится, когда отгоняют его от нее. Я же хочу, чтобы ты посетила мой дом. Живу я на острове, обильном травой, наполненном множеством плодов. Я на плечах понесу тебя".

Поверила обезьяна, забралась на черепаху, и понесла ее та по пучине. А когда были они посреди пучины, остановилась черепаха в раздумье, как бы ей погубить обезьяну. Заметив черепахино промедление, заподозрила обезьяна хитрость и сказала про себя: „Уж не замыслила ли черепаха какое зло против меня?" И сказала так: „Вижу я, что ты в заботах и размышлении великом, и боюсь поэтому тебя, — чем ты озабочена?" И сказала та: „Печаль у меня большая, что, придя в мой дом, ты не все найдешь достойным, как это мне хочется. Ведь супруг мой лежит в постели". И сказала обезьяна: „Не заботься об этом, печаль не приносит пользы. Позаботься лучше о лекарственных травах". И сказала черепаха: „Врачи говорят, что обезьянье сердце может вылечить эту болезнь". Услышала это обезьяна и оплакала про себя свою смерть, говоря: „Увы, безумная! Как не поняла я этого раньше? Хоть и старая я, а в такое несчастье попала. Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью". Но черепахе она сказала так: „Почему же, милая, ты не сказала мне этого, пока не вышли мы из моего дома, чтобы я сердце свое с собою взяла? Ведь есть у нас обычай, когда идем к другу, сердце свое оставляем дома, чтобы не подумало оно чего дурного о друге". Услышав это, черепаха, радуясь, поплыла обратно и вынесла обезьяну на берег. Та же, лишь ступив на сушу, быстро забралась на смоковницу. А черепаха закричала снизу: „Сойди скорее, друг, и отправимся". И сказала обезьяна в ответ: „Если сойду к тебе, совсем не найду своего сердца". Так вот те, кто не исполнил своего намерения, когда располагал случаем, упустив время, ничего не получают».

И сказал царь: «Я понял эту притчу. А теперь расскажи мне о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в нем, прежде чем начнет».

И сказал философ:

«Рассказывают, что жил муж со своею женой и однажды сказал он ей: „Я уверен, жена, что родится у нас младенец мужского пола, и он с усердием будет служить нам. Рассуди, какое имя мы дадим ему". И сказала она: „Прекрати, муж, пустословить. Ты подобен человеку, пролившему мед и масло".

Рассказывают, что у одного человека из бедных были в сосуде мед и масло рядом с постелью его. Однажды ночью думал он про себя, так говоря: „Продам я за деньги масло и мед и куплю десять коз, а они народят столько же

козлищь за 5 месець, и пятыми лѣты составлю 400, от нихже куплу волов 100, и с ними посѣю нивы, от плода жита того и от прочих плодовъ напрасно пребогат буду, и домы въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны искуплу, и женѣ припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сирѣч Вседобрѣ, накажу его, якоже подобаеть. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице". И взем прилежащу ему жезлѣ, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по брадѣ его.

Таже роди отрока жена его, и по нѣкых днехъ рече жена к мужу своему: „Приди, сѣди здѣ у отрока". И той отшедши, призван бысть от властелина мужь еа, и оста дѣтищь единь. И приключися абие присмакатися змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка,* въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна змииною кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потрьпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тщашеся на многиа вещи без разсуждениа согрѣшают».

Царь же рече: «Разумѣх таковое, прочее убо скажи ми, како подобает царю свое царство съблюдати невреженно, и в кых паче незлобивымъ ли нравомъ и благою совѣстью и поданиемъ».

Философ же, восприимъ, рече:

«От всего болши есть мудрость и трьпѣние, и к сим добрых совѣтник поспѣшенье, таже изряднаа и мудраа жена. Есть же ему и приточно, еже царю индийскому приключшееся есть.

Глаголеть бо ся сице, яко той царь въ едину нощь видѣ 8 сновъ страшных. И убоявся, пробудися, и призва своа философы, и яже видѣ во снѣ сказа имъ. Они же рѣша: „Видѣние, еже видѣл еси, досточюдно есть; и подобаеть нам 7 дни, еже о нем смотрити". Исшед бесѣдоваше друг с другомъ и рѣша: „Не много мимоиде время, отниже царь тму от нас изби, и нынѣ убо божественое промышление вложи е в руках наших, и подобает нам подвизатися, да погубим его. Сия убо достоить совѣтовати ему, яко да сына своего погубит и жену свою, въ сим же и присненика своего, и първосовѣтника, еже есть старѣй книжником, еще же и бѣлаго елефанта, еже яздит на нем, и другаа два елефанта великаа, и коня, и велблуда, и кровь их в сосудѣ събрати, яко да с нею умыем его и припоим врачевныа пѣсни, яко да избавится от всего зла". И приступиша къ царю и рѣша: „Испытахом в писаниох и обрѣтохом сиа и она, и нѣсть ти инъ путь спасениа, точию еже сотворити сиа". Царь убо рече: „Хощу убо аз сиа цѣлы быти и мнѣ единому погибнути". Они же рѣша: „Ничтоже болше душа своеа творити". Слышав же сиа, царь прискрьбенъ бысть и на

козлят через пять месяцев, а через пять лет у меня будет их четыреста, на них я куплю сто волов и с их помощью засею поля, плодами того урожая и другими плодами безмерно я обогащусь, построю четырехскатные златоверхие дома, накуплю множество рабов, возьму себе жену, которая родит мне дитя, и дам я ему имя Панкалос, то есть Вседобр, воспитаю его как следует. Но если увижу я, что он нерадив, я вот так побью его вот этой палкой". И, взяв лежащую поблизости палку, он ударил по сосуду и разбил его, и полились по бороде его мед и масло.

Родила потом жена мальчика и сказала однажды своему мужу: „Пойди посиди с мальчиком". А когда ушла она, супруга ее призвал к себе властелин, и дитя осталось одно. И случилось вдруг, что змея подползла к ребенку. Увидела ее ласка, прыгнула и вонзила в нее свои зубы. Супруг вернулся, увидел, что ласка окровавлена кровью змеи, и решил, что съела она младенца. Не дождавшись, пока увидит он мальчика, безжалостно ударил он ее по голове и убил. А войдя, нашел он младенца целым и змею, разорванную на части, и, раскаявшись, горько заплакал. Так ошибаются те, кто на многие дела устремляется без осмотрительности».

И сказал царь: «Понял я это, расскажи теперь мне, как следует царю сохранять невредимым свое царство, в каком случае кротостью, доброю совестью или наградами».

И сказал философ в ответ:

«Лучше всего мудрость и терпение, а к этому помощь добрых советников, затем честная и мудрая жена. К этому будет притчей то, что случилось с индийским царем.

Рассказывают так, что царь этот за одну ночь видел восемь страшных снов. Он проснулся в испуге, призвал своих мудрецов и рассказал им, что видел во сне. И сказали они: „Видение, которое ты увидел, заслуживает удивления; нужно нам семь дней, чтобы рассудить о нем". Вышли они и, беседуя друг с другом, говорили: „Немного прошло времени с тех пор, как царь убил многих из нас, а теперь божественный промысел отдал его нам в руки, так что нужно нам постараться сгубить его. Нужно посоветовать ему, чтобы убил он сына и жену свою, а с ними и родственника своего и главного советника, который старейшина книжников, а к тому же и белого слона, на котором он ездит, и других двух больших слонов, и коня, и верблюда, а кровь всех их собрать в сосуд, чтобы мы умыли его ею и воспели над ним врачебные песни, так чтобы избавился он от всякой беды". И пришли они к царю и сказали: „Смотрели мы в писаниях и нашли то-то и то-то, и нет у тебя другого пути к спасению, только чтобы исполнить это". Тогда сказал царь: „Хочу я, чтобы все они остались целы, а погиб я один". И сказали они: „Нет ничего важнее, как спасать свою душу".

своем одрѣ лежа ниць, и помышляше, что сътворити. И слышано бысть по всѣх о царевѣ печали.

И се увѣдѣв пръвосовѣтник его и лесть уразумѣвъ, не възможе о сих бесѣдовати цареви, но къ царици, приступив, рече: „Зрю царя прискорбна суща и боюся, еда како лживии философи лесть створиша злобы ради, еже потребити его до конца совѣтууще. Но въпроси его, что есть вина, еяже ради толико скръбиши. Егда скажет ти, тогда повѣжь мнѣ". Она же шедши къ царю и сѣдши при главѣ его и рече: „Възвести ми, о царю, что ти совѣтоваша философи". Царь же рече: „Не прилагай къ язвам язвы, не подобает бо ти о таковых въпрашати мене, ибо не можеши таковую злобу разрѣшити". Она же рече: „Не надѣяхся, яко да утаиши таину никогода от мене. Аще мнѣ не открыеши таковое, не вѣде, како инѣм открыеши". Он же рече: „Что мя въпрашаеши о своей погыбели, о жено, и всѣх любезных моих!" Она же рече: „Аз убо и прочии не убѣжим, еже быти о тебѣ измѣнение. Что бо нам честнѣйше, паче тебе? Но молю ти ся, о царю, по моей смерти никому от своих философ не вѣруй, ниже убивай никогоже, дондеже своим приятелем проявиши совѣт. Не вѣси ли, яко враждуут тя философи, зане доволно толико множство от них преже мала времени погубил еси? И не мни, яко забыли суть о убьении; не подобаше ти ни начало сну сказати им, но аще послушаеши мя, въпроси сущаго у нас постника старца о снѣх". ⟨...⟩

Царь же абие на конь всѣд и поиде к постнику оному, и яже видѣ сказа ему царь. Постник же рече: „Да не убоишися, о царю, ничтоже бо тебѣ зло будет. Повѣдаеть бо двѣ рыбѣ, еже видѣ на опашех ходящих, яко посланници приидут к тебѣ от великых царей и два елефанта приведут ти. А два норца, яже видѣ лѣтауща окрестъ тебе, назнаменует, яко персьтии посланници два коня изрядна приводяще. Пресмыкаемый же змий по тебѣ сказует, мечь приносят ти, якоже никтоже ин видѣ. А иже кровию тебѣ крещатися, являет, послет ти ся даръ риза багряна, сиаущи въ тмѣ. А еже водою омытися, провѣщает, *яко* различнаа одѣаниа принесут ти ся. А иже на гору бѣлу взыти увѣрение истинно есть, яко на бѣла елефанта всядеши. А иже на главѣ твоей огнь прописует, яко вѣнець многоцѣнный приимеши от царя нѣкоего велика. А глава твоя яко птищь, нынѣ не проявит ти ся. Сказают бо малую нѣкою скорбь и отвѣщание любимаго образа. ⟨...⟩ И сия вся забудет ти ся по седми дни".

Яже и по седми днех бысть: и приидоша посланници, носяще вся, яже прорече постник. Яже видѣв, царь от любовных своих словеса обѣщася приимати точиу. Таже видѣвъ дары и рече: „Не подобает ми от сих взяти ничтоже, но вы, приятелие мои, възмите сиа вкупѣ съ благоумною моею съжителницею, свою бо душу за мя положисте". Пръвосовѣтник же рече: „Не подобает нам, рабом, таковыа дары приемати, но паче праведно есть сродником твоим". Царь же рече: „Ты моему спасению повинник еси, и тмами достоинъ еси благодѣа-

Услышав это, опечалился царь, лег ничком на ложе свое и думал, что делать. И повсеместно стало известно о печали царя.

Узнал про это главный советник и понял хитрость, но не мог об этом говорить он с царем и, придя к царице, сказал ей: „Вижу я, что царь в скорби, и боюсь, что лживые мудрецы из злобы затеяли козни, давая такие советы, чтобы совершенно погубить его. Спроси его, какова причина, что он так скорбит. Если скажет тебе, то поведай мне". Пошла она к царю, села в изголовье его и сказала: „Поведай мне, царь, что посоветовали тебе мудрецы". И сказал царь: „Не прибавляй к нам раны, не следует тебе расспрашивать меня об этом, потому что не сможешь ты справиться с этим злом". И сказала она: „Не думала я, что будешь когда-нибудь таить ты от меня тайну. Если не откроешь ты это мне, не знаю, как откроешь другим". И сказал он: „Что спрашиваешь меня, жена, о своей гибели и гибели всех моих любимых!" И сказала она: „И я, и другие не избежим, чтобы быть заменой тебе. Что дороже нам, чем ты? Но умоляю тебя, царь по смерти моей не верь никому из мудрецов, не убивай также никого, прежде чем близким своим не объявишь свое намерение. Разве не знаешь ты, что мудрецы враждебны к тебе, потому что совсем недавно довольно многих из них ты убил? Не думай, что забыли они об этом убийстве; не следовало тебе ничего из снов рассказывать им, но, если доверяешь мне, спроси о снах находящегося у нас старца аскета".

Тотчас сел царь на коня, поехал к тому аскету, и рассказал ему царь все, что видел. И сказал аскет: „Не бойся, царь, никакого зла тебе не будет. Ведь две рыбы, которых ты видел, что они ходят на хвостах, означают, что придут к тебе посланцы от великих царей и приведут к тебе двух слонов. А две утки, которых ты видел, что они пролетели около тебя, означают, что два персидских посланника приведут двух благородных коней. Ползущая за тобою змея говорит, что тебе принесут такой меч, какого никто не видал. А то, что ты крестился кровью, означает, что пришлют тебе в дар багряную ризу, светящуюся во тьме. А водою умывание предвещает, что принесут тебе различные одежды. А взойти на белую гору верный есть знак, что воссядешь на белого слона. А то, что огонь у тебя на голове, предсказывает, что примешь от великого царя драгоценный венец. А то, что голова у тебя, как птица, сейчас не откроется тебе. Это говорит о небольшой печали и отвержении от любимого лица. 〈...〉 И все это сбудется тебе после семи дней".

Так и стало по прошествии семи дней: пришли посланцы, неся все, что предсказал аскет. Увидев это, поклялся царь принимать советы только от своих близких. Потом взглянул он на дары и сказал: „Не следует мне ничего брать из них, но вы возьмите их, друзья мои, вместе с моею благоразумною супругою, ибо вы положили за меня свою душу". И сказал главный советник: „Не годится нам, рабам твоим, принимать такие дары, скорее это справедливо будет твоим родственникам". И сказал царь: „Ты виновник моего спасения и достоин ты

ния". Таже взят царь бѣлаго елефанта, сыну же своему дасть единаго коня, и прѣвосовѣтнику многоцѣнный мечь. Прочаа же повелѣ прѣвосовѣтнику принести, принести по немъ къ женам. Бяху же ему двѣ женѣ любимѣ: едина, совѣтовавши о постницѣ, и другаа. И пришед царь к ним, предложи пред ними вѣнець и багряницу и рече *прѣво* къ совѣтници: „Избери себѣ от обою, еже хощеши, или вѣнецъ, или багръ, и оставшее да возмет другаа". Она же недоумѣвши, кое взяти, и възрѣ къ первосъвѣтнику. Он же помава оком, еже взяти багръ. Случи же ся тогда царю въздвигнути очи свои и видѣ прѣвосовѣтника, помавающа женѣ его о багряници. Она же разумѣвши, яко не утаися царю помавание, и не взят багръ, но вѣнець. Прѣвосовѣтник же оттоле преклони око свое до четыридесят лѣтъ, яко да не мнится царю, яко око его страсть таковую имать. И аще не бы тако сотворил, живот свой погубил бы. Въ един же убо от днии, яже вѣнець вземши...».*

Нѣкоторымъ списателемъ мудраа сия притча *не* дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ человѣколюбивый да покрыстъ насъ своею благодатию, молитвами святых своихъ, яко благословенъ еси в вѣки, аминь.

А писана сиа притча послѣдняго сего ста седмыя тысяща 87 г., октоврия. Триас и агиа, докса си!* З греческих книгъ на русский языкъ переведено.

тысячи благодеяний". Потом взял себе царь белого слона, своему сыну дал одного из коней, а главному советнику драгоценный меч. Остальное же велел он главному советнику доставить за собой к женам. А были у него две любимые жены: одна, которая давала совет об аскете, и другая. Пришел царь к ним, положил перед ними венец и багряницу и сказал сначала советчице: „Выбери себе из двух, что хочешь, — или венец, или багряницу, а оставшееся возьмет другая". А она колебалась, что взять, и посмотрела на главного советника. И показал тот взглядом, чтобы взяла багряницу. Случилось же тогда, что царь поднял глаза и увидел, как главный советник указывает его жене на багряницу. А та догадалась, что не скрылось от царя это движение, и не взяла багряницу, а взяла венец. А главный советник с того времени сорок лет держал очи долу, чтобы не подумал царь, что во взгляде его была страсть. И если бы не поступил он так, потерял бы жизнь свою. В один из дней та, которая взяла венец...».

Какой-то писец не дописал этой мудрой притчи. Но пора, любезные, и мне окончить сладкое отеческое поучение. Да покроет нас человеколюбивый Бог своею благодатью, молитвами своих святых, ибо в веках благословен Ты. Аминь.

Написана же сия притча в октябре восемьдесят седьмого года последнего века седьмого тысячелетия. Святая Троица, слава тебе! Переведено на русский язык из греческих книг.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Понеже убо мнози предъ многыми времены и лѣты и по различных мѣстѣх обрѣтошася въ словенскомъ нашемъ языцѣ, прелагающе Божественая Писаниа от многопремудраго и художнаго, зѣло скупаго еллинскаго языка въ нашь языкъ, ихже имена не чловѣкы токмо вѣдома суть, нъ въ книгах паче живых Богомъ написанна суть, ихже послѣжде и лѣты и наказаниемъ и художествомъ разума еллинскаго языка, вяще же добрыми дѣлы, и къ вечеру солнечнаго дне, захода седморичнаго реку вѣка* и моея жизни скончаниа, случися и мнѣ навыкнути мало гречьскаго языка, — толико, елико мощи ми разумѣти скупость того и тяжесть прилагания от оного в нашь языкъ.

Гречьскый бо языкъ ово убо от Бога исперва художенъ и пространъ бысть, ово же и от различных по временех любомудрець ухыщренъ бысть. Нашь же словѣнскы языкъ от Бога убо добрѣ сътворенъ бысть, понеже вся, елика сътвори Богъ, зѣло добра, нъ улишением любоучениа любочестивых слова мужей хытрости, якоже онъ, не удостоися.

И убо колико-любо аще от оного навыкохъ, не хотѣх коснутися сущих паче мене, рекше прѣлагати от гречьскаго языка вь нашь, — по реченному: высочайших тебе не ищи и глубочайших тебе не испытуй. Бояся и оного, еже пострадаша и въ Ветхомъ и Новѣмь Писании, иже преобидяще дерзостнѣ съмѣаше божественых прикоснутися.* Нъ обаче божественымъ сим мужемъ, преосвещеннымъ глаголю митрополитомъ богоспасенаго града Сира кир Феодосиемь* и пречестнымь, принужденъ быхъ на превождение.

И вълѣпоту бо мню бѣ таковому мужу, иже от аггелъ, по великому Дионисию, просвѣщение приемлющу, без разуждениа повинутися. Сьи бо убо истинный Божий чловѣкь, аще и кто другый, житие убо сладко слышатися имаше, спасително же подражати се и полезно. Не токмо бо языкъ въ учени имяше полезенъ слышащимъ, нъ и житие много множае подражающимь полезно. Паче же подобает ми истиное рещи: елико языкъ убо, вънегда глаголати,

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Поскольку уже много в нашем славянском народе оказалось людей, на протяжении многих времен и лет в различных местах переводящих Божественные Писания с многопремудрого и искусного, очень точного еллинского языка на наш язык, — имена которых не только людям известны, но и, более того, в книгах жизни записаны Богом, — за ними следом, имея в виду и годы, и образование, и искусство понимания еллинского языка, а особенно добрые дела, к вечеру солнечного дня, к заходу седмиричного, имею в виду, века, и моей жизни окончанию, случилось и мне изучить немного греческий язык, — только чтобы я смог понимать его точность и тяжесть перевода с него на наш язык.

Греческий язык ведь и от Бога изначала вышел художественным и пространным, и со временем различными любителями мудрости был усовершенствован. Наш же славянский язык Богом-то хорошо был сотворен, поскольку все, что ни сотворил Бог, очень хорошо, но, из-за недостатка любви к учению у любящих и чтящих слово мужей, усовершенствования, как тот, не удостоился.

И хоть я его сколько-то изучил, не хотел я приниматься за то, что больше меня, то есть переводить с греческого языка на наш, по сказанному: высочайшего тебя не ищи и глубочайшего тебя не исследуй. Боялся я и того, что претерпели и в Ветхом, и в Новом Завете посмевшие оскорбительно дерзко прикоснуться к божественному. Но, однако же, этим божественным мужем — я имею в виду преосвященного митрополита богоспасаемого города Сера — кир Феодосием и пречестным я принужден был к делу перевода.

Ведь и подобало, мне кажется, такому мужу, принимающему просвещение, по великому Дионисию, от ангелов, повиноваться без рассуждений. Ибо этот истинно Божий человек, как никто другой, проводил жизнь, о которой сладко слышать и подражать которой спасительно и полезно. Не только ведь язык, уча, имел он полезный для слушателей, но и намного более полезное житие для подражателей. И большую подобает мне истину сказать:

неуподобляемъ имаше, толико и житие, вънегда творити е, непостижимо. Всегда бо и присно, по апостолѣ: «Задняа забыайте»,* — на предняя дѣяниа и видѣниа простирашеся. И сице свѣтлое любочьстна, и любоимѣниа, и премудрости въкупѣ съ милостынею имяше, яко не многых быти вторый. И сице оному блаженому сия и ина не мала, елика къ благоугождению, приходящу и многых симь собою дѣлами учащу, аз же не подрызнувъ, ни же на свою крѣпость слова и разума надѣяся, — не буди то! — нъ симь, якоже рѣхъ, понужденъ бывъ и на того богомолителныя и светыя молитвы надѣяся, почах и преложих светаго Дионисиа Ареопагита споспѣшениемь и ексодом,* или откупомь, сего светого ми владыкы и заступника.

И ина прежде сего преложих, и по семь — елика всещедрый светыми его молитвами дастъ Богъ.

Бою же ся рещи, яко азъ преложих светаго Дионисиа, аще и преложих его, — сматряа непостижимую не малы высоту богословиа, и светого крайнюю премудрость, и тину моих грѣховъ добрѣ съвѣды.

Книгу же убо сию, светаго Дионисиа глаголю, в добра убо времена почахъ, егда божественыя убо церкви и Светаа Гора* раеви подобнѣ цвѣтяху, якоже нѣкый садъ при источницѣхъ, присно напааемъ. Сверших же ту въ злѣйше всѣхъ злыхъ временъ когда, егда огнѣви Богъ христиане западныхъ странъ.*

И подвиже деспотъ Углеша* вся сербьскыа и гречьскы войска, и брата своего Волкашина краля,* и иныя велможа многыя нѣгде до шестидесят тысущь избранныя войска, и поидоша въ Македонию на изгнание туркъ,* не судивше, яко гнѣву Божию никтоже мощенъ противустати. Тѣхъ убо не изгнаша, нъ сами от нихъ убиени быша, и тамо кости их падоша и непогребенни пребыша. И много многое множьсътво ово убо въостриемъ меча умроша, ово же въ заплѣнение ведено бысть. Нѣции же их, и гонезнувше, приидоша.

И толика нужда и злолютыа облия вся грады и страны западныя, елико ни же уши слышаста, ни же очи видѣста. По убиении бо мужа сего, храбраго деспота Углеша, просыпашася измалтяне и полетѣша по всей земли, якоже птица во воздуху, и овѣх убо от христианъ мечемъ закалаху, овѣх же въ заплѣнение отвождаху. А оставших смерть безгодна пожьже. От смерти же оставшаа гладомь погублени бывше, таковый бо глад бысть по всѣх странах, яковый же не бысть по всѣх странах от сложениа миру, ни же потомъ таковый, Христе милостивый, да будеть! А ихже гладъ не погуби, сихъ попущениемь Божиимь волци, нощию и дению нападающи, снѣдаху.

Увы, умиленъ позоръ бѣ видѣти: оста замля всѣх добрыхъ пуста: и людей, и скотъ, и иных плодовъ. Не бо бѣ князя, ни вожда, ни наставника в людех, ни избавляюща, ни спасающаго, нъ вся исполнишася страха измалитьскаго. И сердца храбрая доблественых мужей въ женъ слабѣйшая сердца

насколько язык его, когда он говорил, был неподражаем, настолько и жизнь его, когда он творил ее, была непостижима. Всегда ведь и постоянно — по апостолу: «Заднее забывайте», — к передним деяниям и видениям он простирался. И такую светлость благочестия, любви и премудрости наряду с милосердием он имел, что не многим уступал первенство. И так этот блаженный это и другое не малое, служащее к угождению Благу, практиковал и многих этим, своими делами, учил, то и я — не дерзая и не на крепость слова и разума своего надеясь, — да не будет этого! — но им, как я сказал, будучи понужден и на его умоляющие Бога и святые молитвы надеясь, — начал и перевел святого Дионисия Ареопагита при помощи и издержках, или откупе, этого моего святого владыки и заступника.

И иное прежде того я перевел, а потом — сколько святыми его молитвами даст всещедрый Бог.

Боюсь сказать, что я перевел святого Дионисия, хотя и перевел я его, — учитывая совершенно непостижимую высоту его богословия, крайнюю премудрость святого и хорошо зная тину своих грехов.

Книгу же эту, я имею в виду святого Дионисия, в хорошее время я начал *писать*, когда божественные церкви и Святая Гора раю подобно процветали, словно некий сад при источниках, постоянно напояемый. Закончил же я ее в худшее из всех плохих когда бы то ни было времен, когда прогневили Бога христиане западных стран.

И двинул деспот Углеша все сербские и греческие войска, и брата своего короля Волкашина, и много иных вельмож, примерно до шестидесяти тысяч избранного войска, и пошли они в Македонию для изгнания турок, не подумав, что гневу Божию никто не может противостать. Ибо тех они не изгнали, но сами были ими убиты, и там кости их пали и непогребенными остались. И весьма многое множество их или умерло от острия меча, или было уведено в плен. Некоторые же из них, убежав, пришли *назад*.

И такая нужда, злая и лютая, облила все города и западные страны, о какой ни уши не слышали, ни очи какой не видели. Ибо после убиения этого мужа, храброго деспота Углеши, рассыпались измаильтяне и полетели по всей земле, как птицы по воздуху, и одних из христиан мечом закалывали, а других в плен отводили. А оставшихся смерть безвременная пожала. От смерти же оставшиеся были погублены голодом, ибо такой голод был по всем странам, какой не бывал от сложения мира, ни потом, Христе милостивый, да не будет! А кого голод не погубил, тех попущением Божиим волки, и ночью и днем нападая, съедали.

Увы, жалостное зрелище можно было видеть: осталась земля безо всего хорошего: и без людей, и без скота, и без иных плодов. Ибо не было ни князя, ни вождя, ни наставника у людей, ни избавляющего, ни спасающего, но все наполнилось страхом измаильтян. И сердца храбрых доблестных мужей обра-

приложишася. В то бо время и племя србьских господъ, седми мню родъ, конецъ приатъ.* И въистину тогда ублажаху живии преже умерших.

И вѣруйте ми: не азъ, иже невѣжда по всему есмь, нъ и онъ премудрый въ елинѣхъ Ливание,* не бы моглъ писаниемь представити нужду, яже постиже христианъ западныхъ странъ.

Хотящеи же убо преписовати и прочитати сию книгу, милостиви и незазорливи, молюся, будите моей ума немощи и недостатку и сами, понеже и вы чловѣци и чловѣчьскыимь подълежаще, яко требуете милости от Бога и прощениа от чловѣкъ, прощению вашему и мене сподобляйте, у Бога испрашающе оставление безднѣ моего окаанства грѣхомь.

И имже въ инокых мене худаго аще хощеши увѣдети, начало тому есть осмеричное число, среда же двосътное и первое, конець же десято съ единѣмь наскончавается.*

Лѣто же тогда течаше 6-тысячное, 8-сътное, 70 и 9-е, индиктионь 9.*

Давшему же Богу и начати сия, и съвершити благоизволшему, — слава, честь и покланяние въ бесконечныя вѣкы. Аминь.

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

Сие петьнадесете главизны обьемлеть еже «О небеснѣмь свещенноначелии» слово:

1. Яко всако божественое осиание, по благости различнѣ вь промышляемаа происходе, прѣбываеть просто, и не се тькмо, нь и сьединенно творить осиаваемаа.

2. Яко подобнѣ божествнаа и небеснаа и отличними знаменми изьявляемаа суть.

3. Что есть свещенноначелие, и что вь свещенноначели полза. Прѣдѣль свещенноначелия.

4. Что назнаменуеть еже аггель именование.

5. Почто вса небеснаа сущьствиа отдолѣ общѣ аггелы глаголютсе.

6. Что прьво небесныихь сущьствь удобрение, что срѣдне, что послѣдне.

7. О серафимѣхь, и херувимѣх, и прѣстолѣхь, и о прьвом, ихь свещенноначелии.

8. О господствѣх, и силах, и властех, и о срѣднемь ихь свещенноначелии.

9. О начєлѣх, и архаггелѣхь, и аггелѣх, и о послѣднемь, ихь священноначелии.

10. Повьсприетие и сьбрание аггельскаго благочиния.

тились в слабейшие женские сердца. В то ведь время и племя сербских господ, седьмой, кажется, род, пришел к концу. И воистину тогда ублажали живые прежде умерших.

И поверьте мне: не я, сущий невежда во всем, но и тот премудрый в эллинах Либаний не смог бы в писании представить нужду, которая постигла христиан западных стран.

Желающие же переписывать и читать эту книгу, молю вас, будьте милостивы и непрезрительны к моей немощи и недостатку ума и сами, поскольку и вы — люди и подвластны человеческим *слабостям*, так что нуждаетесь в милости от Бога и в прощении от людей, прощения вашего и меня удостаивайте, у Бога выпрашивая оставления бездне грехов моего окаянства.

А если хочешь узнать мое иноческое имя, — начало того есть восьмеричное число, середина же — двухсотое и первое, конец же — десяток с единицей, *и этим оно* заканчивается.

Год же тогда шел 6879 (*1371*), индикт 9.

Богу же, и начать это давшему, и завершить благоизволившему, — слава, честь и поклонение в бесконечные веки. Аминь.

О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ

Эти пятнадцать глав содержит трактат «О небесной иерархии»:

1. Что всякое божественное осияние, по благости ⟨Божией⟩ различно в то, о чем заботится Помысел, исходящее, пребывает простым, но и единотворит осияваемое.

2. Что божественное и небесное подобающим образом выявляется и с помощью несхожих ⟨с ним⟩ символов.

3. Что такое иерархия, и какая от иерархии польза. Определение иерархии.

4. Что означает наименование ангелов.

5. Почему все небесные существа снизу ⟨доверху⟩ сообща называются ангелами.

6. Каков первый порядок небесных существ, каков средний и каков последний.

7. О серафимах, херувимах, престолах и о первой, их иерархии.

8. О господствах, силах, властях и о средней, их иерархии.

9. О началах, архангелах и ангелах, и о последней, их иерархии.

10. Повторение и сокращение ⟨сказанного относительно⟩ ангельского благочиния.

11. Почто все небесныие силы и сущьства общѣ силы небесные глаголютсе.

12. Почто иже вь чловѣцѣхь свещенноначелници аггелы глаголютсе.

13. Почто от серафимь глаголетсе очиститисе пророкь Исаиа.

14. Что назнаменуеть прѣданное аггельское число.

15. Кыи изьобразителнии аггельскыих силь образы. Сия вса вь петьнадесетой главизнѣ:

1) что еже огневидное,
2) что еже чловѣковидное,
3) что очеса,
4) что ноздры, что уши,
5) что уста,
6) что осезание,
7) что обрьви и вѣжде,
8) что юность,
9) что зубы,
10) что рамена, и мышце, и рукы,
11) что сердце,
12) что прьси,
13) что плещи,
14) что ногы и крила,
15) что нагота и еже необувенное,
16) что одѣание,
17) что свѣтлаа риза,
18) что святительскаа одежда,
19) что поясы,
20) что жьзлы,
21) что копиа, и сѣчива, и землемѣрите-
22) лнаа, и дрѣводѣлскаа орудия,
23) что вѣтры, и облаци, и мѣдь, и илектронь,[1]
24) и лици,
25) что еже львовидное, еже воловидное, еже орловидное,
26) что коны, и различия конскыих мастей, и колеснице, и кола, и прочаа, что глаголемаа радость аггельскаа.

---

[1] *Маргиналий*: Илектрон есть ками... ...ликый ...нь та... ...пуема ...тьльз...

11. Почему все небесные силы и существа называются одинаково небесными силами.

12. Почему священноначальники людей называются ангелами.

13. Почему говорится, что пророк Исайя был очищен серафимами.

14. Что означает сообщаемое преданием число ангелов.

15. Какие формы имеют образы ангельских сил. Это все в пятнадцатой главе:

1) что означает огневидность,
2) что — человеческий вид,
3) что — глаза,
4) что — ноздри, что уши,
5) что — уста,
6) что — осязание,
7) что — брови и веки,
8) что — юность,
9) что — зубы,
10) что — плечи, мышцы и руки,
11) что — сердце,
12) что — грудь,
13) что — плечи,
14) что — ноги и крылья,
15) что — нагота и необутость,
16) что — одеяние,
17) что — светлая одежда,
18) что — святительская одежда,
19) что — пояса,
20) что — жезлы,
21) что — копья, секиры и землемер-
22) ные и древообрабатывающие орудия,
23) что — ветры, облака, медь и электр,[1]
24) и лица,
25) что — вид льва, вид тельца, вид орла,
26) что — кони, различие конских мастей, колесницы, колеса и прочее, что так называемая радость ангельская.

[1] *Маргиналий*: Янтарь — камень...

Гранословиа о книзѣ светого Дионусиа:

От великаго Дионусиа словь
Не убо кто обрѣщеть книгу скупѣйшу,
Всако праведнѣ, ни же высочайшую,
Аще сия высока, сребро и порфира.

Надьписание въ блаженнаго Дионусиа:

Аггельскые прѣмудрости свѣтлости многые разумѣвь,
Чловѣкомь явиль еси видѣти умосьставную Звѣзду.

СЪСВЕЩЕНИКУ ТИМОФЕЮ — ДИОНУСИЕ СВЕЩЕННИКЬ О НЕБЕСНѢМЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛСТВѢ[2]

ГЛАВА 1. ЯКО ВСАКО БОЖЕСТЬВНОЕ ОСИЯНИЕ, ПО БЛАГОСТЫ РАЗЛИЧНѢ ВЬ ПРОМЫШЛЯЕМАА ПРОИСХОДЕ, ПРѢБЫВАЕТЬ ПРОСТО, И НЕ СЕ ТЬКМО, НЬ И ЕДИНОТВОРИТЬ ОСИАВАЕМАА

1. «Всако дание благо и всакь дарь сьврьшень свыше есть, сходей оть Отца свѣтомь».*[3] Нь и всако отцедвижнаго свѣтоявлениа прошьствие вь нас благодатнѣ приходимо, пакы яко единотворна сила вьиспрьноснѣ нас вьспростираеть и обращаеть кь Сьбирателя Отца* единству и боготворной простотѣ. Ибо «оть Того вса и вь Томь»,* якоже свещенное рече Слово.

2. Прочее, убо Исуса призвавше, иже отечьскый «Свѣть», иже сый, «иже истинный, иже просвѣщаеть всакого чловѣка, гредущаго вь мирь»,* имже еже кь свѣтоначелнику Отцу* приведение имѣхомь, на свещенныихь Словесь

[2] Сказание надписанию. Понеже надписание «свещенноначалие» имать, нарицати обыче свещенноначелникы епископы, дльжно есть вѣдѣти убо, яко свещенноначелие убо есть еже завѣщаниа самого свещенныихь начело и образомь нѣкоим попечение, и свещенноначелникь — иже свещенними начелствуе, и пекыйсе, и промышляе, не убо свещенници, нь — иже яже свещеннаа и уставь их же и церкве и таинь разнчиняе, не убо же свещенноначелникь. Сие же тльковаание и самь великый Дионусие долѣ прѣдлагаеть вь иже «О церковничьскомь свещенноначелии» словѣ.

Маргиналий: И свещенник бо свещенна суть; того ради от общаго, рекше от свещеннаго тогова, словится свещенноначелникь, а не от свещенника. Свещенная же начелствуя явѣ свещенници, понеже и тии свещенни.

Продолжение схолии: Знаменай же, и яко свещенника име и епископа являеть, зане яко свещенникь есть и епископь. И се являетсе и вь «Дѣаниахь светыхь апостоль», идеже вь Асии сьчиняетсе церквамь ее светый апостоль Павль.*

[3] Знаменай, яко светаго Иакова Сьборнимь посланиемь* приемлеть блаженный Дионусие, оттуду бо речение есть, и яко изданно уже бѣ.

Стихи о книге святого Дионисия:

Трактатов Дионисия великого
Едва ли кем точнее книга сыщется,
Ни более, конечно же, роскошная,
Коль это роскошь — серебро на пурпуре.

Эпиграф к блаженному Дионисию:

Ангелам свойственной мудрости многую светлость постигнув,
Людям Звезду, из ума состоящую, дал ты увидеть.

СОСВЯЩЕННИКУ ТИМОФЕЮ — СВЯЩЕННИК ДИОНИСИЙ О НЕБЕСНОЙ ИЕРАРХИИ[2]

ГЛАВА 1. ЧТО ВСЯКОЕ БОЖЕСТВЕННОЕ ОСИЯНИЕ, ПО БЛАГОСТИ ⟨БОЖИЕЙ⟩ РАЗЛИЧНО ПРОХОДЯЩЕЕ В ТО, О ЧЕМ ЗАБОТИТСЯ ПРОМЫСЕЛ, ПРЕБЫВАЕТ ПРОСТЫМ, НО И ЕДИНОТВОРИТ ОСИЯВАЕМОЕ

1. «Всякое даяние благое и всякий дар совершенный свыше есть, сходя от Отца светов».[3] Но и всякое исхождение движимого Отцом светосвечения, благодатно в нас приходящее, вновь как единотворящая сила, возвышая, нас наполняет и обращает к единству и боготворящей простоте Собирателя Отца. Ибо «из Него все и в Него», как сказало священное Слово.

2. Итак, призвав Иисуса, Отчий «Свет», сущий, «истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир», через Которого мы обрели доступ к светоначалу, Отцу, восклонимся, насколько это возможно, ввысь к

---

[2] Объяснение названия. Поскольку название содержит *слово* «иерархия», а обычно он называет иерархами епископов, следует знать, что иерархия есть начало самого распорядка священного и некоторым образом попечение ⟨о нем⟩, а иерарх — тот, кто над священным начальствует, печется и заботится ⟨о нем⟩, а не о священниках, но — кто распоряжается священным и его уставом, а также ⟨устройством⟩ Церкви и таинств, однако же не архиерей. Такое толкование и сам великий Дионисий предлагает ниже, в трактате «О церковной иерархии».

Маргиналий: И то, чем ведают священники, священно; по этой причине, ⟨идя⟩ от общего, то есть от этого священного, говорится «священноначальник», а не от священника. Начальствующие же священным явно священники, поскольку и те священны.

Продолжение схолии: Заметь, что именование «священник» являет и епископа, поскольку и епископ священник. Это ясно и из «Деяний святых апостолов», где ⟨повествуется, как⟩ в Азии прощается с церквями ее святой апостол Павел.

[3] Заметь, что блаженный Дионисий использует Соборное послание святого Иакова, ибо высказывание оттуда, и — что оно уже было издано.

отцепрѣдателнаа[4] осианиа якоже мощно есть вьзмагаимь, и яже от тѣхь знаменателнѣ[5] намь и вьзводителнѣ изьявленнаа небесныихь умовь[6] священноначелствия, коль мощны есмы, узримь. И еже начелное и прѣначелное[7] богоначелнаго Отца свѣтодание, еже аггельь намь образними знаменми изьявляеть блаженнаа священноначелствиа, невеществьными и незиблемыими ума очесы приемше, пакы оть того на простую того вьзникнемь зару.

И бо ниже сия коли своего единьствнаго вьнутрьнства[8] оскудѣваеть кь вьзвождению же и единотворному промышляемых растворению,[9] благолѣпнѣ множещисе и происходещи, прѣбывает вьнутрь себе тврьдостнѣ вь недвижимомь тождьствѣ прѣбывателнѣ вьдруженна и иже на ту, якоже праведно есть, вьзимающеисе по мѣрѣ тѣм вьсиаваеть и единотворить по простотнѣмь ее единствѣ. Ибо ни же мощно инако намь вьсиати богоначелной зарѣ, аще не различиемь священныхь завѣсь[10] вьзводнѣ прикриваемой и сущиимь у нас промысломь отечьскымь сьестьствнѣ и свойствнѣ указанной.

3. Тѣмже и преподобнѣйшее наше священноначалие Служьбьнство Священноположно[11] небесныихь священноначельствь прѣмирному уподоблению сподобивь, и реченнаа невеществьнаа священноначелствиа веществьными образы и зрачными сложенми[12] уразличивь, прѣдасть, яко да по мѣрѣ мы сами от священнѣйшиихь зданий[13] на простие и необразние вьзмемсе вьзводей

[4] Отце зде являеть прѣдавшеи ему прѣдание, не убо же естественые, от еллин бо бѣ, якоже сказують «Дѣаниахь светыхь апостоль»* и сам же вь еже кь светому Поликарпу послании* и вь 9 главѣ «О небеснѣмь священноначелии».*

[5] Знаменателнѣ. Знаменми нѣкоими глаголеть и образи, не бо естьствословнѣ.

[6] Умове наричуть и иже оть еллинь прѣмудры разумные, сирѣчь аггелскые силы, понеже все умь есть кьждо ихь и сущьство все умь живь вь вид себѣ вьсущьствлено имать.

[7] Прѣначелный же Богь, яко паче всакого начела и богоначелны свѣть, яко начело глаголемых богь, — аггель, глаголю, и чловѣкь праведныих.

[8] Вьнутрьнство глаголеть ськрьвенство, всѣмь бо сущиим вьнѣ тое недовѣдома есть.

[9] Знаменай «растворение» и почто Божество, едино суще, множитсе.

[10] «Завѣсы» глаголеть яже тѣлеснѣ о Бозѣ глаголемаа вь Писанияхь, рекше удьь чловѣчьскыихь, или силь нѣкоихь именованиа. Знаменай же, яко кромѣ образь и знамений не мощно намь, вь пльти сущиимь, узрѣти невеществьнаа и беспльтнаа. И се паче являху яже вь скини завѣшениа, якоже зде гадаеть.

[11] «Служьбьньство Священноположно» — божествное священныих таиньствь наших удобрѣниа положение и прѣдложение есть начело бывше от Бога апостольми сьврьшителныими сихь благыихь. Наученние бо сьврьшеннѣхь наричеть божествный апостоль Павль, глаголе: «Елици убо сьврьшенныи, се да мудрьствуемь».* *Маргиналий*: «Служебьньство священноположно» зде разумѣй небесно священноначелие.

[12] Знаменай же, кые глаголеть «образе и зрачнаа сложениа», рекше изьображениа, яже напрѣдѣ прѣдлагаеть.

[13] Знаменай, яко зданновиднаа глаголет яже зде таиньствьнаа прѣданиа, яже вь иже «Церковьномь священноначелии» словѣ отврьзаеть. Се же боголѣпнѣ достоить разумѣти. Кь убо «зрачныимь» «наздание» вьздаждь, кь «сложению» же «простаа и невьображаемаа».

осияниям священнейших Речений, переданным отцами,[4] и сколько есть сил будем созерцать ими для нас символически[5] и возводительно открытые иерархии небесных умов.[6] И начальное и сверхначальное[7] светодаяние богоначального Отца, показывающее нам в изобразимых символах блаженнейшие иерархии ангелов, невещественными и недрожащими очами разума восприняв, от него вновь устремимся к его простому сиянию.

Оно же никогда не оскудевает в своей единственной внутренности,[8] благолепно умножаясь и исходя для возвышающего и единотворящего соединения[9] ⟨в себе⟩ всех, о ком заботится Промысел, пребывает внутри себя прочно *и* неколебимо утвержденным в неподвижном тождестве и воссиявает для обращающихся к нему подобающим образом, по их мере, и единотворит ⟨их⟩ соответственно своему простому единству. Ибо невозможно, чтобы богоначальное сияние воссиялло нам иначе, нежели возводительно окутанное пестротой священных завес,[10] соестественно и подходящим нам образом Отеческим промыслом снаряженное.

3. Почему и Службоначальное Священноустановление,[11] удостоив нашу преподобнейшую иерархию быть надмирным подобием небесных иерархий и испещрив упомянутые невещественные иерархии материальными образами и сочетаниями форм,[12] предоставило нам соразмерно себе восходить от ⟨этих⟩ священнейших творений[13] к простым необразимым подобиям, поскольку невоз-

---

[4] Отцами здесь он представляет ⟨людей⟩, передавших ему предание, а не физических ⟨предков⟩: из эллинов ведь он был, как говорят «Деяния святых апостолов» и он сам в послании к святому Поликарпу и в девятой главе ⟨книги⟩ «О небесной иерархии».

[5] Символически. Он говорит, используя некие символы и образы, а не естественнонаучно.

[6] Умами и эллинские философы называют умные, или ангельские, силы, поскольку каждая из них есть всецело ум и полнотой существа обладает как осуществляемый в своем собственном виде живой ум.

[7] Сверхначален Бог как превышающий всякое начало и богоначальный свет, как начало так называемых богов, — я говорю об ангелах и праведных людях.

[8] Внутренностью он называет сокровенное, ибо для всех, кто вне его, оно невидимо.

[9] Обрати внимание на «соединение» и на то, почему Божество, будучи единым, множится.

[10] «Завесами» он называет то, что в Писаниях говорится о Боге как о теле, например, путем наименования человеческих членов или каких-то способностей. И заметь, что помимо образов и символов невозможно нам, во плоти сущим, увидеть невещественное и бесплотное. Именно это, скорее всего, показывают и завесы в скинии, как он здесь намекает.

[11] «Службоначальное Священноустановление» — божественное установление и составление порядка наших священных таинств, получившее начало от Бога через апостолов, совершителей этих благ. Ведь божественный апостол Павел называет посвященных совершенными, говоря: «Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить». *Маргиналий*: «Совершенноначальное священноустановление» здесь понимай как небесную иерархию.

[12] Заметь, что впереди он раскрывает, о каких говорит «образах и сочетаниях форм», то есть изображениях.

[13] Заметь, что он называет сотворенными здешние мистические предания, каковые раскрывает в трактате «О церковной иерархии». Но это надо понимать подобающим Богу образом. С «формами» свяжи «творения», а с «сочетаниями» — «простые и невообразимые».

подобия, понеже ни же мощно есть нашему уму кь невещественному оному вьзетисе небесныихь священноначельствь подобию и видѣнию, аще не еже оть сихь вещниимь руковождениемь[14] потрѣбуеть яже убо видимые доброты[15] невидимаго благолѣпия изьображения помышляе, и яже чювьстьвнаа благоуханиа вьображениа умнаго прѣподаниа, и безвещестьвнаго свѣтоданиа образь вещьнаа свѣтила, и еже по уму зрителнаго сьврьшениа Божествныхь Писаний прочитание,[16] и еже сьгожденнаго кь божественыимь сьчиненнаго имьства,[17] иже овдѣшьняаго украшениа чины и Исусова приобщения божествнѣйшаго благодарениа причещение, и елика инаа небесныимь убо сущьствомь прѣмирнѣ, нам же образнѣ прѣдашесе.

Сиего убо ради нашего по мѣрѣ обожения чловѣколюбное Службоначелие и небеснаго священноначелствия намь указуе,[18] и сьслужителя ихь сьврьшае еже у нас священноначалие, еже прѣма силѣ нашей уподоблениемь боговиднаго ихь освещениа чювьстьвныими образы прѣнебесные написа умове вь священнописателныихь словесь[19] слозѣхь, яко да убо нас вьзведеть[20] чювьственыихь ради на умна и от онѣхь священнозданныихь знамений на простие небесныихь священноначельстьвь врьхы.[21]

---

[14] Вещное руковождение глаголеть еже вещныими глаголемыими кь мысли вьзводитисе паче чювьстьвныихь. «Видимые же доброты» яже священныихь храмь удобрения глаголеть, «украшении же чины» — священникь степены.

[15] Знаменай же, яко видимие доброты образы суть невидимых удобреней, якоже являет и апостоль вь иже «Кь Евреомь», яже о сѣны зре, и Моуси слыше: «Вса по образу, показанном ти на горѣ, сьтвори».*

[16] Божественыихь Писаний прочитание есть яже видимыими и вещьми пространнѣйшаа указания.

[17] «Имьства» суть тамо божествнаа завѣщавающе. Имьство же есть качьство прѣбывателно. Зде же и церковныи чины тамошняа имьства за еже беспльтнаа образують. Имьства бо беспльтныихь суть.

[18] Знаменати достоить, яко еже оть нас, чловѣкь, сьврьшаемо священничьское тайнослужение подражание есть небеснаго священноначелия.

[19] «Священнописателнаа же Словесь сложения» глаголеть яже священнѣ о тѣхь сложеннаа словеса вь Писаниихь.

[20] Знаменай, како вьзводимсе на богословие и яко Христос нас възводить.

[21] Ничтоже яко по прилучению именованно есть от блаженнаго сего, нь многоучителнѣ и истѣйше сь благочестиемь. Понеже убо еже у нас завѣщание образы вещными и сказанми и назданми рече сьврьшатисе по еже намь мощно образь сущеи подражание еже у аггель священнаго удобрения вьлѣпоту еже вь них священноявление врьхь нарече. Врьх бо и крайнее обыкоше звати иже о сихь упразнившеисе коегождо сущьства чистѣйшее и кь нему же прилежить приближнѣ, сирѣчь приближно, сущьство. Якоже есть рещи, душе врьхь есть умь ее чистѣйши, и рачителства врьхь прѣвьзьшьдьшиихь и божествнѣйшиихь топлотное желание, и нашего убо священноначелия и тайновиднаго удобрения врьхь и крайнее чистѣйшее его от неже начетсе и еже близь приходе невеществия. Еже убо чистѣйше вь нас знамение врьхь неизьображаемыихь и простих и беспльтныихь таиньстьвь, емуже священноначелие сьвькупляемо приходить, образомь нѣкоимь кь чловѣкьь священнноявлению, и образы вьзводить на чистая видѣния умнаго служьбьнства, врьху, глаголющусе вьлѣпоту иже здѣ телесныих же и вещевидныихь.

можно нашему уму возвыситься до этого невещественного подобия небесных иерархий и ⟨их⟩ созерцания, если он не воспользуется соответствующим ему вещественным руководством,[14] понимая, что видимые красоты[15] суть отражения невидимого благолепия, и воспринимаемые чувством благоухания — образы умопостигаемого распространения, и материальные светила — образ невещественного светодаяния, и чтение божественных Писаний[16] — свойственного уму насыщения созерцанием, и чины здешних порядков — ⟨отражения⟩ гармоничного с божественным свойства[17] упорядоченности, и причастие в божественнейшей евхаристии — ⟨символ⟩ приобщения Иисусу; и все иное дано небесным существам надмирно, а нам образно.

Ради этого-то нашего, по ⟨нашей⟩ мере, обожения человеколюбивое Службоначалие, показывая нам небесные иерархии[18] и делая сослужебной им нашу иерархию, описало наднебесные умы в священнописанных сложениях Речений,[19] соответственно нашей силе, путем уподобления их богообразной священности доступным чувствам образам, чтобы посредством воспринимаемого чувствами возвести[20] нас к постигаемому умом и от оных священнозданных символов — к простым вершинам небесных иерархий.[21]

---

[14] «Вещественным руководством» он называет возведение посредством того, что говорится о вещественном, к мысли о том, что выше чувств. «Видимыми же красотами» называет украшения священных храмов, а «чинами порядков» — степени священников.

[15] Заметь, что видимые красоты суть образы невидимых порядков, как показывает и апостол в ⟨Послании⟩ к евреям, рассматривая то, что касается скинии и Моисея, слышащего: «Сделай все по образу, показанному тебе на горе».

[16] Чтение божественнейших Писаний есть научение посредством видимого и материального более широкому.

[17] «Свойства» суть то, что там упорядочивает божественное. ⟨Вообще⟩ же свойство есть устойчивое качество. А здесь церковные чины изображают тамошние свойства, с плотью не связанные. Свойства ведь — бесплотных.

[18] Следует заметить, что совершаемое у нас, людей, священническое тайноводство есть подражание небесной иерархии.

[19] «Священнописанными сложениями Речений» он называет слова, священно сложенные о них в Писаниях.

[20] Заметь, как мы возводимся к богословию и что Христос нас возводит.

[21] Ничто этим блаженным не названо как придется, но ⟨все⟩ — с большим знанием и подлинно, с благочестием. Поскольку же он говорил, что священный порядок осуществляется — чтобы быть нам доступным — с помощью материальных символов, ⟨словесных⟩ распространений и творений, являясь отпечатком и подражанием ангельского священного устроения, он по справедливости назвал вершиной свойственное им явление священного. Знающие дело ученые обыкновенно называют вершиной чистейшее в каждой сущности, к каковому сущность близко, то есть непосредственно, примыкает. Так, скажем, вершина души — ее чистейший ум, а вершина любви — пламенное желание высочайшего и божественнейшего; и у нашей иерархии и тайноводительного устроения вершина — ее «чистейшее», из которого она началась и которое стремится к близости с нематериальностью. Чистейший же у нас символ — вершина неизображаемых, простых и бесплотных таинств, примыкая к каковой, иерархия восходит, словно к высшему являющему священное у людей, и возводит посредством образов к чистым созерцаниям умопостигаемого совершенства, по справедливости называемого вершиной здешнего телесного и материального.

ГЛАВА 2. ЯКО ПОДОБНѢ БОЖЬСТВНАЯ И НЕБЕСНАЯ И ОТЛИЧНЫИМИ ЗНАМЕНМИ ИЗЬЯВЛЯЕМА СУТЬ

1. Потрѣба же есть убо, яко мню, прьвѣе изложити кую убо быти мысль всакого свещеньноначельства непщуемь и что тогове коеждо сьликьстьвникы ползуеть, прочее же небесная свещенноначельствия вьспѣти по еже тѣхь вь Словесѣхь изьявлению,[1] послѣдователнѣ же симь рещи, кыими свещенными ображенми небесные изьображають доброты[2] Словесная священнописания и кь коей вьзвестисе подобаеть назданий ради простотѣ, яко да не и мы подобнѣ иныимь несвещеннѣ вьзнепщуемь небесные и боговидные умове многоножние быти нѣкыие и многоличныие и кь воловь скотьству или кь львовь звѣрообразию вьображеньныие, и кь орловь погрьбленонокьтну виду,* или кь птицьь власовну крилатоестествию сьзданьныие,* и кола нѣкотораа огневидна на небесы* вьзьмьчтаемь, и прѣстоле вещние Богоначелию кь сѣдению прикладныие,* и коне нѣкыие многопьстротние,* и сь копиями архистратиге,* и еликаа инаа от словесьь намь свещеннѣздательнѣ вь различию изьявителных знамениях прѣданна быше. И бо явѣ богословие творителныими[3] свещеннозданми на безьобразныих умовьь потрѣбова иже у нас, якоже речесе, умь сьвыше присѣтивь и приискрняго тому и сьестествнаго вьзвода промысливь и тому наздавь вьзводителная священнописания.

2. Аще ли же нѣкоему мнитсе свещенная убо приемати сложения[4] простиихь от себе невѣдомых же и незримыихь намь бывающиихь, неприкладна же мнить яже светиихь умовьь вь словесѣхь образописания и всако,

---

[1] Изьявление глаголеть вьзвѣщение, явлено же, яко — еже знаменми изьображенми, яже и наздания рече; простоту же — еже естества невещественое.

[2] Вѣдѣше бо, яко вьспѣвае иже вь небесѣхь свещенние умове, якоже самь глаголеть, по Писаничской нужди имѣше рещи о животных звѣрообразных, и орловѣхь, и иныихь, имиже уподобляють Божьствная Писания архаггельскые силы, глаголет бо: «Да не и мы, и якоже мнози, вьзнепщуемь несвещеннѣ» не имѣти тькования многоличныимь и многоножныим чином небесныимь. Сия же убо изьяснити прѣдречесе, по священныхь Словесѣхь изьявлению.

[3] Яко и творителними назданми приеть Писание рекь. Подобна быти небесная знамения и ображения иже от творьць мьчтаемыимь, якоже свещеннь си мужь сь глаголеть (творьце же разумѣй или от еллиньь удивляемие (рекше Омира, Исиодона и прочие), или творителными, рекше наздателными изьображенми. Видѣвь бо Божие прѣмудрое сьхождение нашь умь немощьнь и кь височайшему неприкладнѣ имущь, вьзведение тому сьестествно наздавь, сице архаггльская вь явленно приведе удобрения, не яко имуть истиною, изьяснивь, нь како мы и можемь разумѣти. Ничесоже неподобно мьчтай яже небесныихь.

[4] Сложения глаголеть реченная наздания и образотворения. «От себе» же, сирѣчь, якоже имуть естествомь, невѣдомыи намь, глаголеть, и незримы суть.

ГЛАВА 2. ЧТО БОЖЕСТВЕННОЕ И НЕБЕСНОЕ ПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ ВЫЯВЛЯЕТСЯ И НЕПОДОБНЫМИ ⟨ЕМУ⟩ СИМВОЛАМИ

1. Итак следует, как мне кажется, первым делом изложить, что мы считаем целью всякой иерархии и что пользой участников каждой из них, а потом — воспеть небесные иерархии согласно показанию[1] о них Речений и соответственно им рассказать, в каких священных образах священнописания Речений представляют небесные порядки[2] и до какой степени простоты надо с помощью ⟨этих⟩ изображений возвыситься, чтобы нам, подобно многим, не полагать нечестиво, будто небесные богообразные умы — некие многоногие и многоликие ⟨существа⟩, имеющие вид домашних быков, диких львов и кривоклювых орлов, или пернатых, похожих на волосатых, птиц, и не воображать некие огненные колеса над небом и материальные престолы, нужные Богоначалию для восседания, и неких разномастных коней и архистратигов-копьеносцев, и все прочее, что священнообразно передано нам Речениями в пестроте выявляющих символов. Богословие ведь решительно воспользовалось поэтическими[3] священнотворениями применительно к не имеющим образа умам, изучив, как сказано, наш ум, предусмотрев свойственную и прирожденную ему способность возведения и создавая для него возводительные священнописания.

2. Если же кому-то представляется, что священные сложения[4] надо воспринимать как ⟨изображения⟩ простого, самого по себе непознаваемого и нами невидимого, но написанные в Речениях образы святых умов кажутся

---

[1] Показанием он называет извещение, и ясно, что — с помощью символов и изображений, каковые он называет и образами; простотой же ⟨он называет⟩ невещественность природы.

[2] Ведь он понимал, что, воспевая небесные священные умы в согласии, как он сам говорит, с Писанием, он вынужден говорить и о животных, и о зверях, и об орлах, и о других ⟨тварях⟩, которым божественные Писания уподобляют архангельские силы, ибо он говорит: «Чтобы и нам, подобно многим, не полагать нечестиво», что нет объяснения многоликих и многоногих небесных чинов. Их-то и обещает он разъяснить в согласии с показанием священных Речений.

[3] Он сказал, что Писание воспользовалось некими поэтическими творениями. Небесные символы и образы сходствуют, как говорит этот священный муж, с фантазиями поэтов (под поэтами же разумей, например, почитаемых эллинами, как то: Гомер, Гесиод и прочие) или с поэтическими, как бы пластическими, набросками. Ибо премудрое Божье снисхождение, зная немощь нашего ума, неспособного к более высокому созерцанию, создав родственный ему подъем, таким образом сделало доступными *его* восприятию архангельские порядки, — показав их не такими, каковы они поистине, но такими, какими мы можем их воспринять. Так что не воображай ничего чуждого небесным ⟨силам⟩.

[4] Сложениями он называет упомянутые творения и изображения. «Самого же по себе», — значит, такого, каким ему свойственно быть по природе; а существует оно, говорит он, непознаваемым для нас и невидимым.

яко рещи, отрочно[5] само аггельскыих именьь подобие, и потрѣбно быти глаголеть богословцем на тѣлотворение нѣкако беспльтныих пришьдшиимь ближними (*на поле рядом*: самѣх тѣхь виновна) тѣхь и яко мощно сьродныими наздавати же и изьявляти ображенми от иже у нас честнѣйшиихь[6] и безьвеществьныихь нѣкако[7] и прѣвышележещиихь сущьстьвьь, а не небесныимь и боговидныимь простотамь[8] яже на земли послѣдьняя налагати многообразия (ово бо убо нашихь и вьзводително хотѣше быти, и яже прѣмирная изьявления не свести вь неприкладнная отличьнствия, ово же и вь божествные неправеднѣ досаждаеть силы и нашь негли заблуждаеть умь, вь несвещенная ть вьгльбляе сложения, и рекше[9] и вьзьмнитсе прѣнебесная львовьь нѣкоихь[10] и коньь многыих испольнятисе, и мрькательнаго пѣснословия, и птичияго ятоначелия, и животныихь иныихь,[11] и вещий безьчестнѣишиихь, елика кь безмѣстию и таимичиству и страсты[12] уклонитисе написують иже по всемь отличная васьнь изьявителныихь Словесьь уподобления), нь еже истины, якоже мню, прошение указуеть юже вь Словесехь священную прѣмудрость вь небесныихь умовь изьображенияхь, коеждо зѣло промысливь,

[5] Отрочно, мню, глаголати тому странно и рекше обычайныихь отсѣченны путь и наздание. Сего ради и подобие то именуеть, изьявляе не истинны быти написанныи светыхь аггельь зраци. Ниже бо истиною таковы суть, яковыих тѣхь Свещенное прѣдаеть Писание, нь да мы приходимь кь величьствию ихь. Сам же Дионусие покушаетсе сьсложити реченная о нихь и показати, яко мощно есть сказаний ради тако разумѣвати аггельская удобрения, якоже речеся.

[6] Честнѣиша и невещественаа отчести существия небо и звѣзды глаголеть.

[7] Нѣкако невеществьныих, — сирѣчь отчести, не бо отнудь безвеществьныих. Прѣвышележащая же сущьствия небо и яже на небесы глаголеть, сирѣчь звѣзды, еже бо тьнкочестное их и единосущьствьное близь есть невьществия.

[8] Боговидние простоты глаголеть умная сущьствия, невеществьная бо суща и несложенна всако суть, не суще сьрастворение стихий. Телеса бо от сихь, оне же бесплътне.

[9] «И рекшее» здѣ сице разумѣй, и како вьзьмнитсе небесная львовьь и иных безчестныих напльнятисе?

[10] Си зраци светихь херувимь и от божьствнаго Езекиила,* и от дивнаго Иоанна вь «Откровении»* написани быше.

[11] «Животна ина» рече, сирѣчь коньь, и мьськьь, и таковых, «вещи же безчестнѣишие», рекше прѣстоли, яко от дрѣвия, и кола, и оружия, и железа, якоже оружие истрьженно при Валаамѣ* и еже виде Давидь, якоже в «Царствиихь» реченно есть, вь книзѣ Второй.*

[12] «Страстнѣ» глаголеть, понеже львообразие яростно нѣчто назнаменуеть, и телца видь — похотѣвателное, яже страсти и велики суть. Уподобления же глаголеть уподоблятелная мнѣния. Глаголет бо Иезекииль, яко подобие узрѣти прѣстола* и подобие льва,* еже являеть зданновидно мнещиихсе мьчтание. Сего ради и здѣ реченно бысть «отличная уподобления»: не бо вса подобнѣ зрить пророкь, нь овѣхь убо сице, овѣх же сице. Нь и отлични суть свьсма, имиже мнется подобни, ничесоже бо льва или телца или прочих истиннѣ имуть. Что же являеть отличное, вь прочиихь обрѣщеши.

нелепыми и весь этот театр ангельских имен, скажем так, грубым,[5] и говорит он, что, приступая к творчеству телесных ⟨изображений⟩ совершенно бестелесного, богословам надо, чтобы ⟨его⟩ представить, создавать близкие (*маргиналий*: являющиеся причиной самих их) и по возможности родственные образы, заимствуя их у существ наиболее нами почитаемых,[6] в какой-то мере невещественных[7] и пребывающих выше ⟨нас⟩, не сообщая небесным богообразным простотам[8] ⟨ничего⟩ предельно земного и многообразного (ибо первое способствует нашему возведению и не низводит надмирные явления до представляющегося нелепым несходства, а второе и божественные силы беззаконно оскорбляет, и наш ум вводит при этом в заблуждение и, пожалуй,[9] в несвященные сочетания, ⟨так что⟩ скоро он может начать воображать, что сверхнебесная сфера полна некими львиными[10] и лошадиными стадами, песнопениями в виде мычания, птичьими стаями и другими живыми существами[11] и вещами менее почтенными, сколько их описывают по всему неподобные, склоняющие к нелепому, ложному и страстному[12] уподобления будто бы выявляющих Речений), но — истины, как я полагаю, поиски открывают священнейшую премудрость Речений, вполне предусмотрев-

[5] Грубым, мне кажется, он называет странный и как бы далекий от принятого метод и способ творчества. Почему он называет это театром, поясняя, что написанные образы святых ангелов не отражают истину. Ибо на деле они не таковы, какими их представляет Священное Писание, но они ⟨изображаются так⟩, чтобы мы постигли их величие. Сам же божественный Дионисий старается собрать сказанное о них и показать, что ангельские порядки можно благодаря разъяснению мыслить так, как сказано.

[6] В высшей степени почитаемыми и отчасти нематериальными сущностями он называет небо и звезды.

[7] В какой-то мере невещественных, — то есть отчасти, ибо не полностью невещественных. Пребывающими же выше ⟨нас⟩ существами он называет небо и то, что на небе, как то звезды, ибо их тончайшесть и единосущественность некоторым образом близка к невещественности.

[8] Богообразными простотами он называет умственные существа, ибо они невещественны и совершенно несложны, не будучи смесью элементов. Из таковых состоят ведь тела, а эти бестелесны.

[9] «И, пожалуй» понимай здесь так: как же небесное станет представляться наполненным львами и иными нечтимыми ⟨существами⟩?

[10] В таком виде святые херувимы представлены и божественным Иезекиилем, и дивным Иоанном в «Откровении».

[11] «Другими живыми существами» он называет такие, как лошади, мулы и тому подобные; «вещами же менее почтенными» — такие, как престолы как бы из дерева, колеса, меч из железа, как меч, извлеченный на Валаама, и тот, который видел Давид, о чем сказано во Второй книге Царств.

[12] Он говорит «страстному» потому, что образ льва служит некиим знаком ярости, а вид тельца — похоти, каковые страсти и являются великими. Подобиями же он называет уподобляющие вымыслы. Так, Иезекииль говорит, что он видел «подобие престола» и подобие льва, что показывает образность представляющегося в фантазии. Потому-то и сказано «неподобные подобия»: не всех подобными видит пророк, но одних так, а других этак. Но и те совершенно неподобны, о которых думают, что они подобны, ибо ничего общего со львом или тельцом, или прочими ⟨животными⟩ на деле они не имеют. А что показывает неподобие, ты найдешь в дальнейшем.

яко ниже вь божествьные,[13] яко речеть кто, досадити силы, ниже убо вь низуносна нам страстнѣ выглыблятисе образь смѣрения.

А яко убо вьлѣпоту прѣдложишесе безьобразныих образы и зраци безрачныихь, не едину вину речеть кто убо быти юже вь нас мѣру, немогущую непосрѣдствнѣ на умная вьзетисе видѣния и трѣбующую искрьныихь и сьестественныихь вьзвождений,[14] иже яже мощная намь ображения прѣдлагають безьобразныихь и пачеестествьныихь видений, нь яко и се таинствьным Словесемь есть подобнѣйше еже недовѣдомыими и свещенныими гаданьми ськривати и невьходну многыимь полагати свещенную и ськрьвенную прѣмирьныих умовьь истину. Есть бо не всакь священьнь, «ни же всѣх, — якоже Словеса рѣше, — разумь».*

Аще ли же неприкладная образописания виновьствуеть кто студно быти, глаголе вьзлагати яже сице студна суть изьображения боговидныимь и светѣйшиимь добротамь, лѣпо есть кь тому рещи, яко два суть свещеннаго изьявления образа.[15]

3. Овь убо яко подобьнь подобниими происходе свещеннозрачныими образи, ов же отличныими образотворенми вь отнудь неуподобленнѣ[16] и неприкладнѣ сьтвараемь. Сего ради и честное прѣсущьствнаго богоначелия блаженство изьявителныихь Словесьь тайная прѣдания когда убо яко Слово[17]* и Умь* и Сущьство вьспѣвають, богоподобное словесьнство и прѣмудрость Того являюще и вьистину суще бытие и иже сущиих бытия вину истинную, и яко свѣть* то наздавають, и животь*[18] наричуть. Таковыимь свещенным назданиямь честнѣйшиимь убо сущиимь и тименныихь образьь прѣвьсходити нѣкако мнещиимсе, недостатьчьствующиим же и сице богоначелнаго кь Истинѣ подобия (есть

---

[13] Обещаваеть своим тльковaнием указовати коеждо, яко ниже вьзьмнѣтисе досажати небесным, ниже нас вь долѣносная смѣрения выглыблятисе о яже вь аггелѣхь глаголемыих животных.

[14] Знаменай, яко бесплытная безрачнаа суть. Егда убо услышиши о Прѣсущьствомь иже «вь зрацѣ Божи сыи»,* еже неизмѣнное кь своему Отцу разумѣй. Се бо являеть и «образь Бога невидимаго»* и еже «видѣвый Мене видѣль есть Отца».* Сице и святый Василие сказуеть вь еже кь своему брату словѣ еже о разьньствѣ сущьства и сьстава.*

[15] Яко по двѣю образу вьспѣваетсе божество: или яко подобно всѣмь, вса бо вь томь сьставляютсе, или яко отлично [*на поле рядом*: неподобно], ничтоже бо есть всѣхь.

[16] Яко подобниими и отличниими наздаваютсе образы и како наздаваютсе, здѣ глаголеть.

[17] По чемь глаголетсе слово и умь Богь, вьнегда «Кто разумѣ умь Господень?»* и вьнегда «И бысть слово Господне кь мнѣ»* глаголеть и прочая. Словеньство же глаголеть при Бозѣ не яко словесна хощеть показати Бога яко причествующаа слову, — се бо изьявляеть, — нь яко самословесие есть, Слово сый. Сущьство же глаголють при Бозѣ, егда рекуть «Азь есмь сый» и «Сый посла Ме».*

[18] Яко ниже животь, ни же свѣть, ниже умь, ниже сущьство истѣйше глаголетсе Богь, нь винословнѣ [*на поле рядом*: виновствнѣ]. Есть бо и паче сихь и не яковаа сия.

шую при изображении каждого из небесных умов, чтобы и божественному,[13] можно сказать, не было нанесено оскорбление и чтобы мы, приземленные, не оказались пораженными страстью к низменности образов.

Причиной же того, что с достаточным основанием выставляются изображения неизобразимого и виды безвидного, можно называть не только присущую нам неспособность непосредственно достигать умственных созерцаний и нужду в возведении[14] ⟨к ним⟩ с помощью свойственного и сродного ⟨нам⟩, каковое предлагает доступные нам формы для созерцания бесформенного и ⟨нас⟩ превосходящего, но и то, что мистическим Речениям более приличествует скрывать с помощью умолчаний и священных загадок и держать недоступным для многих священную, тайную и сверхмирную истину ⟨небесных⟩ умов. Ибо не всякий священ, и «не у всех, — как говорят Речения, — разум».

Если же кто-нибудь сочтет, что иконография нелепа, и скажет, что стыдно столь оскорбительные изображения предлагать богообразным и святейшим ⟨небесным⟩ чинам, тому достаточно сказать, что образ изъяснения священного двояк.[15]

3. Один, как то естественно, заключается в создании образов, подобных священным прототипам, а другой — в формотворчестве образов неподобных[16] до полного несходства и инаковости. Конечно же, таинственные предания выявляющих Речений воспевают чтимое Блаженство сверхсущественного Богоначалия иногда как Слово,[17] как Ум, как Сущность, — чтобы показать подобающую Богу разумность, ее мудрость, по-настоящему сущее существование и истинную причину существования того, что существует; представляют Его и как свет, называют и жизнью.[18] Хотя эти священные образы и более возвышенны, и кажутся имеющими некоторое преимущество перед материаль-

---

[13] Он обещает своим толкованием показать и то и другое, чтобы не представлялось, что наносится оскорбление небесному и что мы погружаемся в приземленную униженность тем, что об ангелах говорится как о животных.

[14] Заметь, что бестелесное бесформенно. Так что, когда слышишь о Сверхсущественном «во образе Божием существующий», разумей, что Он не отличается от Самого Отца. Это ведь показывают и ⟨выражения⟩ «образ Бога невидимого» и «Видевший Меня видел Отца». Так и святой Василий толкует в слове к своему брату о различии сущности и ипостаси.

[15] ⟨Заметь⟩, что Божество воспевается двумя путями: или как подобное всему, ибо в Нем все содержится, или как неподобное, ибо Оно — ничто из всего.

[16] Он здесь говорит, что образы создаются с помощью и подобного, и неподобного и как создаются.

[17] ⟨Заметь⟩, почему говорится, что Бог есть Слово и Ум в выражениях: «Кто познал ум Господень» и «И было слово Господне ко мне», и прочих. О разумности же Бога он говорит не для того, чтобы показать, что Бог разумен как причастный разуму, это ведь очевидно, но потому, что Он есть Сама-по-себе-разумность, будучи Логосом. Сущность же Божию имеют в виду, когда говорят: «Я есмь Сущий», «Сущий послал меня».

[18] ⟨Заметь⟩, что Бог называется «жизнь», «свет», «ум» и «сущность» не в собственном смысле слова, но как их причина (этиологически). Ибо Он выше них и не таков, каковы они.

бо паче всакого существа и живота, ниединому убо то свѣту начрьтающу, всакому же слову и уму подобия того безьсьссуждения недостатьчьствующиимь). Когда ли же и отличными изьявленми от тѣхжде Словесьь прѣмирнѣ поетсе невидимо то,[19] и непостижно, и невьмѣстимо нарицающиимь, и от ихже не что есть, нь что нѣсть знаменаетсе. Сие бо, яко мню, и истѣйше есть на томь, понеже, якоже и скрьвенное и свещенническое прѣдание научи и, еже убо не быти по нечесомь сущиихь то истинствуемь, неразумѣваем же еже прѣсущьствное того и недомыслььное[20] и неизреченное неопрѣдѣление. Елма же убо отречения[21] при божественныхь истинна суть, наньречения же неприлична ськрьвению неизреченныихь, ближнѣйше паче есть при невидимыихь еже отличныими назданми изьяшнение.

Почитают бо,[22] а не студа испльняють небесная удобрения яже светиих свещеннописания, отличныими таа образотворенми изьявляюще и сими указующе вещественыихь всѣх прѣмирнѣ изьшьдшая. А якоже и нашь умь вьзводеть паче неприкладьствия отличьнстьвьь, не мню кого от благо-

[19] Яко яже по отречени глаголемая при Бозѣ, сирѣчь: невидимь, непостижимь и яже таковаа, — отлична суть, являют бо не что есть, нь что нѣсть Богь. Сице — и Богословь Григорие.*

[20] «Недомысльное» глаголеть не забивателно, нь еже не разумѣваемо от нѣкого. Неопрѣдѣльн же Богь яко прѣдѣлу ниединому подпадае, нь самь всѣх прѣдѣль сый и вса вь себѣ опрѣдѣляе, прѣдѣлу же не подпадаеть, заеже прѣдѣлы убо от наньреченныи слежетсе, наньречения же при Бозѣ неприлична яко льжуща. Паче бо сих Богь, яко не сый существо, нь паче существа.

[21] Не тькмо при Бозѣ, нь и при божественыихь всѣхь, сирѣчь при по Бозѣ умныихь всѣх, и отречения истиннаа быти глаголеть, и наньречения неприличнаа. Неприкладнаа бо убо суть наньречения, егда речемь или Бога, или разумние силы, животь, или свѣть, ни бо животь таковы нѣкой есть, яко вьдыханиемь и изьдыханиемь жити, ниже свѣть видимый и творей зрѣтисе подлежещиимь, нь вышьше что сих. Отречения же нѣкако при умныихь ближнѣйшаа. Глаголемь бо, яко невидимыи и яко не подпадають видѣнию разумѣваемь. Что же есть само то Неявляемое, ниже многоиспытовати, ниже прѣдставляти мнитсе слово. А паче «животь» и «свѣть» мнитсе назнаменовати что есть, и сия нимало являють что есть Богь.

[22] Зри, како отвѣща, по что животныих паметь имѣють небесная, рекше образе. Якоже бо иже всѣхь Богь ничтоже вь всѣхь имать вькупобытно, и того ради вьлѣпоту ниедино от всѣхь есть того явително. Нь проче инѣмь кьзньствомь [*на поле рядом*: хытростию] богословимь, глаголюще, что нѣсть Богь, еже наричеть «отличными». Сице и при небесныихь силахь, яже по Бозѣ суть хытростнѣ [*на поле рядом*: послѣдѣлѣтне] сьвориише богословци, ниединому умныихь тѣхь уподобивше, нь от чювствныих, ихже наричуть безьчьстная, сих приемше начрьтание, се кь чьсти имь сьтворшеи, да назданновидно и не истинно будеть сихь подражание. Аще бо иже львозрачны глаголемы и многоконьны, и многоперната есть и словесьнь, и невеществны, како не являнно, яко прѣмирнѣ прѣвьзиде вещьная и от нась разумѣваемая?

ными, однако же и им недостает сходства с богоначальной Истиной (ибо Она превыше всякой сущности и жизни, так что никакой свет охарактеризовать Ее не может, и всякое слово и ум неизмеримо отстоят от подобия Ей). И иногда теми же самыми Речениями Она сверхмирно воспевается в отрицательных определениях, называющих Ее невидимой,[19] беспредельной, невместимой и прочим и указывающих не на то, чем Она является, но на то, чем Она не является. Это ведь, как я думаю, и более применительно к Ней точно, поскольку, как учит тайное священное предание, мы правы в том, что Она не существует так, как существует что-либо из сущего, но мы не знаем Ее сверхсущественной, недоступной для мысли[20] и невыразимой неопределенности. Таким образом, если отрицания[21] применительно к божественному истинны, а утверждения не согласуются с сокровенностью невыразимого, то для невидимого гораздо более подходяще выявление через неподобные образы.

Таким образом священнописания святых чтут,[22] а не бесчестят небесные чины, изображая их в неподобных им формах и таким образом показывая, что они надмирно пребывают за пределами всего вещественного. А что неподобные образы возвышают наш ум лучше, чем подобные, я не думаю, что кто-либо из

---

[19] ⟨Заметь⟩, что и то, что говорится о Боге в порядке отрицания, как то: «невидимый», «непостижимый» и ⟨прочее⟩ таковое, суть неподобное, ибо показывает не то, что Он есть, но то, чем Бог не является. Так ⟨говорит⟩ и Григорий Богослов.

[20] «Недоступной для мысли» он говорит, ⟨имея в виду⟩ не слабоумие, а что никто не может ⟨Ее⟩ помыслить. Неопределим же Бог как не подпадающий ни под какое определение, но Сам являясь пределом всего и все в Себе определяя, под определение Он не подпадает, потому что определения складываются ведь из утверждений, а утверждения к Богу неподходящи как лгущие. Ибо Бог выше таковых как не являющийся сущностью, но как превышающий сущность.

[21] Он говорит, что не только применительно к Богу, но и применительно ко всему божественному, то есть к умозримому после Бога, отрицания истинны, а утверждения неподходящи. Так, утверждения неподходящи, когда Бога или умные силы мы называем жизнью или светом, ибо ни некоей жизнью, существующей благодаря вдыханию и выдыханию, ни светом, видимым и делающим видимыми предметы, таковые не являются, но — что-то высшее этого. Отрицания же некоторым образом ближе к умопостигаемому. Мы ведь говорим, что они невидимы, и думаем, что они недоступны зрению. Что же такое само Неявляемое, разум, похоже, ни исследовать, ни представить не может. Хотя и кажется, что ⟨слова⟩ «свет» и «жизнь» показывают, что Он такое, но и они нисколько не проясняют, что такое Бог.

[22] Смотри, как хорошо объяснил он то, что небесное или же ⟨вернее, его⟩ изображение напоминает животных. Ведь если во всем сущий Бог ни в чем не имеет ничего родственного Себе, то естественно, что совершенно ничто не может Его явить. Но далее мы другим методом [путем] богословствуем, говоря о том, чем Бог не является, что он называет — «через неподобные». Так же к небесным силам, каковые суть ниже Бога, богословы подошли искусно, ничему из умопостигаемого их не уподобив, но позаимствовав сходство у воспринимаемого чувствами, каковое он называет лишенным чести, сделав это к их чести, чтобы уподобление ему было мнимым, а не истинным. Ведь если уподобляемый льву многоногий и многокрылый *ангел* разумен и невеществен, разве не ясно, что он надмирно превзошел материальное и мыслимое нами?

мудрьствующиихь супротивьрещи. Вь чьстная бо убо свещеннoздания лѣпо есть и заблудити,[23] златовидна мнещи имь быти небесная сущьства, свѣтовидьныие нѣкоторие мужи и блистающесе благолѣпотми, одѣяянные рызами свѣтлыими, и огньнѣ неврѣднѣ*[24] блистающеесе и еликыми иныими подобообразьныими зраци богословие небесные изьобрази умове. Егоже да не постраждуть иже ничесоже видимыихь доброть вышьше разумѣвшеи, яже преподобьныихь богословцьь выиспрьпростирательная прѣмудрость и кь неприкладным отличьнствомь свещеннѣ сводитсе, не попущающи еже тимѣньное наше вь студные образи остаемо почивати, вьставляющи же горѣносное душе и пострѣкующи злообразиемь сложенныихь, яко ниже праведно, ниже истинно мнѣтисе быти, ниже сущимь зѣло тимѣнныим, яко сице студныимь подобна вь истину суть прѣнебесныие и божествные позоры.[25] Инако же и се разумѣти потрѣба есть, еже ниже едино от сущиихь[26] быти по всемь добрааго причестия улишенно, понеже, якоже и яже Словесь истина рече, «Вса добра зѣло».*

4. Есть убо от всѣхь разумѣти добрые позоры и умныимь и мысльнимь от веществныихь наздати глаголемая отличная уподобления, инѣмь образомь умныимь имущиимь, яже чювствныимь инако подана быше. И бо ярость[27] убо бесловесныимь[28] от страстьнаго устрьмления бываеть, и всакого бесловесия испльнь яростновидно ихь движение. Нь при умьныихь инѣмь образомь подобаеть яростьное разумѣти, являемо, яко мню, еже мужьствное ихь словесьнство[29] и неумекчаемое имьство вь боговидныихь и непрѣвратныихь вьдруженияхь. Также похотѣвателное[30] убо быти глаголемь при бесловесных несмотренное нѣко и тимѣнное от естествнаго движения или обычая вь измѣняющиихсе[31] неудрьжателнѣ бываемо пристрастие и еже бесловесное телеснаго пожелания

[23] Се и другы помысль, егоже ради таковая уподобления о небесных приеть. Аще бо бы чьстнѣйши приель назданми, сирѣчь златовидные или блистающеисе глаголе быти божьствныие силы, всако убо повинулисе быше слышещеи, от иже вь чловѣцѣхь чьстнѣйшиихь увѣреное приемлюще. Ниня же неприкладные и студные образе привьнесе, да извѣстно вѣдуще, яко нѣ суть таковаа, вьзищемь истину сущиихь.

[24] Глаголемая бо огнепалная сущьствия божествная не жежителнаа, нь животнаа суть.

[25] Позоры — иже сь удивлениемь зримая.

[26] Яко ниедино от сущиихь улишенно есть добраго причестия.

[27] Яко не простѣ бесловесия испльнено яростновидно движение, нь при бесловесномь естествѣ. Достоить прочисти послѣднее слово книзѣ, егоже рекль есть о видѣни светыхь херувим, тамо бо и сиа вса пространѣ обьявленна быше.

[28] Достоить знаменати убо, что разумѣвается ярость при бесловесных и что при словесныихь, и что похотѣвание коихьждо.

[29] Знаменати достоить, яко и при аггелѣхь словесьнство глаголеть.

[30] Яко похотѣние умныихь рачителство неодрьжанно есть о Бозѣ, еже наричеть Невеществьнство.

[31] «Вь измѣняющиихсе», рекше, от студенаго вь топлое, от здравия вь нездравие, от гнѣва вь безгнѣвие, от скрьбы вь радость.

благоразумных людей стал бы оспоривать. Ибо в более ценимых священных изображениях можно и обмануться,[23] полагая что *реально* существуют некие златовидные небесные существа и световидные, сверкающие, прекрасные мужи, облаченные в светлую одежду, сияющие безвредным огнем,[24] и прочие подобные красоты, при помощи которых богословие изобразило небесные умы. Поэтому, чтобы не пострадали те, кто не представляет ничего выше зримых красот, возвышающая премудрость святых богословов священно нисходит до странного несходства, не позволяя нашей приземленности успокаиваться, останавливаясь на неподходящих образах, побуждая то возвышающее, что есть в душе, и уязвляя ⟨ее⟩ безобразностью ⟨этих⟩ сложений, чтобы даже чрезмерно приземленным ⟨людям⟩ показалось недопустимым и невероятным, чтобы сверхнебесные божественные видения[25] воистину были схожи со столь низким. А кроме того, следует принять во внимание и то, что нет совершенно ничего из сущего,[26] что было бы лишено причастности красоте, поскольку, как говорит истина Речений, «Все хорошо весьма».

4. Так что можно, от всех них ⟨отталкиваясь⟩, доставить уму прекрасные созерцания и создать для ⟨существ⟩ умопостигаемых и разумных упомянутые неподобные подобия из вещественного ⟨материала⟩, хотя ⟨существа⟩ умные существуют иным образом, нежели это уделено чувственным. Ибо ярость[27] бессловесных[28] рождается из страстного порыва, и их порожденное яростью движение исполнено всяческого неразумия, а у существ разумных ярость следует понимать иначе — как обнаруживающую, на мой взгляд, их мужественную разумность[29] и несмягчаемую верность богообразным и непревратным устоям. Точно так же похотью[30] у бессловесных мы называем некое безмысленное и низменное влечение, неудержимо возникающее у подверженных изменениям[31] от естест-

[23] Вот и другое соображение, исходя из которого ⟨Писание⟩ использовало такие уподобления для небесных ⟨сил⟩. Ведь если бы оно воспользовалось более чтимыми образами, говоря, например, что божественные силы златовидны или блистающи, слушатели были бы полностью согласны, получая уверенность от столь чтимого людьми. Потому-то и привнесло ⟨Писание⟩ неподходящие и постыдные образы, — чтобы, точно зная, что ⟨небесные силы⟩ не таковы, мы стремились отыскать истину ⟨о них⟩ настоящих.

[24] Огненным пламенем, о котором идет речь, являются не обжигающие, но живительные божественные существа.

[25] Видения — то, на что смотрят с удивлением.

[26] ⟨Заметь⟩, что ничто из сущего не лишено причастности красоте.

[27] ⟨Заметь⟩, что порыв ярости не попросту полон неразумия, но в природе бессловесного. Надо прочесть последнюю главу его книги, где он говорит о виде святых херувимов, ибо там и это все подробно разъяснено.

[28] Следует заметить, как мыслится ярость у бессловесных и как — у словесных и как похоть у тех и у других.

[29] Заметить следует, что и применительно к ангелам он говорит о разумности.

[30] ⟨Заметь⟩, что похоть ⟨существ⟩ умопостигаемых есть неудержимая любовь к Богу, Какового он называет Невещественностью.

[31] «У подверженных изменениям», то есть — из холодного в теплое, из здоровья в нездоровье, от гнева в безгневие, от скорби в радость.

удрьжание, всако животно порѣвающаго на еже по чювству похотѣние. Егда же отличная уподобления умныимь наложивше похотѣние имь глаголемь, рачительство божествно то разумѣти подобаеть паче слова и ума невеществия и неуклонно и несходно желание прѣсущьствнѣ чистаго и непрѣльстнаго видѣния и кь оному чистому и кончному сиянию и нельстному и добротворному благолѣпию вѣчнаго вьистину и умнаго причещения. И еже неудрьжателное да разумѣемь при скоромь и невьзвратномь и от ничесогоже отсѣщисе могущу ради несмѣснаго[32] и неизмѣннаго божествныие доброты рачителства и еже отнудьнее уклонение на вьистину Желаемо. Нь и само то бесловесие же и нечювьство при бесловесныих убо животныих или бездушныихь вещехь улишение слова и чювьства искрьннѣ нарицаемь; при невещественыих же и умныхь сущ'ствахь светолѣпнѣ еже прѣвьсходимое[33] ихь яко прѣмирныихь исповѣдуемь нашего прѣходителнаго и телеснаго слова и тимѣннаго и чуждаго беспльтнымь умовом чювства.

Есть бо убо не неприкладныие наздати небеснымь зраки и от безьчьстнѣйшиихь вещи[34] честей, понеже и та от сущааго добра бытие имущи[35] по всакомь ее вещественомь удобрении уподобления нѣкаа умнаго благолѣпия

[32] Несмѣсно глаголеть чисто и ни вь едино ино упражненное. Иже бо божьствным рачителствомь сьдрьжимь, в'сь есть того и вь желаемо тькмо вьспростираетсе, ни от единого вьзбраняемь прѣходителнаго и телеснаго слова. Бесловесие же глаголюще быти вь беспльтныихь сущьствиях, не безумие тѣмь налагаемь, вьнегда львовьь образе, и тельцьь, и птицьь, якоже при орлу, бесловесныихь образе и знамения глаголати подобна быти небесныимь чиномь, нь таиньствьнѣ разьмѣнное еже по них словеснаго кь еже у нас назнаменуемь. Мы бо словесное прѣдставляемь езычнымь орудиемь и гласителними образы, биюще вьздухь езыкомь, и слову, прѣходещу от нас вь слышещиихь слухы, от тѣла вь тѣло, якоже глаголеть божествны Василие вь еже «Вьнемли себѣ» словѣ; онамо же не тако, нь, вь беспльтьнствѣ суще, и вь другь друзѣ вьмѣщающесе и отходеще, всакого слова яснѣйше другь друга разумѣвания видеще, другь другу якоже глаголюще, мльчанием слова прѣподаають другь другу.

[33] Прѣходително наше слово произносное, яко от глаголющаго прѣходе кь слышещому: «телесну» же, кь раздѣлению невещественаго слова, се бо ниже телесно, ниже прѣходително.

[34] Безьчьстнѣйшу вещь глаголеть телесовидно всако естество, кь различнимь видомь одушевленным и бездушныимь и прочиим от Бога удобренное; умное же благолѣпие — яже о Бозѣ глаголемая, ихже смѣренние и тьнкыие образе вь сущниихь обрѣтаемь, сирѣчь еже просто быти, еже живѣмь быти, еже почювати и подобная.

[35] Яко убо от Бога и вещь всака бытие имать, ниедино прѣмудрое супротивьрещи имать слово. Носит же и сама вь себѣ указание еже от Бога приведесе и украсисе. Всака убо еже от вещи удобрение тьнко нѣко и сѣнно уподобление и подражание разумныих имать. Якоже бо прикладна разумная вь подьетие якоже мощно иже от Бога промыслителныих прошьствий, и животь сущаа оживляютсе от иже паче всакого живота Бога, и силы имуть вь благодѣтелство сьдѣйствителние, и движение нѣко прѣмирное, сице и вещная вса вькупѣ же и от чести промысль Божий искрьннѣ себѣ приемати прикладнѣ имуть, и оживлятисе, и животь быти могуть, якоже: «Да изведеть земля душу живу»,* — и пакы: «Да изведуть воды прѣсмикающаясе душь живыих».* Нь и силы благодѣтелствние иже

венного движения, или спаривания, и безрассудную власть телесного желания, толкающую всякое животное к чувственно вожделенному. Когда же мы, применяя неподобные подобия к ⟨существам⟩ разумным, приписываем им влечение, его следует понимать как божественную любовь к превышающей слово и разум Невещественности и неуклонное и неослабное желание сверхсущественно чистого и бесстрастного созерцания и поистине вечной умственной причастности этому чистому высочайшему сиянию и незримому творящему прекрасное Благолепию. А неудержимость да разумеем как стремительность и необратимость, воспрепятствовать которым ничем невозможно по причине беспримесной[32] и неизменной любви к божественной красоте и всецелого уклонения к воистину Желанному. Да и саму бессловесность и бесчувственность бессловесных животных или бездушных вещей мы справедливо называем отсутствием разума и чувства; что же касается нематериальных умственных существ, то мы достойным святого образом признаем их, как сверхмирных, превосходство над нашим переходящим[33] телесным словом и материальным чуждым для бесплотных умов чувством.

Можно, стало быть, не обманывающие образы небесного творить и из наименее чтимых частей материи,[34] поскольку и она, получив бытие от истинно Прекрасного,[35] во всей своей вещественной благоустроенности обладает некими

[32] Беспримесной он называет чистую и ни для чего другого не оставляющую места ⟨любовь⟩. Охваченный ведь божественной любовью принадлежит ей весь и стремится лишь к желанному, не будучи останавливаем никаким преходящим и телесным соображением. О бессловесности же говоря у бестелесных существ, мы не приписываем им и безмыслие, когда утверждаем, что небесным чинам подобают образы и символы бессловесных — в виде львов, тельцов и птиц вроде орлов, но мистически обозначаем отличие их разумности от нашей. Мы ведь проявляем нашу разумность посредством языка и фонетических форм, ударяя воздух языком, посредством слова, переходящего от нас в уши слушателей, от тела в тело, как говорит божественный Василий в слове на тему «Внемли себе»; а тут не так, но, пребывая в бестелесности, друг в друга вмещаясь и разделяясь, яснее всякого слова воспринимая мысли друг друга, они как бы беседуют друг с другом, в молчании слово передавая друг другу.

[33] Переходяще наше произносимое слово потому, что от говорящего переходит к слушающему; «телесным» же ⟨сказано⟩ для противоположения нематериальному, ибо то и не телесное, и не перемещающееся.

[34] Наименее чтимой материей он называет всякую телообразную природу, упорядоченную Богом в разнообразии одушевленных, неодушевленных и прочих видов; «умственной» же «красотой» — то, что говорится о Боге, умеренные и неясные образы чего мы находим в сущем, как то просто бытие, бытие живым, чувствование и тому подобное.

[35] Что от Бога и вся материя имеет бытие, — ни одно разумное слово этому не может противоречить. И она несет сама в себе доказательства того, что от Бога и появилась она и ⟨Им⟩ была упорядочена. Так что всякий материальный порядок имеет некие смутные и неясные ⟨черты⟩ подобия и сходства с умственным. Ибо как умственные ⟨существа⟩ способны, насколько это возможно, воспринимать промыслительные исхождения от Бога, и, будучи живыми, животворятся превышающим всякую жизнь Богом, и имеют силы для благодетельного содействия, и некое сверхмирное движение, так и материальное, все вместе и по частям, имеет возможность соответствующим себе образом воспринимать промысел Божий и оживать, и может стать жизнью, как ⟨сказано⟩: «Да произведет земля

имуть, и мощно есть тѣми вьзводитисе кь невеществьныимь начелообразиямь, отличнѣ, якоже речесе, подобиямь разумѣваемомь и тѣмжде,[36] не таможде, сьгожденнѣ же и искрьньнѣ на умныих же и чювствныихь свойствохь опрѣдѣленномь.

5. Сия же таиньствьныие богословце обрѣщемь не тькмо сущиимь небесныихь удобрений свѣтлотамь свещеннѣ наздавающиихь, нь и самыимь есть когда богоначелныимь изьявлениямь.[37] И когда убо то от видимыихь чьстнѣйшиихь[38] вьспѣвають яко Солнце правды,*[39] яко звѣзду вьсточну,* вь умь свещеннѣ вьсиявающу, и яко свѣть, неприкривателнѣ и умнѣ осиявае, когда ли же от срѣдныихь яко огнь, неврѣднѣ просвѣщае,* яко вода, жизньнаго испльнения подателна* и, образнѣ рещи, вь чрѣво вьходещи и рѣки истачающи, неудрьжаннѣ текущее;* когда же ли от послѣдныихь яко муро благоуханно,* яко ками краеугльный.* Нь и звѣрообразие тому налагають и львово тому и всакого звѣра* свойство вьзлагають, и пардала то быти рѣше, и медведицу губителну.* Приложу же и еже всѣхь безчьстнѣйшее быти и

на земли дыхающиимь, якоже являють былиями и качьстви нѣкоторими ползования ⟨*на поле рядом*: Качства, рекше злото, сребро, олово, кумпорь и ина такова. Сия бо от земле качьствия суть⟩. И движения же подобно вещная имуть еже вь бытие происходе и тлѣние, и чинь приемлють, иже от Бога наложенны и налагаемы. Нь и просвѣщатисе наста разумных нашьствием сильь, якоже при иже вь вькресении Господни блистающусе аггелю и просвѣщающу около. Имат же сия вещь страждущи, не убо якоже разумна дѣйствующа. Сего ради по послѣднем подражателству и уподоблени глаголетсе сия имѣти. Что же есть подражание и уподобление послѣдне вь иже «О божествныихь именехь» словѣ изьявихомь.

36 Аще и таажде имена глаголеть, нь не подобнѣ приемлютсе: прѣма естественномь своиству подлежимаго и опрѣдѣляютсе и разумѣваютсе. Знаменай же, яко всаку вещь не рече разумну, проче и звѣзды бездушны, не бо имуть умь.

37 Богоначелная же изьявления яже о Бозѣ разумѣвания глаголеть.

38 Знаменай, кая наричеть честная, — яко солнце и звѣзды, и кая срѣдня — огньь и воду, и кая послѣдняа, — яко муро, и кая безьчьстнаа, — яко звѣры и чрьвие. И яко и при Бозѣ и звѣровиднаа знамения реченна быше и яже от вещи, и яже честная же, и срѣдняа, и безьчьстнаа.

39 Знаменай же, «солнце правды» Малахиа именуеть. Божествьный же Петрь в сьборьномь его послани: «Дондеже дьнница вьсияеть вь срдцихь ваших»* и прочая. Сия бо есть вьсточнаа звѣзда. Моуси же «Вь купинѣ огнь, — рече, — не пожигаей»,* еже есть неврѣднѣ просвѣщае. Иеремиа же воду глаголеть: «Мене оставише, источника воды живыие».* И ины же — инаа. И Господь: «Рѣкы ис чрѣва его потекуть воды животныие».* Соломон же в «Пѣсни пѣснехь» муро рече: «Муро истьщанно име тебѣ».* Вь 12 же пророцѣхь Осие и Михеа реченныие звѣры глаголють вь иже о Бозѣ пророчьствуемых. Давидь же чрьвия себе глаголеть: «Аз есмь чрьвь и не чловѣкь»,* — от лица Господня.

отблесками умственного благолепия, и с их помощью можно быть возводимым к невещественным архетипам, воспринимая подобия, как сказано, неподобно и одно и то же,[36] не одинаково, но гармонично и соответствующим образом разграничивая особенности умственного и воспринимаемого чувствами.

5. И мы откроем, что мистические богословы священно применяют таковое не только для выявления небесных порядков, но бывает что — и к самим проявлениям Богоначалия.[37] И иногда воспевают Его, ⟨черпая образы⟩ у самых чтимых явлений,[38] как то Солнце правды,[39] как утренняя звезда, в уме священно восходящая, и как свет, неприкрыто умственно озаряющий; а иногда — у средних, как то огонь, светящий, не причиняя вреда, как вода, подательница живительного наполнения, во чрево, говоря символически, проникающая и реками вытекающая, неудержимо текущими; а иногда — у предельных, как то миро благовонное, как камень краеугольный. Но также и зверообразность Ему приписывают: придают Ему свойства и льва, и пантеры, и говорят, что Он станет барсом и губительной медведицей. Прибавлю и то, что представляется самым

душу живую», — и еще: «Да произведет вода пресмыкающихся, душу живую». Но благодетельных сил преисполнены и произведения земли, как показывает использование растений и некоторых качеств *земли* ⟨*на поле рядом*: Качества — то есть золото, серебро, олово, медь и иное таковое. Они ведь являются качествами земли⟩. И материальное обладает движением, ведущим последовательно к рождению в бытие и гибели, и принимает порядок, Богом предложенный и предлагаемый. Но ⟨материальному⟩ свойственно и просвещаться присутствием разумных сил, как при воскресении Господа, когда ангел блистал и освещал окрестность. *Всем* этим обладает претерпевающая материя, но не так, как ⟨обладают⟩ действующие умственные ⟨силы⟩. Почему и говорится, что она имеет ⟨это⟩ как последний отблеск. Что же такое подражание и последний отблеск, я поясню в слове «О божественных именах».

[36] Хотя он использует те же самые названия, понимаются они не одинаково, но соответственно природной особности подлежащего определяются и воспринимаются. Заметь, что он не говорит, что вся материя разумна; в самом деле, и звезды неодушевленны, ибо не имеют ума.

[37] Проявлениями Богоначалия он называет уразумения о Боге.

[38] Заметь, что он называет ⟨самым⟩ чтимым, как то солнце и звезды, что средним, как то огонь и воду, что последним, как то миро, и что непочитаемым, как то звери и черви; и — что к Богу применяются как символы в образах зверей, так и ⟨заимствуемые⟩ у материи — и чтимые, и средние, и непочитаемые.

[39] Заметь, что Солнцем правды называет ⟨Его⟩ пророк Малахия. Божественный же Петр в его соборном послании ⟨пишет⟩: «Доколе не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» и так далее. Это ведь Он — «утренняя звезда». Моисей же говорит: «Огнь в терновом кусте, не сжигающий», что означает — светящий, не причиняя вреда. Иеремия же называет водой: «Меня, источник воды живой, оставили». И иные — иначе. И Господь ⟨говорит⟩: «Реки из чрева его потекут воды живой». А Соломон в «Песне песней» называет ⟨Его⟩ миром: «Миро излиянное — имя твое». В числе двенадцати пророков, пророчествовавших о Боге, Осия и Михей перечисляют названных здесь животных. Давид же называет себя червем: «Я червь, а не человек», — от лица Господа.

паче неприкладно мнесе, яко и чрьвия видь*[40] то себѣ наздаваемо, иже о божествныихь прикладныи прѣдаше. Сице вси иже богомудрыи и ськрьвенного вьдьхнутия пророци несьврьшенныихь и несвещенныихь прѣчистѣ раздѣляють Светая светиихь и отличное свещенноздание почитають, яко ниже божествная скврьнныимь благонаручна быти, ниже свещенныихь образьь[41] ⟨*на поле внизу*: образь — сирѣчь кумирьь⟩ любозрителемь яко выистиннѣхь остати образѣхь и того ради божьствная почитатисе истинными отреченьми[42] и яже послѣдьныимь[43] искрьныихь подражаний инѣми уподобленми. Ничтоже убо безьмѣстно, аще и небесная сущьствия от неприкладныих отличьнстьвньныих уподоблений наздавають по реченныих винахь. Не бо убо негли ниже мы вь искание убо от недоумѣния вь вьзвождение же извѣстнаго ради свещенныихь испытания пришли быхом, аще не еже зловидное[44] нась сьмутило бы аггельскаго изьявителнаго наздания, не оставляе нашь умь остати вь неприличныихь образотворенияхь, нь благовьчиняе отрицатисе тимѣнныихь пристрастий и подвиже свещеннѣ выиспрьпростиратисе, видимыихь ради на прѣмирныие вьзводе.

Толика убо нами рекошесе вещныими и неприкладныими свещенныихь словесьь аггеловидная образописания,[45] прочее же опрѣдѣляти подобаеть, что то быти свещенноначелие непщуемь, что ли же от того свещенноначелия ползевати имать иже свещенноначелию удостоившеисе. Наставник же слову будет Христос, аще убо мнѣ льза есть рещи, мой, всакого свещенноначелна-

---

[40] Или чрьвию себе уподоби, яко не от сѣмена родившусе, якоже мы, нь сѣмена кромѣ, якоже чрьвие, иже не от сѣмене раждаютсе, нь от земле или от сьгнития. Еже бо «Азь есьмь чрьвь, а не чловѣкь» яко от лица выплыщьшагосе Бога глаголетсе, аще и не по божеству приемлемо есть, нь по видимомь пльти.

[41] Что образы суть, рекше кумири, прѣдставихомь уже вь иже «О божествьныихь именехь» словѣ, вь начелѣ деветие главизны.

[42] Яко да почитаютсе божествная и отречениями, рекше: невидимь, бесмрьтьнь, неосежим и инаа такова. И пакы послѣдними подражанми и инаквими уподобленми да почитаютсе. Послѣдними — рекше и чрьвию уподобляемь есть, и инаа еликаа послѣднѣйшая. Инаквѣми ми же, рекше, инако есть царско име при львѣ, и инако при Бозѣ, и ина таковаа.

[43] Послѣдняа подражаний Божиих вь сьдѣтелствѣ глаголеть яже прѣжде рече «безьчьстнѣйшая вещныихь удобрений». Како же сия глаголютсе послѣдне подражание и уподобление вь иже «О божествныих именехь» словѣ, вь главизнѣ четврьтой реченно бысть нами пространѣйше.

[44] Зловидное звѣрообразие разумѣй и скотовидное, еже о аггелѣхь глаголеть Писание.

[45] Добрѣ изьобразителная образописания, яже и прѣдрече, не аггельская, нь аггеловидьная именова, не бо самѣхь тѣхь аггельь, якоже суть, образы писани быше, нь изьявления нѣкаа видотвория бесплътныихь являють, якоже сказаль есть самь себе.

из всего недостойным и наиболее нелепым: сведущие в божественном передают, что Оно к Себе применяет даже облик червя.[40] Таким образом, все богомудрые ⟨мыслители⟩ и толкователи сокровенного вдохновения начисто отделяют Святое святых от несовершенного и несвященного и ⟨в то же время⟩ предпочитают неподобную священнообразность, так как и божественное не оказывается ⟨при этом⟩ легко доступным для непосвященных, и любящие созерцать изображения [изображения — то есть образы] священного[41] не останавливаются на образах как на истинных и так как божественное почитается с помощью истинных отрицаний[42] и иных уподоблений последним[43] из родственных отблесков. Так что нет ничего неслыханного, если, по уже высказанной причине, и небесные существа воображаются с помощью кажущихся нелепыми неподобных уподоблений. Пожалуй, и мы не пришли бы ведь от недоумения к исследованию и к восхождению путем тщательного разыскания священного, не приведи нас в смятение нелепость[44] представляющих ангелов образов, не позволяющая нашему уму остановиться на лгущем формотворении, побуждающая отказаться от материальных пристрастий и приучающая священно устремляться вверх посредством видимого к сверхмирному.

Столько нами сказано касательно материальной и представляющейся нелепой иконографии ангельских изображений[45] в священных Речениях; а далее нужно определить, что представляет собой, по нашему мнению, сама иерархия и какова польза от самой иерархии для иерархии удостоившихся. И пусть руководствует словом Христос, если можно мне сказать, мой, — вдохновение

---

[40] Возможно, Он уподобил Себя червю как не от семени родившегося, как мы, но без семени, как черви, каковые не от семени рождаются, но от земли или от гнили. Ведь «Я червь, а не человек» говорится как бы от лица воплотившегося Бога, хотя и воспринимается не применительно к божественности, но применительно к феномену плоти.

[41] ⟨Объяснение того⟩, что представляют собой изображения, то есть образы, мы уже представили в сочинении «О божественных именах», в начале девятой главы.

[42] ⟨Заметь⟩, что божественное должно быть почитаемым и с помощью отрицаний, таких как «невидимый», «бессмертный», «неосязаемый» и других такого рода. Также и последними из отблесков и уподоблениями неподобному да почитается. «Последними», — так, Он уподобляется червю и другому, что только есть последнейшего. «Отличающих», — отличается ведь царский титул у льва и царский титул у Бога, и другое такое.

[43] Последними из отблесков Бога в творении он называет то, о чем выше сказал как о «наименее чтимых из материальных образований». А почему таковое называется последним отблеском и уподоблением, нами было подробнее сказано в слове «О божественных именах», в главе четвертой.

[44] Нелепость понимай как зверообразие и скотоподобие в рассказах об ангелах Писания.

[45] Хорошо он назвал образную иконографию, о которой прежде говорил, ⟨иконографией⟩ не ангелов, а ангельских изображений, ибо не самих ангелов, каковы они суть, написаны образы, но ⟨лишь⟩ показано, в каких видах изображаются бесплотные, как он сам себя пояснил.

го изьявления вьдьхнутие. Ты же, о дѣте,[46] по прѣподобномь еже у нас священничьскаго прѣдания уставоположению, сам же священнолѣпнѣ слыши иже священнѣ глаголемых, божьствьнь божьствьныихь учениемь бывае и, еже вь умѣ скрьвениемь светая скутавь от несвещеннаго множьства[47] яко единовидьннаа сьхрани. Не бо праведно, якоже Словеса рѣше,* вь свиние поврѣщи еже умьныихь бисерь чистое и свѣтовидное и добротворное благоукрашение.

[46] Како «дѣте» наричеть божественнаго Тимофеа великы Дионусие достоить вьзискати. Или убо, яко мню, заеже прѣвьзьшьд того лѣти се глаголеть и любопрѣмудрьствомь прѣимѣе, яко и привыпрашатисе от того, якоже являють сия вь руках сьписания. Аще бо и прѣжде святаго и божьствнаго Дионусиа вѣрова святы Тимофей, якоже «Дѣания светихь апостоль»* являють, нь убо вьнѣшнимь наказаниемь доволнѣйши бѣ великы Дионусие. Или «дѣте» того наричеть, яко подражае Господа, глаголющаго: «Дѣти, еда что снѣдно имате?»* Или понеже иже по Бозѣ незлобие проходещиихь «дѣтцу» нарицаху, якоже и Папиа сказуеть вь книзѣ прьвой «Недельскыихь тлькований»* и Климента Александрьскый вь «Пѣстунствѣ».*

[47] Кь множьству еже единовидно наведе, святая бо единотворить. А яже скврьнная и грѣха сущая вь многая раздѣления ради умножаеть. Се бо наричеть ниня «множьство», сирѣчь скврьнное.

ГЛАВА 3. ЧТО ЕСТЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИЕ И ЧТО ВЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ ПОЛЗА. ПРѢДѢЛЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИЯ[1]

1. Есть убо свещенноначелие, по мнѣ, чинь свещеньнь и художьство и дѣйство к боговидѣнию коль мощно уподобляемо и кь даваемыимь тому от Бога осияниямь по мѣрѣ на богоподражател'ное вьзводимо. А яже боголѣпная доброта, яко проста,[2] яко блага, яко сьврьшенноначел'на,[3] непримѣсна убо есть по всемь всакого отличьнства, прѣподателна же по достоянию комуждо своего свѣта и сьврьшателна вь сьврьшени божествнѣйшемь, по еже кь той иже сьврьшаемыихь прикладнѣ неизмѣнномь образѣ.

2. Мысль убо свещенноначелия есть еже кь Богу яко мощно уподобление же и сьединение, Того имѣе всакого свещеннаго художьства же и дѣйства наставника и кь тогову божествнѣйшему благолѣпию неуклоннѣ убо зримо,

[1] Прѣдѣль свещенноначелия, — яко свещенноначелие есть свещенное удобрение.

[2] Подобие и равеньство и тождьство едино и единотворно, заеже просто и несмѣсно и несложно наричетсе. Отличьное же и неравное и инакьвство и примѣсное и вь прѣложени тимѣньное глаголють. Еже убо Едино Богь да разумѣваетсе.

[3] Рекше, сьврьшеннотворителнаа.

всякого разъяснения об иерархии. Ты же, дитя,[46] в соответствии с уставоположением нашего преподобного иерархического предания, и сам подобающим священному образом слушай священно говоримое, боговдохновенным становясь от научения боговдохновенному, и, в сокровенности ума укрыв святое, сохрани *его* от несвященного множества[47] как единовидное. Ибо не подобает, как говорят Речения, бросать свиньям беспримесный, световидный и красоту благой упорядоченностью творящий умственный жемчуг.

---

[46] Следует поразмышлять, почему великий Дионисий называет божественного Тимофея «дитя». Либо, я думаю, он говорит это как превосходящий того годами и более сведущий в философии, почему тот и задавал ему вопросы, как показывают сочинения, которые *у вас* в руках. Ибо хотя до божественного Дионисия уверовал святой Тимофей, как показывают Деяния святых апостолов, но ведь более внешне образован был великий Дионисий. Либо он зовет его «дитя», подражая Господу, говорящему: «Дети, есть ли у вас какая пища?» Либо потому, что «детьми» называли тех, кто стремится к беззлобию, как говорят и Папий в первой книге «Воскресных толкований», и Климент Александрийский в «Педагоге».

[47] Множеству он противопоставил единовидное, ибо святое единотворит. Общедоступное же и греховное благодаря разделению умножается до многого. Так что ныне «множеством» он это называет, имея в виду общедоступность.

ГЛАВА 3. ЧТО ТАКОЕ ИЕРАРХИЯ И КАКАЯ ОТ ИЕРАРХИИ ПОЛЬЗА. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИЕРАРХИИ[1]

1. Иерархия, по-моему, есть священный порядок, наука и деятельность, приспособленные, насколько возможно, для богообразия и соразмерно к дарованным от Бога осияниям для богоподражания возводимые. Боголепная же красота как простая,[2] как благая и как начало совершенства[3] полностью лишена ведь примеси какой-либо неодинаковости и каждому по достоинству передает свой свет и совершенствует в божественнейшем свершении сообразно своему неизменному виду.

2. Таким образом, цель иерархии — уподобление по мере возможности Богу и соединение с Ним, Его имея наставником во всякой священной науке и деятельности, неуклонно взирая на Его божественнейшее благолепие и стано-

---

[1] Определение иерархии, — что иерархия есть священная упорядоченность.

[2] Подобием, равенством и тождеством единое и единотворящее называется как простое, беспримесное и несоставное. Как о неподобном же, неравном, инаковости, смешанном и ⟨находящемся⟩ в изменчивости говорят о связанном с материей. Так что Бог да разумеется как Единое.

[3] То есть делающая совершенным.

яко мощно же изьобразуемо и свое ликовникы[4] подобия божествная сьврьшае, зрьцала чиста и нескврьнна, приетьнаа свѣтоначелние и богоначелние заре и убо даемые луче священнѣ испльняемаа, сию же пакы обилнѣ вь прочая вьсияваюше, по богоначелныих уставох.

Не бо праведно есть иже священнѣ сьврьшаемом сьдѣйствовати[5] что отнудь вьнѣ своего службоначелнаго священновьчинения, нь ниже есть инако, понеже божествные самыие свѣтлости желають и кь той священнолѣпнѣ сматрають и вьображаютьсе, по коегождо священныих умовь достоянию.

Сего ради убо священноначелие[6] глаголей священно нѣко по всемь являеть удобрение, образь Богоначелныие красоты, вь чинохь и художьствох священноначелныихь яже своего сияния священнодѣйствуе таинствия и кь своему начелу яко льза уподобляе. Есть бо коемуждо иже священноначелие наслѣдьствовавшиихь сьврьшение еже по своей мѣрѣ на богоподражателное вьзвестисе и, еже всѣхь божествнѣише, якоже Словеса рѣше, «Богу сьпоспѣшникь»*[7] быти и показати божествное дѣйство[8] вь себѣ, по еже мощно являемо. Рекше, понеже чинь священноначелия есть еже овѣмь убо очищатисе, овѣм же очищати, и овѣмь убо просвѣщатисе, овѣм же просвѣщати, и овѣм убо сьврьшатисе, овѣм же сьврьшенодѣйствовати, коеммуждо богоподражателное уприк-

[4] Ликовникы здѣ иже о божествьныихь обращающеесе глаголеть.

[5] Сия непщую являти, яко не подобаеть кому иже единому священничьскому степену сьпричтенну веще что своего достояния творити, нь еже прикладное своему достоянию дѣйствовати и прѣдавати учещу, не убо начинати яже паче достояния. Сирѣчь — презвитеромь учити и дарь приносити, не убо и хиротонисати; диаконом — учити, не убо и крьстити, не бо дадеть Духь Светы, якоже ниже Филиппь вь «Дѣяниихь светихь апостольь»* диаконь, нь ниже приносити. И сице прочии. Нь и сьврьшаемыимь прикладная дѣяти, да сьхраняетсе добрѣ еже от божествнаго Павла «Кьждо вь ньже звань бысть степень, вь томь да прѣбываеть».*

[6] Знаменай чинь и священноначелия накочание и яко приходещиимь подобаеть прьвѣе очищатисе учениемь раздѣлителныихь грѣха потьмнений, таже просвѣщатисе разумомь богодьхновенныихь Писаний, яже о богоразумѣни прѣданми, и тогда сьврьшатисе «пакыбытия банею».* Знаменай убо, яко просвѣщение прѣжде крьщения есть.

[7] Знаменай, что священноначелникьь сьврьшение и како Богу суть сьпоспѣшници, по божествномь апостолѣ.

[8] Божествное дѣйство, — сирѣчь Божия дѣла и самому дѣлающу, упрѣмуждраюшу, сьврьшающу и яже подобная вь пѣстунствуемие по силѣ дѣлающу.

вясь, насколько хватает сил, ⟨Его⟩ оттиском и делая участников своих ⟨хороводов⟩[4] божественными подобиями, чистыми незагрязненными зеркалами, приемлющими лучи Светоначалия и Богоначалия, священно наполняемыми даруемым светом и затем обильно в других им воссиявающими, по законам Богоначалия.

Непозволительно ведь для священно посвящаемых ни вообще что-либо делать[5] вне своего совершенноначального священночиния, ни даже существовать иначе, поскольку они обращаются к самой божественной Светлости, на нее священнолепно взирают и ⟨Ее⟩ собой отражают, по каждого из священных умов достоинству.

Потому, тот, кто говорит об иерархии,[6] являет некий полностью священный порядок, образ красоты Богоначалия, священно осуществляющий иерархическими чинами и искусствами таинства своего осияния и уподобляющийся, в меру доступного, своему Началу. Ибо для каждого, кому выпал жребий принадлежать к иерархии, совершенство состоит в том, чтобы в меру своих возможностей быть возводимым к богоподражанию и, что божественнее всего, стать, как говорят Речения, «соработником у Бога»[7] и выказать в себе, по возможности проявляя, божественную энергию.[8] Так что, поскольку порядок в иерархии, — чтобы одни очищались, а другие очищали, одни просвещались, а другие просвещали, одни совершенствовались, а другие совершенствовали, богоподражание каждого зависит от ⟨соблюдения⟩ этого порядка. Божествен-

---

[4] Участниками ⟨хороводов⟩ он называет здесь кружащихся вокруг божественного.

[5] Это, я думаю, показывает, что не подобает никому сопричтенному к одному из священнических санов делать что-либо большее собственного чина, но ⟨надлежит⟩ учащему совершать и передавать только подобающее его достоинству, а не приниматься за то, что превышает достоинство. Так, пресвитеры ⟨должны⟩ учить, приносить ⟨святые⟩ дары, но не рукополагать; дьяконы — учить, но не крестить, ибо они не преподадут Духа Святого, как ⟨не преподал⟩ Филипп диакон в «Деяниях святых апостолов», но также и не совершать приношений. И так и прочие. Также и посвящаемым следует делать только подобающее, да будет хорошо соблюдено ⟨сказанное⟩ божественным Павлом: «В каком звании кто призван, в том каждый и оставайся».

[6] Заметь, в чем состоят порядок и исполнение иерархии и что приходящим подобает, во-первых, очиститься учением от разделяющих греховных потемнений, затем просветиться знанием догматов о богопознании боговдохновленных Писаний и тогда стать совершенным в «бане пакибытия». Заметь, что просвещение — прежде крещения.

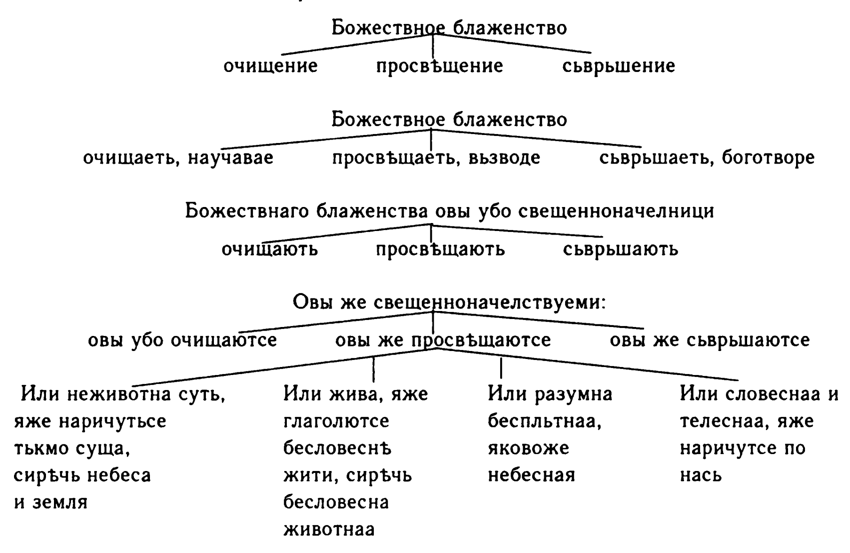
[7] Заметь, что такое совершенство у иерархов и каким образом они суть «соработники у Бога», по божественному апостолу.

[8] «Божественную энергию», то есть Божьи дела, и Самого, делающего, умудряющего, совершенствующего и тому подобное в пестунствуемых по мере сил совершающего.

ладитисе имать по семь образѣ. Божествное блаженьство,[9] яко вь чловѣцѣх рещи, непримѣсно убо есть всакого отличьнства, испльненно же свѣта присносущнаго, сьвршенно и нетрѣбователно всакого сьвршения, очищае, и просвѣщае, и сьвршенодѣйствуе, паче же чищение свещенное, и просвѣщение, и сьвршение, паче чищения, паче свѣта, прѣдсьвршенно, самослужбоначелие и всакого убо свещенноначелия вина, всакого же свещения по прѣвьсходимомь изредно.

3. Потрѣба убо есть, яко мню, убо чистещимсе непримѣсномь сьвршатисе по всемь и всакые свобаждатисе неподобные гнусоты; просвѣщающииим же се испльнятисе божествнаго свѣта, кь зрителному имьству и силѣ вь всечистыихь ума очесѣхь вьзводещиимсе; сьвршающиим же се, от несьвршенныхь прѣчиняющиимсе, причестникомь быти зримыхь свещенныихь сьврьшителнаго художьства; чистителем[10] же богатьствомь очищения инымь прѣподавати своее чистоты; просвѣщателем же яко чистѣйшиимь умовом и кь причестию свѣта и прѣподанию искрьннѣ имущиимь и всебогатнѣ свещение испльненныимь луче, иже на них всь пролѣваемый свѣть вь иже достойнные

[9] Божествное блаженьство чловѣчскы да речемь и от чловѣчскыихь вещи, понеже то по себѣ что есть, нѣсть мощно рещи:



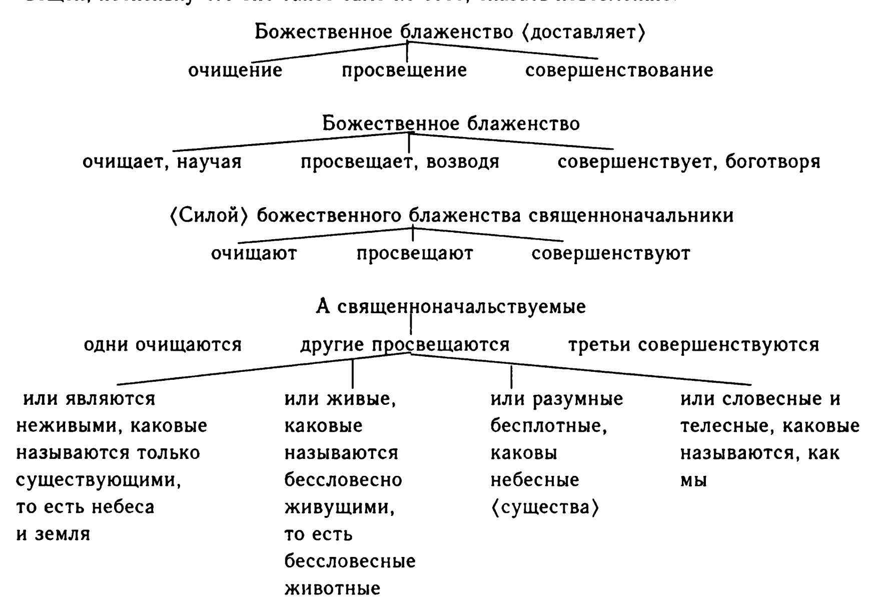
[10] Здѣ о свещенноначелницѣхь самѣхь глаголеть, яже прѣжде сих о свяшенноначелствуемыихь рекь, указуе и чины, и како убо чистителие мьньшии суть, якоже заклинателие суще, просвѣщателие же прѣвьзьшьдшеи суть учениемь, сирѣчь пресвитери и диаконы; сьврьшенодѣйствителие же — иже крьщениемь Духа испльняюще Светого, якоже епископы. Глаголет же сия и долѣ, вь иже «О церковничьскомь свещенноначели» словѣ.

ное блаженство,[9] как у людей говорится, не имеет ведь примеси какой-либо неодинаковости, исполнено вечно сущим светом, совершенно и не нуждается ни в каком совершенствовании, — очищающее, просвещающее и совершенствующее, ⟨оно⟩ скорее — само очищение, просвещение и совершенство, выше очищения, выше света и до совершенства ⟨пребывающее⟩ Само-совершенноначалие и причина всякой иерархии, от всего священного по ⟨своему⟩ превосходству удаленное.

3. Итак, я думаю, очищаемым надо становиться полностью беспримесными и освобождаться от всякой примеси неодинаковости; просвещаемым — исполняться божественного света, будучи возводимыми к способности видеть и силе во всенепорочных очах ума; совершенствуемым же — делаться, покидая несовершенство, причастниками совершенствующего художества созерцаемых святынь; а очищающим[10] — с богатством очищения передавать прочим свою чистоту; просвещающим же как более прозрачным умам, способным и причаститься свету, и передать его, всеблаженно исполняемым священного сияния, — весь изливаемый на них свет посылать достойным света; а совершенствотворя-

---

[9] О божественном блаженстве мы скажем по-человечески и на примере человеческих вещей, поскольку чтó оно такое само по себе, сказать невозможно:



[10] Здесь он говорит о самих священноначальниках, сказав прежде этого о священноначальствуемых, показывая и чины, и то, каким образом очищающие оказываются ниже, будучи экзорцистами, ⟨изгоняющими бесов⟩, просветители же благодаря учительству — выше, то есть пресвитеры и диаконы; а осуществители совершенства — ⟨это люди⟩, крещением исполняющие Духа Святого, как то епископы. Он говорит это же и ниже, в слове «О церковной иерархии».

свѣта посилати; сьврьшенодѣйствителем же, яко художникомь сьврьшителнаго прѣподания, сьврьшати сьврьшаемые всесвещенныимь учениемь зримыих священныихь художьства. Прочее убо коиждо свещенноначелничскаго удобрения чинь по своей мѣрѣ вьзводитсе кь божьственому сьпоспѣшению, она сьврьшае благодатию и благодатною силою, яже Богоначелию естествнѣ и паче естества наставшая,[11] и от Того прѣсущьствнѣ дѣемаа, и кь мощному боголюбьзныихь умовьь подражанию свещенноначелнѣ изьявляемаа.

[11] Яко естествнѣ и паче естества суть кь спасению просвѣщателная. Добрѣ же чинь изьясни церковнаго свещенноначелия, сирѣчь да прьвѣе приходящеи кь божественому крьщению отричутсе, очищающесе, таже просвѣщаютсе учениемь презвитерьь вь се сьтвореньныихь. Таковыим же быти чистителнымь, достойныимь еже прѣподати иныимь светьбу. И тако епископомь проче крьстити. Тѣх бо наричеть сьврьшенодѣйствьники. Сьи подобаеть чинь сьблюдати.

ГЛАВА 4. ЧТО НАЗНАМЕНУЕТЬ АГГЕЛЬ ИМЕ

1. Свещеноначелию убо что-любо есть, якоже мню, добрѣ нами опрѣдѣленному, аггельское свещенноначелие прочее достойно есть вьспѣти и яже свещенная того вь Словесехь образотворения прѣмирныими очесы достоить узрѣти, яко да вьзведемсе на боговидьную ихь простоту таиньствныихь ради назданий, и еже всакого свещенноначелничскаго художьства Начело да воспоемь вь боголѣпнѣй чьсти и Службоначелныихь благодареныихь.

Прьвѣе всѣхь оно рещи истинно, яко благостию вса прѣсущьствное Богоначелие, яже сущиих[1] существия сьставивь, вь еже быти приведе. Есть бо се всѣхь Вини[2] и прѣвыше всѣхь Благости свойствно еже кь приобщению своему

[1] Здѣ вса вькупѣ яже вь сьдѣтельствѣ являеть имени ради сущиих, и умнаа и видима вса. Вса бо Богь от не сущиихь сьтвори сего ради и тьчию, да Того благосты причестетсе. Приобщет же се промысла ради, яко коеждо прикладнѣ имать, начело бо есть сущиихь существу Божий промысль.

[2] Знаменай помысль, егоже ради сущая вса приведе Богь, — да причестетсе Того благосты по мѣрѣ коеждо. Се бо являеть еже «Многыие обытѣли у Отца».* Кьждо бо по своимь дѣлѣ причеститисе имать Того благосты. Сице и Тить глаголеть вь иже «На манихее» словѣхь.*

щим, как искусным в преподании совершенствующего, — совершенствовать совершенствуемых всесвященным научением художеству созерцаемого священного. Так что каждый чин иерархического порядка соответственно своей мере возводится к божественному сотрудничеству, совершая благодатью и благодатной силой то, что естественно и сверхъестественно присуще[11] Богоначалию и Им надсущностно исполняется и боголюбивым умам священноначально является для доступного ⟨им⟩ подражания.

[11] ⟨Заметь⟩, что то, что просвещает к спасению, может быть естественным и сверхъестественным. Он прекрасно изъяснил чин церковного священноначалия, то есть: приступающие к божественному крещению сначала должны совершить отречение, очищаясь, а затем они просвещаются учением пресвитеров, для этого выделенных. Таковые должны быть очистителями, достойными преподать святость другим. И тогда епископы наконец крестят. Их ведь он называет осуществителями совершенства. Этот порядок подобает соблюдать.

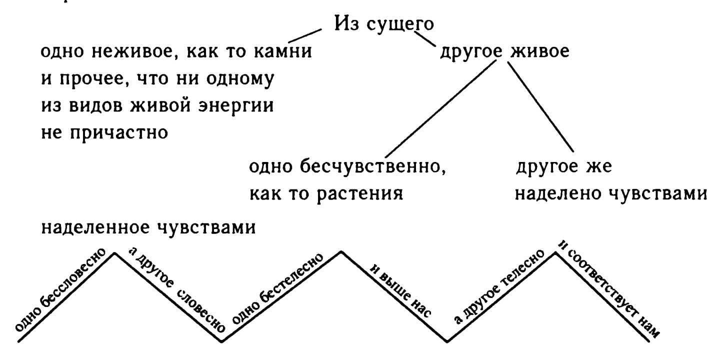
ГЛАВА 4. НА ЧТО УКАЗЫВАЕТ ИМЯ АНГЕЛОВ

1. Хорошо, как мне кажется, определив, что вообще такое иерархия, далее мы должны воспеть иерархию ангелов и увидеть надмирными очами ее священные формотворения в Речениях, чтобы с помощью плодов таинственного воображения возвестись к их, ⟨ангелов⟩, богоподобнейшей простоте и с подобающим Богу почтением воспеть Начало всякого иерархического знания в благодарениях Совершенноначалию.

Прежде всего, то сказать истинно, что сверхсущностное Богоначалие, благостью составив все сущности сущего,[1] привело ⟨их⟩ в бытие. Это характерная особенность Причины всего и все превышающей Благости — призывать сущее к приобщению[2]

[1] Здесь он все тварное вкупе обозначает именем «сущее» — все и умопостигаемое, и видимое. Все ведь Бог сотворил из не-сущего только ради того, чтобы оно причастилось Его благости. Приобщаются же ради Промысла как каждый может, ибо Божий промысел есть начало существа ⟨всего⟩ сущего.

[2] Обрати внимание на расчет, руководствуясь которым Бог все сущее привел ⟨в бытие⟩, — чтобы все, по мере каждого, причастились Его благости. На это ведь указывает:«У Отца обителей много». Каждый ведь по своим делам причастится Его благости. Так и Тит говорит в словах «Против манихеев».



сущая призивати, якоже коемуждо сущихь опрѣдѣленно бысть от своее мѣры. Вса убо яже сущая[3] причествують Промыслу от прѣсущьствнаго и всевиновнаго Божества изливаемому. Не бо убо была быше, аще не сущиихь существа[4] и начела приобщиласе быше. Неживотнаа убо вса еже быти тому причествують (еже бо быти всѣмь есть еже паче бытия божество), животнаа же[5] тоежде паче всакого живота животворные силы, словесная же и умная, тоежде паче всакого и слова и ума самосьврьшителные и прѣжде сьврьшенства прѣмудрости. Явленно же есть, яко близь тое она сущьстьвь суть елика многащии той причестишесе.

2. Светие бо убо небесныих сущьствьь[6] доброты паче яже тьчию сущая, и бесловеснѣ жива, и яже у нас словеснаа богоначелнаго прѣподания вь причестии быше. Умнѣ бо вь богоподражателное[7] себе вьображающе и кь богоначелному подобию прѣмирнѣ зреще и вьображати желающе умны ихь видь, обилнѣйшаая вьлѣпоту имуть яже от тое причестия, приближнѣ убо суще и присно кь еже горѣ вьзиматисе, якоже лѣпо есть вь крѣпости божьствьнаго и неуклоннаго рачителства вьиспрьпростираеме и начелная осияния невещестьвнѣ и несьмѣшеннѣ приемлюще и кь тѣмь [*над словом знак, и под таким же знаком на поле*: осианиямь] сьчиняеме и умну[8] имуще всу жизьнь. Сие убо суть еже прьвѣе и многащи вь причестии божьствьнааго бываеме и прьвѣе и многащи изьявителне богоначелнааго ськрьвенства, тѣмже паче всѣхь аггельскаго[9] именования безмѣрнѣ сподобишесе за еже прѣжде вь тѣхь бывати богоначельному осиянию и тѣми вь нась ниспосилатисе яже паче нась изьявлениямь.

Сице убо Законь, якоже богословие рече, аггельми намь дань бысть* и иже славные же прѣжде Закона и по Закону наше отце аггелы кь божьствному

[3] Яко вса сущая Божию промыслу причествують, ниже бо ни вь сущиихь есть еже не причествуей Божиимь. Тѣмьже неуставно зло, понеже не причествуеть Богу, по улишени имьства являемо, нь не само прьвообразнѣ суще вь сущьствѣ. Сице пространѣйше рѣхомь выше.

[4] Вь сих сущая божьствная наричеть, сирѣчь Светую Троицу, яже зданиямь сущих сьдѣтелница и начело, рекше вина, от тѣхь, иже от тое вь существо пришьдшиихь, причествоватисе глаголетсе.

[5] Яко и животнаа причествують промыслу Божию по томь еже быти. Неживотнаа же суть — сирѣчь камение и вса яже не приходещая вь рождение.

[6] О сих чину знаменай же, яко различна горныих сильь сущьствия. Глаголет же «тьчию сущаа», яже нарече «неживотнаа». (*На поле*: не жива).

[7] Зри, яко и умние силы от произволения по вещьшемь приобщуютсе благому, яко много желающе того. Глаголет бо «себе вьображающе», еже есть произволително. Прочее не льжно слово, глаголее диавола спаднути сь небесе, прѣврати бо се вь злое от себе.

[8] Тѣх бо существия умь суть живы. Знаменай же, яко умная вса прьвѣе причествують Богу. «Изьявителне» же — сирѣчь вьзвѣстителне.

[9] Знаменай, что истѣйше аггель и яко прьвый тѣмь чинь глаголеть имѣти. Еще же и како аггельми научаваемсе, и како тѣми Законь дань бысть, и яко и иже прѣжде Закона и по Законе отце наше аггелы кь божьств'ному вьзвождаху.

Себе, как каждому из сущего определено его мерой. Так что все сущее[3] причаствует Промыслу, изливаемому из сверхсущностного и всепричинного Божества. Ведь его просто не было бы,[4] не будь оно причастно Сущности и Началу сущего. Ведь все неживое причастно Ему своим бытием (ибо бытие всего — это превышающее бытие Божество), живое[5] — Его животворной превышающей всякую жизнь силе, а словесное и разумное — Его само-совершенной и пред-совершенной премудрости, превышающей всякие слово и ум. И ясно, что те из существ близки к Нему, что причастны Ему многообразно.

2. Ведь святые порядки небесных существ[6] в причастности благоначальному преподанию превышают и только сущее, и бессловесно живое, и соответствующее нам разумное. Ибо, стремясь умственно вылепить себя[7] по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Богоначалия и *с* ⟨Ним⟩ сообразовывая образ своего разума, они поистине полнее приобщены Ему как ближайшие и вечно простирающиеся, насколько это допустимо, к вершине в усердии божественной и неколебимой любви, и как невещественно и несмешанно воспринимающие начальные осияния, и к ним приобщающиеся, и имеющие в качестве умственной[8] всю жизнь. Они, стало быть, оказываются первыми и многообразно причастными божественному и первыми и многообразно выявляют богоначальную сокровенность, и поэтому они, минуя всех, исключительным образом удостоены именования ангелами,[9] — потому что богоначальное осияние исходит первым делом в них, и они в нас ниспосылают превышающие нас изъявления.

Так ведь, как говорит Богословие, через ангелов, нам был дан Закон, и наших известных отцов, прежде Закона и после ⟨явления⟩ Закона живших,

---

[3] ⟨Заметь⟩, что все сущее причаствует Божию промыслу, ибо в сущем нет непричастного Богу. Так что зло лишено основания, поскольку оно не причаствует Богу, а появляется в результате утраты ⟨какого-то⟩ свойства, но не само по себе первообразно существуя в сущем. Подробнее мы сказали об этом выше.

[4] В этом месте сущим он называет божественное, то есть Святую Троицу, которой, как создательнице и началу, или же причине, творений, причаствуют, говорится, те, кто благодаря ей пришел в состояние сущности.

[5] ⟨Заметь⟩, что и животные причаствуют промыслу Божию — тем, что существуют. Неживыми же являются, например, камни и все, что не приходит через рождение.

[6] Заметь применительно ко всякому чину, что существа высших сил различны. «Только сущее» же он говорит о том, что назвал «неживое».

[7] Обрати внимание, что и умопостигаемые силы по своему выбору в большинстве своем приобщаются Благому, как сильно к нему стремящиеся. Ведь он говорит «вылепить себя», что значит поступить добровольно. Не ложно, стало быть, утверждение, что дьявол пал с небес, ибо он обратился ко злу по своей воле.

[8] Ибо их существа — живой ум. Заметь, что все умопостигаемое первым причаствует Богу. «Выявляют» — т. е. возвещают.

[9] Заметь, что такое ангел в собственном смысле слова и что он говорит, что те имеют первый чин; а еще — что через ангелов мы научаемы, и что через них был дан Закон, и что прежде Закона и после ⟨явления⟩ Закона наших отцов ангелы возводили к божественному.

вьзвождааху е, или еже творити достоить[10] научавающеи и кь правому истины путы от прѣльсти и жизны несвященние прѣводеще, или чина [*у слова стоит значок, и на поле рядом с таким же значком*: священнаго] или таиньь прѣмирьныихь скрьвенная видѣния, или божьствная нѣкая проречения пророчскы являюще.

3. Аще ли нѣкто речеть и оттуду непосрѣдствнѣ[11] бывати нѣкоторыимь светиимь богоявления,* да навикнеть и се прѣмудрѣ от священнѣйшиихь Словесьь, яко само то убо что любо есть Божие ськрьвение «никтоже видѣ»,*[12] ниже узрѣти имать, богоявления же прѣподобныимь быше по подобниих Богови нѣкоторыихь ради священныихь и зрещиимь достойныихь видѣний изьявлениях. Всепрѣмудрое же богословие видѣние оно,[13] еже вь себѣ написанно являше божественое яко вь образѣ неизьображуемыихь подобие, ради видимаго на божьствное вьзвождения вьлѣпоту наричеть богоявление,[14] яко его ради зрещиимь божьстьвному бывающу осиянию и нѣчто божьствьныихь имь научающиимсе.

Сия же божественая видѣния славнии отци наши навицаху посрѣдствомь небесныихь сильь. Или не и еже священное Закона законоположение Словесь прѣдание, яко от онуду убо глаголет от Бога Моусеови дарованно, яко да убо нас истиньнѣ научить еже божествно то быти и священно подизображение.[15] Учить же и се прѣмудрѣ богословие, еже аггелы сему вь ны произити,

---

[10] «Еже творити» — якоже при Исусѣ Навинѣ и Гедеонѣ и иныихь,* «Кь правому же путы от несвещенние жизны» — якоже при Корнилию Сьтницѣ, прьвый бо от невѣрныихь языкьь прѣложисе.* «Чина же священнаго» — якоже при Даниилѣ «тмы тмами»* и Иезекиилу херувимь,* и Исайи серафимь явишесе.* «Прѣмирное же видѣние» — якоже при Павлѣ, вьсхыщенном даже до третияго небесе,* и при божественаго Иоанна Открьвени.*

[11] «Непосрѣдствнѣ» же — сирѣчь кромѣ аггельскаго служения.

[12] Зри, како тлькуеть речение, глаголемо «Бога никтоже видѣ нигдеже»,* еже истинѣйше мѣню, и вѣде, яко суть писаничскаа речения, глаголющая, яко Богь явисе чловѣкомь, якоже при Адамѣ вь раи, и при Авраамѣ у дуба Мамврийскаго,* и егда вь Содомь идѣху,* и Моусеови на горѣ, аще и задняя глаголютсе узрѣти,* и глаголеть, яко «само то ськрьвенное Божие никтоже видѣ, ниже узрѣти имать», еже есть существо Его. Или и высочайше, яко никтоже разумѣти или рещи можеть, или вьзмощи имать, что есть Богь. Аще ли же и быше богоявления нѣкоимь светиих, разумѣй, яко по мѣрѣ кьждо своее вѣры сподобляшесе нѣкоего видѣния, изьявляющаго ему божество, егоже ради осияние приемаше иже вь нь приходещиихь божественыихь разумѣваний.

[13] «Видѣние оно» глаголеть, иже, мню, на Фаворѣ божьственый свѣть,* иже явисе божьствнѣ, и иже вь купинѣ божьственый огнь,* непосрѣдьствьнѣ бывшая. Нь обаче и сия посрѣдьствомь быше свѣта и огня вь образѣ являемаа прѣма силѣ зрещих.

[14] Богоявления быти глаголеть не ради еже Богу являтисе и показоватисе, еже что любо есть, се бо немощно есть, нь яко божествьнаго осияния светыи сподобляютсе нѣкыми священними видѣнми и себѣ по мѣрѣ сущиими, ихже аггельми быти глаголеть.

[15] Знаменай, яко и Законь иного божествнаго законоположения есть подизьображение, сирѣчь Христова божествнаго вьчловѣчения. А яко агглыми дастсе прьво законоположение, являеть и святы Стефань, глаголе: «Иже приесте законь вь завѣщаниях аггельь и не сьхранисте».*

ангелы возродили к божественному, либо научая, что нужно делать,[10] и выводя из заблуждений и нечестивой жизни на прямой путь истины, либо открывая священные чины или сокровенные видения надмирных тайн, либо пророчески являя некие божественные пророчения.

3. Если же кто-нибудь скажет, что богоявления некоторым святым бывают прямо и непосредственно,[11] пусть и то ясно узнает он из священнейших Речений, что само сокровенное Божие, чем бы оно ни было, «никто не видел»[12] и не увидит, богоявления же преподобным бывали в виде подобающих Богу изъявлений через некие священные и мере созерцающих соответствующие видения. Всепремудрое же Богословие то видение, которое являло в себе, как в образе,[13] начертанное божественное подобие Неизобразимых, справедливо — оттого, что оно возводит созерцающих к божественному, — называет богоявлением,[14] — так как благодаря ему происходит божественное осияние созерцающих и они постигают что-то из божественного.

Такими вот божественными видениями наши прославленные отцы были научаемы при посредничестве небесных сил. И о священном установоположении Закона[15] предание Речений говорит, что оно было Моисею даровано

---

[10] «Что нужно делать», — как у Иисуса Навина, Гедеона и других; от «нечестивой жизни на прямой путь» — как Корнилия Сотника, ведь он первый был обращен из неверных язычников; «священные же чины» — как Даниилу было видение «тьмы тем», Иезекиилю херувимов, а Исайе серафимов; «надмирные же видения», — как Павлу, восхищенному до третьего неба, и в Откровении божественного Иоанна.

[11] «Непосредственно» же — то есть без услужения ангелов.

[12] Смотри, как он толкует речение, говорящее: «Бога не видел никто никогда», — что я считаю истиннейшим, и зная, что существуют в Писании изречения, говорящие, что Бог являлся людям, как то Адаму в раю, Аврааму у Мамврийского дуба, и когда в Содом приходили ⟨три ангела⟩, и Моисею на горе, хоть и говорится, что он увидел ⟨Бога⟩ сзади, он утверждает, что «само сокровенное Божие никто не видел и не увидит», то есть — Его сущность. Или и выше: «никто не сможет ни постичь, ни объяснить, что такое Бог». Хоть и бывали богоявления некоторым святым, понимай, что по мере собственной веры каждого сподоблялся ⟨человек⟩ некоего видения, являющего ему Божество, благодаря которому он получал осияние приходящим в него божественным знанием.

[13] «Тем видением» он называет, мне кажется, божественный свет на Фаворе, божественно явившийся, и божественный свет в купине, — непосредственно бывшие ⟨видения⟩. Но и они, однако же, были явлены при посредстве света и в образе огня, соответственно способности зрящих.

[14] Он говорит, что Богоявление состоит не в том, чтобы являть и показывать Бога, что Он есть такое, ибо это невозможно, но в том, чтобы святые сподоблялись божественного осияния посредством неких священных видений, соответствующих их мере и происходящих, говорит он, через ангелов.

[15] Заметь, что и Закон есть отпечаток другого божественного закона, т. е. божественного вочеловечения Христа. А что через ангелов было дано первое законоположение, показывает и святой Стефан, говоря: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

яко богозаконному чину оно уставополагающому, еже прьвыихь ради вторая кь божествьному вьзводитисе.[16] И бо не тькмо при прѣвьсходещиихь же и мьншиихь умовѣхь, нь и вь вькупочньныих сь уставь опрѣдѣлисе от всѣхь прѣсуществьнаго Чиноначелия,[17] еже вь всакомь свещенноначели прьвыимь, и срѣдныимь, и послѣдьныимь быти чиновом же и силамь и от мьншиихь быти божествнѣйшиимь учителемь и руковождемь кь божествьному вьзведению, и осиянию, и причещению.

4. Зру же, яко и еже божествное Исусова чловѣколюбия таинство аггелы прѣжде навикоше,[18] таже тѣми вь нас разума благодать мимохождаше. Сице бо божьствьнѣйши Гаврииль Захариу убо иерарха научи, еже пророкь быти еже от того без надежде благодатию божествною раждаемое отроче благолѣпнѣ мирови и спасителнѣ являемаго мужствьнаго Исусова богодѣйства,*[19] Марию же[20] — како вь той будеть богоначелное неизвещаннаго богоздания таинство.* Иный же аггель Иосифа наказа, како вьистину испльнитисе имуть* яже богоданнѣ обещанная прѣдѣду Давыду.* Другый же пастыремь яко многыихь отшьствиемь и безьмльвиемь очищенномь благовѣствоваше* — и сь нимь множьство вой небесныихь — еже многопѣтое оно прѣдаваху сущиимь на земли славословие.*

Вьзимаем же и кь прѣвышьшимь Словесь свѣтоявлениямь. Зру бо, яко и самь Исус, иже прѣнебесныихь сущьствь прѣсущьствна вина,[21] кь намь

[16] Знаменай, како прьвыими, сирѣчь прѣвьзьшьдшими, вторая, сирѣчь мьншая, кь Богу вьзводетсе, и — о аггельскыихь разчиненияхь.

[17] «Прѣсущьствное же Чиноначелие» чиновьь тѣхь Начело и творителну Вину глаголеть.

[18] Яко яже о вьчловѣчени прьвѣе навикоше аггелы, яко являють яже по божествном Гавриилѣ, научьшиимь яже о святѣмь Иоаннѣ, благовѣстившем же и Девѣ и яко от Духа Светаго зачнеть вьпльщаемаго Бога Слова.

[19] «Мужствное богодѣйствие» Христово вьчловѣчение есть, по немже, Богь сый, вь пльти яже божествная сьдѣла. Смотри же, како рекь здѣ Исуса «мужьское богодѣйствие», и заеже убо глаголати «мужствное» явленно, яко сьврьшень чловѣкь бысть, «богодѣйствия» же ради — яко Богь есть и чловѣкь тьжде, иже богознамения Сьдѣлавы. По малѣ же глаголеть, яко «непрѣложьнь», — прѣбысть бо и еже бѣ присно. И оно же пакы зри, како глаголеть вь святѣй Марии быти неизреченнаго богоздания богоначелное таинство: «богоздание» же глаголеть явленно, яко Богь сьздасе, по еже бысть чловѣкь, по реченном: «Слово пльть бысть».* «Богоначелничско» же — яко Бога, Виновнаго и Начела сущаго глаголемыих богь же и праведныих чловѣкьь, таинство вьчловѣчения бѣ, егоже Бога Исуса прѣдименова.

[20] Знаменай сия на несторияне. Не вси же аггелы увѣдѣше таиньство смотрения, понеже егда вьзношашесе Господь по страсти, нѣции бѣху, глаголющеи: «Кто есть сь Царь славы?»* Вьпрошение бо невѣдѣние являеть.

[21] Знаменай се — на несторияне и безглавние, яко Исуса «прѣсущствну вину» глаголеть, заеже Творца суща всѣхь, и яко непрѣложнѣ глаголеть Того быти по нас. Не тожде же и едино сия естество, аще и самь обѣ. И яко Самь и Законоположитель и под Закономь, и

прямо от Бога, не для того ли, чтобы истинно научить нас, что это — отпечаток божественного и священного? Богословие и тому премудро учит, что через ангелов оно пришло к нам, поскольку богозаконный порядок уставоположил, чтобы вторые возродились к Богу через первых.[16] Ведь не только для высших и низших, но и для равночинных умов определен этот закон всеобщим сверхсущественным Чиноначалием,[17] — чтобы в каждой иерархии были первые, средние и последние чины и силы и чтобы посвятителями и руководителями меньших при божественном возведении, осиянии и приобщении были более божественные.

4. Я вижу, что и в божественную мистерию Иисусова человеколюбия первыми посвящены были ангелы, затем через них к нам перешла благодать знания. Так, божественнейший Гавриил[18] открыл священноначальнику Захарии, что сын, который сверх чаяния божественной благодатью родится у него, станет пророком благолепно и спасительно являемого миру мужеского Иисусова богодействия,[19] и Марии[20] — что в ней произойдет богоначальное таинство неизъяснимого боговаяния. Другой же из ангелов наставлял Иосифа, что воистину исполнится обещанное Богом *его* прадеду Давиду. Третий благовествовал пастухам как удалением от мира и безмолвием очищенным, а с ним «множество воинства небесного» передавало находящимся на земле то многопетое словословие.

Обратимся же к высочайшим светоявлениям Речений. Вижу я, что и Сам Иисус, наднебесных существ надсущностная Причина,[21] к нам непрелож-

---

[16] Заметь, как «через первых», т. е. превосходящих, «вторые» (то же, что «находящиеся ниже») возводятся к Богу, и — об ангельских порядках.

[17] «Сверхсущественным Чиноначалием» он называет Начало и творящую Причину этих чинов.

[18] ⟨Заметь⟩, что о вочеловечении первыми наставлены ангелы, как показывает известное о божественнейшем Гаврииле, известившем о святом Иоанне, благовествовавшем и Деве, что от Духа Святого она зачнет воплощавшегося Бога Слово.

[19] «Мужеское богодействие» — это Христово вочеловечение, благодаря которому, Богом будучи, во плоти совершал божественные ⟨дела⟩. Смотри как, назвав здесь Иисуса «мужеским богодействием», сказав «мужеское», он показал, что Тот был совершенным человеком, а сказав «богодействие», — что Бог и человек — ⟨один и⟩ тот же, Сотворивший богознамения. Немногим далее он говорит, что Он «непреложен», — ибо пребыл, Кем и был, вечно. Смотри также, как он говорит: в святой Марии произошло «богоначальное таинство неизреченного боговаяния»: «боговаяние» говорит он, поясняя, что Бог создался как Человек, как сказано: «Слово стало плотью». «Богоначальное» же — потому, что это было таинство вочеловечения Бога, Причины и Начала так называемых богов и праведных людей, какового Бога ⟨ангел⟩ и предназначил Иисусом.

[20] Заметь, что это — против несториан. Не все же ангелы узнали тайну Промысла, потому что, когда Господь, претерпев страдания, возносился, были некие, говорившие: «Кто есть сей Царь славы?» Вопрос ведь обнаруживает неведение.

[21] Заметь — против несториан и акефалов, что он называет Иисуса «надсущностной Причиной» — как Творца всего, а также говорит, что Он непреложно стал таким, как мы.

непрѣложнѣ[22] пришьд, не отмещетсе еже от того вчиненнаго же и изволеннаго чловѣколѣпнаго благочиниа, нь благопокорнѣ повинуетсе Отца и Бога аггельми вьображениямь. И посрѣдствомь тѣх вьзвѣщаетсе Иосифу еже от Отца усмотренное Исусово кь Египту отшьствие* и пакы еже кь иудеом от Египта прѣшьствие.* И аггельми Того зримь подь Отечьскыими уставоположен'ми вьчиняемаго. Оставляю бо рещи, яко вѣдущу яже свещеничскыими нашими прѣданми изьявленная и о аггелѣ, иже Исуса укрѣпляющемь*[23] или яко и самь Исусь по нашемь спасителномь благодѣйствѣ вь изьявителный[24] пришьд чинь, «Аггель Велика Сьвѣта»* наречесе. И бо яко Самь аггелолѣпнѣ глаголеть, елика слыша от Отца вьзвѣсти намь.*

яко и Ть яко чловѣкь аггельми заповелѣвашесе вь отшьствии вь Египть и от того вь вьзвращении, и Ть есть и аггеломь сьдѣтель. Тѣмже единь и тьжде Христос вь двѣю естеству великое смотрения сьдѣла таиньство, рече бо се: «Иже вь зрацѣ Божимь сый, не вьсхыщением непщева равьнь быти Богу, нь Себе истьщи, образь раба приемь».* Се два зрака: еже бо рече здѣ «не отмещетсе», се есть еже «не вьсхыщением непщева», сирѣчь не неудостои яко чловѣкь послушати и аггель. Благопокорнѣ бо повинуетсе Отца и Бога аггельми подизьображениямь. Сим бо сь вьчины чловѣчскому роду послѣдовати.

[22] Не бо прѣложисе божествно естество.

[23] Знаменай, яко укрѣпляющаго аггела Господа главизна яже вь Луцѣ носитсе, глаголеть и великы Дионусие и яко паче неписаннѣ вь таинствѣ скрьвеннѣ тому прѣданно бысть, и светому Тимофею от апостола Павла. Тогово бо проповѣдание сьписа Лука. Являет же се, яко вь таинствѣ приеть от еже рещи: «Свещеничскыими нашими прѣданми изьявленная». Зри же и ино сказание, еже глаголеть, еже бо рещисе Исаиемь, «Велика Сьвѣта Аггела» именоватисе рожденное отроче, пльти его подобати глаголеть. И почто наречесе аггель? Яко Отечь сьвѣть вьзвѣсти намь. Спась бо нась Своею страстию, показа, яко и Отець таковаго бѣ сьвѣта. Ниже бо яко мьнши Отца аггель наречень бысть. Кь арианомь се. **Инако.** Укрепляющаго аггела главизну кь пльти пользно есть разумѣвати. И инде бо глаголеть Благовѣствие по искушениях бо, яко «Приступльше аггелы служаху Ему»,* и яко «утрудисе от путнаго шьствия»,* и яко «вьзаалка».* Вса бо сия показують, яко сьврьшенна вьсприеть чловѣка сь того страданми. Нь речеть кто: «Гдѣ бѣ потрѣба аггела, Бож'ству ту сущу?» Глаголемь, яко множайшая Богь аггельми чюдодѣйствуеть, и сие глаголеть всако божественое Писание.

[24] По еже кь Отцу от того реченномь: «Явихь твое име чловѣком».*

но[22] придя, не отказывается от Им учиненного и избранного для людей благочиния, но благопокорно повинуется указаниям Отца и Бога, ⟨передаваемым⟩ через ангелов. И при их посредничестве возвещается Иосифу о предусмотренном Отцом отшествии Иисуса в Египет и вновь — о пришествии из Египта к иудеям. И мы видим, что ангелами Он подчиняем Отеческим уставоположениям. Я не стану говорить ⟨тебе⟩ как сведущему, что явлено нашими священническими преданиями и об ангеле, укреплявшем Иисуса,[23] или что и Сам Иисус, в спасительном для нас благодеянии войдя в чин изъявителя,[24] был наречен «Ангелом Великого Совета». Он ведь, как Он Сам ангелоподобно говорит, возвестил нам то, что услышал от Отца.

Не та же и одна и та же ⟨у Него⟩ природа, если Он ⟨сочетает⟩ обе. И что Он Сам и Законоположник, и под Законом, ⟨заметь⟩, и что Он как человек получает от ангелов повеление об уходе в Египет и о возвращении оттуда, и Он — и создатель ангелов. Так что один и тот же Христос в двух природах осуществил великое таинство Промысла, ибо сказано: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя Самого, приняв образ раба». Вот две формы ⟨одного⟩: то, что он говорит здесь «не отказывается», и есть ведь — «не почитал хищением», — то есть не счел как человек недостойным слушаться и ангелов и покорно повинуется Отца и Бога через ангелов указаниям. Сам ведь Он повелел ⟨им⟩ управлять человеческим родом.

[22] Ибо Он не подавил ⟨Свою⟩ божественную природу.

[23] ⟨Заметь⟩, что главу об укреплявшем Господа ангеле, которая находится в Евангелии от Луки, пересказывает и великий Дионисий и что не письменно, ⟨а⟩, скорее всего, тайно, сокровенно это было передано ему и святому Тимофею апостолом Павлом, ибо его проповедь записал Лука. Обнаруживается же то, что как будто тайно он это узнал, из его слов: «Что явлено нашими священническими преданиями». Обрати внимание и на другое объяснение, которое он приводит, — что слова Исайи, что «Великого Совета Ангелом» именуется рожденный Младенец, подобает отнести к Его плоти. А почему он назван ангелом? Потому что возвестил нам совет Отца. Ведь, спасая нас Своим страданием, Он показал, что такова была воля и Отца. Не как меньший Отца Он был назван ангелом. Это — против ариан. **Иначе.** Главу об укрепившем Его ангеле нужно воспринимать не вопреки толкованию Святого Писания, ибо это мыслится применительно к плоти. И в другом ведь месте Евангелие говорит, что после искушений «ангелы приступили и служили Ему», что Он «утрудился от пути» и что Он «взалкал». Все ведь это показывает, что Он воспринял ⟨в Себя⟩ совершенного человека вместе с его страданиями. Но кто-нибудь спросит: «Какая была надобность в ангеле, когда тут было Божество?» Мы отвечаем, что Бог чаще всего через ангелов чудодействует, об этом и все божественное Писание говорит.

[24] Согласно сказанному Им Отцу: «Я явил Твое имя людям».

ГЛАВА 5. ПОЧТО ВСА НЕБЕСНАЯ СУЩ'СТВИЯ ОТДОЛѢ ОБЩЕ АГГЕЛЫ ГЛАГОЛЮТСЕ

Сия убо есть яко по нас вина аггельскаго вь Словесехь именования. Испытати же, яко мню, потрѣба есть, кое ради вини богословци вса убо вькупѣ небесная сущьства аггеле наричуть,[1] кь изьявлению же приходеще прѣмирьныих тѣхь доброть, чинь аггельскый особнѣ именують, иже сьврьшителнѣ окончаваей[2] божествные и небесныие чины, прѣжде же сего прѣвьсходнѣ вьчиняюще архаггельская удобрения, и начела, и власти, и силы, и елика сихь прѣвьзьшьдшая сущствия, яже Словесьь вѣдѣть изьявителная прѣдания. Глаголем же, яко по всакомь священномь удобрени прѣвьзьшьдшеи убо чинове имѣють и яже мьншиихь удобрений осияния же и силы, непричестныи же прѣвьсходителныим себе суть послѣдныи.[3] Светѣйшие убо прѣвышьшиихь сущьствь чины и аггелы наричуть богословци, и бо суть изьявителны и сии богоначелнаго осияния.

---

[1] Почто убо единаго сущьства быти всѣмь светымь аггелом глаголющой церкви, божествьный Дионусие многыие именуеть силы? Великый убо Дионусие, Александрьскы епископь, иже от риторьь, вь тлькованиях, ихже сьтвори о блаженномь Дионусии, иже тому сьименномь, сице глаголеть, яко «нерожденное обыче нарицати вьнѣшняя прѣмудрость всако невидимо естество, такожде и сущствия сьстави». От сего, — глаголеть, яко — по внѣшних реченны быше светымь Дионусием таковы гласы иносказателнѣ.

[2] Послѣдный умныих чинь истѣйше аггелы глаголеть именоватисе, прѣвьзьшьдшее же инако. В прочей же главизнѣ деветь чиновь таинствнѣ вьспоминаеть, ниня обаче глаголеть, яко горнѣйши чинове вѣдеть, елика долныи осияниемь навицають, вѣдеть же и инаа, долнѣйшимь невѣдомая. Аще ли же и сице есть, обаче роднѣйшиимь именемь и аггелы есть, егда наричутсе вси умыи чинове. Глаголет же и почто, якоже вь сто и вьтором псалмѣ: «Благословите Господа вси аггелы Его»,* — и вь сто и третием: «Творей аггелы Свое духы»* и прочая. Не супротивьобращает же се слово, мьншии бо не именуютсе горнѣйшиихь нареченми, и — яко прѣвьзьшьдшиими силами пьдвьшьдшее учими бывають.

[3] Вьпросити убо нѣкто имать: си небесныи чинове — прѣвьзьшьдшеи, и нижьши, и еще мьнши — тако быше, яко овь убо горнѣйши быти, ов же нижьши? И глаголемь, яко и умнаа вса самовластнаа сьдѣя Богь. Аще бо чловѣкь самовластьнь бысть от прьстнаго вьмѣшениа и душе сы, колми паче умние силы, не имущее земльно что или тежко, самовластны быше? Се бо и божествное прѣдставляеть Писание, глаголе диавола от аггельскаго волею испадьша чина, и сь же божествны мужь прѣд малѣмь о аггельскыихь силахь, яко: «Умнѣ, бо на богоподражателное себе вьображающе и кь богоначелному подобию прѣмирнѣ зреще и вьображати желающе разумни их видь»,* — от сих же всѣхь показуетсе, ако самоизволны и самовластныи суть умныи чинове. Вьлѣпоту убо глаголеть коиждо прѣма мѣрѣ своего благаго желания осиявается божествнымь разумѣнием. Сего ради и чины наричутсе степеновиднѣ, якоже вь них желанию сущему. Сего ради здѣ глаголеть, не имуть слова послѣдный чинь серафимь или прѣстоле именовати. Знаменай же, почто наричутсе вси чинове аггелы.

ГЛАВА 5. ПОЧЕМУ ВСЕ НЕБЕСНЫЕ СУЩНОСТИ ПО НИЖНИМ СООБЩА НАЗЫВАЮТСЯ АНГЕЛАМИ

Вот какова, по-моему, причина именования ⟨Его⟩ ангелом в Речениях. Но надо, как я думаю, исследовать, по какой причине богословы и вообще все небесные сущности[1] называют ангелами, а, переходя к выявлению их надмирных порядков, ангельский чин именуют особо, как полностью оканчивающий[2] божественные небесные чины перед ним, выше помещая порядки архангелов, а также начала, власти и силы, — сколько превосходящих их сущностей знают выявляющие ⟨небесное⟩ предание Речений. Мы же говорим, что во всяком священном устроении высшие чины имеют осияния и силы также и низших, но последние не причастны тому, что принадлежит их превосходящим.[3] Таким образом, святейшие порядки высочайших сущностей богословы называют и ангелами потому, что и они суть выявители богоначального осияния.

---

[1] Почему же, хотя Церковь говорит, что все святые ангелы являются одной сущностью, божественный Дионисий называет многие силы? Великий Дионисий, епископ Александрии, из риторов, в толкованиях, которые он создал к блаженному Дионисию, своему тезке, говорит, что «нерожденной внешняя премудрость обычно называет всю невидимую природу и подобным образом сущностями — ипостаси». И поэтому, — говорит он, — святым Дионисием, подобно внешним, эти выражения использованы не в собственном смысле.

[2] Последний из умопостигаемых чин, говорит он, именуют «ангелами» в собственном смысле слова, а его превосходящие — иначе, некоторые из которых он и называет. В следующей главе он мистически вспоминает девять чинов, а теперь определенно говорит, что высшие чины знают то, что низшие узнают через осияние, но знают и иное, неведомое низшим. Хоть это и так, однако родовым именем «ангелы» иногда называются и все умопостигаемые порядки. И он говорит, почему, — как в сто втором псалме: «Благословите Господа все ангелы Его», — и в сто третьем: «Творящий ангелов Своих духами» и так далее. Но это правило не имеет обратной силы, ибо низшие не называются именами высших. И ⟨заметь⟩, что через высшие силы низшие тайноводствуются.

[3] Кто-нибудь может спросить: эти небесные чины — высшие, низшие и еще меньшие — так и появились, что один оказался выше, а другой ниже? И мы отвечаем, что и все умопостигаемые силы Бог создал самовластными. Если уж человек, являющийся смесью праха и души, был ⟨создан⟩ самовластным, насколько же умопостигаемые силы, не имеющие ничего земного или тяжелого, были ⟨созданы⟩ более самовластными? Это и божественное Писание представляет, говоря, что дьявол выпал из ангельского чина добровольно, и этот божественный муж чуть ранее, ⟨говоря⟩ об ангельских силах: «Стремясь умственно вылепить себя по образцу Бога, надмирно взирая на подобие Богоначалия и ⟨с Ним⟩ сообразовывая образ своего разума», — и из всего этого обнаруживается, что умопостигаемые силы обладают свободой выбора и самовластны. Так что он основательно утверждает, что каждый по мере своего благого желания осиявается божественным разумением. Потому и чины именуются по степеням — соответственно сущему в них желанию. Потому он здесь говорит, что не имеет смысла последний чин именовать серафимами или престолами. И заметь, почему все чины называются ангелами.

Чин же небесных умовь послѣдный не имуть слова начела, или прѣстоле, или серафиме именовати, ниже бо есть вь причестии прѣвышьшиихь силь. Нь якоже сьи иже у нас божествьные прьвосвященникы[4] вьзводить кь вѣдомыимь ему богоначелия лучамь, сице и иже прѣжьдныихь того сущьствьв всесвещенные силы вьзводителныи кь божествному суть сьврьшителнаго[5] аггельскому свещенноначелию удобрения, — аще не еда кто и се речеть еже общая быти[6] всака аггельская именования по всѣхь небесныихь силь вь боговидное и от Бога свѣтодание мьншемь и прѣимущемь причещении. Нь да паче намь слово благосудно будеть, да видимь священнѣ яже вь Словесѣхь изьявленная святолѣпная свойствия[7] коегождо небеснааго удобрения.

[4] Яко истѣйше аггелы вьзводеть свещенныие чловѣкы на вѣдомыие имь божествные луче. **Инако.** Зрителныихь таиьствь си испльнивсе свещенный Дионусие, глаголе, яко убо послѣдни чинь, нарицаемый аггелы, иже вь чловѣцѣхь свещенноначелникы церковние пѣстунскы наставляють на вьзведение кь Богу, долнѣйши же чинь ть нашь пѣстунь и степенми прѣвыше лежимые горнѣйши яко мьншее тайнонаучавають.

[5] Сиречь послѣдняго аггельскаго глаголю. Сьй бо чинь сьврьшаеть долѣсьходителнѣ вса удобрения. Знаменай же, яко славить общаа быти всака именования деветих чиновь коемуждо чину, заеже общѣ осияватисе вь боговидное и вь свѣтодание от Бога, аще и не подобнѣ.

[6] Есть, глаголеть, общѣ именовати все разумние и бесплътные чины и по иномь образѣ, сирѣчь, по боговидномь, еже есть по кь Богу приближению, поелико мощно комуждо их. Тѣмже убо все прѣмирние чины боговиднѣхь нарицати; и ино же приобщение имѣти всѣмь тѣмь, еже свѣтлѣйшаго осияния от Бога дарование, аще и прѣма комуждо мощно — или мьнше, или вещьше — осияние даетсе. Вь иже же «О божествныих именех» словѣ рече, яко божествныи едини глаголютсе всакого чина чиноначелници.

[7] Знаменай же, како свойствия глаголеть яже коегождо чина мѣры.

ГЛАВА 6. ЧТО ПРЬВО НЕБЕСНЫИХЬ СУЩЬСТЬВЬ УДОБРЕНИЕ, ЧТО СРѢДНЕ, ЧТО ПОСЛѢДНЕ

1. Еликаа убо суть и какова прѣнебесныхь сущьствьв удобрения и како яже у нихь свещенноначелия сьврьшаютсе, единому извѣстнѣ вѣдѣти глаголю божествителному тѣхь Службоначелию (*рядом маргиналий*: божествителное Службоначелие Богоначелие глаголеть); кь симже и тѣмь разумѣти свое силы же и осияния и свое свещенное и прѣмирное благочиние. Немощно бо намь вѣдѣти[1] яже прѣнебесныих умовь таинствия и светѣйшая их сьврьшения, аще не, негли речеть кто, еликаа тѣми нась яко своя добрѣ вѣдущиими Богоначелие

[1] Яко единь Богь, иже и боготворей тѣх, вѣсть извѣстнѣ тѣхь же и тѣхь службы; и самы же вѣдеть себе и яже тѣхь. Мы бо ни едино извѣстнѣ еже вь тѣх вѣмы, развѣ еликаа от божествнаго научихомсе Писания.

Последний же чин небесных умов нет причины называть началами, или престолами, или серафимами, ибо он не причастен высочайшим силам. Но как он наших боговдохновенных иерархов[4] возводит к ведомым ему лучам Богоначалия, так и всесвященные силы превышающих его сущностей являются возводящими к божественному завершающее[5] ангельские иерархии устроение, — если только не скажет кто-нибудь и то, что наименование «ангелы» обще для всех[6] по причине меньшей или большей причастности всех небесных сил богообразию и от Бога даваемому свету. Но чтобы наше слово было более упорядоченным, священно рассмотрим явленные в Речениях подобающие священному особенности[7] каждого небесного устроения.

[4] ⟨Заметь⟩, что по сути дела ангелы возводят священных людей к ведомым им божественным лучам. **Иначе.** Этими с высшей степенью созерцания связанными таинствами исполненный, священный Дионисий обнаруживает своей речью, что последний ⟨небесный⟩ чин, называемый «ангелы», детоводительски руководствует у людей иерархами Церкви, возводя их к Богу, а сам нижайший чин, наш педагог, тайноводствуется находящимися выше, ступенчато ⟨над ним⟩ возвышающимися, как меньший.

[5] То есть, говорю я, последнее, ангельское. И заметь, что он считает, что все наименования — каждого чина из девяти чинов — общи потому, что те совместно, хотя и не одинаково, осияваются для богообразия даваемым Богом светом.

[6] Можно, говорит он, все разумные бестелесные чины совокупно наименовать и иным образом, то есть по богообразию, каковое представляет собой приближение к Богу, насколько каждому из них возможно. Так что все надмирные чины зовутся богообразными; и другое общее имеют они все — дар светлейшего осияния от Бога, хотя и в соответствии с возможностью каждого — или меньше, или больше — дается осияние. В сочинении же «О божественных именах» он говорит, что божественными называются только чиноначальники каждого порядка.

[7] Заметь, что особенностью каждого чина он называет его меру.

ГЛАВА 6. КАКОВ ПЕРВЫЙ ПОРЯДОК НЕБЕСНЫХ СУЩЕСТВ, КАКОВ СРЕДНИЙ И КАКОВ ПОСЛЕДНИЙ

1. В каком количестве и какие существуют порядки наднебесных существ и как действует их иерархии, точно знает, говорю я, одно обожествляющее их Совершенноначалие (*рядом маргиналий*: обожествляющим Совершенноначалием он называет Богоначалие); кроме того, и они сами знают свои силы, осияния и свое священное и надмирное благочиние. Нам же не по силам знать[1] мистерии наднебесных умов и их святейшие совершенства, — разве лишь, кто-то скажет, — настолько, насколько через них, как хорошо свое знающих,

[1] ⟨Заметь⟩, что один Бог, их боготворящий, знает точно их и их службы; и они сами знают себя и свое. Мы же ничего точно о них не знаем, разве лишь — насколько научились из божественного Писания.

научи. Прочее мы убо ничесоже самодвижнѣ рещи имами; елика же аггельскыихь видѣний от свещенныихь богослов'ць узрѣшесе, сия навикше, мы, яко мощни есмы, да изложимь.

2. Вса богословие небесная сущьствия деветь нарекло есть изьявителными именованми.* Сия божьствьный нашь свещеннослужитель[2] (*внизу на поле без какого-либо значка*: Свещеннослужителя глаголеть или светого Павла, или светого Иерофеа) вь три разлучаеть троичская удобрения.[3] И прьво быти глаголеть еже о Бозѣ сущьство присно и близь тому и прѣжде иных непосрѣдствьнѣ[4] сьединятисе прѣданное. Светѣйшие бо прѣстоле* и многоочите и многокрилате чинове, херувимь еврейскыим гласомь и серафимь именованна, по всѣхь прѣвьсходещемь приближении о Бозѣ непосрѣдствьнѣ присѣдѣти рече прѣдаватисе Словесним изьявлением. Троичьское убо се удобрение яко едино и вькупочиньнно и вьистину прьво свещенноначелие славный нашь рече наставникь, егоже нѣсть друго божествьнѣйшее и прьводѣлныими Богоначелия осиянми непосрѣдствьнѣ приближнѣйше. Второ же быти реже еже от властий и господстьвь и силь[5] сьврьшаемое, и третие послѣдныихь небесныихь свещенноначельстьвь, еже аггель же и архагглье и начель удобрение.

[2] Свещеннослужителя убо своего обыче нарицати или божествнѣйшаго апостола Павла, или светого Иерофея, якоже вь иже «О божествныихь именехь» словѣ речесе. Ниня же никого иного мню глаголати тому, развѣ светого Павла. Ниединого бо бѣ се иного развѣ того, иже даже до третияго небесе достигшаго и яже о сихь навикшаго.

[3] Прьво троичско се и боговидно чиноначелие есть сьмысльнѣ и достойнѣ Богу зрей разумѣти от Иезекиила, иже глаголеть прѣстоль прьвы, на немже явисе Богь, таже абие ближня херувимь;* от Исаие же светѣйши серафимь, окрѣсть стоеще Бога, зрѣхусе.* Сия же являють еже паче всѣхь горнѣйшее при Бозѣ ихь покоище. Изьявляют же се немаль сия подобнѣ и вь «Открьвении» светого Иоанна, апостола, еуаггелиста и богослова.*

[4] «Непосрѣдствнѣ» реченно бысть, понеже нѣсть иный чинь прѣжде того. Знаменай же, яко прѣстоле, рекше многоочитая и многоперната херувимь и серафимь, глаголеть горнѣйшаа быти всѣхь силь.

[5] Прочее же двѣ троичцѣ умных чинона[че]ли отдолѣ горѣ сьбираеть, прьва бо суть господствия, таже проче силы, также власты. Сь же власты прьвые вьчинивь, срѣдние приеть господствия. И третие служебныие троице прьваа начела, таче проче архаггелы, и послѣдни аггелы. Ниня же убо не сице тѣхь вьспомену, вь прочей главизнѣ, нь отдолѣ горѣ приемь именоваль есть. Апостоль убо вь еже «Кь Римляном»* и вь еже «Кь Ефесиом»* вьспоминаеть нѣкоторихь аггельскыихь чиновьь, не сьи же чинь сповѣдуеть. Являеть же великы Дионусие, яко вь тайнѣ сия прѣдасть святиимь божествный апостоль.

посвятило нас Богоначалие. Так что мы не скажем ничего сами от себя; но сколько было священными богословами увидено ангелов в видениях, это разузнав, мы, как можем, изложим.

2. Всего богословие назвало выявляющими именами девять небесных существ. Божественный наш священнослужитель[2] (*внизу на поле без какого-либо значка*: Священнослужителем он называет или святого Павла, или святого Иерофея) разделяет их на три троичных порядка.[3] И первый, говорит он, пребывает всегда около Бога, близок к Нему и прежде других, непосредственно,[4] согласно преданию, соединяется ⟨с Ним⟩. Ибо святейшие престолы и многоокие и многокрылые чины, именуемые на еврейском языке херувимами и серафимами, помещаются в превышающей всех близости, непосредственно около Бога, — передает, говорит он, изъявление священных Речений. Этот вот троичный порядок наш славный наставник называл единой равночинной и воистину первой иерархией, божественней которой и более близкой к первичным осияниям Богоначалия нет. Второй, говорит он, составляют власти, господства и силы,[5] а третий, ⟨состоящий⟩ из последних ⟨чинов среди⟩ небесных иерархий, — порядок ангелов, архангелов и начал.

---

[2] Своим священносовершителем он обычно называет или божественнейшего апостола Павла, или святого Иерофея, как сказано в сочинении «О божественных именах». Ныне же ни о ком ином, мне кажется, он говорит, как о святом Павле. Никого другого ведь не было, кроме него, кто достигал бы даже до третьего неба и узнал бы о таковых.

[3] Об этом первом троичном богообразном чиноначалии осмысленно и достойно Бога исследующий может узнать у Иезекииля, каковой первенствующим называет престол, на котором явился ⟨ему⟩ Бог, а сразу под ним, поблизости — божественные херувимы; Исайе же видятся святейшие серафимы, стоящие вокруг Бога. Это обнаруживает их высочайший, сравнительно со всеми, жребий. Предстает это почти так же и в Откровении святого Иоанна, апостола, евангелиста и богослова.

[4] «Непосредственно» сказано потому, что иного чина перед ним нет. И заметь, что престолы, а также многоокие и многокрылые херувимы и серафимы выше, говорит он, всех сил.

[5] Следующие далее два троичных святых чиноначалия умопостигаемых ⟨сил⟩ он перечисляет снизу вверх, ибо первыми являются господства, затем следуют силы и далее власти. А он, первыми поставив власти, средними сделал господства. И в третьей служебной триаде первые суть начала, затем следуют архангелы, и последние — ангелы. А он тут, в следующей главе, не так их упомянул, но назвал, перечисляя снизу вверх. А ведь апостол в ⟨Посланиях⟩ «К Римлянам» и «К Ефесянам» упоминает некоторые ангельские порядки, но этот чин не приводит. Великий же Дионисий разъясняет, что втайне это передал святым божественный апостол.

ГЛАВА 7. О СЕРАФИМѢХЬ, И ХЕРУВИМѢХЬ, И ПРѢСТОЛѢХЬ, И О ПРЬВОМ, ИХЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ[1]

1. Сьй мы и приемлюще[2] светиихь священноначельствьв чинь, глаголемь, яко всако небесныихь умовь именование сказание имать коегождо богоданнаго свойства.[3] И светое убо серафимь именование рѣше иже яже евреи вѣдуще или еже «пожигателе» изьявляти, или еже «сьгревателие», а еже херувимь — «множьство разума», или «излитие прѣмудрости».

Вьлѣпоту убо прьвое небесныихь священноначельствьв от прѣвышьшиихь сущьствьв священнодѣйствуетсе, чинь имѣе всѣхь высочайши,[4] еже о Бозѣ непосрѣдствнѣ присѣдѣти и прьводѣлная богоявления и сьврьшения вь ть яко приближнѣ начелничствнѣ сьходити. «Сьгрѣвателие» убо именуютсе и прѣстолы и «излитие прѣмудрости» изьявителныимь боговидныихь ихь имьствьв именемь.[5] Иже бо приснодвижное быти[6] убо ихь о божествныихь и непрѣстаемое и еже топлое и скорое и прѣгорещее всѣхь приближнаго и неисходьннаго и неуклоннаго приснодвижения и еже иже мьншиихь вьзводителнѣ и силнѣ уподобителное яко вьстопляе она и вьзгарае на подобную топлоту и еже палителнѣ и всесьжигателнѣ чистителное, и неприкривателно и неугашаемо имѣе такожде присно свѣтовидно и просвѣщателно свойство всакого несвѣт-

---

[1] Паки надьписание отдолѣ на высочайшая вьсходить, третии бо серафимь, втори херувимь, и прьви прѣстолы. Супротивь обратнѣ убо надьписа.

[2] «Приемлюще» глаголеть, рекше «любеще» или «о сем усрьдствующе».

[3] Знаменай, яко всако име разумныих знамений обьемлеть чину свойствнаго дѣйствия, якоже светыихь серафимь и херувимь сказания именьь являють.

[4] *Без какого-либо знака, указывающего место, к которому относится маргиналий, на поле рядом начинается следующая, частично утраченная, запись*: Прьвое небесных священноначельствьв, рекше служьбьнство, или стояние, или чинь пакы от тѣх прьвый и прѣвышьших сушьствьв от серафимь и херувимь и прѣстоль священнодѣствуетсе.

[5] Понеже боговидное имьство глаголеть при божестьвныихь умовехь, не подобаеть непщевати великаго Дионусиа добродѣтели сие умние яко случай, заеже и вь нас тѣмь прибывати глаголати, яко ино вь иномь подлежещемь, рекше качьство прибывшее. Случай бо и подлежимо отонудь отврьженное есть, яко и всако сложение и вещи безьобразное отонудь изврьженно есть. Аще бо бѣ ино вь иномь, сирѣчь случай вь подлежещемь, не бы убо живо было по себѣ существо оно, ни же обожатисе по себѣ якоже мощно можаше единаго ради чина, яко ино вь иномь сьхраняемо. Яже убо сихь реченьния имьства самоосуществленна суть, не убо яко случай вь подлежещем, невеществнаго ради. Сего ради великы Дионусий долѣ, вь иже «О церковномь священноначелии» словѣ, вь главизнѣ четврьтой, осуществленнаа быти глаголеть имьствия яже вь них.

[6] Знаменай, яко божествныие силы по имьству имуть боговидное. Имьство же есть качьство прѣбывателно. Отсуду убо являетсе, яко самовластьны суть, вь имьствѣ добродѣтели имуще. Се пространѣше прѣдставляеть Аммонь Андрианополскы* вь иже «О вьскрьсени» от того на Оригена* писанныих словѣх.

ГЛАВА 7. О СЕРАФИМАХ, ХЕРУВИМАХ, ПРЕСТОЛАХ И О ПЕРВОЙ, ИХ ИЕРАРХИИ[1]

1. Таким воспринимая[2] порядок святых иерархий, мы говорим, что всякое наименование небесных умов содержит указание на Богом данную особенность каждого.[3] И святое имя серафимов, говорят сведущие в еврейском, означает «пожигатели», или «разогреватели», а херувимов — «множество знания», или «излитие премудрости».

Справедливо, стало быть, первая из небесных иерархий священно осуществляется высочайшими существами,[4] имеющими более, чем все, высокий чин, ибо она находится непосредственно около Бога, и начинающие действовать богоявления и свершения сначала сходят в нее, как ближайшую. «Разогревателями» именуются они, престолами и «излитием премудрости», — именами, выявляющими их богообразные[5] свойства. Так, вечное движение[6] около божественного и непрестанность, жар, быстроту и кипучесть ⟨этого⟩ постоянного, неослабного и вечного движения; способность уподоблять себе, возвышая и поощряя, низших, как бы приводя их в состояние кипения и воспламеняя до подобного жара; очищать их подобно молнии и всепожигающему огню; особый, обладающий неприкрытостью и неугасимостью всегда одинаково световидный

---

[1] Заглавие, следуя обратному порядку, восходит снизу к более высокому, ибо серафимы — третьи, херувимы — вторые, а престолы — первые. Так что в обратном порядке он ⟨их⟩ записал.

[2] «Воспринимая» он говорит в смысле «одобряя» или «поддерживая его».

[3] Заметь, что всякое наименование священных *чинов* содержит указания на свойственную чину деятельность, как показывают толкования имен святых серафимов и херувимов.

[4] *Без какого-либо знака, указывающего место, к которому относится маргиналий, на поле рядом начинается следующая, частично утраченная, запись:* Первая из небесных иерархий, то есть служба, или положение, или чин, священно осуществляется опять же этими первыми и высочайшими существами — серафимами, херувимами и престолами.

[5] Поскольку он говорит о богообразных свойствах применительно к божественным умам, не следует полагать, будто великий Дионисий утверждает, что эти умопостигаемые достоинства присоединяются ⟨к ним⟩ в виде случайных, как бывает у нас, — как ⟨нечто⟩ иное к иной основе, как бы присоединенное качество. Ибо ⟨понятия⟩ «случайное свойство» и «основа» здесь недопустимы, так как всякое соединение и бесформенность материи оттуда исключаются. Ведь если бы ⟨это⟩ было иное в ином, то есть случайное свойство, ⟨присоединенное⟩ к основе, то это существо не жило бы само по себе и не могло бы обоживаться, насколько это возможно, само по себе, только благодаря чину, сохраняемому как иное в ином. Стало быть, названные свойства в них самоосуществляемы, а не ⟨присоединены⟩ как ⟨нечто⟩ случайное к основе, по причине нематериальности. Почему великий Дионисий — ниже, в трактате «О церковной иерархии», в главе четвертой — и говорит, что свойства в них субстанциальны.

[6] Заметь, что божественные силы как свойство имеют боговидность. Свойство же есть качество постоянное. А отсюда делается ясным, что обладающие достоинствами как свойствами самовластны. Это более пространно представляет Аммон Адрианопольский в словах «О воскресении», написанных им против Оригена.

лаго тмотворения отгонително суще и потрѣбително серафимь именование изьявителнѣ учить. Херувимьское же еже разумно быти ихь и боговидное, и еже прѣвышшаго свѣтодания приетное и зрителное вь прьводѣлной силѣ богоначелнаго благолѣпия, и прѣмудротворнаго прѣподания испльненное, и причестное обилнѣ кь вторимь излитиемь дарованные прѣмудрости. А еже прѣвысокыих и прѣвьзетиихь прѣстоль[7] еже всакого несмѣснѣ изетисе долѣшьствнааго смѣрения и еже вьздвигателнѣ прѣмирнѣ горѣносное[8] и всакого послѣдьнства неклонителнѣ горѣприсвоенное и о иже вьистину Вышнемь всѣми силами неколѣбателнѣ и благостоинѣ присѣдимое и богоначелнаго нашьствия вь бестрасти всачьсцѣмь и невеществи приетное, и еже богоносное[9] и богоугоднѣ на божьствьная подьетия вьзлѣтаемо.

2. Сие убо еже имень ихь яко по нас изьявление. Рещи же достойно есть, кое священноначелие ихь непщуемь. Всакого бо убо священноначелия мыслы богоподражателнаго боговидѣния прилежателно и неклонителнѣ быти, и еже раздѣлятисе всакому священноначелничскому строению вь причестие[10] священно и прѣподание[11] чищения несмѣснаго и божьствнаго свѣта, и служьбьнствьнаго художьства доволно уже от нас рещисе непщую. Ниня же достойнѣ рещи молюсе прѣвышьшиихь умовь, како еже вь тѣхь священноначелие Словесы изьявляетсе.

Прьвыимь[12] существомь, иже по существотворномь ихь Богоначелии присѣдеща и якоже вь прѣддвьрии того вьчиненьна, всакыие суть невидимые

[7] ***Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится***: Прѣвысокыих прѣстоль именование учить еже быти им изетим всакого долѣноснаго смѣрения и прочаа, яже глаголютсе тѣм имѣти я.

[8] Горнѣйше естьство и по Бозѣ от Того вьчиненное являеть прѣстоле ничтоже на тимѣнная вьнимающиим, якоже назнаменуеть еже ничесоже тѣмь имѣти долѣшьствнаго смѣрения, нь еже кь Богу вьсходное, горѣноснѣ вьнемлюще. Добрѣ же приведе «прѣмирнѣ», рекше бесплътнѣ и невеществьнѣ и умнѣ, рекле мысльнѣ. Да не убо вьзнепщуеши еже «вьздвизателное» путь быти телесны, приведе еже «невеществнѣ».

[9] Знаменай, яко и иже святыхь прѣстоль чинь богоносьнь рече, яко носе [*зачеркнуто красными чернилами*: на томь] почиваемаго мысльнѣ Бога. Зри убо, понеже и блаженный Василие Кападокийский* богоносную рече плоть, смотрити достоить, како рече. Нь убо пльть самого Господа по сьставу сьединисе самому Богу Слову, сего ради и еже пльть носити ть глаголетсе от отецьь и пльть облѣщи. Что убо безмѣстнѣ, аще и пльть тогова глаголетсе богоноснаа, яко носещи Бога Слова по сьединении нерастоятелномь, тогова пльть и глаголемаа и бывши истѣйше и поистинѣ? Си же, по благодати имуще вь себѣ Бога, неизреченныим словомь и недомысльною мыслию, богоносны и си сего ради глаголютсе.

[10] Яко прьвѣе причествують прьвие силы Богу, и тако прѣподають мьншимь бывшее вь них осияние.

[11] Яко всакого мьчтания вещнаго неприетны суть и непримѣсни всакому снижению.

[12] Сице сьбирай се: «Прьвыим существом свое непщевати достоить быти им и по всем подобовидно священноначелие, иже по сущьствотворном их Богоначели присѣдещая, и яко вь прѣддвьри того вьчиненнаа, всакие видимие и невидимие бывшее силы суть прѣвьзьшьдшаа».

и просвещающий образ, способный изгнать и истребить всякое темное порождение мрака, — ⟨все это⟩ выявляя, обнаруживает наименование серафимов. Херувимов же — их разумность и боговидность, способность воспринимать высочайшее светодаяние и созерцать в первозданной силе благолепие Богоначалия, преисполняться умудряющего преподания и обильно приобщать вторичных к излитию дарованной премудрости. А высочайших и превознесенных престолов[7] — беспримесную изъятость по отношению ко всякой до ног сниженности и устремленность надмирно к верху;[8] немятежное пребывание за всяким пределом; никакими силами незыблемую прочную утвержденность около подлинно Наивысшего; приятие в полном бесстрастии и невещественности посещения Богоначалия и богоносное[9] и богоугодное возлетание на божественные пиры.

2. Таково наше разъяснение их имен. А теперь следует сказать, какой мы представляем себе их иерархию. Что цель всякой иерархии неразрывно связана с богоподражательным богообразием и весь труд иерархии делится на священное причастие[10] беспримесному очищению, божественному свету, искусству совершенствования и на преподание[11] ⟨этого другим⟩, нами уже достаточно, я полагаю, было сказано. Ныне же молюсь, чтобы достойным высочайших умов образом рассказать, как их иерархия выявляется Речениями.

У первых[12] сущностей, пребывающих ⟨непосредственно⟩ за осуществляющим их Богоначалием, как бы в преддверии Его поставленных, превосходя-

[7] ***Толкование на нижнем поле без какого-либо значка-указания, к какому месту текста оно относится:*** Наименование превысоких престолов показывает, что они не причастны ни к какой подножной сниженности; ⟨заметь⟩ и прочее, о чем говорится, что они имеют.

[8] Некоей высочайшей природой, учрежденной при Боге, сразу под Ним, он являет престолы, не соприкасающиеся ни с чем материальным, как показывает то, что они не имеют никакой «до ног сниженности», но ⟨обладают⟩ восходящей к Богу, обращенной вверх устремленностью. Он хорошо добавил «надмирно», — вместо бесплотно, невещественно и умопостигаемо, или же умственно. А чтобы ты не счел, что «к верху» означает телесный путь, он добавил «невещественно».

[9] Заметь, что и чин святых престолов он назвал богоносным, — как носящий умопостигаемо покоящегося Бога. Обрати ⟨на это⟩ внимание: поскольку блаженный Василий Каппадокийский назвал богоносной плоть, надо рассмотреть, почему так сказано. Но ведь плоть Самого Господа была по существу и по ипостаси соединена с Самим Богом-Словом, почему и говорят отцы, что Он носит плоть и облекся во плоть. Что же странного, если и плоть Его называется богоносной как носящая Бога-Слово в нерасторжимом соединении, Его плотью и называясь, и являясь по праву и по истине? А они, ⟨престолы⟩, по благодати имеющие в себе Бога невыразимым для слова и непредставимым для мысли образом, — богоносными и они по этой причине называются.

[10] ⟨Заметь⟩, что первыми первые силы причаствуют Богу и затем они передают меньшим происшедшее в них осияние.

[11] ⟨Заметь⟩, что они невосприимчивы для всяких связанных с материей мечтаний и беспримесны по отношению ко всякому снижению.

[12] Так составь это ⟨предложение⟩: «У первых сущностей, надо полагать, есть своя собственная во всем единообразная с ними иерархия, располагающаяся ⟨сразу⟩ за осуществляющим их Богоначалием и как бы в преддверии Его поставленная, и они превосходят всякую невидимую и видимую возникшую силу».

и видимые прѣвьзьшьдшеи бывшее силы, свое непщевати достоить быти и по всемь подобовидно священноначелие. Чиста убо та достоить непщевати[13] не яко несвещенныихь скврьнь и гнусоть свободьннаа, ни же яко тименныихь неприетна мьчтаний, нь яко всакого сьнижения несмѣснѣ высочайшая, и всакого мьншего свещения по прѣвышьшой чистотѣ всѣх боговидныихь силь прьвосѣдателнаа, и своего приснодвижнаго и самодвижнаго[14] по боголюбьзнаго непрѣложению чина неклонителнѣ зѣло дрьжещаасе, и еже на хуждьшая по нѣчесомь умьнение отнудь невѣдущаа, нь непадаемо присно и непрѣдвижимо имущаа своего боговиднаго свойства несмѣсное присѣдание. Зрителнаа[15] же пакы не яко чювствьныих знаменый или умниихь видителие,[16] ни же яко различиемь священнописаничскаго видѣния на божьствное вьзводимая, нь яко всакого невеществьнаго разума высочайшимь свѣтомь испльненнаа и добротворные и начелные доброты прѣсущьствнаго и триспѣтнаго зрѣния, яко лѣпо, насыщеннаа, Исусова же приобщения[17] такожде удостоеннаа не вь образѣхь священнозданныихь зрачнѣ вьображающиихь боганазданое уподобление,[18] нь яко вьистину тому приближаемаа вь прьвѣмь причестии разума богодѣлныихь Его свѣть, и убо яко еже богоподражателное тѣмь прѣвысочайше дарованно бысть и приобщаютсе по еже тѣмь мощно вь прьводѣлнѣй силѣ[19] богодѣйствьныимь Его и чловѣколюбнымь

[13] Яко не тькмо божественые силы саме скврьнь и гнусоть свободны суть, нь и всакого мьчтания вещьнаго неприетны суть, и непримѣсни всакого умьнения, и еже на хуждьше умьнение никакоже вѣдуще. Сие же разумѣй не яко по естеству непрѣложни суть, нь, самопроизволны суще, ради еже на благое зѣлнаго желания вь благое уклоншесе, прѣбыше сице, имьство якоже имуще еже непрѣдвижимо. Единь бо по естествѣ непрѣложьнь Богь, сие же аще сице сьдѣланни быше, не би убо испаднуль диаволь. Нь и сии все единаго и равнаго чина. Еже бо от естества благое умьнения не имать.

[14] Самодвижение глаголеть светы сьь быти движение ихь, — яко неизмѣнно и непрѣложно такожде же имущее. Движениия же суть при тѣхь яже непрѣстаннаа вьразумѣвания дѣйствия, умове бо суть немльчныи. И знаменай еже «по боголюбьзномь непрѣложное», и прочти четверьтоу главизну иже «О божествныихь именехь» слова и 8 главу настоещаго слова.

[15] Знаменай, како глаголютсе зрителни светы чинове си и яко не знаменми или видѣнми Писания богоразумие имуть, якоже мыи.

[16] Зрителие глаголютсе иже таинь видителие. Сия же светыим знаменателнѣ глаголемими о Бозѣ чювствьными откриваютсе, еже при горныихь силахь нѣсть разумѣти. Знаменай же реченное «трисвѣтлое видѣние» вьмѣсто «трисьставно светое Божество».

[17] Исусово же приобщение причестие славы и неизреченние свѣтлости тѣла Христова глаголеть, сь пльтию бо сьсѣдить Отцу.

[18] Знаменай же, яко еже кь Господу Исусу уподобление богоздателно есть, сирѣчь сьдѣлуеть богы уподобляемие, — и како непосрѣдьствнѣ и кромѣ знамени чины си уподобляютсе Христу, от того се приимшеи.

[19] Знаменай, яко и прьвозданны суть силы сие и добродѣтели Господа Исуса Христа яко силы сие имуть.

щих всякую невидимую и видимую возникшую силу, есть, надо полагать, своя по всему однородная иерархия. Чистыми их надо считать[13] не как свободных от несовместимых со священным скверн и гнусностей, ни как невосприимчивых для связанных с материей мечтаний, но как беспримесно высших всякого снижения, и надо всем нижележащим священным по высочайшей чистоте всеми богообразнейшими силами превознесенных, и — как неизменно придерживающихся своего вечно и тождественно в неизменности боголюбия движущегося[14] чина, и в чем-либо умаления, ведущего к ухудшению, совершенно не знающих, но всегда имеющих чистейшую обитель своей богообразной особенности устойчивой и неподвижной. Созерцающими[15] также ⟨их надо считать⟩ не потому, что они — созерцатели[16] доступных чувствам или уму символов или восходят к божественному благодаря пестроте созерцаемого Священнописания, но потому, что они наполнены превышающим всякое невещественное знание светом и преисполнены, насколько ⟨это⟩ дозволено, сверхсущественным трисветлым созерцанием творящей прекрасное изначальной Красоты; и — как удостоенных приобщения Иисусу[17] точно так же не через посредство священно-созданных образов, зримо запечатлевающих ⟨Его⟩ теургическое подобие,[18] но как воистину приближающихся к Нему в первой причастности знанию Его теургических светов; и потому — что возможность богоподражания дарована им в высшей степени, и они приобщаются, насколько это для них возможно, в первозданной силе[19] достоинств Его теургии и человеколюбия. И совершенны-

[13] ⟨Заметь⟩, что божественные силы не только сами свободны от скверн и гнусностей, но и невосприимчивы для всякого связанного с материей мечтания, беспримесны для всякого ущерба и совершенно не знают никакого ухудшающего умаления. Понимай это так, что они не по природе неизменны, но, будучи свободны в выборе, по причине горячего желания блага склонившись к Благу, остались такими, и неизменность стала как бы их свойством. По природе ведь один Бог неизменен, будь они так сотворены, не отпал бы дьявол. Но и они все принадлежат одному равному чину. Ведь то, что по природе благо, умаления не имеет.

[14] Тождественным называет этот святой их движение как неизменное и неуклонное, одинаково происходящее. Движение же у них — это деятельность уразумения, ибо они суть умы неумолчные. Отметь и выражение «в неизменности боголюбия» и прочти четвертую главу книги «О божественных именах» и восьмую главу настоящего трактата.

[15] Заметь, почему эти святые чины называются созерцающими и что не через символы или образы Писания обретают они боговедение, в отличие от нас.

[16] Созерцателями (*теорами*) называются наблюдатели (*эпопты*) таинств. Святым же это открывается с помощью того, что говорится о Боге в доступных чувствам формах символически, что невозможно помыслить применительно к высшим силам. И заметь, что «трисветлое созерцание» сказано вместо «триипостасная единая божественность».

[17] Приобщением Иисусу он называет причастность славе и неизреченному сиянию тела Христова, ибо Он с плотью совосседает с Отцом.

[18] Заметь, что уподобление Господу Иисусу теургично, т. е. делает уподобляющихся богами, так как эти чины непосредственно, минуя символы, уподобляются Христу, от Него это восприняв.

[19] Заметь, что эти силы первозданны и что эти ⟨небесные чины⟩ обладают достоинствами Господа Иисуса Христа как силами.

добродѣтелемь. Сьврьшеннаа же также не яко различия свещеннаго вь сказателномь художьствѣ сияющаа, нь яко прьваго и прѣвьсходимаго обожения испльненаа по прѣвысочайшемь яко аггелом богодѣйствь художствѣ. Не бо иными светыми существи, нь от самого Богоначелия прьвосвещенствуема[20] вь еже на то непосрѣдствнѣ вьспростиратисе всѣхь прѣвьсходещою силою и чиномь и вь всечистомь и по всемь неклонителном присѣдеще и кь невеществьному и умному благолѣпию, яко праведно, вь видѣние приводетсе и яже богодѣйстьвь художьствьная словеса[21] яко прьваа и о Бозѣ суща навицають от самого службоначелия прѣвысочайше свещеноначельствуема.[22]

3. Сие бо богословци явѣ сказують еже убо мьншиимь небесныихь существь добротамь от прѣвьзьшьдшиихь благодобротнѣ научаватисе[23] богодѣиныимь художьствамь, всѣхь же прѣвышьшиимь от самого Богоначелия, яко праведно, ученми осияватисе. Нѣкоторие бо убо ихь вьводеть от прьвыихь свещеннѣ навицающе, еже «Господа быти небесныимь силамь»* и «Цара славы»* иже на небеса чловѣколѣпнѣ вьзнесеннаго,[24] нѣкыие же кь самому Исусу недоумѣвающесе и еже о нась Тогова богодѣйствия[25] художьство навикнути желающе и тѣхь самому Исусу непосрѣдствьнѣ научавающу и прьводатнѣ тѣмь изьявляющу Свое чловѣколюбное благодѣйствие. «Азь бо, — рече, — глаголахь правду и судь спасения».*[26] Дивлю же се,[27] яко и яже прѣнебесныихь

[20] Знаменай, како глаголютсе сьврьшенны божествны чины си. Сказателное же различие художьство глаголеть изьяшнение и тлькование свещеннаго прѣдания, егоже трѣбують и мьнши чинове, якоже напрѣдь глаголеть, много же множае чловѣци. Кромѣ бо тльковании, сказающиихь многоразличную прѣмудрость светиих зрѣний, не мощно сия разумѣти ни же намь, ни же мьншиимь прьвыихь трехь чиновьь. Тѣмьже глаголеть, яко убо подвьшьдшиими чиновы коиждо прьвы свещенноначелствуеть тькмо и не инаа сила. Горнѣйшиих же сихь удобрений свещенноначелиемь Богь свещенноначельствуеть единь, и не инаа сила.

[21] Понеже бо всакыих горнѣйши суть и ничтоже имуть прѣвышьше, елико вь иных силахь, вьлѣпоту от Самого Бога единаго прьвы, яко горнѣйши, научаеми суть божественому разуму.

[22] *На поле рядом*: Священоначелствуема — сирѣчь тайно учима.

[23] Знаменай еже «научаватисе»: являет бо не по естествѣ быти имь таковыимь.

[24] Знаменай на василияне, рекше несторияне,* — яко вьзнесисе по еже чловѣкь Христос Исус Ть есть Господь умныих всѣхь и Царь славы, яко учими навицають от глаголющиихь: «Вьзмете, врата, кнезы ваши»,* — и вьпрашающе: «Кто есть сь Царь славы?», — и пакы слышеще: «Господь силамь»,* — и прочая. На безглавние же и евтихиане,* яко аще и Господь силамь, нь убо пльть и явлень чловѣкь, яко и кь странному удивлятисе прочиимь начеломь.

[25] Добрѣ богодѣйствие нарече еже о нась сьмотрение. Божия бо бѣху яко вьистину дѣла вса, яже вь сьмотрени Господни: рожьдство светое, исцѣления, яже при страстехь знамения и вьскрьсение.

[26] А еже «Азь бо глаголахь правду и судь спасения» Исайи суть, и зри, како сия разумѣ.

[27] Речение сице сложи: «Дивлюсе, како прьваа существь прѣнебесныихь, яко срѣдняа, богоначелныихь осияний желають». «Посрѣдѣвьскриляемаа» же рече яко не кь крайнее высотѣ вьзлѣтаемаа, нь срѣды касающасе разумѣний. «Недоумѣвати же се» назнаменуеть еже глаголати: «Кто сьи приходей от Едома?»*

ми, равным образом, — не как осиянных искусством понимания священной пестроты, но как первыми и преимущественно исполнившихся обожения сообразно превысочайшему доступному ангелам знанию богодеяний. Ибо не через другие святые существа, но самим Богоначалием первосвященствуемые,[20] непосредственно к Нему устремляясь все превосходящими силой и чином, в пречистом и совершенно незыблемом ⟨положении⟩ они утверждаются, и к созерцанию невещественного умопостигаемого благолепия в меру дозволенного привлекаются, и в художественные логосы богодеяний[21] как первые и около Бога находящиеся посвящаются, самим Совершенноначалием превысочайше священноначальствуемые.[22]

3. Итак, — богословы ясно это показывают — нижние порядки небесных существ дисциплинированно научаются[23] теургическим знаниям от высших, а находящиеся выше всех осияваются, в меру дозволенного, посвящениями от самого Богоначалия. Некоторых из них представляют как священно посвящаемых первыми в то, что Вознесенный на небеса в человеческом виде[24] есть «Господь небесных сил» и «Царь славы», некоторых же — как Самого Иисуса вопрошающих и желающих изучить искусство ⟨совершенного⟩ ради нас Его богодеяния[25] и Самим Иисусом непосредственно ⟨в это⟩ посвящаемых и первыми получающих разъяснения Его человеколюбивого благодеяния. «Я, — говорит Он, — говорю правду и суд спасения».[26] Но я удивляюсь,[27] что и первые из

---

[20] Заметь, почему называются совершенными эти божественные силы. Искусством же разбираться в пестроте он называет изъяснение и истолкование священного предания, в чем нуждаются и меньшие чины, как он впереди говорит, и гораздо более люди. Ибо помимо толкований, толкующих многопеструю премудрость святых умозрений, невозможно их понять ни нам, ни меньшим — первых трех чинов. Почему он и говорит, что подчиненными чинами священноначальствует только каждый первый ⟨чин⟩, а не ⟨какая-то⟩ иная сила. А высочайших этих порядков иерархией священноначальствует один Бог, а не ⟨какая-то⟩ иная сила.

[21] Поскольку ведь они выше всех и ничего из того, что относится к другим силам, их не превосходит, естественно, что они от Самого Бога единого как высшие первыми научаются божественному знанию.

[22] *На поле рядом:* Священноначальствуемые — то есть тайно учимые.

[23] Заметь это «научаются»: оно показывает, что не по природе они таковы.

[24] Заметь, что — вопреки василианам или несторианам, — вознесшийся как человек Христос Иисус есть Сам Господь всех умопостигаемых сил и Царь славы, как посвящаемые узнают от говорящих: «Поднимите, врата, верхи ваши», — и спрашивают: «Кто сей Царь славы?», — и вновь слышат: «Господь сил», и так далее. Против акефалов же и евтихиан — то, что хотя Он и Господь сил, но и плоть и явный человек, чему как странному удивляются прочие начала.

[25] Хорошо он назвал богодеянием промысел о нас. Ибо поистине Божьи все деяния промысла Господня: святое Рождество, исцеления, знамения при Страстях и Воскресение.

[26] Слова «Я говорю правду и суд спасения» принадлежат Исайе, и смотри как он их понял.

[27] Фразу составь так: «Я удивляюсь тому, что первые из наднебесных существ, словно средние, богоначальных осияний желают». «Парящими в середине» он назвал их, поскольку не до предельной высоты они взлетают, но касаются только середины разумений. «Недоумевают» же означает — говорят: «Кто это идет от Эдома?»

существьв прьваа и толико всѣхь прѣвьсходеща богоначелных осияний яко посрѣдѣвьскриляема[28] благоговѣйнѣ желають. И бо не Самого Бога вьпрашають.[29] «Почто ти оброщенны суть ризи?»,* — кь самѣм же недоумѣваютсе прьвѣе, показающе убо, яко навикнути желающе и богодѣйствьнааго разума желають, не прѣдваряюще же иже по божествномь прошьствии даемаго осияния. Прочее убо прьво небесныихь умовь свещенноначелие от самого Службоначелия прьвосвещенствуемо вь еже на то непосрѣдствьнѣ простиратисе всесветѣйшаго очищения, неприступнаго свѣта, прѣждесьврьшения сьврьшенодѣйствия по мѣрѣ се испльняемо очищаетсе и просвѣщаетсе[30] и сьврьшеннодѣйствуетсе всакого убо сьнижения несмѣсно, прьваго же свѣта испльнено и прьводатнаго разума и художьства причестникь наврьшаемо.

Сьвькупив же и се да реку убо не нелѣпостнѣ, яко и чищение[31] есть и просвѣщение и сьврьшение еже богоначелнаго художьства причещение, неразумия убо рекше очища по чину даемыимь разумомь сьврьшенныихь навиченый, просвѣщае же собою божествьныимь разумомь, егоже ради очищаеть яже не прьвѣе узрѣнна елика ниня изьявляютсе высочайшаго ради осияния и сьврьшае пакы тѣмьжде свѣтом еже по имьству художьствомь свѣтлѣйшиих вичений.

4. Сие убо есть яко по моемь художьствѣ прьвое небесныихь существь удобрение еже «окрьсть Бога»*[32] и при Бозѣ непосрѣдствьнѣ стоей и

[28] *На поле рядом частично срезанная запись*: «Посрѣдѣвьскриляемаа», рекше не велми продрьзавающе сами на увѣдѣние, ни же пакы небрѣгуще о томь, нь благоговѣйнѣ желающе.

[29] Зри, сь колицѣмь страхомь и благоговѣнием всѣхь высочайши чины яко срѣдны, а не прьвы вьпрашають другь друга прьво яже вь Исайи: «Кто сьи, приходей изь Едома, оброщеним ризамь его от Восора»,* — и тогда якоже повелѣваемы от Бога кь Нему глаголють: «Почто Ти оброщенны суть рызи?»

[30] Знаменай же, како глаголеть очищатисе, и просвѣщатисе, и сьврьшеннодѣйствоватисе божественныимь чиномь.

[31] Знаменай, что чищение при умовѣхь и что неразумие. По имьству художьство есть прѣбывателно и неотьемлемо осияваемаго разума постижение.

[32] Понеже и стоещая, и окрьсть Бога ликуюшая непосрѣдствнѣ прьвая сия чиноначелия глаголеть, достоить изьявити, како и стоить, и движутсе, якоже вь лику окрьсть Бога. И убо от Исайе узрокь приеть, иже глаголеть: «И серафимь стояху окрьсть Его, шесть криль единому» и прочая; наводит же: «И двѣма лѣтѣху».* Како бо стоещаа летѣху окресть? И да разумѣетсе сице. Всакый умь, от всѣхь виновнаго Бога вьсиявь, понеже от Сьдѣтелствовшаго и вьсия, глаголете о Том якоже о сроцѣ двизатисе, движению не мѣстному нѣкому сущу, нь разумному и живому. Есть же окружно ума движение таково. Все еже разумѣвaей или умь сый разумѣваеть, или яко причествуе ума. Иже убо умь сый прьвѣе разумѣваеть, а еже причествуе уму вторѣ разумѣваеть. По семь убо, по еже умь сый разумѣваеть, двизатисе глаголетсе убо. Окружное же умышляетсе движение сие, по еже вьзвращаесе и вь себѣ бывае сице, себе разумѣти имать и иже прѣжде того, от Негоже вьсия, яко убо от Бога вьсхотѣвшаго произложень бывь; о том, вьмѣсто о Божиемь желани и любвы, якоже о сроцѣ, будеть. Не бо сьединяютсе вторая прѣжьдныимь ихь, нь ликованию нѣкоторому бываемо уподобисе. Раждаема бо быти вь своем желающа отродь Родившаго

наднебесных существ, столь всех превосходящие, благоговейно желают богоначальных осияний, словно парящие в середине.[28] Не Самого ведь Бога спрашивают[29] они: «Почему багряны ризы Твои?», — но прежде недоумевают про себя, показывая, что хотят они ⟨это⟩ понять и жаждут теургического знания, но не предваряют даваемого при божественном выступлении осияния. Таким образом, первая иерархия небесных умов, самим Совершенноначалием первосвященствуемая, к Нему непосредственно простираясь, всесвятейшим очищением, непреступным светом, просовершенной совершенствующей энергией соразмерно себе исполняясь, очищается, просвещается[30] и совершенствуется, для всякого снижения беспримесная, первым светом исполненная и причастная *им* первым данному знанию и искусству.

Подытоживая же, вот что я скажу, пожалуй, небезосновательно, — что причастность к искусству Богоначалия есть и очищение,[31] и просвещение, и совершенствование, так как она очищает от неразумия по чину даваемым знанием более совершенных посвящений, просвещает самим божественным знанием, посредством которого и очищает прежде не созерцавшего то, что теперь выявляется более высоким осиянием, и совершенствует опять тем же светом — освоенным художеством светлейших посвящений.

4. Таков, по моему пониманию, первый порядок небесных существ, «вокруг Бога»[32] и при Боге непосредственно стоящий и просто и непрестанно

---

[28] *На поле рядом частично срезанная запись:* «Парящие в середине», — то есть не очень рвущиеся сами к познанию, но и не пренебрегающие им, а благоговейно ⟨его⟩ желающие.

[29] Смотри, с каким страхом и благоговением высочайшие всех чины, словно средние, а не первые, спрашивают сначала друг у друга то, что у Исайи: «Кто это идет от Эдома, в багряных ризах от Восора?», — а затем, как бы поощряемые Богом, обращаются к Нему: «Почему багряны ризы Твои?»

[30] Заметь, как, говорит он, очищаются, просвещаются и совершенствуются божественные чины.

[31] Заметь, что такое очищение для умов и что неведение. Усвоенное искусство есть постоянное и неотчуждаемое владение полученным в осияни знанием.

[32] Поскольку он говорит, что эти первые чиноначалия и стоят, и ведут непосредственно вокруг Бога хоровод, надо пояснить, каким образом они и стоят, и движутся, словно в хороводе вокруг Бога. Сначала он взял за основу слова Исайи, который говорит: «И серафимы стояли вокруг Него, шесть крыл у одного» и далее; и добавляет: «И двумя летали». Как же, стоя, они летали вокруг? А понимать надо так. Всякий ум, воссияв от Виновника всего, Бога, поскольку он воссиял от Сотворившего, движется, говорят, вокруг Него, как вокруг центра, и движение ⟨это⟩ не какое-то пространственное, но умственное и жизненное. Круговое же движение ума таково. Все мыслящее мыслит, или будучи умом, или как причастное уму. Являющийся умом мыслит первично, а причастное уму мыслит вторично. Потому именно, что он, будучи умом, мыслит, и говорится, что он движется. Круговым же это движение представляется потому, что оно возвратное, и в себя, таким образом, возвращаясь, *ум* уразумеет себя и Того, Кто прежде него, от Кого он воссиял, поскольку Богом ведь, захотевшим *это*, он был произведен; вокруг Него, чтобы не сказать вокруг стремления и любви к Богу, он будет ⟨вращаться⟩ словно около центра. Не соединяются ведь вторые с теми, кто перед ними, и происходящее уподобляется некоему

простѣ и непрѣстаннѣ ликьствуе вь вѣчнѣмь Его разумѣ по прѣвысочайшемь яко вь аггелѣхь приснодвижнѣмь присѣдѣнии, многа убо и блаженная зре чистѣ видѣния, и простиими и непосрѣдствьныими зарами осияваемо, и божествные пище испльняемо,[33] многые убо приводатнымь излитиемь, единые же неразличнѣ и единотворнѣ богоначелничскааго гощения единствомь, многаго же приобьщения Божия и сьдѣйствия удостоенно еже кь Тому яко же мощно уподоблениемь добрынхь имьстьв же и дѣйстьвь, многая же божествныих прѣвьсходителнѣ вѣде и богоначелнаго художьства и разума вь причестии, поеже есть льза, бываемо. Сего ради и пѣния тогова богословие сущиимь на Земли прѣдало есть, вь ихже свещеннѣ является еже прѣвысочайшаго осияния прѣвьсходителное. Овы бо убо того чювьствьнѣ рещи, «яко глась водь многь»,* вьпиють: «Благословленна слава Господня от мѣста Его!»,* — овы же[34] многопѣтое и честнѣйшее вьзивають богословие: «Светь, светь, светь Господь Саваофь, испольнь вса земля славы Его!»* Сия же прѣвысочайшая прѣнебесных умовь пѣснословия уже убо вь иже «О божествныих пѣснехь»[35] якоже мощно изьявихом и речесе о сихь вь онѣхь яко по нась доволнѣ, от нихже вь вьспоменутие довлѣеть явити толико вь настоеще врѣме, яко богословныими художьствомь прьвое удобрение яко

зреть. Еже бо убо вь разумѣни кь прѣждьнимь того обращаемо окружнаго движения мысль вьводить. Понеже убо вьздѣ есть Богь, яже вьздѣ Тому сьпослѣдующая еже хотѣти присно Того разумѣвати, о сем радуютсе и ликують, якоже веселиемь. Глаголетсе убо умь вь себѣ быти и кь себѣ спѣшитисе. Еже убо вь себѣ есть и являеть бесмрьтие, стояние имать. По еже бо быти, еже есть бесмрьтнѣ быти, стояти разумѣваетсе; по еже же кь себѣ тьщатисе двизатисе, не хотѣ разлиятисе како вь извьняя его и вещная разумѣния. По убо самодвижьнь, не стоить, нь движитсе; по сущьствѣ же присно такожде имущемь стояние, нь не движение имать. Есть убо и по естьствѣ коемуждо умовьь устрьмление, еже кь Богу желание и еже о Немь, якоже о сроцѣ, окружное ликование, якоже круга о знамени, рекше о сроцѣ, от ниеже сьстависе. И бо и по естествной нужди коеждо сущиихь еже о Бозѣ ликуеть ликование, еже быти желае Виновнаго. Сице убо о всѣхь Цари вса суть и Его ради вса и Онь все добрыихь виновнь. А еже рече непосрѣдствнѣ прьвая о Бозѣ ликьствовати, яко не имуще нѣчто прѣжде тѣхь, являеть, яко втораа и третия, сирѣчь чювьствная, посрѣдствомь прѣжьдниихь о Бозѣ, якоже речесе, по мѣрѣ ликьствують.

33 Умная виды убо суть и свойствия бытий раздѣлныихь вь бесплътьнствѣ же, и еже мѣста не трѣбовати невещьствная суть, да вьмѣстѣтсе, якоже телеса вса. Идѣже бо тѣло, и мѣсто.

34 Како подобаеть разумѣти мѣсто при Бозѣ, Писанию вьздѣ глаголющу неопрѣдѣлно быти Божьство и еже «Небо прѣстоль Его, Земля же подножие ногама Его»,* и пакы: «Постави удолия мѣриломь и Землю грьстию»,* — и пакы: «Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли сьниду вь адь, ту еси».* Кое убо мѣсто Иезекииль умысли Богови? Глаголемь, яко мнещаясе нам неудомѣвателная Богь иже Того искущиимь от всего движения изьявляеть. Глаголеть бо божественое Писание: «Аще заповѣды Мое сьблюдеть кто, Азь и Отець приидева и обытѣль вь немь сьтворива».* Тѣмже убо и умние силы, и светиихь душе и всѣхь хранещиихь заповѣды, мѣсто наричутсе убо вьлѣпоту Божие и покоище. И индѣ глаголеть: «Почи Духь Мой на них».*

35 Знаменай, яко и друго сьписание ему есть: «О божествных пѣнияхь».

ведущий хоровод в вечном Его познании в высочайшей из ангельских постоянно движущейся обители; многие блаженные видения чисто созерцающий; простыми и неопосредованными вспышками осияваемый и божественной пищей исполняемый,[33] многой при первично даваемом излитии, единой же по неразнообразному и единотворящему единству богоначального угощения; многого общения с Богом и соделания удостоенный благодаря уподоблению Ему, насколько возможно, прекрасными свойствами и энергиями; многое из божественного превосходным образом познающий и оказывающийся, в меру дозволенного, причастным богоначальному искусству и знанию. Потому богословие и передало живущим на земле его гимны, в которых священно открывается превосходство его высочайшего осияния. Ибо одни его ⟨*чины*⟩ — воспользуемся доступным для чувств образом, — «как глас вод многих», вопиют: «Благословенна слава Господня от места Его»,[34] — другие же взывают то часто воспеваемое и высокочтимейшее богословие: «Свят, свят, свят, Господь Саваоф! Полна вся земля славы Его!» Но эти высочайшие гимнословия наднебесных умов мы раскрыли в меру возможного в ⟨сочинении⟩ «О божественных гимнах»,[35] и там

хороводу. Ведь рождаемое, посылаемое существовать на своем месте, внимательно смотрит на Родившего. Обращение же разумом к ему предшествующему, привносит представление о круговом движении. Поскольку же Бог везде, то везде последующие в вечном желании Его уразуметь, радуются Ему и окружают Его, будто веселясь, хороводом. Говорят ведь, что ум в себе пребывает и к себе спешит. А тот, кто пребывает в себе и обнаруживает бессмертие, имеет состояние покоя. Применительно к бытию быть бессмертным понимается ведь как пребывать в покое, а к самому себе спешить — двигаться, не желая как-либо рассеиваться во внешнем для него материальном. Поскольку он самодвижен, он не стоит, а движется; но, оставаясь по существу всегда тем же, пребывает в покое, а не в движении. Итак, существует и в природе каждого из умов ⟨*двоякое*⟩ движение — стремление к Богу и круговой вокруг Него, как вокруг центра, хоровод, — как бы круг вокруг точки, то есть центра, вокруг которого он образовался. И по природной ведь необходимости каждый из сущих водит вокруг Бога хоровод, бытием влекомый к Виновнику ⟨*бытия*⟩. Так все и существует вокруг всеобщего Царя, и благодаря Нему — все, и Он — причина всего прекрасного. А что он сказал, что первые ⟨небесные силы⟩ непосредственно вокруг Бога хороводят, как не имеющие перед собой ничего ⟨*иного*⟩, показывает, что вторые и третьи, то есть воспринимаемые чувствами, водят хороводы, как сказано, по своей мере, имея посредниками тех, кто ближе к Богу.

[33] Умопостигаемые виды суть и особенности различных существований в бесплотности, а нематериальное не нуждается в месте, чтобы поместиться, как все тела. А где тело, там и место.

[34] Как надо понимать «место» применительно к Богу, когда Писание повсюду говорит, что Божество беспредельно и что «Небо — престол Его, а земля — подножие ног Его», — и еще: «Поставил холмы весами и землю горстью», — и опять же: «Взойду ли на небо, Ты там; сойду ли во ад, и там Ты»? Какое же место Иезекииль придумал для Бога? Мы говорим, что мнящееся нам непостижимым Бог тем, кто всеми силами Его ищет, освещает. Говорит ведь божественное Писание: «Если заповеди Мои соблюдает кто, то Я и Отец придем и обитель у него сотворим». Так что и умопостигаемые силы, и души святых и всех хранящих заповеди могут воистину быть названы местом и покоищем Божиим. И еще где-то Он говорит: «Опочил Дух Мой на них».

[35] Заметь, что и другое сочинение у него есть: «О божественных гимнах».

лѣпо осияно бывше от прьвые богоначелныие Благости, сее яко благовидно священноначелие и сущиимь по немь проче прѣподасть, оно ськращеннѣ рещи сповѣдуе еже честному самому и прѣхвалному и всехвальному Богоначелию праведно благословнѣ быти от богоприетныихь яко мощно пѣтисе и вьспѣватисе умовьь[36] (сии бо суть яко боговидныи божественая «Мѣста» богоначелничскаго, якоже Словеса рѣше, «покоища»)[37] и уже яко Единица есть и Единая Трисьставнаа от прѣнебесныих сущьствьв даже до послѣдныихь земле посилающи благостныи свои на вса сущая промысль яко всакого существа прѣначелное Начело и Вина и всѣхь прѣсущьствьныихь неодрьжнымь обьетиемь[38] обьдрьжещи.

[36] Реченное яко: «Кый храмь сьзиждете Ми, глаголеть Господь, или кое мѣсто покоищу Моему?»* — являеть не глаголатисе о чювствномь нечесомь, нь о божьственыихь сихь умовѣхь. Или и сице: вьсхотѣ Богь назнаменати, яко не описанно есть Божество. И инако: яко вь самѣхь слышещихь не бѣ Богу мѣста покоищьнааго невѣрия ради ихь, якоже глаголеть вь Благовѣствияхь Господь: «Сынь же Чловѣчьский не имать, гдѣ главы подклонити».*

[37] Не тькмо, рече, Трисветое пѣние являеть и иже «от мѣста Его» Бога славословещи глась, еже прѣподаватисе и мьньшиимь чиномь разумѣвати и вьспѣвати Бога, нь и ино нѣчто назнаменуеть кь симь. Сие же являеть речение, глаголемо; и убо и едну и единицу трисьставнаго глаголемь быти Бога и промышляти всѣми от провыихь и даже до послѣдныихь земле, сьдрьжеща всѣхь неодрьжимѣ, сирѣчь не телесным сьдрьжеща, нь божественым промысломь прѣсущьствнѣ. А яко есть же една и единица, понеже и Евагрие непреподобный вь второй сьтници, вь главизнѣ третией, глаголеть се: «Ть есть убо единица, понеже Божьство просто и нераздѣлно есть. Сего ради единица, и единица бо, числьническы рещи, проста и несложна есть. Една же сего ради, понеже и кь себѣ сьединенна есть Светая Троица естьствнѣ, и сьединяеть всѣх иже Тою приближающихсе, по реченномь вь Благовѣствияхь: „Да будуть си едино, якоже и Мы едино есмы"».*

[38] «Неодрьжимое обьетие» глаголеть изетий всакого и несьвькупляемый кь сьдрьжимыимь промысль Божи и сьдрьжание.

ГЛАВА 8. О ГОСПОДСТВѢХ, И СИЛАХЬ, И ВЛАСТЕХ, И О СРѢДНЕМЬ, ИХЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИИ

1. Прѣити же достоить ниня намь на срѣднее небесныихь умовь удобрение,[1] господствия она прѣмирныими очесы якоже мощно видещиимь и яже вьистину силнаа видѣния божествныихь властий и силь. И бо коеждо[2]

[1] *На поле рядом:* срѣда троическаго чина
господствия — силы — власти.

[2] *На поле сбоку:* Яко именование их знаменает, что есть свойство их.

о них говорится, как нам кажется, довольно; достаточно, чтобы напомнить, сказать из этого в настоящее время только то, что первый порядок, как следует осиянный богословским знанием от ⟨самой⟩ богоначальной Благости, уделил его, как благовидная иерархия, следующим за ним, научая, коротко говоря, тому, как об этом чтимом сверхблагословенном Богоначалии[36] должно подобающим, насколько это возможно, образом петь и воспевать ⟨Его⟩ богоприимными умами (ибо они в качестве богообразных суть божественные «места покоя»[37] Богоначалия, как говорят Речения), а также — что ⟨Оно⟩ есть Монада и Триипостасная Единица, от наднебесных сущностей до самых пределов земли на все сущее распространяющая Свой в высшей степени благой промысел, как всякой сущности сверхначальное Начало и Причина, всех сверхсущественно нерасторжимым объятием[38] содержащая.

[36] Сказанное: «Какой дом созиждете Мне, говорит Господь, или какое место для покоя Моего?» — показывают, что говорится не о чем-то воспринимаемом чувствами, но об этих божественных умах. Или и так: Бог захотел показать, что Божество неописуемо. И иначе: — что среди самих слушавших Его не было Богу места для покоя из-за их неверия, как говорит в Евангелиях Господь: «Сын же Человеческий не имеет, где приклонить голову».

[37] Трисвятой гимн и от «места Его» славословящий Бога голос не только, говорит он, показывают, что и меньшим чинам предоставляется познавать и воспевать Бога, но и нечто иное вдобавок к этому означают. Это делает ясным речение, гласящее: мы говорим, что триипостасный Бог есть Единица и Монада и что Он промышляет всем, от первых до последних земли, всех содержа нерасторжимо, не телесно то есть удерживая, но божественным промыслом сверхсущественно. А что Он — Единица и Монада, и Евагрий непреподобный во второй сотице, в главе третьей, говорит так: «Сам Он есть Монада, поскольку Божество просто и нераздельно. Того ради — Монада, что монада, говоря языком арифметики, проста и несложна. А Единица — потому что Святая Троица едина в Себе по природе и всех приближающихся к Ней единит, согласно сказанному в Евангелиях: „Да будут они едино, как и Мы едино"».

[38] «Нерасторжимым объятием» он называет всецело отделенные от и недосягаемые для объемлемого Божьи промысел и удержание.

ГЛАВА 8. О ГОСПОДСТВАХ, СИЛАХ, ВЛАСТЯХ И О СРЕДНЕЙ, ИХ ИЕРАРХИИ

1. А теперь надо нам перейти к среднему порядку небесных умов,[1] надмирными очами, насколько доступно, рассматривая эти господства и воистину возможные видения божественных властей и сил. Ведь каждое[2] наимено-

[1] *На поле рядом:* середина троичного чина — господства, силы, власти

[2] *На поле сбоку:* ⟨Заметь⟩, что их наименование показывает, какова их особенность.

иже паче нась сущьстьвь именование[3] яже богоподрьжателная ихь изьявляеть боговидьная свойствия. Светиих бо убо господстьвьь изьявителное именование мню являти непорабощаемое нѣко и всакого смѣреннаго умьнения свободное вьзвождение ниединимь мучителскыихь[4] отличьнстьвь ниединѣмь образомь отнудь прѣкланяемо, то свободнолѣпнѣ[5] яко непреложно[6] господство всакого охуждателнаго работворения прѣвьсходе, несьходно умьнению всакому и изето всакого отличьнствия сущаго господства и господоначелия[7] непрѣстанно желае и кь того господственому начрьтанию якоже мощно и себе же и яже по немь боговиднѣ прѣтварае, кь ниединому суетному мнещиихсе, нь кь вьистину Сущему отнудь обращенно и Господоначелнаго присно благовидѣния вь причести по еже мощно тому бывше.

Светыих же силь[8] крѣпкое нѣко и непоколѣбателно мужьство вь всѣхь яже вь том боговидьныих дѣйствахь, кь ниединому подьетию даемыихь тому богоначелных осианий немощнѣ изнемагае, крѣпцѣ на богоподобное вьзводиму, не недостатьч'ствуее своего немужьством боговиднаго движения, нь неклонителнѣ зре вь прѣсущьствную и силотворную Силу и тое образ силовидьнь по

[3] *В конце главы*: Яко именование их назнаменуеть, что свойство ихь.

[4] *На поле рядом*: Мучителскы нас телесные вещи, яко телеснѣхь сущиихь, кь телеснимь привлачеть. Господстьвь же ниедино от отличнихь подобьстьвь можеть ихь прѣклонити.

[5] Здѣ сьгрѣшение нѣко еллинскых любопрѣмудрьцьь благочестивнѣ отсѣцаеть, иже особьные три силы нѣкоторие неумекчанные нарекоше, произьшьдшее вь бытие от нѣкоторих прѣждьныих ихь трехь силь, не убо же от Бога свѣтом сьдѣянныимь особнѣ. И глаголють неумекьчателные [*здесь зачеркнуто красными чернилами*: и нераслабленным] быти сие мьньше произведьшиихь та умныих силь, скутавающе и якоже супротивещесе и дрьжателне прѣжьдных их и себе еже не вьпасти вь тину и немощнѣйше по семь произведшиихь та, по еже трѣбують дрьжати себе непадаемие. Сия убо яко вькратцѣ яже онѣх. Великый же Дионусие прѣмудрѣ супротивнаа вса имь глаголеть, от Бога бо тѣмь сьдѣтельскы настати глаголеть, Егоже и изьображение имуть вь господствия, якоже и мы, и по подобию сьзданны бывше. Сим же еже непрѣклонное вь всако снижение словомь господства имѣти глаголеть, сѣкуще и якоже рассѣцающе и не оставляюще дрьжатисе кь чювственым похотѣнием, не убо же прѣжьдние скутавающе. Чювствна же и телеснаа раболѣпни глаголеть и несвободни и суетную славу. «Работворения» же вьмѣсто «раболѣпия», понеже не оставляють вьистину сущая разумѣвати, нь сводеть от неклонителние тврьдости на суетныхь подклонение. Отличие же пакы наричеть яже вещная, яко николиже прѣбываема вь томьжьдьствѣ, нь присно прѣлагаемаа.

[6] *На поле рядом*: Знаменай, яко всака умна сила не умькчателнѣ и непрѣложнѣ кь хуждьшему имать.

[7] *На поле рядом*: Господоначелие глаголеть Божество, яко всакого господства начело и вина есть.

[8] *На поле рядом*: Светых же силь именование, еже есть свойство.

вание[3] превышающих нас существ выявляет богоподражательные особенности их богообразия. Так, имя, являющее святые господства, указывает своим значением, я думаю, на некое непоработимое и от всякой подножной приниженности свободное восхождение, никоим образом ни к одному из неподобий, отличающих тиранию,[4] ничуть не приклоняемое; на самое приличествующее свободному[5] непреложное[6] господство, всякое ослабляющее порабощение превышающее, недоступное никакому умалению, лишенное всякого неподобия, к истинному господству и к Господоначалию[7] непрестанно стремящееся и соответственно его господским чертам, насколько возможно, себя и тех, кто за ним, боговидно преобразующее; не к чему-то из кажущегося сущим, но к воистину Сущему полностью обращенное и становящееся в меру возможного вечно причастным свойственного Господоначалию благообразия.

Святых же сил[8] ⟨наименование означает⟩ некую крепкую и неколебимую мужественность во всех свойственных им богообразных действиях, ⟨позволяющую им⟩ ни при каких подаваемых богоначальных осияниях не изнемогать немощно, иметь силу возвышаться до богоподражания, не оставлять по своей немужественности богообразного движения, но неуклонно взирать на сверхсущественную силотворную Силу, Ее силообразным подобием по возможности

---

[3] *В конце главы:* ⟨Заметь⟩, что их наименование показывает, какова их особенность.

[4] *На поле рядом:* Наши телесные материи, поскольку мы телесны, тиранически привязывают ⟨нас⟩ к телесному. Господств же ничто из подобного неподобного не может приклонить.

[5] Здесь он благочестиво отсекает одно заблуждение эллинских философов, которые три некоторые особые силы назвали несмягчаемыми, происшедшими в бытие от некоторых предшествующих им трех сил, а не содеянными Божьим светом особо. И они говорят, что эти несмягчаемые (*здесь зачеркнуто красными чернилами:* и нерасслабленные) ⟨силы⟩ существуют как подножия произведших их умопостигаемых сил, отклоняющие и как бы отгоняющие и удерживающие те, что старше их, и самих себя от падения в материю и потому более слабые, чем произведшие их, — поскольку нуждаются в том, чтобы удерживать самих себя от падения. Таковы вот, вкратце, их ⟨представления⟩. Великий же Дионисий премудро говорит все противоположное им, ибо говорит, что они ⟨эти силы⟩ появились как Божья тварь и Его отображение имеют в господстве, будучи, как и мы, созданы по ⟨Его⟩ подобию. Они, говорит он, обладают непреклонностью ко всякому снижению, — соответственно смыслу господства, — как бы посекая и рассекая и не позволяя чтобы чувственное вожделение властвовало, однако же тех, кто прежде них, не удерживают. О воспринимаемом же чувствами и телесном он говорит как о приличествующем рабам, несвободе и легкомыслии. «Порабощение» же ⟨он говорит⟩ вместо «приличествующее рабам», поскольку те не склонны уразумевать истинно сущее, но опускаются от неколебимой твердости до склонности к суете. «Неподобием» же он вновь называет материальное, как никогда не пребывающее в тождестве, но всегда меняющееся.

[6] *На поле рядом:* Заметь, что всякой умственной силе свойственна неразмягчаемость и непреклонность по отношению к худшему.

[7] *На поле рядом:* Господоначалием он назвал Божество, потому что Оно начало и причина всякого господства.

[8] *На поле рядом:* Святых сил наименование, то есть свойство.

еже мощно бывше и кь той убо яко начелосилной силнѣ обращенно, кь вторим[9] же силодателнѣ и боговиднѣ происходе.[10]

Светыих же властий[11] еже вькупочинно божествныихь господствь и силь, благоудобренное и нескврьнное о божествьныихь подьетияхь благочиние и еже вьчиненное прѣмирные и умние власти[12] не мучителскы на хужьдшая властныими силами приемлющу, нь неудрьжателнѣ на божествна сь благочинствомь вьзводиму же и яже по нем боговиднѣ вьзводещу, и кь властотворному[13] начеловластию якоже лѣпо уподобляющу и то, якоже мощно аггеломь, вьсиявающу, иже вь томь благоудобрениими чинми и властныие силы.

Сия имѣе боговидная свойствия, срѣднее небесныихь умовь удобрение[14] очищаетсе убо и просвѣщаетсе и сьврьшеннодѣйствуетсе по имже речесе образѣ от богоначелныихь осияней, вьдаемыихь ему вьторѣ прьвымь священноначелничскыим удобрениемь и срѣднимь онѣмь[15] второявитилнѣ[16] посилаемыихь.

2. Сего ради иже другыимь глаголемы приходити вь другы аггель слухь знамение да сьтворимь иже издалече бываему и прохождения ради утьнчаваему[17] вь второе сьврьшения.[18] Якоже иже художныи о свещенныих нашихь службахь[19] глаголють,[20] яже самоявленная божествныихь сьврьшения иже

[9] *На поле рядом*: Знаменай, како вьздѣ глаголеть прѣвышьшимь силамь прѣподавати своихь сущиимь по них.

[10] *В конце главы*: Знаменай, как вьздѣ глаголеть прѣвышьшие силы прѣподавати своихь сущиимь по нихь и силы укрѣпляти мьншее их. Вѣмы же, яко и Даниила пишеть* аггель укрѣпляей, и иныие, и всѣх же еже вещьше — и самого Господа нашего Исуса Христа, заеже и чловѣкь, — якоже от Лукы вь Благовѣствию лежить.*

[11] *На поле рядом*: Светых же власти именование мню являти еже вькупочинно и проча по редо.

[12] Кь горѣ лежещиимь и сия да сьчиняютсе, от онуду бо еже «мню, являти власти именование».

[13] Яко власти елико тѣмь праведно, яко аггелом сущиимь, умние силы сущиимь по них прѣподають.

[14] Како и чимь очищаютсе и просвѣщаютсе и сьврьшеннодѣйствуютсе срѣдныи чинове, и яко имать Писание, яко иный аггель иному прѣпосилають божествная знамения.*

[15] *На поле рядом*: Средним онѣм, сирѣчь прьвым от Бога чиномь, еже посрѣдѣ Бога и чина иже есть по прьвом чину.

[16] Яко срѣдныими сьврьшения тьнчайшая иже прьвосвѣтнѣ от Бога дѣйствуемыих, иже прьвыи суть от Бога, срѣдни же кь иже по них чиномь.

[17] *На поле рядом*: «Утьнчаваему» глаголеть не от своего ему ослабления, нь от умьнения приемлющиихь. Се бо сказуеть еже рещи «вьторое сьврьшениа», — сирѣчь еже тьнчае сьврьшати вторая.

[18] *В конце главы*: «Утьнчаваему» рече не от своего ему ослабления, нь от умьнения приемлемых. Се бо являеть еже рещи «второе сьврьшения», — сирѣчь еже тьнчае сьврьшатисе вторимь против мѣрѣ своей.

[19] По еже вь Захарии,* и Даниилѣ,* и Иезекиилѣ* пророцѣхь лежещемь.

[20] Знаменай, яко свещенне сия прѣдаше великому Дионусию. «Самоявленьная» же нарече прьвыие божествные силы, понеже от себе божествная приемлють осияния. Прочие бо силы не собою божествные приемлють дары разума, нь прѣвьзьшьдшиими.

делаясь, к Ней как к Главной силе с силой обращаясь, ко вторичным[9] ⟨чинам⟩ как податель силы богообразно нисходя.[10]

Святых же властей[11] ⟨имя указывает на⟩ равное по статусу божественным господствам и силам благоустроенное и при божественных восприятиях не беспорядочное благочиние, ⟨на⟩ учрежденность надмирной разумной власти,[12] не тиранически на худшее употребляющей свойственные власти силы, но неудержимо к божественному с благочинием восходящей и следующих за ней благообразно возводящей, уподобляясь, в меру допустимого, власть творящему[13] Властеначалию, и Его, сколько ангелам возможно, воссиявая в следующих за ней благоустроенных чинах властной силы.

Имея такие богообразные особенности, средний порядок небесных умов[14] очищается, просвещается и совершенствуется каким сказано образом богоначальными осияниями, подаваемыми ему вторично через первый иерархический порядок, и через этот средний[15] второявленно[16] передаваемыми далее.

2. Конечно, переход так называемого слуха от одного ангела к другому мы изберем символом издали приходящего и — по мере продвижения во вторичности — слабеющего[17] совершенствования.[18] Как искусные в наших священных таинствах[19] ⟨люди⟩ говорят,[20] что первоявленные исполнения бо-

---

[9] *На поле рядом:* Заметь, как он везде говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них.

[10] *В конце главы:* Заметь, что он повсюду говорит, что превышающие силы передают свое тем, кто после них, и укрепляют силы, меньшие их. Как мы знаем, и Даниила, написано, ангел укреплял, и других, и — что более всего — Самого Господа нашего Иисуса Христа, поскольку Он и человек, — как написано в Евангелии от Луки.

[11] *На поле рядом:* Святых же властей наименование, я думаю, являет равность по статусу и остальное так далее.

[12] Это место должно быть связано с находящимся выше текстом: к нему тоже относятся слова «указывает, я полагаю наименование власти».

[13] ⟨Заметь⟩, что и власть, насколько тем позволено, как сущим ангелам умопостигаемые силы передают следующим за ними.

[14] ⟨Заметь⟩, как и чем очищаются, просвещаются и совершенствуются средние чины и что в Писании говорится, что один ангел другому пересылает божественные знамения.

[15] *На поле рядом:* «Этот средний», то есть первый от Бога чин, который посреди между Богом и чином, находящимся следом за первым чином.

[16] ⟨Заметь⟩, что через средних ⟨передаваемые⟩ совершенства слабее первоначально от Бога действующих, каковые суть первые от Бога; средние же ⟨предают их⟩ следующим за ними чинам.

[17] *На поле рядом:* Он говорит «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но — от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», — они означают, что вторичные ⟨чины⟩ оно совершенствует слабее.

[18] *В конце главы:* Он сказал «слабеющего» не оттого, что оно само по себе слабо, но — от ослабленности воспринимающих. На это ведь указывает и его слова «вторичности совершенствования», — они означают, что вторичные ⟨чины⟩ совершенствуются слабее, согласно собственной мере.

[19] Согласно текстам пророков Захарии, Даниила и Иезекииля.

[20] Заметь, что великому Дионисию передали это священники. «Самоявленными» же он назвал первые божественные силы потому, что они сами по себе воспринимают божественные осияния. Прочие силы не сами ведь по себе принимают божественные дары знания, но через высших.

инѣми боговидныихь причестий быти сьврьшенейшая, сице мню и аггельскых чиновь непосрѣдственое причестие иже прьвѣе о Бозѣ выиспрьпростираемых явленѣйше быти иже посрѣдствомь сьврьшаемыихь. Тѣмже и от священничскаго нашего прѣдания[21] сьврьшителние и свѣтодѣйствьние и чистителние силы прьвы умове именуютсе мьншиим, яко тѣхь ради на всѣх прѣсущьствное начело вьзводимомь и службоначелничскыихь очищений и просвѣщений и сьврьшений вь причестии по еже тѣмь льза бываемомь.[22] Се бо есть отнудь Божьственыимь Чиноначелиемь богоподобнѣ вьзаконенно — еже прьвыхь ради вторая богоначелныихь причествовати осияний. Обрѣщеши же се и многащи богословци изьявленно. Егда бо божественое и Отче чловѣколюбие Израиля вьзвратителнѣ о священномь его спасени наказавь и томителемь и сверепимь языком вь исправление издавь, отнуднимь промышляемыихь на лучьшее прѣведениемь и от заплѣнения пущаеть, и кь прьвому чловѣколюбнѣ вьзвращаше благостраданию, зрить богословцьь единь, Захариа, единаго прьвыихь, яко мню, и при Бозѣ аггель (обще[23] бо, якоже рѣхь, есть по сѣмь еже аггельскаго именования) от Самого Бога навикьшаго еже о семь «Утѣшителная», якоже рече, «словесесе»,* другаго же мьншиихь аггель кь усретению прьваго прѣдидущаго, яко кь осияния подьетию и приобщению, таже от того божествный сьвѣть яко от священноначелника навикшаго и еже научити богослова повелѣваемаго, яко «Зѣло велми населитсе Иерусалимь от множьства люди».* Другый же богословца Иезекиила[24] и от самого глаголетьсе всесвященнѣ навикнути херувимь прѣвышьшаго прѣславнаго Божества. Израиля бо, якоже речесе, Отче чловѣколюбие наказания ради на болшее прѣводе правдою боголѣпною от повинныих разлучити неповинные оправди. Сие же навицаеть прьвы по херувимѣхь, иже о чрѣслѣх самфиромь прѣпоясьнь,* иже одеждею,[25] даже до ногь сходещею, по знамению архиерейском одеянь. Прочиим же аггеломь, иже сечива имущиимь,

[21] Знаменай, яко священническое прѣдание есть еже о чинохь умовьь вѣдѣти.

[22] *На нижнем поле*: Указь реченному, яко вторая от прьвыих научаваютсе — от Захарии пророка.

[23] *Перед началом слова — значок (две киноварные точки), и на поле у такого же знака киноварью написано*: посрѣдѣ.

[24] Добрѣ рече Господь в пророцѣ Иезекиилѣ, яко: «Разлучите от праведныих грѣшные»,* — се бо и вь Благовѣствияхь являетсе сьтворь, егда овце от козлищь раздѣли.* Се сьглашаеть и вь семь Ветхий Заветь Новому.

[25] Знаменай, яко аггелу убо се знамение наложити повелѣнну «подиру, рекше одежду, даже до ногу сьходещую», и поясь о чрѣслѣхь, — образь подобьнь священнику. Аггелом же, секири вь рукахь имущимь, иже сказуеть томителную нѣку силу. Яко от сего разумѣвати намь кь хотещому сьврьшити дѣлу и иже аггельь видь вьображаетсе, еже разумѣти дльжни есмы и о серафимѣх и херувимѣхь и иныихь силахь, яко прѣма своему чину и изьображение имуть. Еже бо Трисветую пѣснь глаголющеи многоличнини изьображаютсе,* сказаюущу Слову, яко неумльцаемо есть и много тѣхь пѣтие. Сице и о прочиихь разумѣй.

жественным более совершенны, нежели богозрительные причастия через других, так и я полагаю, что непосредственная причастность Богу ангельских чинов, первыми устремляющихся к Нему, действеннее того, что совершается через ⟨какое-то⟩ посредство. Потому наше священническое предание[21] и называет первые умы совершенствующими, светодействующими и очищающими меньших, что с их помощью те возводятся к сверхсущественному Началу всего и становятся, насколько им позволено, причастниками совершенноначальных очищений, просвещений и совершенствований.[22] Божественным Чиноначалием это достойным Бога образом полностью узаконено, — чтобы вторые причащались богоначальных осияний через первых. Ты найдешь, что это часто говорится и богословами. Ведь когда божественное Отеческое человеколюбие, чтобы склонить Израиль к его священному спасению, наказало его, предав для исправления карающим жестоким народам, направляя всячески промышляемых к лучшему, а ⟨затем⟩ уступчиво вызволяло из плена и возвращало к прежнему благополучию, ⟨тогда⟩ один из богословов, Захария, увидел как ⟨какой-то⟩ из первых, как я полагаю, и близких к Богу ангелов (наименование ангелами, как я сказал, обще[23] ведь для ⟨них⟩ всех) от Самого Бога услышал, как сказано, «словеса утешительные», а другой, из меньших ангелов, пошел вперед навстречу первому, словно для восприятия и причастности осияния, а затем был им как иерархом научен божественной воле: ему было поручено известить богослова, что «Плодовито населится Иерусалим множеством людей». Второй же из богословов, Иезекииль,[24] говорит, что это всесвященно законоположено самим превосходящим херувимов преславным Божеством. Ибо Оно Отеческим, как сказано, человеколюбием, путем воспитания приводя Израиль к лучшему, признало, по свойственной Богу справедливости, правильным отделять неповинных от повинных. Об этом узнает первый после херувимов ⟨ангел⟩, опоясанный по чреслам сапфиром и облаченный ⟨в подир⟩, то есть одежду,[25] до

---

[21] Заметь, что это священническое предание — знание о чине умов.

[22] *На нижнем поле*: Доказательство сказанного, что вторые посвящаются первыми, — у пророка Захарии.

[23] *Перед началом слова — значок (две киноварные точки), и на поле у такого же знака киноварью написано:* Посреди.

[24] Прекрасно сказал Господь у пророка Иезекииля: «Отделите грешников от праведников», — ибо это же и в Евангелиях Он, оказывается, сделал, когда отделил овец от козлов. Вот и в этом Ветхий Завет согласуется с Новым.

[25] Заметь, что у ангела, которому было повелено накладывать знак, был «подир, то есть одежда, сходящая до самых ног», и пояс вокруг чресел, — образ, подобный священнику. Ангелами же, имевшими в руках секиры, он указывает на некую карающую силу. Так что отсюда мы понимаем, что ангелы изображаются в виде, соответствующем делу, которое *им* предстоит совершить; и мы должны осознать это применительно к серафимам, херувимам и другим силам, — что соответственно своему чину они имеют облик. Ведь те, которые поют Трисвятой гимн, представляются многоликими, и Слово поясняет, что их гимн неумолкаем, продолжителен. Так же и о прочих разумей.

божествьное чиноначєлие повелѣваеть[26] от прьваго навикнути еже о семь богосудство. Овому бо убо рече посрѣдѣ проити Иерусалима и дати знамения на челѣхь[27] неповиньнымь мужемь, аггелом же:[28] «Идете вь градь вьслѣдь того и сѣцѣте, и не пощедите очима вашима», «кь всѣм же, на нихже есть знамение, не приближитесе».

Что убо нѣкто речеть о рекшомь аггелѣ Даниилу: «Изиде слово»?* Или о прьвом томь, огнь от срѣди херувимь приемшемь?* Или еже сего излишное вь благочинное аггельское указание, яко херувимь вьлагаеть огнь вь рукы вь светую одежду облѣченнаго? Или о вьзвавшемь божьствьнѣйшаго Гавриила[29] и рекшимь ему: «Скажи оному видѣние»?* Или еликаа друга от свещенныих богословцьь реченнаа быше о иже небесныих свещеньноначельствь боговидномь удобрени,[30] кь немуже еже у нась свещенноначелия благочиние по силѣ уподобляемо аггельское благолѣпие яко вь образѣхь имать, вьображаемо тѣмь и вьзводимо кь прѣсущьствьному всакого свещенноначелия Чиноначелию?

---

[26] *Киноварью на верхнем поле*: О благочинии вторих кь горнѣйшиим.

[27] Знаменай, яко божественое произображение от оного провьзвѣстисе еже вѣрныимь на челѣ животворному наложитисе знамению и снабдѣтисе от губителя. Нь тогда убо аггелы вь образѣ свещенникь се творити повелѣнны быше неповиньныим, — поясь бо и одежда до ногь сходещи свещеннолѣпны свещеньник являеть образь, — ниня же и мы себѣ, вѣрных, крестное замение на челѣ изьображающе, убѣгуемь врага. Се и друго уподобление Ветхаго кь Новому.

[28] Знаменай, яко си суть троичсци чины умьныихь силь. Прьваа троица: прѣстолы, таже херувимь, потом серафимь. Втора троица: господствия, силы, власти; сия и срѣдня глаголютсе. Третия троица: начела, архангелы, аггелы. Общѣ же именомь вси аггелы.

[29] Знаменай, яко и Гавриилъ нѣсть горнѣйшиихь силь, нь мьншиихь.

[30] Знаменай, яко подражание горняго таиньствьнаго свещенноначелия яже вь Церкви бываемаа дньсь. И бо свещенници знамение налагаюгь животворещаго креста приходещиимь кь таинству за еже раздѣлити тѣхь от невѣрныихь и да врага убѣжеть. Инако же и чинь сьхраняетсе вь светѣй Церкви: еже бо творити повелѣсе уподиакону не творить иже суть мьнши; и еже творить свещенникь не творить диаконь; и, просто рещи, кьждо имать подобную ему службу. Общѣм же именемь все причьтьници и служьбници наричутсе, якоже и аггелы. Здѣ подобаеть разумѣти, како речесе божьствьнимь Стефаномь: «Иже приесте законь вь чинохь аггельскыих и не сьхранисте».*

ГЛАВА 9. О НАЧАЛѢХ, И АРХАГГЕЛѢХЬ, И АГГЕЛѢХЬ, И О ПОСЛѢДЬНИМЬ, ИХЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛИ

1. Оставше есть намь вь видѣние свещенно удобрение еже аггельскаа затворае свещенноначелиа еже от боговидныихь начель, и архаггель, и аггель удобраемо. И прьвая убо рещи нуждно мню, по еже мнѣ мощно, светыхь ихь

самых ног сходящую, как архиерей. Прочим же ангелам, имеющим секиры, божественное Чиноначалие повелевает[26] узнать у первого Божье об этом определение. Ведь ⟨первому⟩ он сказал пройти посреди Иерусалима и оставлять знак на челе[27] невинных людей, а ⟨остальным⟩ ангелам[28] — «Идите в город следом за ним и секите, и не жалейте очами вашими», «но не приближайтесь ни к одному человеку, на котором знак».

А что можно сказать об ангеле, сказавшем Даниилу: «Вышло слово»? Или о самом первом, взявшем огонь из среды херувимов? Или ⟨о том⟩, что херувимы — и это лишний раз показывает ангельское благочиние, — вкладывают огонь в руки облаченного в святую одежду? Или о позвавшем божественнейшего Гавриила[29] и сказавшем ему: «Объясни ему видение»? Или — сколько другого священными богословами было сказано о боговидном благоустроении[30] небесных иерархий, каковому благочиние нашей иерархии, по мере сил уподобляясь, обретет словно в образах ангельское благолепие, будучи им формируемо и возводимо к сверхсущественному Чиноначалию всякой иерархии?

---

[26] *Киноварью на верхнем поле:* О благочинии вторичных по отношению к высшим.

[27] Заметь, что этим было провозвещено божественное произображение — наложение верным на челе животворного знамения для спасения от губителя. Но тогда это было приказано делать ангелам в облике священников у неповинных, — пояс и одежда, до ног сходящая, указывают ведь на священнолепный облик священника, — ныне же мы сами, изображая у себя, верных, на челе крестное знамение, избегаем врага. Вот и другое сходство Ветхого Завета с Новым.

[28] Заметь, что таковы суть троичные чины умопостигаемых сил. Первая триада: престолы, затем херувимы, потом серафимы. Вторая триада: господства, силы, власти; они и средними называются. Третья триада: начала, архангелы, ангелы. Общим же именем все они ангелы.

[29] Заметь, что и Гавриил — не из высших сил, но из меньших.

[30] Заметь, что подражанием высшей, таинственной иерархии является то, что совершается сегодня в Церкви. Ведь и священники накладывают печать животворящего креста на приступающих к таинству, чтобы отделить тех от неверных и чтобы те избежали врага. А кроме того, сохраняется и ⟨такое⟩ правило в святой Церкви: что повелено делать иподиакону, не делают меньшие; и что делает священник, не делает диакон; и, просто сказать, каждый имеет подобающую ему службу. Общим же именем все они называются причетниками и ⟨церковно⟩служителями, — как и ангелы ⟨ангелами⟩. Отсюда следует понимать, почему божественным Стефаном сказано: «Вы, которые приняли закон при служении ангелов и не сохранили».

ГЛАВА 9. О НАЧАЛАХ, АРХАНГЕЛАХ И АНГЕЛАХ, И О ПОСЛЕДНЕЙ, ИХ ИЕРАРХИИ

1. Остался нам для священного рассмотрения порядок, замыкающий ангельские иерархии, образуемый богообразными началами, архангелами и ангелами. И первым я считаю нужным изложить, насколько мне возможно, то,

именований изьявления. Изьявляет бо еже убо небесныихь нечель именование еже боговиднѣ начелничское и владычьствное сь чиномь свещеннимь и начелничьскыими подобия силами, и еже кь прѣначелному Начелу и самѣхь свьсма привращати, и другые начелничскы водити, и еже кь самому оному яко мощно вьображатисе наиелотворьному Начелу являти же прѣсущ'ствное Того чиноначелие[1] начелничскыихь благоудобрениемь силь.

2. Светиих же архаггель[2] единочинно убо есть небесныимь начеломь.[3] Есть бо тѣхь же и аггель, якоже рѣхь, свещенноначелие едино и удобрение.[4] Обаче понеже нѣсть священноначелие не и прьвые и срѣднее и послѣднее силы имѣе, иже архаггель светы чинь общителнѣ священноначелничскою срѣдою краевь касаетсе. Светѣйшиимь бо начеломь приобщаетсе и светымь аггеломь,[5] — овѣмь убо, яко кь прѣсущьствьному Начелу начелничскы обращаетсе и кь тому яко мощно вьображаетсе, и аггеле сьединеннотворить по благоудобрителныих его и вьчиненнихь и невидимых владычьствиях,[6] овѣм же, яко и пророчьскаго чина, богоначелничская осияния свещенноначелнѣ прьвыими силами подьемле, и аггеломь сия благовиднѣ вьзвѣщае, и аггельми намь являе, по свещенной коегождо иже божествнѣ осияваемыихь мѣрѣ. Аггелы[7] бо, якоже прѣдѣ рѣхом, накончателнѣ сьврьшають вса небесныихь умовь удобрения, по послѣднемь яко вь небесныихь сущ'ствахь[8] имуще аггельское свойство и паче от нась изьявителни прѣждныхь аггелы свойствьнѣйше именуемы елико и о явленнѣйшемь имь есть свещенноначелие и паче кь миру близь.[9] Прьвое бо убо прѣвысочайшее, якоже речесе, удобрение, яко Скрьвенному прьвовьчинителнѣ приближаесе, скрьвеновиднѣ достоить разумѣти свещенноначелствовати второму, второ же, еже сьврьшаетсе от светыхь господстьвь, и силь, и властий, начелом и архаггелом и аггелом свещенноначелию

[1] Самого же начелотворнаго Начела изьявляеть прѣсуществное чиноначелие сь начель чинь.

[2] О архаггельской добротѣ и что являеть.

[3] Светыих же архаггель именование единочинно убо есть.

[4] Знаменай еже сьборное, яко всако свещенноначелие имать прьвые и срѣдние, и послѣдние силы, сирѣчь трье троичьсци чины.

[5] Како божествныи архаггелы сущиимь прѣжде тѣхь и иже по тѣхь причествують.

[6] *Слова* «по благоудобрителныих... владычьствиях» *были сначала пропущены писцом, а потом приписаны на поле столь же крупно, как основной текст.*

[7] Яко послѣдны чинь аггель и прѣудобреньнь.

[8] Яко послѣдны чинь небесныихь силь паче достойны есть аггелы нарицатисе, яко приближаесе чловѣкомь, имже и яже божьствная навицають чловѣци.

Послѣдни тройческы чинь
начела архаггелы аггелы

[9] Яко прьва троица вьторой свещенноначельникь есть, и втора третией, третия же иже в чловѣцѣхь свещенником.

что выявляют их святые наименования. Наименование небесных начал являет ведь способность боговидно начальствовать и владычествовать сообразно священному в высшей степени соответствующему начальствующим силам порядку, всецело себя обращать к сверхначальному Началу, и других начальственным образом направлять, запечатлевать ⟨в себе⟩, по мере сил, само то началотворящее Начало, и проявлять Его сверхсущественное чиноначалие[1] в благоустроении начальственных сил.

2. ⟨Порядок⟩ же святых архангелов[2] — единочинен с небесными началами.[3] У них ведь и у ангелов, как я сказал, иерархия одна и ⟨одно⟩ устроение.[4] Однако поскольку нет иерархии, не имеющей первых, средних и последних сил, святой архангельский чин общительно — благодаря срединному положению в иерархии — соприкасается с краями. И со святейшими началами он общается, и со святыми ангелами,[5] — с одними потому, что он изначально устремлен к сверхсущественному Началу и Его, сколько возможно, отображает, и ангелов единотворит своим благоупорядоченным, чинным и невидимым предводительством;[6] с другими же — потому что он принадлежит пророческому чину, иерархически через первые силы получающему богоначальные осияния и благообразно возвещающему их ангелам и через ангелов являющему нам, по священной мере каждого из божественно осияваемых. Ангелы[7] ведь, как мы уже говорили, окончательно завершают все порядки небесных умов как последние среди небесных существ,[8] обладающие ангельскими особенностями, и они с большим, чем первые ⟨небесные силы⟩, правом называются нами ангелами, поскольку их иерархия существует около более ⟨нам⟩ очевидного и более близка к миру.[9] Ведь первый, высочайший, как сказано, порядок, как расположенный первым по отношению к Сокровенному, сокровенным, надо разуметь, образом священноначальствует вторым, второй же, составляемый святыми господствами, силами и властями, является наставником иерар-

[1] Сверхсущественное чиноначалие самого началотворного Начала проявляет этот чин начал.

[2] ⟨Речь идет⟩ о порядке архангелов и ⟨о том⟩, что он являет.

[3] Святых архангелов наименование единочинно.

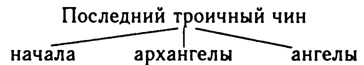
[4] Заметь общее ⟨правило⟩, — что всякая иерархия имеет первые, средние и последние силы, то есть ⟨существуют⟩ три троичных чина.

[5] ⟨Заметь⟩, как божественные архангелы общаются с теми, кто перед ними и после них.

[6] *Слова* «благоупорядоченным... предводительством» *были сначала пропущены писцом, а потом приписаны на поле столь же крупно, как основной текст.*

[7] ⟨Заметь, что⟩ чин ангелов последний и ближайший к миру.

[8] ⟨Заметь⟩, что последний чин небесных сил более достоин называться ангелами как ⟨наиболее⟩ близкий к людям, через каковой люди и научаются божественному.



[9] ⟨Заметь⟩, что первая триада — священноначальние для второй, вторая — для третьей, а третья — для священников среди людей.

наставьникь есть, кь прьвому убо священноначелию изьявленнѣйше,[10] а еже по немь скрьвенѣйше; начель же, и архаггель, и аггель изьявителное удобрение, еже в чловѣцѣхь священноначелиямь другь другомь наставникь быти,[11] да будеть по чину еже кь Богу вьзвождение, и обращение, и приобщение, и сьединение, и убо и от Бога всѣмь священноначелиямь благолѣпнѣ вьдаемое и общѣ приходимо сь благоудобрениемь священнѣйшим прошьствие. Сего ради богословие еже у нась священноначелие аггельми вьдало есть[12] кнеза иудейскымь людемь, Михаила именуе,* и аггелы езыкьь другыихь. «Положи» бо Вышни «прѣдѣлы языком по числу аггельь Божиихь».*

3. Аще ли кто глаголеть: и како иже еврейсци люде вьзвождахусе сами на богоначелная сияния? — достоить отвѣщати, яко не яже аггель правая приставления виновствовати подобаеть еже иныихь езыкь на не сущие богы заблуждения, нь самѣхь онѣхь, своими устрьмленми от еже на божьственое праваго вьзведения отпадшиихь[13] самолюбиемь и грьдинею и иже тѣмь мнещиихьсе богоподобьствь достойною чьстию.[14] Се свѣдѣтелствуютсе и сами еврейсци люде пострадати.[15] «Разум бо Божий, — рече, — отринуль еси и вьслѣдь сердца твоего ходиль еси».* Ни бо понужденну имамы жизнь, ни же ради промышляемыихь самовластия божествны свѣти промышлятелнаго сияния изнемагають.[16] Нь еже умныих очесь прѣвращение прѣиспльненные отчьские благости свѣтодание или отнудь непричестно творить и кь тѣхь ожесточаянию непрѣподатно,[17] или причестия творить различна, мала или

[10] Како ова убо скрьвеннѣйшаа, ова же явленнѣйша священноначелия.

[11] Знаменай указь от Даниила, сирѣчь послѣдьни чинь наставникь быти иже у нас священноначелия.

[12] Како аггелом благыимь пристоещиимь езыком, едины Израиль вѣдѣше Бога. Коиждо бо езыкь аггела имать, удостоенна ему, якоже иудее Михаила,* егоже и от послѣдняго чина светыхь аггель глаголеть.

[13] Не от приставленьныихь аггель вына бываеть, рече, нь от своего кь неподобьныимь устремления.

[14] Знаменай, яко кьждо себѣ виновьнь и блага и зла.

[15] Не яко Богь Израиля изьбраль есть единаго, нь яко Израиль единь вьсхотѣ послѣдовати Богови. Сице бо и сказание рѣчи назнаменуеть «Умь, зрей Бога».* Тако разумѣти дльжни есмы яже вь пѣсни Моусеовѣ реченна: «Бысть честь Господня уже дѣло мѣрно Иаковь»,* — еже являеть Израиля. Не Богь бо Израиля тькмо любляше, якоже и апостоль многащи яви, рекь: «Еда нѣсть Богь и езыкьь? Ей, и езыкьь, понеже единь Богь».* Нь Израиль прьвѣе иде вьслѣдь Бога, понеже послѣди отступивь и ть отгнасе. Самовластное бо имуще чловѣци, егда хотеть твореть Бога сь собою.

[16] Еже здѣ глаголеть светый отець Дионусие, се и при слнечном свѣту бываемое видѣти, при свѣтлихь убо вещех свое прѣподание творещу, при дебелейших же не подобнѣ, нь или свьсма непрѣподатнѣ, или тьнцѣ. Еже убо здѣ вещное разьньство творить, се при божьствьнѣмь осияни неравьнство самовластнаго сьдѣлуеть устрьмления.

[17] Зри, како глаголеть нас самѣхь виновнѣх быти еже приети осияние божественое, или мало или много того приети, или отнудь ничтоже того приети, егда кь тому ожесточанны будемь и окаменны. Рече убо вь Еуаглиахь Самь Господь: «Можеть Богь от камения сего вьздвигнути чеда Аврааму».* Еже бо намь жестоко и немощно, се Богови мощно.

хии начал, архангелов и ангелов, и хотя он более открыт, нежели первая иерархия,[10] но более сокровенен, чем та, что за нею; а провозвестнический порядок начал, архангелов и ангелов — наставник человеческих иерархий, — друг ⟨наставляет⟩ друга,[11] чтобы возведение, обращение, приобщение к Богу и единение происходило по чину, равно как и от Бога всем иерархиям подобающим благу образом даруемое и ⟨всех⟩, объединяя, посещающее выступление. Поэтому богословие подчинило нашу иерархию ангелам,[12] именуя правителем иудейского народа Михаила, и ⟨как-то иначе⟩ ангелов других народов. Ведь В*сев*ышний «поставил пределы народов по числу ангелов Божиих».

3. Если же кто-нибудь скажет: почему ⟨только⟩ еврейский народ был возводим к богоначальным сияниям? — следует отвечать, что не прямое руководство ангелов надо винить в уклонении других народов к несуществующим богам, но их самих, своими устремлениями отпавших[13] от прямого возведения к божественному — из-за себялюбия, гордыни и соответствующего почитания того, что им казалось богоподобным.[14] Есть свидетельство, что и сам еврейский народ этим страдал.[15] Ибо «ведение Бога, — говорит ⟨Писание⟩, — ты отверг и вслед сердца твоего ходил». Ведь наша жизнь не подвластна необходимости, и божественные светы промыслительного сияния не слабеют[16] из-за самовластия тех, о ком печется Промысел. Но негодность умственных очей делает преисполненное Отеческой благостью светодание или совершенно непричастным и, из-за их невосприимчивости, непередаваемым,[17] или причастия делает различными —

---

[10] ⟨Заметь⟩, каким образом ⟨получается, что⟩ одни иерархии более сокровенные, а другие более открытые.

[11] Обрати внимание на свидетельство Даниила, а именно — что крайний ⟨ангельский⟩ чин руководит нашей иерархией.

[12] Почему, хотя благие ангелы приставлены ко ⟨всем⟩ народам, один Израиль познал Бога. Каждый народ ведь имеет ангела, назначенного ему, как иудеи Михаила, какового он причисляет к последнему чину святых ангелов.

[13] Он говорит, что это произошло не по вине приставленных ангелов, но от их собственного уклонения к неподобающему.

[14] Заметь, что каждый сам по себе причина и добра, и зла.

[15] ⟨Заметь⟩, что Бог избрал не только Израиль, но что один Израиль захотел последовать за Богом. Это ведь и толкование его имени указывает: «Ум, зрящий Бога». Так мы должны понимать сказанное в песне Моисея: «Стал частью Господней удел Иакова», — что указывает на Израиль. Но Бог возлюбил ведь не только Израиль, что и апостол многократно показал, говоря: «Неужели Бог — не ⟨Бог⟩ и народов? Конечно, и народов, потому что один Бог». Но Израиль первым пошел вслед за Богом; а поскольку позже отступил и отпал, и он был изгнан. Ведь, имея свободу воли, люди, когда хотят, делают так, что Бог ⟨пребывает⟩ с ними.

[16] То, о чем говорит здесь отец, можно видеть и на примере солнечного света: сквозь прозрачные вещи он проходит, а сквозь более плотные не так, — или совсем не проходит, или же слабо. То самое, на что здесь влияет различие материи, при божественном осиянии зависит от неодинаковости того, к чему склоняется свободный выбор.

[17] Смотри — он говорит, что мы сами причина того, как мы воспринимаем божественное осияние — или мало, или много, или совсем его не воспринимаем, когда по отношению к нему ожесточимся и окаменеем. Но Сам Господь говорит в Евангелиях: «Может Бог из камения этого воздвигнуть детей Аврааму». Ведь то, что для нас трудно и невозможно, для Бога возможно.

велика, тьнка или свѣтла, единие и простие, и присно такожде имущие, и прострьтие источничские луче.[18] Понеже якоже и иныимь языком (от нихже и мы вьзникнухом, на яже всѣмь готовѣ вь прѣподание[19] прострьтую богоначелнаго свѣта безмѣрную же и обилную пучину),[20] не чуждии нѣции наставници бѣху бозы, едино же всѣхь Начело и кь тому вьзвождаху послѣдующиихь коегождо языка священноначелствующеи аггелы, Мелхиседека достоить разумѣти священноначелника суща боголюбьзнивѣйшаго не иже не сущиихь, нь вьистину сущаго вышняго Бога. И бо не простѣ Мелхиседька богомудрьныи не боголюбьзнаго тькмо, нь и священника нарекоше,* яко да умь имущиимь явѣ покажуть, яко не тькмо самь кь вьистину сущему Богу вьзвождашесе,[21] кьсему же и иные яко священноначелникь наставляше на истинно и единно богоначелие вьзвождения.

4. И сие же твоему священноначелничскому разуму да вьспоминаемь, яко и фараону*[22] от иже егуптеномь наставника аггела, и вавулонскому кнезу* от своего, еже всѣхь Промысла и Господства попечителное и властное вь видѣнияхь вьзвѣщашесе; и языкомь онѣмь иже вьистину Бога угодници наставници бѣху,[23] вьображенныхь аггельскыихь видѣний изьявления иже аггель близь священныимь мужемь, Даниилу* и Иосифу,* от Бога аггельми открьвеннаго. Едино бо есть всѣхь Начело и Промысль,[24] и николи же достоить

[18] Знаменай паче здѣ обущати неподобное нѣкыих и нерасудное ненаказание, еже смѣють глаголати божьствная сия сьписания Аполинариева* бысть, ни же от лиць, ихже вьспоминаеть помышляюще древнее мужа, нь льжное надписание глаголюще еже Дионусиа име, ни же яко ниня от идолослужения рече себе вьзвратитисе, а паче Аполинарие не от таковыихь бѣ.

[19] Яко Богь, естествомь сы благь, готова Себе подаеть всѣмь вь еже причеститисе светыне Его и просвѣтити душу. Проче еже от нас ищетсе, еже како пожелѣемь причеститисе разума Его, да покажетсе самовластное. Не бо виновьнь злыих Богь, еже есть от Того разлучение.

[20] Сьбрание сие сице: «понеже яко и языкь иныихь не чужди нѣци наставници бѣху бозы, едино же всѣх Начело». И тако друга посрѣдѣ да рекутсе. Да отколе есть едино Начело, кь Тому вьзвождаху аггелы языкы, имже коиждо приставлень бѣше.

[21] Знаменай яже о Мелхидеку, (!) яко священноначелнику вьистину и аггельскыим наставлениемь иже вьистину сущаго Бога познавша. «Послѣдующиих» же рече самоизьволнаго ради и непонужденнаго.

[22] Знаменай, яко аггельми, глаголеть, яже вь снѣхь быти видѣниям фараону и Навуходоносору, и яже сихь явления, рекьше сказания.

[23] Иосифь убо егуптеномь, Даниил же вавулоняном наставникь бѣше ⟨*слова* «наставникь бѣше» *приписаны писцом на поле*⟩, аггелом же наставником языкь сихь, сьвѣть Божи откривающим имь и видѣния.

[24] Знаменай речения Моусейскых пѣсни: «Егда раздѣляше Вышни языкы, ихже рассѣя сыны Адамовы, постави прѣдѣлы языкомь по числу аггель Божиихь. И бысть честь Господня люде Его Иаковь, уже достояния Его, Израиль».* Не бо подобаеть, рече, мнѣти раздѣлити вь иныие богы или аггелы языкы, не бо удостоятелнѣ случись Богови Израиль убо, иныим же аггелом особнѣ, яко не служити имь вь ином чесомь Богови. Якоже, принеси да речемь, овзы языкь овому зи (*так*!) аггелу отлучисе и удостоисе быти, и нѣсть что Богови о языку его брѣжение, или не служить и упражняется вь ином чесомь кь Богу

малыми и великими, смутными и ясными, тогда как истекающий луч един и прост, и всегда тот же, и ⟨всегда⟩ простерт.[18] А ⟨чтобы убедиться⟩, что и у других народов (в числе которых и мы восклонились к готовому для раздачи всем[19] широко раскинутому безбрежному и изобильному морю богоначального света)[20] были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех, и к Нему возводили ⟨своих⟩ последователей священноначальствующие над каждым народом ангелы, нужно вспомнить Мелхиседека, подлинного боголюбивейшего иерарха не не сущих ⟨богов⟩, но поистине сущего высочайшего Бога. И ведь не просто ⟨так⟩ Мелхисидека богомудры называли не только боголюбивым, но и священником, а чтобы ясно показать благоразумным ⟨людям⟩, что не только он сам обратился к поистине сущему Богу,[21] но вдобавок и других как священноначальник наставлял на восхождение к истинному и единому Богоначалию.

4. И о том еще напомним твоему священноначальническому разуму, что и фараону[22] к египтянами приставленный ангел, и властителю вавилонян их ангел возвещали в видениях о заботе и воле всеобщего Промысла и Господства; и народам этим служители истинно сущего Бога бывали наставниками,[23] когда Бог через ангелов открывал близким к ангелам святым людям, Даниилу и Иосифу, смысл производимых ангелами видений. Ибо едино всеобщее Начало и Промысел,[24] и никак не следует думать, что Богоначалию по

---

[18] Заметь, что ⟨видное⟩ отсюда, в особенности, заставляет умолкнуть неподобающую и неспособную к различению необразованность некоторых ⟨критиков⟩, дерзающих утверждать, что эти божественные сочинения принадлежат Аполлинарию, ни по лицам, которые упоминает ⟨автор⟩, не приходя к выводу о древности ⟨этого⟩ мужа, но называя имя Дионисия псевдоэпиграфом, ни по тому, что он говорит о себе как о ныне обращенном из идолопоклонников, тогда как Аполлинарий не был из таковых.

[19] ⟨Заметь⟩, что Бог, будучи по природе благ, с готовностью подает Себя всем для причащения Его святости и просвещения души. Прочее зависит от нас, — насколько мы желаем причаститься Его знания, — да проявитися свобода воли. Ибо Бог не виновен в зле, каковое — разлучение с Ним.

[20] Связь тут такова: «что и у других народов были наставниками не некие чужие боги, а единое Начало всех». А остальное, таким образом, читается в середине. И поскольку есть единое Начало, к Нему ангелы возводили народы, к которым каждый был приставлен.

[21] Заметь, что о Мелхиседеке говорится как о настоящем иерархе, благодаря ангельскому наставлению познавшем воистину сущего Бога. «Последователей» же он сказал, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

[22] Заметь, что от ангелов, говорит он, были во сне видения фараону и Навуходоносору и их изъяснения или же толкования.

[23] Иосиф египтянам, а Даниил вавилонянам наставником был ⟨*слова* «наставником был» *приписаны писцом на поле*⟩, когда ангелы, наставлявшие эти народы, открывали им Божью волю и видения.

[24] Обрати внимание на слова песни Моисея: «Когда разделял В⟨сев⟩ышний народы, которых рассеял, сынов Адама, поставил пределы народов по числу ангелов Божиих. И был частью Господней народ Его, Иаков, наследственным уделом Его, Израиль». Не подобает ведь, говорит он, думать, что народы были поделены с другими богами или ангелами; не по жребию ведь достался Богу Израиль, а другим ангелам ⟨по народу⟩ особо, чтобы те вовсе не служили Богу. Как будто если, допустим, некий народ достался некому ангелу и

непщевати иудеи убо удостоителнѣ наставнику быти Богоначелию, аггелом же особнѣ — или вькупочьстнѣ, или богопротивнѣ — или богомь нѣкоторимь наставником быти иным езыком. Нь и слово оно* по сей свещеннѣй мысли достойное разумѣти не яко раздѣлившу Богу сь иными богы или аггелы еже о нась владычьство и Израиль езыконачелникь и езыководникь быти удостоившусе, нь яко тому убо единому всѣхь Вышняго Промыслу все чловѣкы спасителскы иже своихь аггель горѣпростирателными руковожденми раздѣлившу, единому же потом от всѣхь Израилю на еже сущаго Господа свѣтодание и разумѣние обращшусе. Тѣмже богословие еже убо себе удостоити Израилю вь сущаго Бога угождение изьявляе, еже «Бысть честь Господня»*[25] рече. Показуе же еже и тому вь равьнствѣ прочиихь езыкь датисе нѣкоему светихь аггель вь еже тѣмь единое всѣхь Начело разумѣти, Михаила[26] рече иудейскыие водити люди, явѣ научавае еже единь быти всѣхь Промысль, всѣхь невидимыихь и видимыихь силь прѣсущствнѣ прѣвыше сѣдещь, всѣм же иже коегождо езыка приставленныимь аггеломь на ть, яко на свое начело, послѣдующиихь волею[27] елико по силѣ горѣвьзводещиимь.

иже езыка аггель. Нь ни же вькупочьстнѣ или богопротивнѣ приеть Богь сь езыкь и кьждо от аггель свой езыкь, якоже вь Исайи реченно бысть, яко диаволь яже кь севѣру гори, сирѣчь, езыкы, рече вь себѣ имѣти и противитисе Богови и быти подобьнь Вышнему.* Вса бо работна Богу, и всѣхь Ть Самь начелствуеть, нь вѣдущиихь Того прѣдпочитаеть. И сего ради и Ть глаголетсе тѣми начелствовати, нѣгли аще имуть и аггела приставленнаго, якоже Израиль Михаила. И како всѣхь начелствуе Богь наипаче Израилевь глаголетсе Богь и Израиль Тоговь? Глаголемь, яко Богь всѣхь есть Богь, приближающиих же се Тому и Тому единому покланяющиихсе глаголетсе праведнѣ их Богь. Прочи бо, идолы почитающе, иныие твореть себѣ богы.

[25] Добрѣ сказуеть еже: «Бысть честь Господня Израиль, удостоенна Ему». Подобаше убо, понеже Израиль единь увѣдѣ Бога, тому единому от Господа посѣщатисе и от аггель Его. Нь и вь семь показуетсе безьмѣрная и неислѣдованная милость Божия, яко и мнещиимсе не быти чести Его особна аггела приставиль есть хранителя езыку. «Вьсиявает бо солнце Свое на праведние и неправеднии».* И пакы: «Иже не хотей смерти грѣшнику, яко вьзвратитисе и живу быти ему».* Нь речеши: Како имущеи аггеле, от Бога данныие вь еже наставляти и водити тѣх, отступише от Бога живаго и поклонишеся идолом? — Глаголемь, яко всака нужда от иже вь Бога зрещиихь отгнасе и вьмѣстовьведесе еже самоизвольное. Аще кто изволить сь Богомь быти и хранитсе от аггела, и вьчиняетсе под ним. «Господь бо, — рече, — сьвѣсть путь праведниих».* И пакы: «Юнь бѣх и бо сьстарѣхьсе, и не видѣхь праведника оставленна».* Аще ли же кто супротивьное изволить, не понуждаетсе от аггела се творить. Сие бо житие и скотовидно паче [*недостает перевода слов*: καὶ οὐκ αὐτοπροαίρετος — *для них оставлено место*]. Того ради и о Израилѣ рече, егда сьгрѣши и телца сьтвори: «Разум бо Божи отринуль еси и вьслѣдь сердца своего ходиль еси»,* — сирѣчь свое хотѣние прѣдпочьль еси.

[26] Яко и Израиль и честь Господня бысть, нь убо и тии особна своего имаху аггела Михаила.

[27] Сие рече самовластнаго ради и непонужденнаго.

жребию выпало руководить иудеями, ангелам же по отдельности — в том же достоинстве или в богопротивном, — или неким другим богам, быть приставленными к другим народам. Но речение это надо понимать в соответствии с той же священной мыслью, — не в том смысле, что Бог поделил власть над нами с другими богами или ангелами, и Ему досталось по жребию быть этнархом и вождем народа Израиля, но в том, что сам единый Промысел Вышнего спасительно разделил всех людей, ⟨поручив их⟩ устремляющему вверх руководству их собственных ангелов, и что почти единственный из всех ⟨народов⟩ Израиль обратился к светодаянию и познанию истинного Господа. Поэтому Богословие и говорит, показывая, что Израиль принял жребий служения поистине сущему Богу: «И был частью Господней».[25] Показывая же, что он наравне с другими народами был поручен некоему из святых ангелов, чтобы с его помощью он познал единое Начало всего, оно говорит, что народом иудеев руководил Михаил,[26] ясно научая нас, что существует единый над всеми Промысел, сверхсущественно сверхучрежденный превыше всех невидимых и видимых сил, и все ангелы, поставленные каждый над своим народом, возводят к Нему как к своему Началу тех, кто добровольно[27] за ними следует.

удостоился быть ⟨его жребием⟩, то Бог уж и не заботится об этом народе, или ангел народа не служит и не старается ни в чем ином ⟨угодить⟩ Богу. Не равноправно или вопреки друг другу выбирали Бог этот народ, а каждый из ангелов свой народ, как это сказано у Исайи, — что дьявол сказал, что северные горы, то есть народы, он имеет у себя ⟨в подчинении⟩, и противится Богу, и ⟨старается⟩ быть подобен В⟨сев⟩ышнему. Все ведь работает для Бога, и всеми Сам Он властвует, но знающих Его Он предпочитает. И потому и говорят, что Он ими властвует, даже если имеют ангела ⟨к ним⟩ приставленного, как Израиль Михаила. Но как же всеми властвующий Бог называется Богом по преимуществу Израиля и Израиль — Его ⟨народом⟩? Мы говорим, что Бог — это Бог всех, но по справедливости Он называется Богом тех, кто близок к Нему и Ему одному поклоняется. Ибо прочие, почитая идолов, творят себе иных богов.

[25] Он хорошо разъясняет слова: «Был частью Господней Израиль, удостоенной Ему». Подобало бы ведь, если бы Израиль один познал Бога, чтобы только его посещали Господь и ангелы Его. Но и в том обнаруживается безмерная и непостижимая милость Божия, что и к тем, кто думает, что не принадлежит к Его части, особого ангела Он приставил, хранителя народа. «Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над праведными и неправедными». А еще: «Не хотящий смерти грешника, чтобы он обратился и был жив». Но ты скажешь: Как, имея ангелов, данных от Бога, чтобы наставлять и руководить, отступили они от Бога живого и поклонились идолам? — Мы отвечаем, что от взирающих на Бога, всякое принуждение изгнано, и его место заняла свобода воли. Если кто-то выбирает быть с Богом, то он охраняется ангелом и учиняется под ним. «Ибо Господь, — сказано, — знает путь праведных». А также: «Я был молод, и состарился, и не видел праведника оставленным». Если же кто-то выбирает противоположное, ангел не принуждает его что-то определенное делать. Это ведь скорее скотоподобная, а не самостоятельная в выборе жизнь. Потому и об Израиле он говорит, когда тот согрешил и сотворил тельца: «Ибо познание Бога ты отверг и вслед сердца своего ты ходил», — то есть предпочел свое желание.

[26] ⟨Заметь⟩, что, хотя и стал Израиль частью Господней, но ведь и они имели своего особого ангела, Михаила.

[27] Это он говорит, имея в виду свободу воли и отсутствие принуждения.

ГЛАВА 10. ПОВЬСПРИЕТИЕ И СЬБРАНИЕ АГГЕЛЬСКАГО БЛАГОЧИНИЯ

1. Сьбрасе убо нами, яко еже убо старейше иже о Бозѣ умовь удобрение от Службоначелничьскаго[1] осияния священноначелствуемо вь еже на то непосрѣдствнѣ вьспростирати скрьвеннѣйшимь и явленнѣйшимь Боrоначелия свѣтоданиемь[2] очищаетсе и просвѣщаетсе и сьврьшеннодѣйствуетсе. Скрьвенѣйшимь убо яко умнѣйшим и паче простѣйшиим и сьединотворнѣмь, явленѣйшим же яко прьводатныимь и прьвоявленнымь и сьборнѣйшимь и паче вь то яко вь чисто изливаемо, от того же пакы по мѣрѣ вьторо, и от втораго третие, и от третияго еже у нась священноначелие по самомь томь благоудобреннаго чиноначелия уставѣ вь сьчланени божественѣмь и мѣрѣ кь всакого благоудобрения прѣначелному Начелу и Концу, священноначелнѣ вьзводитсе.

2. Изьявителие же вси суть[3] и вѣстници прѣждныихь тѣмь: старѣйши[4] убо Бога движущаго, по мѣрѣ же прочи, иже от Бога движемыихь. Толико бо еже всѣхь прѣсущствное сьчланение коегождо словесныих же и умныихь священнаго благоудобрения и вьчиненнаго вьзвождения промысли, яко и самому священноначельствьв коемуждо чинь священнолѣпны положи. И всако священноначелие зримь вь прьвыие, и срѣдние, и послѣдние силы раздѣленно, нь и само то коегождо особнѣ рещи удобрение тѣми божественными сьчланенми раздѣли. Тѣм же и самыие божьствнѣйшее серафимь богословци глаголють[5]

---

[1] «Службоначелничскаго», — рекше, Наставления и Вины тѣх сьврьшения.

[2] Знаменай, яко здѣ явѣ сказуеть, кое ради вини чинове небесных силь сице суть, рекше: овь убо прѣвысочай бысть, ов же срѣдны, ов же послѣдны. Глаголет бо о горнѣмь чину, иже есть прѣстолы, серафимь и херувимь, яко от самого божественаго разума осияваютсе, заеже непосрѣдствьнѣ на ть простиратисе и не имѣти еже прѣдвараемо. Сице от Службоначелия самого божьственаго очищаетсе, и просвѣщаетсе, и сьврьшаетсе. Аще бо би тако сьздань быль, яко прьвы быти, ни же чищения, ни же просвѣщения трѣбовал би, тако сьздань бывь, яко и достоинь бысть прьваго чина. Инако же, зри, что глаголеть по малѣ божествны сь мужь, яко «скрьвеннѣйшим паче свѣтоданием» просвѣщаютсе прьвы чины, зане умнѣйши и Богу приближьнѣйши паче иных, скрьвеннѣйшаго сподобляющесе сияния, и ти скрьвеннѣйши суть и кь Богу паче иных простирателны. И от сего бо есть разумѣти веще самоизволное ихь. Аще бо не веще от мьншиихь себе простирали би и умни бывали, не бы убо приближали се Богови [*на поле добавка*: веще]. Приближивше же се Тому волею, болше очищаютсе, и просвѣщаютсе, и сьврьшаютсе, сирѣчь «дѣйствують сьврьшенная», рекше яже о Бозѣ. И сие мню Писанию гадающу: «Приступите кь Нему и просвѣтитесе, и лица ваша не постыдетсе».* Сице и о прочиихь силахь разумѣй, яко коиждо по своей мѣрѣ зрить Бога. Сие и явленнѣйше глаголеть на конце главы сие.

[3] Яко вси аггелы яже от прѣждных себе вь тѣхь носиме свѣте кь мьньшимь изьявляють. Обще же о всѣхь есть еже «изьявителие» речесе. «От Бога же подвиженнихь» рече о прьвом серафимь чиноначели. ⟨*Здесь же киноварный маргиналий*: «Вѣстници» рекше аггелы⟩.

[4] Старѣйши Бога изьявителне суть, а срѣдни — прьвых, а послѣдни — срѣдних.

[5] Чесо ради о серафимѣх божественое пѣтие рече вьзивати другь кь другу? — Заеже прьвыимь вьзвѣщати кь вторимь божественая таинства.

ГЛАВА 10. ПОВТОРЕНИЕ И СОКРАЩЕНИЕ ⟨СКАЗАННОГО ОТНОСИТЕЛЬНО⟩ АНГЕЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ

1. Итак, нами было показано, что старейший порядок окружающих Бога умов, священноначальствуемый Совершенноначальным[1] осиянием, к Нему непосредственно простирается, и более, ⟨чем другие⟩, сокровенным и ясным светодаянием Богоначалия[2] очищается, просвещается и совершенствуется. Более сокровенным — как более, ⟨чем у других⟩, умственным, более простым и единотворящим, а более ясным — как первым данным, первоявленным, более цельным и в большей мере в этот ⟨порядок⟩ изливаемым как в более, ⟨чем иные⟩, прозрачный. Этим ⟨порядком⟩ затем, соответственно, второй, вторым третий, а третьим наша иерархия иерархически в божественной гармонии и соразмерности — по тому же самому священному закону благоустроенного чиноначалия — возводятся к сверхначальному Началу и Пределу всякого благоустроения.

2. Все ⟨небесные чины⟩ суть выявители[3] и вестники тех, что находятся перед ними: старейшие[4] — Бога, движущего *их*, прочие соответственно — движимых Богом. Ибо сверхсущественная Гармония до такой степени позаботилась о священном благочинии и должном возведении каждого из словесных и разумных ⟨существ к Богу⟩, что и для каждой из иерархий установила подобающие священному чины. И мы видим, что каждая иерархия разделяется на первые, средние и последние силы. Но и каждый порядок, ⟨надо⟩ отдельно сказать, она разделила на те же самые боговдохновенные гармонии. Почему, говорят богословы, и сами божественнейшие серафимы[5] взывают друг к другу,

---

[1] «Совершенноначальным» ⟨относится⟩ к Первоначалу и Причине их совершенства.

[2] Заметь, что здесь он явно показывает, по какой причине чины небесных сил таковы, что один более высокий, другой средний, а третий последний. Ибо о высшем чине, то есть о престолах, серафимах и херувимах, он говорит, что он осиявается самим божественным знанием, потому что непосредственно к нему устремляется и не имеет предшествующего; и таким образом Самим божественным Совершенноначалием очищается, просвещается и совершенствуется. Ведь если он так был создан, что он первый, то ни в очищении, ни в просвещении он не нуждается, так слепленный, чтобы и быть достойным первого чина. Кроме того, обрати внимание на то, что немного дальше говорит этот божественный муж, — что он «более сокровенным светодаянием» просвещаются первые чины как более умственные и более простертые к Богу. Отсюда можно ведь заключить также о свободе их выбора. Ведь если бы он, ⟨этот чин⟩, не простирал себя и не мыслил больше, чем меньшие, то не приблизился бы к Богу. Приблизившись же к Богу добровольно, он больше очищается, просвещается и совершенствуется, то есть «совершает совершенное», значит, близкое Богу. На это, я думаю, намекает Писание: «Приступите к нему и просветитеся, и лица ваши не постыдятся». Так же и о следующих силах разумей, — что каждая по своей мере видит Бога. Более ясно он говорит это в конце этой главы.

[3] ⟨Заметь⟩, что все ангелы являют меньшим ⟨чинам⟩ свет, передаваемый от тех, кто перед ними. «Выявители» надо понимать в общем смысле. «Движимые Богом» он говорит о первом чиноначалии, серафимов. ⟨*Здесь же киноварный маргиналий:* «Вестники», то есть ангелы⟩.

[4] Старейшие — выявители Бога, средние — первых, а последние — средних.

[5] Почему божественный гимн о серафимах говорит, что они взывают друг к другу? — Потому что первые возвещают божественные тайны вторым.

другы кь другу вьзивати,* явѣ вь семь, якоже мню, сказающе, яко богословьныихь разумений прьвы вторимь прѣподають.

3. Да приложим же убо и се не нелѣпотнѣ,[6] яко и вь себѣ коиждо небесный же и чловѣчскый умь свое имать и прьвие и срѣдние и послѣдние[7] чины же и силы кь реченныим коегождо священноначелниихь осияний своим вьзвождениям по мѣрѣ изьявляемые по ихьже кьждо вь причестии бываеть по еже тому подобно же и мощно прѣчистаго очищения, прѣиспльненнаго свѣта, прѣдьсьврьшеннаго сьврьшения. Есть бо ничтоже самосьврьшенно или нетрѣбователно повсемь сьврьшения, развѣ еже вьистину самосьврьшенно и прѣдьсьврьшенно.

[6] От простѣйших бо учений, еже млѣка напоение нарече апостоль,* кь срѣднимь, и от сихь кь болшимь, рекше сьврьшеньныихь пищь, вьсходе, послѣдни являеть чинь и силу. Есть же и инако яже по мѣсту разумѣти, и прьво убо рещи еже кь прѣвьсходимому вьиспрьпростртьтие, срѣдне же — еже вь себѣ сьобращание, послѣдне же — еже мьншее вьзводе, еже и паче при аггелѣхь достоить разумѣти.

[7] Знаменай, яко коегождо нас умь прьве, и срѣдне, и послѣдне чинове имать вь еже разумѣвати о Бозѣ. Три чины сие достоить разумѣти сице, яко всакы умь имать существо, по немже прьво есть; таже и силу, по нейже крѣпцѣ удовляем есть; кончнее же дѣйство, по имже, своя дѣе, благочьствуеть. Сия и вь прочей главизнѣ сказуеть. Тѣмже отсуду явѣ и несупротивьрѣчнѣ есть приети, яко истиннѣ прѣд малѣмь писахом. Се бо како рече: «Коиждо небесны и чловѣчьскы умь прьваа, и срѣдня, и послѣдняя имать вьзвождения, по ихже кьждо вь причести бываеть божественыих и священноначелничскыих осияний». Прьвѣй убо — яко равьнь чинь рече чловѣкь и горныхь силь; и ниединаго от чловѣкь вѣмы — ни же пророка, ни же правѣдника, — не потрѣбовавшаго особнии вины вь еже приближитисе Богови. Зри, что бо глаголеть иже до третияго небеса доспѣви, яко: «Удручаю тѣло и порабощаю, еда како, иныимь проповѣдавь, самь неискусьнь буду».* Таже явленнѣ здѣ глаголеть самовластное и аггель, и еже своего имь устрьмления желание. Да же никтоже и от зѣло любопьрливихь любовьспритсе, изьявително рече, яко ничтоже нетрѣбовательно и самосьврьшенно, сирѣчь от себе сьврьшенно, развѣ единь Богь. Тѣмже чловѣци и аггелы прѣдспѣния и сьврьшения трѣбують.

ГЛАВА 11. ПОЧТО ВСЕ НЕБЕСНЫИЕ СИЛЫ И СУЩСТВА ОБЩѢ СИЛЫ НЕБЕСНЫИЕ ГЛАГОЛЮТСЕ

1. Сим же опрѣдѣленномь, оно достойно есть разумѣти, кое ради выни вса вькупѣ аггельская существа силы небесные нарицати обыкохомь. Не бо есть рещи, якоже при аггелѣхь,[1] яко всѣхь есть послѣднее удобрение светихь сильь и убо послѣдныих светолѣпныихь осиянию яже надьлежещиихь

[1] «Не бо есть рещи, якоже при аггелѣхь», — силы бо вторие и срѣдние суть троице, по господствѣхь вьчиняеме. Тѣмьже не яко послѣднимь тѣмь сущиимь, вси чины нарекошесе силы, якоже при аггелѣхь.

этим самым ясно, как я полагаю, показывая, что первые ⟨из них⟩ передают богословские знания вторым.

3. Можно было бы не без оснований добавить,[6] что и сам по себе каждый небесный и человеческий ум имеет собственные первые, средние и последние[7] чины и силы для толкования явленных каждому, соответственно его возведению, осияний, благодаря которым всякий, по мере доступности и возможности, оказывается причастным сверхнепорочной чистоты, сверхизобильному свету и просовершенному совершенству. Ибо ничего нет самого-по-себе-совершенного или вообще не нуждающегося в совершенстве, кроме поистине Самого-по-себе-совершенного и Просовершенного.

---

[6] Ибо восходя от более простых поучений, каковые апостол назвал поением молоком, к средним, а от них к большим, то есть к пище совершенных, он объясняет последние чин и силу. Но можно и иначе понять это место и первым назвать простертость к превосходящему, средним — пребывание и обращение около него, последним же — возведение нижних, что и следует разуметь как более свойственное ангелам.

[7] Заметь, что у каждого из нас ум имеет первые, средние и последние чины, чтобы разуметь три этих чина около Бога. Разуметь ⟨это⟩ надо так, что всякий ум имеет сущность, согласно которой он, во-первых, существует; затем силу, благодаря которой он одолевает ⟨трудности⟩; и, наконец, энергию, благодаря которой он, делая свое, пребывает благочестивым. Это он и в следующей главе разъясняет. Потому, исходя из этого, надо ясно и беспрекословно принять, что истинно написанное нами чуть выше. Вот ведь как он говорит: «Каждый небесный и человеческий ум имеет первые, средние и последние возведения, в соответствии с которыми каждый делается причастником божественных священноначальных осияний». Прежде всего, ⟨достойно внимания⟩ то, что о чине людей и высших сил он сказал как о равных, а мы не знаем ни одного человека, ни пророка, ни праведника, кто не выставил бы собственной причины приближения к Богу. Посмотри-ка, что говорит достигший третьего неба ⟨Павел⟩: «Усмиряю тело мое и порабощаю, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». Затем он ясно здесь говорит о свободе воли и у ангелов и об их собственном порыве страсти. А чтобы никто из очень любящих возражать не стал спорить, в качестве заключения он говорит, что ничто не является само по себе достаточным и совершенным, от самого себя то есть ⟨получившим⟩ совершенство, за исключением одного только Бога. Так что люди и ангелы нуждаются в росте и совершенствовании.

ГЛАВА 11. ПОЧЕМУ ВСЕ НЕБЕСНЫЕ СИЛЫ И СУЩЕСТВА НАЗЫВАЮТСЯ ОДИНАКОВО НЕБЕСНЫМИ СИЛАМИ

1. ⟨Теперь⟩, когда они определены, о том надо подумать, по какой причине все вообще ангельские существа мы привыкли называть небесными силами. Ведь нельзя же сказать, как об ангелах,[1] что порядок святых сил является последним из всех и что порядки высших существ причаствуют

---

[1] «Ведь нельзя же сказать, как об ангелах», — ибо силы помещаются во второй, средней, триаде после господств. Так что все чины названы силами не потому, что те последние, как в случае ангелов.

существь удобрения причествують, послѣдняя же прьвыихь николиже, и сего ради небесные убо силы вьси божественныи умове именуютсе, серафимы же, и прѣстолы, и господствия никакоже, непричестни[2] бо послѣдни прѣвысокыихь суть сьборныихь свойствьвь. Аггелы бо, и прѣжде аггель архаггелы,[3] и начела, и власти, по силахь от богословия вчиняемыи, обще многащи от нас вкупѣ иныимь светыимь сущьствамь небесные силы наричутсе.[4]

2. Глаголем же, яко общѣ при всѣхь приемше небесныихь сильь именованиемь не сьлитие нѣко коегождо удобрения свойствомь вьводимь, нь понеже вь три раздѣлишесе[5] еже о тѣхь прѣмирнимь словомь вси божествены умове: вь сущьство, и силу, и дѣйство, — егда же вса, или нѣкотора тѣхь неназирателнѣ[6] небесная существа[7] или небесные силы наричемь,[8] сие — вьторорѣчнѣ[9] о нихже есть слово изьявляти нась — достоить непщевати[10] от коегождо ихь сущьства или силы. Ни бо надьлежимо свойство иже добрѣ нами раздѣленныихь светыихь сильь и мьншиимь свьсма сьвькупляти существомь — вь разорение несьлитнаго аггельскыихь удобрений чиноначелия. По многащном бо нами правѣ отданнѣмь словѣ прѣвьзьшьдшая убо удобрения излишьнѣ имуть и яже мьньшиихь свещенная свойства, послѣдня же,[11] яже старѣйшиих

[2] Яко яже послѣдьних имуть надьлежещии, а яже прѣвьсходещиих не имуть послѣдныи. Сице и выше речесе, — понеже прьвы убо сьборнѣ имуть осияние, послѣдни же отчести, якоже проча глаголеть. Сице и вь Церкви есть обрѣсти: свещенник бо можеть творити вса яже мьншиих, рекше диаконь и прочиих, диакону же яже свещенникь нѣсть повелѣно творити. Ако убо еже у нась свещенноначелие подражаеть небесный чинь, рѣхомь выше. ⟨*К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле*: От «не бо есть рещи» супротивление есть даже до «сьборних свойствьвь», и оттуду начети недоумѣние до еже начети светому рѣшение, идѣже рече «глаголем же»⟩.

[3] Послѣдни бо чинь начель, и архаггель, и аггель есть, и обаче и ти силы суть, егда именуютсе.

[4] Како глаголютсе силы.

[5] Знаменай, како убо глаголеть, яко вь три раздѣляютсе аггельсци чины: вь сущьство, и силу, и дѣйство. И от сего глаголютсе общѣ «силы небесные». Аще бо их кто и сущьство и дѣйство речеть, не сьгрѣшить, суть бо существо и дѣйство. Нь обаче вси чины и умове по сем «силы небесные» наричутсе.

[6] «Неназирателнѣ» — рекше простѣ и невьнимателнѣ.

[7] Яко вь приказни да речетсе существо убо рещи огня естество, силу же того просвѣщателное, дѣйство же еже и силы накончание, рекше просвѣщателно и жегущее.

[8] Вькупоименно есть име «силы»: глаголет бо се сице и особны чинь, сирѣчь второе срѣдняго троичьскаго удобрения, и обще вси чины, яко силу имуще нѣку.

[9] «Второрѣчнѣ» — рекше второю рѣчию, поеже вси силы глаголютсе.

[10] «Достоить непьщевати» извьнь да разумѣетсе.

[11] Мнитсе нѣкако здѣ глаголати, яко по достоянию аггельская удобрения сьдѣтелскы вьчиненна быше, не явѣ же се прѣдставляеть. Горѣ бо, вь прьвой сее главизнѣ, явленнѣ еже тѣх желание и разумѣние глаголеть вини тѣхь прѣвысокаго их чина. Сего ради яко и очищатисе и просвѣщатисе и сьврьшатисе рече тѣмь. Есть убо начьньшу рещи и сице благочестивѣ, яко Богь, провидѣ вь тѣхь желателное движение, и тѣхь чины достойные их приведе, от ихже не убо речеть кто тѣхь мощи отпасти, заеже имьство нѣко стежати кь благому зѣлнаго ради вьсхотѣния и желания. Аггелом же, сирѣчь послѣднему удобре-

священнолепному осиянию последних, последние же ⟨осияниям⟩ первых — никогда, и потому все божественные умы называются небесными силами, но никак не серафимами, престолами или господствами, так как последние непричастны[2] соборным свойствам высших. Ведь ангелы и предшествующие ангелам архангелы,[3] начала и власти, помещаемые Богословием после сил, часто обобщенно называются нами — вместе с иными святыми существами — небесными силами.[4]

2. Мы же говорим, что, пользуясь общим для всех именем небесных сил, мы не привносим никакого смешения в особенности каждого порядка. Но поскольку все божественные умы разделились[5] соответствующим им надмирным смыслом натрое: на сущность, силу и энергию, — то, когда все или некоторые из них мы безразлично[6] называем небесными существами[7] или небесными силами,[8] о ком, из тех, кого мы перифрастически[9] представляем, идет речь, следует понимать[10] по существу и по силе каждого из них. Нельзя ведь превышающую особенность уже хорошо нами определенных святых сил целиком приписывать и низшим — в нарушение неслитного чиноначалия ангельских порядков. Ибо согласно многократно нами прямо разъясненному замыслу, превосходящие порядки в избытке имеют и священные особенности низших, а последние[11] превосходящими их совокупностями ⟨особенностей⟩

---

[2] ⟨Заметь⟩, что тем, чем обладают последние, находящиеся над ними обладают, а того, что есть у превосходящих, у последних нет. Это и выше сказано, — поскольку первые имеют осияние целиком, последние же отчасти, как он далее говорит. То же и в Церкви можно заметить: священник ведь может делать все, что делают ⟨его⟩ подчиненные, как то диакон и прочие, диакону же то, что делает священник, не разрешено делать. Что наша иерархия подражает небесному порядку, мы говорили выше. ⟨*К этому месту с помощью значка сделана сноска на нижнем поле:* От слов «Ведь нельзя же сказать» до слов «соборным свойствам» — отрицание, и оттуда идет абсурдная мысль — до места, где святой начинает ⟨ее⟩ разрешение, где он сказал «Мы же говорим»⟩.

[3] Ведь чин начал, архангелов и ангелов последний, однако же и они могут называться силами.

[4] Почему они называются силами.

[5] Заметь, как, говорит он, разделяются ангельские чины: на сущность, силу и энергию. И оттого называются обобщенно «силы небесные».

[6] «Безразлично» — то есть иносказательно, поскольку все называются силами.

[7] В качестве примера следует сказать, что сущностью называют природу огня, силой — ее светлость, а энергией — производную от силы, то есть ⟨способность⟩ светить и жечь.

[8] Название «силы» является омонимом: так ведь называются и особый чин, то есть второй в третьем троичном порядке ⟨ангелов⟩, и вообще все чины — как обладающие некоей силой.

[9] «Перифрастически» — то есть вторичным образом, поскольку все ⟨ангелы⟩ называются силами.

[10] «Следует понимать» надо разуметь, ⟨поставив⟩ вне ⟨оборота⟩.

[11] Кажется, здесь он говорит, что ангельские порядки были учинены Содетелем согласно достоинству, но не ясно это показывает. Выше же, в главе, предшествующей этой, он ясно говорит, что их устремленность и мышление — настоящие причины их более высокого ⟨или более низкого⟩ порядка. Ради этого, сказал он, они очищаются, просвещаются и совершенствуются. Можно, таким образом, решиться благочестиво сказать, что Бог, провидя их движение желания, и чины их, их достойные, ввел, отпасть от каковых

надьлежещая отнудьствия не имуть,[12] отчести вь та прьводатныимь осияниямь прьвыими по мѣрѣ кь тѣмь изьявляемомь.

нию, мощи нѣгли и кь хужьдшему прѣвратитисе. Рече бо тѣхь и близь мира сущихь, от нихже мню и диавола некогда быти, прѣжде отпадения. Аще ли кто сихь сьвршеннѣше вѣсть, прошу навикнути.

[12] Знаменай, како по чину аггельская удобрения Сьдѣтелнѣ приведеннаа быше.

ГЛАВА 12. ПО ЧТО ИЖЕ ВЬ ЧЛОВѢЦѢХЬ СВЕЩЕННОНАЧЕЛЬНИЦИ АГГЕЛЫ ГЛАГОЛЮТЬСЕ

1. Ищет же се и се умнихь словесьь любозрителми: аще бо непричестны прѣвысокыихь отнудьствь суть послѣдныи, кое ради вины иже у нась свещенноначелникь «аггель Господа Вседрьжителя» от Словесьь именовасе.*

2. Есть же не супротивно слово, яко мню, прѣдопрѣдѣленныимь. Глаголем бо,[1] яко всее и прѣвьсходещее старейшиихь удобрений силы недостатьчьствують послѣдны, честние бо и по мѣрѣ причествують по единомь всѣхь сьчлаңенномь и сьвузномь приобщени. Рекше светихь херувимь чинь причествуеть прѣмудрости и разума высочайшаго,[2] а яже подь тѣми сущьствьв удобрения причествують убо и таа прѣмудрости и разума, отчести же обаче яко прѣма онѣмь и мьншее. И еже убо отнудь вь причести прѣмудрости быти и разума обще есть всѣмь боговидныимь умниих, а еже приближнѣ и прьвостнѣ, или вьторичсцѣ и умьненнѣ, нектому общнѣ, нь якоже коемуждо от своее мѣри опрѣдѣленно есть.[3] Сие же и о всѣхь божествьныихь умовѣхь не убо кто сьгрѣшнѣ опрѣдѣлить. И бо якоже прьвы излишнѣ имуть мьншиихь светолѣпная свойства, сице имуть послѣдныи яже прьвыхь, не убо же подобнѣ, нь умьненнѣ. Ничтоже убо, яко мню, безмѣстно, аще и иже у нась свещенноначелника аггела богословие наричеть, иже по силѣ своей причествующаго аггельь пророчскаго свойства и кь изьявителному ихь уподоблению, якоже мощно чловѣкомь вьспростираемаго.

[1] Знаменай, яко аще и горныихь силь отнудьства недостатьчни суть послѣдни, нь убо честние причествують прѣмудрости же и разума и тии.

[2] Что всешня прѣмудрость и причестие, и что отчести прѣмудрость. А еже «по силѣ своей» произволителну силу достоить разумѣти здѣ.

[3] Знаменай, яко еже «опрѣдѣленно есть» не сказуеть здѣ тврьдую нѣку и непрѣступну нужду, якоже мнозы обыкоше глаголати, нь еже «опрѣдѣленьно есть» — вьмѣсто еже «вьчиненьнно есть», по опрѣдѣленной нѣкой мѣрѣ силе.

старших не обладают,[12] так как им первоначальные осияния передаются через первых — соответственно им — частично.

они никто не сказал бы, что могут, потому что они обрели некую привязанность к Благу благодаря большому стремлению и желанию. Ангелы же, то есть последние порядки, могут обратиться также и к худшему. Он ведь сказал, что они пребывают поблизости от мира, и в их, я думаю, числе некогда был и дьявол, — до падения. Если же кто-либо знает об этом лучше, прошу *меня* научить.

[12] Заметь, что ангельские порядки были приведены ⟨в бытие⟩ Содетелем соответственно чинам.

ГЛАВА 12. ПОЧЕМУ СВЯЩЕННОНАЧАЛЬНИКИ ЛЮДЕЙ НАЗЫВАЮТСЯ АНГЕЛАМИ

1. Ревностные исследователи умопостигаемых Речений интересуются и вот чем: ведь если последние ⟨чины⟩ не причастны более высоким совершенствам, то по какой причине наш иерарх именован Речениями «ангелом Господа Вседержителя»?

2. Это не противоречит, как я думаю, определенному ранее. Мы говорим ведь,[1] что полной и превосходящей силы более старших порядков последним недостает, частичной же и соразмерной ⟨им⟩ они причаствуют благодаря единой гармонической соединяющей всех общности. Скажем, чин святых херувимов причаствует высочайшей премудрости и знания,[2] а находящиеся ниже них порядки тоже причаствуют премудрости и знания, однако же отчасти по сравнению с теми и меньше. И вообще причаствовать премудрости и знания свойственно всем богообразным из разумных ⟨существ⟩, но ⟨либо⟩ целиком и первично, либо вторично и меньше, — ни в коем случае не одинаково, но как каждому определено[3] его мерой. Это же можно, не погрешив, сказать и обо всех божественных умах. Ведь как первые в избытке имеют святолепные особенности низших, так последние имеют ⟨особенности⟩ первых, но не в той же, а в меньшей степени. Так что ничего, как я думаю, странного нет в том, что Богословие называет ангелом и нашего иерарха, причаствующего по мере собственных сил свойственной ангелам способности прорицания и стремящегося к уподоблению тем в возвещении ⟨Божьей воли⟩, насколько это для людей возможно.

---

[1] Заметь, что хотя последние и уступают совершенству превосходящих *их* сил, но отчасти ведь причаствуют премудрости и знания и они.

[2] ⟨Заметь⟩, каковы цельные премудрость и причастие и каковы частичные. А «по мере собственных сил» — надо разуметь здесь свободный выбор.

[3] Заметь, что ⟨слово⟩ «определено» не указывает на некую жесткую судьбу и неодолимую необходимость, как многие привыкли говорить, но «определено» ⟨сказано⟩ вместо «установлено» — в соответствии с некоей определенной мерой силы.

3. Обрѣщеши же,[4] яко и богы богословие наричеть небесная и паче нась сущ'ствия и иже у нась боголюбивые и свещенние мужы,* а паче богоначелному скрьвенству прѣсущьствнѣ всѣхь прѣизету же и прѣвыше сѣдешу, и ниединому[5] от сущиих тому подобнѣ именоватисе истиннѣ и свьсма могущу. Обаче елика умныих же и словесныихь кь сьединению того елико по силѣ отнудь горѣобращаютсе и кь божествьнимь его осияниямь якоже мощно непрѣстаннѣ горѣпростираютсе еже по силѣ, аще подобаеть рещи, богоподобиемь и божествнаго вькупоимения сподобляютсе.

[4] Како бозы глаголютсе аггелы же общимь именомь и боголюбивы чловѣци, — по еже «Азь рѣхь: бозы будете».*

[5] Како, и коими, и по чесомь божьствьныихь имень сподобляютсе.

ГЛАВА 13. ПОЧТО ОТ СЕРАФИМЬ ГЛАГОЛЕТСЕ ОЧИСТИТИСЕ ПРОРОКЬ ИСАЙА

1. Принеси уже и се по силѣ да смотримь, чесо ради кь единому Богослов'ць серафимь послатисе глаголетсе.* И бо недоумѣватисе[1] кто имать, яко не от мьншиихь нѣкой аггель, нь самы иже старейшиимь сущ'ствамь вьчтеньни очищаеть пророка.

2. Нѣци убо рѣше, яко по малѣ отданномь всѣхь умовь приобщения прѣдѣлѣ не единого иже при Бозѣ прьвостоятелныих умовь именуеть Слово на богословца очищение приити, нѣкоего же от иже намь надьстоещиихь аггель яко свещеннодѣйствьника пророку очищения серафимьь вькупоимениемь нарещи ради пожигателнаго реченныихь сьгрѣшени[2] отражения и очищенному на божествное послушание вьзгорѣния, и Слову единаго от серафимь простѣ рещи глаголють не от иже при Бозѣ присѣдещиихь, нь иже намь надьстоещиихь чистителныихь сильь.

3. Инь же николи же безмѣлстно что подаст ми отвѣщание о настоещемь противлении. Рече бо, яко свое чистителное свещеннодѣйство великы онь (кто-любо бѣ видѣние сьтворивы аггель[3] вь еже научити божествьныимь

[1] Понеже противно реченное мнитсе реченьныимь. Рече бо прѣжде сихь, яко нижьшая от прѣвышьших тѣмь, не убо же от горнѣйшиихь научаютсе, рекше трети чинь от срѣдьняго и срѣдни от вьсѣхь вышьшаго. Вьзискано же о семь бысть, и различнѣ раздрѣшисе.

[2] Яко нѣ навикнути божествная, аще не будеть прьвѣе грѣхомь отпущение, ибо серафимь «пожигатель», рекьше «сьгрѣватель», сказуетсе.

[3] Знаменай, яко божьствная пророкомь видѣния надьстоещее имь аггелы глаголеть, творещее вь мьчтание приводити мнещиихсе видѣти. Гадания бо и образе, не убо же нагы вещи и сущ'ства, зрѣху.

3. Ты найдешь,[4] что Богословие и богами называет и небесные сущие над нами существа, и наших боголюбивых и священных мужей, хотя богоначальная Сокрытость сверхсущественно сверхустранена от всего и превыше всего, и по-настоящему и вполне называться подобно Ей ничто[5] из сущего не может. Однако когда какое-либо из умственных и разумных ⟨существ⟩ полностью сколько есть сил обращается ввысь к соединению с Ней и насколько возможно непрестанно устремляется ввысь к Ее божественным осияниям, то сподобляется, по мере силы, если так можно сказать, богоподобия и божественной омонимии.

[4] ⟨Заметь⟩, почему общим именем «боги» называются и ангелы, и боголюбивые люди, — согласно ⟨словам⟩: «Я сказал: богами будете».

[5] ⟨Заметь⟩, как, каких и за что сподобляются божественных именований.

ГЛАВА 13. ПОЧЕМУ ГОВОРИТСЯ, ЧТО ПРОРОК ИСАЙЯ БЫЛ ОЧИЩЕН СЕРАФИМАМИ

1. Давай-ка и то по мере сил рассмотрим, почему говорится, что к одному из богословов *был* послан серафим. Кто-нибудь может ведь недоумевать,[1] почему не какой-то из меньших ангелов, но сам принадлежащий к числу старших существ, очищает пророка.

2. Некоторые ⟨люди⟩ сказали ведь, что Речение говорит — в соответствии с уже изложенным законом общения всех умов, — что очистить богослова пришел не один из окружающих Бога первейших умов, но один из предстоящих нам ангелов, каковой как священносовершитель очищения пророка и был назван омонимически серафимам, — потому что он молниеносно истребил названные грехи[2] и воспламенил очистившегося для божественного послушания; а Речение, говорят, просто назвало одним из серафимов не ⟨какую-то⟩ из учрежденных около Бога, но одну из предстоящих нам очистительных сил.

3. А другой ⟨человек⟩ представил мне некий не вовсе неуместный отклик на это утверждение. Он сказал, что свое очистительное священнодейство тот великий (кем бы ни был ангел,[3] осуществивший видение, чтобы научить

[1] Поскольку сказанное представляется противоречащим уже сказанному. Ведь прежде этого он говорил, что низшие от тех, кто над ними, но не от высочайших научаются, то есть третий чин — от среднего, а средний от самого из всех высокого. Это уже было исследовано и различным образом разрешено.

[2] ⟨Заметь⟩, что невозможно научиться божественному, если не будет прежде отпущения грехов, ибо «серафим» истолковывается как «пожигатель», или же «разогреватель».

[3] Заметь, что божественные видения пророков приставленные к ним ангелы, говорит он, привносят, создавая, в воображение думающих, что их видят. Намеки ведь и символы, а не реальные вещи и сущности они видели.

богословца) на Бога[4] и по Бозѣ на прьводѣйствно священноначелие вьзложи. И еда когда убо се слово истинствуеть? Глаголаше бо иже се рекый, яко богоначелная сила, на вса приходещи, вьходить и скрозѣ всѣхь неодрьжанно проходить* и всѣмь пакы есть невидима — не тькмо яко всѣхь прѣсущьствьнѣ прѣизреднаа, нь яко скрьвеннѣ на вса посилающипромышлятелная ее дѣйствия. Нь убо всѣмь умным по мѣрѣ является и свое вькупѣ свѣтодание вьручающи старейшимь сущьствамь, тѣми яко прьвыми вь мьншаа себе благоудобреннѣ прѣподаеть, по коегождо удобрения боговидьном умѣрени.

Или да явленнѣйшереку[5] и присними приказньми, аще и недостатьчныими Бога, всѣх прѣизетаго, обаче намь явленнѣйшими. Солнечние луче прѣподание[6] вь прьвую вещь благопрѣподатнѣ вьходить, всѣхь свѣтлѣйшую, и тою свѣтлѣ вьсияваеть свое зарѣ; приходе же кь дебелѣйшимь вещемь, тьнчайше имать прѣподателное явление от ихже просвѣщающиихсе вещи кь свѣтодания проходителному имьству неустроения, и помалу от сего кь свьсма немаль непрѣподатно скутаваетсе.[6] Пакы огньнаа топлота[7] паче себе прѣподаеть вь приетнѣйшая и кь тое подобию благопослушьная и благоводимаа, кь супротивьобразним же или противныимь сущьствамь или ничесоже, или тьнкь нѣкой иже от огньнаго дѣйства слѣдь являеть. И еже сего множайше, яко кь не сьродныимь иже искрьннѣ кь той имущиими приходить, прьвѣе, аще случитсе, вьзгарателна творещи яже кь вьзгорѣнию благопрѣложная, и тѣми или воду, или друго что иже от не удобь вьзьгараемыихь по мѣрѣ сьгрѣвающи.[8] По томжде убо естьствнаго благочиния словѣ пачѣ естества

[4] Зриши ли, яко иже научавающеи аггелы открьвениямь пророкы сице твораху, вьзводеще тѣхь прьвообразнѣ убо на Бога иже всѣхь вьистину виновнаго, вторичнѣ же на иже по Бозѣ прьвые умове положением и боговиднѣ начелникы еже о Бозѣ священноначелия. Сия напрѣдь учить. Знаменай же, яко вса Божий промысль проходить ськрьвеннѣ и яко и долнѣйши аггель вькупоименнѣ серафимь именуетсе по приобьщителном прѣдѣлѣ. Вси бо Божию осиянию приобщуютьсе, нь по достоянию коегождо мѣри.

[5] Како божествьная осияния вь овѣхь убо явленнѣйшая, вь овѣхь же тьнчайшая прѣподаютсе, от притче сказуеть.

[6] Приказнь сия и выше прѣдложисе. Прьвую же вещь глаголеть стькло и подобная, якоже и дебелейшую, рекьше храме, и врьтепе, и яже подобная.

[7] Добѣ уподобляеть Богу огнь, глаголеть бо Писание: «Богь же огнь поядей есть»,* — и яко ово убо того сьгрѣваеть, ово же пожигаеть, сице и Богь приходещиихь кь Нему просвѣщаеть, невѣрующих же пожигаеть, — иже не сь вѣрою приходещихь и приближающиихсе Ему.

[8] Естествнаа глаголеть чювьствьная и видимая. Достоить вѣдѣти, яко вь умныихь добродѣтели нѣ суть по случаю, якоже вь нас, нь Богь убо есть живаа добродѣтель и самосьврьшеннаа и нетрѣбователнаа, яко прѣсущьствнѣ вьсущьствисе и прѣподателнѣ приходить вь яже от тое яко от вини сущее бывшаа умнаа. Источникь убо добродѣтели оживляющее и обожающее по еже мощно причествующиихь Богь. Нь обаче вь прошьствие промыслителнѣ приходе вь сущьствленная от Того умнаа, врьхь и сьврьшение по сем быти умовь не изгубляеть, понеже естествнѣ тому есть, не по случаю убо умове, якоже мы,

божественному Богослова) приписал Богу[4] и перводействующей у Бога иерархии. И неужели же эта мысль не истинна? Тот, кто это сказал, говорил, что богоначальная сила, на все распространяясь, входит во все и сквозь все без задержки проходит, и при этом она никем не видима, — не только потому, что ⟨сама⟩ сверхсущественно сверхъизъята, но и потому, что свои промыслительные действия она распространяет на все тайно. В том числе и всем умным существам она является по ⟨их⟩ мере и, вручая собственное светодаяние самым старшим из них, через них как через первых благочинно передает его находящимся ниже, соответственно способности каждого чина к богозрению.

Чтобы сказать яснее, приведу,[5] пожалуй, собственные примеры, хотя и недостойные сверхзапредельного для всего Бога, но нам более понятные. Излияние солнечного света[6] благополучно проходит сквозь первое, прозрачнейшее из всех вещество и через него ярко светит своим сиянием; попадая же в более плотные материи, оно проходит и светит хуже по причине неспособности принимающих свет материалов пропускать его, и от этого понемногу почти совершенно теряет способность распространения. Опять же жар огня[7] лучше передается более к нему восприимчивым материалам, более для уподобления ему подходящим и податливым, а у сопротивляющихся или противоположных сущностей или никакого следа воздействия огня не обнаруживается, или же некий слабый след. И что более того — не родственным ему ⟨материалам⟩ он передается через имеющие с ним родство, воспламеняя сначала, если случится, то, что легко загорается, а посредством того разогревая по мере ⟨надобности⟩ либо воду, либо что-то другое из нелегко воспламеняемого.[8] Соответственно этому-то закону физического благочи-

[4] Видишь, что ангелы, научающие откровениями пророков, делали это, возводя их первоначально к Богу, воистину Причине всего, а затем — к первым после Бога по положению умам и боговидным начальникам сущей при Боге иерархии. Этому он далее научает. Заметь, что Божий промысел на все распространяется сокровенно и что и самый низкий ангел, на пределе приобщения, называется так же, как серафим. Ибо Божию осиянию приобщаются все, но — по мере достоинства каждого.

[5] С помощью примера он поясняет, почему божественные осияния одним даются более ясными, а другим более смутными.

[6] Этот пример он приводил и выше. Первым веществом он называет стекло и тому подобное, а более плотным — дома, пещеры и схожее с этим.

[7] Прекрасно уподобляет он Богу огонь, ибо Писание говорит: «Бог есть огонь поядающий», — ⟨прекрасно⟩ и потому, что одно он разогревает, а другое пожигает: так и Бог приходящих к Нему просвещает, неверующих же пожигает, — тех, кто не приходит и не приближается к Нему с верой.

[8] Физическим он называет воспринимаемое чувствами и видимое. Следует знать, что у ⟨существ⟩, постигаемых умом, добродетели не привходящи, как у нас, и Бог является живой добродетелью, самой-по-себе-совершенной и самодовлеющей, каковая сверхсущественно осуществляется и щедро нисходит на от нее как от сущей Причины происходящее существующее умопостигаемое. Бог ведь источник добродетели, оживляющей и, насколько это возможно, обоживающей причаствующих. Но, промыслительно исходя в осуществляемое им умопостигаемое, Он, однако же, из-за этого не перестает

еже всакого благоудобрения видимаго и невидимаго Чиноначелие своего свѣтодания свѣтлость прьвоявляннѣ вь богатих излитияхь высочайшимь сущьствамь являеть; и тѣми яже по тѣхь сущьствия божественой лучи приобщуютсе. Та бо разумѣвше прьвая Бога и божьствные добродѣтели прѣвьсходителнѣ желающе и прьводѣтелие быти, якоже мощно, богоподражателние силы и дѣйства сподобляютсе и яже по них существия сама кь уподоблению елико по силѣ боговиднѣ горѣпростирають, обилнѣ тѣмь прѣподающе вь та пришьдьшее заре, и пакы она мьншимь, и вь коемждо прьво сущему по немь прѣподаеть дарованнаго и вь вса по мѣрѣ промысломь приходещаго божьствнаго свѣта.

Есть убо всѣмь просвѣщающиимсе начело еже просвѣщатисе Богь убо естествомь и вьистину сущи яко свѣта[9] сущьство и самому еже быти и зрѣти виновнь. Положением же и богоподражателнѣ по чести прѣвьсходимо сущему по немь коемуждо вь еже божьствьныимь свѣтовом тѣмь вь оно приходити.[10] Убо прѣвысокое небесныихь умовь удобрение яже прочиихь всѣхь аггельь сущствия по еже лѣпо по Бозѣ начело непщують всакого свещеннаго богоразумия же и богоподражания, яко онѣми вь вса, и вь нась, богоначелному осиянию прѣподаему. Тѣм же и всако свещенно и богоподражателное дѣйство на Бога убо яко виновна вьзносеть, на прьвые же боговидные умове яко на прьводѣйствные божественыихь и учителе.[11] Проче прьво светихь аггельь удобрение паче всѣхь имать огньствьное свойство и излитое богоначелные прѣмудрости прѣподание и разумное прѣвысокаго божественыихь сияний художства и прѣстолское свойство[12] вьиспрьпрострьтое

имуть добродѣтель, разумь от ухыщрения, рекше, или учения, или правду, или целомудрие вьздрьжания ради, или мужьство от благосложения тѣла и жиль. Не бо якоже ино вь иномь вь сих добродѣтель, нь еже своя дѣйствовати и непрѣстанно простиратисе кь Богу и вь себѣ — се вь них богоподражателнаа добродѣтель. Чин же обаче якоже иному вь иномь сьхраняють, якоже еже «живеть вь мнѣ душа твоя», — вьмѣсто еже учения прѣподание: случай же вь подлежещемь есть, еже нѣсть онамо, несложна бо и невещественна она.

[9] Богь, сущи вьистину естествомь начело есть всѣмь просвѣщающиимсе и Виновьнь и самому еже быти вь всѣмь сущиимь и зрѣтисе. Положением же, рекше не естеством, нь положением и богоподражаниемь, начело суть прѣвышьшая сущьства мьншимь сущствамь.

[10] Знаменай, яко по Бозѣ начело всакое добродѣтели суть горнѣйши умове, имиже прьвыими имамы Божие осияние.

[11] Знаменай, яко по свойствѣ огньствни горьнѣйши умовь суть.

[12] Добрѣ сказуеть, что суть прѣстолы небесныихь умовь еже отврьзенно о Бозѣ разумѣние имѣти. Прѣстольское же рече свойство удостоятелнѣ данное светыимь прѣстоломь начело.

ния, Чиноначалие всего видимого и невидимого благоустроения являет богатыми излияниями светлость собственного светодаяния первоначально высочайшим существам; а через них и низшие их существа приобщаются божественному свету. Ибо те, кто ⟨первыми узнали Бога⟩ и высочайшим образом стремятся к божественной добродетели, сподобляются и перводействователями быть, насколько это возможно, богоподражательной силы и энергии; и ⟨уже⟩ они, сколько есть сил, боговидно направляют ввысь существа, которые ниже них, обильно передавая тем пришедший к ним свет, а те опять же — меньшим; и в каждом ⟨порядке⟩ первый передает следующему даруемый и до всех соответствующим образом благодаря Промыслу доходящий божественный свет.

Итак, для всех просвещаемых начало просвещения есть Бог, по природе и воистину сущий как сущность света[9] и Причина самого бытия и способности видеть. Божественные же светы изливаются от того, что по положению и богоуподоблению в какой-то мере выше ⟨другого⟩, к каждому, что под ним, — через него к тому. Так что высочайший среди небесных умов порядок всеми прочими ангельскими существами по справедливости почитается[10] после Бога началом всякого священного богопознания и богоподражания, как через них передающий во все и в нас богоначальное осияние. Почему и всякую священную и богоподражательную энергию связывают как с причиной с Богом, а как с перводелателями божественного и учителями — с первыми богообразными умами. Таким образом, первый порядок святых ангелов больше всех обладает свойством пламенности,[11] способностью передавать излитую богоначальную премудрость, знанием высочайшего художества божественных осияний и свойством престольности,[12] являющим широкое богоприятие. И порядки низших

быть ⟨и⟩ в исхождении вершиной и совершенством умов. Так что не в качестве привходящих имеют ⟨небесные⟩ умы совершенства, в отличие от нас, — например, умение рассуждать, ⟨приобретаемое⟩ упражнением или обучением, или же справедливость, или благоразумие, ⟨достигаемое⟩ через воздержание, или храбрость как следствие хорошего состояния тела и нервов. Ибо добродетель в них ⟨существует⟩ не как другое в другом; но делать свойственное ей и непрерывно направлять ⟨других⟩ к Богу и в самих себя — в этом ⟨и состоит⟩ их богоподражание и добродетель. Однако же, порядок состояния другого в другом *у них* соблюдается, как-то: «Живет во мне душа твоя», — а не ⟨так, как говорит⟩ научное утверждение: «привходящее в подлежащем», — какового здесь нет, ибо они несложны и нематериальны.

[9] Бог, будучи воистину по природе началом всех просвящающихся, является Причиной и самого бытия всего сущего, и способности зрения. По положению же, то есть не по природе, а по положению и богоподражанию, более высокие существа суть начало для меньших существ.

[10] Заметь, что после Бога началом всякой добродетели являются высочайшие умы, через посредство которых ⟨как⟩ первых мы имеем Божье осияние.

[11] Заметь, что высочайшие умы по особенности пламенны.

[12] Он прекрасно разъясняет, что быть небесными престолами означает иметь открытость для мышления о Боге. Престольным же свойством он называет данную в удел святым престолам власть.

богоприетие изьявляющее. Мьншиих же сущьств удобрениа[13] огньствьные, прѣмудростние, разумние, богоприетние силы причествують, умьненнѣ же, и кь прьвымь зреще и тѣми яко богоподобная прьводѣлнѣ сподобленними на боговидия мощное вьзводима. Реченная убо светая свойства, ихже вь причести прьвыими яже по тѣхь сущьствия быше, самѣмь онѣмь по Бозѣ яко свещенноначелникомь налагають.

4. Глаголаше убо[14] иже сия рекый видѣние убо оно подьети богословцу единѣмь иже надстоещиихь намь светыих и блаженныихь аггельь и от просвѣщателнаго его руковождения на свещенное оно видѣние[15] вьзвестисе, по имже зрѣше прѣвысокая сущьствия, яко вь образѣхь рещи, под Богомь и сь Богомь и о Бозѣ сѣдешаа и еже всѣхь и тѣхь прѣнеизреченнѣ изредное прѣначелное коньчьнство[16] по срѣдѣ подвьшьдшиихь сильь прѣвыше сѣдеще. Навыцаше[17] же убо зримыими богословь, яко по всаком прѣсущьствьном прѣвьсхождении не сьсужденнѣ прѣвыше сѣдить Божьство всакыие видимыие и невидимые силы и убо яко всачскыих есть изредно яко по всемь ни же прьвыимь сущиихь сущьством подобно, кь симже и еже всѣхь то и Начело и Вина сущьствотворна быти, и сущиихь нераздрѣшнаго Прѣбытия неизмѣньное Сьздание, от Негоже и еже быти, и еже благо быти, и самѣмь тѣмь прѣвышьшиимь есть силамь. Таже яже тѣх светѣйшиихь серафимь навицаеть боговидныие силы, свещенному убо их именованию огньствьное назнаменающу, о немже мало послѣ мы речемь, якоже намь мощно сповѣствовати яже на боговидное огньствьныие силы вьзвождения, криль же[18] шестосугубнаго свещенноустроения еже на божество вь прьвыихь, вь срѣдних, вь послѣдниxь разумѣниих раздрѣшенное и прѣвысокое вьиспрьпростртие. Нь и еже безмѣроножно ихь и многоличное зре[19] священны Богословьць и еже крилы скутавати[20] еже под ногами и еже

[13] О мьншиихь чинохь, како прьвыими причествують кь божьственыимь сияниямь.

[14] О рекшемь рече, яко не серафимь бѣше явивисе Исайи, нь нѣкой долнѣйшиихь аггельь. О сей бо славѣ подвижитсе, еюже прѣд малѣмь являеть вь начелѣ главизны, идѣже рече «Инь же николиже безьмѣстно» и прочая.

[15] Понеже шестокрилата зрить серафимь. Аще и от долнего аггела явление научаваше, нь на серафимско видиние вьзвождахусе.

[16] Имат бо слово вь пророчствѣ сице, яко: «Стояху окрест Его».*

[17] Зри, что научаваше Исайа, егоже наричеть светый Богослова, яко невѣдомо Божество и горнѣйшимь силамь, и яко ничтоже от сущиих подобно Тому. Сия же навицаеть пророкь по очищени свои сьгрѣшений, о нем же мало послѣди рещи имамы.

[18] Рече бо горѣ, на конци десетие главизны, яко всакый умь, и чловѣчскый, и прьвие, и срѣдние, и послѣдние имать чины. Вьлѣпоту бо рече шесть криль имѣти силам, да убо двѣма покривають лица, срѣдними жы ноги, прочими же кь Божьству вьзлѣтати, еже рече самь прѣвысокое горѣпрострьтие. Знаменай же, что еже многоножное и многоличное серафимьь и почто покриваютсе нѣци. Знаменай же, како вьзводить шестокрилата светиихь серафимь.

[19] *На внутреннем поле рядом без какого-либо знака*: Навицаше изьвьнь.

[20] Скутавати, рекше покривати.

существ[13] причаствуют воспламеняющей, мудрой, дающей ведение и богоприятие силе, но в меньшей степени, и взирая на первых, и будучи ими — как первоначально удостоенными богоподражания — возводимы, насколько это возможно, к богообразию. Так что названные святые свойства, причастниками которых через первых становятся следующие за ними существа, те связывают после Бога с ними как со священноначальниками.

4. Итак, сказавший это говорил,[14] что то видение было явлено Богослову одним из заботящихся о нас святых и блаженных ангелов и что благодаря его просвещающему руководству он был возведен до того священного созерцания,[15] при котором видел высочайшие существа, находящиеся, говоря символически, под Богом, с Богом и вокруг Бога, ⟨видел⟩и Сверхначальный Верх,[16] сверхневыразимо от всех них удаленный, сидящим посреди и выше высочайших сил. И увиденное научило[17] Богослова тому, что Божество — благодаря сверхсущественному превосходству во всем — находится несравненно выше всякой видимой и невидимой силы, а также — что Оно сверхизъято для всего и совершенно неподобно даже первым из существ, а кроме того, Оно есть Начало и творящая сущности Причина всего, и неизменное Место нерушимой Обители, от Которой и самым превосходнейшим силам дается бытие. Потом он узнал о боговидных силах самих святейших серафимов, чье священное наименование означает «воспламеняющий», о чем мы скажем немного позже, насколько будет в наших силах рассказать о способности воспламеняющей силы возводить к богообразию, и что священная форма шести крыл[18] ⟨означает⟩ абсолютный и высочайший подъем к Божеству первых, средних и последних разумений. И тогда, видя[19] бессчетное количество их ног и многоликость, и то, что крылами они закрывали[20] вид, который под ногами, и вид, который выше лиц, и в ⟨их⟩

---

[13] ⟨Это говорится⟩ о меньших чинах, — как они через первых причаствуют божественным осияниям.

[14] Он говорит о том, кто сказал, что виденный Исайей был не серафимом, а неким из более низких ангелов. Он ведь возражает на то мнение, которое приводит немного ранее, в начале главы, где говорит: «А другой не вовсе неуместный...» и прочее.

[15] Поскольку он видит серафимов шестикрылыми. Хоть и нижним ангелом он был научаем, но до созерцания серафимов был возводим.

[16] Ибо Речение в пророчестве таково: «Стояли вокруг Него».

[17] Смотри, что узнавал Исайя, которого он называет Богословом, — что Божество неведомо и высочайшим силам и что ничто из сущего не подобно Ему. Это пророк узнает по очищении от своих согрешений, о чем мы скажем немного позже.

[18] Выше, в конце десятой главы, он сказал, что всякий ум, ⟨в том числе⟩ и человеческий, имеет первые, средние, и последние чины. Основательно он сказал, что ⟨у этой⟩ силы шесть крыльев: двумя — закрывать лица, средними — ноги, прочими же — взлетать к Божеству, — что он и назвал высочайшей простертостью вверх. Заметь также, что у серафимов много ног и много ликов, и ⟨отметь⟩, почему прикрываются ⟨их⟩ некоторые ⟨части⟩. Заметь также, как возводит шестикрылие святых серафимов.

[19] *На внутреннем поле рядом без какого-либо знака:* Он воспринимал это извне.

[20] Закрывать значит покрывать.

выше лица видѣние, и еже вь срѣдних крилѣхь приснодвижение кь умному зримыихь вьзвождашесе разуму, изьявляемые тому прѣвысокыих умовь многошьственные и многовидныие силы и свещеннаго ихь благоговѣинствия, егоже имуть прѣмирнѣ о высокыихь[21] и гльбокыих вь яростное[22] и сверепое и неприступное испытание, и вь умѣрении богоподражателныихь дѣйстьвь непрѣстаннаго и высоколѣтаемаго приснодвижения. Нь и богоначелное оно и многочестное пѣтие[23] тайно навицаше, вьображающаго видѣние аггела по силѣ Богослову прѣподающаго своего свещеноразумия. Учаше же убо того и сему, яко чищение[24] есть како-любо очищенныимь еже богоначелные свѣтлости и чистоти якоже мощно приобщение. Сие же,[25] от самого Богоначелия изредныими винами[26] вь всѣхь свещенныих умовехь прѣмирнимь скрьвенствомь[27] службодѣйствуемо, сущиим о себѣ яко прѣвышимь силамь изьявленнѣйше нѣкако есть и паче себе изьявляеть[28] и раздаваеть,[29] при вьторих же, или послѣдныихь, или нашихь разумныихь силахь, якоже от того каяждо по боговидномь растоитсе, тако свѣтлое свое сияние сьбираеть кь своего скрьвенствия единствному невѣдѣнию. Вьсиявает же на коегождо вторих прьвыими. И аще подобаеть вькратцѣ рещи, прьвѣе от скрьвенствия кь явлению ведетсе прьвыими силами.

Сему убо Богословьць учашесе от свѣтоводителнаго его аггела — еже очищение и всакая богоначелничская дѣйствия, прьвыими сущьстви вьсиява-

[21] «О высокыих» — заеже покривати лица, «гльбокых» же — заеже покривати ногы, срѣдних же ради умѣрение являеть.

[22] Яростное и сверепое испытание, рекше желателное и устрьмителное вь еже испытовати яже о Бозѣ, неприступное же — заеже не простиратисе выше мѣры вь высокая.

[23] Еже есть «Светь, светь, светь». Назнаменует же, яко и аггель по мѣрѣ своее силы приемлеть божествьное осияние и ть прѣподаеть пророком елико вьмѣщають, а не елика ть вѣсть.

[24] Что есть чишение и како вь умныих бываеть от Бога.

[25] Чищение рекше, или приобщение.

[26] Не бо яково есть при чловѣцѣхь чищение, таково есть и при бесплътных.

[27] О самомь томь Богоначели рекше, сирѣчь о Бозѣ.

[28] Чищение явѣ.

[29] Смотрити подобаеть, яко разьнствовати глаголеть не малѣ вь боговидѣнии всакой бесплътьной силѣ, много бо имуть боговидное горнѣйши умове, мьнше же прочии, поелику и чинь трѣбуеть прочиих умовь, даже до послѣдних, веще же и послѣдныихь наше душе, понеже и всѣхь умовьь много недостатьчствуеть яже вь нась душа. И божествное убо осияние сьбранно нѣкако паче и сьскутанно зритсе прѣма рекше вь дльгость растоянию еже кь Богу приближения, сьбрае образомь нѣкоимь само то осияние свое изьявление кь единьнному и простому егову невѣдѣнию. Невѣдом бо есть Богь не различия ради сьбраний [*рядом — маргиналий*: сьбрание разумѣй здѣ еже от любопрѣмудрьць глаголемо] недовѣдомо намь, нь по единеньству нѣкоем и прѣма яже у нас по коемждо и отнудь непостижномь неразумѣни.

средних крыльях вечное движение, святой Богослов был возводим к умопостигаемому знанию того, что он видел, и ему открывалась имеющая много путей многовидная сила высочайших умов и их священное благоговение, каковое они сверхмирно имеют при исследовании высокого[21] и глубокого, дерзновенном,[22] смелом и недостигающем ⟨цели⟩, и соразмерное с богоподражательными энергиями непрестанное и высокопарящее вечное движение. Он был тайно ознакомлен также и с оным богоначальным многочтимым пением,[23] когда создающий видение ангел по мере силы передавал Богослову свое священное знание. Он учил его также и тому, что очищение[24] для каким-то образом очищенных служит приобщением, насколько это возможно, богоначальной светлости и чистоте. И это[25] самим Богоначалием по запредельным причинам[26] во всех священных умах со сверхсущественной таинственностью[27] совершаемое ⟨очищение⟩ в тех силах, что около Него, как высочайших, проявляется[28] и сообщается[29] несколько яснее и сильнее, а во вторых, или последних, или наших умственных силах, — в зависимости от того, насколько каждая из них отстоит ⟨от Него⟩ в богообразии, настолько же Оно уменьшает Свое светлое осияние — вплоть до полного неведения, ⟨соответствующее Его⟩ собственной сокрытости. Воссияние же происходит для каждого из вторых через первые, и — если следует сказать вкратце — первоначально из сокровенности в явленность оно выводится через первые силы.

Вот, значит, чему Богослов учился от его световодительного ангела, — что очищение и все богоначальные энергии, воссияв через первые существа, всем

---

[21] «Высокого» — потому что они покрывают лица; а «глубокого» — потому что они покрывают ноги; соразмерность же — по причине средних ⟨крыл⟩.

[22] Дерзновенное и смелое исследование, — то есть порожденное желанием и стремлением исследовать то, что касается Бога, недостигающее же ⟨цели⟩ — чтобы они не простирались выше меры в высоту.

[23] То есть «Свят, свят, свят». Это означает, что и ангел по мере своей силы получает божественное осияние и сам передает пророкам сколько те вмещают, а не сколько он знает сам.

[24] *Заметь*, что такое очищение и как оно осуществляется Богом у ⟨существ⟩ умопостигаемых.

[25] То есть очищение, или приобщение.

[26] Ибо очищение у бестелесных не таково, каково оно у людей.

[27] То есть около самого Богоначалия, что значит около Бога.

[28] Имеется в виду очищение.

[29] Подобает иметь в виду, что немало отличается, говорит он, всякая бесплотная сила ⟨от другой⟩ в богообразии, ибо высочайшим умам богообразие свойственно в большей мере, а остальным, вплоть до последних, в меньшей, — насколько того требует чин, и в значительно меньшей мере, чем последним, — нашим душам, потому что много уступает всем ⟨небесным⟩ умам наша душа. Так что божественное осияние видится ⟨нами⟩ несколько более собранным и свернутым, соответственно ⟨нашему⟩ отстоянию — словно в мерах длины — от близости к Богу, как будто само это осияние сводит свое проявление к единому и простому Его неведению. Бог неведом ведь не из-за незнания нами разнообразия силлогизмов (силлогизм понимай здесь как то, что высказывается философами), но по причине некоего единого для нас — и по одному, и всех вместе — непостижимого неразумения.

ющая вь вса прочая раздаватисе по коегождо кь боготворьныимь причествиямь мѣрѣ. Тѣмже и огьнствнѣ[30] чистителное свойство серафимом вьлѣпоту по Бозѣ наложи. Ничтоже убо безмѣстно, аще очищати богословца серафимь глаголетсе. Якоже бо Богь очищаеть вьсѣхь вь еже всакого очищения быти вина, паче же (приближнейшею бо прииму приказнию), якоже бо иже у нас свещенноначелникь[31] своими служители, или свещенници очищае, или просвѣщае, ть глаголетсе очищати и просвѣщати иже тѣм освещенномь чиномь на того вьзлагающиимь своя свещенная дѣйствия, сице и свое чистительное художьство и силу, еже чищение богословцу сьдѣлуе аггель на Бога убо яко виновна, на серафим же яко на прьводѣлнааго свещенноначельника вьзлагаеть, якоже убо кто да речеть сь благоговниемь аггельскымь иже от того очищаемаго научае, яко «еже вь те от мене[32] службодѣйствуемаго чищения начело убо есть прѣизето и существо, и сьдѣтель, и виновьнь иже и прьвая существия[33] и кь еже быти приведь, и еже о немь присѣдением сьдрьже и сьхраняе непрѣложна же и непрѣпадаемаа и самь подвиже на прьвая своихь промыслителныихь дѣйстьвьь причестия (се бо иже симь ме уче рече[34] еже серафима изьявляти послание*), священноначелник же[35] и по Бозѣ наставникь, еже прьвѣйшиихь сущьстьвь удобрение, от негоже еже очищати азь боговиднѣ научень быхь. Сь убо есть иже мною тебе очищае, имьже своя промыслителная дѣйствия от скрьвенства и вь нась произведе яже всакого вина и сьдѣтель чищения».

Симь убо онь научи ме, тебѣ же азь прѣподаю. Твоего же убо есть умнаго и расудителнаго художьства или единою реченныих винь раздрѣшитисе недоумѣния и сию прѣдьпочисти от иные яко лѣпо и благословно и негли истинно имущую, или от себе что суще истинному сьродное изьобрѣсти, или

[30] Знаменай, яко огньствное свойство серафимь есть и како, аггелу очищающу, серафимь речесе очищати, и прѣжде сихь Богь, — по образу и притьчи иже у нас чищения.

[31] Знаменай, яко свещенници мьнши свещенноначелника суть, и яко ино просвѣщати и ино очищати, и яко ино служитель и ино свещенникь, и яко свещенником, очищающиимь или просвѣщающиимь свещенноначелникь глаголетсе сия творити.

[32] *Маргиналий*: Аггелово обычайнотворие.

[33] Яко Богь, иже всѣх подобнѣ умныих сьдѣтель есть. Ть и прьвая существия сьдрьжить и сьблюдаеть кь непрѣвращению и непрѣпадению. Непрѣложнѣх же подобаеть тѣхь разумѣти по ономь, по иже суть, сиречь вь бесмрьтное, вь животь, по имже вьсущьствишесе, вь еже быти свѣть. Сих ради бо и непрѣложни осущьствнѣ и вь еже непрѣвращатисе вь странная похотѣвания, а заеже и самовластнѣмь сущиимь, Богь сьдрьжить их и сьхраняеть. Еже бо кь Богу вьиспрьпростиратисе тѣхь есть умнаго произволения, а еже присно о семь удовлятисе, заступления есть Божия. Вса бо трѣбователна Божиее помощи.

[34] *Киноварный маргиналий*: Посрѣдѣ.

[35] Якоже да бы очищаей аггель Исаию сия пакы тому глаголаль о серафимѣхь. Починает же яко от аггела вьображаемо глаголание, идѣже есть аггелово обычайнотворие.

прочим передаются по мере ⟨готовности⟩ каждого к боготворным причастиям. Почему и воспламеняюще[30]-очищающее свойство он справедливо отнес, после Бога, к серафимам. Ничуть, значит, не неуместно говорить, что Богослова очищает серафим. Ибо как Бог, будучи Причиной всякого очищения, очищает всех, а скорее (воспользуюсь близким примером), как наш иерарх,[31] через своих служителей, или иереев, очищающий или просвещающий, сам, говорится, очищает и просвещает, и очищаемые через него чины с ним связывают свои священные действия, так и исполнивший очищение Богослова ангел связал свое очищающее знание и силу с Богом как с Причиной, а с серафимом как к перводействующим иерархом, с ангельским, можно сказать, благоговением уча очищаемого им, что «Запредельное Начало и Существо, Содетель и Причина в тебе мною[32] совершаемого очищения есть Вводящий в бытие первые существа[33] и, вокруг Себя учредив, Содержащий их и Сохраняющий непреложными и неизменными, и Подвигающий их первыми причаствовать Своих промыслительных энергий (учащий меня этому сказал,[34] что именно в этом выражается апостольство серафима), иерарх же[35] и ⟨первый⟩ по Боге руководитель — ⟨это⟩ чин первейших существ, которым я был научен богообразно очищать. Это он через меня очищает тебя, а через него Свои промыслительные энергии вывела из состояния сокрытости ⟨и распространила⟩ на нас Причина всего и Создатель очищения».

Этому он меня научил, я же тебе передаю. И уже от твоей способности думать и разбираться зависит либо разрешить недоумение одним из высказанных доводов и предпочесть его другому, как обладающий изяществом, убедительностью и, по-видимому, истиной, либо самому изобрести нечто более родственное истинно истинному, или же от другого научиться — разумеется,

[30] Заметь, что огненность есть особенность серафимов и почему, когда очищает ангел, сказано, что очищает серафимы, а прежде них Бог, — по примеру рассказа об очищении у нас.

[31] Заметь, что иереи меньше иерарха, и что иное дело просвещать и иное очищать, и что иное литург и иное иерей, и что, когда иереи очищают или просвещают, говорится, что это делает иерарх.

[32] *Маргиналий:* Олицетворение ангела.

[33] ⟨Заметь⟩, что Бог — Творец так же точно и умопостигаемых ⟨существ⟩; Он и первые существа содержит и соблюдает в непревращаемости и неизменности. Непреложными следует считать их в тех формах, в каких они существуют, будь то в бессмертии, в жизни, в которой они осуществляются, в бытии светом. В таковых Бог содержит их и сохраняет неподверженными существенным изменениям и не предающимся противоестественным желаниям как самовластных. Ибо устремление ввысь к Богу есть дело их умственного выбора, а способность удержаться в этом вечно зависит от Божьей поддержки. Все ведь нуждается в Божьей помощи.

[34] *Киноварный маргиналий:* ⟨Это⟩ вставка.

[35] Как будто очищающий Исайю ангел вновь говорил ему это о серафимах. ⟨Снова⟩ начинается воображаемая речь ангела, то есть олицетворение ангела.

от иного научити, Богу явѣ дающу глаголь и исходатающиимь[36] аггеломь,[37] и любоаггельныимь намь открити свѣтлое паче, аще мощно есть и мнѣ паче рачителное видѣние.

[36] Яко Божия дания (*исправлено черными чернилами на «даяния»*) происходатають аггелы.

[37] Смотри, яко, Богу дающу намь «глаголь вь отврьзене усть»* наших, аггелы происходатайствують, явѣ яко о нась молещесе.

ГЛАВА 14. ЧТО НАЗНАМЕНУЕТЬ ПРѢДАННОЕ АГГЕЛЬСКОЕ ЧИСЛО

И сие же достойно есть, яко мню, умнаго смотрения, яко Словесьь еже о аггелѣхь прѣдание «тисуще тисущь»* быти[1] рече «и тмы тьмьь»,* иже у нась коньчная чисьль вь себѣ вьзокружае и многовьсугубляе и сихь ради явѣ изьявляе намь бесчисльные небесныихь сущьствьвь чины. Многа бо суть блаженная воинства прѣмирныихь умовь, немощну[2] и смѣренную прѣизьшьдшая иже у нась тименьныихь числь мѣру, и от единого разумливаго[3] опрѣдѣляема еже вь тѣхь прѣмирнаго и небеснаго разумѣния и художьства, еже богатнѣ тѣмь дарованнаго от богоначелничьскаго безмѣрноразумнаго прѣмудротворения, всѣх вькупѣ сущиихь прѣсущьствьнѣ сущаго Начела и Вини сущьствотворные силы и обьемителнаго накончания.

[1] Сия же вь Даниилѣ реченна быше. По безмѣрномь, а не по числѣ.

[2] Немощную мѣру нарече чловѣчско число прѣма аггелѣхь. Рече бо се и иныим нѣкоим. Близньцемь именемь, иже слѣпь бѣ, деветьдесеть и деветь овць убо быти аггелы, едину же погыбшую — нас, чловѣкы.

[3] Знаменай же, яко и самымь аггеломь глаголеть разумителнѣ, а не учителнѣ, вѣдѣти опрѣдѣления, сирѣчь еже колико небесных сущьствьвь есть число, от Бога и вь семь просвѣщенномь.

ГЛАВА 15. КЫИ ИЗЬОБРАЗИТЕЛНЫИ АГГЕЛЬСКЫИХЬ СИЛЬ ОБРАЗЫ: ЧТО ЕЖЕ ОГНЕВИДНОЕ, ЧТО ЕЖЕ ЧЛОВѢКОВИДНОЕ, ЧТО ОЧИ, ЧТО РУКЫ, ЧТО УШИ, ЧТО НОЗДРЫ, И ПРОЧАА ГЛАВИЗНЫ ПОДОБНѢ

1. Принеси проче упокоивше наше, аще мнитсе, умное око, еже о единствьныихь и высокыихь видѣнияхь аггелолѣпотные крѣпости на раздѣленную и многочестную широту многовиднаго аггельскыихь зракотворений различия сьшьдьше, пакы от тѣхь яко от образь на простоту небесныихь умовь вьзвратнѣ вьзидемь. Да будет же тебѣ прѣдразуменно, яко яже свещеннообразныихь образьь тлькователная сказания таяжде есть, егда небесныих

когда Бог дает речь, а выхлопатывают[36] ⟨ее⟩ ангелы,[37] — и нам, любящим ангелов, открыть более ясное, если только это возможно, и для меня более вожделенное созерцание.

[36] ⟨Заметь⟩, что ⟨получаемые нами⟩ Божьи дары выхлопатывают ⟨нам⟩ ангелы.

[37] Обрати внимание на то, что, когда Бог дает нам «слово во отверзение уст» наших, ангелы ходатайствуют, — очевидно, молясь о нас.

ГЛАВА 14. ЧТО ОЗНАЧАЕТ СООБЩАЕМОЕ ПРЕДАНИЕМ ЧИСЛО АНГЕЛОВ

И то мне кажется достойным умственного рассмотрения, что предание Речений об ангелах говорит, что их «тысячи тысяч»[1] «и тьмы тем», предельные из наших чисел обращая на самих себя и многократно умножая, и с их помощью ясно показывая, что нами чины небесных существ исчислены быть не могут. Много ведь блаженных воинств сверхмирных умов, и превосходят они ⟨количеством⟩ немощную[2] и скудную меру наших материальных чисел, и пределы их ведомы только им свойственному сверхмирному небесному разумению[3] и знанию, щедро им дарованному богоначальным безмерно-знающим Творцом премудрости, являющимся Началом вообще всего сущего и Причиной творящей сущности силы и охватывающих ⟨их⟩ границ.

[1] Это сказано было у Даниила. ⟨Им⟩ соответствует безмерность, а не число.

[2] Немощной мерой он называл число людей относительно ангелов. Это же сказано и неким иным ⟨человеком⟩ по имени Дидим ⟨что значит «Близнец»⟩, который был слепцом, — что девяносто девять овец это ангелы, а одна потерянная — мы, люди.

[3] Заметь, он говорит, что и сами ангелы, разумея, а не изучив, знают ⟨свои⟩ пределы, то есть каково число небесных сущностей, будучи и в этом просвещены Богом.

ГЛАВА 15. КАКИЕ ФОРМЫ ИМЕЮТ ОБРАЗЫ АНГЕЛЬСКИХ СИЛ: ЧТО ⟨ОЗНАЧАЕТ⟩ ОГНЕВИДНОСТЬ, ЧТО ЧЕЛОВЕКООБРАЗНОСТЬ, ЧТО ГЛАЗА, ЧТО РУКИ, ЧТО УШИ, ЧТО НОЗДРИ И ПРОЧЕЕ, СВОЙСТВЕННОЕ ГОЛОВЕ

1. Ну, наконец, если хочешь, снизойдем, давая отдых нашему умственному оку от напряжения, подобающего ангелам при возвышенных созерцаниях Единого, к разделенной и многочастной широте многообразия, присущего формотворчеству при изображении ангелов, ⟨а затем⟩ вновь от них как от образов взойдем обратно к простоте небесных умов. Но да будет тебе прежде известно, что толкования запечатлевающих священное образов являют порядки небесных

сущьствьв удобрения свещенноначелствующая изьявляють и пакы свещенноначельствуемаа и послѣдняя свещенноначелствующая, свещенноначелствуемаа же прьвая и тежде, якоже речесе, прьвые и срѣдние и послѣдние имущая силы, ниединому безмѣстному слову вьводиму по таковом же сказаний образѣ.[1] Аще бо убо свещенноначелствоватисе нѣкоторимь от прьвыих глаголали быхом, таже тѣмижде свещенноначельствовати, и прьвая пакы, свещенноначелствующая послѣдныими, свещенноначелствоватисе от самѣхь онѣхь свещенноначелствуемыихь, вьистину безмѣстна вещь и сьмущения многа испльненнаа. Аще ли же таяжде свещенноначелствовати же и свещенноначелствоватисе глаголемь, нектомужде тѣми же или от тѣхжде, нь самому коемуждо свещенноначелствоватисе убо от прьвыихь, свещенноначелствовати же послѣдныими. Не нелѣпотнѣ[2] убо кто речеть яже вь Словесехь свещеннозданьная изьображения таяжде есть егда мощи и прьвыимь, и срѣднимь, и послѣднимь силамь искрьннѣ и истиннѣ налагати. И еже кь горныимь убо обратителнѣ вьиспрьпростиратисе, и еже вь себѣ неклонителнѣ сьобращатисе своихь суще хранителны силь, и еже о вторихь[3] причестителныимь прошьствием промысльние тѣмь вь причести силы быти всѣмь нельжнѣ прикладьствуеть небесныимь сущствомь, аще и овѣмь убо прѣвьсходителнѣ и отнудьнѣ, якоже многащи реченно бысть, овѣм же отчести и умьненнѣ.

2. Достоить же начети слово и изискати прьвѣе образьь тлькователная сказания,[4] кое ради вины богословие не маль паче всѣхь обрѣтаетсе почитае огньствное свещеннописание. Обрѣсти бо то имаши не тькмо кола огневидна* наздаваемо, нь и животнаа огняна,* и мужи, яко огнь блистаемыие,* и вь самѣхь небесныихь сущьствахь множьства углей огня полагаемо,* и рѣкы неодрьжимимь шумомь огнепалние.* Нь и прѣстолы глаголеть огьньныие быти,* нь и самые прѣвысокыие серафимь пожигателе суще от именования изьявляеть, и огня свойство и дѣйство тѣмь отдаеть, и свьсма горѣ и долѣ огньствное почитаеть изреднѣ образотворие.

---

[1] Горѣ бо рече, яко горнѣйше силы свещенноначельствують сущиими по тѣхь, и срѣдние послѣдними, и послѣдние их иже вь чловѣцѣхь свещеньноначелници. Ни бо рече, яко сьи чинь и начельствуеть сущиими по немь, и начелствуетсе от тѣхь, нь сице рече, яко прьвый чиинь (*так!*) начельствуеть сущиими по немь, начелствуеть же се сущиими прѣжде его. Сице и о прочиихь достоить разумѣвати.

[2] Не безмѣстно глаголеть иже вь словесехь Писания образе всѣмь небесныимь силамь налагати, яко всѣмь рекше быти высокыим и спасителнимь и разумнымь, аще и не подобнѣ, нь овѣмь убо прѣвьсходителнѣ, овѣм же мьнше.

[3] И нельжнѣ прикладьствуеть всѣмь небесныимь существом еже быти тѣмь вь причестии промыслителние силы вь общемь прошьстви еже о вторихь, вь еже промышляти о них по причестию, якоже рѣхь, промыслителние силы.

[4] Знаменай, почто вь аггельскыхь образованияхь еже огньствное паче приемлетсе и почто яже о небесныихь огнь яко множае глаголеть Писание и яко серафимь пожигателие глаголютсе.

существ то священноначальствующими, то в свою очередь священноначальствуемыми, причем ⟨и⟩ последние ⟨оказываются⟩ священноначальствующими, и первые находящимися под священным началом, и одни и те же, как было сказано, имеющими и первые, и средние, и последние силы; и что при таком способе объяснений не привносится ни одного неуместного слова.[1] Ведь если бы мы говорили, что некоторые ⟨чины⟩ находятся под священным началом первых, затем — что они ими же священноначальствуют, и вновь — что первые, священноначальствующие последними, находятся под началом этих самых священноначальствуемых, получилась бы сущая нелепость, преисполненная многой путаницы. Когда же мы говорим, что одни и те же священноначальствуют и находятся под священным началом, то ни в коем случае не — самими собой или самих себя, но — что каждый из них находится под священным началом предшествующих, а священноначальствует последующими. И не безосновательно[2] можно сказать, что одни и те же священнозданные изображения могут в Речениях подобающим образом и истинно применяться и к первым, и к средним, и к последним силам. И устремляться, обратившись, к вершине, неизменно собирать вокруг себя охранительные из своих сил и быть причастным в приобщающем исхождении ради вторичных[3] промышляющей о них силе — неложно подобает всем небесным существам, хотя и одним в превосходящей ⟨других⟩ степени и целостно, как много раз было сказано, а другим отчасти и меньше.

2. Итак, следует начать слово и при первом осмыслении изображений исследовать,[4] по какой причине богословие почти всему, описывая священное, предпочитает, оказывается, огненность. Ты, конечно, заметишь, что оно изображает не только огневидные колеса, но и огненных животных, и мужей, как огонь блистающих, и вокруг самих небесных существ груды огненного угля располагает и с нестерпимым шумом огнем горящие реки. Также и о престолах огненных оно говорит, и из имени самих высочайших серафимов выводит, что они суть пожигатели, и особенностью и действием огня их наделяет, и вообще вверху и внизу решительно предпочитает творить образы, связанные с огнем.

[1] Выше ведь он сказал, что более высокие силы священноначальствуют следующими за ними, средние — последними, а последние из них — иерархами у людей. Он не сказал ведь, что тот же самый чин и начальствует следующими за ним, и оказывается под их началом, но — что первый чин начальствует следующими за ним, и находится под началом тех, что перед ним. Так же надо разуметь и о прочих.

[2] Он говорит, что не неуместно то, что в речениях Писания всем небесным силам ⟨равно⟩ придаются образы, — так как все они, можно сказать, высоки, спасительны и разумны, хотя и не одинаково, но одни из них больше, а другие меньше.

[3] И неложно применяет он ко всем небесным существам способность быть причастными силе Промысла в общем исхождении ко вторичным для заботы о них, — при ⟨их⟩ причастии, как сказал я, промыслительной силе.

[4] Заметь, почему при изображении ангелов используется по преимуществу пламя, и почему Писание говорит о небесном по большей части как об огне, и что серафимы называются пожигателями.

Еже бо убо огньствно изьявляти мню еже небесныихь умовьь боговидное. Свещенныи бо богословци прѣсущьствное и безьобразное существо вь огнѣ многащи исписують, яко имущу многая богоначелничьскаго, аще подобаеть рещи, свойства, яко вь видимыихь образѣхь. Чювьствьны бо огнь[5] есть убо, якоже рещи, вь всѣхь и скрозѣ всѣхь несмѣснѣ проходить, и изеть есть всѣхь, и свѣтьль сущь, вькупѣ и яко ськрьвень, невѣдомь самь по себѣ, не прѣдлежещой вещи, вь нейже явить свое дѣйство, неодрьжим же и невидимь, самодрьжательнь всѣхь, и яже вь нихже аще будеть, кь своему приводе дѣйствию, измѣнительнь, прѣподатливь себе всѣмь како-любо приближающиимсе, обнавлятельнь животьною теплотою, просвѣщательнь неприкривателныими сиянми, неудрьжаньнь, непримѣсьнь,[6] расудительнь, неизмѣньнь, горѣносьнь,[7] скорошьствьнь, высокь, ниединого трьпе долѣноснаго сьнижения, приснодвижьнь, таkождедвижьнь,[8] подвизательнь иныихь, обьемительнь, необьемлемь, нетрѣбовательнь[9] инога, утаителнѣ вьзрастительнь себѣ и кь подьемлющиимь вещемь изьявляе свое величьство, скорь, сильнь, вь всѣхь сущь невидимо, небрѣгомь небыти мнесе, сь трением же якоже нѣкоимь вьзисканиемь естестьвнѣ и искрьннѣ вьнезаапу являемь, и пакы непостижнѣ отлѣтае, неумьняемь вь всѣхь богатныихь его прѣподанияхь. И многа убо кто обрѣсти имать огня свойствия искрьньна елико вь чювьствныихь образѣхь богоначелничскаго дѣйствия. Се убо вѣдуще, богомудрьны небесная существия от огня наздавають, являюще ихь еже боговидное и якоже мощно богоподражателное.

---

[5] Естествословие дивно о огьни. Огнь зримь вь всемь рассѣянь, несмѣмснѣ же, сиречь не вьмѣшень сущиимь вь нихже есть, «скрозѣ вса же проходить». Сиречь не якоже вода явленно, иже кь земли творить смѣшение, сие и огнь: попаляе все и изнурае, изеть же есть, рекьше прѣвьсходить все по изетом сьставѣ явѣ по еже сильнь. «Невѣдома» же того «и скрьвенна» наричеть, яко бывае убо вь вещехь нѣкоих, неявляем же кромѣ сьтрения или кромѣ вещи приетние дѣйства его показуемь и по сем «неодрьжим и невидимь». Подобнѣ и прочая огня свойствия достоить зрѣти, яже сь отець по благочестивѣ вьзводѣ же и мысли приеть о Бозѣ же и аггельскыихь естествох. Знаменай же, почто Господь Богь яко огнь видѣнь бысть многащи и по чесомь уподобление огня кь Богу.

[6] Знаменай изречение о чювствномь огнѣ, рекше похвалу. Расуждает бо и раздѣляеть вещи, сирѣчь олово от сребра, и споения раздрѣшаеть. Неизмѣньн же по еже мощьнь прѣбывающу подлежещому, сирѣчь самому существу огньному, не прѣлагающусе вь страдание, яко по еже быти тому округлу, или краеуглньновидьну, еже есть вь земльныих обрѣсти, или пострадати яже вьздуха, рекше растлѣтисе вьскурений ради и недугь многащи нанести, или одебелѣти, или якоже вода прѣложение приети.

[7] Николиже бо на долняя приходить, нь горѣносимь есть.

[8] *Маргиналий*: Подобно движьнь, неизьменует бо се движение его.

[9] Яко нетрѣбовательнь инога огнь, а паче трѣбуеть нечесого подлежещаго вь вьзгорѣние. Нь не се глаголеть, нь яко огнь не смѣшаетсе иной стихии, ниже раствараетсе, якоже вода сь землею. Тѣмже и вь стихияхь единосущьствьна того нѣци нарекоше.

Ибо огненность являет, как я думаю, боговидность небесных умов. И священные богословы часто описывают сверхсущественную и неизобразимую сущность в виде огня, — как имеющего многое, с позволения сказать, свойственное Богоначалию словно в зримых образах. Воспринимаемый чувствами огонь[5] присутствует ведь, так сказать, во всем и сквозь все проходит, не смешиваясь, от всего обособленным; и, будучи ярким, при этом он и как бы сокровен; неведомый сам по себе, если нет вещества, на котором он показал бы свое действие, неуловимый и невидимый, он самодержец всего; и то, в чем он оказывается для своей деятельности, он изменяет; он передает себя всем как-либо к нему приближающимся; он возобновляется от жара искорки и ⟨все⟩ освещает несокрываемыми сияниями; неудержимый, беспримесный,[6] разделяющий, неизменный, устремленный ввысь,[7] быстро бегущий, высокий, не терпящий никакого подножного снижения, вечно движущийся, одинаково движущийся,[8] двигатель других, объемлющий, необъемлемый, не имеющий нужды[9] в ином, незаметно возрастающий и показывающий воспринимающим его веществам свое величие, быстрый, сильный, во всем сущий невидимо, кажущийся несуществующим, когда о нем не думают; при трении, как бы вследствие некоего изыскания, внезапно по-родственному, дружески являющийся и вновь недостижимо отлетающий; не уменьшающийся при всех щедрых себя раздаяниях. И еще многие свойственные огню особенности можно раскрыть как доступные чувствам образы энергии Богоначалия. Именно это зная, богомудры создают образы небесных существ из огня, — показывая их боговидность и, в меру возможного, богоподражательность.

---

[5] Удивительные слова о физических свойствах огня. Огонь мы видим во всем рассеянным, но беспримесным, то есть не смешанным ни с чем, в чем он существует, а он «сквозь все проходит». То есть не как вода, которая образует с землей очевидную смесь, таков и огонь: сжигающий и истребляющий все, он оказывается вне всего, или же превосходит все, то есть элементы, по ⟨своей⟩ исключительности, по силе. «Невидимым» же и «сокровенным» он называет его как существующий в некоторых веществах, но не проявляющийся без трения и без материи, воспринимающей его действие, не показывающийся, и потому «неуловимый и невидимый». Подобным образом следует рассматривать и прочие особенности огня, каковые этот отец путем благочестивого возведения и размышления применил к Богу и ангельским естествам. Заметь также, почему Господь Бог часто виден как огонь и почему уподобление огню применимо к Богу.

[6] Обрати внимание на речь, или же похвалу, посвященную воспринимаемому чувствами огню. Он ведь отличает и отделяет вещества, например свинец от серебра, и сплавы расплавляет. Неизменен же он, поскольку неспособен, пока остается основа, то есть само существо огня, измениться в своих свойствах, например, стать круглым или коническим, что можно наблюдать у земных вещей, или пострадать подобно воздуху, например, испортиться от дыма и причинить многие болезни, или затвердеть, или подвергнуться изменениям наподобие воды.

[7] Ибо он никогда не распространяется на то, что внизу, но стремится вверх.

[8] *Маргиналий*: Тем же самым образом движущийся, ибо его движение не изменяется.

[9] ⟨Заметь⟩, что огню не требуется иной, хотя и требуется некий материал для возгорания. Но он говорит не это, а — что огонь не связывается с другим элементом и не смешивается, как вода с землей. Почему некоторые и назвали его односущностным в элементах.

3. Нь и чловѣкообразнѣхь[10] тѣхь написують умнаго ради и еже кь выиспрь имѣти зрителные силы, и еже образ[11] правостное и простое, и еже по естествѣ начелное и владычственое, и еже по чювьствнѣмь[12] мьнше, елико кь прочимь бесловесныихь животь силамь, прѣвьсходително же всѣхь по богатьной ума силѣ и по словесномь художьствѣ прѣвьсхождениемь, и по естественомь душе непорабощенномь и недрьжимомь.

Есть же и по коемьждо,[13] яко мню, телеснаго нашего многочестия образе прикладьние изьобрѣсти небесныимь силамь, глаголющемь очесьь убо изьявляти силамь еже кь божествьныимь свѣтомь чистѣйшее вьзмаяние[14] и пакы еже гладкое и водное и не стрьпьтное, нь остродвижное, и чистое, и распрострьтое бестрастнѣ подьетие богоначелныихь осияний;

а яже обоняний расудителные силы — еже паче ума благоуханнаго прѣподания, якоже мощно, вьсприетное, иже таковыихь вь художьствѣ расудителное и свьсма отбѣгателное;

а яже ушию силы — еже причестное и разумнѣ подьемителное благоначелнааго вьдьхнутия;

а яже вькусныие — еже умныихь пищь испльнение и еже божественыихь и питателных излитий[15] подьемителное;

а яже осезателные — еже естествьнаго или врѣдителнаго вь художствѣ разумителное;

вѣжди же и обрьви — еже богоприетныихь разумѣний хранително;

---

[10] Почто и чловѣкообразны наздаваютсе аггелы.

[11] «Еже образ правостное и простое», зане, право и горѣ зре, чловѣкь ходить, а не по земли сьгрьченнѣ, якоже проча животна.

[12] Знаменай различие чювствну бесловесныихь животныихь кь чювству словесниихь нас. Бесловесна бо убо все чювствьна суть, егоже ради и сьстоетсе, безумна сущаа. Вь нас же мало есть еже чювствьно, не бо тѣмь сьстоимсе, нь умнаго ради, тѣм же и по смерти еще есьмы, душа умна суще. При аггелех же ни же мало есть чювствныихь, нь образь дебель яже у нась. **Ино.** Мьне же еже вь чловѣцѣхь по чювьствномь глаголет, не яко иным животным вещшая чювствия имущим, нь крѣпчайшаа и скорѣйшаа вь почутие находимих. Гадание же се приемлеть еже о аггелѣхь не приематисе по всемь истиннѣ сущиими иже вь нас чювствьными, прѣвьсходит бо помногу излишное умние силы, якоже и чловѣкь умнимь прѣвьсхождением и помыслом бесловеснаго естества прѣвьсходить.

[13] Что очи умних сказуеть, и что ноздри, и что уши, и что вькусь, и что осезание, и что вѣжде и обрьви, и что младость, и что зубы, и что рамена, и что мышце, и что прьси, и что плещен и ногы, и что льгкое криль, и прочая.

[14] Вь сих естествовловитсе свойство телеснаго ока, по вьзвождени же сия прѣлагаеть, якоже и прочая чловѣчскых удь, вь видѣние яже вь аггелѣхь естественыих силь.

[15] Излитие разумѣй прѣнеизреченное прѣмудрости излитие, по реченному: «Излѣю от Духа Моего на всаку пльть»* и прочая. Прѣходить бо божьствный разумь от Бога умними силами на божественыи чловѣкы по коегождо мѣрѣ.

3. Но и как об антропоморфных[10] о них пишут — из-за ума и устремленности зрительных сил ⟨человека⟩ вверх, а также прямоты и вертикальности фигуры[11] и присущей ⟨его⟩ природе начальственности и властности, и из-за того, что чувствами[12] он — если сравнивать с иными способностями бессловесных животных — наименьший, но превосходит всех избыточествующей силой своего ума, преимуществом искусства слова и свойственными природе души непорабощаемостью и неподвластностью.

Можно, мне кажется, и в каждой[13] ⟨составляющей⟩ нашей телесной многочастности обрести подходящий для небесных сил образ, — говоря, ⟨например⟩, что способность зрения указывает на чистейшую обращенность вверх к божественным светам,[14] а также на нежное, мягкое, не враждебное, но остроподвижное, чистое и бесстрастно-открытое приятие богоначальных осияний;

способность различать запахи, — на восприятие, насколько возможно, превышающего ум благоухания, умение отличать, анализируя, не таковое и полностью ⟨его⟩ избегать;

способность слышать — на причастность богоначальному вдохновению и познавательное ⟨его⟩ восприятие;

вкус — на исполненность пищей для ума и приятие божественных питательных излитий;[15]

осязание — на способность отличать, распознавая, полезное от вредного;

веки и брови — на охрану богозрительных уразумений;

---

[10] ⟨Заметь⟩, почему и антропоморфными изображаются ангелы.

[11] «Прямота и вертикальность фигуры», — потому что прямо и вверх глядя, человек ходит, а не скорченным к земле, как прочие животные.

[12] Отметь разницу между чувствами бессловесных животных и чувствами разумных, нас. Бессловесным свойственны только чувства, которыми они и руководствуются, будучи неразумными. А у нас чувства играют малую роль, ибо мы руководствуемся не ими, но умом, почему и после смерти еще существуем, будучи умной душой. А у ангелов ни в малейшей степени нет чувств, но то, что свойственно нам — грубый оттиск ⟨того, что у них⟩. **Иное.** Наименьшим же по чувству он называет человека не потому, что у других животных чувств больше, но потому, что ⟨они у них⟩ сильнее и острее. Это иносказание имеет тот ⟨смысл⟩, что ангелы не пользуются свойственными нам чувствами, ибо значительно превосходят нас избытком умственной силы, — как и человек высотой ума и рассудком превосходит бессловесное естество.

[13] ⟨Заметь⟩, что являют глаза умопостигаемых ⟨существ⟩, что — ноздри, что — уши, что — вкус, что — осязание, что — веки и брови, что — молодость, что — зубы, что — плечи, что ноги, что легкость крыл и прочее.

[14] Здесь он говорит о природной особенности телесного глаза, а восходя, применяет это, как и ⟨свойства⟩ остальных человеческих членов, к рассмотрению свойственных ангелам природных сил.

[15] Под излитием понимай в высшей степени неизреченное излияние премудрости, согласно сказанному: «Изолью от Духа Моего на всякую плоть» и прочее. Ибо божественное разумение переходит от Бога через умопостигаемые силы на божественных людей, по мере каждого.

младостни же и юношьский възрасть — еже възращателние присноживителние силы;

зубы же — еже раздѣлителное вьдаемаго пищнаго сьврьшения (коежде бо сущьство умно дарованное тому от божествнѣйшего сьединно разумѣние промыслителною силою раздѣляеть и множить[16] кь мьньшего въводителному подобию);

раменѣ же, и мышце, и пакы рукы — еже творително, и дѣйствителное и скорое;

пакы же сердце[17] знамение быти боговидныие жизны свою животную силу благовиднѣ вь промышляемая рассѣвающие;

прьси же пакы изьявляти еже неумекчаемо и хранителное,[18] якоже при подлежещемь срдци животворнаго прѣподания;

плещи же — еже сьбрателное оживляемыихь всѣхь сильь;

ногы же — еже двизательное и скорое и текущее на божествная шьствителнаго приснодвижения. Тѣмже и пернатие[19] богословие светихь умовьь изьобрази ногы. Крило бо изьявляеть вьзводителную скорость и небесную и еже кь вьспрь и небесную, и еже кь вьиспрь путитворное, и еже всакого нижняго, заеже горѣносно, изето. Криль же льгкость — еже по ничесом же земльное, нь все несмѣснѣ и не тегостнѣ на высоту вьзводимое;

а еже нагостно и необувенно — еже отпущенное и благораздрѣшное и неодрьжимо, и очищае от вьнѣшняго[20] приложения, и еже кь простотѣ божественой якоже мощно уподобляемое.

---

[16] Всака, рече, умьнаа сила иже бываемыи вь ту божествны разумь умножаеть, сирѣчь сказуеть кь еже разумѣтисе от нась, сказующи видѣнная, якоже вь Даниилѣ обрѣсти имаши, егда сказоваше сему аггель сьнь, егоже видѣ.*

[17] Знаменай, яко прѣдсьздасе вь нас срдце, якоже вь окружени шесталномь: прѣжде вьнутрь чрьта бываеть, потом коло окружением бываеть, так и срдце прьвѣе жизнь приемле. Понеже и по божествном Васили прьвѣе зиждетсе срдце, таже, якоже от сроке, рекше от забодения еже вь крузѣ, все тѣло сьтвараетсе, тѣм же вьсуть животь простиратисе вь тѣлѣ. Аще бо естествна топлота оживляеть тѣло, аще ли духь, аще ли крьвь, всѣмь симь источникь есть срдце. Сего ради и нѣкоимь вьзьмнесе все еже оживлятелное вькупѣ и образом нѣкоим здѣ прьвѣе паче сьздае, а паче вьсуду вь тѣлѣ суще, и не дрьжимо мѣстомь, ни же описанно вь мѣстѣ, ни же одрьжимо тѣлом. Тако убо и о невидимыих чинохь, или вьздѣ, или особь служьбнѣ промышляющиихь. Образом бо вь срѣдѣ и срдца мѣстомь да разумѣваютсе ти, всѣмь мьншимь сияние истакати по мѣрѣ когождо, якоже бо срока источнику жизни сьздашесе. А паче неудрьжими суще и неописуемы мѣстом, или честию телеснѣ, ихже сьдрьжеть промышляти от Бога вьчинены.

[18] Речение сице сложи: «хранителное животворнаго прѣподания», таже — «якоже при подлежещем срдци».

[19] Почто пернати ногы аггеломь, да покажеть еже самодвижное, и еже кь Богу горѣ простирателное, и кь земльнимь непричестное, елико вь еже страстнѣ вь тѣхь быти, понеже явишесе и на земли аггелы. По страстном непричестни земльним, а не по явлених, явише бо се многащи.

[20] Вьнѣшняго приложения — рекьше пищь и одеждь, имиже яже у нась сьдрьжетсе.

молодой, юношеский возраст — на всегда цветущую жизненную силу;

зубы — на способность разделять даваемое с пищей совершенство (ибо каждое умственное существо разделяет промыслительной силой и множит[16] даваемое ему от более божественного единовидное разумение для возведения низшего соответственно его мере);

плечи же, мышцы, а также руки — на способность к деятельности, энергичность и предприимчивость;

а сердце[17] является символом богообразной жизни, благообразно распространяющей свою жизненную силу на то, о чем заботится Промысел;

грудь в свою очередь указывает на крепость и способность охранять[18] свойственное помещающемуся под ним сердцу распространение животворной ⟨силы⟩;

спина — на совокупность всех живительных сил;

ноги же — на подвижность, быстроту и пригодность для вечного стремительного движения к божественному. Почему богословие и изобразило ноги святых умов окрыленными.[19] Крылья ведь указывают на скорость восхождения, небесность, направленность движения вверх и — благодаря стремлению вверх — удаленность от всего приниженного. А легкость крыл — на полное отсутствие приземленности и возможность совершенно чистого и неотягченного подъема;

нагота же и необутость — на свободу, несвязанность, неудержимость, и очищающие от привнесенного извне,[20] и уподобляющие, насколько возможно, божественной простоте.

---

[16] Он говорит, что всякая умопостигаемая сила умножает появляющееся у нее божественное разумение, то есть проясняет для нашего понимания, растолковав, увиденное, — как ты найдешь у Даниила, — когда ангел растолковал ему сон, который он видел.

[17] Прежде всего создается у нас сердце. Как в круге: прежде ставится внутри точка, а потом вокруг проводится окружность, так и сердце первым получает жизнь. После того, по божественному Василию, как первым создается сердце, затем, словно вокруг центра, то есть намеченной точки, все тело формируется, так что из него повсюду в теле распространяется жизнь. Естественное ли тепло животворит тело, дыхание ли или кровь, всего ведь этого источник — сердце. Почему и показалось некоторым ⟨людям⟩, что вообще все, дающее жизнь, в первую очередь и более всего сосредоточено здесь, хотя, находясь повсюду в теле, не будучи связано с местом и не ограничиваясь ⟨никаким⟩ местом, оно не удерживается телом. То же самое и у невидимых чинов, либо везде, либо где-то соответственно службе промыслительно действующих. Ибо их надо представлять как бы в центре, на месте сердца, источающими всем меньшим сияние по мере каждого, — созданными как центр изливающейся жизни, хотя они и неудержимы и не ограничиваются ни местом, ни частью тела тех, кого охраняют, заботиться о ком они поставлены Богом.

[18] Высказывание построй таким образом: ⟨сначала поставь⟩ «охранять распространение животворной ⟨силы⟩», потом «свойственное помещающемуся под ним сердцу».

[19] ⟨Заметь⟩, почему ноги ангелов окрылены, — чтобы показать ⟨их⟩ самоподвижность, устремленность к Богу и непричастность земному, поскольку у них нет страстности, хотя ангелы и бывали видимы на земле. ⟨Ангелы⟩ непричастны земным в отношении страсти, а не по неспособности быть видимыми, ибо являлись многократно.

[20] «От привнесенного извне» — как то пища и одежда, каковыми у нас поддерживается жизнь.

4. Нь понеже пакы проста и «многоразличнаа прѣмудрость»*[21] и непокрьвенныихь одѣваеть,* и сьсуды нѣкотрие даеть носити тѣмь,* принеси и яже небесныихь умовь свещенная одѣяния и орудия, по еже намь мощно скажемь.

Свѣтлой* убо ризѣ и огньной* назнаменовати мню еже боговидное по огньнном образѣ и еже просвѣщателное небесныихь ради покоищь, идѣже свѣть и по всемь умнѣ сияе, или разумнѣ[22] осияваемо, светительской[23] же еже кь божествныимь и таинствным видѣниямь приводителное и еже все жизны освещенное;

поясом же* еже родныихь имь силь хранителное, и еже сьвькупленному имьству[24] вь себѣ сьединеннѣ сьобращатисе, и округь сь благоудобрениемь непрѣпадаемѣмь тожьдьствомь вь себѣ сьобращатисе,

5. пакы же жьзломь* — еже царское и владичстьвное и правостная вса сьврьшае;

копиям же и секирамь* — еже безаконей раздѣлителное и еже расудителныихь силь острое, и дѣйствьное, и силное,

---

[21] «Многоразличная прѣмудрость Божия»* — сие речение апостолско есть. И почто многоразличну ту рече божествныий мужь? А паче многоразличное и многокьзньнное при злодѣи приемлем, инако же и здѣ великы Дионусие просту и многоразличну ту рече, мнит же се обое противно. Глаголемь убо, яко просту Прѣмудрость сего ради рече, да явить еже несложное Бога, и еже ниединаго сугубнства трѣбователно, ни же бо от учениий прѣмудрь Богь, нь самовещна Прѣмудрость есть. А еже многоразличное, заеже вь многыи разума виды прѣобразуетсе ради осияваемыихь немощи. Прьвосвещенникь бо есть великь сьстражде нашим немощемь.* Или и сице. Проста убо глаголетсе прѣмудрость Божиа прѣжде сьмотрения, яко вса яко Богь сьдѣла и вь сущиих тьгда правдницѣхь Свою неприкрьвеннѣ показуе силу, якоже при Моусеи и Авраамѣ и прочих. Егда же смотрения таинство* сьдѣясе, многоразлична вьлѣпоту нареченна бысть. Човекь бо бывь и под Законом бывь, и пострадавь, и вь мртвихь явисе, сице пльтию и сущею тое немощию обличи всакого врага и ада побѣди, сущиимь онамо дрьжимомь вькрсение даровавь. Се есть еже различное Тогови прѣмудрости, яко немощи ради удолѣ мнещиимсе врагомь.

[22] И вь иже «О божествьныихь именех» словѣ, вь 4 главизнѣ, пространѣ сказасе, что «умно» и что «разумно». Ниня же самь великы Дионусие изьявляеть: «умно» убо оно быти, еже разумѣваесе, еже вьлепоту и вьсиявае свѣть глаголетсе, «разумно» же то еже разумѣваей, еже есть и осияваемо. И, вькратцѣ рещи, яже прѣвьзьшьдшая сущствия умнаа, мьншая же «разумнаа», и прѣвьсходе есть умь умно. **Инако.** Умнѣ осиявае — божествно естьство, разумнѣ же — осияваемо аггелско.

[23] Знаменай, что светительска одежда вь Езекиилѣ* и Даниилѣ.*

[24] Рѣхом выше, что есть имьство при беспльтных. И прочьти вь 7 главизнѣ сьвькупленное же и нерасходимо разумѣний, — сими являеть отець вь божествьныихь сияниях и своемь вь благомь Бозѣ прѣбывателном тождьствѣ сьобращающиимсе всегда.

4. Но, поскольку, опять же, простая и «многоразличная премудрость»[21] и непокровенных одевает, и орудия некие дает им носить, давай, насколько нам возможно, скажем и о смысле священных покровов и орудий у небесных умов.

Светлая и огненная одежда означает, мне кажется, боговидность, соответствующую образу огня, и способность просвещать — благодаря небесным обителям, где ⟨все⟩ свет, повсюду умопостигаемо сияющий, либо умственно[22] осияваемый; а святительское облачение[23] — способность приводить к божественным и таинственным созерцаниям и освящать всю жизнь;

пояса же — охрану их производительных сил и свойство[24] собирать их воедино в самом себе и обращаться вокруг себя в строгом порядке и неизменном тождестве;

5. жезлы же — царственность, владычественность и прямоту осуществления всего;

копья же и секиры — отделение беззаконий, а также быстроту, энергичность и предприимчивость их различающих сил;

---

[21] «Многоразличная премудрость Божия», — это апостольское выражение. Почему же многоразличной назвал ее божественный муж? Хотя многоличность и многокозненность мы связываем ⟨обычно⟩со злодеем, великий Дионисий здесь в особенности называет ее и простой, и многоразличной, а это, кажется, вещи по смыслу противоположные. Мы же говорим, что простой он назвал премудрость для того, чтобы показать несложность Бога, не имеющего никакой двойственности, ибо не в результате изучения премудр Бог, но ⟨потому что⟩ является самой Премудростью. Многоразлична же ⟨премудрость⟩ потому, что она преобразуется во многие виды разума — ради немощи осияваемых. Ибо Он — великий Первосвященник, сострадающий нашим немощам. Или же так. Простой премудрость Божия называется ⟨в состоянии⟩ прежде домостроительства, когда все как Бог Он творил и в тогдашних праведниках неприкровенно показывал Свою силу, как то в Моисее, Аврааме и прочих. Когда же таинство домостроительства было исполнено, по справедливости она была названа многоразличной. Ведь став человеком, покорившись Закону, пострадав и оказавшись среди мертвых, Он таким образом с помощью плоти и присущей той немощи восторжествовал над всяким врагом и победил ад, даровав содержащимся там воскресение. Это и есть различность Его премудрости, — что немощью Он победил кажущихся ⟨сильными⟩ врагов.

[22] И в сочинении «О божественных именах», в четвертой главе, пространно сказано, что такое «умопостигаемое» и что «разумеющее». Теперь же сам великий Дионисий поясняет: «умопостигаемое» — это мыслимое, что справедливо говорится, воссиявает свет⟨ом⟩, а «разумеющее» — это само являющееся умом, осияваемое. И коротко сказать: высшие существа суть умопостигаемые, а низшие — уразумевающие, и мыслящее находится ниже мыслимого. Иначе. Ведь умственно воссиявающее — это божественное естество, а умственно осияваемое — ангельское.

[23] Заметь, что такое святительская одежда у Иезекииля и Даниила.

[24] Выше мы сказали, что такое ⟨устойчивое⟩ свойство применительно к бесплотным. И прочти в седьмой главе о собранности и нерассеянности разумений, — таким образом отец делает разъяснения о божественных осияниях и подлинной тождественности, постоянно связываемой с обителью благого Бога.

землемѣрителным[25] же и дрѣводѣлскыимь сьсудомь* — еже основателное, и здателное, и сьврьшателное, и еликаа инаа вьзводителнааго и обратилнаго суть вторииxь промысла.

Есть же егда и иже вь нась богосудьствь суть образы, яже наздаваемаа светииxь аггель орудия,*[26] овѣмь убо сказающиимь исправителное наказание или томителную правду, овѣмь же напастей свобождение, или наказания коньць, или прьвого благострадания повьсприетие, или приложение иныих дарований, малиих или великыихь, чювствьныхь или разумныихь. И свьсма не убо недоумѣетсе зрителны умь искрьннѣ уприкладьствити невидимыимь видимая.

6. А еже и вѣтры тѣхь именовати,*[27] скорость ихь изьявляеть и на вса не маль безлѣтнѣ[28] проходимо летѣние, и еже сьвыше на долняя,[29] и пакы от долныихь кь вьиспрь ходимо движение, вьиспрьпростирае убо вторая кь прѣвысокой высотѣ, подвиже же прьвая кь приобьщителному и промыслителному мьншиихь прошьствию. Речет же убо кто вьздушнаго духа[30] вѣтрьное именование и еже боговидное небесныихь умовь изьявляти. Имат бо и се богоначелничьскаго дѣйства образь и указь (якоже вь «Образномь богослови»[31] по четворостихийниих тлькователныих сказаниихь нами многыими указанно бысть) по естества подвизателном и скорѣмь и неудрьжаньномь хождении и невѣдомѣмь намь и невидимомь скрьвенствѣ двизателныихь начельь и скончаний. «Не бо вѣсы, — рече, — откуду гредеть и камо идеть».*

---

[25] О сьсудѣхь землемѣрителных вь Иезекиилѣ* и Даниилѣ.*

[26] О мьчи же в Царствияхь и о срьпѣ вь Захарии пророцѣ.

[27] Лежещее вь Давидѣ мню тому вьспоминати: «Ходей на крилу вѣтрьню»,* — негли Христово вьзнесение сказующу, понеже и напрѣдь отець облачное тѣмь наздавати видѣние глаголеть, заеже рещисе: «Облаци преше Его от очию ихь».*

[28] «Безлѣтнѣ» вьлѣпоту рече, при чювьствьныихь бо истѣйше вь лѣтѣ и кьснѣйшая, при бестелесныихь же и умныихь безлѣтнѣ и единнѣ и некьснѣ что сьврьшеннодѣйствуетсе. Не пообаеть убо лѣто при умныих именовати.

[29] А еже от сьвыше на долняя, — якоже при Иаковли лѣствици.*

[30] Друго видѣние вѣтрьь именования, вьздушний бо духь вѣтрь глаголеть.

[31] Знаменай и ино сьписание тогово быти необрѣтаемо же. Четворостихийна же тлькователнаа сказания еже четирехь сьставь вьзводное иноглаголание рече. Образе же, яко мнитсе, паче четирехь сьставь онамо зрениемь сказаль есть. Знаменай же, како сказуеть «Духь идѣже хощеть дихаеть»,* — носимими рѣчьми, еже есть яко неудрьжимь, яко скорь, яко невидимь. Сими указует, яко не о Святомь Дусѣ глаголеть, нь о вѣтрѣ прѣноснѣ рече от Еуаггелиа, еже тамо о Святомь Дусѣ се здѣ о вѣтрьномь дусѣ, — да покажеть и вь сем прикладное богоначелнаго быти действия изьображение и умних сильь.

а землемерные[25] и древообрабатывающие орудия — способность основывать, созидать и завершать и вообще все, что относится к промыслу возведения и обращения ⟨к Богу сил⟩ вторичных.

Иногда же орудия, с которыми изображаются святые ангелы, суть символы божественного суда над нами, из каковых орудий[26] одни указывают на исправительное наставление или карающее правосудие, а другие на освобождение от напастей, или окончание наказания, или возвращение прежнего благополучия, или прибавление иных даров, малых или великих, воспринимаемых чувствами или умопостигаемых. И совсем не трудно проницательному уму подобающим образом связать видимое с невидимым.

6. А наименование их ветрами[27] являет их быстроту и всего достигающий почти без затраты времени[28] полет, а также способность двигаться, перемещаясь сверху вниз[29] и снизу вновь вверх, простирая вторичных ввысь, к большей высоте, а первенствующих подвигая к приобщительному и промыслительному выступлению ⟨вовне⟩ ради низших. Можно также сказать, что и наименование ветра воздушным дыханием[30] проявляет богообразность небесных умов. Ибо образ и оттиск богоначальной энергии (как это более пространно было нами показано при истолковательных объяснениях четырехстихийности в «Символическом богословии»[31]) присутствует и в подвижности и животворности природы, и в быстроте и неудержимости перемещений ⟨ветров⟩ и неведомой нам и невидимой сокровенности начал и завершений ⟨их⟩ движения. «Ибо не знаешь, — ⟨как⟩ говорит ⟨евангелист⟩, — откуда приходит и куда уходит».

---

[25] О землемерных орудиях — у Иезекииля и у Даниила.

[26] О мечах — в книгах Царств, а о серпе — у Захарии пророка.

[27] Я думаю, он вспомнил слова Давида «Шествующий на крыльях ветра», указывающие, по-видимому, на вознесение Христово, — потому что рядом отец говорит, что они обретают вид облака, — так как сказано: «Облако взяло Его из вида их».

[28] «Без затраты времени» он сказал с достаточным основанием, ибо что у наделенных чувствами все происходит полностью во времени и более медленно, то у бестелесных умопостигаемых совершается вневременно, мгновенно и без задержки. Так что не подобает применительно к умопостигаемым называть время.

[29] Сверху вниз — как по лестнице ⟨во сне у⟩ Иакова.

[30] Другой способ наименования ветров, ибо воздушным дыханием он называет ветер.

[31] Заметь, что существует и другое его сочинение, но не обнаруживается. А «истолковательными объяснениями четырехстихийности» он назвал возводящее иносказание ⟨о значении⟩ четырех элементов. Скорее всего, как кажется, он раскрыл там, рассмотрев, символический смысл четырех элементов. И заметь, как он разъясняет слова «Дух дышит, где хочет», — через дальнейшее, то есть, — что он неудержим, что он быстр, что он невидим. Этим он показывает, что говорит не о Святом Духе, но о ветре, в переносном смысле цитируя Евангелие. То, что там сказано о Святом Духе, он говорит здесь о дуновении ветра, — чтобы показать и в этом применимость образа к богоначальному действию и умопостигаемым силам.

Нь и облака тѣмь видѣние богословие сьстраяеть,* знаменуе вь сем свещенные умове ськрьвеннаго свѣта прѣмирнѣ испльненыие,[32] прьвоявленное прьвоявление ськрьвеннѣ приемлемые и сие обилнѣ вь вторие второявителскы и подобнѣ посилаемые и убо яко плодное тѣмь и животворное и растительное и сьврьшителное есть по умномь дьждерождени, еже приетное нѣдро[33] влажными дьжды на оживляемая зачетия призиваемом.

7. Аще ли же и мѣды* и илектра и камении многомастныихь* видь богословие небесныим существомь налагаеть, илектронь убо, яко златовидьнь, вкупѣ и сребровидьнь, являеть негнилостную, яко вь златѣ, и неизьнуряемую и неумаляемую и чистую свѣтлость и свѣтлостную, яко вь сребрѣ, и свѣтовидную и небесную зару.

Мѣдию же по отданныих словесехь или еже огневидное, или еже златовидное да вьздаетсе.

Камень же многомастныхь видѣниямь изьявляти да непщуетсе, или яко бѣлимь еже свѣтовидное, или яко чрьвенымь еже огневидное, или яко русѣмь еже златовидное, или яко зеленемь еже юношьское и растущее, и по коемждо видѣ обрѣщеши вьзводителное изьобразителныих образь сказание.

Нь понеже сия по силѣ нами доволнѣ реченна быше, непшую, да прѣидемь на свещенное сказание небесныихь умовьь свещеннообразнаго звѣрообразия.

8. И убо льва*[34] образь изьявляти да непщуетсе еже владичьствное и крѣпкое и неумекчателное и еже кь ськрьвенствию неизвещателнаго Богоначелия елико по силѣ уподобляемое умныихь стопьь прикрьвениемь и таинствнѣ неизводнимь ськрьвением еже по божьствнѣмь осияни на то вьиспрьпростирателнаго шьствия;

а еже вола*[35] — еже крѣпкое и младостное и умныие бразды распространяе вь подьетие небесныихь и родотворныихь дьждей, и роговом еже блюстное и неудрьжимое;

орла же*[36] — еже царское и высоконосное и скоролѣтаемое, и еже кь силотворной пищи острое и бдителное, и текущее, и благокьзньнное, и еже кь

---

[32] «Прѣмирнѣ испльненыие» — якоже бо облакь призиваеть морьскую воду и пролѣваеть ту на лице земли, по реченномь: «Призиваей воду морскую и изливае ту на всако лице земльно»,* — сице и умове, приемлюще свой разумь, облакьь образомь вь мьншее простирають.

[33] Приетное нѣдро юже дьжде подьемлемую именоваль есть землю, тѣми свое раждающую плоды.

[34] Знаменай естествьное льва здѣ. Глаголют бо, яко ловещиихь утаитисе хоте, ходе, опашию запираеть свое слѣды, да не увѣдеть их. Тѣмже и о Бозѣ реченно бысть: «Вь мори путь Твой, и стьзи Твои вь водахь многахь, и стопы Твои не познаютсе»,* — якоже бо путь вь водахь не снабдитсе, ни же стопы львовы, сице ни же Божия шьствия.

[35] Что назнаменуеть образь вола.

[36] Что же — орла, скоролѣтателно бо животно орьль.

Также и вид облака богословие к ним применяет, обозначая этим священные умы, сверхмирно исполненные[32] сокровенного света, сокровенно воспринимающие первоявленное ⟨его⟩ первоявление и обильно вторичным в порядке вторичного явления соразмерно ⟨тем⟩ его посылающие и — что им присуща плодородная, животворная, растящая и совершенствующая ⟨сила⟩, порождающая умопостигаемый дождь, обильными ливнями побуждающий приемлющее чрево[33] к дающим жизнь зачатиям.

7. Если же богословие прилагает к небесным существам вид меди, янтаря и многоцветных камней, то янтарь как златовидный и одновременно сребровидный являет незамутненную, как у золота, неистощимую, неумаляемую и чистую светлость и светлый, как у серебра, световидный небесный блеск.

А медь, согласно данным уже объяснениям, пусть подчеркивает либо огненность, либо златообразность.

Многоцветные же виды камней являют, надо думать, или, как то белый, световидность, или, как красный, огненность, или, как желтый, златовидность, или, как зеленый, юношеский цветущий возраст; и для каждого вида отыщешь возводящее объяснение образных форм.

Но поскольку об этом нами, по мере сил, было, я считаю, сказано достаточно, следует перейти к священному изъяснению священных изображений небесных умов в виде животных.

8. Образ льва[34] являет, надо думать, господство, крепость, неукротимость и посильное уподобление сокрытости неизреченного Богоначалия — благодаря прикровенности умственных следов и таинственно неустранимой окутанности пути, возводящего к Нему по божественном осиянии;

тельца же[35] — крепость, молодость и способность расширять умственные борозды для приятия небесных плодотворных дождей, а рога — способность защищать и непобедимость;

орла же[36] — царственность, высоту и скорость полета, зоркость, сообразительность, ловкость и умелость при добыче придающей силы пищи, и

---

[32] «Сверхмирно исполненные», — ибо как облако «призывает» воду из моря и проливает ее на лицо земли, согласно сказанному: «Призывающий воду морскую и изливающий ее на все лицо земли», — так и умы, воспринимая свое знание, распространяют его, подобно облакам, на нижних.

[33] «Приемлющим чревом» он назвал принимающую ливни землю, благодаря им рождающую свои плоды.

[34] Заметь, что отсюда ⟨речь идет⟩ о львином естестве. Говорят ведь, что лев, желая утаиться от охотников, заметает, ходя, хвостом свои следы, чтобы их не обнаружили. Потому и о Боге сказано: «В море путь Твой, и стези Твои в водах многих, и следы Твои не познаются», — ибо как ⟨след⟩ пути по воде и стопы льва, так же и ⟨след⟩ Божьего шествия не сохраняется.

[35] ⟨Заметь⟩, что обозначает образ тельца.

[36] И что — орла, ибо орел — быстро летающее животное.

обилной и многосвѣтлой лучи[37] богоначелничскаго слнцопрострътия вь очесьь силахь благомощныими горѣпрострътиями непрѣтькновеннѣ правѣ и неклонителнѣ зрителное;

а еже коньь*[38] — еже благопокорливое и благобрьздное; и бѣлимь сущиимь еже свѣтлое и яко паче божествьнаго свѣта сьродное; чрьныим же сущиимь — еже скрьвенное; чрьвеним же — еже огневидное и силное; смѣсним же от бѣлаго и чрьнаго — еже гредущею силою краевь сьсвезателное, и прьвая вторимь, и вторая прьвыимь обратителнѣ или промыслителнѣ сьвькупляе.

Нь аще не слова сматрали быхом мѣру и яже по чести реченныихь животных свойствия и веа яже телесная ихь наздания, уприкладьствили убо быхом не нелѣпотнѣ небесныимь силамь по отличныихь подобьствияхь, яростьное убо ихь вь умное мужство, егоже послѣдне есть ярость уподобление, пакы же похотѣвателное вь божествное рачение и, сьвькупивь рещи, веа яже бесловесныхь животныихь чювствия же и многочестия вь невещественная небесныихь сущьствьв разумѣния и единствные силы вьзводеще. Довлѣют же умь имушиимь не сия тькмо, нь и единаго неистѣизьявителнаго образа тлькование вь ближныихь подобнообразное сказание.

9. Да смотрит же се и еже рѣкы*[39] рещисе, и кола,* и колеснице* сьединенна небесныимь существомь.

Огньние бо убо рѣкы* назнаменують богоначалние дьжде, обилное тѣмь и неоскудное течение дающее, и животвориваго крьмителные рождения; колеснице же[40] — сьпреженное вькупочиньныихь приобщение; кола же[41] крилата убо суще[42] — вь яже напрѣдь невьзвратнѣ и неклонителнѣ шьствующе, юже правь и управлень путьшьствителнаго ихь дѣйствия силу, на тьжде неклонителный и праворасѣцателны путь всакого ихь умнаго течения прѣмирнѣ исправленнаго.

Есть же и по другомь вьзводѣ сказати умныихь кольь образописание. Наречение бо имь бысть, якоже рече Богословь, «гельгель».*[43] Изьявляет же се по еврейскомь гласѣ «прѣваляния и открьвения». Огньствьнаа и боговидная

[37] Глаголет же слово орловомь раждаемыих искрьняя от таимичищныихь сице раздѣляти: аще вьзреть отврьзенема очима кь солнцу, искрьня суть, аще ли ни, яко таимичищнаа измещутсе от гнѣзда. Сице убо и иже не могы чистѣ на Солнце правды вьзрети таимичищь тогова разума обрѣтаетсе.

[38] Знаменай, что назнаменують коны бѣлы, ирьны, чрьвены, смѣсны.

[39] Что огньние рѣкы.

[40] Что колеснице.

[41] Что кола.

[42] Кола же, невьзвратнѣ и неклонителнѣ правь и управлень путьшьствителняго ихь дѣйствия на тьжде неклонителны и праворасѣцателны путь шьствующе, всакого их умнаго течения прѣмирнѣ исправленнаго назнаменують силу.

[43] Знаменай, что знаменуеть «гельгель» вь пророцѣ Иезекиилѣ.

способность созерцать изобильные многосветлые лучи[37] Богоначального солнечного света в напряженном устремлении взгляда беспрепятственно, прямо и неуклонно ввысь;

а коней[38] — благопокорность и благопослушность, причем белые ⟨символизируют⟩ светлость и как бы особую родственность божественному свету, вороные — сокровенность, рыжие — огненность и энергичность, смешанные же из белого и черного, — способность переносящей силой совмещать крайности и связывать, обращая ⟨друг к другу⟩, или же промышляя ⟨о них⟩, первые ⟨чины⟩ со вторыми, а вторые с первыми.

Но если бы мы не принимали в расчет меру слова, то и особенности названных животных по отдельности, и все их телесные формы не без оснований применили бы методом неподобных подобий к небесным силам, возводя их способность ярости к умному мужеству, последним отголоском которого является гнев, а возжелание к божественной любви, и — чтобы сказать коротко — все чувства и многочастность бессловесных животных — к невещественным разумениям и единовидным силам небесных существ. Но для ум имеющих достаточно не этого только, но и истолкования одного представляющегося странным образа для подобного понимания ⟨изображений⟩ такого рода.

9. Надо рассмотреть также, что говорится о реках,[39] колесах и колесницах применительно к небесным существам.

Огненные реки указывают на богоначальные дожди, дающие им обильное и непрерывное течение и питающие животворной плодородностью; а колесницы[40] — сопряженную общность ⟨ангелов⟩ одного чина; колеса же[41] крылатые,[42] вперед бесповоротно и неуклонно движущиеся, — способность идти в своей деятельности прямой и верной дорогой, ⟨одним и⟩ тем же неуклонным прямым путем всякого их сверхмирно направленного умственного движения.

Можно и посредством иного возведения объяснить иконописание умных колес. Ведь им дано название, как говорит богослов, «гелгель»,[43] а это означает по-еврейски «вращения» и «откровения». Огненным боговидным колесам свойст-

---

[37] Об орлах говорят, что они отличают своих птенцов от чужих так: если смотрят открытыми глазами на солнце, то свои, а если нет, то — как подброшенные выбрасываются из гнезда. Так же и кто не может прямо смотреть на Солнце правды оказывается подброшенным по отношению к Его знанию.

[38] Заметь, что символизируют кони, белые, вороные, рыжие и пегие.

[39] Что — огненные реки.

[40] Что — колесницы.

[41] Что — колеса.

[42] Колеса же, бесповоротно и неуклонно движущиеся прямой и верной дорогой по тому же неуклонному и прямому пути, символизируют силу их сверхмирно направленного умственного движения.

[43] Заметь, что означает «гелгель» у пророка Иезекииля.

кола прѣваляния убо имуть вь тожьдствно Благо присно обращателныимь движениемь, открьвения же — скрьвенныихь изьявлениемь, и иже о нижныихь вьзвождениемь, и еже высокыихь осияний вь мьншая сводителныимь посланиемь.

Оставшеесе намь вь сказание еже о радости[44] небесныихь удобрений слово. И бо неприетны отнудь суть юже у нась страстные сладости, сьрадовати же се Богу глаголютсе изгыбших обрѣтениемь по боговидномь[45] удобьствѣ и свободномь отрадьствѣ, и еже о промыслѣ и спасении иже кь Богу обращающихсе благовиднѣмь и обилнѣмь веселии и благострадании[46] ономь неизреченномь, егоже вь причестии многащи быше и мужие священныи[47] по богодѣйствныихь божьствьныимь осияниямь нашьствияхь.

Толика ми и о священныихь назданихь реченна да будуть, изьвѣстнаго ихь изьявления недостатьчьствуемаа, ползующа же, яко мню, кь еже не смѣреннѣ намь остати вь образныихь мьчтанияхь.

Аще ли же и се речеши, яко не всѣхь прочиихь аггельскыихь вь Словесехь силь или дѣйстьвь или образьь сьтворихомь памеь, отвѣщаемь яже истиннаа, яко ихже убо прѣмирное художьство не увѣдѣхомь,[48] и паче о сихь мы иного свѣтонаставника трѣбуемь и учителя, а яже яко реченныимь единосильнаа оставихомь, мѣру слова промысливше и еже паче нась ськрьвенство мльчаниемь почьтше.

Коньць иже «О небесномь священноначелствѣ» слову Дионусиа Ареопагита,[49] епископа Афинскаго, кь Тимофею епископу.

---

[44] Како глаголютсе радоватисе небесная и само Божество.

[45] Свободно бо их, и отрадьно, и удобно, и бестрастно, и блаженно веселие есть.

[46] «Благострадание» же яко от иже у нас приемь рече. Сказует же се оно «благострадание» еже благо всегда имѣти и неврѣдно устаменение.

[47] Сия же не могут се разумѣти, якоже суть, развѣ аще не удостоившиимисе таковому сьврьшению, яковимь убо и быти подобаеть мужем, якоже светый сь глаголеть священникь, яко и божественыих осияний сподобитисе о сущиих вь разумѣ и вь еже кь Богу чистомь выиспрьпрострьтии. От таковыих бо осияний обожаемь умь вь имьствѣ бываеть аггельские сладости и сущаго вь них несьмущения и тишини, по нейже благоудобьствуе и отрадьствуе прочее умь, яко вь свободномь покои бывь, о спасении спасающиихсе благостражде, поелико мощно Бога подражаеть, хотещаго всѣмь чловѣкомь спастисе, насладивсе Божиихь богодѣйствныихь нашьствий, сирѣчь богы сьдѣлующиихь и сьврьшающиихь.

[48] Яко подобаеть недомышляющомусе не стыдѣтисе о нихже недомыслисе, нь исповѣдати неразумѣние, а не якоже случисе отвѣщавати, от нихже не разумѣ.

[49] Подобаеть вѣдѣти, яко познания, яже имѣху еллиние еще сущи, светы сии и по обращени кь Христу бе-студа приписоваху себѣ. Се бо и сь «Ареопагита» наричеть себе, и божествны Иустинь вь иже «Кь еллином» словѣ «Иустина, — приписа, — Философа».*

венно вращаться вечным движением вокруг одного и того же Блага; откровения же — в явлении сокровенного, возведении пребывающих внизу и низводящем послании высоких осияний низшему.

Остается нам сказать слово о радости[44] небесных порядков. Они ведь совершенно невосприимчивы к нашему, связанному со страстями наслаждению, но, говорят, они радуются с Богом обретению погибших, наслаждаясь в боговидной[45] праздности и свободной отраде благообразным и чуждым зависти веселием при промысле об обращаемых к Богу и ⟨их⟩ спасении и тем невыразимым блаженством,[46] которому многократно бывали причастны и священные мужи[47] при боготворных нашествиях божественных осияний.

Столько да будет мною сказано о священных изображениях, — для подробного их объяснения недостаточно, но ⟨сколько⟩ полезно, как мне кажется, чтобы не задержаться нам по слабости в фантазиях об ⟨их⟩ формах.

Если же ты и то скажешь, что не обо всех по порядку ангельских силах, или действиях, или образах в Речениях мы упомянули, мы правдиво ответим, что их сверхмирное художество нам неведомо,[48] и, скорее, мы сами нуждаемся в ином светонаставнике и учителе, и равное сказанному оставили нетронутым, озаботившись соразмерностью слова и почтив превышающую нас сокровенность молчанием.

Конец слова «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита,[49] епископа Афинского, к Тимофею епископу.

---

[44] ⟨Заметь⟩, как, говорят, радуются ⟨силы⟩небесные и само Божество.

[45] Ибо ⟨их⟩ веселие свободно, отрадно, спокойно, бесстрастно и блаженно.

[46] «Блаженством» он сказал, взяв как бы из свойственного нам; указывает же это «блаженством» на постоянное благополучие и состояние безмятежности.

[47] Понять то, каковы они, ⟨осияния⟩, возможно разве лишь тем, кто удостоился такого совершенства, каковое и должно ведь быть у ⟨этих⟩ мужей, как говорит этот святой иерей, чтобы сподобиться божественных осияний в разумении сущего и в чистом устремлении к Богу. От таковых осияний обоживаемому уму становится ведь свойственной ангельская радость и свойственная тем невозмутимость и тишина, в которой ум пребывает в беззаботности и отраде, словно обретя более легкий жребий; испытывая блаженство по причине спасения спасающихся, Богу, сколь возможно, он подражает, желающему, чтобы все люди спаслись, насладившись Божьих боготворных, то есть делающих богами и совершенствующих, посещений.

[48] Заметь, что несведущему следует не стыдиться, что он чего-то не знает, но признаваться в неведении того, чего не уразумел.

[49] Следует знать, что прозвания, которые они имели, еще будучи эллинами, эти святые и после обращения ко Христу без смущения сохраняли за собой. Так, ведь и он называет себя «Ареопагитом», и божественный Иустин в слове «К эллинам» «Иустина, — приписал, — Философа».

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

СЛОВО 35. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЯХЪ ГЛАГОЛЕМЫХ ЦАТЬ

РАВНОЕ ПАТРИАРЬШЫСКАГО ПОСЛАНЬЯ, ПОСЛАНАГО КЪ КИРЪ ЕУФИМЬЮ ОТ ЕРУСАЛИМА И ЕЩЕ ЖЕ И РАВНОЕ ПОСЛАНЬЯ ИГУМЕНА СВЯТОГО СИМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА*

Надписанье. Боговиднѣйшему и святому нашему владыцѣ богопочтеному патриарху иерусалимскому пришедшеи въ Антиохию архиерѣи* и причта приизящьнии, чада и раби твои. Господи, благослови.

Подобаше убо намъ, богопочтеный нашь владыко святый, писаниемъ присно и нарѣковати тебѣ, и лобзовати, и долъжное еже по Бозѣ твоему свершению въздати поклонение, яко святыя твоя въсприимати молитвы и от тебе благословлятися. Но прилучьшаяся нам напасти и бывшее вещем пременение от подобаюшаго нас прѣсѣцаютъ и полезнаго, понеже и бес пастыря пребываемь* и нѣсть иже нас сберег, разъсѣяныя суща, и зверем удобь емлемый бывающа ловъ. Нънѣ же нову в уши наши въпадшюю слышанию настоящее писание къ святынѣ твоей послахом, ово убо долъжное то и въздаюше поклонение и еже от нею благословление просяще, ово же и о слышанемъ сказающе; еда бо се въ твою не вънесено бысть слухы. Слышахом бо яко цятом арменом нѣкым рекше отшелником арменьскыя службы ту сътворше жилище и безмольствовати ту произволивше, нѣции всяко от доброненавистнаго бѣса нападают на них и яко неправославны облыгуют и всячьскыми образы оскорьбляютъ их. Но убо таковии приятнѣ бяху от прежде бывших патриархъ наших, и нѣкая от них братья суть въ честнѣй обители святаго Чюдтворца Симеона учиненѣ и въ иных монастырих, в нихже и служат и Причистымъ Таинам съ православными причящаются, и ниже от древних лѣт дажде донынѣ възниче съмнинье нѣкое о славѣ их. Сия убо мы яко вѣдуще възвѣстихом; твоего же хотѣнья есть или нраву прѣдварших патриархъ послѣдовати, или инако нѣкако помянувшемуся и угодному Богови створити. Честныя убо и святыя молитвы твоя да дарованѣ будут нам въ всемъ житии.

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

СЛОВО 35. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЬЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ ЦАТАМИ.

КОПИЯ ПАТРИАРШЕСКОГО ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМА, А ТАКЖЕ КОПИЯ ПОСЛАНИЯ ИГУМЕНА МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Заголовок. Боговиднейшему и святому владыке нашему, богопочтенному патриарху иерусалимскому пребывающие в Антиохии архиереи и избранные от клира, чада и рабы твои. Господи, благослови.

Нам подобало, богопочтенный наш и святой владыка, всегда обращаться к тебе с письмами и приветствовать, и должное по Богу твоему совершенству воздавать поклонение, так чтобы воспринимать твои святые молитвы и у тебя благословляться. Но случившиеся у нас обстоятельства и произошедшая перемена вещей отстраняют нас от должного и полезного, поскольку и пребываем без пастыря, и нет никого, кто бы нас, рассеянных, сохранил, представляющих собой легкую добычу для зверей. Теперь же, поскольку до наших ушей дошел ⟨новый⟩ слух, мы отправили к святыне твоей настоящее письмо, воздавая в нем должное поклонение и тем самым прося благословления, в нем же выясняя то, что касается слуха; ибо это, вероятно, не было донесено до твоих ушей. Потому что мы слышали, что некоторые из армян цатов, то есть отшельников, служащих по-армянски, здесь устроили себе жилище и предпочли здесь безмолвствовать, а некоторые всяко от доброненавистника-врага нападают на таковых и клевещут на них как на неправославных и любым способом досаждают им. Ибо таковые считались приемлемыми у предшествовавших святейших патриархов наших и некоторые братья из них устроены в честной обители Св. Симеона Чудотворца и в других монастырях, в которых и служат, и причащаются Пречистых Таин с православными, и с давних пор и доныне не возникло сомнения об их вере. Это мы выяснили как сведущие; от тебя зависит либо последовать мнению предшествующих блаженнейших патриархов, либо как-то иначе решить насчет этого и сотворить угодно Богу. Итак, пусть честные и святые твои молитвы будут нам дарованы в течение всей жизни.

РАВНОЕ ПОСЛАНЬЕ ПОСЛАНАГО ОТ СВЯТАГО ЧЮДОТВОРЦА СИМЕОНА К КИРЪ ЕУФИМЬЮ ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМЬСКОМУ С ПАТРИАРХОВѢМ ПОСЛАНЬЕМ.

Надписанье. Блаженѣйшему и святому владыцѣ моему треблаженому патриарху Иерусалимьскому Петръ послѣднии мних прозвитеръ и игуменъ и архимандритъ честныя обители иже на Дивнѣи горѣ святаго и чюдотворца Семеона, рабъ молитвы твоея.

Блаженийший и владыко и святѣиший, слышание нѣкое приде въ наша слухы о ту сущих и ошелникох цятох, ту нѣгдѣ жилище створшим и безмольствовати произволившим. Нѣции всяко наваждением добруненавистника врага нападают на них и яко неправославны облыгаютъ и всяцѣм образом опечялѣют их. Тии же, владыко святый, приятни бяху от предварших святыхъ старець и святийших патриархъ, и нѣцѣи от них съчтани суть въ братья нашея обители и служити и съпричящатися с нами и въ всем от святыхъ старець онѣх и съвъдворятися повелѣни быша яко православнии. И аще не быша опасно испыталѣ и правѣ мудрествующе въ православний вѣрѣ обрѣтошася, и не быша тѣх приялѣ. И мы убо, вѣдуще яже о них, възвѣстихом твоему блаженству, и твое же есть хотѣние по волѣ угодному Богови сътворити. Нас же, недостойныя рабы твоя, молим яко да всегда к Богу службы твориши, в молитвах твоих не забываеши, яко рабѣ бо недостоинии дерьзнувше написахом.

СЛОВО 36. ТОГОЖДЕ КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ* О ТѢХ ЖЕ. И РАВНОЕ ПОСЛАНЯ ИЖЕ ВЪ ЕРУСАЛИМѢХЪ ПОСЛАНАГО КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ ЯКО ДА ПРОЧТЕНО БУДЕТ ПОСРЕД С ДВѢМА ПОСЛАНИЦЕМА, ПАТРИАРХОВѢМЬ ЖЕ И ОБИТЕЛИ СВЯТАГО СЕМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА.

Възлюбленое и духовное мое чядо. Якоже слышахом от некых, яко нѣции от сущих ту в невѣдѣнии и подвижениемъ сотонинымъ движемии, словесы оскорьбляют ту сущую братью нашю, глаголемыя цаты, обаче не явѣ и пространнѣ, но отай и завистию сотониною и ины нѣкы полотныя вины прилагающе, яко да не от вѣдѣния слышащих невѣждьи. И паки от ищющих и вины погыбели лукавых, глаголю, бѣсовъ, нѣции вѣрующии блазнятся, корень таковаго лукавого сотониньскаго сада и подобных сим кождо устава ради любовнаго, елико по силѣ, Христу съпоспѣшьствующу, искоренити да подвигнется. Азъ же зде, Господу Богу и Спасу нашему и Прѣчистѣй Матери его Богородици и всим святымъ Его съпоспѣшьствовавшим, еже по силѣ моей, не обленихся, но и в сборний церкви патриархии и в святемъ Симеонѣ господини

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО ОТ МОНАСТЫРЯ СВ. ЧУДОТВОРЦА СИМЕОНА КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМСКОМУ С ПАТРИАРШЕСКИМ ПОСЛАНИЕМ

Заголовок. Блаженнейшему и святому владыке моему триждыблаженному патриарху Иерусалима Петр, последний монах, пресвитер и игумен и архимандрит честной обители на Дивной Горе Чудотворца и Святого Симеона, раб молитвы твоей.

Блаженнейший владыко и святейший, некая молва дошла до нашего слуха о здесь живущих отшельниках цатах, которые здесь где-то устроили себе жилище и выбрали безмолвие. Некоторые всяко из-за наваждения доброненавистника врага нападают на них и клевещут как на неправославных и всяческим образом им досаждают. И они, святой владыка, были приемлемы у предшествовавших святых старцев и святейших патриархов, и некоторые из них устроены в братии нашего монастыря и служат, и причащаются вместе с нами, и во всем теми святыми старцами было определено, чтобы они общались с нами как православные. И если бы они усердно не исследовали, что те правильно думают в отношении православной веры, не приняли бы таковых. И мы, зная о них, уведомили твое блаженство, а от твоего желания зависит рассудить насчет этого и угодное Богу сотворить. Молим тебя, чтобы, когда ты творишь службы к Богу, не забывал нас, недостойных рабов твоих, в своих молитвах, поскольку как недостойные рабы мы дерзнули тебе написать.

СЛОВО 36. ТОГО ЖЕ К АВВЕ ГЕРАСИМУ О ТЕХ ЖЕ. И КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО В ИЕРУСАЛИМ К АВВЕ ГЕРАСИМУ, ЧТОБЫ БЫЛО ПРОЧИТАНО СРЕДИ ДВУХ ПОСЛАНИЙ — ПАТРИАРХА И МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Возлюбленное и духовное мое чадо. Поскольку я услышал от неких, что некоторые из здесь живущих в незнании и движимые сатанинским побуждением досаждают здесь находящимся братьям нашим, называемым цатами, но не открыто и пространно, а тайно и с сатанинской завистью, выдвигая некоторые другие плотские предлоги. И чтобы не смущались некоторые из верующих знанием невежд, слышащих ⟨что-то об этом⟩ от лукавых, ищущих повода для гибели, я говорю о злых демонах, пусть каждый подвигнется по силе искоренить с Христовой помощью посредством заповеди любви корень таковго дурного и сатанинского растения и подобных ему. Я же здесь, с помощью Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери его Богородицы и всех его святых, то, что в моих силах не поленился сделать и в соборную церковь в патриархию и в монастырь

моем Чюдотворци. И посреде испотано бысть от всихъ опасно и явѣ очищена быша вся благодатью Христовою. И се послахом послания и написаная свидительства же и извѣщения. Обаче убо, ты добрѣ мя знаеши, чадо мое любимое, яко и з дѣтьства съвъзраслъ ми еси, и знаеши, яко зде во монастирѣ съ братия сия у Богородица глаголю наречаемыя Роидиевы, не просто и без разума сѣдох. Но, якоже знаеши, егда прѣдана бысть Антиохия,* и приидох сам в обитель Богородица Роидиевы и обретох первие убо мѣсто непроходимо от языкъ и отвсуду безмольвно и моему разуму поспѣшьствующе, якоже люблях и хотѣх, якоже мя знаеши. Потом же паки обрѣтох иноязычники сия грубыя и невѣжда и единовѣрны, якоже египтяны оны иноязычни же и невѣжда преднии они отци наши и греци. И обаче азъ аще и недостоины сый, но рабъ тѣх судих быти образа ради иночьскаго, и якоже не пшую елико по силѣ мало что тщася тѣх подражати. Не безъ расмотриния же зде сѣдох, но первие испытах у святого Симеона Чюдотворца вѣдущих и разумных, такожде и инуду вѣдущих Божественая Писания. И паки писах въ сборную церковь патриархия,* и посла ми владыка сакелий писание,* имущее тожде свѣдительство и тѣх свершеныя вѣры извещение, сказующе сице и глаголя, яко «Цаты вы паче свѣсте, въ вашей бо пребывают обители. Аще же тѣх прежде бывшеи святии отци тужда от правыя вѣры вѣдѣли быша, како сих съжительствовати и съпрѣбывати им и съпитатися и прияша или како блажении патриарсѣ въ то всеосвященное мѣсто въходити тѣмъ, и молитвы сътваряти, и службы попустиша, аще правѣ мудрествующих не быша вѣдѣли».

Сия вся приимше сакеллие во писание и посла ми то у святого Симеона, в немъже и храню е от вѣры. И ина писания ми посла, имуща свершеное извѣщение о архиерѣох и Сборныя Церкви и повеление о тѣх съжительстви и съпрѣбывании съприобѣщании Святыхъ Таинъ, глаголющее сице яко право держащим в непорочнѣй христианьстий вѣрѣ нѣсть блазнено съприобщатися Божественымъ Таинам и подати тѣм, и от нѣх приимати. Ни бо о языцѣ есть разнество и зазорное, но о самой правослѣвнѣй вѣрѣ.

И сия убо сице имяху, и ина же множайша, имуща извѣщение свершено. И обаче иже Божественая Писания испытующеи вѣдят таковая изтязовати, яже о вѣрѣ глаголя. Сам же и великый Василие въ своем первом правилѣ и явѣ о таковых разнествох глаголет,* что есть ересь, и что распрѣ, и что сънмица. И тако убо святый глаголет о сих разньствѣх, ихъ же поискавъ обрящет. Сия же братью нашю, глаголемыя цаты, идеже аще суть и в коемлюбо живут мѣстѣ, отвсюду испытавше, обрѣтохом благодатью Христовою бес порока в таковых, в яже о вѣрѣ, такожде и в распрях и о сонмищах. Ибо митрополит прѣдѣла их и страны Междорѣция, в нейже живут от первых лѣт, иже и ради нашествия язычьских расточенѣ быша ниции от них въ различныя страны, но обаче, якоже рѣх, митрополитъ ихъ от иже въ Антиохии патриаршьствующаго поставляется,*

Св. Симеона, господина нашего, Чудотворца ⟨обратился⟩. И на месте было всеми исследовано в точности, и явственно все очистилось благодатью Христовой. И вот я отправил послания и письменные свидетельства и извещения. Однако ты хорошо меня знаешь, возлюбленное мое чадо, поскольку с детства вырос со мной, ты знаешь, что здесь, в монастыре, с этой братией, у Богородицы, я говорю, называемой Роидиевой, я не просто так и без разбора поселился. Но, как ты знаешь, когда сдалась Антиохия, я пришел сам в обитель Богородицы Роидиевой и сперва нашел это место необработанным местным населением и во всех отношениях тихим и способствовавшим моим намерениям, как я любил и желал, как ты меня знаешь. Затем я нашел этих иноплеменных дикими и невеждами и единоверными, как и египтян тех, иноплеменных невежд, нашли прежние те отцы наши греки. Однако я, пусть и недостойный, но решил, что ради иноческого образа стану их рабом, и, как надеюсь, по силам, помалу стараяся им подражать. Не бездумно я здесь поселился, но сперва расспросил в монастыре Святого Симеона Чудотворца сведущих и разумных, а также в других местах знающих Божественные Писания. И снова написал в соборную церковь в патриархию, и прислал мне владыка сакеллий послание, содержащее такое же свидетельство о них и извещение о совершенной вере их, в котором толкуется таким образом и говорится так: «Вы цатов знаете больше, потому что они пребывают в вашем монастыре. Если бы предшествующие святые отцы знали их как чуждых правой веры, как же с такими было принято жить вместе и питаться или как блаженнейшие патриархи в это пресвятое место попустили им входить и молитвы творить, и службы, если бы они не знали, что те думают правильно».

Таково было содержание послания сакеллия, и он отправил мне его в монастырь Святого Симеона, в котором я и храню его из веры. И другие письма отправил он мне, содержащие совершенное извещение от архиереев Соборной Церкви и повеление по поводу жизни, пребывания и приобщения Святых Таин с ними, говорящие, что имеющим правую и непорочную христианскую веру нет соблазна причащаться Божественных Таин, и подавать им, и от них принимать. Ибо зазорна разница не в языке, но в самой православной вере.

Таким образом, я получил и это, и другие письма, содержащие совершенное извещение. Однако те, кто изучает Божественные Писания, знают, как это исследовать, я имею ввиду веру. Сам Василий Великий в первом правиле ясно говорит о таких различиях, что есть ересь, и что раскол, и что ⟨тайные⟩ собрания. Святой таким образом говорит об этих различиях, кто это поищет, тот найдет. Братьев же наших, называемых цатами, исследовав всесторонне, где бы они ни были и в каком бы месте ни жили, мы нашли по благодати Христовой беспорочными в этих вещах, то есть в отношении веры, а также раскола и тайных собраний. Потому что и митрополит их предела, и страны Месопотамии, в которой и живут они с первых лет, хотя из-за нашествий иноплеменников некоторые из них рассеялись в различные страны, но, однако,

яко престолу сущу всего Въстока. И законно, и правилно есть священничьство ихъ, и все съставление их, и кромѣ всякого зазора благодатью Христовою.

И обаче ту пакы житие великого отца нашего Савы процетше,* обрящете сих съжительствующих великому и въ благосъзданни Церкви повелѣном от святого арменьскою бесѣдою пѣти уставъ свой, грьком же особно пѣти. Якоже и зде братья наша поют арменьскою бесѣдою, грицѣ же паки особь, въ различныхъ же ликох, заеже не имѣти двѣ церкви, точью же Трисвятую пѣснь грьчьскы глаголют, якоже и въ сем иже въ святем отецъ наш Сава прѣдаде ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради».* И ту паки житие великого отца нашего Феодосия прочетьше, обрящете с ним жительствующих и въ Церкви арменьскою бесѣдою особь поющих уставъ свой. И доволѣет нам подражати сию обою великую свѣтилу. А еже въ гричьстѣе Церкви повелѣном быти от великого отца нашего Савы и от великого Феодосия входити и причащатися Божественных Таинъ, яко же видится ради оскудиния священничьства бѣ, зане опасьтво много имяху святии и отци о священничьствѣ и едва нѣкогда въ мнозѣ сборѣ приемляху единого священика имѣти или никакоже. Вѣдяху бо тяготу и бѣду священничьства. И свѣдительствует ее самое житие великаго отца нашего Савы, и такожде великаго отца нашего и начялника общим житием Пахомия,* яко и въ обою сею монастирохъ въ лаври же и в опщем житии колици иноцѣ быша и своего от ту сущих инокъ въ презвитерьское рукоположение не имяху, но времени зовущу, от ближних презвитеръ призывахуся створити имъ священну службу, яко принужденом быти тѣм послѣдь же, а не инѣм нѣкыим. И сам убо великый Пахомье тяготы священничьства избѣже. Великый же отець нашь Сава рукоположение неволею и нехотя от патриарха Ерусалимьскаго прият, суди вътяготу сам въсприяти. Сия есть вина, якоже от житий святых и от инѣх писаний иже по Бозѣ любопотрудивыйся обрящетъ истиное. Опасство же и бѣду, яко же и предрекохом, священничьства, не точью прочая божественая писания являют, но иже о священничьстве 6 словъ Златоустовых пространнѣйше глаголют,* аще и о архиерействѣ бесѣдует. И обаче иже с Богомъ другое что лучшее истиннейше разумѣвый, да пользует процитаюшая и мене, яко невѣжда есмь, поселянинъ и ползу въ всякой вещи взыскуя.

Обаче много испытавъ, еже по силѣ, за братью нашю сия цаты, и не обрѣтеся нигдѣже яко оттолѣ от дний явѣ яко великых отець наших Феодосия и Савы, егда и прежде святый и великый иже въ Халкыдонѣ сборъ* еретикы армены отлуций проклятъ начальствующая им, потом же паки тѣм обоим свѣтилом предреченым Феодосию ж и Савѣ подвизавшимся и плевелы от чистыя пшеница разлучившим,* и православным сим братьям нашим и подобным них оставшим и съ единым къ сборний Церкви с православными, и не

как я сказал, их митрополит рукополагается антиохийским патриархом, поскольку это трон всего Востока. И законно, и канонично есть их священство и весь их порядок и вне всякого, по благодати Христовой, подозрения.

Прочтя также здесь житие великого отца нашего Савы, вы обнаружите, что они жили вместе с великим, и святой повелел, чтобы в благосозданной церкви они пели последование на армянском наречии, а греки чтобы пели отдельно. Как и здесь, наши братья поют на армянском наречии, и греки отдельно, на различных клиросах, потому что нет двух церквей, и только Трисвятую песнь говорят по-гречески, насчет этого во святых отец наш Сава завещал из-за вставки Петра Кнафея «Распятый за нас». И еще, прочтя здесь житие великого отца нашего Феодосия, вы обнаружите, что они жили с ним и в Церкви на армянском наречии отдельно пели свое последование. И следует нам подражать этим двум светочам. А в греческую Церковь входить и причащаться Божественных Таин было повелено великим отцом нашим Савой и великим Феодосием, кажется, из-за недостатка в священстве, поскольку святые отцы имели большую осторожность насчет священства и только иногда, когда собирались многие, принимали одного иерея или вовсе не принимали. Ибо они знали тяжесть и опасность священства. И свидетельствует об этом житие великого отца нашего Савы, а также великого отца нашего Пахомия, основоположника общежительных монастырей, что в обоих монастырях, в лавре и в общежитии было много монахов, а из живущих там монахов никто не имел пресвитерского рукоположения, но когда было необходимо, призывали пресвитеров из близ находящихся творить для них священную службу, так что они и позже были вынуждены это делать, а не другие. И сам великий Пахомий избежал тяготы священства. Великий же отец наш Сава, не желая рукоположения, против воли принял его от патриарха иерусалимского, осужденный сам воспринять тяжесть. Такова причина, по которой тот, кто с Богом потрудится искать в житиях святых и в других писаниях, найдет правду. Тягость и опасность священства, как мы сказали ранее, не только другие божественные писания выясняют, но 6 слов божественного Златоуста о священстве рассказывают подробнейшим образом, хотя он и говорит об архиерейском сане. Вместе с тем тот, кто с Богом нечто другое лучшее и истеннейшее узнает, пусть сообщит на пользу читателям и мне, поскольку я невежда и поселянин и ищу пользу во всякой вещи.

Однако я много исследовал, по силам, о наших братьях, называемых цатами, и нигде не обнаружилось, чтобы со времени великого отца Феодосия и великого Савы, когда и прежде святой великий в Халкидоне собор отлучил еретиков армян и предал анафеме их начальников, затем опять-таки, когда эти два светила, великие отцы, я говорю, Сава и Феодосий, подвизались и плевелы от чистых хлебов отделили, и православные эти братья наши и те, кто вместе с ними остались и объединились во вселенской и апостольской

обрѣтеся нигдѣже яко оттоли съгрѣшишя въ каковѣ-любо вѣщи, или понѣ въ распрѣх, или сънмицах, якоже нѣции от наших многажды пострадаша, иже изначала от божественных отець добрѣ начьнше, послѣдь же въ распря и сънмиця увратишася. Сия же братья наша дажде до днесь отци наши и ти сами блажении патриарси, егда на сборѣ подвигается что на еретикы армены, аще обрящется кто о сих разумъ имѣя божествены, тѣх имут с Богомъ на ополчение супротивных, яко и языкъ и писания их свѣдущих. Яко и зде при блаженых патриарсихъ въ наших временех бысть, и множайшим сущим еретиком арменом, от сих же зѣло мали нѣции на сборѣ ниже языкъ подвигнути, или глас испустити оставиша еретикы на православныя отнудъ. Сия вся мы, елико по силѣ испытавше о сих братьях наших, глаголемых цаты, обрѣтохом. Могый же с Богомъ и множае что ползевати нас, и се с радостью въсприемлем, яко суще невѣжде мы и яже премудрых и книжнийших не свѣдяще, ниже силы писменемъ и таковых разумьных разум не свѣдя, тъчъю сия вся испытавъ съ опаством от внѣшних и паки от внутреняя свѣсти извѣщение приимъ, съсвѣдительствующим книжным и отецьским приданием. И всь покой мой, якоже знаеши, створил есть Богъ ради молитвъ Богородица зде, и паки за молитвъ святаго Симеона в той Святий и Дивний Горѣ господина нашего святаго Симеона Чюдотворца. И овогда убо тамо, овогда же зде, сѣжду и почивая, якоже имат разум мой, егоже вѣси. Кождо бо аще не обрящет якоже любит и хощет, не упокаяется или плотско, или духовно.

Се же вѣждь, духовное мое чадо, зане якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия* вручено ми бысть и повелѣно учительство, недостоину сущу ми, нынѣ же паки не простиша мя оставити се предначальствующии и архиереи сборныя и апостольскыя Церкви, но паче подтвердиша и написаша съ утверждением повелителное и послаша ми то с киръ Самоилом митрополитом Аданьским. Да яко смотрих, тяготно ми быти и паче мѣры моея, не приях то, но възвратих сие моляся, за еже любити ми безмолвие и странничьство. Нынѣ убо паки облегчиша то, якоже лѣпо бяше, безбѣднѣ и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту сущаго затворника.* И убояхся суда Божия паки второе възвратити то, яко не имат нѣкое неудобьстве же паче мѣры моея, ниже забавляюще мя в иже имѣх прежде разум. Паче же и писаша ми, яко принуждает тя сборная Церкви на се. И сего ради прияхъ то благословнѣ, аще и недостойну сущу ми, от сборныя и апостольския Церкви, яко от рукъ Господа и Бога и Спаса нашего и Пречистыя Его Матери Богородица и владыкы нашего Петра верховнаго апостоломъ, немже и патриаршьским престоломъ всего Въстока Антиохийский град почтенъ бысть.* Азъ же аще и недостоинъ, но якоже непщую убо, яко инокъ и рабъ сый рабом сборныя и апостольския Церкви. И аще не сице бы было, но имѣло бы

Церкви вместе с православными, и нигде не обнаружилось, чтобы с тех пор они согрешили в чем-либо, ни в распрях, ни в тайных собраниях, как некоторые из наших многократно пострадали, изначально хорошо начав от божественных отцов, а потом обратившись к раздорам и сборищам. А этих братьев наших и до сегодняшнего дня сами отцы наши блаженнейшие патриархи, когда поднимается что-либо на соборе против еретиков армян, то, если найдется из них кто-нибудь знающий Божественное Писание, именно их берут с Богом для ополчения на супротивных, как знающих язык тех и писания. Как и здесь, при блаженных патриархах в наше время случилось, что хотя еретики армяне были многочисленны, из таковых несколько, будучи в меньшинстве, на соборе не дали еретикам открыть рот против православных. Все это мы обнаружили, по силам исследовав об этих братьях наших, называемых цатами. Тот, кто может с Богом найти нечто более полезное для нас, таковое мы с радостью примем, поскольку мы невежды и писания мудрых и образованных людей не знаем, ни силы писаний, ни разума таких разумных людей не ведаем, только все это исследовали мы с осторожностью, по внешним свидетельствам, и приняли убеждение собственной совести, при свидетельстве писаний и отеческих преданий. И весь мой покой, как ты знаешь, сотворил Бог благодаря молитвам Богородицы здесь и еще благодаря молитвам святого Симеона на той Святой и Дивной Горе господина нашего святого Симеона Чудотворца. И иногда там, иногда же здесь я сижу и почиваю, по своему разумению, которое ты знаешь. Ибо всякий человек, если не найдет то, что он любит и чего желает, не успокоится ни телом, ни духом.

Знай это, духовное мое чадо, что, как и прежде, в дни блаженного патриарха кир Феодосия, мне, недостойному, было вручено и вверено учительство, ныне же снова не простили меня и не оставили начальствующие и архиереи соборной и апостольской Церкви, но еще более подтвердили и написали с утверждением повелительное письмо и послали его мне с кир Самуилом, митрополитом аданским. Поскольку я знал, что это для меня тяжело и выше моей меры, я не принял его, но вернул с молитвой, так как люблю безмолвие и странничество. Недавно они облегчили его, как подобало, безопасным образом и отослали мне с духовным братом кир Косьмой, учеником кир Романа, здешнего затворника. И я испугался Божия суда, чтобы отослать его во второй раз, поскольку в нем нет никакого неудобства и превышения моей меры, ни препятствия для того разумения, которое я имел ранее. Тем более что они написали мне, что соборная Церковь принуждает тебя к этому. И таким образом я, недостойный, принял это благословение от соборной и апостольской Церкви, как от руки Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери Его Богородицы и господина нашего верховного среди апостолов Петра, которому был посвящен патриаршеский трон всего Востока город Антиохия. Я же, пусть и недостойный, но, как надеюсь, поступаю как монах, раб рабов вселенской и

нѣкое неудобьство, не бых приялъ отнуд якоже мя занеши. И обаче якоже предрекох, аще не бы было свободно, ниже извѣтом послушания послушалъ бых, за иже отдесна прельсти и бесовьскых же и человечьскых. И еще же и самоя воля яко «кождо привлачится и прильщается от своея похоти»,* якоже пишет.

И се подобает ти вѣдѣти, чадо духовное, яко и кромѣ и выше преднаписаных братий наших глаголемых цать, ихже ради и вина сия изложена бысть, и о нѣх такожде иже в зазорѣ сущих, или в вѣрѣ, или в дѣянии, и аще о едином или о мнозѣхъ, или о ученицѣх, или о учетелех, подобает се духовным нашим отцѣмъ яко да по первых о них святыхъ отцехъ, и сии творят о иже в зазорѣ сущих, или от слышания, или от своего мнения, но истязовати явѣ такова и тако съставляти и разсужати и судити и изрицати, или добръ есть таковый, или инако нѣкако, но убо якоже лѣпо есть, а не всь языкъ или иже от него учимыя, аще не злѣ явишася. Бываетъ бо множицею, якоже многажды бысть и мнози развращения мудрътвующе, инѣхъ правая учат якоже и съпротивное, и не тъчью о вѣрѣ, но друзии паче о дѣянии боящеся книжнаго словеси, глаголющаго: «Горе напаяющему искреняго своего питья мутна»;* и Господу глаголющю къ ниже творящим ни искренему глаголющим путь жизни: «Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая.* Пакы инѣм образом многажды бывает въ ученицѣх и благочестиви нѣции суще елико учими суть: добрая внутрь себе сдержавают, блазньная же внѣ измѣтают, якоже бывает о чтении, или о вѣрѣ, или о дѣяньи; обаче въ иже о Бозѣ могущих. Аще ли еще немощни суть блазньна и обоа. Тамжде пакы бывает инѣм образом, и учитель убо здравѣ и добрѣ учит, ученикъ же по развращенному своему нраву вся смяте и искриви, якоже рече и великий апостолъ Петръ въ едином от своих посланий о нѣкых сердцемъ неутверженых ради учительствъ святаго апостола Павла яко «развращают та»,* по своих явѣ яко волях обращают. И ради сих всѣх и сим подобным подобает истязовати добрѣ же и здравѣ о сих и тако износити изреченье, якоже рѣхом. Паче же и всем многа боязнь есть и бѣда пакости ради искреняго, и съблазнъ предлежит от речения, якоже пишет въ Еуангельих яко «уне есть жерновный камень привязати ему» и прочаа.* Еже протолкова божественый Златоустъ, сия съблазнъ глаголя быти възбраненье праваго пути. Обаче на сие приходит, яже предрекохом, съблазнъ къ искренему. Аще ли нѣсть таково явлено испытанье, с дерзновеньем и любовью Божьею и искреняго, якоже учимы есмы, но скровно нѣкако и льстивнѣ и яко в мрацѣ крыема и лестью и словом ратуема, се всѣм благосмыслящим явлено есть и отнуду же имат рожденье, познавают, яко от тмы и зависти и прочих злобных дѣйствъ и рождений елма «все являемое о таковых на свѣт происходит»,* якоже пишет, и не лѣпо есть

апостольской Церкви. И если бы было не так, а было бы какое-нибудь неудобство, я бы вовсе не принял это, как ты меня знаешь. Вместе с тем, как я и сказал прежде, если бы это не произошло свободно, я бы не послушался и под предлогом повиновения, но из-за ловкой прелести человеческой и демонской и самоволия, так как «каждый привлачится и прельщается от своей похоти», как писано.

И это тебе следует знать, духовному моему чаду, что кроме вышеупомянутых братьев наших, называемых цатами, из-за которых это было изложено, также и по отношению к другим, находящимся в подозрении или в смысле веры, или дела, или в чем-то одном, или во многих вещах, или опять-таки к ученикам, или к учителям нужно приводить духовных наших отцов, чтобы согласно первым святым отцам с ними поступать, и следует в отношении находящихся в подозрении либо из-за слуха, либо по собственному мнению ясно исследовать эти обстоятельства и таким образом сопоставлять, рассуждать, судить и высказываться, то ли хорошо так, то ли как-то иначе, однако, как подобает, а не соединять воедино весь народ или тех, кто у них учился, если они научились неплохо. Часто бывает, как было многократно, что многие думающие неверно других учат правильному, и противоположному, и не только в отношении веры, кое-кто и в отношении дела, боясь слова Писания, гласящего: «Горе тому, кто поит своего ближнего мутным питием», и Господь говорит тем, кто не творит и не указывает ближнему путь жизни: «Дурной и ленивый раб» и так далее. Еще и другим образом: часто происходит с обучаемыми, и некоторые, хотя их учат так, бывают благочестивы; сохраняя доброе внутри себя, дурное отбрасывают вон, подобно тому, как это происходит при чтении, или с верой, или с делами; однако это бывает с теми, кто силен в Боге. Если же кто немощен, тому соблазнительно и то и другое. Опять-таки происходит и другим образом, и учитель учит здраво и хорошо, а ученик по неправильному своему мнению все спутал и искривил, как великий апостол Петр говорит в одном из своих посланий о неких людях, нетвердых сердцем из-за учения святого апостола Павла, так что «искривляют их» и изменяют согласно своим собственным желаниям. И из-за всего этого и подобного нужно хорошо и здраво испытывать в отношении таких и таким образом высказываться, как мы и прежде сказали. И более того, есть в этом большой страх и опасность вреда ближнему, и в речи предстоит соблазн, как писано в Евангелиях, что «следует мельничный камень привязать ему» и так далее. Толкуя этот соблазн, божественный Златоуст говорит, что он есть препятствие правого пути. И вместе с тем к этому примыкает, как мы и сказали, соблазн в отношении ближнего. Если такое испытание проводится не явно, с дерзновением и любовью Божией и ближнего, как мы научены, но тайно и коварно и будто под покровом мрака и сопряжено с обманом и словом, то это делается хорошо видно всем благоразумным людям, и откуда это родилось, они узнают, что из тьмы и

таковаа и подобнаа сим тмы дѣла боголюбным сматряти душамъ или вѣровати и соприобщатись таковым.

Добро убо есть еже учити въ время благословно и ползевати искреняго, но множае паче требует божественая благодати и бестрастья такожде и приемлющему, якоже и апостолъ в раздѣленьи дарованьом, начиная сие, глаголет: «Еда вси учителе» и прочаа.* И тако может с Богомъ здравѣ уставляти и рассуждати и судити и изрицати, и о едином коемждо книжное благословное свѣдетельство приводити, якоже пишет о праведницѣ, яко «расмотритъ словеса своя на судѣ».* Аще ли же и божественѣй благодати не споспѣшьствующи, и учай такожде таковаа истязует, и аще страстен сый от естественых страстий и побѣждаемъ, невѣрная же от него глаголемая и блазньна отвсюду суть привлачим и прелщаем от своея похоти, и подобныхъ мнѣ порабощенъ, увы, и побѣждаемъ в которуюждо страсть; и не тъй обладает и водит тыя идеже хощет, но тыя одержат паче того и обладают, и отводят идеже не хощетъ. И сего ради «имже кто побѣжденъ бысть, тому и поработися», якоже пишет. И инде глаголет, яко «елики страсти въ души, толико владыкъ». И убо таковъ есть и тъ, яковже иже въ пророцѣ Исаи глаголемый: «Пророкъ учя безаконью».* Но обаче благочестивыя и Богомъ хвалимыя аще и внимают себѣ, якоже выше рѣхом, не могутъ вредити, но не внимающая и подобныя мнѣ, якоже речеся, миролюбныя и сластолюбивыя. Обаче убо таковаа скоро искушаются, якоже рѣша отци: «Тако въ человѣцѣх бывающая въскорѣ обличаются». Подобает убо комуждо пребывати въ своих прѣдѣлех и мѣрах и познавати своя, и не мнѣти себе глава быти, нога сый, якоже Богословъ Великый Григорье. И тъй самый святый Шестый сборъ* въ 64 правилѣ възбраняет учити посредѣ, яковже аще есть, и възлагати на ся санъ учительскый, не имущю повеленье от сборныя Церкве. Се бо есть любоначальства и тщеславья страсть и сим подобныя душевныя страсти с лютою гордостью, пагубныя и вредныя, и якоже глаголют отци, неудобь исцельны, паче же неисцельны. Но обаче ниже в таковых подобает отрицати или отчаяватись до конца; яже бо от человекъ невъзможная, вся възможна от Бога; глаголет бо въ божественѣй Лѣствицѣ сице, яко: «Блудныя убо человеци, лукавыя же ангели, прозорливыя же Богъ ицѣлити может».* Обаче ты съ опаством хранися от таковых, възлюбленое мое чадо духовное, да не како с ними пребывая ты убо вредишися велми. Сих же по здѣ когда человеколюбець и всещедрый Богъ, яко-же вѣсть, ицѣлит, ты же пребудеши от съжительства их неисправленъ. Не хощю же тя не вѣдѣти и паче же нужнѣйшее, яко убо яже о православнѣй вѣрѣ, цѣла и нескудна и безъ какова-любо мнѣнья хранима суть вся опасно Божьею благодатью, и нѣсть потреба възысканья или истязанья о сих. Но о дѣянии Божиихъ законъ и божественых правилъ святыхъ сбор и прочих святыхъ отець преданья, иже въ Божественых Писаниях, есть намъ тщанье, яко не видим та въ общемъ хранима.

зависти и других злых действ и порождений, ибо «все явленное от таковых на свет выходит», как писано, и не подобает на такие и подобные им дела тьмы смотреть боголюбивым душам, ни верить им, ни иметь с ними общения.

Ибо хорошо учить в благословенное время и приносить пользу ближнему, но намного больше требуется от принимающего божественную благодать и бесстрастие, как говорит апостол о разделении дарований: «Не все учители» и так далее. И таким образом, может с Богом здраво сопоставлять, и рассуждать, и судить, и выносить решение, и приводить к каждому отдельному ⟨случаю⟩ благословенно письменное свидетельство, как писано о праведнике, что он «рассмотрит свои речи на суде». Если же божественная благодать не пособствует, то и учащий, хотя он исследует только это, но если он подвержен страстям и побеждается естественными страстями, то, что он говорит, неверно и дурно со всех сторон, так как он влечется и прельщается своими желаниями и порабощен, подобно мне, увы, и побежден всякой страстью; и не сам он ведет их и управляет ими как хочет, они больше властвуют над ним и управляют им, и ведут туда, куда он не хочет. И потому «кто чем побежден, тому и порабощается», как писано. И в другом месте говорится, что «сколько страстей у души, столько и владык». И он таков, о каком сказано у пророка Исайи: «Пророк, учащий беззаконию». Но, однако, они не могут навредить благочестивым и хранимым Богом, если они блюдут себя, как мы выше сказали, а тем, кто не блюдет себя, подобно мне, как я сказал, любящим мир и удовольствия. Но все таковые быстро распознаются, как говорят отцы: «Происходящее у людей скоро изобличается». Нужно, однако, чтобы каждый оставался в своих границах и мере и знал свое, а не считал бы себя главой, будучи ногой, как сказал великий Григорий Богослов. И сам Шестой святой собор в 64-м правиле запрещает учить верующих кому бы то ни было и возлагать на себя учительский сан, не имея повеления от соборной Церкви. Ибо то есть страсть любоначальства и тщеславия, и подобные им душевные страсти вместе со страшной гордостью, пагубные и вредные для души и, как говорят отцы, трудно исцеляемые, и, более того, неисцелимые. Однако не нужно лишаться надежды и вконец отчаиваться; ибо то, что невозможно у людей, все возможно у Бога; ведь говорится в божественной Лествице так: «Люди похотливы, ангелы же дурны, высокомерных же Бог может исцелить». Однако ты прилежно храни себя от таковых, духовное и возлюбленное мое чадо, чтобы как-нибудь с ними оказавшись, не повредиться сильно тебе самому. Их когда-нибудь человеколюбивый и всещедрый Бог, как знает, излечит, ты же останешься испорченным от общения с ними. Я не хочу, чтобы ты не знал в высшей степени необходимое, что то, что касается правой веры, сохраняется ⟨ими⟩ цело и неоскудно и без какого-либо подозрения ⟨все в точности⟩ Божьей благодатью, и нет нужды исследовать и испытывать относительно этого. Но в исполнении Божьих законов, божественных правил святых соборов и других преданий святых отцов, которые есть в Божественных Писаниях, есть нам забота, поскольку мы не видим, чтобы они сохранялись.

И сия убо о сих нужных написахом тебѣ къ вѣдѣнию твоему мало, яко да не яже о вѣрѣ испытуеши, но едина точью, яже о дѣяниих, и множея ничто. Яко да не всуе въ словопрѣния себе вълагаеши мятежя. Книгу, яже знаеши, Толкования заповедемъ Господнимъ,* яже написах поспѣшением Божиимъ въ уности моей и есть здѣ въ Святемъ Симеонѣ Чюдотворци. Нынѣ же паки поспѣшьствомъ Божиим, пречистыя Богородица написана бысть другая, имущи Божественая Писания, являющая же от невѣдѣния бывающая падения въ нас християнѣх, яже и небрегома оставлена быша въ предъварщих лѣтѣх, — о раздорѣхъ монастырьских и инѣх различных винах нужных. Мала же есть, не достижащи до единаго златника, а нѣсть велика, якоже первая. Положена же быша зде, въ сборний Церкви, рекше в патриархии Антиохийстий, яко нужна есть и требует ю Церква, такожде и въ святемъ Симеонѣ чюдотворци. И сего ради послах ю ту, и да възложена будет, аще и недостоину сущю ми, даръ въ Святое Въскресение. И аще ю препишеши и ты и друзии, на ползу бывает души. И паки да есть въ Патриархии якоже и здѣ. Сборная бо Церкви патриархия истязаша ту съ опаством и въсприяша. И въ сборную Церковь възложена бысть и прията благодатью Христовою яко нужна. Сего ради и ты и сущии ту, трудолюбьствовавше ту с Богомъ, о недостоиньствѣ моемъ помолитеся, и Богъ за молитвъ Владычица наша Богородица и всѣх Его святых, да будет покрывая и сохраняя тя от всякого зла и спасетъ тя въ Своемъ царствии.

У святаго и живоноснаго Гроба Господня створи вънѣсто мене до земля метаний, 12 такожде и святыя Голгофы и в Гефсимании* и блаженому и святому моему владыце патриарху, яко недостойный азъ Никон рабъ рабом его, и прочим владыкамъ моимъ и отцемъ, подобнѣ же и братьямъ, иже прилучатся ту, метания всѣм, да помолятся о мнѣ, яко да мя помилует Богъ и съхранитъ мя, недостойнаго, молитвами Богородица и всѣх святыхъ, аминь.

СЛОВО 37. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ И ВЪЗЛЮБЛѢНЫХ ОТЕЦЪ И БРАТЬИ НАШИХ ИВИРОХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ ИНОКУ ГЕРАСИМУ

Послахом прежде, духовное мое чадо, Божественая Писания от патриархия же Антиохийския и святаго Симеона Чюдотворца обители, и мое, недостойнаго, имуща книжная свѣдительства и извѣщения о духовных наших братьяхъ, нарицаемые цатох, показующе тѣх непорочное отвсюду благодатью Христовою, въ яже о вѣрѣ и распрях и сънмицах чистом быти таковымъ свершенѣ и всякого зазора вышим благодатью Христовою. Сице паки и здѣ о духовных и любимых отцѣхъ и братьях наших ивирох, еже Богъ укрѣпи и дарова за молитвъ святыхъ, съвъкуплеше, и еже обрѣтохом от Божественых Писаний,

И это немногое об этих трудных вопросах мы написали тебе к твоему сведению, чтобы ты не испытывал того, что касается веры, но только лишь то, что касается дел, и больше ничего. Чтобы ты не ввергал себя напрасно в словопрения и смуты. Ведь ты знаешь Книгу толкований заповедей Господних, которую я написал с Божьей помощью в молодости и которая есть здесь в монастыре святого Симеона Чудотворца. Недавно опять-таки с Божьей помощью и Пречистой Богоматери я написал другую книгу, содержащую Божественные Писания, в которой указывается на падения, что происходят у нас, христиан, от незнания, что находилось в пренебрежении в прежние годы, — о раздорах монастырских и различных других тяжких вещах. Она мала, не достигает до одного златника, а не велика, как первая. Она была положена здесь, в соборной Церкви, то есть в патриархии Антиохийской, ибо необходима, и Церковь в ней нуждается, а также и в монастыре святого Симеона Чудотворца. И поэтому я ее послал туда, и пусть будет положена в дар в Церковь Святого Воскресения, хотя я ⟨того⟩ и недостоин. И если ты ее перепишешь, ты и другие, это будет на душевную пользу. И пусть будет в патриархии, так же как и здесь. Ибо соборная Церковь патриархия, тщательно исследовав ее, приняла. Она была посвящена в соборную Церковь и принята благодатью Христовой как необходимая. По этому случаю и ты, и те, кто находится там, потрудившись с Богом, о моем недостоинстве помолитесь, и Бог молитвами Владычицы нашей Богородицы и всех Его святых покроет и сохранит тебя от всякого зла и спасет тебя во царствии Своем.

У святого и живоносного Гроба Господня сотвори за меня 12 земных поклонов, а также у святой Голгофы и в святой Гефсимании, и блаженнейшему и святому моему владыке патриарху, ибо я недостойный, Никон, раб рабов его, и остальным владыкам моим и отцам, а также братьям, которые там окажутся, земные поклоны всем, пусть помолятся обо мне, чтобы помиловал меня Бог и сохранил меня, недостойного, молитвами Богородицы и всех святых, аминь.

СЛОВО 37. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ОТЦАХ И БРАТЬЯХ НАШИХ ИВИРАХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ МОНАХУ ГЕРАСИМУ

Отправили мы тебе прежде, духовное мое чадо, Божественные Писания от Антиохийской патриархии и монастыря святого Симеона Чудотворца и от меня, недостойного, послание, содержащее письменные свидетельства и известия о духовных наших братьях, называемых цатами, показывающие их непорочность со всех сторон, благодатью Христовой, в отношении веры, раздоров и ⟨тайных⟩ сборищ, совершенно чистыми и стоящими выше всякого подозрения, благодатью Христовой. Таким же образом и здесь еще о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, что Бог укрепил и даровал по молитвам

съчетахом сия и послахомъ тебѣ Божья ради любве и подобныя ей къ искренему. И ты паки другым ти подай и исполняя божественыя любве уставъ, яко да явѣ будут сия, яже предварших лѣтъ в различных книгах лежащая от небреженья же не испытуема, ниже являема, и сице рещи погребена и яко въ мрацѣ крыема. Сего ради азъ, недостойный Никонъ, иже по духу отець твой, поспѣшьством Божиимъ сия трудолюбьствовавъ, послах ти первая убо о духовныхъ наших братьях, нарицаемых цатѣ, и ныне пакы о духовных и любовных наших отцехъ и братьях ивирохъ, яко да азъ, недостоиный Никон, рабъ тѣх святыя молитвъ и любве божественыя бъвъ Божию милость на себе привлеку, якоже изначала и прежде обои, азъ же и сии отци наши и братья, божественымъ Духомъ усвояеми, божественою любовью уставъ исполняюще дѣлом и словом елико по силѣ.

Сии бо духовнии и възлюблении отци наши и братья изначала убо вѣдѣние обращениа ихъ от суетных идолъ к истинний християньстий вѣрѣ блаженый Феодоритъ епископъ Кирьскый в Церковнѣм списании повѣдуют* о иже от грълкыя земля пленены блаженыя оны въ женах добродѣтелныя Нонны,* како языкъ ивирскый обра⟨*тися*⟩ на християньство от суетъных идолъ, и убо яже таковаго начала тамо сказует. Въ другой же паки повѣстнѣй книзѣ пишет сице: яко въ царство великого Константина* Иверия въ православную вѣру приде и християньство прият, уврачевана бывши от нея. Сыну бо царя ивирскаго въ лютѣ недузѣ бывшю, царь, увѣдѣвъ, християнинъ бысть, и тъи же и вси. И храмъ моляше царя създати. Царь же еже убо о съпружници бывшее чюдо хваляше же и славляше, храм же не хотяше създати. Лѣту же мимошедшю, тый на ловъ изиде. И человеколюбивый же Владыка того якоже Паула улови, мрак бо на нь внезапу напад, не оставляше напред пойти. И ловящеи убо солнечныя лучя обычно наслаждахуся, тъ же единъ невидѣния связанъ бысть язами. Въ недоумѣнии же сый, и умѣние обрѣте спасения. И абие мрак онъ прейде на свѣт. И призвавъ иже Веселеила, начялохудожника, примудрости исполнившаго, и того сподоби благодатью, якоже божественый описати храм. Они же основание копаху же и зиждаху. И яко свершися храм, трѣбоваху священника обрѣсти. И сему обрѣтение чюдная жена створи, увѣща бо началника языку оному къ гричкому послати царю и просити да послет ему учителя благочестью.

Царь же великый Констянтинъ, съ обрадованиемъ посланьникы приимъ, посла имъ Еустафья, патриарха Антиохийскаго, съ многою честью. И шед тамо, крести и всих съ царемъ и освяти въсъзданый храм, и створи имъ сборнаго епископа, въобразивы ему божественым уставом под властию быти патриарху Антиохийскому. Царь же ивирскый и съвѣтницѣ его уставиша патриарху антиохийскому въ подани ему ароматом святаго мира токмо тысящу селъ въ земли ивиръстий, яко да от прихода их подаются аромата миру. Въ Антиохии

святых и что обрели мы в Божественных Писаниях, собрали мы и совокупили и отправили тебе ради божественной любви и подобной ей любви к ближнему. И ты это передай другим, исполняя заповедь божественной любви, чтобы стало явным то, что с прежних лет было записано в различные книги и из-за пренебрежения не было ни исследовано, ни выявлено, и, можно сказать, погребено, и, как во мраке, скрыто. Поэтому я, недостойный Никон, духовный отец твой, с Божьей помощью в этом потрудившись, послал тебе сперва о духовных наших братьях, называемых цатами, теперь же о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, чтобы мне, недостойному Никону, рабу их святой молитвы и божественной любви, привлечь на себя милость Божию, ибо изначально и прежде обе стороны, я и отцы наши и братья, приобщаясь к божественному Духу, наполнялись установлением божественной любви, по мере сил, делом и словом.

Что касается этих духовных и возлюбленных отцов наших и братьев, то изначально сведения об их обращении от суетных идолов к истинной христианской вере рассказывает блаженный Феодорит, епископ кирский, в Церковной истории, о той от греческой земли плененной блаженной среди женщин и добродетельной Нонне, как ивирский народ обратила к христианству от суетных идолов, и о начале этого так рассказывает. В другой же исторической книге написано так: в царствование Константина Великого Иверия пришла к православной вере и приняла христианство, будучи излечена ею. Ибо когда сын царя ивиров находился в тяжелой болезни, царь, узнав об этом, стал христианином, и все ⟨вокруг него⟩. И Нонна попросила царя построить храм. Царь же, восхваляя чудо, произшедшее у его супруги, храм же создать не хотел. Спустя год вышел он на охоту. И человеколюбивый Владыка его уловил, как и Павла, ибо на него внезапно напал мрак, не позволяя идти вперед. И те, кто вместе с ним охотились, как обычно, наслаждались солнечными лучами, он же один был связан путами слепоты. Оказавшись в состоянии непонимания, он обрел понимание спасения. И сразу тот мрак изменился на свет. И, призвав Веселеила, первостроителя, исполненного мудрости, удостоил его благодати описать божественный храм. И стали они копать основание и строить. И когда храм был окончен, нужно было найти священника. И его обретение сотворила удивительная женщина, ибо она убедила главу того народа отправиться к царю греческому и просить его прислать учителя благочестия.

Великий же император Константин, с радостью приняв послов, отправил им Евстафия, патриарха антиохийского, с большой честью. И, придя туда, он крестил всех вместе с царем и освятил созданный храм, и поставил им соборного епископа, установив, что он, по божественному уставу, подчиняется патриарху антиохийскому. Царь же ивиров и его советники постановили патриарху антиохийскому за доставление ароматов святого мира только тысячу сел в стране Иверии, чтобы от их приношений поставлялись ароматы мира. Потому

бо бѣ уставъ освящатися миру, и оттуду подаяшеся по всему миру. Инде бо не освящашеся миро. И зде убо тако.

Паки в другой книзѣ повестнѣй глаголет, яко при Констянтинѣ царѣ Копронимѣ,* патриарху сущю блаженому Феофилакту въ Антиохии, придоша от Ивирия инока два и възвѣстиша блаженому Феофилакту, яко в нужди суть християнѣ селъ иверьских, не имуще сборнаго архиепископа. От дний бо блаженаго Анастасья, священномученика и патриарха Антиохийскаго, не поставлен бысть им архиепископъ сборный остроты ради путныя и заеже не смѣяти кому агарянъ ради мимо ходий.* И сборным судом своих митрополитъ и архиепископъ и епископъ повелитѣлное писание даст ивиром поставлятися от епископъ прѣдѣла его, иже въ дни тыя сборному архиепископу ивирскому, поеже быти избранию от них, и створити и жребий, и по жребью идеже божественая благодатью объявитъ, поставитъ того по церковному уставу. И створиша написано въспоминание о том и съшедый сборъ и запечатьливъ въдаст им, и поста⟨*ви*⟩ единого от обою посланую мниху, Иване именемъ. Бяху же села патриархова въ Иверии тысяща изначала уставлена; и устави даяти на коеждо лѣто по времени патриархомъ дань от тѣх селъ его, златник тысящу окуплени ароматом святаго мира.* И на всяко лѣто даяхуся даже до Ивана святаго патриарха Иерусалимского. При Орестѣ святѣйшем патриарси Антиохийстемъ, идущи ему на моление киръ Василию,* уставлено же бысть въспоминание имѣти патриарху Антийохийскому единому в Иверии,* и посылати екзарха* на посѣщение о ересехъ и истязании о душевных съблазнох и взимати уряжденая от селъ онѣх.

Паки же въ дѣлных иже въ Халкидонѣ святаго сбора пишетъ сице: яко уставлено же бысть миро всюду освящатися; первѣе бо от Антиохийскаго тоцью освящашеся. Увѣдевше же яко даровъ ради даемо бывает, уставлено бысть всюду от епископъ освящаему быти. Царь же любезни учредивъ сборъ 630 отець, отпусти когождо во своя си. Въ послѣдних же временох при Констянтинѣ цари Мономасѣ* и блаженемъ патриарси Антиохистем киръ Феодорѣ* възнице плевелом сѣятель нѣкый* от епископъ въ Иверии. Тѣмьже и различна послания киръ Феодоръ и с кувуклисием посла* въ Иверию, исправивъ вся иже тамо бывшая соблазны благодатью Божиею, усердьем же и божественою ревностью иже тамо божественых отець и епископъ. Яже послания зде обрѣтаются въ Чюдотворци и святѣм Симеонѣ у игумена кир Иоанна, произволением Дипотатово. Въ каковых убо посланиих пишеться повеление и рукоположение патриарха киръ Феодора посланми, въ тогдашнее время бывшее сборному иверийскому кир Иоанну.

Сия, духовный брате и чадо, елико по силѣ написах ти, еже обрѣтох в Божественых Писаниих о таковых винах. И обаче якоже вѣси, яко въ житии господина нашего и чюдотворца Симеона глаголю, яко въ единъ от дний бывъ

что существовал устав освящать миро в Антиохии, и оттуда оно доставлялось по всему миру. Ибо в других местах миро не освещалось. Здесь сказано таким образом.

В другой же исторической книге говорится: при императоре Константине Копрониме и антиохийском патриархе Феофилакте из Иверии прибыли двое монахов и сообщили блаженному Феофилакту, что христиане иверийских сел пребывают в нужде, не имея соборного епископа. Потому что со времени блаженного Анастасия, священномученика и патриарха Антиохии, для них не был рукоположен соборный архиепископ по причине трудности пути, и поскольку никто не смеет через земли агарян пройти. И по соборному решению митрополитов, архиепископов и епископов того места он дал ивирам повелительное послание, чтобы соборный архиепископ Иверии рукополагался от епископов его страны: после избрания у них бросить жребий, и после жребия, если божественная благодать такому проявится, того утвердить по церковному уставу. И сделали письменный документ об этом, и собравшийся собор, подтвердив его, вручил им и рукоположил одного из двух посланных монахов по имени Иван. Было же установленных изначала владений патриарха в Иверии тысяча; и постановил ⟨собор⟩ платить ежегодно патриархам, которые правят, дань от тех имений в тысячу златников за покупку ароматов святого мира. И ежегодно давали вплоть до святейшего патриарха Иерусалимского Иоанна. При святейшем патриархе Антиохийском Оресте, когда он шел с миссией к ⟨императору⟩ кир Василию, было установлено, что в Иверии поминается только антиохийский патриарх и он может посылать экзарха для наблюдения за ересями и расследования духовных согрешений и чтобы взимать установленное от тех имений.

Опять-таки в деяниях святого Халкидонского собора написано, что было установлено освящать миро повсюду; ибо сначала оно освящалось только в Антиохии. Когда стало известно, что оно дается за дары, было постановлено, чтобы освящалось епископами повсюду. Император же, благосклонно учредив собор 630 отцов, отпустил каждого восвояси. Позднее, при императоре Константине Мономахе и блаженном патриархе антиохийском кир Феодоре, появился некий сеятель плевелов среди епископов в Иверии. Поэтому кир Феодор с кувуклисием послал в Иверию различные письма, исправив все произошедшие там недоразумения благодатью Божией, усердием и божественной ревностью там находящихся божественных отцов и епископов. Эти письма находятся здесь, в святом Симеоне Чудотворце у игумена кир Иоанна Дипотата. В этих посланиях содержится повеление о рукоположении, писанное в то время патриархом кир Феодором каталикосу Иверии кир Иоанну.

Это, духовное мое чадо, насколько я был в силах, я написал тебе, что я нашел в Божественных Писаниях о таковых вещах. И также, как ты знаешь, что в житии святого господина нашего Симеона Чудотворца говорится, что,

святый въ изъступлении, видѣ множества многа мужий и женъ и дѣтий съ отцы грядущаго от Въстока к нему, молитвы же и славословия въсылающе Богови, Святый же Духъ осиняющь множества и идущь с ними. Сим же приближившимся Святѣй и Дивнѣй горѣ, рече Духъ Святый и къ своему угоднику Симеону: «Вѣси ли, кто суть сии, иже к тебѣ грядущии? Си суть язык иверскый, иже възлюбят тя имени моего ради и придут к тебѣ по времени с вѣрою и извѣщением мнозѣм и искусы приемлюще данныя тебѣ изцѣлениом благодати, и проповѣдят яже о тобѣ в всей странѣ своей, и ползуют вся иже в ней вѣрныя. И от них вселяться въ благочьстивѣи обители твоей и благопотребнѣ и вѣрнѣ будут». Малѣмъ же по видѣнии сем мимошедшим днемъ, и придоша к нему множество ивиръ молящимся съ кресты, и многы от них изцѣли от нечистыхъ бѣсов мучимых и различными страстями сдержимыя же и стужаемыя. И нѣции от них видѣвше яже от святого бывшая чюдотворения, просиша с ними быти. Въсприим убо тѣх прѣдложение и разумѣвъ волѣ Божии быти то, якоже и предрече ему Духъ Святый, прият тѣх прошение; и прѣбыша прочее въ монастырѣ иночьское держеще житие.

Сия вся мы прочетше, по разуму Божественыя любви житие наше въ благоугождение устроим, яко да предреченых отець и братый молитвами помагаеми милостива имамы Христа истиннаго Бога нашего молитвами Пречистыя Матери Его и Богородица и всѣх святых. Аминь.

когда однажды святой находился в исступлении, он увидел большие толпы мужчин, женщин и детей с отцами, идущих к нему с востока, воссылающих к Богу молитвы и славословия, и Святой Дух осенял множество и шел с ними. Когда они приблизились к святой Дивной Горе, Святой Дух сказал своему угоднику Симеону: «Знаешь ли ты, кто есть эти пришедшие к тебе? Это народ иверов, который возлюбит тебя имени Моего ради и придет к тебе со временем с верой и многими известиями и искушение возьмут на себя дарованной тебе благодатью исцелений, провозгласят о тебе во всей своей стране и устроят на пользу всех в ней верующих. Некоторые из них поселятся в твоей благочестивой обители и будут полезны и верны». Спустя немного дней после этого видения явилось к нему множество иверов, молящихся с крестами, и многих из них он излечил, мучимых нечистыми духами и одержимых различными страстями. Некоторые из них, видя чудеса святого, просили ⟨его⟩ быть с ними. Приняв их предложение и зная, что это желание Бога, как ему прежде сказал Святой Дух, он принял их просьбу, и так остались они в его монастыре, подвизаясь в иноческой жизни.

Все это прочтя, давайте устроим по разуму божественной любви нашу жизнь в угоду Богу, чтобы с помощью молитв вышеупомянутых отцов и братьев иметь помощником Христа истинного Бога нашего молитвами Пречистой Матери Его и Богородицы и всех святых. Аминь.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ТРЕТЬЯГО СЛОВА СУТЬ СТИХОВЕ ВСИ 1654 СЛОВО 3

1. Яко ничтоже творит душа или дѣйствует кромѣ тѣла, но его всѣми уды дѣйствует и познаваеться, какова есть и колика.

2. Яко аще не въ свершенъ възрастъ приидут уди и части телесныя, дѣйства душевная неявлена суть.

3. Яко аще что от удовъ телесных погибнет или инако вредиться, бездѣльствуеть душа к служенью его.

4. Убо в коей части тѣла пребыванье уму мнѣти достоить.

5. Яко сраслена есть душа телеси и вкупѣ душа и вкупѣ и тѣло, не бо прежнѣйшее единъ другаго.

6. Яко, тѣлу разрушаему, не сраздрушаеться с ним и душа, и како бесмертное и славное с мертвым и неславным создано бысть, и которое котораго первозданно бысть.

7. Убо кто согрѣшивы въо Адамѣ изначала — душа или тѣло, и яко смерть не мука есть, но врачеванье и смотренье добрѣйшее, и яко душа, дондеже привязана есть сей плоти, мысленая видѣти *не* может.

8. Иже по образу и по подобью кое есть, и кто от обою имат то — душа или тѣло.

9. Убо тлѣнна ли Адамова плоть или нетлѣнна создана бысть.

10. И гдѣ хощем глаголати преже отшедш*ие сущиа* душа; яко в последний день хощем вси от вѣка усопшеи вскреснути и какови.

11. Христосъ, сшед въ адъ, вся ли иже от вѣка тамо сущая душа свободи, по Писанию, или ни, и како и ким образом познают душа каяждо свое тѣло в въскресении.

12. Яко обещно тогда быти и познанье на всѣх, дондеже ови от десныя, ови же ошюю разлучаються, и тако будет паки праведным познание, грѣшным же ни.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

ВСЕГО В ТРЕТЬЕМ СЛОВЕ 1654 СТИХА
СЛОВО 3

1. Что душа ничего не совершает и не делает помимо тела, но действует только с помощью всех его членов, а через это и познается, какова она и какая.

2. Что если не полностью разовьются члены и части тела, действия душевные останутся непроявленными.

3. Что если какой-нибудь из членов тела погибнет или иначе повредится, душа окажется не в состоянии действовать присущим этому члену образом.

4. В какой части тела следует считать пребывающим ум.

5. Что сращена душа с телом и одновременно появились душа и тело, а не одно прежде другого.

6. Что с разрушением тела не разрушается с ним и душа; и о том, как бессмертное и славное было создано со смертным и бесславным, и что чего первозданней.

7. Кто согрешил в Адаме сначала — душа или тело, и — что смерть не мука, но врачевание и прекрасное предусмотрение, и что душа, пока привязана к этой плоти, мысленного видеть не способна.

8. Что у человека по образу и что по подобию, и кто из обеих обладает этим — душа или тело.

9. Тленной или нетленной была создана Адамова плоть.

10. Где следует считать пребывающими души прежде отошедших, и — что в последний день все от начала веков умершие воскреснем и какими.

11. Христос, сойдя в ад, все ли от века там находящиеся души освободил, по Писанию, или нет, и как и каким образом каждая душа опознает свое тело при воскресении.

12. Что все тогда будут узнавать всех, пока не разделятся на стоящих справа и слева, после чего одни только праведные будут узнавать друг друга, а грешные нет.

13. Яко на воскресение всячьская тварь обновиться в нетлѣние к лучше добротѣ и видѣнию, — подобнѣ и человѣчьская телеса, с ними же и душа, но не *т*ричастны будут тогда, якоже нынѣ, но отимуться двѣ части от них — ярость и желание.

14. И еще о въскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО СЛОВА

Душа: Се другое взискание, се и другое впрошенье. От нихже впросих тя вчера и во втором словѣ, многа ми явила еси и многа сказала ми еси. Хотѣх же увѣдѣти, гдѣ хощем глаголати преже умершихъ душа быти: аще въ адѣ induced речеши ми, — да гдѣ есть адъ? Рци ми се явственѣ, рци и не облѣнися.

Плоть: Невнимателна о мнозѣ еси, о душе моя. Аще бо бы внимала, смѣреная, от ихже прочитаеши и от ихже поеши многажды на который же день, хотяше многая навыкнути и разумети вся си, учителя не бы требовала, ниже сказателя. Слышано ли бысть се, владычице, да не знаеши сия, но впрашаеши рабу свою, мене оканную!

Душа: Аще убо не навыкну от тебе, от кого научюся? От Писания слышах, еже впрашати убо лучше есть и еже свѣтовати мьногых спасително есть.

Плоть: Да что есть и каково дѣло, еже имаши, и где скытаеться умъ, и где обьходит, скажи.

Душа: Кое убо дѣло — еже испытовати божественое: и отнуду же придох, и еже ради вины, и кто есть зижитель мой, и како честнѣйшю всѣх иже в мирѣ створи мя тварей и под руку далъ есть скоты же и звѣря, и гад, и птица, и ина глаголю вся, небо *с* своими ему, земля и иная паки, — и како мя затворилъ есть в тебѣ смраднѣй, и идеже паки поиду, отлучився тебе конечнѣй.

Плоть: Право убо отвѣща ми, и добрѣ отглагола; сия поучайся всегда; сия тебѣ да суть дѣло; да навыкнеши от них лучшая, божественая.

Душа: Азъ убо се желаю воину и хощю поучение незабытно имѣти ми в сѣхъ. Но якоже вепрь калу радуеться и сквернѣ и на кождо день валяеться, услажаяся в немь, тако и ты, всезлая плоти, всяко с сими плотьскыми своими страстми и сластьми студными и скверными дѣянми съскверниши мя на кождо день, валяющися в них без боязни, якоже свинья, и низъвлачиши мя долѣ, и никакоже оставляеши мя горняя зрѣти и мудрьствовати, и в горняя входити. Зрительное угасила еси — еже есть умъ мой. И како взмогу навыкнути, помрачена сущи и ослѣплена всячесьскы, зрѣти не имущи!

13. Что с воскресением всяческая тварь обновится, сделавшись нетленной и став лучше и красивей, также и человеческие тела, а с ними и души, но не трехчастны, как теперь, они тогда будут, ибо отнимутся две части у них — способности ярости и влечения.

14. И еще о воскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО СЛОВА

Душа: Вот новая тема, вот и новый вопрос. Из того, о чем я спросила тебя вчера, во втором слове, ты многое мне раскрыла и много мне сказала. А теперь я захотела разузнать, что надлежит нам думать о том, где пребывают души прежде умерших: если «в аду» скажешь мне, — где ад? Ответь мне на это ясно, ответь, не поленись.

Плоть: Ты очень невнимательна, о душа моя. Ведь если б ты внимала смиренно тому, что читаешь и что многократно каждый день поешь, то очень много узнала бы, и поняла все это, и не имела бы потребности ни в учителе, ни в толкователе. И слыхано ли это, владычица, не знать этого и спрашивать свою рабу, меня, окаянную!

Душа: Коль от тебя не узнаю, у кого научусь? А из Писания я слышала, что спрашивать полезно и советоваться со многими спасительно.

Плоть: Да какое же дело теперь тебя занимает, и где, скажи, твой ум скитается и блуждает.

Душа: Такое дело — постигать божественное: откуда я пришла, и по какой причине, и кто создатель мой, и почему, создав меня высшей всех сущих в мире тварей и подчинив мне животных, зверей, и гадов, и птиц, и прочее, можно сказать, все: небо вместе с тем, что в нем, и землю, и иное, — при этом он поместил меня в тебе, смрадной, и куда потом я пойду, с тобой, наконец, расставшись?

Плоть: Ты правильно ответила и хорошо сказала; и это постигай всегда; пусть это будет твоим делом, чтобы ты научилась лучшему и божественному.

Душа: Я ведь того и желаю всегда и хочу хорошее поучение об этом услышать. Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и усладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?

Плоть: Да вѣдѣ ты водиши мя и ты всяко носиши! Да вѣдѣ ты обращаеши мя, якоже снузнець коня. Азъ убо кромѣ тебе ничтоже отнудь творю: ниже доброе, ниже злое, ни посреднее спроста. Да что мя укаряеши много и что мя бесчестиши? Или убо добрѣ, или злѣ живемъ — твое еже хотѣти.

Душа: Непщюеши, злѣйшая, благословленѣ противится мнѣ? Но нѣсть, ты якоже рече, нѣсть, якоже глаголеши! Но — якоже конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь,* неудержим, зловидень и непокоренъ зѣло, внегда хопит узду, стища зубы своими, и въздвигъ выю яростнѣ и к брегом устремиться и в пропасть, и рассѣлины, и ровища калная и самъ себе низъринет вкупѣ со всадникомъ; аще ли въспящаеться, то паки горше есть, — сицевому подобно стражем обѣ вкупѣ. Сверѣпѣеши, якоже онъ предреченъ мною конь, враждебная, и тогда не могу повести тя, якоже хощю, но яможе ты хощеши, водиши мя нехотящю. Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе, или гладом озлобя тя и жестоцѣм житием, аще труды тебѣ наведу многы и великы и подвигы нанесу ти, яко да постражеши — да некако буяеши, и играеши, и скачеши отнуд, — и положю долу тя мертву, полумрщвену паки, — въ еже показати тя паки покориву быти, и не имамъ служащаго ми, ниже помагающаго, не имам с ким добродѣтели сдѣяти! И како сию да стяжю и како сию створю?

Аще ли же упокою тя и угожю ти, паки на мя въстаеши злѣ и ратуеши мя бѣснѣ, и низълагаеши мя долѣ в дѣяния неправедна. Обаче помагаеши ми нѣкогда створити любимая к Богу, пособьствуеши мя *во многая, но и ратуеши мя*; *и помощника имам те*, и съперника паки, и ратника нещадна, и врага же сверѣпа. Горе, горе мне! Како: враг — и друг любы мнѣ! И что сдѣяти, недоумѣю, и что створю, не вѣмъ. Аще убо створилъ бы Богъ, да свобожюся тебе, изъшла бы твою темницю и зловонья смраде, изъшла бых убо, наставлена от ангела, вскорѣ в моя си, в мое отечество, и, яже в мирѣ оставльши, в премирных жила бых.

Плоть: Много възвысися, о душе, много възнеслася еси — яко невещественна и добра и яко превышши, яко мыслена и словесна, и бесмертна сущи, и яко от вышняго и небеснаго мира, сей миръ убо нѣсть достоинъ тебѣ, азъ есмь злородна, азъ есмь раба от сего мира тлѣньнаго, премѣннаго и сквернаго, от четырех его всѣх ставъ вся есмь — и мерзка, и сквернава, и нечиста, якоже глаголеши. И глаголи еже хощеши, госпожа бо ми еси. Но убо яже укаряеши злую мене, юже бесчестиши, — аще мя не бы имѣла, владычице, не бы достойна мѣдницю.

Душа: Да како обесрамися, и како обесчестиши мя, и како охуди мя? Хощу навыкнути, еже рече.

Плоть: Вонми, прочее, и слыши, и не огорчевайся отнудь, ни же гнѣвайся на мя всуе туне тако, елма обезчивихся тебѣ, елма обесрамихся и

Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь и за что бесчестишь? Хорошо ли, дурно ли мы живем — зависит от твоей воли.

Душа: Полагаешь, злейшая, что разумно мне перечишь? Но не так обстоит дело, как ты сказала, не так, как говоришь! Но словно конь свирепый, что зовется Сиртиарий, неудержимый, страшный и весьма непокорный, когда грызет узду, стиснув ее зубами, и, шею яростно задрав, к берегам устремляется, и в пропасти, и в ямы, в рвы, наполненные грязью, сам себя повергает вместе со всадником; если же попятится, то будет еще хуже, — подобно этому и мы страдаем обе вместе. Ты, враждебная, свирепеешь, как этот названный мной конь, и тогда я не могу вести тебя, куда хочу, но ты, куда хочешь, несешь меня против моей воли. Если же я побью тебя палкой и помучу тебя или голодом накажу тебя и суровой жизнью, если трудами нагружу тебя многими и тяжелыми и работы возложу на тебя такие, чтобы пострадала ты — чтоб не буйствовала больше, не озоровала, не скакала совсем, — умерщвленной и полумертвой низложу тебя, чтобы заставить тебя быть покорной, то лишаюсь тогда своего слуги и помощника, и не с кем мне будет добрых дел сделать! Как добродетель тогда стяжать и сотворить мне?

А если же дам тебе покой и угожу тебе, вновь на меня восстаешь со злобой и бешено воюешь со мной, и низвергаешь меня вниз, в деяния неправедные. Однако же иногда ты помогаешь мне совершить любимое Богом, способствуешь мне во многом, но воюешь со мной; и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг — и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю. Если бы дал Бог от тебя освободиться, вышла бы я из твоей зловонной и смрадной темницы, быстро пошла бы, наставляемая ангелом, в мое отечество и, оставив все мирское, в надмирном мире жила бы.

Плоть: Слишком возвысилась ты, о душа, и чрезмерно вознеслась: и невещественна ты, и добра, и все-то ты превосходишь, и осмысленна ты, и словесна, и бессмертна, и происходишь из вышнего небесного мира, а этот мир недостоин тебя, а я злородна, я раба из этого изменчивого и скверного мира, из всех его четырех стихий вся состою, и мерзка я, и скверна, и нечиста, как ты говоришь. И говори, что хочешь, ведь госпожа ты мне. Но хотя ты меня и называешь, укоряя, злой и бесчестишь, но если бы ты меня не имела, владычица, не стоила бы ты и медяка.

Душа: С чего ты потеряла стыд, с чего бесчестишь ты меня, что унижаешь? Хочу понять твои слова.

Плоть: Тогда внимай и, слыша, не огорчайся и не гневайся на меня понапрасну, как если бы я бесчестила тебя, как если бы я обнаглела и стыд

стыдение отложих от моего лица. Рьку тебѣ истину, или хощеши, или не хощеши. И вонми здѣ смысленѣ и разумѣй яже глаголю.

Кромѣ ссуд моих удовъ, госпоже, Творца своего и Бога славословити не можеши, — аще не имаши сдѣлницю мене и помощницю свою. Но ниже благодарити яко творенье Создателя, ни о нихже согрѣшила еси сама покаятися можеши кромѣ слезъ и въздыхания, якоже она блудница и Петръ. Внегда убо мене отлучишися, разумѣеши, кто еси?

Душа: Да како отнудь глаголеши и како имаши уста и всяко противь глаголеши ми и не срамляешися?!

Плоть: Да почто да не глаголю и почто и престану, елма предана бых тебѣ, яко да мя имаши рабу? Вину же не свѣм и како рещи не вѣдаю. Не бо преже мене еси, но вкупѣ ты же и азъ. Еда бо мене скудѣлник созда, Богъ же тебе? И что еси кромѣ мене и кая еси, скажи? Невидима и незнаема всѣм вся еси, никтоже познаваяй тя, никтоже видяй тя, или добра, или зла, не вѣсть какова еси — или мудра, или буя, или смыслена же, или разумна и препроста паки.

Душа: Да како есть еже глагола? Реченое не разумѣх.

Плоть: Слыши убо и вѣруй и покорись имже глаголю. Сущая убо вся познаваема суть чювством, умная же умнѣ постизаема суть. Яже убо чювьствена суть чювство чювственѣ познаваем, а яже паки мыслена — мыслена, якоже рѣх. Показанье чювство чювственѣе имат, постизаемое же мысленѣ, о страстная, не от того самаго познаваеться, но от дѣйства. Невѣдома сущи, о душе, и невидима вся, вправду убо познаваешися от дѣйствъ, якоже и Богъ от своих ему твари. Бога никтоже видѣ никогдаже отнудь, невидимо бо есть сущьством и естествомъ, но убо познаваеться нѣколико от глаголаных. Невидимая бо Его, — рече божественый Павелъ, — и от тварей разумѣваема,* зрящи, от еже въ тварех, — рече, — премудрости бывшая Творець и Создатель познаваеться яковъ. Яже тѣмъ бываемая на всяк день Сдѣтеля поравеньству проповѣдають. Доброта тварем, величьство сим бывают, Творца их явьственѣ сказует. Азъ оживляюся с тобою и движюся, госпоже, от ихже всяко мною дѣйствуеши же и твориши познаваема еси от мене, якова и колика еси. *Аз* показую тя ныне всѣм, якова же еси и како еси дѣлателна и дѣйствена в житьи. Имаши бо уды моя и ссуды вся и тѣми дѣйствуеши и с сими дѣлаеши, скрыта сущи во мнѣ и затворена. Невидима, яко невеществена вся всегда еси, помышленье и разумѣнье все же, аще имаши, скровена суть, о госпоже. Яже в тебѣ ни вѣтий, ни любомудрець, ни земовѣрьник пакы, но ниже волхвъ враг, — никтоже знает та, дондеже приимеши от мене шестострунная уста и къ голосу подобному органскыя моя уды: горло же и душник, гортань же и языкъ, зубы и устны с ними, — и глас вершиши. И тако тогда бывают скровенная вѣдома и явлена, якоже рѣхом, разумѣнья твоя. Приничеши очима моима и блюдеши

отложила от лица моего. Скажу тебе правду, хочешь ты того или не хочешь. Послушай теперь осмысленно и разумей, что я буду говорить.

Без помощи моих органов, госпожа, Творца своего и Бога не можешь ты славословить, — если ты не имеешь меня своей сотрудницей и помощницей. Без меня не можешь ты ни возблагодарить своего Создателя как его творенье, ни покаяться в согрешениях со слезами и воздыханиями, как это сделали блудница оная и Петр. Со мной расставшись, разумеешь ли, кто ты есть?

Душа: Да как только вообще язык твой поворачивается говорить мне такое, и при этом ты не стыдишься?!

Плоть: А почему бы мне не говорить и отчего умолкнуть, если я отдана тебе, чтобы ты имела меня своей рабою? Вины своей я не знаю и, что сказать, не ведаю. Ведь ты не прежде меня возникла, но вместе со мной. Неужто горшечник меня создал, а тебя Бог? Что ты такое без меня и какая, скажи-ка? Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не может знать тебя, никто и не увидит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, какая ты — мудра, или безумна, или смышлена, или разумна и притом простодушна.

Душа: Да что такое ты говоришь? Я не понимаю сказанного.

Плоть: Так слушай же и верь, и соглашайся с тем, что говорю. Все существующее познаваемо чувством, а умственное умом постигается. Итак, все чувственное мы познаем чувством ведь, а мысленное — мыслью, как я уже сказала. Чувственное способно давать показания чувству, а постигаемое мысленно, о страстная, не прямо само по себе познается, но по действиям. Неведомою будучи, о душа, и полностью невидимой, ты правильно познаешься от собственных действий, как познается Бог по им сотворенному. Ведь Бога никто никогда не видел, ибо он невидим существом и природой, но отчасти познается так, как сказано. Ведь что невидимо в нем, то, сказал божественный Павел, путем наблюдения по тварям уразумевается, от заключенной в тварях премудрости Творец-Создатель бывает познаваем, каков он. Все, чему он дает бытие, равно всякий день своего Создателя проповедует. Красота творения и его величественность ясно свидетельствуют о своем Творце. Я тобою, госпожа, оживляема и движима, и от того, как ты мною действуешь и что делаешь, через меня ты познаешься, какая ты и что ты есть. Я ныне показываю тебя всем, что ты собой являешь, какова ты на деле, что совершаешь в жизни. Ведь ты владеешь всеми моими частями и органами, ими действуешь и с их помощью все делаешь, сокрыта будучи во мне и заперта. Ты невидима, ибо ты вся и всегда невещественна, помышления и все рассуждения, какие ты имеешь, сокрыты, о госпожа. То, что в тебе, ни ритор, ни философ, ни также геометр, ни враг-колдун, — никто не знает то, доколе ты не воспримешь от меня шестиструнные уста и потребные для голоса мои приспособленья: горло с легкими, гортань с языком, зубы и губы с ними, — и произведешь голос. И лишь тогда становится сокровенное открытым, и известными делаются твои рассуждения. Глядишь ты

убо вся, и глаголеши языком моимъ, и слышиши ушима, обонѣваеши ноздрема моима, и рукама дѣлаеши хытрости паки обои и художьства вся от малых и худых даже и до великых. Мене бо кромѣ никакоже твориши что отнудь житийско и телесно, и духовное весма. Азъ тя обиявих, азъ прославих тя. Не хвалися в моих, ни взносися толико. Аще ли хощеши увѣдѣти, яко истинно еже глаголю, и сдѣ вонми разумно и навыкнеши удобно.

В*ѣдѣ еси* велика и *добра*, якоже мниши, устроена во мнѣ и свершена вся всяко абье от самоя утробы. Аз же, внегда рожюся, несвершен младенець есмь, малѣйше отнудь отро*ча*, якоже рѣх. Как абие не дѣйствуеши что-либо всяко, не глаголеши бо явѣ, ходиши же никако, рукама же спроста не дѣлаеши никако, но вся недѣйствена всегда быва*еши*. И ждеши, владычице, мене, твою рабу, — дондеже удове мои и части тѣла вся взрастут помалу и одебелѣют сия и доспѣют, якоже рѣх, в мѣру взраста. И тако тогда тѣми дѣйствуеши, яже хощеши. И по сих же паки аще что от удовъ моих случиться и погибнет, якоже не хощеши, любимая, к дѣланью его и паки забавляешися, не могущи его навершити дѣло. Аще же мозгъ мой уязвенъ будет мечем, или инако паки вреженъ будет, ослѣплена бываеши, не зрящи спроста ни добро, ни не таково, несмыслена и скудоумна вся всегда еси и вся недѣйствена, якоже преди рекохъ. Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю, ничтоже дѣлающи, якоже рече и Христосъ в Благовѣстованьихъ,* и в*ѣдѣ* имам прочая уды моя вся цѣлы. Тако и ты, прелюбезная, умъ аще погубиши. Ума же потребнѣйше паче всѣх удовъ и органъ добрѣйши вглавны мъзлъ есть. И живут в немь 3 силы умныя: памятное, мечтанье и размысленое же. Мечтанное убо спреди, памятное же сзади, размысленое же посреде чрева вглавнаго, явѣ яко. Разумѣвай добрѣ яже глаголю: тричастное твое не потребно кромѣ сего бывают, и вѣдѣ пребываеши сдраво и цѣло все то: помысленое и яростное, глаголю, с третиимъ, еже есть, владычице моя, похотное, имиже бытие души исперва и еже быти прияти и бысть со мною создана бысть, 3-ми сими умными твоими сставы. Мозгу бо моему сущу сдраву, и цѣлы, 3 силы, о душе, ражают тебѣ 4-ри родныя добро*де*тели и колесницю 4-роконечну: правду и мудрованье ражает помысленое твое, цѣломудреное же пакы похотное твое, с сими и яростное ражаеть тебѣ мужьство... вкупѣ же и умныя силы, о господыне: памятное, мечтанное и размысленое же, с сими и *пять* твоих чювствъ, любимая: умъ и мысль, славу и мечьтание, и чювство послѣднее; и моя же такоже; зрѣнье, обонѣнье, слух и вкушение, и осазанье, вселюбимая — отходят вся отнудь — умная, и чювственая, и мысленая с сими.

моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих. И без меня никак не можешь ты ничего сделать ни из житейских и телесных дел, ни из духовных. Я всем тебя явила, я прославила тебя. Не хвались моим и столь не заносись. А если хочешь убедиться в том, что правдива моя речь, внимай теперь с умом, и ты легко все постигнешь.

Тебе ведь кажется, что ты большою и красивой помещена во мне и совершенна от самой утробы. Я же, когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не владеешь, но во всем бездейственной оказываешься. И ждешь ты меня, владычица, твою рабу, — пока мои члены, все части тела, понемногу вырастут, окрепнут и станут, как я сказала, зрелыми в соответствии с моим возрастом. И лишь тогда ты ими можешь действовать как хочешь. А после этого, опять же, если какому-либо из моих членов случится погибнуть, то и против желания, любимая, ты в деле его снова становишься бессильной, не будучи способной то дело делать. Если же мозг мой поражен будет мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепою ты делаешься, не различающей доброе от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездельной, как прежде я сказала. Так же, если я потеряю глаза, во мраке пребываю и в бездействии, как и Христос в Евангелиях сказал, хоть и прочие мои все члены целы. Так и ты, прелюбезная, коль скоро ум погубишь. А для ума нужнейшим изо всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг. В нем обитают три умственные силы: память, воображение и мышление. Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы, конечно же. Старайся хорошо уразуметь, что я говорю: три твои части, ума лишившись, ни на что не нужны, хотя бы все это пребывало здоровым и целым, — я имею в виду способности мышления, ярости и третью, каковой является, владычица моя, влеченье, ради которых изначально душа существование приняла, быв со мной создана, — эти твои три умственные стихии. А если мой мозг здоров и цел, то три твои умственные силы, о душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение — целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. ⟨*Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие*⟩, а с ними и умственные силы, о госпожа, — память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, вселюбимая, — отходят все полностью — и умственное, и чувственное, и мысленное с ними.

И вѣдѣ имаши тричастное твое все здраво — словесное и яростное и желательное же, — но обаче недейственa и непотребна суть 3 та, не сущу тому сдраву — мозгу, глаголю. Аще ли продолжаться живота моего дные и доспѣют 80-мъ лѣтомъ быти или вяще, и ослабѣют вси уди мои, части тѣла, с чювствы моими, имиже украсуешися, ниже тако имаши сдраво мудрованье и цѣло, ниже егда от огня жгомъ есмь зѣлнѣ, якоже убо раздрушаеться сила моя, нынѣ сраздрушаеться и умное мудрованье и разумъ. Не имѣю бо органъ крѣпок же и цѣлъ, не может хитростное дѣйство гдѣ показати. Егда бо расту, растеть, и егда бо престану, престанет. Аще бо слабъ есть органъ, слабо есть и пѣнье. Азъ зрю очима, ты же умомъ. Не сущу убо тому сдраву, погубила еси вся. Разумѣй, о душе, еже преже мала ти рѣх, яко без мене сама не бы достойна цатѣ?

Душа: Разумѣх и домыслихся и удивихся отнудь. Ей, воистину, якоже рече, тако есть, служителнице. Кто есть научивый тя и откуду сия навыче, и откуду сия вѣси?

Плоть: Удивляюся и чюжюся, и что рещи не имам: како впрашаеши, яко поселянынн! И слышай дивиться. От чрева матере моея ничтоже отнудь свѣм. Отнели же родихся и в житие приведен бых слышах глаголющаго: «Просяй примет и ищай прилѣжнѣ, еже хощет, обрѣтает».* Тѣмже и азъ, о нудная, ищю и навыкнуя. Но услыши мя, владычице, и вонми сде.

Аристотель мудрый и с нимъ Пократ* в сердци глаголют уму пребыванье имѣти. Галин* же не тако, не в главнѣм моззѣ. Нисьскый же Григорий* не согласует к сим, но спротивь глаголеть к ним и инако научает, глаголеть бо бестелесному неописану быти: не мѣстным описаньем бестелесное естество и телесными нѣкими частми умъ не держиться. Но всем убо телеси проходя, на сущих сдравых органѣх телеси, удѣх всѣх телесных, дѣйствует свое. На немощных же недѣйственъ пребывает и не может хитростное движенье створити.

Якоже кузнець, различная держа орудья к дѣянию своему и хитрости своей, и с ними дѣлает яже любит и хощет, но убо два потребьнѣйшая от всѣх яже имат, нужнѣйшая, душе, наковальна и омлат есть, кромѣ бо сих никакоже отнудь дѣлает. Сице ми разумѣй умъ: аще сия не имат, сердце и главный мозгъ, сдрава же и цѣла сия два уда, недѣйствен пребывает.

И глаголю ти, о владычице, величайшее и болшее. То, еже быти тобѣ, душе, свѣтоявленѣ таковѣ и умнѣ, и невещественѣ, и божественѣйши же, еже сущи и быти тебѣ во мнѣ; не в себѣ же приял еси начало, но во мнѣ ссавися. Аще бых не создана азъ, не бы создана ты со мною. Еда бо особнѣ бысть и азъ паки особнѣ? Ни, окаянная, ни, не непщюй се отнудь. Но въедино сзидаеть

И пусть твои три части совершенно здоровы — разум, ярость и влечение, но, однако, бездейственны и неприменимы все три, коль скоро тот не будет здрав, — я о мозге говорю. И если так продлятся дни моей жизни, что восьми десятков лет достигнут или больше, и ослабеют все мои составы, части тела, вместе с чувствами моими, какими ты гордишься, не будет тогда и мышление твое здравым и ясным, и то же — если я буду сильно обожжена огнем, потому что разрушится моя сила, а с нею и способность ума мыслить и рассуждать. Ибо если не имеет ум в своем распоряжении здоровый и неповрежденный орган, то ни в чем не сможет показать свое искусное действие. Когда я расту, — он растет, я перестану — и он перестает. Ведь если слаб орга́н, слабо и звучание. Я зрю глазами, ты же умом. Коль тот нездрав, погубила ты все. Уразумела ли ты, о душа, то, что немного раньше я тебе сказала, — что без меня ты сама и гроша не стоишь?

Душа: Уразумела, и поняла, и весьма удивилась. В самом деле, как ты сказала, так оно и есть, служанка. Кто же тебя научил, где ты это постигла и откуда это знаешь?

Плоть: Удивляюсь и изумляюсь и, что сказать, не знаю: ты спрашиваешь, как деревенщина! И слышать странно. От чрева матери моей я совсем ничего не знаю. Но с той поры как родилась и в жизнь приведена была, я слышала, что сказано: «Просящий получит, и прилежно ищущий, что хочет, обретает». Вот так и я, о мучительница, ищу и постигаю. Теперь слушай меня, владычица, и внимай.

Аристотель мудрый и с ним Гиппократ говорят, что ум пребывает в сердце. Гален же не соглашается и говорит, что он в головном мозгу. Григорий Нисский не согласен с ними и иначе, чем они, учит, так как называет бестелесное нелокализуемым: нельзя пространством очертить бесплотную природу, и никакими частями тела ум не содержится. Но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие. В немощных же остается бездейственным и не может никакого искусного действия произвести.

Как кузнец, что различные орудия для дела и искусства своего ремесленного держит и с ними делает, что ему нравится и что он хочет, — но среди тех, что он имеет, есть два, что всех других потребней, о душа: это наковальня и молот, — без них он ничего не делает. То же и про ум уразумей: если он не имеет сердца и головного мозга, двух этих органов, здоровых и неповрежденных, бездействен пребывает.

Скажу тебе, владычица, и нечто большее и важнейшее. Тем, что ты, душа, — такая светоявленная, и умная, и невещественная, и божественная, обязана тому, что ты во мне бываешь сущей; ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной. Или ты отдельно и я также отдельно появились? Нет, окаянная, нет, не думай того

Создатель и обѣ. Ни бо тѣло преже душа, ни же душа преже тѣла сзидася или бысть, якоже мнози мнят, но обѣ въедино, кромѣ первозданаго не пребываеть едино другаго, якоже рѣх. Купнолетна купносъзрастна ми еси по всему. Ни бестелесна душа, ниже безъдушно тѣло ни бысть, ни бывает исперва, разумѣй. Но от одушевленных — одушевлено, от живых же паки живо, — тѣло убо живо и одушевлено ражаеться. Человѣк, якоже показах, тлѣньно животное.

Душа: Неудобьпостижно нѣкое реченое бывает о мнозѣ; преславенъ соузъ обѣма есть. Но скажи ми обьявленье и силу слову: елма Зижитель созда обѣ наю вкупѣ и спряже и съедини нас обѣю вкупѣ, рабыне, как убо напрасно отбѣгаеши от мене, смраде, и растичешися абье и бываеши персть и прах, аз же не разрушаюся, но присноживотна пребываю? И ты нѣси безъ мене, аз же есмь тебе кромѣ. Еже жити ти без мене не имаши, азъ же живу бес тебе.

Плоть: Слыши убо, вселюбезная, и како есть еже рече. От Писания еже навыкох, она и реку тебе.

Еже от некотораго движимое все еже аще есть, а не от себе, прочее, животно имат, но от иного яве убо и иже подвижающаго то; на толице есть и живет, и пребывает, дондеже силы действующая, глаголю, в себе имат, дондеже здержится. Внегда же престанет, прочее, действующее, тогда исчезает движимое, не сущу движащему. Ты сама, госпоже моя, самодвижимаа сущи, еже быти имаши неспрестанно, никогда же исчезаеши; последует бо в том же еже приснодвижне тебе, самодвижне вкупе всегда сице быти; а еже пакы приснодвижное и непрестанно есть; непрестанное же, вселюбимая, и бесконечно некако; бесконечное же бесмертно и приснодвижно всяко. Аз же тленна и текущи и мертва вся есмь, но оживляюсь тобою и движусь абие. Внегда оставиши мя, ктому не пребываю, но, прочее, отходу в та и от нихже съставлена бых. И бес тебе ничтоже есмь, но зловонный смрад.

Душа: И како азь, яко славна, не сь славнымь быхь и не прьвѣе быхь яко велика и болши, ты же послѣди яко менша сьздана бысть, о рабыне? И какое бесьмертное мрьтвеному сьпрежено бысть?

Плоть: Хоще ли навыкнути еже выпрашаеши? Вьнми, госпоже, здѣ.

Мирь душу ради сьздань бысть убо весь, а не душа его ради сьздана бысть, любимая. И обыче меншее прьвѣе творити Зиждитель, болшее же непослѣдокь, тако бо есть подобно. Вьнегда же душа чьстнѣйши, о любимаа, всего мира, якоже Христос рекль есть,* достоаше вьселение тое прѣжде быти и жилище все, и тако тои убо. И два мира сьздаль есть: горнѣго и долнѣго. Горнѣго убо — мысльная, долнѣго же — чювьствна. И аггелы сьздал есть вь вышнемь мирѣ умны же и невеществены и духь огненосный. Вь нижнем

вовсе. Ведь в единстве создает Создатель нас обеих. Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первозданной и другой не опережая, как я уже сказала. Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми. От одушевленных — одушевленное и от живых — живое, — живым и одушевленным рождается тело. Вот и оказывается, что человек есть тленное животное.

Душа: Довольно непросто постичь сказанное; невероятен союз нас двоих. Так разъясни же мне значение и смысл речи: если Творец создал обеих нас одновременно, сопряг нас, рабыня, двоих и соединил, почему же ты, смрадная, вдруг отбегаешь от меня, и тотчас разлагаешься, и становишься пылью и прахом, а я не разрушаюсь, но пребываю вечно живой? И тебя без меня нет, я же существую и помимо тебя. Ты без меня жить не можешь, а я без тебя живу.

Плоть: Так послушай, любезная, как обстоит то, о чем ты говоришь. Что я поняла из Писания, то тебе и скажу.

Все, что ни есть, чем-либо движется; и, стало быть, не от самого себя жизнь получает, но явно от чего-то иного, движущего его; и дотоле существует, и живет, и пребывает, доколе имеет в себе действующую силу, — я разумею — ему сопутствующую. Когда же действующее перестает действовать, тогда исчезает и движимое, — по причине отсутствия движущего. А ты, госпожа моя, будучи самодвижущейся, имеешь непрестанное бытие, никогда не исчезаешь; ибо вместе со способностью самодвижения тебе свойственно вечное движение; а тому, чему свойственно вечное движение, свойственна и непрерывность; непрерывное же, вселюбимая, некоторым образом и бесконечно; бесконечное же всегда бессмертно и вечно живо. Я же тленна, и изменчива, и смертна вся; лишь благодаря тебе я и живу, и движусь. После того как оставляешь ты меня, я уже не пребываю, но отхожу тогда в то, из чего была составлена. Так что без тебя я ничто, один зловонный смрад.

Душа: Как же, будучи столь знатной, я была создана вместе с презренным, а не прежде, как великая и бóльшая, а ты была создана не после меня, как меньшая, о рабыня? И каким образом бессмертное было сопряжено со смертным?

Плоть: Хочешь уразуметь то, о чем спрашиваешь? Тогда, госпожа, послушай.

Весь мир был создан ради души, а не душа ради него была создана, любимая. И обычно Зиждителю творить сначала меньшее, большее же напоследок, ибо так и подобает. Поскольку же душа драгоценней всего мира, как сказал Христос, надлежало, чтобы сначала появились поселение ее и жилище, а потом — она сама. Бог создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же — чувственное. И в вышнем мире создал

же пакы различна животная земная же и водная, и птица же такожде. Ибо подобнѣ сьзда и вь лѣпоту вса: вь мысленых — мысльнная, аггелы глаголю все; вь нижнии же чювствнаа, яко чювьствены и сь, всѣми видимая и явлена вса. И от тѣхь человѣка сугуба стварѣеть: небесна и земна, животно смѣшено, госпожде, — и вещестьна, и невеществена, словесна и бесловесна же, мрьтвна и бесьмрьтна, видима и невидима, — лучьшее от вышнаго, от нижнѣго же тѣло, примѣсивь душу божественую кь земному. И посрѣде ту положи одушевленыхь и бездушныхь, чювствных и мысльных, якоже нѣкый образь, яко да свойствнѣ кь тѣмь от обоихь сихъ яко сьродникь наслаждение котороеждо имать: Божие убо душею, яко сущи божественѣйши, благых же на земли пльтию бренною приносити то и без боязни потрѣбу якоже дань. Естьство бо мысльное, такожде и аггельское, хранит же и щедить сих спасение. Божественный бо апостоль учит ме сему: «Не все ли суть служьбнии дуси посилаеми, — рече, — на служения ради хотещихь, прочее, наслѣдовати царствие?».* Нь убо и Господь вь Еуангелихь: «Да не прѣобидите, — рече, — единого от малыхь сихь, яко аггелы ихь зреть на всакь день лице Отца моего, иже есть на небесехь».* Тѣмже и прежде създа мирь и яже вь немь посрѣднѣя вса, явѣ елика зриши, господыне.

Мирь имать четыри стихия великая, яже испрьва Зиждитель приведе всячьскымь, от не сущих прьвѣе вь бытие сьставивь; вьздухь глаголю и огнь, землю же и воду. И иная же вса, о душе, яже посрѣди сих якова и елика суть, мала и велика всако, звѣре, скоты, и гады, и садовные роды, и сѣме иже всѣхь, и былий всачьскыхь вины приеть убо от четырехь сих. И яко прѣмудрь сьдятель сьтварѣеть вся не от не сущихь, ни убо якоже и стихия. И егда сьврьши всего сего мира, створи человѣка вь еже обладати и мирь и царьствовати над нимь, якоже волить и хощеть. Ни бо бѣше подобно от обладающаго явитисе обладаемымь прьвѣе, нь напослѣдокь убо, уготовленѣ бывши прѣжде многа власти явѣ, яко явити же се послѣжде цару его; якоже убо благьгоститель нѣкый сый не прѣжде уготовления сьнедныхь всехь гостимаго, душе, вьводить вьнутрь, нь благолѣпнь обѣд устроивь всь и еже кь пищи все виды прѣуготовавь, вьведена послѣжде творить обѣдника. Нь паства прьвѣе, послѣди же скоти; прочее, понеже бысть, якоже прѣдрекохь выше, тварь душу ради, тѣмже убо и тѣло кь послужению бываеть и службѣ ее, якоже отци глаголють и учителе вси. Еже нѣчьсого ради бываемое все, аще есть, безчьстнѣише есть оного, егоже ради бываеть, яко учить и Христос вь Еуангелихь: «Вещьши есть душа пищу»,* и в лѣпоту, и пакы: «Одежде тѣло болше есть».* Не бысть бо душа сньди ради, любимая, ниже тѣло пакы одежду ради, нь обоя убо ради — душу и тѣла. Тѣмже, якоже показасе, тое ради и сей, глаголю же тѣло колесницу души быти. Нь слыши, владычице, и вьнми мое слово.

он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же — различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал он все: в мысленном мире — мысленное, я имею в виду всех ангелов; в нижнем же — чувственное, поскольку чувствен и он, всеми видимое и все явленное. И из того и другого сотворил он человека двойственным: небесным и земным, животным смешанным, госпожа, — и вещественным, и невещественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из вышнего, из нижнего же — тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее посреди одушевленного и бездушного, как некий образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: божественным — благодаря душе, каковая более божественна, земными же благами — благодаря бренной плоти, чтобы те приносили потребное ей, словно дань. Природа же умственная, точно так, как и ангельская, охраняет его и заботится о его спасении. Божественный ведь апостол учит меня этому: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые, — говорит, — на служение тем, кто имеет наследовать царствие?» Подобным образом говорит и Господь в Евангелиях: «Не презрите, — сказал, — ни одного из малых сих, ибо ангелы их видят каждый день лицо Отца моего небесного». Потому-то прежде он создал мир и все то, что в нем, то есть то, что ты видишь, госпожа.

Мир состоит из четырех стихий великих, которые прежде всего Создатель всего ввел в бытие, из небытия составив; я имею в виду воздух, огонь, землю и воду. Остальное же все, о душа, что посреди них, какое бы оно ни было, малое и великое все, звери и скоты, и змеи, и виды растений, и семена все, и травы всяческие — основание получило в этих четырех. И, как мудрый мастер, он создал все уже из сущего, не как стихии. А когда завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем по своей воле и усмотрению. Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь; так же и гостеприимный хозяин приводит приглашенного, душа, не раньше, чем заготовит все снеди, но благолепно весь обед снарядив и все виды пищи приготовив, напоследок вводит гостя. Ведь пастбище — сначала, затем — скоты; стало быть, поскольку, как я сказала выше, сотворенное появилось ради души, так же и тело, — для того, чтобы помогать и служить ей, как отцы говорят и учителя все. Ведь ради чего-то существующее все, что ни есть, менее важно, чем то, ради чего оно существует, как и Христос в Евангелиях учит: «Душа больше пищи», — и справедливо, и опять же: «И тело важнее одежды». Ибо душа появилась не пищи ради, любимая, ни опять же тело одежды ради, но и то и другое — ради души и тела. Стало быть, как ясно из этого, я могу назвать тело колесницей души. Послушай еще, владычица, и будь внимательна к моим словам.

Понеже сугуба вьсхотѣ створити того — от душе и тѣлесе — прьвое тѣло сьздаваеть от четырехь, любимая, стихий мира великыихь: топлаго и студенаго же, мокра и сухаго, — и крьвь, и хракотину, и слузь, и жльчь створаеть, и от тѣхь вину яко хытрець вьземлеть, и пльть устрои на служение ее. Душу же потомь вьдьхну, якоже вѣсть, и отнуду же вѣсть самь, и якову, вѣсть единь, не от сьставь имуще бытие, якоже иная, нь от Бога, яко же рѣхомь, и от вышнѣго мира, невеществну сию, и разумну, и бесьмрьтну всу, причястну сущу вышнѣго и божествнаго благосрьдия и кь нему вьсѣчьски присно ведущесе; или кь горшему привезавшесе тѣлу, яко подвигомь и борбою же иже кь нижнимь симь вышнюю славу и пищу наследуеть всако. И страдание имать, добродѣтѣли, подвигы и труды, а не уповаемая тьчию Божий будеть дар, и яко да и горшее нѣкако к себѣ привлѣчеть и выше положить, раздрѣшивши помалу и се от тежести и дебельства тѣло земное, накажеть же добрѣ служительницу вещь и присвоить Богови купноработное тое. Пльть глаголю веществну и от нижнѣго мира, душю убо яко владычицу, пльть же яко рабу кь послуженйю души и угождению ее.

Се, госпожде, рѣхь тебѣ, како не сьздана бысть прѣжде яко славна и велика и зѣло высочайши, и како, сущи бесьмрьтна, мрьтьвному сьпрежесе.

Душа: Вѣрно слово есть, и вса приемлю ти, вса ти вѣровахь, развѣ единого точию сего, от нихже ныня рекла еси, льжно есть, рабыне. Прѣжде мала бо научи сьрасльна обоя, и ныня глаголеши послѣжде души быти, прьвѣе же тѣло ее. И како есть еже глаголеши?

Плоть: Како убо есть, ныня слыши, добрая, еже глаголю. И якоже не сльгахь вь инѣхь, ниже вь сихь.

Прѣотечьская, о душе, Адама же и Евы богозданна благотворна тѣлеса тѣхь без сѣмене сьздашесе и кромѣ смѣшения. Мужу убо от прьсти, женѣ же от его ребра сьзидашу. Разумѣй, душе моя, разумѣй: недвижима и безьдушна Адамова пльть прьвѣе сьздана бысть и послѣжде одушевлена. Елма же не сьхраньшу повелѣние Сьздателѣ прѣльстию зьмииною и завистию диаволею, погубише еже испрьва сьздание оно и вь сие одѣашьсе кожное, увы мнѣ, мертвное и тлѣнное и текущее и пльное смрада. Тѣмже изселени быша из рая и клетву приемлють якоже прѣступници. Ева убо слыша, еже: «Вь печелех родиши чеда».* Раждаемое же, прочее, вь утробѣ есть вѣдѣ, а еже в ней раждаемое без сѣмене нѣсть. Се сѣме и зачетие — оттолѣ и доныня — и смѣшение мрьзко вь еже быти глаголю одушевлена тѣлеса мужьска же и женска. Адам же, сый одушевлень, одушевлень сѣеть сѣме вь утробѣ прѣматерни, и той одушевленѣ, Каина убо роди одушевлена всего, пльть и душу вькупѣ рождьши, господыне. Подобнѣ и прочии человеци и доныня: одушевлень

Поскольку двойственным Бог пожелал сотворить человека — из души и тела, — сначала создал он тело из четырех, любимая, стихий мира великих: теплого и холодного, влажного и сухого, — и кровь, и мокроту, и слизь, и желчь сотворил, и взял их, как мастер, за основание, и устроил плоть для служения душе. Душу же потом вдохнул, как и откуда — знает только он сам, и какую — знает он один, — не из стихий этих составленную, как остальное, но от Бога, как мы сказали, и из вышнего мира, совершенно невещественную, разумную и бессмертную, причастную высшему и божественному благородию и к нему всячески всегда стремящуюся; с худшим, чем она, связанная телом, подвигом и борьбой с низменным вышнюю славу и пищу наследует она непременно. Ведь испытание добродетели сопряжено с подвигами и трудами, — чтобы то, на что она уповает, не было только Божьим даром, чтобы она и худшее к себе привлекла и возвысила, избавив понемногу его от тяжести и грузности, тело земное, и научила хорошо служанку-материю, и присвоила Богу товарищей той по рабству. Я имею в виду вещественную плоть, происходящую из нижнего мира, и душу уподобляю владычице, плоть же — рабе для прислуживания душе и угождения ей.

Вот, госпожа, я сказала тебе, почему ты, славная и великая, ни с чем не сравнимая, не была создана первой и почему, будучи бессмертной, ты сопряжена со смертным.

Душа: Истинны твои слова, и все их я приемлю, во всем тебе поверила, разве только одно, из того, что ты сказала, неверно, о рабыня. Ибо чуть раньше ты сказала, что сращены мы обе, а сейчас говоришь, что душа после появилась, а сначала тело. Так как же было в действительности то, о чем ты говоришь?

Плоть: О том, как было в действительности, послушай теперь, добрая, что я скажу. И как в ином не лгала, так и в этом не солгу.

Тела праотцев наших, о душа, Адама и Евы, богозданные, богосотворенные, без семени были созданы и помимо соития. Мужское — из праха, женское же — из его ребра. Разумей, душа моя, разумей: недвижимой и бездушной Адамова плоть сначала была создана и лишь после одушевлена. Поскольку же не сохранил он заповедь Создателя из-за обмана и зависти дьявола, потерял то, что было создано сначала, и оделся в это кожаное, — увы мне, — смертное, тленное, изменчивое и полное смрада. Потому выселены они были из рая и прокляты как преступники. И Ева услышала: «В печалях будешь рожать детей». И после того рождаемое обязательно пребывает во чреве и без семени не зарождается. И вот семя и зачатие с тех пор и доныне, и соитие мерзкое — для того именно, чтобы появились одушевленные тела, мужские и женские. И Адам, будучи одушевлен, одушевленное посеял семя во чреве праматери, тоже одушевленной, и зачал целиком одушевленного Каина, плоть и душу разом зачав, госпожа. Подобным образом и прочие люди доныне: одушевленный человек

человек одушевлено съеть съме въ утробѣ, глаголю, женьстѣй, якоже прѣжде мала рѣх ти, и растуть обоя и множутсе сия — душе же и тѣлеса — даже и до кончания вь роды и роды, якоже видиши, госпожде.

Душа: Раздрешила еси невѣрное. К тому же сумнюсе, рци ми, о служителнице, и научи ме и се. Елма, якоже показала еси душю убо госпожду, пльт же рабыню и подручиницу тое, бывшее грѣхопадание, прьвозданныхь глаголю, еже нѣкогда злѣ сьдѣяше вь раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тѣла? Хотѣла бых навыкнути, кто есть прѣжде сьгрѣшивый.

Плоть: Възыскание твое, владычице, выше мене есть, неудобь достежно, неудобь разумно, непостижимо всако. Но обаче от Писания маль искусь яко имущи, яже навыкох, та и вьзвещю ти, госпожде, и слыши, любьзная моя, мала от ихже ищеши.

Словеснѣйшая душа от Бога испрьва вьоружена бысть оружми силными кь помощи ее двѣма вькупѣ: яростнымь и похотным же. И сия, имиже вьоружена бѣ кь помощи ее, злѣ потрѣбова та вь час онь, внегда начелникь злобѣ змиею глагола прѣлестные глаголы и льсти испльнены: «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».* Слыша убо жена обожение, усладисе, и помысльнимь злѣ расуди, яко добро обожение помышлѣеть абие. Такожде и другое, — похотное глаголю, — прѣвращьсе и се: вьжелѣваеть дрѣву — сласть убо прьвѣе и потомь тьщеславие, ова бо показал и дрѣво яко добро и краснѣйше то вь снѣдь есть, любимая, ово же обожение самое, яко быти лучьшу всехъ. Двѣ сии, владычице, прѣльстише Еву, и Адама прѣльсти подобно, яко и ону. Усладишесе злѣ вь разсуждении сих, прѣдаше истиное, прѣльстившесе, увы! Нь убо и другое, глаголю же яростное, добрѣ не потрѣбова, нь зѣло блазннѣ: не бо прогнѣвасе на врага и мужьскы исьпротивисе, еже не покоритесе тому и послушати его. Слышаных явѣ, яко радость и чаание умь ее ослѣпи, душевное глаголю око, и упованиемь падесе обожения внезаяпу. Здѣ вьнми, о душе, и виждь страсть велику пагубную и лютую, и силу, юже имать. На небеси како възможе! Ужаснисе, душе моя, ужаснисе! Оттуду бо сьврьже иже иногда Денницу, тьщеславие глаголю родителницу, увы мне, и доилицу, якоже писано есть, грьдости, ееже ради онь отпаде.* Поругасе симь. И зри здѣ, владычице, стрьпьтную страсть, како Бога сьпротивоборца имать, иже сее рабь, сьпротивника же — и лукаваго сьпричестника и друга. Понеже грьдымь сьпротивльетсе, якоже и сих прьвому вьспротивисе вьскорь.

Душа: Се, прочее, якоже глагола, тѣло обидимо бысть: елма сьгрѣшение душевно бысть, как казнь — тѣлѣ? Сие бо бысть текуще и страдателно абие, многострастно же и гнило, и многоболѣзнно зѣло, тлѣнно и мрьтвно же, якоже зриши, и охуждено зѣло. Душа же прѣбысть якова же бѣ и прѣжде

одушевленное сеет семя в утробе женской, как незадолго до этого я сказала тебе, и растут и те и другие и множатся — души и тела — вплоть до конца света, из рода в род, как видишь, госпожа.

Душа: Непонятное ты мне объяснила. Чтобы я не сомневалась больше, скажи мне, служительница, и научи меня вот чему. Поскольку ты уподобила душу госпоже, плоть же рабыне, и подручнице ее, кто повинен, скажи мне, в грехопадении первозданных людей, которое некогда они совершили в раю: словесная способность души или бессловесная сила тела? Хотела бы я понять, кто первый согрешил.

Плоть: Интересующее тебя, владычица, выше меня, трудно для постижения, трудно для уразумения, непостижимо совершенно. Но, однако, поскольку я немного знаю Писание, что сама поняла, то и расскажу тебе, госпожа, а ты послушай, любезная моя, немного о том, что тебя интересует.

Словесная душа была с самого начала вооружена Богом для содействия ей двумя видами сильного оружия: яростностью и влечением. Она же, будучи вооружена ими для содействия ей, во зло использовала их в тот час, когда начинатель зла, змей, сказал обманные слова, ложью исполненные: «Богами станете тотчас, если вкусите от дерева». Ведь услышав про обожение, женщина прельстилась и, помыслив, дурно рассудила, что о хорошем обожении идет здесь речь. Также и другая способность — имею в виду влечение — извратилась и та: вожделела плода дерева, — сладости, во-первых, и затем тщеславия, ибо дерево показалось ей красивым, а плоды его в высшей степени пригодными для еды, а обожение — наилучшим из всего. Эти две причины, владычица, способствовав обману Евы, и Адама ввели в обман так же, как и ее. Так они, насладившись дурно, предали истинное, обманувшись, увы! Но ведь и другое — я имею в виду способность к ярости, не использовал он подобающим образом, ибо не прогневался на врага и не воспротивился ему мужественно, чтобы не покориться ему и не послушаться его. Ясно, что радость и надежда от услышанного ослепили его ум, имею в виду душевное око, и, надеясь на обожение, он внезапно пал. Здесь внимай, душа, и увидь страдание великое, пагубное и тяжелое, и силу, какую оно имеет. Как можно посягать на небо! Ужаснись, душа моя, ужаснись! Оттуда ведь Бог сверг некогда Люцифера, тщеславия я имею в виду прародителя, — увы мне, — и питателя, как написано, гордости, из-за которой он и отпал. Посмеялся тот и над ними. И обрати здесь внимание, владычица, на пагубность страсти — ведь ее раб восстает на Бога, Божьего же супостата имеет лукавым союзником и другом. Поскольку Бог гордым противится, и этому первому из них он быстро воспротивился.

Душа: Из того, что ты сказала, следует, что тело было обижено: раз согрешение было душевным, почему наказание — телу? Оно ведь тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным, и, как видишь, гораздо худшим.

того — невещественна всѣ, умна и бесмрьтна, рабыне, ничтоже бо пострада люто, яко смерти достойна.

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумьй, сьлучшаасе. Мучение, добрѣишая, якоже подобитсе, все не прикоснусе тьлу, нь той самой души, аще и васнь явлѣется та ничтоже зла пострадавши. И слыши притчю и от сее увѣришисе.

Внегда бо нѣкый царь искупить раба от жестока, и стрьптива, и лукава владыкы, убога же и нага и зловида зрѣниемь, сухотна же и истьнена, и охудевша зѣло, страстна же и окаянна, и непотрѣбна отнудь, всего струпива, всего крастава и измьждала от рань, и глада же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скврьны, облѣчет же его вь свѣтлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имѣния, и стежания, и богатьство, и прьваго устроить и вь всей полатѣ. Он же, злѣйший неблагодарествный рабь, вьскоре вьздвигнеть ковь на цара, и на царство его вовьступити вьсхотѣвь. Царь же вьзмлеть от него имѣния и богатьство, сьвлѣчет же и одѣяния, поясь же и вса цвѣтная одеяния окааннаго оного, и рубище прѣветхое и растрьзано все, худо и непотрѣбно, и истлѣвъше всако облѣчеть навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты вь пусто и невьселено и непроходно мѣсто, еже быти тому в нем дажь до *ко*нца жизни. И пребудет ему рубище оно ветхое или 7, или 8, или 10 лѣт, и тако распадъся погибнет до конца, оттолѣ убо ходит нагъ, якоже родися, дажь до конца жизни, и раздрушиться нужнѣ.

Въпрашаю тя, превысокая, на коем есть мученье и кто казнь приятъ о оном согрѣшении убо: рабъ ли лукавый — яко повиненъ сый — обнаженый и лишивыйся *богат*ства же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесенъ сый, или имѣнья та и богатство оного, яко безъдушьна и нечювствена и недвижима вещь?

Душа: Якоже обьявися, рабыне моя, — человѣкъ всяко, аще и того никакоже царь тогдашни не ранит отнудь, ниже паки раны нанесе, но то есть пострадавы лютое мученье.

Плоть: Въпрашаю тя, отвещай же ми, госпоже моя, к сему: суд убо царевъ праведенъ ли бысть или не тако, яко абье изрину того от царскых дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведенъ зѣло. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кроток, очи убо ему от него изял бы, а не бы на имѣнья токмо излиялъ гнѣвъ, и казнь отпустилъ навѣтному рабу.

Плоть: Добрѣ оглагола ми, о господыне моя, о сем. Сице ми разумѣй, любимая, и о души и о тѣлѣ. Понеже не въсхотѣ пребывати якоже создана бысть, но забы абье благородие свое и вънутрь предѣлъ своихъ не въсхотѣ пребывати и миро сь, егоже зриши, имѣти в жребии собѣ, но наслаженье, радость и веселие, но обоженье самое всхотѣ похитити, равночестна, равна

Душа же пребывает какой была и прежде того — совершенно невещественной, умственной и бессмертной, рабыня, ибо никак не пострадала, хотя и была смерти достойна.

Плоть: Так слушай, владычица, и разумей, что тогда случилось. Вся кара, добрейшая, как и подобало, коснулась не тела, но именно души, хотя на первый взгляд и кажется, что она ничего плохого не претерпела. Послушай притчу, и ты поймешь.

Некогда один царь купил себе у жестокого, строптивого и лукавого хозяина раба — убогого и нагого, безобразного на вид, высохшего и отощавшего, весьма исхудалого, страдальца и горемыку, совершенно непотребного, всего в струпьях, в коросте, обессиленного от ран, голода и тяжких страданий; и очистил его от всяческой скверны, облек его в светлую и мягкую одежду, сделал его князем великим и славным, подарил ему и имения, и имущество, и богатство, и сделал его первым в своем дворце. Тот же, злейший неблагодарный раб, вскоре устроил заговор против царя, на царство его вступить захотев. Царь же лишил его имения и богатства, снял и одеяния, пояс и все цветные одежды окаянного того, и в рубище преветхое и рваное все, худое, и непотребное, и истлевшее совершенно облек наветника несчастного этого, и прогнал его далеко от дворца в пустое, и ненаселенное, и непрохожее место, чтобы был тот там до конца жизни. И продержится его рубище то ветхое или семь, или восемь, или десять лет, а затем рассыплется окончательно, и с тех пор будет ходить он нагим, как и родился, до самого конца жизни, пока не вынужден будет с нею расстаться.

Спрашиваю тебя, превысокая, кто претерпел мучения и казнь принял за то согрешение: раб ли лукавый, как виновный, будучи обнажен и лишившись богатства и славы, как существо самовластвующее собой и словесное, или же имения те и богатство его, бездушная, бесчувственная и неподвижная материя?

Душа: Ясно, рабыня моя, — конечно, человек, хотя царь тот вовсе его не поранил, ни страданий ему не причинил, однако же перенес он тяжелое мучение.

Плоть: Спрашиваю тебя, — ты же ответь мне, госпожа моя, на это: суд царев праведным ли был или нет, когда изгнал он того из царских дворцов?

Душа: Конечно, рабыня, вполне праведным. Если бы не был тот царь добрым и кротким, он лишил бы его глаз, а не только на имения излил бы гнев, и казни предал бы заговорщика-раба.

Плоть: Хорошо ты ответила мне, госпожа моя, на это. То же разумей, любимая, и о душе и теле. Поскольку не захотела душа пребывать такой, какой была создана, но тут же забыла о благородстве своем и внутри пределов своих не пожелала оставаться, и мир этот, который ты видишь, иметь как свою долю, но наслаждение, радость и веселие, даже обожение самое захотела получить и

Богу по оному быти; вправду убо Богъ възнесе суд и тѣло богозданное, еже исперва ону оболче обрадованную, и чюдное, совлече яко согрѣшшю: да не како и паки согрѣшит.

Аще ли хощеши увѣдѣти естество и доброту тѣла оного якова и колика, — звѣздам точно являеться *и* лунѣ, яко наго не требоваше одежа ни покрова, но якоже солнце само своею наготою украшаеться ныне, такоже и оно оставлено бысть естественным. От того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измѣни перстнаго существа, но премѣни ему естества, еже исперва, и от Едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизньному, милуя его, не завидя же, да не будет, животу бесмертьному, но удержавая добрѣе устремленье *грѣховное. Смерть бо, прочее,* не мученье бывает, но врачеванье добрѣйше и спасенье паче, и смотренье, державная, премудрости исполнено, удержавает бо яко намнозѣ греха устремленье, умры бо, рече, оправдися от нея. Прочее, работаеть души елико силу имат: или 10, или 20, или 50 лет, или много убо дващи толико глаголю, — и тако разрушаеться, растлѣвает же и в четыри сия отходит сставы, от нихже сставленье от Бога прият: яко от земля — паки в землю, по глаголу Его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячьскы, не имущи тѣла и еже тя здѣ сдержащаго яко съжителя имѣя, — паче же та сдержит то, и стяжет, и имат, — абье убо всходить в своя ея: аще схранила есть добро еже по образу ея неблазньно и чисто и настоящем житии, яко умна — ко умным, яко и невещественa — невещественым, — тоя, глаголю, сродником, ангелом святымь свѣтозарным же свѣтлым в горний миръ. Аще свѣтла, къ свѣтлым сочтаваеться абие, яко от вышних — горѣ, и радости исполняеться. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубьных и нечистых паки, к темным и мрачным ангеламъ сочтаваеться, яко темна — темным и мрачным лицем, яко тѣх сдѣлавши хотѣния и дѣла. От дѣяньи своих душа въображаються и каяждо являеться, якова есть и колика убо: дѣла свѣта светлы и свѣтоносны, дѣла же тмы черны и мрачны творят. Душа бо, господыни моя, с тѣлом въспитана, къ видимым симъ и чювственым попущьшися, ничтоже бестелесно когда видѣвши спроста, дондеже привязана есть сей земнѣй плоти; внегда же совлечеться, видит невъзбранно.

Се тебѣ притча конець сдѣ въсприятъ. Аще ли не мнить ти ся подобнѣ реченая рещися, яже рѣхом притча нынѣ въ словѣ, испытай, что ни что есть притча, — ни всячьскы имат, притча позънавай, госпоже, равное въсприемлет, зане и не бывала притча, якоже рѣхом, но тождьство паче.

Душа: Да коего глаголеши человѣка, рабыне, рци ми, имущаго яко*же* мощно еже по образу Божию и по подобию Его, — сам бо реклъ еси — тѣло

равной в чести быть Богу; справедливо Бог совершил суд, и то тело, каким он сначала облек ту, обрадованную, богозданное и чудесное, совлек, как с согрешившей: чтобы как-нибудь вновь не согрешила.

Хочешь узнать о природе и красоте тела того — каковы и какой меры, — звездам подобным было оно и луне, ибо нагое не нуждалось ни в одеждах, ни в покрове, но как солнце само своей наготой украшается ныне, так же и оно оставлено было естественным *благообразием украшаться*. Совлек он с нее то тело и облек ее в мерзкое, и гнусное, и скверное это; не изменил он, однако, самой его земной сущности, но переменил изначальную природу и из Эдема изгнал его тотчас, и запретил ему прикасаться к дереву жизни и его плоду, — жалея его, не отказывая, ни в коем случае, в жизни бессмертной, но наилучшим образом удерживая устремленность ко греху. Смерть, таким образом, не местью оказывается, но врачеванием наилучшим и скорее спасением, устроением, державная, премудрости исполненным, так как в большой мере удерживает устремление ко греху, ибо умерший, говорят, уже за него наказан. Итак, рабствует оно душе, насколько силу имеет: или десять, или двадцать, или пятьдесят лет, или, если долго, дважды столько, — а затем разрушается, подвергается тлению и распадается на четыре те составные части, из которых Богом было составлено; из земли исшедшее снова уходит в землю, по слову его.

Ты же, госпожа моя, нагой оставлена, будучи одинокой совершенно, не имея тела, которое тебя здесь содержало и сожителем имело, — а скорее, ты содержишь его, и образуешь, и имеешь — тотчас восходишь в свою область: если хорошо сохранила то, что у тебя по образу Божию, неоскверненным и чистым в настоящей жизни, то как умственная — к умственным, как и нематериальная — к нематериальным, к своим, имею в виду, родственникам, ангелам святым, светозарным и светлым, в вышний мир. Если душа светла, со светлыми сочетается тут же; будучи от вышних, восходит вверх и радости исполняется. Если же она погрязла и помрачилась вся в страстях пагубных и нечистых, то к темным и мрачным ангелам причисляется; будучи темной — к темным и лицами мрачным, так как их она выполняла желания и дела. От дел своих душа получает образ и каждая является такой, какова она есть: дела света делают светлыми и светоносными, дела же тьмы черными и мрачными. Душа ведь, госпожа моя, с телом воспитана, ко всему видимому и чувственному прилепившись, ничего бестелесного никогда не видит, пока привязана к этой земной плоти; когда же она совлечет ее, видит без помех.

Вот тебе смысл этой притчи. Если же тебе кажется, что нами здесь сказанное выражено неподобающим образом, ибо я говорила притчей, поинтересуйся тем, что такое притча, и знай, госпожа, что притча не во всем в равной мере точна; иначе она и не была бы притчей, но скорее тождеством.

Душа: А что в человеке, рабыня, скажи мне, имеет, насколько это возможно, образ Божий и подобие его, ты говоришь? Что он имел в виду —

се тлѣнное или душю самую? Моусии человѣка рече по образу Божию еже изначала первозданнаго быти.* И како наречеться человѣкъ безъдушное тѣло? И пакы же словесное души како наречеться, не сущу телу человѣка отнудь? Рече бо нѣгдѣ Моисий в Бытии тако: «И созда Богъ человѣка персть от земля». Се тѣло человѣка нарече, о рабыне. «И тако дуну на лице его дыханье животно, — якоже пишет, — словесно и божествено, и бысть человѣкъ въ душу живу тогда».* Еже по образу, рабыне моя, в чом отдамы — и в плоти ли, служителнице, или въ души самой?

Плоть: Слыши, господыне моя, сдѣ речение Павлово и разумѣеши искомое удобь от сего: «Елико внѣшний нашь человѣкъ растлѣваеть, толико внутрений обнавляеться вяще».* И два убо человѣка наречена съединена, внутреняго и внѣшняго, человѣкы именует, си рѣх душа и тѣло — обоих тако. Но убо воистину человѣкъ душа глаголеться. Не смотряй, господыне моя, внешняго человѣка, ниже сумнися отнуд о создании его, то бо покрывало есть и одѣвало тоя. Еже по образу же — душа, и по подобию его. Не мни же, господыне моя, человѣка глаголитися тѣло се тлѣнное и человѣка внѣшняго. Но егда убо Писание услышиши, глаголющее: «Створим человѣка по образу Своему»,* — и внутреняго разумѣвай человѣка, душевное существо, не явлено се, но скровеное, си невидимое и незримое естеством. Истиннѣе же яко внутрь паче есмы. По внутренему бо человѣку «азъ» паче есмь, внѣшняя же не «азъ», но «моя» разумѣвай. Не рука бо «азъ», прочее, или нога «азъ» паки, но «азъ» — словесное души в лѣпоту. Рука же убо, и нога, и прочая части человѣчьскаго тѣла суть уди. Тѣло бо ссуд есть васнь, и колесница, и соузъ души человечестѣй. Воистину же человѣкъ душа глаголеться. А помыслъ убо — властник страстемъ и владыка. По властному убо бывати ту вѣмы и паки в помысленѣм стяжаньи быти ради истиннѣйшая части быти ума ея и премудрости, яже Богъ дарова тому.

Подражаваеть бо нѣкако умъ человѣчьскы Бога, во мъгновеньи бо обтичет вся, и сообращаеться, — и вечерняя, вкупѣ и всточная, паки и ужная, и сѣверная, и яже под землею, и небесная же убо и невходимая она, — не существом своим, не непщюй се отнудь, — мечтаньем же единѣм помысленым, госпоже. Единъ бо Богъ существом и естеством, сице и премудростью Своею, и силою же паки, имат неописаное выше всякого естества. Еже по образу, владычице, обладателно знаменуеть. Якоже никтоже вышши на небеси есть Бога, всех Творца — видимых и невидимых, сице никтоже на земли вышши от человѣкъ есть. Но якоже имат Богъ всѣх владычьство, сице далъ есть и тебѣ бесловесных и животных, всѣми убо владем вкупѣ, скоты же и звѣрми, и всѣми господьствуем — птицами, и гады, и рыбами, всѣми и животными, ихже положилъ есть Богъ в сем мирѣ. Сим есмы, якоже показася, по образу Божию.

тело это тленное или же душу? Моисей сказал, что человек первозданный был создан по образу Божию. А можно ли назвать человеком бездушное тело? И опять же, можно ли назвать так словесную силу души, если не будет тела у человека совершенно? Сказал ведь, кажется, Моисей в Книге Бытия так: «И создал Бог человека из праха земного». Это он о теле человеческом сказал, рабыня. «И затем вдунул в лицо ему дыхание жизни, — как он пишет, — словесное и божественное, и стал человек душою живою тогда». То, что по образу, рабыня моя, в чем оно находится — в плоти ли, служительница, или в самой душе?

Плоть: Послушай, госпожа моя, здесь изречение Павлово и уразумеешь искомое из него: «Насколько внешний наш человек истлевает, настолько внутренний больше обновляется». Двух соединенных человек упоминая, он называет так, внутренним и внешним человеком, душу и тело, обоих. Но ведь по-настоящему-то человеком душа называется. Не смотри, душа моя, на внешнего человека и не обманывайся относительно его сути, ибо это лишь покрывало и одежда той. А что касается образа и подобия, относится к душе. Не думай, госпожа моя, что человеком называется это тленное тело, человек внешний. Но когда слышишь Писание, говорящее: «Сотворим человека по образу Своему», — то внутреннего подразумевай человека, душевное существо, которое не явленно, но сокровенно, и невидимо, и незримо по природе. Больше правды в том, что мы преимущественно внутренней жизнью живем. Ибо ко внутреннему человеку более «я» относится, под внешним же — не «я», но «мое» подразумевай. Не рука ведь «я», стало быть, и не нога «я», опять же, но «я» — это, конечно же, разумность души. Рука же, и нога, и прочие части человеческого тела суть члены. В соответствии с этим тело есть орудие, колесница и союзник души человеческой. Воистину же человеком душа называется. А разум — господин страстей и владыка. Мы знаем, что она должна быть покорной владыке и пребывать в стяжании смысла, при помощи истиннейшей части ума ее и посредством мудрости, которую Бог тому даровал.

Походит ведь некоторым образом ум человеческий на Бога, ибо во мгновение обходит он все и охватывает — и запад, и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и что на небесах, и то, куда нет входа, — но не существом своим — вовсе этого не подумай, — а представлением только мысленным, госпожа. Одному ведь Богу с его существом и естеством, а также премудростью и силой свойственна неописуемость, превышающая всякую природу. То, что по образу, владычица, обозначает властвующее. Как никого нет на небесах выше Бога, Творца всех, видимых и невидимых, так никого на земле нет выше человека. И как Бог владычествует всем, так и тебе подчинил бессловесных животных, чтобы мы вкупе всеми владели и над всеми скотами и зверями господствовали — над птицами также, и змеями, и рыбами, и всем живым, что поместил Бог в этот мир. Вот что у нас, как показано, по образу Божию.

А еже по подобию — мы исправляемъ от хотѣния нашего и произволенья же, на подобительное взводимся тому. Подобны быти тому далъ есть власть нам, вложивъ, прочее остави повелѣнию нас дѣлателя быти свѣтом и хотѣнием — еже к нему, госпоже моя, подобна глаголю — и яко да конець, прочее, будеть нашему труду, дѣланья мзда. Вонми, душе, и разумѣй, яко да всяко будет исправление твое, а не чюжо то, тебѣ остави се, еже по подобию быти, яко же рече: «Будите свершени, якоже свершенъ есть наш небесный Отець»* же и Владыка, яко солнце свое сияеть на вся, злыя же и благыя, и дождить паки сице. Аще же и ты, госпоже моя, злобоненавистна будешь, и непамятозлобна, и кротка, братолюбива и милостива, Богу поподобишися тѣм. Еже по образу убо Богъ дарова тебе — еже имѣти словесное, и обладателное тако же, и самовластное же в себѣ, господыне. Бываеши и по подобию — благостию, аще хощеши. Аще бо и по подобию тя бы Богъ створилъ, где ть благодать, страстна? Чесого ради венчалася бы? Царство небесное како отверзло ти ся бы? Добро есть душе спастися от подвигъ и от трудовъ, яко долж ы въздание, а не дар ы благодать, еже есть неразумѣва и лениваго раба.

Душа: Добрѣ и сия рекла еси и ктому не сумнюся. Обаче и еще ми сие скажи, о рабыне: тѣло праотца Адама, рци ми, како создано бысть убо — тлѣнно ли, или нетлѣнно, мертвено или не тако?

Плоть: И о сем, владычице, речем ти яже вѣмы: ни же тлѣнно, ни нетлѣнно, ни бесмертно паки. Посреде бо то созда тля и нетлѣнна, посреде мертвости, глаголю, и бесъмертия. Яко да аще изволит душа добрая и сладкая, бесмертна будет от дѣлъ лучьших, якоже убо и выше научило есть слово. Аще ли паки телесным страстемъ поведеться, тлѣненъ и мертвенъ будет, еже и пострада. Аще бо бы смертна Богъ створилъ того, не бы осудилъ есть смертью согрѣшша, смертному бо мертвость никтоже осужаеть. Аще ли паки бесмертьна, не бы пища требовал телесныя же и тлѣнныя и погибающая, ни аще покаялся бы о нихъже сдѣя, ниже паки бесмертное мертвено тѣм створилъ бы. Ниже бо являет о согрѣшших ангелѣх се створивъ Богъ же и Владыка, но естество имут еже исперва, паки бесмертни пребыша, обаче не свѣтоносни, и нужди ждут, прочее, о согрьшьши казнь.

Душа: Надолго прострохом бесѣду, о рабыне, сирѣчь любопрѣние, еже любезнѣ речеся, не вражебнѣ — да не будет, — приятелна же паче. Прочее, и взисканья разрѣшила ми еси абье. Нынѣ же убо скажи ми, иже исперва впрашах, да некако и забытие будет и не въспомяну се. Обаче вся прости ми, яже преже глаголаная.

Плоть: Да убо что есть впрошенье твое, забыла есмь.

Душа: Въпросих, о рабыне моя, и суприжница, и другине, гдѣ препочивают душа праведных, подобнѣ и грѣшьных, и кое есть мѣсто их даже до вскресенья и Христова пришествия.

А то, что по подобию, — то мы осуществляем в зависимости от желания нашего и произволения, путем уподобления возводясь к нему. Дал он нам, вложив, возможность уподобиться ему. И оставил нашему произволению, быть ли нам по своей воле и желанию создателями его, госпожа моя, подобия, чтобы это и было венцом нашего труда, платой за работу. Внимай, душа, и разумей: чтобы именно твоим был успех, а не чужим, тебе предоставил он это, быть по его подобию, о чем и сказал: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» и Владыка, ибо солнце его сияет на всех, на злых и на добрых, и мочит дождь тоже так же. И если ты, госпожа моя, ненавистницей зла будешь, незлопамятной, кроткой, братолюбивой и милостивой, то Богу уподобишься. То, что по образу Бог даровал тебе, — иметь разум и власть, а также свободу своей воли, госпожа. Бываешь и подобной — благостью, если захочешь. Ведь если бы по подобию тебя Бог сотворил, на что тебе благодать, о страстная? За что венчалась бы? Царство небесное как открылось бы тебе? Прекрасно для души спастись за подвиги и труды, получив спасение как долг и награду, а не как подарок и милостыню, подобно неразумному и ленивому рабу.

Душа: Хорошо и это ты сказала, и больше я не сомневаюсь. Однако вот что еще скажи мне, рабыня: тело праотца Адама, объясни мне, каким было создано — тленным или нетленным, смертным или же нет?

Плоть: И об этом, владычица, скажем тебе, что знаем: ни тленным, ни нетленным, и не бессмертным. Ибо он создал его между тлением и нетлением, между смертностью и бессмертием. Чтобы, если решит душа его добрая и сладкая, бессмертным оно стало через добрые дела, как и разъяснено уже в сказанном выше слове. А если же телесным страстям предастся тленным и смертным будет, как с ним и случилось. Ведь если бы смертным Бог сотворил его, не осудил бы на смерть согрешившего, ибо смертному смертность никто не присуждает. А если бы бессмертным, не нуждался бы он в пище телесной, тленной и погибающей и не покаялся бы в содеянном, и смертным не сделал бы тем самым бессмертное. Ибо не видно, чтобы так поступил Бог и Владыка с согрешившими ангелами, ведь имеют они первоначальную свою природу, оставшись бессмертными, хотя и не светоносными, и вынужденными, стало быть, ожидать за согрешение наказания.

Душа: Долго мы беседуем, рабыня, спорим, но в хорошем смысле слова, можно сказать, по-дружески, не враждебно нисколько, скорее приятельски. Итак, вопросы мои ты хорошо разрешила. А теперь скажи-ка мне о том, о чем вначале я тебя спрашивала, чтобы не забыть нам как-нибудь и не упустить этого. А кроме того, прости мне прежде сказанное.

Плоть: А о чем вопрос твой — я забыла.

Душа: Я спрашивала, рабыня моя, соупряжница и подруга, где почивают души праведных, а также и грешных, и где пребывают они до всеобщего воскресения и Христова пришествия.

Плоть: Аще убо хощеши навыкнути еже впрашаеши, госпоже, и зде вонми разумно и навыкнеши сия.

Якоже Писание учить мя, на небеси есть идеже препочивает всяка душа праведная. Но и имены многознаменито есть, страна бо живых наречеся, и земля кроткых, паки празднующихъ глас же и сѣнь праведных, пищи поток, исполненъ бесмертья. И слыши и увѣрися от глаголъ Павловых, ихже в Коринфѣ написа, таже и в Филиписих: «Вѣмы бо, вѣмы, — рече, — тѣла нашего сия храмина земная аще разориться, храмину имамъ нерукотворену же на небесѣхъ от Бога, вѣчную и лучшюю».* Тьмже, от тѣла исходяще, надѣемся еже внити къ Христу. Се есть любочестье. Добрѣ убо взываше Павелъ с дерзновеньем: «Желание ми есть, — рече, — отрѣшитися и со Христом моим и Богомъ на небесѣх быти».* И преже Павла Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ Бога же и Владыкы на небесѣхъ пребывают и суть в мирѣ убо».* И Иоанъ Дамаскынъ подобная сим глаголеть: «Душа убо имате, — рече, — на небесѣх в руку Бога жива и того поите от земля, яко со ангелы преставистеся на небеса с славою».* Имам ины свѣдѣтеля, душе моя, вѣрнѣйша равно согласующим трием предреченым зѣло.

Душа: Да како си зовими суть и коея страны, глаголи.

Плоть: Назианзу Григорие, Василие Великый и Златый во всем языкомъ Иоанъ,* и всебожественый ликъ отеческы — вси на небесих быти душамъ праведным глаголють: и мѣсто и число наполняют оно, отнуду же отпаде злѣ ангельское множьство вкупѣ и с первым тѣх отступником злѣйшим,* — яко да исполнится вышьний миръ, *любимая. Якоже Григорие Богословесный* пишеть*: «*Внегда бо испльниться вышний мирь*, глаголя, ожидай скончанья настоящего вѣка». Вси бо явственѣ о сем свѣдѣтельствуют. Елма же убо глава всѣм нам есть и глаголеться, и первы же от мертвыхъ вскреснути, но убо и первѣнець из мертвых вскресе, и первѣнець, душе, или первородны многых иных братей есть и первый — Христосъ, 2 Адамъ, конечнаго ради благоутробия и «предтеча о нас», по гласу Павлову,* на небеса убо взиде к своему Отцю и того убо сѣде одесную, господыне. Идеже убо глава, вмалѣ елико послѣдует и прочее все тѣло. Исполненье бо главѣ бывает тѣло, исполненье тѣлу глава бывает. Ни бо тѣлу мощно есть без главы быти, ниже паки главѣ, тѣлу не сущу.

Нынѣ же убо всходять вся душа точью спасаемых, владычице, святыхъ и праведных к своей убо главѣ, рекъше Христу. О чюдо! По воскресении же и с телесы убо. Дивство славы Христовы и чьсти, душе моя, и человеколюбия его и благыхъ всѣх, ихже всприяхомъ вкупѣ исперва, создани бывше, и паки же напослѣдок по благости его! Прочее, душе моя, вѣруй: сих свѣдѣтельство истиньно и извѣстно в вѣру сущее. И сия убо рекошася о душах праведных, еже от сея лютыя злобы очищешихся.

Плоть: Если хочешь узнать то, о чем, госпожа, спросила, слушай меня теперь вдумчиво, узнаешь и это.

Как Писание учит меня, на небе находится место, где покоится всякая душа праведная. Названий же у него много, ибо и страной живых оно называется, и землей кротких, и празднующих воспеванием, и сенью праведных, и пищи потоком, наполненным бессмертия. Послушай и убедись словами Павловыми, написанными им в Коринфе и в Филиппах: «Ибо знаем, знаем, — сказал, — что, когда тела нашего этот земной дом разрушится, мы имеем дом нерукотворный на небесах от Бога, вечный и лучший». Потому, от тела отходя, мы надеемся войти к Христу. Это и есть любочестие. Хорошо взывал Павел, с дерзновением: «Желание у меня есть, — сказал, — разрешиться и со Христом моим и Богом на небесах быть». И раньше Павла так сказал Соломон: «Души праведных в руке Бога и Владыки на небесах пребывают и находятся в мире». И Иоанн Дамаскин подобное же говорит: «Души ваши, — сказал, — на небесах в руке Бога живого, и его воспевайте с ангелами, потому что с земли преставитесь на небеса со славою». Имею и других свидетелей, душа моя, вернейших и вполне согласных с тремя уже приведенными.

Душа: А как они зовутся и из какой страны, скажи.

Плоть: Назианзин Григорий, Василий Великий, Златоустый во всем Иоанн и всебожественный лик отеческий — все говорят, что на небесах находятся души праведных и что место они занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них злейшим отступником — чтобы наполнился вышний мир. Как и Григорий Богослов говорит: «Когда наполнится вышний мир, ожидай окончания настоящего века». Все ведь явственно об этом свидетельствуют. Главой же всех нас является и именуется, и первым из мертвых воскрес, и первенцем, душа, или первородным и первым среди других братьев является Христос, второй Адам; по причине крайней доброты и «предтеча за нас», по выражению Павла, на небеса он взошел к своему Отцу и сел от него по правую руку, госпожа. А ведь где голова, туда вскоре последует и прочее все тело. Ибо завершение головы — тело, завершение тела — голова. И ни телу невозможно без головы быть, ни также голове без тела.

Ныне же возносятся лишь души всех спасаемых, владычица, святых и праведных, к своей голове, то есть ко Христу. О чудо! По воскресении же — взойдут и с телами. О чудо славы Христовой и чести, душа моя, и человеколюбия его и благ всех, которые все мы восприняли и с самого начала, будучи созданы, и напоследок вновь по благости его получили! Итак, душа моя, веруй: свидетельства эти истинны, надежны и заслуживают доверия. Сказано же это было о душах праведных, очистившихся от всей лютой злобы.

Аще же и грѣшных душа увѣдѣти хощеши, и кдѣ затворяються и суть, о душе моя, и о сих от Писания отвѣщаю тебѣ. Подо всею земьлею долу суть, господыне. И слыши, и рыдай преже конца зде: сѣнь смертную, преисподний ровъ ада сего нарече, тѣм же и взывает: «Взвелъ еси от ада душю мою»,* на мнозѣ не оставилъ еси тамо пребывати. О адѣ убо и Иовъ, плачася, глаголаше: «Земля темьная, и мрачная, и вѣчьная тма, животъ человѣчьскы не видѣти, свѣта бо тамо нѣсть». Адъ мѣсто убо есть долнѣйшее долних преисподних мрачных, болѣзнено естеством, во н же сниде Христосъ и, душа исхитивъ, ихже держаше исперва от первосозданаго, изиде яко побѣдитель. Благо же, Христе мой блаже!

Но будущее слыши и встрепещи преже конца: во вторый приход и Христово пришествие и общее вскресенье исходят изъ ада; каяждо убо свое всприемлет тѣло и паки възвращается къ аду, — увы мнѣ, — якоже рече Пѣснопѣвець,* яже о них: «Тогда да възвратяться, — рече, — грѣшници въ адъ».* А еже «да възвратяться» являеть, отнуду же изидоша. Оттолѣ лютѣйше перваго и горше, горчайше и зѣлнѣйше, болѣзнуют и рыдают, сѣтуют же и плачют без успѣха, душе моя, бесконечнѣ и вѣчьнѣи. Пощади, Христе мой, пощади!

Тогда, душе, отходиши убо к своему тѣлу, егоже преже мала отлучися, бернныя плоти, яко да внидеши в не, якоже Писанье учить. И видиши то смердящее все и осквернено, гнусно и мерьско и сгнившее до конца. И, тако то видящи, отвращаешися, ненавидяще, но от ангелъ страшных биема, увы мнѣ, немилостивно, нещадно, с лютостию многою, входиши паки в то, душе, и нехотящи.

Но не таковая телеса суть яже праведных, но яко блещайся бисеръ сияют с славою и якоже солнце, рече, но и множае сего. Аще ли не вѣруеши ми, о душе, воскресенье повѣдующи, приведу ти свѣдѣтеля вѣрны, имже не невѣруй.

Душа: Да кто си суть, котораго племени и языка?

Плоть: В первых, Иезикил и Исайя, паки и Давидъ праотець и Пѣснопѣвець подобнѣ, иже преже Христа изрядни и велиции пророци; и по тѣх паки Христосъ от дѣлъ увѣряет, но убо и перворođенъ от мертвых воскресе, якоже и Писание учит мя Иеуангельское; и Павелъ учит вселеную всю, о воскресении сущим в Коринфѣ пишет: «Падъ убо въ землю, сие вещестное тѣло в немощи и тлѣнии и безъдушно в гробѣ сгнивающе и разрушаемо, и в ничтоже бывшее, встает нетлѣнно и духовно в славѣ, бесмертно, и присноживотно, и обрадованно».* Да реку ти и притча, юже сам реклъ есть: яко зерно наго, в земную боку пад убо и сгнивъ, не наго въстает, яково же наго паде зерно, едино паки, но и зѣло благороднѣ и одѣяно бывает: стебль, листвие, колѣнца, осилия, — и иная зерна приносит многосугубна и красна видѣньем, — сице ми разумѣвай и вскресенье еже тогда человѣком всѣмъ убо, малымъ же и великымъ.

Если же и о грешных душах узнать хочешь и где они затворяются и находятся, о душа моя, и о них от Писания отвечу тебе. Под всей землей внизу они пребывают, госпожа. Слушай и рыдай, пока не кончилась здешняя жизнь: сенью смертною *Давид*, преисподним рвом, адом то место назвал, почему и взывает: «Ты вывел из ада душу мою», надолго не оставил ее там пребывать. Об аде ведь и Иов, плача, говорил: «Земля темная и мрачная, и вечная тьма, жизни человеческой там не видно, ибо света там нет». Ад ведь есть место нижайшее из нижних преисподних, мрачных и мучительных по природе мест, куда сошел Христос и, захватив души, содержавшиеся там изначально, начиная с первозданного, вышел победителем. Прекрасно, Христос мой благой!

Но о будущем слушай и вострепещи прежде конца: во второе пришествие Христово и явление при общем воскресении выйдут все они из ада; каждый свое восприимет тело и вновь возвратится в ад, увы мне, как сказал Песнопевец о них: «Тогда да возвратятся, — сказал, — грешники в ад». Слова «да возвратятся» показывают, откуда они вышли. И с тех пор будет им еще хуже и горше, тяжелее и больнее, будут мучиться и рыдать, сетовать и плакать безнадежно, душа моя, вечно и бесконечно. Пощади, Христос мой, пощади!

Тогда ты, душа, отойдешь к своему телу, с которым незадолго до того рассталась, к бренной плоти, чтобы войти в нее, как учит Писание. И ты видишь его все смердящим и скверным, гнусным и мерзким и сгнившим до конца. И, таким его видя, отвращаешься с неприязнью, но под ударами грозных ангелов, увы мне, немилосердными, беспощадными, наносимыми с большой суровостью, вновь в него входишь, душа, поневоле.

Но не таковы суть тела праведных, но как сверкающий бисер сияют они со славой, словно солнце, и даже ярче него. Если же ты, о душа, не веришь моему рассказу о воскресении, я приведу тебе надежных свидетелей, которым поверь.

Душа: А кто они, какого племени и народа?

Плоть: Во-первых, Иезекииль и Исайя, затем Давид-праотец и Песнопевец он же, прежде Христа бывшие избранные и великие пророки; а после них также и Христос делами уверяет, ведь он первый из мертвых воскрес, как учит меня Евангельское Писание; и Павел учит всю вселенную, и коринфянам о воскресении пишет: «Пав в землю, это вещественное тело в немощи и тлении и бездушным в гробе сгнивая и разрушаясь и в ничто превращаясь, встает нетленным и духовным в славе, бессмертным, вечно живущим и обрадованным». Скажу тебе и притчу, которую он сказал: как одно зерно, нагое, в землю упав и сгнив, не нагим встает, каким оно пало, и одним лишь зерном, но весьма благородно одетым в стебель, листья, коленца, колосья и иное, и приносит зерна во множестве и прекрасные видом, — подобным тому представляй себе и тогдашнее воскресение всех людей, малых и великих.

И слыши и почюдися Божию смотренью: тогда ни долгъ, ни короток бывает, ниже чернъ, ни бѣлъ, ни тонок, ниже дебелъ паки, ни русъ, ни черменъ, ниже кудрявъ тамо есть; хром, сухорукъ не бывает, ниже бѣснуя кто; едино*но*г, единоокъ, единорукъ, ниже прокаженъ, слукъ же, ни слеп, ни горбав, ни горкавъ, ни гугнив, ни травлуяй, ни премудръ, ниже буй, ни старець, ни отроча, ни рабъ, ни свободь, ни варваръ, ниже скифинъ. Ни мни, яковъ же бѣ умрый, таков и воскреснеть, но яков же первозданый от Бога созданъ бысть и яковъ же бѣ исперва преже ослушания. Тамо нѣсть мужьска полу, ни женьскаго естества, ни дѣтородни уди мужстии и женстии к смѣшенью блудному и скверному, ни убо! Но ино, странно ино, еже вѣсть Богъ единъ, бесмертно и присноживотно и нетлѣнно отнудь, непричастно суще печали же и скорби, попеченья всякого и тщания, к жизни сдѣлующаго. Бракъ никакоже бывает отнеле же воскреснем; ни посагают, прочее, не сущу ражженью тогда; естество женско никако, но ниже скопець есть; желанье телесное нѣсть, ни помыслъ блудный; но ниже бѣси тамо, ниже брань, ни свары, но яко аньгѣли Божии суть вси. Христосъ бо се рече нѣкогда к садукеим.*

И еще же не умершеи и погребеньем скрытии, но въ житии обращаються — мали же и велиции — и вси в мегновении измѣняться тогда. Будуть же вси въ едином взрастѣ, якоже предрекох преже мала в словѣ, нази же вси вкупѣ и обьвленѣ. Нагое же, господыне моя, и обьявленое, яко от предложенья овчатъ разумѣвай, еже на жертву Богу приводимых всѣх. Якоже она кожа одираема тогда во испытанья всякоя кости же и мозга, являхуся внутрь скровеная явѣ, сице котораго же дѣяния являються. Различье слышащи, сице ми разумьй: се нѣсть отъятье самого существа, но убо мертвости иждие же и престание и тли изнурение. Смерть бо сия тѣло не погубляет, но тля разоряет. Сущство же, добрѣйшая, пребывает же и есть, славою множайшею встающее тогда. Но не о всѣх, владычице, *глаголахъ азъ*. Се въскресение убо общее всѣм будет; вскресение же, душе, еже с славою, будет иже правѣ поживших, въскресение бо животу сии; злая же сдѣлавшеи — в судъ мученья.

Душа: Несуменно слово твое, и вся приемлю ти, вся ти вѣровах, развѣ точью сего единого, егоже слышыши Писание явѣ вопиющее. Внегда убо Христосъ сниде въ адъ душа вся исхитити еже тамо сѣдящая, от Адама и прочая по ряду свободи вся. Ты же рече нынѣ быти душамъ тамо всѣм грѣшником и нечьстивым, о рабыне. Аще убо изятъ тыя от утробы адовы, и кая благодать будет, аще и еще оны паки яко осуженици суть подъ адом? Прочая, не согласна к Писанью твоя обрѣтаю и непщюю, яко ты не истиньствуеши, рабыне.

Плоть: Слыши убо мя, владычице, и вонми нынѣ сде и Писание и истину, с нею и азъ глаголю, и разумѣй глаголемое от притча.

Послушай и удивись Божьему устроению: тогда ни высоких, ни низких не будет, ни черных, ни белых, ни тонких, ни толстых, ни русых, ни рыжих, ни кудрявых там не будет, ни хромых, ни сухоруких, ни бесноватых, ни одноногих, одноглазых, одноруких, ни также прокаженных, согбенных, слепых, горбатых, картавых, косноязычных, шепелявых, ни мудрых, ни глупых, ни старых, ни юных, ни рабов, ни свободных, ни варваров, ни скифов. Не думай, что каким умер, таким и воскреснет человек, но — каким первозданный Богом был создан и каким был изначально, прежде ослушания. Там не будет ни мужчин, ни женщин, ни детородных органов мужских и женских для соития блудного и скверного, никаких! Но — иное все, совсем иное, что знает один Бог, бессмертное, вечно живое и нетленное, непричастное печали и скорби, всяких хлопот и забот, с жизнью связанных. Брака вовсе не будет по воскресении; не будут тогда выходить замуж по причине отсутствия влечения; естества женского не будет никакого, но также и скопцов не будет; ни желания телесного, ни помысла блудного; и ни бесов там, ни брани, ни свары, но все — словно ангелы Божии. Христос ведь это некогда сказал саддукеям.

И также еще не умершие и погребеньем не скрытые, но в жизни вращающиеся, малые и великие, все мгновенно изменятся тогда. Будут же все в одном возрасте, как прежде я сказала тебе, совершенно нагими и открытыми. Наготу же их, госпожа моя, и открытость по подобию жертвенных ягнят разумей, приводимых на заклание Богу. Ведь как с тех кожа сдирается для испытания сокрытых внутри них костей и мозга, так же и деяния каждого объявляются. Что касается различья, пойми следующее: это не будет отъятием самого существа, но смертности утратой и прекращением и от тления избавлением. Ведь эта смерть тела не губит, но тление его разоряет. Существо же, добрейшая, пребывает и остается, со славой множайшей вставая тогда. Но не обо всех, владычица, я говорила. Это воскресение общее для всех будет; воскресение же, душа, со славой будет лишь для праведно поживших, ибо они пробудятся для воскресения жизни; зло же соделавшие — для суда мучительного.

Душа: Не вызывает сомнений речь твоя, всю ее принимаю, во всем тебе поверила, кроме одного только того, о чем, как ты слышишь, Писание ясно гласит. Ведь когда Христос сошел в ад, чтобы души все освободить, там пребывающие, он освободил всех начиная с Адама и прочих по порядку. Ты же, о рабыня, сказала теперь, что там находятся души всех грешников и нечестивых. Но если он тех изъял из утробы адовой, то где же тут благодать, если они вновь, как осужденные, находятся под адом? Значит, несогласие с Писанием я нахожу у тебя и предполагаю, что ты, рабыня, неправа.

Плоть: Послушай же меня, владычица, и пойми теперь и Писание, и истину, которую я тебе скажу с помощью притчи.

Нѣкако положи быти нѣкоему мучителю, злодѣю и отступнику, отбѣгнувъшу ему нѣкогда от царя и отшедшю далече в не же вжелѣ мѣсто, и тамо град создавшю высокъ же и великъ столпьем отвсюду утверженъ зѣло. Посреде же его ископаша ровъ глубок и велик — глубину дажь до дна земьнаго и вяще, в широту же широкъ паче всѣх широтъ, злосмраденъ и мрачнѣиши и теменъ зѣло, и стража всячьскыя тамо устраяет, смраднѣйша, увы мнѣ, тыя же и зловонны зѣло. И по сих, разумѣй ми, вражий гнѣвъ во всю землю протече; и собра многы звѣря и ядовитыя гады, змия же и смоквы, скорпия и ехидны, и прочая от всѣх по ряду, и сия убо затвори въ мрачнѣйшем рвѣ на мученье явѣ якоже тамо человекомъ с нужею хотящим затворятися от него. Луна и звѣзды никакоже, ни солнце нѣсть тамо, глаголю, в градѣ вражьи, но мгла час*та*. Близь града же оного путь бяше народный, и инуду не бѣ пути еже ити в весь миръ. Имже путем прохожаху вся племена и языци, цесаревы вси врази и друзи вкупѣ. Прочее, приходяще в руцѣ, и не хотяще, вси отступнику и врагу, мали же и велици, и всѣх превзмагаше, и всѣх держаше. Силою убо ручною, нужею и областию связуя руцѣ же и нозѣ, лютѣ страстоваше и затвореныя вся воряше, и темницю исполни темныя она вся. Не терпяше убо царь неправды сия, намнозѣ не остави люди озлоблятися, но посла тамо сына своего, глаголя: «Поиди и исхити люди наши вся от руку лукаваго и отступника вскорѣ». Он же, пришед и ем спротивника, вся ему сломи и кости и жилы и с полумертва створи и недѣйствена того, ископа очи его и зѣница очныя; верея и врата низложивъ и затворы скрушив, изять всѣх яко побѣдник и удолник, — врагы и другы вкупѣ, — от преисподних и възведе въ горняя всѣх от глубины, и от узъ убо разрѣши твердых вся, и на лици земнѣм ходити остави. И по сих зри ми разсужение добрѣйшее: другы избра отца своего присныя и, поим сих, отиде к своему отцю въ красную полату и чюднюю ону — еже быти тѣм всегда съ цесаремъ и веселитися имъ купно с ним в вѣк. Врагы же и нечестивыя остави убо тамо, дондеже изволиться отцю о них подобное, и изречет отвѣтъ праведны о них.

Къ сим ты, госпоже моя, како непщюеши: убо прияша ли и ти нѣкоего благодѣтельства — нечестивии же и врази глаголю цесаревы, — или не мнить-ся благодати быти? Како любо се? Азъ убо се непщюю спасенье велие еже бо мучителя яти и связати спротивника узами нерѣшимами, тому же и очи изяти, и от безднъ земных възвести сих, и темница мрачныя, и узы, и затворы, и злосмрадныя воня же, и гады ядовитыя — сих всѣх злых свободны створити и ходити сѣмо и онамо свободни въ ослабѣ, не сущю темничнику, не сущим слугам, враг бо погибе со всѣмъ воиньством крѣпцѣ.

Аще бо и быти слышала еси, душе, убо быти въ адѣ, но не суть, якоже первѣе, в болѣзнех тяжкых, ниже в нужах, ни убо, ни въ узах нерѣшимых, но

Существует, положим, некий мучитель, злодей и отступник, бежавший некогда от царя и ушедший далеко, в какое ему понравилось место, и там выстроил город, высокий и великий, стенами отовсюду хорошо защищенный. Посреди же его он выкопал глубокую и великую яму, глубиной даже до дна земного и больше, в ширину же шире всех широт, злосмрадную, мрачнейшую и очень темную, и сторожей всяческих там он поставил смраднейших, увы мне, весьма зловонных. И после этого, правильно пойми меня, злобная враждебность на все земли распространилась; собрал он многих зверей и ядовитых гадов, змей, пресмыкающихся, скорпионов и ехидн и прочих всех тварей такого рода, и запер их в мрачнейшей яме, чтобы мучить, конечно, людей, которых он хотел туда заключать. Ни луны, ни звезд, ни солнца там нет, я имею в виду в городе вражьем, лишь мгла густая. Вблизи же этого города путь был торный, и иной дороги не было, какой можно было бы пройти в весь мир. Этим путем шли все племена и народы, как враги царя, так и его друзья. И вот все они приходили, того не желая, в руки отступника и врага, и малые и великие, и он всех их одолевал и всеми овладевал. Пользуясь силой рук, мощью и своим могуществом, связывая руки и ноги им, он страшно лютовал и обращал их в заключенных и темницу наполнил темную ту всю. Не стерпев же несправедливости этой, царь не оставил надолго людей выносить страдания и послал туда сына своего, говоря: «Пойди и скорее освободи людей наших всех из рук обманщика и отступника». Тот же, придя и схватив противника, все ему сокрушил — и кости, и жилы и оставил его полумертвым и бездейственным, вырвал глаза у него и глазницы; запоры и ворота поверг, и засовы сломал, и освободил всех как победитель и хозяин добычи, — разом и врагов, и друзей, — из преисподни их всех вывел наверх из глубины, и от крепких уз освободил всех, и по лицу земли ходить им предоставил. А после этого, смотри, он принял прекраснейшее решение: избрал верных друзей отца своего и, взяв их, ушел к своему отцу в прекрасный и чудесный его дворец, — чтобы те были всегда с цесарем и веселились вместе с ним вовеки. Врагов же и нечестивцев он оставил там, пока отец не решит, что им подобает, и не вынесет он суд справедливый о них.

Как ты на это смотришь, госпожа моя: не получили ли и те тогда некоторого благодеяния, — нечестивых я имею в виду и врагов цесаревых, или же ты не думаешь, что было для них совершено благодеяние? Как тебе кажется? Я же считаю, что благом великим было то, что мучитель был схвачен и связан противник узами нерасторжимыми, и что глаз был лишен, а из бездн земных были выведены те, и из темниц мрачных, из уз и запоров, от смрадного зловония и гадов ядовитых, — от всех этих зол освобождены и что было им предоставлено свободно ходить повсюду, ибо не стало тюремщика и его слуг, так как враг погиб со всем своим воинством, быв побежден.

Хоть и слышала ты, что в аду находятся души, но они не так пребывают, как прежде, не в страданиях тяжелых, не в нуждах, ведь нет, не в узах

въ ослабѣ отчасти и в малѣ покои. Мнѣ убо велико являеться се благодѣтельстово. Разумѣ ли всяко реченое, или сумнишися и еще?

Душа: Разумѣх и домыслихся, и являешися истиньствовати. Всѣх облагодѣтель есть по праведному суду: врагы убо мнее, другы же большее. И благодѣть сия велика глаголеться от всѣх добрѣ смыслящих, и есть велика паче зѣло.

Плоть: Госпоже моя, како разумѣ реченое гаданье мое? Хощю увѣдѣти, аще добрѣ реченая разумѣ.

Душа: Да слыши, служителнице, раздрѣшение сих сдѣ. Отступникъ есть спадый Денница, град же, егоже созда, адъ; якоже мню, ровъ глубочайший и темницю его — суть, служителнице, чрево адово, народны же путь — житие се есть, имже ходим мали и велици вкупѣ; мучительство же вражье и разбойничьство его — смерть, якоже подобиться, яже въсхищает всѣх, къ аду лютому отпущает абье; а иже во рвѣ гади и лютии звѣрье, якоже мню, — нестерпимая болѣзнь, яже тамо есть; царь же — Богъ, и Сынъ его паки избавитель есть Христосъ роду человечьскому; друзи — иже праведнии, нечестиви же паки — врази его, вкупѣ грешники непщюю; красная же полата, и веселие его, и радость непрестанная Небесное Царство есть.

Плоть: Добрѣ и зѣло и благоумьнѣ разумѣла еси реченое мною, госпоже моя и владычице, и благодѣть Христу моему! Но вѣжь, яко притча не по всему имат равное и приемлеться. Елма не бы была притча, якоже рѣхом, но тожьдьство паче. «Взлегъ, почи, якоже левъ»,* — слышала еси патриарха, глаголяще о Христѣ, господыне. И паки убо в другом: «Срящю тѣх же, — рѣче, — яко медвѣдь страшнѣйши гладенъ зѣло». Убо приуподобим ли яже звѣрем сущая вся сдѣ Христови? Ни убо, владычице моя. Но подобает потребное избравшим от сих въ еже прията есть, то прочее убо все оставлено творяще удобь, мимоидѣмъ сия. Страшное убо лвово и цесарское всприимем, медвѣдя же паки точью мучительное, а не ино что, ихже имат. Такоже и о прочихъ притчах творити. И слыши, господыне моя, яко имам и еще сдѣ мужа свята и премудра — Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура* — и множае увѣришися. Той бо опаснѣйше яже тамо бывшая научаеть добрѣ и явственѣ всѣх. И навыкни, яже рече здѣ нѣкако на стихи:

«Не просто бо спаслъ есть жизнодавець Христосъ, сшедъ въ адъ, всѣхъ, но рѣчеся, яко тамо вѣровавъшихъ, иже суть отци и пророци, судья и царье, с ними и мѣстни князи, и инии нѣции от людей жидовеских бесчислени и предъявлени всѣм. Мы же сия противо *речемъ* сдѣ сущим, яко: ни даръ или богатство, слава, ниже чюдно и славно сие, еже спасти Христу преже вѣровавшая, елма ссуди праведенъ есть единъ, и всяк иже тому вѣровавый не погибнет. Достояше бо сим спастися всѣм и от адьских узъ избавитися схожениемь Бога и Владыкы, еже и бысть того промышленьемь.

нерасторжимых, но в частичном послаблении и в некотором покое. Мне это представляется великим благодеянием. Все ли ты поняла из сказанного или и еще сомневаешься?

Душа: Уразумела и поняла я, правду ты говоришь. Всех он облагодетельствовал по правому суду: врагов меньше, друзей больше. И благодать эту великой называют все добромыслящие, и она весьма велика.

Плоть: Госпожа моя, как же ты поняла рассказанную мной загадку? Хочу узнать, хорошо ли ты сказанное уразумела.

Душа: Слушай, служительница, теперь ее отгадку. Отступник — это падший Люцифер, город же, который он построил, — ад; как я думаю, яма глубочайшая и темница его — это, служительница, чрево адово, торный же путь — это жизнь, которой мы идем, малые и великие вместе; мучительство же вражеское и разбойничество его — смерть, как представляется, которая похищает всех и в лютый ад посылает тотчас же; а находящиеся во рву гады и лютые звери, как я думаю, — тамошнее нестерпимое страдание; царь же — Бог, а сын его, избавитель рода человеческого, — это Христос; друзья — праведники, а нечестивые — враги его и грешники, полагаю; прекрасный же дворец и веселье в нем, и радость непрестанная — это Царство Небесное.

Плоть: Хорошо и весьма разумно поняла ты сказанное мною, госпожа моя и владычица, слава Христу моему! Но знай, что притча не во всем точна и не должна восприниматься буквально. Иначе это не притча была бы, как мы сказали, но скорее тождество. «Возлегши, уснул, как лев», — слышала ты патриарха, говорящего о Христе, госпожа. И еще в другом месте: «Встречу их, — сказал, — как медведь страшнейший, голодный весьма». Разве применимо зверям присущее все здесь ко Христу? Нет ведь, владычица моя. Но подобает, нужное взяв, что подходит, прочее все оставить, пройдя мимо него. Выберем здесь страх, который внушает лев, его царственность, и только мучение от медведя, а не что-либо иное из того, что им свойственно. Так же и к другим притчам относись. Послушай, госпожа моя: у меня здесь есть и еще один муж святой и премудрый — знаменитый Иоанн Мансур Дамаскин, — и ты еще больше уверишься. Ибо он более точно о том, что там будет, учит прекрасно и открыто для всех. И послушай, что он сказал здесь некоторым образом в стихах:

«Не просто ведь всех спас живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и там — уверовавших, каковы суть отцы, пророки, судьи, цари, а с ними и поместные князья, и некоторые другие бесчисленные из народа еврейского и известные всем. Мы же вот что скажем по этому поводу тем, кто находится здесь: не дар, не богатство, не слава, и не нечто удивительное и невероятное — то, что Христос спас прежде уверовавших, потому что он один судия праведный, и всякий, в него поверивший, не погибнет. Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением Бога и Владыки, что и произошло по его

А *иже* паки человеколюбия ради спасъшеся суть, якоже и *си*и, житие честнѣйше имяху и дѣяние добро всяко свершаху, тонцѣ живуще, въздержателнѣ и цѣломудрьнѣ, вѣру же истинную и божественую не достигоша, не объучени быша всяко, но ненаучени пребывше отнудь. Сих всепромысленик Владыка всѣх привлече и улови мрежами божествеными, и тѣх преклони вѣровати ему, восиявъ на ня божественыя луча и показавъ имъ истинны свѣт; не бо суди, милостивенъ сы естеством, втоще тѣх труды быти, стяжаша бо труднѣйшее житие, болѣзньно же и тѣсно паче слова, самодержьци страстемъ бывше и сласти оплевавше, вкупѣ нестяжанье же всяко исправлеше, вздеръжанье же со бдѣниемь паки, и всяко просто изрядно жителство, не благочестивнѣ убо, но обаче прошедше, вышнии промыслъ, якоже мняху, изряднѣ чтуще, обаче погрѣшнѣ. Суть же нѣции иже божественую славу всемощныя достигоша Троица тонцѣ и темнѣ, но не прославиша обаче. Ини же воплощенье рекоша Слова, страсти честныя и встанье его. Друзии же рожество, еже от Девы, имя же тоя пронарекъше, Мария бо, рече, имя нѣкое отроковици. Паки нѣции предначтоша вся преестественая Христова чюдотворенья, мерътвых же и слѣпых, и гугнивых, прокаженых, и глухых, и огничавых, трудоватых, вкупѣ и сухорукых, и морское хоженье, отсюду хлѣбом благословенье и рыбам, преложенье водѣ в вино паки, кровоточивыя и слукыя вкупѣ здравье предрекъше со инѣми многими. Сих божественая Слова сила не стерпѣ презрѣти погибающихъ, ниже погубити дѣлания изрядных. Заимствованый бо тѣмъ слова конець, якоже рѣхом, не помрачаеться, но схраненъ одѣваеться всѣмъ иже добрѣ поживишимъ с прилогом. А иже не живши право житие, сѣмя или плод никакоже стяжавше, и ниже дождя божественаго, съ небесе излиявшася на них, възрастивша всяко, ни бо, яко же варивъ рѣх, вложиша сѣмя, ниже, восиявшю солнцю славы, съзрѣяша, яко бесплодни отнудь. Сих не ползова Христосъ спроста, совъздвигь, якоже мню, падшихъ, яко недостойны всячьскы спасенью, ниже бо вѣроваша ему, мниться мнѣ. Ослѣпи бо тѣх помыслы и, увы мнѣ, и очи сердца тмы взятие, первый змий, емуже служителе исперва, яко да, видяще, не видят вправду и разумѣют отнудь. Ини же вси, сѣмя имуще, и съзрѣяше, солнцю явлешюся, и взрастоша же, дождю бывшю. Сих спаслъ есть, якоже мню, Христосъ мой, егда сниде въ адъ хотѣньем».

Душа: Вся добрѣ сказала ми еси, учителнице и рабыне, и истинна и извѣстьна. И не прерѣкую отнудь, но имам еще възыскание, недоумѣнье велико. Рци и се явленѣ, аще можеши рещи.

Плоть: Да что есть и каково и которое есть, скажи.

Душа: Како, оставльши убо тлѣнно и нетлѣнно же обрѣтши, тѣло убо свое душа како познает? Ова бо оставила есть слѣпо и безъ очью то, ова же

промыслу. А кто по причине его человеколюбия спасся при этом, как и те, провели честную жизнь и всякие добрые дела совершали, строго живя, воздержанно и целомудренно, веры же истинной и божественной не достигли, не просвещены будучи вовсе, и совершенно ненаученными оставшись. Этих всех людей обо всех заботящийся Владыка привлек, и уловил мережами божественными, и склонил их веровать в него, воссияв на них божественными лучами и показав им свет истины; не захотел он, милостивый по естеству, чтобы вотще их труды были, ибо они избрали труднейшую жизнь, мучительную и невыразимо скудную, быв самодержцами своих страстей и сласти выплевав, вместе с тем и к нестяжанию всякому прилежа, воздержанию со бдением также, и всякому вообще доблестному жительству, хотя и не будучи благочестивыми, но тем не менее высший промысел, как им казалось, наилучшим образом почитая, пусть ошибочно. Есть же некоторые, кто поверхностно и смутно постигли божественную славу всемогущей Троицы, но не прославили ее однако. Иные же предсказали воплощение Слова, страсти его честные и воскресение. Другие же — рождество от Девы, имя ее предсказав, — Мария, ибо, сказали, имя отроковицы. Опять же некоторые предначертали все сверхъестественные Христовы чудотворения с мертвыми и слепыми, косноязычными, прокаженными, глухими, лихорадочными, водяночными, а также сухорукими, и по морю хождение, затем хлебов благословение и рыб, превращение также воды в вино, кровоточивой и согбенной выздоровление предсказав со многим иным. Божественная сила Слова не сдержалась, чтобы пройти мимо таковых погибающих и дать погибнуть делам наилучших. Ибо занятое у них, как мы сказали, с окончанием времени не уничтожается, но, будучи сохранено, возвращается всем хорошо пожившим с лихвою. А те, кто не жил праведной жизнью, семени или плода никакого не стяжали, от дождя божественного, с неба на них пролившегося, вовсе не возросли, ибо, как я прежде говорила, не посеяли они семя и, когда воссияло солнце славы, не созрели, будучи совершенно бесплодными. Таковым не принес Христос пользы вовсе, не совоздвиг их, думаю, видя падшими, потому что они вовсе не достойны спасения, так как не поверили ему, как мне кажется. Ибо ослепил их помыслы и очи сердечные, увы мне, тьмы сгусток, первый змей, которому они служили с самого начала, чтобы, видя, они не видели по правде и не понимали ее ничуть. Другие же все, семя имеющие, созрели, когда появилось солнце, и выросли, когда прошел дождь. Тех спас, как мне кажется, Христос мой, когда сошел в ад добровольно».

Душа: Все хорошо сказала ты мне, учительница и рабыня, и правильно, и ясно. И не противоречу я совершенно, но имею еще вопрос, недоумение большое. Скажи мне и об этом ясно, если можешь сказать.

Плоть: Да что это такое и каково, скажи.

Душа: Как, оставив тленным, а найдя нетленным, тело свое душа узнает? Ибо то, что она оставила, или слепо и без глаз, или же глухо и немо,

глухо и нѣмо, скудоумна же другая, скопьца же и иная, и тонко, и сухонаво, дебело, полно и тучно же, чревато другая, другая же безъ брады, космато же ти о другая; иная паки женьско, черно иная и смядо, бѣло же пакы другая; без руку и безъ ногу остави паки иная, и младенца иная несвершена и малѣйша зѣло, и старца; и иная съгнивша зѣло, и черно власы другая, бѣло же иная паки. Во вскресенье убо, якоже глаголеши и учиши мя, рабыне, ино от иного бывъшее, якоже варивъ рекла еси, по подобию Адамову, — како убо познает то и не имущее знаменья, ни образы, ни мѣры?

Плоть: Да слыши, господыни моя, вещи сея дивное. Тогда не ищи естественаго послѣдования чинъ, но выше естества вся и мъчтайся и разумѣвай. В сем бо житии суть сия вся, в будущем же ничтоже от сих будет тамо. Но промыслом Божиимъ и хотѣньем его знаменье убо дасться, и познаваеть вся едина каяждо совлече ея тѣло, якоже овьца познавает своя агница и младенци доими своим материмъ не от иного чего, ниже от видѣния, но обонянья точью от единого познавают. Много убо сличная въ агньцѣх бывают, и множайша и ты суща. Видѣх азъ многожды всхожаше и низъхожаше многажды множицею мати, въ агньцехъ свое агня ищющи, и к ней прихожаху много от агнець, никое же не прият, ни накорми ни едино, обоняваюши вся, мимоходящи вся, дондеже обрящеть сама свое ея агня. Подобно сему познанье душамъ и тѣлом, еже тогда и будет. Промыслом Христа моего будущее датися от него знамение. Азъ убо не то знаю, — онъ точью един вѣсть. *Умнѣ* сущи души, умно же и оно; безътелесна же сущи, безътелесно и се, не чювьствено, не вещно, якова суть яже сдѣ. Подобнѣ убо и сродници, и друзи к другом, невѣжде же познают другъ друга тогда, яко ти притча показа, господыне. Да не мнить же никако никтоже, яко еда нѣсть комуждо познание комуждо тогда на страшном сборѣ оном, душе моя: ей, кождо познает тамо искреняго си, — не образом телесным, ниже от знамени, но оком душевнымъ презрительнымъ.

Душа: Да откуду се вѣдомо? Впрашаю тя, о рабыне, еже представити свѣдѣтеля о словеси сем. Тебѣ бо яко рабынѣ не вѣрую и сумнюся о нихъже глаголеши.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя, въ-первых, Христа моего, явственѣ учаща въ Благовѣстованиих, яко позна богаты Лазаря оного в надрѣх Аврамовых сѣдяща посреде, такоже и Аврама, великаго патриарха; и пакы же другоици рѣче къ июдѣом, яко: «Аврама узрите, и Исака тогда, и Якова, и вся пророкы такоже въ царствии Божии, вас же вънѣ его изганяемъ далече». *И* да нѣ кто непщюет и рчеть, яко притчею рѣчена бысть убо вещь и разум неприятенъ быти о сих, божественыя бо притча Спасовы, любимая, суть образи истиннии вещем настоящим, възможным, непрелестным и показаным.

другое же скудоумно, оскоплено же иное, и тонко, и сухощаво, и толсто, полно и тучно же, брюхато другое, другое же без бороды, космато опять же другое; иное также женского пола, черно иное и мрачно, бело опять же другое; без рук и ног остались также иные, и младенцы иные несовершенные и маленькие очень, и старцы; и иные — сгнившие сильно, и черноволосы другие, иные же светлы. При воскресении же, как ты говоришь и учишь меня, рабыня, тело одно от другого происшедшее, как прежде сказала мне, по подобию Адамову, — как опознается то, не имеющее ни прежних признаков, ни вида, ни размера?

Плоть: Послушай, госпожа моя, об этом странном деле. Тогда не ищи обычного порядка естественного соответствия, но выше естества все вообрази и представь. В этой ведь жизни все такое, какого в будущем ничего не будет. Но промыслом Божиим и желанием его знамение будет дано, и опознают все до одной души свои тела, с них совлеченные, — как овца узнает своих ягнят, и сосунки-детеныши своих матерей не по виду и не по иному чему-нибудь, но обонянием только одним опознают их. А ведь много схожих ягнят бывает, и множество их существует. Видел я многократно, как мать взбиралась и спускалась многое множество раз, своего ягненка среди ягнят разыскивая, и к ней подходили многие из ягнят, — но она никого не подпускала и не кормила ни одного, всех обнюхивая, проходя мимо всех, пока сама не найдет своего собственного ягненка. Подобно этому произойдет опознание душами своих тел, которое будет тогда. Промыслом Христа моего в будущем будет дано от него знамение. Я же его не знаю, — он один только знает. Поскольку душа умственна, умственным будет и то; поскольку ж она бестелесна, и оно бестелесно, не чувственно, не материально, каково все сущее здесь. Подобным ведь образом и родные, и друзья своих друзей, и незнакомые друг друга узнают тогда, как притча тебе, госпожа, показала. И пусть никто не думает вовсе, что не все и не всех узнают тогда на страшном этом соборе, душа моя; да, каждый узнает там близкого своего, — не по телесным образу и признакам, но оком душевным проницательным.

Душа: Да откуда это известно? Прошу тебя, рабыня, представить свидетеля в подтверждение этих слов. Ибо я тебе как рабыне не верю и сомневаюсь в том, о чем ты говоришь.

Плоть: Послушай же, госпожа моя, во-первых, Христа моего, ясно учащего в Евангелиях, что узнал богатый Лазаря оного на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха; а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: Авраама увидите, и Исаака тогда, и Иакова, и всех пророков также в царствии Божием, себя же — изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально, ибо божественные притчи Спасовы, любимая, заключают истинные образы вещей настоящих, возможных, необманчивых и явных.

Душа: Вѣрнѣйши и добрѣйши свѣдѣтел сея есть. Имаши ли к сему и иного кого, соглашающа и подобная вѣщающа о глаголаныхъ?

Плоть: Имам, господыне моя, многы, но не могу всѣх нынѣ приносити реченья, лѣню бо ся сия писати. Обаче 3, и 4, и 5 представлю ти и глаголание коегождо сдѣ напишю.

Иоанъ Златы языком сице глаголеть: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем, но и ихже никогдаже видѣхом в лице: Аврама, Исака, и Якова, и вся праотца, отца же и дѣдъ и прадѣдъ, пророкы, и апостолы же, и мученикы».* Душе моя, си видѣвши, познаеши всѣх абие на торжищи оном велицѣм. И пакы к сим подобна Василие Великый, бесѣдуя к лихоимцем рѣче сице: «Не приимеши ли пред очима своима Христово судище, внегда тя обидут, представше внезапу, и ближни, и дални, и мали же, и велиции, обидѣнии тобою, взопьють на тя. Яможе бо аще възведеши око тогда, узриши убо явѣ озлобленых образы: отсюду убо сирыя, отонуду же убо вдовыя, на иномъ же нищая, ихже обидѣлъ еси всѣх, — сусѣды же вся, яже прогнѣвалъ еси здѣ». Но убо и Григорие Богословный пишет: «Тогда, рече, — Кесария узрю свѣтлоносна, яковъже ми во снѣ явился еси, брате любезнѣйши».* Ефрѣмъ же блаженый сице учит, глаголя: «Тогда, — рече, — своя родителя осудять чада своя имъ, увы, осуженья, яко дѣла благая нынѣ не сдѣявшю. И знаемых видят в час онъ. И внегда от них узрят нѣкыя, увы мнѣ, в десных частех причтеных бывша, тогда рыдают убо разлученья и расъпряженья сих».* Афанасий Великый чюдный, церковьное нованье и поборьник ея, и се: «Богъ, — рече, — праведником всѣм даровалъ есть познанье общаго и сборнаго, душе моя, вскресенья, еже быти другъ с другом, веселитися и радоватися в вѣки вѣком. Лишени же суть грѣшници утѣшения сего: не имуть познания еже друг с другомъ тогда... Якоже дѣяния вся откровена суть, сице, — рече, — и лица всѣмъ знаема бывают, дондеже всѣх послѣднее разлученье конець приимет и кождо посланъ будет въ свое ему мѣсто: праведьници с Богомъ, такожe и друг с другом, грѣшници же паки в далних мѣстѣхъ. Аще бо и друг с другом будет, но обаче незнаемѣ. Якоже бо предречеся, лишени будут и сего утѣшенья, рекше и благодѣти, таковыя. Аще бо не явѣ будут, — рече, — всѣмъ тогда студъ, которы будет повинным всѣмъ. Тогда бо, — рече, — лютъ есть срам и великъ, внегда кто познавает и познаваем бывает. Всякъ бо стыдяйся знаемых стыдиться, невѣдомых же никако, сущю ему невѣдому. Страм же не бывает никако незазорному».* Се убо не невѣрно и не отречено есть, яко явѣ вси другъ друга познаваемъ. Прият ли ми свѣдѣтеля, о нихже рѣх всяко, или еще паки, якоже и мнѣ, не вѣрова и симъ?

Душа: Ни, служителнице, ни. Не ктому сомняся, яко зѣло ми благоразумнѣ недоумѣнье се сказала и разрѣшила еси. И благодарствую тя: вѣрнѣйше и извѣстно и истинно есть свѣдѣтельство многих, — от Христа навыкнуя. Нынѣ же имам желанье научитися и сему.

Душа: Это — наивернейший и наилучший свидетель. Есть ли и иной кто-нибудь, с ним согласный и то же говорящий об этом?

Плоть: Есть, госпожа моя, многие, но не могу всех их теперь приводить изречения, ибо ленюсь их все писать. Однако три, и четыре, и пять могу представить тебе и высказывание каждого здесь напишу.

Иоанн Златоуст так говорит: «Не только ведь здесь знакомых нам мы узнаем, но и тех, кого никогда не видели в лицо: Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцов, отцов, и дедов, и прадедов, пророков, апостолов и мучеников». Душа моя, увидев их, узнаешь ты всех их тотчас же на торжище том великом. Также и Василий Великий, обращаясь к лихоимцам, сказал подобное этому: «Не представишь ли пред глазами своими Христово судище, когда тебя окружат, представ внезапно, и близкие, и далекие, и малые, и великие, обиженные тобою, и будут громко тебя обвинять. Куда только не возведешь глаза ты тогда, увидишь лишь озлобленные лица: с одной стороны — сирые, с иной — вдовые, с другой — нищие, которых ты всех обидел, соседей всех, которых ты здесь прогневил». Также и Григорий Богослов пишет: «Тогда, — говорит, — Кесаря я увижу светоносного, который мне во сне явился, брат любезнейший». Ефрем же блаженный учит, так говоря: «Тогда, — говорит, — своих родителей осудят дети их собственные за то, что дел благих они ныне не сделали. И знакомых увидят в тот час. И когда увидят некоторых из них, увы мне, к правым причисленными, тогда возрыдают они по причине разлуки и расставания с ними». Афанасий Великий, чудный, основание и поборник Церкви, и он сказал: «Бог праведникам всем даровал возможность познания при общем и соборном, душа моя, воскресении, быть друг с другом, веселиться и радоваться во веки веков. Лишены же грешники утешения этого: не смогут они узнать друг друга тогда — ⟨*с того момента, как произойдет разлучение их с праведными*⟩. Как дела все открыты тогда, так, — сказал, — и лица всех узнаваемы будут, пока окончательно разлучение всех не свершится и каждый не будет послан в свое место: праведники — с Богом и друг с другом, грешники же — в дальние места. Хоть друг и окажется с другом, не узнает один другого. Как уже сказано, будут они лишены и этого утешения или же и такой благодати. Ведь в противном случае явно всем будет, — сказал он, — то стыдное, в чем они все виноваты. Ибо тогда, — он сказал, — будет лютый и великий стыд, когда кто-нибудь узнает кого-нибудь или узнан окажется. Всякий ведь стыдящийся знакомых стыдится, а тех, кого не знает, — нисколько, — ведь и его не знают. От незазорного же не бывает никакого срама». И это верно и потому бесспорно, что ясно мы все друг друга узнаем. Приняла ли ты моих свидетелей, о которых я говорила, или по-прежнему, как и мне, не веришь и им?

Душа: Нет, служительница, нет. Больше я не сомневаюсь, потому что весьма благоразумно ты объяснила и недоумение мое разрешила. И я благодарю тебя: более верно, надежно и истинно свидетельство многих, как я от Христа узнала. Теперь же я имею желание уразуметь вот что.

Предрече бо ми выше в словѣ, рабыне, яко убо измѣнятся на вскресенье небо же и земля в созданье божественѣйше, такоже и телеса человѣкомъ всѣм — в нетлѣнье и та измѣнятся тогда. Убо и азъ ли, служителнице, измѣнюся тогда, или паки буду та же, якоже есмь нынѣ, тричастное неразлучно имущи тогда: помысленое, желательное и яростное же? Убо и тогда ли в самом тождьстоит пребуду, тричастна с тобою буду в вѣкы? И паки которое же дѣйствуют своя, желанье же глаголю и ярость? Такоже во мнѣ зрима суть, окаянно ми и страстно восъкресенье будет, яко паки страстна, и сквернава, и паки нечиста буду сих ради. Аще ли не будут со мною двѣ части сия, цѣла како буду, отъята бывъши сих? Еже бо всяко скудно есть, цѣло како и будет? И аще надво раздѣлюся, не азъ есмь вся, но нѣкаа и несвершена, и скудна, якоже вѣси. Но убо како несѣкомое сѣкомо покажеться. На части же и рассѣченье раздѣляемо тогда? Аще бо, якоже предрекла еси, весь миръ мене ради создася и бысть видимый сей, аще бо в лучшее то премѣниться зданье и естество добрѣйшее и божественѣйшее воистину, свѣтей, краснейше и въобразитися тогда Зижителя и Здѣтеля свѣтомъ и волею, прочее, азъ, рабыне, обидима зѣло, аще и тогда буду якова же есмь и нынѣ, и възращение не прииму, и почтена буду болше, якоже и ты, рабыне, прославишися, якоже рекла еси. Тля бо и мертвости будеши тогда тужда, и нетлѣнна, присноживущи и бесъмертна будешь. Аще убо плоть, рабыне моя, паче естества почтет Создатель, якоже обѣщася, Богъ и Владыка, владычицю же самую бещестну оставит, долѣ горняя будут, якоже и горняя долняя. Назданѣ бо бывши той назданьем и странным, не подобаеть владычици мнѣ тако презрѣнѣ быти, но воистину чюдным изъмѣненьем и странным измѣнитися и мнѣ хотѣньемь Владычним яко царици всего здѣшняго мира сущи, — премѣнитися и самой, яко всѣх вышши. И понеже хощет обновити безъдушьныя стихия и нечювьственая же, и служителная мнѣ, рабыне, мене паче яко словесну и чювствену достояше. Рци к сим, рабыне моя, и что ми подобает надѣятися?

Плоть: Госпоже моя и владычице, в глубину разумѣний и пучину непроходную въвергла мя еси нынѣ. Неудобьдостижно, неудобьразумно взысканье твое есть. И недоумѣю и боюся неудобьно, все суще недовѣдя, стыдящеся, готовападежна явитися. Иного нѣкоего впроси от разумных се, мене же прости, яко невѣжю всяко.

Душа: И иного убо не хощю се увѣдѣти, рабыне. Тебе бо сущи близь, далече ити не подобает, и впрашати безнадежнѣ, и трудитися всуе. Прочее, начьни, рабыни моя, покажи, яже вѣси. Аще ли непокоритися мнѣ хощеши, не надѣйся ясти, ни снѣдь бо или питие оставлю тя пряти, нъ ниже песъ изѣлъ есть, якоже мниши, жезла.

Ты раньше в своей речи сказала мне, рабыня, что при воскресении небо и земля примут более божественный вид, тоже и тела всех людей — и те в нетленные переменятся. А я, служительница, изменюсь тогда или буду такой же, какой являюсь ныне, три свои части сохранив неразлучными: способности к мысли, влечению и ярости? Буду ли я и тогда тождественной себе? Тричастной с тобой вовеки пребуду? И каждая часть опять будет делать свое дело, — я имею в виду влечение и ярость? Если такими же они останутся во мне, тяжелым и мучительным для меня воскресение будет, потому что вновь подверженной страстям, и скверной, и вновь нечистой буду я из-за них. Если же не будет со мной двух этих частей, невредимой как я останусь, будучи их лишена? Ибо то, что как-то оскудеет, может ли быть невредимым? И если я разделюсь надвое, то не буду цельной, но буду в чем-то несовершенной и оскудевшей, сама понимаешь. Да и как неделимое окажется делимым, на различные части будучи тогда разделяемо? Ведь если, как ты прежде сказала, весь мир этот видимый ради меня был создан и появился, и если он в лучшее переменится создание и преобразится тогда в естество воистину прекраснейшее и божественнейшее, более светлое, более красивое, Зиждителя и Создателя желанием и волей, то, значит, я, рабыня, окажусь весьма обойденной, если и тогда останусь такой, какова сейчас, и приращения не получу и не почтена буду, как и ты, рабыня, когда ты прославишься, как ты сказала. Ибо тления и смертности будешь ты тогда чуждой, нетленной, вечно живущей и бессмертною станешь. Если плоть, рабыня моя, сверхъестественно Создатель почтит, как он обещал, Бог и Владыка, владычицу же саму в бесчестии оставит, внизу окажется вышнее, дольнее же вверху. Созданной таким необычайным образом, не подобает мне, владычице, в таком презрении пребывать, но надлежит воистину чудным и странным изменением перемениться и мне по желанию Владыки как царице всего здешнего мира, — перемениться и мне самой, как всех вышней. Ведь поскольку он собирается обновить бездушные стихии и бесчувственные и мне, рабыня, служащие, подобало бы обновить и меня — и как словесную, и как чувственную. Ответь мне на это, рабыня моя: на что мне подобает надеяться?

Плоть: Госпожа моя и владычица, в глубину раздумий и пучину непроходимую ввергла меня ты теперь. Трудно для постижения, трудно для уразумения то, что ты спрашиваешь. Я недоумеваю и боюсь, смущенная, не обо всем на свете зная, к стыду своему, оказаться близкой к падению. Другого кого-нибудь это спроси из разумных, меня же прости, так как я вовсе не знаю.

Душа: От другого я не хочу это узнать, рабыня. Раз ты поблизости, далеко идти мне не подобает, а спрашивать безнадежно, и стараться напрасно. Так что начни, рабыня моя, покажи, что знаешь. Если же покориться мне не хочешь, не надейся есть, ибо ни пищи, ни питья не позволю тебе принять; и, как ты знаешь, дубинку не съела собака.

Плоть: Да слыши, госпоже моя, сде мало и вонми. И видѣ и преже рѣх тебѣ, и нынѣ паки глаголю.

Миръ убо видимый, и мысленый такоже, и явлена сия, елика якова суть, Зиждитель и Сдѣтель тебе ради привелъ есть. И паки тогда тебе ради обновит всячская к благоугожению твоему и чести же и славѣ в веселие и радость и красное наслаженье. Обновлеши бо ся и азъ, твоя похвала будет, честь бо и слава моя тебѣ будет тогда, якоже и безчестье мое тебѣ и нынѣ есть.

От сих же всѣх ниедино же требует Богъ сущих сдѣ, ни солнечное сиянье, ни небесную доброту, ни земное благолѣпие и приношение всяко: нескуден бо всѣх сый, сих никакоже требует. Тебѣ бо дарована быша та нынѣ и в будущий. Прочее, елма яже о тебѣ сице прославит тогда, кольми паче тебѣ, душе, иже и владычицю сим. Желания и ярости, спитателникъ твои, глаголю, съотъемлет абье вся ис корене, якоже от них ражаемыя и прозябающая страсти. Аще страсти всяко глаголати подобает, или ни, господыни, и именовати та, еже нѣсть сице, егда добрѣ направляет помыслъ сия. Требование сих добро есть, добродѣтель глаголемъ быти, недоброе же паки — злобу створяти. Тогда наглость, ни гнѣвъ, ни ярость приидет ти, но ниже вражда будеть в тобѣ, ни памятозлобие, ни боязнь же, ни страх; ни потреба тогда мужьству; ревность и зависть престанеть от тебе, госпоже; похоть бесловесная и сласть такоже. Матерь же всѣм сим — предреченѣи двѣ. Но ниже мнѣние в тебѣ, ниже тщеславие, но ниже вѣра; надежда съотидеть ти, другине; такоже память престанет, не требуеши бо ея. Пять сия отроди помыслу суть, а не яростному, ни желателному. Сия бо вся отходят, якоже рѣх, от тебе. Желателно послѣднее отнели же кто постигнет, не требует ни единого же от предреченых отнудь, ветхаго бо человѣка совлекшеся всего, с ним совлечеши его студы тогда и скверны и къ животу бестрастьному паки встечеши. Любовь едина будет тобѣ тогда и ничтоже ино, от ихже имам вкупѣ или особь нынѣ. Ни бо сия являються тобѣ существена, не суть бо словеснаго естества сия, ни и убо, бесловеснаго же паче свойствена видяться. Ибо лстиваго зря врага и яраго и брань, юже на тя, ущедривъ Зижитель и въоружи и облече къ отмщенью его обѣма сима, владычице, де некако, нагу обрѣт тя, язвит же и ранить тя елижды аще хощет. Брани же, госпоже моя, тамо яко не сущи, но смѣрению тверду, кая потреба оружию? Врази бо твои погибоша со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ. Здѣ бо есть все: и борбы и побѣды, — тамо же сихъ престанет держава и помощь. Ихже бо съде боишися посмѣешися тогда, въ огнь геоньскый видяще ввержены. Ты же имѣти хощеши тогда несмѣсное и особное все: словесное, госпоже моя, и помысленое же, — боговидно и зрително и богоподобно. Тогда еже по образу чисто первое, якоже и первѣе, яково же исперва прияла еси и пакы въсприимеши божественое вдуновение, аще что се разумѣется.

Плоть: Послушай теперь немного, госпожа моя, и пойми. Я ведь и прежде тебе говорила и сейчас опять говорю следующее.

Мир как видимый, так и мысленный, и явления все, сколько их и какие только ни есть, Творец и Создатель тебя ради привел в бытие. И опять же, тогда ради тебя обновит он все — для благоугождения тебе, для чести и славы, для веселия, радости и для прекрасного наслаждения. Мое обновление станет твоей похвалой, ибо мои честь и слава твоими будут тогда, как и бесчестье мое твоим является ныне.

Ведь в том, что здесь, ни в чем не нуждается Бог, — ни в солнечном сиянии, ни в небесной красоте, ни в земном благолепии и приношении всяческом: изобилуя всем, он этого вовсе не требует. Тебе ведь дарованы они в настоящем и в будущем. Так что если то, что существует ради тебя, так он прославит тогда, куда больше — тебя, душа, прославит, владычицу того. Вместе с влечением и яростью, твоими, так сказать, совоспитанниками, он вырвет с корнем и от них рождающиеся и возрастающие страсти. Если только можно вообще, госпожа, называть страстью то, что не является таковым, когда им хорошо управляет разум. Добрый плод таковых мы зовем добродетелью, недобрый творит зло. Тогда ни раздражение, ни гнев, ни ярость не придут к тебе, ни враждебности не будет в тебе, ни злопамятства, ни боязни, ни страха; не потребно тогда мужество; ревность и зависть прекратятся в тебе, госпожа; похоть бессловесная и сластолюбие также. Матери же всего этого — вышеназванные две. И ни самодовольства не будет в тебе, ни тщеславия, но не будет и веры; надежда тоже отойдет от тебя, подруга; также и память действовать перестанет, ибо не будет потребности в ней. Эти пять дети разумности суть, а не ярости и не вожделения. Ведь это все покидает, как я сказала, тебя. С той поры и предела желаний достигнув, никто не будет нуждаться ни в чем из вышеназванного совершенно, потому что ветхого человека совлекши полностью, с ним ты совлечешь и его постыдные дела и скверны и к жизни бесстрастной вновь возвратишься. Одна любовь будет у тебя тогда и ничего другого, из того, чем теперь мы совместно владеем или порознь. Ведь то не является для тебя существенным, так как не принадлежит оно к разумной природе, нет ведь, бессловесной скорее свойством видится. Ибо коварного и яростного врага нападение на тебя увидав, расщедрился Творец и вооружил тебя и снарядил для отпора ему теми двумя, владычица, — чтобы не застал он нагою тебя, и не уязвил тебя, и не поранил, как только захочет. Поскольку же, госпожа моя, там брани нет, но мир твердый, какая потребность в оружии? Враги ведь твои со всем воинством погибнут окончательно. Здесь ведь все это: и борьба, и победа, — там же прекратятся их власть и мощь. Над теми, кого здесь боишься, ты посмеешься тогда, в огнь геенский видя их вверженными. У тебя же будет тогда беспримесное и особое все — и разум, госпожа моя, и мышление, — боговидным, проницательным и богоподобным, по образу Божию,

Благороднѣйши бо ты и славнѣйши пакы паче всѣх воиньствъ, глаголя, явишися тогда. О душе, дивно еже слышати, страшнѣйше и преславно еже видѣтися паче: еже по образу его бывше, господыне, имать к первообразному по всему всяко сего ради подобие началообразнаго все: умное убо — умнаго и бестелесное пакы бесмертно, вселюбезно, по всему подобно, яко премѣнено доблества всякого оно и всего убѣгая убо растоятелнаго; сего ради по измѣрению — подобнѣ, якоже и оно, по естѣственому же подобью убо ино что от оного, — глаголю же началодобраго, — разумѣваемъ по Писанию* и сущьство, и естьство. Не к тому есть образъ, аще во всѣхъ будеть то же оно, владычице. Но в нихже видится в несозданнѣмь естьствѣ оно, добрѣиша мнѣ, в тѣх же убо и создано естьство показуеть се. И аще се истинно, якоже се истинно есть, убо да что бы хотѣла болшее сея славы, или ино что бы хотѣла лучшее сего быти?

Разумѣ ли нынѣ, владычице, добрѣ глаголанная? Вѣрова ли и приятъ яко истинна сия, или яко ложна являють ти ся вся глаголанная и бляди сия тебѣ мнятся? Азъ убо не мня. Рци к симъ, владычице, и како вмѣниша ти ся?

Душа: Ни, рабыне моя, ни, но сладцѣ и усредно, радостно и весело же и любезнѣ сия и прияхъ и прииму глаголанная вся, обрадованнѣ, яко недоумѣние мое раздрѣшися! Служителнице, невѣруяй велѣнию сему отнудь християнинъ нѣсть, ниже православен тъ, ни части имать никакоже съ Христомь моимъ имать и царствия его не прииметь тогда, но есть весь невѣренъ и от садукей* горѣй. Аз же благодатью Божиею вѣрую сия тако и суща и быти хотяща, якоже научи мя. Не невѣрую словесѣмъ твоимъ, не буди ми се. Обаче о семь и еще молюся тебѣ, яко да принесеши ми Писание, да слышю и то. И аще принесеть и то повелѣние согласно тобѣ, тогда паче будеть извѣстнѣйше се, неколѣблемо, недвижимо и добрѣ утвержено. Но убо глаголы Писания да не размѣниши отнудь и на стихы induced речеши ми тѣхъ силу, но убо тако, якоже суть, сице ми скажи сихъ.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя зде, прочее, и вонми. Мужь мудръ, и святъ, и благороден сугубо иного нѣкоего премудра еже о Христѣ премудростию впрашаше сице, ихже ты ищеши, тричастное души како есть, увидѣти хотя. И нынѣ вонми разумно того впрошение сдѣ.

ГРИГОРИЯ НИСЬСКАГО ВОПРОС ОТ МАКРИИНИХ*

Умно глаголють быти сущьство душа и телесну сущу с'суду животную силу къ чювьственѣй силѣ въдваряти. Не бо точью о художьственѣй же и зрителнѣй мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмь сущьствѣ таковое

как в самом начале, когда ты получила Божие вдуновение. И вновь ты воспримешь его, что бы под ним ни разумелось. Благороднее, а также славнее всех ангельских воинств, говорю, явишься ты тогда. О душа, дивно и слышать это, и более страшно и странно видеть: ведь то, что создано по чьему-то образу, госпожа, непременно бывает во всем прототипу подобно: разумностью — как разумному, а бестелесному — бессмертностью, вселюбезная, по всему подобно, как лишенное всякой плотности и всей пространственности; поэтому мерою оно — как и то, по природным же свойствам оно представляет собой нечто отличное от того, — я говорю об архетипе, — имею в виду по форме, по природе и по существу. Это уже не образ, если во всем будет таким же, владычица, как и тот. Но что в несозданном естестве видится, добрейшая моя, то же и в созданном естестве обнаруживается. И если это истинно, а это и есть истинно, что хотела бы ты большее этой славы? Или иного чего-нибудь захотела бы ты как лучшего, чем это?

Хорошо ли теперь, владычица, поняла ты сказанное? Поверила ли и восприняла ли ты как истинное это, или ложным кажется все, что я говорила, и вздором тебе представляется? Я ведь не знаю. Скажи, владычица, как ты это уразумела?

Душа: Нет, рабыня моя, нет, сладостно и с охотой, радостно и весело, с удовольствием восприняла и восприму все сказанное, радуясь, что недоумение мое разрешилось! Служительница, неверующий учению этому вовсе не христианин, и не православен таковой, и общего ничего с Христом моим не имеет, и царствия его не наследует, но весь он неверен и саддукеев хуже. Я же по благодати Божией верую, что это так и есть, и будет, как ты научила меня. Не сомневаюсь в словах твоих, да не будет со мною этого. Однако еще об одном молю тебя, — приведи мне свидетельство Писания об этом, чтобы мне и его услышать. И если окажется, что и то учит согласно с тобой, тогда все это будет более ясным, непоколебимым, надежным и крепко утвержденным. Но слов Писания ты не изменяй совершенно и не в стихах передавай мне их смысл, но именно такими, каковы они суть, мне их и прочти.

Плоть: Тогда послушай, госпожа моя, теперь и понимай. Некий мудрый, святой и сугубо благородный муж иного некоего премудрого Христовой премудростью человека спрашивал именно то, чем ты интересуешься, трехчастность души в чем состоит, желая узнать. А теперь внимательно выслушай этот его вопрос.

ГРИГОРИЯ НИССКОГО ВОПРОС К МАКРИНЕ

Умным называют существо души и говорят, что к чувственным свойствам телесного организма оно добавляет жизненную силу. Ибо наша душа действует не только в сфере познавательной и теоретической мысли, осу-

дѣлающи; ниже чювьства едина къ еже по естьству дѣйству устраяеть; но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естьствѣ. Коемуждо сихъ обоих роднѣ в насъ сущу, на многа же и различна разньства видимъ происходящее дѣйствы обоихъ движенье. Многа убо есть видѣти, имиже дѣлателное обладаеть, многажды от яростьныя вины прозябають. И никое же сихъ тѣло есть; бестелесное же умно всяко. Умную же нѣкую вещь душю уставъ нарече. Яко убо двѣма безмѣстныма другое от послѣдования възникнути слову: или ярость и желание ины в насъ быти душа и множьство душь вмѣсто едины видѣтися, или ниже смысленое еже в насъ душа мнѣти, умное бо равно всѣмъ приуподобляемо. Или вся сия душа покажеть, или котороеждо сихъ от равнаго собьства души изметь.

ОТВѢТ МАКРИНИ

Многымъ убо инѣмъ ищющимъ словесе по ряду сам поискалъ еси, яко: что убо подобаеть непщевати быти желателное же и яростное — или ссущьствена души и от перва абие устроения с нею суща, или что ино у нея быти и послѣ же намъ прибывъша. Еже бо зрѣтися въ души симъ, от всѣхъ равнѣ исповѣдуеть; а еже что подобаеть от тѣхъ мнѣти, не у опаснѣ обрѣло есть слово яко извѣстно еже о сихъ имѣти мнѣние. Но и еще мнози различными еже о сихъ славами съмнятся. Мы же, оставлеше внѣшнее любомудрьство, различно сущее, свѣдѣтеля божественое и боговдохновеное Писание сътворимъ, еже ничтоже изряднѣе душа быти възаконѣвати, еже в ней божественаго естьства свойствено. Яко подобие Божие душа быти, сице все, еже *чюжее* быти есть Бога, кромѣ быти устава душевнаго отрече. Ни бо в размѣненыхъ спасеться подобное. Тѣмже елма таково ничтоже съ божественнымъ видится естьствомь, ни же души ссущна быти сия по слову убо кто помыслит. Что убо есть, иже глаголемъ? Словесное се животное, человѣкъ, ума же, художьства приятно быти и от внѣшнихъ слова, еже на насъ свѣдѣтельствовася. Не убо сице уставу естьство наше написующю, аще зрѣлъ бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссущьствена естѣству, ни бо о иномъ нѣкотором уставъ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особнаго глаголю. Елма убо желателное же и яростное по равности и в бесловеснѣм же, и словеснѣмь естьствѣ видится. Никтоже благословнѣ от общаго въображаеть особное. А еже и къ естьственому написанию лихо есть и отвержено, како мощно есть яко часть естьства на взбранение устава крѣпость имѣти? Всякъ бо уставъ сущьства къ особному подлежащаго зрить, яко аще внѣ особящагося будеть, яко чюже призираеться уставу. Но убо еже

ществляя таковую деятельность умственной частью своего существа; и органы чувств не сами по себе прилежат свойственной им по природе деятельности; но ведь, как можно заметить, многое в нашей природе движимо влечением, а многое и яростью. Поскольку и то и другое нам родственно, мы видим во многих различных видах движение, совершаемое энергиями обоих родов. Ведь многое можно опознать, чем вожделение управляет, и многое также, что от порыва ярости произрастает. И ничто из этого не является телом; бестелесное же обязательно принадлежит к сфере ума. Умственной некоей вещью определение называет и душу. Следуя логике речи, приходим, таким образом, к одной из двух нелепиц: либо влечение и ярость составляют в нас иные души, и тогда различаем множество душ вместо одной, либо и присущий нам смысл нельзя считать душой, ибо к умственному относится равным образом все. Либо все это — души, либо все эти свойства нельзя считать равным образом присущими душе.

ОТВЕТ МАКРИНЫ

Пришел и твой черед задать этот интересующий многих вопрос: чем надлежит считать влечение и ярость — чем-то присущим душе и с момента первого ее устроения с ней пребывающим или посторонним для нее и позже у нас появившимся. Все равно полагают, что они свойственны душе, но я еще не нашла убедительного ответа, позволяющего составить твердое мнение о том, чем они являются. И до сих пор многие расходятся в своих о них предположениях. Но мы, оставив пеструю внешнюю философию, сделаем свидетелем божественное и боговдохновенное Писание, которое учит, что ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души. Ведь в изменившемся не сохранилось бы подобия. А поскольку ничто такого рода не может считаться свойственным божественной природе, постольку нельзя считать это и соприсущим душе. Что означают наши слова? Человек — это словесное животное и людьми внешними по отношению к нашему Слову определяется как существо, восприимчивое к уму и науке. Если бы определение не так описывало нашу природу, если бы оно рассматривало ярость и влечение и то, что из них произрастает, как соприсущее ей, то не иначе как такое определение отдало бы предпочтение общему вместо частного. Ведь влечение и ярость равным образом свойственны природе и бессловесных, и словесных существ. А никто в здравом разуме не определяет по общему частное. А что не годится и отбрасывается при определении природы, как может, будучи ее частью, служить помехой для определения? Ведь всякое определение указывает на особенность подлежащего определению существа, и если оно упустит особенное, рассматривается как чуждое определению. Но ведь связанная с влечением и яростью деятельность

по ярости и желании дѣйство общее, всего быти бесловеснаго исповѣдуется естьства. Все же общее не то же есть со особнымъ. Нужда убо сихъ ради есть не в сих быти та помышляти, в нихже по изрядному человѣческое въображаеться естьство. Но якоже ощютителное, и напитателное, и растителное в насъ кто видѣвъ, не възвращаеть ради сихъ отъдаанаго от души устава. Не бо понеже се есть въ души нѣсть онъ. Сице и яже от ярости и желани поразумѣвъ естьства нашего движения не ктому благословнѣ со уставомь свариться, яко скудно показавшю естьству. Явѣ убо яко отвнѣуду видимыхъ суть сия, страсти естьственыя сущая, а не сущьствомь обое. Еже есть ярость же, възрѣние окрестъ сердечныя крови мнозѣ быти мнится; индѣ же — желание же въозопечалити преже наченшаго, якоже мы непщуемъ или ярость есть устремление озлобити раздражившаго. Ихже ничтоже еже о душе уставу случается. И аще желание о себѣ уставимъ, похотѣние речемъ потребнаго, или любовь сладостных наслажения, или печаль о еже не въ области сущему в помыслѣ, или нѣкое къ сладкому любление, емуже настоить в'сприятие. Сия убо вся и таковая желание убо и показують, уставу же душевному не прикасаются, но елика ина о души зрятся, яже от спротивныхъ другъ къ другу видимая, рекше страхование и дерзость, болѣзнь и небрежение, и елика таковая, ихже коеждо сроднѣи убо имѣти мнится к желателному или яростному, особящему же ся уставу свое написуеть естьство, яже вся о души суть, душа не суть, но якоже мравия нѣкыя от помысленыя части души прозябающе; яже части убо быти, заеже с нею быти мняться, а не оно быти, иже есть душа по сущьству.

Глаголем бо души видѣтелную же и судителную и сущихъ назирателную силу своя быти по естьству ей, боговидныя благодѣти сих ради в себѣ навершати образъ. Елма и божественое еже что по естьству есть в сих быти помыслъ сматряеть, внегда назирати всячьская и расъсужати доброе от горшаго. Елика же души в пре*дѣ*лѣ лежат, к коемуждо от спротивных приклонно по своему естьству, ихже сущьственая потреба, или на доброе, или не спротивное ведет сбытие; рекше ярость, или страх, или аще чьто таково от еже в души движение есть, ихже кромѣ нѣсть видѣтися естьству. Сия отвнѣ пребывати вмѣняемъ, заеже в началообразнѣй добротѣ ниединому же такову видѣнию быти начертанию, яже не всяко на зло нѣкое человѣчьскому отдѣлена быша животу. Ибо бы Содѣтель злым вину имѣлъ, аще отонудь прегрѣшением быша были нужа вложенъ естьству. Но сущною потребою произволенья или добродѣтели, или злобѣ ссуди таковая души двизания бывають. Якоже желѣзо по свѣту хитреца воображаемо, к коему же аще хощет хитрьствующаго помышление, к сему и въображается — или мечь, или нѣкое земнодѣлное орудие бывает, страху убо послушателное вотваряющю, ярости же мужьственое, боязни же

признается общей для всей бессловесной природы. Все же общее не совпадает с особенным. Поэтому следует думать, что они не принадлежат к тому, что способно служить для определения особенности человеческой природы. Подобным образом, видя у нас способность чувствовать, необходимость питаться, возможность роста, из-за них не отменяют данное душе определение. Ведь дело не меняется оттого, что все это не принадлежит душе. Подобным образом неразумно, и указывая на связанные с влечением и яростью движения нашей природы, отвергать определение как якобы ограниченно ее раскрывающее. Ясно ведь, что те находятся за пределами рассмотрения, будучи свойственными природе страстями, а не ее существом. Что же касается того, что представляет собой ярость, то многим она представляется кипением околосердечной крови, другому — стремлением доставить ответную неприятность напавшему первым, мы же предполагаем, что это — побуждение причинить зло раздражающему. А из этого ничего к определению души не относится. И если мы станем давать определение влечению самому по себе, то назовем его или тягой к недостающему, или стремлением к чувственному наслаждению, или печалью по причине необладания желанным, или своего рода предчувствием сладости, каковую предстоит вкусить. Все это и тому подобное показывает, чем является влечение, определения же души не касается, но представляется чем-то посторонним душе и противоположным друг другу, как-то: страх и отвага, печаль и ⟨*радость*⟩, и тому подобное, — все это родственно влечению и ярости и подмешивает к отличительной особенности души свою природу, и все это около души находится, душою же не является, но как некие муравьи из помыслительной части души вырастает; и кажется — по причине сопребывания — ей принадлежащим, но это не то же, чем душа является по существу.

Ведь мы говорим, что способность души созерцать, различать и воспринимать сущее свойственна ей по природе и что именно в ней она сохранила в себе боговидный и благодатный образ. Когда же делается умозаключение, что что-то из такового является по природе божественным, то имеется в виду способность, все воспринимая, отличать доброе от худшего. А то, что лежит в пограничной области души, обнаруживает по своей собственной природе склонность к каждому из противоположного и ведет — в зависимости от использования — либо к хорошему или к противоположному результату; таковы ярость и страх или какое-нибудь такое из душевных движений, без каких невозможна природа. Таковые мы считаем извне присоединившимися, потому что в первоначальном совершенстве ни одна из этих черт не различима; и они не все на какое-то зло выпали жребием человеческой жизни. Ибо оказался бы Создатель ответственным за зло, если бы с тех пор необходимость греха была вложена в природу. Но таковые движения души оказываются — в соответствии с использованием их по свободному выбору — орудиями либо добродетели, либо зла. Как железо, по мысли мастера формируемое, в зависимости от того, что захочет

утвержение, желателному же устремленью божественую же и нетлѣнную сладость ходатайствующю. Аще ли отвержеть воженья слово и, якоже нѣкый яздець обьятъ бывъ колесницею, вспять от нея влеком есть, тамо ведом, иде бесловесное устремленье въпраженых несется. Яково жь и в бесловесных есть видѣти, понеже не настоятельствуеть помыслъ естьственѣ в тѣх лежащему движению. Но егда убо к лучшему тѣх движенье будет, похваламъ быти та, яко Данилу желание,* и Финеесу ярость,* и доброплачющему слеза, рекше печаль. Аще ли к горшему уклонение будет, тогда въ страсти устремления совращается, и бывають, и именуются.

Зрителное же и разсудителное свойствено, свойство есть благовидному души, елма и божественое в сих достижемъ. Аще убо всякую злобу душа чистотьствует, доброму всяко будеть. Добро же своим естьствомъ божественое. К нему же ради чистоты совокупление имѣти имат своему совокупляющюся. Аще убо се будет, не ктому потреба есть еже по желанию движения, аще на добро нам владычьствует. Ибо во *тмѣ* пребыванье имѣяй, то в желание свѣта будеть, желание приимет наслаженье. Область же наслажениа праздно и суетно желание сдѣлает, яко ниедино же имущии скуднѣ от еже на благое разумѣваемых, та благыхъ сущи исполнение, ниже по причастию добра нѣкоего в добрѣм бывающи, но сама сущи добраго естьство.

Еже что и быти доброе ум наказует, ниже уповательное движение в себѣ приемлет, к несущему убо упование дѣйствуеть точью. «А еже имать кто, что и уповает?» — рече апостолъ.*

Но ниже поминателнаго дѣйства сущих в художьству потребѣ есть, видящее бо ся вспоминатися не требуеть. Понеже убо всякого блага вышши есть божественое естьство, благое же благому любимо всяко, сего ради и, в себѣ видящи, и еже имати хощет, и еже хощет имат, ничто от внѣшних приемлющи в собѣ. Внѣ же ея ничтоже, развѣ злоба едина точью, яже — аще и преславно есть рещи — в небытьи бытье имать. Не бо но ино нѣкое есть злобѣ бытье — точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее — благо естьство есть. Еже убо в сущемъ нѣсть, вне же не быти всяко есть.

Внегда убо и душа, различная вся отвергши естьственая движения, боговидна будет и, превъзшедши желание, въ оном будет, к немуже от желания подвизашеся, не ктому нѣкое упражнение вдавает в собѣ, ниже упованию, ниже памяти, уповаемо бо имать, о наслажение благыхъ упражнением и память отмѣтает от мысли, и тако преизящную подражаваеть жизнь, свойствы бо-

мастер сделать, тем и становится, обращаясь либо в меч, либо в какое-нибудь земледельческое орудие, так и страх способен быть обращен в послушание, ярость — в мужество, робость в уверенность, порыв же вожделения в божественную и нетленную радость. Если же разум отбросит вожжи и, как некий ездок, зацепленный колесницею, окажется ею влекомым, то туда будет направляем, куда устремится бессмысленное движение упряжки. Что и можно видеть у бессловесных, если не руководствует смысл свойственным их природе движением. Но когда их движение направляемо к лучшему, оно оказывается причиной похвал, как Даниилу — возжелание, Финеесу — ярость, а имеющему причину плакать — слезы и печаль. При уклонении же к худшему устремления обращаются в страсти, становятся ими, и называются.

Созерцающая же и различающая способности принадлежат богоподобному в душе, поскольку с их помощью мы и божественного достигаем. И если душа очистится от всякого зла, непременно будет принадлежать добру. Добро же по своей природе божественное. И что по причине чистоты имеет с ним соприкосновение, непременно оказывается и с тем соединенным. А когда это происходит, исчезает необходимость направлять к добру порождаемое влечением движение. Ибо стремиться к свету может тот, кто пребывает во тьме, а когда он оказывается на свету, желание его получает удовлетворение. Изобилие удовлетворения сделает влечение праздным и суетным, так как ни в чем оно не будет иметь недостатка, о чем только можно помыслить как о ведущем к добру, само будучи полнотой благ, не по причастности к какому-либо добру к добру принадлежа, но само являясь природой добра.

Не все то, что кажется уму добром, привлекает к себе устремление надежды, ибо надежда действует только по отношению к не имеющемуся в наличии. «Если же кто имеет, то чего ему и надеяться?» — говорит апостол.

И также в действии памяти для познания мира не будет потребности, ибо то, что видишь, в припоминании не нуждается. Поскольку же выше божественная природа всякого добра, благое же благим всегда любимо, постольку и она, в себя глядя, что имеет, того и хочет, и что хочет, то и имеет, ничего внешнего в себя не приемля. Вне же ее ничего нет, за исключением только зла, каковое, если можно столь парадоксально выразиться, в небытии бытие имеет. Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее — это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его.

И когда душа, отвергнув все многообразные естественные движения, станет боговидной и, превзойдя влечение, в том пребудет, к чему была влечением подвигаема, с тех пор уже не будет предаваться ни упражнениям, ни надежде, ни воспоминаниям, ибо то, на что она надеялась, она будет иметь, и, беззаботно наслаждаясь, она изгонит из помысла память о благах и будет так

жественаго естьства въображьшися, яко ничтоже той остати от инѣхъ всѣх, развѣ любовнаго ея устроения, естьственѣ доброму прозябающаго. Се бо есть любовь еже къ благому вжелѣнному вседушное любление.

Егда убо проста, и единовидьна, и опасно богоподобна душа бывши, обрящеть еже по истиннѣ простое же и невещественое благое оно едино любовное и вжелѣнное, приплѣтается убо ему и срастваряется любовным движением же и дѣйствомь къ еже присно достизаемому же и обрѣтаемому себе въображающи, и то бывши благаго подобием, еже ей приемлемаго естьство есть. Желанию же во оном не сущю, заеже никоего же блага скудости в немь быти, послѣдованно убо есть и души, въ блазѣм бывши, отложити от себе желателное движение же и устроение.

Таковаго же велѣния и божественый апостолъ взнепщева, всѣх сущихъ нынѣ в насъ и от лучьшемъ чюдимых престание нѣкое и утоление провзвѣстивъ, любови единой не обрѣте устава. «Пророчьствия бо, — рече, — упразнятся и разуми престануть, любовь же николиже не отпадает»,* еже равно есть еже присно такоже имьти; не вѣру и упование пребыти любовь глаголю, пакы от сихъ ту выше полагает в лѣпоту. Упование бо даже дотолѣ движется, дондеже не приидеть уповаемым всприятие. И вѣра такоже утвержение уповаемых безъвѣстья бывает. Сице бо и ту устави, глаголя «Вѣра же уповаемых съставъ».* Всегда же приидет уповаемое, инѣмъ всѣм утѣшеном, еже по любви дѣйство пребывает, приемлющее ту не обрѣтающи. Тѣмже и первьствует еже по добродѣтели исправным всѣмъ и законным завѣщанием. Аще убо в сий нѣкогда конець доспѣет душа, неоскуднѣ имат инѣх, яко исполнению емшюся сущих.

В настоящем убо жизни различнѣ же и многовиднѣ намъ дѣйствующи, многа убо суть, ихже требуем и приемлем, рекше лѣта, въздуха и мѣста, пищю и питья же, и покрывала, и солнца, и свѣтилника, и инѣ к потребѣ жития многых. Чаемое же блаженьство сих убо нѣ коего же скудно есть. Вся же нам и вмѣсто всѣх божественое естьство будеть ко всякой потребѣ жизни оноя, себе подобнѣ раздѣляющи. И се явѣ от божественых словесъ духовныхъ, яко и мѣсто бывает Богъ достойнымъ, и домъ, и одежа, и пища, и питие, и свѣтъ, и богатьство, и всяко имя же и разумѣние к благым нашея свершающимся жизни.

Плоть: Се ти заповѣдание исполних, господыне, и приведох, прочее, от Писания свѣдѣтелство, якоже рекла еси, якоже заповѣда и якоже просила еси. Но вѣжь: претрудихся много зѣло, суду и онуду испытуя, изыскуя съ *т*рудомъ и книгы осязуя, и кожица превращая, яко да обрящю, якоже зриши, сие свѣдѣтельство. И ниже глаголы премѣних по прошению твоему, но сущая

подражать возвышенной жизни, проникшись свойствами божественной природы, что совершенно ничего другого у нее не останется, кроме состояния любви, по природе с добром сращенного. Это ведь и есть любовь — связь всей душой с вожделенным благом.

Став же простой, однородной и совершенно богоподобной, душа находит то поистине простое и невещественное благо, единственное возлюбленное и вожделенное, с каковым и срастается и сливается в любовном движении и действии, формируя себя в соответствии с вечно достигаемым и обретаемым и тем же становясь по причине уподобления добру, каковое является природой ею приемлемого. Влечение при этом отсутствует, поскольку в никаком из благ там недостатка нет, да естественно для души, оказавшись среди блага, отложить от себя движение и состояние влечения.

Такое учение и божественный апостол нам проповедал, провозвестив прекращение и конец всего ныне в нас сущего и лучшим почитаемого и одной любви не найдя предела. «Пророчества, — говорит он, — прекратятся, и разумения упразднятся, любовь же никогда не перестанет», — а это равносильно тому, что иметь ее всегда одной и той же, — не говорит при этом он, что вера и надежда пребудут с любовью, но выше тех ее справедливо полагает. Ведь надежда дотоле только действенна, доколе не наступит наслаждение тем, на что надеются. Также и вера бывает опорой при неясности того, на что надеются. Так ведь ее определил он, говоря: «Вера есть основа ожидаемого». Когда же приходит то, что ожидают, и все остальное успокаивается, только любовь продолжает действовать, наследника себе не обретая. Потому она и первенствует среди всего, чего требует добродетель, и среди заповедей закона. Когда достигает такой цели душа, она уже не имеет нужды ни в чем другом, так как охватывает полноту сущего.

В настоящей же жизни у нас много ведь того, в чем мы, различно и многообразно действующие, нуждаемся и что получаем, как-то: время, воздух, пространство, пища, питье, одежда, солнце, лампа и множество другого, необходимого для жизни. В чаемом блаженстве ни в чем из этого нет нужды. Всем для нас и вместо всего, что нужно для удовлетворения всякой потребности, в той будущей жизни явится божественная природа, надлежащим образом себя разделяя. Как это ясно из божественных слов духовных, и местом будет Бог для достойных, и домом, и одеждой, и пищей, и питием, и светом, и богатством, и всем, что только можно помыслить и назвать, что может быть нужно для исполнения нашей жизни благами.

Плоть: Вот я твое повеление исполнила, госпожа, и привела свидетельство из Писания, как ты сказала, как ты приказывала и как ты просила меня. И знай: я очень сильно утомилась, там и тут проверяя, изыскивая с трудом, доставая книги и пергаменные листы переворачивая, дабы отыскать, как видишь, это свидетельство. И ни слова я не изменила, как ты просила,

та, якоже обрѣтохъ я, сице и положих та и написах сде. Рци к симъ, владычице, и како прияла еси се? Еда что нагласно азъ рѣх паче сих?

Душа: Ни, служителнице, ни, не непщюй се отнудь. Суть бо зѣло подобна и свойствена во всѣх. Нынѣ есть извѣстно и нынѣ утвержено велѣние твое, яко показася, и твердо во всемь, и не прерѣкованно се к людем непокорнымъ. Но с трудолюбным, кто-либо есть, елма тако взискание высоко же и велико взиска еже увѣдѣти, тричастное убо глаголю души како есть, и наученъ бысть о сем, непщуя, яко впрашалъ есть и ино что оного премудраго от Писания нѣчто к сему. Рци и то, рабыне моя, рци и не укрый. Много бо мя ползова с предглаголанными. Аще ли не всхощеши, рабыни моя, рещи ми и се, суд весь будеть на главѣ твоей.

Плоть: Много убо впраша его о души, господыне, полезная, подобная и зело потребная, но да оставятся та. Едино же ти точью реку — еже впраша его послѣ же всѣхъ, другыне, еже о въскресении велѣнии увидѣти въсхотѣвъ. И слыши, госпоже моя, того впрошение здѣ. Не размѣню же глаголъ ни мал, ни великъ. Имать глаголание сихъ в началѣ сице: «Увидѣти аще всхотѣл еси, якови и колици въсхощем вси человѣци въсъкреснути тогда, во вторый приход и Христово пришествие, яже здѣ внимателнѣ прочти и разумѣеши».

О ВСКРЕСЕНИИ ВПРОС ОТ МАКРИНИНЫХ

Иже убо быти нѣкогда воскресению и еже привестися к немздоприемному суду человѣку, еже от Писания показанми и от уже предистязанныхъ мнози от слышащих сложатся. Прочее убо буди смотрити, аще нынѣшнее суще и уповаемо будеть.

Еже аще тако будеть, ненавистно бых реклъ человѣком упование вскресения быти. Аще бо, якова бывают престающа от жития человѣческая телеса, такова к животу паки устроятся, убо кая некончаемая бѣда вскресения ради уповается! Что умиленѣйши будет видѣние, еда в послѣдней старости обетшавшаа телеса претваряють на грозное же и безъобразно есть, плоти их изнурени бывше временѣх, враскавѣм же костем опавши*ся* кожи, жилам же всѣм изърваным, заеже не ктому естественою влагою разботѣвати, и сего ради всему сгноену телеси, без силы же! И умиленъ позоръ бывает: главѣ убо к колѣнома преклоненѣ, руцѣ же отсюду и отонуду, къ естественому убо дѣйству бездѣлнѣ сущи и трепетом же поневолному трясущих! Якова же пакы иже лѣтьними недугы искаявшим телеса, яже толико разлучается от обнаженых костей, елико прикрыватися мнят тонкою измождалою кожею. Якоже иже в водотрудовитыхъ болѣзнех отекших! А иже священнымъ недугомъ одержимых,

но какими их нашла, точно такими и включила их, вписав сюда. Ответь, владычица, как ты это восприняла? Разве что-нибудь несогласное с этим я говорила?

Душа: Нет, служительница, нет, вовсе так не думай. Все это очень схоже и близко во всем. Теперь удостоверено и подтверждено твое учение, как выясняется, незыблемо во всем и неопровержимо для людей непокорных. Но тот трудолюбивый, буде такой найдется, кто захочет вникнуть в такой высокий и великий вопрос, как трехчастность души, — понять, в чем она состоит, услышав это, тут же, я полагаю, попросит привести к этому и еще что-нибудь другое столь же премудрое из Писания. Прочти еще, рабыня моя, прочти, не укрой. Большую ведь пользу ты мне принесла уже сказанным. Если не захочешь, рабыня моя, почитать мне еще, суд весь будет на твоей голове.

Плоть: Много тот человек спрашивал другого о душе, госпожа, полезного, подобающего и очень нужного, но уже хватит об этом. Одно только тебе скажу — о чем он спросил его в последнюю очередь, подруга, захотев узнать учение о воскресении. Ну, послушай, госпожа моя, теперь его вопрос. Не изменю ни малого слова, ни большого. В начале этого Слова написано так: «Коль скоро ты захотел узнать, каковыми и коликими воскреснут тогда все люди, во второй приход Христов, или пришествие, внимательно прочти написанное здесь, и уразумеешь».

О ВОСКРЕСЕНИИ ВОПРОС У МАКРИНЫ

Благодаря показаниям Писания и тому, что было рассмотрено выше, многие из слушающих согласятся, что некогда будет воскресение и что человек будет привлечен к неподкупному суду. Остается рассмотреть, окажется ли сущее сейчас тем, что ожидается.

Если бы это было так, то ненавистной, я бы сказал, была бы для людей надежда на воскресение. Ведь если такими же, какими бывают, уходя из жизни, составятся человеческие тела для новой жизни, какая тогда нескончаемая беда нас ожидает по воскресении! Ибо что может быть более жалким, чем вид в крайней старости обветшавших тел, превратившихся в нечто отвратительное и безобразное, когда плоть их погубило время, дряхлость костей обнажилась опавшей кожей, все жилы *стянулись*, не будучи насыщаемы естественной влагой, и потому все тело *согнулось* и не имеет силы! Какое жалкое зрелище предстанет: голова склонилась к коленям, руки висят по сторонам, неспособные к естественному для них делу, постоянно невольно трясущиеся! А тела изъеденных хроническими болезнями, отличающиеся от обнаженных костей лишь постольку, поскольку они прикрыты тонкой изможденной кожей! А в водяночных болезнях отекшие! А вид священным недугом страдающих — я о безоб-

нелѣпую проказу глаголя, кое убо на лице приведе слово, яко помалу тѣх вся уды ссуда телеснаго и чювства проходяще сгнитье поядаеть! А иже в трусѣх и в бранех или от иныя нѣкыя вины руцѣ и нозѣ отсѣчены имущих и преже смерти время нѣкое в бѣдѣ сих положивших! Или иже от роженья съ вредом нѣкым погибших в развращеных удовыхъ! И что убо рчет си кто о преже мало роженых младенцех и о изметаемыхъ или удавляемых и о еже самом о собѣ погибших, — что есть смышляти, аще таковаа пакы к животу възведутся? Убо остану та и въ младенчествѣ? И что окааннѣйшее! Но ли в мѣру придут взраста? И которымъ млеком пакы та вздоятся?

Тѣм аще всѣм то же нам тѣло оживет пакы, бѣда есть чаемое. Аще ли не то же, ин нѣкы въстаяй будет паче лежащаго: аще паде убо отроча, въстает же свершен, или спротивно есть. Како есть рещи тому исправитися лежащему възрастнѣй тли, падшему измѣнену сущю? И вмѣсто старца уношю кто зря, иного вмѣсто ина възнепщюеть: вмѣсто прокаженаго — цѣла и вмѣсто истаявшася — иже в плоти и иная вся та, якоже яко да н*е*, по единому кто глаголя, молбу приводить слову.

Аще не таково оживеть тѣло пакы, яково же бѣ, егда земли примѣсися, н*е* умершее въстаеть, но иного человѣка, земля пакы познана будеть. Что убо есть мнѣ в'скресение, аще вмѣсто мене ин живет? Како бо познаюся сам себѣ, не видя себе в себѣ? Ни бо буду поистиннѣ «азъ», аще не всѣ ми будет та же в себѣ, якоже бо в настоящом житьи. Аще ни чье имамъ в памяти начертание, да есть же по таковому словеси, травливъ таковый, уст нѣстъ, тупоносъ, бѣлузливъ, благооченъ, сѣдина въ власы и врасковою кожею, таже ищющи таковаго, налучаю нарастом долгоноса, черноплотна, и прочая вся еже по образу начертанья инаго имуща, убо сего видѣвъ, оного ли вмѣню быти?

Паче же аще потребно есть менших от съпротивлении пребыти, крѣпчайших оставль. Кто не вѣсть, яко теченью нѣкоему уподобилося есть человѣческое естьство, от рожьства въ смерть нѣкым движеньемь преходяще, тогда от движенья престающе, егда и от еже быти престанет. Движение се не мѣстно нѣкое есть преставление, не бо исходить от себе естьство, но измѣнениемь имать происхожение. Измѣнение же, дондеже есть се еже глаголеться, никогдаже в том же пребывает. Како бо в тожьствѣ пребудет, измѣнующеся? Но якоже сущи в кандилѣ огнь, еже убо мнѣтися присно то, свѣтити имат частым бо движением, не отторжено, но и совъкуплено к себѣ показует, истинною же всегда то приемля себе, никогда то же пребываеть. Извлечена бо теплотою влага вкупѣ же и сполѣ... и въ плытость собою измѣни подлежащее. Якоже убо, дващи по тому же пламеню прикасающемусе, нѣсть того же дващи вжеши. Острое бо измѣненье не ждеть еже второе пакы прикасающагося, аще скорѣйше се творить,

разной проказе говорю — какое может передать слово, когда все члены и чувства их сосуда телесного, понемногу поражая, гниение поедает! А те, кто при землетрясениях, в битвах или по какой-то другой причине руки и ноги потеряли и до смерти некоторое время в этом бедствии прожили! Или в родах от травм с поврежденными членами погибшие! А о прежде срока рожденных младенцах, о выкидышах, об удавленных и самих по себе погибших — что и думать, если они такими вновь к жизни восстанут? Пребудут ли они в младенчестве? Что может быть более жестоким! Или же они станут взрослыми? А каким молоком тогда они будут вскормлены?

Так что, если во всем то же наше тело оживет, беда нас ожидает. А если не то же, значит, некто другой восстанет вместо умершего: лег отрок, встанет взрослый или наоборот. Можно ли сказать, что у того лежащего, разрушившегося и изменившегося, восстановится то, что истлело с возрастом? Да и вместо старца юношу видя, сочтут его иным, а не им: вместо прокаженного — здоровый, вместо высохшего — плотный, и все остальное подобным образом, чтобы не перечислять все, удлинняя речь, по порядку.

А если не таким будет вновь жить тело, каким оно с землей смешалось, не умершее встанет, но другого человека, только землю тогда опознают. Для чего мне воскресение, если вместо меня другой станет жить? Да и как я узнаю сам себя, не видя в себе себя? Ведь я не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни. Если, скажем, в памяти у меня образ человека косноязычного, губастого, тупоносого, белокожего, голубоглазого, с сединой в волосах и морщинистой кожей, а затем, отыскивая такового, я встречаю молодого, долгоносого, темнокожего и все остальные черты образа иные имеющего, неужели же, этого увидев, я сочту его тем?

Если так рассуждать, то даже малейшим из особенностей необходимо сохраниться, не говоря уж о более крупных. Но кто не знает, что своего рода потоку подобно человеческое естество, от рождения к смерти своего рода течением приходящее и тогда лишь течь перестающее, когда и быть перестает. Течение же это представляет собой не пространственное перемещение, ибо из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение же, пока оно является тем, чем называется, никогда на том же самом не останавливается. Ибо как в тождестве пребудет изменяющееся? Так, например, огонь в лампаде, представляющийся всегда одним и тем же, потому что благодаря непрерывности движения он кажется неотторжимым от себя и единым с самим собой, на деле, всегда сам будучи себе преемником, никогда тем же самым не пребывает. Ибо извлеченная жаром влага, оказавшись тут же воспламененной и сожженной, ⟨*в дым обращается. И всегда движение пламени происходит в силу изменения*⟩, в дым через себя обращая основу. Так что дважды к тому же пламени прикасающегося не может то же самое дважды обжечь. Ибо стремительность

но при*сно* движется, и новъ есть пламень, всегда ражаяся и присно себе примеля, и никогдаже в том же пребывая.

Таково нѣкое и от тѣла нашего естьствѣ есть. Пребывающее бо естьства нашего, ради измѣннаго присноходяще же и движимо, тогда стоить, егда от живота престанет. А дондеже въ животѣ есть, стояния не имать и любо исполняется, или издыхает или обоими всяко производится.

Аще убо, кто ни рождься, кто животно тъже есть, но другый премѣнением бывает, егда възведет паки тѣло наше к животу въскресение, скоръ нѣкый человѣкъ всяко единъ будет, яко да ничтоже скудно есть въстающему, — отроча ражаемо, младенець, отрочишь, уноша, мужь, старець и яже посредѣ вся.

Цѣломудрию же и блужению плотью дѣйствуему, и терпящим же о благочестьи болѣзная мукам, и ослабающимся пакы к сим ради телеснаго чювьства, обоим симъ показуемом, како есть на судѣ спастися праведному или тому же прегрѣшившю, паки же ради раскаяния очищьщюся, и, аще сице случится, пакы на прегрѣшенье поползишися, премѣнившю же ся послѣдованию естьства и оскверненому телеси и не сы, и инѣм от сихъ до конца пребывшю. Котораго блуднаго тѣло мучимо будет: обетшавшее в старости къ смерти? Но другое бѣ се от сдѣлавшего грѣх. Но ли еже осквернися страстию? И где старое? Или бо не вскреснеть, сы недѣйственое въскресение, или се встанет, и убѣгнеть мукы подлежай.

Реку ти что и ино — от произносимых намъ от неприемлющих Слово. Ничтоже глаголють бездѣлно от сущих в телеси удовъ естьство створило есть. Ова бо животнаго вину и силу в насъ имат, ихже кромѣ стояти иже в плоти животу невзможно есть; рекше сердце, ятро,.мозгъ главный, душникъ, утроба и прочая вся утробная. Ова убо чювстьвеному движенью отдѣлена быша, ова же дѣйства суть, ина же к приятию пребывающих художнѣ имат. Аще убо в тѣх же еже потом житье намъ будет, ничтому же преставление бывает. Аще ли истинно есть, — якоже убо истинно есть — еже ни браку жителствовати в житии же по въскресении повелѣвающее, ниже снѣдью питаем тогдашнему сдержатися животу, кая будет потреба удом телесным? Не к тому тѣмь, ихже ради нынѣ суть уди, в животѣ оном уповаемом. Аще бо яже брака ра*ди* къ браку суть, егда то не будет, ничтоже от сущих к нему требуем. Сице и к дѣлу руцѣ, и к течению нозѣ, и к приятию брашному уста, и къ пищнѣй пищи зубы, и к отсланию утроба, и къ отложению непотребствуемых исходнии проходи. Егда убо она не будеть, яже тѣх ради бываемае, како или коего ради будет? Якоже нужи быти? Аще убо не суть о тѣлѣ, яже ничсому же есть к жизни оной сдѣловати хотящая, не быти ни

изменения не ждет второго прикосновения, как бы скоро оно ни делалось, но всегда движется и всегда ново пламя, постоянно рождающееся и всегда себе наследующее и никогда на одном и том же не останавливающееся.

Нечто подобное свойственно и природе нашего тела. Ведь течение нашей природы, всегда вследствие ее изменяемости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое делает разом.

Если, стало быть, кто бы не родился, живя, одним бывает, а когда воскресение возведет наше тело к новой жизни, он обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет недоставать, был ли он утробным плодом, младенцем, отроком, юношей, мужем, старцем или кем-то промежуточным.

Целомудрие и распущенность действуют через плоть, и люди то претерпевают ради благочестия болезненные муки, то вновь расслабляются, уступая телесному чувству, так вот, когда то и другое будет открыто, как возможно на суде сохранить справедливость, если человек сначала согрешил, затем покаянием очистился, а при случае снова на грехе поскользнулся, и сменили естественным порядком друг друга и оскверненное тело, и неоскверненное, и ни одно из них до конца не пребыло тем же. Которое блудника тело мучимо будет — сморщившееся в старости перед смертью? Но другое оно по сравненью с соделавшим грех. Или же то, что осквернилось страстью? А где старческое? Либо оно не воскреснет, и тогда не действует воскресение, либо оно восстанет, и тогда избегнет муки заслужившее ее.

Скажу тебе и нечто иное — из того, что возражают нам неприемлющие Слово. Природа, говорят они, ничего не сотворила ненужным из имеющихся в теле членов. Они содержат в нас основу и силу процесса жизни, и без которых жизнь плоти поддерживаться не может; таковы сердце, печень, головной мозг, легкие, желудок и все прочие внутренности. Одни из них призваны обслуживать чувственное движение, другие — практическую деятельность, третьи — подобающее восприятие необходимого. Если в том же и следующая наша жизнь состоять будет, то ни к чему перемена. А если истинно то, — а это истинно, — что и брак по воскресении не будет существовать, будучи изгнан за пределы жизни, и не пищей и питием станет тогда поддерживаться жизнь, какая же тогда будет нужда в телесных членах? Ни к чему в той ожидаемой жизни органы, благодаря которым сейчас человек существует. Если то, что нужно для брака, существует ради брака, то когда его не будет, ничего из нужного для него нам не потребуется. Так же и руки — для работы, ноги — для ходьбы, рот — для приема пищи, зубы — для ее пережевывания, утроба — для пищеварения, выводящие проходы — для извержения ставшего бесполезным. Когда того не будет, тогда существующее ради того, — для чего? На что оно нужно? Как

еже нынѣ исполняющим наше тѣло. Въ обоих бо жизнь есть. И не ктому убо что таковое въскресение именует: коемуждо бо от удовъ заеже во ономъ жизни непотребьства не съвъстающимъ телеси.

Аще ли всѣми сими будет дѣйствено въскрсение, *суетнѣ намь и непотрѣбнѣ кь жизни оной сдѣтельствуеть Дѣйствуей вьскресение*. Но убо и быт*и ли* потребно есть вѣровати вскресению и не суетно быти? Тѣмже да внимаем Слову, яко да нам всячскым*и* в велѣнии подобное свершитися.

СИЯ УБО ВПРАШАЙ, СЛЫШИ ЖЕ И ОТВѢТ

Не недоблествено, по глаголе*мѣй* риторикии, еже о въскресении догматом начинание, препирателнѣ новотворьными словесы окрестъ обтекы истинну. Яко иже не велми расмотрившим истинно таиньство пострадати что по-лѣпотѣ противу слову и мьнѣти не внѣ подобающаго отводитися реченых недоумѣнием. Имат же и сице рече истинна, аще и немощно имамы от подьбных противу вѣщати слову. Но убо истинное слово о сих въ таиных премудрости скровище хранимо есть, тогда въ явление прияти хотя, внегда дѣлом въскресения таиньству научимся, егда не ктому требѣ будет намъ глаголъ къ уповаемых явлению. Но якоже в нощи пребъдѣвающим мнозѣмъ движимом словесѣмъ о солнечном сияньи, каково есть, празно творит словеса прописание явлешися точью лучьная благодать, сице всяко промысль смотрьнѣ, будущаго въскресания, прикасающися ни во чтоже показуеть, егда будет намъ въ искусѣ чаемое. Елма же потребно есть н*е* всячьскы неистязана оставити принесеная нам спротивления, сице от сих слово всприимемъ.

Помыслити же подобает первѣе, который разум есть еже о вскресении велѣния и что ради от святаго Писания речено бысть и вѣруется. Тѣмже убо якоже кто уставом нѣкым такое обоемъ пропишет, сице речем, яко: въскресение есть еже древле естьства наше то устроение. В первѣй бо жизни, и еже самъ бысть сдѣтель Богъ, ни старость бѣ, якоже подобаше, ни младенчьство, ни яже по многонравных болѣзнех страсти, ниже ино что от телесных страданий ничтоже. Ни бо лѣпо бяше таковая створити Богу. Но божествена нѣкая вещь бяше человѣчьское естьство преже дажь не во устремлении быти злаго человѣчьскому. Сия бо вся входом злобным нам совнидоша. Тѣмже ниедину нужю имѣти хощет еже кромѣ злобы житие, во иже тоя ради случившимся быти. Якоже послѣдует иже в зиму путьствующему померзати тѣло, или еже погоряще и лучи ходящему почернѣвает видѣнием, аще ли кромѣ обоих сихъ будет, избавляется всяко и почернѣния,

сейчас у тела нет ничего из того, что будет содействовать той жизни, так и там не будет того, что ныне наполняет наше тело. А и тут, и там — жизнь. Значит, не стоит таковое называть воскресением, ибо по причине бесполезности для той жизни каждого из органов не воскреснут с нами тела.

Если же и для всех них окажется действенным воскресение, то напрасным, неподходящим для той жизни сделает нам Действующий воскресение. Но тогда надо ли и веровать, что воскресение будет и что оно не напрасно? Так что давай послушаем Слово, чтобы нам во всем подобающим образом в учении усовершенствоваться.

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВЕТ

Мужественно, руководствуясь так называемой риторикой, напал ты на учение о воскресении, ловко опровергающими словами кругом обойдя истину. Боюсь, как бы те, кто не слишком внимательно рассмотрели таинство истины, не пострадали как-нибудь по заслугам из-за этой речи и не были сбиты с толку высказанным недоумением. Истина же говорит, что это не так, пусть даже мы не сможем подобающим образом ответить на эту речь. Но ведь истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и лишь тогда явным сделается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут больше слова для разъяснения нашей надежды. И подобно тому как бодрствующим среди ночи после многих слов о солнечном сиянии, каково оно, ясным делает предмет речи только красота показавшегося луча, так и всякое гадательное суждение, будущего воскресения касающееся, ни во что обратится, когда явится нам на опыте ожидаемое. Поскольку же не следует совершенно неисследованными оставить выставленные нам возражения, мы об этом скажем так.

Помыслить подобает, во-первых, какой смысл в догмате о воскресении и чего ради в святом Писании говорится о нем и в него веруют. Для этого, как будто кто-то его определением неким охватив, описал его, скажем так: воскресение есть восстановление нашей природы в древнем виде. Ведь в прежней жизни, каковою ее создал Бог, ни старости не было, как и подобает, ни младенчества, ни бедствий, вызываемых многообразными болезнями, ни каких-либо других телесных страданий. Нелепо ведь было бы таковое сотворить Богу. Но чем-то божественным была человеческая природа, прежде чем явилось у человека устремление ко злу. Ведь все это вместе со злом к нам пришло. Так что в лишенной зла жизни никакой нужды не будет терпеть тот, кому доведется в ней быть. Как, бывает, зимой путешественник мерзнет, а если под знойными лучами ходит, то у него темнеет кожа, а когда вне и того и другого оказывается, и согревается, и от загара избавляется, и уже никому не сыскать того, что по

и померзновения, — и ничьтоже благословнѣ взищет, еже о нѣкыя вины прилучающееся, винѣ не сущи, — тако и естьство наше *страст*но бывше, нужнѣми послѣдованми страдателной жизни принесено бысть, к бестрастному же блаженьству паки встекше, не ктому злобными бесѣдованми спприведется. Елма убо *елика* от бесловесныя жизни человѣчьскому примѣсишася естьству, не первѣе быша в нас — преже дажь в страсть злобы ради впаднути человѣчьскому, нужа убо есть оставлешим страсти *и вся, елика с нею видима суть, оставим.* Тѣмже никтоже благословнѣ в житьи ономъ яже о страсти оноя прилучьшаяся взыщет. Якоже бо аще кто, на себѣ сквернаву имѣя ризу, обнажится таковаго одѣния: не ктому отверженаго нелѣпоту на себѣ видить, тако нам, совкуплышим мертвую ону и гнусную одежю, от бесловесных кожей намъ наложную. Кожю же слыша, образъ безсловеснаго естьства разумѣвати ми мня, яже къ страсти присвоивъшеся, одѣяни быхом. И вся, елика безсловесныя кожа о нас суть, во отложении одежнѣмъ съотлагаемъ. От бесловесныя же кожа смѣшение, зачатие, рожество, скверна, доение, пища, гною извергь, еже по-малу къ свершенью ращенье, уностьство, старость, недугъ, смерть. Аще она убо на насъ не будут, како намъ яже от онѣх останут? Тѣмже суетно есть иного нѣкоего устроения в будущюю жизнь уповаемаго, заеже никако той с причащающимся к велѣнию воскресения. Что бо общее имат изможданье и многоплотие, истаянье и добелство, и аще что ино тлѣнному естьству телесному прилучается — противу жизни оной, яже текущаго же и мимоходящаго житийскаго пребывания очюждена есть?

Едино ищет точью въскресения слово — еже родитися рожением человѣку, паче же, якоже рече Еуаггелие, яко: «Родися человѣкъ в миръ».* Долгожителное же или скоросмертное, или смертный образъ аще сицевъ или инаковъ случится, суетно есть въскресения славу истязовати. Како бо се дамы поставу имѣти, в подобнѣ всяко есть: ниже неудобьству, ни нерažденью от таковаго различья о воскресении сущю. Еже убо жити начинающее, пожити потребно есть всяко; еже посредѣ ради смерть случшемуся ему раздрѣшению, на вскресение исправлешюся, а еже како или когда разрѣшение бывает, что се къ вскресению? К другому бо разуму блюдет.

Иже о семь свѣтѣ, рекше по сласти, иже в житьи, или печалуя по добрѣ ли, или по злобѣ, похвалнѣ или повинни, окаанѣ, или блаженнѣ преиде житие, — сия бо вся таковая от мѣры животныя и от вида, иже в житии обрѣтаются. И яко противу суду положившим, нужа убо будет судии страсть и проказу, и недуга, и старость, и възраст, и юность, и богатьство, и нищету испытовати: како кто, в коемждо сих бывъ, — добрѣ или злѣ отдѣленое ему житие мимотечет, и аще многых бысть приятенъ добрых или злых, и в долзѣм времени, или ниже началу кождо сих отинудь прикоснуся, в несвершенѣ съмыслѣ еже жити престав. Егда же к первому устроению человѣка воскре-

какой-то из этих причин получается, поскольку нет причины, — так и природа наша, став подверженной страстям, неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной больше не будет. Раз того, что примесилось к человеческому естеству от бессловесной жизни, первоначально — прежде, чем в страсть по причине зла впал человек, — у нас не было, по необходимости, когда мы оставим страсть, с нею вместе мы оставим и все, что с нею связано. Так что неразумно искать в жизни оной то, что мы приобрели из-за страсти. Как если кто-нибудь, одетый в грязную одежду, снимет таковое одеяние, то в безобразии изгнанника больше себя не увидит, также и мы, — совлекши мертвое и гнусное это облачение, из кож бессловесных существ на нас наложенное. О коже слыша, мне кажется правильным разуметь природу бессловесных, в которую, предавшись страсти, мы были облечены. А все, что у нас связано с кожей бессловесных, при совлечении одежды мы вместе с ней отложим. От кожи бессловесных также — соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, пища, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, ⟨зрелость⟩, старость, болезнь, смерть. Если того, что на нас наложено, не будет, как же то, что из этого следует, будет нам оставлено? Потому тщетно ожидание иного некоего устроения в будущей жизни, так как ничего нет общего у того, что к нему относится, с учением о воскресении. Ибо что общего имеет изможденность и многоплотие, худоба и тучность, и все иное, что бывает свойственно изменчивой телесной природе, с жизнью оной, чуждой текущего и преходящего житейского пребывания?

К одному только стремится учение о воскресении — породив, вырастить человека или, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир». А долгожителем или недолговечным он будет, и смерть к нему в том или ином виде придет, — напрасно вместе с учением о воскресении распытывать. Что бы мы ни предположили, все едино: ни трудности, ни легкости из-за различий в этом при воскресении не будет. Ибо жить начавшее обязательно должно пожить, а поскольку среди жизни по причине смерти приходит ему конец, при воскресении оно восстанавливается; а то, как и когда конец наступит, — что в этом для воскресения? Ведь иное имеет в виду это исследование.

Наслаждаясь ли в этой жизни сладостью житейской или страдая за добро или из-за злодеяния, достойно ли похвал или обвинений, преступно или блаженно провел время жизни — все это и таковое в зависимости от меры жизни и от вида того, что с ней связано, рассматривается. И когда на суд привлекут, нужно будет судье учитывать и страдание, и проказу, и недуги, и старость, и возраст, и юность, и богатство, и нищету: как кто, в чем-то из этого побывав, — достойно или дурно прошел отведенную ему жизнь, и много ли благ или несчастий получал, и в течение долгого ли времени, или даже и к началу всего этого вовсе не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расстав-

сениемь Богъ възведет естьство, празных убо будет еже таковая глаголати и еже ради таковых спротивления мнѣти силѣ Божии и къ разуму забавлятися. Разум же ему въ скончавшагося уже в которыхждо человѣкох всего естьства нашего исполнения: овѣмъ убо абье в житьи семь от злобы очищеном, овѣмъ же по сих огню вѣчному осуженом, овѣм же равно и добраго и злаго искусъ в нынышнем житьи не познавшемъ... в себѣ добрых, яже рече Писание, «ниже оку видѣти, ни слуху яти, ниже помыслу достиже быти».* Благое бо, еже выше ока, и слуха, и помысла, то убо будеть се, еже всего превыше сущее. А еже по добродѣтели или злобѣ житью различье в нынѣшнее время по сему покажется добрѣе, внегда скорѣе или коснѣйше прияти уповаемаго блаженьства. По мѣрѣ бо бывшаа комуждо злобы изравнится всяко и врачения протяжение. Врачевание же убо будет души — еже от злобы очищение. Сие кромѣ болѣзнина устроение исправитися невъзможно есть, якоже в предваршем истязано бысть.

Вяще же убо разумѣет спротивление лихо и неистовствоное, въ глубину приникъ апостольскыя премудрости, коринфѣном бо о семь обьявляя таинство, — таяже равно вѣщающимъ и онѣмъ к нему, яже и нынѣ от еже на велѣние въстающих къ възбранению вѣрованнымъ приносятся, — своимъ саномъ благоучения тѣх въздражая дерзость, сице глаголеть: «Induces же ми убо, како встают мертви? Коим же тѣломъ приходят? Безумне, — рече, — ты еже сѣеши не оживет, аще не умреть. И еже сѣеши — не тѣло сущее сѣеши, но и голо зерно, аще ли случится, пшеницы или етеру прочих. Богъ же даеть ему тѣло, якоже всхотѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло».* Сдѣ убо възущати мнѣ мнится неразумѣющих своего естества мѣры и противу своей крѣпости божественую въизъстязающих силу и мнящих толико быти възможно Богу, елико вмѣщает человѣчьское постиженье. А еже выше нас сущее и Божию проходити силу. В'просивый бо апостола, како въстают мертви, яко невозможно суще расыпаное телесьныхъ съставъ въедино стекутся паки прийти, отрицает. И пакы сему немогущю, иному же тѣлу на сочтание съставом неостанущю, сие рече по лютых от спирающихся сочьтавъ нѣкымъ послѣдованиемь, яже глагола: аще тѣло есть сочтание съставом, сим же нев'зможно есть второе собратися, которое приимут тѣло, встающе? И сие убо мнящися тѣм нѣкоею хитростною премудростью сплетено безумие именова не сматряющим в прочей твари преимущее божественыя силы, оставив высочайшая Божиих чюдес, имиже в недоумѣнье бѣ привести слышащаго, яково, что есть небесно тѣло и откуду, что же ли солнечное сияние и лунное, или же въ звѣздахъ являемо, ефирь, вздухъ, вода, земля. Но от обычных намъ и обещьнѣйшихся *обличает съпротивляющихся* не смотриливое. Ни земледѣлание ли тя научаеть, рече, якоже суетенъ еси иже противу своей мѣрѣ божественыя силы сматряя преимущее. Откуду сѣменемъ прерастаю-

шись. Пустое дело — говорить и думать, что такие помехи смогут воспрепятствовать силе Божией в достижении цели, когда Бог станет к первоначальному устроению возводить, воскрешая естество человека. Ведь его цель состоит в достижении каждым человеком полноты всего нашего бытия: и теми, кто уже тут, в течение этой жизни, от зла очистился, и теми, кто после нее подлежат вечному огню, и теми, кто равным образом добра и зла искуса в нынешней жизни не познали, — ⟨*всем предлагается причастие*⟩ свойственных ему благ, каковых, как говорит Писание, «ни око не видит, ни слух не воспринимает, ни помыслами достигнуть невозможно». Ведь то добро, что выше ока, и слуха, и помысла, оно будет все превосходящим. И различие в добрых или злых делах нынешней жизни будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Врачеванием же души будет от зла очищение. А это безболезненно не совершается, как прежде было показано.

Лучше же уразумеет излишество и неразумие возражений всякий, кто заглянет в глубину апостольской премудрости. Разъясняя коринфянам связанное с этим таинство, — причем те отвечали ему, как и ныне старающиеся опровергнуть этот догмат возражают уверовавшим, — смиряя достоинством своей просвещенности дерзость их невежества, он так говорит: «Скажи мне, как восстанут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный, — говорит, — то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело, какое хочет, и каждому семени свое тело». Мне представляется, что здесь он обуздывает тех, кто не осознает пределов собственной природы и, со своей силой сопоставляя Божественную мощь, полагает, что для Бога возможно только то, что вмещает человеческое постижение. Но это выше нас — превзойти Божью силу. Ведь тот, кто спросил апостола, как восстают мертвые, отрицал как невозможное новое соединение рассыпанных телесных составов. А раз это невозможно, иного же тела для сочетания составов не остается, то и говорит, делая из важнейших возражений своего рода вывод: если тело есть сочетание составов, а во второй раз им собраться невозможно, какое же тело воспримут воскресающие? Именно это, казалось бы, с некоторым философским искусством теми сплетенное, он наименовал безумием их, не предусматривающих превосходства Божественной силы в будущей твари, не говоря уж о невнимании к высочайшим из Божьих чудес, какими можно было бы в недоумение привести слышащего, как, например, то, что представляет собой небесное тело и откуда оно, что такое солнечный свет, или лунный, или у звезд наблюдаемый, эфир, воздух, вода, земля. Но с помощью обычного у нас и для всех хорошо знакомого он обличает слепоту сопротивляющихся. Не научает ли тебя земледелие, говорит он, что безумен ты, по своей мере о превосходстве Божественной силы судящий? Откуда

щая телеса? Что же обладает отраслию? Не смерть ли? Аще смерть есть съставлешагося разрѣшения, сѣмя бо не приидет в прозябенье, не раздрѣшився в браздѣ и быв рѣдко и многоразботѣвше, яко примѣситися предлежащей влазѣ мастию, и тако в корень и отрасль, и не в сих пребыти, но преложитися в стебль и сущими посреде колѣнци яко нѣкыми соузы, препоясанъ въ еже мощи носити правѣм образомъ класъ, плодом отягчаем. Кдѣ убо сия на пшеници бѣша преже еже в браздѣ ея раздрушения? Но убо отинуд се есть. Аще бы не бы первѣе оно было, не бы клас былъ. Якоже убо еже о класѣ тѣло от сѣмене прозябает, Божественѣй силѣ от самого оного се любохитрьствующи и ниже всѣми то же есть сѣмени, ниже всячскы другое, сице, рече, таиньство воскресения уже тебѣ от еже в сѣменех чюдотворимых предсказуется, — яко силѣ божествнѣ в преимущи области, не точию оно раздрушившееся пакы отдающи, но тебѣ и другая велика же и добра прилагающи, имиже ти к великолѣпному естьству устраяеться. «Сѣет бо ся, — рече, — во тлю, и встает в нетлѣние; сѣется в бещестии, и встает в славѣ; сѣется в немощи, и встает в силѣ; сѣется тѣло душевно, встает тѣло духовно».*

Якоже бо оставлеши в браздѣ пшеница еже в количьствѣ малости и еже в *кач*ьствѣ образа своего *свойство* себе не остави, но, в себѣ пребывая, клас пребывает, премного разньствуя сам себе величьствомь и добротою, и быстротою, и образом, и по тому же образу и человѣчьское естьство оставлеше в смерти вся яже о немь свойства, елика ради страстьнаго устроения притяжа, — бещестие глаголя, тля, немощь, еже *по* взрастох различье, себѣ не оставляеть, но якоже в класѣ нѣкыи, к нетлѣнию преставляет, в честь, и в славу, и еже во всем свершение, и еже не ктому жизнь самая съсматряти естествеными свойствы, но духовно нѣкое и бестрастное проити устроение. Сие бо есть душевнаго тѣла свойство, еже присно нѣкым течением и движениемь от еже в немже есть изъмѣнитися и прелагати в другое, яже бо нынѣ не въ человѣцѣ точью зримъ добрая, но и в садовох и пасътвах. Ничтоже в тогдашнем житьи останет.

Мнить же ми ся и всѣми съглаголовати апостольское слово нашему непщевании о вскресении, и се показует еже и наше уставление обдержит, глаголя ничтоже ино быти вскресение...

Понеже убо в первѣм бытии мирстѣм — сия от Писаниа навыкохом, — яко «прозябе земля былье травное»,* якоже слово рече, таже от проращения сѣмя бысть, емуже на землю низъпадшю, то же пакы видѣ иже исперва прозябшаго, встече, рече божественый апостолъ и о вскресении бывати. Не точью же сему от него научаемся на великолѣпное преставлятися человѣчьству, но яко уповаемое ничтоже ино есть, развѣ еже в первых бяше. Понеже бо

берутся произрастающие из семян тела? Что влечет их прорастание? Не смерть ли их? Если смерть есть распад составленного, то ведь семя не прорастет, если не распадется в борозде, став достаточно рыхлым и многопористым, чтобы, напитавшись окружающей влагой, выпустить корень и росток и на этом не остановиться, но перемениться в стебель, словно некими скрепами препоясанный посредине коленцами, чтобы мог, стоя прямо, держать колос, плодами отягченный. Где было все то, что свойственно пшенице, до разрушения в борозде семени? А ведь оттуда все это. Если бы его сначала не было, и колос бы не появился. И по тому как тело колоса из семени произрастает, поскольку Божественная сила одно в другое искусно преобразует, и он оказывается совершенно не тождественным семени, но и не вовсе чем-то иным, и таинство воскресения растолковывается тебе в его словах по чудесам, происходящим с семенем, — а именно, что Божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большему великолепию наше естество снарядится. «Сеется ведь, — говорит он, — в тлении, восстает в нетлении; сеется в бесчестии, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное».

Подобно тому как упавшая в борозду пшеница количественной малости и свойственной ей качественной особенности не сохраняет, но, оставаясь собою, становится колосом, существенно отличаясь от самой себя величиной, красотой, устройством и обликом, и человеческое естество, оставив со смертью все свои свойства, какие оно приобрело, подчинившись страстям, — я имею в виду уничиженность, тленность, слабость, возрастные различия, — собою быть не перестает, но словно некий колос восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но к некоторому духовному и бесстрастному устроению переходит. Ведь это свойство душевного тела — постоянно своего рода течением и движением из того состояния, в каком находится, изменяясь, перелагаться в другое, что мы ныне прекрасно видим не только у людей, но и у растений, и у животных. Ничего подобного в тогдашней жизни не останется.

Представляется мне, что апостольское слово во всем соответствует нашему мнению о воскресении и показывает как раз то, что и наше определение содержит, говоря, что воскресение — это не что иное, ⟨*как восстановление природы в прежнем виде*⟩.

Поскольку же в первоначальном бытии мира — о чем мы из Писания узнали — сначала, как сказано, «произвела земля растение травяное», а потом из ростка появилось семя и оно, упав на землю, выпустило из себя росток того же изначально созданного вида, апостол и говорит, что то же будет при воскресении. И не только тому мы от него научаемся, что к большему великолепию человечество переменится, но и что ожидается не что иное, как то, что

исперва не клас от сѣмене, но от класа сѣмя, по сих же се от сѣмене прозябает, якоже и приточное послѣдование явѣ показует, нужа убо всему еже вскресения ради възрастающему нам блаженьству к сущей исперва въсходити благодати. Клас бо суще исперва образом нѣкымъ, понеже зноем злобным исхохом; въсприемши *же* землѣ смертью разрѣшихся, пакы в весну вскресения клас пожатное се зерно телесное велик же и часть и правъ и на небесную высоту протяжен, вмѣсто стеблия и осилья нетлѣнием и прочими от боголѣпных позваний украшен. «Подобает бо, — рече, — мертвеному сему облещися в бесмертьство и тлѣнному сему облещися в нетлѣние».* Нетлѣние же, и слава, и честь, и сила естьства ради быти исповѣдается. Якоже первѣе въ еже по образу бѣша и пакы уповаема суть.

Первый бо клас — первый человѣкъ Адам; понеже злобным входом естьства на множьство раздѣлися, якоже бывает плодъ в класѣ. Сице и кождо насъ, облажшеся класнаго оного вида и земли примѣсившеся, пакы въскресение на первобытную доброту възрастающе, и вмѣсто единого перваго класа безъчистъни от нивь бывающи.

А еже по добродьтели житье в сѣм к злобѣ различье имать, яко ови и здѣ в житьи добродѣтелью себе въздѣлавше, абие в нивѣ клас възрастают. А иже злобою изможданна и вѣтротлѣнна бысть в житьи сем яже въ душевнѣмь сѣмени сила, якоже глаголемая бесплодная, иже таковых художнии глаголють бывают, сице и сии, аще прорастуть вскресением, многою наглость от Судия приимуть, яко не могуще въстещи въ класа видъ и быти оно, еже бѣхом преже еже в землю низъпадения. Служение же настоящаго житом плевелом же и тернию есть сбирание совзрастъшими сѣмены. Всяцѣй питающий корень силѣ к лучшему притекши, ихже ради ненапитано же и несвершено плодом присное же пребысть сѣмя, с прирастъшим прозябением подавлено. Елма убо здѣ елико лестно же и чюжее истачается от питомаго въ ищезновение приидеть, божественому и невещественому огню, яже чрес естьства *поядшу*, тогда въ благопищно естьство и плодъ обратится, ради таковаго прилежанья же и тщания общи видъ, иже изначала нам от Бога въсприложены, всприимше. Блажени же, имже абие свершеная доброта класовная совосияет спрозябающими въскресения ради.

Сия же глаголемъ не яко телесному нѣкоторому различью, во иже по добродѣтели или злобѣ поживших на вскресение явитися хотящю, яковаго убо несвершена тѣлом непщевати, ового же мнѣти свершено имѣти. Но якоже в житьи ужникы же и свободны имут убо обои приближена телеса, много же посредѣ обоих есть в сладости же и печали различье, сице мню приимати благых же и злых, въ еже по сих времени вмѣняти, различье. Свершение

было прежде. Раз не колос поначалу появился от семени, но семя от колоса, а после этого снова он произрастает из семени, согласно ясной последовательности событий в этой притче, непременно должно все по воскресении расцветающее для нас блаженство восходить к первоначальной благодати. Ведь мы, колосом своего рода сначала явившись, зноем зла были иссушены; земля же, воспринявшая нас, по причине смерти разрушившихся, в весну воскресения вновь нас явит, возведя колосом, — нагое это зерно телесное — великим и развесистым, прямым и к небесной выси вытянутым колосом, вместо стебля и остий украшенным нетлением и остальными из богоподобных признаков. «Ибо надлежит, — говорит, — смертному сему облечься в бессмертие, и тленному сему облечься в нетление». Нетление же, и слава, и честь, и сила признаются свойствами ⟨божественной⟩ природы. Что первоначально было по образу Божию, то и вновь ожидается.

Первый колос — первый человек, Адам; из-за проникновения в него зла его природа разделилась на множество, как это бывает с плодом в колосе. Подобно этому каждый из нас, будучи лишен, как колос, своего вида и с землей смешавшись, вновь по воскресении возрастет в первоначальной красоте, вместо одного колоса бесчисленные нивы образуя.

А добродетельная жизнь в том с порочной различье имеет, что те, кто в здешней жизни добродетелью себя возделали, сразу на ниве колосьями произрастут. А у кого по причине порока пропала всхожесть и сила душевного семени оказалась за время этой жизни поврежденной ветром, как у так называемых керасвол, которые, как говорят знающие люди, бывают бесплодными, — те хотя и прорастут при воскресении, но большую суровость со стороны Судии встретят за то, что не смогут подняться в виде колоса и стать тем, чем мы были прежде, чем пали в землю. Служение же пекущегося о жите состоит в том, чтобы выбрать плевелы и терния, выросшие вместе с семенами. Ибо если вся питающая корень сила утечет к инородному, чахлым и недозрелым останется благородное семя, будучи привнесенными ростками подавлено. Когда же все, что здесь есть инородного и чуждого, будет вырвано хозяином и истребится, пожженное божественным невещественным огнем как враждебное природе, тогда хорошо разовьется природа и станет способной к плодоношению, восприняв, по причине такого прилежания и ухода, общий вид, изначально нам Богом приданный. Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет.

Мы говорим это не оттого, что по воскресении обнаружится какое-то телесное различие у тех, кто, следуя добродетели, и у тех, кто, следуя пороку, пожил, так что у одного, скажем, тело окажется несовершенным, а у другого совершенным. Но как при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различие в радости и в печали, так, думаю, надо понимать и различие в благах и бедствиях, которое будет после этого времени.

бо иже от сътвы възрастающимъ сѣменем въ *не*тлѣньи же, и славѣ, и чести, и силѣ бывати, апостоломъ глаголет. Таковых же умление не телесно нѣкое прозябшаго назнаменует скрушенье, но коемуждо же въ благых разумѣваемых лишение же и чюжденье. Елма убо едино нѣкое потребно есть быти о насъ всяко еже по спротивлению разумѣваемых — или благыхъ, или злыхъ, явѣ яко, яко еже въ блазѣх глаголати не быти, указание бывает въ злых всяко быти. Но убо о злобѣ ни честь, ни слава, ни нетлѣние. Нужа же вся о нихже не суть сия, сим яже от съпротивных бываемая и разумѣваемая приходити не невѣровати — немощь, безчестье, тля и елика таковаго рода суть... страсти всячскы тѣм размѣшшася и совзрастоша и едино къ оной бывающа. Таковымъ убо с подобным прилежанием изчищеным же здѣ *и* без *вѣ*сти бывшим, котороеждо от еже с лучьшему разумѣваемых вмѣсто ихъ внидеть — нетлѣние, животъ честь, благодать, слава, сила и аще что ино таково самому же Богу видѣтися непщюемъ и образу его, еже есть человѣчьское естьство.

Плоть: Се впрошение слыша, *в*купѣ же и сказание о велѣни въскресения, господыне, премудрыхъ мужий святыхъ онѣхъ. Прочее, рци мнящая ти ся о реченыхъ.

Душа: Слыши, служителнице, истинное, якоже есть многых многая слышах, многая же и прочтохъ о велѣнии сем, даже убо и донынѣ таковая не слышах, ниже писания обрѣтохъ. Впрошение убо добро, *но убо* и сказание. И кто суть сии, скажи ми, коего племени и рода сия вѣтийствовавшеи и сказавшеи сице?

Плоть: Кто убо суть, не глаголю ти. Но аще хощеши увидѣти, якоже поискахъ азъ прилѣжно и обрѣтохъ, тако и ты поищи болѣзни и обрящеши имена их и родъ, и отчьство, и прочих же и прочее якова и колика. Не хощю быти ти лѣнивѣ и низълежащей, искателнѣ паче и трудолюбнѣ зѣло. И егда хощеши навыкнути от Писания чисто и божественно, испытуй и обрѣтай искомое все. Мене же остави, с'устах бо, яко да почию и славу вослю Господеви моему.

Ведь совершенство посеянных и взошедших семян состоит в том, чтобы родиться в нетлении, славе, чести и силе, как говорит апостол. Умаление таковых означает не какое-либо телесное сокрушение проросшего, но лишение и отчуждение от всего того, что мы считаем благом. Поскольку же лишь одному чему-то надлежит быть у нас из считающегося противоположным — либо хорошему, либо плохому, ясно, что если о ком-то нельзя сказать, что он окажется в хорошем, отсюда следует, что он окажется в плохом. А плохому не свойственны ни честь, ни слава, ни нетление. И по необходимости к тем, кому не будет свойственно таковое, придет, вне сомнений, то, что является и представляется противоположным, — немощь, бесчестие, тленность и тому подобное, ⟨*о чем говорится в предыдущих словах: потому что окажутся трудноустранимыми из души происходящие из порочности*⟩ страсти, всю ее захватившие, со всею нею сросшиеся и чем-то единым с ней ставшие. Но когда таковые с подобающим прилежанием будут вычищены из нее и забыты, вместо этого придет к ним все то, что почитается наилучшим, — нетление, жизнь, честь, радость, слава, сила и все прочее тому подобное, что мы считаем свойственным Богу и его образу, каковым является человеческая природа.

Плоть: Вот ты слышала и вопрос и ответ этих мудрейших и святых мужей о догмате воскресения. Теперь скажи мне, каким тебе показалось высказанное.

Душа: Послушай, служительница, поистине от многих многое я слышала и много читала об этом догмате, но до сих пор такого не слышала и среди написанного не находила. Вопрос хорош, но и ответ тоже. А кто они такие, скажи мне, какого они племени и рода, говорившие и высказавшие это?

Плоть: Кто они, не скажу тебе. Но если хочешь узнать то, как я старательно поискала и отыскала, так и ты поищи трудолюбиво и найдешь и имена их, и род, и отечество, и прочее, и прочее, что да как. Хочу, чтобы ты была не ленивой и валяющейся, а ищущей и трудолюбивой. И когда хочешь узнать из Писания что-то божественное, изыскивай и находи все, что нужно. Меня же оставь, ибо я устала, дай поспать и славу восслать Господу моему.

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО». ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

Въ время то умре достойнопамятнаа Феодора, иже много преподобному* служивши въ днехь своихь. Отнюдь по ней вси печялни быша, елико же духовныа любве к преподобному имяаху, понеже имяахуть ю исходатайцу к преподобному, якоже и с любовию всѣхь приимаше, благими словесы всѣхь утѣшающи, повелѣвающи всѣмь на благое. Всегда кротка убо бѣ жена, друголюбезна же, и милостива, и христолюбива, *и* цѣломудрена разумом, и проста нравомъ, и всѣм угождающи.

Якоже рекохомъ, умерши ей, помышление прекословно въздвигохь в сердцѣ своемъ о ней: которое улучи въздание в вѣцѣ ономъ, десное или шюее. И множицею молихся преподобному, да исповѣсть ми о ней. Он же не радяаше исповѣдати о ней, понеже досадихь преподобному. И не въсхотѣ мене опечялити, сего ради въ единъ от дний рече к мнѣ: «Хощеши ли видѣти Феодору?» Мнѣ же рекъшю: «Гдѣ ю хощю отселе видѣти, святый отче? Уже отшедши ей от временныхь к вѣчнымь». Блаженный же рече ко мнѣ: «Узриши ю ктому и многотрудное свое помышление уставиши». Мнѣ же дивящюся: како и гдѣ ю мню видѣти? Зѣло бо жадахъ ея, якоже и она зѣло мя любляаше.

Въ ту же нощь мало уснувшю ми, видѣхь нѣкоего юношю, глаголюща ми: «Възвѣщаетъ ти, — рече, — честный отецъ: „Прииди вскорѣ, зане ити хощю, в нихже пребываетъ Феодора сущи, аще желаеши убо видѣти ю"». Мнѣ же по възвѣщению острѣе ускорившю, видѣхъ бо, яко пришедшю ми къ преподобному, в нихже сам пребывааше, и не обрѣтох его. Въпрошающю же ми о немь, рекоша ми нѣции ту суще: «Отшел есть, глаголюще, сестру и преже слугу видѣти». Мнѣ же ктому изумившюся, нѣкто оттуду сказа ми и путь ми показалъ, по немуже ми шедшю и достигнухъ онѣх. Идущю же ми по пути, мняхь тѣмь путемъ ити, иже къ церкви честныа Влахѣрны, реку же, Святѣй Богородицы.* Идущю же ми, обрѣтохся вънезаапу къ высоку мѣсту идуща, преходище всечестное. И прешедшю ми то, приближихся къ вратом, та же

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО». ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

В то время умерла достопамятная Феодора, которая много преподобному служила при жизни своей. Весьма по ней все печальны были, ибо духовную любовь к преподобному имели, она же просительницей у преподобного была и с любовью всех принимала, утешая благими словами, направляя всех на доброе дело. Ведь всегда кроткой была она, дружелюбной, и милостивой, и христолюбивой, и целомудренной разумом, и простой нравом, и всем угождала.

Как уже сказали мы, умерла она, и воздвиг я в сердце своем сомнение: какое воздаяние получила она на том свете, райское или преисподнее. И часто просил преподобного поведать мне об этом. Он же не спешил рассказать о ней, ибо досадил я преподобному. Но не хотел меня опечалить и поэтому однажды сказал мне: «Хочешь ли видеть Феодору?» Я же ответил: «Как же увижу ее теперь, святой отец? Ведь уже отошла она от суетного к вечному». Блаженный же сказал мне: «Увидишь ее и многотрудное сомнение свое оставишь». Я же удивился: как и где смогу увидеть ее? Ведь очень тосковал я по ней, и она меня очень любила.

В ту же ночь, едва я уснул, увидел некоего юношу, говорящего мне: «Зовет тебя, — сказал, — честной отец: „Приди скорей, если желаешь увидеть ее, ибо хочу идти туда, где ныне пребывает Феодора"». И увидел я во сне, что, поспешив по зову и придя к преподобному, туда же, где и сам я жил, не нашел его. Когда же спросил о нем, ответили мне те, кто был там: «Уже ушел он, сказав, что сестру и прежнюю слугу свою увидеть хочет». Когда же удивился я этому, некто оттуда показал мне путь, по которому я должен идти, чтобы разыскать их. Когда же пошел я по этому пути, то оказался на дороге, ведущей к церкви Святой Богородицы Влахернской. Направляясь туда, внезапно почувствовал я, что иду вверх мимо храма. И, оставив его за спиной, приблизился я к воротам, они же были плотно закрыты.

бяахуть зѣло утвержена. Смотрих же утрь скважнею, да некли кого видѣти възмогу. Видѣх же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихь едину от нею скважнею, рекох к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домь сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василиа». Радому же ми убо бывшю, рекох к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобный отець нашь Василий?» Она же рече ми: «Здѣ бысть, брате. По малѣм же отшествии пришед здѣ да посѣтитъ чядъ своихь». И рекох к ней: «Убо молю ти ся, отверзи ми, да вниду, яко и азъ чядо есмь преподобнаго отца Василиа и недостоинъ есмъ». И рече ми она: «Никогдаже бо ты прииде сѣмо иногда или киимь образомь, не знаю тебе. Како ти отверзу врата и отиду отсюдѣ? Ибо бес съвѣта преподобнаго или повелѣнием госпожа Феодоры не могу сего сътворити». Мнѣ же молящюся ей и з дрьзновениемь толкущю: «Отврьзите врата, да вниду».

Феодора же, внутрь мятеж слышащи, къ вратомъ приближися, хотящи вину увѣдѣти, и не вѣдящи, якоже страненъ нѣкто у вратъ пребываетъ сварящися, рече, смотряаше изоутрь, хотящи увѣдѣти, кто и откуду прииде. И якоже мя узрѣ пред враты стоаща, острѣе множицею възглаашаше женамъ: «Отврьзѣте, ибо възлюбленый сынъ се есть господина моего». Они же вскорѣ отврьзоша. И взыде в срѣтение мнѣ, иже въ блаженнѣй обители пребываетъ, вся бо радостию неизреченною исполнена, яко часто видяхъ. Цѣловаше же, обиемлющи мя, и приимаше мя любезнѣ, и радовашеся, милостнѣ глаголаше: «*Кто* тя сѣмо присла, сладкое мое чядо, и паче от мира сего к невечерне*му* дни сему цы уже преставилъся еси, яко сѣмо прииде?» Мнѣ же чюдящюся, что есть, о немже ми бесѣдуетъ, якоже бо не мняшет ми ся, якоже въ ужасѣ и в видѣнии вижду видѣние. Рекох к ней: «Госпоже моа, аз ти не умрох и еще бо молитвами преподобнаго отца Василиа в мирѣ сем пребываю. Тебе же ради приидох сѣмо и достигохь, желаниемъ бо желах видѣти твое лице от того дни оставила еси нас, и не вѣдѣ, камо прешла еси, како бо пребываеши, како нужду смертную преиде, како духи лукавыа преиде, како видяаше, онѣхь злокозненое пронырство. Видяхь бо по ряду о сихъ вмалѣ нѣкоемь преже мало възвращаа житие свое».*

Она же отвѣщавши рече мнѣ: «Что ти имамъ рещи, о чядо, о сихъ? Не изумѣюся, яже по дѣломь моимъ вся злаа ми и лютаа присрѣтоша мя. Заступлениемь преподобнаго отца нашего Василиа тяжкаа легка ми быша, и лютаа и сопротивнаа — права, и, просто оному заступившю, сключьшаа ми ся вся злаа на благое преложишася, благодати помиловавши нас. Егда бысть ми умрети, чадо, како могу исповѣдати смертныа труды, каку бѣду имуть, каку нужду и колику горесть от бесчисленыа болѣзни и стужениа лютаа. Дондеже изыдеть душа от тѣла, толикиа болѣзни стужаетъ си умирающи: яко нѣкто обнаживъ все тѣло свое и възляжетъ на угли горяща, множество простреных на земли, и помалу истлѣетъ огненымъ жежениемь, и горцѣ трьпить. И тако ктому раставаяся разидется и отрѣкается душа — тако есть

Посмотрел я сквозь замочную скважину, не увижу ли кого-нибудь. И увидел, что сидят там две прекрасные жены. Позвал я через скважину одну из них и спросил ее: «Госпожа и сестра, чей этот дом?» И ответила она: «Преподобного отца нашего Василия». Обрадовавшись, спросил ее: «Здесь ли сейчас, госпожа моя, преподобный отец наш Василий?» Она же ответила мне: «Он здесь, брат. После недолгого отсутствия пришел он сюда, чтобы навестить духовных детей своих». И сказал я ей: «Молю тебя, открой мне, дай мне войти, ведь и я есть недостойное чадо преподобного отца Василия». И ответила мне она: «Но ведь никогда прежде ты не приходил сюда, и я не знаю тебя. Как же открою ворота тебе и уйду отсюда? Ведь без позволения преподобного или повеления госпожи Феодоры не могу этого сделать». Я же умолял ее и с дерзновением стучал: «Откройте врата, и войду я».

Феодора же, услышав шум и желая узнать причину его, приблизилась ко вратам и вначале не поняла, кто же это у врат спорит, и посмотрела изнутри, чтобы узнать, кто и откуда пришел. И когда увидела, что это я перед вратами стою, сразу возгласила женам: «Откройте, ибо это возлюбленный сын господина моего». Они же быстро отворили. И вышла навстречу мне она, в блаженной обители пребывающая, вся исполненная радостью неизреченной — такая, какой я часто ее видел. Обнимая и любезно принимая, целовала меня, и радовалась, и ласково говорила: «Кто тебя сюда прислал, сладкое мое чадо, или уже ты покинул мир свой для мира вечного, если сюда пришел?» Я же удивился ее словам, потому что не знал, что в исступлении ума и во сне видение вижу. И ответил ей: «Госпожа моя, я не умер и молитвами преподобного отца Василия в мире этом еще пребываю. Пришел же сюда с желанием лицезреть тебя, ведь с того дня, как оставила ты нас, не ведаю, куда отошла ты, где пребываешь, как муку смертную прошла, как духов лукавых прошла, как познала их злокозненное коварство. Ведь знаю о духах лукавых совсем немного, хотя и мне предстоит умереть».

Она же ответила мне: «Что же сказать тебе, чадо, об этом? Не удивляюсь, что по грехам моим все злое и мучительное встретило меня. Но по заступничеству преподобного отца нашего Василия тяжкое стало легким, лютое и враждебное — правым, ведь едва он заступился, случилось всему злому на благое переложиться, и помиловала нас благодать. Когда я была при смерти, чадо, только тогда изведала я смертные муки, какую беду терпят умирающие, какую нужду и сколько страданий от бесчисленных болезней и лютого гнета. Пока не отойдет душа от тела, таковые страдания приходят со смертью: как если некто, обнажив все тело свое, возляжет на горящие угли, рассыпанные по земле, и медленно истлеет огненным жжением, и в муках терпит все это. И после этого, разлучаясь с телом, отходит и отрекается

смерть горка, о чядо, и, свѣдѣтель Господь, паче подобныи мнѣ грѣшник. О праведницѣ же, како есть и бываетъ, не свѣдѣ и азъ бо окааннаа иже грѣхом жилище бывах.

Егда бо душю извлачях, видяахь чистѣ множество ефиоп* синихъ, окрестъ одра моего мятущася и млъву творяща, рыкающе, яко пси и волцы дивии, яко море горкое грозящеся и зубы скрегчюще, бѣсящеся, въпиюще, яко свинии, испытающе дѣла моа, хартию вынимающе, другое оклеветаниемъ черниломъ написавше. И сквернена, и темна лица ихъ, ихже видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии скверннии, сихь убо лютыхь не могуще зрѣти. И не доволна ми бяшеть си горесть смертнаа, но имяхь сихь бѣду, что убо будетъ. Вращающи ми ся сѣмо и онамо и от скверненаго видѣниа и инде умнаго зрѣниа мечюща, не хотяхь зрѣти ни слышати нечестивых крамол.

Видѣх от преславнаго оного нѣкаа два юноши пришедша ко мнѣ, златы власы имуща на главѣ украшенѣ, бѣли, яко снѣгъ, краснѣ зѣло, сладцы вельми на видѣние, облечена же бяаше в ризу, яко в молнию. Предста же на десное и стаста близ мене, втайнѣ к себѣ бесѣдующе. И глагола единъ от нею к синцемь онѣмь: „Бе*с*студнии и темнии, злии, проклятии и злобнии! Коея ради вины имѣете сего по обычяю лукавнѣ нападающе на всякого человѣка житие, възстающе на мя и блядуще мятущеся, и плищюете злѣ *шу*мяще? О губителие дивии, безумнии и несытии, и христоненавистницы! Не вельми радующеся, здѣ бо ничтоже не будеть вамъ, нѣсть вамъ чясти ни жребиа. Едино токмо, еже стекостеся и отидете натщее". Си ему глаголющю о нихже, еже сътворихъ от уности моея или дѣломь, или словомъ, или помышлениемъ, выношаахуть на среду и въскликоша, поистиннѣ, яко безумнии нѣции, яко похаби, глаголюще: „Ничтоже не имамъ, глаголюще? А сий грѣхь кто сътворилъ есть от юности своея?" Сихъ и инѣхь блядуще, ктому ждахуть смерти.

Прииде бо и то. И бысть видѣниемь яко левь рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого когождо смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обиата бысть. Глаголють убо ему юноша оны: „Что стоиши? Разрѣши съуз, тихо приими, не убо много имать тяжкий грѣх". Пришед бо с малою секирою прикоснуся ногамъ моимъ и потом к рукама, и вся съставы моа испроверже, и историже ми ногти. И абие убо умрьщвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имях ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Аз же, чядо, от горкиа болѣзни умрьщвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можахъ двигнути главы моея, чюжи бо бяахь. Потомъ же раствори в чяши не вѣдѣ что, вдав ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бяаше горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшеи от неа, въ одеждахь своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердцы бо, о чядо,

душа — такова смерть горькая, о чадо, для грешников, подобных мне, и свидетель этому Господь. О том, что есть и бывает с праведниками, не знаю и я, ибо грешна была в жизни своей.

Когда душа моя отошла, увидела ясно множество эфиопов черных, которые, обступив смертный одр мой, бушевали и шумели, как псы и волки дикие, как море горькое грозились и скрежетали зубами, неистовствовали, кричали, как свиньи, и когда пытали о делах моих, свиток доставали и клевету чернилами записывали. И скверны, и темны были лица их, и было похоже это на видение геенны огненной, и скверных этих и лютых не могли вынести глаза мои. И здесь не закончились муки мои смертные, но должны были продолжиться и дальше. Не хотела я ни видеть, ни слышать нечестивых дел, и поэтому то в одну, то в другую сторону металась, и страшно было глядеть, а иногда и думать об этом.

Увидела вдруг, как от святого какие-то два юноши пришли ко мне — на голове златые волосы, сами белы, как снег, обликом своим прекрасны, облачены же были в ризы, сверкающие, как молния. Появились же по правую руку и встали около меня, тихо беседуя друг с другом. И сказал один из них бесам: „Бесстыдные и мрачные, злые, проклятые и злобные! Зачем по обычаю своему бесовскому ополчаетесь на жизнь всякого человека, прекословите мне и во лжи нападаете, и буйствуете, злобно крича? О губители дикие, безумные и ненасытные, и христоненавистники! Не очень радуйтесь, ибо здесь ничего не будет вам, даже малой доли. Одно вам осталось — собраться вместе и отойти вотще". Когда он это сказал им, бесы вынесли на середину все, что с юных лет сотворила я, делом, или словом, или помышлением, и воскликнули, воистину, как безумцы некие бесстыдные: „Ничего не будет, говоришь? А сей грех кто сотворил в юности своей?" Упрекая меня и в том, и в другом, ожидали они пришествия смерти.

И вот пришла она. И видом была похожа на льва ревущего и на юношу сурового и бесноватого. И принесла всякого оружия: мечи, серпы, пилы, секиры, рогатки и тесла и иного много, чтобы мучить всех по-разному. Увидев этого мучителя, бедная душа моя страхом объялась. Сказали же ему те два юноши: „Что стоишь? Освободи от уз ее, осторожно прими, ибо нет на ней тяжкого греха". И пришедший малой секирой коснулся ног, а потом и рук моих, и все суставы мои исторг, и вырвал ногти мои. И тотчас мертвы стали руки и ноги мои. И не чувствовала я рук и ног моих. Я ведь, чадо, через мучение умерщвлена была. Снова подошла смерть и отсекла голову мою, и не могла я двинуть ею, поскольку чужая стала. Потом же растворила в чаше неизвестно что и силой дала мне выпить. И когда выпила я это, горько мне стало, о чадо, и извлечена была душа страшной силой и отошла от тела. И те прекрасные юноши в своих одеждах ниспадающих приняли ее. Ведь в сердце человека, о чадо, возлежит душа, а в разуме дух. Когда же приняли они меня, увидела с удивлением тело

человѣку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя приимшеи они краснии, видѣхь тѣло мое, идеже лежааше, бездушно и умрьщвено, неподвижимо и неключимо, чюдящися и дивящися, якоже нѣкто совлечется риз своих и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголах ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхь аз, яко тако строатся убогому человѣку.

Якоже убо ктому дрьжаахуть аггели Божии, обьступиша тѣхь темнии они, повѣдающе прегрѣшениа ихъ. Аз же имяхь слово въздати о нею. Пытающем же онѣмь ктому, или есть у мене дѣло благо. И обрѣтаахуть благодать Господню, и сиа избираахут: или коли напоихъ чяшу студены воды или вина, или коли шедши посѣтихъ больнаго, или в темницы, или страннаго в келию свою введохъ или накормихъ, или коли сътворихь стопы к церкви идущи помолитися, или коли въльях масло въ кандило на посвѣтъ святыхь и честных иконъ, или коли смирихъ гнѣвъ имущаа межи собою, или когда пролиахъ слезы ко Господу Богу моему, стоащи на молитвѣ моей, или коли лаяша ми, и претрьпѣх, или коли умыхь нозѣ братии, яко огнь полящи и смирение ми любяще, или коли слабаго утвердих, или коли малодушнаго утѣшными словесы утѣшихъ, или кого когда възвратих от грѣх да не съгрѣшить, или коли страннаго введохъ суща духовна и полезна, или коли поклонихся Господеви моему пок*а*яниемъ и паче въ дни святаго пощениа и отвратихъ лице свое от всякого оклеветаниа, и лъжа, и оболганиа, и от лъжеклятиа, или что праведно сътворих на том свѣтѣ. И събирающе же та, извѣсяхуть противу моимъ съгрѣшением, и от когождо ихь иск*у*пахуть ю. Сихь онѣмь прилежащимъ, велми мя ефиопи они клеветааху, противящимся аггеломъ Божиимъ.

И сему тако бывающю межю тѣмъ, внимаа узрѣхь, се господинъ мой святый Божий Василие предста тѣмь Духомъ Святымь, рече краснымъ онѣмь юношамъ, иже по мнѣ подвизаахуся: „Господие мои, та душа мнѣ в наслѣдие бысть, мнѣ бо поработа по вся дни и часы. Помолихся Господеви о ней, и Господь ми дарова ю. Приимете обаче сию — симъ искупит вся долги достигающи, егда миновати ей мимо мытаря". Вынявъ из нѣдръ своихь, вда обѣма уношама яко нѣкаку керстицу червлену, полну злата имущю, и рече к нима: „Аз благодатию Господнею богатъ сый зѣло по духу Господню бываа, сиа же от труда и пота моего искупих". Сиа убо рекь, въдавъ даръ и отиде. Они же убо реченнии бѣси, видѣвше, удивишася, въскорбѣвше на многъ чяс и убояшася, въпль же всепечяльный, имже не получиша, и отбѣгоша. Сим же отбѣгшемъ, се прииде господинъ мой, сосуд масла чиста исполнена суща приносяща, повелѣша убо, и отворишася кождо сосуди они. И уноша ты възлиаша на главу мою, и быхъ исполнена масла, и очистися лице душа моея зѣло, и см*о*тряхь свѣтло и чисто, и радости бысть духъ мой исполнен. Рече избранный общий отецъ нашь Василий иже мене хотяаше свести: „Господие мои, егда достойнаа на души той скончяете, на мое устроение от Господа божественаго покоа ту, и сию съхраните". И, се рекше, отидоша от лица ме*не* носяще. И বземше убо

свое лежащее, бездушное и умерщвленное, неподвижное и бесполезное, словно некто снимет одежду свою и положит на постель свою и, встав рядом, станет смотреть на это. Вот и рассказала, о чадо, что сама знаю, — такая участь ждет бедного человека.

И когда держали меня ангелы Божии, обступили их бесы, говоря о прегрешениях моих. Мне же предстояло отвечать за них. Ангелы же начали искать мои благие дела. И благодатью Господней нашли их и все собрали: кого напоила чашей холодной воды или вина, или посетила больного, или в темнице кого, или странника в келью свою привела и накормила, или ходила в церковь молиться, или налила масло в лампаду перед святыми и честными иконами, или примирила гневающихся друг на друга, или, стоя на молитве, проливала слезы перед Господом Богом моим, или, когда ругали меня, стерпела, или в смирении омыла ноги братии, словно водой огонь загасила, или слабого поддержала, или малодушного ласковыми словами утешила, или кого отвратила от греха, или какого странника благого приютила, или поклонилась Господу моему в покаянии и особенно в дни святого поста и отвратила лицо свое от всякой клеветы, и лжи, и лжесвидетельства, или что иное праведное сотворила я на том свете. И собрав это, ангелы положили все на чашу весов против моих грехов и искупили их. И когда сошлись вместе, стали обличать меня эфиопы, а ангелы Божии защищали.

И когда так они спорили, увидела я, что господин мой святой Божий Василий как Дух Святой предстал и сказал прекрасным тем юношам, которые мне помогали: „Господа мои, эта душа мне в наследство дана, ибо мне помогала все время. Помолился я Господу о ней, и Господь даровал мне ее. Примите, однако, то, чем искупит она долги свои, когда мимо мытаря проходить будет". Вынув из одежд своих, дал он юношам какой-то ковчежец красный, полный золота, и обратился к обоим: „Я благодатью Господней и духом Господним богат, это же от труда и пота моего". Сказав это и отдав дар, ушел он. Бесы же, о которых я рассказывала, увидев это, удивились и скорбели долгое время, и убоявшись, и не получив того, что хотели, издали печальный вопль и убежали. Когда же исчезли они, вновь пришел господин мой с сосудами, в которых было прозрачное масло, и повелел открыть их. И юноши те возлили масло на голову мою, и исполнилась благоуханием я, и очистился лик души моей, и взгляд мой стал светел и чист, и радостью дух мой исполнился. Сказал избранный отец наш Василий тем, кто хотел меня вести: „Господа мои, когда свершите достойное души этой, тогда в приуготовленный от Господа божественный покой мой ее отведите". И так сказав, отошел от тех, кто меня нес. И взяв меня, те прекрасные юноши перестали

они краснии юноши, и отступивше ногами своими от земля, яко облакъ или корабль по морю, тако к восточному пути на въздусѣ мене носяще идяхуть на высоту невъзвратно.

Начяток первому мытарству. Усрѣтохом, еже творяхуть оболгание, ихже бысть съборъ ефиоп черныхъ нѣкий. Старѣйшина от нихъ с лукавством многимъ пресѣдяаше. Достигшем же намъ, стахомъ. И свѣдѣтели праведнаго суда, о чядо, ихже яко человѣкъ оклеветахъ и коли и въ которомъ часѣ в мирѣ оном, обличяахуть пред лицемъ лукавнующе. Откуда си увѣдѣвше, не вѣдѣ. Отрекшим бо ся намъ, онѣм же поистиннѣ облыгающимъ мене. Носящимь от святаго оного одарениа, еже ми отецъ мой вда, преподобный Василие, и абие минувше, и на вышнии преидохом.

*П*отом же доидохом втораго мытарства, еже бяахуть суще оклеветание. И ту же подобна быша первому мытарьству: от блаженнаго дара въздавшимъ намъ, без бѣды и сихъ минухом.

Идущим намъ напред, бесѣдовааху к себѣ мене носящеи: „Молитву въздати, — рекуще, — убогаа сиа душа о угодницѣ Божии Василии, яко велиа ей благаа сдѣа, понеже быхом нужду велику достигли, начяла и власти тмы преходяще".

И якоже си бесѣдующе, доидохом третиаго мытарства, еже бѣ зависть. Благодатию же Господа нашего Исус Христа ничтоже не имущемъ суетнымъ онѣмь оклеветати мя, ибо не помнях, коли кому завидѣхь. Радующеся, и сихъ лукавыхъ минухом. И скрежетаахуть на мя они скверноличнии ефиопи, якоже мняще ми, якоже в той чяс мене и мене носящихъ яко живыхъ въ гнѣвѣ пожрети.

Еще убо нам на высоту идущимъ, постигохомъ четвертое мытарьство, еже нарицается лъживыхъ. Бяахут бо ту ефиопи събрани мнози, ихже лица суетна и нелѣпотна зѣло. И старѣйшина мытарьства удивленъ зѣло и предсѣдяй въ льстех. Видѣвше же насъ, скоро противу намъ въсташа. И дошедшимъ намъ до них, мятяхутся проклятии, и приносяще на ны всяку лжу, и на мя нѣ с коимъ възвѣщениемъ повѣдающе име, иже коли яко от несмысленыхъ женъ сългахъ. И сътворивше доволнаа иже мене водящеи, и тако скверныа минухом молитвами и молениемъ, иже мою худость помиловахъ.

Еще намъ идущимъ напред, достигохомъ пятаго мытарства, болий соборъ ефиопъ имуще, иже нарѣкаашется ярость и гнѣв и съ гнѣвомь ярость, иже окрестъ себе повелѣваашет. Онѣм же съ гнѣвомь изьядающимся самѣм, яко пси нѣции ядовитии. Якоже убо приидохом к тѣм, развращена намъ съ гнѣвом и яростию отвѣщаша, да аще казни ради, или на чядо свое, или на кого иного разгнѣваахся или прогнѣвание имяахъ, то и та исповѣдають лукавнующе обличяаху, или что з гнѣвом и съ злопоминаниемъ гнѣваахся и прогнѣвахъ. Яко море горько и злѣ волнующеся, тако въздаахут ми, рящеся на мя. И приношахутъ по именемъ посредѣ и тѣхь, ихже прогнѣвахъ, яко человѣкь, яряся на мя, и та

касаться ногами своими земли и, словно облако или корабль в море, неся меня по воздуху к востоку, невозвратно двинулись ввысь.

Начало первого мытарства. Встретили мы тех, кто творил оболганье, и была там целая толпа эфиопов черных. Старейшина же их с лукавством многим восседал. Когда же достигли места этого, остановились. И свидетели праведного суда, бесы эти, о чадо, если человек оклеветал кого в мире том и в какое время, все знают и обличают, клевеща. И откуда знают об этом, не поняла. Мы же отреклись от всего, ведь поистине лгали они обо мне. И принеся им от дара святого, который отец мой дал, преподобный Василий, быстро прошли, еще выше поднимаясь.

Потом же дошли до второго мытарства, которое называлось клевета. И там было то же, что и в первом мытарстве: часть блаженного дара отдали и безбедно прошли.

Когда пошли дальше, говорили друг другу носящие меня: „Убогой этой душе надо помолиться об угоднике Божием Василии за то, что великое благо содеял ей, ибо достигли мы великих испытаний, начала и власти тьмы проходя".

И так беседуя, достигли третьего мытарства, которое называлось зависть. По благодати же Господа нашего Иисуса Христа не удалось суетным тем оклеветать меня, ибо не помнила, что кому-нибудь завидовала. Радуясь, и этих лукавых минули. И скрежетали зубами на меня те безобразные эфиопы, и казалось, что в сей же час меня и тех, кто нес меня, как живых в гневе проглотят.

Когда поднялись еще выше, достигли четвертого мытарства, называемого ложью. Были же там собраны многие эфиопы, лица их были суетны и ужасны. И старейшина мытарства восседал среди лжи в славе своей. Увидев нас, быстро встали напротив. И когда дошли мы до них, заметались проклятые и стали упрекать меня во лжи, показывая имена людей, которым в безрассудстве женском солгала. И водящие меня, помиловав худость мою, сделали все, чтобы молитвами и молением минули мы это место.

Продолжая идти вперед, достигли мы пятого мытарства, которое называлось ярость и гнев и с гневом ярость, и там еще большая толпа эфиопов вокруг властвовала. Они же сами, подобно псам ядовитым, с гневом поедали друг друга. Едва мы подошли к ним, как они с гневом и яростью стали обличать меня в том, что за обиду, мне нанесенную, или на чадо свое, или на кого иного разгневалась, и то знают лукавые, или гневно и злопамятно гневалась на кого-либо и прогневала кого-то. Подобно морю, горько и злобно волнующемуся, подступали они в гневе ко мне. И враждуя против меня, приносили имена тех, кого прогневала я, и те слова, которые сказала я будучи в гневе на кого-то,

словеса, яже тогда срекохъ, на негоже враждовахъ, и того чяса и того дни, часто представляюще. И отвѣщающи к симъ достойнаа възлюблении они юноши, иже мя защищахуть. И отшедше оттудѣ, на высокий въздухъ идяхомъ.

Идущим же намъ, достигохомь шестаго мытарьства, иже нарицается гордыни. И ищющимъ онѣмь оклеветати мя зѣло, благодатию же Божиею не обрѣтоша ничтоже. Аз бо во ономъ вѣцѣ раба худа бѣх, а кому ся бѣхъ хотѣла гордѣти. Преидохом бо и сихь, ничтоже плативше тѣмъ.

И еще нам идущимъ, достигохом седмаго мытарьства, еже нарѣкашется буесловие, и срамословие, и безстуднаа словеса. Усрѣтоша ны властели мытарьства издалечя, зѣло нудяще ны въздати суд. Приближихом бо ся убо к нимъ, и обличяахуть мя, еже въ уности моей блядословиа съдѣах, елико же пояхъ срамныхъ, прикладываахуть ми, окааннии, лаании ли или играюще срамословие, острѣе приводящи на искушение. Поистиннѣ сица бывша свѣдѣтельствующе, яко бояти ми ся, сих слышащи. Како бо сиа вѣдяхуть, окааннии? Ихъже и сама аз по толицѣх лѣтѣхь забых минувшихъ. По достоинству бо симъ въздавше слово, идохом путемъ своимъ на выше идуще.

И достигахомъ осмаго мытарства, еже нарѣкаашеся лихва и лесть. Слуги убо мытарства того истинну о мнѣ испытавше, ничтоже обрѣтоша льсти ради и, не могуще обличити, остряхуть на мя зубы. Мы же, отшедше оттуду, путь свой далний шествовахомь въистинну далече числа человѣкъ не имущи.

Доидохомъ паки девятаго мытарьства, иже нарѣкаашется уныние, сирѣчь тщеславие. Мнѣ же к тѣмь ничтоже не имущи испытавше, преидохомъ вскорѣ.

И доидохомъ десятаго мытарьства, еже нарѣкашется сребролюбие. Голка бысть в мытарствѣ паче инѣхь мытарствъ. И в семь бо всякого человѣка ловять окаании они и, в нихже вселяющеся, нудять я се творити, и паче иже на въздухь въ всѣхь иже старѣйшиньство имуще творять. Испытавше и ти, въ мнѣ ничтоже не обрѣтоша, гдѣ бо у мене бысть злато, да быхъ имѣла к нему любовь.

Якоже убо и ты минухом, и достигохомь иже въ пианственое мытарство. И стоахуть слуги того мытарства отдалечя, якоже волцы хищницы, всякого хотяще пожрети, проклятцы. Онии же убо носяще мя, якоже убо вдано есть, яко пытаются душа мимоходяаще от князь власти тмы въздушныа. На то мытарство приидоша, нападше убо на ны горцыи они испытницы и мытоимцы и тычяша, яже в животѣ своемь испихъ, в число и в мѣру имяахуть, речяахуть убо ко мнѣ: „Не испила ли еси в семъ мѣстѣ селико чяшь? И уписся *у*бо в сей день и в празникъ при сихъ? — и сего нарицающи. Не упи ли ся, не испи ли селико чяшь, егда к онсии еси дошла, егда тя усрѣлъ онси?" И вся ми о томъ сотворивши, нарицаахуть, хотяще мя исхитити от руку носящих мя, рикающе. Елико же вѣщааху, истинна бяахуть. Множицею бо якоже посредѣ житиа сущи, и ако едина от человѣкь сущи, другу нѣкоему приходящю, излиха испивахъ с

показывали час и день, когда это было. И достойно отвечая им, защищали меня возлюбленные те юноши. И отойдя оттуда, на высоту воздушную пошли.

На пути своем встретили мы шестое мытарство, которое называется гордыня. И по благодати Божией не дано было оклеветать меня тем, кто хотел этого. Ведь в жизни своей рабой бедной была — и перед кем мне было гордиться. Прошли и этих, ничего не заплатив им.

И дальше пошли, и достигли седьмого мытарства, которое именовалось празднословие, и срамословие, и сквернословие. Встретили нас властители мытарства, желая свершить суд над нами. Когда же приблизились к ним, стали обвинять меня в том, что в юности своей пустословила, срамословила, упрекали, окаянные, в ругани и в играх непристойных, приводящих к быстрому искушению. Поистине свидетельствовали о том, что было, и со страхом слушала я это. Откуда только и знают все, окаянные? Я же сама по прошествии стольких лет забыла об этом. Достойно же и этим ответив, пошли путем своим еще выше.

И достигли восьмого мытарства, которое называлось коварство и обман. Слуги же того мытарства, узнав обо мне правду, не нашли лжи в жизни моей, и не в силах обличить, лишь острили на меня зубы. Мы же, уйдя оттуда, продолжили дальний свой путь, меру которого человеку не дано понять.

Тут дошли и до девятого мытарства, которое называлось уныние, или тщеславие. Я же ничего не имела для испытания, и прошли быстро его.

И дошли до десятого мытарства, которое называлось сребролюбие. Шум был там больший, нежели в прочих мытарствах. И здесь же всякого человека ловят окаянные те и, в них вселяясь, мучают их, и сильнее, чем в прошлых мытарствах, истязают их. Испытав и меня, не нашли ничего, где бы у меня было золото, если бы я любила его.

Когда же и то минули, достигли пьянственного мытарства. И стояли слуги того мытарства поодаль, желая поглотить каждого, словно волки хищные, проклятые. Они же испытывали меня так, как испытывается любая душа, приходящая сюда, князем власти тьмы воздушной. И пришли мы на это мытарство, и напали на нас злобные те палачи и мытоимцы, и показывали, сколько в жизни своей испила я, зная число и меру этого и говоря мне: „Не испила ли ты в этом месте столько-то чаш? И не напилась ли в сей день или в праздник с таким-то? — и называют их. Не напилась ли и не испила ли столько-то чаш, когда к такому-то пошла или когда такой-то принимал тебя?" И все, что я сотворила, называли, рыча, желая вырвать меня из рук ангелов. Сколько ни говорили, истинно было. Часто ведь в жизни своей, как одна из многих, со знакомым неким встречаясь, премного испивала с ним вместе и

нимъ купно и абие упиваахся. И что потомъ, — вѣдавше и симъ мои добрии вожди должное искупити грѣхи моа, и и-шедше, идяахомъ.

И бесѣдовааху ко мнѣ святии аггели, внегда идяхом, рекуще къ мнѣ: „Видиши ли, каку бѣду имуть преити сих начялъ князь темныхъ въздуха сего?" Аз же рекох: „Ей, господие мои, многи нужди и бѣды бывають. Да кто сиа възможеть преити без бѣды и без мятежа? И мню бо, господие мои, никтоже в мирѣ ономъ, отнюдуже изидох, что здѣ бываеть, не вѣдают отнюдь". Рекоша они: „Вѣдаемъ и мы, якоже не вѣдуще, что ся здѣ дѣетъ. Но аще бых чистѣ вѣдала о сихь, то много ся быхъ попекла о сихь грѣсѣхъ, паче же и о милостыни, та бо много поможеть здѣ, и ктому противилася бы противу злымъ, искупилися быша, егда умирают, и сего ради преидуть духи. Но понеже не свѣдають и живут в лѣности, потом же приходять вся та на ня. Да горе тому, иже не имать добраа и духовна. Да крѣплии будеть на кровопиица, сиа достигаа и преходя, внегда мимоидеть".

Сиа намъ бесѣдующимъ, доидохомъ вторагонадесяте мытарства, иже нарѣкашется зловъспоминание. И достигшимъ намъ, и к тѣмь проклятымъ дошедшимъ, яко лукавии разбойницы скоро пытааху, егда что обрящют въ своемъ лукавѣмъ свитцѣ написано о мнѣ, да възмогут мене облиховати. И по молитвѣ святаго и преподобнаго отца нашего Василиа ничтоже не възмогоша обрѣсти и посрамишася лукавнии, ибо ласкова бяах въ ономъ мирѣ къ всѣмь зѣло, любовь имущи и к малымъ, и к великимъ, яко и ты лѣплѣ свѣдаеши, о *чадо*. Ничтоже ми сотворьши, якоже речено, ни в семъ имущи мене обиати, отидохь посрѣдѣ ихь, ничтоже от тѣхь не приимши. И на прочее идяахом.

Идущим же намъ, въпрошаахь ведущих мя: „Господие мои, молюся вамъ, ползу ми сътворите о семь словеси: о како сии вѣдают сиа дѣлающе безаконие, коль далече суще, что мы, человѣцы, въ ономъ вѣцѣ творимъ, бесчисленое удаление межю собою имуще?" Рече единъ от нихь къ мнѣ: „Не вѣси ли, якоже всякий христианинъ лукаваго аггела имѣетъ с собою и въслѣдъ его послѣдующа и вся дѣла его злаа написающа? Тако же имущему благому благихъ дѣла, имже образомъ лукавнии, и тому пишющю вся. Елико же знаменаютъ лукавнующии въ ономъ мирѣ коегождо *християнина грѣхы. И абие различають грѣхы, когождо* мытарства достоинство посылаетъ, да и онии же написущеи я. Егда въсходить душа, и кождо ихь имѣютъ нѣчто в себѣ, имже възмогутъ препрѣти ихь и възвратити а в бездну, иже не имуть дѣлъ благихъ. Егда мимоходя хощеть исповѣдатися, аще бо наша добраа дѣла умалятся, егда по правдѣ препирають нас, внегда та сравнаются с вѣсиломъ искупающе грѣхи, и мимоидем. Ибо, якоже речено, не имущемь намъ дѣлъ праведных, къ антихристовѣ злобѣ нас исторгающе, но от рукъ нашихъ биюще, въ бездну ю посылают и заключяюще въ тмѣ и сѣни смертнѣй до Страшнаго оного неотрочнаго суда. И такимъ образомь елико же творят съгрѣшающе в мирѣ ономъ".

упивалась. В конце концов отдали добрые душеводители мои и этим то, что должно было искупить грехи мои, и, исшедши оттуда, продолжили мы путь свой.

И говорили мне святые ангелы, когда шли мы: „Видишь ли, какую беду терпят те, кто проходит этих бесов князя воздушной тьмы?" Я же ответила: „Да, господа мои, много нужды и бед бывает. Да и кто может пройти их безбедно и безмятежно? И думаю, господа мои, что никто в мире том, откуда я пришла, о том, что здесь происходит, совсем не знает". Сказали они: „Ведаем и мы, что не знала ты о происходящем здесь. Но если бы дано было тебе узнать об этом, то лучше бы позаботилась о грехах своих, и искупились бы они, как и о милостыне, которая весьма помогает здесь, и сторонилась бы зла; кто поступает так, тот после смерти минует бесов. Но поскольку не ведают люди этого и живут в лености, то и приходит на них все это. Да горе тому, кто не имеет доброго и духовного. Да горше будет жестокосердному, достигшему этих мест".

Так беседуя, дошли до двенадцатого мытарства, которое называлось злопамятство. И когда достигли его и дошли до проклятых тех бесов, то они, как злые разбойники, тотчас начали искать, не написано ли в бесовском свитке их то, чем можно оболгать меня. И по молитве святого и преподобного отца нашего Василия ничего не могли найти и посрамились лукавые, ибо дружелюбна была ко всем в мире земном, любила и детей, и взрослых, о чем и ты хорошо знаешь, о чадо. И ничего мне не сделали, как сказано, не смогли схватить меня, и прошла я, ничего не приняв от них. И дальше пошли.

Когда же шли, вопрошала я ведущих меня: „Господа мои, молю вас, поведайте мне: как узнают вершители беззакония о том, что мы, люди, творим в жизни земной, ведь столь велико расстояние отсюда до земли?" Ответил мне один из них: „Разве не знаешь ты, что всякий христианин лукавого духа имеет при себе, следующего за ним и записывающего все его греховные дела? Имеет также и благого ангела, который дела благие все записывает. Так что отмечают бесы в том мире грехи каждого христианина. И тотчас определяют, к какому мытарству относятся они, да и записывают их. И когда восходит душа, каждый из грехов знают и могут переспорить души и увлечь в бездну их, не имеющих дел благих. Если же не хватает наших добрых дел и поистине побеждают нас бесы, то проходящий сокрушается, что не исповедался, но дальше идем мы лишь тогда, когда добрые дела сравниваются на весах с греховными, искупая их. Ибо, как сказано, если не имеем мы дел праведных, к антихристовой злобе нас исторгают и, выхватив из рук наших, в бездну душу посылают и заключают во тьме и сени смертной до Страшного неотвратимого суда. И получают столько, сколько сотворили, согрешая в мире том".

И тако водящимъ мя бесѣдующимъ, мнѣ же дивящися, достигохом третиагонадесять мытарьства, еже нарѣкашется чародѣйство и потвори, волхвование и обавникъ, и подобнии имъ. Бяаху воловнии дуси, иже в томъ мытарьствѣ, змиини, и змиеви, и единорогимь образу подобящеся, ихже видѣние тма и поползение. Горести бо бяаху всякоа исполнени. И не имущемъ имъ оболгати мя, минухом и тѣхь, ничтоже ихь мнѣвъше.

Паки же убо начях въпрошати водящих мя: „Господие мои, молюся вамъ, всяк грѣх, иже сотворить человѣкъ в мирѣ ономъ, всякому ли въздати слово отсюда отшедши, егда умреть, о тѣхь, иже сотвори? Вижу бо, како мене и въмалѣ пытають, и дивлюся". Рекоша они ко мнѣ: „И всѣмь не тако. Аще бы ты исповѣдала грѣхи своа духовному своему отцу, было ти епитемию приемши и послужила бы тѣмь, да егда бы скончала та ти, тогда бы приала прощение от Бога и отца твоего и мытарьства злаа и пагубнаа прешла бы нынѣ бес пакости, никомуже не могущю рещи слова на тя. Егда бо исповѣсть кто во оном мирѣ грѣхи своа и ктому дасть себе на покаание, и отдасть ему Богъ, елико же будеть согрѣшил, и ктому будеть свободенъ, приим самъ невидимо оставление свое. Сии же в мытарствѣ бѣси, имуще сихъ безакониа в свитцѣхь своихь написавше, скоро отвивающе, яже написана, ничтоже ихь бяаху написали ни знамениа от нихь могуще обрѣсти, ибо Святый Духь невидимо заглади ихь оттудѣ. Вѣдають бо иже въ мытарствѣ вси, якоже исповѣданиемь загладишася, и скорбять, не улучивше. Дивно бо есть покаатися преже смерти. Аще кто не упразнится покаатися, потааетъ прежняа своа съгрѣшениа, мнится въ покаании преставъ от грѣхь, иже не покаются, здѣ имже видиши и твоа испытаема".

И тако намь бесѣдующим, достигохом четвертагонадесяте мытарства, иже нарицашется чревообиадение. И от того мытарства изыдоша нѣции толсти и тучни, дивии, злии суще, большии бо суще, нежели прежнии. И сии обличяахут мя, како ядях от юности моея от утра имже образомъ и свиниа, не вѣдающе о горцѣмь семь мытарствѣ, како ядяхь в говѣние от перваго часа, не сотворивши молитвы, якоже ядяхь всегда вси в велицѣ пространствѣ, завтрокающе и обѣдующи, сирѣчь и полуднующе, и вечеряюще, обьядающеся чреву обиадениемъ. Сиа вся обличяху и поносяхуть ми, искушахутся пожрети мя, рекуще: „Въ крещении убо своемь рекла еси и обѣщалася еси, отмѣтающеся сотоны и всѣхъ дѣлъ его. И како нынѣ по страшныхъ обѣщаниих онѣхъ и потомъ творила еси прегрѣшениа?" Въдавшимъ убо намъ и тѣмь должное и искупивше прегрѣшениа моа, о нихже препираахут мя, преидохомъ и то скверное мытарство.

Достигохомъ пятагонадесять мытарства, иже нарицашется кумирослужение и всякоа ересе. Тѣмъ, иже с ними любовь имуще, испытаахут тамо тако. Никакоже убо к симь о семь възвратихом, ничтоже бо ти ко мнѣ о томъ имяхуть. Егда же в мыши и въ свиниа дивиа превращаахуся, имуще величества долготу, якоже кити страшнии. И смрад страшный сущь окрестъ ихь зѣло, и в сласть имяхуть смрада того, почивающе в немь. Многи бо души,

И так беседовала я с душеводителями моими и удивлялась, и достигли тринадцатого мытарства, которое называлось чародейство и колдовство, волхование и заклинание, и подобное тому. Были в том мытарстве волообразные духи змеиные, и змеи, и подобные единорогу, а облик их темен и гадок. Горечи всякой были исполнены они. Но не могли оболгать меня, и минули их беспрепятственно.

Снова же начала я спрашивать водящих меня: „Господа мои, ответьте мне, каждому и за всякий ли грех, который сотворит человек в мире земном, нужно держать здесь ответ после смерти? Вижу ведь, что и в малейшем грехе меня пытают, и дивлюсь этому". Отвечали они мне: „И не всем так. Если бы ты исповедала грехи свои духовному своему отцу, приняла бы епитимью и исполнила бы ее, то по кончине твоей приняла бы прощение от Бога и отца твоего и мытарства злые и пагубные прошла бы теперь без страданий, поскольку никто бы не мог ничего сказать тебе. Когда кто исповедует в том мире грехи свои и покается, то простит его Бог в том, и будет свободен от грехов, принимая невидимо прощение свое. Эти же бесы мытарства, имеющие в свитках своих записи о беззакониях, тотчас по приходе души раскрывают свитки и не могут найти даже следов того, что раньше написали, ибо Святой Дух невидимо загладил все. Понимают все в мытарстве, что через исповедь исчезли записи, и скорбят, не получив душу. Хорошо ведь покаяться перед смертью. Кто же избежит покаяния, утаит прежние свои прегрешения, решит предстать безгрешным и не покается — здесь их ты видишь, пытаемых, подобно тебе".

И в такой беседе достигли мы четырнадцатого мытарства, которое называлось чревоугодие. И из этого мытарства вышли некии толстые и тучные, свирепые, злые, большие, нежели прежде. И они обличали меня в том, что ела в юности моей с утра как свинья, не зная о горьком этом мытарстве, что ела во время поста с самого его начала, не сотворив молитву, что ела всегда все в большом количестве, завтракая и обедая, полдничая и ужиная, насыщая чрево едой. Все они обличали и поносили меня, желая поглотить меня, говоря: „В крещении своем говорила и обещала отречься от сатаны и всех дел его. Как же после клятвенных обещаний тех потом творила таковые прегрешения?" Дали мы должное и тем и, искупив прегрешения мои, в которых упрекали меня, прошли и это скверное мытарство.

Достигли пятнадцатого мытарства, которое называлось кумирослужение и всякая ересь. Те, кто любовь имел к этому, там испытывались. Ничего мы не дали им, потому что не имели они обвинений против меня. И в мышей, и в свиней диких превращались они, становясь огромными, словно киты ужасные. И смрад страшный стоял вокруг них, и сладок был тот смрад им, в котором пребывали. Многие души, говорили они, уловленные здесь, в жизни своей

глаголахуть, привлачяаще, всегда творяще тѣмь подобнаа и умирающе, тѣмь тамо хотящимь преити, да поклонятся престолу благодатному, суще позорище идольское скверненаа и учюжденаа от всякаго благаго видѣниа бываахут. Якоже разумѣвше, якоже женский духь, ничтоже не имяхуть пытати. Се токмо испыташа въ мнѣ, рекуще, егда когда уна сущи, сверстницѣ своей отроковицы любовь имущи, въ единой постели нощию почивающи, яко женский ложественый грѣхь сотвориши обою. Ничтоже в том тѣмь обрѣтшим, и отступихом оттуду от скверныхь тѣх.*

Доидохомь шестагонадесять мытарства, уже приближающеся къ вратомь небеснымъ, ктому иже нарицашется прелюбодѣйство испытаниа. Бѣси же скоро нас усрѣтоша, пытаахуть, тщание крѣпко имуще. И еще блаженному не пришедшю к намъ, съ другомь своимь пребываахь в невѣжьствѣ, ничтоже намь в томъ не имущемь, юномъ сущем, прельстившися, падохъ. Сего ради онѣмь вельми мя препирающимъ. Водящии же мя вельми противляахуся, рекуще: „Не от иерей благословилася". Сице убо межю собою прѣвшимся, побѣдиша мои. Ничтоже имъ не вдавше, мимоидохом. Рекоша же они иже в томъ мытарьствѣ суще: „Аще и нас преидосте, но вышнихь не преидете, достигшимъ блуднаго мытарьства".

Идущимь намъ тамо, достигохом седмагонадесяте мытарства, иже нарицашется убийство. Въ немже бѣ всякое убийство и всяки раны или биение, или ино что, въсхищение или неправда от ближняго бывши. И истязають бѣси, егда мимоидуть душа. Малы преобидѣвше нас и о сихъ, якоже множицею, и еще не в смыслѣ ми сущи, вражду сотворихь жива сущи въ уности своей или коли за власы имшися с кѣмъ.

И потомъ оттуду идохом, достигохомь осмагонадесять мытарьства, иже нарицашется татьба. Тому к намъ пришедшю, подробну пытахуть. Мало насъ истязавше, мимоидохом.

Прешедше и тѣхь, доидохом девятагонадесяте мытарства, уже къ вратомь небесным приближающеся, и то бысть блудный. Князь же убо того мытарства в ризу бѣ оболченъ, гноищемь помазану, и кровию окропленъ, и крашашеся ризою своею по безумию своему, мняаше бо нѣчто благо имѣа. Той же стоа противяашеся аггеломь Божиимъ и с ними пряшется скверныхь дѣлъ ради о всякомь недостоиньствѣ и о совокуплении блуднѣмъ, выну смѣшающися и в томь пребывающе крѣпко. Слуги его вскочивъше и нас усрѣтоша, зѣло испытаахут ны о моих дѣлѣх, иже во уности моей, посредѣ покладааху, со мнозѣмь дрьзновениемь обличяюще мя и поносяще. И тѣхь мужьскихь имена, с нимиже многажды, егда бѣхь млада отроковица и въ игрѣ, страстовах с тѣми прироки и образы, и всѣх исповѣдааху, възвѣщающе. И имше мя и въсхитиша, хотяше съврещи долу. Много аггеломь глаголющимь, якоже преста, рече, и по чину и умолчя от всякого зла. Ти же рекоша проклятии бѣси: „Якоже, — рече, — преста и умолче, вѣдаемь. Но обаче таи, и наша съхранена быша в

творившие подобное и умершие, хотевшие пройти, чтобы поклониться благодатному престолу, обнаруживают здесь капище идольское, скверное и отличное от всякого благого вида. Когда же поняли, что женский дух перед ними, ни о чем не испытывали меня. Только испытывали меня, спрашивая, не сотворила ли в юности женский плотский грех со сверстницей своей, в любви почивая ночью в одной постели. Когда ничего не обрели они, отошли мы от скверных тех.

Приближаясь к вратам небесным, дошли мы до шестнадцатого мытарства, которое называлось прелюбодеяние. Вскоре встретили нас бесы и испытали меня с великим пристрастием. Еще до того, как блаженный к нам пришел, жила я с другом своим в греховном неведении и, прельстившись, пала, ибо юной была и не знала, что это грех. И поэтому те бесы много клеветали на меня. Водящие же меня весьма им противились, говоря: „Не была она священником венчана". Так в споре с бесами победили мои ангелы. Ничего им не отдав, мимо прошли. Сказали же те, кто в том мытарстве был: „Хоть нас вы и прошли, но тех, кто выше, не пройдете, достигнув блудного мытарства".

Продолжая идти дальше, достигли мы семнадцатого мытарства, которое называлось убийство. В нем же было всякое убийство, и всякое ранение или побои, или иное что, похищение или насилие над ближним. И истязают бесы, когда мимо идут души. Немного упрекали нас и в этом грехе, поскольку часто, когда еще несмысленной была в юности, враждовала в жизни своей или за волосы кого-нибудь таскала.

И потом оттуда пошли и достигли восемнадцатого мытарства, которое называется разбой. И, подступив к нам, подробно пытали нас бесы. Немного претерпели от них и мимо прошли.

Пройдя и тех, дошли до девятнадцатого мытарства, уже приближаясь к вратам небесным, и то был блуд. Князь же того мытарства в ризу был облачен, помазанную гноем, и кровью окроплен, и хвалился ризою своей по безумию своему, считая, что нечто благое имеет. Он же, стоя, противился ангелам Божиим и с ними спорил о скверных делах, о всяком недостоинстве и о совокуплении блудном, которое возлюбили грешники. Слуги его вскочили и встретили нас и ревностно испытывали нас о моих делах, которые совершила я в юности, и на середину их положили, с большой дерзостью обличая меня и браня. И называли имена мужей, с которыми часто, будучи отроковицей, в страсти порочной пребывала, забавляясь, и об этих грехах спрашивали меня. И схватив меня и похитив из рук ангелов, хотели бросить меня вниз. Ангелы же говорили, что давно перестала я творить зло. Те же проклятые бесы ответили: „Что перестала, знаем. Но, однако, скрывала, и дела наши сохранены были в ней, поскольку любила нас и не открывала дел наших никому на земле в

ней, понеже любляшеть нас и не обличяшеть дѣлъ нашихь покаанием никомуже на земли. Се мы обрѣтаемъ, якоже не исповѣдалася есть, ни поработа епитемии, ни приа же оставлениа ни у единого же мниха от служебника его, иже въ свѣтлость ту облъченъ иже на очищение бесчестное. Обрѣтаемъ ту, никакоже по закону покаанию прилежавши. Да уже оставите ту нам, а вы идѣте. Что вамъ помощь, досюдѣ пришедшимь, тоа ради и дѣлъ ея лукавыхь, аще имате дѣло благо всегда?" Аггели же Господни, вдавше им равно извѣстно от добраго дѣаниа блаженнаго избавлениа ради душа ея, иже бѣ той себѣ стяжалъ, яко мнѣ от нихь с показанием оклеветаемѣ, въземше мя, отидоша. Скрежетаху же они зубы своими на мя, страшнии они и сквернении, якоже избѣжавши ми ихь, дивящимся тѣмь, кто мя одари божествеными тѣми дѣлы, имиже откупаахъ безакониа моа от нихь и не повиновахся имъ.

Идущим же намъ, рекоша аггели Господни ко мнѣ: „Видиши ли мытарство се, иже преидохом?" Мнѣ же рекущи: „Ей, видѣхь". Рекоша ко мнѣ: „Мало душь отсюда избѣгають бес пакости, зане сущю суетному оному миру любоблудному, прелюбодѣйному и грѣшному. Всяку бо душю се мытарство въ единомь приимаетъ и низлагаетъ, имже оскверняются в нечистоты блудныа, и низлагают ю в бездну. Ту же заключяють ю въ тмѣ и сѣни смертнѣй до страшнаго пришествиа Господа нашего Исус Христа. Ты же благодатью дивнаго оного старца се убѣжала еси сих. И хвалящимся бес числа, якоже „Мнѣ, — рече, — исполнити имъ геону огненую, занеже душю прилежавшю нечистотѣ и блуду и повиновшися князю тмѣ и властелю сему мытарьству блудному". И се удолѣ и симъ, и ктому не узриши зла, якоже помилова тя Господь и угодника его ради Василиа".

Сице тѣмь исповѣдающимъ, достигохом другаго мытарьства, емуже бѣ имя немилосердие. Ту бо вси немилосердии, и вси скупии, и неблагосердии человѣцы горцѣ от них испытоваеми. Егда вся заповѣди Божиа исправиши, и будеши немилосердъ и немилостивъ, и ключить ти ся умрети, вся убо мытарства бес преткновениа преидеши, аще и въ всѣхь вреда не приимеши, то егда к сему достигнетъ, абие того ту удержат горцыи того мытаръства местницы и мытоимцы, и ако немилостива и немилосерда биють и въ мрачнѣмъ затворѣ адовѣ затворяють до общаго всѣхь въскресениа Богу, не милующю ихъ инѣхь ради добродѣтелей. Якоже не вда убогому когда уломка хлѣба, ни мѣдницы брату нищему николиже, занеже не посѣти в болѣзни лежаща и в темницахъ и елико симъ подобнаа занеже не сотвориша, убо имуще скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню утѣшну показующе. Сия бо ми аггели Господни о томъ мытарствѣ ясно исповѣдаша, якоже рѣхом. И достигохом сего мытарства. Старѣйшина мытоимства того отнюдь тонокъ, и зѣло иссохшь, и вельми грыжавь, якоже страсть немилосердиа и скупость, немилостыня тацѣмь образом и тацѣмь студом себе преображашется пагубный. Ибо немилостивии человѣцы, егда кто от убогих еже что от него испросит, абие грызется по

покаянии. И то нам ведомо, что не исповедалась, не подчинилась епитимье, не приняла отпущения грехов ни от одного монаха или священника, облеченного благодатью на очищение от бесчестного. Наша она, потому что не покаялась по закону. Оставьте ее нам, а сами идите. Зачем вам, придя сюда, помогать ей ради дел ее лукавых, если всегда вы дело благое вершите?" Ангелы же Господни для избавления души моей отдали им от добрых деяний блаженного, которые тот себе стяжал, столько, сколько клеветы от бесов получила, и, взяв меня, отошли. Скрежетали же на меня зубами своими страшные и скверные те, поскольку ушла я от них, и дивились тому, кто одарил меня божественными теми делами, ведь откупила грехи свои и не повиновалась им.

Когда же пошли, спросили меня ангелы Господни: „Видела ли мытарство то, что прошли?" Я же ответила: „Да, видела". Сказали они мне: „Мало душ уходит отсюда без напасти, потому что суетный мир тот — блудолюбивый, прелюбодейный и грешный. Каждую душу это мытарство принимает и, если осквернена она нечистотами блудными, то низлагают и в бездну ее бросают. Там же заключают ее во тьме и сени смертной до страшного пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Ты же по благодати дивного старца избежала этого. И похваляются непрестанно: „Мы одни, — говорят, — заполним геенну огненную, потому что души человеческие нечисты и блудолюбивы и повинуются князю тьмы и властителю этого мытарства блудного". Но ты одолела и это и не увидишь зла, поскольку помиловал тебя Господь ради угодника своего Василия".

Когда так они говорили, достигли мы другого мытарства, которому название было немилосердие. Там же все немилосердные, и все скупые, и неблагосердные горько от бесов страдали. Когда все заповеди Божии соблюдешь, но будешь немилосерден и немилостив, и случится тебе умереть, все мытарства беспрепятственно пройдешь и нигде тебе вреда не будет, когда же до этого дойдешь, тотчас задержат тебя злые местники и мытоимцы мытарства этого и станут тебя, немилостивого и немилосердного, бить, и в мрачном затворе адовом затворят до общего для всех воскресения пред Богом, не прощая ради иных добродетелей. Здесь мучаются те, кто когда-то не дал убогому куска хлеба или медной монеты брату нищему, или не посетил лежащего в болезни и в темнице заточенного, или подобное этому не сотворил, выказывая скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню неутешную. Так мне ангелы Господни об этом мытарстве ясно поведали, как я тебе рассказала. И достигли этого мытарства. Старейшина мытарства был весьма худым, и очень иссохшим, и болезненным, поскольку немилосердие, и скупость, и немилостыня в болезнь пагубную преображаются. Ибо немилосердный человек, если убогий какой что-то у него попросит, тотчас

обычяю, яко страсть имѣ, и отметается вопросу. Тацѣмь образомь нечествовашется пагубный онъ и звѣрообразный. Нам же к мытарству дошедшимъ, слуги же его, иже ту бяаху совокуплени, скоро пришедше дѣлъ ихь взыскааху испытоваающе. Ибо множество милостыня сътворивши: егда вдавши ми укрухь убогому, овогда же мѣдницу, или воды чяшу, или вина душа моея ради спасениа просто, яко сила моа можааше. Радость ми тамо въсприимши, веселящися от них, и внутрь врата небеснаа внидох. Ничтоже бо не возможе нас от правых възбранити.

Врата же небеснаа бяахуть яко обличие крустала свѣтло свѣтящася. И окрестъ ихь красно, яко от звѣздъ свѣтлых или иного нѣкоего свѣта, яко обличие злата имущи украшена и лѣпотна. Уноши же у вратъ въ златѣ одежди, молниею препоясани, и нозѣ ихь украшены огнемъ непостоаннымъ свѣтломъ. И тои веселяшеся и приатъ нас, радуася, якоже избѣже от насъ душа бес пакости горкихъ онѣхь мытоимствъ тмы въздухь, боле славляаху Бога. Идущим же нам внутрь небеса вод множество, иже бяаше над твердию, идущи преидохом, ибо бысть яко раступающися и бѣжащи от лиц нашихь напред на страны, и назади же совокупляющеся.

Прошедше*м же* намь тѣхь вод, иже над твердию, приидохомъ кь въздуху нѣкоему страшному и недоумѣнному. И на томь покровь златъ блещащься, страшнаа пространьства ефера оного въ пространствѣ противящеся. Бяахуть бо на томь покровѣ уноша нѣкои лѣпотны, имже не бѣ числа, огнемь облечени, якоже блескь солнечный, идуще на запад. И власи ихь, яко молниа, ноги ихь бѣлы, яко млеко, лица же ихь яко снѣгъ, и паче сторицею свѣта сладчяе зѣло свѣтящеся. И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящих мя честныхь аггелъ Господнихъ, идуще спутьшествоваху, осклабляющеся и веселящеся играаху, радующеся о мнѣ, якоже, рече: „Приимшю ю душю въ чяс на спасение въ царство небесное". И с нами идяху, поюще пѣние сладкое, занеже идяхом поклонитися огнеобразному престолу Божию. Идущим намь, и облакь, не яко облакъ поднебесный, но облакь образомь, яко цвѣтъ рдящься, паче сихь сторицею свѣтлѣе. На единой странѣ взятся облакъ, якоже завѣса нѣкоа бѣла, яко свѣтъ, и та премѣнися. И се подаль дворъ златъ долѣчний ми свѣтяся, многошарный, и в златѣ славѣ различными образы сиающа, и сладко веселиа ныня отшедши от тѣхь. И се въздухь огнеобразенъ, и благоухание Господне мастно и сладко.

И прешедшимь намъ мало, узрѣхомь, и се на высотѣ въздуха бысть бес числа зѣло престол Божий, престолъ бѣлъ и многоукрашенъ, сиание блистаа паче и просвѣщаа предѣлы и препитаа вся, иже ту стояти достоини. Окрестъ бо престола Божиа златочистыа уноши высочество, яко кипариси, в качьство блистание имуще лѣпотно, облечени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну, ихже слово человѣчьско изрещи не можетъ. Пришедшимъ убо пред страшный престолъ онъ, идеже бесчисленое высочество, видящимъ намь непостоанную славу, въистинну правду, благость, трисъставно въспѣша

начинает браниться, будто болезнь какую имеет в себе, и отказывает в просьбе. Вот так грешил пагубный тот и зверообразный. Когда же мы дошли до мытарства, слуги его, которые здесь были собраны, взыскание учинили, но ничего не нашли. Ибо много милостыни творила: когда давала убогому кусок хлеба, или же медную монету, или чашу воды, или вина просто ради спасения моей души, сколько могла. Радостны стали мы и в веселии во врата небесные вошли. Ничто не смогло нас отвратить от правого пути.

Врата же небесные имели облик хрусталя светло светящегося. И вокруг них красиво, как от звезд светлых или иного какого-то света, и имели они красоту и блеск золота. Юноши же у врат в золотой одежде, молниею препоясаны, и ноги их украшены огнем мерцающим светлым. И были они веселы, и приняли нас, радуясь тому, что избежала моя душа бед горьких тех мытарств в воздушной тьме, и еще больше славили Бога. И вошли мы внутрь обильных небесных вод, которые были над твердью, и перешли их, ибо они расступались и бежали от нас вперед и в стороны, а позади нас смыкались.

Когда мы миновали те воды, бывшие над твердью, пришли к некоему воздуху изумительному и невообразимому. Золотой блестящий покров ограждал пространство этого изумительного воздуха от прочего пространства. Были на том покрове некие бесчисленные юноши прекрасные, облаченные огнем, как закатным блеском солнечным. И волосы их были, как молнии, ноги белы, как молоко, лица — как снег, и светились в стократ ярче света. Увидев меня в руках носящих меня честных ангелов Господних, они пошли рядом, улыбаясь, веселясь и радуясь, потому что, как говорили: „Принята душа ее в срок на спасение в царство небесное”. И шли они с нами и пели сладко, потому что направлялись мы поклониться огнеобразному престолу Божию. Когда шли мы, увидели облако, но не такое, как облако поднебесное, но красного цвета, стократно светлее прочих. С одной стороны поднялось облако, как некая завеса белая, как свет, и все изменилось. И вот засиял многоцветно вдали двор золотой ровный, переливающийся в золотой славе, и в сладком веселии пошли мы дальше. Воздух здесь был светел, и благоухание Господне благовонно и сладко.

Когда прошли мы немного, увидели в воздухе на высоте необозримый престол Божий, престол белый и многоукрашенный, еще ярче блистающий, освещающий пределы и светом пронизывающий всех, кто там стоять достоин. Вокруг Божьего престола — златочистые юноши, высокие, как кипарисы, блистающие достоинствами, облаченные в багряницу и в одежды светлые и изумительные, которые невозможно описать словами. Когда мы подошли к этому страшному престолу бесконечной высоты и увидели непреходящую славу, истинную правду и благость, шедшие со мной к престолу Божию

пѣние иже со мною идуще к престолу Божию. И иже на престолѣ страшнѣ почивающе от невидимых. Трижды абие поклонихомся Отцу и Сыну и Святому Духу и прославиша Святую Троицу, престоящую выспрь на огнеобразнѣ въздусѣ купно с нами, о спасении моемъ въ славѣ хваления. И се глас лѣпотенъ зѣло и крѣпокъ от высоты, рекущь ко мнѣ *нося*щимъ мя: „Ведше ю около, — рекуще, — иже къ всѣмь душамь, на всяком жилищѣ пребывающимъ, святымъ и к преисподним, и потомъ покойте ю, въ нихже заповѣда вамъ угодникъ мой Василие".

Отшедшим же намъ оттудѣ, въ жилища святыхъ идяхом. И се бесчислении, имже не бѣ числа зѣло от солнечныхъ лучь, от виса* и перфиры сиания и лучь и от инѣхь многихь ваповъ красных божественых бесплотныхъ, иже просвѣщають просвѣщениемъ и страшнымъ сианием святыхь обители рукою Божиею несказанною. Въ нихъже и ти доидоша на поле едемское въ благодуховную пажить, идѣже истекаше вода умнаа, вода животнаа, въ мѣстѣ покойнѣ, въ мѣстѣх святыхъ почивалныхъ. Си же вся бываахуть яко полаты прекрасны, жилища и храми, онии же десницею Господнею ухитришася. И другъ друга святыхъ зряще, дивяахуся от страшныа красоты не насытящеся. Поприсну бо бяхуть апостоли, присно же пророцы, при*с*но же мученицы, присно же святители, присно же преподобнии и праведнии. Когождо ихъ приготова *жи*лище себѣ, иже суть в долготу и в ширину яко царьстии гради,* от нихже она отшла есть и в нихже вселятся. Вси же убо святии, выходящеи от своихь жилищь, духомъ умнымъ целоваахуть мя, веселящеся и радующеся о моем спасении.

И доидохом же до ядръ Авраамовѣхъ, и се исполнь славы нестарѣющаяся ядро его. Не телеснаа бо ядра его, но мѣсто отлучено есть. Ядро то дивъно бывааше, исполнена воня духовныа, и вонею цвѣтною и доброуханною, и ароматы духовными и небесными, и пажитьми вышними утѣшена, и възлюблена, и исполнена; ихже благовъздушно видѣние и доброты, аще исповѣдаю ти, земными словесы съвершити не можемъ. Ту бо платы умныа от свѣтлых лучь с особными патриархи духовными хитростьми состроены от Господа Вседержителя, умножениемь лучь и страшными свѣтлостьми измечтана и украшена, добраа лѣпотнаа. Въ нихже младенцы христианстии, елико же ихь есть банею бытийскою, по разрѣшению связаниа плотьскаго окрестъ его славою неизреченною ликующе, реку, окрестъ Авраама, Исаака и Якова.* Ибо и ти ту пребываахуть и со обѣманадесяте из нихъже обѣнадесяте племени Израилеви на столѣхь дивъных почивающе. Имже образомъ видиши солнечныа лучя свѣтящася, обиати бо сихь не можеши, тако приравнающихся души святыхь видимыхь убо от тѣхь подобныхь святыхь душь образомь телеснымь измѣнение имущи безвеществены, якоже солнечныа лучя обьяти плотнѣй руцѣ не могуще.

И тако, о чядо, многаа оставивше, прешедше окрестнаа раа и долнѣйшняа и сокровища адова, иже сокруши тамо Господь Богъ нашь Исус Христос,

троекратно песнь воспели. Пребывающие же на престоле страшном были невидимы. И мы тотчас трижды поклонились Отцу и Сыну и Святому Духу и прославили Святую Троицу, предстоящую высоко на огнеобразном воздухе вместе с нами, за спасение мое в славе восхваления. И тут с высоты прозвучал голос прекрасный и сильный, обращенный ко мне и к носящим меня: „Ведите ее вокруг, — сказал, — ко всем душам, пребывающим в разных жилищах, к святым и преисподним, а потом поселите ее там, где заповедал вам угодник мой Василий".

Покинув то место, направились мы в жилища святых. Они были бесчисленны, и невозможно было счесть солнечных лучей, и от виссона и порфир лучей и сияния, и иных различных чудных красок, бесплотных и божественных, которые освещают светом и изумительным сиянием жилища святых, по неизреченной воле Божией. Здесь обрели они поле эдемское, благодуховную пажить, откуда истекает вода духовная, вода живая, в местах покойных, в местах святых для отдохновения. Все эти места выглядели как палаты прекрасные, жилища и обители, десницею Господней искусно сотворенные. И, глядя на святых, дивились мы неизреченной красоте, никак не насыщаясь ею. И были здесь отдельно апостолы, отдельно — пророки, отдельно — мученики, отдельно — святители, отдельно — преподобные и праведные. Каждый из них приготовил жилище себе, в длину и ширину подобное стольным городам, из которых они отошли, чтобы в такие же вселиться. Все святые, выходя из своих жилищ, духовным целованием целовали меня, веселясь и радуясь моему спасению.

И дошли мы до недр Авраамовых, и были исполнены славы нестареющие недра его. Не телесные это недра, но особое место. Дивно оно, исполнено духовного благовония, и запаха цветочного благоуханного, и ароматами духовными и небесными, и пажитьми вышними услаждено, и возлюблено, и исполнено; их благовоздушный облик и красоту, хотя и рассказываю тебе о них, земными словами передать невозможно. Здесь были и палаты духовные для патриархов, из светлых лучей духовным мастерством Господа Вседержителя созданные, умножением лучей и неизреченными светлостями украшенные и добролепные. В них обитают младенцы христианские, принявшие святое крещение, по разрешении плотских уз они ликуют в неизреченной славе вокруг Авраама, Исаака и Иакова. Ибо и те тут пребывают с двенадцатью из двенадцати колен Израилевых, почивая на дивных престолах. Как видишь сияющие солнечные лучи, но обнять их не можешь, так и видимые души святых подобны их образу телесному, но бесплотны, как и солнечные лучи, не уловимые человеческой рукой.

И так, о чадо, преодолев большой путь, пройдя пределы рая, ближние и дальние, и жилища ада, которые сокрушил Господь Бог наш Иисус Христос,

възвратившем же ся намъ на запад, идѣже горькиа муки и страсть ждуть убогихъ, так*ов*их же, якоже азъ, грѣшныи. Сиа вся показаша ми аггели Господни и рекоша ко мнѣ: „Видиши ли, от великиа бѣды избави тя Господь?" Ибо видѣхомь сокровища темнаа она, въ нихже въ тмахъ и сѣни смертьнѣй всяки душа иже от вѣка заключяются, якоже пѣсок, иже при краи морьстѣм, или паче персти земныхъ. И в забытие иже тамо суть лукавых не могуще свѣта сладкаго видѣти в вѣцѣ ономъ, ини выну въпиють: „Увы мнѣ!" И бес престани въсклицають горцѣ, алчюще разумнѣ и жаждуще питиа спасенаго, и обнажены от всякиа одежда духовныа, и скверными прегрѣшении изьядаеми: „Охъ, ох, увы!" Выну, о чядо, якоже прежде рекохъ, душевное просвѣщение, и не ктому ини плотьски въпиють, и нѣсть помилующаго. Егда когда душа мимоходитъ, тамо свѣтъ суще, аггелы Господни просвѣ*щаю*ть она, въ нихже они мимоидут, показающе душа праведныхъ, иже тамо вся да видѣти иматъ, в каки тмы горки уклонихомся. И на десный путь чистѣ повелѣнием Господнимъ възвратившемся и на уньший живот.

И киимъ образомъ преходит? Сиа вся преходить в четыредесяте дний, отнѣлиже отидох от убогаго моего тѣлеси и к сему покою, въ немже мя видиши сущу, не моего, но преподобнаго отца иже въ святыхь Василиа угодника Божиа, иже еще живет в мирѣ оном, душя гиблющаа зѣло и блудящаа и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныа в воню благоуханиа.* Ибо ины многи душя быша здѣ со мною, ихже прежде мене восприят от пути безакониа ихъ и очисти ихъ добрѣ и спасе о Господѣ. Ибо вѣдаю здѣ господина Иоанна духа и оспожю Елении,* подружие его, иже добрѣ послужистѣ ему в мирѣ ономъ, прочихъ душа суть здѣ, от далнихъ временъ не вѣдомо здѣ. Но обаче прииди въкупѣ со мною, и въ внутреняа внидемъ, да увѣси, въ нихже пребываю. Ибо господинъ нашь избрал ны преподобный отець в чяс сей духомь своимъ здѣ пришед».

Нам же пришедшим, и смотряхъ на преподобную. И се вся каплющи божественое масло, и помазана миромъ и нардою* *и*стинною многоцѣнною, и чюждахся дивяся. Пред мною идяаше в бѣлу ризу, яко снѣжну, оболчена и сундарь от виса на главѣ носящу. Внидохом бо яко въ дворъ, и помостъ того двора златом и камениемь блещащься и украшенъ, и скверности в немь не бысть отнюдь. Посредѣ же златоявленых камений сади процвѣтше всяцыи красни бывааху насаждени, стоаху, неизреченную имуще радость, имже на ня зрѣти хотяаще весело. Въздвигшем же ся намь на въстокъ двора того, видѣхь платы свѣтлы страшно устроено во множество велики высоты суще. И еще не отшедшимь намъ оттуд*у*, близ же тѣхь полатъ, сирѣчь близ въсход ихъ, стоаше трапеза велика, яко лакоть 30, и тако бѣ от камениа измарагда, лучя въспущающи свѣтлы. Наверхь ей амигдалный сад красен, якоже зѣло цвѣтущь, и покрываше выше над трапезою до конца, и красоты трапезы тоа творяаше неизреченныа. На трапезѣ же велики мисы лежащa позлащены, яко молниа

возвратились мы на запад, где горькие муки и страдания ждут убогих, таких же, как и я, грешников. Показали мне все это ангелы Господни и сказали мне: „Видишь, от какой великой беды избавил тебя Господь?" Ибо видели мы эти темные сокровенные места, где во тьме и сени смертной разные души от века заключены, как песок на берегу морском или как прах земной. И пребывают в забвении грешники, и не могут они видеть там свет сладкий, иные же вопиют неустанно: „Увы мне!" И беспрестанно восклицают горько, алчущие духовно и жаждущие пития спасения, свободные от всякой одежды духовной и изъедаемые скверными прегрешениями: „Ох, ох, увы!" Всегда, о чадо, как я прежде говорила, жаждут они душевного света, но тщетно взывают, ибо нет прощения. Иногда, когда душа проходит, там появляется свет, ибо ангелы Господни освещают те места, где идут, показывая душам праведных все, что там есть, чтобы видели, от какой горькой тьмы убереглись. И вернулись мы на чистый праведный путь повелением Господним, к благой жизни.

Как же долго все это происходит? Это произошло в течение сорока дней с того дня, как отошла я от моего бренного тела к сему покою, в котором видишь меня, не моему, но преподобного отца святого Василия угодника Божия, который еще живет в мире том и приводит к Господу Богу души гибнущие и грешные как благовонное курение в жертву духовную. Ибо здесь было много иных душ со мною, которых прежде меня он отвратил от путей греховных, очистил их совершенно и спас для Господа. Ибо видела здесь души господина Иоанна и госпожи Елены, супруги его, которые хорошо послужили ему в мире том, души других людей из дальних времен, которых я не знаю. Но, однако, пойдем со мной и войдем внутрь, чтобы ты узнал, где я пребываю. Ибо господин наш, избравший нас, преподобный отец, духом своим сейчас сюда пришел».

Когда мы пришли, я посмотрел на преподобную. И вся она была окроплена божественным маслом и помазана нардовым миром, истинным и драгоценным, и в удивлении восхищался я. Она шла передо мной, облаченная в белую, как снег, ризу, и на голове ее был плат из виссона. И вошли мы будто во двор, вымощенный золотом и украшенный сверкающими каменьями, и ничто его не оскверняло. Посреди же златоподобных камений были насажены прекрасные цветущие сады, и всякий, кто смотрит на них, радуется и веселится неизреченно. Когда мы взошли на этот двор, увидел я палаты светлые, изумительно построенные, небывалой высоты. И там же, возле тех палат, у самого входа в них, стоял большой трапезный стол, локтей в 30, он был из камня изумрудного, испускающего светлые лучи. Прекрасный цветущий миндальный сад смыкался над трапезой и неописуемо украшал ее. На трапезе же стояли большие позлащенные блюда, блистающие, как молния, лежали изумруды, светлые сардониксы и разные другие камни райские,

видѣниемъ, каменообразны измарагды, сардонихи* зелении свѣтлии суще, от всякого камениа, исходящаго из раа, зѣло измечтани, приводящеся в высоту. Брашна же посредѣ ихь лежаща, овощи страшено и ушарении украшени, багрянообразны и млечно видѣниемъ, яко стеблие кринное и червленообразно, другое многоизмѣсны и несказаны бывааху. И цвѣти же убо различни лучьшии лежааху на мисахъ, и верху цвѣтъ тѣхь овощи неизреченнии они лежааще неизглаголаннии умомъ человѣчьскимъ. От овоща того свою сласть имущи в себѣ, якоже смѣшающихъ онѣх воню въ единение насыщающихся сласти ихъ ктому не восхотяшется.

Бѣ же *свят*ый блаженный Василий на столѣ чюднѣ на верху трапезы, яко господь тѣхь, *въ славѣ* почиваа. И стол бѣ зеленъ страшенъ блистаниемь и своа лучя имущи. Множество же на трапезѣ с нимъ свеселяхуся дивнымъ тѣмь овощем и съ всекрасными цвѣты, бяаху бо не яко человѣцы плоти не имуще, но яко огнеными лучями солнечными кождо ихь въ льготѣ. Тако и бяаху видѣние нечеловѣчно по истовому сложению обоюду имуща не увядающа, развѣ мужска полу и женска. Елико же питаахутся на трапезѣ оной дивнѣй, наипаче умножаашется царьскаа она пища и чюднаа, духовнаа убо сущи и мановениемъ Господнимь ту съкровена. Ядущеи же неизреченныа радости исполняахуся и веселиа прерадованна, и бяахуть веселом лицемъ вси друг къ другу прелетающе, и якоже сладкимъ вѣщаниемь прекраснѣ бесѣдуще. Черпахуть же имь образомъ нѣкоимъ червленоогнено видѣниемъ зѣло свѣтло сиающе безвещественыхъ снѣжносѣянными нѣкими чяшами. Егда приимаше кто от тѣхъ чяшю испити дивныя оноа дѣтели, иже от видѣниа токмо веселие черплющихь неизглаголанно, скоро неизреченное наслаждение Святаго Духа вси исполняахуся на мног чяс, свѣтяашеся ему, яко свѣтъ, сластноносное лице. Ибо служащеи имъ огневидны юноша прекрасны и бѣлилицы, якоже руно, и мышца ихъ, яко млеко, оболчени в червлену ризу, безвеществены, ушарены красно, и ноги ихь яко снѣгомъ препоясаны, яко от небеснаго лука, якоже треми ряды превузами различными блещащеся, и наверхь главы ихъ златыми камении и бисеромъ украшены и всяцѣми стройными вѣнцы.

Пришедши убо пред мною дивнаа она старица, с неюже аз тѣхь видѣти приидохъ, повѣда о мнѣ блаженному. Он же, яко веселиемь осклабився, к себѣ прияти ми повелѣ. И ктому приближившю ми ся к ней, и общее поклонение сътворшемъ, рекшю ми: «Благослови чядо свое». И тихо вѣщаниемъ честный рече ко мнѣ: «Поздраву ли прииде, чядо? Господь Богъ ущедрит тя, и благословить тя, и освятить тя, и съблюдеть тя въ благо, и просвѣтит лице свое на тя, и исполнить тя от всѣхъ небесныхъ и на земли добраа, и послеть ти помощь от святаго жилища своего, и от Сиона аггелы и архааггелы крѣпки и пречисты въ оружие въсхищении заступять тя». Мнѣ же на лице зрящю помоста оного, рече *къ* мнѣ праведный: «Се Феодора, — показа мнѣ, — о нейже бес числа моляшется, како улучи наслѣдие. Видиши ю, како стоитъ пред лицемъ твоимъ.

прекрасные и совершенные. Между ними лежали яства, плоды неописуемые и пестро украшенные, багряные или молочно-белые видом, как стебли лилейные и красные, и другие, небывалые и несказанные. И разные великолепные цветы лежали на блюдах, и неизреченные плоды поверх тех цветов, непостижимые для ума человеческого. Каждый плод имел свой особый вкус, и насытившийся сладостью их воедино смешавшихся благоуханий уже ничего не желал более.

Святой блаженный Василий сидел во главе чудной трапезы, как господин над всеми, в славе почивая. Стол же был светел от изумительного блистания и испускал лучи. Многие с ним на трапезе наслаждались дивными теми плодами и прекрасными цветами, и были они не как люди, имеющие плоть, но будто созданы светлыми солнечными лучами. Имели они образ бесплотный, неувядающий и не разделялись на мужчин и женщин. Сколько бы ни вкушали они от трапезы той дивной, все умножалась эта чудная райская пища, потому что была она духовной и мановением Господним здесь сохранялась. Вкушающие же были исполнены неизреченной радостью и весельем благодатным, и веселыми лицами друг к другу обращались, и вели сладкую прекрасную беседу. Черпали они нечто огненно-красное, очень ярко сверкающее и безвещественное сияющими, как снег, некими чашами. Когда кто-нибудь из них пил из такой чаши дивную ту влагу, от одного только вида которой они приходили в несказанное веселье, тотчас неизреченным наслаждением Святого Духа переполнялись все на долгое время, и сияли, как свет, их чудесные лица. И служившие им огневидные юноши — прекрасны и белолицы, как руно, и мышцы их как молоко, облачены же они в красные ризы, бесплотны, украшены дивно, и ноги их белоснежные препоясаны тремя рядами блестящих повязок, как небесной радугой, и головы их украшены златыми каменьями, бисером и разными искусными венцами.

Дивная старица, с которой я пришел, чтобы увидеть их, сказала обо мне блаженному. Он же, улыбнувшись радостно, повелел мне подойти. Когда я приблизился к ним, мы поклонились друг другу, и я сказал: «Благослови чадо свое». И тихим голосом он обратился ко мне: «Невредимо ли преодолел путь, чадо? Господь Бог помилует тебя, и благословит тебя, и освятит тебя, и сохранит тебя, и обратит лицо свое на тебя, и исполнит тебя всех благ небесных и земных, и пошлет тебе помощь от святого жилища своего, и ангелы, и архангелы Сиона, сильные и пречистые, с оружием победы защитят тебя». Я же стоял, потупив взор, и сказал мне праведный: «Это Феодора, — и указал мне, — о которой непрестанно молился ты, желая узнать ее участь. Видишь ее — вот она стоит перед лицом твоим. Теперь никогда не спрашивай о ней, ибо я тебе ее показал».

Ныня убо никакоже не навѣдовай о ней, уже бо ти ю показах». Она же, честнаа человѣческаа и помилованнаа от Господа преподобнаго ради, сладкаа видѣниа смотряаше на мя. «Възвеселишися, чядо, и възрадуешися, — рече, — и благословишися, якоже попечяловалъся еси о мнѣ убозѣй. И Господь Богъ поспѣшил ти есть и исполънитъ ти желание молитвы ради господина нашего, отца и пастуха, иже много милости сътвори с нами». Сим тако съвершившемся ту с нами, всѣхь очи иже на трапезѣ той питающихся с нами с молчяниемъ многимъ бывааху смотряще.

Потом рече к ней преподобный: «Иди вкупѣ со мною и покажеши ему иже в раи нашихъ садовъ красоту». Поимши бо мя *та, на десную страну двора того* идяховѣ. И се врата дивна и златом создана, и стѣны ограду тому на *высоту* въздвижены. И отвръзъшимся вратомъ, внутрь в не внидохомъ. Бяшетъ бо въ оградѣ томъ позлащено былие, цвѣтомъ неизреченнымь украшено, и добротѣ того дивящу ми ся. И воня благоуханиа исхождаше от цвѣта того. Вънимахь бо, како мя показовааше водящии мя. Видѣхь бесчисленый сад, 70 измѣнений имуще, числа не приимающе, кождо ихъ множащюся плоду безмѣрну, якоже съкрушающемся вѣтвемъ, хотящим единою бо плоди и еже на трапезѣ едоми. Якоже видя разумѣхь страшныхь онѣхь избытки бываахуть. Чюдяащю же ми ся о красотѣ садовнѣй и о страшныхъ и дивныхъ плод тѣхь, яко николиже толикихъ чюдес бѣхь видѣл.

Рече ко мнѣ водящиа мя: «Что симъ чюдишися? Аще поидеши ко оному раю, егоже на востоцѣ Господь насади, болѣ имаши ужаснутися и изумѣтися, яко сей ко оному стѣнь бысть и сонъ». Глаголахь убо аз к ней: «Молю ти ся, кто насади раа сего? Никакоже убо азъ видѣхь сего нигдѣже того раа». Рече она ко мнѣ: «Како бо ты възможе видѣти в суетнѣмь мирѣ ономь толику правду, иже рукама Вышняго състроену? Ибо вещи сиа, яже видиши, умна суть, и мы здѣ умомъ преходим. Труди бо и поти божественыхь подвигъ преподобнаго отца нашего Василиа, ихже от самоа уности его творяаше, тружаашеся, потяся и бдя, на земли легаа и моляся, зной и мразъ трьпя въ пустыни и зелие ядый, токмо въ многа лѣта прежде въ град сей* пришествиа его — сего раа приобрѣте. Иже бо что сдѣлаетъ в мирѣ ономъ, симъ причястникъ будетъ въ вѣцѣ семъ, труд бо плод своихь снѣси.* Якоже многажды слышах преподобнаго сего глаголюща». Мнѣ же ктому дивящюся, якоже, рекши ми, умомъ дошедшим здѣ. Мняхъ бо тѣлесы суще здѣ, себе искахъ рукою руки осязати, есть ли въ мнѣ кость и плоть. Якоже пламень огненый видя кто и простеръ руку хощеть яти его и не възможе удръжати, тако себе осязаа, размышлях чистымъ чювством помышление имущи, иже тамо дивяхся духомъ. Възвратившемся намъ пред дворъ, трапезу же тщю обрѣтохом, ничегоже у неа. Мняхъ убо целовавъ приснопоминаемую ту отити от нея.

Она же, честная и помилованная Господом преподобного ради, сладким взором смотрела на меня. «Возвеселишься, чадо, и возрадуешься, — сказала она, — и благословен будешь, ибо печалился обо мне, убогой. И Господь Бог помог тебе исполнить твое желание ради молитвы господина нашего, отца и пастыря, который много милости сотворил нам». Когда так мы разговаривали, все, кто сидел за трапезой, смотрели на нас в глубоком молчании.

Потом сказал ей преподобный: «Пойдем вместе со мной и покажешь ему красоту наших райских садов». И, взяв меня с собой, пошли на правую сторону того двора. И тут находились врата дивные из золота и высокие стены ограды. Когда открылись врата, мы вошли внутрь ограды. И была там позлащенная трава с невиданными цветами, и красоте той дивился я. И аромат благоухания исходил от тех цветов. И на все, что показывали мне водящие меня, внимательно взирал я. Увидел я необъятный сад с 70 видами деревьев, исчислить которые невозможно, и на каждом дереве такое безмерное множество плодов, что ветви склонялись к земле, желая отдать плоды сидящим за трапезой. Увидев это, понял я, какое непостижимое изобилие бывает. Удивлялся я красоте сада, изумительным и дивным плодам тем, потому что никогда столь великих чудес не видел.

Сказала мне водящая меня: «Что ты удивляешься этому? Если пойдешь к тому райскому саду, который Господь насадил на востоке, еще больше будешь потрясен и изумлен, потому что этот сад по сравнению с тем — тень и сон». Сказал я ей: «Молю тебя, скажи, кто насадил этот райский сад? Никогда я не видел такого, нигде нет подобного сада». Ответила она мне: «Как бы ты смог увидеть в суетном мире том такую истину, которая руками Вышнего сотворена? Ибо вещь эта духовная, и мы здесь духом пребываем. Труды и тяготы божественных подвигов преподобного отца нашего Василия, которые он с самой юности своей совершал, трудясь, изнемогая и бодрствуя, на землю повергаясь и молясь, зной и холод претерпевая в пустыне и травой питаясь в течение многих лет еще до пришествия в сей град, — вот чем насажден этот сад. Ведь то, что совершает человек в земном мире, унаследует и в этой жизни, ибо мы вкушаем плоды своих трудов. Я часто слышала, как преподобный это говорит». Я же удивлялся тому, что, как сказала мне, духом пребываем здесь. Ведь я думал, что телесно здесь находимся, и пытался осязать свои руки, есть ли у меня кость и плоть. Подобно тому как если кто-нибудь, видя пламя огненное и протягивая руку, хочет взять его и не может удержать, так и я ощущал себя только мысленно и удивлялся этому. Когда возвратились мы во двор, трапеза была уже пуста. И виделось мне, что, поцеловав приснопамятную, я оставил ее.

И мнѣвшю ми ся вънутрь бывшю, възбнух от сна и в себѣ размыслихъ, что ли ми исповѣда, гдѣ ли бяхь отшел, что видѣх внутрь двора того, въшедшю ми в дивную ту и паче слова сущю. Въставъ, идохь к блаженному, чяа, ци ми что исповѣсть о сих, истинна ли си видѣние се или неистинна быша. Бывшю же ми у блаженнаго, по поклонению моему и по повелѣнию иже к нему повелѣ ми сѣсти. Сѣдшю же ми, рече ко мнѣ: «Вѣси ли, гдѣ в сию нощь пребывахом?» Мнѣ же по искушению рекшю: «И гдѣ убо бѣхомъ, господи мой? Всячески на одрѣ моемъ сладцѣ спахъ». «Единѣмь токмо и намъ сущим вѣдѣ убо, яко тѣломъ единъ спалъ еси на одрѣ, а духомъ индѣ ходилъ еси. И не вѣси ли, колии азъ показахъ в сию нощъ? Не Феодоры ли еси видѣлъ? Не ко вратом ли мысленаго дому, егоже доиде, и изшедши, приатъ тя, въ нь же въведе тя? Потом же и о смерти ея, яко нужда преити есть, чядо, исповѣдала ти есть власть темныхъ иже на въздусѣ, злобу мытарствъ тѣхь? Не внутрь ли еси с нею вшелъ въ дворъ? Не видѣ ли оноа чюдныа трапезы и изряднаго строениа ея, и каа дѣла ея, и кии овощь предложениа ея, и како ея дивныа цвѣты, и какиа уноша иже на трапезѣ духовное служение исполняаху? Не зряше издалечя стоа дивнѣхь полат? Не ко мнѣ ли на трапезу преиде, егда ти показывахъ, о нейже ти желание бысть увѣдати, кую чясть получила есть? Не мнѣ ли рекшю ей, поимши тя, в рай внити? Како златовъсходное оно стеблие въ умѣ приимаа ужасашеться, дивяся цвѣтныхъ тѣхь красот, видѣлъ еси присноцвѣтущихъ садовъ онѣхь и плодовъ ихъ свѣтлость и неизглаголанную красоту? Не сихъ ли видѣ в сию нощь всѣхъ и оттуду прииде? Како исповѣдаеши, якоже „Ничтоже видѣвшю ми"?»

Яко си мнѣ услышавшу, страхомъ неизреченным обиатъ, и слезити начяхъ и мочити лице свое, въ умѣ приимаа, како великое се свѣтило бываетъ, якоже той поистиннѣ тамо бысть и, якоже тамо бысть, вся мудрѣ исповѣда. И, отвѣщавь, рекохъ *к* блаженному: «Ей, святче Божий, тако быша, якоже изрече. Благодарьствование пролью пред Господемь моимъ, якоже мя Господь Богь сподоби познати тя, и быти под кровомъ крилу твоею, и приати толика чюдеса страшна». Блаженный же рече ко мнѣ: «Аще житие свое преп*р*оводиши в добродѣтели, о чядо, повелѣниемь человѣколюбца и щедролюбиваго Бога нашего приимуть *тя* тамо, да будеши вкупѣ со мною въ бесконечныа вѣки, ибо самъ аз от человѣчьскиа вещи отхожу. И потомъ, нѣ по колицѣхь временѣхъ, отшед житиа сего, приидеши ко мнѣ, въспитѣнъ в дѣлѣхь добрых, якоже ми Господь обѣща. Вънимай: дондеже еси в житии семъ, да не увѣсть о сихъ никтоже всѣхъ. Подобаетъ бо недостойнаго житиа моего исписавше оставити в житии семъ, и буду ти о семь поспѣшник». Сиа ми преподобнаго отца нашего, пастуха, и учителя, и владыки явѣ заповѣдавша, слезами обиатъ быхъ, възлюбленныи мои. И дивяхся духомъ, едва бо инѣмь бесѣдовааше часто, якоже къ мнѣ недостойному.

Когда мне казалось, что нахожусь еще там, я очнулся от сна и стал размышлять о том, что мне было открыто, откуда я вернулся, что видел на том дворе, когда вошел в то дивное и несказанное место. Встав, пошел я к блаженному, надеясь, что он объяснит мне, истинное ли это было видение или неистинное. И пришел я к блаженному, и после моего поклона и обращения к нему он повелел мне сесть. Когда я сел, он сказал мне: «Знаешь ли ты, где находились мы этой ночью?» Я же, в искушении, ответил: «Где же мы были, господин мой? Я все время на одре своем сладко спал». «Только нам с тобой известно, что лишь телесно ты спал на одре, а духом в ином месте пребывал. И разве не помнишь, сколько всего я показал тебе в эту ночь? Не Феодору ли ты видел? Не достиг ли ты врат духовного дома, выйдя из которого, она приняла тебя и в который ввела тебя? Потом же и о смерти своей, через которую должна была пройти, о власти темных сил, о лютости их воздушных мытарств, чадо, не рассказала ли тебе? Не вошел ли ты с нею внутрь двора? Не видел ли там дивную трапезу и несравненное украшение ее, и чудеса ее, и какие плоды дарит она, и какие удивительные цветы на ней, и какие юноши исполняют за трапезой духовное служение? Не видел ли издалека дивные палаты? Не у меня ли на трапезе был, когда я показал тебе ту, о которой ты хотел узнать, какая участь ее постигла? Не я ли сказал ей, чтобы вместе с тобой в райский сад вошла? Не восхищался ли ты златоподобными стеблями, дивясь красоте их цветов, не видел ли сияние и неизреченную красоту неувядаемых деревьев и их плодов? Не это ли все ты видел нынешней ночью и не оттуда ли пришел? Почему говоришь: „Я ничего не видел"?»

Когда услышал я это, страх неизреченный меня объял, и начал я плакать, омочил слезами лицо свое, постигая умом, как велик сей светильник, ибо он воистину там был и поэтому мудро обо всем рассказал мне. И ответил я блаженному: «Да, святой Божий, так и было, как ты сказал. Благодарение возношу Господу моему за то, что сподобил меня Господь Бог узнать тебя, и быть под покровом крыл твоих, и изведать столько страшных чудес». Блаженный же сказал мне: «Если жизнь свою проведешь в добродетели, о чадо, то повелением человеколюбивого и щедролюбивого Бога нашего примут тебя там, и пребудешь со мной вечно, я же сам от человеческого естества отхожу. И потом, через некоторое время, отойдя от жизни сей, придешь ко мне, наставленный в делах добрых, как мне Господь обещал. Внимай: пока ты пребываешь в земной жизни, пусть не узнает обо всем этом никто. Но должен ты недостойное житие мое описать и оставить в мире сем, и буду я тебе в этом помощник». Ясно заповедовал мне это преподобный отец наш, пастырь, учитель и владыка, я же обливался слезами, возлюбленные мои. И удивлялся я, потому что едва ли он с другими беседовал так часто, как со мной, недостойным.

Всегда вѣщавааше в притчяхь бесѣдовааше, всѣмь страшенъ сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитръ сый, и мудръ, и утверженъ. Многажды же бо творяаше суетныа ради славы человѣчьскиа и буйственаа на ся нанося словесы, токмо на сиа прилагаа, а ино ничтоже, якоже бо знамениа и чюдеса творяаше. И вси вѣдающе его яко единого от апостолъ чтяаху. И инии же излиха чюдяахуся о немь, о чюдесехь иже творяше, в нихже изволяше простотою ти Иоанна Богословца* нарицааху пришедша. Тако бо бѣ възлюбленный отецъ нашь Василие и свѣтило еже въ святыхь. Великий отець нашь Василие чюдное житие прошед въ святыхь на земли, весь равенъ аггеломъ, великое прибѣжище напастнымъ абие явися.

Всегда говорил он притчами, величием своим всех изумлял, был прозорлив, очень мудр и тверд. Часто он показывал себя несмысленным, произнося безумные речи, но делал это только из презрения к суетной славе человеческой, которую снискал за свои знамения и чудеса. И все почитали его как одного из апостолов. А иные же, более других удивлявшиеся чудесам, которые он творил, называли его по простодушию своему Иоанном Богословом. Таким ведь был возлюбленный отец наш Василий, светило во святых. Великий отец наш Василий чудесное житие святое прожил на земле, во всем равен ангелам, великое прибежище для страждущих собой явил.

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА О ПРИШЕДШЕМ БѢСЕ НА ПОКАЯНИЕ К ПОЛЗѢ ИЖЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ХОТЯЩИМЪ ПОКАЯТИСЯ К БОГУ

Бѣ нѣкий от святыхъ старецъ,* великъ и прозорливъ, превшед бѣсовская искушения, ктому ни во что же коварства их вмѣняше. Но бѣ зря чювствене и аггелы, и бѣсы, како пекутся о человѣчестей жизни, кождо ихъ подвизающеся обращати ихъ ко своей части. Сице же великъ бѣ в добродѣтелех, яко досажати и ругатися ему нечистымъ духомъ, множицею оскорбляти ихъ, и воспоминая тѣмъ еже от небесъ извержение и будущее во огни мучение. Тѣм же бѣси другъ ко другу хваляху старца оного великаго, глаголюще, яко «Никтоже нас смѣетъ отнынѣ приближитися к нему, зане преити ему в великое оно безстрастие, обожився Святымъ Духомъ».

И яко убо сице сим бывшим, единъ от бѣсовъ глагола ко другому: «Брате Зереферъ, — се бо бѣ имя бѣсу тому. — Аще убо покается кто от нас, приимет ли его Богъ в покаяние или ни?» Онъ же к нему отвѣща сице: «То кто се вѣсть?» Зереферъ же рече: «Хощеши ли, иду к великому оному старцу искушу его о семъ?» Он же рече: «Иди, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть, еда како уразумѣет твое лукавъство, *не* восхощетъ вопросити о семъ Бога. Обаче иди, еда како желаемое получиши».

Тогда шед Зереферъ ко старцу и, преобразивъ себе въ человѣка, начатъ плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же, хотя показати, яко ни единаго же отвращается хотящаго покаятися, но всѣхъ приемлетъ притекающих к нему, не прояви старцу совѣтъ бѣсовъский. Но яко человѣка сего зряше, а не яко бѣса. Глагола к нему старецъ: «Что тако рыдая плачеши, человѣче, сокрушая мою душу своими слезами?» Бѣс же рече: «Азъ, отче святый, нѣсмь человѣкъ, но бѣс. Якоже множества ради беззаконий моих плачюся». Старецъ же рече: «Что хощеши, да сотворю тебѣ, брате?» Мнѣвъ бо старецъ, яко от многаго смирения себе бѣса нарекъ — Богу не обьявившу ему бываемаго. И глагола бѣсъ: «Не о иномъ чесом молю тя, отче святый, разве еда молиши Бога прилѣжно, яко да объявит ти, аще прииметъ диявола в покаяние. Да аще оного

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ О БЕСЕ, ПРИШЕДШЕМ НА ПОКАЯНИЕ, К ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАЮЩИМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОКАЯТЬСЯ ПЕРЕД БОГОМ

Некий святой старец, великий и прозорливый, победил бесовские искушения и козни их презирал. Но наяву видел он и ангелов, и бесов, как пекутся они о человеческой жизни, стремясь направить ее каждый в свою сторону. Так был велик в добродетелях, что поносил и укорял нечистых духов, часто и бесчестил их, напоминая им их изгнание с небес и будущее мучение в огне. И бесы за это хвалили друг другу того великого старца, говоря: «Никто из нас не смеет отныне приблизиться к нему, потому что достиг он великого бесстрастия, исполнился Святым Духом».

И когда так они рассуждали, один из бесов обратился к другому: «Брат Зерефер, — таково было имя того беса. — Если кто-нибудь из нас покается, примет ли Бог от него покаяние или нет?» Он же ему так отвечал: «Кто же это знает?» И сказал Зерефер: «Хочешь, пойду к тому великому старцу и искушу его в этом?» Тот же сказал: «Иди, но будь осторожен, потому что старец прозорлив и, наверное, раскроет твой обман и не захочет вопросить об этом Бога. Однако иди, может быть, получишь желаемое».

Тогда пошел Зерефер к старцу и, приняв человеческий облик, начал плакать пред ним и рыдать. Бог же, желая показать, что ни от одного кающегося не отвращается, но всех обращающихся к нему принимает, не открыл старцу бесовский замысел. И казалось старцу, что человек перед ним, а не бес. Спросил у него старец: «Отчего так горько плачешь, человече, сокрушая мою душу своими слезами?» Бес же ответил: «Святой отец! Я не человек, а бес. Плачу же от множества беззаконий моих». Старец же сказал: «Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя, брат?» Старец полагал, что от большого смирения назвал себя бесом — не открыл ему Бог истины. И сказал бес: «Святой отец! Ни о чем другом тебя не прошу, только, может быть, помолишь Бога усердно, чтобы открыл тебе, примет ли покаяние от дьявола. Если от него примет, то и от меня

прииметъ, то и мене прииметъ, подобна тому дѣла сотворша». Старець же рече: «Якоже хощеши, сотворю, чадо. Обаче иди в дом свой днесь и заутра прииди. И реку ти, что о семъ повелитъ Богъ».

В вечеръ же той воздѣвъ старецъ преподобнѣи свои руцѣ къ человѣколюбцу Богу показати ему, аще прииметъ диявола, обращающася в покаяние. И абие аггелъ Господень предста ему, яко молнии, и рече к нему: «Сице глаголетъ Господь Богъ твой: „Что молиши о бѣсѣ мою дръжаву? Той бо, лукавствомъ искушая, тебе прииде"». Старецъ же отвѣщавъ рече: «Како не яви мнѣ Господь?» И рече аггелъ: «Да не смутишися о вещи сей. Смотрение нѣкое се биваетъ дивно к ползѣ исполняющимъ. Яко да не отчаются согрѣшающии, яко ни единаго отвращается преблагый Богъ приходяща к нему, аще и сам дияволъ приидетъ. Подобне же яко да явится симъ образомъ и бѣсовъское жесточество *и отчаяние*. Егда же убо приидетъ к тебѣ, искушаяй, да не соблазниши его исперва, но рци ему сице: „Да вѣси, яко человѣколюбецъ Богъ николиже никогоже не отвращается приходящаго к нему, аще и дияволъ будетъ. И се обѣщася и тебе прияти, но аще сохраниши повелѣния от него". И егда приидетъ к тебѣ и речет: „Что есть повелѣнное мнѣ от него?" — и рцы к нему: „Сице глаголетъ Господь Богъ: «Вѣдаю тя, кто еси и откуду прииде, искушая. Ты бо еси древняя злоба. Но древняя злоба нова добродѣтель не можетъ быти, навыкнув бо в гордости своей». И како возможеши смиритися в покаяние и обрѣсти милость? Но не имаши бо сего отвѣта извѣщати в день Судный, яко «Хотѣхъ покаятися, и не прият мя Богъ».

Смотри же глаголемых, како хощеши покаяние начати. Сице глаголетъ Господь: «Да совершиши три лѣта на едином мѣсте стоя, обращъшися къ востоку, нощию и днемъ взывая велиим гласом: „Боже, помилуй мя, древнюю злобу!" — глаголя сего числом 100. И паки другое 100 глаголя: „Боже, помилуй мя, мерзость запустѣния!"* И паки третие 100 такоже глаголя: „Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!"» И сия глаголи воздыхая ко Господу беспрестанно. Ибо ты не имаши телеснаго сосуда, яко да трудно не будет тебѣ и *не* изнеможеши. *Егда же совершиши сия со смиреномудрием, тогда приятъ будеши* в первый той чинъ, причтешися со аггелы Божиими". Да аще убо обѣщается сице сотворити, приими убо его в покаяние. Но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сия послѣдним родомъ, яко да не отчаваются хотящеи покаятися. Зѣло убо увѣряются от сея главизны человѣцы не отчаятися удобь своего спасения». Сия изрекъ аггелъ ко старцу и взыде на небо.

Утру же бывшу, прииде дияволъ и нача издалеча рыдати и плакати, къ старцу же пришедъ и поклонися. Старець же исперва не обличи его, но во умѣ своем глаголаше: «Злѣ прииде, лживый дияволе, древнее зло, ядовитый змию вселукавый». Таче глагола к нему: «Да вѣси, яко молихъ Господа Бога моего, еже обѣщах ти. И приемлет тебе в покаяние, аще приимеши, яже мною

примет, потому что мои деяния подобны его». Старец же сказал: «Сделаю то, о чем просишь, чадо. Но сейчас иди домой, а поутру приходи. И скажу тебе, что Бог повелит».

В тот же вечер обратил старец свои преподобные руки к человеколюбцу Богу, чтобы открыл ему, примет ли дьявола, желающего покаяться. И тотчас ангел Господень предстал перед ним, подобно молнии, и сказал ему: «Так говорит Господь Бог твой: „Зачем ты молишь мое владычество о бесе? Это он, обманом искушая, приходил к тебе"». Старец же сказал в ответ: «Почему не открыл мне Господь правды?» И сказал ангел: «Не печалься об этом. Некое чудесное усмотрение заключено в этом к пользе кающихся. Да не впадут грешники во отчаяние, потому что ни от одного приходящего к нему не отвращается преблагой Бог, даже если и сам дьявол придет. Также да явлено будет этим бесовское ожесточение и отчаяние. Когда же придет к тебе, искушая, сначала не обличай его, но скажи ему так: „Да будет тебе известно, что человеколюбец Бог никогда ни от одного приходящего к нему не отвращается, даже и от дьявола. Обещал он и тебя принять, если исполнишь его повеления". И когда придет к тебе и спросит: „Что повелел он мне?" — скажи ему: „Так говорит Господь Бог: «Знаю, кто ты и откуда пришел, искушая. Ты — древняя злоба. Но древняя злоба новой добродетелью не может быть, потому что сроднилась с гордостью своей». И разве в силах ты смириться для покаяния и обрести милость? Но не сможешь дать такой ответ в Судный день: «Хотел покаяться, но не принял меня Бог».

Послушай же о том, как тебе совершить покаяние. Так говорит Господь: «Проведи три года на одном месте стоя, обратясь к востоку и громко взывая денно и нощно: „Боже, помилуй меня, древнюю злобу!" — и скажи это 100 раз. И затем снова 100 раз скажи: „Боже, помилуй меня, мерзость запустения!" И в третий раз еще 100 так скажи: „Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!"» И так говори, воздыхая Господу беспрестанно. И, поскольку у тебя нет тела, трудно не будет тебе и не устанешь. Когда же совершишь это со смирением, тогда принят будешь в свой первый чин, причтешься к ангелам Божиим". Если обещает это исполнить, то прими его к покаянию. Но знаю, что древнее зло новым добром быть не может. Напиши же об этом будущим поколениям, чтобы желающие покаяться не впали в отчаяние. Да послужит это писание для уверения людей, чтобы не теряли надежду на свое спасение». Сказал это ангел старцу и взошел на небо.

Утром же пришел дьявол и начал издалека рыдать и плакать, затем подошел к старцу и поклонился. Старец же сначала не обличил его, но сказал про себя: «Зло явилось, лживый дьявол, древнее зло, ядовитый змей вселукавый». Затем сказал ему: «Да будет тебе известно, что молил я Господа Бога моего, как обещал тебе. И примет от тебя покаяние, если исполнишь то, что

заповѣдает ти державный и всесилный Господь». Бѣс же рече: «Что суть еже повелѣ Богъ сотворити ми?» Старець же отвѣщав рече: «Заповѣдает тебѣ Богъ сице: яко да стоиши на едином мѣсте 3 лѣта, обращъшися къ востоку, взывая день и нощъ: „Боже, помилуй мя, древнюю злобу!" — глаголя сие числом 100. И паки другое 100: „Боже, помилуй мя, запустѣния мерзость!" И паки то же числом: „Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!" И егда сия сотвориши, тогда съпричтешися со аггелы Божиими, якоже и преже».

Зереферъ же лестный онъ покаяния образъ отвергъ, велми возсмѣявся и глагола ко старцу: «О калугере!* Аще бы азъ хотѣлъ нарещи себе древнюю злобу, и мерзость запустѣния, и помраченную прелесть, прежний от нас кто се хотех сотворити и спастися. И нынѣ древняя злоба азъ не буди то, и кто се глаголетъ? Азъ даждь донынѣ дивенъ и славенъ бѣх, и вси боящеся повинуются мнѣ. И аз самъ себе нареку мерзости запустѣние и помраченную прелесть? Никакоже, калугере, ни же! Даждь донынѣ обладовахъ грѣшными. И нынѣ паки сотворю себе непотребна? Никако, калугере, не буди то тако в таковое бесчестие себе вложу». Сия рекъ дияволъ и абие невидимъ бысть. Старець же, възставъ, благодаряше Бога, глаголя: «Воистинну глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ».

Сия же, братие, просто понудихомся на среду привести, яко да навыкнете Владычнее благоутробие. Яко да аще диявола приемлетъ покаявшася, то колми паче человѣкы, за нихже кровь свою пролия. *Г*рѣшен ли еси, покайся. Аще ли ни, то горши бѣсовъ хощеши мученъ быти в геенѣ огненѣй: не яко согрѣши — никтоже бо без грѣха, вси согрѣшихомъ — но понеже не восхотѣ покаятися и умолити Судию преже кончины своея. Якоже бо обрящетъ смерть кождо нас сице и посылаетъ его тамо. Аще умреши без покаяния, работая дияволу многообразными и различными грѣхи, со дияволомъ осудишися в вѣчном огни, уготованнѣ дияволу и аггеломъ его.* Аще ли преже кончины отбѣгъ грѣха, Господеви угодиши покаяниемъ и исповѣданиемъ, о коликых благъ по кончинѣ сподобишися! И блаженьству свѣтлыми аггелы вводимъ, идѣже красота неизреченная и присносущное радование съ Безначалным его Отцемъ и с Пресвятым и Благим и Животворящимъ Духом, и нынѣ и присно и въ вѣки.

заповедует тебе через меня могущественный и всесильный Господь». Бес же спросил: «Что повелел мне Бог совершить?» Старец же сказал в ответ: «Вот что заповедует тебе Бог: проведи стоя на одном месте 3 года, обратясь к востоку и взывая денно и нощно: „Боже, помилуй меня, древнюю злобу!" — и скажи это 100 раз. И затем еще 100: „Боже, помилуй меня, мерзость запустения!" И вновь столько же: „Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!" И когда сделаешь это, тогда сопричтешься с ангелами Божиими, как и прежде».

Зерефер же лживый отверг путь покаяния, громко рассмеялся и сказал старцу: «О калугер! Если бы я хотел назвать себя древней злобой, и мерзостью запустения, и мрачным заблуждением, то кто-нибудь из нас прежде это уже сделал бы и спасся. Ныне же не будет того, и кто назовет меня древней злобой? Я даже и доныне дивен и славен, и все в страхе повинуются мне. И я сам себя назову мерзостью запустения и мрачным заблуждением? Никогда, калугер, нет! Я даже и доныне повелеваю грешниками. И сейчас так унижу себя? Никогда, калугер, не бывать тому, чтобы я себя такому бесчестию подверг». Сказал это дьявол и тотчас стал невидим. Старец же, встав на молитву, поблагодарил Бога, говоря: «Истинно сказал, Господи, что древнее зло новым добром быть не может».

Побудили же мы себя, братья, рассказать об этом только для того, чтобы познали вы Божие милосердие. Если Бог дьявола принимает покаявшегося, то тем более людей принимает, за которых и кровь свою пролил. Если грешен, покайся. Если же не покаешься, то горше бесов будешь мучиться в геенне огненной: не потому, что согрешил, — никого нет без греха, все согрешили — но потому, что не захотел покаяться и умолить Судию прежде кончины своей. Каждого ведь из нас настигает смерть и посылает на тот свет. Если умрешь без покаяния, служа дьяволу многообразными и различными грехами, то с дьяволом и будешь осужден в вечный огонь, уготованный для дьявола и бесов. Если же прежде кончины отвратишься от греха и Господу угодишь покаянием и исповедью, о скольких благ по кончине сподобишься! И приведен будешь светлыми ангелами в райское блаженство, где неизреченная красота и вечная радость с Безначальным его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, и ныне и присно и вовеки.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

ПОВѢСТЬ СТРАШНА И ЗѢЛО ПОЛЕЗНА

Лѣта 7034 мѣсяца июля, на память святаго отца Андрѣя,* преставися старець Антоние Галичанинъ в Павловѣ пустыни.* А лежалъ в недузѣ долго время и пред смертию видѣние видѣ.

Приидоша дѣмони и глаголюще к нему издалеча, яко саженей за десять и дале. Инъ стояше, яко древо высота его, и подперся палицею великою, а инъ стояше и кричаше, аки свинья. А инии приидоша близъ его, глаголюще межу собою, показующе друг другу оружие свое. Инъ глаголаше, казаше удицы, а инъ — клещи, а инъ — пилы малыя, а инъ — рожны, а инъ — шила, а инъ — бритвы. А инъ глаголеть: «Распорем его да опять сошьем его». А инъ чашу держит в руцѣ. А инъ стоячи понужает держащаго чашу, веля ему, глаголя: «Дай же ему пити, во-се покушает, сладко ему будет!» А инъ держит пилу великую и глаголеть: «Претерти его поперекъ!» А на бедрѣ у коегождо их у иного — брусъ, а у иного — осла. И сѣдши и остряше кождо свою снасть. А инъ во обоих руках держит свою снасть да бряцаеть ею, а иныя толко брячат и грѣмят своею снастию. А инъ прискоча з бритвою да обоих рукъ вѣдруг задкы срѣзалъ с мясом. А инъ держа дъску велику мѣдяную и глаголеть: «Во-се накину на него, и он умрет». Да много того сказати немочно всего вѣдругъ.

Таже прииде на них нѣкая сила, якоже подражати мѣсту тому, яко великъ вихоръ силный или грозная буря на хмелевое перие, и по всему воздуху развѣев ихъ. Иного несет вверхъ ногами, а внизъ головою, а иного — поперекъ, а иного — кое-какъ. Да всѣх разомчало по воздуху без вѣсти, и исчезоша, и мечтание их погибе, и ничтоже бысть.

Той же брат Антоние повѣда ми въ другий день, глаголя со слезами, яко «На нѣкоемъ мѣстѣ обрѣтохся незнаемѣ и видѣ тамо яко нѣкую улицу и в ней множество человѣкъ рищущих. И вси ходяще тужат и горюють, и глаголють: „Ох, ох! Горе, горе!" Азъ же мнѣхся поверху ихъ ни се хожу, ни се лѣтаю, яко невидимая сила ношаше мя по воздуху, яко съ человѣка высотою от земля

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ВЕСЬМА ПОЛЕЗНАЯ

7034 (1526) года месяца июля, на память святого отца Андрея, преставился старец Антоний Галичанин в Павловой пустыни. А лежал он в недуге долгое время и перед смертью видение видел.

Пришли демоны и говорили ему издалека, саженей за десять и дальше. Один стоял, с дерево высотою, и подперся великой палицей, а другой стоял и кричал, как свинья. А иные подошли к нему, говоря между собой, показывая друг другу свои орудия. Один говорил, показывая удицы, а иной — клещи, а иной — небольшие пилы, а иной — рожны, а иной — шила, а иной — бритвы. А один из них говорит: «Распорем его да опять сошьем его». А иной держит чашу в руке. А иной стоит и понуждает того, кто держит чашу, веля ему: «Дай ему испить, пусть отведает, сладко ли ему будет!» А еще один держит огромную пилу и говорит: «Распилим его поперек!» А на бедре у каждого: у кого — брус, а у кого — оселок. И, усевшись, каждый точил свою снасть. А один двумя руками держит свое орудие и бряцает им, и другие лишь бренчат и гремят своими орудиями. А один подскочил с бритвой да с задков обеих рук вдруг мясо срезал. А иной держит большую медную доску и говорит: «Сейчас брошу на него это, и он умрет». Да многое невозможно сразу рассказать.

Потом пришла на них некая сила, будто задрожало то место, будто великий сильный вихрь или грозная буря налетели, и по всему воздуху, как хмель, их развеяло. Одного несет вверх ногами и вниз головой, а другого — поперек, а иного — непонятно как. Да всех разогнало по воздуху без вести, и исчезли они, и мечтания их погибли, и ничего не стало.

Тот же брат Антоний поведал мне на другой день со слезами: «Оказался я в каком-то незнакомом месте, видел там будто некую улицу и на ней множество людей мечущихся. И все ходят, тужат и горюют, говоря: „Ох, ох! Горе, горе!“ Мне же казалось, что я над ними не то хожу, не то летаю, будто некая невидимая сила носила меня по воздуху, будто я летал на высоте человека от земли, будто

лѣтати ми, яко на полотнѣх носиму. И видѣх пред собою грѣхы моя от юности моея, никымже держимы, яко круги или аки доскы. Всякъ грѣх воображенъ, написана не книжными словесы, но яко на иконах, а не красными писано, но дегтем, но толико прозрачно и разумно. Какъ возришь, так и спомнишь лѣто, и мѣсяць, и недѣлю, и день той, и час, коли который грѣх сотворенъ, — все то обьявлено. Еще ми сущу пяти лѣт, мати моя спаше, и азъ у нее сквозѣ подолъ за срамное то мѣсто осязалъ — ино так и написано. Да замахивался есми на матерь свою батогом — ино так: она сѣдит, а яз какъ замахнулся — ино тако есть и написано, и батог-от туто же. Да в чернечествѣ есми шутя руку положилъ на женьщину — ино тако и написано: язъ да она сѣдит, и рука моя на ней лежит. Или завтракалъ или пил до обѣда, или бранился с кѣм, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнѣвъ держал, или на кого воздохнулъ со гнѣвом — то все так и написано, день и час.

Ино о том гнѣвѣ круг великъ стоить, мраченъ, и мъглянъ, и теменъ — таковъ, что немочно на сем свѣте таковой тмѣ быти никакоже. Ино такова в нем горесть, еже сказати ми немочно, а не живет такова горесть на сем свѣтѣ. Да мразъ великъ зѣло и студенъ — не бывает таковаго мраза на сем свѣтѣ никакоже. Азъ же мнѣхъ, что у мене ногы по лодыжкы отзябли да и отпали, а мысли измѣтаны, якоже онучи или яко издиркы портяныя. А иного ти не скажу, а ты мене не спрашивай, а сказати ми немочно — велми страшно и грозно».

Азъ же въспросих его, чтобы ми и то сказалъ. Он же отвѣща ми послѣднее слово: «Что мя вопрашаеши? Всѣ есмь мытарьства видѣлъ страшныя, да немочно ми их сказати, страх убо и трепетъ обдержит мя. Нѣсть бо сего страха страшнѣе и злѣе, а не избыти того страха никомуже. Да Бога ради, господине, остави мя нынѣ, да не спрашивай, да и не ходи ко мнѣ. Прости же мя, господине, и благослови, а тебе Богъ простит, уже бо ся не имам с тобою ктому видѣти на сем свѣтѣ».

на полотне меня носили. И видел я перед собой мои грехи, от самой юности, в виде кругов или досок, которые никто не держал. Каждый грех изображен, но написан не книжными словами, а как на иконах, но не красками написано, а дегтем, только прозрачно и разумно. Как посмотришь, так и вспомнишь и год, и месяц, и неделю, и день тот, и час, когда какой грех сотворен, — все это явлено. Когда мне было всего пять лет, мать моя спала, и я ее сквозь подол трогал за срамное место — это так и написано. Да замахивался на мать свою батогом — так и есть: она сидит, а я как замахнулся — так и написано, и батог тут же. Да в чернечестве шутя руку положил на женщину — так и написано: мы с ней сидим, и рука моя на ней лежит. Или завтракал или пил до обеда, или бранился с кем, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнев держал, или кого обидел во гневе — все так и написано, день и час.

Круг же гнева велик стоит, такой мрачный, мглистый и темный, что никак такая тьма не может быть на сем свете. И такая горесть в нем, что сказать не могу, не живет такая горесть на сем свете. Да мороз, великий и студеный, — не бывает такого мороза на сем свете. Мне казалось, что у меня ноги по лодыжки отмерзли да и отпали, а мысли истрепаны, словно онучи или лохмотья одежды. А больше не скажу тебе, и ты меня не спрашивай, потому что сказать не могу я — очень страшно и грозно».

Я же попросил его, чтоб и остальное рассказал. Он же ответил мне последнее слово: «Что меня спрашиваешь? Все страшные мытарства видел я, но невозможно мне о них рассказать, потому что страх и трепет охватывают меня. Нет этого страха страшнее и злее, и никому не избыть этого страха. Да Бога ради, господине, оставь меня ныне, да не спрашивай, и не ходи ко мне. Прости же меня, господине, и благослови, а тебя Бог простит, ибо не увидимся уже с тобой на этом свете».

КОММЕНТАРИИ

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН — Библиотека Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
ГИМ — Государственный исторический музей (Москва)
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург)
ОЛДП — Общество любителей древней письменности
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)
РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
ФИРИ — Филиал Института российской истории (Санкт-Петербург)

АЛЕКСАНДРИЯ

«Сербской Александрией» принято называть литературное произведение, которое является одной из поздних версий Александрии Псевдокаллисфена, греческого сочинения II—III вв. н. э. Различают несколько версий (рецензий) Александрии Псевдокаллисфена: первоначальная рецензия α, остальные (β, γ, ε, λ) возникли на ее основе. К греческим рецензиям восходят латинские, армянские, сирийские, арабские версии Александрий. «Сербская Александрия» ближе всего стоит к рецензии ε (как предполагают, VII—VIII вв.). Возникшая, по своей вероятности, как и все главные версии Александрии Псевдокаллисфена, на греческом языке, она не позднее XIV века была переведена южными славянами. На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в.

В Древней Руси «Сербскую Александрию» называли просто «Александрией» (наиболее частое название — «Книга глаголемая Александрия»). Кроме нее были и другие сочинения об Александре Македонском, например так называемая «Хронографическая Александрия» (восходит к рецензии β Псевдокаллисфена), встречающаяся обычно в составе хронографов, где излагается всемирная история.

«Сербская Александрия», хотя она не является историческим сочинением, была в Древней Руси одним из источников сведений о царе Александре. Хотя речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована в историю о событиях, в которых элементы необычного и чудесного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического сочинения Псевдокаллисфена «Сербская Александрия» имеет выраженный характер средневекового произведения, в котором отражен характерный для средних веков круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологизмом. Это христианская переделка Александрии Псевдокаллисфена, в ней Александр совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной (т. е. обитаемой части земли), осмысляются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом. В «Сербской Александрии» неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном Суде.

Из исторических лиц, представленных в «Сербской Александрии» современниками Александра, некоторые жили совсем в другое время; но это не следует рассматривать как выражение невежества или незнания создателя «Сербской Александрии», для которой такие анахронизмы неважны. Собственные имена и географические названия, встречающиеся в «Сербской Александрии», лишь отчасти совпадают с известными нам историческими; в значительной же мере они либо вымышлены, либо передают несохранившуюся (у других) традицию. В переводе они оставлены в том виде, в каком читаются в древнерусском тексте.

О том, что «Сербская Александрия» привлекала к себе интерес в Древней Руси, свидетельствует большое число списков, относящихся к периоду от XV до начала XIX в.

Текст издается по списку XVII в. — *РНБ*, Q.XVII.169. От XV—XVI вв. дошел единственный русский список конца XV в. (в сборнике кирилло-белозерского писца Ефросина), который был издан в 1965 г. в серии «Литературные памятники»; он относится к особому виду русских текстов «Сербской Александрии», в котором много изменений по сравнению с первоначально появившимся на Руси текстом памятника. Издаваемый текст принадлежит к небольшой группе списков, которые наиболее близки к первоначальному русскому тексту «Сербской Александрии». Но, конечно, удаленность почти на два века сказалась, в частности, в том, что в тексте XVII в. встречается сравнительно много мест, где искажены отдельные слова или же целые фразы.

Все дополнения и исправления (сделанные по русским спискам, близким к издаваемому) выделены курсивом.

В примечаниях использованы следующие работы: Веселовский А. Н. Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886; издания сербских текстов: Život Alexandra Velikoga. Izdao V. Jagič,

Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; издания греческих текстов А. Н. Веселовским (в приложении к его исследованию) и В. М. Истриным (История «Сербской Александрии» в русской литературе. Вып. I. Одесса, 1909).

Стр. 14. *...создавши собѣ храмъ... седмъ утвердивша столпъ.* — Ср. Притч. 9, 1: «Премудрость созда себе храм, и утверди столп седмь».

...Таркинию-царю. — Историческая традиция относит правление последнего римского царя с именем Тарквиний к VI в. до н. э. В «Сербской Александрии» Тарквиний упоминается еще один раз.

...Иеремѣю пророку... — Временем деятельности библейского пророка Иеремии считается также VI в. до н. э.

...Криксу сыну, Дарию... — Дарию, сыну Кира. Современником и противником Александра Македонского в войне был Дарий III, не сын Кира, основателя персидского царства (VI в. до н. э.), а лишь один из его далеких преемников.

...Нектанав... — В истории Египта было два царя с именем Нектанеб. Нектанеб II (IV в. до н. э.) вынужден был из-за нашествия персов бежать из своего царства. Во всех рецензиях (версиях) сочинения Псевдокаллисфена (α, β, γ, ε, λ и др.) египетский царь Нектанав назван отцом Александра; однако нет оснований сомневаться в том, что отцом исторического Александра был Филипп.

...Ридийскимъ странамъ... — Придийским, т. е. фригийским. Фригия — название, отмечавшее в древности не всегда одну и ту же область в Малой Азии.

...«избранне муж». — По-гречески «Александр» значит «защитник мужей».

Стр. 16. *...перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги...* — Среди них легко отождествляются с историческими народами лишь персы, иверы (грузины), арабы и эфиопы.

...е̌гипецкии краишницы... Верверехъ... — Правитель соседней с Египтом области (Берберии). «Краиштник» значит «соседний», «пограничный». Имя «Верверех» происходит от названия области и племени берберов.

...леканомандию... — Леканомантия — разновидность гадания на воде, от греч. λεκάνη (блюдо, миска) и μαντεία (предсказание).

Стр. 18. *...в Филипус, в Македонъский градъ...* — В греческом тексте город назван «Филиппы». В «Сербской Александрии» под Филиппусом имеется в виду главный город Македонии, т. е. столица Пелла. А. Н. Веселовский сообщает, что в «Греческой народной книге» (сочинении, близком к «Сербской Александрии») здесь также назван город Филиппы, но добавлено: «называемый в древности Пелла».

...врач... — Это и врач в современном смысле, и предсказатель.

...Пасидону... — Возможно, это Посейдон, как предположил А. Н. Веселовский, одно из имен ливийского Амона; о культе Посейдона в Ливии сообщает Геродот (кн. II, 50): «Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога».

Стр. 20. *...Амона, и Пинеса, и Неркулия...* — Из этих имен ясным является только первое; третье — испорч. «Геракла»; во втором А. Н. Веселовский предполагал Диониса. Амон — верховный бог Древнего Египта в период фиванских династий Среднего и Нового Царства (конец III—конец II тысячелетий до н. э.). Древнейший культ Амона был в Фивах в Верхнем Египте. Одно из изображений Амона — в виде барана или человека с бараньей головой. В период последних туземных династий и в эллинистическом Египте особенно знаменит был его храм и оракул в оазисе Аммонии (в ливийской пустыне, недалеко от Мемфиса), о посещении которого Александром Великим сообщают древние историки. Греки отождествляли Амона с Зевсом, существовали его храмы и алтари у лакедемонян, в Олимпии, в греческих Фивах и др.

Аспид — ядовитая змея, сказочный змей.

...Дафенеону Аполону... — Вероятно, имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.

Стр. 22. *Целюш* — Ахилл, сын царя мирмидонян Пелея и нереиды Фетиды, герой «Илиады» Гомера.

Омир — Гомер.

«Органъ великий». — Возможно, имеется в виду «Органон», сочинения Аристотеля.

Птоломѣй — Птолемей I Сотер, основатель династий Птолемеев в Египте (IV—III вв. до н. э.).

...во грить... — В сербских рукописях «вь сьньгрите» или «у двор»; возможно, что это испорч. «в синклите» (в собрании). В греческих текстах не сказано, где происходит битва юношей.

Стр. 24. *Завес Акинтос* — Зевс-гиацинт (камень гиацинт изображал в астролябиях планету Юпитер).

Кронос — планета Сатурн.

Фровити — искаж. Афродита (планета Венера).

Ерьрасия — в одно слово объединены названия планет Меркурия (Ермис) и Марса (Арис).

Волуя же глава... — Судя по русским лицевым, т. е. иллюстрированным, «Александриям» это место понимали так, что на правом бедре коня было изображение головы быка.

Локоть — мера длины, около полуметра.

Стр. 26. *...Раклия витязя...* — Геракла.

...Во Алимпиятцких странахъ... — В Греции.

...близъ сущи Дафенеона и Аполона... — Из текста непонятно, какие именно игры имеются здесь в виду. В греческих текстах сказано, что Александр идет на игры, чтобы «поклониться» эллинскому богу Аполлону, но вряд ли это означает, что Александр участвовал в дельфийских (пифийских) играх. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Александр участвует в олимпийских играх в честь Зевса, в «Сербской Александрии» бог эллинов всегда называется Аполлоном.

...неглиторъскими витезми... — витязями из Англии (ἀπὸ τὴν Ἐγγλητέραν).

...Фруние... — Испорч. «Урание» («небесный»); этот же философ упоминается дальше, в афинском эпизоде.

Стр. 28. *...кумане.* — Другое название этого народа — «половцы».

...Анаксархоносъ никто, пелапоньский царь... — В сербских текстах он назван «пелагонскый», или «пелагонитьски», царь — пелопоннесский (?) царь.

Стр. 30. *...к Филипу...* — В город Филиппы, или Филипуст.

...Филон... — В соответствии с исторической традицией Филона среди соратников Александра не было. Его также нет и в ранних рецензиях Псевдокаллисфена; в рецензии ε Филон есть.

Селевкуш — основатель династии Селевкидов в Передней Азии, Селевк I, Никатор, сын македонянина Антиоха; участвовал в походе Александра в Азию.

...Антиох... — В числе сподвижников Александра Великого у древних историков не упоминается. Имя Антиох встречается у Селевкидов, например Антиох I Сотер, сын Селевка I Никатора.

Андигон — основатель эллинистической династии Антигонидов Антигон I, был участником походов Александра, сатрапом Великой Фригии (в Малой Азии).

Щитари — мастера, изготовляющие щиты.

Стр. 36. *Диоген...* — Диоген, кинический философ, был современником Александра; рассказ о их встрече есть у Плутарха.

Стр. 40. *...тракиньстии, и мореистии, и далматиистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии...* — Из этих имен первые три называют известные нам земли — Фракию, Морею, Далмацию; «тривалинстии» — имеется в виду народ трибаллов во Фракии, который был побежден македонским царем Филиппом, а затем Александром Великим. «Гостиницы» — испорч. «готские».

Стр. 42. *...Сивилии царицы.* — Сивиллы — древние пророчицы. Вряд ли имеется в виду какая-либо из сивилл, например сивилла, пришедшая в Рим во времена Тарквиния. Ср. имеющуюся в поздних русских списках «Повесть о Сивильском царстве»: где-то за рекой Нилом есть гора, в которой находится царство девиц «нескверных и бессмертных» и царствует у них царица Сивилла.

...андрамана... — Испорч. «адаманта», алмаза.

...Елгаменеуша... — Агамемнон, микенский царь, брат Менелая; предводитель греческого войска в походе против Трои.

...копие ланпандилово... — Копье из слоновой кости.

...Якша Теломоника... — Аякса Теламонида, одного из героев Троянской войны.

Таркнен. — Вероятно, это римский царь Тарквиний (см. коммент. к с. 14).

...пророка Данила... — Книга пророка Даниила содержит историю его жизни и бывшие Даниилу видения о судьбе Иудеи и языческих царств. В «Сербской Александрии» используется видение ему овна и козла, символов царств мидо-персидского и греческого: козел вступает в единоборство с овном и побеждает его.

Стр. 44. *...Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.* — Эта фраза противоречит дальнейшему рассказу, где Визант основывает Византию; в других текстах «Сербской Александрии» он, подобно Антиоху и Селевку, назначается главой над тремя тысячами кораблей. Визант — согласно преданию, сын Посейдона, глава переселенцев из Милета, основавших в 658 г. до н. э. г. Византий. Никифор Григора (XIII—XIV вв.) упоминает в своей «Ромейской истории» о столпе у восточного акрополя в Константинополе, на котором «раньше стояла статуя Византа, основателя Византии».

...Ликеи... — Один из городов с названием «Селевкия» находился в Киликии, области Малой Азии.

...Триньскаго моря... — Фракийского моря.

Стр. 46. *...онтиописких...* — Испорч. «эфиопских».

...О семь Александръ здумавъ рече... — В данном списке пропущен текст, в котором говорится о намерении воинов Александра строить города.

...Апридийской... — Фригийской.

...акедоньскаго... — Лакедемонского.

Мелеуш — Менелай, спартанский царь.

...Приялъмужа... — Приама, троянского царя; он же назван затем Приемушем.

Вариж — Парис.

...Целеша краля, сына короля Прелеша... — Ахилла, сына Пелея.

...от камени андракса... — Драгоценный камень красного цвета. В средневековом сочинении Епифания Кипрского о двенадцати камнях сказано, что камень анфракс родится в Африке; находят его ночью по свету, так как он светится как свеча и блеск его ничем невозможно скрыть.

...Менеры... — Минервы (Афины); по-видимому, имеется в виду троянский палладий (древнее деревянное изображение Афины). В сербских списках в этом месте более понятный текст: «Вынесли ему изображение госпожи Минервы, глядя на которую дочь троянского короля, госпожа Кассандра, предсказала все, что случилось с Троей».

...Апелонъ трогоделский... — Аполлон дельфийский.

...Алекидушъ. — Имя, образовавшееся из двух — Александра и Дивуша (Деифоба?). В «Сербской Александрии» рассказ о смерти Ахилла соответствует византийским версиям истории Троянской войны.

Стр. 48. *...Лагонискую землю.* — Пелопоннес (?).

...Еликтора. — Гектора, сына троянского царя Приама.

...философа от Рима... — Испорч. «Омира» (Гомера).

...Алелешу, ⟨Е⟩кторе, Якъшу, Несторе... — Искажены имена: Ахилл, Гектор, Аякс, Нестор.

...Федите жены... — Фетида, нереида, жена Пелея, мать Ахилла.

...Скамудруши... — Река Скамандр, протекает около Илиона (Трои). Хотя в «Сербской Александрии» встреча Александра с Олимпиадой происходит в Македонии, но место (река Скамандр) объясняется только из текста рецензии ε Псевдокаллисфена, в котором Александр и Олимпиада встречаются в Трое.

Стр. 50. *Терьяха...* — Гетеро-арха, главы над этими женами (гетерами).

Стр. 56. *...лихнитарий...* — Драгоценный камень яркого красного цвета. В одной из рецензий «Александрии» Псевдокаллисфена (ε) этот камень обозначает в астролябии царя Нектанава планету Марс.

...анта гвоздия... — Ср. дальше — «оружие от акинта гвоздия», которое дарит Александру царица Кандакия. Название этого металла не объясняют и греческие тексты; возможно, что это восходит к ἀδάμας или ἀδαμάντινος (стальной), к названию того божественного металла, который, по причине своей крепоети, послужил материалом для шлема Геракла.

...Атана... — Ионафана, сына Саула.

Стр. 62. *...Сенарьское поле...* — Библейское название — долина Сенаар (южная область между реками Евфрат и Тигр); это место упоминается в «Александрии» несколько раз.

Стр. 64. *Сескерсен* — персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.) или один из Артаксерксов (V и IV вв. до н. э.).

...от змиевых очеи. — Вероятно, это название драгоценного камня, возможно берилла. В сочинении о камнях Епифания Кипрского сказано, что в верховьях Евфрата встречаются камни «вирулиона» (берилла), подобные зрачкам драконовых глаз.

Сонхос — египетский царь Сесострис, о котором пишет во второй книге «Истории» Геродот.

Стр. 68. *Филинѣс* — библейский первосвященник Финеес, сын Елеазара, внук Аарона.

Стр. 70. *...ты персомъ государь еси...* — В других списках правильное чтение: «злодей».

...на Синарьстей рецы... — Дальше она называется Арсинорской рекой. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена эта река, замерзающая ночью и размерзающая днем, называется Странга. Названия «Арсиния» или «Арсания» имели в древности два восточных притока Евфрата.

Стр. 74. *Пор* — царь индов; о войне с ним Александра, закончившейся поражением Пора и взятием его в плен, сообщают древние историки (Диодор, Арриан, Плутарх).

Стр. 76. *...Кандаркус и Аризванъ...* — В предшествующих рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена убийцы называются Бесс и Ариобарзан.

Стр. 82. *...соколов взводных...* — В сербских текстах Александру выносят охотничьих соколов и грифов, на которых можно подняться в небо.

...Клиса, лидоньскаго царя... — Вероятно, это Крез (Крис), последний лидийский царь (VI в. до н. э.).

...птицы... — Испорч. «питици», обезьяны.

Стр. 86. *...Ираклия царя... и Серамиды царицы...* — Царь Ираклий (Геракл) и царица Семирамида, ниневийская (ассирийская) царица. Древние авторы приписывают ей основание Вавилона; ей же приписываются походы и завоевания до самой Индии и оазиса Амона в Ливии. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена рассказывается о двух статуях, до которых дошел Александр в своем походе на восток. Одна из них была золотой, другая серебряной, и поставлены они были Гераклом. Арриан сообщает, что Александр прошел по трудной дороге к столице гидросов в Индии, не желая уступать в славе царице Семирамиде и царю Киру, единственному, кому до него удалось здесь пройти. В «Сербской Александрии» на основе тех же имен представлена совершенно другая история.

Стр. 88. *...Тракинскою землею...* — Фракийской землей.

Стр. 94. *...Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ.* — Эти сведения о четырех реках восходят к Библии; в средние века Гион (Гихон) отождествляли с Нилом, Фисон с Индом (или Гангом), т. е. главной рекой Индии.

Стр. 104. *...Алфион...* — Имеется в виду река Инд (Фисон — в средние века).

...хинкире и наасаре... — Первое (хинкирь, хонкиарь), вероятно, от тур. hünkâr — повелитель (титул османского султана), второе, возможно, восходит к арабскому корню nasr (защищать, помогать).

Стр. 108. *...Илиюполь...* — Гелиополь («Город Солнца»).

Темищра — в греческих текстах — Клитемнестра.

Стр. 110. ...*Мизаньскую землю...* — Землю амазонок.

...*меръсилоньскаго...* — Берсилия (Мерсилия) — область на Северном Кавказе, где жило хазарское племя берсилов.

Стр. 112. ...*невидимымъ тваремъ...* — Конечно, здесь в издаваемом списке ошибка, и понимать нужно так, что Александр помолился Богу, «невидимому тварем».

...*сунклитом.* — «Сунклит» (ἀσύγχυτος) значит «неразрушимый».

...*готти, магогти...* — Эпизод затворения Александром нечистых народов является заимствованием из средневекового сочинения «Откровение Мефодия Патарского»; оттуда же и этот перечень нечистых народов (Гог и Магог в Библии).

...*Клеопила Кандакия, царица амастридонская...* — Здесь в одном лице соединены: Клеопила, упоминавшаяся у древних историков, правительница племени ассакенов; эфиопская правительница Кандака (наследница царицы Семирамиды в ранних рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена); возможно, Амастрис, племянница последнего персидского царя Дария, основавшая г. Амастрис.

...*Евагридъ же, силурьский царь...* — В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Евагрид называется царем бебриков.

Стр. 116. ...*кучмом...* — Кучма — шапка с меховым верхом.

Стр. 124. ...*анфарскаго...* — Испорч. «арабского».

Стр. 126. ...*Мирсилоньскую землю и Сѣверьскую...* — См. коммент. к с. 110 — земли Евремитра, мерсилонского царя (берсилов), и Северные холмы.

...*Межюречие Сѣверьское...* — Междуречие Северское — в других текстах Междуречие Сирское (Месопотамия).

...*Предекискиия...* — Испорч. «Придийские» (фригийские) — ср. земли, которыми владел царь Филипп (см. коммент. к с. 14).

Стр. 132. ...*дидаскале...* — Греч. слово, означает «учитель».

Стр. 140. ...*намелии.* — Вероятно, что здесь оставлено без перевода греческое слово.

...*каруха.* — Это место во всех славянских списках испорчено. В греческом тексте воины Александра бросают копья и стреляют из луков; затем идет речь о χαρὲς (радости, восторге). Можно отметить только созвучие этого слова славянскому «каруха», но греческий текст не дает в этом случае возможности восстановить первоначальный смысл фразы в «Сербской Александрии».

Стр. 144. ...*теряком.* — «Териак» — вещество, считавшееся в древности противоядием и всеисцеляющим снадобьем.

Стр. 148. ...*в земли нарицаемеи Гесем...* — «Гесем» — библейское название области в Нижнем Египте, где поселился Иаков со своим родом; под «Египтом» следует здесь понимать город (столицу); «Междуречие Северское» — в других текстах «Сирское». Возможно, указывается не конкретное место смерти Александра, а область (по разделу земель она входила в часть Птоломея, ср. выше). Но, возможно, что эти названия говорят о неясности географических представлений в «Сербской Александрии». Согласно древним историкам, Александр умер в Вавилоне.

СКАЗАНИЕ О ДОЧЕРИ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

Рассказ о дочери Александра Македонского, похитившей «живую воду», переписан в 60-х гг. XV в. монахом Кирилло-Белозерского монастыря Ефросином. По своему содержанию он связан со средневековыми романами об Александре — «Хронографической» и «Сербской» «Александриями», переведенными на Руси с греческого. В греческой «Александрии», приписанной современнику Александра Каллисфену («Александрия» Псевдокаллисфена), есть история о поваре, нашедшем «живую воду» и напоившем ею дочь Александра Калу. В наказание за полученное бессмертие Александр приказал бросить их в воду, но Кала стала нереидой, а повар — морским демоном. В «Сербской Александрии» есть рассказ о том, как Александр расположился станом на берегу озера, вода которого оживила сухих рыб. В ефросиновском рассказе эти сюжеты дополнены

еще одним — о верном юноше Юдрее (Андрее), соблазненном и погубленном дочерью Александра Панорией (это имя близко к греческому слову, означающему хитрость, коварство). Так возникает новая версия, известная в сербской (в XIV в.) и в болгарской литературах (см.: Милтенова А. Сказание о происхождении русалок (к истории книжной деятельности книгописца XV в. Ефросина) // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 147—154), а впоследствии распространившаяся в новогреческом, славянском и румынском фольклоре (см.: Wesselofsky Al. Zur bulgarischen Alexandersage // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1875. Bd 1. H. 1. S. 608—611). Сохранение в славянском варианте непереведенных греческих слов — педопул, ливады, кондир, апрод — указывает на греческий оригинал «Сказания».

Основная тема ефросиновского рассказа — стремление Александра Македонского, которому была предсказана ранняя гибель, к бессмертию — занимает большое место в русских «Александриях».

Текст «Сказания о дочери Александра Македонского» публикуется по списку XV в. монаха Ефросина — *РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № 22/1099, л. 505—506.

Стр. 150. *...Едини нагомудреци не приаша его...* — Нагомудрецы, рахманы, в «Сербской Александрии» потомки сына Адама Сифа, безгрешные, живущие близ рая.

...ни женьское царство. — Страна амазонок, в «Сербской Александрии» названа «Маханьской Землей», жительницы которой так яростно сражались, что никто не мог их победить. Александр заключил мир с царицей амазонок Клитеврой.

Егда приатъ звѣря, которыяй разбиваху вся въйскы... — В «Сербской Александрии» говорится о львах, обученных для боя, и боевых слонах, применяемых в войске индийского царя Пора.

...исхожаху раци и похващаша воя. — Морские раки, хватавшие коней и утаскивающие их в море, упоминаются в «Сербской Александрии».

...породимъ кладязь. — Порода — рай, породный; породский — райский (см.: Словарь русского языка. XI—XVII вв. М., 1991. Вып. 17. (Помаранецъ—Потишати). С. 120, 121).

ИЗ «ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ»

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет знаменитого Троянского эпоса. О Троянской войне рассказывалось в пятой книге византийской «Хроники Иоанна Малалы», в славянском переводе вошедшей в древнерусские хронографические своды, в «Хронике Константина Манассии» (см.: БЛДР. Т. 9. С. 120—131), в польской хронике Мартина Бельского, также известной в русском переводе и использованной при составлении «Русского хронографа» в его редакции XVII в. Но наиболее обстоятельно с сюжетом Троянского эпоса древнерусский читатель мог познакомиться через перевод латинского романа XIII в. — романа «Historia destructionis Troiae» («История разрушения Трои») Гвидо де Колумна — придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и сицилийского короля.

Роман Гвидо, как и его непосредственный источник — французская поэма Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое», восходят не к гомеровскому эпосу и не к греческим поэмам VII—VI вв. до н. э., разрабатывавшим сюжеты троянского цикла (так называемым «киклическим»), а к поздним переложениям античных мифологических сюжетов, приписываемым, однако, предшественникам Гомера — мнимым участникам Троянской войны Дарету Фригийцу и Диктису Критянину. В действительности же «Дневник Троянской войны» Диктиса создан не ранее III в. н. э., а «История падения Трои» Дарета — в начале V века (см.: *Дарет Фригийский.* История о разрушении Трои / Русский перевод, коммент., вступ. статья, сост. А. В. Захаровой. Гекзаметрические переводы Д. О. Торшилова. СПб., 1997. С. 24). Под пером немецких, французских и итальянских средневековых авторов история Троянской войны превратилась в типичный рыцарский роман, в котором не менее значительное место, чем описание военных перипетий, занимают романические сюжеты: рассказ о

любви Медеи и Язона, Париса и Елены, Троила и Брисеиды, Ахиллеса и юной дочери Приама Поликсены.

Роман Гвидо де Колумна был несколько раз издан в конце XV в. в Болонье, Страсбурге, Париже. Одно из этих изданий, видимо страсбургское, и послужило оригиналом для древнерусского перевода, осуществленного, скорее всего, в начале XVI в. На его основе позднее возникли сокращенные переделки романа, сохранившиеся во многих списках XVII в., свидетельствующие о неослабном интересе к этому сюжету древнерусских читателей (см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. Сер. «Литературные памятники»).

Полный текст перевода романа Гвидо сохранился в нескольких списках XVI—XVII вв. К сожалению, все они дефектны, за исключением списка XVII в., по которому и публикуется текст.

Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов (о походе аргонавтов, о первом разрушении Трои Язоном и Геркулесом, о истории Париса, Троянской войне, странствиях Одиссея и т. д.), — интереснейший факт истории русской культуры. Примечательно, что почти полный текст «Троянской истории» был включен в Лицевой свод, монументальное многотомное изложение всемирной и русской истории, созданное по инициативе Ивана Грозного во второй половине XVI в. Роман привлек к себе внимание царя: обличая Андрея Курбского, он сравнивает его с персонажами «Троянской истории» — Энеем и Антенором.

Мы не имеем возможности познакомить читателя с полным текстом романа — он слишком велик. Публикуется один фрагмент его — первая, вторая и часть третьей книги (всего роман состоит из 35 книг), в котором повествуется о походе аргонавтов и добывании золотого руна.

При обращении к древнерусскому переводу романа мы встречаемся с немалыми трудностями, текст его местами крайне сложен для понимания. Переводчик был, вероятно, недостаточно опытен, он переводил довольно сложный и не всегда понятный ему латинский текст механически, следуя оригиналу даже в порядке слов, но при этом не всегда находил им точные русские соответствия. Поэтому при переводе на современный русский язык мы постоянно обращались к латинскому оригиналу и на его основе «проясняли» или даже исправляли непонятный текст древнерусского списка.

Для удобства читателей имена персонажей в переводе унифицированы и приводятся в традиционных написаниях: Язон, Эсон, Медея, Пелей и т. д.

В основу публикации положен список *ГИМ*, собр. Уварова, № 525, XVII в. Наиболее явные и грубые описки исправлены по смыслу. Все исправления выделены курсивом.

Стр. 152. ...*О Пелеи, царѣ тефсалийскомъ*... — У Гвидо ошибочно слиты в одно лицо царь Фтии (в Фессалии, области в северной части античной Греции) Пелей, муж морской богини Фетиды, отец знаменитого мифического героя Ахилла, и Пелий, правитель Иолка (также в Фессалии), брат Эсона, дядя Язона.

...*Великую Гресию, сирѣчь Италию*... — Великой Грецией именовались греческие колонии в Сицилии и Южной Италии.

...*апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границах царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся*... — Апрузия — область на юге Апеннинского полуострова. Слова «царства Киликийского» переводим как «царства Сицилийского» в соответствии с латинским оригиналом. Киликия — область на юго-востоке полуострова Малая Азия — упомянута в древнерусском тексте ошибочно.

Якоже о них свидѣтелствуетъ Овидѣй Моненисъ... — В VII книге «Метаморфоз», поэмы древнеримского поэта Овидия (43 до н. э.—17 н. э.), упоминается миф, согласно которому мирмидоняне — это лесные муравьи, превращенные в людей по просьбе царя Эака. Эпитету (прозвищу?) «Моненисъ» в латинском оригинале соответствия нет.

Стр. 154. *...глаголетъ той же предреченный Овидий... хитростною силою Медеи...* — В той же книге «Метаморфоз» содержится рассказ о том, как Медея, дочь царя Ээта, обладавшая даром волшебства, вернула старцу Эсону облик зрелого мужа.

... в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ... — Согласно античным мифам, золотое руно находилось в Колхиде, стране на восточном побережье Черного моря. Однако у Гвидо «Колкос» почему-то считается островом.

...златоруннаго овна... — Согласно античным мифам, златорунный овен, на котором Фрикс, спасаясь от преследования мачехи, переплыл море, был принесен им в жертву, и у царя Колхиды Ээта хранилось лишь золотое руно. Его охранял Дракон (в древнерусском переводе — «змей») и медноногие быки, изрыгающие пламя. В древнерусском тексте имя колхидского царя соответствует латинскому написанию Oetes.

Стр. 158. *...мнози честнороднии многою храбростию красновидны...* — В походе аргонавтов участвовали Орфей, Геркулес, Кастор, Полидевк (Поллукс), Тесей и другие герои.

Еркулесъ — Геркулес, сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона, — популярнейший герой Древней Греции.

...сокруши Антефыума. — Богатыря Антея Геркулес (Геракл) задушил, лишь оторвав от земли: Антей был сыном Геи, — а она представлялась древним грекам олицетворением земли. Поэтому Антей, прикасаясь к земле, черпал новые силы.

...стража их, пса триглавнаго... — Имеется в виду двенадцатый подвиг Геракла, когда герой привел связанным к царю Ерисфею трехголового пса Кербера (Цербера), охранявшего врата ада. На том месте, где на землю падала слюна из пасти Кербера, вырастала ядовитая трава.

...столпы Еркулови... — Геркулесовыми столпами называли в древности скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. В средневековых легендах об Александре Македонском утверждалось, что он дошел со своим войском до этих мест.

Стр. 160. *Ангвин* — т. е. созвездие Дракона.

...Овидий во второй книзѣ... — Во второй книге «Метаморфоз» излагается миф о возлюбленной Зевса — нимфе Каллисто и ее сыне Аркаде, обращенных Зевсом в созвездия. Древнерусский переводчик принял Каллисто за мужчину («Калистона и Аркада сына его»).

...И не честованныи на вышнем небеси... отстоянием кратчайший обходит. — Это восклицание оскорбленной Юноны С. Шервинский переводит так: «В самой небесной выси, удостоенных только что чести / Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где полюс / Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба» («Метаморфозы», II, 515—517).

Симеоста — Симоэнт, приток реки Скамандр, протекавшей в окрестностях Трои.

Стр. 162. *...от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия.* — Согласно легендам, Эней — один из троянцев, после разрушения Трои и долгих скитаний пристал к италийским берегам и основал здесь город Лавинию. Ему наследовал его сын — Асканий-Юлий. К числу их потомков легенда относила и царя Альба-Лонги Неметора, деда Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, происхождение Рима и Римского государства связывается с именем троянца Энея.

...близ Рима великъ сооружи град... — В латинском оригинале juxta Renum — т. е. близ, подле Рейна.

Антенор — троянский вельможа; вместе с Энеем он способствовал победе греков и взятию Трои. После ее разрушения он покинул город и, согласно легенде, основал Венецию.

...от царя Сикаона пришедшаго в Киликию... — Здесь Киликией в древнерусском тексте названа Сицилия. При этом в географических рассуждениях Гвидо остров Сицилия смешивается с Сицилийским королевством, существовавшим до 1282 г. и распространявшим свою власть как на остров, так и на южную часть Апеннинского полуострова.

Диомедесъ — Диомед, аргосский царь, на стороне греков участвовавший в Троянской войне. Он ранил в бою Афродиту и был обречен ею на скитания. По одному из мифов, он основал ряд городов в Калабрии (на юге Италии). Спутники его были обращены Цирцеей, дочерью Гелиоса, в птиц.

Исидор — видимо, имеется в виду Исидор Севильский (560—636), ученый-энциклопедист, в книге которого — «Этимологии» — содержалось много ссылок на античных авторов и фрагментов из их сочинений.

Стр. 168. *...египтянинъ Птоломей.* — Птолемей (ок. 90—ок. 160), греческий астроном, живший в Александрии, в Египте, создатель геоцентрической системы мира.

...«егда луна обращается»... — В древнерусском точный перевод латинского cum luna se volvit. Неясно, однако, имеется ли в виду новолунье, когда луна как бы «отворачивается», или же лунное затмение. Мы приняли первый вариант.

Стр. 170. *Дионисий Ареопагитский* — легендарный афинский ученый-философ, ученик апостола Павла. См. наст. изд., с. 558—559.

«Или Богъ естества... тварь мира разрушится». — В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается затмение солнца, которое Дионисий наблюдал в египетском городе Гелиополе, и дается понять, что это затмение происходило во время крестных мук Христа.

...в Гаваонѣ... стати повелѣ. — Имеется в виду библейский рассказ, как по молитве Иисуса Навина во время битвы его с амморейским царем близ Гаваона Бог остановил движение солнца (см.: Ис. Нав. 10, 12—13).

Стр. 176. *...пиша перстомъ на шиде червленымъ вином сице...* — В латинском оригинале этих слов нет: Медея не пишет, а говорит Язону. Здесь вставка из другого произведения о Троянской войне — «Повести о создании и попленении Тройском...».

Стр. 184. *Сей камень мудрыя асхате нарицают... И сего Енея носивша Виргилий пишетъ...* — В поэме древнеримского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида» рассказывалось о спутнике Энея Ахаве. Здесь его имя превратилось в название камня-талисмана.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ ИУДЕЙСКОМ

На рубеже XV—XVI вв. древнерусский читатель познакомился с несколькими произведениями, повествующими о Троянской войне: о ней рассказывалось в одной из глав византийской Хроники Константина Манассии (этот текст публикуется в наст. изд., т. 9, с. 120—131) и в обширном латинском романе Гвидо де Колумна, издание которого также было переведено на русский язык в самом начале XVI в. (фрагмент из этого перевода опубликован выше, с. 152—193). Но наибольшее распространение в литературе XVI—XVII вв. получила компилятивная «Повесть о создании и попленении Тройском...». Эта повесть составлена русским книжником, вероятно, создателем Русского хронографа (о нем см. коммент. в наст. изд., т. 9, с. 529). В ее основу положена упомянутая выше глава из хроники Манассии, но в большей степени — отдельная повесть, носившая заглавие «Повести о извѣстованныих вещей, еже о кралехъ причя, и о рождених и прѣбываних». Последнее научное издание «Притчи о кралех» (как в литературе ее обычно именуют) осуществлено в кн.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой. Подготовка текстов М. А. Салминой. Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. С. 243—254. «Притча о кралех» является, вероятно, переводом латинской средневековой повести, осуществленном в Далмации в XIII—XIV вв. Текст «Притчи» был включен в некоторые списки Хроники Константина Манассии, в частности в ее иллюстрированный Ватиканский список сер. XIV в. (Библиотека Ватикана, Cod. Slav.; 2) и в список русского перевода Хроники — *РНБ*, Софийское собр., № 1497, XVII в. В обоих списках текст «Притчи» следует непосредственно за главой, повествующей о Троянской войне в основном тексте Хроники. По всей вероятности, в руках создателя Русского хронографа был такой (до нас не дошедший) список хроники, в котором эта вставка уже была.

Создатель Русского хронографа успешно справился со своей задачей: ему удалось составить свою компилятивную версию без существенных изъянов, следы соединения двух источников малозаметны, а допущенные сокращения текста «Притчи» незначительны и не существенно искажают сюжет памятника. Источником «Притчи» (напомним, — основного компонента «Повести») был, однако, не Гомер, которого в раннем средневековье плохо знали и к которому относились тогда без должного пиетета, а сочинения Дарета и Диктиса — мнимых участников Троянской войны (см. о них выше, с. 546).

Осуществление переводов произведений о Троянской войне на рубеже XV—XVI вв. еще не свидетельствовало о широком знакомстве с этим сюжетом древнерусских книжников: и списки Хроники Манассии, и списки «Троянской истории» исчисляются единицами (более распространена краткая переработка Троянской истории, но она появится, вероятно, лишь в XVII в.). Иное дело — «Повесть о создании и попленении Тройском». Уже то, что она вошла в состав авторитетнейшего и известного в сотнях списков Русского хронографа, обеспечивало ей широкую известность. Ее сюжет привлекал настолько, что «Повесть», изъятая из полного текста Хронографа, включалась в сборники.

«Повесть» была издана в составе древнерусского хронографа (см.: Русский хронограф. Часть I. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. I), а также в книге: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 7—13, 70—77 и 197—207. (Сер. «Литературные памятники»). Для издания *БЛДР* заново подготовлен текст, сделан новый перевод и написан заново комментарий. В нем частично использованы наблюдения известного филолога-античника М. Н. Ботвинника (из комментария в издании 1972 г.), что во всех случаях оговаривается.

Текст опубликован по списку Хронографа 1512 года — *РНБ*, F.IV.178, 1538 г. Исправления, сделанные по списку *РНБ*, собр. Погодина, № 1443, выделяются курсивом. Выделены также два добавления и одно исправление по Хронике Константина Манассии (по списку *РНБ*, Софийское собр., № 1497), они оговорены в комментарии.

Стр. 194. *...при Давидѣ, цари Июдейском.* — По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004—965 гг. до н. э.). Современные историки датируют ее серединой XIII в. до н. э.

...царь некий именемъ Придешь. — В «Повести» сравнительно с античной традицией многие личные имена изменены и искажены до неузнаваемости. В переводе в большинстве случаев сохраняются написания «Повести», а идентификация приводится в комментарии. Так, в данном случае, видимо, имеется в виду Фригий, хотя традиция называет основателем Трои Дардана.

...в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ... — «Оток» значит остров и вообще участок суши, омываемый водой, поэтому в переводе употреблено слово «мыс». Однако историческая Троя располагалась на материке — в северо-западной части Малой Азии, к югу от Геллеспонта. Пелешино море — видимо, Эгейское море.

...Троилъ роди Приама царя... — Традиционно отцом Приама называется Лаомедонт.

Якама — имеется в виду Гекаба (Гекуба).

...Фарижь Пастыревичь. — Отчество Парису (Фарижу) дано по мнимому отцу — пастуху (пастырю).

Стр. 196. *...бракъ творяше Велешь царь...* — Имеется в виду свадьба фессалийского (фтийского) царя Пелея (отца Ахиллеса) и морской нимфы Фетиды. По мифам, свадьба происходила не во дворце, а в пещере Хирона на Пелионе.

...три жены, ихже и пророчица нарицаху... — В «Притче» они названы поименно — Юнона, Паллада и Венера. Здесь же богини именуются «пророчицами». Под четвертой, не приглашенной на пир, имеется в виду богиня раздора Эрида (в «Притче» это римская богиня Дискордия).

...да присудить ей яблоко... — Согласно традиции, богини предстали перед Парисом не на свадебном пиру Пелея, а на горе Иде, близ Трои.

И Тебушь бѣ гуселник... варъ, и камение, и воду. — По мифологической традиции, стены Трои возвели Феб (здесь Тебуш) и Посейдон (здесь — Нептанабуш, т. е. Нептун), но не при Приаме, а при его отце Лаомедонте.

И Питеръ волховъ... еяже ради Трой разориться. — Обманутые строители Трои — Феб и Посейдон — обратились за помощью к Юпитеру (здесь Питер). Бог явился дочери Приама Кассандре и предсказал ей гибель Трои. Здесь этот мотив сокращен.

Такоже и жены оны... како бы Трой разорилъся. — Во время Троянской войны Гера и Афина были на стороне греков, Афродита на стороне троянцев.

...прииде к Менелаю... служити... — В «Илиаде» говорится, что Парис был гостем спартанского царя Менелая, а не его наемником.

...писаше на убрусе черьвленымъ виномъ къ Елене... — В «Притче» добавлено, что Менелай не мог прочесть написанное, так как был неграмотен.

Стр. 198. *...Агамену царю...* — Т. е. к Агамемнону, царю Аргоса и Микен, брату Менелая.

...отвержеся от него русагъ Каакыимьскы... — О том, что Менелай уехал усмирять отпавшую от него область, говорится только в «Притче». М. Н. Ботвинник предполагал, что Каакимская земля — искаженное название Крита, куда, согласно Овидию, уехал Менелай. См.: Ботвинник. Комментарий. С. 200.

...Аякшь, Саломониковъ сынъ... — Т. е. Аякс Большой. Имя его отца — Теламон — здесь превратилось в Саломоник.

...Паламид, Придековъ сынъ... — Евбейский царь Паламед, сын Навплия.

...Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ... — Здесь так назван Одиссей (Уллис), сын царя Итаки Лаэрта. В дальнейшем тот же Одиссей будет назван Дисевес. Рассказ о мнимом безумии Одиссея у Гомера отсутствует, в мифологической традиции он появляется позднее.

...от Феталиа, и ото Архиа... — Фессалия — область в Северной Греции; Ахайа — северная часть полуострова Пелопонес.

...бяше Менесефесъ от Афинъ... Тлипелемъ же от Родоса — Здесь названы афинский царь Менесфей, Нестор — царь Пилоса, Одиссей, Аякс, критский царь Идоменей и царь Родоса — Тлеполем. Слова *от Ифаке* доб. из Хроники Манассии.

Евъфиянинъ же Ахиллей... — Вероятно, здесь искаженное определение «евъфинянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

...поставиша царие ратиначалника. — Во главе греческого войска был поставлен не Ахилл, прибывший под Трою позднее, а микенский царь Агамемнон.

Стр. 200. *...кари и лукаани, миси и меони, и фруги...* — Народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

..Велеша... — Согласно мифологической традиции, на греков, отплывших в Трою, разгневалась богиня Артемида, так как Агамемнон или кто-то из его воинов застрелил священную лань богини.

...своеа дщери Цвѣтаны... — Речь идет о дочери Агамемнона Ифигении. Греки, по совету жреца Калхаса, были вынуждены принести ее в жертву богине, но на алтаре девушку заменила лань, а Ифигения стала жрицей храма богини Артемиды на Тавриде.

...Екторъ царь... — Один из Троянских героев — Гектор.

...от живаго огня Екторъва. — Стрелы с огнем, «живой огонь» — все это напоминает распространенное в Византии средство борьбы с вражеским флотом — «греческий огонь»: из специальных сифонов на корабли противника выбрасывалась воспламеняющаяся смесь.

...боящеся гласа Ахиллеева. — О грозных криках Ахилла, наводящих ужас на троянцев, говорится в «Илиаде» (XVIII, 217—229).

...а Рижеушь бѣ попъ сынъ Тебуга бога. — Здесь излагается сюжет «Илиады», повествующий, как дочь жреца Феба-Аполлона Хриса (здесь Рижеуша) Хрисеида (здесь Рижеуда) стала пленницей Агамемнона. Ее отец обратился за помощью к Аполлону, и тот наслал на греческое войско страшную болезнь.

...и не хотяше изыти на брань. — Причиной, по которой Ахиллес перестал участвовать в боях, была (по «Илиаде») не гибель Паламеда, а то, что Агамемнон, вернув Хрисеиду, отнял у Ахилла его пленницу — Брисеиду.

И тако умре. — В мифологической традиции есть рассказ о том, как Паламед разоблачил мнимое безумие Одиссея (здесь он именуется Дисефесъ Нисиотенин), а тот в отместку оклеветал Паламеда. Невинно осужденный герой был забит камнями.

...убиенъ бысть Патроклие... от руку крѣпкою Екторовою. — Именно убийство Патрокла, друга и побратима Ахилла, побудило героя вновь принять участие в сражениях.

Стр. 202. *И пакы призываеть Приамъ на помощь амозони.* — Сюжет об участии в Троянской войне женщин-воительниц амазонок впервые появляется в киклической поэме «Эфиопида» (VI в. до н. э.).

И умоли Тавтантиа, индийскаго царя... — Тавтантий — возможно, Тевтрант, правитель Мизии (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 203), но не индийский царь. Описание индийских воинов и используемых ими в битвах прирученных зверей, возможно, появилось в «Притче» под влиянием «Александрии», где рассказывалось о сражении Александра Македонского с индийским царем Пором (см. наст. изд., с. 14—149).

И мати его Екама царица... еже пощадѣти ся самому. — М. Н. Ботвинник отметил, что этот эпизод напоминает текст «Илиады»:

Мать на другой стороне заливалася в горе слезами,
Перси рукой обнажив и другою на грудь указуя,
Сыну, лиящая слезы, крылатую речь устремляла:
«Сын мой! Почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной!
Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,
Вспомни об этом, мой сын...»

(XXII, 79—84; Перевод В. Вересаева).

Он продолжает: «Любопытно, что ни у Диктиса, ни у Дарета эта речь Гекубы не приводится. Нет этой речи и в „Притче о кралех". Возникает предположение, что автор „Повести" был знаком с Гомером или непосредственно, или в пересказе» (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

...седмь уровъ греческых, еже есть седмь полкъ. — Происхождение и значение термина «ур» (М. Н. Ботвинник соотносил его с греч. Словом οὖρος — «страж, защитник») неясно.

Стр. 204. *...Приамъ... поиде въ греческую войску.* — Только у Гомера Приам отправляется к Ахиллесу за телом Гектора один («Илиада», XXIV, 469 и след.), у Диктиса Приам идет к Ахиллесу с Гекубой, Поликсеной и другими членами семьи. М. Н. Ботвинник допускает знакомство автора «Притчи», а вслед за ней и «Повести» с Гомером (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

...и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣх госпожах тройскых добрѣйши. — У Гомера Поликсена не упоминалась, но история прекрасной дочери Приама рассказана уже в трагедии Еврипида «Гекуба», где говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. У Дарета и Диктиса, как и в основанной на них «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна, повествуется, что Ахилл, увидев Поликсену в храме во время перемирия или у могилы Гектора, влюбился в нее, и ради этой любви согласился на перемирие с троянцами. В «Притче» Ахилл Поликсену не видит, ее предлагает ему в жены сам Приам.

...скры Александръ Фарижь, Приамовъ сынъ, и Дифовъ... — В разных версиях истории Троянской войны убийцами Ахилла называются то сын Приама Гелен, то Александр Парис, то другой его сын Деифоб (здесь он назван Дифов).

...точию плеснѣ его без желѣза... — В мифологической традиции тело Ахилла было неуязвимо для оружия, так как его мать Фетида окунула ребенка в воды подземной реки Стикс. Мать держала младенца за пятку, поэтому только пятка и осталась уязвимой. В «Притче» же предлагается более «рационалистическое» объяснение: герой был в доспехах и только ноги его были «без железа».

Ощути же сиа Дисевес... Ея Теламоненинъ... — В «Повести» спутниками Ахилла названы Одиссей, Диомед (здесь он назван Диогеном) и Аякс, сын Теламона.

...посла сына своего... к Полинещеру царю... — Сюжет о судьбе Полидора отразился в «Гекубе» Еврипида. В античной традиции Полинещеру соответствует царь Фракийского Херсонеса (его владения были на северном берегу Геллеспонта). Погажия, вероятно, искаженное название Фракии.

Стр. 206. *...и сами скрывшеся во острове.* — В некоторых произведениях троянского цикла называется остров Тенедос (в Эгейском море, вблизи от малоазиатского берега).

...зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ. — В Хронике Манассии слов «зажгоша храмы» нет (см. наст. изд., т. 9, с. 130). Составитель «Повести» вставил их напрасно: речь шла о том, что вышедшие из коня воины должны были факелом подать знак греческому войску, а не устраивать в городе пожар.

Инде же пишеть... — Составитель «Повести» указывает, что он, завершив выписку из текста хроники Манассии, вновь обращается к «Притче о кралех».

...тѣм же образомъ, аки конь... — Этих слов нет в «Притче», они — неудачное пояснение составителя «Повести». Возможно, он не понял, что «фариж» — это слово, обозначающее коня. Отсюда и бессмысленность перевода: «серый конь, видом подобный коню».

...мечными... — Это слово добавлено из Хроники Манассии.

...вяще... — Слово исправлено по Хронике Манассии.

И повелѣ еа и со Александром усѣкнути. — Как предположил М. Н. Ботвинник (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 207), рассказ о казни Париса и Елены принадлежит латинской повести — оригиналу «Притчи о кралех». У Еврипида в трагедии «Андромаха» лишь говорится, что Менелай, собравшийся казнить жену, увидев ее, по-прежнему блистающую красотой, прощает. (О различных версиях, касающихся судьбы Елены, см. в посвященной ей статье в кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 431—432).

И с ними Поликсену... яко ея ради погибе. — По мифологической традиции Поликсену убивает над могилой Ахилла его сын — Неоптолем.

Сия увѣдѣвше гражене, побиша их камениемъ. — Это один из вариантов мифа о судьбе Гекубы, перекликающийся с сюжетом одноименной трагедии Еврипида «Гекуба». По другой версии, царица была убита греками.

Стр. 208. *...творець Омиръ...* — Составитель «Повести» самостоятельно называет имя Гомера — его в данном тексте не упоминают ни Константин Манассия, ни автор «Притчи о кралех». Правда, Манассия говорит о Гомере ранее, но там обещает рассказать о событиях «Не якоже Омиръ описует» (см. наст. изд. Т. 9. С. 120).

...сынъ царя Каеты, а индѣ пишеть Фирелеша. — Фирелеш, вероятно, искаженное имя Пелей, что же касается Каеты, то это имя в «Притче» носит Ликомед, у которого воспитывался малолетний Ахилл.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

«Стефанит и Ихнилат» — греко-славянская версия всемирно известного памятника, возникшего в глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра», потом он был переработан в персидско-арабский вариант под названием «Калила и Димна», с которого был сделан в XI в. греческий перевод (вернее, переработка) под названием «Стефанит и Ихнилат». Это цикл басен и поучительных повестей, построенный по форме бесед царя и философа: философ рассказывает царю занимательные истории, преимущественно о животных, вкладывая в них поучения. Занимательность сюжета и дидактичность обеспечили памятнику широчайшую популярность.

Славянский перевод был осуществлен, по-видимому, в XIII—XIV вв. в одном из славянских монастырей на Афоне. Существует три редакции славянского текста — сербская, болгарская и болгаро-русская. Редакции различаются по составу, все они в разной степени дефектны (т. е. в них есть утраты по сравнению с греческим оригиналом), но они восходят к одному протографу;

общие для всех редакций ошибки перевода показывают, что перевод был один. Ряд языковых данных (мы стараемся в комментарии обращать внимание читателя на такие случаи) позволяет считать, что перевод был сделан на болгарский извод церковно-славянского языка, хотя в сохранившихся рукописях сербская редакция представлена значительно более полным текстом.

Текст, который был распространен в русских рукописях (одна из них издается в данном томе), относится к болгаро-русской редакции, отличающейся следующими особенностями: она состоит из семи глав и обрывается на полуслове в середине притчи «О семи снах индийского царя». Кроме того, в ней произошло слияние двух притч — «О пификах и о светляке» и «О лукавом и о препростом» — в одну притчу «О двух друзьях».

Рукописная традиция болгаро-русской версии богата и разнообразна. Рукописи представляют несколько вариантов текста, и различия этих вариантов формируются в двух планах: во-первых, текстовые разночтения, во-вторых, интерполяции (т. е. позднейшие вставки и изменения; см. ниже). Разночтения в рукописях очень важны — они дают нам возможность судить о том, как древнерусские книжники воспринимали этот чужеродный и иногда непонятный для них текст. На местах ошибок, возникающих при переводе с греческого, в рукописях возникали узлы разночтений — переписчики, чувствуя шероховатость в тексте, пытались исправлять текст по своему разумению (без сверки с греческим оригиналом), а иногда появлялись глоссы на полях, поясняющие текст. Поэтому, чтобы понять восприятие текста средневековым читателем, необходимо изучать его по совокупности рукописей.

Отличительной чертой болгаро-русской редакции является наличие в ней интерполяций — вставок нравоучительного характера. По составу этих вставок мы можем делить рукописи на группы и подгруппы; есть группы, в которых интерполяции вовсе отсутствуют. Интерполяции появились в рукописях болгаро-русской редакции, возможно, сразу же при составлении редакции — во всяком случае, самые ранние рукописи уже содержат интерполяции. Изъятие интерполяций из текста было результатом вторичного редактирования. В двух рукописях XV в. (Синодальной и Рогожской) интерполяции отмечены глоссами на полях «иного-сущее», а в Синодальной рукописи они, кроме того, вычеркнуты. Есть еще рукопись XV в., — Троицкая, текст которой представляет особую редакцию: все интерполяции выброшены, текст сокращен, ему придан более «беллетристический» вид. В рукописях других групп тоже есть интерполяции — они иные, чем в Синодальной группе, и зачастую не воспринимаются как интерполяции, но характер их такой же. Во многих же рукописях XVII—XVIII вв. интерполяции изъяты совсем и памятнику возвращена его басенная сущность.

Наличие и отсутствие интерполяций связано с литературной средой и с литературной обстановкой, в которой существовал текст.

Получив в свои руки восточный басенный цикл, содержащий много афоризмов и нравоучительных сентенций, славянский переводчик — афонский монах — возможно, не придал значения басенному («беллетристическому») характеру памятника, а воспринял только его нравоучительную афористичность. Он усилил дидактическую сторону памятника, добавив туда еще ряд цитат, выдержек из святоотеческих книг. В средневековой письменности имели большое распространение сборники афоризмов (такие как «Пчела») и особенно нравственно-учительные сочинения, такие как «Лествица» Иоанна Синаита или поучения аввы Дорофея. Эти памятники и были источником нового интерполирования. Получается, что для составителя болгаро-русской редакции «Стефанит и Ихнилат» был не столько книгой басен (басни как жанр были ему, видимо, чужды), сколько своего рода «Пчелой», сборником афоризмов, который, следуя традиции, можно дополнять новыми по своему выбору и вкусу. Этим, по-видимому, и объясняется то пренебрежение к сюжету, с которым интерполяции вносятся в текст, — они часто прерывают фразу посередине, иногда полностью не соответствуют по смыслу тому, о чем рассказывается в тексте, иногда просто выглядят странно в данном контексте. Для книжника XV в. литературные особенности «Стефанита и Ихнилата» были чужды — этот памятник обладает чертами литературы Нового времени (неоднозначность героев — злодей говорит умные и благочестивые вещи и подчас вызывает сочувствие; основные моральные установки недостаточно четко выражены, читателю приходится самому оценивать этическую сторону происходящего — в то время как в привычной для него средневековой

литературе все было четко, положительный герой говорил и делал все прекрасно, отрицательный — был резко черным; автор же четко и однозначно выражал «мораль притчи»), в нем есть увлекательный сюжет, за которым нужно следить, и даже своеобразный юмор. Все это, по-видимому, было чуждо и книжнику, и читателю.

В XVII в. положение изменилось, возникала другая литературная ситуация, развились жанры демократических повестей, были сделаны новые переводы («Басни Эзопа», «Зрелище жития человеческого» и др.), и «Стефанит и Ихнилат» попал на свое место, его повествовательная природа ярко проявилась и закрепилась в рукописной традиции. Памятник стал переписываться вместе с другими повествовательными произведениями; сам он тоже стал меняться за счет распространения бытовых подробностей, увеличения деталей сюжетного повествования, интерполяции стали исчезать, начали появляться новые притчи из других источников. При этом книжная лексика частично заменилась на более понятную и даже бытовую.

В настоящем издании мы представляем читателю основное ядро памятника по старейшей из сохранившихся рукописей болгаро-русской редакции (интерполяции опускаются). Читатель увидит образец одного из самых ранних беллетристических произведений славянской письменности (хотя и не воспринятого как таковое в XV в.), не забывая при этом, что это один из «бродячих сюжетов» — т. е. произведение, которое появилось у славян, обойдя до того полмира и принося с собой следы чужих культур и общечеловеческую мудрость.

Текст издается по рукописи XV в.: *ГИМ*, Синодальное собр., № 367, лл. 493—548. Необходимые исправления сделаны по рукописи XVII в.: *РГБ*, собр. Тихонравова, № 249 (Т), собр. Толстого: *РНБ*, Q.XV, 2 (Толст.) и по греческому тексту.

Интерполяции, содержащиеся в Синодальном списке по сравнению с греческим текстом, исключаются; места интерполяций отмечены 〈...〉.

Стр. 210. *Списание Сифа Антиоха...* — Автором «Стефанита и Ихнилата» назван Сиф Антиох. Это имя — Симеон Сиф — встречается в греческих рукописях. Сиф был протовестиарием (придворный чин) антиохийского дворца, отсюда в славянских текстах появилось второе имя — Антиох. В некоторых славянских рукописях он назван просто Антиох, с прозванием Великий.

Иоанн Дамаскин — церковный деятель, знаменитый византийский поэт, гимнограф и литургист VIII в., по происхождению сириец. В традиции древнеславянской письменности было приписывать известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых не было известно или не было достаточно представительно.

...о звѣрех... — Греческое слово ὁ θώς (шакал) славянский переводчик не смог перевести, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось использовать слово «звѣрь» или словосочетание «некий звѣрь». Но если главные герои (шакалы) имеют собственные имена и автор может их во всех случаях называть этими именами, не объясняя, кто они такие, то в других притчах, где это слово является нарицательным (в притче «О льве и верблюде», а также в не вошедшей в данную версию притчи «О шакале-постнике»), переводчику приходилось выходить из положения, прибавляя дополнительные описания. Древнерусские переписчики повести чувствовали этот недостаток перевода, и в некоторых списках появились глоссы на полях, конкретизирующие и поясняющие словосочетание «некий звѣрь» — «соболь и горностай», «медведь и соболь», «медведь и горностай».

Стефанит и Ихнилат — в древнеиндийской версии памятника «Панчатантре» имена главных героев иные — Каратака («Темно-красный») и Даманака («Усмиритель»); эти имена при переводе на персидский и арабский превратились в «Калила» и «Димна». При переводе памятника с арабского на греческий в результате ложной этимологизации они превратились в «Стефанит и Ихнилат» — переводчик связал слово «Калила» с iklil («диадема») и перевел «увенчанный» (στεφανίτης), а слово «Димна» — с diman («следы кочевья») и перевел «выслеживающий» (ἰχνελάτης). Такая интерпретация в какой-то мере подтверждалась этической нагрузкой персонажей, из которых один — благородный и благоразумный, а другой — лукавый интриган.

Якоже сопусы разсыпаються... — Греческое слово οἰσωλῆνες (трубы) передано в славянском тексте словом «сопусы» или «сапосы». Это не понятое переводчиком слово дает в славянских рукописях разночтения и искажения — «супостаты», «сапози», «соль». В некоторых рукописях дается верный перевод — «трубы».

Стр. 212. *Немьного еже посредѣ...* — Этим выражением в славянском переводе передано греческое ou polú tó en mésō («через некоторое время, вскоре»); оно было недостаточно ясно для русского читателя. Рукописи дают разные варианты осмысления этого места — «немного же последи», «немного еже пострада», «немного еже по страде», «немного еже по страде своей» и даже «немного еже по траве». В некоторых случаях встречается другой перевод (правильный по смыслу): «не по мнозе же времени».

Обои различнии мудроумнии обычаи... — Слово «обычаи» (в Т — *обычаем*) в данном контексте не имеет смысла, тем более что оно появилось на месте греческого πλῆν («но, однако, разве что»); другие рукописи дают правильное чтение «обаче»; но надо полагать, что писцы исправили ошибку перевода по смыслу, а не в результате сверки с греческим текстом.

...катадневную пищу... — Т. е. ежедневную пищу. Прилагательное искусственно образовано с помощью греческой приставки κατά — «еже-», «каждо-».

...пификово... — Для обозначения обезьяны в славянских языках существовало несколько слов — пифик, опыния (опыня), опиица (опица), обезьяна (обозиана), трепясток и позднее (с XV в.) — мартышка; все они соответствуют греческому πίϑηκος. Слово «пифик», заимствованное из греческого языка, встречается в памятниках редко и, видимо, требует объяснения. В рукописях иногда встречаются глоссы на полях, объясняющие, что пифик — это обезьяна.

...съключися древо... — В рукописи на полях приписано «сътупися».

...яко всякъ жало имать. — Неудачный перевод: в греческом тексте стоит τὸ μέτρον — «мера», славянский переводчик прочитал τὸ κέντρον — «жало».

Стр. 214. *...и тѣм же лобзаим наше число.* — Славянское *лобъзати* значит «приветствовать». Слово «число» в данном случае не совсем удачно передает греческое τὸ μέτρον — «мера».

Подобит бо ся лозѣ... — В рукописи: «Подобит бо ся зѣло древесем». В данном случае переписчиком Синодального списка допущена ошибка (метатеза — вместо «лозѣ» — «зѣло»). Кроме того, слово «древесем» лишнее (в Т его нет) — оно написано на верхнем поле со знаком вноски в текст. Некоторые рукописи дают правильное чтение; например, рукопись Толст. — «подобит бо ся лозѣ, та бо не болшим древесем, но ближним приплетается».

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкый... — Притча об отроке появилась в славянском переводе случайно (в греческом тексте ее нет) в результате ошибки перевода. Переводчик перепутал похожие по написанию слова πᾶς (всякий) и ὁ πατς (отрок) и вынужден был прибавить к выпадающему из контекста слову «отрок» (вместо «всякий») несколько фраз, чтобы получилась еще одна маленькая притча.

Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй... бѣдно. — В славянском переводе опущены слова о том, что на этой изобильной горе водятся львы и другие дикие звери, поэтому-то пребывание на ней и бедственно.

Стр. 216. *...фалкон...* — Для передачи греческого слова ὁ ἱέραξ («коршун, ястреб») славянский переводчик воспользовался новогреческим словом φάλκον. Это слово в славянских языках встречается редко, оно было мало известно переписчикам (поэтому в разных списках это слово написано по-разному: фалкон, факон, алфакон, афокон, аволкон, жалкон и др.). В одном из списков есть глосса к слову «фалкон» — кречет. Неясно, почему переводчик употребил малоизвестное заимствованное слово вместо славянского, тем более что в других случаях слово ὁ ἱέραξ он переводит и словом «крагуй», и словом «орел». Однако это обстоятельство для нас небезынтересно — оно косвенно подтверждает мнение, что переводчиком был человек, постоянно пользовавшийся новогреческим языком (вероятно, афонский монах).

Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему... — Переводя это место греческого текста, славянский переводчик допустил обычное для древнерусских книжников смешение двух греческих глаголов βούλομα' и βουλεύω («хотеть» и «советовать») и перевел вместо «хотел» — «советовал». Нарушение смысла чувствовали переписчики и пытались это место исправить (без

обращения к греческому тексту), поэтому почти все списки дают в этом месте разночтения: «Советова убо Лев наедине с Ихнилатом и хоте от него утаити сомнение свое и страх», «Но советова Лев мне убо сомнение и страх свой утаити ему», «Советова же Лев о сумнении своем и ужасе, еже бы како рещи», «Советова же Лев сам о сумнении своем и ужасе и страсе, еже бы како утаити ему и рещи».

Стр. 220. *...нѣкоему другу своему звѣрю...* — См. коммент. к с. 210.

...жеравъв. — В греческом тексте главным героем этой притчи является лебедь ho kúknos. Почему славянский переводчик заменил лебедя журавлем? Оба слова несомненно были ему хорошо известны, и обе птицы тоже. Мы предполагаем, что такая замена связана с художественно-эмоциональной нагрузкой слова «лебедь» в славянском фольклоре; ощущалось, что этот образ, используемый для поэтическо-метафорических целей, «не звучал» в рассказе о коварстве и жестокости.

...обрѣте ежа въ своей скръби. — Еж как действующее лицо притчи о журавле и рыбах — недоразумение; в греческом тексте действует рак (ὁ καρκίνος).

И како не скорбя? — Грамматический болгаризм; должно быть *скорблю* (1-е лицо, ед. число) в значении «буду скорбеть».

Стр. 222. *...и рече к ловцем...* — Славянский переводчик вместо греческого τιριον — «зверь» прочитал ὁ θηρευτής — «охотник».

Стр. 224. *Онъ же рече: «Ибо ты и аз...»* — Слова «он же рече» попали в перевод по ошибке; в греческом тексте их нет. Последующие слова также произносит Стефанит.

Стр. 226. *...на тя... лукавьствует...* — В рукописи после этих слов добавлено «получил есть». В Толст. «толико лукавьства поучился есть».

И псира корида и пилое. — Заголовок к притче о кориде (о воши) и о блохе дан в Синодальном списке греческими словами в славянской транскрипции. Слово «псира» (и, видимо, «пилое» или «пилос» тоже) является передачей греческого слова ἡ ψύλλα — «блоха». Слово «корида» восходит к новогреческому ἡ κόριξα (клоп). Однако в греческом тексте здесь фигурирует не клоп, а вошь (греч. ὁ φυείρ); в этом смысле текст Синодального списка соответствует греческому оригиналу, ибо слово «корида» там только в заголовке и в глоссе, а в тексте — «вошка». В других же рукописях «корида» (иногда встречается глосса — «вошь»), и в заголовках эта притча обычно называется «О кориде и о блохе». Это слово было малопонятно (поэтому и появляются глоссы), но почему-то не было заменено славянским словом «клоп». Оно, по-видимому, было внесено славянским переводчиком, пользовавшимся в повседневной жизни новогреческим языком (он перевел греческое слово новогреческим — и это слово не было достаточно понятно последующим переписчикам памятника).

...еже и вошка. — На верхнем поле со знаком вноса сделана глосса к слову «вошка» — «корида». Этим словом в славянских рукописях (кроме Синодальной группы) обозначается персонаж этой притчи (вошь). В Синодальном списке слово «корида» встречается только в этой глоссе и в заголовке.

Стр. 228. *...явѣ мучат явѣ согрѣшающаго.* — Исправлено по Толст.; в рукописи второе «явѣ» пропущено.

...срам велий... — Исправлено по Т; в рукописи «срам велий и невси». В других рукописях здесь «срам велий и ненависть».

...видя его совѣсть... — Грамматический болгаризм; должно быть *вижду*. Ср. выше, коммент. к с. 220.

Стр. 232. *Мудрый бо... ниизложит их.* — Явно испорченное место. Возможно и другое понимание: «Мудрые мужи не покорятся, пока (враг) не разобьет их».

Стр. 234. *...лиинаковии очи...* — Этому словосочетанию соответствует в греческом тексте νυκτηρίδων ὄμματα, т. е. «глаза нетопыря, летучей мыши». В данном случае мы имеем дело с южнославянским значением слова «лилек» — нетопырь, так что это словоупотребление — след южнославянского (болгарского) оригинала (в болгарском языке «лилек-нетопырь» обычно, а в сербском — встречается только в некоторых диалектах).

...исплъненѣ же внутрь ядовитых звѣрей... — Словосочетание «ядовитый зверь» здесь соответствует греческому ὁ κορκοδειλος, но почему-то слово «крокодил» не было употреблено, хотя крокодил был известен славянскому книжнику по «Физиологу» и другим памятникам.

не обличай... тебе... — Ср. Притч. 9, 8.

Глаголеть бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время, престуденно и обрѣтоша... — Это все, что осталось от притчи о пификах и светлячке, наличествующей в греческом тексте и в сербской редакции. Можно предполагать, что эта притча была «утеряна» составителем болгаро-русской редакции то ли в результате утраты листа в оригинале, то ли в результате механического пропуска при переписывании — после слова «обрѣтоша» он «перескочил» на следующую притчу — «О лукавом и препростом», которые «обрѣтоша сокровище злата». В результате такого «объединения» получилось, что герои притчи «О лукавом и препростом» — пифики (см. коммент. к с. 212).

Стр. 238. *...укълоснувши непрьтка...* — В Синодальном списке слово «непрьтка» вычеркнуто, как непонятное (в других рукописях его вообще нет). Однако оно необходимо по смыслу. Это лексический болгаризм, обозначающий змею.

Стр. 240. *...иже... утробы.* — Пс. 9, 10.

...вси... быша. — Пс. 13, 3.

Стр. 242. *«Да трьпя, дондеже видя, что хощет быти».* — Грамматический болгаризм. В Т и др. — «да терплю, дондеже вижю, что хощет быти».

Стр. 244. *...иже во очеси... видиши.* — Ср. Мф. 3, 3; Лк. 6, 41.

...другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся»... — Здесь путаница в славянском тексте — эти слова произносит женщина, нашедшая лоскут.

Стр. 248—250. *Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческым языком мосхос...* — В греческом языке слово «móschos» означает «теленок, бычок» и «мускус».

Стр. 252. *...съложи ми ся крѣпость...* — Исправлено; в рукописи *вложи*; в Толст. *отломися*. В этой притче несомненно остались следы каких-то восточных (индийских) преданий о магической силе золота (и о мыши, хранительнице золота), иначе трудно понять, почему мышь обессилела, лишившись золота.

Стр. 254. *Никтоже мудрому пособьствует, точию пакы мудръ, якоже и елефанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию пакы елефантъ.* — Это сравнение основано на средневековых представлениях о слонах (изложенных в «Физиологе») — ноги слонов без коленей, слон не может встать без чужой помощи, спит он стоя, прислонившись к дереву, а если он случайно упадет, то помочь ему встать должны другие слоны.

Стр. 256. *Судя убо нынѣ быти полезно...* — Грамматический болгаризм; должно быть *сужду*. Ср. выше, коммент. к с. 220, 228.

Стр. 260. *...трость... ниизложиши.* — Ср. Ис. 42, 3.

Стр. 268. *...невѣстка.* — Это слово чрезвычайно любопытно тем, что оно дает своеобразную полисемию, приводящую к путанице именно потому, что та же полисемия существует и в других языках. В притче о ласке, загрызшей змею и спасшей ребенка, в славянских текстах употреблено слово «невѣстка», а в греческом ἡ νύμφη. Основное значение этого слова — «невестка». Однако есть и другое значение, редко встречающееся, — ласка, горностай. Подобное соотношение и в турецком: «gelin» — «невестка», и «gelincik» — «ласка, хорек»; нечто подобное есть и в арабском. Переводчик итальянской версии сделал основанную на том же совпадении корней ошибку перевода — вместо «donnola» написал «doncella». Слово «невестка» в значении «ласка» болгарское (оно зафиксировано в большинстве болгарских словарей). Слово «ласка» (точнее, «ласица»), напротив, хорошо известно и сомнений не вызывает. Русские переписчики не поняли, что в притче о невестке идет речь о зверюшке. Поэтому в списках часто появляется к слову «невестка» приложение — «жена брата его»; в повествование вводятся также дополнительные детали, например, что она растерзала змею своими руками. Однако недоразумение, случившееся при переводе этой притчи, дает себя чувствовать — странно звучит, что женщина, убивая змею, «окровавилась змииною кровию» настолько, что ее можно было на этом основании обвинять в том, что она младенца «снела».

Стр. 272. *...яже вѣнець вземши...* — На этом месте обрывается текст болгаро-русской редакции; продолжение читаем в сербской редакции: жена царя, пожалев, что неудачно выбрала

венец, а не багряницу, с досады высыпала царю на голову блюдо риса, и за это царь велел ее казнить; мудрый первосоветник, зная, что царь потом пожалеет, что в гневе погубил самую достойную из своих жен, спрятал ее и, беседуя с царем, вызвал в нем раскаяние и сожаление; таким образом, царица была спасена, царь счастлив, а первосоветник вознагражден. Далее в сербской редакции идут притчи о пситаке (попугае), о добродетельном шакале и о мышином царе.

После слов «венец вземше» в Синодальном списке помещена приписка, начинающаяся словами «некоторым списателем мудрая сия притча не дописана...» и сообщающая дату написания Синодального списка — 6987 (1479) г. Подробнее об этой приписке и связанными с нею возможностями датировки памятника см. в статье: Лихачева О. П. О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат» // Археографический ежегодник. 1972; М., 1974. С. 110—113.

Триас и агиа, докса си! — Греческое молитвословие (Троица святая, слава тебе!), написанное славянскими буквами.

ИЗ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА КОРПУСА СОЧИНЕНИЙ ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА С ТОЛКОВАНИЯМИ МАКСИМА ИСПОВЕДНИКА

Корпус сочинений, надписываемый в рукописях именем Дионисия Ареопагита, представляет собой одно из важнейших явлений в истории культуры всего христианского мира. Ставший достоянием общества в Византии в VI в. и вскоре прокомментированный, снабженный схолиями, тысячу лет затем он оставался книгой почитаемой и питающей мысль. Его влияние быстро вышло за пределы распространения греческого языка: уже в VI в. Корпус был переведен на сирийский язык, затем в VIII в. на арабский, армянский (718 г.) и еще раз на сирийский, далее в IX в. на коптский и латинский (835 г. и 860 г.; на латынь после этого он переводился многократно), в конце XI в. — на грузинский и, наконец, в XIV, XVII и начале XIX в. — на славянский.

Корпус содержит четыре трактата: «О небесной иерархии», «О божественных именах», «О церковной иерархии» и «О мистическом богословии», — и десять посланий разным лицам. Все трактаты имеют в начале обращение к «сосвященнику Тимофею», очевидно, к одному из 70 апостолов, ученику, спутнику, адресату двух посланий апостола Павла, епископу Эфеса. В тексте этих произведений встречаются упоминания других сочинений того же автора, как то: «О ангельских свойствах и чинах», «О душе», «О праведном и о божественном оправдании», «О божественных гимнах», «О умопостигаемом и постигаемом чувствами», «Богословские очерки», «Символическое богословие», «О справедливом и божественном суде», но они нам неизвестны.

Схолии, т. е. комментарии, с которыми Корпус переводился с греческого на другие языки, были собраны, дополнены и соединены с основным его текстом в VII в. Максимом Исповедником. Они устранили возникшие было сразу после появления Корпуса в VI в. у читающей публики сомнения в авторстве упоминаемого в Деяниях апостолов ученика апостола Павла афинянина Дионисия, члена Ареопага. Но сомнения эти начиная с эпохи Возрождения вновь усилились, и Корпус, чрезвычайно почитаемый в среде гуманистов, начали печатать уже без схолий. Решающие усилия по исключению ареопагитских сочинений из числа произведений I—II вв. сделали в XIX в. Г. Кох и Й. Штигльмайр. Они указали на идейные и текстуальные совпадения в них с сочинениями язычников-неоплатоников Плотина (III в.) и Прокла (V в.) (в принципе эти совпадения были известны авторам схолий VI—VII вв., но те считали, что это язычники «крали мудрость» у философа-христианина, а не наоборот) и ограничили возможное время его создания 480 и 510 гг. С тех пор ученые стали называть автора Корпуса Псевдо-Дионисием. Разумеется, неоднократно предпринимались попытки указать «настоящего» его автора. Все они, однако же, остаются на уровне предположений. По-прежнему самой связной, цельной и впечатляющей остается та «положительная» картина, которую создает сам Корпус с коммен-

тариями, которыми снабдил его Максим Исповедник. Подробнее об этом см. в первом полном на русском языке издании Дионисьева Корпуса с толкованиями, параллельно с греческими текстами, которое осуществили в 2002 г. одновременно издательства Олега Абышко и «Алетейя» в Санкт-Петербурге.

Первый полный перевод Корпуса с греческого на славянский был сделан сербом старцем Исайей. Из воспроизводимого здесь его предисловия к своему переводу мы знаем, что работал он над ним под покровительством митрополита г. Серы (Серес) в Македонии и закончил работу в 1371 г. Хранящийся в Российской национальной библиотеке в собрании А. Ф. Гильфердинга под № 46 самый ранний из известных славянских списков Ареопагита, судя по водяным знакам его бумаги, был сделан, возможно, именно в 1371 г. Целый ряд особенностей этой рукописи позволяет сейчас уверенно полагать, что она представляет собой автограф переводчика и была изготовлена в период с сентября по декабрь этого 1371 г.: во время работы над ней (в конце сентября 1371 г.) произошел разгром сербского войска турецким в битве на р. Марице, после чего Македония была опустошена победителями-турками и в ней наступил голод, и волки стали нападать на людей, о чем пишет Исайя в своем Предисловии.

Именно к списку *РНБ*, собр. Гильфердинга, № 46 восходят все известные нам рукописные традиции (главные из них — новгородская и московская) Корпуса сочинений Дионисия Арсопагита в переводе Исайи. Всего славянских списков Ареопагита, главным образом русских, известно более шестидесяти. Так что, несомненно, эта книга была на Руси читаема и почитаема. Сочинения Ареопагита были высоко ценимы, в частности Иваном Грозным и протопопом Аввакумом. Аввакум начинает свое Житие обширными выписками из ареопагитского Корпуса. В XVII же веке в Москве Евфимий Чудовский занялся сверкой с греческим оригиналом и переделкой Исайиного перевода Ареопагита. Так что до того в славяно-русской рукописной традиции Ареопагита могло нарастать лишь количество ошибок. Такова причина, по которой исходный сербский список мы предпочли для этого издания всем русским.

Помимо Предисловия Исайи в этом томе «Библиотеки литературы Древней Руси» вниманию читателя предлагается трактат «О небесной иерархии», возглавляющий Корпус в греческой и славянской традициях. Но поскольку начало избранной нами рукописи Гильф. 46 утрачено, — текст начинается там и нами по ней воспроизводится со второй главы трактата «О церковной иерархии», — нехватку оглавления, стихотворных эпиграфов, заголовка и первой главы мы восполняем по рукописи *ГИМ*, Воскресенское собр., № 75, содержащей сербский же сделанный на рубеже XIV и XV вв. список непосредственно с Гильф. 46, а Предисловие переводчика Исайи — по Великим Минеям Четиим новгородского архиепископа Макария, — по лл. 66—66 об. русского списка XVI в., *РНБ*, Софийское собр., № 1318 (октябрьский том Софийского списка Великих Миней Четиих), восходящего через неизвестное нам посредство тоже к Гильф. 46 (подробнее об этом см.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987. С. 42—59).

В греческих списках Дионисия Ареопагита его текст обычно бывает предварен стихотворным эпиграфом и обрамлен более мелко написанным текстом толкований, схолий, на полях же встречаются «маргиналии», заметки, относящиеся уже к схолиям. Такая же композиция текстов — в Гильф. 46 (в русской рукописной традиции она не удержалась: все тексты стали писать одинаково, лишь на полях помечая главный текст словом «сущее» или «лежащее», а толкования словом «толк»; маргиналии же влили в те места схолий, к которым они относились). Воспроизводя здесь текст Ареопагита со всем, что его в рукописях окружает, толкования к нему и маргиналии мы помещаем в нижний «этаж», в сноски, причем маргиналии так и называем (курсивом пишем это слово перед началом текста заметки на полях).

Но то, что переводил Исайя, не было в точности тем, что мы видим в этой книге напечатанным. Мы не знаем (может быть, пока) греческого списка или списков, которым или которыми он пользовался. Представляется очень вероятным, что он опустил или сократил некоторые толкования; но есть у него и такие, которых нет в напечатанном греческом тексте, и маргиналий у него больше, чем у греков. Возможно, он сочинил их сам; но, кажется, нет ни одного греческого списка Ареопагита, полностью совпадающего составом толкований с другим.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Стр. 274. *...къ вечеру... седморичнаго... вѣка.* — Исайя имеет в виду приближение конца седьмой тысячи лет от сотворения мира. По счету от Рождества Христова это 1492 г. Опасение, что в 7000 г. наступит конец света, заметно и у русских авторов XIV—XV вв.

...еже пострадаша и въ Ветхомъ и Новѣмь Писании божественых прикоснутися. — Имеются в виду, очевидно, рассказы книги I Паралипоменон о том, как один из ведших колесницу с ковчегом завета, Оза, «простер руку свою, чтобы придержать ковчег, ибо волы наклонили его», прогневил этим Господа и «умер тут же пред лицем Божиим» (9—10), и Деяний апостольских о том, как «некоторый муж именем Анания с женою своею Сапфирою, продав имение, утаил из цены, с ведома и жены своей, а некоторую часть принес и положил к ногам апостолов» (5, 1—2), и они оба умерли как солгавшие Духу Святому (5, 5—10).

...митрополитомъ богоспасенаго града Сира кир Феодосиемь... — Сер или Серес — византийский город в Македонии, которым с 1346 по 1373 г. владели сербы, затем он вернулся к Византии, а в 1382 г. был захвачен турками.

Стр. 276. *«Задняя забывайте».* — Фил. 3, 13.

...ексодомь... — Греческое ἔξοδος, здесь — «расход», «затраты».

...Светаа Гора... — Имеется в виду полуостров Святая Гора Афон, восточный отрог Халкидонского полуострова, где находится множество православных мужских монастырей. В то время им владела Сербия.

...западныхъ странъ... — По всей видимости, западной части Балканского полуострова.

...деспотъ Углеша... — Иован Углеша, деспот части Македонии с центром в г. Сер (Серес).

...Волкашина краля... — Вукашин, брат Иована Углеши, некогда виночерпий при дворе сербского царя Стефана Душана, затем жупан г. Прилеп с титулом деспота, с 1366 г. краль, король, значительной части Македонии с городами Прилеп, Скопле и Призрен.

...на изгнание туркъ... — Турки-османы вступили в Европу как завоеватели в 1352—1354 гг., в 1363 г. их столицей стал Адрианополь. Чтобы остановить подчинение турками Балканского полуострова, сербы деспот Углеша и краль Вукашин двинулись с войсками им навстречу, но 26 сентября 1371 г. в лесистых окрестностях г. Черномен на р. Марице, к западу от Адрианополя, были наголову ими разбиты и погибли. Земли Углеши на короткий срок захватили затем византийцы.

Стр. 278. *...племя србьскых господъ, седми мню родъ, конецъ приатъ...* — Речь идет, по-видимому, о гибели вместе с войсками Углеши и Вукашина большей части сербской аристократии.

...премудрый въ елинѣхъ Ливание... — Либаний, знаменитый антиохийский языческий притор IV в., учитель Иоанна Златоуста.

...начало тому есть осмеричное число, среда же двосътное и первое, конець же десято съ единѣмь наскончавается. — Цифровая тайнопись: вместо букв указывается их цифровое значение. 8=И, 200=с, 1=а, 10=і, 1=а. Получается: Исаіа.

Лѣто же тогда течаше 6-ное, 8-сътное, 70 и 9-тное, индиктионь 9. — 6879 г. = 1371 г.; «индиктион» — порядковый в пятнадцатилетнем цикле номер сентябрьского года.

Глава 1

Стр. 282. *«Всако дание... Отца свѣтомь».* — Иак. 1, 17.

...Сьбирателя Отца... — См. Мих. 2, 12.

...«оть Того вса и вь Томь». — Ср. Рим. 11, 36.

...«Свѣть... гредущаго вь мирь». — Ин. 1, 9.

...свѣтоначелнику Отцу... — См. Ин. 14, 6; 1 Тим. 2, 5.

...вь Асии сьчиняетсе... апостоль Павль. — См. Деян. 20, 17 и далее.

...*светаго Иакова сьборнимь посланиемь*... — Имеется в виду входящее в Новый Завет Соборное послание апостола Иакова, написанное, как считают, ок. 64 г.

Стр. 284. ...*якоже сказують «Дѣаниа светыхь апостоль»*... — См. Деян. 17, 34.

...*кь светому Поликарпу послани*... — Поликарп (I—II вв.), священномученик, ученик апостола Иоанна Богослова, епископ Смирнский, автор ряда сочинений. «Поликарпу иерарху» адресовано седьмое послание Дионисия Ареопагита.

...*вь 9 главѣ «О небеснѣмь свещенноначалии»*. — См. с. 346—354.

«Елици убо... да мудрьствуемь». — Фил. 3, 15.

Стр. 286. *«Вса по образу... сьтвори»*. — Евр. 8, 5; Исх. 25, 40.

Глава 2

Стр. 288. ...*орловьь погрьбленонокьтну виду*... — Ср. Иез. 1, 10—11.

...*птицьь власовну... сьзданьныие*... — Ср. Ис. 6, 2; Иез. 1, 6—11.

...*кола... на небесы* — Ср. Иез. 1, 15—21.

...*прѣстоле... прикладныие*... — Ср. Дан 7, 9; Откр. 4, 2.

...*коне... многопьстротние*... — Ср. Зах. 1, 8.

...*копиями архистратиге*... — Ср. Ис. Нав. 5, 13; 2 Мак. 3, 25.

Стр. 290. ...*от божьственаго Езекиила*... — Иез. 1, 5—13.

...*от дивнаго Иоанна вь «Откровении»*... — Откр. 1, 6—8.

...*оружие... при Валаамѣ*... — Ср. Чис. 31, 8.

...*в «Царствиихъ»... вь книзѣ Второй*. — Ср. 2 Цар. 23, 16.

...*подобие... прѣстола*... — Ср. Иез. 1, 26.

...*подобие льва*... — Ср. Иез. 1, 5.

Стр. 292. ...«ни же всѣ*х... разумь*». — Ср. 1 Кор. 8, 7.

...*яко Слово*... — Ин. 1, 1.

...*и Умь*... — Ср. Рим. 11, 34.

...*яко свѣть*... — Ср. Ин. 8, 12; 1 Ин. 1, 5.

...*и животь*... — Ср. Ин. 14, 6.

...*«вь зрацѣ Божи сыи»*... — Фил. 2, 6.

...*«образь Бога невидимаго»* — Кол. 1, 15.

...*«видѣвый Мене... Отца»*. — Ин. 14, 9.

...*святый Василие сказуеть вь еже кь своему брату словѣ еже о разньствѣ сущьства и сьстава*. — Василий Великий (329—379), архиеп. Кесарийский, вселенский отец и учитель Церкви; его брат — Григорий Нисский; о различии сущности и ипостаси Василий Великий пишет в Послании 38 (его сочинения см. в 29—32 тт. Греческой Патрологии Миня).

...*«Кто разумѣ умь Господень?»* — 1 Кор. 2, 16.

...*«И бысть слово Господне кь мнѣ»* — Иер. 1, 4.

...*«Азь есмь сый» и «Сый посла Ме»*. — Исх. 3, 14.

Стр. 294. ...*Богословь Григорие*. — Григорий Богослов, или Назианзин (ок. 329—389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя.

Стр. 296. ...*огньнѣ неврьднѣ*... — Ср. Мф. 28, 3; Мк. 16, 5; Деян. 1, 10; Откр. 4, 4.

...*«Вса добра зѣло»*. — Быт. 1, 31.

Стр. 298. ...*«Да изведеть... душу живу»*... — Быт. 1, 24.

...*«Да изведуть воды... душь живыих»*. — Быт. 1, 20.

Стр. 300. ...*Солнце правды*... — Мал. 4, 2.

...*звѣзду вьсточну*... — 2 Пет. 1, 19; Откр. 22, 16.

...*огнь... просвѣщае*... — См. Исх. 3, 2.

...*вода... подателна*... — Ср. Иер. 2, 13; Откр. 7, 17.

...*рѣкы... текущее*... — Ин. 7, 38; Откр. 22, 1.

...*муро благоуханно*... — Ср. Пес. 1, 2.

...*ками краеугльный*. — Еф. 2, 20.

...львово... всакого звѣра... — См. Ос. 5, 14; 13, 7—8.

...медведицу губителну. — Ср. Ос. 13, 7—8.

...«Дондеже дьнница... вь срдцихь вашихь»... — Ср. 2 Пет. 1, 19; Откр. 22, 16.

...«Вь купинѣ... не пожигаей»... — Ср. Исх. 3, 2.

...«Мене оставише... воды живыие». — Иер. 2, 13; Откр. 7, 17.

...«Рѣкы... воды животныие». — Ин. 7, 38; Откр. 22, 1.

...«Муро... име тебѣ». — Пес. 1, 2.

...«Азь есмь чрьвь и не чловѣкь»... — Пс. 21, 7.

Стр. 302. *...чрьвия видь.* — Ср. Пс. 21, 7.

Стр. 304. *...Словеса рѣше...* — См. Мф. 7, 6.

...Дѣания святихь апостольь... — См. Деян. 16, 1.

...«Дѣти... снѣдно имате?» — Ин. 21, 5.

...якоже и Папиа сказуеть вь книзѣ прьвой «Недельскыихь тьлкований» — Кто этот «Папиа», неясно.

...Климентъ Александрьскый вь «Пѣстунствѣ». — Климент Тит Флавий (II—III вв.), пресвитер александрийской церкви, знаменитый учитель и писатель; имеется в виду его книга «Педагог».

Глава 3

Стр. 306. *...Словеса рѣше, «Богу сьпоспѣшникь»...* — 1 Кор. 3, 9.

...Филиппь вь «Дѣяниихь святихь апостольь»... — Ср. Деян. 8, 39.

...«Кьждо вь ньже звань бысть степень, вь томь да прѣбываеть». — 1 Кор. 7, 24.

...«пакыбытия банею». — Ср. Тит. 3, 5.

Глава 4

Стр. 310. *«Многыие обытѣли у Отца».* — Ин. 14, 2.

...Тить глаголеть вь иже «На манихее» словѣхь. — Тит (ум. в 372 г.), епископ аравийский в г. Бостре, выступавший в своих сочинениях против манихеев.

Стр. 312. *...аггельми намь дань бысть...* — Ср. Деян, 7, 53; Гал. 3, 19; Евр. 2, 2.

Стр. 314. *...бывати нѣкоторыимь святиимь богоявления...* — Ср. Быт. 12, 7; 28, 13.

...Божие ськрьвение, «никтоже видѣ...» — Ср. Ин. 1, 18.

...якоже при Исусѣ Навинѣ и Гедеонѣ и иныихь. — Ср. Суд. 6, 20—22.

«Кь правому же путы... от невѣрныихь езыкьь прѣложисе». — См. Деян. 10.

«Чина же священнаго»... «тмы тмами»... — Дан. 7, 10.

...Иезекиилу херувимь... — Иез. 1, 5—14.

...Исайи серафимь явишесе. — Ср. Ис. 6, 2—3.

«Прѣмирное же видѣние»... до третияго небесе... — Ср. 1 Кор. 12, 2.

...при божественаго Иоанна Открьвени... — Ср. Откр. 1, 10 и сл.

...«Бога никтоже видѣ нигдеже»... — Ин. 1, 18.

...при Авраамѣ у дуба Мамврийскаго... — Ср. Быт. 18, 1.

...егда вь Содомь идѣху... — Ср. Быт. 19.

...Моусеови на горѣ, аще и задняя глаголютсе узрѣти. — Исх. 33, 23.

...на Фаворѣ божьственый свѣть... — Свет Преображения Христова, о котором говорится в Евангелиях от Матфея (17, 1—2) и от Луки (9, 28—29). По преданию, Преображение произошло на г. Фавор в Галилее.

...вь купинѣ божьственый огнь... — Огонь, который, по рассказу библейской книги Исход (3, 2—4), Моисей видел на г. Хорив в терновом кусте, этим огнем горевшем, но не сгоравшем, причем слышал из куста голос Божий.

...«Иже приесте законь вь завѣщанияхь аггельь и не сьхранисте»... — Деян. 7, 53.

Стр. 316. *...мужствьнаго Исусова богодѣйства...* — Ср. Лк. 1, 11—20.

...богоначелное неизвещаннаго богоздания таинство. — Ср. Лк. 1, 26—38.
...аггель Иосифа наказа, како выистину испльнитисе имуть... — Ср. Мф. 1, 20—23.
...обещанная прѣдѣду Давыду. — 2 Цар. 7, 12—17.
...безьмльвиемь очищенномь благовѣствоваше... — Ср. Лк. 2, 8.
...прѣдаваху сущиимь на земли славословие. — Ср. Лк. 2, 13—14.
«Слово пльть бысть». — Ин. 1, 14.
«Кто есть сь Царь славы?» — Пс. 23, 8, 10.
Стр. 318. *...Исусово кь Египту отшьствие...* — Ср. Мф. 2, 13.
...от Египта пръшьствие. — Ср. Мф. 2, 19—20.
...о аггелѣ, иже Исуса укрѣпляющемь... — Ср. Лк. 22, 43.
...«Аггель Велика Сьвѣта»... — Ср. Ис. 9, 6.
...от Отца вьзвѣсти намь. — Ин. 8, 26—28; 15, 15.
...«Иже вь зрацѣ Божимь... образь раба приемь»... — Фил. 2, 6—7.
«Приступльше аггелы служаху Ему...» — Мф. 4, 11.
...«утрудисе от путнаго шьствия»... — Ин. 4, 6.
...и яко «вьзаалка»... — Мф. 4, 2.
...«Явихь твое име чловѣком». — Ин. 17, 6.

Глава 5

Стр. 320. *«Благословите Господа вси аггелы Его»...* — Пс. 102, 20.
«Творей аггелы Свое духы»... — Пс. 103, 4.
«Умнѣ, бо на богоподражателное... разумни их видь»... — «О небесной иерархии», 4, 2.

Глава 6

Стр. 324. *...сущьствия деветь нарекло есть изьявителныими именованми.* — См. Иуд. 9; Ефес. 1, 21; Кол. 1, 16; 2, 10.
Светѣйшие бо прѣстоле... — См. Кол. 1, 16.
...ближня херувимь... — См. Иез. 10, 1.
...светѣйши серафимь, окрѣсть стоеще Бога, зрѣхусе. — См. Ис. 6, 1—2.
...вь «Открьвени» святого Иоанна, апостола, еуаггелиста и богослова. — Ср. Откр. 8, 2.
...вь еже «Кь Римляном»... — В Послании к Римлянам апостол Павел называет ангелов, начала, силы: «...ни Ангелы, ни Начала, ни Силы...» (8, 38).
...вь еже «Кь Ефесиом»... — В послании к Ефесянам апостол Павел называет начальства, власти, силы и господства: «Превыше всякого начальства, и власти, и силы, и господства, и всякого имени...» (1, 21).

Глава 7

Стр. 326. *...Аммонь Андрианополскы...* — Аммон, или Аммун (IV в.), диакон, священномученик, схваченный вместе с сорока девами в Адрианополе в Македонии и убитый в Ираклии в гонении Ликиния (311—324).
...на Оригена... — Ориген (ок. 185—254), знаменитый философ-богослов и проповедник христианства, плодовитый писатель, исследователь и толкователь Священного Писания. На соборе 543 г. был обвинен в ереси и анафематствован.
...блаженный Василие Кападокийскый... — Василий Великий; см. примеч. к с. 292.
Стр. 332. *«Господа быти небесныимъ силамь»...* — Ср. Пс. 23, 10; 79, 20.
«Цара славы»... — Пс. 23, 10.
«Азь бо, — рече, — глаголах... судь спасения». — Ис. 63, 1.

...василияне, рекше несторияне... — Несториане, последователи учения ересиарха Нестория (V в.), который учил, что Дева Мария родила не Богочеловека, а человека, который через наитие Святого Духа стал Христом и в особом соединении с которым пребывало Слово Божие.

Вьзмете, врата, кнезы ваши. — Пс. 23, 7.

«Господь силамь» — Пс. 23, 10.

...безглавние же и евтихиане... — «Безглавние» — акефалы, так называли людей, не следовавших в спорах V в. ни за каким из «глав» борющихся церковных партий, ни также за теми, кто пытался их примирить. «Евтихиане» — последователи ересиарха Евтихия, учившего, что все человеческое во Христе было призрачным как поглощенное божественным. Ересь осуждена на Константинопольском соборе 448 г.

«Кто сьи приход от Едома?» — Ис. 63, 1.

Стр. 334. *«Почто ти оброщенны суть ризи?»* — Ис. 63, 1. Ис. 63, 2.

...«окрьсть Бога»... — Ср. Пс. 75, 12; Ис. 6, 2; Откр. 7, 11.

«Кто сьи... от Восора». — Ис. 63, 1.

...«И двѣма лѣтѣху». — Ис. 6, 2.

Стр. 336. *...«яко гласъ водь многь»...* — Иез. 1, 24; Откр. 19, 6.

«...от мѣста Его!». — Ср. Пс. 102, 22.

«Светь, светь, светь Господь Саваофь... славы Его!» — Ис. 6, 3.

«Небо прѣстоль Его, Земля же подножие ногама Его»... — Ис. 66, 1.

«Постави удолия мѣриломь и Землю грьстию». — Ср. Ис. 40, 12.

«Аще поиду на небо, Ты еси ту, аще ли сыниду въ адъ, ту еси?» — Пс. 138, 8.

«Аще заповѣды Мое сьблюдеть кто, Азь и Отець приидева и обытѣль вь немь сьтворива». — Ср. Ин. 14, 23.

«Почи Духь Мой на них». — Ср. Чис. 121, 25—26.

Стр. 338. *«Кый храмъ сьзиждете Ми, глаголеть Господь, или кое мѣсто покоищу Моему?»* — Деян. 7, 49; ср. Ис. 66, 1.

«Сынъ же Чловѣчьскый не имать, гдѣ главы подклонити». — Лк. 9, 58.

«Да будуть си едино, якоже и Мы едино есмы». — Ин. 17, 11.

Глава 8

Стр. 342. *...и Даниила пишеть...* — См. Дан. 6, 22.

...от Лукы вь Благовѣствию лежить. — См. Лк. 22, 43.

...прѣпосилають божествная знамения. — См. Откр. 14, 18.

...въ Захарии... — См. Зах. 1, 11; 2, 3—4.

...и Даниилѣ... — См. Дан. 12, 6—7.

...и Иезекиилѣ. — См. Иез. 10, 7.

Стр. 344. *«Утѣшителная... словесе»...* — Зах. 1, 13.

«Зѣло велми населитсе Иерусалимь от множьства люди» — Зах. 2, 4.

...о чрѣслѣх самфиромь прѣпоясьнь... — См. Иез. 9, 2.

«Разлучите от праведныих грѣшные». — См. Иез. 9, 3.

...овце от козлищь раздѣли. — См. Мф. 25, 32—33.

...многоличннии изьображаютсе... — См. Ис. 6, 2.

Стр. 346. *«Изиде слово».* — См. Дан. 9, 23.

...от срѣди херувимь приемшемь. — См. Иез. 10, 6.

«Скажи оному видѣние?» — Дан. 8, 16.

«Иже приесте законь въ чинохъ аггельскыих и не сьхранисте». — Деян. 7, 53.

Глава 9

Стр. 350. *...кнеза иудейскмъ людемъ, Михаила именуе...* — См. Дан. 10, 13, 21; 12, 1.

«Положи» бо Вышни «прѣдѣлы езыком по числу аггель Божиихь». — Втор. 32, 8.

«Разум бо Божий, — рече, — отринуль еси и вьслѣдь сердца твоего ходиль еси». — Ср. Ос. 4, 6; Иер. 9, 14; Чис. 15, 39.

...иудее Михаила... — Вера в то, что архангел Михаил — ангел и иудейского народа, основывается, очевидно, на словах пророка (Даниила 10, 13, 21; 12, 1), что князь Михаил — единственный помощник еврейского народа, и на словах Послания апостола Иуды, что Михаил Архангел «говорил с диаволом, споря о Моисеевом теле» (9).

«Умь, зрей Бога». — Распространенная в Византии этимология имени «Израиль» (см.: Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, Диалог с иудеем и другие сочинения. СПб., 1997. С. 109; Прохоров Г. М. «Стязания» с иудеями по сборнику Кирилла Белозерского (*РНБ*, Кирилло-Белозерское собр., № XII) // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 174—175). Но «Исраэль» означает буквально «Борющийся с Богом», что соответствует библейскому рассказу о борьбе Иакова с Богом (Быт. 32, 24—29).

«Бысть честь Господня уже дѣло мѣрно Иаковь». — Ср. Вт. 32, 9.

«Еда нѣсть Богь и языкьь? Ей, и языкьь, понеже единь Богь». — Ср. Рим. 3, 29—30.

«Может Богь от камения сего вьздвигнути чеда Авраамy». — Лк. 3, 8.

Стр. 352. *...Мелхиседька... священника нарекоше.* — См. Быт. 14, 18.

...яко и фараону... — См. Быт. 41, 1—7.

...и вавулонскому кнезу... — См. Дан. 2, 1—11.

...Даниилу... — См. Дан. 2, 14—44.

...и Иосифу... — См. Быт. 41, 25—32.

...Аполинариева... — Может иметься в виду Клавдий Аполлинарий (II в.), известный апологет христианства, автор многих не дошедших до нас книг против язычества, а также, но это менее вероятно, Аполлинарий Лаодикийский (IV в.), ересиарх, оказавшийся не в состоянии принять утверждение никейского Символа веры о сочетании в личности Иисуса Христа двух природ, божественной и человеческой; его учение осуждено Александрийским собором 362 г., Римским собором 375 г. и 2-м Вселенским собором 381 г.

«Егда раздѣляше Вышни языкы... уже достояния Его, Израиль». — Втор. 32, 8—9.

Стр. 354. *...слово оно...* — Втор. 32, 9.

«Бысть честь Господня». — Втор. 32, 9.

...быти подобьнь Вышнему. — Ср. Ис. 14, 13—14.

«Вьсияваеть бо солнце Свое на праведние и неправеднии». — Ср. Мф. 5, 45.

«Иже не хотей смерти грѣшнику, яко вьзвратитисе и живу быти ему». — Ср. Иез. 33, 11.

«Господь бо... сьвѣсть путь праведниих». — Пс. 1, 6.

«Юнь бѣх и бо сьстарѣхьсе, и не видѣхь праведника оставленна». — Пс. 36, 25.

«Разум бо Божий отринуль еси и вьслѣдь сердца своего ходиль еси»... — Ср. Ос. 4, 6; Иер. 9, 14; Чис. 15, 39.

Глава 10

Стр. 356. *«Приступите къ Нему и просвѣтитесе, и лица ваша не постыдетсе»*. — Пс. 33, 6.

Стр. 356—358. *...серафимь богословци глаголють другы кь другу вьзивати...* — См. Ис. 6, 3.

Стр. 358. *...млѣка напоение нарече апостоль...* — См. Евр. 5, 12—13.

«Удручаю тѣло и порабощаю, еда како, иныимь проповѣдавь, самь неискусьнь буду»... — 1 Кор. 9, 27.

Глава 12

Стр. 362. *...«аггель Господа Вседрьжителя» от Словесьь именовасе.* — Малах. 2, 7; ср. Откр. 2, 1, 8, 12, 18; 3, 1, 7, 14.

Стр. 364. *...иже у нась боголюбивыие и свещенние мужы...* — См. Исх. 7, 1; Пс. 81, 6.
«Азъ рѣхь: бозы будете». — Ср. Пс. 81, 6.

Глава 13

Стр. 364. *...кь единому Богословць серафимь послатисе глаголетсе.* — См. Ис. 6, 6.
Стр. 366. *...скрозѣ всѣхь неодрьжанно проходить...* — Ср. Прем. 7, 24.
...«Богь же огнь поядей есть»... — Евр. 12, 29.
Стр. 370. *«Стояху окресть Его».* — Ср. Откр. 7, 11.
Стр. 374. *...серафима изъявляти послание...* — См. Ис. 6, 6.
Стр. 376. *...«глаголь въ отврьзене усть».* — Еф. 6, 19.

Глава 14

Стр. 376. *«Тисуще тисущь».* — Дан. 7, 10; Откр. 5, 11.
...«и тмы тьмьь». — Откр. 5, 11.

Глава 15

Стр. 378. *...кола огневидна...* — См. Дан. 7, 9.
...животнаа огняна... — См. Иез. 1, 13—14.
...мужии, яко огнь блистаемыие... — См. Мф. 28, 2—3.
...множьства углей огня полагаемо... — См. Иез. 10, 2.
рѣкы неодрьжимимь шумомъ огнепалние... — Ср. Дан. 7, 10.
...прѣстолы глаголеть огьньныие быти... — См. Дан. 7, 9; Откр. 4, 4.
Стр. 382. *«Излѣю от Духа Моего на всаку плъть»* — Иоиль 2, 28.
Стр. 384. *...сказоваше сему аггель сынъ, егоже видѣ.* — См. Дан. 7.
Стр. 386. *...«многоразличнаа прѣмудрость»...* — Еф. 3, 10.
...непокрьвенныихь одѣваеть... — Ср. Иез. 16, 8—11.
...сьсуды нѣкоторие даеть носити тѣмь... — Ср. Иез. 9, 1.
Свѣтлой... — См. Мф. 28, 3; Мр. 16, 5; Лк. 24, 4. Откр. 9, 17.
...огньной... — Откр. 9, 17.
...поясом же... — Иез. 9, 2; Дан. 10, 5; Отк. 15, 6.
...жьзломъ... — См. Суд. 6, 21; Зах. 11, 10.
...копиям же и секирамь... — Ср. Иез. 9, 2.
«Многоразличная прѣмудрость Божия»... — Еф. 3, 10.
Прьвосвещенникъ бо есть великъ сьстражде нашим немощемъ... — Ср. Евр. 4, 15.
...смотрения таинство... — Ср. Еф. 3, 9.
...въ Езекиилѣ... — Ср. Ср. Иез. 10, 6; 42, 14; 44, 17.
...и Даниилѣ... — Ср. Дан. 7, 9; 10, 5; 12, 6.
Стр. 388. *...землемѣрителныим же и дрѣводѣлскыимь сьсудомъ...* — См. Иез. 40, 3, 5; Амос 7, 7; Откр. 21, 15.
...светиихъ аггель орудия... — См. Чис. 22, 23; Откр. 20, 1.
...вѣтры тѣхъ именовати... — См. 2 Цар. 22, 11; Пс. 17, 11; 103, 3; Иез. 1, 4; Дан. 7, 2.
«Не бо вѣсы... камо идеть». — Ин. 3, 8.
О сьсудѣхъ землемѣрителныих въ Иезекиилѣ... — Иез. 40, 3; 47, 3.
...и Даниилѣ. — См. Зах. 1, 16; 2, 1.
«Ходей на крилу вѣтрыню». — Пс. 103, 3.
«Облаци преше его от очию ихъ». — Деян. 1, 9.
...якоже при Иаковли лѣствици. — См. Быт. 28, 12.
«Духь идѣже хощеть дихаеть». — Ин. 3, 8.
Стр. 390. *...тѣмь видѣние богословие сьстраяеть...* — См., напр., Иез. 1, 4; 10, 3; Деян. 1, 9; Откр. 10, 1.

Аще ли же и мѣды... — См. Иез. 1, 7; 40, 3; Дан. 10, 6.

...илектра и камении многомастныих... — См. Иез. 1, 26; 10, 1, 9; Откр. 4, 3.

И убо льва... — См. Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

...а еже вола... — Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

...орла же... — Иез. 1, 10; Откр. 4, 7.

«Призиваей воду морскую и изливае ту на всако лице земльно». — Ср. Амос 5, 8.

«Въ мори путь Твой, и стьзи Твои въ водахъ многахъ, и стопы Твои не познаютсе» — Пс. 76, 20.

Стр. 392. *...а еже коньь...* — См. Иоиль 2, 4; Зах. 2, 8; 6, 2—3; Откр. 19, 11, 14.

...и еже рѣкы... — Откр. 22, 1.

...и кола... — Иез. 1, 15; 10, 6; Дан. 7, 9.

...и колеснице... — 4 Царь. 2, 11; 6, 17; Зах. 6, 1.

Огньние бо убо рѣкы... — Дан. 7, 10.

...«гельгель». — Ср. Иез. 10, 13.

С. 394. *...божествны Иустинь... приписа, — Философа».* — Иустин Философ и Мученик (I десят. II в.—ок. 166 г.) — один из первых христианских писателей-апологетов. Философ-язычник, он сознательно принял христианство и как философ защищал его в своих сочинениях.

ИЗ «ТАКТИКОНА» НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

Никон Черногорец — византийский канонист XI в., известный как автор трех произведений: «Пандекта», или «Большая книга толкований заповедей Господних» (конец 50-х—начало 60-х гг. XI в.), «Малая книга» (1089 г.) и «Тактикон» (80—90-е гг. XI в.). Об авторе мы имеем сведения исключительно из его произведений. Известно, что он, родом грек, принял монашество еще в молодости, подвизался на Черной Горе близ сирийского города Антиохии сначала под духовным руководством старца Луки, митрополита Анаварзы, а затем в знаменитом монастыре Св. Симеона Столпника и наконец снова вернулся в основанный его духовным отцом монастырь Богородицы Роидиевой. Никон был весьма начитан в трудах отцов Церкви, канонической и аскетической литературе: это позволило антиохийским патриархам Петру III (1053—1054), Феодосию III (1057—1059) и Иоанну IV Окситу (1089—1100) дать ему почетное звание «учителя монахов». От священства, впрочем, Никон отказался, не желая брать на себя тяжесть сана.

Никон жил и писал во время второго византийского владычества в Северной Сирии (969—1084 гг.). После трехвекового арабского господства в Антиохии в XI в. наступает своеобразный краткий ренессанс греческой культуры, плодом которого помимо творчества Никона явились антилатинские сочинения патриарха Петра III Антиохийского, которые Никон использовал в «Тактиконе». Никон явился свидетелем и другого важного события того времени — Первого крестового похода. Его творчество представляет особый интерес как продукт столкновения и противоборства по крайней мере трех различных культур — мусульманской, латинской и православной. Этим объясняется полемический дух, пронизывающий все его творчество, а также непримиримость автора по ряду спорных вопросов: для Никона как греческого монаха было особенно важно сохранить чистоту православия своих духовных чад — не только монахов, но и мирян.

Монументальный труд Никона «Пандекты» состоит из 63 «слов» (глав) и представляет собой компиляцию из отцов Церкви, патериков, устных преданий и канонов Св. Апостолов и соборов Православной Церкви, а также законодательства Юстиниана на различные темы (монашеские добродетели и пороки, церковное управление и др.). По свидетельству самого автора, эта книга была написана им в молодости, затем прошла проверку в Антиохийской патриархии и хранилась в ней, а также в монастыре Св. Симеона для духовной пользы монахов.

«Пандекты» сохранились в большом количестве греческих и еще большем числе славянских списков. Они были чрезвычайно популярны на Руси и использовались в XV—XVI вв. как

хрестоматия из произведений отцов Церкви, высказываний старцев-монахов, справочник по каноническому праву. Сочинения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека изобилуют цитатами и выписками из «Пандект» Никона.

«Малая книга», единственное датированное произведение канониста (1089 г.), была составлена по образцу «Пандект»; ее содержание также представляет собой подборку из канонов и высказываний св. отцов, содержит обширные выписки из византийской хроники Симеона Логофета.

Наиболее интересным сочинением Никона является «Тактикон». Он состоит из двух частей: двух уставов Роидиева монастыря («Слова» 1—2) и 40 (38 — по славянским текстам) посланий различным монахам. В отличие от двух предшествующих произведений в «Тактиконе» в полной мере проявился талант Никона критически подходить к своим источникам. Автор неоднократно сравнивает различные тексты: иерусалимский, студийский и афонский монастырские уставы, номоканон Иоанна Постника, номоканон XIV титулов, правила соборов и др., отмечает разногласия между ними и высказывает свое собственное суждение по каждому вопросу. Подобный критический подход к материалу достаточно редко встречается в византийской литературе: в XII в. мы наблюдаем его у знаменитого канониста Вальсамона, а в XIV — у Симеона Фессалоникийского. «Тактикон» Никона Черногорца интересен не только как источник, по которому возможно восстановление редакций различных канонических, литургических и аскетических произведений, бытовавших в XI в., но также и как оригинальное произведение. Письма Никона, по-видимому, не являются данью литературной форме, но реальной перепиской, о чем свидетельствуют неоднократно встречающиеся фразы типа «ты мне писал, и я тебе отвечаю», причем далее приводится содержание письма вопрошающего. Иногда автор ссылается и на свои предшествующие послания; однажды он упоминает, что не стал писать свой ответ на новом листе, но на обороте полученного письма-вопроса.

Много содержится в «Тактиконе» указаний на конкретную историческую ситуацию в Антиохии конца XI в.: предупреждения против ересей, против влияния только что пришедших латинян-крестоносцев, предупреждения против наступающих мусульман-турок, призыв к христианам противостоять им силой своей веры и не вступать с ними ни в какие отношения. Все эти указания, иногда явные, другой раз лишь намеки, дают возможность датировать отдельные слова «Тактикона».

Большой интерес для выяснения этнической ситуации в антиохийских монастырях во второй половине XI в. представляют публикуемые в данном томе три главы «Тактикона».

На Черной Горе с давних пор жило немало армян-халкедонитов (цатов). Св. Савва Освященный (V в.) принял их и разрешил петь богослужебные тексты по-армянски. Православная Церковь в отличие от западной благосклонно относилась к тому, чтобы негреческие народы служили на своем родном языке. В IX—X вв. в Армении, в условиях господства монофизитской церкви, в среде армян-халкедонитов произошла денационализация: они постепенно слились с грузинами, греками и сирийцами. «Тактикон» Никона Черногорца является единственным источником по истории этой этническо-конфессиональной группы в Северной Сирии XI в. В этом регионе, по свидетельству Никона, армяне сохраняли свой национальный облик, так что даже обвинялись в неправославии, т. е. монофизитстве. Канонист встает на их защиту и отмечает, что они были в почете у предшествовавших патриархов, которые использовали их как полемистов против армян-монофизитов.

«Слово» 37 посвящено ивирам (грузинам), которые также представляли собой национальное меньшинство на Черной Горе. Хотя грузины всегда придерживались халкидонского, т. е. православного, вероисповедания, все же их «надежность» часто подвергалась сомнению. Учитывая опыт отношений, сложившихся между греками и армянами, Никон хочет предупредить повторение подобной ситуации с грузинами и потому излагает историю их крещения и доказывает верность православию.

Это произведение Никона Черногорца не было популярно в Византии; по-видимому, этим объясняется малое количество греческих списков «Тактикона» (около четырех). Самый полный из них Sinait. 441 (фотокопии с него хранятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге)

(шифр греч. 879). Критическое издание греческого текста отсутствует. В начале XX в. издание текста с комментарием было предпринято выдающимся русским канонистом В. Н. Бенешевичем. Однако его издание, начавшееся в 1917 г., вскоре прервалось на пятом «Слове».

Славянских списков «Тактикона» намного больше. Древнейший из них (1397 г.) хранится в *РНБ* в Петербурге (шифр Fn I 41). Он был сделан в Новгороде и представляет собой ту же редакцию текста, что и рукопись Sinait. 441. Приписка в конце славянской рукописи говорит о том, что она была переписана Яковом и Пименом из монастыря на Лисичьей горке в Новгороде с древнейшего славянского прототипа, в свою очередь привезенного сюда с Афона игуменом Лисичьей горки Илларионом. Настоящее издание осуществлено по славянскому списку 1397 г. со сверкой по греческому тексту.

Стр. 396. *...игумена святого Симеона Чюдотворца.* — Монастырь Св. Симеона Чудотворца на Черной горе вблизи Антиохии. Св. Симеон Столпник (356—459) — родом из Киликии, христианский аскет. В 423 г. положил начало особому виду подвижничества — столпничеству. На столпе он провел более 40 лет.

...пришедшеи в Антиохию архиерѣи... — Причастие οἱ ἐνδημοῦντες («обитавшие») в славянском тексте переведено неточно.

...бывшее вещем пременение... понеже и бес пастыря пребываемъ... — Имеется в виду захват Антиохии турками в 1084 г., после которого антиохийский патриарх переселился в Константинополь.

Стр. 398. *Тогожде къ отцю Герасиму...* — Иерусалимский монах, известен, по-видимому, только из «Тактикона» Никона Черногорца. К нему обращен целый ряд «Слов» произведения.

Стр. 400. *...егда прѣдана бысть Антиохия...* — Вероятно, имеется в виду взятие города турками в 1084 г.

...писах въ сборную церковь патриархия... — Антиохийский патриархат.

...посла ми владыка сакелий писание... — Сакеллий — чин константинопольской церкви. Сакеллий вместе со своим советом заведовал приходскими церквами, наблюдая за их хозяйственной частью, а также за исправным отправлением приходскими клириками своих обязанностей.

...великий Василие... о таковых разнествах глаголет... — Василий Великий (Василий Кесарийский) (329—378) — византийский иерарх, отец Церкви. С 370 г. был епископом Кесарии Каппадокийской. Вместе со своим братом Григорием Нисским и Григорием Назианзином (Богословом) был представителем каппадокийской школы православного богословия. Известен также и как канонист.

...митрополитъ ихъ от иже въ Антиохии патриаршьствующаго поставляется... — Никон специально обращает внимание на то обстоятельство, что месопотамские армяне подчинялись антиохийскому патриарху, ибо этим он хотел доказать их независимость от монофизитской армянской Церкви.

Стр. 402. *...житие великого отца нашего Савы прочетше...* — Савва Освященный (ум. в 532 г.) — византийский аскет. Родился в Каппадокии, с 8 лет жил в монастыре под руководством Евфимия Великого, потом в пустыне близ Иордана, где в 484 г. основал монастырь, впоследствии знаменитый под именем Лавры Саввы Освященного. Благодаря ему в 517 г. в Иерусалиме была одержана победа православия над монофизитством. Савва написал богослужебный устав (Типик), известный также под именем иерусалимского.

...ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради» — Петр Кнафей — антиохийский патриарх-монофизит V в. Добавление указанных Никоном слов в Трисвятую песнь явилось поводом к его окончательному разрыву с константинопольским патриархатом.

...Такожде великого отца нашего... Пахомия... — Пахомий Великий (ум. в 348 г.) — родом египтянин. Приняв крещение вскоре после 312 г., он удалился в Фиваидскую пустыню. В Тавенне он впервые устроил монастырь на началах общежития и составил строгий монастырский устав.

...6 словъ Златоустовых пространнейше глаголют... — Иоанн Златоуст (347—407) — один из величайших отцов Церкви. Родом из Антиохии, учился ораторскому искусству у Ливания, с 381 г. служил диаконом в Антиохии, с 397 г. — архиепископ Константинополя. Златоуст был наиболее знаменит своим талантом проповедника (сохранилось 804 его проповеди). Они представляют собой популярную энциклопедию христианской нравственности.

...святый и великий иже въ Халкыдонѣ сборъ... — Четвертый Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г.

...плевелы от чистыя пшеница разлучившим... — Т. е. отделивших еретиков-монофизитов от православных.

Стр. 404. *...якоже и прежде при днехъ блаженаго патриарха киръ Феодосия...* — Антиохийский патриарх Феодосий III (1057—1059), друг и покровитель Никона.

...и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту сущаго затворника. — К этому иерусалимскому затворнику обращено и другое «слово» «Тактикона», в котором Никон бранит его за то, что тот позволил Косме отправиться в Месопотамию, из-за многочисленных опасностей, которые могут подстерегать его в пути. Опасности, о которых говорит Никон, по всей видимости, исходят со стороны мусульман или армян-еретиков. Косма, очевидно, тоже армянин-халкедонит.

...и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, о немже и... престоломъ всего Въстока Антиохийский град почтенъ бысть. — Согласно традиции, апостол Петр некоторое время был антиохийским епископом, что дает право антиохийскому патриарху считать свое происхождение апостольским. На этом основывается так называемая теория «пентархии патриархатов», очень популярная в Антиохии в XI в. Никон неоднократно говорит о самостоятельном значении Антиохийского патриархата и о его независимости от Константинополя.

Стр. 406. *...«кождо привлачится... от своея похоти»* — Иак. 1, 14.

«Горе напаяющему... питья мутна»... — Авв. 2, 15.

«Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая. — Мф. 18, 32. В греческом тексте приводятся только первые два слова цитаты.

Якоже рече и великий апостолъ Петръ... яко «развращают та»... — 2 Петр 3, 16.

...яко «уне есть жерновный камень...» и прочаа — Мф. 18, 6. Славянский переводчик расширяет цитату.

...«все являемое... на свет приходит»... — Еф. 5, 14.

Стр. 408. *...якоже и апостолъ... глаголет «Еда вси учителе» и прочаа.* — 1 Кор. 12, 29.

...«расмотритъ словеса своя на судѣ». — Пс. 111, 5.

...яковже иже въ пророцъ Исаи... «пророкъ учя безаконью». — Ис. 9, 15.

...якоже Богословъ Великый Григорье... Шестый сборъ... — Григорий Назианзин (Богослов) — отец Церкви, богослов, член каппадокийского кружка. Шестой (Трульский) Вселенский собор состоялся в Константинополе в 691—692 гг. Каноны этого собора явились одним из основных источников Никона Черногорца.

...глаголет бо в божественѣй Лѣствицѣ... «...Богъ и цѣлити может». — «Лествица» — произведение Иоанна Лествичника (ум. ок. 606 г.) — представляет собой 30 бесед о 30 ступенях духовного восхождения. «Лествица» всегда была настольной книгой для монахов: Феодор Студит ссылается на нее как на лучшую иноческую книгу.

Стр. 410. *Книгу... Толкования заповедемъ Господнимъ...* — Т. е. «Пандекты».

У... Гроба Господня... и святыя Голгофы и в Гефсимании... — Никон перечисляет святые места в Иерусалиме, связанные с последними часами земной жизни Христа.

Стр. 412. *...блаженый Феодоритъ, епископъ Кирьскый, в Церковнѣм списании повѣдуют...* — Феодорит Киррский (387—457) — видный церковный иерарх, богослов, философ, оставил обширное литературное наследство. Главный его труд — «Церковная история» в пяти книгах, освещающая события церковной жизни Византийской империи с 325 по 429 г.

...о иже... блаженыя оны въ женах добродѣтелныя Нонны... — Св. Нанно, или Нина, — сирийка по происхождению, родом из Каппадокии в Малой Азии, легендарная

просветительница Грузии. Благодаря ее проповеднической деятельности, а согласно житию, и чудесам в начале IV в. грузинский царь Мириан принимает крещение, и христианство становится государственной религией.

...въ царство великого Константина... — Константин Великий (304—337) — римский император, признавший христианство государственной религией. При нем столица империи была перенесена в Константинополь и было положено начало Византийской империи.

Стр. 414. *при Костянтинѣ царѣ Копронимѣ...* — Константин V Копроним (741—775) — византийский император-иконоборец, ревностный враг иконопочитания в Византии.

...заеже не смѣяти кому агарянъ ради мимо ходий. — Агаряне в византийских источниках — это арабы. В VII в. они захватили все территории Византии по юго-восточному берегу Средиземного моря. Для того чтобы рукоположить грузинского католикоса, необходимо было получить «печать», т. е. разрешение антиохийского патриарха, которому тогда подчинялась грузинская Церковь.

...златникъ тысящу... ароматом святаго мира. — Миро — масло для таинства миропомазания; изначально варилось раз в несколько лет в Антиохии и оттуда доставлялось по всему православному Востоку.

...идущи ему на моление киръ Василию. — Василий II Болгаробойца, византийский император (976—1025).

Установлено же бысть... патриарху Антиохийскому единому в Иверии... — Упоминание имени патриарха во время богослужения означает каноническое подчинение ему; сведения Никона о подвластности грузинской Церкви Антиохии в сер. XI в. являются уникальными. По другим источникам, автокефальность грузинской Церкви была провозглашена еще в 750 г.

...посылати екзарха... — Экзарх — церковно-иерархическая степень в православной Церкви, упоминается с 445 г. В данном случае — чрезвычайный уполномоченный патриарха, посылавшийся в епархию с разными поручениями, главным образом надзора над монашествующими и ревизией церквей.

...при Костянтинѣ цари Мономасѣ... — Константин XI Мономах — византийский император (1042—1054).

...при... патриарси Антиохистем киръ Феодорѣ... — Имеется в виду Феодор III Ласкарис ὁ Κριτής, антиохийский патриарх (1034—1042).

...възнице плевелом сѣятель нѣкый... — Плевелы — еретические движения.

...различна послания... с кувуклисием посла... — Кувуклисий — церковная должность в патриархате.

ИЗ «ДИОПТРЫ» ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

«Диоптра, или Душезрительное зерцало» — произведение византийского писателя-монаха XI в. Филиппа Монотропа, «Пустынника», или — можно перевести — «Уединенника». В XIV в. оно было переведено на славянский язык, попало на Русь и по крайней мере в течение трехсот лет пользовалось здесь большой популярностью.

«Диоптра» в целом представляет собой композицию из сравнительно небольшого «Плача», горестного обращения к самому себе («Плачеве и рыдания инока грешна и странна, имиже спирашася к души своей»), и пространного «Диалога», разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. «Диалог» разделен на четыре части, «слова» (первое «слово» представляет собой «Плач», так что в «Диоптре» всего пять «слов»). Композиции предпосланы три предисловия — знаменитого византийского писателя и деятеля XI в. Михаила Пселла, некоего Константина Ивеста и самого автора, — сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. «Плач» датирован автором 12 мая 1095 г., «Диалог» — 1097 г.

В заключительном «Оглаголании, яже к любозазорным» Филипп сообщает, что написал «Диоптру», будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран, или пределов. Некоторые ученые считают вероятным, что имеется в виду русская Смоленщина, другие полагают, что речь идет о балканском г. Смолян или вообще о месте расселения славянского племени смолян в Македонии.

По содержанию в значительной мере «Диоптра» представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из античной и раннесредневековой литературы. Для нее характерно соседство свидетельств из Священного Писания и из произведений отцов Церкви со ссылками на Платона, Аристотеля, Гиппократа, Галена, Плотина и других языческих мыслителей. В XI в., когда жил Филипп, Византия переживала своего рода «возрождение» — усиление интереса к античной культуре. Сам широко образованный, будучи озабочен нравственным и культурным просвещением своих читателей, Филипп определяет свою задачу как вторично-литературную — приведение трудных для восприятия речей «в удобь приятен вид». Жанр «Зерцала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, подсказан ему был, возможно, появившимся в XI в. под названием «Стефанит и Ихнилат» греческим переводом индийской «Калилы и Димны» (см. наст. изд. с. 210—273). Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то «Диоптра» написана как «душезрительное зерцало» — занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть, похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); как литературный прием это то же, что «рамочный», или «стержневой», диалог «Калилы и Димны» или «Тысячи и одной ночи», позволяющий объединить большой ряд основных «элементов» произведения. Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная с Плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «словеса наказательная». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников «Диоптра» явно вызвала недоумение своей литературной формой, о чем мы можем судить по тому, что Михаил Пселл в своем предисловии обороняет ее от нападок тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием диалога чуждым как Ветхому, так и Новому Заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования «Диоптры» (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции — того, в каком «Диоптра» перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к ненаученым», к таким же «невежам, якоже и аз... а не убо к разумным, ниже к словесным, ни к ветиям премудрым, ниже к учителем». У исследователей XIX—XX вв., в отличие от их предшественников XI в., «Диоптра» вызывает удивление уже не своей формой, а содержанием — и тем,что не Душа учит Плоть, а Плоть — Душу, и тем, чему она ее учит: в ее поучениях находят материализм и противоречие церковной догматике. Дело тут, очевидно, в недостаточной изученности «канонических», общепринятых византийско-славянских средневековых представлений о человеке. Человек определяется в «Диоптре» как «животное смешанное»: существо вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, наделенное — подобно животным — способностью желать и впадать в ярость, но в то же время — властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом. Тело, Плоть, — орудие деятельности Души, ее «служанка»; за прегрешения, совершенные с помощью плоти, ответственна не сама Плоть, но ее госпожа — Душа. Самые ценные органы Плоти — сердце и мозг. Противоположность добра и зла не имеет отношения к различию невидимой, умопостигаемой, и видимой, материальной, сфер бытия — та и другая произведения одного благого Творца; следуя за Дионисием Ареопагитом и Григорием Нисским, Филипп Пустынник сравнивает зло с темнотой, не имеющей собственного бытия, но являющейся отсутствием света.

Всего насчитывается более пятидесяти греческих и около ста шестидесяти славянских, в подавляющем большинстве русских, списков «Диоптры». Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как «Диоптра» (уступающим ей по количеству и объему сведений,

но все-таки сопоставимым с ней, из предшествующих ей на Руси сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, кажется лишь «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского).

По-гречески «Диоптра» написана восьмистопным ямбом, как сказано в славянском переводе, «градскими», т. е. «политическими», стихами. Первое «слово», «Плач», содержит около трехсот семидесяти стихов, остальные четыре «слова», составляющие «Диалог», больше тысячи стихов каждое.

Попадающиеся в тексте цитаты из Священного Писания не буквально точны именно потому, что они обращены Филиппом в стихи. Но не весь текст «Диоптры» в оригинале состоит из восьмистопных ямбов. В некоторых вставных кусках, взятых из чужих произведений, сохранена их первоначальная ритмическая организация. Так, большой отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина, который в публикуемом «слове» цитирует Плоть, написан так называемым «александрийским» стихом, то есть шестистопным ямбом (и Плоть, сама говорящая стихами, перед началом цитации отмечает, что это стихи, не указывая только их размера).

Находящиеся же в заключительной части публикуемого «слова» пространные философские вопросы Григория Нисского и еще более пространные ответы ему Макрины оставлены прозаическими — как бы в ответ на просьбу Души не перелагать их в стихи, а привести «именно такими, каковы они и суть».

Славянский перевод «Диоптры» пословен и, как представляется, весь прозаический. Ритмическая природа соответствующих частей оригинала все же, видимо, отчасти в нем отражается — в свойственном стихам несколько неестественном — по сравнению с прозой — порядке слов, в смысловых вариациях, в синонимических повторениях, в ритме синтаксических конструкций, размер которых часто определяется размером стиха и т. п. При его переводе на современный язык использован и греческий оригинал, — когда это было необходимо для прояснения темных мест славянского текста и восполнения некоторых вредящих смыслу речи пропусков.

Славянский перевод «Диоптры» был сделан не позже третьей четверти XIV в. на Балканах, на Афоне или в Болгарии (в монастыре Григория Синаита в Парории) в среде монахов-исихастов. Очевидно, именно интерес к человеческой личности, возбужденный на Балканах в середине XIV в. «исихастскими» спорами о возможностях человека, ввел «Диоптру» в славянские литературы. Старейшие русские списки «Диоптры» относятся к концу XIV в. «Диоптра» активно распространялась и использовалась на Руси во второй половине XV в.; на нее ссылались и приводили из нее выдержки, чтобы доказать несостоятельность распространивших было мнений о наступлении конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира», т. е. в 1492 г. Переписывали «Диоптру» на Руси по XIX в. включительно. Славянский ее перевод не издан.

Для данной публикации избрано третье «слово» «Диоптры», как наиболее «естественнонаучное» из всех (но при этом не менее литературное, чем остальные). В основу публикации положен список *РНБ*, F.п. 43, конца XIV или начала XV в., происходящий из Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 29 об.—61. Так как в этом списке между лл. 34 и 35 недостает четырех листов (двух центральных двойных листов пятой тетради), для восстановления пропущенной части текста использован список *ГИМ*, Музейское собр., № 3759, XIV в., лл. 67 об.—73 (от слов: «...сьздана бысть, о рабыне? И како бесьмертное мрьтвеному сьпрежено бысть?» до слов: «...облѣчеть навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты въ пусто и невьселено...»). С помощью этого вспомогательного списка, а также другого, *ГИМ*, Чудовское собрание, № 15, XIV в., выправлены также некоторые мелкие дефекты Кирилло-Белозерского, основного для данного издания, списка (правка и мелкие вставки пропущенного выделены курсивом).

Стр. 422. *...конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь...* — В греческом оригинале его имя — Сиртиарий.

Стр. 424. *Невидимая бо его... и от тварей разумѣваема...* — Ср. Рим. 1, 20.

Стр. 426. *Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю... якоже рече и Христосъ в Благовѣствованьих...* — Ср. Мф. 6, 23.

Стр. 428. *«Просяй примет... еже хощет, обрѣтает».* — См. Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

...Пократ... — Иппократ, Гиппократ (460—377 до н. э.), древнегреческий врач, основатель научной медицины, философ, под влиянием идей которого медицина находилась вплоть до Нового времени.

...Галин... — Гален (131—200), крупнейший римский врач, анатом, философ, комментатор трудов Гиппократа.

Ниськый же Григорий... — Григорий Нисский (332—не ранее 394), брат Василия Великого, с. 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов.

Стр. 430. *...душа чьстнѣйши... якоже Христос реклъ есть...* — См. Мф. 16, 26; Мр. 8, 36.

Стр. 432. *Божественный бо апостолъ учит ме сему: «Не все ли суть служьбнии дуси... наслѣдовати царствие».* — Евр. 1, 14.

...Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите... иже есть на небесехь». — Мф. 18, 10.

«Вещьши есть душа пищу»... — Мф. 6, 25.

«Одежде тело болше есть». — Ср. там же.

Стр. 434. *«Въ печелех родиши чеда».* — Быт. 3, 16.

Стр. 436. *«Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».* — Ср. Быт. 3, 5.

...сьврьже иже иногда Денницу... грьдости, ееже ради онь отпаде. — См. Ис. 14, 12—14.

Стр. 442. *Моусии человѣка рече по образу Божию... первозданнаго быти.* — См. Быт. 1, 26.

«И тако дуну на лице его... въ душу живу тогда». — Ср. Быт. 2, 7.

«Елико внѣшний нашь человѣкъ... обнавляеться вяще». — 2 Кор. 4, 16.

«Створим человѣка по образу Своему»... — Быт, 1, 26.

Стр. 444. *«Будите свершени... наш небесный Отець»...* — Мф. 5, 48.

Стр. 446. *...«Вѣмы бо, вѣмы... от Бога, вѣчную и лучшюю».* — Ср. 2 Кор. 5, 1.

«Желание ми есть... на небесѣх быти». — Ср. Фил. 1, 23.

...Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ Бога... в мирѣ убо». — Ср. Прем. 3, 1.; 4, 7. Соломон, сын царя Давида от Вирсавии, его преемник, автор библейских книг Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Екклесиаст и Песнь песней.

И Иоанъ Дамаскынъ... глаголеть: «Душа убо имате... на небеса с славою». — Иоанн Дамаскин (конец VII в.—до 753 г.), по родовому прозвищу Мансур, сириец по происхождению, защитник иконопочитания, великий богослов и гимнограф.

Назианзу Григорие, Василие Великый и Златый во всем языкомъ Иоанъ... — Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329—389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя; Василий Великий (329—379), вселенский отец и учитель Церкви, архиеп. Кесарийский; Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407), отец и учитель Церкви, блестящий писатель и проповедник, епископ Константинополя в 398—404 гг.

...Григорие Богословесный... — Григорий Назианзин, см. предыдущее примеч.

...«предтеча о нас», по гласу Павлову... — Евр. 6, 20.

Стр. 448. *«Възвелъ еси от ада душю мою»...* — Пс. 29, 4.

...рече Пѣснопѣвецъ... — Имеется в виду библейский царь и поэт Давид, автор большей части книги Псалтирь.

«Тогда да възвратяться... грѣшници въ адъ». — См. Пс. 9, 18.

«Падъ убо въ землю... присноживотно, и обрадованно». — Ср. 1 Кор. 15, 41—44.

Стр. 450. *...яко аньгѣли Божии... нѣкогда к садукеим.* — См. Мф. 22, 23—30.

Стр. 454. *«Възлег, почи, якоже левъ»* — Ср. Чис. 24, 9; Вт. 33, 20.

...Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура... — Иоанн Дамаскин, см. примеч. к с. 446.

Стр. 460. *Иоанъ Златы языком сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем... и апостолы же, и мученикы».* — Иоанн Златоуст, см. примеч. к с. 446.

...Григорие Богословный пишет: «Тогда, — рече, — Кесария узрю... брате любезнѣйши». — Григорий Богослов, см. примеч. к с. 446.

...Ефрѣмъ же блаженый... «Тогда, — рече, — своя родителя осудятъ... разлученья и расъпряженья сих». — Ефрем Сирин (ум. 373), сирийский христианский писатель, автор аскети-

ческих и экзегетических произведений, молитв и песнопений; они были переведены на греческий и читались и пелись в церквях.

Афанасий Великый... «Богъ, — рече, — праведником всѣм даровалъ есть... не бывает никакого незазорному». — Афанасий Великий (293—373), архиепископ Александрийский, борец с арианством, автор многочисленных трудов, разъясняющих сущность христианского учения.

Стр. 466. *...разумѣваемъ по Писанию...* — Ошибка либо славянина-переводчика, либо его предшественника писца-грека: слова κατα μορφου — «по форме», были приняты за κατα Γραφῆς — «по Писанию». Исправляем ошибку в переводе на современный русский язык.

...садукей... — Имеются в виду саддукеи, упоминаемые в Евангелиях от Матфея (3, 7; 22, 23—24) и в Деяниях апостолов (4, 1; 23, 6, 8). Так назывались члены одной из религиозных сект Древнего Израиля (в отличие от ессев и фарисев), получившей название от Садока, относительно личности которого существуют разные предположения. Для саддукеев характерно неверие в воскресение мертвых, отвержение талмудических толкований Моисеева Пятикнижия и склонность к буквальному его пониманию. Саддукеем был Каиафа, председательствовавший на осудившем Иисуса Христа на смерть синедрионе.

...Григория Нисьскаго вопрос от Макрииних. — Григорий Нисский, см. примеч. к с. 428. Макрина (ум. в 379 г.) — его старшая сестра, глава общины монахинь, ревностная христианская подвижница, оказавшая большое влияние на Григория, очень им любимая и горько оплакиваемая. После многих лет разлуки Григорий посетил ее, когда она была уже близка к смерти. Состоявшийся между ними тогда разговор был описан Григорием в «Послании к монаху Олимпию» и в трактате «О душе и о воскресении», а затем использован Филиппом Пустынником в «Диоптре».

Стр. 472. *...Данилу желание...* — Пророка Даниила называет «мужем желаний» прилетевший к нему во время молитвы архангел Гавриил. См. Дан. 9, 23.

...Финеесу ярость... — Финеес, сын Елеазара, внук Аарона (Быт. 6, 25), убивший копьем израильтянина, который возлег с мадианитянкой (Чис. 25, 7—8), третий первосвященник иудейский.

«А еже имать кто, что и уповает?» — рече апостолъ. — См. Рим. 8, 24.

Стр. 474. *«Пророчьствия бо, — рече, — упразнятся... николиже не отпадает»* — См. 1 Кор. 13, 8.

«Вѣра же уповаемых съставъ». — Евр. 11, 1.

Стр. 484. *...рече Еуаггелие, яко: «Родися человѣкъ в миръ».* — Ин. 16, 21.

Стр. 486. *...рече Писание, «ниже оку видети, ниже слуху яти, ниже помыслу достиже быти».* — Ср. Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9.

«Речеши же ми убо, како встают мертвии? ...и коемуждо сѣмени свое тѣло». — 1 Кор. 15, 35—38.

Стр. 488. *«Сѣет бо ся, — рече, — во тлю... встает тѣло духовно».* — 1 Кор. 15, 42—44.

...от Писаниа навыкохом, — яко «прозябе земля былье травное»... — Быт. 1, 12.

Стр. 490. *«Подобает бо, — рече, — мертвеному сему... облещися в нетлѣние».* — Ср. 1 Кор. 15, 53.

ИЗ «ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО». ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

Сказания о посмертной судьбе человеческой души издавна вызывали большой интерес у древнерусского читателя. Уже в XI—XII вв. на Руси были известны переводные византийские апокрифы, в которых о загробном устройстве рассказывалось в очень занимательной форме, с привлечением множества подробностей (см. наст. изд., т. 3, с. 306—321). Эсхатологические сказа-

ния существовали преимущественно в двух жанровых разновидностях: герои либо совершали путешествие («хождение») в загробный мир, либо постигали его тайны духовно, в «страшном» видении. В обоих случаях это были «душеполезные» произведения, призванные напомнить об ответственности человека за его земные дела, разрешить сомнения в каком-либо религиозно-нравственном вопросе, вызвать чувство сострадания и привести к покаянию.

Среди переводных эсхатологических сочинений особое место в древнерусской литературе занимает фрагмент из византийского «Жития Василия Нового» (X в.) — «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», которое часто встречается в рукописях как отдельное произведение. В греко-славянской литературе это наиболее полное описание загробных испытаний в греховности — мытарств. «Мних» Григорий, от имени которого ведется повествование в Житии, был удостоен чудесного откровения. В ночном видении ему явилась старица Феодора, прислуживавшая при жизни их общему духовному отцу Василию Новому, и рассказала о своей смерти, о муках ада, о райском блаженстве, но главное — о пройденных ею 21 (20) воздушных мытарствах.

При написании «Хождения...» автор воспользовался уже существовавшей традицией. Учение о мытарствах является каноническим: оно содержится в произведениях церковных писателей IV—V вв. — Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Великого, Кирилла Александрийского и др. После смерти человека его душа, руководимая ангелами, должна подняться по «лествице» мытарств. На каждой ступени ее подстерегают лукавые бесы («мытари»), которые испытывают душу в том или ином пороке и взимают с нее дань. За все свои грехи душа должна расплатиться добрыми делами, совершенными при жизни. Души праведных, у которых добрых дел больше, чем дурных, проходят все мытарства и спасаются. Грешников же бесы свергают своими огненными копьями во «тьму кромешную». Однако если в сочинениях «отцов Церкви» этот эсхатологический миф не получил детальной разработки, то автор «Хождения...» создал на его основе монументальную «эпопею смерти» (Ф. Батюшков), которая поражала воображение средневекового читателя своими яркими мистическими картинами потустороннего мира.

Известное на Руси с XI—XII вв. «Житие Василия Нового» оказало заметное влияние на древнерусскую литературу, изобразительное искусство и фольклор. В XII—начале XIII в. рассказ о мытарствах был использован при составлении «Слова о небесных силах», предположительно атрибутируемого Авраамию Смоленскому. Описание облика Смерти, являющейся к человеку с различными орудиями, включил в свою редакцию «Повести о споре жизни и смерти» неизвестный книжник XVI в. (см. *ПЛДР*, т. 7, с. 48—52). Особую популярность «Житие Василия Нового» приобрело в XVII—XIX вв., преимущественно у старообрядцев.[1] Оно печаталось в старообрядческих типографиях, сохранилось в большом числе списков. Как самостоятельная статья «Хождение Феодоры» помещалось в лицевые рукописные сборники эсхатологического содержания. Известны также старообрядческие настенные лубки XIX в. на этот сюжет. По-видимому, именно «Хождение Феодоры» послужило источником духовных стихов о мытарствах:

«Принесли душу грешную
Ко лестнице ко небесной.
На первую ступень ступила,
И вот встретили душу грешную
Полтораста врагов;
На другую ступень ступила —
Вот и двести врагов;
Вот на третью ступень ступила —
Вот две тысячи врагов возрадовалися:
„Ты была наша потешница!

[1] Этому интересу способствовало также наличие в Житии еще одного пространного эсхатологического рассказа — «Видения мниха Григория» (о Страшном Суде).

Ты была наша наставщица!"
Вот несут они письма да раскатывают,
Да раскатывают, все грехи рассказывают».
(Русские народные песни, собранные П. Киреевским.
Ч. I. Русские народные стихи. М., 1848. № 22).

Сюжет «Хождения Феодоры» бытовал и как устный прозаический рассказ народно-легендарного характера. Одну из таких его фольклорных версий записал Г. С. Виноградов в Восточной Сибири в первой четверти XX в.: «... „Как умерла ты, Федора?" Она говорит: „Чижолая смерть была, жестокая. Сперва смерть пришла с косой, с пилой... Вот вражье набралося к душе (вот правда, станет человек умирать, глаза-то остолбенеют, вытарашшыт, быдто каво боится...), караулят душу вражье. Прилетают несколько анделов. Смерть тогда пилой отпиливает руки и ноги (вот ить сначала ноги и руки отымутца, — это она пилой отпилит...), а потом косой голову снесет. Святые андели облелеют: «Уйди, нечистая сила, отсторонися!» Вот тожно смерть косой голову снесет". — „А каково тебе, Федора, мытарства были?" — „Сорок мытарств прошла, сорок ступенек, и на каждой ступени вражьё кричат: «Душа наша, душа наша!» (Оне всё пишут про нас, все худое, а добро анделы пишут... Оне всё и кричат про грехи). Ох, святой Григорий, чужало проходить мытарства!.. Вот последнее мытарство — блуд. Ох, как я его пройду. Возьмут мою душу вражьё. (Должно, она блудила...). Прошла! Андели говорят: «Душа наша, она очищена»". Вот и прошла она в пресветлый рай». (Виноградов Г. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 312—313).[2]

«Житие Василия Нового» существует в двух основных редакциях: Первая и Вторая русские редакции, которые представляют собой переводы двух разных греческих редакций. Первая редакция является гораздо более полной и древней (XI—XII вв.), хотя самые ранние из сохранившихся ее списков датируются XVI в. (см. Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. I: Исследование; 1911. Ч. 2: Тексты). Текст «Хождения Феодоры» публикуется в Первой редакции по Успенскому списку Великих Миней Четьих: *ГИМ*, Синодальное собр., № 992, л. 658—670 (XVI в.). Отдельные исправления и дополнения вносятся по спискам: *РГБ*, собр. Ниловой пустыни, № 46 (нач. XVI в.); *ГИМ*, собр. Чудова монастыря, № 336 (1779 г.). Сложный синтаксис памятника и наличие «темных мест» не всегда сделали возможным дословный последовательный перевод его на современный язык. Для прояснения смысла отдельных предложений и фрагментов переводчики использовали тексты греческого оригинала и Второй русской редакции.

Стр. 494. *...преподобному...* — Т. е. Василию Новому. Василий Новый — греческий святой; с юных лет принял иночество, скитался в непроходимых пустынных горах, а затем, при императорах Льве Премудром и Константине Багрянородном, подвизался в Константинополе; прославился своими мученическими подвигами, юродством, пророчествами и чудесами; умер в 944 г.

...къ церкви честныа Влахѣрны... Святѣй Богородицы. — Влахернский храм Пресвятой Богородицы был построен в V в. и являлся домовой церковью византийских императоров. С этим храмом связан один из важнейших христианских праздников — Покров Пресвятой Богородицы.

---

[2] Представление о мытарствах вообще очень глубоко вошло в круг народных эсхатологических верований. Побывавшие в загробном мире («обмиравшие») рассказывают о том, что душам умерших приходится взбираться на огромную гору, на которой бесы устроили свои мытарства. (Поднимаются по ней только те, у кого есть ногти). В отдельных уголках России на сороковой день после смерти кого-либо из близких было принято печь длинную пшеничную лепешку с поперечными перекладинами по числу мытарств — «лесенку». Считалось, что, съедая ее, помогают душе усопшего преодолеть на том свете всех духов тьмы.

Стр. 496. *Видяхъ бо по ряду... житие свое.* — Предложение переведено с использованием греческого текста. Дословный перевод соответствующего предложения в греческом оригинале следующий: «И я нечто знаю из Священного Писания о духах лукавых, мне ведь и самому предстоит в скором времени умереть».

Стр. 498. *Эфиопы* (*ефиопы*) — одно из названий бесов в древнерусской литературе.

Стр. 508—510. *Достигохомъ пятагонадесять мытарства... от скверныхь тѣх.* — В греческом тексте и во Второй русской редакции данному фрагменту соответствует описание двух разных мытарств — «кумирослужения» и «мужеложества и детосквернения». В публикуемой редакции произошло объединение этих двух мытарств в одно («кумирослужение»), поскольку при переводе с греческого начало повествования о мытарстве «мужеложества и детосквернения» оказалось опущено. Вследствие этой ошибки сократилось и число мытарств: 20, а не 21.

Стр. 516. *Виссон* — драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань пурпурового цвета. В Священном Писании — символ роскоши и праведности (ср.: «Виссон же есть праведность святых» — Апок. 19, 8).

...яко царьстии гради... — В греческом тексте речь идет о Константинополе.

Авраам, Исаак, Иаков — ветхозаветные патриархи, священные родоначальники еврейского народа (его 12 колен). В христианской иконографии их изображение является неотъемлемым элементом композиции Страшного Суда. Авраам, Исаак и Иаков пребывают в раю (в «лоне Авраамовом»), в их «недрах» находятся младенцы — души праведников.

Стр. 518. *...и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныа в воню благоуханиа.* — Ср. Фил. 4, 18.

Иоанн и Елена — духовные дети Василия Нового, жители Константинополя. В житии рассказывается о том, как Василий чудесным образом исцелил Иоанна от лихорадки («трясавицы»). Постигнув таким образом святость Василия, Иоанн пригласил подвижника жить в его доме. Когда Василия подвергли мучениям по приказу одного из патрициев, Елена, жена Иоанна, заступилась за святого, была жестоко избита и вскоре умерла.

Нардовое миро — ароматная драгоценная мазь, которая производилась из нарда, индийского растения; упоминается в Священном Писании (Иоан. 12, 3).

Стр. 520. *Сардоникс* — священный драгоценный камень красно-белого цвета. В Откровении Иоанна Богослова он упоминается среди камней, украшающих основания стен небесного Нового Иерусалима (Апок. 21, 20).

Стр. 522. *...въ град сей...* — Т. е. в Константинополь.

...труд бо плод своихь снѣси. — Ср. Пс. 127, 2.

Стр. 526. *Иоанн Богослов* — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор четвертого Евангелия, трех Посланий и Откровения.

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

«Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Повесть была очень популярна у древнерусского читателя: она сохранилась в большом числе списков (наиболее ранние датируются XIV в.), проникла в лубочную литературу, была опубликована отдельным изданием типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой (1626 г.). В основе повести лежит «бродячий» сюжет о «кающемся» бесе, известный по византийской агиографии, «Великому Зерцалу», литературному Синодику и устным народным легендам. Повесть разрабатывает одну из важнейших тем христианской литературы — тему благодатности и всесильности покаяния. Бог прощает покаявшихся «великих грешников» (см., например, «Повесть об Андрее Критском» (ПЛДР, т. 10, с. 270—274)), но возможно ли покаяние и восстановление (апокатастасис) самого беса, олицетворяющего собой всемирное зло? Этот вопрос не раз поднимался в богословской литературе — Ориген и Григорий Нисский решали его положительно, однако на поместном Константинопольском соборе 543 г.

Церковь осудила учение об апокатастасисе. В святоотеческой традиции закрепилось мнение: «Чем именно служит для людей смерть, этим для Ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому как и для людей оно невозможно после смерти» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 51). Повесть иллюстрирует эту мысль и в то же время существенно уточняет ее. Покаяние беса не может состояться не потому, что Бог отвергает его, а потому, что бес сам не хочет смириться, «навыкнув бо в гордости своей». Автору повести дорога прежде всего христианская идея свободы выбора между добром и злом, между «тесным» и «широким» путем. Этой свободы и возможности спасения Бог по великому «благоутробию» своему не лишает никого, даже беса.

Повесть была хорошо известна Ф. М. Достоевскому. Она послужила ему одним из источников при написании романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 312—315; Смирнов И. П. Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 217—220). В XX в. повесть пересказал А. М. Ремизов (Ремизов А. Древняя злоба // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 2. Январь. С. 187—190).

Текст повести публикуется по списку: Отдел рукописей Научной библиотеки МГУ, 2 Ст. 170, лл. 129—133 об. (XVI в.). Отдельные исправления сделаны по списку: *ГИМ*, Музейское собр., № 92, лл. 131—134 (XVII в.).

Стр. 528. *Бѣ нький от святыхъ старецъ*... — Согласно некоторым редакциям повести, Антоний Великий (Египетский) (251—356) — один из основателей монашества. «Житие Антония Великого» (IV в.), написанное Афанасием Александрийским, повествует о многочисленных искушениях от бесов, которым подвергался святой. Димитрий Ростовский поместил повесть в свои Минеи Четии под 17 января как приложение к этому житию.

Стр. 530. *Мерзость запустения* — Ср. Дан. 9, 27; 11, 31; 12, 11; Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

Стр. 532. *Калугер* (греч.) — почтенный старец, монах.

...*в вѣчном огни, уготованиѣ Дияволу и аггеломъ его.* — Ср. Мф. 25, 41.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

Повесть была создана в 1520-е гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. В рукописной традиции она бытовала и как самостоятельное произведение, и как посмертное чудо Павла Обнорского, входившее в состав жития этого святого (исследование повести и издание всех ее редакций см.: Пигин А. В. Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 225—292).

Повесть принадлежит к очень популярному в средневековую эпоху жанру видения потустороннего мира. «Страхи и надежды, порожденные ожиданием перехода в мир иной, неотступно преследовали средневекового человека, и он не мог не составить себе каких-то идей об устройстве его. 〈...〉 Обычной формой описания загробного мира в средние века был рассказ о человеке, который чудесным образом оказывался в запредельных краях, после чего возвращался к жизни и открывал окружающим виденное им „там"» (Гуревич А. Я. Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // Тр. по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 8. С. 4).

В древнерусской литературе жанр видения был представлен апокрифами, многочисленными повестями из патериков, Пролога, «Великого Зерцала» и т. д. Особую известность в Древней Руси приобрело откровение «мниха» Григория о загробной участи преподобной Феодоры Цареградской из византийского Жития Василия Нового (X в.). Некоторые мотивы повести об Антонии Галичанине находят близкую аналогию в тексте Жития Василия Нового. Так, бесы, явившиеся к Антонию с различными орудиями и смертной чашей, напоминают облик Смерти из этого памятника

(ср. также с Житием Андрея Цареградского (БЛДР. Т. 2. С. 336, 338)). Очень подробно в Житии Василия Нового описываются и загробные мытарства, которые привели Антония Галичанина в «страх и трепет» («Всѣ есмь мытарьства видѣлъ страшныя...»). Мотив «суда совести» (грехи Антония предстают перед ним в виде неких кругов) разработан в ряде других переводных памятников эсхатологического содержания — в видениях Макария, апостола Павла и др. (см.: Батюшков Ф. Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891). Своей «живописностью», «наглядностью» греховные круги Антония близки книжной миниатюре древнерусских «цветников» и синодиков. По древнерусским представлениям, этот «загробный кинематограф» (В. И. Иванов) ожидает человека и в час расставания его души с телом, и на Страшном Суде, и в аду. «Видѣти будетъ пред собою мучимый вся грѣхи, иже сотвори, якоже на стѣнѣ написана, да вящшую скорбь имать от размышления сего мучитися» (Агапий Критянин. «Грешных спасение» (БАН, 31.6.38, XVII в., л. 186 об.)).

В отличие от многих других средневековых видений в повести об Антонии загробное устройство подробно не изображается. Содержание этого памятника ограничивается тем, что в других видениях служит лишь преддверием к потрясающим воображение эсхатологическим картинам. Антоний предпочитает умолчать о загробной космологии. Его помыслы сосредоточены на собственных переживаниях и физической боли, на воспоминаниях детства, на своей неспокойной совести. Рассказ Антония — это предсмертная исповедь. Она предельно откровенна, порой даже натуралистична, глубоко эмоциональна, изложена простым безыскусным языком. В повести угадывается зарождение тех стилистических черт, которые получат полное художественное развитие в автобиографическом повествовании XVII в. (Житие протопопа Аввакума и др.).

Поскольку в первоначальной редакции повести имя персонажа не названо, текст памятника публикуется в его второй, тоже ранней (1520-е гг.), волоколамской редакции по списку первой половины XVI в. из сборника Фотия, инока Волоколамского монастыря: *РГБ*, Волоколамское собр., № 491, лл. 160—162 об.

Стр. 534. *Андрей* — святой Андрей Критский, день его памяти — 4 июля (по старому стилю).

Павлова пустынь — Троицкий Комельский (Павлов Обнорский) монастырь, основанный в начале XV в. недалеко от Вологды учеником Сергия Радонежского Павлом Обнорским.

СОДЕРЖАНИЕ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Том 8

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

Редактор издательства *Н. М. Пак*
Художественный редактор *Л. В. Грудинская*
Технический редактор *Г. А. Смирнова*
Корректоры *О. М. Бобылева, З. Ю. Иванова, Л. Д. Колосова,*
Я. Л. Сухова и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Л. Н. Напольской*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г. Сдано в набор 11.09.02.
Подписано к печати 26.08.03. Формат 70 × 100 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура антиква. Печать офсетная. Усл. печ. л. 47.5. Уч.-изд. л. 43.6.
Тираж 2500 экз. Тип. зак. № 4471. С 218

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1
main@nauka.nw.ru

Санкт-Петербургская типография «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

ISBN 5-02-028307-X
9785020283077

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА» РАН

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ

XVIII ВЕК

Сборник 23

Книга, подготовленная Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, продолжает научную серию сборников «XVIII век». На конкретном и малоизученном материале специалисты исследуют проблемы эстетики (в частности, представления русских писателей XVIII в. об оригинальности, подражании и плагиате), соотнесенности литературных и литературно-документальных жанров (книжные посвящения), отражения в литературе религиозных и исторических концепций. Хронологически материал, представленный в статьях, охватывает начало XIX в. (от Петра Буслаева до Державина и Карамзина). Значительное внимание уделяется российско-европейским культурным связям, вопросам перевода и выявлению источников. Библиографический раздел включает материалы к библиографии Тредиаковского, список научных трудов И. З. Сермана, хронику заседаний Сектора по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

Для филологов, специалистов по истории русской культуры и литературы XVIII в.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-05-67

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 73; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»); (код 3832) 30-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»); (13) 3-38-60
443022 Самара, проспект Ленина, 2 («Книга — почтой»); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65
199034 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85